

Моя жизнь
Билл Клинтон

Моей матери, подарившей мне любовь к жизни

Хиллари, подарившей мне целую жизнь, полную любви

Челси, наполнившей эту жизнь радостью и смыслом

*И памяти моего деда,
научившего меня относиться с уважением к людям,
на которых другие смотрели свысока,
ибо мы, в конце концов, не такие уж разные*

Bill Clinton

My Life

ALFRED A. KNOPF
NEW YORK
2004

Билл Клинтон

Моя жизнь

Перевод с английского

Москва
2005

УДК 32:354.08(73)(092)+929Клинтон
ББК 66.4(7Сое)
К49

Перевод:

М. Никольский (гл. 1–10), В. Ионов (гл. 11–16), М. Шалунова (гл. 20–22),
Т. Саранцева (гл. 17–19, 23–38), А. Лисовский (гл. 39–55)

Научный редактор В. Ионов

Редакторы Е. Харитоновна, П. Суворова

Клинтон У. Дж.

К49 Моя жизнь / Уильям Джефферсон Клинтон; Пер. с англ. — М.: Альпина
Бизнес Букс, 2005. — 1088 с.
ISBN 5-9614-0187-1

Книга Билла Клинтона — это история реальной жизни выдающейся личности, талантливой и противоречивой, рассказанная со всей прямоотой и откровенностью. Это неординарная книга, написанная неординарным человеком.

Она дает нам возможность проследить путь, пройденный Биллом Клинтонот от заштатного городка Хоуп в Арканзасе до Белого дома. Путь, который он прошел благодаря своей неиссякаемой энергии, упорству и страстному интересу к политике.

Книга Билла Клинтона, кроме того, — еще и подробнейший отчет о событиях, произошедших за время его президентства, который охватывает не только наиболее яркие факты политической жизни, но и детали реальной работы президента: каждодневный поток проблем, личные нападки, конфликты, промахи и удачи. Это захватывающий рассказ президента о работе в условиях непрекращающейся критики со стороны его противников крайне правого толка и о том, как ему удавалось выстоять и одерживать победы.

Книга рассчитана на широкую аудиторию.

УДК 32:354.08(73)(092)+929Клинтон
ББК 66.4(7Сое)

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами без письменного разрешения владельца авторских прав.

© William Jefferson Clinton, 2004.
All rights reserved.
This translation published by arrangement
with Alfred A. Knopf, a division of Random
House, Inc.

ISBN 5-9614-0187-1 (рус.)
ISBN 0-375-41457-6 (англ.)

© Альпина Бизнес Букс, перевод,
оформление, 2005

— СОДЕРЖАНИЕ —

Пролог	7	Глава 30.....	525
Глава 1.....	8	Глава 31.....	536
Глава 2.....	12	Глава 32.....	561
Глава 3.....	21	Глава 33.....	578
Глава 4.....	26	Глава 34.....	593
Глава 5.....	40	Глава 35	603
Глава 6.....	54	Глава 36.....	620
Глава 7.....	62	Глава 37.....	634
Глава 8.....	72	Глава 38.....	653
Глава 9.....	78	Глава 39.....	678
Глава 10.....	92	Глава 40.....	694
Глава 11.....	103	Глава 41.....	703
Глава 12.....	118	Глава 42.....	709
Глава 13.....	123	Глава 43.....	729
Глава 14.....	147	Глава 44.....	746
Глава 15.....	160	Глава 45	760
Глава 16.....	169	Глава 46.....	778
Глава 17.....	190	Глава 47.....	825
Глава 18.....	222	Глава 48.....	866
Глава 19.....	253	Глава 49.....	898
Глава 20.....	269	Глава 50.....	926
Глава 21.....	285	Глава 51.....	941
Глава 22.....	314	Глава 52.....	951
Глава 23.....	332	Глава 53.....	968
Глава 24.....	363	Глава 54.....	988
Глава 25	390	Глава 55.....	1026
Глава 26.....	412	Эпилог	1065
Глава 27.....	441	Благодарности.....	1069
Глава 28.....	468	Именной указатель	1074
Глава 29.....	497		

ПРОЛОГ

Будучи молодым человеком, только что окончившим юридический факультет и готовящимся строить свою дальнейшую жизнь, я в какой-то момент ненадолго отказался от чтения своих любимых произведений художественной литературы и работ по истории и купил книгу из серии сборников практических советов — «Как управлять своим временем и своей жизнью» (*How to Get Control of Your Time and Your Life*) Алана Лейкина. Речь в ней шла о том, что нужно составить перечень краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных жизненных целей, а затем распределить их по степени значимости: самые важные включить в группу «А», затем составить группу «Б» и, наконец, группу «В», после чего под каждой целью перечислить конкретные действия, необходимые для их достижения. У меня до сих пор, вот уже почти тридцать лет, хранится эта книга в мягкой обложке. Уверен, что составленный тогда перечень все еще лежит где-то среди моих бумаг, хотя мне так и не удалось его найти. Однако я помню список «А». Мне хотелось стать хорошим человеком, иметь хорошую крепкую семью, детей, добрых друзей, сделать успешную политическую карьеру и написать замечательную книгу.

Хороший ли я человек, об этом, разумеется, судить Господу Богу. Я знаю, что не настолько хорош, как считают мои самые верные сторонники или каким надеюсь стать, но и не настолько плох, как говорят обо мне мои самые суровые критики. Мне несказанно повезло в семейной жизни с Хиллари, у меня прекрасная дочь Челси. Как и всякую семью, нашу нельзя назвать идеальной, но она просто великолепна. Причины проблем, как известно всему миру, в основном кроются во мне, а залог нерушимости нашей семьи — в любви, которую дарят мне жена и дочь. Ни у кого из моих знакомых никогда не было больше и лучше друзей, чем у меня. В самом деле, можно с полным основанием утверждать, что я достиг должности президента благодаря поддержке моих друзей — теперь уже ставших легендарными «друзей Билла».

Моя жизнь в политике была сплошным удовольствием. Я любил избирательные кампании и любил руководить. Я всегда старался направлять ход событий в нужную сторону, давать большему числу людей возможность осуществить свои мечты, поднимать людям настроение и помогать им становиться ближе друг к другу. Именно благодаря этому мне удавалось добиваться успеха.

Получилась ли книга замечательной — кто знает? Во всяком случае, читать ее наверняка будет интересно.

Я родился ранним утром 19 августа 1946 года, под ясным после неистовой летней грозы небом, у матери-вдовы в больнице имени Джулии Честер в Хоупе — городишке на юго-западе Арканзаса с населением около шести тысяч человек, в тридцати трех милях к востоку от Тексарканы, что на техасской границе. Моя мать назвала меня Уильямом Джефферсоном Блайтом Третьим в честь моего отца Уильяма Джефферсона Блайта-младшего, одного из девяти детей бедного фермера в Шермане, штат Техас, который умер, когда моему отцу было семнадцать лет. По словам его сестер, мой отец всегда старался заботиться о них и был статным, работающим, веселым человеком. Он познакомился с моей матерью в Больнице трех штатов в Шривпорте, штат Луизиана, в 1943 году, когда она училась там на медсестру. Подрастая, я не раз просил мать рассказать мне о том, как они познакомились, встречались и поженились. Отец привез в отделение больницы, где она тогда работала, свою подругу, которой требовалась срочная медицинская помощь, и пока ей эту помощь оказывали, они с матерью разговорились и даже пофлиртовали. Уходя из больницы, он коснулся ее пальца, на котором она носила кольцо, подаренное приятелем, и спросил, замужем ли она. Она пробормотала: «Нет», — у нее тогда никого не было. На следующий день он прислал цветы той, другой женщине — своей приятельнице, и сердце у мамы оборвалось. Потом он назначил маме свидание и объяснил ей, что у него такой обычай — дарить цветы девушке, навсегда расставаясь с ней.

Через два месяца они поженились, и он отправился на войну. Во время высадки союзников в Италии отец служил в объединенном автопарке, где ремонтировал джипы и танки. После войны он возвратился в Хоуп за мамой, и они переехали в Чикаго, где отец вернулся на свою прежнюю работу коммивояжера в Manbee Equipment Company. Они купили небольшой дом в городке Форест-Парк неподалеку от Чикаго, но еще пару месяцев не могли в него въехать. Поскольку мама была беременна мною, мои родители решили, что она поживет в Хоупе до тех пор, пока они не смогут занять новый дом. 17 мая 1946 года, перевезя мебель в новый дом, мой отец отправился из Чикаго за женой в Хоуп. Поздно вечером на 60-м шоссе около Сайкстона, штат Миссури, он потерял управление автомобилем, «бьюиком» 1942 года, из-за того, что на мокрой дороге лопнула шина на правом переднем колесе. Его выбросило из машины, и он упал (или заполз) в дренажную канаву, вырытую для осушения болота. Канавка на три фута была заполнена водой. Когда после двухчасовых поисков отца нашли, его рука сжимала ветку, свисавшую над водой. Он пытался выбраться, но не смог. Отец утонул, когда ему было всего лишь двадцать восемь лет, будучи женат два года и восемь месяцев, из которых только семь прожил с мамой.

Вот вкратце и все, что мне удалось узнать об отце. Всю жизнь я стремился восполнить пробелы, с жадностью хватаясь за каждую фотографию, историю или клочок бумаги, которые могли хоть что-то рассказать о человеке, давшем мне жизнь.

Однажды, когда мне было лет двенадцать, я сидел на крыльце дома моего дяди Бадди в Хоупе, и какой-то человек, поднимаясь по лестнице, взглянул на меня и сказал: «Ты — сын Билла Блайта. Ты — просто вылитый он». Я потом не один день сиял от радости.

В 1974 году я баллотировался в Конгресс. Это были мои первые выборы, и местная газета опубликовала большой документальный очерк о моей матери. Рано утром она как обычно сидела в кафе, обсуждая статью с приятелем-адвокатом, когда один из постоянных посетителей, с которым она была едва знакома, подошел к ней и сказал: «Я был там. Той ночью я первым прибыл на место аварии». Затем он рассказал маме об увиденном, включая и то, что перед смертью отец сохранил остатки сознания или инстинкта выживания, и попытался выбраться из воды. Поблагодарив этого человека, мама пошла к своей машине и расплакалась, а потом вытерла слезы и отправилась на работу.

В 1993 году, в День отца, который я впервые отмечал в должности президента, газета *Washington Post* поместила пространный материал-расследование о моем отце, и на протяжении следующих двух месяцев подобные же статьи публиковали агентство Associated Press и ряд газет рангом пониже. Эти материалы подтверждали вещи, которые нам с матерью были известны. В них также оказалось много такого, чего мы не знали, включая тот факт, что мой отец, судя по всему, был женат три раза, прежде чем познакомился с мамой, и у него осталось по меньшей мере еще двое детей.

Второго сына моего отца, как выяснилось, звали Леон Риценталер, и до выхода на пенсию он был владельцем компании по обслуживанию зданий на севере Калифорнии. В статье он утверждал, что писал мне во время предвыборной кампании 1992 года, но ответа не получил. Я не помню, чтобы мне сообщали о его письме, но, учитывая огромное число чернильных стрел, от которых мы тогда едва успевали увертываться, вполне возможно, что мои сотрудники просто не стали мне его передавать. А может быть, оно затерялось в горах писем, которые мы тогда получали. Так или иначе, прочитав о нем, я связался с Леоном и позже встретился с ним и его женой Джуди во время одной из поездок в северную Калифорнию. Наша встреча была очень теплой, и с тех пор мы по праздникам обмениваемся письмами. Мы с братом очень похожи, в его свидетельстве о рождении вписано имя моего отца, и очень жаль, что я не узнал о его существовании намного раньше.

Примерно в это же время я получил информацию, подтверждающую газетные публикации о Шарон Петтиджон, урожденной Шарон Ли Блайт, родившейся в 1941 году в Канзас-Сити у женщины, с которой мой отец впоследствии развелся. Она прислала Бетси Райт, тогдашней руководителю аппарата сотрудников губернатора, копии своего свидетельства о рождении и свидетельства о браке своих родителей, фотографию моего отца и его письмо, адресованное ее матери, в котором он спрашивал о «нашем

ребенке». С сожалением должен сказать, что мы с ней до сих пор так и не встретились.

Эти новости, появившиеся в 1993 году, были шоком для мамы, которая тогда уже какое-то время лечилась от рака, но она постаралась перенести их спокойно и сказала, что во время кризиса 1929–1932 годов и позже, во время войны, молодежь делала много такого, что в другое время люди бы не одобрили. Для нее имело значение только то, что мой отец был ее единственной любовью, и она не сомневалась в его любви к ней. Что бы там ни говорили, теперь, когда ее собственная жизнь подходила к концу, мама больше ни о чем не желала слышать. Что касается меня, то я не знал, как все это воспринимать, но, с учетом моего образа жизни, меня не особенно удивило, что мой отец оказался сложнее, чем то идеализированное представление о нем, с которым я прожил почти полвека.

В 1994 году, когда приближалось празднование пятидесятой годовщины Дня высадки союзных войск в Европе, несколько газет опубликовали материалы о послужном списке моего отца с его снимком в военной форме. Вскоре после этого я получил письмо от Умберто Барона из Нетконга, штат Нью-Джерси, в котором он описывал, что ему самому довелось пережить во время и после войны. Умберто писал, что детство его прошло в Италии, и он был маленьким мальчиком, когда там высадились американцы. Умберто любил ходить к ним в лагерь, где особенно подружился с одним солдатом, который угощал его конфетами и показывал ему, как работают двигатели и как их ремонтировать. Он знал только, что солдата звали Билл. После войны Умберто Барон приехал в США и, воодушевленный тем, что узнал от того американца, который называл его «маленьким солдатиком», открыл там гараж и обзавелся семьей. Этот человек рассказал мне, что ему удалось осуществить «американскую мечту»: он стал владельцем процветающего бизнеса, и у него подрастают трое детей. Умберто Барон написал, что очень многим из того, чего добился в жизни, обязан тому молодому солдату. У него не было возможности тогда с ним попрощаться, но он часто задавал себе вопрос, что же с ним случилось. А еще Умберто написал: «В этом году в День поминовения я пролистывал за утренним кофе *New York Daily News*, и вдруг меня как молнией ударило. В левом нижнем углу газеты была фотография Билла. У меня мороз пошел по коже, когда я узнал, что Билл был не кем иным, как отцом президента США».

В 1996 году дети одной из сестер моего отца впервые приехали на нашу ежегодную рождественскую вечеринку в Белом доме и привезли мне подарок — письмо с выражением соболезнований, которое моя тетка получила от конгрессмена своего штата, великого Сэма Рейберна, после гибели моего отца. Это было всего лишь коротенькое стандартное письмо, подписанное чернильной авторучкой, но оно вызвало у меня такое ликование, какое испытывает шестилетний мальчик, получив от Санта-Клауса свой первый игрушечный поезд. Я повесил это письмо в своем личном кабинете на втором этаже Белого дома и каждый вечер смотрел на него.

Как-то вскоре после окончания срока моих президентских полномочий на пути к самолету авиакомпании USAir, выполняющему челночный рейс из Вашингтона в Нью-Йорк, меня остановил один из сотрудников и сообщил, что, по словам его отчима, тот во время войны служил вместе с моим отцом и относился к нему с большой симпатией. Я попросил его дать мне телефон и адрес старого ветерана, и этот человек сказал, что у него их с собой нет, но он мне их пришлет. Я до сих пор жду, надеясь получить еще одну ниточку, связывающую меня с отцом.

В конце моего президентства я выбрал несколько особенных мест для того, чтобы выступить перед американским народом со словами прощания и благодарности. Одним из них был Чикаго — город, где родилась Хиллари; где в 1992 году в День Святого Патрика я практически обеспечил себе выдвижение кандидатом в президенты от демократической партии; где живут многие из моих наиболее активных сторонников и где была доказана эффективность большинства моих важнейших внутривластных инициатив в области борьбы с преступностью, социального обеспечения и образования и, конечно же, куда после войны поехали жить мои родители. Я частенько в шутку говорил Хиллари, что, если бы мой отец не погиб на этом залитом дождем шоссе в Миссури, я вырос бы в нескольких милях от нее и мы, вероятно, никогда бы не встретились. Мое последнее выступление состоялось в отеле «Палмер-хаус», где была сделана единственная оставшаяся у меня фотография обоих моих родителей; их сфотографировали перед самым возвращением мамы в Хоуп в 1946 году. После речи и прощальных слов я вышел в небольшую комнату, где встретился с женщиной по имени Мэри Этта Рис и двумя ее дочерьми. Она рассказала мне, что росла и училась в школе вместе с моей матерью, а потом уехала на север, в Индиану, где начала работать на предприятии оборонной промышленности, да так там и осталась: вышла замуж и растила детей. Тогда же я получил от нее бесценный подарок — письмо, которое моя двадцатитрехлетняя мать прислала ей, своей подруге, в день ее рождения, через три недели после гибели моего отца, то есть более пятидесяти четырех лет назад. В этом письме проявился весь мамин характер. Своим красивым почерком она писала о своем горе и о решимости продолжать жить несмотря ни на что: «В тот момент это казалось почти невероятным, но ведь я на седьмом месяце беременности, и мысль о нашем ребенке поддерживает во мне жизнь и открывает передо мной весь мир».

Моя мать оставила мне обручальное кольцо, которое подарила отцу, несколько трогательных историй и уверенность в том, что она любила меня и за него тоже.

Мой отец оставил во мне чувство, что я должен жить за двоих и что, если мне это удастся, я тем самым смогу восполнить ту жизнь, которую должен был прожить он. А память об отце вызывала во мне ощущение собственной брэнности, причем оно появилось у меня гораздо раньше, чем это бывает у других. Сознание того, что и я тоже могу умереть молодым, заставляло меня стараться максимально полно прожить каждое мгновение жизни и достойно справляться с каждым новым испытанием. Я всегда то-ропился, даже если не был уверен, куда именно нужно идти.

— ГЛАВА 2 —

Я родился в день рождения моего деда, за пару недель до срока, с солидным весом в шесть фунтов и семь унций при росте двадцать один дюйм. Из роддома мать привезла меня в дом своих родителей на Харви-стрит в городке под названием Хоуп, где мне предстояло провести следующие четыре года. Этот старый дом казался мне тогда огромным и таинственным, и я до сих пор храню воспоминания о нем. Жители Хоупа собрали средства, чтобы отреставрировать этот дом и заполнить его старинными картинами, памяtnыми вещами и мебелью того времени. Они называют его «местом рождения Клинтона». С ним связаны мои первые жизненные впечатления: запахи деревенской еды; первое представление о маслoбойках, мороженицах, стиральных досках и бельевых веревках; мои детские книжки из серии «Дик и Джейн», мои первые игрушки, в том числе простая цепочка, которая была для меня самой большой ценностью; чужие голоса, говорившие по нашему «спаренному» телефону; мои первые друзья и работа, которую выполняли мои бабуля и дедуля.

Примерно через год моя мать решила, что ей нужно вернуться в Новый Орлеан и снова поступить в благотворительную больницу «Черити хоспитал», где она до этого училась. Она хотела завершить образование и стать медсестрой-анестезиологом. В прежние времена врачи сами занимались анестезией, так что эта относительно новая специальность пользовалась неплохим спросом. Такая работа должна была повысить мамин престиж и наши семейные доходы. Однако это решение, должно быть, далось ей нелегко, поскольку означало расставание со мной. С другой стороны, послевоенный Новый Орлеан представлял собой потрясающее место, где было полно молодежи, музыки в стиле «диксиленд» и обалденных заведений вроде клуба «Май-о-май», где мужчины, переодетые в женские платья, танцевали и пели, подражая прекрасным дамам. Мне думается, это было не самое плохое место, где красивая молодая вдова могла бы пережить свою утрату.

Я побывал у мамы дважды, когда бабушка возила меня на поезде в Новый Орлеан. Мне было тогда всего три года, но две вещи я помню отчетливо. Во-первых, то, что мы останавливались в гостинице «Юнг» на противоположной от Французского квартала стороне Канал-стрит, и жили там на одном из верхних этажей. Это было первое здание высотой больше двух этажей, в котором я побывал, в первом настоящем городе, который мне довелось увидеть. Я помню трепет, который вызывал во мне вид залитого огнями вечернего города. Я не могу воскресить в памяти, что мы с мамой делали в Новом Орлеане, но никогда не забуду то, что произошло в конце одной из этих поездок, когда я сел в поезд, чтобы ехать домой. Как только поезд тронулся, мама опустилась на колени возле железнодорожного по-

лотна и заплакала, прощально махая рукой. Я до сих пор мысленно вижу, как она стоит на коленях и плачет, — так, как будто это было вчера.

После той первой поездки прошло уже более пятидесяти лет, но все это время Новый Орлеан остается для меня местом, исполненным особого очарования. Я люблю его музыку, его еду, его людей и его дух. Когда мне было пятнадцать лет, моя семья отправилась на отдых в Новый Орлеан и на побережье Мексиканского залива, и мне довелось услышать великого трубача Эла Хёрта в его собственном клубе. Вначале меня не хотели пускать, потому что я был еще слишком юн. Мы с мамой уже собирались уходить, когда швейцар сказал нам, что Хёрт сидит в своей машине рядом с клубом и читает и что только он может разрешить пропустить меня. Я нашел его в потрясающем «бентли», постучал в окошко и изложил свои аргументы. Хёрт вышел из машины, провел нас с мамой в клуб и усадил за один из передних столиков. Он и его ансамбль отыграли большой репертуар; я впервые услышал джаз «вживую». Эл Хёрт ушел из жизни в ту пору, когда я был президентом. Я написал его жене письмо, в котором рассказал эту историю, выразив благодарность за доброту, когда-то проявленную большим человеком к мальчишке.

Будучи старшеклассником, я играл соло тенор-саксофона в джазовой сюите «Кресент-Сити», посвященной Новому Орлеану*. Я всегда считал, что это соло у меня неплохо получалось потому, что, исполняя его, я вспоминал свои первые впечатления от города. В возрасте двадцати одного года я победил в конкурсе на стипендию Родса в Новом Орлеане. Наверное, мне удалось показать хорошие результаты отчасти потому, что я чувствовал себя там как дома. Когда я был молодым преподавателем права, мы с Хиллари совершили пару замечательных поездок в Новый Орлеан на съезды и оставались в отеле «Корнсток» — маленькой причудливой гостинице во Французском квартале. В бытность мою губернатором Арканзаса наш штат играл в американский футбол на кубок «Сахарной чаши» с Алабамой и потерпел поражение; это была одна из последних великих побед легендарного тренера — «Медведя» Брайанта. Но ведь родился и вырос-то он в Арканзасе! Когда же я баллотировался на пост президента, жители Нового Орлеана дважды дали мне победить с подавляющим преимуществом, обеспечив нашей стороне голоса выборщиков от штата Луизиана.

С тех пор я повидал большинство величайших городов мира, но Новый Орлеан навсегда останется особенным благодаря кофе с жареными пончиками в кафе «Морнинг Колл» на берегу Миссисипи; музыке Аарона и Шармейн Невилл и старичков из «Презервейшн-холл», а также воспоминаниям об Эле Хёрте; утренним пробежкам по Французскому кварталу; замечательным обедам и ужинам во множестве потрясающих ресторанов в компании с Джоном Брё, шерифом Гарри Ли и другими моими приятелями, а более всего — благодаря тем первым воспоминаниям о моей матери.

---

* Кресент-Сити (англ. Crescent City) — прозвище Нового Орлеана, буквально означающее «город в форме полумесяца» (Новый Орлеан расположен в излучине р. Миссисипи). — *Прим. пер.*

Это — магниты, которые по-прежнему тянут меня вниз по Миссисипи в сторону Нового Орлеана.

Пока мама оставалась в Новом Орлеане, я был на попечении бабушки и деда, которые окружили меня невероятной заботой. Они очень меня любили: как это ни печально, намного больше, чем друг друга или, что касается бабушки, — мою мать. Разумеется, я в то время оставался в блаженном неведении. Я просто знал, что меня любят. Впоследствии, заинтересовавшись проблемами детей, растущих в трудных условиях, и узнав кое-что об их развитии, когда Хиллари работала в Йельском центре изучения ребенка, я начал понимать, каким был счастливчиком. При всех раздорах мои бабушка, дед и мать всегда делали все, чтобы я чувствовал, что я для них — самый важный человек на свете. Чтобы ощутить это, нужен хотя бы один любящий человек. У меня их было целых три.

Моя бабушка, Эдит Гришем Кэссиди, при росте чуть более пяти футов весила около ста восьмидесяти фунтов. Бабуля была яркой, сильной и энергичной женщиной и, судя по всему, в свое время весьма привлекательной. Она заразительно смеялась, но частенько раздражалась, да к тому же ее обуревали навязчивые идеи, суть которых ей самой была не всегда понятна. Все это выливалось в гневные тирады, которые бабушка обрушивала на деда и маму как до, так и после моего рождения, хотя от большинства из них меня всячески ограждали. Она хорошо училась, была честолюбива и после окончания средней школы поступила на заочное отделение Чикагской школы медсестер. Когда я начал ходить, бабушка работала сиделкой у больного неподалеку от нашего дома на Харви-стрит. Я до сих пор помню, как бежал по тротуару ей навстречу, когда она возвращалась домой после работы.

Что касается меня, главным для бабули было, чтобы я как следует ел, хорошо развивался и всегда был чистым и опрятным. Мы ели на кухне за столом, который стоял у окна. Мой высокий стульчик был повернут к окну, и бабуля прикрепляла игральные карты кнопками к оконной раме, чтобы я за едой учился считать. Она не упускала случая пощипать меня, поскольку тогда считалось, что упитанный ребенок — здоровый ребенок, если только его каждый день купают. Хотя бы раз в день она читала мне книги из серии «Дик и Джейн», пока я не научился читать их сам, и отрывки из «Всемирной книжной энциклопедии», которую в то время продавали разносчики и тома которой, если не считать Библии, нередко были единственными книгами в домах простых людей. Этим, видимо, и объясняется, почему теперь я много читаю, люблю играть в карты, воюю с собственным весом и никогда не забываю мыть руки и чистить зубы.

Я обожал своего деда, ставшего первым источником мужского влияния в моей жизни и гордился тем, что родился в день его рождения. Джеймс Элдридж Кэссиди был невысок ростом, около пяти футов восьми дюймов, но в то время еще сохранял силу и красоту. Мне всегда казалось, что дед похож на актера Рэндолфа Скотта.

Когда мои бабушка и дед переехали из Бодкоу, местечка с населением около сотни человек, в «столичный город» Хоуп, дедушка работал в льдо-

хранилище, развозя лед в фургоне на конной тяге. В те времена роль холодильников выполняли ледники, куда загружали куски льда, размер которых зависел от размеров хранилища. При собственном весе около ста пятидесяти фунтов дед переносил глыбы льда весом свыше ста фунтов, взваливая их при помощи пары крюков себе на спину, покрытую большой кожаной накидкой.

Мой дедушка был невероятно добрым и щедрым человеком. Во время кризиса 1929–1932 годов, когда ни у кого не было ни гроша, он приглашал ребятишек развезти вместе с ним лед на его ледовозе только для того, чтобы отвлечь их от улицы. Дедушка давал им по двадцать пять центов в день. В 1976 году, находясь в Хоупе в тот период, когда я баллотировался на пост генерального прокурора штата Арканзас, мне довелось поговорить с одним из тех ребятишек, Джоном Уилсоном, который стал судьей. Он сделал блестящую карьеру и стал известным и преуспевающим адвокатом, но, тем не менее, сохранил яркие воспоминания о тех днях. Ему навсегда запомнилось, как однажды в конце дня, когда мой дед выдал ему его четвертак, он попросил вместо этого два десятицентовика и монетку в пять центов — так казалось, что денег больше. Получив их, Джон пошел домой, звеня мелочью в карманах, но переусердствовал — один из десятицентовиков выпал. Несмотря на многочасовые поиски, монетка так и не нашлась. Даже спустя сорок лет, проходя по этому месту, Джон пытается высмотреть упавшую монетку.

Трудно показать сегодняшней молодежи всю глубину воздействия кризиса тех лет на поколения моих родителей и моих бабушек и дедушек, но я рос с ощущением этого влияния. Одна из самых памятных историй моего детства — рассказ моей матери о Великой пятнице в период кризиса, когда дедушка пришел домой с работы и, не выдержав, расплакался из-за того, что у него не было лишнего доллара на новое платье для дочери к Пасхе. Мама навсегда это запомнила, и в моем детстве, хотел я этого или нет, но каждый год получал к Пасхе новый наряд. Припоминаю одну Пасху в 1950-х годах. Тогда я был довольно толстым и застенчивым. Меня повели в церковь в светлой рубашке с короткими рукавами, белых льняных штанах, розовых с черным туфлях на каучуковой подошве и с подходящим по цвету розовым замшевым поясом. От этого наряда мне было не по себе, однако моя мать оставалась верной порядку, заведенному для Пасхи ее отцом.

У моего деда, когда я жил у него, было два занятия, которые мне очень нравились: он заведовал небольшой бакалейной лавкой и подрабатывал ночным сторожем на лесопилке, где я любил с ним ночевать. Мы брали с собой пакет с сэндвичами на ужин, и я спал на заднем сиденье его машины, а в ясные звездные ночи лазил по грудам опилок, вдыхая волшебные запахи свежераспиленной древесины. Дедуле тоже нравилось там работать. Это позволяло ему выбираться из дома и напоминало о том, как он в молодости, в те времена, когда родилась моя мать, работал на лесопилке. Не считая того раза, когда дед в темноте прищемил мне пальцы дверцей машины, те ночи казались мне самыми настоящими приключениями.

Бакалейная лавка — другая история. Во-первых, там на прилавке стояла большущая банка с печеньем, на которую я любил совершать набеги. Во-

вторых, туда приходили за покупками взрослые, которых я не знал; именно там я впервые столкнулся с людьми, которые не были моими родственниками. В-третьих, среди покупателей в лавке моего дедушки было много чернокожих. Хотя на Юге в то время расовая сегрегация носила крайний характер, в небольших городах межрасовое общение, которое всегда существовало на сельском Юге, было в определенной мере неизбежным. Однако необразованные сельские южане без расистских замашек встречались редко. Именно таким был мой дед. Я видел, что чернокожие выглядят иначе, но, поскольку он обращался с ними так же, как и со всеми другими, справляясь о детях и делах, то считал, что они — точно такие же, как и я. Иногда в лавку приходили чернокожие дети, и мы с ними играли. Прошло немало времени, прежде чем я узнал, что такое сегрегация, предубеждения и бедность и что большинство белых людей совсем не похожи на моих деда и бабушку, чьи расовые представления были в ряду тех немногих моментов, по которым они сходились. По рассказам мамы, крепче всего в жизни ей досталось, когда в возрасте трех-четырёх лет она назвала чернокожую женщину «черномазой». Мягко говоря, трепка, которую ей задавала бабуля, была очень нехарактерной реакцией для бедной белой южанки 1920-х годов.

Как-то мама сказала, что после смерти деда она обнаружила его старые бухгалтерские книги из бакалейной лавки с множеством неоплаченных счетов покупателей, главным образом чернокожих. Она вспомнила, как он говорил, что хорошие люди, которые работают изо всех сил, должны иметь возможность кормить свои семьи. Как бы трудно ни приходилось ему самому, он никогда не отказывался давать продукты в кредит. Наверное, именно поэтому я всегда был сторонником выдачи продовольственных талонов нуждающимся.

Уже став президентом, я услышал еще один отзыв о лавке моего деда. В 1997 году чернокожая американка по имени Эрнестина Кэмпбелл в интервью, опубликованном в газете города Толедо, штат Огайо, рассказала о том, как ее дед покупал продукты у моего деда «в счет будущей оплаты» и как он привел ее с собой в лавку. Она сказала, что помнит, как играла со мной, и что я был «единственным белым мальчиком во всей округе, который играл с чернокожими детьми». Благодаря своему деду я не знал, что был единственным белым ребенком, который это делал.

Помимо лавки деда единственным местом, где мне удавалось общаться с чужими людьми, был квартал, прилегающий к нашему дому. Там я многое пережил. Я видел, как на другой стороне улицы дотла сгорел дом, и понял, что я — не единственный, с кем случаются беды. Я подружился с мальчиком, который собирал всякую живность. Однажды тот позвал меня посмотреть на змею. Он сказал, что она находится в стенном шкафу, открыл его, а потом втолкнул меня туда в темноту и захлопнул дверь со словами: «Теперь ты можешь познакомиться со змеей». Слава Богу, ее там не было, но я, конечно же, до смерти перепугался. Этот случай показал мне, как забава сильного превращается в жестокость по отношению к слабому и в его унижение.

Наш дом находился всего в квартале от тоннеля, расположенного под полотном железной дороги, который тогда был сделан из грубых просмоленных брусев. Я любил по ним лазить, слушать, как грохочут наверху поезда, и гадать, куда они направляются и поеду ли я сам когда-нибудь туда.

Я часто играл на заднем дворе с соседским мальчиком. Он и две его красавицы-сестры жили в доме, который был больше и лучше нашего. Мы часами сидели на траве, бросая нож в землю так, чтобы он в нее воткнулся. Его звали Винс Фостер. Он хорошо относился ко мне и никогда не помыкал мною так, как это делают многие мальчишки с теми, кто помладше. Позрослев, Винс превратился в высокого, красивого, умного, хорошего человека. Он стал крупным адвокатом, моей опорой в начале карьеры и лучшим другом Хиллари в адвокатской фирме Rose. Наши семьи часто встречались в Литл-Роке, главным образом в его доме, где жена Винса Лайза учила Челси плавать. Он вместе с нами пришел в Белый дом и в те безумные первые месяцы был оплотом спокойствия и здравомыслия.

В раннем детстве немалое влияние на меня оказал еще один человек. Это была Одесса — негритянка, которая приходила к нам убираться, готовить и присматривать за мной, пока мои бабушка и дед работали. У нее были крупные выступающие вперед зубы, отчего ее улыбка казалась мне ослепительной и невероятно красивой. Я не терял связи с ней в течение многих лет после того, как уехал из Хоупа. В 1966 году мы с другом навестили Одессу после посещения могил моего отца и деда. Большинство чернокожих в Хоупе жили около кладбища, через дорогу от того места, где когда-то находилась лавка моего деда. Я надолго запомнил нашу встречу на веранде дома, где жила Одесса. Когда настало время уезжать, мы сели в мою машину и поехали по немощеным улицам. Единственным местом, где я видел такие улицы, были негритянские кварталы в Хоупе и, позже, в Хот-Спрингс, перенаселенные людьми, которые много работали, растили детей и исправно платили налоги. Одесса заслуживала лучшего.

Еще одна группа заметных личностей времен моего детства — это родственники: прабабушка и прадед по материнской линии, мои двоюродные бабушка Оти и дедушка Карл Рассел, ну и, конечно, двоюродный дедушка Орен, которого все звали Бадди и который был одним из самых светлых пятен в моей жизни, а также его жена, тетя Олли.

Мои прабабушка и прадед Гришемы жили за городом в небольшом деревянном доме на высоком фундаменте. Поскольку в Арканзасе торнадо случаются чаще, чем где-либо еще в США, большинство людей, живущих в таких хлипких домах, какой был у них, устраивали в земле убежища. Их убежище находилось в переднем дворе, и в нем стояли небольшая кровать и маленький стол с шахтерской масляной лампой. Я до сих пор помню, как заглядывал в этот подвальныйчик, а мой прадед говорил: «Да, иногда туда заползают и змеи, но они тебя не укусят, если будет гореть лампа». Я до сих пор не знаю, было это правдой или нет. Еще одно мое воспоминание о прадеде — его приезд в больницу, куда я попал с переломом ноги в пятилетнем возрасте. Он держал меня за руку, и мы позировали для фотоснимка. Прадед был одет в простой черный пиджак и белую застегнутую на все

пуговицы рубашку и выглядел очень старым, как будто сошел с картины «Американская готика»*.

Сестра моей бабушки Опал — мы называли ее Оти — была красивой женщиной с характерной для всех Гришемов замечательной манерой смеяться, а ее муж Карл, человек тихого нрава, стал первым из известных мне людей, занимавшихся выращиванием арбузов. Песчаная почва в окрестностях города, заливаемая водами реки, идеально подходит для бахчевых культур, а размер арбузов из Хоупа стал предметом гордости его жителей в начале 50-х годов, после того, как они отправили в подарок президенту Трумэну арбуз весом под две сотни фунтов. Лучшие на вкус арбузы, однако, весят не более шестидесяти фунтов. Именно такие выращивал мой двоюродный дедушка Карл; я видел, как он поливал водой из корыта почву вокруг арбузов и как их стебли всасывали ее подобно пылесосу. Когда я стал президентом, Картер Рассел, кузен дяди Карла, еще держал арбузный ларек в Хоупе, где продавались замечательные красные арбузы и сладкие желтые дыни.

Хиллари говорит, что впервые увидела меня в вестибюле юридического факультета Йельского университета, где я хвастался перед своими скептически настроенными сокурсниками величиной арбузов из Хоупа. Когда я был президентом, мои старые друзья из Хоупа выставили несколько арбузов на Южной лужайке Белого дома, и я принялся рассказывать свои арбузные истории представителям подрастающего поколения, которые делали вид, что их интересует предмет, с которым меня когда-то познакомил дядя Оти и дядя Карл.

Брат моей бабушки дядя Бадди и его жена Олли стоят на первом месте в моем расширенном семейном кругу. У них было четверо детей, трое из которых к тому времени, когда я появился на свет, уехали из Хоупа. Дуэйн работал на руководящей должности в обувной фирме в Нью-Хэмпшире. Конрад и Фальба жили в Далласе, хотя оба часто навещали Хоуп и сегодня там живут. Майра, младшая из четверых, была королевой родео. Она была замечательной наездницей и впоследствии сбежала с каким-то ковбоем, родила двух мальчиков, развелась и вернулась домой, где руководила местным жилищным управлением. Майра и Фальба — замечательные женщины, которые умеют смеяться сквозь слезы и никогда не бросят родных и друзей в беде. Я рад, что они до сих пор составляют часть моей жизни. Я проводил много времени в доме Бадди и Олли — не только в свои первые шесть лет в Хоупе, но и еще на протяжении сорока лет, пока Олли не умерла, а Бадди не продал дом и не съехался с Фальбой.

Развлечения в моей семье, как и у большинства людей со скромным достатком, выросших в сельской местности, сводились к еде, беседам и рассказыванию историй. Эти люди не могли позволить себе поехать в отпуск, если и ходили в кино, то очень редко, и не имели телевизоров до второй половины 1950-х годов. Из дому выбирались несколько раз в год — на окружную ярмарку, на праздник арбузов и иногда на танцы или для пения религиозных гимнов. Мужчины охотились, ловили рыбу и выращивали

---

* «Американская готика» (1930) — наиболее известная картина американского художника Гранта Вуда (1892–1942). — *Прим. пер.*

овощи и арбузы на крохотных земельных участках, которые продолжали обрабатывать, даже когда переезжали в город.

Хотя у этих людей никогда не было лишних денег, они не считали себя бедными, раз у них были ухоженный дом, опрятная одежда и достаточно еды, чтобы накормить любого, кто постучится к ним в дверь. Они работали, чтобы жить, а не наоборот.

В детстве я больше всего любил воскресенья, когда мы собирались у Бадди и Олли за большим столом в их маленькой кухне. Типичный воскресный обед состоял из свинины или жаркого с маисовым хлебом, шпинатом или капустой, картофельным пюре, бататом, горохом, зеленой или лимской фасолью, фруктового пирога и огромного количества охлажденного чая, который мы пили из больших стеклянных бокалов. В такие моменты я чувствовал себя взрослее. По особым дням к пирогу добавлялось домашнее мороженое. Если я оказывался там достаточно рано, то помогал готовить еду: лушил фасоль или крутил рукоятку мороженицы. До, во время и после обеда шли непрерывные беседы: обсуждались городские сплетни и семейные дела, и рассказывались бесчисленные истории. Вся моя родня умела это делать так, что рядовые события, встречи и казусы, происходящие с обычными людьми, выглядели драматичными и забавными.

Лучшим рассказчиком был Бадди. Как и обе его сестры, он отличался большими способностями. Я часто думаю, кем бы они могли стать, если бы принадлежали к моему поколению или поколению моей дочери. Но в ту пору было много таких людей, как они. У парня, заливающего бензин в вашу машину, показатель умственного развития мог быть не ниже, чем у парня, вырезающего вам миндалины. В Америке есть еще такие люди, как Гришемы, причем многие из них — новые иммигранты, и именно поэтому я, будучи президентом, старался обеспечить всем вновь прибывшим доступ к образованию.

Бадди, хотя и не блистал образованием, обладал острым умом и благодаря многолетним наблюдениям за людьми и сражениям с бесами, которые одолевали его самого и других членов его семьи, разбирался в человеческой натуре не хуже иных докторов наук. Вскоре после женитьбы у него возникла проблема с выпивкой. И вот однажды Бадди пришел домой и сказал жене, что знает, насколько его страсть к выпивке вредит ей и их семье, и что больше пить не будет. И действительно, более чем за пятьдесят лет он ни разу не приложился к спиртному.

Уже приближаясь к девяностолетнему возрасту, Бадди мог рассказывать потрясающие истории о собаках, которые у него были пять-шесть десятков лет назад. Он помнил, как их звали, как они выглядели, какие у них были привычки, как они ему достались и каким образом собаки находили и приносили подстреленную дичь. Многие люди, проходя мимо его дома, задерживались, чтобы посидеть с ним на крыльце. Когда же они уходили, Бадди был готов рассказать историю о них самих или об их детях, иногда забавную, иногда грустную, обычно полную сочувствия и всегда — понимания.

Я многое почерпнул из услышанного от дяди, теток и бабушки с дедушкой: узнал, что никто не совершенен, но в основном все люди — хорошие; что

человека нельзя оценивать только по тем моментам, когда проявляются его худшие или самые слабые стороны; что беспощадные суждения могут всех нас сделать лицемерами; что успех в жизни во многом зависит от умения произвести нужное впечатление; что смех нередко бывает лучшей, а может, и единственной реакцией на боль. Пожалуй, важнее всего было то, что у каждого есть какая-то история, в которой могут встретиться мечтания и кошмары, надежда и страдания, любовь и потери, храбрость и страх, жертвенность и эгоизм. Всю жизнь меня интересовали истории других людей. Я хотел знать их, понимать и чувствовать. Когда я вырос и занялся политикой, то всегда считал, что суть моей работы заключается в том, чтобы дать людям возможность рассказать о себе побольше хороших историй.

История дяди Бадди оставалась хорошей до конца. В 1974 году у него обнаружили рак легких; одно легкое ему удалили, и он дожил до девяносто одного года. Бадди был моим советчиком в политической карьере, и если бы я последовал его совету и отменил непопулярное решение об увеличении налога с автовладельцев, то, вероятно, не проиграл бы в 1980 году свою первую кампанию по переизбранию на пост губернатора. Дядя Бадди дожил до того времени, когда я стал президентом, что доставило ему много радости. После смерти Олли он занимал себя тем, что спускался в кофейню своей дочери Фальбы и потчевал молодых посетителей историями о жизни разных людей и остроумными наблюдениями. Бадди никогда не терял чувства юмора. В восемьдесят семь лет он все еще водил машину и раз в неделю вывозил на прогулки двух своих приятельниц, одной из которых был девяносто один год, а другой — девяносто три, — каждую в свой день. Когда Бадди рассказал мне о своих «подружках», я спросил: «Так что, теперь тебе нравятся женщины постарше?» Он хихикнул и сказал: «Да, пожалуй. Они все-таки уже слегка остепенелись».

За все годы, что мы прожили вместе, я только однажды видел, как мой дядя плачет. У Олли развилась болезнь Альцгеймера, и ее пришлось поместить в лечебницу. В течение нескольких недель она приходила в себя лишь на несколько минут в день. В эти моменты прояснения сознания она звонила Бадди и говорила: «Орен, как ты мог оставить меня в этом месте после пятидесяти шести лет совместной жизни? Сейчас же приезжай за мной». Он послушно садился за руль, но ко времени его приезда Олли снова погружалась во мрак болезни и не узнавала мужа.

Как раз в то время я однажды днем заехал к Бадди, в последний раз оказавшись в старом доме. Я надеялся подбодрить его, но получилось наоборот: это он рассмешил меня солеными шутками и забавными комментариями по поводу текущих событий. Когда стемнело, я сказал ему, что мне пора возвращаться домой в Литл-Рок. Бадди проводил меня до двери и, когда я уже выходил, схватил за руку. Я обернулся и в первый и единственный раз за почти пятьдесят лет, что мы прожили в любви и дружбе, увидел слезы у него на глазах. Я спросил: «Тяжело?» Никогда не забуду его ответ. Он улыбнулся и сказал: «Конечно, нелегко, но ведь я же взялся тянуть этот воз, и почти всю дорогу получалось не так уж плохо». От своего дяди Бадди я узнал, что у каждого есть своя история. Его история уложилась в одну эту фразу.

Проведя год в Новом Орлеане, мама вернулась домой в Хоуп, полная желания перейти от теории анестезии к практике, радостная от встречи со мной и снова, как раньше, непоседливая и веселая. В Новом Орлеане она встречалась с несколькими поклонниками и неплохо проводила там время, о чем сама написала в автобиографической книге «Следуя голосу сердца» (*Leading with My Heart*), которая, я уверен, стала бы бестселлером, если бы мама пожила еще и смогла заняться ее рекламой.

Однако до своего отъезда в Новый Орлеан и потом, пока она жила там и когда вернулась, мама встречалась с еще одним поклонником — Роджером Клинтонем, местным дилером компании Buick. Она была красивой и мужественной женщиной, потерявшей мужа. Он был дважды разведенным привлекательным беззаботным парнем из Хот-Спрингс, штат Арканзас, — «Города греха», знаменитого тем, что там несколько лет подряд действовало крупнейшее в США подпольное казино. Его брат Реймонд владел в Хот-Спрингс фирмой по продаже «бьюиков», и Роджер, самый младший и несносный из всей семьи, состоявшей из пяти человек, переехал в Хоуп, чтобы подзаработать на испытаниях, которые проводились на Юго-Западном полигоне, и, вероятно, попытаться выйти из тени своего брата.

Роджер любил выпить и повеселиться в компании двух своих лучших друзей из Хот-Спрингс — Вэна Хэмптона Лайелла, владельца фабрики по розливу кока-колы, находившейся напротив фирмы Clinton Buick, и Гейба Кроуфорда, у которого было несколько аптек в Хот-Спрингс и одна в Хоупе. Впоследствии Гейб построил первый торговый центр в Хот-Спрингс и женился на Вирджинии, эффектной девушке, племяннице Роджера, которую я всегда любил и которая была самой первой «Мисс Хот-Спрингс». Их представление о веселье сводилось к тому, чтобы сыграть в карты, хорошенько напиться и от души полихачить на машине, самолете или мотоцикле. Просто чудо, что никто из них не погиб молодым.

Роджер нравился маме, потому что он был щедрым человеком, большим любителем шуток и веселья и уделял мне достаточно внимания. Когда она жила в Новом Орлеане, он несколько раз заплатил за ее проезд до дома, чтобы она могла повидаться со мной, и, по-видимому, он же возместил стоимость моих с бабулей билетов на поезд, когда мы ездили на встречу с мамой.

Дедуле Роджер нравился потому, что он был приветлив со мной и с ним. Какое-то время мой дед, уйдя из льдохранилища из-за серьезных проблем с бронхами, держал винный магазин. В конце войны округ Хемпстед, главным городом которого был Хоуп, проголосовал за введение «сухого закона». Именно тогда дед открыл бакалейную лавку. Позже я узнал, что дедуля продавал спиртное из-под прилавка докторам, адвокатам и прочей

почтенной публике, не желавшей ехать за тридцать три мили в ближайший легальный винный магазин в Тексаркане, а Роджер был его поставщиком.

Бабуле он решительно не нравился: она считала, что Роджер — не тот человек, который нужен ее дочери и внуку. В ее собственном характере, в отличие от мужа и дочери, была темная сторона, но именно поэтому она видела темные стороны в других людях. Бабушка пребывала в уверенности, что от Роджера Клинтона нельзя ждать ничего, кроме беды. Насчет беды она оказалась права, но в отношении «ничего, кроме» ошибалась. В характере Роджера проявились такие черты, которые сделали его историю еще печальнее.

Со мной он был приветлив и, чтобы позабавить меня, приводил к нам большую коричнево-черную немецкую овчарку Сузи. Пожалуй, это все, что я тогда о нем знал. С Сузи связана большая часть моего детства, и с нее началась моя любовь к собакам, которую я пронес через всю жизнь.

Мама и Роджер поженились в Хот-Спрингс в июне 1950-го, вскоре после того как ей исполнилось двадцать семь лет. На бракосочетании присутствовали только Гейб и Вирджиния Кроуфорд. Затем мы с мамой переехали из дома ее родителей к моему отчиму, которого я вскоре стал называть папой, в белый деревянный домик в южной части города, на Тринадцатой улице, 321, на углу с Уокер-стрит. Прошло немного времени, и я начал называть себя Билли Клинтон.

Мир, в который я попал, оказался чрезвычайно увлекательным. По соседству с нами жили Нед и Алиса Уильямс. Мистер Нед, бывший железнодорожник, который теперь был на пенсии, устроил позади дома мастерскую, где соорудил большую и сложную модель электрической железной дороги. В то время каждый мальчуган мечтал иметь игрушечный поезд фирмы Lionel. Папа купил мне такой же, и мы с ним частенько играли, но это не шло ни в какое сравнение с большой и сложной системой рельсовых путей и красивыми скорыми поездами мистера Неда. Я часами пропадал у него, словно у меня по соседству появился свой собственный Диснейленд.

Наша округа могла служить первоклассной рекламой послевоенного демографического взрыва, потому что там было очень много молодых пар с детьми. Через улицу от нас жила самая необычная из всех девочек, которых я знал, — Митци Полк, дочь Майнора и Маргарет Полк. Митци отличалась тем, что громко и раскатисто смеялась. Она так сильно раскачивалась на своих качелях, что державшие их столбы выскакивали из земли, а сама Митци в это время орала во все горло: «Билли сосет бутылку! Билли сосет бутылку!» Она сводила меня с ума. Все-таки я был уже большим мальчиком, и бутылка с соской осталась для меня в далеком прошлом.

Впоследствии я узнал, что эта девочка страдала нарушением умственного развития. Тогда мне этот термин ничего не говорил, но когда я, будучи губернатором, а затем президентом, добивался расширения возможностей для инвалидов, то часто вспоминал о Митци Полк.

За то время, что я жил на Тринадцатой улице, со мной многое произошло. Я начал ходить в детский сад мисс Мэри Перкинс под названием «Шко-

ла для малышей», который любил до тех пор, пока однажды не сломал ногу, прыгая через веревку. Причем это была даже не скакалка, а веревка на детской площадке, привязанная одним концом к дереву, а другим — к качелям. Дети выстраивались в ряд с одной стороны, по очереди разбегались и прыгали через нее. Для всех, кроме меня, это не составляло никакого труда.

Одним из них был Мак Макларти, сын местного дилера компании Ford, впоследствии ставший главой местного отделения юношеской секции Американского легиона, первоклассным защитником футбольной команды, членом Законодательного собрания штата, успешным бизнесменом, а затем — первым руководителем моей администрации в Белом доме. Мак неизменно брал любой барьер. К счастью для меня, он всегда ждал, когда я догоню остальных.

Мне перепрыгнуть через веревку не удалось. Я был коротковат, толстоват и медлителен — медлителен настолько, что однажды оказался единственным ребенком в состязании «Пасхальная охота за яйцами», не получившим ни одного яйца. Это произошло не потому, что я не мог их найти, а потому, что не сумел достаточно быстро до них добраться. В тот день, когда мне захотелось перепрыгнуть через веревку, я пришел в детский сад в ковбойских сапогах и по глупости не снял их перед прыжком. Я зацепился каблуком за веревку, развернулся на лету, упал и услышал, как хрустнула моя нога. Несколько минут, пока папа мчался ко мне из конторы Buick, я пролежал на земле, корчась от боли.

Я сломал ногу выше колена, и, поскольку быстро рос, врач не стал мне ее загипсовывать до самого бедра. Вместо этого он проделал отверстие в лодыжке, протолкнул сквозь него стержень из нержавеющей стали, прикрепил его к стальной подкове и подвесил мою ногу над больничной койкой. Вот так, навзничь, я пролежал два месяца, ощущая неловкость и одновременно радость оттого, что мне не надо ходить в детский сад и что меня навещает так много людей. Перелом заживал долго. После того как я вышел из больницы, мне купили велосипед, но на нем было страшно ездить без страховочных колес. В результате я никак не мог избавиться от ощущения своей неуклюжести и отсутствия чувства равновесия до тех пор, пока в возрасте двадцати двух лет наконец не начал ездить на велосипеде в Оксфорде. Я и тогда падал, но уже смотрел на это как на тренировку с целью повышения болевого порога.

Я был благодарен папе за то, что он поспешил ко мне на выручку, когда я сломал ногу. Он также пару раз приходил домой с работы, чтобы уговорить маму не наказывать меня за проступки. В начале их совместной жизни он действительно старался быть со мной рядом. Я помню, однажды он даже свозил меня на поезде в Сент-Луис, чтобы посмотреть на игру «Кардиналов» — в то время это была единственная бейсбольная команда из национальной лиги, базирующаяся вблизи нашего городка. Там мы переночевали и вернулись домой на следующий день. Я был в восторге. К сожалению, это была единственная поездка, которую мы с ним совершили вместе. Так же, как лишь однажды отправились вместе ловить рыбу. Лишь однажды мы вместе выехали в лес, чтобы срубить рождественскую елку. И лишь однажды

всей семьей съездили в отпуск за пределы штата. Столько всего, что так много значило для меня, больше никогда не повторилось. Роджер Клинтон действительно любил меня и любил маму, но так и не смог до конца вырваться из мрака неуверенности в себе, отделаться от ложного ощущения безопасности, которое давали ему пьяные кутежи и юношеское беспутство. Все это вместе взятое, да вдобавок его отстраненность от мамы и брань в ее адрес помешали ему превратиться в того человека, каким он мог бы стать.

Однажды вечером в пьяном угаре он дошел до точки и устроил с моей матерью потасовку, которую мне никогда не забыть. Мама хотела, чтобы мы поехали в больницу навестить мою прабабушку, которой недолго оставалось жить. Папа сказал, что ей туда ехать нельзя. Они кричали друг на друга в спальне в задней части дома. Почему-то я вышел в холл и подошел к двери их комнаты. В этот момент папа вытащил из-за спины пистолет и выстрелил в сторону мамы. Пуля вошла в стену между тем местом, где стояла она, и тем, где застыл я. Это меня ошеломило и страшно напугало. Прежде я никогда не слышал звука выстрела и, уж конечно, не видел, как стреляют. Мама схватила меня и убежала через улицу к соседям. Вызвали полицию. Я до сих пор мысленно вижу, как полицейские уводят папу в наручниках в тюрьму, где он провел ночь.

Я уверен, что папа не собирался причинять маме боль и что он умер бы, если бы пуля случайно попала в кого-нибудь из нас. Однако до такой деградации его довело нечто более ядовитое, чем алкоголь. Прошло много времени, прежде чем я начал осознавать присутствие таких сил в других и в себе самом. Когда папа вышел из тюрьмы, он протрезвел не только в прямом смысле слова и так устыдился, что довольно долго в нашей жизни не происходило ничего плохого.

В Хоупе я жил и учился еще год. Я пошел в первый класс в Бруквудскую школу; моей учительницей стала мисс Мэри Уилсон. Хотя она была однорукой, это не мешало ей часто нас наказывать. Для этого она пользовалась тростью, в которой были проделаны отверстия, чтобы уменьшить сопротивление воздуха. Мне не раз довелось испытать на себе всю силу воспитательного воздействия этого предмета.

Кроме соседей и Мака Макларти я подружился еще с несколькими детьми, с которыми мы остались неразлучными друзьями на всю жизнь. У одного из них, Джо Первиса, детство было таким, что мое собственное по сравнению с ним казалось идиллией. Он стал прекрасным адвокатом, и, когда меня избрали генеральным прокурором штата Арканзас, я взял Джо к себе в штат. Когда Верховный суд США рассматривал обращение штата Арканзас по делу большой важности, я отправился на заседание, но право выступить в суде предоставил Джо. Член Верховного суда Байрон Уайт по прозвищу «Уиззер» прислал мне записку, в которой написал, что мой друг отлично справился с работой. Впоследствии Джо стал первым председателем фонда «Родные места Клинтона».

Помимо событий, которые касались друзей и семьи, моя жизнь на Тринадцатой улице была отмечена тем, что я открыл для себя кино.

В 1951–1952 годах на поход в кинотеатр хватало десяти центов: пять уходило на билет и еще пять — на кока-колу. Я ходил туда примерно раз в две недели. В то время за один сеанс показывали художественный фильм, мультфильм, сериал и киножурнал. Шла война в Корее, и я и об этом слышал. Главными героями сериалов были Флэш Гордон и «Человек-ракета». Из мультфильмов я предпочитал «Багз Банни», «Каспер — дружелюбное привидение» и «Приключения утенка Хьюи», с которым я, пожалуй, отождествлял себя. Я посмотрел множество кинокартин, и больше всего мне нравились вестерны, а самым любимым был фильм «Ровно в полдень»: за то время, что он шел в Хоупе, я посмотрел его раз пять или шесть, а с тех пор — еще более десяти раз. Он до сих пор остается моим любимым фильмом, потому что это вовсе не типичный вестерн с мужественным героем в главной роли; картина нравилась мне потому, что в ней Гэри Купер, несмотря на испытываемый им смертельный страх, все же действует так, как надо.

После моего избрания президентом я сказал репортеру, что мой любимый фильм — «Ровно в полдень». В то время Фред Зиннеманн, режиссер этой киноленты, которому тогда было около девяноста лет, жил в Лондоне. Я получил от него замечательное письмо с экземпляром режиссерского сценария фильма и фотографию с автографом. На снимке, сделанном в 1951 году, он был изображен с Купером и Грейс Келли в обычной одежде на фоне декораций фильма «Ровно в полдень». На протяжении многих лет, прошедших после первого просмотра этой картины, оказываясь в ситуациях, требовавших вступления в борьбу, я часто вспоминал взгляд Гэри Купера в моменты, когда он понимает, что его ждет почти неминуемое поражение, но он все же, переступив через свои страхи, делает то, что велит ему долг. Неплохой пример для следования ему в реальной жизни.

В то лето, когда я окончил первый класс, папа решил переехать домой в Хот-Спрингс. Он продал свою фирму по продаже «бьюиков» и перевез нас на ферму, раскинувшуюся на четырехстах акрах в нескольких милях к западу от города по Уайлдкэт-роуд. Там паслись коровы, овцы и козы. Чего там не было, так это теплого туалета. По этой причине в течение примерно года, что мы там прожили, в летнюю жару и зимнюю стужу нам приходилось ходить по нужде в деревянную кабинку во дворе. Впечатления это оставило незабываемые. Особенно мне запомнилось, как безобидный уж, который прижился у нас во дворе, глазел на меня через дырку, когда мне приходилось посещать это заведение. Впоследствии, когда я начал заниматься политикой, слова о том, что я когда-то жил на ферме с удобствами во дворе, звучали почти так же сенсационно, как если бы я родился в бревенчатой избушке.

Мне нравилось жить на ферме, кормить животных и находиться среди них — вплоть до одного рокового воскресенья. Папа пригласил нескольких родственников, в том числе своего брата Реймонда с детьми, к нам на обед. Я отправился с Карлой, одной из дочерей Реймонда, погулять в поле, где паслись овцы. Я знал, что в стаде есть один злобный баран, которого следовало обходить стороной, но мы решили испытать судьбу. Это было большой ошибкой. Когда мы отошли от ограды примерно на сотню ярдов, баран увидел нас и бросился в атаку. Мы помчались к ограде. Карла была старше меня и бегала быстрее, так что она успела добежать до изгороди, а я споткнулся о большой камень и упал. Я понял, что баран догонит меня прежде, чем я добежу до изгороди, поэтому решил спрятаться за небольшим деревцем в нескольких шагах от нее. Я надеялся, что смогу спастись, бегая вокруг него, пока не прибудет помощь. Это было еще одной большой ошибкой. Вскоре баран нагнал меня и сбил с ног. Прежде чем я успел встать, он боднул меня в голову. Я был настолько ошеломлен и испытывал такую боль, что подняться уже не смог. А баран попятился, хорошенько разогнался и снова поддал мне изо всех сил. Он проделал это много раз, поочередно нанося мне удары то в голову, то в живот. Вскоре я был весь в крови, и мне было ужасно больно. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем появился мой дядя, поднял камень побольше и метнул его в животное, попав ему прямо между глаз. Баран только потряс головой и, очевидно ничуть не расстроенный, спокойно пошел прочь. Со временем мои раны затянулись, и остался лишь шрам на верхушке лба, который постепенно скрылся под волосами. А еще я узнал, что могу держать удар. К такому выводу я приходил еще пару раз в детстве и в последующей жизни.

Через несколько месяцев после того как мы переехали на ферму, мои родители стали ездить на работу в город. Папа разочаровался в фермерстве

и стал менеджером по реализации запчастей в фирме дяди Реймонда, занимавшейся продажей «бьюиков», а для мамы в Хот-Спрингс нашлось столько работы, связанной с анестезией, что она не знала, как с ней справиться. Однажды, направляясь на работу, она подвезла женщину, которая шла в город. Когда они познакомились, мама спросила ее, не знает ли она кого-нибудь, кто приходил бы к нам и присматривал за мной, пока они с папой заняты на работе. В ответ та предложила свои услуги. Ее появление в нашем доме было одной из самых больших удач в моей жизни. Женщину звали Кора Уолтерс; это была настоящая бабушка, обладавшая всеми достоинствами сельской жительницы старой закалки. Мудрая, добрая, честная, добросовестная и глубоко верующая христианка, Кора стала членом нашей семьи на целых одиннадцать лет. Все ее родственники были хорошими людьми, и после того, как она ушла от нас, к нам стала приходиться ее дочь, Мей Хайтауэр, которая проработала у мамы тридцать лет, до самой маминой смерти. Если бы Кора Уолтерс жила в другое время, из нее мог бы получиться превосходный священник. Благодаря ее примеру я смог стать лучше, а что касается моих грехов, совершенных тогда или позже, она к ним непричастна. Кора была старушкой крутого нрава. Однажды она помогла мне убить огромную крысу, которая разгуливала по нашему дому. Точнее, я ее обнаружил, а Кора прикончила под мои восторженные вопли.

Когда мы переехали на ферму, маму очень беспокоило то, что мне придется учиться в маленькой сельской школе, поэтому она записала меня в католическую школу св. Иоанна в центре города, где я проучился второй и третий классы. Все это время моей учительницей была сестра Мэри Амата Макги, прекрасный и заботливый, но очень строгий педагог. У меня в табеле частенько стояли отличные оценки, а вот по предмету под названием «гражданственность» (так у нас называлось поведение) — посредственные. Я любил читать и участвовать в конкурсах по орфографии, но слишком много говорил. Это было моей вечной проблемой в начальных классах, и, как говорят мои критики и многие из моих друзей, я с ней так до конца и не справился. Мне также однажды влетело за то, что я отпросился в туалет и слишком долго там пробыл, опоздав на ежедневную молитву. Меня пленяла католическая церковь с ее ритуалами и набожностью монахинь, но вот стоять на коленях на сиденье парты, опираясь на ее спинку и держа в руке четки, часто было невыносимо для неугомонного мальчугана, чей прежний церковный опыт ограничивался воскресной школой и посещением в летние каникулы школы по изучению Библии при Первой баптистской церкви в Хоупе.

После того как мы примерно год прожили на ферме, папа решил переехать в Хот-Спрингс. Он арендовал у дяди Реймонда большой дом на Парк-авеню, 1011, в восточной части города. Папа убедил маму в том, что ему удалось купить дом на свои и ее сбережения. Однако даже если сложить их доходы и учесть, что тогда на жилье уходила значительно меньшая часть расходов средней семьи, чем сейчас, я не представляю, как мы могли такое себе позволить. Дом стоял на холме; он был двухэтажным, с пятью спальнями и очаровательным небольшим танцзалом наверху, в котором имелась

барная стойка, а на ней — подобие большого беличьего колеса с двумя огромными игральными костями. Очевидно, прежний владелец дома занимался игорным бизнесом. Я провел много счастливых часов в этом зале, где у нас бывали вечеринки и где мы с друзьями частенько просто играли.

Снаружи дом был выкрашен белой краской с зеленой отделкой. У него была наклонная крыша над передним входом и двускатная — над самим строением. Передний двор был построен в виде трехуровневых уступов; через средний уровень проходила дорожка, а между нижним и средним находилась выложенная из камня стена. Боковые дворики были маленькими, однако там хватало места для того, чтобы мама могла там предаваться своему любимому увлечению — садоводству. Особенно она любила выращивать розы, и каждый дом, в котором она жила, был окружен этими цветами. Так продолжалось до самой ее кончины. Мама легко загорала, покрываясь глубоким темным загаром, главным образом тогда, когда в майке и шортах окапывала почву вокруг цветов. С задней стороны к дому подходила покрытая гравием подъездная аллея, которая вела к гаражу на четыре автомобиля. Там же раскинулась и красивая лужайка с качелями, а по обеим сторонам аллеи шли заросшие травой откосы, спускавшиеся к улице Серкл-драйв.

Мы переехали в этот дом, когда мне было лет семь или восемь, и прожили в нем до тех пор, пока мне не исполнилось пятнадцать. Жизнь здесь была для меня увлекательной. На участке рядом с домом росли кустарник и цветы; он был окружен длинной живой изгородью, поросшей жимолостью и множеством деревьев, включая смоковницу, грушу и две дикie яблони, а перед домом стоял огромный старый дуб.

Я помогал папе ухаживать за участком. Это было единственное, что мы делали по-настоящему вместе, хотя с годами такая работа все больше становилась исключительно моей обязанностью. Наш дом стоял рядом с лесным массивом, так что я постоянно натыкался на пауков, тарантулов, многоножек, скорпионов, ос, шершней, пчел и змей — наряду с более мирными существами, такими как белки, бурундуки, синие сойки, малиновки и дятлы. Однажды, выкашивая газон, я взглянул вниз и увидел гремучую змею, которая ползла рядом с газонокосилкой, очевидно привлеченная исходившей от нее вибрацией. Мне не понравилось ее настроение; я задал стрекача и тем самым избежал неприятностей.

В другой раз, однако, я так легко не отделался. Папа построил в нижней части подъездной аллеи с задней стороны дома большущий трехэтажный птичий домик для ласточек — птиц, которые гнездятся стаями. Однажды я косил там траву и обнаружил, что в домике поселились не ласточки, а шмели. Они облепили меня и кружились вокруг, касаясь рук и лица. Как это ни удивительно, ни один шмель меня не ужалил. Я отбежал от домика, чтобы отдышаться и решить, что делать дальше. Я ошибся, предположив, будто шмели решили, что от меня им не будет никакого вреда, и через несколько минут продолжил косить траву. Не успел я продвинуться на десять ярдов, как они снова меня облепили, но на этот раз принялись беспощадно жалить. Один из них каким-то образом оказался у меня между животом и брючным

ремнем и стал жалить снова и снова: в отличие от пчел, шмели на такое способны. Позже у меня начался жар, и мне пришлось срочно обращаться к врачу, но я достаточно быстро выздоровел, получив для себя еще один ценный урок: шмели делают нарушителям только одно предупреждение, но никак не два. Через тридцать пять с лишним лет Кейт Росс, пятилетняя дочь моих друзей Майкла Росса и Марки Поуст, прислала мне письмо с очень простыми словами: «Берегись пчел. Они кусаются». Что это значит, я знал по себе.

Переезд в Хот-Спрингс намного обогатил мой жизненный опыт: новый город, который был куда больше и современнее прежнего; новый район, новая школа, новые друзья и знакомство с музыкой; мой первый серьезный религиозный опыт в новой церкви и, конечно же, много новых родственников из клана Клинтонов.

Горячие серные источники, в честь которых город получил свое название, бьют из-под земли в узком ущелье в горах Уошито. Они находятся на пятьдесят миль западнее и немного южнее Литл-Рока. Первым европейцем, который их обнаружил, был Эрнандо де Сото: он прошел через долину в 1541 году, увидел индейцев, купающихся в окутанных паром источниках, и, как гласит легенда, решил, что нашел ключ к молодости.

В 1832 году президент Эндрю Джексон подписал законопроект о превращении четырех участков земли вокруг Хот-Спрингс в федеральный заповедник. Это случилось задолго до того, как была учреждена Служба национальных парков США, а Йеллоустон стал нашим первым национальным парком. Вскоре в Хот-Спрингс появились многочисленные гостиницы для приезжих. К 1880-м годам на Центральной авеню — главной улице, змейкой протянувшейся мили на полторы через ущелье в горах, где находились источники, — выросли красивые купальни. Более 100 тысяч человек в год принимали здесь ванны, помогавшие от всех болезней — ревматизма, паралича, малярии, венерических заболеваний. Многие приезжали просто на отдых. В первой четверти XX столетия были построены самые роскошные купальни, и теперь посетители ежегодно принимали здесь более миллиона ванн, а город-курорт получил всемирную известность. После того как его статус был изменен и он из федерального заповедника превратился в национальный парк, Хот-Спрингс стал единственным городом в Америке, расположенным посреди национального парка.

Особую привлекательность городу придавали великолепные гостиницы, оперный театр и, начиная с середины XIX века, игорные заведения. К 1880-м годам в Хот-Спрингс было открыто уже несколько казино, и он наряду со славой популярного курорта стал приобретать и печальную известность. На протяжении нескольких десятилетий перед Второй мировой войной и в годы войны городом руководил мэр Лео Маклохлин — человек, достойный того, чтобы стоять во главе любого большого города. Управлять игорными заведениями ему помогал Оуэн Винсент Мэдден по прозвищу «Оуни» — гангстер, который перебрался в Хот-Спрингс из Нью-Йорка.

Вернувшиеся с войны реформаторы во главе с Сидом Макматом отстранили от власти Маклохлина, и вскоре тридцатипятилетний Макмат стал

самым молодым губернатором в стране. Однако, несмотря на усилия реформаторов, игорный бизнес продолжал действовать до середины 1960-х годов. Его представители откупались, давая взятки политическим деятелям штата, местным политикам и чиновникам в правоохранительных органах. Оуни Мэдден до конца своих дней жил в Хот-Спрингс как «почтенный» гражданин. Маме однажды довелось давать ему наркоз перед операцией. Придя домой, она со смехом рассказала мне, что просмотр его рентгенограммы был равносильен походу в планетарий: сидевшие у него в теле двенадцать пуль напомнили ей метеориты.

Хотя игорный бизнес был незаконным, в Хот-Спрингс мафия не стала прибирать его к рукам; вместо этого у нас появились свои собственные криминальные боссы. Иногда между конкурирующими группировками начинались столкновения, но в мое время насилие всегда носило ограниченный характер. Например, были взорваны гаражи возле двух домов, но произошло это в отсутствие хозяев.

В течение последних трех десятилетий XIX столетия и первой половины XX века игорный бизнес притягивал в город весьма разношерстную публику: преступников, гангстеров, военных героев, актеров и многочисленных звезд бейсбола. Часто навещался к нам легендарный бильярдный катала Миннесота Фэтс. В 1977 году, занимая должность генерального прокурора штата, я сыграл с ним на бильярде, договорившись перечислить доходы от матча одному из благотворительных учреждений в Хот-Спрингс. Фэтс разбил меня в пух и прах, но компенсировал разгром тем, что попотчевал нас историями о своих прошлых приездах в город, когда он днем играл на скачках, затем обедал и весь вечер предавался азартным играм по всей Центральной авеню, увеличивая толщину своего бумажника и своей и без того обширной талии.

Хот-Спрингс привлекал и политических деятелей. Несколько раз здесь побывал Уильям Дженнингс Брайен. В 1910 году сюда приезжал Теодор Рузвельт, в 1927 году — Герберт Гувер, а в 1936 году во время празднования столетия штата город посетили Франклин и Элеанора Рузвельт. Хьюи Лонг с женой провели здесь второй медовый месяц. Джон Кеннеди и Линдон Джонсон побывали в городе еще до того, как стали президентами. Посетил Хот-Спрингс и Гарри Трумэн — единственный, кто играл здесь в азартные игры, или, по крайней мере, единственный, кто этого не скрывал.

К таким достопримечательностям Хот-Спрингс, как игорные заведения и серные купальни, добавлялись большие, ярко освещенные аукционные дома, которые стояли на Центральной авеню вперемешку с казино и ресторанами на противоположной от купален стороне улицы; ипподром «Оуклон», где ежегодно весной на протяжении месяца проводились скачки чистокровных лошадей, потому что в городе существовала легальная возможность поиграть на деньги; игровые автоматы во многих ресторанах, причем на некоторых из них разрешалось играть даже детям, если они сидели на коленях у своих родителей, и три озера неподалеку от Хот-Спрингс, самое крупное из которых — озеро Гамильтон, в окрестностях которого многие важные персоны города, включая дядю Реймонда, имели большие дома. В период летних отпусков в мотели на берегу озера стекались

тысячи людей. Были здесь также ферма аллигаторов, причем самый крупный экземпляр имел длину восемнадцать футов; страусиная ферма, обитатели которой иногда шествовали по Центральной авеню; зоопарк «Ай-Кью» Келлера Бреланда, где помимо многочисленных зверей выставлялся, как считалось, скелет русалки, и дурной славы публичный дом, в котором заправляла Максин Харрис (впоследствии Максин Темпл Джонс) — весьма своеобразная личность. Она в открытую вносила деньги, которые, по сути, были взяткой, на банковские счета представителей местных властей, а в 1983 году написала интересную книгу о своей жизни под названием «Называйте меня “мадам”: Жизнь и времена хозяйки публичного дома из Хот-Спрингс» (*Call Me Madam: The Life and Times of a Hot Springs Madam*). Когда мне было лет десять или одиннадцать, пару раз мы с приятелями по нескольку часов развлекались тем, что непрерывно звонили Максин, занимая ее телефон и не давая настоящим клиентам до нее дозвониться. Это приводило ее в бешенство, и она ругала нас, используя такие крепкие и цветистые выражения, каких мы никогда прежде не слышали от женщин, да и от мужчин тоже. Нас это ужасно веселило. Я думаю, что Максин тоже находила это забавным, по крайней мере первые минут пятнадцать.

Для Арканзаса, штата, населенного главным образом белыми южанами-баптистами и чернокожими, Хот-Спрингс был удивительно пестрым по этническому составу городом, особенно если учесть, что в нем насчитывалось всего 35 тысяч жителей. Довольно внушительную их часть составляло чернокожее население. В городе действовали гостиница «Найтс оф де Питиас» для чернокожих постояльцев, а также две католические церкви и две синагоги. Горожане-евреи владели некоторыми из лучших магазинов и управляли аукционными домами. Лучшим магазином игрушек в городе был «Рики», названный так Силверменами в честь их сына, с которым мы играли в одном оркестре. Ювелирный магазин «Лори», где я покупал безделушки для мамы, был собственностью Марти и Лоры Флейшнер. В городе была также принадлежащая организации «Бнай Брит» больница имени Лео Леви, в которой использовали серные источники для лечения артрита. В Хот-Спрингс я также впервые встретился с американцами арабского происхождения — семействами Зораб и Хассин. После того как родители Дэвида Зораба погибли в Ливане, его усыновил дядя. Дэвид приехал в США в возрасте девяти лет, не зная ни слова по-английски, но в итоге возглавил местное отделение юношеской секции Американского легиона, а на выпускном вечере выступал от имени своего класса. Сейчас он работает нейрохирургом в штате Пенсильвания. Гвидо Хассин и его сестры появились на свет в результате романа американца сирийского происхождения и итальянки во время Второй мировой войны; они были моими соседями, когда я учился в старших классах. Были у меня также приятель японо-американец, Альберт Хам, и одноклассник-чех, Рене Дучак, чьи родители-эмигранты держали ресторан «Малая Богемия». В городе существовала и большая греческая община, имевшая греческую православную церковь и ресторан «Анджело», расположенный рядом с фирмой Clinton Buick, — замечательное старомодное заведение с длинной барной стойкой и столами, покрытыми

скатертью в красно-белую клетку. В ресторане готовили три фирменных блюда: чилийский перец, бобы и спагетти.

Моими лучшими друзьями среди греков стали члены семейства Леопулос. Джордж держал небольшое кафе на Бридж-стрит между Центральной авеню и Бродвеем, который мы считали самой короткой улицей в Америке: он простирался всего на треть квартала. Жена Джорджа, Эвелин, была крошечной женщиной, которая верила в переселение душ, собирала антиквариат и обожала Либерейса*, потрясшего ее тем, что однажды он, будучи на гастролях в Хот-Спрингс, явился к ней отобедать. Младший сын Леопулосов, Поль Дэвид, стал моим лучшим другом в четвертом классе и с тех пор близок мне, как брат.

В пору, когда мы были мальчишками, я любил ходить с ним в кафе его отца, особенно в дни работы ярмарки, потому что там обедали все, кто на нее приезжал. Однажды устроители подарили нам билеты на все аттракционы. Мы их полностью использовали, и Дэвид был счастлив, а у меня закружилась голова и скрутило живот. После этого я старался кататься только на аттракционе «Сталкивающиеся автомобили» и на чертовом колесе. Мы с Дэвидом пережили вместе столько взлетов и падений, что хватило бы на целую жизнь, а веселья и смеха — на все три.

То, что друзья моей юности и мои знакомые — люди совершенно разные, сегодня выглядит вполне нормальным, но в Арканзасе 1950-х годов такое было возможно только в Хот-Спрингс. При всем при том большинство моих друзей и я сам вели довольно нормальную жизнь, если не считать звонков в бордель Максин и искушения сорваться с уроков во время сезона скачек, которому я сам никогда не поддавался, но против которого кое-кто из моих одноклассников по средней школе устоять не мог.

С четвертого по шестой классы моя жизнь протекала главным образом на Парк-авеню. Район, где мы жили, был очень интересным. На восток от нашего дома до самого леса стояли в ряд красивые дома, еще один их ряд располагался позади нашего дома на Серкл-драйв. Дэвид Леопулос жил в паре кварталов от нас. Моими самыми близкими друзьями среди соседей было семейство Крейн. Они жили в большом старом и таинственном на вид деревянном доме напротив подъездной аллеи, шедшей позади моего дома. Тетя Дэн, тетка Эди Крейна, водила детей Крейнов, а часто и меня, повсюду — в кино, в парк «Сноу-Спрингс», чтобы поплавать в водоеме, наполненном очень холодной ключевой водой, и в Уиттингтон-парк, чтобы поиграть в мини-гольф. Роза, старшая из детей, была моей ровесницей. Ларри, среднему ребенку, было на пару лет меньше. Мы всегда замечательно ладили, кроме одного раза, когда я огорошил его новым словом. Мы играли с Розой у меня на заднем дворе, когда я сказал Ларри, что у него проглядывает эпидермис. Это его взбесило. Тогда я сказал ему, что у его

---

* Владзиу Валентино Либерейс (1917–1987) — популярный эстрадный музыкант, занесен в Книгу рекордов Гиннеса как самый высокооплачиваемый пианист в мире. — *Прим. пер.*

матери и отца он тоже проглядывает. Это было последней каплей. Ларри помчался домой, схватил нож, прибежал обратно и бросил его в меня. Хотя он и промахнулся, с тех пор я избегал хвалиться новинками своего словарного запаса. Мэри Дэн, самая младшая, просила меня подождать, пока она подрастет, чтобы мы могли пожениться.

На улице напротив нашего дома было скопление небольших предприятий, и среди них — маленький гараж, сделанный из листовой жести. Мы с Дэвидом частенько прятались за дубом и кидались желудями в жестяные стенки гаража, чтобы грохотом вывести из себя парней, которые там работали. Иногда мы еще старались попасть в колпаки на колесах проезжавших мимо автомобилей, и, когда попадали, раздавался громкий отрывистый стук. Однажды водитель одной из наших мишеней внезапно остановил машину, вышел из нее, увидел, что мы прячемся за кустом, и погнался за нами. После этого я уже не увлекался метанием желудей в автомобили, но все же это была хорошая забава.

Рядом с гаражом было кирпичное здание, в котором располагались бакалейная лавка, прачечная самообслуживания и «Стабби» — маленький ресторанчик-барбекю, где посетителей обслуживали его хозяева и где я любил в одиночестве посидеть за едой возле окна, пытаюсь представить себе, как живут люди, сидящие в проезжающих мимо машинах. Свою первую работу я получил в тринадцать лет в этой самой бакалейной лавке. Ее владельцу, Дикку Сандерсу, было уже около семидесяти. Как и многие люди его возраста в то время, он считал, что быть левшой — плохо, и решил исправить меня, закоренелого левшу. Однажды он поручил мне расставлять на полке большие банки майонеза «Хеллман» по восемьдесят девять центов за штуку, причем делать это правой рукой. Я неудачно поставил одну банку, и она упала на пол, превратившись в кучку битого стекла, перемешанного с майонезом. Сначала я все это убрал. Затем Дик сказал мне, что ему придется вычестить стоимость разбитой банки из моего жалованья. Платил же он мне доллар в час. Я собрался с духом и сказал: «Послушайте, Дик, у вас может быть хороший помощник-левша за доллар в час, но вы не получите неуклюжего помощника-правшу бесплатно». К моему удивлению, он рассмеялся и согласился. Дик даже позволил мне начать мое первое собственное дело — продажу с лотка перед его магазином бывших в употреблении комиксов, которых у меня было два полных чемодана. Поскольку я их бережно хранил, комиксы были в прекрасном состоянии и хорошо раскупались. В то время я был горд собой, хотя теперь знаю, что, если бы тогда их сохранил, сегодня они представляли бы большую ценность для коллекционеров.

Рядом с нашим домом, чуть на запад, в сторону центра города, находился мотель «Перри Плаза». Мне нравились супруги Перри и их дочь Тавия, которая была на год или два старше меня. Однажды я был у нее в гостях, когда ей только что подарили новое ружье, стреляющее шариками. Мне было тогда лет девять или десять. Тавия бросила на пол пояс и сказала, что, если я через него перешагну, она в меня выстрелит. Конечно же, я шагнул. И она в меня выстрелила. Тавия попала мне в ногу, а могло быть и хуже, и я решил быть осмотрительнее, когда кто-нибудь блефует.

Я помню кое-что еще о мотеле семейства Перри. Он располагался между Парк-авеню и Серкл-драйв и представлял собой двухэтажное здание из желтого кирпича. Иногда номера в нем и в других мотелях и меблированных комнатах города арендовали на недели или даже месяцы. Как-то некий мужчина средних лет снял там на долгий срок самый дальний номер на втором этаже. И вот однажды туда приехала полиция и увезла его. Как выяснилось, он там делал аборт. До тех пор я и понятия не имел о том, что это такое.

Дальше на Парк-авеню была небольшая парикмахерская, где мистер Бризендайн стриг мне волосы. Примерно за четверть мили от парикмахерской Парк-авеню упирается в Рэмбл-стрит, которая тогда вела на юг, вверх по холму, к моей новой школе — начальной школе «Рэмбл». Учась в четвертом классе, я начал играть в нашем школьном оркестре вместе с учениками начальных школ со всего города. Директор школы, Джордж Грей, замечательно умел подбодрить малышей, и мы вовсю дули в свои пронзительно звучащие инструменты. Я около года играл на кларнете, а затем перешел на тенор-саксофон, потому что оркестру был нужен тенор-саксофонист, и ни разу об этом не пожалел. Мое самое яркое воспоминание о пятом классе — обсуждение проблемы памяти, во время которого один из моих одноклассников, Томми О'Нил, сказал нашей учительнице миссис Каристианос, что, как ему кажется, он помнит момент своего рождения. Не знаю, то ли у него было чересчур живое воображение, то ли в голове винтика не хватало, но он мне нравился, и я считал, что наконец-то встретил человека, чья память даже лучше моей.

Кэтлин Шаер, учившую меня в шестом классе, я просто обожал. Как и многие другие педагоги ее поколения, она не выходила замуж, целиком посвятив свою жизнь ученикам. Кэтлин Шаер и ее кузина, которая сделала для себя такой же выбор, дожили почти до девяноста лет. Будучи нежной и доброй, мисс Шаер считала, что любовь должна быть суровой. Накануне скромной церемонии окончания начальной школы она задержала меня после занятий и сказала, что я должен был окончить школу первым учеником в классе, наравне с Донной Стандифорд. Вместо этого из-за моих низких оценок по «гражданственности» — к тому времени мы уже могли называть это «поведением» — я скатился до уровня третьего ученика. Мисс Шаер сказала: «Билли, когда ты вырастешь, ты либо станешь губернатором, либо попадешь в беду. Все зависит от того, насколько хорошо ты усвоишь, когда можно говорить, а когда лучше помолчать». Как оказалось, она была права по обоим пунктам.

Когда я учился в школе «Рэмбл», у меня развился интерес к чтению, и я открыл для себя публичную библиотеку округа Гарленд, которая находилась в центре города рядом со зданием суда и офисом фирмы Clinton Buick. Я просиживал там часами, роюсь в книгах и поглощая их в большом количестве. Больше всего меня увлекали рассказы о коренных американцах, и я читал детские книги с жизнеописаниями Джеронимо, великого вождя апачей; Неистового Коня, вождя племени лакота-сиу, который убил генерала Кастера и разбил его отряды при Литл-Бигхорне; вождя племени «не-персе»

(«проколотые носы») Джозефа, который заключил мир, произнеся яркую фразу: «С момента, где сейчас стоит солнце, я больше никогда не буду сражаться»; а также великого вождя семинолов Оцеолы, создавшего алфавит для своего племени. Мой интерес к коренным американцам и мое чувство, что с ними очень плохо обошлись, никогда не угасали.

И, наконец, еще одним значимым для меня местом на Парк-авеню была первая церковь, которую я начал по-настоящему посещать, — баптистская церковь на Парк-плейс. Хотя мама с папой бывали там только на Пасху и иногда на Рождество, маме очень хотелось, чтобы я туда ходил, что и я делал почти каждое воскресенье. Я любил принарядиться и пройти пешком до церкви. Примерно лет с одиннадцати и до окончания средней школы моим учителем был А. Б. «Сонни» Джеффрис. Его сын Берт учился в моем классе, и мы стали близкими друзьями. Из года в год каждое воскресенье мы вместе ходили в воскресную школу и церковь и всегда сидели на задних рядах, нередко пребывая в своем собственном мире. К 1955 году я усвоил достаточное количество церковных догматов, чтобы осознать свою греховность и просить спасения у Иисуса. Поэтому однажды в конце воскресной службы я подошел к алтарю, сказал, что верю в Христа, и попросил, чтобы меня крестили. Преподобный Фицджеральд пришел к нам домой, чтобы побеседовать с мамой и со мной. Баптисты допускают к крещению только людей, сознательно исповедующих веру; они хотят, чтобы каждый человек отдавал себе отчет в том, что делает. В этом и заключается отличие от методистского обряда обрызгивания водой младенцев, которому ради спасения от ада подверглись Хиллари и ее братья.

Нас с Бертом Джеффрисом крестили вместе в воскресный вечер в компании с еще несколькими людьми. Крестильная купель располагалась чуть выше, чем хоры. При открытой занавеси прихожанам был виден пастор в белом одеянии, окунавший спасаемых в воду. В очереди прямо перед нами с Бертом стояла женщина, явно боявшаяся воды. Она дрожала, спускаясь по ступенькам в купель. Когда пастор, зажав ей нос, окунул ее голову в воду, она буквально одеревенела; ее правая нога взлетела вверх и опустилась на узкий стеклянный козырек, прикрывавший хоры от брызг. Женщина зацепилась пяткой, и ей никак не удавалось освободить ногу, так что, когда пастор попробовал поднять ее, она даже не сдвинулась с места. Поскольку он смотрел на голову, погруженную в воду, то не видел, что произошло, и продолжал попытки вытащить женщину из воды. Наконец он оглянулся, понял, в чем дело, и снял ногу бедной женщины с козырька, прежде чем она утонула. Мы с Бертом чуть животы не надорвали. У меня невольно появилась мысль, что, если у Иисуса хватило чувства юмора на такое, быть христианином, должно быть, не так уж тяжело.

Помимо новых друзей, новой округи и новых школы и церкви, в Хот-Спрингс у меня появилась новая большая семья. Моими неродными дедушкой и бабушкой были Эл и Эула Мей Корнуэлл Клинтон. Папаша Эл, как мы все его называли, был родом из Дарданелла в округе Йелл — красивого лесистого местечка в семидесяти милях к западу от Литл-Рока вверх

по реке Арканзас. Именно там он и его жена познакомились и поженились после того, как ее семья переехала туда из штата Миссисипи в 1890-х годах. Мы называли мою новую бабушку мамашей Клинтон. Она принадлежала к огромному семейству Корнуэлл, расселившемуся по всему штату Арканзас. Если считать всех Клинтонов и родных моей матери, то у меня появились родственники в пятнадцать из семидесяти пяти округов Арканзаса, что оказалось для меня огромным преимуществом в начале моей политической карьеры — во времена, когда личные связи значили куда больше, чем дипломы или позиция по тому или иному вопросу.

Папаша Эл был ниже ростом и худощавее, чем дедуля, и отличался добрым, мягким характером. Впервые я увидел его, когда мы еще жили в Хоупе и он заглянул к нам, чтобы повидать сына и его новую семью. Папаша Эл в тот раз был не один. Тогда он работал офицером службы штата по надзору за условно-досрочно освобожденными и как раз сопровождал одного из них, по-видимому возвращавшегося из отпуска, к месту заключения. Когда папаша Эл вышел из машины, чтобы зайти к нам в дом, оказалось, что заключенный прикован к нему наручниками. Выглядело это очень забавно, потому что арестант был огромным детиной раза в два крупнее своего конвоира. Но папаша Эл говорил с ним мягко и уважительно и, судя по всему, заключенный тоже хорошо к нему относился. Об этом случае мне известно только то, что папаша Эл благополучно и вовремя доставил порученного его заботам арестанта назад в тюрьму.

Папаша Эл и мамаша Клинтон жили в маленьком старом доме на вершине холма. Позади дома папаша Эл развел огород, которым очень гордился. Он дожил до восьмидесяти четырех лет, и, когда ему уже перевалило за восемьдесят, в его огороде вырос помидор весом в два с половиной фунта. Я мог его удержать только обеими руками.

В доме властвовала мамаша Клинтон. Она была добра со мной, но умела управлять окружающими ее мужчинами, а с папой всегда обращалась как с маленьким, всячески потакая ему, и, может быть, именно поэтому он так до конца и не повзрослел. Мамаша Клинтон любила маму, которая лучше, чем большинство других членов семьи, умела слушать ее жалобы на жизнь и давать разумные, сочувственные советы. Она дожила до девяноста трех лет.

Папаша Эл и мамаша Клинтон произвели на свет пятерых детей: одну девочку и четырех мальчиков. Девочка, тетя Илари, была вторым ребенком в семье. Ее дочь Вирджиния по прозвищу Сестра была тогда замужем за Гейбом Кроуфордом и дружила с мамой. С возрастом в характере Илари появлялось все больше странностей. Однажды, когда мама была у нее в гостях, Илари пожаловалась, что ей стало трудно ходить, подняла юбку и показала огромный нарост на внутренней стороне ноги. Почти сразу же после того как она познакомилась с Хиллари, Илари точно так же подняла юбку и продемонстрировала ей опухоль. Это оказалось хорошим началом их отношений. Она стала первой из Клинтонов, кому по-настоящему понравилась Хиллари. Мама в конце концов убедил Илари согласиться на операцию, и она впервые в жизни полетела на самолете, чтобы лечь в клинику Мейо. К тому времени, когда ей удалили опухоль, та уже весила девять фунтов, но

каким-то чудом раковые клетки не распространились дальше по ноге. Мне рассказали, что в клинике эту удивительную опухоль какое-то время хранили, чтобы изучать. Когда бойкая старушка Илари вернулась домой, выяснилось, что она больше боялась своего первого полета, чем опухоли или операции.

Старшим сыном в семье был Роберт. Он и его жена Эвелин — тихие люди, которые жили в Техасе и вполне довольствовались тем, что принимали Хот-Спрингс и остальное семейство Клинтон в малых дозах.

Второй сын, дядя Рой, держал магазин, где торговал кормом для животных. Его жена Джанет и моя мама, две самые сильные личности среди членов семьи, не состоявших с Клинтонами в кровном родстве, крепко подружились. В начале 50-х годов Рой баллотировался в Законодательное собрание штата и победил. В день выборов я раздавал в нашей округе карточки с призывами голосовать за него настолько близко от избирательного участка, насколько позволял закон. Так я начал набираться политического опыта. Дядя Рой проработал только один срок. Он всем очень нравился, но не стал переизбираться на второй срок — я думаю, потому, что Джанет ненавидела политику. Почти каждую неделю на протяжении многих лет Рой и Джанет играли в домино с моими родными поочередно то у нас, то у них дома.

Реймонд, четвертый ребенок в семье, был единственным из Клинтонов, у кого водились деньги и кто последовательно занимался политикой. Он принимал участие в реформировании Вооруженных сил США после Второй мировой войны, хотя сам не служил. Реймонд-младший по прозвищу «Корки» («Весельчак») — единственный из Клинтонов, кто был моложе меня. Он отличался большими способностями и стал ученым, сделавшим блистательную карьеру в НАСА.

У мамы всегда были сложные отношения с Реймондом, потому что он любил всем заправлять, а из-за папиного увлечения выпивкой нам приходилось прибегать к его помощи чаще, чем бы ей хотелось. Только что переехав в Хот-Спрингс, мы даже ходили в церковь дяди Реймонда, Первую пресвитерианскую, хотя мама была, по крайней мере номинально, баптисткой. Пастором в то время служил преподобный Оверхользер — замечательный человек, который произвел на свет двух столь же замечательных дочерей: Нэн Киохейн, ставшую президентом Колледжа Уэллсли, альма-матер Хиллари, а затем первой женщиной — президентом Университета Дьюка, и Джениву Оверхользер, которая была редактором газеты *Des Moines Register* и поддерживала меня, когда я баллотировался в президенты, а позже стала уполномоченным по рассмотрению жалоб в *Washington Post*, где излагала законные жалобы широкой публики, но не президента.

Несмотря на то что мама недолюбливала Реймонда, мне он нравился. Меня впечатляли его сила, его влияние в городе и тот неподдельный интерес, с которым он относился к своим детям и ко мне. Его эгоцентричные причуды не особенно меня беспокоили, хотя мы были абсолютно разными, как день и ночь. В 1968 году, когда я выступал в гражданских клубах Хот-Спрингс с речами в защиту гражданских прав, Реймонд поддерживал Джорджа Уоллеса на президентских выборах. Однако в 1974 году, когда

я начинал, казалось бы, безнадежную кампанию за место в Конгрессе, Реймонд и Гейб Кроуфорд совместно внесли в фонд кампании 10 тысяч долларов в качестве стартовой суммы. Тогда для меня это были огромные деньги. Когда после более сорока пяти лет совместной жизни умерла жена Реймонда, он возобновил знакомство с женщиной, с которой встречался, еще учась в школе, и она, будучи вдовой, вышла за него замуж, озарив счастьем его последние годы. По какой-то причине, которую я сейчас и не вспомню, Реймонд в конце жизни рассердился на меня. Прежде чем мы успели помириться, у него развилась болезнь Альцгеймера. Я дважды навещал его: один раз в больнице Св. Иосифа и еще раз — в интернате для престарелых. Во время первого посещения я сказал ему, что люблю его, сожалею о том, что между нами произошло, и буду всегда благодарен ему за все, что он для меня сделал. Возможно, одну-две минуты Реймонд понимал, кто я такой, хотя я в этом не уверен. Во второй раз он определенно меня не узнал, но я все равно хотел еще раз его увидеть. Он умер в восьмидесяти четыре года, как и моя тетя Олли, спустя довольно много времени после того, как его оставил разум.

Реймонд и его семья жили в большом доме на берегу озера Гамильтон, куда мы частенько приезжали на пикники и для прогулок на его большой деревянной моторной лодке «Крис-Крафт». Каждый год мы с обильными фейерверками праздновали там Четвертое июля. После смерти Реймонда его дети с большим сожалением решили, что им придется продать старый дом. К счастью, потребовалось помещение для моих библиотеки и фонда. Мы купили этот дом, чтобы разместить их там, и сейчас ремонтируем его, так что дети и внуки Реймонда по-прежнему смогут им пользоваться. Теперь он, наверное, улыбается, взирая на меня с небесных высот.

Вскоре после того как мы переселились на Парк-авеню, кажется в 1955 году, родители моей матери переехали в Хот-Спрингс, в небольшую квартиру в старом доме на нашей улице, примерно в миле от нас в сторону центра города. Переезд был обусловлен главным образом состоянием их здоровья. Бронхоэктазия дедули продолжала прогрессировать, а у бабули был удар. Дедуля получил работу в винном магазине, которым, как мне кажется, частично владел папа, прямо напротив парикмахерской мистера Бризендайна. У него оказалось много свободного времени, поскольку даже в Хот-Спрингс большинство жителей были слишком консервативными, чтобы ходить по винным магазинам среди бела дня, так что я часто навещал его там. Дедуля увлекался пасьянсами и обучил меня этому занятию. Я до сих пор раскладываю три разных вида пасьянса, чаще всего когда обдумываю какую-нибудь проблему и мне нужно дать выход нервной энергии.

Удар у бабули был очень серьезным, и после него она заходила в истерическом крике. Чтобы успокоить ее, врач совершил непростительный поступок, прописав ей морфий в больших количествах. Мама перевезла их с дедулей в Хот-Спринг, когда бабуля уже пристрастилась к морфию. Ее поведение стало еще менее осмысленным, и мама в отчаянии, скрепя сердце поместила ее в психиатрическую больницу штата мильх в тридцати от Хот-

Спрингс. Я не думаю, что в то время существовали какие-либо средства для лечения от наркотической зависимости.

Разумеется, я тогда ничего не знал о ее проблеме; мне сказали только, что она больна. И вот мама отвезла меня в больницу, чтобы навестить бабулю. Это было ужасно: настоящий сумасшедший дом. Мы вошли в просторную комнату, где для создания прохлады работали электрические вентиляторы, заключенные в огромную металлическую сетку, чтобы пациенты не могли дотронуться до них руками. По комнате бесцельно бродили полубезумного вида люди в мешковатых хлопчатобумажных платьях или пижамах, бормоча что-то себе под нос или крича в пространство. Бабуля, однако, выглядела нормальной; она была рада нас видеть, и мы хорошо с ней поговорили. После нескольких месяцев лечения она достаточно пришла в себя, чтобы вернуться домой, и больше уже никогда не употребляла морфий. Ее болезнь позволила мне впервые воочию увидеть ту систему лечения психических заболеваний, которая существовала тогда для большинства американцев. Орвал Фобус, став губернатором штата, модернизировал нашу больницу и вложил в нее очень много средств. Несмотря на ущерб, нанесенный им в других областях, за это я всегда был ему благодарен.

Мне наконец-то подарили брата в 1956 году, и, кроме того, тогда же наша семья обзавелась телевизором. Мой брат, Роджер Кэссиди Клинтон, родился 25 июля, в день рождения своего отца. Я был несказанно счастлив. Мама и папа уже какое-то время пытались завести ребенка (за пару лет до этого у мамы был выкидыш). Наверное, она, а может быть, и он думали, что это может спасти их брак. Папа не слишком хорошо отреагировал на событие. Я был у бабули с дедулей, когда мама родила с помощью кесарева сечения. Папа заехал за мной, мы навестили ее, а потом он отвез меня домой и уехал. Последние несколько месяцев он пил, а рождение сына, вместо того чтобы вызвать у него ощущение счастья и чувство ответственности, побудило его снова взяться за бутылку.

Волнения, связанные с появлением в доме новорожденного, дополнялись захватывающими ощущениями от приобретения нового телевизора. По телевидению показывали множество детских передач: мультфильмы, «Капитан Кенгуру» и «Хауди-Дуди» с Буффало Бобом Смитом, который мне особенно нравился. А еще был бейсбол: Микки Мэнтл и «Янки»; Стэн Мьюзиэл и «Кардиналы»; а также мой самый любимый Вилли Мейс и старые добрые «Нью-Йорк Джайентс».

Как это ни странно для десятилетнего ребенка, чаще всего в то лето я смотрел по телевизору съезды республиканской и демократической партий. Я сидел на полу перед экраном и не отрываясь следил за их ходом. Это может показаться необычным, но я чувствовал себя как дома в мире политики и политиков. Мне нравился президент Эйзенхауэр, и я обрадовался, когда его во второй раз выдвинули кандидатом, но мы были демократами, поэтому меня больше заинтересовал съезд этой партии. Губернатор штата Теннесси Фрэнк Клемент выступил с зажигательной программной речью. За выдвижение кандидатом в вице-президенты шло захватывающее соревнование между молодым сенатором Джоном Кеннеди и одержавшим в конце концов победу сенатором Эстесом Кифовером, который представлял штат Теннесси в Сенате США вместе с отцом Ала Гора. Когда Эдлай Стивенсон, выдвигавшийся кандидатом в президенты в 1952 году, откликнулся на призыв своей партии вновь принять участие в президентской гонке, он сказал, что молился о том, чтобы его «миновала чаша сия». Меня восхищали интеллект и красноречие Стивенсона, но даже тогда я не понимал, по какой причине кто-то может не желать получить шанс стать президентом. Теперь я думаю, что на самом деле он не хотел еще раз пережить неудачную избирательную кампанию. Это я понимаю. Я сам пару раз потерпел поражение на выборах, хотя никогда не вступал в борьбу, если перед этим не убедил себя, что смогу победить.

Я не тратил все свое время только на телевизор, а по-прежнему старался как можно чаще ходить в кино. В Хот-Спрингс было два старомодных кинотеатра — «Парамаунт» и «Малко» — с просторными сценами, на которых по выходным выступали гастролирующие западные звезды. Я видел, как Лэш Ларю, одетый в черный ковбойский костюм, показывал свои трюки с пастушьим кнутом, а Гейл Дэвис, которая играла Энни Оукли в одном из телесериалов, демонстрировала свое мастерство в стрельбе.

В конце 50-х годов в кино начал сниматься Элвис Пресли. Я любил Элвиса и мог спеть любую из песен, которую он исполнял — сам или в сопровождении квартета «Джорданэйрс». Я был в восхищении от того, что он отправился на военную службу, и от его женитьбы на юной красавице Присцилле. В отличие от большинства других родителей, которые считали, что его вихляние бедрами выглядит неприлично, мама тоже любила Элвиса, может быть, даже больше, чем я. Мы вместе смотрели его легендарное выступление в телешоу Эда Салливена и смеялись, когда телеоператоры старались не показывать движения нижней части его тела, чтобы оградить нас от непристойного зрелища. Кроме его музыки меня с Элвисом роднило происхождение: он тоже родился в провинциальном южном городке. И я был уверен, что у него доброе сердце. Стив Кларк, мой друг, который занимал пост генерального прокурора штата, когда я был губернатором, однажды взял с собой сестренку, умирающую от рака, на выступление Элвиса в Мемфисе. Когда Элвис услышал об этой маленькой девочке, он посадил ее с братом в первом ряду, а после концерта отвел на сцену и долго с ней беседовал. Это навсегда осталось в моей памяти.

Первый фильм, в котором снялся Элвис, «Люби меня нежно», был и остается моим любимым, хотя мне нравились и другие — «Любить тебя», «Тюремный рок», «Король-креол» и «Голубые Гавайи». В дальнейшем фильмы с его участием стали более слащавыми и предсказуемыми. Интересно, что в фильме «Люби меня нежно», вестерне о временах после окончания Гражданской войны, Элвис, тогда уже ставший национальным секс-символом, женится на девушке (ее играла Дебра Пейджет), которая выходит за него лишь потому, что считает, будто его старший брат, которого она действительно любит, погиб на войне. В конце фильма Элвиса убивают, а брат остается с его женой.

Элвис так или иначе сопровождает меня всю жизнь. Во время предвыборной кампании 1992 года сотрудники моего избирательного штаба дали мне прозвище Элвис. Несколько лет спустя, когда я назначил Ким Уордлоу из Лос-Анджелеса федеральным судьей, она в знак признательности прислала мне шарф, который носил Элвис и который он со своим автографом подарил ей на одном из своих концертов в начале 70-х годов, когда ей было девятнадцать лет. Я все еще храню его в своем музыкальном салоне и должен признаться, что по-прежнему люблю Элвиса.

Моими любимыми фильмами в то время были эпопеи на библейские сюжеты: «Багряница», «Деметриус и гладиаторы», «Самсон и Далила», «Бен Гур» и, особенно, — «Десять заповедей», первый фильм, за билет на который, как помню, я заплатил больше десяти центов. Я посмотрел «Десять заповедей», когда мама с папой ненадолго уезжали в Лас-Вегас: взял с собой

завтрак в кульке и просидел в кино два сеанса по одному билету. Много лет спустя я принимал Чарлтона Хестона в Белом доме в качестве лауреата премии, присуждаемой Центром сценических искусств Джона Кеннеди. В то время он был президентом Национальной стрелковой ассоциации и резко критиковал мои законодательные усилия, направленные на предотвращение доступа преступников и детей к оружию. Обращаясь к нему и к публике, я в шутку сказал, что в роли Моисея он мне нравился больше, чем в своей нынешней. К его чести, он отнесся к этому с юмором.

Легкие моего деда окончательно сдали в 1957 году. Он умер в относительно новой больнице «Уошито», где работала мама. Ему было всего пятьдесят шесть лет. В его жизни слишком много места занимали экономические трудности, проблемы со здоровьем и супружеские раздоры, но все-таки дедуля всегда умел находить вещи, которым можно было порадоваться перед лицом несчастий. И он больше жизни любил нас с мамой. Его любовь и то, чему он научил меня, главным образом собственным примером, включая восприятие повседневной жизни как дара и понимание проблем других людей, помогли мне стать лучше, чем я был бы, не будь его.

Кризисным для Центральной средней школы Литл-Рока стал 1957 год. В сентябре девять чернокожих детей, поддержанных Дейзи Бейтс, редактором негритянской газеты *Arkansas State Press*, сделали попытку посещать эту школу в рамках программы расовой десегрегации. Губернатор Арканзаса Фобус, желая сломать традицию, в соответствии с которой на этом посту нельзя было оставаться более двух сроков, порвал с прогрессивными устоями своей семьи (его отец голосовал за Юджина Дебса, вечного кандидата в президенты от социалистической партии) и направил в Центральную среднюю школу национальных гвардейцев, чтобы помешать десегрегации. Тогда президент Дуайт Эйзенхауэр распорядился подчинить местную Национальную гвардию федеральному командованию, чтобы защитить школьников, и они пошли на занятия сквозь разъяренную толпу, осыпавшую их градом оскорблений, носивших расистский характер. Большинство моих друзей были либо против десегрегации, либо относились к ней безразлично. Я на эту тему не говорил почти ничего, вероятно потому, что моя семья не отличалась политической активностью, но у меня действия Фобуса вызывали омерзение. Хотя он нанес неизгладимый ущерб имиджу штата, ему удалось обеспечить себе не только третий двухлетний срок, но и еще три дополнительных. Впоследствии Фобус пытался вернуться на пост губернатора, соперничая с Дейлом Бамперсом, Дэвидом Прайором и со мной, однако штат к тому времени уже перестал быть реакционным.

«Литл-рокская девятка» стала символом мужества в борьбе за равенство. В 1987 году, в тридцатую годовщину кризиса, я, будучи тогда губернатором, пригласил этих людей посетить город. Я устроил для них прием в резиденции губернатора и показал им комнату, откуда Фобус руководил кампанией по недопущению их в школу. В 1997 году мы провели торжественное мероприятие на лужайке перед Центральной средней школой в честь сороковой годовщины тех событий. По окончании церемонии мы с губернатором

Майком Хакаби держали двери школы, чтобы они оставались открытыми, пока все девять героев не вошли в здание. Элизабет Экфорд, которая в пятнадцатилетнем возрасте пережила эмоциональный шок из-за злобного улюлюканья разъяренной толпы, сквозь которую ей тогда пришлось пройти, помирилась с Хейзел Массери — одной из девочек, издевавшихся над ней сорок лет назад. В 2000 году, во время церемонии на Южной лужайке Белого дома, я вручил «литл-рокской девятке» Золотую медаль Конгресса — награду, учрежденную сенатором Дейлом Бамперсом. Тогда, в конце лета 1957 года, эти девять человек помогли всем нам, и белым и чернокожим, освободиться от мрачных оков расовой сегрегации и дискриминации. Своим поступком они сделали для меня больше, чем я когда-либо смог сделать для них. Но, надеюсь, те меры, которые я предпринял в будущем для обеспечения их гражданских прав, были достойным следованием урокам, полученным мною более пятидесяти лет назад в магазине моего деда.

Летом 1957 года и после Рождества в том же году я совершил свои первые поездки за пределы Арканзаса с тех пор, как ездил в Новый Орлеан, чтобы увидеться с мамой. Оба раза я садился в автобус компании Trailways и ехал в Даллас, чтобы навестить тетю Оти. Для того времени это был шикарный автобус со стюардом, разносившим маленькие сэндвичи. Я съел их великое множество.

Даллас был третьим настоящим городом, в котором я побывал. Учась в пятом классе, я ездил в Литл-Рок на экскурсию в Капитолий штата, где гвоздем программы было посещение губернаторского кабинета с возможностью посидеть в кресле отсутствовавшего в тот момент хозяина. Это произвело на меня такое впечатление, что спустя годы я часто фотографировался с сидящими в моем кресле детьми и в кабинете губернатора, и в Овальном кабинете.

Поездки в Даллас помимо великолепной мексиканской еды, зоопарка и самого красивого поля для мини-гольфа, которое я когда-либо видел, были примечательными для меня по трем причинам. Во-первых, я познакомился с некоторыми из родственников своего отца. Его младший брат, Глен Блайт, служил констеблем в Ирвинге, пригороде Далласа. Это был крупный красивый мужчина, и, находясь рядом с ним, я ощущал связь с отцом. К сожалению, он тоже умер слишком рано, в сорок восемь лет, от удара. Энн Григсби, племянница моего отца, была маминной подругой еще со времени свадьбы моих родителей. Рассказывая мне во время тех поездок об отце и о том, какой была мама в юности, Энн стала мне другом на всю жизнь. Она и сейчас остается самым прочным звеном, связывающим меня с семейством Блайтов.

Во-вторых, 1 января 1958 года я ходил на матч розыгрыша «Хлопковой чаши». Это была первая игра студенческой лиги американского футбола, которую мне довелось увидеть. Команда «Райс» во главе с квотербеком Кингом Хиллом играла против команды ВМС, чей великолепный задний бегущий Джо Беллино спустя два года выиграл кубок Хейсмана. Мое место было в задних рядах, но я чувствовал себя так, словно сижу на троне, наблюдая, как команда ВМС выигрывает матч со счетом 20:7.

В-третьих, сразу после Рождества я один пошел в кино вечером, когда тетя Оти работала. Кажется, показывали «Мост через реку Квай». Фильм мне очень понравился, но не понравилось то, что пришлось купить взрослый билет, хотя мне не исполнилось даже двенадцать лет. Я был настолько крупным для своего возраста, что кассир мне не поверил. Первый раз в моей жизни мне не поверили на слово. Было обидно, но на этом примере я усвоил важную разницу, существующую между большими безразличными к людям городами и маленькими городками, и начал долгую подготовку к жизни в Вашингтоне, где никто никому не верит на слово.

Я начал 1958/59 учебный год в младшей средней школе. Она находилась прямо напротив больницы «Уошито», рядом со средней школой Хот-Спрингс. Оба здания были из темно-красного кирпича. Средняя школа — четырехэтажная, с большим старым актовым залом и классическими очертаниями, была построена в 1917 году. Младшая средняя школа оказалась поменьше и выглядела скучнее, однако она олицетворяла собой новый важный этап моей жизни. Самое же главное, что произошло со мной в том году, не имело к ней никакого отношения. Один из преподавателей воскресной школы предложил взять нескольких мальчиков из нашей церкви в Литл-Рок, чтобы послушать проповедь Билли Грэма на стадионе «Памяти героев войны», где играла команда «Рейзорбэкс». В 1958 году напряженность в межрасовых отношениях все еще была велика. Школы в Литл-Роке закрыли в связи с последней попыткой остановить интеграцию, а детей распределили по школам в близлежащих городах. Сегрегационисты из Совета белых граждан и прочих подобных организаций заявили, что, учитывая напряженную атмосферу, будет лучше, если преподобный Грэм допустит на свое выступление только белых. Грэм же ответил, что Иисус любит всех грешников и что каждый должен иметь возможность услышать слово Господне, а потому он скорее отменит выступление, чем будет проповедовать перед сегрегированной аудиторией. В те времена Билли Грэм был признанным лидером южан-баптистов, крупнейшим религиозным деятелем на Юге, а возможно, и во всей стране. После того как он занял такую позицию, мне еще больше захотелось услышать, как он проповедует. Сегрегационисты отступили, и преподобный Грэм выступил с яркой речью, уложившись в свои знаменитые двадцать минут. Когда он пригласил людей спуститься на футбольное поле, чтобы стать христианами или вновь посвятить свою жизнь Христу, сотни чернокожих и белых вместе сошли вниз с трибун стадиона, вместе стояли и вместе молились. Эта сцена резко контрастировала с охватившим Юг расизмом. Меня восхитил поступок Билли Грэма. После этого я в течение многих месяцев регулярно посылал часть своих скромных карманных денег в поддержку его служения.

Тридцать лет спустя Билли снова приехал в Литл-Рок, чтобы еще раз выступить на стадионе «Памяти героев войны». Будучи губернатором, в один из вечеров я был удостоен чести сидеть рядом с ним на сцене и даже еще большей чести навестить вместе с ним и моим товарищем Майком Кулсоном моего пастора и старого друга Билли Грэма — У.О. Вота, который

умирал от рака. Слушать, как эти двое служителей Господа беседуют о смерти, о своих страхах и о своей вере, было потрясающе интересно. Когда Билли поднялся, собираясь уходить, он задержал руку доктора Вота в своей и сказал: «Нам обоим осталось ждать совсем немного. Скоро мы увидимся у Восточных Ворот», — имея в виду вход в Святой Город.

Когда я стал президентом, Билли и Рут Грэм посетили нас с Хиллари в Белом доме. Билли молился со мной в Овальном кабинете и писал мне воодушевляющие письма со словами наставления и ободрения в тяжелые для меня времена. В своих отношениях со мной так же, как и во время того решающего выступления в 1958 году, Билли Грэм всегда руководствовался своей верой.

Младшая средняя школа принесла с собой множество новых переживаний и испытаний, поскольку я начал больше узнавать о своем сознании, теле и духе и о своем маленьком мире. В основном все, что я узнал о самом себе, мне понравилось, но были и исключения. Кое-что из того, что пришло мне в голову и вошло в мою жизнь, до смерти напугало меня, в том числе приступ гнева на папу, первые волнения, связанные с влечением к девочкам, и сомнения в моих религиозных убеждениях, которые, по-моему, возникли из-за моего непонимания того, почему Бог, чье существование я не мог доказать, создал мир, в котором происходит так много плохого.

Вырос мой интерес к музыке. Теперь я ежедневно ходил на репетиции школьного оркестра, мечтая о том, как буду маршировать по футбольному полю в перерыве между таймами и на Рождественском параде, а потом играть на концертах и фестивалях — местных и на уровне штата, на которых судьи сначала давали общую оценку, а потом оценивали отдельно сольные выступления и игру в ансамбле. За участие в школьном оркестре я получил немало наград, а если что-то не получалось, то это неизменно происходило потому, что я пытался исполнить пьесу, которая была для меня слишком трудна. Я до сих пор храню несколько ведомостей с оценками моих ранних сольных выступлений, в которых говорится о моем слабом владении нижним регистром, плохой фразировке и раздутых щеках. Постепенно оценки становились лучше, однако мне так и не удалось до конца избавиться от привычки раздувать щеки. Моим любимым сольным номером в то время была аранжировка «Рапсодии в блюзовых тонах», которую я частенько пытался сыграть и которую однажды исполнил для гостей старого отеля «Маджестик». Я страшно волновался, но мне очень хотелось произвести хорошее впечатление в своем новом белом смокинге с красным галстуком-бабочкой в клетку и брюках с широким поясом.

Руководители моего школьного оркестра рекомендовали мне заняться совершенствованием игры, и я решил попробовать. В то время в университетских городках Арканзаса устраивалось множество летних музыкальных лагерей, и мне захотелось отправиться в один из них. Я решил поехать в лагерь, расположенный в главном городке Университета штата Арканзас в Фейетвилле, потому что там было много хороших преподавателей, и мне хотелось провести пару недель в кампусе учебного заведения, в которое

я надеялся когда-нибудь поступить. Я ездил туда каждое лето в течение семи лет, до самого окончания средней школы. Приобретенный там опыт оказался очень важным для моего взросления. Прежде всего, я очень много играл, и моя техника улучшалась. Бывало, я не расставался с инструментом по двенадцать часов в день, и мои губы воспалялись настолько, что я едва мог ими двигать. Еще я слушал музыкантов, которые были старше и лучше меня, и многому у них учился.

Помимо этого музыкальный лагерь оказался идеальным местом, где я мог развивать навыки политической деятельности и лидерства. На протяжении всего времени моего взросления лагерь оставался единственным местом, где быть «мальчиком из оркестра», а не футболистом было для будущего политика вовсе не зазорно, и это никак не мешало в подростковых ухаживаниях за симпатичными девушками. Все мы замечательно проводили там время начиная с той минуты, когда просыпались и шли на завтрак в университетскую столовую, и до момента отхода ко сну в одном из студенческих общежитий. Мы постоянно ощущали собственную значимость.

Я очень полюбил студенческий городок. Университет штата Арканзас — самый старый из тех, что были основаны на земельных участках к западу от Миссисипи, отведенных властями специально для постройки колледжей. Будучи учеником младшей средней школы, я написал о нем доклад, а став губернатором, выступил за выделение средств на восстановление старого главного корпуса университета, — старейшего здания на территории городка. Построенный в 1871 году корпус с двумя башнями, одна из которых, северная, выше своей южной соседки, — уникальный памятник времен Гражданской войны.

Играя в оркестре, я познакомился с Джо Ньюманом, который стал моим лучшим другом в младшей средней школе. Он был ударником в оркестре, причем хорошим. Его мать, Рей, работала учительницей в нашей школе. Она и ее муж Даб всегда были рады моему появлению в их большом белом доме с деревянным каркасом на Уошито-авеню, недалеко от того места, где жили дядя Рой и тетя Джанет. Джо был смышленным, скептическим, переменчивым в настроении, забавным и верным. Я любил с ним играть или просто беседовать. Общаться с Джо мне нравится до сих пор, потому что все эти годы мы оставались близкими друзьями.

Из всех предметов, изучаемых в младшей средней школе, больше всего я любил математику. Мне повезло: я оказался в первой группе учеников в нашем городе, которая стала изучать алгебру в восьмом, а не в девятом классе, что означало для меня возможность до окончания средней школы пройти геометрию, алгебру II, тригонометрию и элементы дифференциального и интегрального исчисления. Я любил математику, потому что решение задач всегда заставляло кровь быстрее бежать по моим жилам. Хотя в университете я не занимался математикой, но всегда считал, что разбираюсь в ней, до тех пор пока мне не пришлось отказаться от идеи помогать Челси с домашними заданиями, когда она училась в девятом классе. Так была развеяна очередная иллюзия.

Алгебру и геометрию у меня в классе преподавала Мэри Матассарин, сестра которой, Верна Доук, вела уроки истории, а ее муж, Вернон, бывший тренер, — курс естественных наук в восьмом классе. Мне все они нравились, но даже при том, что я не был особенно силен в естественных науках, больше всего мне запомнился один из уроков именно мистера Доука. Хотя его жена и ее сестра были женщинами привлекательными, Вернон Доук, мягко говоря, не отличался красотой. Он был плотным, с широкой талией, носил толстые очки и курил дешевые сигары через маленький мундштук, что придавало его лицу страдальческое выражение, когда он посасывал сигару. Вернон вообще вел себя подчеркнуто бесцеремонно, но у него были замечательная улыбка, хорошее чувство юмора и тонкое понимание человеческой природы. Однажды он посмотрел на нас и сказал: «Дети, через много лет вы, возможно, и не вспомните ничего из того, что узнали на наших занятиях о естественных науках, поэтому я хочу преподавать вам кое-какой урок о человеческой натуре, и вы должны его запомнить. Каждое утро, просыпаясь, я иду в ванную, ополаскиваю лицо водой, бреюсь, стираю остатки пены, затем смотрю на себя в зеркало и говорю: “Вернон, ты красив”. Запомните это, дети. Каждый хочет чувствовать себя красивым». И я помню об этом вот уже более сорока лет. Его слова помогли мне понять вещи, которые прошли бы мимо меня, если бы Вернон Доук не сказал однажды, что он красив, и я не увидел бы, что он на самом деле прекрасен.

В младшей средней школе я очень нуждался в помощи, чтобы научиться понимать людей. Именно там я пришел к выводу, что нравлюсь далеко не всем, причем обычно я не понимал почему. Однажды, когда я шел в школу и мне оставалось пройти около квартала, ученик постарше — один из тех, кто слыл шпаной, — стоявший в промежутке между двумя зданиями, куря сигарету, щелчком отправил горящий окурочок в мою сторону и попал мне в переносицу, так что чуть не выжег глаз. Я так и не понял, почему он это сделал, но, в конце концов, я был толстым мальчиком из оркестра, не носившим джинсы «на уровне» («Ливайс», желательно с прорезными задними карманами).

Почти в это же время у меня вышел спор с Клифтоном Брайантом, мальчиком примерно на год постарше, но мельче меня. Однажды мы с друзьями решили пройтись от школы до дома пешком — примерно три мили. Клифтон жил в той же части города и увязался за нами, дразня меня и то и дело ударяя по спине и плечам. Так мы дошли по Сентрал-авеню до фонтана и правого поворота на Парк-авеню. На протяжении более мили я старался не обращать на него внимания, но наконец не выдержал, обернулся, как следует размахнулся и стукнул его. Удар получился крепким, но к тому моменту, когда я впелпил ему, Клифтон уже развернулся, чтобы убежать, так что мой кулак угодил ему лишь в спину. Я уже говорил, что был медлительным. Когда Клифтон побежал домой, я заорал, чтобы он вернулся и дрался как мужчина. Он бежал, не останавливаясь. Добравшись до дома, я успокоился, а возбуждение от похвал моих приятелей улеглось. Я боялся, что сильно ушиб его, поэтому уговорил маму позвонить ему

домой, чтобы убедиться, что с ним все в порядке. Больше у нас с Клифтоном проблем не возникало. Я понял, что могу защитить себя, но моя победа радости мне не доставила; наоборот, меня несколько встревожила вспышка гнева, который в последующие годы стал проявляться глубже и сильнее. Теперь-то я знаю, что мой гнев в тот день был нормальной и здоровой реакцией на то, как со мной обращались. Но из-за того, как вел себя папа, когда бывал сердит и пьян, гнев в моем представлении был связан с отсутствием самоконтроля, и я твердо решил держать себя в руках. Потеря самообладания могла высвободить более глубокий, постоянный гнев, который я держал под замком, потому что не знал, откуда он исходит.

Даже когда я бывал вне себя от ярости, у меня хватало ума не отвечать всякий раз ударом на удар. Дважды в те годы я уклонялся от поединка или, если угодно, пасовал. Однажды я пошел купаться с детьми семейства Крейн на реку Кэддо к западу от Хот-Спрингс, вблизи городка под названием Кэддо-Гэп. Один из местных ребят вышел на берег рядом с тем местом, где я плавал, и выкрикнул что-то обидное в мой адрес. Я ответил ему тем же. Тогда он взял камень и бросил его в меня. Мальчишка находился на расстоянии ярдов двадцати от меня, но попал мне прямо в голову, возле виска, так, что пошла кровь. Я хотел было выскочить из воды и подраться с ним, но увидел, что он больше, сильнее и крепче меня, и отплыл подальше. Учитывая опыт моего столкновения с бараном, случай с шариковым ружьем Тавии Перри и другие подобные ошибки, которые мне еще предстояло совершить, я думаю, что поступил правильно.

Во второй раз, во время учебы в младшей средней школе, я тоже, скорее всего, поступил правильно, уклоняясь от стычки. По вечерам в пятницу в спортзале местного отделения Ассоциации молодых христиан (YMCA) всегда устраивались танцы. Я любил слушать и танцевать рок-н-ролл и начиная с восьмого или девятого класса часто ходил в спортзал, хотя был толст, медлителен и не пользовался популярностью у девушек. Кроме того, я все еще носил «неправильные» джинсы.

Однажды вечером я был в YMCA и забрел в бильярдную рядом со спортзалом, туда, где стоял автомат по продаже кока-колы, чтобы взять что-нибудь выпить. Несколько старшеклассников играли на бильярде или наблюдали за игрой. Одним из них был Генри Хилл, чья семья владела старым кегельбаном «Лаки страйк лэйнз» в центре города. Генри начал распространяться о моих джинсах, которые в тот вечер выглядели особенно непрезентабельно. Это были плотнички джинсы с петлей для молотка с правой стороны. Я и без издевок Генри чувствовал себя довольно неуверенно, поэтому огрызнулся в ответ. Он со всего маху врезал мне в челюсть. Я был крупным для своего возраста: мой рост тогда составлял примерно пять футов и девять дюймов при весе сто восемьдесят пять фунтов. Однако Генри Хилл был шести с половиной футов ростом и притом с длинными руками, поэтому дотянуться до него я не имел никакой возможности. Кроме того, к моему изумлению, его удар оказался не таким уж страшным. Поэтому я стоял как вкопанный, не отрывая от него взгляда. Наверное, Генри был удивлен тем, что я не упал и не убежал, потому что рассмеялся,

хлопнул меня по спине и назвал молодчиной. С тех пор мы всегда были приятелями. А я еще раз убедился, что могу держать удар и что существует далеко не один способ противостоять агрессии.

В сентябре 1960 года, когда я начал учиться в девятом классе, полным ходом шла кампания по выборам президента. Моя классная руководительница и учительница английского языка Рут Аткинс тоже была родом из Хоупа и, как и я, настоящим демократом. Она занималась с нами чтением и обсуждением «Больших ожиданий» Диккенса, но оставляла кучу времени для политических дебатов. В то время в Хот-Спрингс республиканцев было больше, чем в значительной части остального Арканзаса, но в основном они придерживались гораздо менее консервативных взглядов, чем нынешнее поколение. Некоторые из старейших семейств жили там еще со времен Гражданской войны и стали республиканцами, потому что выступали против отделения южных штатов и против рабства. Республиканские взгляды части семейств уходили корнями в прогрессивизм Теодора Рузвельта. Другие же поддерживали умеренный консерватизм Эйзенхауэра.

Арканзасские демократы представляли собой еще более разнородную группу. Продолжатели традиций времен Гражданской войны были демократами, потому что их предки выступали за отделение южных штатов и сохранение рабства. Еще более многочисленная группа влилась в ряды партии во время Великой депрессии 1929–1932 годов, когда огромное число безработных рабочих и бедных фермеров увидели во Франклине Рузвельте своего спасителя, а позже полюбили нашего соседа из Миссури Гарри Трумэна. Еще одну, более малочисленную, группу составляли демократы-иммигранты, главным образом из Европы. Большинство чернокожих стали демократами благодаря Франклину Рузвельту и позиции Трумэна в отношении гражданских прав, а также из-за ощущения, что Кеннеди в этом вопросе будет действовать более энергично, чем Никсон. Небольшая группа белых, к которой принадлежал и я, разделяла эту точку зрения.

В классе мисс Аткинс большинство учеников выступали за Никсона. Я помню, как Дэвид Леопулос защищал его на том основании, что он обладал гораздо большим опытом, чем Кеннеди, особенно в международных делах, и достиг весьма впечатляющего прогресса в области гражданских прав. И это соответствовало действительности. На самом деле в этом отношении я ничего не имел против Никсона. Я не знал тогда о его кампаниях в Калифорнии под лозунгом преследования левых и прокоммунистических элементов против Джерри Вурхиса и Хелен Гэхэген Дуглас, боровшихся за место в Конгрессе и Сенате США соответственно. Мне понравилось, как он противостоял Никите Хрущеву. В 1956 году я восхищался и Эйзенхауэром, и Стивенсоном, но к 1960 году сделал окончательный выбор. На предварительных выборах я выступал за Линдона Джонсона. Мне нравились его деятельность на посту лидера демократического большинства в Сенате, особенно во время принятия закона «О гражданских правах» в 1957 году, и то, что он происходил из южан-бедняков. Мне также нравились Губерт Хамфри, горячо защищавший гражданские права, и Кеннеди, потому что он был молод, силен и хотел ускорить развитие страны. После его выдвижения

кандидатом в президенты я смог наилучшим образом доказать одноклассникам правоту своего выбора.

Мне ужасно хотелось, чтобы Кеннеди победил, особенно после его звонка Коретте Кинг*, когда он выразил обеспокоенность арестом ее мужа, и после беседы с южными баптистами в Хьюстоне, где он защищал свою веру и право американцев-католиков баллотироваться на пост президента. Большинство моих одноклассников и их родителей были с этим не согласны. Я уже начал привыкать к такому положению вещей. За несколько месяцев до этого во время выборов председателя школьного совета я проиграл Майку Томасу, хорошему парню, который впоследствии оказался одним из четверых моих одноклассников, погибших во Вьетнаме. Никсон победил в нашем округе, однако Кеннеди все же получил в Арканзасе 50,2 процента голосов, несмотря на все усилия протестантских фундаменталистов убедить демократов-баптистов, что он будет плясать под дудку Папы Римского.

Конечно же, я хотел, чтобы Кеннеди стал президентом, еще и потому, что он был католиком. Имея опыт учебы в школе Св. Иоанна и общения с монахинями, работавшими вместе с мамой в больнице Св. Иосифа, я любил католиков и восхищался ими — их ценностями, набожностью и социальным сознанием. Я также гордился тем, что сенатор Джо Робинсон, единственный арканзасец, когда-либо баллотировавшийся на высокую государственную должность, был кандидатом на пост вице-президента в 1928 году, когда за пост президента боролся губернатор штата Нью-Йорк Ал Смит — первый кандидат-католик. Как и Кеннеди, Смит выиграл на выборах в Арканзасе благодаря Робинсону.

По иронии судьбы, учитывая мою близость к католикам, моим главным помимо музыки интересом за пределами школы с девятого класса стал орден де Моле — организация мальчиков, финансируемая масонами. Я всегда считал, что масоны и члены ордена де Моле — антикатолики, хотя и не понимал почему. В конце концов, Жак де Моле был мучеником, жившим задолго до Реформации, и погиб за свои убеждения от рук испанской инквизиции. Только во время подготовки материалов для этой книги я узнал, что католическая церковь еще в начале XVIII века осудила масонов как опасную организацию, угрожающую основам государственной власти, тогда как масоны принимают в свои ряды последователей самых разных религий, в том числе и католиков.

Цель ордена де Моле состояла в том, чтобы сплотить членов своей организации и способствовать развитию их личных и гражданских добродетелей. Мне нравился царивший там дух братства, доставляло удовольствие заучивать все части ритуалов, продвигаясь вверх до должности главного советника нашего местного отделения, и ездить на съезды штата, где кипела политическая жизнь и устраивались совместные вечеринки с «Радужными девочками» — женским аналогом нашей организации. Участвуя в выборах руководителей отделения ордена де Моле на уровне штата, я больше узнал

---

* Коретта Кинг — жена лидера движения за гражданские права Мартина Лютера Кинга. — *Прим. пер.*

о политике, хотя сам на эти посты не баллотировался. Самым умным человеком, которого я поддерживал на выборах главного советника штата, был Билл Эбберт из города Джонсборо. В прежние времена, когда действовала система старшинства, Эбберт мог бы стать замечательным мэром или председателем комитета Конгресса. Он был забавным, умным, жестким и столь же искусным в заключении сделок, как Линдон Джонсон. Однажды, когда Эбберт мчался по Арканзасскому шоссе со скоростью девяносто пять миль в час, его начал с сиреной преследовать автомобиль полиции штата. Машина Билла была оснащена коротковолновой радиостанцией, по которой он связался с полицией и сообщил, что в трех милях позади него произошла серьезная автомобильная авария. Полицейский автомобиль, получив это сообщение, быстро развернулся и поехал в обратную сторону, а Эбберт преспокойно помчался дальше в сторону дома. Интересно, раскусил ли полицейский этот обман?

Хотя мне нравилось быть членом ордена де Моле, я не верил, что его тайные ритуалы делали нашу жизнь более значительной. По окончании моего пребывания в ордене я не последовал за длинной вереницей выдающихся американцев, восходящей к Джорджу Вашингтону, Бенджамину Франклину и Полу Ревире, и не стал масоном, вероятно потому, что в двадцать с небольшим лет не хотел никуда вступать. Кроме того, мне не нравилось то, что я по ошибке считал скрытым антикатолицизмом масонов, или разделение ордена на две разные ветви, в одну из которых входили белые, а в другую — чернокожие (хотя когда мне как губернатору довелось побывать на съездах членов негритянского масонства «Принс Холл», у них оказалось даже веселее, чем у тех масонов, которых я знал).

Кроме того, мне вовсе не обязательно было состоять в тайном братстве, чтобы иметь секреты. А у меня существовали свои собственные самые настоящие тайны: алкоголизм папы и его жестокость в отношении мамы. И то и другое усилилось, когда мне было четырнадцать лет и я учился в девятом классе, а моему брату исполнилось всего четыре годика. Однажды вечером папа закрыл дверь в спальню и стал кричать на маму, а затем начал бить ее. Маленький Роджер был испуган так же, как я за девять лет до этого в ту ночь, когда папа в меня выстрелил. В конце концов мысль о том, что маме больно, а Роджер напуган, стала для меня невыносимой. Я схватил клюшку для гольфа из своего мешка и распахнул дверь родительской спальни. Мама лежала на полу, а папа стоял над ней и избивал ее. Я велел ему остановиться и сказал, что, если он не прекратит, избью его клюшкой для гольфа. Он рухнул на стул рядом с кроватью и опустил голову. Меня замутило. В своей книге мама пишет, что она вызвала полицию и папу на ночь увезли в тюрьму. Я этого не помню, но знаю, что после этого у нас долго не было никаких неприятностей. Думаю, я гордился собой, потому что защитил маму, но позже это стало расстраивать меня. Я просто не мог принять тот факт, что в целом хороший человек, пытаясь избавиться от собственной боли, может причинять страдания другому. Мне очень хотелось с кем-нибудь об этом поговорить, но никого подходящего рядом не было, и приходилось во всем разбираться самому.

Для меня тайны нашей семьи стали привычной частью жизни. Я никогда ни с кем не говорил о них — ни с другом, ни с соседом, ни с учителем, ни с пастором. Много лет спустя, когда я баллотировался в президенты, несколько моих друзей сказали репортерам, что им об этом ничего не известно. Конечно, как это бывает с большинством тайн, кто-то о чем-то все же знал. Папа не мог хорошо себя вести со всеми, кроме нас, хоть и пытался. Даже если это и было известно кому-то еще — членам семьи, маминым близким подругам, паре полицейских, — мне об этом никто ничего не говорил, поэтому я считал, что у меня есть настоящая тайна, и помалкивал на этот счет. Нашим семейным принципом было: «Ни о чем не спрашивай и ни о чем не рассказывай».

Моей второй тайной во время учебы в начальной и младшей средней школе было то, что я посылал часть своих карманных денег Билли Грэму после его выступления в Литл-Роке. Об этом я тоже никогда не рассказывал ни родителям, ни друзьям. Однажды, отправившись к почтовому ящику около нашей подъездной аллеи у Серкл-драйв с деньгами для Билли, я увидел, что папа работает на заднем дворе. Чтобы он меня не заметил, я вышел из дома через главный вход, дошел до Парк-авеню, повернул направо и срезал путь через подъездную аллею соседнего с нами мотеля «Перри Плаза». Наш дом стоял на холме, а мотель находился внизу, на равнинном участке. Когда я прошел примерно половину подъездной аллеи, папа посмотрел вниз и увидел меня с письмом в руке. Я подошел к почтовому ящику, опустил в него конверт и вернулся домой. Папе, наверное, хотелось знать, что это я там делал, но он ни о чем меня не спросил. Он меня никогда ни о чем не спрашивал. Думаю, у него хватало и своих собственных секретов.

Все эти годы я много думал о тайнах. Они есть у всех, и я считаю, что мы имеем на них право. Тайны делают нашу жизнь интереснее, а когда мы решаем ими с кем-то поделиться, наши отношения с этими людьми становятся более глубокими. То место в душе, где хранятся тайны, — это наше пристанище, убежище, где мы можем спрятаться от остального мира; здесь формируется и утверждается личность, а одиночество порой дает ощущение спокойствия и мира. Однако тайны могут быть и тяжелым бременем, особенно если с ними связано чувство стыда, даже если тот, кто владеет тайной, сам не сделал ничего постыдного. Или же притягательность наших тайн может оказаться слишком сильной, настолько сильной, что нам покажется, что без них невозможно жить и, без них мы даже не были бы такими, какие есть.

Конечно, я всего этого не понимал в те времена, когда стал обладателем тайн. Я тогда об этом даже не особенно задумывался. Я хорошо помню очень многое из своего детства, но не доверяю своей памяти настолько, чтобы точно сказать, что именно я знал обо всем этом и когда я это узнал. Понимаю только, что лишь в результате борьбы с самим собой мне удалось добиться равновесия между тайнами, делающими внутренний мир богаче, и теми, что полны скрытых страхов и стыда. Я всегда избегал обсуждать с кем бы то ни было самые трудные моменты моей личной

жизни, включая серьезный духовный кризис, который пережил в тринадцатилетнем возрасте, когда моя вера оказалась слишком слабой и я засомневался в Боге перед лицом того, что мне довелось увидеть и пережить. Теперь я знаю: эта борьба — по крайней мере частично — следствие того, что я рос в семье алкоголика, и тех механизмов, которые я в себе выработал, чтобы с этим справиться. У меня ушло много времени на то, чтобы это понять, а еще труднее было уяснить, какие тайны следует хранить и дальше, какие лучше выпустить на волю, а каких следует вообще избегать. Я до сих пор не уверен, до конца ли это понимаю. Похоже, размышлять над этим мне придется всю жизнь.

— ГЛАВА 6 —

Я не знаю, как маме удавалось так замечательно управляться со всеми делами. Каждое утро, независимо от того, что произошло накануне вечером, она вставала и приводила в порядок свое лицо. И какое это было лицо! С тех самых пор как мама вернулась домой из Нового Орлеана, когда мне удавалось встать достаточно рано, я любил, сидя на полу в ванной, наблюдать за тем, как она наносит косметику на свое красивое лицо.

Времени на это уходило довольно много, отчасти потому, что у нее не было бровей. Мама нередко в шутку говорила о том, как бы ей хотелось иметь большие густые брови, которые нужно было бы выщипывать, — такие, как у Акима Тамироффа, известного характерного актера того времени. Вместо этого она рисовала себе брови косметическим карандашом, а затем наносила косметику и губную помаду, обычно ярко-красного цвета, в тон лаку для ногтей.

Пока мне не исполнилось лет одиннадцать-двенадцать, у мамы были длинные темные волнистые волосы, по-настоящему густые и красивые, и я любил смотреть, как она их расчесывает, чтобы они как следует улеглись. Никогда не забуду тот день, когда мама пришла домой из парикмахерской с новой прической: ее красивые волосы, обычно лежавшие волнами, были коротко пострижены. Это случилось вскоре после того, как пришлось усыпить мою первую собаку, Сузи, которой было девять лет, и на душе у меня стало почти так же тяжело. Мама сказала, что короткая прическа сейчас в моде и больше подходит женщине тридцати с лишним лет. Я вовсе так не считал, и мне потом всегда недоставало ее длинных волос, хотя и понравилось, когда несколько месяцев спустя она перестала закрашивать седую прядь, проходившую посередине ее головы и появившуюся еще тогда, когда ей было немногим больше двадцати.

Закончив накладывать косметику, мама успевала выкурить одну-две сигареты и выпить пару чашек кофе. Затем, после того как приезжала миссис Уолтерс, она отправлялась на работу и иногда, если нам обоим это было удобно, подвозила меня до школы. Придя домой, я занимался тем, что играл с друзьями или Роджером. Мне нравилось иметь младшего брата, и все мои приятели были совсем не против того, что он крутился среди нас, пока не вырос настолько, что стал предпочитать общество своих собственных друзей.

Мама обычно приезжала домой часа в четыре или пять, кроме тех дней, когда работал ипподром. Она обожала скачки. Мама редко ставила больше чем два доллара за раз, однако относилась к этому со всей серьезностью, внимательно изучала программу скачек и сведения о лошадях, слушала, что скажут жокеи, тренеры и владельцы, с которыми она успела познакомиться, и обсуждала свой выбор с приятелями по ипподрому. Люди, которых она там повстречала, стали ее лучшими друзьями на всю жизнь: Луиза Крейн

и ее муж Джо, полицейский, который впоследствии дослужился до должности начальника полиции и возил папу в своем патрульном автомобиле, когда тот бывал пьян, до тех пор, пока он не успокаивался; Дикси Себа и ее муж Майк, тренер лошадей; Мардж Митчелл, медсестра, дежурившая в медпункте на ипподроме на случай, если кто-то из посетителей скачек почувствует недомогание, которая вместе с Дикси Себой, а потом и Нэнси Кроуфорд, второй женой Гейба, стала настолько близкой подругой мамы, что могла считаться ее наперсницей. Мардж и мама называли друг друга «сестричка».

Вскоре после того как я, окончив юридический факультет, вернулся домой, у меня появилась возможность отплатить Мардж добром за все то хорошее, что она сделала для нас с мамой. Когда ее уволили из нашего местного центра охраны психического здоровья, Мардж решила оспорить это решение и попросила, чтобы я представлял ее на слушании в суде. Даже элементарный опрос, проведенный мною, неопытным адвокатом, позволил установить, что в основе ее увольнения лежал всего лишь личный конфликт с начальством. Я вдребезги разбил доводы противоположной стороны и испытал настоящий восторг от нашей победы. Мардж заслуживала того, чтобы ее восстановили на работе.

До того как я вовлек маму в политику, большинство ее друзей — врачи, медсестры, больничный персонал — были ее коллегами по работе. Друзей у нее было множество. Казалось, не существовало таких людей, которых бы она не знала; мама делала все возможное, чтобы максимально успокоить своих пациентов перед операцией, и искренне наслаждалась обществом своих коллег. Конечно, ее любили далеко не все. Она могла быть резкой с теми, кто, по ее мнению, пытался помыкать ею или, пользуясь преимуществом своего положения, обращался с другими несправедливо. В отличие от меня, она с удовольствием доводила некоторых людей до белого каления. У меня враги появлялись сами собой, просто потому, что я это я, а после того как я пошел в политику, — из-за занимаемой мною позиции и перемен, которых пытался добиться. Когда маме кто-нибудь по-настоящему не нравился, она делала все, чтобы взвесить таких людей. Впоследствии из-за этой черты характера у нее были неприятности на работе, когда она несколько лет боролась за то, чтобы не работать под началом некоего врача-анестезиолога, и кое-какие проблемы, возникшие во время проведения пары операций с ее участием. Но большинство людей любили ее, потому что она любила их, обращалась с ними уважительно и отличалась большим жизнелюбием.

Не знаю, как ей удавалось сохранять энергию и силу духа, успевая и работать, и развлекаться, всегда быть рядом, когда я и мой брат Роджер нуждались в ее помощи, никогда не пропускать наши школьные мероприятия, находить время для наших друзей, а в случае неприятностей не подавать виду, что ей тяжело.

Я любил бывать у нее в больнице, встречаться с медсестрами и врачами и наблюдать за тем, как они ухаживают за пациентами. Однажды, будучи учеником младшей средней школы, я даже присутствовал на настоящей операции, но в памяти сохранилось только то, что хирурги много работали со скальпелем и было много крови, однако мне не стало плохо. Меня

очень заинтересовала работа хирургов, и я думал о том, что и сам мог бы когда-нибудь стать врачом.

Мама относилась к пациентам с большим вниманием независимо от того, могли они заплатить за лечение или нет. В те времена, когда еще не существовало программ «Медикэр» и «Медикэйд»*, многие были не в состоянии оплатить медицинские услуги. Я помню, как однажды к нам пришел один бедный, но гордый человек, который хотел рассчитаться за свое лечение. Он был сборщиком фруктов и в качестве платы привез маме шесть бушелей свежих персиков. Мы потом долго их ели, добавляя в кукурузные хлопья, пироги и домашнее мороженое. Я еще тогда подумал о том, как было бы хорошо, если бы побольше ее пациентов испытывали недостаток наличности!

Думаю, работа, друзья и посещение скачек приносили маме огромное облегчение, помогая ей переносить тяготы брака. Наверняка в ее жизни было много моментов, когда сердце у нее исходило слезами, когда она, может быть, даже испытывала физическую боль, но большинство людей понятия об этом не имели. Пример, который она мне этим подала, сослужил мне хорошую службу, когда я стал президентом. Мама почти никогда не обсуждала со мной свои неприятности. Думаю, она полагала, что я знаю обо всем, о чем мне нужно знать, достаточно сообразителен, чтобы додумать остальное, и заслуживаю нормального детства, насколько это было возможно в данных обстоятельствах.

Когда мне исполнилось пятнадцать лет, произошли события, вынудившие ее отказаться от этой стратегии. Папа снова начал пить и буйствовать, и мама увезла нас с Роджером из дома. Однажды, за пару лет до этого, мы уже так делали, на несколько недель переехав в меблированные комнаты «Кливленд-манор» на южном конце Централ-авеню, почти у самого ипподрома. На этот раз, в апреле 1962 года, нам пришлось провести около трех недель в мотеле, пока мама подыскивала подходящее жилье. Несколько домов мы посмотрели вместе, и все они были намного меньше, чем наш, а некоторые оказались для нее слишком дорогими. Наконец она остановила свой выбор на доме с тремя спальнями и двумя ванными комнатами на Скалли-стрит — улице длиной в один квартал в южной части Хот-Спрингс, примерно в полумиле к западу от Централ-авеню. Он входил в серию новомодных полностью электрифицированных домов «Золотой медальон» с центральным отоплением и кондиционированием воздуха (в доме на Парк-авеню у нас были кондиционеры, встроенные в окна) и стоил, мне думается, 30 тысяч долларов. В доме были симпатичная гостиная и столовая, располагавшаяся сразу налево от главного входа. За столовой находилась большая рабочая комната, которая соединялась с обеденной зоной и кухней, а дальше, сразу за гаражом, имелось помещение для стирки белья. За рабочей комнатой проходила просторная веранда, которую мы впоследствии

---

* «Медикэр» — федеральная программа льготного медицинского страхования для лиц старше 65 лет и инвалидов, учрежденная Конгрессом США в 1965 году. «Медикэйд» — программа медицинской помощи неимущим, осуществляемая на уровне штатов при финансовой поддержке федеральных властей. — *Прим. пер.*

застеклили и поставили туда бильярдный стол. Две спальни были расположены справа от холла; налево от него находилась большая ванная, а позади нее — спальня с отдельной ванной комнатой с душем. Мама выделила мне большую спальню с душем, скорее всего потому, что ей хотелось иметь в своем распоряжении просторную ванную комнату с зеркалом, где было удобнее заниматься макияжем. Себе она выбрала вторую по величине спальню в задней части дома, а Роджер получил маленькую.

Хотя я любил наш дом на Парк-авеню и двор, за которым старательно ухаживал, моих соседей, друзей и знакомые места, мне было радостно сознавать, что я живу в нормальном доме, где мама и Роджер могли чувствовать себя в безопасности. К тому времени, хотя я ничего еще не знал о детской психологии, меня начало беспокоить то, что папины пьянство и буйное поведение могут навредить психике Роджера даже больше, чем моей собственной, потому что брат жил с ним всю жизнь и потому что Роджер Клинтон — его родной отец. Сознание того, что моим отцом был кто-то другой, кто-то, кого я считал сильным, достойным и надежным человеком, давало мне эмоциональную защиту и позволяло относиться к происходящему с некоторой отстраненностью и даже сочувствием. Я никогда не переставал любить Роджера Клинтона, всегда надеялся, что он изменится, и всегда получал удовольствие от общения с ним, когда он бывал трезв и занят делом. И уже тогда я боялся, что Роджер-младший возненавидит своего отца. Что он и сделал, заплатив за это страшную цену.

Рассказывая об этих давних событиях, я понимаю, как легко попасть в ловушку, о которой говорил шекспировский Марк Антоний в своей хвалебной речи о Юлии Цезаре: «Ведь зло переживает людей, добро же погребают с ними». Как и большинство алкоголиков и наркоманов, которых я знал, Роджер Клинтон был в основе своей хорошим человеком. Он любил нас с мамой и маленького Роджера; помогал маме видаться со мной, когда она заканчивала обучение в Новом Орлеане; проявлял щедрость по отношению к семье и друзьям; был умным и забавным. Но в нем скопилась та горячая смесь страхов, опасений и психологической уязвимости, которая разрушает жизнь огромного числа алкоголиков и наркоманов. И, насколько я знаю, он никогда не обращался за помощью к тем, кто умел ее оказывать.

Жизнь с алкоголиком — вещь неоднозначная: не все и не всегда в ней бывает плохо. Порой проходили недели, а иногда даже целые месяцы семейного существования, наполненные тихими радостями обычной жизни. Слава Богу, я не забыл такие времена, а если и забуду, мне напомнят о них несколько сохранившихся у меня открыток и писем, которые я получил от папы или сам послал ему.

Забываются и плохие времена. Недавно, перечитывая свои показания по делу о мамином разводе, я обнаружил, что рассказывал о случае, произошедшем за три года до этого, когда я через ее адвоката вызвал полицию, чтобы папу увезли после очередной вспышки буйства. Я также заявил, что в последний раз, когда не дал ему ударить маму, он угрожал избить меня. Конечно, это звучало смешно, потому что к тому времени я уже перерос папу и был сильнее его трезвого и тем более пьяного. Я забыл оба этих

случая, возможно из-за отрицания причастности — защитной реакции, которая, по мнению специалистов, характерна для родственников алкоголиков, продолжающих жить вместе с ними. Так или иначе, в течение сорока лет эти конкретные случаи оставались прочно забытыми.

Мама подала на развод 14 апреля 1962 года, через пять дней после того как мы уехали. В Арканзасе можно развестись быстро, а у нее, разумеется, было для этого достаточно оснований. Но этим дело не закончилось. Папа отчаянно пытался вернуть ее и нас. Он совершенно потерял голову, сильно похудел, часами сидел в автомобиле возле нашего дома и даже пару раз спал на бетонном полу передней веранды. Однажды папа попросил, чтобы я прокатился с ним. Мы подъехали с тыльной стороны к нашему старому дому на Серкл-драйв. Он остановил машину в самом начале нашей задней подъездной аллеи. Вид у него был ужасный: лицо покрывала трех-четырёхдневная щетина, хотя я не думаю, что он все это время пил. Папа сказал мне, что не может жить без нас и ему больше не для чего жить. Он плакал, умолял меня поговорить с матерью и попросить ее снова принять его. Сказал, что исправится, больше никогда не ударит ее и не повысит на нее голос. Папа и в самом деле был убежден, что так и будет, но я ему не верил. Он так и не понял и не признал причину своих проблем, так и не осознал, что бессилён перед спиртным и сам бросить пить уже не сможет.

Тем временем его мольбы начали доходить до мамы. Я думаю, она испытывала некоторую неуверенность в своей способности обеспечить нас материально: до тех пор, пока двумя годами позже не были приняты государственные программы «Медикэр» и «Медикэйд», ей платили совсем немного. Но гораздо важнее было то, что мама придерживалась старомодных представлений о том, что развод, особенно когда есть дети, — это плохо, как, собственно, нередко и бывает, если в семье нет насилия. По-моему, она считала, что отчасти сама виновата в их проблемах. И, вероятно, мама вызывала в Роджере ощущение неуверенности: в конце концов, она была красивой, интересной женщиной, равнодушной к мужчинам, и на работе ее окружало немало привлекательных сослуживцев, добившихся в жизни большего успеха, чем ее муж. Насколько я знаю, мама ни с кем из них не позволяла себе ничего лишнего, хотя я не стал бы ее винить, если бы это было не так, а когда они с папой разошлись, она встречалась с красивым темноволосым мужчиной, который подарил мне несколько клюшек для гольфа, сохранившихся у меня до сих пор.

Не прошло и нескольких месяцев после нашего переезда на Скалли-стрит и оформления развода, как мама сказала нам с Роджером, что нужно провести семейный совет по поводу папы. Она объяснила, что он хочет вернуться и переехать в наш новый дом и что, по ее мнению, на этот раз все будет по-другому, а затем спросила, каково наше мнение на этот счет. Не помню, что ответил Роджер: ему было всего пять лет, и он, вероятно, совершенно растерялся. Я же сказал ей, что против этого, потому что вряд ли папа сможет измениться, но поддержу любое решение, которое она примет. Мама сказала, что нам нужен мужчина в доме и что она всегда

будет чувствовать себя виноватой, если не даст ему еще один шанс. Они снова поженились, что, учитывая, как завершилась папина жизнь, пошло ему на пользу, но не слишком хорошо отразилось на судьбе Роджера и мамы. Не могу сказать точно, как это повлияло на меня, но знаю, что потом, когда он заболел, я был очень рад возможности находиться рядом с ним в последние месяцы его жизни.

Я не был согласен с маминым решением, однако понимал ее чувства. Незадолго до того, как она приняла папу назад, я ходил в суд и официально поменял фамилию Блайт на Клинтон, которой фактически пользовался уже не один год. Я до сих пор до конца не уверен в причинах своего поступка, но тогда считал своим долгом так поступить, отчасти потому, что Роджеру предстояло пойти в школу и у него могли возникнуть проблемы из-за различия в нашем происхождении, и отчасти потому, что мне просто хотелось носить фамилию всех остальных членов моей семьи. Возможно, я даже испытывал желание сделать что-то хорошее для папы, хотя и был рад, когда мама с ним развелась. Я не предупредил ее об этом заранее, но потребовалось ее разрешение, и, когда ей позвонили из суда, она подтвердила свое согласие, хотя, вероятно, подумала, что я с этим поторопился. Это был далеко не последний случай в моей жизни, когда мои решения и выбор времени оказывались небесспорными.

Крах брака моих родителей, их развод и примирение отняли у меня много душевных сил в период между окончанием младшей средней школы и вторым годом обучения в старой средней школе, что стояла на холме.

Подобно тому, как мама с головой ушла в работу, я целиком погрузился в занятия в средней школе и знакомство с новыми для меня окрестностями Скалли-стрит. Это был квартал, застроенный главным образом новыми скромного вида домами. На противоположной стороне улицы находился квадратный пустырь — все, что осталось от фермы Уитли, которая еще недавно занимала намного большую площадь. Каждый год мистер Уитли засаживал весь пустырь пионами. Весной они пышно цвели и привлекали со всей округи людей, которые терпеливо ждали, когда он начнет срезать цветы и раздавать их всем желающим.

Наш дом был на улице вторым. В первом, на углу Скалли-стрит и Уитли-стрит, жили преподобный Уолтер Йелделл, его жена Кей и их дети Кэролайн, Уолтер и Линда. Уолтер был пастором Второй баптистской церкви, а впоследствии стал президентом Арканзасской конвенции баптистов. Он и Кей с самого первого дня замечательно к нам относились. Я не знаю, как брат Йелделл, как мы его называли, скончавшийся в 1987 году, смог бы существовать в условиях, когда после выхода в 90-х годах Конвенции южных баптистов, семинарии были очищены от инакомыслящих «либералов» и церковь «поправила» в отношении всех социальных вопросов, кроме расового (тем самым она замаливала грехи прошлого). Брат Йелделл был крупным и плотным мужчиной, он весил намного больше 250 фунтов. За его внешней застенчивостью скрывались потрясающее чувство юмора и поразительная смешливость. Такими же качествами обладала и его жена. В них не было ни капли напыщенности. Брат Йелделл вел людей к Христу

через наставления и собственный пример, а не через осуждение и насмешки. Он не был бы в чести у некоторых из нынешних баптистских лидеров или сегодняшних консервативных ведущих ток-шоу, но я любил с ним поговорить.

Кэролайн, старшая из детей Йелделлов, была моей ровесницей. Она любила музыку, замечательно пела и была превосходным аккомпаниатором. Мы провели бесчисленное множество часов за пением у ее пианино. Время от времени Кэролайн подыгрывала мне, когда я играл на саксофоне; вероятно, это был не первый случай, когда аккомпаниатор превосходил солиста. Вскоре Кэролайн стала одним из моих самых близких друзей и членом нашей постоянной компании вместе с Дэвидом Леопулосом, Джо Ньюманом и Ронни Сесилом. Мы вместе ходили в кино и на школьные мероприятия и проводили много времени, играя в карты и другие игры или просто валяя дурака — обычно у нас дома. В 1963 году, когда я стал делегатом национального съезда юношеской секции Американского легиона от мальчиков и снялся на ставшей теперь знаменитой фотографии с президентом Кеннеди, Кэролайн была избрана делегаткой от девочек. С жителями одного и того же города такое произошло только однажды. Кэролайн поступила в Университет штата Индиана, где изучала вокал. Она хотела стать оперной певицей, но ей не нравился образ жизни артистов. Вместо этого она вышла замуж за прекрасного фотографа Джерри Стейли, родила троих детей и стала ведущим специалистом в области грамотности взрослых. Став губернатором, я назначил ее ответственной за программу обеспечения грамотности взрослых в нашем штате, и их семья жила в большом старом доме примерно в трех кварталах от моей резиденции. Я часто бывал у них на вечеринках либо приходил к ним, чтобы поиграть и попеть, как в прежние времена. Когда я стал президентом, Кэролайн с семьей переехала в Вашингтон, где начала работать в Национальном институте грамотности, который позже возглавила. Она проработала там какое-то время после того, как я покинул Белый дом, а затем последовала по стопам своего отца, посвятив себя церковному служению. Семейство Стейли до сих пор занимает большое место в моей жизни. А началось все это на Скалли-стрит.

Дом на противоположной стороне улицы принадлежал Джиму и Эдит Кларк — бездетной паре, которая относилась ко мне как к собственному ребенку. Среди прочих наших соседей были Фрейзеры, супруги постарше, которые постоянно меня поддерживали, когда я пошел в политику. Но самый большой подарок я получил от них случайно. В 1974 году, после того как я провалился на выборах в Конгресс от штата Арканзас и все еще чувствовал себя довольно паршиво, я увидел во время какого-то праздника маленькую внучку Фрейзеров, которой было тогда лет пять или шесть. Она страдала серьезным заболеванием, из-за которого ее кости были слабыми и ей приходилось носить гипсовый корсет по самую грудь и ходить, выворачивая носки наружу, чтобы снять давление с позвоночника. Она выглядела очень неуклюже, передвигаясь на костылях, но была стойкой девочкой, совершенно лишенной застенчивости, что отличает уверенных в себе ма-

леньких детей. Увидев ее, я спросил, знает ли она, кто я такой. Девочка сказала: «Конечно, ты же Билл Клинтон». Как же мне было нужно, чтобы об этом мне напомнили именно тогда!

Хассины, сирийско-итальянское семейство, о котором я уже упоминал, вшестером теснились в крошечном домике в конце улицы. Они, должно быть, тратили все деньги на еду. Каждый год на Рождество и во время нескольких других праздников эта семья угощала целый квартал огромными порциями итальянских блюд. Я до сих пор слышу, как мама Джина говорит: «Билл, Билл, ну съешь еще!»

А еще были Джон и Тони Карбер, книгочеи и самые большие интеллектуалы из всех, кого я знал, и их сын Майк, который учился в моем классе. И Чарли Хаусли — настоящий мужчина, который знал все об охоте и рыбной ловле и мог починить что угодно, то есть разбирался в вещах, которые очень важны для маленьких мальчиков; он взял Роджера под свое покровительство. Хотя наши новые жилище и двор были меньше прежних, а места вокруг — не такими красивыми, я полюбил свой новый дом и его окрестности. Здесь мне было хорошо в те годы, когда я учился в средней школе.

Годы учебы в старших классах были для меня чудесным временем. Мне нравились школьные занятия, мои друзья, оркестр, работа в ордене де Моле и многое другое, но меня беспокоило то, что в школах Хот-Спрингс все еще существовало раздельное обучение: чернокожие дети посещали Лэнгстонскую среднюю школу, самым знаменитым выпускником которой был легендарный защитник футбольной команды «Вашингтон редскинз» Бобби Митчелл. Я следил за развитием движения за гражданские права, а также за событиями холодной войны, такими как вторжение в залив Кочинос и инцидент с самолетом U-2 и Фрэнсисом Гэри Пауэрсом, по вечерним выпускам новостей и публикациям в нашей ежедневной газете *Sentinel-Record*. Прекрасно помню Кастро, въезжающего в Гавану во главе своей разношерстной, но победоносной армии. Однако политика имела для меня, как и для большинства детей, меньшее значение, чем события повседневной жизни. И, если не считать случавшихся время от времени у папы срывов, моя жизнь мне очень нравилась.

Именно учась в старших классах, я по-настоящему полюбил музыку. К рок-н-роллу, свингу и религиозной музыке госпел, которая в моем сознании ассоциировалась с чистой радостью, добавилась классическая, джазовая и оркестровая музыка. Так получилось, что к музыкальным стилям кантри и вестерн я пришел только после двадцати, когда дорос до творчества Хэнка Уильямса и Пэтси Клайн.

Помимо участия в «марширующем» и концертном оркестрах я играл и в нашем танцевальном оркестре — «Стардастерс». Целый год длилось мое соперничество за место первого тенор-саксофона с Ларри Макдугалом, который выглядел так, словно выступал вместе с Бадди Холли — рок-музыкантом, трагически погибшим в авиакатастрофе в 1959 году с двумя другими «звездами» — «Большим Боппером» и семнадцатилетним Ричи Валенсом. Став президентом, я выступил с речью перед студентами в Мейсон-Сити, штат Айова, неподалеку от того места, где состоялось последнее выступление Холли и его друзей, — им стал танцзал «Серф» в соседнем городке Клиар-Лейк, — после чего отправился туда на автомобиле. Этот зал сохранился до сих пор, и его следовало бы превратить в место поклонения для тех из нас, кто вырос на творчестве этих музыкантов.

Так вот, Макдугал выглядел и играл так, словно был одним из них. Он носил прическу «утиный хвост» — коротко остриженные волосы на макушке и набриолиненные длинные пряди по бокам, — а его манера исполнения была характерна скорее для рок-н-ролла, чем для джаза или свинга. В 1961 году я играл несколько хуже, чем он, но был полон решимости повысить свое мастерство. В том году мы вступили в соревнование с другими джазовыми оркестрами в Камдене на юге Арканзаса. Я должен был играть

небольшое соло в медленной красивой пьесе. За его исполнение я, к своему удивлению, получил приз как «лучший лирический солист». В следующем году моя игра улучшилась настолько, что я получил место первого саксофона в сводном оркестре штата. Я занял его еще раз, уже учась в выпускном классе, когда Джо Ньюман стал лучшим ударником.

На протяжении двух последних лет учебы в средней школе я играл в джазовом трио «Три короля» с Рэнди Гудрамом, пианистом, который был на год младше меня и играл несравнимо лучше. Нашим первым ударником был Майк Хардгрэйвз. У Майка не было отца, его воспитывала мать, которая часто приглашала меня и еще пару его друзей поиграть в карты. Когда я учился в выпускном классе, нашим ударником стал Джо Ньюман. Мы зарабатывали кое-какие деньги, играя на танцах, выступали на школьных мероприятиях, в том числе на ежегодном концерте эстрадных оркестров. Пьесой, которая служила нам своего рода визитной карточкой, была тема из кинофильма «Сид». У меня до сих пор хранится ее магнитофонная запись, которая и сегодня звучит неплохо, если не считать «петуха», которого я выдал в своем заключительном риффе. У меня всегда были проблемы с нижними нотами.

Руководителем нашего оркестра был Верджил Сперлин, высокий, крупный мужчина с темными волнистыми волосами и мягкими манерами. Он был неплохим руководителем оркестра и превосходным человеком. Сперлин занимался также организацией фестиваля оркестров штата, который ежегодно проводился в Хот-Спрингс и длился по нескольку дней. Он должен был разрабатывать программу выступлений оркестров, ансамблей и сольных исполнителей, которые обычно проходили в зданиях младшей и старшей средней школы. Сперлин планировал дни, время и место проведения всех мероприятий и вывешивал расписание на больших досках для объявлений. Те из нас, у кого было такое желание, могли остаться после уроков, чтобы помочь ему выполнить эту работу. Для меня это был первый значительный организаторский опыт, который впоследствии мне очень пригодился.

На фестивалях штата я завоевал несколько медалей за сольное исполнение и игру в ансамбле, а также пару медалей за дирижирование, которыми я особенно гордился. Мне нравилось читать партитуру и добиваться, чтобы оркестр играл пьесу именно так, как, по-моему, она должна была звучать. Во время моего второго президентского срока Леонард Слаткин, главный дирижер Национального симфонического оркестра в Вашингтоне, однажды предложил мне дирижировать исполнением марша Сузы «Звездно-полосатый навсегда» в Центре Кеннеди. Слаткин сказал мне, что от меня требуется лишь помахать дирижерской палочкой более или менее в такт, а остальное сделают музыканты. Он даже предложил принести мне палочку и показать, как ее нужно держать. Когда я сказал ему, что с удовольствием это сделаю, но хотел бы сначала ознакомиться с партитурой марша, он чуть не уронил телефон. Однако палочку и партитуру все же принес. Встав перед оркестром, я очень волновался, но вот мы начали — и... пошло-поехало. Надеюсь, мистер Суза был бы доволен.

Еще одной моей попыткой проявить себя в художественном творчестве в период учебы в средней школе стало участие в спектакле «Мышьяк и старинные кружева» — фарсе о двух старых девах, которые отравляли людей и прятали их в доме, в котором жили вместе со своим ни о чем не подозревающим племянником. Я получил роль племянника, которого в снятом по этой пьесе фильме играл Кэри Грант. Роль моей подруги исполнила Синди Арнольд, высокая, очень привлекательная девушка. Спектакль имел большой успех, в значительной степени благодаря двум эпизодам, которые не были предусмотрены сценарием. В одной из сцен я должен был приподнять сиденье дивана, стоящего у окна, обнаружить под ним одну из жертв моих теток и изобразить на своем лице ужас. Я старательно репетировал эту сцену и выучил ее наизусть. Однако во время премьеры, когда я приподнял сиденье, под ним оказался мой друг Ронни Сесил, который посмотрел на меня и произнес заgrabным голосом: «Добрый вечер!» Я начал безудержно смеяться. К счастью, моему примеру последовали и остальные. Нечто еще более забавное произошло в зрительном зале. Когда я поцеловал Синди во время нашей единственной любовной сцены, ее бойфренд, ученик выпускного класса и отличный футболист по имени Аллен Бройлз, сидевший в первом ряду, издал громкий комичный стон, и публика грохнула. Тем не менее я все же получил удовольствие от поцелуя.

В нашей средней школе преподавали элементы дифференциального и интегрального исчисления и тригонометрию, химию и физику, испанский и французский языки, мы четыре года изучали латынь, чего не было в программе многих других школ Арканзаса. Нам повезло и в том смысле, что у нас было много умных и высокопрофессиональных учителей и замечательная директриса, Джонни Мей Маки, высокая, импозантная женщина с густыми черными волосами, всегда готовая улыбнуться или нахмуриться — в зависимости от обстоятельств. Джонни Мей поддерживала на нашем «корабле» железный порядок и при этом ухитрялась разжигать в нас боевой дух, что было довольно тяжелой задачей, поскольку наша футбольная команда занимала первое место по проигрышам в Арканзасе, и это в то время, когда футбол был своего рода религией и от каждого тренера ждали, чтобы он был Кнутом Рокне*. Каждый, кто учился в то время в нашей школе, наверняка помнит, как Джонни Мей завершала школьные собрания речевкой нашей команды, которая называлась «Троянцы»: подняв сжатую в кулак руку, забыв о своем руководящем положении, она оглушительно вопила: «Трамтарарам, трамтарарам, им — разгром, победу — нам! Пусть наша команда победит или умрет! Троянцы! Троянцы! Вперед, вперед, вперед!» К счастью, это была только речевка. Учитывая, что сам я за три года сумел накопить всего лишь шесть тачдаунов, двадцать девять результативных пасов и один гол, можно представить, какого уровня достигла бы смертность среди наших игроков, если бы мы строго следовали нашей речевке.

---

* Кнут Рокне (1888–1931) — завоевавший широкую известность в США тренер футбольной команды Университета Нотр-Дам (штат Индиана). — *Прим. пер.*

Четырехлетний курс латыни у нас вела Элизабет Бак, прекрасная, высокообразованная женщина из Филадельфии, которая заставляла нас заучивать множество отрывков из «Записок о Галльской войне» Цезаря. После того как русские обогнали нас в космосе, запустив спутник, президент Эйзенхауэр, а вслед за ним и президент Кеннеди решили, что американцам необходимо лучше знать естественные науки и математику, так что я прошел все курсы, которые только мог пройти. Я не блистал на занятиях по химии у Дика Дункана, но добился некоторых успехов в биологии, хотя на самом деле помню только один примечательный урок, на котором наш учитель Натан Макколи сказал нам, что мы умираем раньше, чем предусмотрено природой, потому что с возрастом сокращается способность человеческого организма превращать пищу в энергию и перерабатывать отходы. В 2002 году результаты ширококомасштабных медицинских исследований показали, что продолжительность жизни людей старшего возраста может быть значительно увеличена, если изменить рацион их питания. Наш учитель Макколи знал об этом еще сорок лет назад. Теперь, когда я сам принадлежу к числу людей старшего возраста, я пытаюсь следовать его совету.

Наш учитель всемирной истории Пол Рут был невысоким коренастым мужчиной из сельского района Арканзаса, сочетавшим в себе тонкий ум с грубоватыми манерами и оригинальным, язвительным чувством юмора. Когда меня выбрали губернатором, он оставил преподавательскую работу в Университете Уошито и стал работать у меня. Как-то раз в 1987 году я встретил Пола в Капитолии штата. Он и еще трое членов Законодательного собрания обсуждали недавний крах Гэри Харта, постигший его после того, как получила огласку история о его встречах с Донной Райс на яхте «Манки бизнес»*. Законодатели ханжески осуждали Гэри, а Пол, очень набожный человек, баптист, руководитель церковного хора и настоящий образец добродетельности, терпеливо слушал их излияния. Когда они замолчали, чтобы перевести дыхание, он вполне серьезно заявил: «Вы абсолютно правы. То, что он сделал, ужасно. Но знаете, что я вам скажу? Просто удивительно, как способствовало укреплению моего морального облика то обстоятельство, что я — толстый уродливый коротышка». Законодатели заткнулись, а Пол ушел вместе со мной. Я был восхищен этим человеком!

Я с удовольствием занимался английским языком и литературой. Джон Уилсон «оживил» для нас, пятнадцатилетних арканзасских школьников, «Юлия Цезаря» Шекспира, предложив нам пересказать пьесу своими словами, а потом задав вопросы о том, насколько верными кажутся нам представления Шекспира о человеческой натуре и мотивах поведения людей. Мистер Уилсон считал, что старина Уилл был, в общем-то, прав: жизнь — это одновременно и комедия, и трагедия.

На дополнительных занятиях по английскому языку в предпоследнем классе мы должны были написать автобиографическое сочинение. Мое

---

* В 1987 году сенатор Гэри Харт, бесспорный фаворит демократов на президентских выборах, был вынужден снять свою кандидатуру после того, как газета *Miami Herald* сообщила о его связи с манекенщицей Донной Райс. — *Прим. пер.*

сочинение было полно сомнений в себе, которых я еще не осознавал и в которых тогда сам себе не признавался. Вот некоторые выдержки из него:

Я — человек, которым движет и на которого влияет такое множество разнообразных сил, что иногда я начинаю сомневаться в разумности своего существования. Я — живой парадокс: глубоко религиозный и, тем не менее, не настолько твердый в своих убеждениях, насколько должен бы быть; стремящийся к ответственности и, тем не менее, уклоняющийся от нее; любящий правду, однако нередко уступающий лжи... Я не выношу себялюбия, однако каждый день вижу его в зеркале... Я вижу людей, многие из которых мне очень дороги, и понимаю, что они так и не научились жить. Я хочу быть другим и борюсь, чтобы стать не таким, как они, однако зачастую оказываюсь почти точной их копией... Какое надоедливое слово — я! Я, мне, мое, мои... единственные вещи, которые позволяют достойным образом использовать эти слова, — это всеобщие добродетели: вера, доверие, любовь, ответственность, сожаление, знание, однако нам не слишком часто удается поставить эти слова рядом. Неизбежна и встреча с акронимами* этих символов того, что делает жизнь стоящей усилий. Я в моих попытках быть честным не буду лицемерить, чего я терпеть не могу, и признаю их злое присутствие в себе — мальчике, изо всех сил старающемся стать мужчиной...

Моя учительница Лонни Варнеке поставила мне высшую оценку — 100 баллов, сказав, что мое сочинение — прекрасная и честная попытка «углубиться в себя», чтобы выполнить классическое требование «познать самого себя». Я был доволен, но тем не менее не знал, как разобраться в том, что открыл в себе. Я не делал ничего дурного: не пил, не курил и не заходил слишком далеко в отношениях с девушками, хотя целовался со многими. Большую часть времени я чувствовал себя вполне счастливым, но все-таки не был до конца уверен, действительно ли я таков, каким мне хотелось быть.

Мисс Варнеке устроила для нашего класса экскурсию в округ Ньютон. Это была моя первая поездка в глубь плато Озарк на севере Арканзаса — в наши Аппалачи. В то время это было место, где удивительная красота природы сочеталась с крайней бедностью и где много внимания уделялось политике. В округе проживало около шести тысяч человек, расселившихся на покрытой холмами и лощинами территории площадью более двухсот квадратных миль. Джаспер, центр округа, имел население чуть более трехсот человек. В нем имелись здание суда, построенное Управлением развития общественных работ, два кафе, магазинчик, где продавалась всякая всячина, и крошечный кинотеатр, куда наш класс пошел однажды вечером посмотреть вестерн с участием Оди Мерфи. Занявшись политикой, я хорошо узнал каждый городок в округе Ньютон, но влюбился в него еще в шест-

---

* По-видимому, Клинтон имеет в виду *антонимы* — слова, имеющие противоположное значение. — *Прим. пер.*

надцать лет, когда мы бродили по горным дорогам, знакомясь с историей, геологическим строением, флорой и фауной плато Озарк. Однажды мы посетили хижину одного из жителей этих гор, сохранившего коллекцию винтовок и пистолетов времен Гражданской войны, а затем исследовали пещеру, которую армия южан использовала как склад боеприпасов. В ней были обнаружены остатки арсенала вполне исправного оружия, и это явилось собой наглядное свидетельство реальности конфликта столетней давности в местах, где время течет медленно, старые обиды живут долго, а воспоминания продолжают передаваться из поколения в поколение. В середине 70-х годов, когда я был генеральным прокурором штата Арканзас, меня пригласили выступить с речью на церемонии вручения аттестатов в средней школе Джаспера. В своей речи я призвал учащихся идти вперед невзирая ни на что и сослался при этом на пример Авраама Линкольна — на все те трудности и неудачи, которые ему пришлось преодолеть. После этого лидеры местных демократов, выйдя вместе со мной на улицу, под усыпанное яркими звездами небо Озарка, сказали: «Билл, это была превосходная речь. Вы можете выступить с ней в Литл-Роке в любое время. Но больше не расхваливайте здесь этого президента-республиканца. Будь он настолько хорош, у нас не было бы Гражданской войны!» Я не знал, что на это ответить.

В выпускном классе на занятиях по английскому языку и литературе у Рут Суини мы читали «Макбета», и она предложила нам выучить наизусть отрывки из этой пьесы. Я выучил примерно сотню строк, включая знаменитый монолог, который начинается словами: «Бесчисленные “завтра”, “завтра”, “завтра” крадутся мелким шагом, день за днем, к последней букве вписанного срока» и заканчивается так: «Жизнь — ускользящая тень, фигляр, который час кривляется на сцене и навсегда смолкает; это — повесть, рассказанная дураком, где много и шума и страстей, но смысла нет»*. Почти тридцать лет спустя, когда я уже был губернатором, мне довелось побывать на занятиях в одной из школ Вилонии, штат Арканзас, где ученики обсуждали «Макбета», и я прочитал им наизусть эти строки, все еще полные для меня силы и ужасного смысла, который, как я твердо решил, никогда не будет применен к моей жизни.

Летом перед выпускным классом я провел неделю в лагере «Робинсон» в качестве участника ежегодного съезда юношеской секции Американского легиона штата. Это был старый армейский лагерь с плохо обустроенными деревянными казармами, в которых разместились тысяча шестнадцатилетних мальчишек. Нас объединили в группы по городам и округам, разделили поровну на две политические партии и познакомили, в качестве кандидатов и избирателей, с политикой, проводимой на местном уровне, на уровне округа и штата. Кроме того, мы занимались разработкой политических платформ и проводили голосование по различным вопросам, слушали выступления представителей администрации Арканзаса, включая

---

* Уильям Шекспир. Макбет. Акт V, сцена 5. Перевод М. Лозинского. — *Прим. пер.*

губернатора, и даже провели один день в Капитолии штата в качестве «губернатора», членов его «аппарата» и «законодателей», заняв их кабинеты и помещения Законодательного собрания.

В конце недели обе партии выдвинули по два кандидата для участия в общенациональном съезде юношеской секции Американского легиона, который должен был пройти в конце июля неподалеку от американской столицы, в Университете штата Мэриленд в Колледж-парке. Были проведены выборы, и два человека, получивших наибольшее число голосов, поехали туда в качестве сенаторов от штата Арканзас. Я был одним из них.

Отправляясь в лагерь «Робинсон», я намеревался баллотироваться именно на пост сенатора. Самым престижным был пост губернатора, однако в то время он не представлял для меня никакого интереса, как, впрочем, и в последующие годы, когда я уже стал взрослым. Я считал, что только в Вашингтоне можно заниматься важной работой в области гражданских прав, борьбы с бедностью, образования и внешней политики. К тому же я в любом случае не смог бы победить на выборах губернатора, потому что там, как говорят в Арканзасе, уже «налили в блюдечко и подули» — то есть все было решено заранее. У Мака Макларти, моего давнего друга из Хоупа, шансы были выше. Будучи президентом ученического совета своей школы, звездой футбола и круглым отличником, он за несколько недель до этого начал работу по обеспечению поддержки своей кандидатуры по всему штату. Наша партия выдвинула Ларри Тонтонна, диктора радио с прекрасным бархатным голосом, внушавшим доверие своей искренностью, однако избиратели предпочли Макларти, и на общенациональный съезд юношеской секции Американского легиона поехал он. Мы были уверены, что он первым из наших ровесников будет избран губернатором, и эта уверенность еще более усилилась, когда четыре года спустя его избрали президентом студенческой организации Университета штата Арканзас, а еще через год, в двадцать два года, он стал самым молодым членом Законодательного собрания штата. Вскоре после этого Мак, вместе с отцом работавший в компании Ford, придумал новую схему аренды грузовиков «Форд», которая в итоге принесла состояние и ему, и Ford Motor Company. Он сосредоточился на деловой карьере и вскоре занял пост президента Arkansas-Louisiana Gas Company, крупнейшей в штате компании газоснабжения. Однако Мак продолжал активно заниматься политикой, и благодаря своему опыту руководителя и организатора сбора средств оказал помощь многим демократам Арканзаса, в частности мне и Дэвиду Прайору. Он работал вместе со мной в Белом доме вначале в качестве главы аппарата, а затем — специального представителя президента в американских государствах. В настоящее время Макларти является партнером Генри Киссинджера в консалтинговой компании и владельцем двенадцати фирм по продаже автомобилей в Сан-Паулу (Бразилия).

Хотя Ларри Тонтон потерпел поражение на губернаторских выборах, он получил большой утешительный приз: будучи единственным помимо Макларти юношей, чье имя было известно всем, он стал бесспорным кандидатом на одно из двух мест на общенациональном съезде — ему следовало лишь подать заявление о регистрации. Однако неожиданно возникла

проблема. Другой «звездой» в делегации был Билл Рейнер, чрезвычайно умный и красивый молодой человек, отличный спортсмен. Отправляясь на съезд юношеской секции штата, они договорились, что Тонтон будет баллотироваться в губернаторы, а Рейнер — в делегаты общенационального съезда. Теперь же они оба намеревались выдвигать свои кандидатуры на общенациональный съезд, а правила запрещали направлять на него двух представителей от одного города. Кроме того, оба они были членами моей партии, а я уже неделю активно вел собственную кампанию. В письме, написанном тогда маме, я сообщил, что уже одержал победу на выборах сборщика налогов, секретаря партии и муниципального судьи и теперь баллотировался на должность окружного судьи — важный пост в реальной политической жизни Арканзаса.

В последнюю минуту, незадолго до собрания, на котором мы должны были выступить с предвыборными речами, Тонтон подал заявление о регистрации. Билл Рейнер был настолько ошеломлен, что с трудом произнес свою речь. У меня сохранился экземпляр моей собственной речи, в которой нет ничего примечательного, не считая упоминания о расовых беспорядках в Центральной средней школе Литл-Рока: «Мы выросли в штате, на котором лежит позорное пятно из-за кризиса, который был совершенно не нужен его жителям». Я не одобрял того, что сделал губернатор Фобус, и хотел, чтобы в других штатах люди были лучшего мнения об Арканзасе. После подсчета голосов выяснилось, что Ларри Тонтон победил с большим преимуществом. Я, с приличным отставанием, стал вторым. Рейнер же оказался далеко позади. Высоко оценив достоинство, с которым Билл перенес свое поражение, я стал относиться к нему с большой симпатией.

В 1992 году Билл, который тогда жил в Коннектикуте, связался со штабом моей предвыборной кампании, предложив свою помощь. Так возобновилась наша дружба, выкованная в горниле испытаний, через которые мы прошли в юности.

Через день мы с Ларри Тонтоном одержали победу над своими противниками из другой партии, и 19 июля 1963 года я прибыл в Колледж-парк. Мне не терпелось поскорее познакомиться с другими делегатами, принять участие в голосовании по различным важным вопросам, услышать выступления членов кабинета и других правительственных чиновников и посетить Белый дом, где мы надеялись увидеть президента.

Дни нашего пребывания там были до отказа заполнены различными мероприятиями, поэтому неделя пролетела быстро. Я помню, что особое впечатление на меня произвели выступление министра труда Уилларда Уирца и дебаты по законопроектам в области гражданских прав. Многие из делегатов съезда были республиканцами, поддерживавшими Барри Голдуотера, и надеялись, что он одержит победу над президентом Кеннеди на выборах 1964 года, однако среди них оказалось достаточно людей, придерживавшихся прогрессивных взглядов на вопрос о гражданских правах, включая и нас, четверых южан, и наши законодательные инициативы получили одобрение.

Всю неделю, пока продолжался общенациональный съезд юношеской секции Американского легиона, у меня сохранялись напряженные отношения

с Ларри Тонтоном — из-за моей дружбы с Биллом Рейнером и из-за того, что я придерживался более либеральных взглядов на гражданские права. Я рад, что, уже будучи президентом, встретился с Ларри Тонтоном и его детьми. Он производил впечатление порядочного человека, чья жизнь сложилась вполне удачно.

В понедельник 22 июля мы посетили Капитолий, сфотографировались на его ступенях и встретились с сенаторами от нашего штата. Мы с Ларри завтракали с Джеймсом Уильямом Фулбрайтом, председателем сенатского Комитета по международным отношениям, и Джоном Маккелланом, председателем Комитета по ассигнованиям. Правило старшинства тогда еще действовало в полную силу, и благодаря ему ни один другой штат не мог в то время сравниться по влиятельности с Арканзасом. Кроме того, все четыре наших конгрессмена занимали важные посты: Уилбур Миллз был председателем бюджетного комитета, Орен Харрис — председателем комитета по торговле, «Тук» Гатингс — старейшим членом комитета по сельскому хозяйству, а Джим Тримбл, который был конгрессменом «всего лишь» с 1945 года, — членом влиятельного комитета по правилам, контролирующего поток законопроектов, стекающихся в Конгресс. Я и представить себе не мог, что не пройдет и трех лет, как я буду работать у Фулбрайта в Комитете по международным отношениям. Через несколько дней после этого завтрака мама получила от сенатора Фулбрайта письмо, в котором он писал, что наше общение доставило ему удовольствие и что она должна мною гордиться. У меня до сих пор хранится это письмо — свидетельство моего первого успеха в административной сфере.

В среду 24 июля мы отправились в Белый дом на встречу с президентом, которая должна была состояться в Розовом саду. Президент Кеннеди, вышедший из Овального кабинета в залитый ярким солнечным светом сад, высказал ряд кратких замечаний, похвалил нас за нашу работу и в особенности за наше выступление в поддержку гражданских прав. Он дал нам более высокую оценку, чем губернаторы, собравшиеся на свой ежегодный летний съезд. После того как ему была вручена футболка с эмблемой юношеской секции Американского легиона, Кеннеди спустился вниз по ступеням, и начался обмен рукопожатиями. Я стоял в первом ряду и был выше других юношей, а кроме того, считал себя наиболее последовательным сторонником президента из присутствующих, поэтому мне удалось бы пожать ему руку даже в том случае, если бы он подал ее лишь двум-трем из нас. Это был незабываемый для меня момент — встреча с президентом, в чью поддержку я выступал на наших школьных дебатах в девятом классе и к которому, после того как он пробыл в должности два с половиной года, испытывал еще бóльшую симпатию. Один мой друг сфотографировал меня в этот момент, а впоследствии в Библиотеке имени Кеннеди мы нашли кинолентку, на которой было запечатлено это рукопожатие.

Об этой краткой встрече и о том, как она повлияла на мою жизнь, было сказано и написано очень много. По словам моей матери, когда я приехал домой, она уже знала, что я твердо намерен заняться политикой, а после того, как в 1992 году я стал кандидатом в президенты от демократической

партии, эту встречу стали называть отправной точкой моих президентских устремлений. Однако сам я в этом не уверен. У меня сохранился экземпляр речи, с которой я по возвращении домой выступил перед членами Американского легиона в Хот-Спрингс, и я не слишком подробно рассказал в ней об этом рукопожатии. В то время я, как мне казалось, хотел стать сенатором, но в глубине души, вероятно, чувствовал то же самое, что и Авраам Линкольн, когда, еще будучи молодым человеком, писал: «Я буду учиться и готовиться, и, возможно, удача мне улыбнется».

Я достиг определенных успехов в политической жизни школы, где в предпоследний год обучения был избран президентом класса, и хотел баллотироваться на пост президента школьного совета, однако сертификационная группа, осуществлявшая надзор за нашей школой, решила, что школьникам Хот-Спрингс не следует заниматься слишком разнообразной деятельностью, и ввела ограничения. Будучи руководителем оркестра, я по новым правилам не мог баллотироваться в школьный совет или на должность президента класса, как и Фил Джеймисон, капитан футбольной команды и наиболее вероятный претендент на победу.

Невозможность баллотироваться на пост президента школьного совета не слишком огорчила ни меня, ни Фила Джеймисона. Фил поступил в военно-морскую академию, а по окончании флотской карьеры занял в Пентагоне важный пост, связанный с контролем над вооружениями. В годы моего президентства он участвовал во всех важнейших совместных российско-американских мероприятиях, и благодаря нашей дружбе я мог получать подробные оперативные сведения о нашей деятельности в этом направлении, что было бы невозможно, если бы я не был знаком с ним лично.

Один из наиболее глупых политических шагов в своей жизни я совершил, когда позволил одному из моих друзей, разгневанному новыми ограничениями на нашу деятельность, выдвинуть меня на должность секретаря выпускного класса. Моя соседка Кэролайн Йелделл запросто меня обошла, что и должно было случиться. Это был дурацкий, эгоистичный поступок, который лишь подтвердил одно из правил, которых я придерживаюсь в политике: никогда не баллотируйся на должность, которая тебе в действительности не нужна, если у тебя нет веских причин ее занять.

Несмотря на все эти неудачи, в какой-то момент, когда мне не было еще и шестнадцати, я решил, что хочу участвовать в общественной жизни, работая на выборной должности. Я любил музыку и считал, что из меня мог бы получиться очень хороший музыкант, но знал, что никогда не стану Джоном Колтрейном или Стэном Гетцем. Я интересовался медициной и считал, что мог бы стать хорошим врачом, но знал, что никогда не стану Майклом Дебейки. И в то же время я понимал, что смогу многого достичь на государственной службе. Меня увлекала перспектива работать с людьми и участвовать в политической жизни, и я был уверен, что смогу сделать карьеру без фамильного состояния, или связей, или господствовавшей на Юге позиции по расовым и другим вопросам. Конечно, это было маловероятно, но разве не именно так бывает в Америке?

Еще одно незабываемое для меня событие произошло летом 1963 года. 28 августа, через девять дней после того, как мне исполнилось семнадцать лет, я сидел дома в большом белом шезлонге и смотрел по телевизору выступление Мартина Лютера Кинга у Мемориала Линкольна, в котором он говорил о том, какой мечтает увидеть Америку в будущем. Эта речь была самой замечательной из всех, которые мне довелось услышать в моей жизни. Его голос был одновременно рокоchущим и дрожащим, а ритмичные фразы напоминали старинные негритянские спиричуэлс. Мартин Лютер Кинг рассказывал стоявшей перед ним огромной толпе и миллионам людей, застывших, как и я, перед экранами своих телевизоров, о своей мечте: «У меня есть мечта о том, что однажды на красных холмах Джорджии сыновья бывших рабов и сыновья бывших рабовладельцев смогут сесть за общий стол братства... что придет день, когда четверо моих маленьких детей будут жить в стране, где о них будут судить не по цвету их кожи, а по личным качествам».

Сегодня, через сорок с лишним лет, трудно передать те чувства и ту надежду, которыми наполнила меня речь Кинга; трудно объяснить, что она значила для страны, в которой еще не было ни закона «О гражданских правах», ни закона «Об избирательных правах», когда еще не проводилась жилищная политика равных возможностей, а в Верховном суде еще не было Тергуда Маршалла*; для американского Юга, где в большинстве школ все еще практиковалось раздельное обучение, где подушный избирательный налог затруднял чернокожим доступ к избирательным урнам и заставлял их объединяться в блоки, чтобы голосовать за сохранение статус-кво, и где все еще широко использовалось слово «черномазый».

Во время этой речи я заплакал и не мог остановиться еще долго после ее завершения. Кинг словно высказал все мои мысли, причем сделал это гораздо лучше, чем мог бы сделать я. Эта речь наряду с силой примера моего деда стала главным, что укрепило меня в стремлении всю оставшуюся жизнь делать все от меня зависящее, чтобы воплотить в жизнь мечту Мартина Лютера Кинга.

Через две недели начался последний учебный год в средней школе. Я все еще ощущал подъем после общенационального съезда юношеской секции Американского легиона и твердо намеревался как следует провести последние дни детства.

Самым трудным для меня предметом в средней школе были основы дифференциального и интегрального исчисления. В нашем классе было семь

---

* Тергуд Маршалл (1908–1993) — первый чернокожий в составе Верховного суда США (1967–1991). — *Прим. пер.*

учеников, и этот предмет у нас раньше не преподавался. Я хорошо помню два события. Наш преподаватель, мистер Коу, раздал нам контрольные работы. В моей работе все ответы были правильными, однако оценка свидетельствовала о том, что один из них неверный. Мистер Коу пояснил, что я недостаточно поработал над решением задачи и правильный ответ, вероятно, получил случайно. Действительно, согласно учебнику, для решения этой задачи требовалось на несколько действий больше. Однако в нашем классе был один настоящий гений, Джим Макдугал (нет, не из компании Whitewater*), который, посмотрев мою работу, сказал мистеру Коу, что тот должен засчитать мне решение этой задачи, потому что оно абсолютно верно, а кроме того, мой вариант даже лучше, чем в учебнике, потому что короче. После этого он предложил доказать обоснованность своего мнения. Поскольку способности Джима внушали мистеру Коу не меньшее благоговение, чем всем нам, тот сразу же согласился. И Джим исписал математическими формулами всю доску, чтобы доказать, насколько мое решение лучше приведенного в учебнике. Я чувствовал себя полным идиотом. Мне всегда нравилось и до сих пор нравится решать головоломки, но в данном случае я словно пробирался по лабиринту на ощупь. Я совершенно не понимал пояснений Джима и не был уверен, понимал ли их мистер Коу, однако по окончании его великолепного выступления моя оценка была исправлена. В результате я понял две вещи: во-первых, при решении задач хорошее чутье иногда может возместить недостаток интеллекта, и, во-вторых, мне совершенно ни к чему продолжать заниматься высшей математикой.

Двадцать второго ноября, когда наш класс после большой перемены собрался на четвертый урок, мистера Коу вызвали к директору. Он вернулся бледный как полотно и едва мог говорить. Он сказал нам, что в президента Кеннеди стреляли в Далласе и что он, вероятно, убит. Я был просто раздавлен этим известием. Всего четыре месяца назад я видел его, полного жизни и сил, в Розовом саду Белого дома. Столь многое из того, что он сделал и сказал, было воплощением моих надежд и моих политических убеждений: и его речь при вступлении в должность, и проводимая им в Латинской Америке политика «Союз ради прогресса», и проявленное им хладнокровие при разрешении карибского ракетного кризиса, и создание Корпуса мира, и потрясающая фраза из речи «Ich bin ein Berliner» («Я — берлинец»): «Свобода предполагает немало трудностей, и демократия не совершенна, но у нас никогда не было нужды возводить стену, чтобы удерживать наш народ».

---

* В марте 1994 года в Конгрессе США были выдвинуты обвинения против Билла и Хиллари Клинтон в связи с вложением денег в арканзасскую фирму Whitewater Development Corporation с «предосудительными намерениями». В результате разразившегося скандала, получившего название «уайтуотергейт», несколько высокопоставленных чиновников из администрации Клинтон были вынуждены уйти в отставку. Джим Макдугал, партнер супругов Клинтон в компании Whitewater, был признан виновным. В сентябре 2000 года обвинения по делу «Уайтуотер» с Клинтон были сняты, и они были оправданы за недостаточностью доказательств. — *Прим. пер.*

После уроков все ученики из корпуса, где проходили занятия нашего класса, пришли в главное здание. Все мы были очень подавлены — все, кроме одного, точнее одной. Я случайно услышал, как одна привлекательная девушка, игравшая вместе со мной в оркестре, сказала, что для страны, может быть, и хорошо, что он погиб. Я знал, что ее семья была более консервативной, чем моя, но тем не менее был потрясен и разгневан тем, что кто-то, кого я считал своим другом, мог сказать такое. Если не принимать в расчет откровенного расизма, это было моим первым столкновением с той ненавистью, с которой мне предстояло еще не раз встретиться за годы моей политической карьеры и которая в последней четверти XX века вылилась в мощное политическое движение. Я рад, что моя приятельница преодолела в себе это чувство. Когда в 1992 году я проводил предвыборную кампанию в Лас-Вегасе, она приехала на одно из моих мероприятий. К тому времени она стала социальным работником и демократом. Я несказанно обрадовался нашему примирению и той возможности залечить старую рану, которую оно мне предоставило.

Я смотрел похороны президента Кеннеди по телевизору и почувствовал некоторое утешение, увидев, с какой сдержанностью Линдон Джонсон принял на себя президентские обязанности, и услышав трогательные слова, которые он при этом произнес: «Я бы с радостью отдал все, что у меня есть, чтобы не стоять здесь сегодня». Постепенно моя жизнь вернулась в привычную колею. Остаток учебного года пролетел незаметно: я работал в ордене де Моле и играл в оркестре, участвовал в поездках оркестра старшеклассников в Пенсаколу, штат Флорида, и на фестиваль оркестров штата, а также замечательно проводил время в компании моих друзей: обедал в кафе «Клаб», где подавали самый лучший голландский яблочный пирог, который я когда-либо пробовал, ходил в кино, на танцы в Ассоциацию молодых христиан, ел мороженое в кафе Кука и барбекю в кафе Маккларда — семейном предприятии с семидесятипятилетней историей, где можно было попробовать пожалуй лучшее в Америке барбекю и, без всякого сомнения, самую вкусную жареную фасоль.

В том году я в течение нескольких месяцев встречался с Сюзан Смитерс, девушкой из городка Бентон, штат Арканзас, расположенного в тридцати милях к востоку от Хот-Спрингс, на шоссе, ведущем к Литл-Року. Часто по воскресеньям я ездил к ней в Бентон, где посещал церковь и обедал с ее семьей. После обеда мать Сюзан, Мэри, ставила на стол блюдо жареных пирожков с персиками или яблоками, и мы с ее отцом Ризом наедались так, что меня едва не приходилось выносить из-за стола. Однажды в воскресенье после обеда мы с Сюзан поехали в город Боксит, расположенный недалеко от Бентона и названный так потому, что в его окрестностях добывали руду для производства алюминия. Добравшись до города, мы решили посмотреть на карьеры и съехали с дороги на твердую, как мне показалось, глинистую почву на самом краю огромного карьера. Прогулявшись вокруг него, мы сели в машину, чтобы возвращаться домой, и тут наше настроение здорово испортилось. Колеса моего автомобиля увязли в мягкой влажной земле, и, несмотря на то что они крутились вовсю, мы не смогли отъехать

ни на дюйм. Я нашел какие-то старые доски и подложил их под задние колеса, но и это не помогло. Прошло два часа, начинало темнеть, я сжег протекторы, а мы так и не тронулись с места. Наконец я оставил эту затею и пошел в город пешком, чтобы позвать на помощь и позвонить родителям Сюзан. В конце концов помощь прибыла, и нас на буксире вытащили из образовавшейся глубокой колеи, причем шины моей машины были гладкими, как попка младенца. Когда я привез Сюзан домой, уже давно было темно. Наверное, ее родные поверили нашему рассказу, однако ее отец на всякий случай пошел взглянуть на мой автомобиль. В те гораздо более невинные годы это обидело меня до глубины души.

По мере того как последний школьный год подходил к концу, я все больше задумывался о колледже. Так получилось, что я даже не думал о поступлении в какой-нибудь из университетов «Лиги плюща»*. Я знал, куда именно хотел пойти учиться, и подал заявление только туда — в Школу дипломатической службы Джорджтаунского университета. Я не собирался стать дипломатом и даже не видел университетский городок Джорджтауна, когда приезжал на съезд юношеской секции Американского легиона, но я хотел вернуться в Вашингтон, а кроме того, Джорджтаунский университет имел лучшую академическую репутацию в городе и меня привлекала легендарная интеллектуальная строгость иезуитов**. Я считал, что должен как можно больше узнать о международных делах, а во внутренней политике смогу разобраться, просто находясь в Вашингтоне в середине 60-х годов. Я думал, что сумею поступить в университет, потому что в школе был четвертым из 327 учеников, получил неплохие оценки на вступительных экзаменах, а в Джорджтаунском университете обычно старались заполучить по меньшей мере по одному студенту из каждого штата (первый опыт политики позитивных действий!). И все же я волновался.

Я решил, что, если меня не примут в Джорджтаунский университет, буду поступать в Университет штата Арканзас, который придерживался политики свободного зачисления выпускников арканзасских средних школ и куда, как говорили сведущие люди, как раз и должны идти честолюбивые юноши, мечтающие о политике. Во вторую неделю апреля пришло уведомление о моем зачислении в Джорджтаунский университет. Я был счастлив, но к тому времени уже начал сомневаться в том, стоит ли мне туда ехать. Стипендии я не получил, а учеба там стоила очень дорого: 1200 долларов нужно было платить за обучение, 700 долларов составляла плата за общежитие и различные студенческие взносы, плюс книги, питание и прочие расходы. Хотя по арканзасским меркам мы были вполне обеспеченной

---

* Группа самых престижных частных колледжей и университетов на северо-востоке США: Дартмутский колледж, Йельский, Колумбийский, Пенсильванский, Принстонский, Корнелльский, Гарвардский университеты и Университет Брауна. Название связано с тем, что по английской традиции стены университетов — членов Лиги увиты плющом. — *Прим. пер.*

** Джорджтаунский университет основан в 1787 году орденом иезуитов. — *Прим. пер.*

семьей, я не был уверен в том, что мои родные смогут себе позволить такие расходы. А еще я переживал из-за того, что мне придется уехать так далеко и оставить маму и Роджера наедине с папой, хотя он и стал гораздо спокойнее: сказывался возраст. Эдит Айронз, мой советник по профориентации, была убеждена, что я должен ехать и что это — инвестиция в мое будущее, которую должны сделать мои родители. Мама с папой признавали ее правоту. Мама, кроме того, была уверена, что если я проявлю себя в университете, то смогу получить финансовую помощь. И я решил попытаться.

Церемония окончания средней школы состоялась вечером 29 мая 1964 года на стадионе «Рикс», где обычно проходили футбольные матчи. Мне как четвертому по результатам ученику школы было поручено произнести благодарственную молитву. Если бы к тому времени уже были приняты законы о запрете на совершение молитв в школах, те, кто, как и я, произносил их на выпускных церемониях, остались бы без дела. Я согласен, что деньги налогоплательщиков не следует использовать исключительно в религиозных целях, но я был весьма польщен возможностью сказать свое последнее слово на празднике, которым завершались годы учебы в средней школе.

В этой благодарственной молитве я отразил свои глубокие религиозные убеждения и слегка коснулся политики, моля Господа, чтобы Он оставил в нас «юношеский идеализм и нравственность, которые придали сил нашему народу»: «Внуши нам отвращение к апатии, невежеству и отрицанию, чтобы наше поколение избавило души свободных людей от самодовольства, нищеты и предрассудков... Помогите нам стать заботливыми, чтобы нам были неведомы муки и смятение жизни без цели и чтобы, когда мы умрем, у остальных по-прежнему была возможность жить в свободной стране».

Я знаю, что некоторые неверующие люди могут счесть все это оскорбительным или наивным, но рад, что в то время был таким идеалистом, и я все еще верю в каждое слово той молитвы.

По окончании церемонии я пошел с Морией Джексон на выпускной вечер в старый клуб «Бельведер», располагавшийся недалеко от нашего дома на Парк-авеню. Поскольку в то время мы с Морией оба были свободны и знали друг друга еще с начальной школы св. Иоанна, это показалось нам неплохой идеей, и мы не ошиблись.

На следующий день началось мое последнее лето детства. Это было типичное для Арканзаса прекрасное жаркое лето, которое пролетело слишком быстро. Я совершил шестую и последнюю поездку в летний лагерь для участников школьных оркестров и принял участие в съезде юношеской секции Американского легиона штата в качестве советника. В то лето я две недели работал в компании Clinton Buick, помогая папе провести ежегодную инвентаризацию, что мне уже не раз приходилось делать и прежде. В наши дни, когда отчетность можно вести с помощью компьютерных программ, а запчасти заказывать на оптовых базах, где все прекрасно организовано, мало кто помнит, что в то время хранили запчасти для автомобилей десятилетнего и даже более старшего возраста и каждый год вручную их пересчитывали. Запчасти хранились в небольших гнездах на очень

высоких стеллажах, стоящих вплотную друг к другу, из-за чего на складе было очень темно, в отличие от находившегося сразу за витриной ярко освещенного демонстрационного зала, в котором мог поместиться лишь один новый «Бьюик».

Работа эта была утомительной, но мне она нравилась, главным образом потому, что это было единственное, что я делал вместе с папой. Я вообще любил бывать в компании Buick и общаться с дядей Реймондом, с продавцами на автомобильной стоянке, заполненной новыми и подержанными автомобилями, и с механиками, работавшими в заднем помещении. Особенно мне нравились трое рабочих, двое из которых были чернокожими. У Эрли Арнольда, похожего на Рея Чарльза, был, наверное, самый заразительный смех, который я когда-либо слышал. Он всегда очень хорошо ко мне относился. Джеймс Уайт был более сдержанным, и это было вполне понятно: ведь него было восемь детей, которых он растил на те деньги, которые платил ему дядя Реймонд и которые зарабатывала его жена Эрлен, начавшая работать у нас в доме после того, как от нас ушла миссис Волтерс. Я обожал доморощенную философию Джеймса. Однажды, когда я заметил, как быстро пролетели мои школьные годы, он сказал: «Да, время летит так быстро, что я едва успеваю за собственным возрастом». Тогда я думал, что это шутка. Теперь это не кажется мне таким забавным.

Белый парень, Эд Фоши, был автомобильным гением; впоследствии он открыл собственный магазин. Когда я уезжал учиться, мы продали ему «Генри-Джей», на котором я ездил, — один из шести жутко изношенных автомобилей, которые папа восстановил на фирме по продаже «бьюиков» в Хоупе. Мне очень не хотелось расставаться с этой машиной, несмотря на течь в тормозной системе и прочие мелочи, и сейчас я бы отдал что угодно, лишь бы ее вернуть. Благодаря ей мы с друзьями много раз замечательно проводили время, правда, один раз нам не повезло. Как-то вечером я выезжал из Хот-Спрингс по 7-му шоссе, которое было довольно скользким, и прямо передо мной ехал черный автомобиль. Когда мы проезжали мимо кинотеатра для автомобилистов «Джесси Хау», ехавший впереди автомобиль резко затормозил: очевидно, водитель хотел посмотреть, что показывали на большом экране. Одна из его тормозных фар не работала, и я не сразу заметил, что он остановился, а когда заметил, было слишком поздно. Невнимательность в сочетании с замедленной реакцией и ненадежными тормозами привела к тому, что я въехал черному автомобилю прямо в зад, ударившись челюстью о рулевое колесо, которое тут же разломилось пополам. К счастью, никто серьезно не пострадал, а у меня была страховка на покрытие ущерба, нанесенного второму автомобилю. Ребята из компании Clinton Buick так отремонтировали «Генри-Джей», что он стал как новенький, и, слава Богу, сломалось рулевое колесо, а не моя челюсть. Было ничуть не больнее, чем когда, за несколько лет до этого, мне врезал Генри Хилл, и уж точно никакого сравнения с тем, как меня чуть не задал баран. К тому времени я относился к таким вещам философски, подобно мудрецу, который сказал: «Собаке полезно время от времени заводить блох. Это помогает ей меньше беспокоиться о том, что она собака».

Лето пролетело слишком быстро, как это всегда бывает в детстве, и 12 сентября мы с мамой вылетели в Вашингтон, чтобы оставшуюся до начала занятий в университете неделю посвятить знакомству с достопримечательностями. Я не знал, что меня ожидает, но с нетерпением ждал перемен в своей жизни.

Мама переживала гораздо больше, чем я. Мы всегда были близки, и я знал, что, когда она смотрит на меня, то часто видит во мне моего отца. Она наверняка задумывалась о том, как будет без моей помощи растить Роджера-младшего и справляться с Роджером-старшим. Мы оба знали, что будем очень скучать. Мы были очень похожими и в то же время достаточно разными, чтобы общение друг с другом доставляло нам радость. Мои друзья ее тоже любили, а она любила, когда они бывали у нас дома. Они, конечно, продолжали приходить к нам, но теперь это случалось только тогда, когда я приезжал домой на Рождество или летние каникулы.

Тогда я еще не знал то, что знаю теперь, — как сильно она беспокоилась за меня. Недавно мне попало письмо, написанное ею в декабре 1963 года в поддержку моей заявки на стипендию Ордена лосей,^{*} которая ежегодно выделялась одному-двум ученикам выпускных классов в городах, где имелись клубы ордена. Она писала, что этим письмом надеется хотя бы немного уменьшить чувство своей вины передо мной: «Моя профессия — анестезия, и она всегда занимала то время, которое я должна была посвящать Биллу. Поэтому то, каким он стал и чего добился в жизни, — целиком его собственная заслуга. Когда я смотрю на него, я вижу человека, который всем обязан только самому себе». Как же она ошибалась! Ведь это она научила меня каждый день вставать и идти дальше; искать в людях лучшее, даже если сами они видели во мне только плохое; быть благодарным за каждый новый день и встречать его с улыбкой; верить, что я смогу осуществить задуманное и стать тем, кем хочу, если приложу к этому необходимые усилия, верить, что любовь и доброта в конце концов одержат верх над жестокостью и эгоизмом. Мама не была тогда религиозной в обычном смысле этого слова, хотя с возрастом стала глубоко верующей. Она видела столько смертей, что ей трудно было поверить в загробную жизнь. Однако если Бог есть любовь, ее можно было назвать очень религиозной женщиной. Жаль, что я недостаточно часто говорил ей, что обязан всем не только самому себе!

Несмотря на переживания, связанные с предстоящими переменами в нашей жизни, приехав в Джорджтаун, мы с мамой ощутили радостное воз-

---

^{*} Благотворительный и покровительствующий Орден лосей США — мужская патриотическая и благотворительная организация со штаб-квартирой в Чикаго, штат Иллинойс, и филиалами во многих городах США. Основана в 1868 году. — *Прим. пер.*

буждение. Всего в паре кварталов от главного университетского городка располагался так называемый Восточный городок, в котором находились Школа дипломатической службы и факультеты, на которые принимали женщин. Состав студентов здесь отличался большим религиозным и расовым разнообразием. Колледж был основан в 1789 году, в первый год президентства Джорджа Вашингтона, архиепископом Джоном Кэрроллом, чья статуя замыкает большой круг при въезде в главный университетский городок. В 1815 году президент Джеймс Мэдисон подписал законопроект, которым Джорджтаунскому университету предоставлялось право присуждать ученые степени. Хотя наш университет с самого начала был открыт для представителей любой веры и одним из его самых известных президентов был отец Патрик Хили — первый чернокожий президент преимущественно белого университета, возглавлявший его с 1874 по 1882 год, — в городке жили исключительно мужчины, и почти все они были белыми католиками. Школа дипломатической службы была основана в 1919 году отцом Эдмундом Уолшем, убежденным антикоммунистом. В те годы среди университетской профессуры было еще много преподавателей, бежавших или пострадавших от коммунистических режимов в Европе и Китае и поддерживающих любые антикоммунистические действия американского правительства, включая войну во Вьетнаме.

Консервативный дух Школы дипломатической службы проявлялся не только в политике. Консервативным был и учебный план, отражавший принципы иезуитского образования — *Ratio Studiorum*, разработанные в конце XVI века. В первые два года обучения студенты должны были проходить по шесть курсов за семестр, что в общей сложности составляло восемнадцать-девятнадцать учебных часов в неделю, причем факультативных дисциплин не было вплоть до второго семестра предпоследнего курса. Кроме того, здесь существовал дресс-код. Когда я учился на первом курсе, юноши должны были ходить на занятия в пиджаке и белой рубашке с галстуком. В это время уже появились рубашки из быстросохнущей синтетической ткани, но чувствовал я себя в них ужасно, поэтому, отправляясь в Джорджтаун, решил выкраивать по пять долларов на стирку из тех двадцати пяти долларов, которые еженедельно выделялись мне на еду и прочие расходы. Правила проживания в общежитии были довольно строгими: «По вечерам в будни первокурсники должны находиться в своих комнатах и заниматься; свет к полуночи должен быть выключен. По вечерам в пятницу и субботу первокурсники должны возвращаться в свои комнаты не позднее 0.30... Совершенно недопустимо присутствие в общежитиях университета гостей противоположного пола, содержание домашних животных, распитие алкогольных напитков и хранение огнестрельного оружия». Я знаю, что с тех пор многое изменилось, но, когда мы с Хиллари в 1997 году привезли Челси в Стэнфорд, мы все же ощутили некоторую тревогу, увидев молодых людей и девушек в одном общежитии. Что же касается огнестрельного оружия, то Национальной стрелковой ассоциации, видимо, пока еще не удалось добиться снятия ограничений.

Одним из первых, кого я встретил, когда мы с мамой вошли в главные ворота, был отец Диннин — священник, знакомивший новичков-перво-

курсников с университетом. Вместо приветствия он сообщил мне, что в Джорджтауне не совсем понимают, почему южный баптист, не знающий ни одного иностранного языка, кроме латыни, решил поступить в Школу дипломатической службы. Его тон говорил о том, что в университете не совсем понимают и почему меня туда приняли. Я лишь рассмеялся и сказал, что, возможно, мы вместе разберемся в этом через год-два. Я видел, что мама была расстроена, поэтому, когда отец Диннин занялся другими студентами, сказал ей, что скоро все они узнают, почему меня приняли. Конечно, я блефовал, но мои слова прозвучали вполне убедительно.

Покончив с формальностями, мы отправились в общежитие, чтобы осмотреть мою комнату и познакомиться с моим соседом. Лойола-холл располагается на углу Тридцать пятой улицы и Эн-стрит, позади Уолш-билдинг, в котором размещается Школа дипломатической службы, и соединен с ним переходом. Мне была выделена комната №225, находившаяся прямо над главным входом со стороны Тридцать пятой улицы. Ее окна выходили на дом и сад почтенного Клайборна Пелла, сенатора от штата Род-Айленд, который все еще сохранял свою должность, когда я уже стал президентом. Мы с Хиллари подружились с ним и его женой Нуалой, и через тридцать лет после того, как я разглядывал их величественный старинный дом снаружи, я наконец смог увидеть его изнутри.

Когда мы с мамой подошли к моей комнате, я был ошеломлен. Президентская кампания 1964 года была в самом разгаре, и на двери красовался плакат в поддержку Голдуотера. А я-то думал, что все это осталось в прошлом, в Арканзасе! Плакат принадлежал моему соседу по комнате Тому Кэмпбеллу, ирландцу-католику из Хантингтона, что на острове Лонг-Айленд, окончившему иезуитскую среднюю школу Ксавье в Нью-Йорке, где он считался хорошим футболистом. Его родители были убежденными республиканцами-консерваторами. Отец Тома, адвокат, представлявший консервативную часть республиканской партии, был избран судьей местного суда. Получив такого соседа, Том, вероятно, удивился даже больше меня. Прежде он никогда не встречался с баптистами из Арканзаса, а в довершение всего я был убежденным демократом и сторонником Линдона Джонсона.

Мама не могла допустить, чтобы такая мелочь, как политика, помешала нам стать добрыми соседями. Она заговорила с Томом так, словно знала его всю жизнь, как она говорила со всеми, — и вскоре завоевала его расположение. Мне он тоже понравился, и я подумал, что наше соседство может оказаться вполне приятным. Так оно и вышло: мы прекрасно ладили все четыре года учебы в Джорджтауне и дружим вот уже почти сорок лет.

Вскоре мама попрощалась со мной, стараясь сохранять бодрый и веселый вид, и я стал знакомиться со своим непосредственным окружением, начав с нашего этажа в общежитии. Я услышал музыку, доносившуюся с другого конца холла, — тему Тары из кинофильма «Унесенные ветром», — и пошел на звук, надеясь увидеть если не еще одного демократа, то хотя бы еще одного южанина. Вместо этого, подойдя к комнате, откуда доносилась музыка, я увидел человека, которого невозможно было отнести ни к одной категории, — Томми Каплана. Он сидел в единственном на нашем этаже кресле-

качалке. Я узнал, что его родители живут в Балтиморе, он единственный ребенок в семье, его отец занимается ювелирным бизнесом и знаком с президентом Кеннеди. У него была необычайно правильная речь, которая показалась мне аристократической. Томми сообщил, что хочет стать писателем, и принялся потчевать меня рассказами о Кеннеди. Хотя он мне сразу понравился, тогда я еще не знал, что только что встретил человека, который станет одним из моих лучших друзей. За четыре года Томми познакомил меня с Балтимором, я побывал в его доме на восточном побережье Мэриленда, посетил богослужения в епископальной церкви. Томми познакомил меня с Нью-Йорком, отелем «Пьер» с его замечательным индийским карри, отелем «Карлайл» с его великолепным обслуживанием и роскошными номерами и «Клубом 21», где мы небольшой компанией отпраздновали его двадцать первый день рождения. Он также познакомил меня со штатом Массачусетс и полуостровом Кейп-Код, где я чуть не утонул, сорвавшись с обросшей ракушками скалы и сильно изрезав руки, грудь и ноги. Когда я из последних сил пытался добраться до берега, меня спасли по счастью оказавшаяся там длинная узкая песчаная отмель и рука помощи, протянутая мне Файфом Саймингтоном, старым школьным другом Томми, впоследствии избранным губернатором Аризоны от республиканской партии. (Если бы он мог заглянуть в будущее, то, возможно, еще подумал бы, стоит ли меня спасать!) Я, в свою очередь, познакомил Томми с Арканзасом, с обычаями южан и местной политической жизнью. Думаю, обмен получился равноценный.

В течение следующих нескольких дней я познакомился с остальными студентами и приступил к занятиям. Я также рассчитал, как прожить на двадцать пять долларов в неделю. Пять долларов требовалось на стирку пяти белых рубашек, и я решил питаться на доллар в день с понедельника по пятницу и выделять еще доллар на еду в выходные. Таким образом, у меня оставалось четырнадцать долларов на то, чтобы сходить куда-нибудь в субботу вечером. В 1964 году на четырнадцать долларов я мог сводить девушку поужинать, а иногда еще и в кино. Обычно я предлагал ей первой выбирать блюда и делал заказ с таким расчетом, чтобы его стоимость вместе с чаевыми не выходила за рамки моего бюджета. В те времена в Джорджтауне было много хороших ресторанов, где четырнадцати долларов на ужин для двоих было вполне достаточно. Кроме того, в первые несколько месяцев свидания у меня бывали далеко не каждую субботу, так что нередко кое-какие деньги даже оставались.

В остальные дни я вполне обходился долларом в день, и мне всегда казалось, что у меня полно денег: их хватало даже на оплату занятий в школе танцев или на какие-то другие расходы. В гастрономе Вайсмиллера на Тридцать шестой улице прямо напротив Уолш-билдинг, где у нас проходило большинство занятий, по утрам я за двадцать центов покупал кофе и два пончика; здесь впервые в жизни я начал пить кофе, и от этой привычки мне до сих пор не удается избавиться. За обедом я роскошествовал на тридцать центов. Половина этой суммы уходила на фирменный яблочный или вишневый пирог, еще половина — на поллитровую порцию колы «Роял Краун». Я обожал «Роял Краун» и очень расстроился, когда ее перестали выпускать.

Ужин был еще дороже — целых пятьдесят центов. Обычно я ужинал в магазинчике «Хойя — обеды навynos», расположенном в двух кварталах от нашего общежития. В нем, несмотря на название, была стойка, где можно было поесть в свое удовольствие. Еда здесь составляла половину развлечения. За пятнадцать центов я получал еще одну большую порцию колы или другого газированного напитка, а за тридцать пять — отличный сэндвич из тунца с ржаным хлебом, настолько большой, что от него трудно было откусывать. За восемьдесят пять центов можно было взять такой же большущий сэндвич с ростбифом. Время от времени, если в предыдущую субботу мне удавалось не потратить все четырнадцать долларов, я покупал такой сэндвич.

Настоящей же достопримечательностью магазинчика «Хойя — обеды навynos» были ее владельцы — Дон и Роза. Дон был здоровяком с татуировкой на мощном бицепсе, что в те времена было редкостью (это теперь татуировки на телах рок-звезд, спортсменов и хиппующей молодежи стали привычным зрелищем). У Розы была пышная прическа с начесом, миленькое личико и великолепная фигура, которую она демонстрировала, щеголяя в облегающих свитерах, узких брюках и туфлях на шпильках. Она как магнит притягивала к себе взгляды юношей с небольшими средствами и богатым воображением, а присутствие добродушного, но бдительного Дона гарантировало, что мы будем заняты исключительно едой. В присутствии Розы мы ели не спеша, и это обеспечивало нам хорошее пищеварение.

В первые два года учебы я редко отваживался покидать окрестности университета, ограниченные Эм-стрит и рекой Потомак на юге, Ку-стрит на севере, Висконсин-авеню на востоке и университетским зданием на западе. Моими любимыми местами в Джорджтауне были «Тумз» — пивной зал в подвале ресторана «1789», куда ходило большинство студентов, чтобы выпить пива с гамбургерами, ресторан Билли Мартина, где была вкусная еда, приятная атмосфера и приемлемые цены, и «Селлар Дор» на Эм-стрит — вниз под горку от моего общежития. Там была замечательная живая музыка. Именно в «Селлар Дор» я услышал Гленна Ярборо, популярного в 60-е годы фолк-певца, замечательного джазового органиста Джимми Смита и ныне забытую группу под названием «Магвампс», которая распалась вскоре после моего приезда в Джорджтаун. Двое исполнителей-мужчин создали новую, более известную группу «Лавин Спунфул», а солистка Касс Эллиот стала Мамой Касс из группы «Мамас энд Папас». Иногда ресторанчик «Селлар Дор» открывался в воскресенье днем, и тогда там можно было сидеть часами всего за доллар, потягивая кока-колу и слушая «Магвампс».

Хотя иногда я чувствовал себя в Джорджтауне запертым в четырех стенах, большую часть времени я был необычайно счастлив, поглощенный занятиями и общением с друзьями. Изредка, однако, мне удавалось приятно провести время за пределами моего кокона. Через несколько недель после начала первого семестра я отправился в Лизнеровскую аудиторию* послу-

---

* Аудитория университета Джорджа Вашингтона, используемая в качестве театрально-концертного зала. — *Прим. пер.*

шать выступление Джуди Коллинз. Я и сейчас, закрыв глаза, вижу ее — с длинными белокурыми волосами, в хлопчатобумажном платье до пола, стоящую на сцене с гитарой. С того дня я стал ее горячим поклонником. В декабре 1978 года, когда меня впервые выбрали губернатором, мы с Хиллари съездили в короткий отпуск в Лондон. Однажды, когда мы прогуливались в Челси по Кингс-роуд, разглядывая витрины, в одном из магазинов вдруг зазвучала песня Джони Митчелл «Утро в Челси» в исполнении Джуди. Мы тут же договорились, что, если у нас когда-нибудь родится дочь, мы назовем ее Челси.

Хотя я не часто выбирался за пределы Джорджтауна, в первом семестре мне удалось дважды побывать в Нью-Йорке. На День благодарения я поехал в гости к Тому Кэмпбеллу на Лонг-Айленд. К тому времени Линдон Джонсон победил на выборах, и я с удовольствием беседовал о политике с отцом Тома. Вечером я замучил его расспросами о том, не договорились ли между собой жители района, в котором они жили, не продавать дома представителям нежелательных групп населения — например, чернокожим. Такие соглашения были обычным делом, пока Верховный суд не признал их неконституционными. Мистер Кэмпбелл сказал, что да, действительно, в районе, в котором они жили, действовало такое соглашение, но оно было направлено против евреев, а не чернокожих. Я вырос в южном городе, где было две синагоги и немало антисемитов, которые называли евреев не иначе как «христоубийцами», однако меня удивило то, что антисемитизм процветает и в Нью-Йорке. Наверное, сделанное мною открытие о том, что Юг не обладает монополией на расизм или антисемитизм, должно было меня успокоить, однако этого не произошло.

За несколько недель до Дня благодарения состоялось мое первое знакомство с «Большим Яблоком»* — я побывал в Нью-Йорке с Джорджтаунским оркестром, вообще говоря, представлявшим собой сборную солянку. Мы репетировали лишь раз-два в неделю, однако играли довольно неплохо, и нас пригласили выступить с концертом в маленькой католической школе — женском колледже св. Иосифа в Бруклине. Концерт прошел отлично, а после него, во время неформальной встречи со студентками колледжа, я познакомился с девушкой, которая пригласила меня к себе домой выпить кока-колы с ней и ее матерью. Я впервые побывал в огромном жилом доме — одном из тех, в которых живет подавляющее большинство жителей Нью-Йорка, как бедных, так и богатых. В доме не было лифта, так что нам пришлось пройти пешком несколько лестничных пролетов, чтобы подняться на этаж, где находилась ее квартира, показавшаяся мне тогда такой маленькой: ведь я привык к просторным арканзасским домам, в которых жили даже люди со скромным достатком. Все, что я помню об этой встрече, — это то, что эта девушка и ее мать оказались очень милыми, и я был поражен тем, что люди, живя в столь тесном помещении, могут оставаться такими общительными и доброжелательными.

---

* «Большое Яблоко» — прозвище города Нью-Йорка. — *Прим. ред.*

Распроставшись с ними, я остался один на один с огромным городом. Я остановил такси и попросил отвезти меня на Таймс-сквер. Я никогда не видел так много ярких неоновых огней. Площадь была невероятно шумной: здесь бурлила жизнь, в том числе и ее темная сторона. Здесь я впервые увидел уличную проститутку, соблазнявшую какого-то довольно жалкого типа в темном костюме, с короткой стрижкой, в очках в черной роговой оправе и с портфелем. Он явно колебался между соблазном и страхом. В конце концов страх пересилил, и он пошел дальше своей дорогой, а она улыбнулась, пожала плечами и стала ждать другого клиента. Я рассматривал афиши театров и объявления в витринах магазинов, и мое внимание привлекло красочное объявление: ресторан «Гедз-стейкс» предлагал большие бифштексы по цене один доллар пятьдесят девять центов.

Я решил не упускать такой возможности и, войдя в ресторан, взял бифштекс и нашел свободный столик. За соседним столом сидели молодой человек с сердитым лицом и его мать, выглядевшая очень расстроенной. Юноша несколько раз раздраженно повторил: «Это дешежка, мама. Это дешежка», на что его мать ответила, что, по словам продавца, это очень хорошая вещь. Мне понадобилось всего несколько минут, чтобы понять, о чем шла речь. Эта женщина накопила денег, чтобы купить сыну проигрыватель, который ему страшно хотелось иметь. Проблема заключалась в том, что она приобрела стандартную систему с хорошим качеством воспроизведения, «хай-фай», а ему хотелось получить одну из новейших стереосистем, звучание у которых было намного лучше и которые у следящей за модой молодежью ценились выше. Однако его мать, очевидно, не могла позволить себе такую покупку, и теперь вместо благодарности юноша во всеуслышанье орал на нее: «Все, что у нас есть, — дешежка! Мне хотелось иметь хороший проигрыватель!» Я почувствовал отвращение. Мною овладело желание врезать ему как следует и крикнуть, что ему повезло, что у него есть мать, которая его любит, кормит и одевает, зарабатывая на это почти наверняка тяжелой работой, приносящей слишком малый доход. Я встал и вышел с чувством гадливости, не доев свой по дешевке купленный бифштекс. Этот случай произвел на меня сильное впечатление — наверное, из-за того, что пришлось испытать в жизни моей собственной матери. Он заставил меня больше ценить повседневные усилия мужчин и женщин, выполняющих работу, которую нам самим не хочется делать, но за которую мы не желаем слишком много платить. Он усилил мою ненависть к неблагодарности и стремление лучше проявлять собственную благодарность. А еще он усилил мою решимость наслаждаться счастливыми минутами жизни, не относясь к ним слишком серьезно, поскольку я знал, что по прихоти судьбы в любой момент могу лишиться всего, чего достиг.

Вскоре после возвращения из Нью-Йорка я ушел из оркестра, чтобы больше внимания уделять занятиям и участвовать в студенческом самоуправлении. Проведя одну из моих лучших кампаний, я победил на выборах президента первого курса. Мой электорат состоял в основном из католиков ирландского и итальянского происхождения с восточного побережья. Я не помню, как решился принять участие в выборах, но многие студенты

оказали мне активную поддержку, и это было потрясающе. Я не затрагивал по-настоящему серьезных проблем и не имел могущественных покровителей. Вся моя предвыборная кампания свелась к низовой агитации и единственному выступлению. Один из членов моего избирательного штаба написал мне записку, свидетельствующую о масштабах нашей предвыборной деятельности: «Билл, возникли проблемы среди “Новых людей”»; Ганновер набрал много голосов. Есть перспективы на третьем этаже (этаже Паллена) в Лойоле — в конце коридора, где телефон-автомат. Спасибо Дику Хейзу. До завтра. Спите крепко, господа. Кинг». Это был Джон Кинг, живчик ростом пять футов пять дюймов, капитан команды гребцов Джорджтауна и партнер по занятиям нашей однокурсницы Люси Джонсон, дочери президента, которая однажды пригласила его на обед в Белый дом, что вызвало у нас восхищение и зависть.

Накануне выборов, во вторник, студенты нашего курса собрались, чтобы послушать наши предвыборные речи. Моя кандидатура была предложена Бобом Биллингсли, общительным ньюйоркцем. Его дядя Шерман был владельцем клуба «Сторк», и он рассказывал мне замечательные истории обо всех звездах, побывавших в этом клубе начиная с 20-х годов. Боб сказал, что у меня есть опыт административной работы и что я — «человек, который умеет делать дело, причем делать его хорошо». Затем наступила моя очередь. Я не поднимал никаких проблем и обещал только добросовестно выполнять «любую необходимую работу и в любое время», независимо от того, одержу ли я победу или проиграю, а также придать выборам «дух, который прибавит нашему курсу силы и гордости, когда предвыборная гонка закончится». Выступление мое было скромным, каким ему и следовало быть: мне, как говорится, было о чем скромничать*.

Более сильный из двух моих соперников попытался добавить весомости своим словам в момент, когда этого совсем не требовалось, сообщив нам, что участвует в выборах потому, что не хочет, чтобы наш курс провалился «в гибельную бездну». Я не очень понимал, какую бездну он имеет в виду, — скорее всего место, куда можно попасть за сотрудничество с коммунистами. Эти слова о бездне были явным перебором, и именно благодаря им я получил свой первый большой шанс. Мы старались изо всех сил, и я был избран. После подсчета голосов мои друзья собрали кучу пяти-, десяти- и двадцатипятицентовых монет, чтобы я мог позвонить домой из ближайшего телефона-автомата и сообщить родным о своей победе. Этот разговор доставил мне радость. Я почувствовал, что дома все хорошо, а мама поняла, что мне удастся справляться со своей тоской по дому.

Мне нравилось участвовать в студенческом самоуправлении, бывать в Нью-Йорке и просто жить в Джорджтауне, однако главным в первый год в университете для меня были занятия. Впервые учеба потребовала серьезных усилий. У меня было одно большое преимущество: все шесть курсов у нас читали очень интересные и знающие преподаватели. Мы должны были

---

* Ср. со словами Уинстона Черчилля, сказанными о его сопернике на выборах 1945 года Клементе Эттли: «Скромняга, которому есть о чем скромничать». — *Прим. пер.*

изучать какой-нибудь иностранный язык. Я выбрал немецкий, потому что меня интересовала эта страна и нравились ясность и точность ее языка. Доктор фон Ихеринг, преподаватель немецкого языка, был добродушным человеком. Когда пришедшие к власти фашисты начали жечь книги, в том числе и написанные им книги для детей, он прятался на чердаке в сельском доме. У Артура Коззенса, преподавателя географии, была белая козлиная борода и своеобразная манера вести занятия, на которых я скучал до тех пор, пока он не сказал нам, что в геологическом плане Арканзас — одно из интереснейших мест на планете благодаря залежам глинозема, а также месторождениям алмазов, кварца и других минералов.

Логику у нас преподавал Отто Генц, иезуит, еще не получивший сан священника. Он был очень энергичным человеком и заботился о студентах. Однажды Отто предложил мне поужинать вместе. Чувствуя себя польщенным, я согласился, и мы отправились на Висконсин-авеню в ресторан «Говард Джонсон». Некоторое время мы говорили о разных вещах, потом Отто посерьезнел и спросил меня, не задумывался ли я о том, чтобы стать иезуитом. Я рассмеялся и ответил: «А разве для этого мне не нужно сначала стать католиком?» Когда я сообщил ему, что я баптист, и шутливо заметил, что вряд ли смог бы соблюдать обет безбрачия, даже если бы и был католиком, он покачал головой и сказал: «Я не могу в это поверить. Я читал ваши доклады и экзаменационные работы. Вы пишете, как католик. Вы мыслите, как католик». Я рассказывал эту историю избирателям-католикам во время губернаторской кампании в Арканзасе, убеждая их, что я больше всех остальных кандидатов похож на губернатора-католика.

Другой преподаватель-иезуит, Джозеф Себес, был одним из самых замечательных людей, которых я когда-либо знал. Худощавый и сутулый, он был талантливым лингвистом. Больше всего его интересовала Азия. Он работал в Китае, когда к власти в этой стране пришли коммунисты, и некоторое время провел в плену — в вырытой в земле яме. Результатом лишения, которые ему тогда пришлось перенести, стали болезнь желудка и потеря почки. Он вел курс, который назывался «Сравнительная культурология», однако его следовало бы назвать «История мировых религий»: мы изучали иудаизм, ислам, буддизм, синтоизм, конфуцианство, даосизм, индуизм, джайнизм, зороастризм и другие религии. Я обожал Себеса и благодаря ему узнал о том, как люди во всем мире определяют такие понятия как Бог, истина и добродетель. Зная, что многие студенты приехали из-за рубежа, он предоставил каждому возможность сдавать заключительный экзамен устно — на одном из девяти иностранных языков. Во втором семестре я получил по его предмету «отлично». Кроме меня такую же оценку заслужили только три других студента, и это стало одним из моих наивысших университетских достижений.

Среди моих преподавателей были две очень колоритные фигуры. Роберт Ирвинг преподавал английский язык первокурсникам и пугал их, делая язвительные замечания об их многословии и неумении точно выражать свои мысли. Он делал оскорбительные пометки на полях письменных работ; одного из своих студентов назвал «тупицей с причудами», а на выражение

недовольства другим отреагировал такими словами: «Не голова, а кочан капусты». Замечания, которых удостаивались мои сочинения, были более прозаическими: на полях или в конце работы доктор Ирвинг писал «неук», что означало «неуклюже», и «фу», имея в виду «весьма скучно и жалко». В конце концов, на полях одного из моих сочинений, которое я сохранил, он написал «умно и вдумчиво», но добавил к этому просьбу «в следующий раз не жадничать» и использовать для работы «бумагу получше»! Однажды доктор Ирвинг зачитал нам сочинение о Марвелле*, написанное одним из его бывших студентов, чтобы показать, как важно быть осторожным в использовании языка. Студент отметил, что Марвелл любил свою жену даже после того, как она умерла, а потом добавил неудачную фразу: «Разумеется, физическая любовь по большей части заканчивается после смерти». Ирвинг взревел: «По большей части! По большей части! Очевидно, есть люди, для которых нет ничего лучше в погожий денек, чем отличный холодный труп!» Думаю, это было все же чересчур для восемнадцатилетних юношей — выпускников католических школ и одного южного баптиста. Я не знаю, чем доктор Ирвинг занимается сегодня, но содрогаюсь при мысли, что он, возможно, читает эту книгу: могу представить себе, какие убийственные замечания он пишет на ее полях.

Самым популярным курсом в Джорджтауне было «Развитие цивилизаций», который вел профессор Кэрол Куигли. Этот курс был обязателен для всех первокурсников, и учебные группы насчитывали более двухсот человек. Хотя этот предмет был довольно трудным, он тем не менее пользовался безумной популярностью благодаря интеллекту Куигли и высказываемым им суждениям, порой довольно необычным. Он любил порассуждать о реальности паранормальных явлений и как-то заявил, что видел, как во время спиритического сеанса стол оторвался от пола и одна женщина парила в воздухе. А чего стоила его лекция, в которой он осуждал превознесение Платоном абсолютного разума над опытом, читаемая им ежегодно в конце курса. Свое выступление он всегда заканчивал тем, что рвал в клочья экземпляр «Государства» Платона в мягкой обложке, а затем швырял обрывки в аудиторию с криком: «Платон — фашист!»

На экзаменах предлагались заумные вопросы, например: «Кратко и четко изложите историю Балканского полуострова с начала Вюрмского оледенения до времен Гомера» или «Какова связь между процессом космической эволюции и степенью абстракции?»

Мне особенно запомнились два из высказанных Куигли положений. Во-первых, о том, что всякому обществу приходится разрабатывать упорядоченные средства достижения своих военных, политических, экономических, социальных, религиозных и интеллектуальных целей. Проблема, по словам Куигли, заключается в том, что все эти средства в конечном счете становятся «институциональными» — то есть приобретают вид общественных

---

* Марвелл (Marvell) Эндрю (1621–1678) — английский поэт. В период Английской буржуазной революции был сторонником О. Кромвеля, другом и почитателем Дж. Мильтона. — *Прим. пер.*

институтов, скорее стремящихся сохранить свои привилегии, нежели обеспечить удовлетворение потребностей, ради которых они были созданы. Когда это происходит, изменения становятся возможными только в результате реформ или действий в обход этих институтов. Если же ни то ни другое не помогает, наступают реакция и упадок.

Его вторая запомнившаяся мне мысль касалась ключа к разгадке величия западной цивилизации и ее неизменной способности к реформированию и обновлению. По словам Куигли, успех нашей цивилизации коренится в ее уникальных религиозных и философских убеждениях: что человек в основе своей добродетелен; что истина существует, но никакой смертний ею не обладает; что мы можем приблизиться к истине только совместными усилиями; что через веру и добрые дела мы можем добиться лучшей жизни на этом свете и получить воздаяние на том. Он говорил, что эти идеи придали нашей цивилизации ее оптимистический, прагматический характер и непоколебимую веру в возможность позитивных изменений. Куигли резюмировал нашу идеологию термином «будущее предпочтение», означая веру в то, что «будущее может быть лучше прошлого, и у каждого индивидуума есть личные моральные обязательства способствовать осуществлению этого». Начиная с кампании 1992 года и затем на протяжении двух моих президентских сроков я часто цитировал эти слова профессора Куигли, надеясь, что они подтолкнут моих соотечественников и меня самого к тому, чтобы добиваться воплощения в жизнь проповедуемых им идеалов.

К концу первого курса я уже несколько месяцев встречался со своей первой постоянной девушкой. Дениз Хайленд была высокой веснушчатой ирландкой с красивыми добрыми глазами и очаровательной улыбкой. Она родилась в городе Аппер-Монтклер, штат Нью-Джерси, и была вторым ребенком в семье врача, где кроме нее было еще пятеро детей. До знакомства с матерью Дениз ее отец готовился стать священником. Мы расстались в конце предпоследнего курса, но навсегда остались друзьями.

Мне не терпелось поехать домой, где меня ждала встреча со старыми друзьями и настоящее, любимое мною жаркое лето. Мне предстояла работа в «Йорктаун-Бей» — лагере Военно-морской лиги США для детей из бедных семей, главным образом из штатов Техас и Арканзас, на озере Уошиито, самом большом из трех озер Хот-Спрингс и одном из самых чистых в Америке. Здесь на глубине более тридцати футов было отчетливо видно дно. Это искусственное озеро находилось в национальном лесном заказнике Уошиито, поэтому застройка территории вокруг него была ограничена.

На протяжении нескольких недель я ежедневно вставал рано утром и ехал миль двадцать до лагеря, где руководил занятиями по плаванию, баскетболу и другим видам спорта. Многим из этих детей было необходимо хоть на неделю оторваться от своей обычной жизни. У одного из них было пятеро братьев и сестер, и мать растила их одна. Когда он приехал в лагерь, у него не было ни цента. Его семья в это время переезжала, и он даже не знал, где будет жить, когда вернется. Еще один мальчик, которого вытащили из озера почти без сознания, рассказал, что за свою короткую жизнь он

уже успел заглотить язык, отравиться, попасть в серьезную автомобильную аварию, а за три месяца до приезда в лагерь потерял отца.

Время, наполненное общением с друзьями и чтением писем от Дениз, которая проводила лето во Франции, пролетело незаметно. В те каникулы произошел последний ужасный случай с папой. В один из дней он рано вернулся с работы, пьяный и взбешенный. Я в это время находился у Йелделлов, но, к счастью, Роджер был дома. Папа погнался за мамой с ножницами в руке и втолкнул ее в комнату для стирки рядом с кухней. Роджер выбежал через парадное и бросился к Йелделлам с криком: «Бубба, помоги! Папа убивает дадо!» (Когда Роджер был совсем маленьким, он научился говорить «папа» прежде, чем смог произнести «мама», и придумал для нее слово «дадо», которым потом еще долго пользовался.) Я помчался домой, оттащил папу от мамы и отнял у него ножницы. Я отвел маму с Роджером в гостиную и, вернувшись, как следует отчитал папу. Взглянув ему в глаза, я увидел в них скорее страх, чем гнев. Незадолго до этого у него обнаружили рак полости рта и горла. Врачи рекомендовали ему радикальное хирургическое вмешательство, которое изуродовало бы его лицо, но он отказался, и они лечили его как могли, не прибегая к операции. Инцидент произошел за два года до его смерти, и, видимо, к этой последней вспышке гнева папу привели стыд за то, как он жил, и страх смерти. После этого он продолжал пить, но стал более замкнутым и пассивным.

Этот случай имел особенно губительные последствия для моего брата. Почти через сорок лет Роджер рассказал мне, каким униженным он чувствовал себя из-за того, что ему пришлось бежать за помощью, так как он не смог сам остановить отца, насколько бесповоротной стала после этого его ненависть к нему. Только тогда я понял, как глупо повел себя после этого происшествия, сделав вид, как это было принято в нашей семье, что не произошло ничего особенного, что все «нормально». А ведь мне следовало сказать Роджеру, что я очень горжусь им, что именно его смелость и любовь спасли маму; что то, что сделал он, было гораздо труднее того, что сделал я; что ему нужно избавиться от ненависти, потому что его отец болен и эта ненависть лишь навлечет болезнь на него самого. Я, конечно же, часто писал Роджеру и много раз звонил ему, когда был вдали от дома; я помогал ему в учебе и поощрял в полезных занятиях; я говорил ему, что люблю его. Но я не заметил, когда в его душе образовался глубокий шрам, и не смог предвидеть беду, которую он за собой повлек. Роджеру потребовалось много времени, ему пришлось пережить множество причиненных самому себе страданий, чтобы в конце концов добраться до источника боли в своей душе.

Хотя я по-прежнему тревожился за маму и Роджера, я поверил папе, когда он пообещал, что больше не будет распускать руки, — да у него уже и не хватило бы на это сил, — поэтому, когда настало время, я вернулся в Джорджтаун и приступил к занятиям на втором курсе. В июне я получил стипендию в размере 500 долларов, а требование надевать на занятия рубашку с галстуком было отменено, так что теперь я мог позволить себе более роскошную жизнь на свои двадцать пять долларов в неделю. Меня

переизбрали президентом курса, — на этот раз у меня уже была настоящая программа, главное место в которой отводилось проблемам университетского городка, включая организацию религиозных служб для последователей всех религий и программу оказания услуг местным жителям, унаследованную нами от выпускного курса, — «Программу действий Джорджтаунского университета по оказанию помощи местному сообществу», в рамках которой студенты-добровольцы работали в бедных кварталах, помогая детям в учебе. Мы, кроме того, занимались и со взрослыми, которые посещали вечерние и заочные курсы при университете, чтобы получить диплом о среднем образовании, и делали все, что было в наших силах, чтобы помочь семьям, едва сводящим концы с концами. Я тоже принимал участие в этой работе, хотя и не так часто, как следовало бы. То, о чем я узнал, живя в Арканзасе, и то, что увидел в вашингтонских трущобах, убедило меня в том, что одной только благотворительной деятельности добровольцев недостаточно для преодоления бедности, сочетающейся с дискриминацией и отсутствием возможностей, которые держали в тисках столь многих из моих сограждан. В результате я стал еще более решительным сторонником инициатив президента Джонсона в сфере гражданских и избирательных прав и борьбы с бедностью.

На втором курсе мои усилия также были сосредоточены главным образом на учебе, но это продолжалось недолго. На двух последних курсах в Джорджтауне, в годы учебы в Оксфорде и на юридическом факультете Йельского университета систематические занятия все более уступали место политике, личному опыту и самостоятельным исследованиям.

Пока же я находил много интересного в аудиторных занятиях: изучение немецкого языка, увлекательный курс Мэри Бонд, посвященный крупнейшим английским писателям, и курс «История политической мысли», который вел Ульрих Аллерс. Аллерс, несколько грубоватый немец, написал следующее короткое замечание на моей работе о правовой системе в древних Афинах: «Тяжеловато, но вполне пристойно». В то время я воспринял это как сомнительную похвалу. Однако после нескольких лет работы на посту президента я бы что угодно отдал за такие слова.

В первом семестре я получил «посредственно» на экзамене по микроэкономике, которую преподавал Джо Уайт. Во втором семестре профессор Уайт читал нам курс макроэкономики, и за нее я получил «отлично». Я полагаю, что обе эти оценки определили мое будущее, поскольку в качестве президента я достиг неплохих результатов в области национальной экономики и никудышных — в том, что касалось моего собственного экономического положения, по крайней мере в те годы, когда я находился в Белом доме.

Европейскую историю нам преподавал Луис Агилар, кубинский эмигрант, который был лидером демократической оппозиции при режиме Батисты, пока его не сверг Кастро. Однажды Агилар спросил меня, чем я намерен заниматься в жизни. Я сказал ему, что хочу вернуться домой и заняться политикой, но что меня начинает интересовать и множество других вещей. Он ответил задумчиво: «Выбор карьеры подобен выбору жены из десяти

подруг. Даже если выберешь самую красивую, самую умную и самую добрую женщину, все равно испытываешь боль от потери остальных девяти». Хотя он любил свою работу и был отличным преподавателем, мне казалось, что для профессора Агилара Куба была воплощением тех остальных девяти женщин, соединенных в единое целое.

Самым памятным для меня на втором году обучения стал курс профессора Уолтера Джайлса «Конституция и правительство США», который он по большей части строил на анализе дел Верховного суда. Рыжеволосый, коротко стриженный Джайлс был убежденным холостяком, чьей жизни придавали смысл студенты, любовь к конституции и социальной справедливости и неизменное страстное увлечение командой «Вашингтон Редскинз». Он приглашал студентов на ужин к себе домой, а некоторые счастливики даже посещали вместе с ним матчи с участием «Редскинз». Джайлс был демократом либерального толка из штата Оклахома, что было необычно и тогда, а в наши дни стало настолько редким, что его следовало бы занести в Красную книгу.

Думаю, я заинтересовал его отчасти потому, что был родом из штата, граничащего с его собственным, хотя он и любил подшучивать надо мной по этому поводу. К тому времени, когда я приступил к изучению его курса, я уже страдал от постоянного недосыпания, которое будет сопровождать меня всю последующую жизнь, и у меня появилась не очень приятная привычка засыпать в аудитории минут на пять-десять, после чего я прекрасно себя чувствовал. Я сидел в первом ряду большой аудитории, представляя собой идеальную мишень для язвительных замечаний Джайлса. Однажды, когда я задремал, он громко сказал, что такое-то постановление Верховного суда настолько четкое и ясное, что его может понять любой, «если, конечно, он родом не из провинциального городишка в Арканзасе». Я вздрогнул и проснулся под звонкий смех однокурсников. С тех пор я больше уже никогда не засыпал на его лекциях.

После окончания второго курса я отправился домой, без работы, но с ясным представлением о том, чем хотел бы заниматься. В Арканзасе это время ознаменовало конец эпохи: пробыв на своем посту шесть сроков, Орвал Фобус больше не стал баллотироваться в губернаторы. У нашего штата наконец появилась возможность избавиться от шрамов, оставленных событиями в Литл-Роке, и кумовства, покрывшего позором последние годы губернаторства Фобуса. Я хотел принять участие в проведении губернаторских выборов, чтобы побольше узнать о политике и в меру своих сил способствовать переходу Арканзаса к более прогрессивному курсу.

Амбиции, сдерживаемые в годы губернаторства Фобуса, вырвались на волю, и теперь в предвыборной гонке участвовали несколько кандидатов: семь демократов и один очень влиятельный республиканец — Уинтроп Рокфеллер, пятый из шести детей Джона Рокфеллера-младшего. Этот человек отказался от империи своего отца, чтобы руководить благотворительной деятельностью фонда Рокфеллера; под влиянием своей жены Эбби, придерживавшейся более либеральных взглядов, и великого канадского политика — либерала Макензи Кинга отказался от консервативной антирабочей политики своего отца; наконец, отказался от консервативных религиозных взглядов своего отца и вместе с Гарри Эмерсоном Фосдиком основал межконфессиональную Риверсайдскую церковь в Нью-Йорке.

Уинтропу, казалось, судьбой было предназначено стать паршивой овцой в семье. Его исключили из Йельского университета, и он отправился в Техас работать на нефтяных месторождениях. Отлично проявив себя на военной службе в годы Второй мировой войны, он женился на нью-йоркской светской львице и вернул себе репутацию гуляки и бонвивана. В 1953 году Уинтроп переехал в Арканзас, отчасти потому, что у него был однополчанин из этого штата, который заинтересовал его возможностями организации ранчо, а отчасти — потому что в этом штате можно было развестись через тридцать дней после свадьбы, а он очень хотел завершить свой непродолжительный первый брак. Рокфеллер был огромным мужчиной ростом примерно шесть футов четыре дюйма и весом около 250 фунтов. Он любил Арканзас, где все называли его Уином, — неплохое имя для политика*. Он всегда ходил в ковбойских сапогах и белой шляпе «стетсон», купил огромный участок на горе Пти-Жан милях в пятидесяти к западу от Литл-Рока, начал успешно заниматься разведением крупного рогатого скота породы санта-гертруда и женился во второй раз. Его вторую жену звали Дженнетт.

---

* Win (англ.) — выигрыш, победа в спортивном состязании. — *Прим. пер.*

Обосновавшись в новом для себя штате, Рокфеллер изо всех сил старался избавиться от имиджа плейбоя, который приобрел в Нью-Йорке. Он создал в Арканзасе небольшое отделение республиканской партии и прилагал все усилия к тому, чтобы привлечь в наш бедный штат крупную промышленность. Губернатор Фобус назначил его председателем Комиссии промышленного развития Арканзаса, и благодаря Рокфеллеру в штате было создано множество новых рабочих мест. В 1964 году, не желая мириться с представлением об Арканзасе как об отсталом штате, он решил состязаться с Фобусом на губернаторских выборах. Все высоко оценили то, что было достигнуто Уином, но в каждом округе имелась организация, поддерживающая действующего губернатора, и большинство жителей Арканзаса, в особенности его сельских районов, в то время больше привлекала сегрегационистская позиция Фобуса, нежели выступления в защиту гражданских прав Рокфеллера. К тому же в Арканзасе по-прежнему преобладали демократы.

Кроме того, крайне застенчивый Рокфеллер был плохим оратором, и эта проблема усугублялась его легендарным пристрастием к выпивке, из-за которого он повсюду опаздывал, так что я по сравнению с ним выглядел чрезвычайно пунктуальным. Однажды он должен был выступать на банкете в Торговой палате в Уинне, центре округа Кросс, на востоке Арканзаса. Уин прибыл туда сильно подшофе, опоздав более чем на час. Поднявшись на трибуну, он начал свою речь: «Я рад возможности находиться здесь, в ...». Тут до него дошло, что он не знает, где находится, и он тихо спросил распорядителя банкета: «А как называется это место?» Тот прошептал ему в ответ: «Уинн». Он переспросил еще раз и услышал тот же ответ. Тогда он не выдержал и воскликнул: «Черт побери, я знаю, как меня зовут! А как называется это место?» Эта история моментально разнеслась по всему штату, но обычно ее пересказывали вполне доброжелательно, потому что все знали, что Рокфеллер стал арканзасцем по собственному выбору и заботился об интересах штата. В 1966 году он снова участвовал в выборах, но, хотя Фобус больше не баллотировался, я все же не думал, что он сумеет на них победить.

Кроме того, я собирался поддержать прогрессивно настроенного демократа. Мои симпатии были на стороне Брукса Хейза, лишившегося в 1958 году места в Конгрессе из-за выступлений в поддержку десегрегации Центральной средней школы Литл-Рока. Он проиграл стороннику сегрегации врачу-окулисту Дейлу Олфорду в результате голосования, при котором избиратели сами вписывали в бюллетени фамилии своих кандидатов. Отчасти его поражению способствовало использование при голосовании наклеек с именем Дейла Олфорда, которые люди, не умеющие писать, но уверенные в том, что чернокожие и белые дети не должны посещать одну и ту же школу, могли клеивать в избирательные бюллетени. Хейз был хорошим христианином и стал президентом Южной баптистской конвенции до того, как большинство моих единоверцев-баптистов решили, что руководить ими и страной могут только консерваторы. Он был изумительным человеком, умным, скромным, веселым и снисходительным даже к молодым сотрудам избирательного штаба своего соперника.

По иронии судьбы, доктор Олфорд также участвовал в этой губернаторской гонке, но не смог в ней победить, потому что у расистов был еще один кандидат — гораздо более последовательный сторонник их взглядов — судья Джим Джонсон. Начав карьеру с низовых выборных должностей в Кроссете, городке в юго-восточном Арканзасе, Джонсон дошел до поста члена Верховного суда штата благодаря риторике, на губернаторских выборах получившей одобрение Ку-клукс-клана. Он считал позицию Фобуса по вопросу о гражданских правах излишне мягкой, поскольку тот назначил на несколько административных должностей штата чернокожих. Фобус, чьи популистские побуждения были вполне искренними, считал расизм вынужденной политической необходимостью. Он предпочитал заниматься школами и интернатами для престарелых, строительством дорог и реконструкцией психиатрической больницы штата, а не читать расистские проповеди. Просто такова была цена пребывания в должности губернатора. Для Джонсона же расизм был богословием. Ненависть стала основой его процветания. У него были острые черты лица и яркие безумные глаза, светившиеся таким «холодным блеском», который заставил бы позеленеть от зависти шекспировского Кассия. При этом он был расчетливым политиком, хорошо знавшим своих избирателей. Вместо того чтобы участвовать в бесконечных предвыборных собраниях вместе с другими кандидатами, он самостоятельно ездил по всему штату с оркестром «кантри-энд-вестерн» и таким образом собирал толпу, которую затем доводил до неистовства тирадами, направленными против чернокожих и сочувствующих им «белых предателей».

Только гораздо позже я понял, что он создавал себе поддержку среди людей, которых не сумели привлечь другие кандидаты, — людей, встревоженных активностью федерального правительства в области гражданских прав, напуганных бунтами в Уоттсе* и другими расовыми беспорядками, убежденных, что «Война с бедностью»** — это социалистические выдумки, направленные на повышение благосостояния чернокожих, и доведенных до отчаяния собственным бедственным положением. В сердце каждого из нас, причудливо переплетаясь, живут надежды и опасения. Каждый день, когда мы просыпаемся, весы склоняются либо в ту, либо в другую сторону. Если они слишком сильно склоняются в сторону оптимизма, мы рискуем стать чрезмерно наивными, оторванными от реальности, если же происходит прямо противоположное, нами могут овладеть паранойя и ненависть. На Юге всегда было довольно трудно склонить весы в пользу темных сторон человеческой души. В 1966 году Джим Джонсон стал человеком, которому удалось это сделать.

---

* Расовые волнения 11–16 августа 1965 года в Уоттсе, черном гетто Лос-Анджелеса, причиной которых послужил арест чернокожего американца за управление автомобилем в нетрезвом виде. — *Прим. пер.*

** «Война с бедностью» — правительственная программа, принятая администрацией президента Л.Б. Джонсона в соответствии с положениями закона «Об экономических возможностях» (1964); являлась частью плана «Великое общество». Провозглашена президентом в обращении к нации 8 января 1964 года. — *Прим. пер.*

Наилучшим, с моей точки зрения, кандидатом, имевшим высокие шансы на победу, был еще один судья Верховного суда, бывший генеральный прокурор Фрэнк Хоулт. Он пользовался поддержкой большинства представителей судейского корпуса и крупных финансовых кругов, но придерживался более прогрессивных взглядов на расовые проблемы, чем Фобус, и был очень честным и достойным человеком. Фрэнком Хоултом восхищались почти все, кто его знал (кроме тех, кто считал, что он слишком благодушен, чтобы добиться каких бы то ни было реальных изменений), и он всю жизнь стремился стать губернатором и вернуть своей семье прежний статус: его брат Джек, в котором было больше от старомодного южного популиста, за несколько лет до этого проиграл в ожесточенной схватке за место в Сенате старшему сенатору от нашего штата, консерватору Джону Маккеллану.

Мой дядя Реймонд Клинтон, который был активным сторонником Хоулта, сказал мне, что постарается устроить меня на работу в его предвыборный штаб. Хоулт уже получил поддержку целого ряда студенческих лидеров из колледжей Арканзаса, называвших себя «поколением Хоулта». Вскоре я был принят на работу за пятьдесят долларов в неделю. (Думаю, что дядя Реймонд платил их из своего кармана.) Поскольку в Джорджтауне я жил на двадцать пять долларов в неделю, я почувствовал себя богачом.

Остальные студенты были несколько старше меня и имели более солидные связи. Мак Гловер был президентом студенческой организации Арканзасского университета; Дик Кинг — президентом студенческой организации Педагогического колледжа штата Арканзас; Пол Фрей — президентом организации «Молодые демократы» в Баптистском университете Уошиито; Билл Аллен ранее возглавлял Арканзасское отделение юношеской секции Американского легиона, а теперь стал лидером студенческой организации Университета Мемфиса, расположенного на другом берегу Миссисипи; Лесли Смит была красивой и умной девушкой из семьи влиятельных политиков, в прошлом — победительницей конкурса «Мисс старшеклассница Арканзаса».

В начале кампании я был всего лишь запасным игроком «поколения Хоулта». Мне поручалось развешивать на деревьях объявления с текстом «Хоулта в губернаторы!», уговаривать людей наклеивать агитационные наклейки на бамперы своих автомобилей и раздавать брошюры на собраниях по всему штату. Одним из самых важных мероприятий и тогда, и позже, когда я сам стал кандидатом, являлся традиционный обед с жареным цыпленком на Маунт-Небо. Маунт-Небо — красивое место на западе штата, с которого открывается вид на реку Арканзас в округе Йелл. Именно здесь первоначально обосновалось семейство Клинтонов. Люди собирались на горе, чтобы отведать угощения, послушать музыку и длинные речи кандидатов — начиная с тех, кто баллотировался на должности местного уровня, и кончая кандидатами на пост губернатора.

Вскоре после того как я добрался до места и начал протискиваться сквозь толпу, стали прибывать наши соперники. Судья Хоулт опаздывал. Его конкуренты уже начали выступать, а его все еще не было. Я забеспокоился. Такое мероприятие никак нельзя было пропустить. Я стал звонить ему из телефона-автомата, и в конце концов мне удалось разыскать его, что было

совсем непросто в те времена, когда еще не существовало сотовых телефонов. Он сказал, что не сможет прибыть в ближайшее время и мне придется выступить вместо него. Я удивился и переспросил, действительно ли он этого хочет. Он ответил, что мне известна его позиция и я просто должен рассказать о ней людям. Сообщив организаторам мероприятия, что судья Хоулт не успеет приехать вовремя, и спросив, могу ли я выступить вместо него, я испугался до смерти: говорить от его имени было намного труднее и ответственнее, чем от своего собственного. Когда я закончил выступление, публика вежливо поаплодировала. Я не помню, что я говорил, но, должно быть, получилось неплохо, потому что после этого, помимо вывешивания объявлений и распространения автомобильных наклеек, меня попросили выступить вместо судьи Хоулта на нескольких второстепенных собраниях, на которых он не мог присутствовать лично. В Арканзасе семьдесят пять округов, а в некоторых из них было проведено по несколько собраний, поэтому никому из кандидатов при всем желании не удалось бы побывать на всех мероприятиях.

Через несколько недель руководство кампании решило, что жена судьи, Мэри, и его дочери, Лида и Мелисса, должны объехать те округа, которые сам он не сумел охватить. Мэри Хоулт, владевшая магазином модной одежды в Литл-Роке, была женщиной довольно высокого роста, умной и независимой. Лида училась в Колледже Мэри Болдуин в Стонтоне, штат Вирджиния, где родился Вудро Вильсон, а Мелисса еще ходила в среднюю школу. Все они были очень привлекательны и умели хорошо формулировать свои мысли, а кроме того, обожали судью Хоулта и были готовы все силы отдать его кампании. Единственное, чего им недоставало, так это водителя. И вот на эту роль выбрали меня.

Мы изъездили штат вдоль и поперек. Мы проводили в разъездах по целым неделям, возвращаясь в Литл-Рок лишь для того, чтобы постирать свои вещи и набраться сил для следующего этапа турне. Это было здорово. За это время я как следует узнал наш штат и услышал много интересного от Мэри и ее дочерей. Однажды вечером мы отправились в Хоуп на собрание, которое должно было пройти перед зданием суда. Поскольку среди присутствовавших на нем была моя бабушка, Мэри любезно предложила мне выступить перед жителями моего родного города, хотя первоначально планировалось, что это будет делать Лида. Думаю, они обе поняли, как мне хотелось показать, что я стал взрослым. Аудитория слушала меня внимательно, а местная газета *Hope Star* даже напечатала положительную рецензию на мое выступление, что было особенно приятно папе, потому что, когда он занимался продажей «бьюиков» в Хоупе, редактор газеты не выносил его до такой степени, что даже завел себе ужасного вида дворнягу, которую назвал Роджером. Он часто спускал ее с поводка возле здания папиной фирмы и шел по улице вслед за псом с криками: «Роджер, сюда! Роджер, ко мне!»

В тот вечер я показал Лиде дом, где провел первые четыре года своей жизни, и деревянный мостик через железную дорогу, где я играл. На следующий день мы отправились на кладбище посетить могилы родных Мэри Хоулт, и я показал им могилы моего отца и деда.

Я бережно храню память об этих поездках. Мне было не привыкать подчиняться женщинам, поэтому мы прекрасно ладили, и, думаю, мне удалось быть им полезным. Я менял спустившие шины, помог одной семье выбраться из горящего дома и кормил собой комаров, которые были довольно крупными, а их укусы — весьма ощутимыми. Мы коротали долгие часы в дороге, беседуя о политике, о людях и книгах. И, по-моему, нам удалось привлечь на нашу сторону немало избирателей.

Незадолго до собрания в Хоупе руководители кампании решили организовать пятнадцатиминутную телепередачу о студентах, участвовавших в предвыборной кампании судьи Хоулта: они сочли, что это позволит представить его как человека, с которым связано будущее Арканзаса. Несколько молодых людей в своих двухминутных выступлениях изложили причины, по которым они поддерживали этого кандидата. Не знаю, была ли какая-то польза от этой передачи, посмотреть которую мне не удалось, но я получил удовольствие от своей первой в жизни телевизионной съемки. Мне предстояло выступить еще на одном собрании — в Олриде, глухом горном местечке в округе Ван-Бурен, к северу от центральной части Арканзаса. Кандидаты, которые туда добирались, обычно получали поддержку местных жителей, а я начинал понимать, что нам понадобятся все голоса, какие мы только сумеем получить.

По мере того как жаркие летние недели оставались позади, я все больше убеждался в том, что Старый Юг не желал отказываться от призраков прошлого, а Новый Юг был еще недостаточно силен, чтобы избавиться от них. В большинстве наших школ по-прежнему существовала сегрегация, и любые преобразования встречали сильное сопротивление. В здании одного из окружных судов в дельте Миссисипи на дверях общественных туалетов по-прежнему висели таблички «Для белых» и «Для цветных». Когда я призвал одну пожилую негритянку в другом городе голосовать за судью Хоулта, она ответила, что не может этого сделать, потому что не заплатила избирательный налог. Я сказал ей, что Конгресс отменил избирательный налог два года назад, и все, что ей нужно сделать, — это зарегистрироваться. Не знаю, как она поступила.

Были видны, однако, и приметы нового времени. Проводя кампанию в Аркаделфии, в тридцати пяти милях к югу от Хот-Спрингс, я познакомился с основным кандидатом на место в Конгрессе от южного Арканзаса — молодым человеком по имени Дэвид Прайор. Он придерживался прогрессивных взглядов и считал, что сумеет убедить голосовать за него большинство избирателей, которые услышат его выступление. Ему удалось это и в 1966 году, и на выборах губернатора в 1974 году, а затем и на выборах в Сенат в 1978 году. Ко времени его ухода с поста губернатора в 1996 году, ставшего для меня настоящим ударом, Дэвид Прайор был самым популярным политиком в Арканзасе. Он оставил после себя прекрасное прогрессивное наследие, и все, в том числе и я, считали его своим другом.

Политическая работа с массами, искусством которой мастерски владел Прайор, была весьма важна в таком штате, как Арканзас, где более половины населения приходилось на города с числом жителей менее пяти тысяч

человек, а десятки тысяч жили «в сельской местности». В то время телевизионная реклама, особенно негативная, еще не оказывала на исход выборов такого влияния, как сейчас. Кандидаты покупали телевизионное время главным образом для того, чтобы, глядя в камеру, беседовать с избирателями. Как правило, они также посещали суды и крупнейшие компании в главных городах округов, заглядывали на кухню каждого ресторана и выступали в местах проведения аукционов по продаже домашнего скота. Отличные результаты давало посещение окружных ярмарок и ужинов с пирогами. И, разумеется, каждая еженедельная газета и радиостанция могли рассчитывать на визит кандидата и на размещение в эфире или на газетных страницах одного-двух предвыборных воззваний. Вот таким образом я и постигал основы политической борьбы, и, по-моему, такая тактика давала лучшие результаты, чем войны в телевизионном эфире. Кандидат имел возможность высказаться, но ему приходилось и слушать. Он должен был встречаться с избирателями лицом к лицу и отвечать на их вопросы. Конечно, и тогда вас могли изобразить монстром, но вашим противникам, по крайней мере, пришлось бы приложить для этого немало усилий. Если же вы решали выступить с критикой противника, вам приходилось делать это самому, а не прятаться за спиной некоего фиктивного комитета, рассчитывающего, в случае если его нападки на конкурента увенчаются успехом, сорвать приличный куш в период вашего пребывания в должности.

Хотя предвыборные кампании тогда носили более персонифицированный характер, чем в наше время, они тем не менее не были лишь соревнованием личностей. Когда возникали серьезные проблемы, необходимо было искать их решение. А если вдруг происходило нечто, способное всколыхнуть общественное мнение, кандидат не мог спокойно плыть по течению, ему необходимо было проявлять жесткость и собранность и иметь хорошую реакцию, чтобы не оказаться смытым этой волной.

В 1966 году Джим Джонсон, или судья Джим, как он предпочитал себя называть, не только проявил способность удерживаться на гребне волны, но и сам создавал огромные зловещие волны. Он критиковал Фрэнка Холлта, называя его «обаятельным бездельником», и намекал на то, что у Рокфеллера были гомосексуальные связи с чернокожими мужчинами, — что было смехотворным обвинением, учитывая его вполне заслуженную репутацию дамского угодника. По сути, выступления судьи Джима были всего лишь перепетой на новый лад старой южной песней, которую кандидаты исполняли перед белыми избирателями во времена экономической и социальной нестабильности: вы — хорошие, приличные, богобоязненные люди; «они» угрожают вашему образу жизни; вам незачем его менять, во всем виноваты «они»; выберите меня, и я буду бороться за вас и выбью из «них» эту дурь. Вечное политическое противопоставление «нас» «им». Это было подло и мерзко и, в конечном счете, оказывало пагубное влияние на людей, которые на это покупались, однако, как это случается и сейчас, когда люди испытывают недовольство и неуверенность, нередко приносило свои плоды. Поскольку кампания Джонсона, несмотря на крайности, до которых он нередко доходил в своей риторике, в целом была не слишком яркой, боль-

шинство наблюдателей считали, что на этот раз он не добьется успеха. Приближался день выборов, и Фрэнк Хоулт решил не отвечать на его нападки, равно как и на нападки других кандидатов, которые, увидев, что он ушел вперед, стали называть его кандидатом «консервативного крыла партийной машины». В те времена опросы общественного мнения еще не приобрели такой популярности, как сегодня, а тем немногим, которые все же проводились, большинство людей не слишком доверяли.

Идеалистически настроенным молодым людям из окружения Хоулта, таким как я, его стратегия казалась удачной. Своим критикам он отвечал лишь, что он — совершенно независимый кандидат и не собирается реагировать на не имеющие под собой основания нападки своих противников и, в свою очередь, нападать на них. Хоулт утверждал, что стремится к той победе, которая стала бы признанием его подлинных достоинств, а другая победа ему «не нужна вовсе». Со временем я понял, что заявления о том, что победа «не нужна вовсе», нередко используют кандидаты, забывающие, что политика — контактный вид спорта. Подобная стратегия может быть успешной в том случае, если избиратели ощущают стабильность настоящего и надежды на будущее, а платформа кандидата содержит серьезные, конкретные политические предложения. Однако летом 1966 года настроения были в лучшем случае смешанными, а программа Хоулта — недостаточно конкретной, чтобы вызвать значительный отклик среди избирателей. Кроме того, те, для кого самым важным в платформе кандидата было противодействие сегрегации, могли проголосовать за Брукса Хейза.

Несмотря на нападки на Фрэнка Хоулта, большинство людей считало, что он, хоть и не получит большинства голосов, тем не менее войдет в число лидеров и через две недели победит во втором туре. И вот 26 июля жители Арканзаса — более 420 тысяч человек — проголосовали. Результаты удивили аналитиков. Лидером оказался Джонсон с 25 процентами голосов, Хоулт занял второе место с 23 процентами, Хейз — третье, получив 15 процентов, Олфорд набрал 13 процентов. Остальные голоса разделили между собой еще трое кандидатов.

Мы были потрясены, но не потеряли надежды. Судья Хоулт и Брукс Хейз в общей сложности набрали несколько больше голосов, чем сторонники сегрегации Джонсон и Олфорд. Кроме того, на весьма важных выборах в Законодательное собрание ветеран Конгресса консерватор Пол Ван Далсем проиграл молодому прогрессивно настроенному адвокату, выпускнику Йельского университета Хербу Рулу. За пару лет до этого Ван Далсем привел в ярость сторонниц растущего движения за равноправие женщин, заявив, что женщины должны находиться дома, «босые и беременные». В результате Херб, впоследствии ставший партнером Хиллари в адвокатской фирме Rose, получил поддержку целой армии женщин-добровольцев, называвших себя «Босые женщины за Рула».

Результаты второго тура выборов предсказать было довольно трудно, поскольку они зависели от явки избирателей, от того, кто из кандидатов сумеет убедить большее число своих сторонников вновь прийти на избирательные участки, а также привлечь на свою сторону тех, кто голосовал за

кандидатов, не прошедших на второй тур, либо не голосовал вовсе. Судья Хоулт приложил все силы к тому, чтобы второй тур ознаменовал собой выбор между Старым и Новым Югом. И Джонсон, в общем, вполне следовал этому сценарию, когда в своем телевизионном выступлении заявил избирателям, что в своем противостоянии безбожной расовой интеграции являет собой «Даниила в логове льва» и «Иоанна Крестителя на суде у Ирода». Мне думается, в какой-то момент судье Джиму удалось даже оседлать лошадь Пола Ревира*.

Хотя стратегия Хоулта была вполне разумной, а Джонсон в споре Старого и Нового Юга делал ставку на сторонников первого, возникли две проблемы. Во-первых, избиратели из числа сторонников Старого Юга имели сильную мотивацию к тому, чтобы вторично прийти на избирательные участки, поскольку считали Джонсона защитником своих взглядов, в то время как у представителей Нового Юга подобной уверенности в отношении Хоулта не было. Его нежелание по-настоящему проявить жесткость почти до самого конца предвыборной гонки усилило их сомнения и уменьшило стимулы к голосованию. Во-вторых, некоторые из сторонников Рокфеллера решили отдать свои голоса Джонсону, потому что считали, что их кандидату будет легче справиться с ним, чем с Хоултом, а во втором туре за демократов мог голосовать любой избиратель, как республиканец, так и демократ, при условии что он не принимал участия в республиканских праймериз. Так поступили только 19 646 человек, поскольку у Рокфеллера не было соперника. Во втором туре выборов проголосовало всего на 5 тысяч человек меньше, чем в первом, и каждый из кандидатов получил вдвое больше голосов, чем в первый раз. Джонсон победил с перевесом в 15 тысяч голосов, и позиции соперников стали выглядеть следующим образом: 52 процента у Джонсона и 42 — у Хоулта.

Такие результаты привели меня в уныние. К тому времени я уже успел полюбить судью Хоулта и его семью и считал, что, несмотря ни на что, из него выйдет отличный губернатор. В то же время я ощущал острое неприятие того, за что выступал судья Джим. Единственной моей надеждой был Рокфеллер, у которого оставались реальные шансы на победу. На этот раз он проявил большую организованность и щедро тратил деньги: даже приобрел сотни велосипедов для чернокожих детей из бедных семей. Осенью он победил, получив 54,5 процента голосов. Я очень гордился своим штатом. К тому времени я возвратился в Джорджтаун и не имел возможности наблюдать за ходом кампании, однако многие люди отмечали, что на всеобщих выборах Джонсон выглядел менее уверенным. Вероятно, причиной этого стало сокращение финансирования его кампании, однако ходили

---

* Скачка Пола Ревира — легендарное событие, ознаменовавшее начало Американской революции. Пол Ревир — гонец Массачусетского комитета безопасности, которому 18 апреля 1775 года удалось за короткое время добраться до Лексингтона и предупредить ополченцев о приближении англичан, собиравшихся подойти к Лексингтону и Конкорду со стороны моря. Это событие воспето Г. Лонгфелло в балладе «Скачка Пола Ревира». — *Прим. пер.*

слухи, что Рокфеллер предпринял нечто, охладившее его пыл. Не знаю, насколько эти слухи соответствовали действительности.

За исключением короткого периода времени в годы президентства Картера, когда я являлся специальным уполномоченным президента в Арканзасе, а судья Джим рассчитывал получить федеральную должность для своего сына, Джонсон всегда был приверженцем крайне правых взглядов, и его отношение ко мне становилось все более враждебным. В 1980-е годы он, как и многие консерваторы-южане, стал республиканцем. Он снова баллотировался в Верховный суд и потерпел поражение на выборах, после чего стал делать пакости исподтишка. Когда я баллотировался на пост президента, он распространял обо мне всякие небылицы. Самое удивительное, что иногда их принимали к публикации так называемые либеральные СМИ с Восточного побережья, которые он любил поносить, — в особенности это касалось рассказней, связанных с делом «Уайтуотер». Джонсон — хитрый старый плут. Он, должно быть, хорошо повеселился, проделывая все это, и если бы республиканцам в Вашингтоне удалось добиться моей отставки, то он имел бы все основания смеяться последним.

После завершения кампании у меня появилась возможность снять напряжение, совершив первое в моей жизни путешествие на Западное побережье. Одному из постоянных клиентов дяди Реймонда потребовался новый «бьюик», которых у него в тот момент не было в наличии. Дядя Реймонд нашел такую машину в представительстве Buick в Лос-Анджелесе, где она использовалась в качестве «демонстрационного» автомобиля, на котором будущие покупатели могли совершить пробную поездку, чтобы оценить ее качества. Дилеры часто обменивались такими автомобилями или продавали их друг другу со скидкой. Дядя попросил меня перегнать этот автомобиль из Лос-Анджелеса вместе с Пэтом Брейди, моим одноклассником. Мы с Пэтом, кроме того, вместе играли в школьном оркестре, а его мать работала у дяди Реймонда секретарем. Нам очень хотелось поехать, а студенческие билеты в то время были настолько дешевыми, что дядя Реймонд мог почти бесплатно отправить нас самолетом да еще получить прибыль от продажи автомобиля.

Мы прилетели в Лос-Анджелес, забрали автомобиль и отправились домой, но не прямо, а сделав небольшой крюк, чтобы заехать в Лас-Вегас, поскольку не знали, удастся ли нам увидеть его когда-нибудь еще. Я до сих пор помню, как мы ехали ночью по пустыне — с опущенными окнами, ощущая теплый сухой воздух и глядя на далекие зовущие огни Лас-Вегаса.

Лас-Вегас был тогда другим. В нем не было крупных отелей, таких как «Париж» или «Венецианский», — лишь Полоса с игорными и развлекательными заведениями. У нас с Пэтом было совсем немного денег, но нам очень хотелось сыграть на игровых автоматах, поэтому мы выбрали подходящее место, получили по пригоршне пятицентовых монет и принялись за дело. Не прошло и пятнадцати минут, как у меня выпал джек-пот, а у Пэта — целых два. Это не прошло незамеченным среди заложников «одноруких бандитов». Они были убеждены, что нам везет, поэтому каждый раз, когда

мы отходили от автомата, бросались к нему, борясь за право получить джек-пот, который, как им казалось, мы оставили для них. Нам это было непонятно. Мы пребывали в уверенности, что за эти несколько минут нам выпала вся та удача, которая была рассчитана на много лет вперед, и нам не хотелось тратить ее попусту. Мы снова выехали на дорогу, с карманами, набитыми выигранной мелочью. Не думаю, чтобы кому-нибудь еще приходилось таскать с собой такое огромное количество пятицентовых монет.

После того как мы доставили автомобиль дяде Реймонду, не особенно переживавшему из-за сделанного нами крюка, пришло время возвращаться в Джорджтаун. В самом конце избирательной кампании я сообщил Джеку Хоулту, что хотел бы поработать у сенатора Фулбрайта, но не знаю, как это сделать. Весной предыдущего года я уже написал Фулбрайту насчет работы и в ответ получил письмо, в котором говорилось, что в данный момент вакансий нет, но они будут иметь мое предложение в виду. Я не думал, что после этого что-то изменится, но как-то утром, через несколько дней после моего возвращения в Хот-Спрингс, мне позвонил Ли Уильямс, помощник Фулбрайта по административным вопросам. Ли сообщил мне, что Джек Хоулт дал мне рекомендацию и что у них есть вакантная должность помощника в Комитете по международным отношениям. Он сказал: «Вы можете работать неполный день за три с половиной тысячи долларов или полный день за пять тысяч долларов». Я еще не совсем проснулся, однако упустить такой возможности не мог и спросил: «А как насчет двух работ с неполным днем?» Он рассмеялся и сказал, что я — как раз тот человек, который им нужен, и предложил мне прийти в понедельник утром. Я разволновался настолько, что не мог найти себе места. Комитет по международным отношениям при Фулбрайте превратился в центр общенациональных дебатов по внешнеполитическим вопросам, в особенности по вопросу войны во Вьетнаме. Теперь я мог своими глазами, пусть даже с позиций мелкого технического служащего, увидеть, как разворачивается эта драма. А кроме того, я смог бы сам оплатить свою учебу, избавив родителей от финансового бремени, а себя — от чувства вины. Меня очень беспокоило, смогут ли они платить за лечение папы, поскольку им приходилось оплачивать мою учебу в Джорджтауне. Хотя я никому тогда об этом не говорил, но я боялся, что мне придется оставить Джорджтаун и вернуться домой, где обучение в колледже стоило намного дешевле. Теперь у меня вдруг появилась возможность продолжить учебу и одновременно работать в Комитете по международным отношениям. Многим из того, что произошло со мной в дальнейшей жизни, я обязан Джеку Хоулту, рекомендовавшему меня на эту работу, и Ли Уильямсу, который мне ее предоставил.

Через пару дней после звонка Ли Уильямса я был готов к возвращению в Вашингтон на полных основаниях. Поскольку новая работа требовала от меня ежедневного присутствия на Капитолийском холме, родители предоставили в мое распоряжение свою «старенькую машину» — белый трехлетний «Бьюик Лесабр конвертибл» с кожаным салоном, выдержанным в красно-белой гамме. Папа менял машину примерно каждые три года, а старую выставлял на продажу на стоянке для подержанных автомобилей. На этот раз роль последней с радостью взял на себя я. Это был прекрасный экземпляр. Он не относился к разряду экономичных — всего семь-восемь миль на галлон, но цена на бензин в то время не кусалась, опускаясь в разгар «бензиновых войн» до тридцати центов за галлон.

В соответствии с полученными инструкциями в первый же понедельник после возвращения в Вашингтон я отправился, чтобы представиться сенатору Фулбрайту, в его офис, который был первым слева в тогдашнем новом служебном здании Сената. Теперь оно называется «Дирксен». Как и старое служебное здание, которое находится напротив, это величественное сооружение было отделано мрамором, только более светлым. Мы с Ли очень тепло пообщались, а потом меня проводили на четвертый этаж, где располагались офисы Комитета по международным отношениям и зал заседаний. В здании Конгресса комитету принадлежало еще одно, значительно более просторное помещение, в котором работали глава аппарата Карл Марси и другие руководители. Помимо прочего там был и прекрасный конференц-зал, позволявший членам комитета беспрепятственно встречаться в неофициальной обстановке.

В офисе комитета я познакомился с Бадди Кендриком, секретарем, который на протяжении двух последующих лет был моим начальником, а также неисчерпаемым источником историй и грубоватых советов; постоянным ассистентом Бадди, Берти Боуманом, добродушным и безотказным афроамериканцем, который выполнял еще и функции водителя, а иногда даже возил сенатора Фулбрайта; и двумя моими коллегами — Филом Дозьером из Арканзаса и Чарли Парксом, студентом-юристом из Аннистона, Алабама.

В мои задачи входила доставка меморандумов и других материалов из офиса сенатора Фулбрайта в Капитолий и обратно. Поскольку среди деловых бумаг попадались конфиденциальные документы, для работы с ними я должен был иметь официальный допуск. Помимо этого мне могли поручить любую другую задачу — от подборки вырезок из газет для персонала офиса и заинтересованных сенаторов до подготовки ответов на запросы, касающиеся текстов выступлений, и тому подобное, и включения имен в списки рассылки. Не следует забывать, что все это происходило до появления не только персональных компьютеров и электронной почты, но даже

современных копировальных машин, хотя, пока я там работал, мы все же перешли с печати под копирку на использование ксерокса. Большинство газетных вырезок, которые мне было поручено подобрать, я не копировал, а в буквальном смысле вырезал и ежедневно подшивал в большую папку с адресным листом, где перечислялись имена сотрудников, начиная с председателя. Каждый просматривал материалы, вычеркивал свою фамилию и передавал папку дальше. Списки рассылки формировались в цокольном помещении. Имена и адреса получателей были набраны на небольших металлических пластинах, которые стояли в алфавитном порядке в каталожных шкафах. Во время рассылки пластины помещали в машину, которая наносила на них краску и штемпелевала проходящие конверты.

Мне нравилось заходить в цокольное помещение, набирать на пластинах новые имена и расставлять их по ящичкам. Из-за постоянного недосыпания я частенько пользовался случаем, чтобы немного вздремнуть, привалившись к шкафам. А еще я получал настоящее удовольствие от просмотра газет и подборки вырезок для персонала. На протяжении двух лет я практически ежедневно читал *New York Times*, *Washington Post*, не существующую ныне *Washington Star*, *Wall Street Journal*, *Baltimore Sun* и *St. Louis Post-Dispatch*. Последняя оказалась в этом списке из-за общего убеждения, что комитету нужна хотя бы одна настоящая газета из «глубинки». Макджордж Банди в бытность свою советником президента Кеннеди по вопросам национальной безопасности как-то заметил: любой человек, который просматривает шесть стоящих газет в день, должен знать не меньше, чем он сам. Так ли это или нет, но после шестнадцати месяцев подобных упражнений моих знаний вполне хватило для успешного прохождения конкурса на стипендию Родса. Если бы тогда уже существовала игра «Тривиал персьют», я вполне мог претендовать на звание национального чемпиона.

Мы также работали с запросами на документы. Из недр комитета их выходило великое множество: отчеты о заграничных командировках, заявления экспертов на слушаниях и, наконец, полные стенограммы заседаний. Чем глубже мы увязали во Вьетнаме, тем в большей мере сенатор Фулбрайт со своими сторонниками старался использовать процедуру слушаний для информирования американцев о сложностях жизни и политики в Северном и Южном Вьетнаме, в других странах Юго-Восточной Азии и Китае.

Нашим постоянным местом работы был архив. В течение первого года мой рабочий день длился с часу дня до пяти вечера. Поскольку слушания и другие дела не ограничивались этими временными рамками, я нередко оставался в офисе и после окончания рабочего дня. Нельзя сказать, что это происходило против моей воли: мне нравились люди, с которыми я работал, и мне нравилось то, чем занимались сенатор Фулбрайт и его комитет.

Работа довольно легко встраивалась в график моего дня: отчасти из-за того, что в первый год обучения требовалось посещать занятия только по пяти предметам вместо шести, а отчасти из-за того, что некоторые лекции начинались в семь утра. Три обязательных предмета из пяти — «история и дипломатия США», «современные системы государственного управления» и «теория и практика коммунизма» — вполне соответствовали моей новой

работе. Совмещать ее с учебой было легче и потому, что я отказался от претензий на пост президента группы.

Каждый день я с нетерпением ждал окончания занятий, чтобы отправиться на Капитолийский холм. Во-первых, в это время было легче найти место для автомобиля, а, во-вторых, все, что там происходило, буквально захватывало меня. Подавляющее преимущество, которое обеспечило Линдону Джонсону триумфальную победу на выборах 1964 года, начало таять. На фоне смещения страны вправо в ответ на массовые выступления, социальную нестабильность и рост инфляции перевес демократов в Палате представителей и Сенате на промежуточных выборах 1966 года поубавился, но президент Джонсон продолжал наращивать внутренние расходы и расширять масштабы военных действий во Вьетнаме. По его мнению, страна вполне могла позволить себе «и пушки, и масло», однако народ начинал в этом сомневаться. Первые два с половиной года деятельности президента Джонсона ознаменовались наивысшей законодательной активностью со времен Франклина Делано Рузвельта: были приняты закон «О гражданских правах» 1964 года, закон «Об избирательных правах» 1965 года, законодательство по борьбе с бедностью, программы «Медикэр» и «Медикэйд», которые наконец предоставили гарантированное медицинское обслуживание бедным и пожилым людям.

Теперь же все чаще и чаще внимание президента, Конгресса и страны обращалось к Вьетнаму. Поток гробов при туманной перспективе победы породил антивоенное движение, которое принимало самые разнообразные формы — от протестов в студенческих городках до проповедей, от высказываний в кофейнях до выступлений в стенах Конгресса. В первое время после начала работы в Комитете по международным отношениям моих познаний о ситуации во Вьетнаме было недостаточно для формирования твердого мнения, но я так горячо поддерживал президента Джонсона, что трактовал свои сомнения в его пользу. Однако происходящие события явно разрушали чарующее ощущение прогресса, которое создавал его триумфальный приход к власти.

Раскол в стране был глубже, чем в самом Вьетнаме. Бунт в Уоттсе, одном из районов Лос-Анджелеса, в 1965 году и появление воинствующих чернокожих активистов толкнули тех, кто им симпатизировал, влево, а их противников — вправо. Закон «Об избирательных правах», которым Линдон Джонсон больше всего и не без основания гордился, произвел во многом похожий эффект, особенно когда его начали применять на практике. Как политик Джонсон отличался необычайной проницательностью. Подписав закон, он заметил, что только что вычеркнул Юг из сторонников демократической партии на целое поколение. На самом деле «твердокаменный Юг» демократов уже давно не был монолитом. Консервативные демократы откололись еще в 1948 году, когда их отпугнула речь Губерта Хамфри на демократическом конвенте относительно гражданского права «на поджигание амбаров», а Стром Турмонд пошел против партии и при поддержке «диксикратов» выдвинул на пост президента собственную кандидатуру.

В 1960 году Джонсон помог Кеннеди удержать достаточное для победы число южных штатов, однако твердая поддержка последним судебной дегрегации южных муниципальных школ и университетов толкнула многих консервативно настроенных белых в объятия республиканской партии. В 1964 году Голдуотер, хотя и проиграл на выборах, все же получил большинство в пяти южных штатах.

Вместе с тем в 1966 году немало белых сторонников сегрегации все еще принадлежало к южным демократам, в том числе Орвал Фобус, Джим Джонсон и губернатор Алабамы Джордж Уоллес. Довольно много их было и в Сенате, взять хотя бы именитых Ричарда Рассела из Джорджии и Джона Стенниса из Миссисипи, да и некоторых других, которые не отличались знатностью, но зато имели вес. Президент Джонсон был совершенно прав в своей оценке последствий принятия закона «Об избирательных правах» и других инициатив в сфере гражданских прав. К 1968 году Ричард Никсон и Джордж Уоллес, который баллотировался на пост президента как независимый кандидат, обошли Хамфри на Юге, и с тех пор в Белом доме побывали только два южанина-демократа — Джимми Картер и я. Нам удалось привлечь на свою сторону достаточное для победы число южных штатов, опираясь на массивную поддержку чернокожих избирателей и чуть бóльшую, чем у любого неюжанина, популярность среди белых. В годы правления Рейгана республиканская партия мертвой хваткой вцепилась в белых консервативно настроенных южан и с распростертыми объятиями принимала их в свои ряды.

Президент Рейган во время избирательной кампании даже произнес речь в защиту прав штатов и фактически высказался против федерального вмешательства в законодательство о гражданских правах. Это произошло в Филадельфии, штат Миссисипи, где в 1964 году за свои убеждения были убиты борцы за гражданские права Эндрю Гудман, Майкл Швернер и Джеймс Чейни, два белых и один чернокожий. Я всегда симпатизировал президенту Рейгану как человеку и очень сожалел, что он высказался в таком духе. На промежуточных выборах в 2002 году, даже имея Колина Пауэлла, Конди Райс и других представителей национальных меньшинств на ответственных постах в администрации Буша, республиканцы все еще выигрывали на расовом поле, хотя и натолкнулись на «белый бумеранг», т.е. недовольство белых избирателей в Джорджии и Северной Каролине, где через голову губернаторов-демократов с флага Северной Джорджии сняли эмблему Конфедерации и убрали флаг с этим символом со здания Капитолия Северной Каролины. Всего за два года до этого во время предвыборного выступления в Университете Боба Джонса в Южной Каролине, известном своей приверженностью правым взглядам, Джордж У. Буш отказался обозначить свою позицию относительно флага, заметив, что это дело штатов. Когда же одна из техасских школ настояла на утреннем подъеме флага Конфедерации, губернатор Буш заявил, что подобный вопрос должен решаться на местном уровне. И после этого они называют меня неискренним! Президент Джонсон предвидел такой оборот событий еще в 1965 году, но все равно сделал правильный выбор, за который я ему очень благодарен.

Летом 1966 года и особенно после выборов осенью того же года тема этих внешних и внутренних конфликтов стала преобладающей в дебатах, которые велись в стенах Сената США. В момент моего поступления на работу среди сенаторов было много выдающихся деятелей. Здесь происходили полные драматизма события, и я изо всех сил старался ничего не пропустить. Исполняющий обязанности председателя в Сенате Карл Хейден, представляющий штат Аризона, заседал в Конгрессе с того самого момента, когда его штат в 1912 году вошел в Союз. Его стаж пребывания в Сенате составлял сорок лет. Это был совершенно лысый, высокий, похожий на скелет человек. Сет Тиллман, блестящий спичрайтер сенатора Фулбрайта, однажды проехался на его счет, сказав, что Карл Хейден — «единственный в мире девяностолетний старик, который выглядит в два раза старше». Лидер сенатского большинства Майк Мэнсфилд, представитель штата Монтана, был призван в армию во время Первой мировой войны, в возрасте пятнадцати лет, а потом стал профессором университета, специализирующимся на вопросах отношений со странами Азии. Он пребывал на посту лидера большинства в течение шестнадцати лет вплоть до 1977 года, когда президент Картер назначил его послом в Японии. Мэнсфилд слыл фанатичным приверженцем фитнеса и ежедневно проходил пешком пять миль, пока ему не перевалило за девяносто. Еще он пользовался репутацией подлинного либерала и, несмотря на свою неразговорчивость, остряка. Мэнсфилд родился в 1903 году, за два года до появления на свет сенатора Фулбрайта, и дожил до девяноста восьми лет. Как-то вскоре после моего избрания президентом они встретились за ланчем. Когда на вопрос о возрасте Фулбрайт ответил, что ему восемьдесят семь, Мэнсфилд воскликнул: «Хотел бы я вновь почувствовать себя восьмидесятисемилетним!»

Лидер республиканцев Эверетт Дирксен, сенатор от штата Иллинойс, сыграл ключевую роль в принятии ряда президентских законодательных инициатив, обеспечив такое число голосов либеральных республиканцев, которое позволило преодолеть сопротивление приверженцев сегрегации из числа демократов-южан. У Дирксена было своеобразное лицо — крупный рот и масса морщин, но больше всего поражал его голос, глубокий и сочный. Казалось, Дирксен выстреливал одну отточенную фразу за другой. Однажды он поддел демократов за привычку разбрасывать бюджетные средства такой фразой: «Миллиард сюда, миллиард туда, и незаметно вы начинаете швыряться реальными деньгами». В голосе Дирксена слышался, в зависимости от ваших взглядов, глас Божий или нотки торговца сомнительными товарами.

Сенат в те годы намного отличался от того, что мы видим сейчас. В январе 1967 года демократы после потери четырех мест на промежуточных выборах все еще сохраняли значительный перевес — 64 против 36, — которого уже не наблюдается в наши дни. Однако расхождения во взглядах тогда тоже были несопоставимо глубже, и результат зависел не только от партийной принадлежности. Но кое-что осталось прежним: Роберт Бэрд от штата Западная Вирджиния и по сей день заседает в Сенате. Уже в 1966 году он был непререкаемым авторитетом в том, что касалось процедурных вопросов и истории этого органа власти.

В восьми штатах старого «твердокаменного Юга» было по два сенатора-демократа (до выборов 1966 года таких штатов насчитывалось десять), однако большинство из них относилось к консервативным сторонникам сегрегации. В наши дни только Арканзас, Флорида и Луизиана представлены двумя демократами. В Оклахоме было два демократа, а в Калифорнии — два республиканца. Теперь все наоборот. На Среднем Западе, который ныне полностью республиканский, штаты Юта, Айдахо и Вайоминг имеют по одному прогрессивному сенатору-демократу. В Индиане, которая считается консервативным штатом, было два либеральных сенатора-демократа. Один из них, Берч Бей, приходится отцом ныне действующему сенатору Эвану Бею, который обладает выдающимися лидерскими качествами и вполне способен стать президентом, но, увы, не может похвастаться таким же либерализмом, как его отец. Миннесота была представлена блестящим, но неуверенным в себе интеллектуалом Джином Маккарти и будущим вице-президентом Уолтером Мондейлом, который пришел на смену Губерту Хамфри, когда тот стал вице-президентом в администрации Джонсона. Последний предпочел Хамфри сенатору от штата Коннектикут Тому Додду, одному из главных обвинителей нацистов на Нюрнбергском процессе. Теперь штат Коннектикут в Сенате представляет сын Додда, Крис. Отец Ала Гора, который тогда работал на посту сенатора последний срок, был для молодых южан вроде меня героем из-за того, что он оказался единственным (не считая Эстеса Кифовера, его коллеги из штата Теннесси) из сенаторов-южан, кто отказался в 1956 году подписать так называемый «Южный манифест», призывавший противодействовать судебному решению о десегрегации школ. Техас был представлен пламенным сторонником либерализма Ральфом Ярборо, но на горизонте уже маячило «правое будущее» штата в лице республиканцев Джона Тауэра, избранного сенатором в 1961 году, и молодого конгрессмена из Хьюстона Джорджа Герберта Уокера Буша. Среди наиболее занимательных личностей следует выделить сенатора от штата Орегон Уэйна Морзе, который начинал как республиканец, потом стал независимым, а к 1966 году перебрался в стан демократов. Лишь Морзе, который был нудным, но при этом остроумным и жестким, да демократ Эрнест Грюнинг, сенатор от штата Аляска, выступили против «Тонкинской резолюции» в 1964 году, которая, по словам Линдона Джонсона, дала ему право на развязывание войны во Вьетнаме. Единственной женщиной в Сенате была представительница республиканской партии от штата Мэн Маргарет Чейз Смит. К 2004 году в Сенате заседали уже четырнадцать женщин, девять из которых представляли демократов, а пять — республиканцев. В прежние времена в Сенате можно было встретить и немало влиятельных либеральных республиканцев, которые, увы, ныне практически исчезли. В их число входили Эдвард Брук от штата Массачусетс, единственный афроамериканец в Сенате; Марк Хэтфилд от штата Орегон; Джейкоб Джевитс от штата Нью-Йорк; и Джордж Айкен от штата Вермонт, представитель старого поколения выходцев из Новой Англии, отличавшийся резкой манерой поведения, который считал нашу политику во Вьетнаме безумной и предлагал просто «объявить победу и убраться» оттуда.

Но все же наибольшей известностью среди сенаторов, работавших на своем посту первый срок, пользовался Роберт Кеннеди от штата Нью-Йорк, который присоединился к своему брату Теду в 1965 году после победы над сенатором Кеннетом Китингом. Это место ныне занимает Хиллари. Бобби Кеннеди буквально очаровывал окружающих. От него исходила физически ощутимая энергия. Из всех, кого я повидал за свою жизнь, он один мог ссутулиться, опустить голову и при этом производить впечатление сжатой пружины, готовой распрямиться в любое мгновение. По обычным меркам его нельзя было назвать искусным оратором, но проникновенность и страсть, с которой он говорил, захватывали. Ну а для тех, кому его имени, облика и манеры говорить было недостаточно, существовал еще Брумус, здоровенный лохматый ньюфаундленд, крупнее которого я в жизни не видел. Брумус частенько сопровождал сенатора Кеннеди на прогулках. Когда Бобби направлялся из своего офиса в новом здании Сената в Капитолии, чтобы принять участие в голосовании, Брумус, бывало, шел рядом с ним по ступенькам до вращающейся двери холла, садился и терпеливо ждал, пока хозяин не вернется. Все, кому удавалось добиться расположения этого пса, автоматически становились в моих глазах уважаемыми людьми.

Джон Макклеллан, старший сенатор от штата Арканзас, слыл не просто убежденным консерватором. Он был предельно жестким, мстительным, когда ему переходили дорогу, невероятно работоспособным, стремился к получению власти и использованию ее при решении всех вопросов, начиная с перераспределения федеральных средств в пользу родного Арканзаса и кончая преследованием тех, кто в его глазах выглядел преступником. Сложности жизни, наполненной стремлением к власти и ударами судьбы, воспитали в нем железную волю и оставили чувство глубокой обиды. Сын юриста и фермера, Макклеллан в возрасте семнадцати лет стал самым молодым юристом в Арканзасе. Это произошло после того, как он прочитал все книги по юриспруденции, которые удалось отыскать в передвижной библиотеке Школы права в Камберленде, и с отличием сдал устный экзамен. Во время Первой мировой войны Макклеллан служил в армии, а когда вернулся домой, обнаружил, что его жена сошлась с другим. Они развелись, что в те времена было большой редкостью в Арканзасе. Вторая жена Макклеллана умерла в 1935 году от менингита, когда тот уже заседал в Палате представителей. Два года спустя он женился в третий раз. Новая избранница, Норма, прожила с ним сорок лет до самой его кончины. Однако беды, преследовавшие Макклеллана, не кончились. С 1943 по 1958 год он потерял одного за другим трех сыновей: один умер от менингита, другой погиб в автокатастрофе, а третий разбился на самолете.

Макклеллан прожил богатую на события, но трудную жизнь. Печали, которые выпали на его долю, он топил в виски. Количества выпитого им вполне хватило бы, чтобы смыть Капитолий в Потомак. Однако через несколько лет он осознал, что пьянство противоречит его ценностям и вредит репутации, а потому, собрав в кулак железную волю, полностью отказался от спиртного и закрыл единственную брешь в своей броне.

Когда я перебрался в Вашингтон, Макклеллан был председателем всемогущего Комитета по ассигнованиям и беззастенчиво пользовался своим положением, чтобы добыть для нашего штата как можно больше денег на проекты, подобные созданию навигационной системы на реке Арканзас. Стой поры он прослужил еще двенадцать лет, шесть полных сроков, и скончался в 1977 году после того, как объявил об отказе баллотироваться на седьмой срок. Во времена моей работы на Капитолийском холме Макклеллан держался отчужденно и казался почти недоступным; именно так он и хотел выглядеть в глазах большинства людей. После того как я в 1977 году стал генеральным прокурором штата, мне в течение недолгого времени довелось общаться с ним напрямую. Меня очень тронули его участие и интерес к моей карьере. Жаль, что те стороны характера Макклеллана, которые раскрылись во время общения со мной, были скрыты от большинства людей и почти не проявлялись в его общественной деятельности.

Фулбрайт отличался от Макклеллана, как день от ночи. Его детство было намного более беззаботным и обеспеченным, образование — более полным, а образ мышления — менее догматичным. Фулбрайт родился в 1905 году в Фейетвилле, живописном городке на плато Озарк, что на севере Арканзаса, там, где находится Арканзасский университет. Его мать, Роберта, имевшая репутацию честного и прогрессивного человека, работала редактором местной газеты *Northwest Arkansas Times*. В студенческие годы в местном университете Фулбрайт был первым в учебе и квотербеком команды «Арканзас Рейзорбэкс». Когда ему исполнилось двадцать, он поступил в Оксфорд как стипендиат Родса. Два года спустя Фулбрайт приехал оттуда убежденным интернационалистом. После окончания юридического факультета и непродолжительной работы в Вашингтоне в качестве государственного обвинителя он вернулся домой на преподавательскую работу в университете и привез с собою жену, Бетти, восхитительную, элегантную женщину, которая оказалась более дальновидной, чем сам Фулбрайт, и не давала развиваться его склонности к замкнутому образу жизни на протяжении более пятидесяти лет, вплоть до самой своей кончины в 1985 году. Я никогда не забуду один из вечеров в 1967 или 1968 году. Как-то во время прогулки по Джорджтауну я заметил сенатора и госпожу Фулбрайт, которые выходили из фешенебельного дома после званого обеда. Оказавшись на безлюдной улице, сенатор обнял жену и сделал с нею несколько танцевальных па. Стоя в тени и наблюдая за ними, я вдруг понял, каким светом она озарила всю его жизнь. В тридцать четыре года Фулбрайт возглавил Арканзасский университет, став самым молодым президентом одного из крупнейших высших учебных заведений Америки. Перед ним и Бетти, казалось, открывалась прекрасная перспектива долгой и счастливой жизни на идиллическом плато Озарк. Однако всего пару лет спустя практически ничем не омрачаемый взлет был грубо прерван новым губернатором, Гомером Адкинсом, который уволил Фулбрайта в ответ на резкую критику в редакционных статьях его матери.

В 1942 году буквально от нечего делать Фулбрайт выставил свою кандидатуру на место в Конгресс от северо-западного Арканзаса и победил. Во время своего единственного срока работы в Палате представителей он вы-

двинул так называемую «Резолюцию Фулбрайта» с призывом создать международную организацию для поддержания мира после окончания Второй мировой войны и, таким образом, предвосхитил появление Организации Объединенных Наций. В 1944 году Фулбрайт уже боролся за место в Сенате и, фактически, за право сквитаться. Его главным противником был тот самый губернатор Адкинс. Последний обладал талантом плодить врагов — очень опасная черта для политического деятеля. Помимо увольнения Фулбрайта он имел неосторожность перейти дорогу Джону Макклеллану, потребовав ни больше ни меньше, чем проведения аудита налоговых деклараций основных его сторонников. Как я уже говорил, Макклеллан был не из тех, кто забывает или прощает неуважение. Он сделал все, чтобы помочь Фулбрайту в борьбе с Адкинсом, и тот не оплошал. Губернатор был повержен, и оба сполна рассчитались с врагом.

Несмотря на совместную работу в Сенате на протяжении тридцати лет, Фулбрайт и Макклеллан никогда не были особенно близки. То же самое можно сказать и об их отношениях с другими политиками. Они сообща отстаивали экономические интересы штата Арканзас и вместе с другими южанами голосовали против, когда обсуждался вопрос о гражданских правах, но объединяло их немногое.

Макклеллан был антикоммунистом и милитаристски настроенным консерватором, который считал, что деньги налогоплательщиков нужно тратить только на оборону, общественные работы и укрепление правоохранительных органов. Он обладал проницательностью, но ему не хватало тонкости. Макклеллан видел окружающий мир в черно-белых тонах, всегда выражался резко и прямо; если у него и были сомнения, то он их никогда не демонстрировал из опасения показаться слабым. Макклеллан считал, что политику делают деньги и власть.

По сравнению с ним Фулбрайт занимал более либеральную позицию. Он был одним из добропорядочных демократов, которые симпатизировали президенту Джонсону и поддерживали его до тех пор, пока их не оттолкнула политика в отношении Доминиканской Республики и Вьетнама. Фулбрайт с одобрением относился к прогрессивному налогообложению, социальным программам, направленным на борьбу с бедностью и неравенством, к федеральной поддержке образования и расширению финансового участия США в международных институтах, занимающихся помощью бедным странам. В 1946 году Фулбрайт стал автором законопроекта, положившего начало программе стипендий, которая предусматривала международный обмен в области образования и обеспечила финансирование учебы сотен тысяч студентов из США и шестидесяти других стран. Он считал, что политику делают идеи.

Что касается гражданских прав, то Фулбрайт никогда не тратил много времени на отстаивание позиции, занятой им при голосовании. Он просто говорил, что должен принимать сторону большинства своих избирателей по таким вопросам, как, например, гражданские права, потому что в этой сфере они разбираются не хуже него, то есть в обтекаемой форме выражал

нежелание проигрывать на следующих выборах. Фулбрайт подписал «Южный манифест» после того, как его удалось немного смягчить, и не принимал участие в голосовании по гражданским правам до 1970 года, когда он опять сыграл решающую роль в поражении противника равных гражданских прав Дж. Харролда Карсвелла, предложенного президентом Никсоном на пост судьи в Верховном суде.

Несмотря на позицию, занятую им при обсуждении вопроса о гражданских правах, Фулбрайта нельзя было назвать бесхарактерным. Он совершенно не выносил лицемерных демагогов, пытавшихся представить себя патриотами. В свое время сенатор от штата Висконсин Джо Маккарти, терроризировавший невинных людей беспочвенными обвинениями в связях с коммунистами, заставил замолчать большинство политиков, даже тех, которые не хотели плясать под его дудку. Один лишь Фулбрайт осмелился проголосовать против выделения дополнительных средств возглавляемому Маккарти специальному подкомитету по расследованиям. Он также был одним из авторов резолюции с объявлением Маккарти порицания, которую утвердили лишь после того, как Джозеф Уэлч ославил сенатора на всю страну как мошенника. Маккарти сошел со сцены слишком быстро — он вполне пришелся бы по вкусу той публике, которая захватила Конгресс в 1995 году. Но в начале 50-х, в период антикоммунистической истерии, Маккарти был тяжеловесом, эдакой девятисотфунтовой гориллой. Фулбрайт выступил против него раньше своих коллег.

Фулбрайт не спасовал также и перед противоречивостью внешней политики — в этой области, в отличие от сферы гражданских прав, он разбирался лучше своих избирателей. Его решение было простым: делать то, что считал правильным, и надеяться на понимание избирателей. Фулбрайт предпочитал многостороннее сотрудничество, а не односторонние действия; диалог с Советским Союзом и странами Варшавского договора, а не изоляционистскую политику; щедрую помощь иностранным государствам, а не военное вмешательство; распространение американских ценностей путем демонстрации примера и идей, а не силой оружия.

Еще одна причина, по которой мне нравился Фулбрайт, заключалась в том, что он интересовался многими вещами за пределами политики. Он считал, что она должна предоставлять людям возможности для развития своих способностей и наслаждения каждым мгновением жизни. Мысль о том, что власть сама по себе может быть конечной целью, а не средством обеспечения безопасности и условий счастливой жизни, казалась ему нелепой и обреченной на провал. Фулбрайт любил проводить время в кругу семьи и друзей, он брал отпуск дважды в год, чтобы отдохнуть и «подзарядить аккумулятор». Ему нравилось охотиться на уток, он обожал гольф и выигрывал даже в семьдесят восемь лет. А еще он любил поговорить и обладал необычным элегантным акцентом. В хорошем расположении духа Фулбрайт бывал красноречивым и убедительным, когда же спешил или сердился — нарочито добавлял в свою речь нотки, которые создавали атмосферу бесцеремонности и нетерпимости.

В августе 1964 года Фулбрайт поддержал так называемую «Тонкинскую резолюцию», наделявшую президента Джонсона правом принимать любые

меры в ответ на явное нападение на американские суда в Тонкинском заливе, однако к лету 1966 года американская политика во Вьетнаме стала, на его взгляд, неправильной, обреченной на провал и чреватой дальнейшими ошибками, то есть такой, которая в случае продолжения могла привести к катастрофическим последствиям для США и всего мира. В 1966 году он обнародовал свои критические взгляды на Вьетнам и американскую внешнюю политику в нашумевшей книге «Самонадеянность силы» (*The Arrogance of Power*). Несколькими месяцами позже, когда я поступил на работу в аппарат его комитета, он подарил мне ее вместе со своим автографом.

Главный аргумент Фулбрайта заключался в том, что великие государства становятся на опасный путь, способный привести их к упадку, если они начинают «самонадеянно» применять силу для того, чего не следует делать, и там, где это неуместно. Он относился с подозрением к любой внешней политике, в основе которой лежало миссионерское рвение, поскольку она неизбежно втягивала нас в такие предприятия, «которые, хотя и благородны по содержанию, по своим масштабам превосходят возможности даже Америки». Фулбрайт также полагал, что использование силы для реализации абстрактной концепции вроде антикоммунизма без понимания особенностей местной истории, культуры и политики приносит больше вреда, чем пользы. Именно так и случилось во время нашего одностороннего вмешательства в гражданскую войну в Доминиканской Республике в 1965 году. Тогда, опасаясь, что отличавшийся левыми взглядами президент Хуан Бош создаст коммунистическое правительство, подобное кубинскому, США поддержали бывших сторонников реакционного и кровавого диктаторского режима генерала Рафаэля Трухильо, который находился у власти три десятка лет и был убит в результате заговора в 1961 году.

Фулбрайт считал, что ту же ошибку, но уже в гораздо большем масштабе, мы совершаем во Вьетнаме. Администрация Джонсона и ее союзники видели во Вьетконге руку китайского экспансионизма в Юго-Восточной Азии, которую надо было остановить до того, как азиатское «домино» повалится в сторону коммунизма. Это подтолкнуло США к поддержке антикоммунистического, но едва ли демократического правительства Южного Вьетнама. Поскольку оно оказалось не в состоянии справиться с вьетконговцами самостоятельно, наша помощь вылилась в отправку туда военных советников и, в конечном итоге, в военное присутствие для защиты того, что Фулбрайт называл «слабым, диктаторским правительством, не пользовавшимся поддержкой народа Южного Вьетнама». По мнению Фулбрайта, Хо Ши Мин, очень уважавший Франклина Рузвельта за его отрицательное отношение к колониализму, стремился главным образом к независимости Вьетнама. Он считал, что Хо нельзя считать китайской марионеткой, и верил, что тот разделяет историческую антипатию и недоверие вьетнамцев к северному соседу. Иными словами, с точки зрения Фулбрайта, у нас не существовало там национального интереса, который мог бы оправдать столь большие жертвы. Тем не менее он не был приверженцем того, чтобы мы в одностороннем порядке покинули эту страну, а поддерживал идею «нейтрализации» Юго-Восточной Азии, уязвляющей ухода Америки с заключением

договора между всеми сторонами о самоопределении Южного Вьетнама и проведением референдума по вопросу о его воссоединении с Северным Вьетнамом. К сожалению, в 1968 году, когда в Париже начались мирные переговоры, подобное решение было уже неосуществимо.

Насколько я мог судить, все работники аппарата комитета разделяли позицию Фулбрайта по Вьетнаму. В их среде все более крепло убеждение в том, что политические и военные лидеры из администрации Джонсона постоянно приукрашивают результаты наших усилий. Они методично делали все от них зависящее, чтобы изменить политику администрации, Конгресса и страны. Когда я пишу эти строки, все выглядит простым и понятным. Однако Фулбрайт и его коллеги, да и весь аппарат комитета фактически ходили над пропастью по канату. «Ястребы» от обеих партий обвиняли комитет, и в первую очередь самого Фулбрайта, в «помощи и поддержке» врагов, расколе нации и ослаблении нашей воли к победе. И все же сенатор твердо стоял на своем. Несмотря на непрекращающуюся резкую критику, слушания помогали возродить антивоенные настроения, особенно в среде молодых людей, которые принимали все более активное участие в антивоенных митингах и «диспутах».

Во времена моей работы в комитете там нередко проводились слушания по таким вопросам, как мнение американцев о внешней политике, китайско-американские отношения, потенциальные противоречия между внутренними целями и внешней политикой США, последствия разногласий между Китаем и Советским Союзом из-за позиции этих стран относительно происходящего во Вьетнаме, а также психологические аспекты международных отношений. В слушаниях участвовала целая плеяда блестящих критиков нашей политики, в числе которых были Харрисон Солсбери из *New York Times*; Джордж Кеннан, бывший посол в СССР и автор идеи «сдерживания» Советского Союза; Эдвин Рейшауэр, бывший посол в Японии; выдающийся историк Генри Стил Коммаджер; отставной генерал Джеймс Гэвин; профессор Крейн Бринтон, эксперт по революционным движениям. Конечно, администрация также присылала своих защитников. Одним из наиболее красноречивых был заместитель госсекретаря Ник Катценбах, с которым мы впоследствии успешно сотрудничали, когда он ведал вопросами гражданских прав в Министерстве юстиции при президенте Кеннеди. Фулбрайт также встречался в своем офисе наедине с госсекретарем Дином Раском; обычно это происходило рано утром за чашечкой кофе.

Меня захватывала динамика развития взаимоотношений Раска и Фулбрайта. Фулбрайт сам был у Кеннеди в коротком списке кандидатов на пост государственного секретаря. Большинство считало, что занять эту должность ему помешала давняя история голосования по гражданским правам и в особенности подпись, поставленная под «Южным манифестом». Раск тоже был уроженцем Юга, а точнее Джорджии, однако он благожелательно смотрел на уравнивание гражданских прав, да к тому же не испытывал такого политического давления, как Фулбрайт, поскольку не заседал в Конгрессе, а работал в аппарате внешнеполитического ведомства. Раску причины конфликта во Вьетнаме казались простыми и ясными: эта страна представля-

лась ему в виде поля битвы свободного мира с коммунизмом в Азии. Если мы потеряем Вьетнам, коммунизм захлестнет Юго-Восточную Азию, и последствия этого будут ужасающими.

Я всегда считал, что кардинальное различие взглядов Фулбрайта и Раска на Вьетнам в определенной мере объяснялось разрывом во времени их учебы в Англии в качестве стипендиатов Родса. Когда Фулбрайт в 1925 году попал в Оксфорд, Версальский договор, который подвел черту под Первой мировой войной, осуществлялся на практике. Он лег тяжелым финансовым и политическим бременем на Германию и перекроил карту Европы и Ближнего Востока после развала Австро-Венгерской и Османской империй. Унижение Германии европейскими странами-победительницами и послевоенный изоляционизм и протекционизм США, проявившиеся в отказе Сената вступить в Лигу Наций и принятии закона Холи — Смута о тарифных ставках, вызвали ультранационалистскую реакцию в Германии, привели к взлету Гитлера, а потом и ко Второй мировой войне. Фулбрайт не хотел повторения подобной ошибки. Он редко представлял конфликты в черно-белых тонах, старался избегать демонизации врагов и всегда сначала искал возможности для переговоров, предпочитательно в многостороннем формате.

Раск же учился в Оксфорде в начале 30-х, когда к власти пришли нацисты. Позднее он был свидетелем безнадежных попыток договориться с Гитлером британского премьер-министра Невилла Чемберлена, чья политика умиротворения получила самое резкое в истории осуждение. Раск ставил знак равенства между коммунистическим тоталитаризмом и нацистским и не принимал ни тот, ни другой. Действия Советского Союза, направленные на установление контроля над Восточной Европой и насаждение там коммунизма после Второй мировой войны, привели его к убеждению, что коммунизм — своего рода инфекция, которая заражает страны враждебным отношением к свободе личности и неискоренимой агрессивностью. Он решительно не был миротворцем. Таким образом, взгляды Раска и Фулбрайта на вьетнамскую проблему разделяла непреодолимая интеллектуальная и эмоциональная пропасть, которая возникла за десятки лет до появления Вьетнама на экране американского радара.

Со стороны приверженцев милитаризма психологическая пропасть углублялась естественной для военного времени тенденцией демонизировать врага и решимостью Джонсона, Раска и иже с ними не допустить «потери» Вьетнама, что не делало чести ни Америке, ни им самим. В бытность президентом мне доводилось наблюдать проявления подобной мании и в мирное время в процессе идеологических баталий с республиканским Конгрессом и его союзниками. Когда нет взаимопонимания, уважения и доверия, любой компромисс в значительно большей степени, чем промах, воспринимается как слабость и предательство, верный путь к поражению.

Для «ястребов» конца 60-х, выступавших за войну во Вьетнаме, Фулбрайт был классическим примером доверчивой наивности. Наивность — проблема, которой следует остерегаться всем, кто руководствуется идеалами. Однако и трезвая расчетливость имеет свои слабые места. В политике, когда вы попадаете в кювет, нужно, прежде всего, перестать углублять его; но если вы

не видите ошибку или не хотите ее признавать, то начинаете искать лопату побольше. Чем с большими трудностями мы сталкивались во Вьетнаме, чем больше протестов звучало у нас дома, тем больше солдат отправляли в пекло. Мы довели их численность до 540 тысяч в 1969 году, прежде чем суровая реальность заставила нас изменить курс.

Я следил за этим процессом с неподдельным интересом. Я читал все, что удавалось найти, включая документы с грифом «конфиденциально» и «секретно», которые время от времени попадали в мои руки для доставки и из которых становилось ясно, что страну вводят в заблуждение относительно успехов и неудач в войне. А кроме того, на моих глазах возрастало число погибших. Каждый день Фулбрайт получал список парней из Арканзаса, убитых во Вьетнаме. Я взял за правило заглядывать в его офис, чтобы взглянуть на этот перечень, и однажды увидел в нем имя своего друга и однокурсника Томми Янга. Когда до возвращения домой оставалось всего несколько дней, его джип наскочил на мину. Меня это страшно расстроило. Томми Янг — тот самый длинный, нескладный, сообразительный и принимающий все близко к сердцу парень, который, по моим представлениям, был рожден для счастливой жизни. Глядя на его имя в списке фамилий других молодых людей, без сомнения, заслуживавших в жизни намного большего, я впервые ощутил вину за то, что был студентом и наблюдал за происходящим во Вьетнаме со стороны. На какое-то время меня даже охватили сомнения, не бросить ли учебу и не записаться ли в армию — в конце концов, я был демократом не только по партийной принадлежности, но и по убеждениям, и не чувствовал себя вправе уклоняться от участия даже в такой войне, которая противоречила моим представлениям. Я завел об этом разговор с Ли Уильямсом. Он сказал, что с моей стороны было бы глупо бросать учебу, что я должен здесь всеми силами содействовать прекращению войны и что, став еще одним солдатом, никому ничего не докажу, только лишь пополню список жертв. Разумом я понимал его правоту и продолжал заниматься своим делом, но чувства говорили мне об обратном. Все-таки я был сыном ветерана Второй мировой войны и с уважением относился к военным, хотя и считал многих военачальников бездарными людьми, прикрывающими рвением отсутствие мозгов. Так началась моя личная борьба с чувством вины; точно такую же внутреннюю борьбу вели многие тысячи граждан, любивших свою страну, но ненавидевших войну.

Нелегко воссоздать атмосферу тех далеких дней и донести ее до людей, которым не довелось через это пройти. Для тех же, кто жил в такой обстановке, ничего пояснять не надо. В войне пришлось участвовать всем, даже самым убежденным ее противникам. Фулбрайт обожал и поддерживал президента Джонсона. Ему нравилось быть частью команды, которая, по его мнению, вела Америку вперед, даже при обсуждении вопроса о гражданских правах, когда он не мог оказать помощь. Фулбрайт был готов делать любую работу и очень не любил оказываться в положении осыпаемого упреками, изолированного аутсайдера. Однажды, оказавшись на работе в необычно раннее время, я увидел, как он в одиночестве шел к своему офису, совершенно потерянный и раздавленный грузом ненавистных обязанностей.

Хотя сотрудники Комитета по международным отношениям занимались массой других вопросов, Вьетнам заслонил собою все остальные проблемы. Это относилось и ко мне. Если за первые два года учебы в Джорджтауне у меня сохранились практически все конспекты, письменные работы и экзаменационные листы, то за третий год остались только ничем не примечательные курсовые по денежному обращению и банковской системе. Во втором семестре я даже отказался (единственный раз за все время моей учебы в Джорджтауне) от курса по теории и практике коммунизма. Впрочем, у меня были для этого веские основания — он не имел никакого отношения к Вьетнаму.

Весной 1967 года у папы вновь обострился рак, и ему пришлось несколько недель провести в Медицинском центре Университета Дьюка в Дареме, штат Северная Каролина. Каждый уикенд я проезжал 266 миль, чтобы навестить его. Выезжал из Джорджтауна в пятницу днем, а возвращался поздно вечером в воскресенье. Ради этого мне пришлось пожертвовать курсом по коммунизму. Это был самый тяжелый, но очень важный период моей жизни. В Дарем я добирался лишь поздно вечером и сразу отправлялся к папе. Мы проводили с ним всю субботу, воскресное утро и часть дня, а потом мне нужно было возвращаться к учебе и работе.

В первый день пасхи 26 марта 1967 года мы отправились на богослужение в величественную университетскую церковь, построенную в готическом стиле. Папу никогда особо не прельщали походы в церковь, но в тот раз, судя по всему, служба ему понравилась. Возможно, какое-то успокоение ему приносила мысль о том, что Иисус принял смерть и за его грехи тоже. А может быть, он наконец поверил в это, когда мы пели прекрасный старый гимн «Давайте петь со всеми сынами Божьими, петь песнь возрождения!» После службы мы объехали соборный холм, колыбель Университета штата Северная Каролина. Вся округа утопала в цветущем кизиле и багряннике. Весна на юге вообще прекрасна; а та весна просто потрясала, она осталась в моей памяти самой яркой пасхальной картинкой.

Во время тех уикендов папа разговаривал со мной так, как никогда раньше, чаще всего вспоминая мелкие эпизоды, связанные со мною и с ним самим, с моей матерью и Роджером, семьей и друзьями. Иногда речь заходила и о более глубоких вещах, о жизни, которой, он знал, осталось уже немного. Но даже о мелочах папа говорил с такой открытостью и глубиной, с таким отсутствием самооправдания, каких я прежде никогда у него не замечал. Теми нескончаемыми, полными покоя уикендами мы пришли к взаимопониманию, и папа признал тот факт, что я люблю его и прощаю. Если бы он всегда относился к жизни с той же отвагой и чувством юмора, с какими сейчас принимал неизбежную смерть, это было бы по-мужски.

Незадолго до конца моего первого года учебы должны были пройти выборы. За год до этого, а может быть, и раньше, я решил баллотироваться на пост президента студенческого совета. Хотя довольно большая часть моего времени проходила за пределами кампуса, я не отставал от друзей, был в курсе всех дел и, с учетом моих прежних успехов, рассчитывал на победу. Однако отрыв от действительности оказался более серьезным, чем мне представлялось. Мой конкурент, Терри Моджлин, был вице-президентом группы. Он готовился к выборам на протяжении всего года, выстраивая линию защиты и продумывая стратегию. Я предлагал конкретную, но не отличающуюся новизной платформу. Моджлин же опирался на растущее чувство неудовлетворенности в кампусах всей Америки и недовольство многих студентов характерной для Джорджтауна жесткостью учебных требований и правил проживания на территории университета. Он называл свою кампанию «Бунт Моджа», подражая слогану «Бунт Доджа», принадлежавшему известной автомобильной фирме. Моджлин и его сторонники изображали себя эдакими «хорошими парнями», которые сражаются против иезуитской администрации, а заодно и со мной. Из-за своих хороших взаимоотношений с руководством университета, работы, автомобиля, традиционных методов ведения кампании и постоянного радушия я превратился в кандидата истеблишмента. Я и мои друзья делали все возможное, но было очевидно, что активность Моджлина и его сторонников не сулила нам ничего хорошего. Например, наши плакаты исчезали с завидной регулярностью. В ответ мои ребята в одну из ночей незадолго до выборов сорвали плакаты Моджлина, сложили в багажник автомобиля, вывезли из кампуса и выбросили. Однако их разоблачили и устроили нагоняй.

Это стало последней каплей. Моджлин победил с разгромным для меня результатом: 717 против 570. Его победа была заслуженной. Он оказался умнее, организованнее и работоспособнее. Помимо всего прочего, Терри сильнее жаждал победы. Оглядываясь назад, я думаю, что вообще не надо было ввязываться в эту кампанию. В отличие от большинства моих сокурсников я считал, что смягчать требования учебного плана ни к чему; меня они вполне устраивали. Я потерял то особое ощущение жизни в кампусе, которое давало мне энергию для прошлых побед на выборах президента группы. А мои ежедневные отлучки из кампуса легко позволяли представить меня как человека администрации, без особого труда преодолевающего любые препятствия. Я довольно быстро оправился от поражения, и к концу учебного года с нетерпением ждал лета, чтобы посвятить его работе в комитете и занятиям по некоторым предметам. Откуда мне было знать, что лето 67 года окажется затишьем перед бурей и для меня, и для Америки.

Летом в Вашингтоне жизнь замедляется, а в Конгрессе затишье обычно продолжается весь август. Это чудесное время для того, кто молод, неравнодушен к политике и хорошо переносит жару. Кит Ашби и еще один мой сокурсник, Джим Мур, сняли старый дом по адресу 4513 Потомак-авеню, по соседству с бульваром Макартура, всего в миле от кампуса Джорджтаунского университета. Они предложили мне пожить с ними, а потом остаться на время второго года обучения, когда к нашей компании присоединятся еще два студента, Том Кэмпбелл и Томми Каплан. Окна дома выходили на реку Потомак. Там было пять спален, небольшая гостиная и вполне приличная кухня, а кроме того, плоская крыша над помещениями второго этажа, позволявшая днем загорать, а теплыми летними ночами спать на открытом воздухе. Дом когда-то принадлежал человеку, который в начале 50-х занимался разработкой национального свода санитарно-технических правил. На полках в гостиной все еще стоял комплект томов этого издания, подпертый совершенно несуразным книгодержателем, на котором был изображен Бетховен у рояля. Это была единственная заслуживающая внимания вещь во всем доме, которую мои соседи торжественно передали на мое попечение. Я до сих пор ее храню.

Кит Ашби был сыном врача из Далласа. В то время, когда я работал на сенатора Фулбрайта, Кит состоял в штате сенатора Генри «Скупа» Джексона от штата Вашингтон, который, как и Линдон Джонсон, пользовался славой либерала в вопросах внутренней политики и «ястреба» в отношении Вьетнама. Кит разделял его взгляды, и мы частенько спорили с ним по этому поводу. Джим Мур вырос в семье военнослужащего и превосходил нас по всем статьям. Он хорошо знал историю и был настоящим интеллектуалом. В отношении Вьетнама Джим занимал позицию, которая представляла собой нечто среднее между моей точкой зрения и мнением Кита. За то лето и последующий учебный год я по-настоящему сдружился с обоими. После Джорджтауна Кит записался в Корпус морской пехоты, а потом стал международным банкиром. Став президентом, я назначил его послом в Уругвае. Джим Мур, последовав примеру своего отца, пошел служить в армию, а позднее сделал очень успешную карьеру на поприще управления инвестициями пенсионного фонда Арканзаса. Когда в 1980-х многие штаты столкнулись с трудностями при решении этого вопроса, я не раз пользовался его бесплатными рекомендациями по поводу того, как нам следует поступить.

Мы чудесно провели то лето. 24 июня мне удалось послушать в Конститьюшн-холл самого Рэя Чарльза. Меня сопровождала Карлин Джанн, потрясающая девушка, с которой я познакомился на одной из бесчисленных смешанных вечеринок, устраиваемых местными женскими школами для парней из Джорджтауна. Она была очень высокой блондинкой с длинными волосами. Мы сидели в одном из последних рядов балкона, где практически не было белых. Я обожал Рэя Чарльза с того момента, как услышал чудесную строку из песни «Что мне сказать»: «Скажи своей матери, скажи своему отцу, что я отправляю тебя назад в Арканзас». К концу концерта вся публика уже танцевала в проходах. Тем вечером, когда мне удалось добраться до Потомак-авеню, я был так взволнован, что не мог

уснуть, а в пять утра не выдержал и устроил себе трехмильную пробежку. Корешок билета на тот концерт я носил с собой в бумажнике на протяжении десяти лет.

В Констительюшн-холл все сильно изменилось с 1930-х годов, когда распоряжающаяся им организация «Дочери американской революции» отказала в праве петь там великой Мариан Андерсон на том основании, что та чернокожая. Однако негритянская молодежь хотела намного большего, чем доступ в концертные залы. Нарастающее недовольство бедностью, непрекращающейся дискриминацией, актами насилия в отношении активистов движения в защиту гражданских прав и отправкой на вьетнамскую войну непропорционально большого числа чернокожих вызвало новый всплеск агрессивности, особенно в городах, где Мартин Лютер Кинг-младший боролся за сердца и умы чернокожих американцев с еще более воинственным движением под лозунгом «Власть черным!»

В середине 60-х расовые волнения разного размаха прокатились по северным негритянским гетто. До 1964 года Малколм Икс, лидер чернокожих мусульман, отказывался от объединения усилий по борьбе с бедностью и другими проблемами в городах и предрекал «такое расовое насилие, какого белые американцы еще не видели»

Летом 1967 года, как раз в то время, когда я наслаждался Вашингтоном, в Ньюарке и Детройте произошли серьезные беспорядки. К концу лета расовые волнения были отмечены уже более чем в 160 городах. Президент Джонсон создал Национальную консультативную комиссию по гражданским беспорядкам под председательством Отто Кернера, губернатора штата Иллинойс, которая пришла к заключению, что причиной массовых волнений стали расизм и жестокость полицейских, а также отсутствие у чернокожих перспектив в сфере экономики и образования. Ее зловещий вывод был представлен в виде получившей известность формулировки: «Наша страна поделена на два общества — черных и белых, разделенных, но не равных».

В Вашингтоне же в то сложное лето было довольно спокойно, однако и мы слегка ощутили, что собой представляет движение «Власть черным!», когда на протяжении нескольких недель каждую ночь чернокожие активисты оккупировали Дюпон-серкл неподалеку от Белого дома на пересечении Коннектикут-авеню и Массачусетс-авеню. Один из моих друзей водил с ними знакомство и однажды взял меня с собой, чтобы послушать, о чем там говорят. Они оказались дерзкими, яростными, иногда непоследовательными, но вовсе не глупыми, и хотя я не принимал их методов борьбы, проблемы, ставшие причиной недовольства, были совершенно реальными.

Граница между воинствующим движением за гражданские права и антивоенным движением становилась все более расплывчатой. Хотя последнее зародилось как протест состоятельных белых студентов и их более взрослых сторонников из числа интеллектуалов, художников и религиозных деятелей, многие его организаторы имели отношение к движению за гражданские права. К весне 1966 года антивоенное движение с его массовыми демонстрациями и митингами по всей Америке переросло своих организа-

торов. В определенной мере его подпитывала реакция населения на Фулбрайтовские слушания. Весной 1967 года в Центральный парк Нью-Йорка пришло 300 тысяч человек, чтобы выразить протест против войны.

Моя первая встреча с серьезными антивоенными активистами произошла в то лето на съезде либеральной Национальной студенческой ассоциации (НСА), который проходил в кампусе Мэрилендского университета, там, где я четырем годами раньше участвовал в программе патриотического воспитания «Бойз оф нейшн». НСА отличалась меньшей радикальностью, чем организация «Студенты за демократическое общество» (СДО), однако твердо стояла на антивоенной позиции. Доверие к ней было сильно подорвано прошлой весной, когда выяснилось, что международная деятельность ассоциации финансировалась ЦРУ. Несмотря на это она все равно пользовалась поддержкой среди студентов по всей Америке.

Как-то вечером я пошел в университетский парк, где проходил съезд НСА, чтобы посмотреть, что там происходит, и натолкнулся на Брюса Линдси, с которым познакомился в 1966 году во время кампании по выборам губернатора, когда тот работал на Брукса Хейза. Он приехал вместе с делегаткой от юго-западного отделения НСА, Дебби Сейл, тоже уроженкой Арканзаса. Брюс стал мне близким другом, советником и был моим доверенным лицом во времена губернаторства и президентства. Такой друг нужен любому человеку, и без него не обойтись ни одному президенту. Дебби впоследствии помогла мне утвердиться в Нью-Йорке. Но в 1967 году на съезде НСА мы, все трое, были обычными молодыми арканзасцами, которые протестовали против войны и искали подходящую компанию.

В НСА было полно молодых людей вроде меня, то есть тех, кого не устраивала СДО, но кому хотелось числиться в рядах борцов за прекращение войны. Наиболее заметную речь на съезде произнес Аллард Лоуэнштейн, который призвал студентов создать национальную организацию для проведения кампании против переизбрания президента Джонсона в 1968 году. Большинство в тот момент считало такой призыв пустой затеей, однако ситуация менялась достаточно быстро, чтобы превратить Ала Лоуэнштейна в пророка. Не прошло и трех месяцев, как антивоенному движению удалось собрать 100 тысяч протестующих у Мемориала Линкольна. Три сотни из них вернули призывные повестки, которые были переданы в Министерство юстиции двумя активистами старшего поколения, Уильямом Слоуном Коффином, капелланом Йельского университета, и доктором Бенджамином Споком, известным детским врачом.

НСА боролась и с проявлениями жесткого тоталитаризма, а потому на съезде присутствовали представители прибалтийских «оккупированных стран». Мне довелось побеседовать с женщиной из Латвии. Она была старше меня, и после разговора с ней у меня сложилось впечатление, что участие в подобного рода мероприятиях — ее единственное занятие. В словах женщины звучала уверенность в том, что однажды советский коммунизм рухнет, и Латвия вновь станет свободной. В тот момент я подумал, что это полный бред, но она оказалась таким же пророком, как и Лоуэнштейн.

Помимо работы в комитете и редких поездок я посещал в летней школе три курса — по философии, этике и американской дипломатии на Дальнем Востоке и впервые стал читать работы Канта, Кьеркегора, Гегеля и Ницше. После занятий по этике у меня остались хорошие конспекты, и как-то раз в августе один из студентов, который был хорошим организатором, но редко присутствовал на занятиях, попросил немного позаниматься с ним перед выпускными экзаменами. И вот 19 августа, в свой двадцать первый день рождения, я потратил на это около четырех часов, но в результате тот парень получил «хорошо». Двадцать пять лет спустя, когда я был президентом, мой бывший сокурсник Турки аль-Фейсал, сын покойного короля, возглавил разведслужбу Саудовской Аравии и оставался на этом посту двадцать четыре года. Сомневаюсь, чтобы степень доктора философии сильно помогла ему в жизни, однако мы любили пошутить на эту тему.

Профессор американской дипломатии Джулз Дейвидз был известным ученым, который впоследствии помогал Авереллу Гарриману писать мемуары. Я посвятил свою письменную работу Конгрессу и резолюции по Юго-Восточной Азии. Эту резолюцию, более известную как Тонкинская, приняли 7 августа 1964 года по предложению президента Джонсона в связи с тем, что 2 и 4 августа два американских эсминца, «Мэддокс» и «Тернер Джой», якобы были атакованы кораблями Северного Вьетнама, а США ответили на это ударами по северовьетнамским военно-морским базам и нефтехранилищу. Резолюция наделяла президента правом принимать «любые меры для пресечения враждебных действий против вооруженных сил США и предотвращения дальнейшей агрессии», а также осуществлять «любые действия, вплоть до использования военной силы», с тем чтобы помочь странам СЕАТО «в защите своей свободы».

Основная мысль моей работы заключалась в том, что за исключением сенатора Уэйна Морзе никто не попытался не только оценить конституционность резолюции или наличие в ней здравого смысла, но и просто взглянуть на нее критически. Страна и Конгресс ослепли от ярости и решили показать, что мы никому не позволим нами помыкать и выталкивать нас из Юго-Восточной Азии. Доктору Дейвидзу понравились мои идеи, и он сказал, что работа достойна публикации. Я не был в этом уверен; слишком уж много вопросов оставалось без ответа. Ряд известных журналистов ставил под вопрос не только конституционность, но и реальность самого нападения на наши корабли, и в тот момент, когда я завершал свою работу, Фулбрайт затребовал в Пентагоне дополнительную информацию о Тонкинском инциденте. Анализ этой резолюции, продолжавшийся в комитете до 1968 года, дал основания считать, что по меньшей мере второго нападения, 4 августа, на эсминцы не было. Редко в истории сомнительное событие приводит к столь ужасающим последствиям.

Всего через несколько месяцев они привели к крушению Линдона Джонсона. Быстрота и практически полное единодушие, продемонстрированные при принятии «Тонкинской резолюции», лишний раз подтвердили справедливость старой поговорки: «Посеешь ветер — пожнешь бурю».

Последний год в университете представлял собой удивительное сочетание активной студенческой жизни и серьезных перемен в личном и политическом плане. Оглядываясь назад, я не перестаю удивляться тому, как мне удавалось участвовать в таком множестве мероприятий одновременно. Однако людям свойственно искать удовольствия и преодолевать неприятности в любых, даже самых тяжелых ситуациях.

Я выбрал два наиболее интересных курса — семинарские занятия по международному праву и коллоквиум по истории Европы. Доктор Уильям О'Брайен, читавший курс международного права, разрешил мне написать работу, посвященную проблеме отказа от воинской службы по убеждениям и анализу призывной системы в Америке и других странах, а также законодательных и философских основ удовлетворения права на отказ от воинской службы. Я доказывал, что основания для отказа от воинской службы не должны ограничиваться лишь религиозными убеждениями, поскольку неприятие насилия проистекает не из теологической доктрины, а из личного отношения к воинской службе. Из этого вытекало, что, хотя оценка индивидуальных мотивов является довольно сложной процедурой, правительство должно предоставлять освобождение от воинской службы во всех случаях, когда заявление делается искренне. Прекращение призыва на военную службу в 1970-е годы поставило важность этой моей работы под вопрос.

На коллоквиуме по истории речь шла главным образом о развитии европейской научной мысли. Руководил им профессор Хишам Шараби, выходец из Ливана, блестящий, всесторонне образованный ученый, страстно преданный делу борьбы палестинского народа. Курс, рассчитанный на четырнадцать недель в семестр, насколько я помню, посещало четырнадцать студентов, собиравшихся раз в неделю на два часа. Набор рекомендованных книг был одинаков для всех, однако на каждом занятии за обсуждение отвечал кто-то один, делая десятиминутный доклад, посвященный книге данной недели. Форма этого доклада могла быть любой — резюме, изложение центральной идеи книги или обсуждение ее наиболее интересных аспектов, — но выходить за временные рамки никто не имел права. Шараби был уверен, что, если вы не справились с задачей, значит, не поняли прочитанного, и строго следил за соблюдением этого правила. Исключение он сделал лишь однажды — для студента, специализировавшегося в области философии. Это был первый известный мне человек, употреблявший слово «онтологический», которое, как я думал, означало что-то из сферы медицины. Выступление этого студента заняло намного больше десяти минут, а когда он наконец выдохся, Шараби посмотрел на него своими большими выразительными глазами и сказал: «Будь у меня пистолет, я бы тебя

пристрелил». Ни больше ни меньше. Я представлял книгу Йозефа Шумпетера «Капитализм, социализм и демократия». Не знаю, насколько удачным было мое выступление, но я старался говорить простыми словами и, хотите верьте, хотите нет, уложился в девять с небольшим минут.

Большая часть осени 1967 года ушла на подготовку к ноябрьской конференции по проблемам Атлантического сообщества (CONTAC). Поскольку я был председателем девяти семинаров CONTAC, в мои обязанности входило размещение делегатов, распределение тем докладов и поиск экспертов для заседаний, число которых достигало восьмидесяти одного. Джорджтаун приглашал студентов из Европы, Канады и США на цикл семинаров и лекций, на которых анализировались проблемы, стоящие перед сообществом. Мне уже доводилось принимать участие в такой конференции двумя года раньше, и тогда сильнейшее впечатление на меня произвел один курсант Уэст-Пойнта — Уэс Кларк, выходец из Арканзаса, лучший учащийся и стипендиат Родса. В то время у нас были довольно напряженные отношения с некоторыми европейскими странами, выступавшими против войны во Вьетнаме, однако из-за значения НАТО для европейской безопасности во времена холодной войны, о серьезной конфронтации речь, конечно, не шла. Конференция прошла с большим успехом, в немалой степени благодаря хорошему подбору участников.

В конце осени папе опять стало хуже. Опухоль увеличивалась, и было очевидно, что ее рост не остановит никакое лечение. Какое-то время он провел в больнице, но ему хотелось умереть дома. Он убедил маму, что не стоит отрывать меня от учебы, поэтому они не сразу сообщили мне о его состоянии. Однажды папа сказал: «Пора». Мама послала за мной, и я тут же приехал домой. Я знал, как плох папа, и лишь надеялся, что он узнает меня и я смогу сказать ему, что люблю его.

К тому времени, когда я приехал, он поднимался с постели только для того, чтобы добраться до ванной, да и то с посторонней помощью. Папа сильно похудел и был очень слаб. Каждый раз, когда он пытался встать, его колени подгибались; он походил на марионетку, управляемую нетвердой рукой. Ему, похоже, нравилось, когда мы с Роджером ему помогали. Все, что я теперь мог сделать для него, — это проводить до туалета и обратно. Он относился к происходящему с юмором, посмеиваясь и приговаривая: «Ну и влип же я, поскорее бы все это закончилось». Когда папа ослаб настолько, что уже не мог ходить даже с посторонней помощью, ему пришлось пользоваться судном. Его страшно раздражала необходимость проделывать эту процедуру на глазах у добровольных сиделок — подруг матери, предложивших ей свою помощь.

Папа быстро терял силы, но сохранял рассудок и речь в течение еще трех дней после моего приезда, и нам удалось поговорить по душам. Папа сказал, что, когда он покинет нас, все образуется, и выразил уверенность в том, что я обязательно получу стипендию Родса по результатам собеседования, которое должно было состояться примерно через месяц. Еще через неделю он впал в полубессознательное состояние, из которого уже почти не выхо-

дил, но просветления случались почти до самого конца. Два раза он приходил в себя и говорил нам с мамой, что все еще здесь. Еще два раза, когда он был уже слишком слаб и сверх меры накачан лекарствами, чтобы думать и говорить (опухоль к тому времени распространилась на всю грудную полость, и держать его на аспирине, обрекая на мучения, уже не стоило), папа изумил нас, спросив, не повредит ли мне столь долгое отсутствие на занятиях и не стоит ли подумать о возвращении, ведь ничего нового здесь уже не произойдет, да и последний разговор по душам у нас уже состоялся. Когда папа уже не мог говорить, он просто лежал и смотрел на кого-нибудь из нас или издавал звуки, чтобы мы могли понять его простые желания — например, перевернуться на другой бок. Можно было только догадываться, о чем он тогда думал.

После того как его сознание прояснилось в последний раз, папа прожил еще полтора ужасных дня. Было мучительно слышать тяжелое, резкое дыхание и видеть, как его тело распухает, превращаясь в нечто бесформенное. Перед самой его кончиной мама подошла к нему и, заплакав, сказала, что любит его. Я надеюсь, она не кривила душой: ведь ей пришлось столько страдать по его вине.

В последние дни жизни папы наш дом представлял собой классическую деревенскую сцену бодрствования у постели умирающего — с непрерывным потоком родственников и друзей, являвшихся, чтобы выразить нам свое сочувствие. Большинство из них приносили с собой еду, чтобы освободить нас от необходимости готовить и чтобы было чем накормить других посетителей. Из-за того, что я почти не спал и садился за стол с каждым, кто приходил проститься с папой, за две недели, проведенные дома, я поправился на десять фунтов. Однако еда и сочувствие друзей были большим утешением в те дни, когда нам ничего не оставалось, кроме как ждать прихода смерти.

В день похорон шел дождь. Когда я был маленьким, папа во время грозы часто повторял, глядя в окно: «Не хороните меня в дождь». Это была одна из тех старых поговорок, без которых невозможно представить себе ни один разговор на Юге, и я никогда не обращал внимания на его слова. Но иногда мне все же кажется, что он говорил это серьезно, что его пугала мысль о возможности отправиться в последний путь под дождем. Однако именно это должно было теперь произойти, а папа, столько перенесший за время своей болезни, все же заслуживал лучшего.

Дождь лил не переставая, пока мы добирались до церкви, и шел на протяжении всей панихиды, когда священник монотонным голосом говорил об отце слова, которые не имели никакого отношения к действительности и над которыми папа непременно посмеялся бы, если бы их услышал. В отличие от меня, он никогда не относился к погребальному обряду слишком серьезно, и, наверное, ему не понравились бы его собственные похороны, за исключением, пожалуй, псалмов, которые он выбрал сам. Когда панихида закончилась, мы чуть не выбежали на улицу, чтобы посмотреть, не прекратился ли дождь. Он лил по-прежнему, и на пути к кладбищу мы не могли сосредоточиться на нашем горе из-за переживаний по поводу погоды.

Но стоило нам свернуть на узкую тропинку, ведущую к свежевырытой могиле, как дождь прекратился. Роджер заметил это первым и громко известил остальных. Все вздохнули с радостью и облегчением, совершенно неуместными в данной ситуации, однако никто не проронил ни слова: мы просто обменялись едва заметными многозначительными улыбками, похожими на ту, которая так часто появлялась на папином лице после того, как он смирился с тем, что его ожидало. На пути к концу, который ждет всех нас, он обрел всепрощающего Господа. Хоронили его не под дождем.

Через месяц после похорон я вновь приехал домой, чтобы пройти собеседование на получение стипендии Родса, о которой я мечтал с момента окончания средней школы. Каждый год тридцать два стипендиата Родса из Америки отправлялись для двухлетнего обучения в Оксфорд за счет средств траста, учрежденного в 1903 году в соответствии с завещанием Сесила Родса. Родс, сделавший состояние на алмазных месторождениях Южной Африки, обеспечил финансирование стипендий для юношей из существующих и бывших британских колоний, продемонстрировавших выдающиеся интеллектуальные, атлетические и лидерские качества. Он хотел, чтобы в Оксфорде учились студенты, добившиеся успеха не только в учебе, поскольку считал, что именно такие люди, скорее всего, посвятят себя исполнению общественного долга, а не преследованию личных целей. С течением времени комитеты по отбору кандидатов стали смотреть сквозь пальцы на отсутствие спортивных достижений у претендентов, обладающих выдающимися способностями в какой-либо другой области. Через несколько лет в условия отбора были внесены изменения, позволившие участвовать в конкурсе и девушкам. Студент мог подать заявление как в том штате, где он жил, так и в том, где учился в колледже. В декабре каждый штат выдвигал двух кандидатов, которые затем проходили отбор в одной из восьми региональных комиссий, где определялись стипендиаты на следующий академический год. Кандидат должен был представить от пяти до восьми рекомендательных писем, написать эссе на тему о том, почему он хочет учиться в Оксфорде, и пройти собеседование на уровне штата и региона. Все члены комиссий, проводящих собеседования, за исключением председателей, были бывшими стипендиатами. Я попросил отца Себеса, доктора Джайлза, доктора Дейвидза и профессора английского языка Мэри Бонд написать мне рекомендательные письма. С такой же просьбой я обратился к доктору Беннету и Фрэнку Хоулту из Арканзаса, а также к Сету Тиллману, спичрайтеру сенатора Фулбрайта, который преподавал в Школе международных исследований при Университете Джонса Хопкинса и был моим другом и наставником. По совету Ли Уильямса я обратился с этой просьбой и к самому сенатору Фулбрайту. Мне не хотелось беспокоить сенатора, поскольку у него и так хватало забот в связи с войной, однако Ли заявил, что тот будет рад сделать это, и сенатор действительно написал великолепную рекомендацию.

Комитет Родса требовал отмечать в рекомендациях не только достоинства, но и недостатки. Преподаватели Джорджауна указали, довольно

снисходительно, что я не очень хороший спортсмен. Сет написал, что я, несомненно, заслуживаю стипендию, однако «Клинтона не слишком привлекает рутинная работа в комитете; эта работа не соответствует его интеллектуальным способностям, а потому он часто думает о другом». Это было для меня новостью: я считал, что добросовестно выполняю свои обязанности в комитете, однако на деле, оказывается, думал о другом. Возможно, именно из-за этого мне никак не удавалось сосредоточиться на эссе. В конце концов я оставил попытки написать его дома и поселился в гостинице на Капитолийском холме, примерно в квартале от нового здания Сената, в надежде поработать в полной тишине. Изложить мою короткую биографию и объяснить, почему именно меня следует послать в Оксфорд, оказалось сложнее, чем я предполагал.

Начиналось мое эссе с заявления о том, что я приехал в Вашингтон с целью «подготовиться к жизни настоящего политика»; потом я просил комитет послать меня в Оксфорд для «углубленного изучения дисциплин, которые я только начал осваивать» в надежде на то, что мне удастся «развить интеллект, способный выдержать нагрузки, сопутствующие жизни политика». В тот момент мне казалось, что эссе было довольно неплохим. Теперь же я вижу, что оно получилось вымученным, со множеством преувеличений и напоминало попытку найти тот тон, который, как мне казалось, должен был использовать хорошо образованный стипендиат Родса. Возможно, в нем отразились серьезность, свойственная юности, и атмосфера тех времен, когда слишком многим вещам придавалось преувеличенное значение.

Поддача заявления в Арканзасе давала мне большое преимущество. Размер нашего штата и относительно небольшая численность студентов в нем сокращали количество конкурентов. Наверное, я не добрался бы до регионального уровня, если бы жил в Нью-Йорке, Калифорнии или каком-то другом крупном штате, где пришлось бы состязаться со студентами из колледжей и университетов «Лиги плюща» с хорошо отлаженной системой отбора и подготовки лучших из лучших. Из тридцати двух стипендиатов, отобранных в 1968 году, на Йель и Гарвард пришлось по шесть, на Дартмут — три, на Принстон и Военно-морскую академию — по два. В наше время на сотни разбросанных по стране небольших колледжей приходится гораздо больше победителей, однако элитные учебные заведения и военные академии по-прежнему демонстрируют очень неплохие показатели.

Комитет штата Арканзас возглавлял Билл Нэш, высокий худощавый мужчина, активный масон и старший партнер компании Rose Law Firm в Литл-Роке, старейшем городе к западу от Миссисипи, основанном в 1820 году. Нэш был благородным, несколько старомодным человеком. Он ежедневно, независимо от погоды, проходил пешком по несколько миль. Членом комитета был еще один партнер Rose Law Firm, Гастон Уильямсон, который также входил в состав регионального комитета от штата Арканзас. Гастон был крупным мужчиной и выдающейся личностью. Он обладал низким сильным голосом и отличался командирскими замашками. Он выступал против действий Фобуса в Центральной средней школе и изо всех сил сопротивлялся реакции. Уильямсон очень помог мне во время процедуры

отбора и дал много полезных советов впоследствии, когда я занял пост генерального прокурора штата, а затем и губернатора. Когда Хиллари поступила на работу в Rose в 1977 году, он стал ее другом и советником. Гастон просто обожал Хиллари. Он оказывал мне политическую поддержку и испытывал ко мне симпатию, но, я всегда подозревал, что, по его мнению, был недостаточно хорош для нее.

Я успешно прошел собеседование в Арканзасе и отправился в Новый Орлеан для окончательного испытания. Мы остановились во Французском квартале в гостинице «Ройал Орлеанс», где проходили собеседования с финалистами из Арканзаса, Оклахомы, Техаса, Луизианы, Миссисипи и Алабамы. Единственное, что я смог сделать в ночь перед испытаниями, — это перечитать свое эссе, просмотреть *Time*, *Newsweek*, *U.S. News & World Report* да хорошенько выспаться. Я знал, что мне могут задать самые неожиданные вопросы, и хотел быть в форме. Кроме того, я не хотел, чтобы мне мешали эмоции. Новый Орлеан навевал воспоминания о прежних поездках: вот я, совсем маленький, уезжаю вместе с бабушкой на поезде, а мама стоит на коленях у железнодорожного полотна и плачет; вот мы в первый и последний раз всей семьей проводим отпуск за пределами штата — в Новом Орлеане и на побережье Мексиканского залива, в устье Миссисипи. Кроме того, я постоянно думал о папе и вспоминал его уверенное предсказание, сделанное на смертном одре, — о том, что я одержу победу. Я очень хотел победить, и не в последнюю очередь ради него.

Председателем комитета был Дин Макги из штата Оклахома, глава фирмы Kerr-McGee Oil Company и влиятельная фигура в деловой и политической жизни штата. Из членов комитета наибольшее впечатление на меня произвел Барни Монахан, председатель совета директоров компании Vulcan, сталелитейного предприятия в Бирмингеме, штат Алабама. В своей безупречной тройке он больше походил на профессора университета, чем на бизнесмена.

Труднее всего мне было ответить на вопрос о торговле. Меня спросили, являюсь ли я сторонником свободной торговли, протекционизма или предпочел бы нечто среднее. Когда я заявил, что поддерживаю свободную торговлю, особенно в развитых странах, мне тут же был задан вопрос: «Тогда как вы объясните попытки сенатора Фулбрайта ввести протекционистские меры для арканзасских цыплят?» Это был отличный вопрос, вынуждавший меня за несколько секунд сделать выбор между непоследовательностью в вопросах, касающихся торговли, и нелояльностью по отношению к Фулбрайту. Я сказал, что ничего не знал о проблемах арканзасских птицеводов, но для того, чтобы гордиться принадлежностью к команде сенатора, вовсе не обязательно соглашаться с ним по всем вопросам. Тут вмешался Гастон Уильямсон, который вызволил меня из трудного положения. Он сказал, что проблема не так проста, как кажется: в действительности Фулбрайт пытался открыть иностранные рынки для наших цыплят. Мне и в голову не приходило, что можно провалиться на собеседовании из-за каких-то цыплят. Больше я никогда не допускал ничего подобного. Когда я уже был губернатором и президентом, люди нередко удивлялись тому, как много

мне известно о производстве мяса птицы и торговле им внутри страны и за рубежом.

После того как все двенадцать кандидатов прошли собеседование, был сделан небольшой перерыв, а затем всех пригласили в зал. Комитет выбрал одного парня из Нового Орлеана, двух из Миссисипи и меня. После короткого интервью с представителями прессы я позвонил маме, которая не отходила от телефона, и спросил, пойдет ли мне, на ее взгляд, костюм из английского твида. Господи, как я радовался за маму, которая дожила до этого дня, а также тому, что сбылось предсмертное предсказание папы, и перспективам, которые открывались для меня в следующие два года. На какое-то время весь мир словно замер. Не было ни Вьетнама, ни расовых беспорядков, ни печальных событий дома, ни тревоги за себя и свое будущее. У меня оставалось еще несколько часов, чтобы погулять по Новому Орлеану, и я наслаждался этим городом, прозванным «Большой кайф», как его истинный сын.

После возвращения домой и посещения могилы папы я наконец-то позволил себе отдохнуть по-настоящему. В газете обо мне была опубликована хвалебная заметка, вернее целая редакционная статья. Я выступал в местном клубе, развлекался с друзьями и наслаждался потоком поздравительных писем и звонков. Рождество было веселым, но не лишенным горького привкуса: впервые после рождения брата мы встречали его втроем.

В Джорджтауне меня ожидало еще одно печальное известие. 17 января скончалась моя бабушка. Несколько лет назад, когда у нее случился второй удар, она попросила отправить ее в родной город Хоуп, в дом престарелых, где когда-то была больница имени Джулии Честер. Там ее поместили в ту же комнату, в которой лежала моя мама, когда я родился. Ее смерть, как и смерть отца, вызывала в душе моей матери противоречивые чувства. Бабушка была с ней очень строга. Возможно, она ревновала к ней дедушку, который слишком любил своего единственного ребенка, и часто срывалась на дочери. Бабушкины приступы раздражения стали более редкими после смерти деда, когда она стала работать сиделкой у одной приятной дамы, которая брала ее в поездки в Висконсин и Аризону и в какой-то мере удовлетворяла ее стремление вырваться из привычной, предсказуемой жизни. Бабушка прекрасно относилась ко мне в первые четыре года моей жизни, когда учила меня читать и считать, убирать за собой посуду и мыть руки. После нашего переезда в Хот-Спрингс каждый раз, когда я заканчивал учебный год с отличием, она высылала мне пять долларов. Даже когда мне исполнился двадцать один год, бабушка не переставала интересоваться, «есть ли у ребенка чистый носовой платок». Жаль, что она не понимала себя до конца и не могла лучше заботиться о себе и своей семье. Однако бабушка по-настоящему любила меня и делала все, что могла, чтобы я удачно начал свой жизненный путь.

Думаю, начало моей карьеры было вполне успешным, но то, что произошло дальше, стало для меня полной неожиданностью. 1968 год оказался одним из самых бурных в американской истории. Линдон Джонсон вступил

в него с намерением и дальше проводить свой курс во Вьетнаме, продолжать наступление на безработицу, бедность и голод с помощью своей программы «Великое общество», а также добиваться переизбрания на второй срок. Однако страна предпочла другой путь. Хотя мне не был чужд дух времени, я не принимал современного стиля и радикальной риторики. Я коротко стригся, не пил, а некоторые течения в музыке считал слишком шумными и грубыми. У меня не было ненависти к Линдону Джонсону, я просто хотел прекращения войны и опасался, что столкновение культур будет подрывать, а не двигать вперед общее дело. В ответ на молодежные протесты и «контркультуру» республиканцы и многие демократы из рабочей среды качнулись вправо и стали более внимательно прислушиваться к консерваторам вроде вернувшегося на политическую сцену Ричарда Никсона и нового губернатора Калифорнии Рональда Рейгана, во времена Франклина Рузвельта состоявшего в демократической партии.

Демократы также постепенно отворачивались от Джонсона. Представитель правого крыла демократов губернатор Джордж Уоллес заявил о намерении баллотироваться на пост президента в качестве независимого кандидата. Слева молодые активисты вроде Алларда Лоуэнштейна призывали выступавших против войны демократов не допустить победы президента Джонсона на партийных выборах. Вначале их выбор пал на сенатора Роберта Кеннеди, который требовал урегулирования вьетнамской проблемы путем переговоров, но тот отказался выставлять свою кандидатуру, опасаясь, что на фоне его широко известной неприязни к президенту его участие в президентской гонке покажется мстостью, а не принципиальным шагом. Джордж Макговерн, сенатор от Южной Дакоты, которому предстояли переборы в его консервативном штате, также предпочел отказаться. Согласие дал лишь Джин Маккарти, сенатор от штата Миннесота. Претендуя в партии на роль наследника интеллектуального либерализма Эдлая Стивенсона, Маккарти из кожи вон лез, чтобы выглядеть лишенным каких-либо амбиций, почти святым. Однако у него все же хватило духу сразиться с Джонсоном, и к концу года он стал его единственным конкурентом, на которого могли поставить противники войны. В январе Маккарти объявил, что начнет борьбу за голоса избирателей, участвуя в первичных выборах в штате Нью-Хэмпшир.

В феврале во Вьетнаме произошли два события, которые способствовали дальнейшей активизации антивоенного движения. Первым стал расстрел начальником национальной полиции Южного Вьетнама генералом Лоуном вьетнамца, предположительно вьетконговца. Лоун убил его среди бела дня выстрелом в голову на одной из улиц Сайгона. Убийство было запечатлено на пленке выдающимся фотографом Эдди Адамсом, и этот снимок заставил еще больше американцев задаться вопросом, чем наши союзники лучше врагов, безусловно отличавшихся жестокостью.

Другим, гораздо более значительным событием, стало «Наступление Тет», или «Новогоднее наступление», названное так из-за того, что его начало пришлось на вьетнамский Новый год — Тет. Войска Северного Вьетнама и Вьетконга предприняли хорошо организованное наступление на

позиции американцев по всему Южному Вьетнаму, включая такие укрепленные цитадели, как Сайгон, где было обстреляно даже посольство США. Атаки были отбиты, и силы Северного Вьетнама и вьетконговцы понесли большие потери, что позволило президенту Джонсону и нашим военным заявить о победе, однако в действительности «Наступление Тет» стало серьезным психологическим и политическим поражением Америки. Вся страна, следившая за нашей первой «телевизионной войной», увидела, что американские солдаты не чувствуют себя в безопасности даже на подконтрольных им территориях. Все больше и больше американцев спрашивали себя, способны ли мы победить в войне, которую не могут выиграть сами южные вьетнамцы, и стоит ли нам посылать туда все новых солдат, если очевидным ответом на первый вопрос является «нет».

На внутреннем фронте лидер сенатского большинства Майк Мэнсфилд призывал к прекращению бомбардировок. Роберт Макнамара, министр обороны в администрации Джонсона, вместе со своим первым советником Кларком Клиффордом и бывшим госсекретарем Дином Ачесоном говорили президенту, что настало время «пересмотреть» проводимую им политику эскалации. Однако Дин Раск продолжал поддерживать этот курс, и военные затребовали дополнительный 200-тысячный воинский контингент для его осуществления. По всей стране прокатилась волна расовых столкновений, часто весьма ожесточенных. Ричард Никсон и Джордж Уоллес официально объявили себя кандидатами на пост президента. В Нью-Хэмпшире набирала силу кампания Маккарти, поддерживаемая сотнями настроенных против войны студентов, которые прибывали в штат с намерением достучаться до каждого. Те, кто не хотел стричь волосы и бриться, выполняли технические функции в его штабе, рассылая агитационные письма. Тем временем Бобби Кеннеди продолжал раздумывать над тем, стоит ли ему включаться в предвыборную гонку.

Двенадцатого марта Маккарти получил 42 процента голосов в Нью-Хэмпшире против 49 процентов, поданных за Линдона Джонсона. Хотя последний был «вписанным» кандидатом, не проводившим в Нью-Хэмпшире агитационной кампании, эти проценты стали крупной психологической победой Маккарти и антивоенного движения. Через четыре дня в гонку включился и Кеннеди, объявив о своем решении на закрытом собрании партии в том же зале Сената, где его брат Джон начинал свою кампанию в 1960 году. Он рассчитывал отместить обвинения в непомерных личных амбициях, сказав, что кампания Маккарти уже продемонстрировала глубокий раскол в рядах демократической партии и его цель — повести страну в новом направлении. Конечно, это создало ему дополнительную проблему: ведь он обрушился на Маккарти уже после того, как тот бросил вызов президенту, чего не сделал Кеннеди.

Я наблюдал за всем этим со своеобразных позиций. Мой сосед по комнате Томми Каплан работал в офисе Кеннеди, и мне было известно, что там происходило. Кроме того, я начал встречаться с однокурсницей, которая была добровольной помощницей в штабе Маккарти в Вашингтоне. Энн Маркузен, уроженка штата Миннесота, демонстрировала блестящие знания

в сфере экономики, была капитаном женской команды по парусному спорту, либералом и убежденной противницей войны. Она обожала Маккарти и, как и многие работавшие на него молодые люди, ненавидела Кеннеди за то, что он пытался перейти ему дорогу. Мы часто спорили, поскольку я был рад участию Кеннеди в избирательной кампании. Я видел, как он работал на постах генерального прокурора и сенатора, и считал, что его больше, чем Маккарти, беспокоят внутренние проблемы страны и уж, конечно, он будет гораздо более эффективным президентом. Маккарти был привлекательным внешне человеком, высоким, с седыми волосами, ирландцем по происхождению. Он был католиком, имел хорошее образование и острый язвительный ум. Однако я как-то слышал его выступление в Комитете по международным отношениям, и оно показалось мне слишком бесстрастным. До начала предварительных выборов в Нью-Хэмпшире Маккарти демонстрировал на удивление пассивное отношение ко всему происходящему и заботился лишь о том, чтобы правильно голосовать и говорить то, чего от него ждали.

В отличие от него, Бобби Кеннеди еще до объявления о своем участии в президентской гонке всячески способствовал принятию предложенной Фулбрайтом резолюции о том, что решение Линдона Джонсона о направлении во Вьетнам дополнительно 200 тысяч военнослужащих вначале должно пройти голосование в Сенате. Он также побывал в Аппалачском регионе, чтобы воочию убедиться в масштабах нищеты сельского населения Америки, и совершил поездку в Южную Африку, где призывал молодежь к борьбе с апартеидом. Мне нравился Маккарти, однако его легче было представить в домашней обстановке с томиком Фомы Аквинского в руках, чем входящим в крытую толем лачугу, чтобы увидеть, как живут бедные американцы, или летящим в самолете на другой конец света, чтобы агитировать там против расизма. При каждом удобном случае я пытался объяснить это Энн, но она лишь ругала меня, повторяя, что если бы Бобби Кеннеди больше заботился о принципах и меньше о политике, он давно бы поступил так же, как Маккарти. Она, конечно же, намекала на то, что меня тоже слишком заботила политика. Я действительно был без ума от этой девушки и очень жалел, что наши взгляды не совпадали, но мне хотелось одержать победу и способствовать избранию достойного человека, который стал бы и достойным президентом.

Моя заинтересованность в этом стала более личной 20 мая, через четыре дня после выдвижения Кеннеди своей кандидатуры, когда президент Джонсон отменил отсрочку от призыва для всех последипломных студентов, за исключением студентов-медиков, и, таким образом, поставил под вопрос возможность моего обучения в Оксфорде. Решение Джонсона спровоцировало еще один всплеск антивоенного движения: как и Джонсон, я не считал, что последипломные студенты должны получать отсрочку, однако не верил и в разумность нашей вьетнамской политики.

Воскресным вечером, 31 марта, президент Джонсон должен был выступить с обращением к нации по вопросу вьетнамской политики. Все строили догадки, продолжит ли он курс на эскалацию или немного охладит свой

пыл в надежде начать переговоры, однако никто не знал точно, чего ждать. Я слушал выступление по радио в автомобиле, пока ехал по Массачусетс-авеню. Через некоторое время после начала выступления Джонсон сказал, что принял решение значительно сократить бомбардировки Северного Вьетнама в надежде найти выход из конфликта. Затем, когда я уже поравнялся с Космос-клуб к северо-западу от Дюпон-серкл, президент преподнес сюрприз: «Зная, что сыны Америки находятся на полях сражений далеко от дома, а все люди земли постоянно молятся о мире, я считаю невозможным потратить хотя бы еще час или день моей жизни на удовлетворение амбиций нашей партии... По этой причине я не буду выдвигаться в качестве кандидата на пост президента на следующий срок и не приму каких-либо предложений на этот счет от моей партии». Я остановился у тротуара, не в силах поверить своим ушам: с одной стороны, мне было жаль Джонсона, который так много сделал для Америки, а с другой — я радовался за свою страну, радовался перспективам, которые для нее открывались.

Увы, радостное чувство улетучилось довольно быстро. Четыре дня спустя, вечером 4 апреля, на балконе своего номера в мотеле «Лоррейн» был убит Мартин Лютер Кинг-младший. Это произошло в Мемфисе, куда он приехал, чтобы поддержать бастующих мусорщиков. В последние два года сфера его интересов распространилась на борьбу с бедностью и против войны. Конечно, это было вызвано политической необходимостью: ведь ему пришлось соперничать с более молодыми и энергичными чернокожими, однако все, кто слушал его выступления, видели, что доктор Кинг был совершенно искренен, когда говорил о невозможности добиваться равных гражданских прав для афроамериканцев в отрыве от борьбы с бедностью и против войны во Вьетнаме.

За день до убийства доктор Кинг произнес пророческую проповедь в переполненном зале церкви Мейсон-темпл. Отвечая тем, кто ему угрожал, он сказал: «Как и любой человек, я хотел бы прожить долгую жизнь. Долголетие имеет немалое значение. Однако сейчас меня заботит совсем не это. Я просто хочу исполнить волю Божью. А Он позволил мне взойти на гору. И я оглянулся вокруг, и увидел землю обетованную. Не мне суждено привести вас туда, но я хочу вселить в вас сегодня веру в то, что мы, дети Господни, обязательно доберемся до земли обетованной. Поэтому я радуюсь. Поэтому я не беспокоюсь ни о чем. Поэтому я никого не боюсь. Мои глаза видели сияние пришествия Господня!» На следующий день в шесть вечера его застрелил Джеймс Эрл Рэй, грабитель-рецидивист, за год до того сбежавший из тюрьмы.

Смерть Мартина Лютера Кинга потрясла страну не меньше, чем убийство президента Кеннеди. Роберт Кеннеди, который в то время вел избирательную кампанию в штате Индиана, попытался сбить волну страхов, захлестнувшую Америку, самой выдающейся речью в своей жизни. Он обратился к чернокожим с просьбой не разжигать в себе ненависть к белым и напомнил, что его брат тоже погиб от руки белого человека. Он цитировал великие строки Эсхила о боли, помимо нашей воли дающей мудрость, «как испытание свыше». Кеннеди говорил собравшейся перед ним толпе

и стране, ловившей каждое его слово, о том, что мы преодолеем это трудное время, поскольку подавляющее большинство чернокожих и белых «хотят жить вместе, хотят улучшения жизни и справедливости для всех людей на нашей земле». Выступление завершалось такими словами: «Давайте же осуществим то, о чем древние греки писали много лет назад: обуздаем нашу жестокость и сделаем жизнь в этом мире более спокойной. Пусть каждый из нас посвятит себя этой цели и вознесет молитву за нашу страну и наш народ».

Смерть доктора Кинга подтолкнула людей не только к молитвам: одни опасались, а другие надеялись, что она ознаменует конец ненасильственного развития событий. Стокли Кармайкл заявил, что белая Америка объявила войну черной Америке и что «альтернативы возмездию больше не существует». Беспорядки вспыхнули в Нью-Йорке, Бостоне, Чикаго, Детройте, Мемфисе и более чем в ста других крупных и мелких городах. В результате погибли более сорока человек и пострадали сотни. Хулиганские действия стали особенно масштабными в Вашингтоне. Они были направлены главным образом против принадлежавших чернокожим компаний в районе между Четырнадцатой и Эйч-стрит. Президент Джонсон приказал Национальной гвардии восстановить порядок, но обстановка оставалась напряженной.

Джорджтаун находился на безопасном расстоянии от района, охваченного беспорядками, однако и мы остро ощутили атмосферу происходящего, когда несколько сотен национальных гвардейцев разместились в спортивном зале Школы бизнеса, где тренировалась наша баскетбольная команда. Участились поджоги домов, принадлежащих негритянским семьям, и многие были вынуждены искать пристанища в местных церквях. Я записался в Красный Крест и оказывал посильную помощь в обеспечении пострадавших продуктами питания, одеялами и тому подобным. Мой белый «бьюик» 1963 года выпуска с арканзасскими номерами и красными крестами на дверцах выглядел довольно странно на практически пустых улицах с еще дымящимися развалинами домов и разбитыми и разграбленными витринами магазинов. Один раз я проезжал там вечером, а потом воскресным утром — вместе с Кэролайн Йелделл, прилетевшей на уикенд. При дневном свете мы почувствовали себя в безопасности и немного прошли пешком, разглядывая, во что превратились улицы в результате беспорядков. Никогда ни до, ни после этого я не думал, что в негритянском квартале мне может что-то угрожать. И у меня опять мелькнула мысль, что, по грустной иронии судьбы, главными жертвами ярости негритянского населения стали сами чернокожие.

Смерть доктора Кинга оставила ощущение пустоты у нации, которая отчаянно нуждалась в его преданности идее ненасилия и его вере в будущее Америки, нации, над которой нависла угроза лишиться и того, и другого. Конгресс отреагировал на произошедшее принятием предложенного президентом Джонсоном законопроекта о запрете расовой дискриминации при продаже и сдаче в аренду жилья. Образовавшуюся пустоту пытался заполнить и Роберт Кеннеди. 7 мая он победил на предварительных выборах в штате Индиана, выступая за расовое примирение и одновременно привлекая более консервативных избирателей призывами к более жестким

мерам в отношении преступности, а также к переходу от социального обеспечения к обеспечению работой. Некоторые либералы критиковали его идею «закона и порядка», однако она была обусловлена политической необходимостью. А он верил в нее так же, как верил в необходимость отмены всех отсрочек от призыва в армию.

В Индиане Бобби Кеннеди стал первым новым демократом — задолго до Джимми Картера и до появления Совета руководства демократической партии, формированию которого я содействовал в 1985 году, а также до моей избирательной кампании 1992 года. Он выступал в защиту гражданских прав и против каких-либо привилегий, за предоставление бедным помощи, а не подачек; он считал, что рабочие места лучше пособий. Кеннеди интуитивно чувствовал, что прогрессивная политика требует защиты как ростков нового, так и фундаментальных ценностей, как широких преобразований, так и социальной стабильности. Если бы он стал президентом, развитие Америки в оставшиеся десятилетия XX века пошло бы по совсем другому пути.

Десятого мая в Париже начались переговоры Соединенных Штатов с Северным Вьетнамом, которые вселили надежду в американцев, с нетерпением ожидавших окончания войны, и принесли облегчение вице-президенту Губерту Хамфри, вступившему в предвыборную гонку в конце апреля и очень нуждавшемуся хоть в каких-то позитивных событиях, чтобы получить шанс на выдвижение или даже избрание. Вместе с тем социальная напряженность не ослабевала. Колумбийский университет в Нью-Йорке оставался заблокированным протестующими до конца учебного года. Двух католических священников, братьев Дэниела и Филипа Берригана, арестовали за то, что они выкрали и сожгли списки призывников. В Вашингтоне, всего через месяц после беспорядков, активисты движения за гражданские права под знаменем кампании в защиту бедных, провозглашенной Мартином Лютером Кингом-младшим, разбили палаточный городок на Эспланаде, назвав его «Городом возрождения». Страшные дожди, лившие тогда, покрыли Эспланату грязным месивом и сделали условия жизни в городке невыносимыми. Как-то раз в июне мы с Энн Маркузен пошли посмотреть на него и выразить поддержку протестующим. Чтобы не утонуть в грязи, между палатками положили доски, однако через пару часов ходьбы по городку и разговоров с разными людьми мы все равно перепачкались с ног до головы. В определенном смысле обстановка в палаточном городке довольно точно отражала неразбериху, характерную для того времени.

Май подошел к концу, а демократическая партия так и не определилась с выдвижением кандидата. Хамфри начал получать голоса низовых организаций в штатах без предварительных выборов, а Маккарти одержал победу над Кеннеди в штате Орегон. Кеннеди возлагал надежду на предварительные выборы в штате Калифорния, назначенные на 4 июня. Последняя неделя учебы прошла в ожидании результата этих выборов, которые должны были состояться за четыре дня до выпуска.

Во вторник вечером стало известно о победе Роберта Кеннеди в Калифорнии, достигнутой благодаря высокой явке на избирательные участки

представителей национальных меньшинств в округе Лос-Анджелеса. Томми Каплан и я были очень взволнованы и не ложились спать до тех пор, пока Кеннеди не выступил с победной речью; это произошло около трех утра по вашингтонскому времени. Через несколько часов я проснулся оттого, что Томми тряс меня за плечо и кричал: «Бобби застрелили! Бобби застрелили!» Через несколько минут после того, как мы выключили телевизор и отправились спать, молодой араб по имени Сирхан Сирхан, недовольный тем, что Кеннеди поддерживал Израиль, изрешетил пулями сенатора Кеннеди и сопровождавших его людей, шедших через кухню гостиницы «Амбассадор». Помимо Кеннеди пострадали еще пять человек, которые, к счастью, выжили. Бобби Кеннеди получил ранение в голову, ему сделали операцию, но он умер на следующий день. Он ушел от нас 6 июня в возрасте сорока двух лет в день рождения моей матери, которой исполнилось сорок пять, — через два месяца и два дня после убийства Мартина Лютера Кинга-младшего.

Восьмого июня Каплан поехал в Нью-Йорк на похороны Кеннеди. Заупокойная служба должна была пройти в соборе Святого Патрика. Поклонники сенатора Кеннеди, как знаменитые, так и никому не известные люди, потоком шли мимо его гроба весь день и всю ночь перед отпеванием. Среди них были президент Джонсон, вице-президент Хамфри и сенатор Маккарти. Присутствовал и сенатор Фулбрайт. Тед Кеннеди произнес замечательную траурную речь, завершив ее словами удивительной силы и любви, которые я никогда не забуду: «Не нужно идеализировать моего брата после смерти или приписывать ему достоинства, которых у него не было при жизни. Просто вспоминайте о нем как о хорошем и порядочном человеке, который видел зло и старался искоренить его, видел страдания и старался облегчить их, видел войну и старался прекратить ее. Те, кто любил его и теперь провожает в последний путь, молятся, чтобы все, к чему он стремился, все, чего желал другим, однажды стало действительностью и достоянием всего мира».

Именно этого хотел и я, однако желаемое в то время казалось от нас еще дальше, чем когда-либо. Последние дни в университете прошли как в тумане. Томми поехал из Нью-Йорка в Вашингтон на траурном поезде и едва успел на церемонию выпуска. Все посвященные этому событию мероприятия отменили, однако торжественное собрание все же состоялось. Но и оно не клеилось ввиду неуместности веселья. Как только выступающий, мэр города Уолтер Вашингтон, поднялся на трибуну, небо закрыла огромная грозовая туча. Его речь длилась не более тридцати секунд: он поздравил нас, пожелал успехов и сказал, что если мы сейчас же не спрячемся под крышу, то просто утонем. Затем хлынул дождь, и мы разбежались. Наша группа была готова голосовать за избрание президентом Уолтера Вашингтона. В тот вечер мы с Томми Капланом, его родителями, моей матерью, Роджером и несколькими другими знакомыми отправились ужинать в итальянский ресторан. Томми поддерживал беседу, то есть в одних случаях кивал, показывая, что понимает, о чем идет речь, а в других случаях говорил, что здесь нужен «зрелый ум». Мой одиннадцатилетний брат взглянул

на него снизу вверх и спросил: «Том, а я уже зрелый ум?» Это был хороший повод, чтобы посмеяться и, таким образом, немного разрядить атмосферу не только того тяжелого дня, но и всех скорбных десяти недель.

Через несколько дней, посвященных сборам и прощаниям, я вместе с моим соседом по дому Джимом Муром отправился в Арканзас для участия в кампании по переизбранию сенатора Фулбрайта. Его положение было уязвимым по двум пунктам: во-первых, в связи с его откровенной оппозицией войне во Вьетнаме, неприемлемой для консервативного, милитаристски настроенного штата, который и без того негативно воспринимал все происходящее в Америке; во-вторых — из-за отказа подстраиваться под современные веяния, в соответствии с которыми сенаторы и конгрессмены должны были приезжать домой на уикенд для встреч с избирателями. Фулбрайт начал работать в Конгрессе в 1940-х годах, когда ожидания избирателей были совершенно иными. Тогда члены Конгресса приезжали в свои округа только на время отпуска и летних каникул, отвечали на письма и телефонные звонки и встречались с избирателями, приезжающими в Вашингтон. В период парламентской сессии они могли остаться на уикенд в городе, чтобы отдохнуть и осмыслить произошедшее, как и большинство работающих американцев. Когда же они приезжали домой, то работали в офисе и устраивали одну-две поездки в глубинку, чтобы посмотреть, как живут простые американцы. Интенсивное общение с избирателями происходило лишь во время агитационных кампаний.

К концу 60-х доступность воздушного транспорта и широкое освещение событий на местном уровне изменили условия политического выживания. Сенаторы и конгрессмены все чаще приезжали домой на уикенды, все больше времени проводили в поездках по округу и использовали любой повод, чтобы сделать заявление в местных средствах массовой информации.

Кампания Фулбрайта натолкнулась на серьезное противодействие со стороны людей, которые не разделяли его отношения к войне или считали, что он потерял связь с избирателями. Сенатор же полагал, что летать в родной штат каждый уикенд не имеет смысла, и как-то заметил, имея в виду коллег, которые делали это: «Когда же они успевают читать и думать?» Увы, членам Конгресса все больше времени приходилось проводить в разъездах. Повышение стоимости рекламы на телевидении, радио и в других средствах массовой информации и неутолимое желание постоянно мелькать в новостях заставляли многих сенаторов каждый уикенд садиться в самолет, в будние же дни они все чаще занимались сбором средств на избирательную кампанию в окрестностях Вашингтона. В бытность президентом я не раз говорил Хиллари и сотрудникам моего аппарата, что одна из причин низкой результативности парламентских дебатов заключается в постоянном перенапряжении большинства членов Конгресса.

Летом 1968 года перенапряжение не входило в число проблем Фулбрайта, хотя он и уставал из-за постоянных баталий по поводу Вьетнама. Ему нужен был не отдых, а способ вновь достичь взаимопонимания с избирателями, от которых он отдалился. К счастью, сенатору везло на слабых

противников. Основным его соперником на предварительных выборах стал не кто иной, как судья Джим Джонсон, который, используя старую тактику, разъезжал по округу с местным оркестром, обвиняя Фулбрайта в излишней мягкости по отношению к коммунизму. Жена Джонсона, Вирджиния, старалась во всем походить на супругу Джорджа Уоллеса, Лерлин, которая сменила своего мужа на посту губернатора. Кандидатом от республиканцев был никому не известный представитель малого бизнеса с востока Арканзаса, Чарльз Бернард, который говорил, что Фулбрайт слишком либерален для нашего штата.

Руководил кампанией Ли Уильямс, его помощником был молодой, но уже достаточно опытный политик Джим Макдугал (участник дела «Уайт-уотер»), возглавлявший офис сенатора Фулбрайта в Литл-Роке. Он был старомодным популистом с отличными ораторскими способностями и вкладывал всю свою душу в работу на глубоко уважаемого им Фулбрайта.

Джим и Ли решили изменить имидж сенатора и сделать из него «простака Билла», этакого коренного арканзасца в клетчатой рубашке. В таком виде сенатор предстал во всех печатных агитационных материалах и в большинстве телевизионных роликов, хотя, думаю, ему самому это не слишком нравилось, поскольку на других избирательных мероприятиях он все же, как правило, появлялся в костюме. Чтобы сделать этот придуманный образ более убедительным, сенатор решил совершить поездку по маленьким городкам штата в сопровождении одного лишь шофера и с черной записной книжкой. В ней были перечислены имена прежних сторонников сенатора, подобранные Паркером Уэстбруком, одним из сотрудников его аппарата, который, казалось, знал в Арканзасе всех, кто хоть немного интересовался политикой. Поскольку предыдущая избирательная кампания проходила шесть лет назад, оставалось только надеяться, что люди, включенные в список, до сих пор живы и здоровы.

Ли Уильямс предложил мне несколько дней повозить сенатора по юго-западным районам Арканзаса, и я ухватился за эту возможность. Мне очень нравился Фулбрайт, и я был глубоко признателен ему за его рекомендательное письмо в комитет Родса, а кроме того, хотел побольше узнать о настроениях жителей небольших городков Арканзаса. Их совсем не коснулась подымавшаяся в крупных городах волна насилия и антивоенных демонстраций, тем не менее дети многих из них воевали во Вьетнаме.

В один из таких городков мы прибыли в сопровождении съемочной группы национальной телекомпании. Припарковавшись, мы вошли в магазин, где фермеры покупали фураж для скота. Под объективами камер Фулбрайт пожал руку пожилому человеку в рабочем комбинезоне и спросил его, отдаст ли он за него свой голос. Тот ответил, что не отдаст, поскольку Фулбрайт не ведет борьбу против «комми» и в конце концов позволит им «захватить страну». Фулбрайт устроился прямо на мешках с фуражом и завел разговор с находившимися в магазине людьми. Он сказал, что обязательно боролся бы с коммунистами в стране, если бы знал, где они. «Да они повсюду», — отвечал его собеседник. «В самом деле? Вы можете показать мне хотя бы одного? Я вот все осмотрел, но что-то никого не заметил». Было

забавно наблюдать за спектаклем, разыгрываемым Фулбрайтом. Однако тот человек принимал все за чистую монету. Не сомневаюсь, что телезрители получили от шоу большое удовольствие, однако то, что произошло потом, несколько меня обеспокоило. В глазах у пожилого фермера мелькнуло отчуждение. То, что ему не удалось найти ни одного «комми», уже не имело значения. Он утратил доверие к Фулбрайту, и теперь никакими разговорами невозможно было разрушить выросшую между ним и нами стену. Оставалось лишь надеяться, что в том городке и сотнях других подобных ему остались избиратели, до которых еще можно было достучаться.

Несмотря на инцидент в магазине, Фулбрайт был уверен, что избиратели в маленьких городах по большей части люди разумные, прагматичные и справедливые. На его взгляд, у них было еще достаточно времени, чтобы как следует все обдумать, и они не могли стать легкой добычей для его соперников из числа представителей правого крыла. Однако через два дня, в течение которых мы переезжали из города в город, где все белые избиратели, казалось, поддерживали Джорджа Уоллеса, у меня уже не было такой уверенности. Потом мы отправились в Сентер-Пойнт, где произошла самая памятная в моей жизни и политической карьере встреча. Сентер-Пойнт — населенный пункт с двумя сотнями жителей. В черной записной книжке значилось имя Бо Риса, давнего сторонника Фулбрайта, жившего в самом хорошем доме. Во времена, предшествующие появлению телевизионной рекламы, в большинстве арканзасских городков имелся свой Бо Рис. За пару недель до голосования люди начинали спрашивать: «А за кого голосует Бо?» Очень скоро его выбор становился известен, и это, бывало, приносило до двух третей голосов, а то и больше.

Когда мы подъехали к его дому, Бо сидел на веранде. Он пожал нам с Фулбрайтом руки, сказал, что ждал нас, и пригласил войти. Это был старомодный дом с камином и удобными креслами. Как только мы уселись, Рис произнес: «Сенатор, в этой стране много проблем. Много делается неправильно». Фулбрайт согласился, однако ни он, ни я не знали, к чему клонит Бо, — не исключено, что он хотел поговорить об Уоллесе. Затем Бо рассказал нам историю, которая запомнилась мне на всю жизнь. «На днях я разговаривал со своим другом-плантатором, который выращивает хлопок на востоке Арканзаса. На него работает несколько батраков-издольщиков. (Так называли сельскохозяйственных рабочих, обычно чернокожих, с которыми рассчитывались небольшой долей урожая. Они нередко жили в жалких лачугах на ферме и, как правило, были очень бедны.) Так вот, я спросил его: “Как поживают твои батраки?” Он ответил: “Ну, если год неурожайный, то они ничего не теряют”, — а потом, засмеявшись, добавил: “А если год хороший, они тоже ничего не теряют”». Помолчав, Бо продолжил: «Сенатор, это несправедливо, и вы это знаете. Именно поэтому в нашей стране столько нищеты и беспорядков. Если вас выберут на следующий срок, вы должны что-то с этим сделать. Чернокожие заслуживают лучшей участи». После всех расистских высказываний, которые мы слышали, Фулбрайт от этих слов чуть не свалился с кресла. Он заверил, что обязательно займется этой проблемой, когда его переизберут, и Бо обещал ему свою поддержку.

Когда мы уселись в автомобиль, Фулбрайт сказал: «Помнишь, я говорил тебе, что в этих маленьких городках достаточно мудрых людей? Этот Бо сидит себе на веранде и размышляет о том, что творится вокруг». Бо Рис произвел на Фулбрайта большое впечатление. Через несколько недель, во время предвыборного собрания в Эль-Дорадо, центре нефтедобычи на юге Арканзаса, который слыл центром расизма и проуоллесовских настроений, сенатора спросили, в чем он видит самую серьезную проблему Америки. Без малейшего колебания тот ответил: «В бедности». Я почувствовал гордость за него и благодарность к Бо Рису.

Во время переездов из города в город по раскаленным сельским дорогам я обычно пытался завязать разговор с Фулбрайтом. Эти беседы произвели на меня огромное впечатление, однако быстро положили конец моей карьере водителя. Однажды разговор зашел о судебных решениях, вынесенных Верховным судом под председательством Уоррена. Я активно поддерживал большинство его решений, особенно тех, что касались гражданских прав. Фулбрайт не согласился с этим. Он сказал: «Они неизбежно вызовут резкую отрицательную реакцию. Никому еще не удавалось серьезно изменить страну с помощью судебных решений. Большинство изменений должно осуществляться через политическую систему. Даже если это потребует больше времени, изменения, произведенные таким образом, имеют больший шанс прижиться». Я по-прежнему считаю, что благодаря решениям суда Уоррена Америка ощутимо продвинулась вперед, однако нет сомнения и в том, что они вызвали мощную ответную реакцию, которая ощущается уже более тридцати лет.

На четвертый или пятый день наших поездок, по дороге в очередной небольшой городок, я опять завел с Фулбрайтом дискуссию о политике. Через пять минут тот вдруг поинтересовался, куда я его везу, а когда я ответил, сказал: «Тогда тебе лучше повернуть назад, потому что мы едем в прямо противоположном направлении». Пока я, как во сне, разворачивал машину, сенатор произнес: «Так можно осрамить всех стипендиатов Родса. Ты ведешь себя как один из тех умников, которые понятия не имеют, в какую сторону нужно двигаться».

Мне было очень стыдно из-за того, что я завез сенатора не туда и из-за меня он выбился из графика. И я знал, что больше не буду его водителем. Но, черт возьми, мне было всего двадцать два, и за эти несколько дней я приобрел бесценный опыт, который остался со мной на всю жизнь. Фулбрайт получил настоящего водителя, который мог доставить его в нужное место в точном соответствии с графиком, а я был счастлив вернуться к работе в штабе, к митингам, пикникам и обедам, на которых Ли Уильямс, Джим Макдугал и их соратники рассказывали истории из политической жизни Арканзаса.

Незадолго до предварительных выборов нас навестил Том Кэмпбелл, захвативший к нам по пути в Техас, где он должен был пройти курс подготовки офицеров Корпуса морской пехоты. В тот вечер Джим Джонсон со своей командой проводил предвыборный митинг в Бейтсвилле, примерно

в полутора часах езды к северу от Литл-Рока, поэтому я решил показать Тому ту сторону Арканзаса, о которой он знал лишь понаслышке. Джонсон был в хорошей форме. Разогрев толпу, он поднял над головой ботинок и прокричал: «Вы видите этот ботинок? Он сделан в коммунистической Румынии (это слово он произнес так: “Руу-мы-нии”)! Билл Фулбрайт голосовал за то, чтобы эти коммунистические ботинки продавались в Америке, лишая работы добропорядочных арканзасцев на наших обувных фабриках». В толпе было много таких людей, и Джонсон пообещал им и всем остальным, что, став сенатором, он не допустит вторжения в Америку коммунистических ботинок. Я не знал, действительно ли мы импортировали обувь из Румынии, а Фулбрайт голосовал за открытие для нее наших границ, или Джонсон все выдумал, но этот прием подействовал. После выступления Джонсон, стоя на ступенях, пожимал руки людям из толпы. Я терпеливо ждал своей очереди. Пока он жал мне руку, я сказал, что после его выступления мне стало стыдно за то, что я арканзасец. Думаю, моя серьезность его позабавила. Он улыбнулся, предложил мне написать ему обо всем этом и повернулся к следующему в очереди.

Тридцатого июля Фулбрайт одержал верх над Джимом Джонсоном и двумя другими менее известными кандидатами. Жене судьи Джонсона, Вирджинии, едва удалось пробиться в последний тур выборов, обойдя молодого реформатора по имени Тед Босуэлл лишь на 409 голосов (всего в выборах приняли участие 400 тысяч человек). Люди из команды Фулбрайта сделали все возможное, чтобы помочь ему в заключительные дни кампании и последующие шесть дней, когда шла отчаянная борьба против аннулирования бюллетеней и за получение дополнительных голосов с избирательных участков, еще не подавших сведения. Во втором туре выборов госпожа Джонсон проиграла Мариону Крэнку (37 процентов против 63), члену Законодательного собрания штата из Формана на юго-западе Арканзаса, за которым стояли судебная власть и аппарат Фобуса. Арканзасу наконец-то надоели Джонсоны. Это был, конечно, не Новый Юг 1970-х, но у нас хватило здравого смысла не повернуть назад.

В августе, когда я постепенно сокращал свое участие в кампании Фулбрайта и готовился к отъезду в Оксфорд, мне удалось провести несколько летних дней в доме друзей моей матери, Билла и Мардж Митчелл, на озере Гамильтон, где меня всегда встречали как дорогого гостя. Тем летом я познакомился у них с очень интересными людьми. Как и моя мать, Билл и Мардж любили скачки и за долгие годы приобрели массу знакомых в соответствующих кругах. Среди них были два брата из Иллинойса, У. Хал и «Донки» Бишоп, которые держали и тренировали лошадей. У. Хал Бишоп был более успешным тренером, но Донки оказался самой удивительной личностью из всех, кого мне довелось встретить. Он часто бывал в доме Мардж и Билла. Однажды вечером мы гуляли по берегу озера, беседуя о роли наркотиков и женщин в жизни моего поколения, и Донки обронил, что раньше он здорово пил, а женился десять раз. Я был поражен. «Не смотри на меня так, — сказал он. — В мои времена все было по-другому. Если тебе хотелось секса, недостаточно было признаться в любви. Надо

было жениться!» Я засмеялся и спросил, помнит ли он имена всех своих жен. «Да, за исключением двух», — ответил он. Тогда я поинтересовался, сколько длился его самый короткий брак. «Одну ночь. Я проснулся в motelе с жутким похмельем рядом с незнакомой женщиной. Я спросил: “Ты кто, черт возьми?” А она ответила: “Твоя жена, сукин сын!” Тогда я вскочил, натянул штаны и был таков». В 1950-х Донки встретил женщину, которая не была похожа на всех предыдущих. Он рассказал ей всю правду о своей жизни и пообещал, что если она выйдет за него замуж, то он бросит пить и гулять. Она поверила и согласилась, а Донки держал слово целых двадцать пять лет, до самой смерти.

Мардж Митчелл также познакомила меня с двумя молодыми людьми, которые только-только начали работать учителями в Хот-Спрингс, — Денни Томасоном и Джан Биггерс. Денни приехал из Хэмптона, центра самого маленького округа в Арканзасе, и привез с собой невероятное множество занятых историй о жизни в провинции. Когда я стал губернатором, по воскресеньям мы вместе пели тенором в хоре баптистской церкви «Эммануил». Его брат и невестка, Гарри и Линда, стали нашими с Хиллари ближайшими друзьями и играли заметную роль в избирательной кампании 1992 года и во все годы моего президентства.

Джан Биггерс была высокой, хорошенькой, разговорчивой девушкой из Такермана на северо-востоке Арканзаса. Она нравилась мне, но в силу своего воспитания отличалась сегрегационистскими убеждениями, что заслуживало сожаления. Уезжая в Оксфорд, я оставил ей целую коробку книг по гражданским правам и просил прочесть их. Через несколько месяцев она сбежала с Джоном Паскалем, президентом местного отделения Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения. Они перебрались в Нью-Хэмпшир, где Джон стал строителем, а Джан продолжала работать учительницей. У них родилось трое детей. Когда я баллотировался на пост президента, мне было приятно узнать, что Джан занимала пост председателя совета демократической партии в одном из десяти округов штата Нью-Хэмпшир.

Несмотря на то что я был занят подготовкой к отъезду в Оксфорд, август стал самым безумным месяцем 1968 года, поэтому мне было трудно строить планы на будущее. В самом начале августа состоялся съезд демократической партии в Майами-Бич, на котором борьба губернатора штата Нью-Йорк Нельсона Рокфеллера против вернувшегося в политику Ричарда Никсона ясно продемонстрировала слабость умеренного крыла партии. Тогда же впервые заявил о своих президентских амбициях губернатор Калифорнии Рональд Рейган, опиравшийся на «истинных» консерваторов. В первом туре голосования Никсон победил, получив 692 голоса против 277, поданных за Рокфеллера, и 182 — за Рейгана. Программа Никсона была проста: он выступал за закон и порядок в стране и мирное, но достойное решение конфликта во Вьетнаме. Хотя настоящая политическая заваруха началась позже, на съезде демократов в Чикаго, республиканцы все же сумели внести свою лепту в общую напряженность, встретив в штыки пред-

ложенную Никсоном кандидатуру вице-президента — Спиро Агню, губернатора Мэриленда, известного своей жесткой позицией в отношении акций гражданского неповиновения. Первый чернокожий игрок высшей лиги, Джеки Робинсон, увековеченный в Национальной галерее славы бейсбола, отказался помогать Рокфеллеру, сочтя список республиканских кандидатов «расистским». Последователь Мартина Лютера Кинга-младшего, преподобный Ральф Абернати, вместе с активистами кампании в помощь беднякам отправился из Вашингтона в Майами-Бич в надежде воздействовать на участников съезда республиканцев. Однако платформа Никсона, его выступления и ориентация на ультраконсерваторов обескуражили их. После выдвижения Агню мирная демонстрация против бедности превратилась в бунт. Была вызвана Национальная гвардия, и все пошло по предсказуемому сценарию: слезоточивый газ, побоища, грабежи и поджоги. Результат — трое убитых чернокожих, трехдневный комендантский час, 250 арестованных, которых позднее отпустили под влиянием раздававшихся в адрес полиции обвинений в жестокости. Беспорядки лишь укрепили позиции Никсона, предлагавшего лозунг «закон и порядок» так называемому молчаливому большинству Америки, напуганному увиденным, которое воспринималось им как разрушение самой основы американской жизни.

Произошедшее в Майами было лишь прелюдией к тому, с чем демократы столкнулись в Чикаго во второй половине месяца. В первых числах августа Ал Лоуэнштейн вместе с другими продолжал искать альтернативу Хамфри. Маккарти все еще не сдавался, хоть и потерял реальные шансы на победу. 10 августа сенатор Джордж Макговерн объявил о выдвижении своей кандидатуры, явно рассчитывая на поддержку сторонников Роберта Кеннеди. Тем временем в Чикаго прибывали молодые люди, выступавшие против войны. Одни из них жаждали настоящих беспорядков; другие намеревались протестовать мирно — в числе последних были и члены Международной партии молодежи — иппи, которые планировали «контркультурные» «фестивали жизни» с большим количеством марихуаны, а также Национальный комитет по мобилизации, ориентированный на более традиционные формы протеста. Однако мэр Ричард Дейли решил не давать им такой возможности: он привел полицию в состояние боевой готовности, попросил губернатора прислать Национальную гвардию и приготовился к самому худшему.

Двадцать второго августа было омрачено первой жертвой: полицейские застрелили семнадцатилетнего индейца, который, по их словам, первым начал стрелять в них недалеко от парка Линкольна, где каждый день собиралась толпа. Два дня спустя тысяча демонстрантов отказалась подчиниться требованию властей и покинуть парк на ночь. Сотни полицейских набросились на них с дубинками, в ответ полетел град камней и проклятий. Все это показывали по телевидению.

Именно таким я увидел Чикаго. Зрелище было сюрреалистическим. Я ехал в Шривпорт, штат Луизиана, с Джеффом Дуайром, женихом моей мамы. Джефф был необычным человеком: ветеран Второй мировой войны, участник боевых действий в Тихоокеанском регионе, он, выбрасываясь с парашютом из подбитого самолета, постоянно распарывал себе живот,

приземляясь на коралловые рифы. Он также был отличным плотником, ловким обольстителем и владел салоном красоты, куда моя мама ходила делать прическу (работая парикмахером, он окончил колледж). А еще Дуайр играл в футбол, работал инструктором по дзюдо, был строителем, продавцом ценных бумаг и оборудования для нефтедобычи. Джефф расстался с женой, от которой у него было три дочери. Помимо всего прочего в 1962 году он отсидел девять месяцев в тюрьме за мошенничество с ценными бумагами. В 1956 году Дуайр привлек 24 тысячи долларов для компании, которая намеревалась снимать фильмы о ярких личностях Оклахомы, включая гангстера по имени Притти Бой Флойд. Прокурор пришел к заключению, что компания потратила деньги сразу, как только их получила, и не имела ни малейшего намерения снимать фильмы. Джефф утверждал, что, поняв, с кем связался, сразу же вышел из дела, но было поздно. Я уважаю его за то, что он рассказал мне обо всем этом вскоре после нашего знакомства. Не знаю, что произошло на самом деле, но мама относилась к нему очень серьезно и хотела нас познакомить, поэтому я согласился поехать с ним на несколько дней в Луизиану, где у него были дела с компанией по производству сборных домов. В Шривпорте, консервативном городке, расположенном на северо-западе Луизианы недалеко от границы с Арканзасом, выходила одна ультраправая газета, каждое утро приводившая меня в замешательство своим освещением событий, о которых я накануне узнавал из выпусков вечерних новостей. Эти события были из ряда вон выходящими, и я часами не мог оторваться от телевизора, отвлекаясь лишь на то, чтобы раз-другой пройтись да перекусить с Джеффом. Я чувствовал себя изолированным от всего мира. Я не разделял позиций ни бесчинствовавшей молодежи, ни мэра Чикаго с его жесткой тактикой, ни его сторонников, среди которых было большинство людей, среди которых я вырос. И я очень переживал из-за того, что моя партия и дело, за которое она боролась, разваливаются у меня на глазах.

Президент Джонсон одним махом разрушил надежды на то, что съезд приведет к объединению партии. В первом же своем заявлении после похорон брата сенатор Эдвард Кеннеди призвал к одностороннему прекращению бомбардировок и выводу из Южного Вьетнама американских и северовьетнамских войск. Его предложение составляло основу согласованной Хамфри, Кеннеди и Маккарти компромиссной платформы. Когда генерал Крейтон Абрамс, командовавший операциями во Вьетнаме, сказал Линдону Джонсону, что прекращение бомбардировок поставит под удар американские войска, последний потребовал от Хамфри отказа от компромиссов, и тот уступил. Позднее в своей автобиографии Хамфри писал: «Я должен был стоять на своем... мне не следовало уступать». Однако он сделал это, и плотина рухнула.

Съезд открылся 26 августа. С основным докладом выступил Дэн Иноуэ, сенатор от штата Гавайи, ветеран Второй мировой войны, американец японского происхождения. В 2000 году я вручил ему Почетную медаль Конгресса в знак запоздалого признания его героизма, стоившего ему одной руки и едва не стоившего жизни, который он проявил в то время, когда его родители

находились в лагере для интернированных. Иноуэ выразил сочувствие протестующим и поддержал их требования, однако призвал их не отказываться от мирных методов борьбы. Он выступал против «насилия и анархии», но при этом осуждал апатию и предрассудки, «кроющиеся за лозунгом “закон и порядок”», в чем виделся явный выпад в адрес Никсона, а возможно, и тактики чикагской полиции. Иноуэ предлагал правильные решения, однако сложившуюся ситуацию уже невозможно было изменить с помощью слов.

Разногласия между участниками съезда не ограничивались проблемой Вьетнама. Некоторые делегации с Юга все еще сопротивлялись решению партии предоставить чернокожим возможность участия в выборах делегатов. Мандатная комиссия, включая Дэвида Прайора, конгрессмена из Арканзаса, проголосовала за то, чтобы признать делегацию от штата Миссисипи, возглавляемую борцом за гражданские права Аароном Генри. Делегации других южных штатов были утверждены в полном составе, за исключением расколовшейся делегации от Джорджии, половина мест в которой пришлась на альтернативный список, возглавляемый молодым членом нижней палаты Законодательного собрания штата Джулианом Бондом, ныне председателем NAACP, и Алабамы, из которой были исключены шестнадцать делегатов, отказавшихся поддержать партийного кандидата, предположительно из-за того, что губернатор Алабамы Джордж Уоллес баллотировался как независимый кандидат.

Тем не менее основным пунктом разногласий оставалась война. Маккарти производил впечатление растерянного, смирившегося с поражением человека, потерявшего всякую связь с молодежью, которая за отказ разойтись каждый вечер подвергалась унижениям и побоям в парках Линкольна и Гранта. В последней попытке найти кандидата, которого большинство демократов сочли бы перспективным и приемлемым, все, от Ала Лоуэнштейна до мэра Дейли, назвали кандидатуру Теда Кеннеди. Однако тот сказал решительное «нет», и избранником стал Хамфри, занимавший по вьетнамскому вопросу ту же позицию, что и Джонсон. За него проголосовало около 60 процентов делегатов.

В тот вечер, когда съезд должен был объявить имя кандидата, пятнадцать тысяч человек собрались в парке Гранта, чтобы выразить протест против войны и жесткой тактики Дейли. Когда один из собравшихся начал спускать американский флаг, толпу атаковала полиция. Тогда демонстранты направились к отелю «Хилтон», но полиция встретила их слезоточивым газом на Мичиган-авеню. Участники съезда наблюдали за всем этим по телевидению, не выходя из зала заседаний. Страсти были накалены до предела. Наконец Маккарти обратился к своим сторонникам в парке Гранта, заявив, что не бросит их и ни за что не поддержит Хамфри или Никсона. Эйб Рибикофф, сенатор от штата Коннектикут, выдвигая кандидатуру Макговерна, осудил «тактику гестапо, применяемую на улицах Чикаго». Дейли при этом сорвался со своего места и перед объективами телекамер грубо оскорбил Рибикоффа. Когда прения завершились, началось голосование. Подсчет голосов, завершившийся около полуночи, показал, что победу одержал Хамфри. На место вице-президента он предложил Эдмунда Маски,

сенатора от штата Мэн, которого быстро утвердили. На улице же в это время не прекращались демонстрации, возглавляемые Томом Хейденом и чернокожим комедийным актером Диком Грегори. Единственным позитивным событием того дня помимо выступления Иноуэ стала демонстрация фильма, посвященного Роберту Кеннеди, который вызвал бурю эмоций. Президент Джонсон предусмотрительно распорядился, чтобы его не показывали, пока не утвердят кандидатуру Хамфри.

Под занавес, после завершения работы съезда, полиция ворвалась в «Хилтон», где избила и арестовала добровольцев из штаба Маккарти, которые устроили прощальную вечеринку. Молодых людей обвинили в том, что они, вымещая на полицейских свою злость и разочарование, бросали в них различные предметы с пятнадцатого этажа, из окон помещения, в котором располагался штаб Маккарти. На следующий день Хамфри открыто поддержал методы, использованные Дейли для прекращения «спланированного и преднамеренного» насилия, и заявил, что мэр сделал все абсолютно правильно.

Итогом съезда в Чикаго стали раскол и уныние в демократическом лагере. Раны, полученные в ходе противостояния культур, были намного серьезнее разногласий по проблеме Вьетнама. Они неизбежно должны были изменить форму и содержание американской политики в оставшиеся десятилетия XX века и последующие годы, а также свести на нет большинство попыток переключить внимание электората с идеологических проблем на проблемы, касающиеся материальных сторон жизни. Демонстранты и их сторонники видели в мэре и полицейских авторитарных, грубых, жестоких фанатиков. Мэр и полиция, укомплектованная в основном выходцами из рабочей среды, представляли эту молодежь как сквернословящих, аморальных, непатриотичных, праздных юнцов из высших слоев общества, слишком испорченных для того, чтобы уважать власть, слишком эгоистичных, чтобы понять, на чем держится общество, и слишком трусливых, чтобы воевать во Вьетнаме.

Наблюдая за всем этим со стороны, из небольшого гостиничного номера в Шривпорте, я хорошо понимал, какие чувства испытывают обе стороны. Я был против войны и жестокости полиции, но мои арканзасские корни заставляли меня уважать действия простых людей, выполнявших свой долг, а также вселяли глубокий скептицизм в отношении самоуверенности и ханжества, которые проявлялись как справа, так и слева. Короткий всплеск левого фанатизма еще не исчерпал себя, но уже вызвал ответную реакцию справа, которая оказалась более долговременной, лучше финансировалась, имела больше ресурсов и сторонников в государственных институтах, отличалась более сильным стремлением к власти и гораздо большим опытом ее получения и удержания.

Большую часть своей политической жизни я стремился преодолеть культурное и психологическое разделение общества, после событий в Чикаго превратившееся в настоящую пропасть. Я неоднократно побеждал на выборах и полагал, что сделал немало полезного, но чем больше я старался объединить людей, тем большую ярость это вызывало у правых фанатиков. В отличие от протестующей молодежи в Чикаго, они не хотели единства Америки. У них был враг, и они твердо намеревались его сохранить.

Сентябрь я провел, готовясь к отъезду в Оксфорд: прощался с друзьями и наблюдал, как разворачивается избирательная кампания. Отсрочка от призыва на военную службу на меня больше не распространялась, поэтому я выяснил у председателя участковой призывной комиссии Билла Армстронга, когда мне следует ждать повестки. Хотя отсрочка для последипломных студентов перестала действовать еще весной, тем, кто уже учился, давали возможность закончить семестр. В Оксфорде учебный год состоял из трех семестров по восемь недель каждый, между которыми были каникулы по пять недель. Мне сказали, что я не попадаю в осенний призыв и, возможно, смогу проучиться даже больше, чем один семестр, если участковой призывной комиссии удастся набрать достаточное число призывников. Мне очень хотелось попасть в Оксфорд, даже если срок моего пребывания там будет ограничен двумя месяцами. Фонд Родса позволял стипендиатам продолжить учебу после окончания военной службы, но, поскольку я твердо решил исполнить свой долг, а конца войне во Вьетнаме не было видно, вряд ли стоило слишком много думать о будущем.

Хотя после Чикаго у нас, на мой взгляд, не было никаких шансов, а Хамфри твердо поддерживал политику Линдона Джонсона во Вьетнаме, я все же желал ему победы — хотя бы из-за его позиции по вопросу о гражданских правах. Расовая неприязнь по-прежнему разделяла Юг, а благодаря практике достижения сбалансированности расового состава учащихся путем перевода их из одной школы в другую этот раскол распространялся и на остальные части страны. По иронии судьбы, участие в предвыборной борьбе Уоллеса увеличило шансы Хамфри, поскольку подавляющую часть избирателей первого составили сторонники сегрегации и политики «закона и порядка», которые наверняка голосовали бы за Никсона, будь кандидатов всего двое.

Столкновения культур в стране не прекращались. Антивоенные выступления оказывали на Хамфри большее давление, чем Никсон и Уоллес. Вице-президента также измучила постоянная критика полицейской тактики, использованной мэром Дейли во время съезда в Чикаго. Хотя опрос, проведенный Институтом Гэллапа, показал, что 56 процентов американцев одобрили действия полиции в отношении демонстрантов, демократы не могли рассчитывать на то, чтобы получить большинство голосов, особенно в гонке с тремя участниками, одним из которых был Уоллес. И в довершение всего, словно уже случившегося было недостаточно, во время проведения в Атлантик-Сити конкурса «Мисс Америка» на улицу вышли еще две группы протестующих. Группа афроамериканцев была возмущена отсутствием на конкурсе чернокожих претенденток, а сторонники движения в защиту прав женщин выступили против самой идеи проведения подобных

конкурсов, унижающих, по их мнению, достоинство женщин. В конце концов несколько митингующих американок демонстративно сожгли свои бюстгалтеры, и для многих старомодных граждан Америки это стало убедительным свидетельством того, что в стране происходит нечто ужасное.

Никсон, казалось, уверенно лидировал в президентской гонке. Он обвинял Хамфри в слабости и неэффективности и почти ничего не говорил о том, что собирается сам предпринять на президентском посту, ограничиваясь реверансами в сторону сегрегационистов (и избирателей Уоллеса) и обещаниями прекратить политику изъятия федеральных средств у школьных округов, отказавшихся исполнять решения суда о десегрегации школ. Напарник Никсона по кампании, Спиро Агню, с помощью своего спичрайтера Патрика Бьюкенена выполнял роль нападающего. Его резкие заявления и словесные выпады стали легендарными. Куда бы ни приезжал Хамфри, его повсюду встречали шумные демонстранты. К концу месяца Никсон стабильно удерживал 43 процента голосов, тогда как Хамфри, спустившемуся на двенадцать пунктов, удалось сохранить лишь 28, что было на 7 процентов больше, чем у Уоллеса. В последний день сентября Хамфри в отчаянии публично отрекся от поддержки президента Джонсона по вьетнамскому вопросу, заявив, что прекратит бомбежки Северного Вьетнама и «пойдет на этот риск ради достижения мира». Наконец-то он стал действовать самостоятельно, однако до выборов осталось всего пять недель.

В тот момент, когда Хамфри произносил свою речь под лозунгом «свободен наконец», я находился в Нью-Йорке, готовясь к отъезду в Оксфорд. У нас с Дениз Хайленд состоялась потрясающая встреча за завтраком с Уилли Моррисом, молодым редактором *Harper's Magazine*. В последний год учебы в Джорджтауне я прочитал удивительные воспоминания Морриса «Домой на Север» (*North Toward Home*) и стал его поклонником на всю жизнь. После получения стипендии Родса я написал Уилли, прося его о встрече в Нью-Йорке, и весной он принял меня в своем офисе на Парк-авеню. Эта встреча произвела на меня такое впечатление, что я попросил его встретиться со мной еще раз перед моим отъездом. Не знаю почему, может, просто в силу южных представлений о приличиях, но он назначил время.

Четвертого октября Дениз проводила меня к 86-му причалу на реке Гудзон, где я поднялся на борт корабля «Юнайтед Стейтс», отправлявшегося в Англию. Мне был прекрасно известен пункт назначения этого гигантского океанского лайнера, но я не имел ни малейшего представления о том, что меня ожидает.

«Юнайтед Стейтс» в те времена считался самым быстроходным лайнером, однако путешествие все равно заняло почти неделю. По давней традиции стипендиаты Родса отправлялись в путь группой, чтобы иметь возможность познакомиться друг с другом. Благодаря неспешному ходу корабля и совместным обедам у нас было достаточно времени, чтобы лучше узнать друг друга (после процедуры обязательного «обнюхивания», как в своре осторожных породистых охотничьих собак), завести знакомство с другими пассажирами и немного отдохнуть от напряженной американской полити-

ческой обстановки. Большинство из нас были настолько серьезными молодыми людьми, что почти стыдились того удовольствия, которое доставляло нам путешествие: нам казалось странным, что есть люди, чья ситуация во Вьетнаме и внутренняя политика волнует намного меньше, чем нас.

Наиболее удивительной стала моя встреча с Бобби Бейкером, известным политическим протеем Линдона Джонсона, который занимал должность секретаря Сената в то время, когда президент был лидером сенатского большинства. Год назад Бейкера обвинили в уклонении от уплаты налогов и других нарушениях федерального законодательства, однако он оставался на свободе, пока рассматривалась апелляция по его делу. Бейкер казался беззаботным, поглощенным политикой человеком, которому было интересно проводить время со стипендиатами Родса. Этот интерес нельзя было назвать полностью взаимным. Одни члены нашей группы понятия не имели, кто он такой; большинство же других видели в нем лишь представителя погрязшей в коррупции и протекционизме части политического истеблишмента. Я не одобрял того, что он, по всей видимости, совершил, однако меня заинтриговали его рассказы и его видение ситуации, которым он всегда был рад поделиться. Чтобы его разговорить, достаточно было задать один-два вопроса.

Если не считать Бобби Бейкера и его окружения, я в основном общался со стипендиатами Родса и другими молодыми людьми, находившимися на борту лайнера. Больше всех мне нравилась Марта Сакстон, блестящая, очаровательная, подающая надежды писательница. Она почти все время проводила в компании другого стипендиата Родса, однако в конце концов мне повезло. Когда наш роман закончился, мы стали друзьями на всю жизнь. Не так давно Марта подарила мне свою последнюю книгу «Добродетель: моральные ценности женщин в раннеамериканский период» (*Being Good: Women's Moral Values in Early America*).

Как-то раз один из пассажиров пригласил нас к себе в каюту на коктейль. До этого момента я вообще не знал вкуса алкоголя и не испытывал желания его попробовать. Мне достаточно было видеть, что он сделал с Роджером Клинтоном, и я опасался, как бы подобное не произошло и со мной. Однако я решил, что пришло время преодолеть свой страх. В ответ на вопрос хозяина, что мне налить, я попросил виски с содовой — напиток, который в годы учебы в Джорджтауне я несколько раз наливал другим, пару раз исполняя роль бармена на студенческих вечеринках. Я понятия не имел, каков он на вкус, а когда попробовал, то не получил никакого удовольствия. На следующий день я попробовал бурбон с водой, который мне понравился больше. В Оксфорде я отдавал предпочтение пиву, сухому вину и хересу, а после возвращения домой в основном пил джин с тоником, а летом — пиво. Не могу сказать, что я никогда не перебирал, но это случалось всего несколько раз, когда мне было уже далеко за двадцать. После встречи с Хиллари мы нередко отмечали особые события шампанским, но, к счастью, меня никогда сильно не тянуло к алкоголю, да к тому же в конце 70-х у меня появилась аллергия на все алкогольные напитки за исключением водки.

Поэтому я рад, что тогда, на корабле, преодолел свой страх перед спиртным и понял, что меня не тянет к выпивке. У меня было достаточно проблем и без этого.

Самым лучшим в морском путешествии, однако, было то, ради чего оно и задумывалось, — общение с другими стипендиатами Родса. Я старался побеседовать со всеми, слушал их рассказы, учился у них. Академические успехи многих из них были гораздо более внушительными, чем у меня, а кое-кто активно участвовал в антивоенных выступлениях, в студенческом самоуправлении и предвыборных кампаниях Маккарти и Кеннеди. Некоторые из тех, кто вызывал у меня наибольшую симпатию, стали моими друзьями на всю жизнь, и на удивление многие занимали в годы моего президентства важные административные посты: афроамериканец Том Уильямсон, член студенческой футбольной команды Гарварда, работавший юрисконсультom в Министерстве труда в годы моего первого президентского срока; Рик Стернс, выпускник Стэнфорда, который привлек меня к участию в предвыборной кампании Макговерна и которого я назначил федеральным судьей в Бостоне; Струоб Тэлботт, редактор *Yale Daily News*, ставший моим специальным советником по России и заместителем госсекретаря после блестящей карьеры в журнале *Time*; Дуг Икли, в период учебы на юридическом факультете мой сосед по комнате, а впоследствии председатель совета директоров Корпорации юридических услуг; выходец из Бруклина Алан Берсин, еще один выпускник Гарварда и футболист, которого я назначил федеральным прокурором в Сан-Диего, где он до сих пор работает главным инспектором школ; Уилли Флетчер из Сиэтла, штат Вашингтон, назначенный мною в апелляционный суд девятого округа; Боб Райх, уже в то время заводила в нашей компании, занимавший пост министра труда в течение моего первого срока на посту президента. Деннис Блэр, выпускник Военно-морской академии, к тому времени, когда я стал президентом, был уже адмиралом в Пентагоне, а позднее командовал нашими вооруженными силами в Тихоокеанском регионе, но, надо заметить, всего этого он добился без моей помощи.

В последующие два года каждый из нас по-своему относился к Оксфорду, однако общим для всех было чувство неопределенности и беспокойства за то, что происходило дома: нам очень нравилось учиться, и тем не менее мы постоянно задавались вопросом, какого черта мы здесь делаем. Большинство из нас не ограничивались лекциями и семинарами. Общение друг с другом, чтение книг, экскурсии казались более важными, особенно для тех из нас, кто думал, что все это скоро закончится. Два года спустя процент американцев среди выпускников — стипендиатов Родса был ниже, чем в любом из предыдущих выпусков. Однако, полные юношеского беспокойства, за годы учебы в Оксфорде мы, пожалуй, больше узнали о себе и о жизненных ценностях, чем подавляющая часть наших предшественников.

Через пять дней, сделав короткую остановку в Гавре, мы наконец прибыли в Саутгемптон, где получили первое впечатление об Оксфорде в лице сэра Эдгара «Билла» Уильямса, хранителя дома Родса. Он встречал нас на причале в котелке, плаще и с зонтом в руках, больше напоминая английс-

кого денди, чем человека, в годы Второй мировой войны служившего начальником разведки при штабе фельдмаршала Монтгомери.

Билл Уильямс проводил нас к автобусу. Было темно и дождливо, поэтому мы почти ничего не увидели. В Оксфорд мы прибыли примерно в одиннадцать вечера, и все заведения, где можно было бы перекусить, уже закрылись. Свет горел лишь в небольшом автофургоне на Хай-стрит, где продавались хот-доги, плохой кофе и готовые закуски. Он находился рядом с Университи-Колледж, в котором мне предстояло учиться. Мы вышли из автобуса и оказались в четырехугольном дворе, который был построен еще в XVII веке, где нас встретил Дуглас Миллин, главный привратник, контролировавший доступ на территорию колледжа. Миллин был сварливым старым чудачком и до того, как поступить на работу в колледж, служил в военно-морском флоте. Он был очень умен, однако умело скрывал это за потоком добродушных насмешек, причем особенно любил подтрунивать над американцами. Первое, что он сделал, — это проехался на счет Боба Райха, чей рост бы меньше пяти футов. «Ну вот, — произнес Миллин, — обещали прислать четырех янки, а прислали только трех с половиной». Он никогда не упускал случая посмеяться над нами, но за его насмешками крылись мудрость и глубокое знание людей.

В последующие два года я часто беседовал с Дугласом. Перемежая свою речь крепкими английскими выражениями, вроде «что за дьявольщина!», он рассказывал мне о порядках в колледже. От него я узнал много историй о ведущих профессорах и персонале. В своих беседах мы обсуждали и текущие проблемы, в том числе различия между вьетнамской войной и Второй мировой. В последующие двадцать пять лет каждый раз, бывая в Англии, я неизменно навещал Дугласа, чтобы проверить, правильно ли я воспринимаю реальность. В конце 1978 года, после моего первого избрания губернатором Арканзаса, я отправился в Англию вместе с Хиллари, чтобы провести там столь необходимый нам отпуск. Когда мы, приехав в Оксфорд, шли через главные ворота колледжа, я очень гордился собой. Пока не увидел Дугласа. Тот, конечно, не упустил случая посмеяться. «Клинтон, — сказал он, — я слышал, тебя только что выбрали королем какого-то захолустья, где все население — три человека и одна собака». Я обожал Дугласа Миллина.

Мои комнаты находились в глубине, позади библиотеки, в месте, которое называлось Хеленз-корт в честь жены прежнего главы колледжа. Два стоящих друг против друга здания разделяло небольшое, со всех сторон закрытое пространство. В более старом здании, находившемся слева, было две двери, за которыми на первом и втором этажах располагались жилые блоки. Я жил в левом крыле общежития на втором этаже, куда можно было попасть через дальний вход. Мне отвели крошечную спальню и небольшой кабинет, которые когда-то вместе составляли одну большую комнату. Туалет находился на первом этаже, к нему вела неотопливаемая лестница. Душ, к счастью, располагался на моем этаже, и иногда из него даже текла теплая вода. В современном здании, находившемся справа, последипломные студенты размещались в двухуровневых квартирах. В октябре 2001 года я помогал Челси устроиться в квартире со спальней как

раз напротив тех комнат, где сам жил тридцать три года назад. Это был один из тех бесценных моментов, когда под лучами солнца меркнет все, что отравляет нашу жизнь.

Проснувшись на следующий день, я сразу же познакомился с одной из достопримечательностей оксфордской жизни — «служителем» Арчи, который поддерживал порядок в комнатах Хеленз-корт. Я вообще-то привык сам застилать постель и убирать за собой, однако постепенно сдился и позволил Арчи выполнять работу, которой он до встречи со мной занимался без малого пятьдесят лет. Это был тихий, добродушный человек, к которому я и другие студенты через некоторое время почувствовали искреннюю привязанность и уважение. На Рождество и другие праздники нам полагалось преподносить служителю скромный подарок, да большинство из нас и не могло бы позволить себе большего на стипендию Родса, составлявшую 1700 долларов в год. Арчи оповестил всех о том, что если он и хотел получить что-то в подарок, так это несколько бутылочек «Гиннес стаут» — темного ирландского пива. За год пребывания в Хеленз-корт Арчи получил от меня немало бутылок пива, иногда я и сам составлял ему компанию. Арчи был настоящим ценителем этого напитка, и благодаря ему я тоже его полюбил.

Университетская жизнь протекала в стенах двадцати одного колледжа, которые в те времена еще делились на мужские и женские; женских колледжей было намного меньше. Университет выполнял две основные функции. Во-первых, он организовывал лекции, которые студенты могли посещать по своему усмотрению, а во-вторых, проводил экзамены в конце всего курса обучения. Получите ли вы ученую степень и какую именно, зависело исключительно от ваших успехов в экзаменационную неделю. Материал по каждой теме закреплялся на еженедельных консультациях, к которым студенты готовили краткое эссе. У каждого колледжа имелись собственная церковь, обеденный зал и библиотека. Большинство зданий выделялись своей архитектурой. Некоторые из них окружали удивительные по красоте сады или даже парки, рядом находились озера или река Червелл, которая огибала старый город с востока. Сразу же за Оксфордом Червелл впадает в Айсис — так называется проходящий здесь участок Темзы, полноводной реки, придающей Лондону его неповторимый облик.

В первые две недели пребывания в Оксфорде я часто бродил по этому прекрасному старинному городу. Мне хотелось получше рассмотреть его парки, обрамленные деревьями улицы, церкви, крытый рынок и, конечно же, колледжи.

Хотя территория нашего колледжа была не очень большой, а самое старое здание было построено лишь в XVII столетии, меня это вполне устраивало. В XIV веке профессора колледжа, подделав документы, заявили, что он является самым старым в Оксфорде и восходит чуть ли не к IX веку, времени правления Альфреда Великого. Бесспорно, Юнив, как его все называют, наряду с Мертоном и Бейллиолом — один из трех старейших колледжей, основанных в XIII веке. В 1292 году его устав содержал набор жестких правил, в числе которых был запрет на исполнение баллад и использование английского языка. Во время некоторых наиболее шумных

ночных студенческих соборищ я иногда жалел, что мои современники больше не общаются на латыни вполголоса, как это было принято в старину.

Самым знаменитым студентом университета был Перси Биш Шелли, в 1810 году начавший изучать здесь химию. Он продержался в университете всего год и был исключен — но не за то, что использовал полученные знания для сооружения небольшого самогонного аппарата в своей комнате, а за свой трактат под названием «Необходимость атеизма». В 1894 году Юнив восстановил Шелли в своих рядах, но уже в виде прекрасной мраморной статуи. Поэта к тому времени уже не было в живых; не дожив до тридцати лет, он утонул у побережья Италии. Посетители колледжа, даже незнакомые с поэзией Шелли, глядя на его изображение, понимали, что привлекало в нем молодежь того времени. В XX веке среди студентов и профессоров Оксфорда были три известных писателя: Стивен Спендер, К.С. Льюис и В.С. Найпол; выдающийся физик Стивен Хокинг; два британских премьер-министра — Клемент Эттли и Гарольд Уилсон; австралийский премьер-министр Боб Хоук, рекорд которого по скорости поглощения пива до сих пор не побит, и человек, убивший Распутина, — князь Феликс Юсупов.

Изучая жизнь в Оксфорде и Англии, я в то же время старался следить за ходом предвыборных баталий на родине и с нетерпением ждал получения бюллетеня для отсутствующих избирателей, чтобы принять участие в первом в моей жизни голосовании. Несмотря на непрекращающиеся в городах беспорядки и студенческие демонстрации, позиции Хамфри укрепились. После того как он заявил о своей независимости от Линдона Джонсона по вьетнамской проблеме, упреков в его адрес стало гораздо меньше, а число сторонников среди молодежи увеличилось. Маккарти в конце концов объявил о поддержке Хамфри в своей обычной бесстрашной манере, добавив, что не будет добиваться переизбрания в Сенат в 1970 году и баллотироваться на пост президента в 1972-м. Уоллес тем временем допустил грубую ошибку, избрав кандидатом на пост вице-президента бывшего начальника штаба ВВС Кертиса Лимея. Лимей, который за пять лет до этого, во время ракетного кризиса, требовал от президента Кеннеди нанесения бомбового удара по Кубе, дебютируя в качестве кандидата, заявил, что ядерное оружие — «всего лишь один из видов вооружений в нашем арсенале» и что «применение его во многих случаях даст наибольший эффект». Подобные высказывания заставили Уоллеса оправдываться, и его уже ничто не могло спасти.

Никсон придерживался стратегии, которая, по его мнению, должна была обеспечить ему победу, поэтому он раз за разом отвергал приглашения принять участие в дебатах с Хамфри. Его беспокоили лишь постоянные невыигрышные сравнения Спиро Агню с партнером Хамфри сенатором Маски и опасения, что Джонсон преподнесет «октябрьский сюрприз» — добьется прорыва на мирных переговорах в Париже, заключив соглашение о прекращении бомбардировок. Сегодня уже известно, что кампания Никсона опиралась на инсайдерскую информацию о переговорах, исходившую от Генри Киссинджера, который, являясь консультантом Аверелла Гарримана, имел непосредственное отношение к парижским переговорам, а потому

был в курсе происходящего. Известно также, что руководитель избирательной кампании Никсона, Джон Митчелл, оказывал давление на президента Южного Вьетнама Тхиеу через приятельницу Никсона Анну Шенно с тем, чтобы тот не уступал Линдону Джонсону и не соглашался участвовать в переговорах вместе с южновьетнамской оппозицией — Национальным фронтом освобождения. Джонсон знал об усилиях, предпринимаемых командой Никсона, из телефонных переговоров Анны Шенно с послом Южного Вьетнама в Вашингтоне, которые прослушивались с санкции Министерства юстиции. В последний день октября президент Джонсон объявил о полном прекращении бомбардировок, о согласии Ханоя на участие в переговорах Южного Вьетнама и о признании США права участвовать в них представителей Национального фронта освобождения.

Ноябрь принес надежду Хамфри и его сторонникам. Результаты опросов демонстрировали его быстро растущую популярность, а сам он казался уверенным в том, что мирная инициатива принесет ему победу. Однако 2 ноября, за день до выборов, президент Тхиеу объявил об отказе от участия в переговорах вместе с представителями Национального фронта освобождения. По его словам, это привело бы к созданию коалиционного правительства с участием коммунистов, а он был намерен вести дела только с Северным Вьетнамом. В лагере Никсона тут же намекнули, что Линдон Джонсон поспешил с мирной инициативой, чтобы помочь Хамфри, не уделив должного внимания ее дипломатической подготовке.

Джонсон пришел в ярость и сообщил Хамфри все, что ему было известно о попытках действовавшей от имени Никсона Анны Шенно сорвать переговоры. Необходимости скрывать это из опасения навредить президенту Тхиеу уже не было, но, как ни странно, Хамфри не воспользовался представившейся ему возможностью, решив, что раз по данным опросов его популярность была практически такой же, как у Никсона, то он сумеет победить и без этого. Кроме того, Хамфри, по всей видимости, опасался обратной реакции, поскольку у него не было прямых доказательств того, что Никсону было известно, чем занимались Джон Митчелл и другие, действуя от его имени. Однако подозрения, что Никсон имел прямое отношение к этим без преувеличения предательским действиям, были все же очень сильны. Джонсон был страшно зол на Хамфри, и я уверен, что он позволил бы этой информации просочиться в прессу, если бы баллотировался сам. Не упустил бы момента и Никсон, окажись он на месте Хамфри.

Хамфри поплатился за свою щепетильность — или нерешительность. Он проиграл на выборах 500 тысяч голосов — 42,7 против 43,4 процента. Уоллес удовольствовался всего 13,5 процента голосов. Никсон получил голоса 301 выборщика, на 31 голос больше необходимого большинства, при почти равном количестве голосов в штатах Иллинойс и Огайо. Гамбит, разыгранный Киссинджером, Митчеллом и Шенно, сошел ему с рук, но, если верить тому, что написал о событиях 1968 года в книге «Год гибели мечты» (*The Year the Dream Died*) Джулз Уитковер, все было не так просто, как казалось. Тогдашний успех позволил окружению Никсона думать, что им все сойдет с рук, в том числе и «Уотергейт».

Первого ноября я начал вести дневник, используя для этого одну из двух записных книжек в кожаных переплетах, подаренных мне в день отъезда из Соединенных Штатов Дениз Хайленд. Когда Арчи разбудил меня, сообщив добрую весть о прекращении бомбардировок, я написал в нем: «Как бы мне хотелось увидеться с сенатором Фулбрайтом в этот день, принесший еще одно подтверждение важности его неустанной и упорной борьбы». На следующий день я размышлял о том, приведет ли прекращение огня к сокращению нашего военного присутствия, позволит ли оно мне избежать призыва в армию или, как минимум, «даст ли оно возможность моим друзьям, уже призванным в армию, избежать отправки во Вьетнам. А может быть, благодаря ему удастся спасти от безвременной гибели кого-то из тех, кто сейчас находится в джунглях». Тогда я и представить себе не мог, что половина наших потерь еще впереди. Я завершил первые две записи «восхвалением все той же добродетели — надежды, основы моего существования, которая не покидает меня даже в такие вечера, как этот, когда я не в состоянии анализировать что-либо и формулировать свои мысли». Да, я был молод и слишком эмоционален, но уже тогда верил в то, что в 1992 году, в своем выступлении на съезде демократической партии, назову «местом под названием Надежда». Надежда всегда помогала мне идти по жизни.

Третьего ноября ланч с Джорджем Кокуэллом, деканом факультета последипломого образования в Юниве, заставил меня на некоторое время забыть о выборах. Декан был крупным, внушительного вида человеком, в котором все еще можно было без труда узнать звезду регби, которой он был в годы учебы в Оксфорде в качестве стипендиата Родса от Новой Зеландии. Во время нашей первой встречи профессор Кокуэлл отчитал меня за решение поменять курс обучения. Вскоре после приезда в Оксфорд я решил вместо базового курса политики, философии и экономики пройти курс для получения степени бакалавра литературы в области политики, где требовалась диссертация объемом не менее пятидесяти тысяч слов. Курс политики, философии и экономики в объеме первого года обучения я практически полностью прошел еще в Джорджтауне и из-за перспективы призыва на военную службу не рассчитывал, что мне удастся проучиться в Оксфорде два года. Кокуэлл считал, что я совершил ужасную ошибку, отказавшись от еженедельных консультаций, во время которых зачитывались, обсуждались и защищались эссе. Главным образом под влиянием аргументов Кокуэлла я вернулся к курсу на получение степени бакалавра философии в области политики, предполагающему консультации, эссе, экзамены и менее объемную диссертацию.

Пятого ноября, когда состоялись выборы, в Англии праздновался День Гая Фокса. В этот день англичане отмечают предотвращение попытки сжечь британский парламент, которая была предпринята Фоксом в 1605 году. По этому поводу я написал в дневнике следующее: «В Англии это событие отмечают все: одни потому, что попытка Фокса не удалась, другие — потому, что он попытался это сделать». В тот вечер мы, американцы, устроили в доме Родса собрание. Наша компания, состоявшая главным образом

из сторонников Хамфри, поддерживала своего избранника. Мы отправились спать, не зная, чем все закончилось, однако нам стало известно о победе Фулбрайта. Новость эта была воспринята с облегчением, поскольку на предварительных выборах, состязаясь с Джимом Джонсоном и двумя другими малоизвестными кандидатами, он набрал всего 52 процента голосов. Когда объявили о его победе, дом Родса огласился радостными криками.

Шестого ноября мы узнали о победе Никсона. Тогда я записал в дневнике: «Дядя Реймонд вместе со своими приятелями обеспечил Уоллесу победу в Арканзасе, и это стало нашим первым отказом голосовать за кандидата из демократического списка со времени получения Арканзасом статуса штата в 1836 году... Надо послать дяде Реймонду десять долларов: в ноябре прошлого года в споре с ним я поставил десятку на то, что Арканзас — самый “либеральный” штат на Юге — никогда не пойдет за Уоллесом, чем лишь доказал, насколько могут заблуждаться эти псевдоинтеллектуалы!» («Псевдоинтеллектуал» — любимый ярлык Уоллеса для тех обладателей университетских дипломов, которые не разделяли его взглядов.) Я отметил, что, в отличие от правительства Южного Вьетнама, меня ужасно расстроило то, что «после всего произошедшего, после того, как Хамфри вернул утраченные позиции, мы имеем то, чего я опасался еще в январе, — Никсона в Белом доме».

В довершение ко всему я так и не получил избирательный бюллетень, и мое первое голосование не состоялось. Секретарь округа отправил бюллетень обычной почтой, что было дешевле, но я получил его только через три недели, когда выборы уже давно прошли.

На следующий день я вернулся к своим обычным делам. Я позвонил маме, которая к тому времени уже твердо решила выйти замуж за Джеффа Дуайра. Она была счастлива, и я радовался вместе с ней. Я отправил дяде Реймонду чек на десять долларов, сопроводив это предложением учредить в США День Джорджа Уоллеса по образцу Дня Гая Фокса в Англии. Повод отпраздновать его найдется у всех: для одних им станет то, что он выставил свою кандидатуру на пост президента, для других — то, что он провалился.

Остаток месяца у меня оказался таким насыщенным, что политика и Вьетнам на некоторое время отошли на второй план. В одну из пятниц мы вместе с Риком Стернсом съездили в Уэльс, куда добирались на попутных машинах и автобусах, и всю дорогу Рик читал мне стихи Дилана Томаса. Тогда я впервые услышал слова «Не уходи покорно в ночь», полюбил их и вспоминаю каждый раз, когда люди отважно следуют призыву «Борись, не дай погаснуть свету».

Несколько раз компанию в таких поездках мне составлял Том Уильямсон. Один раз мы решили, поменявшись ролями, изобразить пародию на ставшие стереотипными представления о подбострастности негров и расистских замашках белых южан. Когда перед нами остановился автобус, Том сказал: «Эй, марш на заднее сиденье», на что я ответил: «Слушаюсь, господин». Водитель-англичанин решил, наверное, что мы спятили.

Через две недели после выборов я занес свой первый тачдаун, который назывался «попытка», играя в команде регби Юнива. Это было грандиозное

достижение для бывшего музыканта. Хотя я никогда не понимал всех тонкостей игры, регби мне нравилось. Я был крупнее большинства юношей-англичан, и мне обычно удавалось ощутимо повлиять на ход игры, когда я, гонясь за мячом, врзался в ряды противника или играл во втором ряду во время «схватки» — странного действия, во время которого противоборствующие стороны толкали друг друга, стараясь завладеть мячом, лежащим между ними на земле. Как-то раз мы поехали на матч в Кембридж. Хотя этот городок более тихий, чем Оксфорд, меньше по размерам и не достиг такого уровня индустриализации, его команда играла жестко и грубо. Я получил сильный удар по голове, в результате которого у меня, вполне возможно, было небольшое сотрясение мозга. Когда я пожаловался тренеру на головокружение, тот сказал, что замены у нас нет и, если я уйду, в нашей команде будет на одного человека меньше: «Возвращайся на поле и просто мешай кому-нибудь из них». Мы все-таки проиграли, но я был рад, что не покинул поле. Пока вы не вышли из игры, у вас всегда есть шанс.

В конце ноября я сдал свое первое эссе руководителю нашей группы доктору Збигневу Пелчински, польскому эмигранту. В нем говорилось о роли террора в советском тоталитарном обществе («стерильный скальпель, вонзающийся в общество и удаляющий опухоли инакомыслия и независимости»), посетил первую консультацию и принял участие в первом семинаре. В оставшееся время я путешествовал: дважды побывал в доме Шекспира в Стратфорд-он-Эйвоне и посмотрел его пьесы; дважды съездил в Лондон, чтобы навестить Дру Бачман и Эллен Макпик, бывших соседок Энн Маркузен по Джорджтауну, которые там жили и работали; один раз побывал в Бирмингеме, где довольно плохо сыграл в баскетбол, а в пятую годовщину смерти Кеннеди — еще и в Дерби, где выступил перед учениками средней школы и ответил на их вопросы об Америке.

В начале декабря я решил без предупреждения приехать на мамину свадьбу, поскольку у меня появились дурные предчувствия относительно ее и моего собственного будущего. Большинство подруг матери были категорически против того, чтобы она выходила замуж за Джеффа Дуайра, — во-первых, потому что он сидел в тюрьме, а во-вторых, потому что они ему не доверяли. Ситуацию усугубляло и то, что Джефф не смог оформить развод с женой, с которой давно расстался.

Мое собственное будущее стало еще более неопределенным, когда мой друг Фрэнк Аллер, стипендиат Родса, учившийся в Куинз-Колледже, отделеемом от Юнива только Хай-стрит, получил повестку из призывной комиссии своего родного города Спокана, штат Вашингтон. Он сообщил мне, что собирается поехать домой с намерением предупредить родителей и свою девушку о своем решении отказаться от военной службы и остаться в Англии на неопределенное время, чтобы избежать тюремного заключения. Фрэнк изучал Китай, хорошо знал Вьетнам и считал нашу политику одновременно ошибочной и аморальной. Он, кроме того, был порядочным юношей из среднего класса, любящим свою страну. Фрэнк очень страдал, оказавшись перед этим непростым выбором. Мы вместе со Струобом Тэлботтом, жившим

на той же улице, в Модлин-Колледже, старались утешить и поддержать его. Фрэнк, будучи добрым по натуре и зная, что мы, как и он, были против войны, пытался, в свою очередь, утешить нас. Особенно настойчиво он убеждал меня. По его мнению, у меня, в отличие от него, были способности и желание, необходимые для того, чтобы сделать политическую карьеру, поэтому мне не следовало уклоняться от призыва, ставя тем самым крест на своем будущем. Его великодушные лишь усиливали во мне чувство вины, что показывают пронизанные болью записи на страницах моего дневника. Фрэнк делал меня слабее, чего я никак не мог себе позволить.

Девятнадцатого декабря мой самолет, несмотря на жуткий снегопад, приземлился в Миннеаполисе, где я должен был вновь встретиться с Энн Маркузен. Она приехала домой из Мичиганского университета, где готовилась получить степень доктора философии, и пребывала в состоянии не меньшей неопределенности относительно своего и нашего будущего, чем я сам. Я любил ее, но в тот период своей жизни был слишком неуверен в завтрашнем дне, чтобы связывать себя какими-либо обязательствами.

Домой я улетел 23 декабря. Сюрприз удался: мама плакала не переставая. Они с Джеффом и Роджером радовались предстоящей свадьбе и были счастливы настолько, что даже не обратили внимания на перемену в моей внешности — длинные волосы. Рождество было веселым, несмотря на отчаянные усилия двух маминых подруг, убеждавших меня отговорить ее от брака с Джеффом. Я отнес четыре желтые розы на могилу папы и помолился о том, чтобы его родственники поддержали маму и Роджера в их стремлении устроить свою жизнь. Мне нравился Джефф Дуайр. Он был неглуп, трудолюбив, хорошо относился к Роджеру и, без сомнения, любил мою мать. Я поддерживал их желание пожениться, полагая, что «даже если все скептически настроенные доброжелатели и злобные недоброжелатели правы насчет Джеффа и мамы, их союз вряд ли окажется более неудачным, чем все предыдущие союзы каждого из них». На некоторое время я забыл о волнениях 1968 года, взорвавшего нашу страну и пошатнувшего позиции демократической партии; года, когда консервативный популизм вытеснил популизм прогрессивный и стал доминирующей политической силой в нашей стране; когда закон, порядок и сила начали связываться с республиканцами, а демократы стали ассоциироваться с хаосом и слабостью, с оторванной от жизни, потакающей своим желаниям элитой; года, который привел к власти Никсона, за которым последовали Рейган, Гингрич и Джордж У. Буш. Ответная реакция среднего класса оказала огромное влияние на американскую политику и изменила ее направление в оставшиеся десятилетия века. «Уотергейт» потряс новый консерватизм, но не уничтожил его. Поддержка правой идеологии в обществе в результате усиления экономического неравенства, разрушения окружающей среды и социального размежевания уменьшилась, но не исчезла. Как только собственная неумеренность начинала угрожать консервативному движению, оно тут же давало обещание стать «более мягким и покладистым», «более сострадательным», не переставая обвинять демократов в слабости ценностей, недостатке характера и воли. И этого оказалось достаточно, чтобы выработать у части белых

избирателей из среднего класса абсолютно предсказуемую, почти «павловскую» реакцию, позволяющую добиться победы. Конечно, на самом деле все было не так просто. Иногда критика демократов со стороны консерваторов была вполне обоснованной, кроме того, всегда существовали умеренные республиканцы и добропорядочные консерваторы, которые сотрудничали с демократами, чтобы сообща добиться некоторых перемен к лучшему.

Тем не менее именно кошмары 1968 года сформировали ту арену, на которой пришлось сражаться мне и всем остальным прогрессивным политикам. Кто знает, останься Мартин Лютер Кинг-младший и Роберт Кеннеди в живых, возможно, все было бы по-другому. Воспользуйся тогда Хамфри информацией о вмешательстве Никсона в парижские мирные переговоры, все, может быть, обернулось бы иначе. А может, и нет. Как бы то ни было, те из нас, кто верил в победу добра над злом в 1960-х, по-прежнему продолжают борьбу, вдохновляемые образами героев и мечтами нашей юности.

Первое утро нового 1969 года началось для меня на радостной ноте. Фрэнка Хоулта вновь выбрали в Верховный суд штата, всего через два года после его поражения на губернаторских выборах. Я отправился в Литл-Рок на церемонию принесения присяги. Фрэнк, конечно, настаивал на том, чтобы мы в новогодний праздник не тратили время на этот скромный ритуал, однако более полусотни его преданных сторонников все же собрались на церемонии. Этому событию в моем дневнике посвящена такая запись: «Я сказал ему, что, хоть его победа и была очевидной, моя поддержка не будет лишней!» По иронии судьбы, Хоулт, став «новым» судьей, попал в старую компанию судьи Джима Джонсона.

Второго января я вместе с Джо Ньюманом отправился в Хоуп, родной город моей матери, чтобы объявить жившим там родственникам о ее свадьбе с Джеффом, намеченной на следующий день. Возвратившись домой, мы сняли с почтового ящика табличку с надписью «Роджер Клинтон». Со свойственной ему иронией Джо заметил: «Жаль, что она снялась так легко». Несмотря на мрачные прогнозы, мне казалось, что брак моей матери будет удачным. В своем дневнике я написал по этому поводу следующее: «Если Джефф действительно всего лишь мошенник, как продолжают считать некоторые, значит, мне нравятся мошенники».

Церемония, состоявшаяся на следующий вечер, была простой и заняла не много времени. Брачный обряд совершил наш друг преподобный Джон Майлс. Роджер зажег свечи. Я выполнял роль шафера. На праздничном ужине, состоявшемся после бракосочетания, мы с Кэролайн Йелделл играли и пели для гостей. Другой священник вполне мог отказать новобрачным в благословении из-за того, что Джефф развелся с бывшей женой, к тому же совсем недавно. Но только не Джон Майлс. Он был резким, лишенным сентиментальности либеральным методистом, который не сомневался в том, что Бог-Отец послал Иисуса с единственной целью — дать всем нам еще один шанс.

Четвертого января, благодаря своей приятельнице Шарон Эванс, которая была знакома с губернатором Рокфеллером, я получил приглашение пообедать с ним на его ранчо на горе Пти-Жан. Рокфеллер оказался дружелюбным и разговорчивым человеком. Мы беседовали об Оксфорде и о желании его сына Уинтропа Пола там учиться. Губернатор хотел, чтобы я поддерживал отношения с Уином Полом, немалую часть своего детства проводившим в Европе, когда осенью он начнет учебу в Пембрук-Колледже.

После завтрака мы поболтали с Уином Полом, а затем направились на юго-запад, на встречу с Томом Кэмпбеллом, которого перевели в Арканзас из штата Миссисипи, где он проходил подготовку в Корпусе морской пехоты. После этого Уин Пол пригласил нас осмотреть резиденцию губерна-

тора. Она произвела на нас большое впечатление, и я покидал ее с таким ощущением, словно соприкоснулся с важным периодом истории Арканзаса, а не побывал в здании, которому через десятилетие суждено будет стать моим домом на целых двенадцать лет.

Одиннадцатого января я вернулся в Англию тем же авиарейсом, что и Том Уильямсон, рассказавший мне, каково быть чернокожим в Америке. С нами летел и Фрэнк Аллер, переживший тяжелое испытание: отец-консерватор заставил его постричься. Однако сделал он это вовсе не для того, чтобы отправить Фрэнка на призывной пункт: короткая стрижка стала условием его присутствия дома в рождественские праздники. Когда я вернулся в Юнив, в пачке ожидавших меня писем лежало поразительное послание от моего старого друга, тоже баптиста, — рядового морской пехоты Берта Джеффриза. Выдержки из его ошеломляющего, отчаянного письма остались у меня в дневнике.

...Билл, я уже многое повидал и прошел через такое, чего не пожелает ни один человек в здравом уме. Здесь идет настоящая бойня. Человеческая жизнь ничего не стоит. Ужасно видеть, как твой друг, с которым ты живешь бок о бок, гибнет неизвестно за что. Особенно когда понимаешь, что легко мог оказаться на его месте.

Меня приставили к одному подполковнику, и я выполняю роль его телохранителя... 21 ноября нас направили в местечко, которое называется Винчестер. Когда мы выпрыгнули из вертолета, все — подполковник, я и еще два человека — стали осматривать местность... и там, в бункере, были два солдата из Северного Вьетнама, которые открыли огонь... Подполковника и двух наших ранило. Билл, в тот день я моллился. К счастью, я оказался проворнее и достал тех вьетнамцев раньше, чем они меня. Тогда я в первый раз убил человека. Билл, ужасно сознавать, что ты отнял у кого-то жизнь. Это отвратительное чувство. А потом начинаешь понимать, что с такой же легкостью жизнь могли отнять и у тебя.

На следующий день, 13 января, я отправился в Лондон на медкомиссию. Врач сказал, — а я записал это в своем дневнике, — что я «один из самых здоровых представителей западного мира, которого можно демонстрировать в медицинских колледжах, на выставках, в зоопарках, на карнавалах и в лагерях военной подготовки». 15 января я посмотрел пьесу «Неустойчивое равновесие» Эдуарда Олби, которая стала «моим вторым соприкосновением с сюрреализмом». Персонажи Олби заставляли зрителей «спросить себя, не рискуют ли они в один из своих последних дней проснуться с ощущением пустоты и страха». Лично я уже задавался этим вопросом.

Инаугурация президента Никсона состоялась 20 января. Его речь представляла собой попытку примирения, однако «меня не тронула эта проповедь старых святынь и добродетелей среднего класса. Именно они, как предполагалось, должны были разрешить наши проблемы с азиатами, чуждыми иудейско-христианских традиций; с коммунистами, которые не верят

в Бога; с чернокожими, которых богобоязненные белые так часто притесняли, что между ними не осталось ничего общего; да еще с детьми, которые столько раз слышали фальшь в тех же проповедях с песнопениями и приплясываниями, что зачастую предпочитают наркотики откровенному самообману взрослых». По иронии судьбы, я и сам верил в христианские ценности и добродетели среднего класса, однако делал из них другие выводы. Я считал, что для того, чтобы последовательно проводить в жизнь наши религиозные и политические принципы, нужно было идти намного дальше, чем готов был сделать г-н Никсон.

То время, которое оставалось у меня в Англии, я решил посвятить своей собственной жизни. Я впервые посетил заседание дискуссионного общества Оксфордского университета, на котором был сделан вывод о том, что человек создал Бога по своему образу и подобию и результат его творения был «потенциально многообещающим, но слабо проработанным». Я съездил на север, в Манчестер, где наслаждался красотой английских сельских пейзажей, «похожих на лоскутное одеяло с их древними каменными стенами, сложенными без глины и цемента». В Манчестере состоялся семинар под названием «Плюрализм как концепция демократической теории», который показался мне довольно скучным. Я воспринял его лишь как еще одну попытку «объяснить более сложным (ну и, конечно, более многозначительным) способом то, что происходит на наших глазах... Думаю, все дело в том, что мне не хватает кругозора, концептуальных представлений о действительности, да и просто мозгов для общения с такими умниками».

Двадцать седьмого января жизнь вновь повернулась к нам своей не самой лучшей стороной. Мы устроили вечеринку в честь получения Фрэнком Аллером, «выбравшим для себя единственную открытую дорогу», официального статуса «уклоняющегося от призыва». Несмотря на водку, тосты и попытки шутить, вечеринка не удалась. Даже Боб Райх, бесспорно самый остроумный из нас, не сумел растормошить собравшихся. Мы просто не смогли снять бремя с плеч Фрэнка «в тот день, когда он перешел от слов к делу». На следующий день Струоб Тэлботт, который из-за старой футбольной травмы и так относился к призывной категории 1-Y, стал полностью непригодным к военной службе. Во время игры в сквош на корте Юнива Джон Айзексон случайно ударил его ракеткой по очкам. Врачу потребовалось два часа, чтобы удалить осколки у него из роговицы. Тэлботт в конце концов поправился и в следующие тридцать пять лет увидел много такого, что большинству из нас и не снилось.

На протяжении многих лет февраль был самым тяжелым для меня месяцем: в это время я занимался в основном тем, что боролся с меланхолией и ждал прихода весны. Однако мой первый февраль в Оксфорде оказался по-настоящему насыщенным. Я заполнил его чтением. В Оксфорде я вообще очень много читал, не придерживаясь какого-то определенного плана, если не считать литературы, предусмотренной учебной программой. За время, проведенное там, я проглотил сотни книг. В тот месяц мое внимание привлекла повесть «Луна зашла» (*The Moon Is Down*) Джона Стейнбека. Он

ушел из жизни незадолго до этого, и в память о нем мне хотелось прочесть что-нибудь такое, чего я еще не читал. Я перечитал «Домой на Север» (*North Toward Home*) Уилли Морриса, поскольку эта книга помогала мне лучше понять свои корни и «себя самого». Я прочитал также «Душу во льду» (*Soul on Ice*) Эддриджа Кливера, которая заставила меня задуматься о значении души. «По частоте использования слова “душа” меня вполне можно считать чернокожим, однако это, конечно же, не так, о чем я иногда сожалею... Душа. Я знаю, что это такое — это нечто, позволяющее мне чувствовать; это нечто, движущее мною; это нечто, делающее меня человеком, и стоит потерять душу, не сомневаюсь, мне не жить, если она не вернется». В тот момент я очень боялся, что теряю свою душу.

Нежелание идти на военную службу пробудило мои давние сомнения насчет того, являюсь ли я в действительности порядочным человеком и смогу ли когда-нибудь стать им. Несомненно, многие из тех, кто вырос в стесненных обстоятельствах, подсознательно обвиняют себя в том, что они недостойны лучшей судьбы. На мой взгляд, эта проблема вытекает из необходимости вести две параллельные жизни — внешнюю, которая течет естественным образом, и внутреннюю, скрытую от посторонних глаз. Когда я был маленьким, мою внешнюю жизнь заполняли друзья и веселье, учеба и поступки. Моя внутренняя жизнь была полна неопределенности, гнева и страха перед вечным призраком насилия. Никому еще не удавалось жить в параллельных мирах и добиваться больших успехов: для этого параллельные жизни должны пересекаться. В Джорджтауне, когда угроза насилия со стороны отца вначале ослабла, а потом и вовсе исчезла, у меня было больше возможности вести одну, цельную жизнь. Теперь же дилемма — служить или не служить — словно в отместку вновь вернула мою внутреннюю жизнь на место. Из-под моей новой увлекательной жизни снова показались отвратительные головы демонов неуверенности и неминуемого разрушения.

Я не собирался прекращать борьбу за соединение параллельных жизней, за то, чтобы мой разум, тело и дух могли существовать в одном и том же мире. Сейчас же мне нужно было сделать свою внешнюю жизнь как можно более привлекательной, попытаться обойти подводные камни внутренней жизни и уменьшить доставляемую ею боль. Возможно, именно этим объясняются мое глубокое восхищение храбростью солдат и всех тех, кто рискует своей жизнью во имя благородного дела, моя инстинктивная ненависть к насилию и злоупотреблению властью, мое стремление к службе обществу и глубокая симпатия к проблемам других людей, утешение, которое я нахожу в общении с людьми, и нежелание допускать кого-либо в потаенные уголки моей внутренней жизни. Слишком уж мрачной была ее глубина.

Мне и раньше случалось спускаться туда, но никогда это не продолжалось так долго. Впервые я осознал существование подобных эмоций, скрывающихся за моим веселым нравом и оптимистичным отношением к жизни, еще в годы учебы в средней школе, за пять с лишним лет до Оксфорда. Это произошло, когда я писал автобиографическое эссе по спецкурсу английского для лучших учеников, который вела мисс Уорнике, рассуждая о «противоречивых чувствах», которые «терзали мой ум».

Они терзали меня и в феврале 1969 года, а я пытался заглушить их чтением, поездками и разговорами с интересными людьми. Последние нередко собирались в доме номер девять по Болтон-Гарденс в Лондоне — просторном здании, где я часто останавливался, когда проводил уикенд за пределами Оксфорда. Там постоянно жил Дэвид Эдвардс, который как-то вечером заявился в Хеленз-корт вместе с Дру Бачман, соседкой Энн Маркузен по Джорджтауну. На нем был поджак до колен в стиле «зут» с множеством пуговиц и карманов и брюки-клевш. До этого мне приходилось видеть стиль «зут» только в кино. Дом Дэвида на Болтон-Гарденс был открыт для пестрого сборища молодых американцев, британцев и другой публики, приезжавшей в Лондон и покидавшей его. Там хорошо кормили и часто устраивали вечеринки, а оплачивалось все это по большей части из кармана Дэвида. Денег у него было больше, чем у всех нас вместе взятых, а сам он отличался невероятной щедростью.

Нередко мне приходилось коротать дни в Оксфорде в одиночестве. Я любил уединение, которое заполнял чтением, и мне были особенно близки строки из произведения «Народ, да» (*The People, Yes*) Карла Сэндберга:

Скажите ему: побудь в одиночестве, чтобы понять себя,
Но остерегайся самообмана.

...

Скажите ему: лишь ясные мысли, да решения,
Пришедшие в тиши, приносят плоды.

...

И только тогда одиночество даст время,
Нужное для внутренней работы.

Строки Сэндберга убедили меня в том, что из моих сомнений и терзаний может получиться что-то путное. До десяти лет я, будучи единственным ребенком в семье, где оба родителя работали, нередко оставался в одиночестве. Потом, когда я уже стал политиком национального масштаба, одним из самых забавных мифов, распространяемых теми, кто меня не знал, было утверждение о том, что я якобы не выносил одиночества и потому стремился постоянно находиться в окружении других людей, будь то обычная толпа, обед в узком кругу или игра в карты с друзьями. Став президентом, я всегда старался так спланировать свой день, чтобы у меня оставалось не менее пары часов, которые я мог провести в одиночестве, размышляя над проблемами или просто ничего не делая. Нередко мне приходилось даже жертвовать сном, чтобы выделить время для уединения. В Оксфорде таких моментов у меня было множество, и я использовал их, чтобы привести в порядок мысли и чувства, что, по Сэндбергу, было обязательным атрибутом достойной жизни.

В марте, с приходом весны, погода улучшилась, а вместе с ней улучшилось и мое настроение. Во время каникул, которые длились пять недель, я отправился в свое первое путешествие на континент. Я доехал поездом до

Дувра, посмотрел там на белые скалы, затем переправился на пароме в Бельгию, а оттуда, снова поездом, поехал в Германию, в Кельн. В половине десятого я вышел из здания вокзала и оказался прямо перед великолепным средневековым собором, стоящим на вершине холма. Увидев его, я понял, почему во время Второй мировой войны летчики союзников рисковали жизнью, стараясь не попасть по нему, и бомбили расположенный рядом железнодорожный мост через Рейн с чрезвычайно малой высоты. Каждый раз, когда мне приходилось бывать там, этот собор вызывал у меня ощущение близости к Богу. На следующее утро я встретился с Риком Стернсом, Энн Маркузен и моим немецким другом Руди Лове, с которым познакомился в 1967 году на конференции CONTAC в Вашингтоне, округ Колумбия, и мы все вместе отправились в путешествие по Баварии. В Бамберге, своем родном городе с тысячелетней историей, Руди показал мне проходившую в непосредственной близости границу с Восточной Германией: на вершине хребта Баварский лес находился пост, где на вышке за колючей проволокой стоял восточногерманский солдат.

Пока я путешествовал, умер президент Эйзенхауэр, «один из последних осколков американской мечты». Умерли и наши отношения с Энн Маркузен, ставшие жертвой времени и моей неспособности к длительным отношениям. Прошло много лет, прежде чем нам удалось вновь стать друзьями.

После моего возвращения в Оксфорд туда приехал Джордж Кеннан. У него имелись собственные взгляды на нашу политику во Вьетнаме, и мы с друзьями очень хотели услышать его мнение. К сожалению, он не стал касаться вопросов внешней политики, а вместо этого обрушился на участников студенческих демонстраций и антивоенную «контркультуру» в целом. После недолгих дебатов, в которых приняли участие некоторые из моих сокурсников, в частности Том Уильямсон, представление закончилось. Наша единодушная реакция на него очень точно выражена в шуточной фразе Алана Берсина: «Экранизация оказалась хуже, чем сама книга».

Два дня спустя за обедом у меня произошел любопытный спор с Риком Стернсом, пожалуй самым зрелым и сведущим из нас в вопросах политики. Запись в моем дневнике гласит, что Рик «подверг критике мое отрицательное отношение к призыву в армию», сказав, что в результате отказа от призыва бремя военной службы в еще большей мере ляжет на беднейшую часть нашего общества. Стернс предлагал «ввести альтернативные формы службы и стимулировать интерес к ним более коротким сроком и более высоким жалованьем, чтобы довести численность вооруженных сил до приемлемого уровня. Он был уверен, что общественная служба должна быть обязательной для всех граждан, а не только малоимущих». Таким образом, Стернс заронил семена, которые дали всходы через двадцать с лишним лет во время моей первой избирательной кампании, когда я предложил создать национальную программу общественной службы для молодых людей.

Весной 1969 года единственной ее формой была служба в армии, где существовал такой страшный показатель, как «число убитых». К середине апреля в это число попал мой друг детства Берт Джеффрис. От потрясения

его беременная жена родила ребенка на месяц раньше срока, и ему, как и мне, предстояло расти, зная своего отца лишь по рассказам. Берт служил в морской пехоте вместе с двумя своими друзьями из Хот-Спрингс — Айрой Стоуном и Дьюком Уаттсом, и родным погибшего теперь предстояло выбрать, кто из этих двоих доставит останки на родину. Выбор был не из легких, поскольку, согласно армейским правилам, такой человек мог потом не возвращаться на службу. Родные Берта назвали Айру и сделали это по двум причинам: во-первых, он уже имел три ранения, а во-вторых, Дьюку, жизнь которого тоже не раз висела на волоске, оставалось служить всего месяц. Я оплакивал своего друга и вновь пытался понять, чем в большей мере было продиктовано мое желание поехать в Оксфорд — стремлением спасти свою жизнь или протестом против войны. В моем дневнике осталась такая запись: «Никто не может осудить... привилегию сохранить себе жизнь за счет получения отсрочки, но жить с этим, к несчастью, очень тяжело».

Тем временем дома не утихали протесты против войны. В 1969 году в 448 университетах прошли забастовки, и некоторые из них пришлось закрыть. В номере *The Guardian* за 22 апреля я с удивлением прочитал, что Эд Уитфилд из Литл-Рока возглавил группу вооруженных чернокожих, намеревавшихся захватить здания кампуса Корнеллского университета в Итаке, штат Нью-Йорк. Лишь прошлым летом, когда мы вместе с ним участвовали в избирательной кампании Фулбрайта, воинствующая чернокожая молодежь из Литл-Рока критиковала Эда за мягкотелость.

А всего через неделю, 30 апреля, война наконец добралась и до меня, причем каким-то искаженным способом, что было очень характерно для того странного времени. Я получил повестку, которой мне предписывалось прибыть для прохождения службы 21 апреля. Было очевидно, что ее отправили еще 1 апреля, но, как и мой бюллетень для голосования несколько месяцев назад, она добиралась до адресата обычной почтой. Я позвонил домой, чтобы в призывной комиссии меня не считали уклоняющимся от службы в армии, и спросил, как мне поступить. Там ответили, что задержка с доставкой — их вина, а кроме того, существующие правила разрешают завершить начатый семестр, следовательно, я должен явиться для прохождения службы после его окончания.

Я решил извлечь максимум возможного из своего недолгого, в чем уже не было сомнений, пребывания в Оксфорде и насладиться каждым мгновением длинных весенних дней в Англии. Я съездил в маленькую деревушку Сток-Поджес, где посетил красивое церковное кладбище, на котором покоится Томас Грей, и прочел там его «Элегию, написанную на сельском кладбище», а потом в Лондон, где побывал на концерте и посетил Хайгейтское кладбище, на котором находится могила Карла Маркса с монументальным бюстом, удивительно точно передающим его облик. Я использовал любую возможность, чтобы пообщаться с другими стипендиатами Родса, особенно со Стробом Тэлботтом и Риком Стернсом, у которых было чему поучиться. За завтраком в «Джорджиз», старомодном кафе на втором

этаже крытого Оксфордского рынка, мы с Полом Паришем обсуждали его заявление об отказе от военной службы по религиозным соображениям, которое я подкрепил своим письмом в призывную комиссию.

В конце мая мы вместе с Полом Паришем и его подругой Сарой Мейтленд, прелестной остроумной шотландкой, впоследствии ставшей блестящей писательницей, отправились в лондонский Ройял-Алберт-Холл на концерт Махалии Джексон, выдающейся исполнительницы песен в стиле госпел. Она была великолепна — со своим сильным голосом и всепоглощающей чистой верой. После окончания концерта молодые люди столпились возле сцены, аплодируя и вызывая певицу на бис. Они жаждали веры в нечто более светлое, чем то, что им предлагалось. Так же, как и я.

Двадцать восьмого мая я устроил в Юниве прощальную вечеринку для своих друзей — приятелей из колледжа, с которыми играл в регби и делил стол, а также для Дугласа и его коллег, моего «служителя» Арчи, сэра Уильямса и его жены, Джорджа Кокуэлла и студентов из Америки, Индии, стран Карибского бассейна и Южной Африки, с которыми я познакомился за это время. Мне хотелось поблагодарить их за то, что за этот год они стали такой большой частью моей жизни. Мои друзья принесли с собой прощальные подарки: трость, английскую шерстяную шляпу и роман Флобера «Госпожа Бовари» в мягкой обложке, который я храню до сих пор.

Первую половину июня я провел, знакомясь с Парижем. Мне не хотелось возвращаться домой, так и не увидев его. Я снял комнату в Латинском квартале, дочитал «Фунты лиха в Париже и Лондоне» (*Down and Out in Paris and London*) Джорджа Оруэлла и осмотрел все достопримечательности, включая поразительный небольшой мемориал жертвам холокоста, расположенный прямо за собором Нотр-Дам. Этот мемориал легко не заметить, но он заслуживает внимания. Вы спускаетесь по ступеням в небольшое помещение, поворачиваетесь и оказываетесь прямо перед газовой камерой. Роль моего гида и моей спутницы выполняла Элис Чемберлен, с которой мы познакомились у общих друзей в Лондоне. Мы бродили по Тюильри, смотрели, как дети пускают парусники на прудах, ели непривычные и недорогие блюда вьетнамской, алжирской, эфиопской и западноиндийской кухни, взбирались на Монмартр. Мы также заглянули в церковь Сакре-Кер, где я зажег свечу за упокой души моего друга доктора Виктора Беннетта, скончавшегося за несколько дней до этого и, несмотря на весь свой гений, доходившего до абсурда в своем неприятии католицизма. Это было самое меньшее, что я мог сделать для него после того, что он сделал для моих родителей и меня самого.

К моменту моего возвращения в Оксфорд продолжительность дня увеличилась уже настолько, что было светло почти круглые сутки. Однажды утром, перед самым рассветом, мои английские друзья отвели меня на крышу одного из университетских зданий, чтобы я мог увидеть восход солнца, освещающего живописные окрестности Оксфорда. Мы были в таком приподнятом настроении, что, проникнув на кухню Юнива и стащив там хлеб, колбасу, помидоры и сыр, отправились завтракать в мою комнату.

Двадцать четвертого июня я пошел попрощаться с Биллом Уильямсом. Он пожелал мне удачи и сказал, что еще надеется увидеть меня «отврати-

тельно восторженным и важным выпускником». В тот вечер я в последний раз ужинал в Оксфорде — мы отправились в пивную с Томом Ульямсом и его друзьями. А 25-го я уже прощался с Оксфордом, как мне казалось, навсегда. Затем я поехал в Лондон, чтобы повидаться с Фрэнком, Мэри и Лидой Хоулт. После вечернего заседания парламента судья Хоулт с женой вернулись домой, а мы с Лидой отправились к моим друзьям, на мой последний ужин в Англии. После ужина я пару часов вздремнул в доме Дэвида Эдвардса и, поднявшись ни свет ни заря, поехал в аэропорт в сопровождении шести друзей, которые пришли меня проводить. Никто в тот момент не знал, доведется ли нам встретиться вновь. Мы крепко обнялись, и я побежал к самолету.

В Нью-Йорк я прибыл лишь в 21:45, с опозданием на девять часов из-за задержек рейсов по обе стороны океана. Когда я добрался до Манхэттена, было уже далеко за полночь, поэтому я решил не спать всю ночь, чтобы попасть на самый ранний утренний рейс. Я отправился домой к Марте Сакстон, разбудил ее, и мы проговорили с нею два часа, сидя на ступенях перед ее домом в Верхнем Вестсайде. Затем я завернул в кругло-суточную закусочную, где съел первый настоящий гамбургер за последние несколько месяцев, поболтал с двумя таксистами, почитал книгу «Что такое история?» (*What is History?*) Э. Х. Карра и некоторое время размышлял о том, какой необычный год мне выпал и что ждет меня впереди. А еще я любовался самым милым из полученных мною прощальных подарков — двумя небольшими открытками, на которых было написано по-французски: «В знак дружбы» и «В знак симпатии». Их подарила мне Аник Алексис, красивая чернокожая студентка с Карибов, которая жила в Париже и встречалась с Томом Уильямсом. Никки хранила эти открытки восемь лет, еще с того времени, когда была школьницей. Они были дороги мне, поскольку символизировали то, что я старался давать другим, чем старался делиться и что хотел получать в ответ. Вставленные в рамки, они сопровождали меня повсюду, где мне приходилось жить на протяжении последних тридцати пяти лет.

После закусочной в кармане у меня оставалось меньше двадцати долларов, с которыми мне предстояло добраться до Арканзаса. Однако на последней странице своего дневника я написал, что чувствовал себя «богатым человеком, которому везло в жизни и у которого было много друзей, человеком, чьи надежды и убеждения стали более определенными и осмысленными, чем в ноябре прошлого года, когда был начат этот дневник». В то безумное время мое настроение, подобно лифту, то поднималось, то падало. К счастью или нет, весной Дениз Хайленд прислала мне второй дневник, в который я смог бы записывать все, что произойдет дальше.

Я приехал домой в конце июня. До призыва оставался еще целый месяц, в течение которого я мог подыскать себе место службы. В Национальной гвардии и частях резерва вакантных мест не было. Я попробовал поступить в военно-воздушные силы, однако узнал, что не могу стать пилотом и летать на реактивных самолетах из-за астигматизма. Дело в том, что левый глаз у меня в раннем детстве косил наружу. Со временем этот дефект исчез сам собой, однако свет, проходящий через хрусталик, по-прежнему не собирался в одной точке, что для летчика было недопустимо. Затем я прошел медкомиссию для поступления на курс подготовки офицеров ВМС, но и там потерпел неудачу, теперь уже из-за ослабленного слуха. На этот свой физический недостаток я стал обращать внимание только через десять лет,

когда, уже будучи политиком, заметил, что не всегда слышу и понимаю, о чем говорят из толпы. Лучшее, что мне оставалось, — это поступить на юридический факультет и записаться в Учебный корпус офицеров запаса сухопутных сил (ROTC) в Арканзасском университете.

Семнадцатого июля я отправился в Фейетвилл и через два часа был принят и на юридический факультет, и в ROTC. Полковник Юджин Холмс, руководивший программой подготовки, заявил, что в качестве офицера я принесу стране больше пользы, чем если буду служить рядовым. Его заместитель, подполковник Клинт Джоунз, отнесся ко мне более сдержанно и скептически, но мы очень мило поговорили с ним о его дочери, которую я знал по Вашингтону и которой симпатизировал. Зачисление в ROTC предполагало, что после окончания юридического факультета я должен буду поступить на действительную службу. Из этого следовало, что официально призвать меня на службу смогут не раньше следующего лета, поскольку перед началом занятий в ROTC мне полагалось пройти еще летние сборы, однако письменного обязательства с моей стороны было достаточно для получения в призывной комиссии отсрочки и статуса резервиста категории 1-D. Меня одолевали смешанные чувства. Я знал, что получил возможность избежать Вьетнама, «однако через десять дней кому-то другому придется занять место в этом автобусе — возможно, мое место».

Так или иначе, но через десять дней я сидел не в автобусе, а в своем автомобиле, направляясь в Техас, чтобы встретиться с моими соседями по Джорджтауну, которые уже проходили военную службу, — Томом Кэмпбеллом, Джимом Муром и Китом Ашби. По пути туда и обратно я присматривался ко всему, что помогло бы мне вновь настроиться на жизнь в Америке. В Хьюстоне и Далласе появилось множество новых крупных жилых районов, которые расползались во все стороны без какого-либо видимого плана. Я подумал, что если они — прообраз будущего, то мне не очень хотелось бы в него попасть. В глаза мне бросилось нечто новое: наклейки на бамперах и индивидуально оформленные номерные знаки. Больше всего мне понравилась наклейка с надписью: «Если ты летишь в преисподнюю, Господь ни при чем». Самой лучшей оказалась, как ни странно, фраза на номерном знаке катафалка: «Гроб с музыкой». Очевидно, те, кто это придумал, были уверены, что читающие эти надписи люди боятся ада, однако смеются над смертью.

Мне все еще было не до смеха, однако я всегда осознавал свою брэнность, и не могу сказать, что это меня слишком беспокоило. Возможно, я очень рано начал задумываться о смерти из-за того, что мой отец умер еще до моего рождения. Кладбища всегда притягивали меня, и я любил их посещать. Возвращаясь из Техаса домой, я задержался в Хоупе, чтобы навестить Бадди и Олли и побывать на могилах отца и деда с бабушкой. Выдергивая сорняки, разросшиеся вокруг могильных плит, я вновь подумал о том, какой короткой была их жизнь: мой отец умер в двадцать восемь лет, дедуля — в пятьдесят восемь, бабушка — в шестьдесят шесть (а мой отчим, похороненный в Хот-Спрингс, — в пятьдесят семь). Я знал, что моя жизнь тоже может оказаться не слишком длинной, и старался извлечь из нее мак-

симум возможного. Мое отношение к смерти очень точно передавала старая байка о сестре Джоунз, самой набожной женщине в местной церковной общине. В одно из воскресений обычно нудный священник прочел потрясающую проповедь. В конце ее он воскликнул: «Я хочу, чтобы все, кто желает попасть в рай, встали». Все прихожане, кроме сестры Джоунз, вскочили на ноги. Священник удрученно спросил: «Сестра Джоунз, а вы разве не хотите попасть в рай после смерти?» Добрая леди подпрыгнула на месте и ответила: «Да, конечно. Простите, я подумала, что вы хотели собрать людей, чтобы отправиться туда прямо сейчас!»

Следующие шесть недель в Хот-Спрингс оказались гораздо более интересными, чем я мог себе представить. Целую неделю я помогал шестидесяти-семилетнему рабочему возводить один из сборных домов Джеффа в небольшом поселке Стори к западу от Хот-Спрингс. Старик каждый день заставлял меня работать до изнеможения, зато щедро делился со мной своей грубоватой мудростью и скептицизмом сельского жителя. Как раз за месяц до этого астронавты космического корабля «Аполлон-11» Базз Олдрин и Нил Армстронг, оставив своего коллегу Майкла Коллинза на орбитальном блоке «Колумбия», совершили посадку на Луну и, таким образом, на пять месяцев раньше срока выполнили поставленную президентом Кеннеди задачу — высадиться на Луне до конца десятилетия. Старый плотник спросил меня, верю ли я, что это действительно произошло. Я ответил, что конечно верю, ведь все это показывали по телевизору. Но он не согласился со мной, заявив, что даже не думал им верить, потому что «эти парни с телевидения» могут показать и то, чего никогда не было. Тогда я счел его чудачком. Однако за восемь лет, проведенных в Вашингтоне, я увидел по телевизору много такого, что иногда мне кажется, что он был не совсем неправ.

Много дней и большую часть вечеров я проводил с Бетси Ридер, окончившей школу на год раньше меня и теперь работавшей в Хот-Спрингс. Общение с этой умной, мечтательной и доброжелательной девушкой было отличным лекарством от моих постоянных тревог. Поскольку мы были уже почти взрослыми, нас неоднократно просили участвовать в мероприятиях Ассоциации молодых христиан, проводимых для старшеклассников, и в конце концов мы взяли под свою опеку троих учеников: Джеффа Розенцвейга, отец которого лечил меня, когда я был ребенком, и отлично разбирался в политике, Джан Диркс, тихую, умную девушку, интересовавшуюся проблемами гражданских прав, и Гленна Махоуна, стильного, очень подвижного чернокожего парня с пышной прической в стиле «афро», неизменно одетого в дашики — африканскую цветастую рубаху навыпуск. Мы везде ходили вместе и прекрасно проводили время.

В то лето в Хот-Спрингс произошли два столкновения на расовой почве, и обстановка была очень напряженной. Мы с Гленном решили, что сможем ее разрядить, если создадим смешанную рок-группу из белых и чернокожих и устроим бесплатные танцы на автостоянке у магазина «Кей-март». Гленн должен был петь, а я — играть на саксофоне. В назначенный

вечер там собралась большая толпа. Сценой нам служила грузовая платформа, а публика танцевала и толпилась на мостовой. Примерно час все шло отлично. Но потом один чернокожий красавец пригласил на танец хорошенькую блондинку. Пара выглядела великолепно, вызываясь великолепно, и некоторые белые парни не смогли этого стерпеть. Завязалась драка... Вскоре вокруг нас развернулось настоящее побоище, а парковку заполнили полицейские машины. Этим и завершилась моя первая инициатива расового примирения.

Однажды в Хот-Спрингс на съезд дилеров компании Ford приехал Мак Макларти, которого выбрали в Законодательное собрание штата сразу же после окончания колледжа. К тому времени он уже успел жениться и достичь успехов в серьезном бизнесе и политике. Я хотел повидаться с ним и решил слегка разыграть его на глазах у его крайне консервативных коллег. Мы договорились встретиться на площади перед городским конференц-центром. Он не знал, что я отрастил длинные волосы и отпустил бороду. Уже одного этого было достаточно, но я еще прихватил с собой трех человек — двух девушек из Англии, совершавших автобусную экскурсию по стране, а потому выглядевших так, как и должны выглядеть люди, проведя в автобусе два-три дня, и Гленна Махоуна с его «афро» и дашики. В общем, глядя на нас, можно было подумать, что мы сбежали с Вудстокского фестиваля*. Когда Мак, вышедший на площадь с двумя своими друзьями, увидел нас, у него, должно быть, началась изжога. Но он и виду не подал, а просто поздоровался со мной и представил нас своим спутникам. Накрахмаленная рубашка и короткая стрижка не мешали ему сочувствовать движению за мир и гражданские права. Мак остался моим верным и надежным другом на всю жизнь, но никогда в последующие годы я не подвергал его такому суровому испытанию.

По мере того, как лето приближалась к концу, я все больше и больше жалел о своем решении записаться в ROTC и поступить на юридический факультет Арканзасского университета. Меня мучила бессонница, и большинство ночей я коротал в маленькой комнатке в том самом белом шезлонге, в котором шесть лет назад слушал речь Мартина Лютера Кинга-младшего «У меня есть мечта». Обычно я читал до тех пор, пока не начинал клевать носом и не засыпал на несколько часов. Я поступил в ROTC слишком поздно, поэтому обязательные сборы должен был проходить только следующим летом, и полковник Холмс позволил мне вернуться в Оксфорд еще на год. Таким обра-

---

* Фестиваль рок-музыки, состоявшийся 15–17 августа 1969 г. на ферме неподалеку от городка Бетел, штат Нью-Йорк. Стал кульминационным событием эпохи контркультуры и актом протеста против войны во Вьетнаме и истеблишмента страны, в котором приняли участие самые знаменитые рок-группы и исполнители того времени. Фестиваль проходил под проливным дождем, в палаточном городке собралось около 450 тыс. человек, преимущественно молодежи, и отсутствие серьезной организации привело к антисанитарии и дефициту продуктов питания в местных магазинах. — *Прим. ред.*

зом, моя военная служба после окончания юридического факультета отодвигалась еще на год и должна была начаться через четыре, а не через три года. Однако я все еще переживал из-за принятого мною решения.

Разговор с братом преподобного Джона Майлса еще больше усилил мои сомнения. Уоррен Майлс оставил школу в восемнадцать лет, чтобы стать морским пехотинцем и отправиться в Корею, где во время боевых действий получил ранение. После возвращения домой он поступил в Колледж Хендрикса и стал там стипендиатом Родса. Уоррен посоветовал мне плюнуть на безопасность, стать морским пехотинцем и отправиться во Вьетнам, где действительно можно чему-то научиться. Он отмел мои возражения о том, что я был противником войны, заявив, что от меня все равно ничего не зависит и, пока война продолжается, порядочные люди должны идти на нее, чтобы приобретать жизненный опыт, учиться и запоминать. Это был чертовски убедительный аргумент, однако я и так уже кое-что помнил. Например, то, что узнал за время работы в Комитете по международным отношениям, в том числе засекреченные свидетельства того, что американскому народу не говорили правды о войне. Я помнил письмо Берта Джеффриса с советом держаться от всего этого подальше. Сомнения терзали меня. Как сын ветерана Второй мировой войны и человек, воспитанный на фильмах с участием Джона Уэйна, я всегда испытывал благоговение перед военными. Теперь же я копался в своей душе, чтобы понять, чем вызвано мое нежелание идти на войну — убеждениями или трусостью. Глядя на то, как разворачивались события, я не был уверен, что когда-либо смогу ответить на этот вопрос даже самому себе.

Ближе к концу сентября, готовясь к возвращению в Оксфорд, я полетел на самолете на остров Мартас-Виньярд, чтобы вновь встретиться с активистами антивоенного движения, работавшими на Джина Маккарти. Конечно, я не входил в их команду, но меня пригласил Рик Стернс. Думаю, он знал о моем желании приехать, а кроме того, им нужен был еще один южанин. Другим южанином оказался Тейлор Бранч, недавний выпускник Университета Северной Каролины, который только что вернулся из Джорджии, где занимался регистрацией чернокожих избирателей. Тейлор сделал блестящую журналистскую карьеру, помогал писать автобиографии Джону Дину, одному из знаменитых фигурантов Уотергейтского скандала, и выдающемуся баскетболисту Биллу Расселлу, а позже выпустил удостоенную Пулитцеровской премии книгу «Заставляющий воды расступиться» (*Parting the Waters*) — первую часть трилогии о Мартине Лютере Кингемладшем и движении за гражданские права. Мы подружились, и в 1972 году вместе работали в Техасе во время президентской кампании Макговерна, а в 1993 году Тейлор почти ежемесячно записывал репортажи, посвященные моему президентству, без которых я не смог бы восстановить в памяти многие события тех лет.

Помимо Рика и Тейлора там присутствовали еще четыре человека, с которыми я впоследствии постоянно поддерживал связь: Сэм Браун, один из выдающихся лидеров студенческого антивоенного движения, впоследствии занявшийся политикой в штате Колорадо, а во времена моего президентства

представитель США в Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе; Дэвид Микснер, с четырнадцати лет занимавшийся организацией объединения сезонных рабочих, — он несколько раз приезжал ко мне в Англию, а потом перебрался в Калифорнию, где стал активистом борьбы против СПИДа и участником движения за права геев, — он поддерживал меня в 1992 году; Майк Драйвер, который уже более тридцати лет является одним из моих самых близких друзей, и Эли Сигал, с которым я сблизился во время президентской кампании Макговерна и который стал руководителем штаба предвыборной кампании Клинтон — Гора.

Никто из присутствовавших на этой встрече в начале осени 1969 года и представить себе не мог тогда, как в дальнейшем сложатся наши судьбы. Мы всего лишь хотели помочь покончить с войной. Группа планировала очередную масштабную акцию протеста, получившую название «Вьетнамский мораторий», а я старался сделать все от меня зависящее, чтобы помочь осуществлению этого замысла. Однако мои мысли крутились главным образом вокруг призыва, и чем больше я думал о нем, тем большую неловкость испытывал. Перед самым отъездом из Арканзаса на Мартас-Виньярд я написал письмо Биллу Армстронгу, председателю призывной комиссии, в котором сообщал, что не хочу проходить программу для резервистов, и просил снять с меня категорию 1-D, вернув в разряд обычных призывников. В то время у меня гостил Струоб Тэлботт, и я попросил у него совета относительно того, отправлять это письмо или нет. В результате оно так и не было отправлено.

В день моего отлета на первой полосе местной газеты было опубликовано сообщение о том, что лейтенант сухопутных сил Майк Томас, тот самый, который победил меня на выборах президента ученического совета в младшей средней школе, погиб во Вьетнаме. Бойцы его подразделения попали под обстрел и залегли в укрытие. Майк вернулся на линию огня, чтобы помочь своему подчиненному, застрявшему в машине, и они оба были убиты взорвавшейся рядом миной. Майк был посмертно награжден сразу несколькими наградами — «Серебряной звездой», «Бронзовой звездой» и «Пурпурным сердцем». К тому моменту число американцев, погибших во Вьетнаме, достигло 39 тысяч человек; 19 тысяч жизней еще предстояло принести в жертву.

В сентябре, 25 и 26 числа, я записал в дневнике: «Книга [Дэвида Халберстама] “Неоконченная одиссея Роберта Кеннеди” (*The Unfinished Odyssey of Robert Kennedy*) вновь напомнила мне о том, что я не считаю отсрочки от призыва правомерными... я не имею права проходить подготовку в ROTC». В один из последующих дней я позвонил Джеффу Дуайру, сказал ему, что хочу отказаться от отсрочки, и попросил сообщить об этом Биллу Армстронгу. 30 октября призывная комиссия вернула меня в категорию 1-A. 1 октября президент Никсон сообщил об изменениях в политике Службы призыва в армию при ограниченной воинской повинности и разрешил последипломным студентам завершать полный год обучения, а не текущий семестр, как раньше. Таким образом, я получил отсрочку до июля следующего года. Я не помню, когда попросил Джеффа позвонить в призывную

комиссию, — до того, как узнал о продлении отсрочки, или после. Умалчивает об этом и мой дневник. Но я прекрасно помню то облегчение, которое почувствовал от сознания того, что могу вернуться в Оксфорд и что ситуация с призывом наконец разрешилась: я уже смирился с мыслью о том, что мне, вероятно, придется пройти армейскую службу после окончания университета.

Я также попросил Джеффа поговорить с полковником Холмсом. Я все еще чувствовал себя обязанным ему: ведь он помог мне избежать призыва 28 июля. Хотя мне и вернули категорию 1-А, я был не прочь пройти программу обучения в ROTC, начинавшуюся следующим летом, если полковник не аннулирует мое обязательство. Джефф сообщил, что тот согласился с моим решением, но счел его ошибочным.

Первого декабря, в соответствии с законопроектом, подписанным за пять дней до этого президентом Никсоном, в США была введена призывная лотерея, и для каждого дня года разыгрывался индивидуальный номер, определявший очередь призыва. Девятнадцатому августа соответствовал номер 311. Но даже при таком большом номере, учитывая, что конца войны видно не было, у меня все же оставались довольно высокие шансы попасть в армию. 21 марта 1970 года я получил письмо от Ли Уильямса, в котором тот писал, что разговаривал с полковником Лефти Хокинсом, начальником арканзасской Службы призыва в армию, и тот сказал ему, что нам всем придется служить.

После получения призывного номера я снова позвонил Джеффу и попросил его сообщить полковнику Холмсу, что я не стал бы отказываться от отсрочки, если бы знал о предстоящих изменениях, и что, насколько я понимаю, он все еще не аннулировал мое обязательство в отношении ROTC. 3 декабря я сел и написал полковнику Холмсу письмо. Я поблагодарил его за защиту от призыва прошлым летом, написал о своем уважении к нему и добавил, что сам вряд ли заслужил бы симпатию с его стороны, если бы он побольше знал о моих политических убеждениях и деятельности: «Как минимум вы сочли бы, что мое место скорее в армии, чем в ROTC». В этом письме я описал свою работу в Комитете по международным отношениям — «время, когда мало кто получал о Вьетнаме больше информации, чем я», рассказал, что после отъезда из Арканзаса прошлым летом участвовал в подготовке акции «Вьетнамский мораторий» в Вашингтоне и Англии. Я также сообщил ему, что в Джорджтауне изучал проблему обязательной воинской повинности и пришел к выводу, что она оправдана только тогда, когда, как во время Второй мировой войны, на карту поставлена судьба государства и всего нашего образа жизни. Я высказался в поддержку тех, кто отказывался от воинской службы по религиозным убеждениям и просто уклонялся от призыва. Я написал, что Фрэнк Аллер, о котором я сообщил лишь, что он является моим соседом по комнате, — «один из самых храбрых и достойных людей среди моих знакомых, и его страна даже не подозревает, как ей нужны мужчины, подобные ему. А то, что его считают преступником, — ужасная несправедливость». Затем я сообщил, что и сам подумывал об уклонении от призыва, но решил отслужить в армии, «несмотря на свои

убеждения, по одной причине — чтобы в рамках существующей системы обеспечить себе возможность заняться политической деятельностью». Я признался полковнику, что подал просьбу о зачислении в ROTC, поскольку видел в этом единственный способ «с высокой долей вероятности избежать Вьетнама, не уклоняясь от призыва». Я сказал также, что «после подписания обязательства перед ROTC меня стали одолевать сомнения, не будет ли компромисс с самим собой иметь для меня еще худшие последствия, чем призыв на действительную военную службу. Ведь на самом деле я совершенно не интересовался программой ROTC, а искал лишь способ избежать опасности... После того как было подписано обязательство и вы сообщили в мою призывную комиссию о предоставлении мне отсрочки по категории 1-D, я почувствовал угрызения совести, потерял самоуважение и уверенность в себе». Потом я сообщил полковнику, что 12 сентября написал в призывную комиссию письмо с просьбой вновь включить меня в списки призывников, но так и не отправил его. Я не стал упоминать о том, как Джефф Дуайр от моего имени попросил призывную комиссию изменить мой статус на 1-A, что она и сделала на октябрьском заседании, поскольку Джефф уже рассказывал об этом полковнику. Вместо этого я выразил надежду на то, что «мои откровения помогут понять, в какой ситуации оказалось немало прекрасных людей, любящих свою страну, но не приемлющих военной службы, которой вы и другие добропорядочные граждане посвятили годы, целую жизнь и все свои силы». Именно такие мысли владели в то время мною, молодым человеком, у которого проблема войны вызывала глубокие переживания и противоречивые чувства. Так или иначе, я никогда бы не отказался от своих обязательств перед ROTC, потребуй полковник Холмс их выполнения. Поскольку он не ответил на мое письмо, на протяжении нескольких месяцев я оставался в неведении относительно его намерений.

В марте 1970 года примерно в то же время, когда Ли Уильямс сообщил мне, что всем нам, независимо от призывного номера, придется служить, я получил две магнитофонные пленки с записями, сделанными моими родными в то время, когда у них в Хот-Спрингс гостил Дэвид Эдвардс. На первой были добродушные шутки, отпускаявшиеся за игорным столом, а в конце Роджер демонстрировал мне свою игру на саксофоне под завывания Кинга, нашей немецкой овчарки. Вторая пленка содержала послания от мамы и Джеффа. Мама говорила, как сильно она меня любит, и просила меня побольше отдыхать. Джефф рассказал о последних семейных новостях, а потом сообщил следующее:

Несколько дней назад я по собственной инициативе позвонил полковнику, после чего встретился с ним. Он желает тебе успехов и надеется, что ты найдешь время навестить его, когда будешь в наших краях. Думаю, полковник не доставит тебе каких-либо неприятностей с программой ROTC, поскольку, на мой взгляд, понимает ситуацию, в которой находится наша молодежь, намного лучше, чем может показаться со стороны.

Таким образом, в начале второй недели марта 1970 года я знал, что свободен от обязательств в отношении ROTC, но не от призыва.

Позже выяснилось, что Ли Уильямс ошибался. В связи с сокращением масштабов военных действий потребность в новобранцах снизилась до такого уровня, что мой номер так и не был призван. Я всегда ощущал неловкость из-за того, что сумел избежать опасностей, которые стоили жизни множеству моих сверстников, имеющих не менее законные права на будущее. Когда через много лет я стал губернатором и руководил Национальной гвардией штата Арканзас, и особенно в мою бытность президентом, чем больше я узнавал об американской армии, тем больше жалел о том, что в молодости не попал в ее ряды. Однако мои чувства, связанные с Вьетнамом, с тех пор нисколько не изменились.

Если бы я не поступил в Джорджтаунский университет, а просто работал в Комитете по международным отношениям, возможно, мое решение относительно военной службы было бы иным. За время вьетнамской кампании освобождение от военной службы на законных основаниях получило 16 миллионов человек; 8,7 миллиона поступили на службу добровольно; 2,2 миллиона были призваны; обвинялись в уклонении от призыва только 209 тысяч, из них осуждено было 8750 человек.

Война тем не менее оставила свой отпечаток на молодых людях, которые могли попасть во Вьетнам, но избежали этой участи, особенно на тех из нас, у кого погиб кто-то из близких друзей. Меня всегда интересовало, как относились к проблемам военной службы и политического инакомыслия другие люди, которые не служили, но позже занялись политической деятельностью. Некоторые из них превратились в суперъястребов и гиперпатриотов, оправдывавших свое освобождение от службы личными убеждениями и одновременно осуждавших противников войны, от участия в которой сами сумели уклониться. К 2002 году проблема Вьетнама, по всей видимости, отступила на самые дальние задворки американского сознания, поскольку в Джорджии конгрессмен-республиканец Саксби Чамблисс, имевший во времена вьетнамской кампании отсрочку от призыва, сумел победить сенатора Макса Клеланда, который лишился во Вьетнаме обеих ног и руки, поставив под сомнение патриотизм последнего и его приверженность делу обеспечения безопасности Америки.

В противовес не нюхавшим пороха суперъястребам, такие известные конгрессмены-ветераны, как Чак Робб, Джон Маккейн, Джон Керри, Боб Керри, Чак Хейгел и Пит Питерсон, которые с лихвой исполнили свой долг и которым нечего было скрывать и доказывать, возглавили усилия Америки по примирению и нормализации отношений с Вьетнамом.

Когда в начале октября я вернулся в Оксфорд, чтобы использовать неожиданно полученную возможность продолжить обучение, ситуация там оказалась не менее сложной, чем в Арканзасе. Мне негде было жить, поскольку до конца лета я даже не думал о возвращении, а комнаты в колледже гарантированно предоставлялись только в первый год обучения. Пару недель я прожил у Рика Стернса, и в течение этого времени мы занимались

организацией собственной акции «Вьетнамский мораторий», которая состоялась 15 октября у здания американского посольства в Лондоне в поддержку главного мероприятия, проходившего в США. Я также помог организовать диспут-семинар в Лондонской школе экономики.

В конце концов я устроился у Строуба Тэлботта и Фрэнка Аллера в доме номер 46 по Лекфорд-роуд, где и прожил до окончания учебы в Оксфорде. Один из их компаньонов съехал, и им нужен был человек, который взял бы на себя часть арендной платы. Мы платили около 36 фунтов в месяц — 86 долларов 40 центов по курсу 2,40 доллара за фунт. Дом был довольно запущенным, но нас он вполне устраивал. На первом этаже находились небольшая гостиная, моя спальня, кухня и ванная — самое первое помещение, которое вы видели, входя в дом. Застекленная дверь ванной изнутри была закрыта женским портретом в прерафаэлитском стиле на тонком полотне, который издали напоминал витраж. Эта часть дома была самой лучшей. Спальни Строуба и Фрэнка, а также рабочие помещения располагались на втором и третьем этажах. Позади дома находился небольшой дворик, огороженный стеной из необработанного камня.

В отличие от меня, Строуб и Фрэнк занимались серьезными вещами. Фрэнк готовил тезисы по «Длинному маршу» — одному из важнейших эпизодов гражданской войны в Китае. Он ездил в Швейцарию к Эдгару Сноу, который в своей знаменитой книге «Красная звезда над Китаем» (*Red Star over China*) дал подробное описание своей встречи с Мао и его соратниками в Яньане. Сноу передал ему кое-какие неопубликованные материалы, и ни у кого не было сомнений, что работа Фрэнка будет иметь реальное научное значение.

Строуб замахнулся на еще более грандиозный проект — мемуары Никиты Хрущева. В Соединенных Штатах Хрущева знали главным образом по его противоборству с Кеннеди и Никсоном, однако с уходом со сцены советских вдохновителей холодной войны он проявил себя как реформатор и интереснейшая личность. При нем было построено прекрасное московское метро и разоблачены кровавые перегибы сталинизма. После того как более консервативные силы отстранили его от власти и поставили на руководящие посты Брежнева и Косыгина, Хрущев тайно записал свои воспоминания на магнитофонную пленку и передал их — думаю, через своих друзей в КГБ — Джерри Шектеру, в то время руководителю московского бюро журнала *Time*. Строуб довольно бегло говорил по-русски и летом прошлого года работал московским корреспондентом *Time*. Он летал в Копенгаген к Шектеру, который отдал ему эти пленки. После возвращения в Оксфорд Строуб погрузился в трудоемкий процесс расшифровки записей, перепечатывая слова Хрущева на русском, переводя их на английский и редактируя полученный текст.

Нередко по утрам я готовил завтрак для Фрэнка и Строуба, поскольку сами они в это время уже давно работали. Из меня получился довольно приличный повар. Я готовил для них блюда из меню «Деревенской кухни мамы Клинтон», а потом интересовался их успехами. Особенно увлекательными были воспоминания Хрущева о кремлевских интригах в изложении Строуба. Его фундаментальная книга «Хрущев вспоминает» (*Khrushchev*

Remembers) помогла Западу понять суть внутренних процессов и конфликтов в Советском Союзе и дала надежду на то, что однажды в нем произойдут перемены, которые сделают его более свободным и открытым.

Пятнадцатого ноября прошло второе, более масштабное мероприятие в рамках акции «Мораторий»: более пяти сотен человек приняли участие в демонстрации на Гросвенор-сквер перед американским посольством. К нам присоединился отец Ричард Максорли, иезуит из Джорджтауна, который уже давно активно участвовал в движении за мир. В годы Второй мировой войны он был капелланом, пережил разгром американско-филиппинских войск на полуострове Батаан, а впоследствии сблизился с Робертом Кеннеди и его семьей. После демонстрации состоялась служба в соборе Святого Марка, расположенном недалеко от здания посольства. Отец Максорли прочел «Молитву о мире» святого Франциска Ассизского, а Рик Стернс процитировал знаменитые строки Джона Донна, которые завершались словами «не спрашивай, по ком звонит колокол; он звонит по тебе».

После Дня благодарения мы с Томом Уильямсоном отправились самолетом в Дублин, чтобы увидеться с Хиллари Харт и Мартой Сакстон, с которыми я время от времени встречался на протяжении последних нескольких месяцев. Через тридцать лет Марта вспомнила, что в тот раз я будто бы сказал, что она слишком серьезна для меня. В действительности же именно я, чрезвычайно переживавший в то время из-за Вьетнама, наводил тоску и на нее, и на всех остальных. Но несмотря ни на что я ощущал огромную любовь к Ирландии и чувствовал себя там как дома. Мне ужасно не хотелось уезжать из этой страны, проведя в ней всего лишь один уикенд.

В субботу, 6 декабря, через три дня после того как я написал письмо полковнику Холмсу, я приехал в Лондон к Дэвиду Эдвардсу. В этот день должно было состояться важное событие — футбольный матч между сборными Арканзаса и Техаса. Ни та, ни другая команда не знала поражений. Техас занимал первое, а Арканзас — второе место в национальном рейтинге. Обе сборные выходили в последний круг национального чемпионата университетских команд уже на протяжении ста лет. Я взял напрокат коротковолновый радиоприемник: само по себе это было недорого, но требовало внесения залога в пятьдесят фунтов, что составляло для меня немалую сумму. Дэвид приготовил большую кастрюлю превосходного чили. С нами было несколько друзей, которые, вероятно, сочли нас сумасшедшими, поскольку мы кричали и свистели на протяжении всего матча, который оказался таким захватывающим, что его назвали «игрой столетия». На несколько часов мы забыли обо всем, целиком захваченные спортивной борьбой.

Терри Фрай дал превосходное описание этой игры и ее культурно-политической подоплеки в своей книге «Рога, свиньи и пришествие Никсона» (*Horns, Hogs, and Nixon Coming*). Фрай снабдил книгу подзаголовком «Техас против Арканзаса — последняя линия обороны южан», поскольку это был последний значительный матч с участием команд, состоящих исключительно из белых игроков.

За несколько дней до этого Белый дом объявил, что президент Никсон, сам большой любитель футбола, будет присутствовать на матче и лично

вручит победителю приз национального чемпионата. Президента должны были сопровождать девять членов Конгресса, в том числе его оппонент по вьетнамскому вопросу сенатор Фулбрайт, который сам играл за «Рейзорбэкс» сорок лет назад, и молодой конгрессмен от Техаса Джордж Г.У. Буш. Кроме того, ожидался приезд помощников президента Генри Киссинджера и Х.Р. Халдемана, а также пресс-секретаря Рона Зиглера.

Арканзас ввел мяч в игру, выбил его из рук нападающего Техаса и открыл счет на второй минуте первой четверти. В перерыве, когда Арканзас вел со счетом 7:0, президент Никсон дал интервью, в котором сказал: «Думаю, что во второй половине игры очки будут набирать обе команды. Вопрос в том, сможет ли Техас с его более сильными игроками, в том числе запасными, отыграться в последней четверти. Таково мое мнение». В первой игре четвертой четверти при счете 14:0 в пользу Арканзаса квотербек Техаса Джеймс Стрит занес потрясающий сорокадвухъярдовый тачдаун после паса. Техас рискнул сразиться за два дополнительных очка и получил их, сократив разрыв в счете до 14:8. При следующем овладении мячом Арканзас сразу же продвинул мяч к техасской семерке. Располагая лучшим в стране киккером, Арканзас мог бы забить филд-гол и довести счет до 17:8, набрав в два раза больше очков, чем у Техаса. Однако команда решила сыграть в пас. Пас оказался короче, чем нужно, и был перехвачен. Всего за пять минут до конца игры Техас сделал четвертый даун и остановился всего в трех ярдах от своей сорокатрехъярдовой линии. Квотербек отдал умопомрачительный пас в сторону хорошо прикрытого ресивера на тринадцатиярдовой линии Арканзаса. Через две игры Техас уже вел со счетом 15:14. В последней попытке Арканзас стал продвигаться через поле короткими пасами, благодаря, по большей части, своему талантливому тейлбеку Биллу Бернетту, который здорово побегал с мячом в тот день (Билл вскоре стал зятем полковника Юджина Холмса). Однако после напряженной борьбы Техас перехватил пас Арканзаса, продержал мяч в течение последней минуты двадцати двух секунд и победил со счетом 15:14.

Это была великолепная игра. Даже некоторые из игроков Техаса считали, что ни одна из команд не обладала явным преимуществом. Единственным, что оставило у меня неприятный осадок, было предсказание президента Никсона насчет выигрыша Техаса в последней четверти. На протяжении многих лет я не мог простить ему этого — так же, как не мог простить «Уотергейт».

Наше с Дэвидом Эдвардсом решение взять напрокат коротковолновый радиоприемник, чтобы послушать трансляцию футбольного матча, вряд ли удивит того, кто воспитан в атмосфере американской культуры, помешанной на спорте. Поддержка футбольной команды «Рейзорбэкс» была непременным условием для того, чтобы считаться настоящим арканзасцем. До того момента, как в нашей семье появился телевизор, я слушал трансляцию всех матчей по радио. В средней школе я, чтобы попасть на матч, носил снаряжение игрокам «Рейзорбэкс». В Джорджтауне я смотрел все матчи с участием «Рейзорбэкс», которые транслировались по телевидению. Позже, уже став преподавателем права, генеральным прокурором и губернатором, я не пропустил практически ни одного местного матча. Когда Эдди Саттон стал

тренером баскетбольной команды, а его жена Пэтси приняла активное участие в моей избирательной кампании 1980 года, я стал при любой возможности посещать и баскетбольные матчи. Когда в 1994 году команда Арканзаса под руководством тренера Нолана Ричардсона заняла первое место на чемпионате Национальной ассоциации студенческого спорта, одержав победу над командой Университета Дьюка, я находился на трибуне.

Из всех футбольных матчей, которые я видел, только «Игра столетия» оказала влияние на мою политическую карьеру. Хотя людей, протестующих против войны, и не показали по национальному телевидению, они тем не менее присутствовали на игре. Один из них влез на дерево, стоящее на холме у стадиона. На следующий день его фото появилось во многих ежедневных и еженедельных газетах Арканзаса. Пять лет спустя, в 1974 году, накануне моих первых выборов в Конгресс члены штаба моего оппонента обратились во все газеты избирательного округа с вопросом, не сохранился ли у них номер «с тем снимком Билла Клинтона, где он, сидя на дереве, агитирует против Никсона во время матча Арканзас — Техас». Слух об этом распространился мгновенно и стоил мне немалого числа голосов. В 1978 году, когда я впервые баллотировался на пост губернатора, один полицейский из южного Арканзаса поклялся, что именно он стащил меня с дерева в тот день. В 1979 году, в первый год моей работы на посту губернатора и через десять лет после матча, я выступал перед учениками средней школы в Берривилле, находящемся примерно в часе езды к востоку от Фейетвилла, и один из них спросил, действительно ли я сидел на том дереве. Когда же я поинтересовался, кто еще слышал об этом, руки подняли половина учеников и три четверти учителей. В 1983 году, через четырнадцать лет после матча, я приехал в Тонтитаун, небольшой поселок к северу от Фейетвилла, чтобы вручить корону королеве проводящегося ежегодно Виноградного фестиваля. После торжественной процедуры эта шестнадцатилетняя девушка посмотрела на меня и сказала: «А правда, что вы залезли на дерево нагишом, протестуя против президента Никсона и войны?» Когда я ответил отрицательно, она воскликнула: «Как жаль! А ведь именно поэтому я всегда вас поддерживала!» Хотя со временем эта история не забылась и даже обросла подробностями — вот я уже и лишился в ней одежды, — всему когда-то приходит конец. Вскоре издававшаяся в Фейетвилле одна чрезвычайно либеральная еженедельная газета под названием *The Grapevine* похоронила эту старую безумную байку, рассказав историю настоящего участника тех событий и даже опубликовав его фотографию на дереве. Автор статьи добавил также, что в юности губернатор Клинтон был слишком «благовоспитанным» для подобных выходов.

Тот давний футбольный матч позволил мне получить удовольствие от спорта, который я любил, и почувствовать близость к дому. Как раз тогда я начал читать книгу Томаса Вулфа «Тебе не вернуться домой» (*You Can't Go Home Again*) и опасался, как бы такое не случилось со мной. В действительности я уже был готов еще больше отдалиться от дома, причем во многих смыслах.

В конце первой недели декабря, во время продолжительных зимних каникул, я отправился в сорокадневное путешествие, в ходе которого мне предстояло побывать в Амстердаме, откуда через скандинавские страны добраться до России, после чего, через Прагу и Мюнхен, вернуться назад в Оксфорд. Эта поездка была и до сих пор остается самой долгой в моей жизни.

В Амстердам я приехал вместе с моей подругой художницей Эме Готье. Улицы города с множеством очаровательных магазинчиков были украшены светящимися рождественскими гирляндами. В знаменитом квартале красных фонарей проститутки совершенно легально выставляли себя напоказ в окнах своих заведений. Эме в шутку поинтересовалась, не хочется ли мне зайти в одно из этих мест, но я отказался.

Мы посетили самые известные соборы, посмотрели полотна Ван Гога в Муниципальном музее, Вермера и Рембрандта — в Рейксмюсеуме. Когда подошло время закрытия музея, нас попросили покинуть это прекрасное старинное здание. Я пошел в раздевалку, чтобы забрать наши пальто. В очереди передо мной стоял всего один человек. Когда он обернулся, я оказался лицом к лицу с Рудольфом Нуриевым. Мы перекинулись несколькими словами, и он пригласил меня пойти куда-нибудь выпить чашку чая. Я знал, что Эме с радостью приняла бы это приглашение, однако заметил у выхода красивого молодого человека с хмурым лицом, который нетерпеливо вышагивал взад-вперед, явно дожидаясь Нуриева, и отказался. Много лет спустя, когда я уже был губернатором, мы с Нуриевым оказались в одном отеле в Тайбэе, на Тайване. На этот раз в один из вечеров нам наконец удалось посидеть вместе за чашкой чая. Однако он не вспомнил нашей первой встречи.

В Амстердаме я простился с Эме, которая возвращалась домой, и отправился поездом в Копенгаген, Осло, а потом в Стокгольм. На границе между Норвегией и Швецией меня чуть не высадили.

На крошечном полустанке пограничники проверяли багаж у всех молодых людей, надеясь найти в нем наркотики. В моем чемодане они обнаружили запас таблеток от простуды и аллергии «Контак», которые я вез своему другу в Москве. «Контак» был относительно новым препаратом и по каким-то причинам пока не входил в перечень разрешенных лекарств, утвержденный правительством Швеции. Я попытался объяснить, что это просто средство от простуды, свободно продающееся в американских аптеках и не обладающее какими-либо наркотическими свойствами. Таблетки все же конфисковали, но по крайней мере меня самого не выбросили за перевозку наркотиков в заснеженной пустыне, где я вполне мог бы превратиться в ледяную скульптуру и простоять так до самой весны.

Пробыв пару дней в Стокгольме, я ночным паромом отправился в Хельсинки. Поздно вечером, когда я в одиночестве сидел в баре за чашкой кофе и читал книгу, на моих глазах началась драка. Двое мужчин, находившихся в сильном подпитии, сцепились из-за единственной присутствовавшей в баре девицы. Драчуны были слишком пьяны, чтобы защищаться, но при этом вполне успешно колотили друг друга. Вскоре у обоих уже были разбиты носы. Один из них был членом экипажа, и двое или трое его приятелей стояли рядом, наблюдая за происходящим. В конце концов я не выдержал

и направился к дерущимся, чтобы остановить их, пока они не покалечили друг друга. Когда до них оставалось не более десяти футов, один из зрителей преградил мне дорогу со словами: «Не лезь. Если вмешаешься, они оба бросятся на тебя, а мы им поможем». Когда я спросил почему, он ухмыльнулся и произнес: «Мы же финны». Я пожал плечами, забрал свою книгу и отправился спать, размышляя еще об одном проявлении различия культур. Держу пари, ни один из них так и не заполучил ту девицу.

В Хельсинки я устроился в маленькой гостинице и пошел осматривать город вместе со своим сокурсником по Джорджтауну Ричардом Шало, чей отец занимал пост заместителя главы миссии в американском посольстве.

На Рождество, которое мне впервые в жизни пришлось провести вдали от дома, я отправился к заливу. Лед был толстым и покрыт достаточным слоем снега, чтобы ходить, не опасаясь поскользнуться. Среди этой суровой красоты я заметил небольшой деревянный домик, расположенный в нескольких ярдах от берега, а рядом с ним — круглую прорубь. Это оказалась сауна. Вскоре из нее появился полуголый человек, который прямо по льду направился к проруби и нырнул в ледяную воду. Через пару минут он вылез из проруби и вернулся в сауну, после чего повторил весь ритуал. Я подумал, что он еще более ненормальный, чем те два парня в баре. Со временем я полюбил сауну с ее горячим паром, но, несмотря на все мое восхищение Финляндией, где мне довелось побывать еще много раз, я так и не отважился окунуться в ледяную воду.

В канун Нового года я сел на поезд, следовавший до Москвы с остановкой в Ленинграде, на Финляндском вокзале. Это был тот самый маршрут, которым в 1917 году Ленин возвращался в Россию, чтобы возглавить революцию. Я узнал об этом из чудесной книги Эдмунда Уилсона «На Финляндский вокзал» (*To the Finland Station*). Когда мы, подъехав к российской границе, остановились на очередном отдаленном контрольно-пропускном пункте, я впервые в жизни увидел настоящего коммуниста — низенького толстого розовощекого пограничника. Видя, с какой подозрительностью он оглядывает мои чемоданы, я подумал, что его тоже интересуют наркотики. Однако пограничник спросил на ломаном английском: «Непристойная литература? Непристойная литература? У вас есть непристойная литература?» Я рассмеялся и открыл чемодан, в котором были недорогие выпущенные издательством Penguin книги Толстого, Достоевского и Тургенева. Пограничник был заметно разочарован. Думаю, ему очень хотелось обнаружить контрабанду, чтобы хоть как-то скрасить длинные унылые ночи на холодной границе.

Вагон советского поезда был разделен на просторные купе. Кроме того, в нем имелся огромный самовар с горячим чаем, который вместе с ломтиками черного хлеба разносила пожилая женщина. Моим соседом оказался интересный человек, который в 1936-м, всего за три года до присоединения балтийских государств к Советскому Союзу, был тренером эстонской олимпийской сборной по боксу. И он, и я в достаточной мере владели немецким, чтобы немного поговорить. Этот жизнерадостный человек уверял меня, что однажды Эстония вновь станет свободной. В 2002 году во время посещения Таллина, древней прекрасной столицы Эстонии, я рассказал эту

историю аудитории, перед которой выступал. Мой друг, бывший президент Леннарт Мери, присутствовал на выступлении и провел для меня быстрое расследование. Того человека звали Петер Матсов. Он умер в 1980 году. Я часто вспоминаю его и нашу новогоднюю поездку. Жаль, что он не дожил до того дня, когда его мечта сбылась.

В Ленинград мы прибыли незадолго до полуночи и начала нового десятилетия. Я вышел из вагона, чтобы немного прогуляться, но единственное, что мне удалось увидеть, — это милиционеров, сквозь метель тащивших куда-то подвыпивших гуляк. Этот город во всем его великолепии я увидел лишь через тридцать лет. К тому времени коммунистов уже не было, и городу вернули его первоначальное название — Санкт-Петербург.

Первое утро нового 1970 года стало началом удивительных пяти дней, которые я провел в Москве. Я подготовился к поездке, захватив с собой путеводитель и подробную карту на английском, поскольку не умел читать на кириллице — русском алфавите.

Я поселился в гостинице «Националь» прямо у Красной площади. В ней был гигантский вестибюль с высоким потолком, удобные номера и приличный ресторан с баром.

Единственным человеком, которого я знал в Москве, была Никки Алексис, та самая девушка, которая перед моим отъездом из Оксфорда прошлым летом подарила мне две замечательные открытки. Никки — удивительная женщина, она родилась на Мартинике в Вест-Индии и жила в Париже, потому что ее отец был дипломатом. В то время Никки училась в Университете имени Патриса Лумумбы. Этот университет носил имя конголезского лидера, убитого в 1961 году, по всей видимости, не без участия ЦРУ. Большинство его студентов были бедными людьми из бедных стран. Советы, вероятно, рассчитывали, что, дав им образование, получат сторонников, которые будут поддерживать их, вернувшись домой.

Однажды вечером я сел в автобус и поехал в Университет Лумумбы, чтобы пообедать вместе с Никки и ее подругами. Среди них была гаитянка по имени Элен, чей муж учился в Париже. Их дочь жила вместе с отцом. У них не было денег, чтобы ездить в гости друг к другу, и они не виделись уже почти два года. Когда я через несколько дней уезжал из России, Элен подарила мне настоящую русскую меховую шапку. Она стоила недорого, но ведь у Элен совсем не было денег. Я спросил ее, действительно ли она хочет сделать мне такой подарок. Элен ответила: «Да. Ты был очень внимателен ко мне и вселил в меня надежду». В 1994 году, когда я как президент принимал решение о смещении военного диктатора Гаити генерала Рауля Седраса и возвращении на остров демократически избранного президента Жана-Бертрана Аристида, я вновь вспомнил об этой милой женщине и подумал, вернулась ли она на Гаити.

Возвращался в гостиницу я около полуночи. Кроме меня в автобусе ехал еще один человек. Его звали Олег Ракито, и по-английски он говорил лучше меня. Он засыпал меня вопросами, сказал, что работает на правительство, фактически признался, что ему поручено следить за мной, и предложил продолжить разговор за завтраком на следующее утро. Пока мы ели

остывшую яичницу с ветчиной, он рассказал, что еженедельно читает *Time* и *Newsweek* и обожает британскую поп-звезду Тома Джонса, чьи записи ему привозили контрабандой. Если Олег и надеялся что-либо вытянуть из меня, поскольку я имел допуск к секретным документам в период работы на сенатора Фулбрайта, то остался ни с чем. Зато я благодаря ему получил некоторое представление о том, как нужна молодым людям за железным занавесом правдивая информация о внешнем мире. И я помнил об этом все годы, предшествовавшие моему приходу в Белый дом.

Олег был не единственным дружелюбно настроенным человеком, встреченным мною в России. Политика разрядки, проводимая президентом Никсоном, приносила ощутимые плоды. За несколько месяцев до моего приезда по российскому телевидению была показана высадка американцев на Луну. В России люди все еще продолжали обсуждать это событие; их, казалось, восхищало все американское. Они завидовали нашей свободе и считали, что все мы поголовно богачи. Думаю, что по сравнению с большинством из них так оно и было. Стоило мне спуститься в метро, как ко мне подходили незнакомые люди и с гордостью произносили: «Я говорю по-английски! Добро пожаловать в Москву!» Как-то вечером я ужинал за одним столиком с московским таксистом и его сестрой. Девушка выпила немного лишнего и решила остаться со мной. Брату пришлось силой увести ее из гостиницы и заталкивать в машину. Я так и не понял, то ли он боялся, что из-за меня у нее могут возникнуть неприятности с КГБ, то ли просто посчитал меня недостойным своей сестры.

Мое самое интересное московское приключение началось со случайной встречи в гостиничном лифте. Когда я вошел в него, там уже находилось четыре человека. У одного из них был значок вирджинского «Лайонс клуб». Из-за длинных волос, бороды, ботинок из грубой кожи и английской морской куртки этот человек, похоже, принял меня за иностранца и спросил, растягивая слова: «Ты откуда?» Когда я, улыбнувшись, ответил: «Из Арканзаса», — он воскликнул: «Вот это да! А я решил, что ты из Дании или еще откуда-то вроде того!» Этого человека звали Чарли Дэниелс. Он приехал из Нортон, штат Вирджиния, родного города Фрэнсиса Гари Пауэрса, пилота самолета-разведчика U-2, сбитого и захваченного русскими в 1960 году. Дэниелса сопровождали Карл Макафи, адвокат из Нортон, помогавший организовать переговоры об освобождении Пауэрса, и Генри Форс, владелец птицеводческой фермы из штата Вашингтон, сын которого был сбит во Вьетнаме. Они проделали весь этот долгий путь в надежде хоть что-то узнать о судьбе сына фермера от находившихся в Москве представителей Северного Вьетнама. Четвертым находившимся в лифте человеком был парижанин, так же, как и остальные, являвшийся членом «Лайонс клуб». Он приехал с ними потому, что северовьетнамцы говорили по-французски. Все они прибыли в Москву, не имея никаких гарантий, что русские позволят им вести переговоры с вьетнамцами, а если и позволят, то они узнают что-то новое. Никто из них не говорил по-русски. Они спросили меня, не знаю ли я кого-нибудь, кто бы им помог. Моя давняя знакомая Никки Алексис изучала в Университете им. Патриса Лумумбы английский, французский

и русский. Я познакомил их с нею, и они все вместе два дня ходили по инстанциям — устанавливали контакты с американским посольством, просили помощи у русских и, наконец, встретились с представителями Северного Вьетнама. Усилия, предпринятые г-ном Форсом и его друзьями по розыску его сына и еще нескольких пропавших без вести американских солдат, очевидно, произвели впечатление. Им пообещали изучить вопрос и сообщить о результатах. Несколько недель спустя Генри Форс узнал, что его сын погиб при падении самолета. Теперь он, по крайней мере, избавился от неопределенности. Я вспомнил о нем, когда, будучи президентом, занимался решением вопросов, связанных с возвращением на родину американских военнопленных и поиском пропавших без вести, а также пытался помочь Вьетнаму получить сведения о более чем 300 тысячах его граждан, судьба которых оставалась неизвестной.

Шестого января Никки и ее подруга-гаитянка Элен посадили меня на поезд, следующий в Прагу, один из красивейших городов Европы, еще не оправившийся после подавления в 1968 году советскими войсками «Пражской весны» — возглавляемого Александром Дубчеком движения демократических реформ. Я получил приглашение остановиться у родителей Яна Кополда, с которым мы играли в баскетбол в Оксфорде. Кополды оказались приятными людьми, чьи судьбы тесно переплелись с судьбой современной Чехословакии. Отец г-жи Кополд, работавший главным редактором коммунистической газеты *Rude Pravo*, погиб, сражаясь с нацистами в годы Второй мировой войны. Его именем назван один из мостов в Праге. Супруги Кополды были учеными и горячими сторонниками Дубчека. Г-жа Кополд показывала мне город днем, когда остальные члены семьи были на работе. Они жили в прекрасной квартире в современном высотном доме, из окон которой открывался чудесный вид на город. Меня поселили в комнате Яна. Я был настолько потрясен всем увиденным в Праге, что вставал по три-четыре раза за ночь, чтобы просто полюбоваться линией горизонта.

Кополды, как и все чехи, с которыми мне довелось познакомиться, твердо верили, что смогут вернуть свободу. Они заслуживали ее, как и любой другой народ на земле. Это были умные, гордые и решительные люди. Проамериканские настроения были особенно сильны среди молодых чехов. Они поддерживали действия нашего правительства во Вьетнаме только потому, что мы, в отличие от Советов, выступали за свободу. Г-н Кополд однажды сказал: «Даже русские не могут вечно игнорировать законы исторического развития». Он был совершенно прав. Двадцать лет спустя «бархатная революция» Вацлава Гавела возродила надежды «Пражской весны».

Через десять месяцев после того, как я расстался с Кополдами и вернулся в Оксфорд, я получил от них письмо, написанное на простом листе белой бумаги. Текст, заключенный в черную рамку, гласил: «С безмерной скорбью извещаем друзей о том, что 29 июля в университетской клинике города Смирна, Турция, в возрасте двадцати трех лет умер Ян Кополд... Долгое время он мечтал увидеть то, что осталось от греческой культуры. Неподалеку от Трои он упал с большой высоты и скончался от полученных травм». Мне очень нравился Ян с его веселым характером и необыкновенным умом. Когда мы

познакомились, он переживал внутренний конфликт: его сердце разрывалось между любовью к Чехословакии и любовью к свободе. Жаль, что он не дожил до того дня, когда смог бы соединить в своей душе эти два чувства.

После шести дней, проведенных в Праге, я сделал остановку в Мюнхене, чтобы вместе с Руди Лове принять участие в местном карнавале — «фашинге», после чего вернулся в Англию с новой верой в Америку и демократию. Я понял, что, несмотря ни на что, моя страна по-прежнему оставалась маяком для людей, недовольных властью коммунизма. По иронии судьбы, когда я баллотировался на пост президента в 1992 году, республиканцы пытались обратить эту поездку против меня, заявив, что в Москве я водил компанию с коммунистами.

В новом семестре я вновь занялся изучением политики, включая значение научных теорий для стратегического планирования, проблему превращения армии, созданной на основе воинской повинности, в армию, формируемую на добровольной основе, от Наполеона до Вьетнама и проблемы взаимоотношений США с Китаем и Россией. Я читал работы Германа Кана о возможностях развязывания ядерной войны, различных уровнях разрушения и действиях после нанесения удара. Его идеи очень смахивали на идеи доктора Стрейнджлава* и казались неубедительными. Как я отметил в своем дневнике, «то, что произойдет после обмена ударами, вряд ли можно будет втиснуть в какую-либо научную систему или аналитическую модель».

В ту пасмурную английскую зиму меня поддерживал нескончаемый поток писем и открыток из дома. Мои друзья находили работу, женились, устраивали свою жизнь, и это выглядело совсем неплохо после всех моих переживаний, связанных с Вьетнамом.

С мартом и приходом весны мое настроение несколько улучшилось. Я читал Хемингуэя, посещал консультации и общался с друзьями, в том числе новыми. Из колледжа Рида, штат Орегон, в Оксфорд приехала Мэнди Мерк — сверхэнергичная, высокоинтеллектуальная женщина. Она единственная из моих знакомых по Оксфорду американок могла дать фору британским подругам в искусстве вести непринужденную беседу. Кроме того, это была первая настоящая лесбиянка, с которой мне довелось познакомиться. Март стал выдающимся месяцем — в смысле того, что я узнал о гомосексуализме. Пол Париш также открылся мне и признался, что очень боится превратиться в изгоя общества. На его долю выпало много страданий. Теперь он живет в Сан-Франциско и, по его словам, ведет «безопасную и законопослушную» жизнь. Мэнди Мерк осталась в Англии и стала журналисткой и защитницей прав сексуальных меньшинств. В те весенние дни ее добродушные шутки не раз поднимали мне настроение.

---

* Бывший нацистский ученый, персонаж одноименной комедии режиссера С. Кубрика о приближающейся ядерной войне между СССР и США и об отчаянных попытках миролюбивого американского президента спасти положение, после того как безумный американский генерал отправил самолеты с ядерным оружием бомбить СССР (1964). — *Прим. ред.*

Однажды вечером Рик Стернс сразил меня наповал, сказав, что я не гожусь для политики. Он заявил, что меня, как и Хьюи Лонга, отличает потрясающий южный политический стиль, но Лонг был политическим гением, знавшим, как получить власть и на что ее употребить. Я же, по его мнению, был больше склонен к литературной деятельности и должен был стать писателем, поскольку писал лучше, чем говорил, а кроме того, для политики мне не хватало жесткости. Множество людей все эти годы считали точно так же. Рик, действительно, был недалек от истины. Я никогда не стремился к власти ради власти, однако, когда на меня нападали, обычно проявлял достаточную жесткость, чтобы выстоять в схватке. Кроме того, я не был уверен, что смогу добиться успеха в какой-то другой области.

В начале 1970 года, получив пленку с записью разговора Джеффа Дуайра с полковником Холмсом и большой призывной номер, я пребывал в уверенности, что освободился от обязательств, связанных с ROTC, и могу не опасаться быть призванным на военную службу как минимум до конца года. Отсрочка открывала передо мной две возможности: остаться в Оксфорде на третий год обучения, предусмотренный стипендией Родса, или поступить на юридический факультет Йельского университета, если, конечно, меня туда примут.

Мне очень нравился Оксфорд, возможно, даже слишком, но я опасался, что, если останусь там на третий год, то вполне могу погрязнуть в болоте приятной и бесцельной университетской жизни, после чего в конце концов в ней разочаруюсь. Мое отношение к войне делало перспективы политической карьеры довольно сомнительными, но мне все же хотелось вернуться домой, в Америку, и попробовать свои силы в этой области.

В апреле, во время каникул между вторым и третьим семестрами, я вместе с Риком Стернсом отправился в одну из своих последних поездок — на этот раз в Испанию. Я много читал об этой стране и благодаря «Надежде» (*Man's Hope*) Андре Мальро, «Памяти Каталонии» (*Homage to Catalonia*) Джорджа Оруэлла и шедевру Хью Томаса «Гражданская война в Испании» (*The Spanish Civil War*) был совершенно очарован ею. Мальро рассуждал о дилемме, которую война ставит перед интеллектуалами, многие из которых оказались втянутыми в борьбу против Франко. По его утверждению, интеллектуал всегда пытается провести границы, хочет четко знать, за что он сражается и как именно надо бороться, — иными словами, демонстрируют антиманихейское поведение, тогда как любой воин, по определению, манихеец. Чтобы убивать и остаться в живых, он должен делить все на черное и белое, на зло и добро. Через много лет я столкнулся с этим в политике, когда ультраправые завладели республиканской партией и Конгрессом. Политика для них была лишь еще одним способом ведения войны. Им нужен был враг, и я стал демоном, находившимся по другую сторону манихейской разграничительной линии.

Я так и не смог забыть романтику Испании, неистовый пульс этой земли, необузданный дух ее народа, непреходящую боль, вызванную проигранной гражданской войной, Прадо и красоту Альгамбры. Когда я стал президентом, у нас с Хиллари сложились дружеские отношения с королем

Хуаном Карлосом и королевой Софией. (Во время моего последнего визита в Испанию президент Хуан Карлос вспомнил мои слова о ностальгии по Гранаде и организовал туда поездку для нас с Хиллари. Через тридцать лет я вновь бродил по Альгамбре в теперь уже демократической и свободной от франкизма Испании, чем эта страна не в последнюю очередь была обязана Хуану Карлосу.)

В конце апреля, когда я вернулся в Оксфорд, мне позвонила мама. Она сообщила об убийстве матери Дэвида Леопулоса. Кто-то нанес ей четыре удара ножом в сердце, когда она находилась в своем антикварном магазине. Это преступление так и не было раскрыто. Как раз в тот момент я читал «Левиафана» Томаса Гоббса и, помнится, подумал, насколько он был прав, когда писал, что жизнь «жалка, мерзка, жестока и коротка». Дэвид заехал навестить меня четыре недели спустя, следуя к месту службы в Италии. Я пытался, как мог, поддержать его. Понесенная им утрата побудила меня закончить наконец рассказ о последних полутора годах жизни и смерти моего отца. Получив на него положительные отзывы от своих друзей, я сделал в дневнике такую запись: «Наверное, я смогу стать писателем и не скатиться до должности швейцара, если моя политическая карьера не удастся». Время от времени я представлял себе, что работаю швейцаром в нью-йоркском отеле «Плаза» у южной оконечности Центрального парка. Швейцары «Плазы» носили красивую униформу и встречали интересных людей со всего мира. Я представлял, как получаю щедрые чаевые от гостей за то, что, несмотря на свой южный акцент, довольно неплохо поддерживаю беседу.

В конце мая меня приняли в Йель, и я решил продолжить учебу в этом университете. Я завершил изучение концепции оппозиции, британского института премьер-министра и политической теории, отдав предпочтение Локку перед Гоббсом. 5 июня состоялось мое последнее выступление перед выпускниками американской военной школы. Я сидел на сцене вместе с генералами и полковниками и рассказывал, почему люблю Америку, уважаю военных, но выступаю против войны во Вьетнаме. Этим ребятам понравилось мое выступление, и я думаю, что и офицеры отнеслись с уважением к моей позиции.

Двадцать шестого июня, после трогательного прощания с друзьями, в особенности с Фрэнком Аллером, Полом Паришем и Дэвидом Эдвардсом, я сел в самолет, летевший в Нью-Йорк. На этот раз я действительно покинул Англию, и вместе с нею оставались в прошлом два удивительных года моей жизни. Их начало ознаменовалось избранием Ричарда Никсона президентом, а конец — распадом группы «Битлз» и выходом ее последнего фильма в утешение скорбящим фанатам. Я немало поездил, и мне очень нравилось путешествовать. Я также добрался до самых сокровенных уголков моей души и сердца, пытаясь разобраться в своем отношении к призыву на военную службу, в неоднозначности своих устремлений и неспособности к длительным взаимоотношениям с женщинами. Я не получил ученой степени, но зато многому научился. Моя «длинная и извилистая дорога» повернула к дому, и я надеялся, что, как пели «Битлз» в «Эй, Джуд», смогу «начать все сначала и сделать песню светлей».

В июле я отправился в Вашингтон для работы в программе «Финансовые ресурсы», лоббистской организации граждан в поддержку поправки Макговерна — Хэтфилда, предусматривавшей прекращение финансирования войны во Вьетнаме к концу 1971 года. У нас не было шансов добиться принятия этой поправки, однако кампания в ее поддержку позволяла мобилизовать растущую двухпартийную оппозицию войне и привлечь к ней внимание.

На лето я получил комнату в большом двухэтажном старом доме с просторной верандой, который находился в северо-западной части Вашингтона и принадлежал Дику и Хелен Дадман. Дик был известным журналистом. Они с Хелен выступали против войны во Вьетнаме и поддерживали молодых людей, стремившихся добиться ее прекращения. Эти люди были очень добры ко мне. Однажды утром они пригласили меня позавтракать на веранде с их другом и соседом сенатором Джином Маккарти. Заканчивался последний год его деятельности в Сенате, поскольку в 1968 году он объявил, что не намерен баллотироваться вновь. В то утро Маккарти был откровенным и экспансивным, четко анализировал текущие события и с некоторой ностальгией говорил о том, что скоро ему придется покинуть Сенат. Он понравился мне больше, чем я ожидал, особенно после того как одолжил мне туфли, чтобы я мог пойти в них на обед для журналисток, на который приглашенные мужчины были обязаны являться в смокингах. Я думаю, что приглашение на этот обед устроили мне Дадманы. Туда прибыл президент Никсон, который пожал руки многим людям; меня, правда, среди них не было. Я сидел за одним столом с Кларком Клиффордом, который приехал в Вашингтон из штата Миссури вместе с президентом Трумэном и был его доверенным советником, а затем занимал пост министра обороны в администрации президента Джонсона в последний год его президентства. О Вьетнаме Клиффорд сухо сказал: «Это действительно одно из самых ужасных мест в мире, куда можно влезть». Этот обед произвел на меня впечатление, особенно потому, что я чувствовал себя вполне уверенно — твердо стоял на ногах в туфлях Джина Маккарти.

Вскоре после начала работы в программе «Финансовые ресурсы» я во время долгого уикенда отправился на машине в Спрингфилд, штат Массачусетс, на свадьбу моего соседа по комнате во время учебы в Джорджтаунском университете, а теперь лейтенанта морской пехоты Кита Ашби.

Возвращаясь в Вашингтон, я сделал остановку в Кейп-Коде, чтобы навестить Томми Каплана и Джима Мура, также присутствовавших на свадьбе Кита. Вечером мы отправились послушать Кэролайн Йелделл, которая в то лето пела в Кейп-Коде вместе с группой молодых исполнителей. Мы прекрасно провели время, но я слишком поздно лег спать. Снова оказавшись

в дороге, я почувствовал, что смертельно устал. Еще до того, как я выехал из Массачусетса на автомагистраль между штатами, прямо передо мной со стоянки тронулась машина. Водитель не видел меня, а я — его, пока не стало слишком поздно. Чтобы избежать столкновения, я вильнул в сторону, однако при этом моя машина сильно задела слева багажник его автомобиля. Находившиеся в нем мужчина и женщина, по-видимому, сильно испугались, но не пострадали. Я тоже остался цел и невредим, но маленький «Фольксваген», который Джефф Дуайр дал мне на лето, был сильно поврежден. Когда подъехала полиция, я оказался в трудном положении. Возвратившись домой из Англии, я куда-то засунул свое водительское удостоверение и теперь не мог доказать, что у меня есть права. В те времена такие документы не вносились в компьютер, поэтому тот факт, что у меня есть водительские права, нельзя было подтвердить до утра. Сотрудник полиции сказал, что ему придется отправить меня в тюрьму. К тому времени, когда мы туда добрались, было уже около пяти утра. У меня отобрали вещи и пояс, чтобы я не мог задушиться, дали мне чашку кофе и поместили в камеру с жесткой металлической кроватью, покрытой одеялом, и дурно пахнущим унитазом, в котором постоянно текла вода. В камере день и ночь горел свет. Пару часов я провел в полудреме, а потом позвонил Томми Каплану и попросил мне помочь. Они с Джимом Муром пришли со мной в суд и дали обязательство возместить издержки по делу. Судья был настроен дружелюбно, однако вынес мне порицание за то, что у меня не оказалось водительского удостоверения. Это происшествие произвело на меня большое впечатление: после той ночи, проведенной в тюрьме, я никогда больше не ездил на машине без водительских прав.

Через две недели после поездки в Массачусетс я вернулся в Новую Англию, чтобы провести неделю в штате Коннектикут, работая на Джо Даффи, который готовился к предварительным выборам в Сенат от демократической партии. Даффи баллотировался как кандидат, выступавший за мир, и ему помогали, главным образом, те же самые люди, благодаря которым два года назад хороших результатов добился Джин Маккарти. Сенатор-демократ Том Додд был ветераном на политической сцене штата Коннектикут. Он участвовал в суде над нацистами как член Нюрнбергского военного трибунала и пользовался репутацией прогрессивного деятеля, однако у него было две проблемы. Во-первых, Сенат вынес ему порицание за использование в личных целях средств, собранных для него как для официального лица. Во-вторых, он поддерживал президента Джонсона в отношении войны во Вьетнаме, а избиратели на предварительных выборах демократической партии, вероятнее всего, займут антивоенную позицию. Додд был обижен и возмущен тем, что Сенат вынес ему порицание, и не собирался отказываться от своего места без борьбы. Чтобы не иметь дела с враждебно настроенными избирателями на предварительных выборах демократической партии, он зарегистрировался как независимый кандидат для участия во всеобщих выборах в ноябре. Джо Даффи был профессором этики в Фонде Хартфордской семинарии и президентом либеральной организации «Американцы за демократические действия». Хотя он был сыном шахтера

из Западной Вирджинии, самую активную поддержку ему оказывали жившие в пригородах состоятельные образованные либералы, выступавшие против войны, и молодые люди, которых привлекала его позиция в отношении гражданских прав и мира. Сопредседателем предвыборного штаба Даффи был Пол Ньюман, активно работавший в ходе предвыборной кампании. В его финансовый комитет входили фотограф Маргарет Бурк-Уайт, художник Александер Калдер, карикатуристка из журнала *New Yorker* Дана Фрейдон, а также необычная группа писателей и историков, включая Франсин дю Плесси-Грей, Джона Херси, Артура Миллера, Вэнса Пэккарда, Уильяма Шерера, Уильяма Стайрона, Барбару Такман и Торнтона Уайлдера. Эти фамилии выглядели очень впечатляюще в документах предвыборной кампании, однако они едва ли могли поразить многочисленных избирателей из числа рабочих — представителей разных национальностей.

Мне предложили с 29 июля по 5 августа вести организационную работу в двух городах, входивших в Пятый избирательный округ по выборам в Конгресс, — Бетеле и Трамбле. В обоих было множество старых белых деревянных домов с большими верандами, и каждый из них имел свою длинную историю, зафиксированную в местных реестрах. В Бетеле мы в первый же день установили в предвыборном штабе телефоны и с их помощью организовали предвыборную агитацию, за которой последовала доставка материалов всем избирателям, еще не принявшим окончательного решения. Благодаря работе самоотверженных добровольцев предвыборный штаб был открыт долгие часы, и я с абсолютной уверенностью мог сказать, что Даффи получит в этом городе максимально возможное число голосов. В Трамбле предвыборный штаб работал с неполной нагрузкой, добровольцы звонили одним избирателям, а встречались с другими. Я призвал их сделать все возможное для того, чтобы штаб работал с понедельника по субботу с десяти утра до семи вечера, и предложил организовать такую же кампанию агитации, как в Бетеле, гарантирующую две встречи представителей штаба со всеми избирателями, которых можно убедить отдать свой голос за нашего кандидата. Я также занялся изучением слабо организованной работы в двух других городах и призвал предвыборные штабы штата добиться по меньшей мере составления полных списков избирателей и создания условий для ведения агитации по телефону.

Мне нравилась такая работа, и, занимаясь ею, я встретил многих людей, которые впоследствии сыграли важную роль в моей жизни. Это Джон Подеста, прекрасно работавший в качестве секретаря, заместителя руководителя, а затем и руководителя аппарата сотрудников Белого дома, и Сюзан Томасес, которая, когда я бывал в Нью-Йорке, разрешала мне ночевать на кушетке в ее квартире на Парк-авеню, где она живет и сейчас, и которая стала одним из наших с Хиллари ближайших друзей и советников.

Когда Джон Даффи одержал победу на предварительных выборах, мне предложили перед всеобщими выборами координировать работу в Третьем избирательном округе, в крупнейшем городе которого, Нью-Хейвене, я учился на юридическом факультете; в этот округ входил также Милфорд, где я впоследствии жил. Участие в этой работе означало, что до окончания

выборов в начале ноября мне придется часто пропускать занятия, однако я надеялся наверстать упущенное, позаимствовав записи у сокурсников и активно работая в конце семестра.

Мне нравился Нью-Хейвен с его старомодной политической жизнью, в которой принимали участие представители многочисленных этнических групп и студенты-активисты. В Ист-Хейвене, находившемся рядом, жили в основном итальянцы, а в соседнем Ориндже — преимущественно ирландцы. Города, находившиеся дальше от Нью-Хейвена, были, как правило, богаче, и там не так сильно ощущались межнациональные различия. Особенно старыми и красивыми были два города в восточной части округа — Гилфорд и Мадисон. Я провел много времени в поездках в другие города этого избирательного округа, следя за тем, чтобы у наших людей были эффективные планы предвыборной кампании и чтобы они получали необходимую поддержку и материалы из центральных штабов. Поскольку мой «Фольксваген» был поврежден во время аварии в штате Массачусетс, я ездил на большом «Опеле» — фургоне оранжевого цвета, который, в любом случае, больше подходил для перевозки материалов предвыборной кампании. На этом старом фургоне я проехал много миль.

Когда позволяла работа в штабе предвыборной кампании, я посещал лекции по конституционному, контрактному, процессуальному и деликтному праву. Самыми интересными на тот момент были занятия по конституционному праву, которые вел Роберт Борк, впоследствии назначенный судьей Апелляционного суда округа Колумбия, а в 1987 году выдвинутый президентом Рейганом на пост судьи Верховного суда. Борк придерживался крайне консервативной правовой философии, всегда агрессивно отстаивая свою точку зрения, однако был справедлив по отношению к студентам, не соглашавшимся с ним. В одном запомнившемся мне споре с Борком я сказал, что его аргумент по обсуждавшемуся вопросу сам нуждается в доказательствах. Он ответил: «Конечно же, это именно так. Таковы все лучшие аргументы».

После предварительных выборов я сделал все возможное, чтобы убедить сторонников других кандидатов оказать поддержку Даффи, однако это было очень трудно. Я отправлялся в районы, где многие рабочие принадлежали к национальным меньшинствам, и делал все от меня зависящее, однако часто видел, что натыкаюсь на каменную стену. Очень многие демократы из числа представителей национальных меньшинств полагали, что Джо Даффи, которого вице-президент Агню называл «марксистом-ревизионистом», стоит на чересчур радикальных позициях и слишком солидаризируется с хиппи, выступавшими против войны и курившими наркотики. Многие демократы — представители национальных меньшинств тоже начинали выступать против этой войны, однако все еще чувствовали себя некомфортно в компании тех, кто стал протестовать против нее раньше, чем они. Завоевать их поддержку оказалось сложно еще и потому, что сенатор Додд баллотировался в качестве независимого кандидата, поэтому недовольным демократам было кого поддерживать. Джо Даффи прекрасно вел предвыборную кампанию, вкладывая в нее душу и сердце и воодушевляя

молодежь по всей стране, однако ему нанес поражение кандидат республиканцев конгрессмен Лоуэлл Уикер, который впоследствии вышел из республиканской партии и был избран независимым губернатором штата Коннектикут. Уикеру отдали предпочтение почти 42 процента избирателей. Этого оказалось достаточно, чтобы без труда одержать победу над Даффи, который получил меньше 34 процентов голосов, и сенатором Доддом, набравшим около 25 процентов. Мы потерпели сокрушительное поражение в городах, населенных представителями национальных меньшинств, таких как Ист-Хейвен и Уэст-Хейвен.

Я не знаю, победил бы Даффи, если бы не баллотировался Додд, однако был уверен: если нам не удастся снова привлечь на свою сторону людей, подобных тем, что голосовали за Додда, демократическая партия окажется в меньшинстве. После выборов я часами говорил об этом с Энн Уэкслер, которая прекрасно руководила предвыборной кампанией. Она была выдающимся политиком и обладала даром общения с самыми разными людьми. Однако в 1970 году большинство избирателей не были готовы воспринимать агитацию или агитаторов. Со временем Энн стала моим большим другом и советником. Она вышла замуж за Джо Даффи, и я продолжал поддерживать с ними связь. Став президентом, я назначил Джо руководителем Информационного агентства США (ЮСИА), курировавшего радиостанцию «Голос Америки», с помощью которой он доносил послания Соединенных Штатов миру, где к нему прислушивались больше, чем избиратели штата Коннектикут в 1970 году. Я считал это последней кампанией Джо, в которой он одержал победу.

Самым приятным событием ноября 1970 года было избрание молодого демократа Дейла Бамперса на пост губернатора штата Арканзас. Он без труда нанес поражение бывшему губернатору Фобусу на предварительных выборах и одержал победу на всеобщих выборах над губернатором Рокфеллером, получив подавляющее большинство голосов. Бамперс прошел путь от морского пехотинца до выдающегося адвоката суда первой инстанции. Он был большой шутник, способный убедить кого угодно и в чем угодно. Кроме того, Бамперс показал себя по-настоящему прогрессивным деятелем, добившись в маленьком городке Чарлстоне, расположенном в консервативном западном Арканзасе, откуда он был родом, интеграции школ мирным путем. Это стало разительным контрастом волнениям в Литл-Роке. Два года спустя, получив значительное большинство голосов, Бамперс был снова избран на пост губернатора, а еще через два года стал одним из наших сенаторов в Конгрессе США. Он доказал, что способность лидера воодушевлять и объединять людей в борьбе за общее дело сильнее старой политики Юга, основанной на их разделении. Именно к этому я и стремился. Когда мы боролись за гражданские права или против войны, я был готов поддерживать кандидатов, почти наверняка обреченных на поражение. Однако если вы хотите добиться перемен, то рано или поздно вам надо научиться побеждать. Я поступил на юридический факультет Йельского университета, чтобы побольше узнать о политике, а кроме того, получить профессию, которая всегда будет при мне даже в том случае, если мои политические устремления не увенчаются успехом.

После выборов я снова с головой окунулся в студенческую жизнь, зубрил, готовясь к экзаменам, знакомился с другими студентами и наслаждался жизнью в своем доме, где жил вместе с тремя однокашниками. Дуг Икли, как и я, получавший в университете стипендию Родса, нашел замечательный старый дом в Милфорде, на берегу Лонг-Айленд-Саунд. Там были четыре спальни, просторная кухня и большая закрытая веранда, выходящая прямо на пляж, который идеально подходил для пикников, и, когда вода спадала, у нас появлялось достаточно места, чтобы поиграть в американский футбол. Единственный недостаток этого дома состоял в том, что он был летним и совершенно не защищал от пронизывающих зимних ветров. Однако мы были молоды и привыкли к ним. До сих пор ясно помню, как провел один холодный зимний день после выборов на веранде, где я сидел, закутавшись в одеяло, и читал «Шум и ярость» Уильяма Фолкнера.

Другими моими соседями по дому на Ист-Бродвей, 889, были Дон Пог и Билл Коулмэн. Дон придерживался более левых взглядов, чем все мы, и скорее походил на рабочего. Сложением он напоминал бетонную глыбу и был силен как бык. Дон ездил на юридический факультет на мотоцикле и затевал там со всеми бесконечные политические дискуссии. К счастью для нас, он оказался отличным поваром и обычно вел себя хорошо благодаря своей столь же энергичной, однако более утонченной подружке, англичанке Сюзан Бакнелл. Билл был одним из чернокожих студентов, которых в Йельском университете становилось в то время все больше. Его отец, юрист-республиканец, придерживавшийся либеральных взглядов, — такие тогда еще были — работал секретарем у судьи Верховного суда Феликса Франкфуртера и занимал пост министра транспорта при президенте Форде. На поверхностный взгляд могло показаться, что Билл — самый спокойный в нашей группе.

После возвращения в Йельский университет после предвыборной кампании Даффи помимо ребят, с которыми мы жили в этом доме, я знал лишь несколько других студентов, включая моего друга по организации «Бойз оф нейшн» из Луизианы Фреда Каммера и Боба Райха. Будучи секретарем нашей группы стипендиатов Родса, Боб дружил со всеми и был постоянным источником информации и шутивной дезинформации о том, что замышляла наша компания.

Боб жил в доме неподалеку от студенческого городка вместе с тремя другими студентами, в числе которых была Нэнси Бекейвек, ставшая моим близким другом. Она была активным либералом, и ее антивоенные убеждения укрепились предыдущим летом, когда Нэнси работала журналисткой во Вьетнаме. Она писала прекрасные стихи, яркие письма и очень хорошо записывала лекции, которыми позволяла мне пользоваться, когда я с опозданием на два месяца снова появился на занятиях.

Через Билла Коулмэна я познакомился с несколькими чернокожими студентами. Меня интересовало, каким образом они поступили в Йельский университет и как планируют распорядиться предоставившейся им возможностью, весьма необычной для афроамериканцев. Кроме Билла я подружился с Эриком Клеем из Детройта, которого впоследствии назначил членом

Апелляционного суда США; Нэнси Джист, учившейся вместе с Хиллари в Колледже Уэллсли и впоследствии, когда я стал президентом, работавшей в Министерстве юстиции; Лалой Коулберн, которая отказалась от карьеры юриста и стала психотерапевтом; Руфусом Кормье, высоким спокойным человеком, который был великолепным защитником в футбольной команде Южного методистского университета; а также Лани Гиниер, которую я впоследствии попытался назначить помощником министра юстиции по гражданским правам. Это была печальная история, подробности которой я расскажу позднее. Судья Верховного суда Кларенс Томас тоже учился вместе со мной, но тогда мы не были знакомы друг с другом.

К концу семестра мы узнали, что Фрэнк Аллер решил вернуться в Америку. Он снова перебрался в район Бостона и отправился в родной Спокан, чтобы предстать перед призывной комиссией. Фрэнк был арестован, ему предъявили обвинение, а затем освободили до суда. Он пришел к выводу, что последствия его решения воспротивиться призыву, какими бы они ни были, уже наступили, и не собирался провести всю оставшуюся жизнь за пределами Америки, в одиночестве дожидаясь прихода безрадостного среднего возраста в каком-нибудь канадском или британском университете. Фрэнк не хотел, чтобы война во Вьетнаме навсегда определила его судьбу. Как-то декабрьской ночью Боб Райх сказал, что, вернувшись, Фрэнк поступил глупо, рискуя оказаться в тюрьме, когда он мог так много сделать, находясь вне страны. В моем дневнике осталась запись ответа, который я ему дал: «Человек больше суммы всего, что он может сделать». Принимая это решение, Фрэнк думал не о том, что может сделать, а о том, что он собой представляет. Я считал его решение правильным. Вскоре после возвращения он прошел обследование у психиатра, который нашел у него депрессию и счел его негодным к военной службе. Реакция Фрэнка на сложившуюся ситуацию была чисто физической, и его, как и Строуба, отнесли к категории 1-Y — лиц, подлежащих призыву только в случае чрезвычайной ситуации в стране.

На Рождество я вернулся домой, в Хот-Спрингс. Это было очень далеко от хельсинкской бухты, по льду которой я гулял в прошлогоднее Рождество. На этот раз я побывал в своей начальной школе, припомнил свои удачи и подумал о переменах в моей жизни. Несколько моих близких друзей собирались жениться. Я желал им счастья и думал о том, совершу ли когда-нибудь такой же шаг.

Я много размышлял о прошлом и о моих корнях. В первый день Нового года я закончил читать «Бремя истории Юга» (*The Burden of Southern History*) К. Вэнна Вудворда, книгу, в которой он уделял много внимания «особому историческому сознанию южан». Юдора Уэлти называла его «чувством места». Этим местом для меня был Арканзас. В отличие от Томаса Вулфа, чья многогранная проза вызывала мое восхищение, я знал, что смогу снова вернуться домой. И не просто могу, а должен. Однако сначала мне предстояло закончить учебу.

Я вернулся в Йель ко второму семестру, во время которого у меня, как у студента юридического факультета, оказалась самая большая учебная

нагрузка за все время моего пребывания в университете. Право, регулирующее область деловых отношений, у нас вел Джон Бейкер, первый чернокожий преподаватель юридического факультета Йельского университета. Он был очень добр ко мне, привлекал меня к исследовательской работе, чтобы я мог пополнить свои скудные доходы, и приглашал к себе домой на обед. В начале 1960-х годов, в период расцвета движения за гражданские права, Бейкер и его жена поступили в Университет Фиска для чернокожих в Нашвилле, штат Теннесси. Джон рассказывал мне интереснейшие истории о том, в каком страхе они тогда жили, и о том, с какой радостью он и его однокашники участвовали в этом движении.

Я изучал конституционное право вместе с Чарльзом Райхом, который был либералом в такой же степени, в какой Боб Борк — консерватором, и автором одной из основополагающих «антикультурных книг» о 1960-х годах под названием «Молодость Америки» (*The Greening of America*). Мой преподаватель уголовного права Стив Дьюк был остроумным, резким человеком и прекрасным наставником. Впоследствии я посещал его семинар о преступности среди служащих. Мне очень нравился предмет «Политические и гражданские права». Его преподавал Том Эмерсон, невысокий элегантный человек, входивший ранее в администрацию Франклина Делано Рузвельта. Мы все пользовались его учебником. Я также посещал занятия профессора Уильяма Леона Макбрайда по федеральному праву и философии. Я не только учился, но и оказывал юридические услуги, а также имел другую работу с неполной занятостью. В течение нескольких месяцев я четыре раза в неделю ездил на машине в Хартфорд, чтобы помогать работавшему в муниципалитете Дику Суисмэну, предпринимателю-демократу, с которым познакомился во время предвыборной кампании Даффи. Дик знал, что я нуждаюсь в работе, и, по-моему, мне удавалось в какой-то степени быть ему полезным.

В конце февраля я на несколько дней вылетел в Калифорнию, чтобы встретиться с Фрэнком Аллером, Стробом Тэлботтом и подружкой Струба Брук Ширер. Мы собрались в Лос-Анджелесе, в доме удивительно гостеприимных и щедрых родителей Брук, Марвы и Ллойда Ширер, которые на протяжении многих лет были авторами колонки светской хроники «Парад персонажей Вальтера Скотта», пользовавшейся у читателей очень большой популярностью. Затем, в марте, я отправился в Бостон, где жил Фрэнк, который в то время искал работу журналиста, чтобы снова увидеть его и Струба. Мы гуляли по лесу, начинавшемуся сразу за домом Фрэнка, и по находящемуся поблизости побережью Нью-Хэмпшира. Фрэнк, казалось, радовался, что вернулся домой, и в то же время грустил. Хотя ему удалось избежать призыва на военную службу и тюрьмы, он, видимо, испытывал муки депрессии, которая, как сказал Тургенев, знакома только молодым и не имеет определенной причины. Я надеялся, что он ее преодолет.

Как и всегда весной, я испытывал подъем душевных сил. Политические новости были неоднозначными. Верховный суд, стремясь к достижению расового равенства, единодушно поддержал решение о совместных перевозках белых и чернокожих детей на школьных автобусах. Китайцы приняли

наше предложение прислать в США команду для игры в настольный теннис в ответ на посещение своей страны американской командой. Продолжались выступления против войны во Вьетнаме. 16 мая сенатор Макговерн, у которого явно появилось намерение баллотироваться в 1972 году на пост президента США, прибыл в Нью-Хейвен. Мне он нравился, и я считал, что у него есть шансы на победу благодаря его героическому прошлому пилота, летавшего во время Второй мировой войны на бомбардировщике, его эффективному руководству программой «Продовольствие для дела мира» при администрации Кеннеди, а также новым правилам выбора делегатов на следующий съезд демократической партии. Макговерн возглавлял комиссию, которая занималась их разработкой и ставила своей целью добиться, чтобы в работе съезда участвовали делегаты обоего пола, представлявшие разные возрастные категории и расы. Новые правила плюс влияние на исход предварительных выборов либералов, выступавших против войны, гарантировали, что во время президентской кампании 1972 года прежние политические руководители будут оказывать на кандидата меньшее давление, а роль активистов партии на процесс его выдвижения усилится. В этой комиссии работал Рик Стернс, и я был уверен, что он проявит достаточную твердость и изобретательность для разработки системы, которая обеспечит благоприятные условия для Макговерна.

С учебой на юридическом факультете и политической деятельностью все складывалось прекрасно, а вот в моей личной жизни царил беспорядок. Я порвал с одной молодой женщиной, и она отправилась к себе на родину, чтобы выйти замуж за своего давнего друга. Потом произошел болезненный разрыв отношений со студенткой юридического факультета. Она мне очень нравилась, но я не считал возможным связать себя с ней брачными узами. Я почти примирился с тем, что остался один, и решил некоторое время не иметь подружки. Однажды на лекции профессора Эмерсона по политическим и гражданским правам, сидя в аудитории на заднем ряду, я заметил девушку, которую никогда не видел раньше. По-видимому, она посещала эти занятия еще реже, чем я. У нее были густые темно-русые волосы, она носила очки и не пользовалась косметикой, однако в ней чувствовались сила и самообладание, которые я редко встречал как в мужчинах, так и в женщинах. После занятий я вышел вслед за ней, намереваясь представиться. Оказавшись совсем близко от девушки, я протянул было руку, чтобы коснуться ее плеча, но сразу же отдернул. Реакция была почти физической. Каким-то таинственным образом я понял, что это будет не обычное похлопывание по плечу, что, возможно, я вступаю в отношения, которые не смогу прекратить.

В следующие несколько дней я не раз видел эту девушку в университете, но не подходил к ней. Однажды вечером я стоял в дальнем конце длинного узкого помещения Юридической библиотеки Йельского университета, беседуя с другим студентом, Джеффом Глекелом, о том, что мне необходимо поступить на работу в *Yale Law Journal*. Джефф призывал меня сделать такой шаг, уверяя, что это гарантирует мне должность секретаря федерального судьи или поможет найти место в одной из лучших юридических

фирм. Он говорил очень убедительно, однако мне это было неинтересно. Я собирался домой, в Арканзас, и обзорам судебной практики предпочитал политику. Через некоторое время я внезапно перестал слушать горячие и настойчивые призывы Джеффа, потому что снова увидел эту девушку, стоявшую в противоположном конце комнаты. На этот раз она тоже посмотрела на меня. Через некоторое время девушка закрыла книгу, прошла через всю библиотеку, взглянула мне прямо в глаза и сказала: «Если вы собираетесь и дальше глазеть на меня, а я буду смотреть на вас, нам следует, по крайней мере, представиться друг другу. Я — Хиллари Родэм, а как зовут вас?» Хиллари, конечно, все это помнит, но ей кажется, что слова были несколько иными. На меня это произвело большое впечатление и настолько ошеломило, что несколько секунд я не мог ничего сказать. В конце концов я произнес свое имя. Мы немного поговорили, и она ушла. Не знаю, что подумал обо всем этом бедный Джефф Глекел, но он больше никогда не заговаривал со мной об обзорах судебной практики.

Через пару дней, спускаясь по лестнице на первый этаж здания юридического факультета, я снова увидел Хиллари. На ней была длинная, почти до пола, яркая цветастая юбка. Я твердо решил побыть с ней некоторое время. Хиллари сказала, что собирается записаться на занятия следующего семестра, и я предложил ей пойти вместе. Мы стояли в очереди и разговаривали. Я считал, что прекрасно справляюсь с ситуацией, до тех пор пока мы не оказались первыми в очереди. Секретарь факультета посмотрел на меня и сказал: «Билл, что ты опять здесь делаешь? Ты ведь уже записался сегодня утром». Я покраснел как рак, а Хиллари засмеялась своим чудесным смехом. Моя уловка провалилась, и я предложил ей пойти со мной в художественную галерею на выставку Марка Ротко. Я был так взволнован и так нервничал, что совсем забыл о забастовке обслуживающего персонала университета и о том, что музей закрыт. К счастью, там дежурил охранник. Я объяснил ему, в чем дело, и предложил убрать ветки и другой мусор в саду музея, если он позволит нам войти.

Охранник посмотрел на нас, подумал и впустил. К нашим услугам оказалась вся выставка. Это было чудесно, и с тех пор я всегда любил Ротко. Осмотрев экспозицию, мы вышли в сад, и я собрал валявшиеся там ветки. Думаю, тогда я выступил в качестве штрейкбрехера в первый и последний раз в своей жизни, однако профсоюз не выставил около музея пикет, а кроме того, в тот момент я меньше всего думал о политике. После того как я закончил обещанную уборку сада, мы с Хиллари провели в нем еще около часа. Там была большая красивая скульптура сидящей женщины, изваянная Генри Муром. Хиллари устроилась у нее на коленях, я сидел рядом, и мы разговаривали. Очень скоро я положил голову ей на плечо. Это было наше первое свидание.

Следующие несколько дней мы провели вместе: просто гуляли и разговаривали обо всем на свете. В конце следующей недели Хиллари уехала в давно запланированную поездку в Вермонт, чтобы увидеться с мужчиной, с которым она встречалась. Я очень волновался. Мне не хотелось ее терять. Когда поздно вечером в воскресенье она вернулась домой, я позвонил ей.

Оказалось, что Хиллари совершенно больна, и я принес ей куриный бульон и апельсиновый сок. С тех пор мы были неразлучны. Она проводила много времени в нашем доме на пляже и очень скоро завоевала симпатию Дуга, Дона и Билла. Однако когда через несколько недель Хиллари приехала познакомиться с моей мамой, ей не удалось столь же быстро произвести хорошее впечатление, отчасти, возможно, потому, что перед самым приходом мамы она пыталась постричь волосы. Идея оказалась неудачной, и с новой стрижкой Хиллари была похожа скорее на панка или рокера, чем на девушку, только что вышедшую из салона красоты Джеффа Дуайра. Без косметики, в рабочей рубашке и джинсах, с босыми ногами, облепленными песком после прогулки по пляжу в Милфорде, она, наверное, показалась маме инопланетянкой. Мама, конечно, заметила, как серьезно я к ней относился, и это, несомненно, ей было очень неприятно. В своей книге она назвала Хиллари «опытом роста». Девушка «без косметики на лице, в больших выпуклых темных очках, с каштановыми волосами без определенной прически» встретилась с женщиной с ярко-розовой помадой на губах, подведенными бровями и серебряной прядью в волосах. Мне доставляло удовольствие наблюдать за тем, как они старались «раскусить» друг друга. Со временем им это удалось. Маму стала меньше волновать внешность Хиллари, а та, в свою очередь, научилась за собой следить. Несмотря на различие в стиле, обе были умными, решительными, жизнерадостными и эмоциональными женщинами. Когда они объединялись, у меня не оставалось никаких шансов.

К середине мая я понял, что хочу всегда быть с Хиллари. Я познакомился с несколькими ее друзьями, включая Сюзан Грейбер, ее одноклассницу из Колледжа Уэллсли, впоследствии назначенную мною на пост федерального судьи в Орегоне; Кэролайн Эллис, способную, своеобразную ливанку из штата Миссисипи, которая умела быть «больше южанкой», чем я, а сейчас занимает пост ректора Университета штата Миссисипи, и Нила Стейнмэна, самого талантливого студента из встреченных мною в Йельском университете, собравшего в 1992 году в штате Пенсильвания первые пожертвования на мою предвыборную кампанию.

Я узнал о детстве Хиллари в Парк-Ридже, штат Иллинойс; о четырех годах ее учебы в Колледже Уэллсли, где она изменила свои политические взгляды, став из республиканки демократкой, из-за движения за гражданские права и против войны; о ее поездке после окончания учебы на Аляску, где она зарабатывала на жизнь тем, что очищала рыбу от слизи; о ее интересе к оказанию юридической помощи беднякам и к проблемам детей. Я также слышал о знаменитой речи Хиллари на выпускной церемонии в Колледже Уэллсли, в которой она выразила противоречивые чувства нашего поколения — неприятие политической системы и решимость добиться лучшего будущего для Америки. Эта речь получила большую известность во всей стране и впервые принесла Хиллари славу за пределами ее ближайшего окружения. Мне нравилось, что в политической деятельности она, как и я, была одновременно идеалисткой и прагматиком. Хиллари хотела перемен и знала: чтобы добиться их, необходимы постоянные усилия. Ей, как и мне, надоело, что наша партия терпит поражения и относится к ним как

к доказательству своей добродетели и нравственного превосходства. Хиллари пользовалась большим авторитетом на юридическом факультете, она была «крупной рыбой» в нашем маленьком «пруду», где существовала очень большая конкуренция. Я же то появлялся там, то уплывал.

Многие студенты, с которыми мы оба были знакомы, говорили о Хиллари так, словно немного ее побаивались. Я не испытывал ничего подобного. Мне просто хотелось быть с ней рядом. Однако время, которое мы могли проводить вместе, заканчивалось. Хиллари согласилась поработать летом в юридической фирме Treuhaft, Walker, and Burnstein в Окленде, штат Калифорния, а мне предложили стать координатором предвыборной кампании сенатора Макговерна в южных штатах. До встречи с Хиллари я очень хотел, чтобы меня взяли на эту работу. Предвыборный штаб должен был находиться в Майами, и в мои обязанности входили поездки по всем южным штатам для организации и развертывания в них предвыборной кампании. Я знал, что буду хорошим координатором, и хотя, по моему мнению, Макговерн вряд ли сумел бы добиться очень хороших результатов на всеобщих выборах на Юге, он мог привлечь на свою сторону значительное число делегатов съезда во время предварительных выборов. Помимо всего прочего, я мог получить уникальный опыт политической работы, важный для моей дальнейшей жизни. Мне представилась редкая для двадцатипятилетнего студента возможность, которую я получил благодаря как дружбе с Риком Стернсом, занимавшим важный пост в предвыборном штабе Макговерна, так и программе позитивных действий: им нужен был по меньшей мере один южанин на ответственном посту!

Проблема заключалась в том, что я больше не стремился получить эту работу. Я знал, что, если уеду во Флориду, мы с Хиллари можем потерять друг друга. Хотя перспектива работы в предвыборном штабе казалась мне увлекательной, я опасался, как записано в моем дневнике, что она просто станет «способом придать официальный статус моему одиночеству», позволит мне общаться с людьми для благого дела, однако при этом между мной и ими всегда будет существовать дистанция. Между мной и Хиллари не было никаких преград. С самого начала она стала мне близка, и, прежде чем я сам это понял, завоевала мое сердце.

Я собрался с духом и спросил у Хиллари, можно ли мне провести это лето вместе с ней в Калифорнии. Сначала она не поверила, что я действительно этого хочу, поскольку знала, как мне нравится заниматься политикой и как серьезно я отношусь к борьбе против войны во Вьетнаме. Я сказал Хиллари, что люблю ее и хочу понять, сможем ли мы быть вместе, а на работу и реализацию честолюбивых замыслов у меня еще будет целая жизнь. Она немного помедлила, а потом согласилась, чтобы я отвез ее в Калифорнию. До этого мы были вместе всего около месяца.

Мы сделали короткую остановку в Парк-Ридже, чтобы познакомиться с семьей Хиллари. Ее мать, Дороти, была красива и обаятельна, и у нас с самого начала установились хорошие отношения, но отец Хиллари воспринял меня как чужака, так же, как саму Хиллари — моя мама. Хью Родэм был грубоватым, склонным к жестким формулировкам республиканцем,

который, мягко говоря, относился ко мне с подозрением. Однако чем больше мы с ним разговаривали, тем больше он мне нравился. Я принял решение продолжать эти беседы, пока наши отношения не наладятся. Вскоре мы с Хиллари отправились на машине в Беркли, штат Калифорния, находящемся недалеко от Окленда, где она должна была работать и жить в небольшом доме, принадлежавшем родной сестре ее матери, Аделине. Через день-два я проехал на машине через всю страну до Вашингтона, чтобы сказать Рiku Стернсу и Гэри Харту, руководителю предвыборной кампании сенатора Макговерна, что не смогу поехать во Флориду. Гэри решил, что я сошел с ума, если упускаю такую возможность. Полагаю, такого же мнения был и Рик. Вероятно, я казался им глупцом, однако те возможности, от которых мы отказываемся, формируют нашу жизнь в не меньшей степени, чем те, которые используем.

На самом деле мне было жаль терять работу в предвыборном штабе, и я предложил поехать на неделю-другую в Коннектикут, чтобы провести там организационную подготовку. Как только я нашел людей для работы в наших предвыборных штабах во всех округах, где должны были проходить выборы в Конгресс, я снова отправился в Калифорнию, на этот раз южным маршрутом, который давал мне возможность заехать домой.

Мне понравилось это путешествие на запад, включая посещение Большого каньона. Я подъехал туда поздно вечером и взобрался на скалу, выступавшую над краем ущелья, чтобы посмотреть на закат. Меня поразило, как менялся цвет скал, за миллионы лет спрессовавшихся в отчетливо различные пласты, когда каньон стала окутывать поднимавшаяся снизу темнота.

Покинув каньон, я стремительно проехал через Долину смерти, самое жаркое место в Америке, а затем повернул на север, навстречу лету с Хиллари. Когда я вошел в ее дом в Беркли, она угостила меня моим любимым персиковым пирогом, который испекла сама. Пирог оказался очень вкусным, и очень скоро от него не осталось ни крошки. Днем, пока Хиллари была на работе, я обошел весь город, читал книги в парках и кофейнях и изучал Сан-Франциско. Вечером мы ходили в кино, местные рестораны или просто засиживались допоздна за разговорами. 24 июля мы отправились на машине в Стэнфорд, чтобы послушать Джоан Баэз, которая пела на открытой арене. Чтобы выступление Джоан могли послушать все ее поклонники, входные билеты стоили всего два с половиной доллара, что составляло разительный контраст с высокой стоимостью билетов на большие концерты в наши дни. Баэз пела свои старые хиты, и именно в тот вечер состоялось одно из первых публичных исполнений песни «Та ночь, когда они проехали через все южные штаты».

Лето кончилось, а наши отношения с Хиллари были далеки от завершения, поэтому мы решили жить вместе в Нью-Хейвене, и это явно встревожило и ее, и мою семью. Мы нашли себе квартиру неподалеку от юридического факультета, на первом этаже старого дома по адресу Эджвуд-авеню, 21.

Парадная дверь нашей квартиры открывалась в крохотную гостиную, за которой были еще меньшего размера столовая и малюсенькая спальня. За ней находились старая кухня и ванная, такая маленькая, что сиденье уни-

таза иногда задевало ванну. Дом был старый, и пол от стен к центру комнат шел под уклон настолько ощутимо, что мне пришлось подложить под ножки нашего небольшого обеденного стола кусочки дерева. Зато оплата оказалась самой подходящей для бедных студентов юридического факультета: семьдесят пять долларов в месяц. Самым большим достоинством этой квартиры был камин в гостиной. Я хорошо помню, как в холодный зимний день мы сидели с Хиллари у огня и вместе читали биографию Наполеона, написанную Винсентом Кронином.

Мы были очень счастливы и очень бедны, но гордились своим новым домом и с удовольствием приглашали в гости друзей. Среди наших любимых гостей были Руфус и Ивонн Кормье. Дети священников-афроамериканцев из Бомонта, Техас, они выросли в одном квартале и перед тем, как пожениться, встречались несколько лет. Руфус изучал юриспруденцию, а Ивонн собиралась получить степень доктора философии в области биохимии. В конечном счете она стала врачом, а он — первым чернокожим партнером крупной хьюстонской юридической фирмы Baker and Botts. Однажды вечером за обедом Руфус, который был одним из лучших студентов в нашей группе, жаловался, как много времени ему приходится тратить на учебу. «Знаете, — сказал он медленно, растягивая слова, — в жизни происходит все наоборот: в лучшие годы приходится учиться, а потом работать. Когда в шестьдесят пять уходишь на пенсию, ты уже слишком стар, чтобы наслаждаться жизнью. Люди должны отдыхать с двадцати одного года до тридцати пяти лет, а потом работать изо всех сил до самой смерти». Конечно, такого быть не может. Мы все заканчиваем работу в шестьдесят пять лет, то есть все осталось по-прежнему.

Я по-настоящему начал учебу в третьем семестре на юридическом факультете с занятий по корпоративным финансам, уголовно-процессуальному, налоговому и имущественному праву и с семинара по социальной ответственности корпораций. Его вели Берк Маршалл, который стал легендой на посту помощника министра юстиции по гражданским правам при Роберте Кеннеди, и Джан Дойч, пользовавшийся репутацией единственного на тот момент человека, получившего во время учебы на юридическом факультете Йельского университета высшие оценки по всем предметам. Маршалл был небольшого роста, худощавый, с яркими живыми глазами. Он говорил очень тихо, почти шепотом, однако и в его голосе, и в осанке чувствовалась стальная воля. У Дойча была необычная отрывистая манера речи, своего рода поток сознания; он быстро переходил от одного незаконченного предложения к другому. По-видимому, такая привычка у него появилась в результате серьезной травмы головы, которую он получил, когда его сбила машина и он, пролетев значительное расстояние, сильно ударился о бетон. Несколько недель Дойч пролежал без сознания и очнулся с металлической пластинкой в голове. Однако профессор был человеком выдающихся способностей. Я понимал его речь и «расшифровывал» ее для однокашников, которые не могли разобрать слов, когда он говорил. Джан Дойч был также единственным из всех встреченных мной в жизни людей, съедавших яблоко

целиком, вместе с сердцевинкой. Он говорил, что именно в ней находятся все полезные минеральные вещества. Преподаватель был умнее меня, поэтому я тоже попробовал есть яблоки именно так. Иногда я делаю это и сейчас, с нежностью вспоминая профессора Дойча.

Марвин Чирелстейн был моим преподавателем по корпоративным финансам и налоговому праву. В последней учебной дисциплине я разбирался очень слабо. В Налоговом кодексе существовало слишком много искусственных разграничений, до которых мне не было никакого дела. Мне казалось, что они придуманы скорее для того, чтобы юристам, специализирующимся в этой области, было легче уменьшать обязательства их клиентов по оказанию помощи Америке в оплате ее расходов, чем для содействия достижению социальных целей. Однажды, вместо того чтобы слушать лекцию, я читал «Сто лет одиночества» Габриеля Гарсиа Маркеса. В конце лекции профессор Чирелстейн спросил меня, что оказалось настолько интереснее, чем его лекция. Я показал ему книгу и сказал, что это величайший роман из написанных на всех языках мира после смерти Уильяма Фолкнера. Я и сейчас такого же мнения.

Блестяще сдав итоговый экзамен, я был реабилитирован как знаток корпоративных финансов. Профессор Чирелстейн спросил, как мне удается так хорошо разбираться в этом предмете, и так плохо — в налоговом праве. Я ему ответил, что в корпоративных финансах все как в политике: в рамках определенной системы правил идет постоянная борьба за власть, причем все стороны стараются не допустить, чтобы ущемлялись их интересы, и стремятся сами ограничивать права других.

Я не только учился, но еще и работал в двух местах. Хотя я получал стипендию и средства на основе двух разных студенческих займов, мне были нужны деньги. Несколько часов в неделю я работал у местного адвоката Бена Мосса, занимаясь правовым анализом и выполняя различные поручения. Как-то раз мне надо было доставить документы по одному адресу. Поднимаясь по лестнице на третий или четвертый этаж многоэтажного дома, находившегося в бедном районе в центре города, я прошел мимо человека с остекленевшими глазами и шприцем в руке — он, видимо, только что накачал себя героином. Я отдал документы адресату и как можно скорее оттуда ушел.

Другая моя работа была менее опасной и более интересной. В рамках правоприменительной программы я преподавал уголовное право студентам последнего курса в Университете Нью-Хейвена. Моя работа финансировалась на основе Федеральной программы содействия соблюдению законов, проведение которой в жизнь только началось при Никсоне. Целью этих занятий было подготовить больше профессиональных юристов, которые на конституционной основе могли бы производить аресты, обыски и конфискации. Мне часто приходилось готовить свои лекции поздно вечером накануне того дня, когда я их читал. Нередко, чтобы не заснуть, я готовился к ним в ресторанчике «Элм-стрит», находившемся примерно в квартале от нашего дома. Там подавали очень вкусный кофе и фруктовый пирог. Ресторанчик был открыт всю ночь и полон персонажей ночной жизни Нью-Хейвена. По

ночам посетителей обслуживал Тони, дяде которого, греческому иммигранту, принадлежало это заведение. Когда я трудился не покладая рук, он бесплатно наливал мне все новые порции кофе.

Улица, на которой находился этот ресторанчик, была границей, разделявшей территорию, на которой работали две группы уличных проституток. Время от времени их уводили полицейские, однако очень скоро они возвращались и продолжали свою «работу». Проститутки часто заходили в ресторанчик, чтобы согреться и выпить кофе. Когда они узнали, что я учусь на юридическом факультете, некоторые стали заходить в мой закуток в надежде получить бесплатную юридическую консультацию. Я делал для них все что мог, но ни одна из них не последовала моему самому лучшему совету — найти другую работу. Однажды ночью за мой столик сел высокий чернокожий трансвестит и сказал, что его клуб хочет разыграть в лотерею телевизор, чтобы заработать денег; он хотел выяснить, не будет ли ее проведение нарушением закона, запрещающего азартные игры. Как я узнал впоследствии, в действительности парень беспокоился из-за того, что телевизор был похищен и «пожертвован» клубу одним его другом, который скупал краденые вещи, а потом со скидкой их перепродавал. Как бы то ни было, я сказал ему, что другие организации постоянно проводят лотереи и привлечение его клуба к судебной ответственности крайне маловероятно. В благодарность за мой мудрый совет он дал мне лотерейный билет, который стал единственным «гоноرارом», полученным мной в ресторанчике «Элм-стрит». Я не выиграл телевизор, но, когда получил лотерейный билет, на котором жирным шрифтом было напечатано название клуба — «Чернокожие уникамы», у меня появилось чувство, что мне хорошо заплатили.

Четырнадцатого сентября, когда мы с Хиллари входили в кафе «Блужбелл», ко мне подошел какой-то человек, сказавший, что я должен срочно позвонить Стробу Тэлботту. Они с Брук гостили в Кливленде у его родителей. Опуская мелочь в щель телефона-автомата рядом с кафе, я чувствовал сильное беспокойство. К телефону подошла Брук и сказала, что Фрэнк Аллер покончил с собой. Ему недавно предложили работу в бюро *Los Angeles Times* в Сайгоне, он принял это предложение и поехал в родной Спокан, по-видимому, в хорошем настроении, чтобы собрать вещи и подготовиться к поездке во Вьетнам. Я думаю, он хотел своими глазами увидеть войну, против которой выступал, и написать о ней. Возможно, Фрэнк намеревался сам встать на пути зла, чтобы доказать, что он не трус. Но все эти события были внешней стороной жизни моего товарища, а покончить с собой его заставило то, что творилось в его душе.

Друзья Фрэнка испытали потрясение, хотя, возможно, мы предполагали, что это может случиться. За шесть недель до этого я записал в своем дневнике, что он снова хандрит, поскольку ему пока не удалось найти работу в газете во Вьетнаме или в Китае. Я отметил, что «Фрэнк в полном упадке, как эмоциональном, так и физическом, под влиянием переутомления, трудностей и огорчений нескольких последних лет, которые он пережил преимущественно в одиночку». Близкие друзья Фрэнка, рационально мыслявшие люди, считали, что, если наладится внешняя сторона его жизни, это положит конец

и внутреннему разладу. Однако, как я понял в тот страшный день, депрессия полностью лишает человека способности мыслить разумно. Это болезнь, из-за которой, если она зашла далеко, на человека уже не влияют разумные доводы супругов, детей, любимых и друзей. Я думаю, что не понимал этого, пока не прочел мужественный рассказ моего друга Билла Стайрона «Зримая тьма: мемуары о безумии» (*Darkness Visible: A Memoir of Madness*) о его собственной борьбе с депрессией и мыслями о самоубийстве. Когда Фрэнк покончил с собой, я испытал одновременно горе и гнев: на него я сердился за то, что он это сделал, а на себя — за то, что не заметил, как развивались события, и не убедил его обратиться за помощью к специалистам. К сожалению, тогда я не знал того, что знаю сейчас, хотя, возможно, это ничего бы не изменило.

После смерти Фрэнка я утратил свой обычный оптимизм и интерес к учебе, политической деятельности и людям. Не знаю, что бы со мной стало, если бы не Хиллари. Когда мы начали встречаться, у нее был недолгий период неверия в собственные возможности, но на людях она всегда выглядела такой сильной, что, мне кажется, об этом не знали даже самые близкие ее друзья. То, что Хиллари тогда открыла мне свою душу, укрепило мои чувства к ней. Теперь уже я нуждался в ее поддержке. И она пришла на помощь, напомнив мне, как важно все то, что я узнаю, делаю и думаю.

Во время весеннего семестра я скучал на всех занятиях, за исключением лекций по предмету «Доказывание», которые читал Джеффри Хазард. Правила, определявшие, что приемлемо и что неприемлемо на справедливом судебном разбирательстве, и процесс выдвижения честных и обоснованных аргументов на основе имеющихся фактов были для меня очень интересны и производили неизгладимое впечатление. Занимаясь как политической деятельностью, так и юриспруденцией, я всегда старался выдвигать аргументы, которые подтверждались реальными фактами.

Эта дисциплина имела большое значение во время важного для меня мероприятия весеннего семестра — ежегодного судебного состязания, которые проводил Союз барристеров. 28 марта мы с Хиллари участвовали в полуфинале, когда выбирают четырех студентов и двух дублеров для проведения полномасштабного судебного разбирательства, сценарий которого должен написать студент третьего курса. Мы выступили хорошо и оба одержали победу.

В следующем месяце мы готовились к другому состязанию, известному как «Прайз трайал». Дело называлось «Штат против Портера». Портер был полицейским, обвинявшимся в том, что забил до смерти длинноволосого подростка. 29 апреля мы с Хиллари с помощью нашего дублера Боба Олсдорфа выступили на суде над Портером как представители обвинения. Адвокатами защиты были Майк Конуэй и Тони Руд, их дублером — Дуг Икли. В роли судьи выступал бывший судья Верховного суда Эйб Фортас. Он серьезно относился к своей роли и играл ее до конца, вынося решение за решением по позициям и возражениям обеих сторон и при этом постоянно оценивая действия нашей четверки, чтобы определить, кто же получит приз. Если в полуфинале я произнес лучшую речь за все время своей учебы

на юридическом факультете, то выступление во время проведения «Прайз трайал» оказалось самым худшим. Я был не на высоте и не заслужил победы. Хиллари, напротив, выступала очень хорошо, так же, как и Майк Конуэй, который произнес убедительную и эмоциональную заключительную речь. Фортас отдал приз Конуэю. Как я подумал тогда, Хиллари не получила награду отчасти из-за того, что Фортасу, человеку с суровой внешностью, не понравилась ее одежда, совершенно не подходившая для роли обвинителя. На ней был синий замшевый пиджак, ярко-оранжевые (я не шучу, именно ярко-оранжевые) расклешенные замшевые брюки и сине-оранжево-белая блузка. Хиллари стала прекрасным адвокатом суда первой инстанции, но, выступая на его заседаниях, она больше никогда не надевала эти оранжевые брюки.

Помимо выступления в этом состязании я удовлетворял свою страсть к соперничеству, участвуя в предвыборной кампании Макговерна. В начале года я снял со своего банковского счета все деньги, чтобы неподалеку от студенческого городка открыть предвыборный штаб. У меня было около двухсот долларов. Этого хватило, чтобы внести арендную плату за месяц и установить телефон. Через три недели у нас было восемьсот добровольцев и достаточно мелких пожертвований для компенсации моих расходов и продолжения деятельности штаба.

Добровольцы были очень нужны для работы в рамках предстоявшей кампании перед предварительными выборами, в ходе которой, как я предполагал, нам придется вести борьбу против аппарата демократической партии и его влиятельного босса Артура Барбиери. За четыре года до этого, в 1968 году, силы Маккарти добились хороших результатов на предварительных выборах в Нью-Хейвене отчасти благодаря тому, что преданные сторонники демократов считали победу вице-президента Хамфри делом решенным. Я не питал иллюзий по поводу того, что Барбиери повторит эту ошибку, поэтому решил попытаться убедить его поддержать Макговерна. Назвать эту затею рискованной было бы большим преуменьшением. Когда я вошел в офис и представился, Барбиери принял меня радушно, но деловито. Он сидел на стуле, скрестив руки на груди так, что были видны два огромных кольца: одно — круглое, с множеством драгоценных камней, другое — с его инициалами, А.Б., выложенными бриллиантами. Барбиери, улыбаясь, сказал мне, что на выборах 1972 года ситуация 1968 года не повторится: он уже подготовил сотрудников и несколько машин, чтобы доставлять своих людей на выборы. Барбиери сказал, что для достижения успеха уже вложил пятьдесят тысяч долларов — по тем временам колоссальную сумму для такого города, как Нью-Хейвен. Я ответил, что денег у меня немного, зато есть восемьсот добровольцев, которые будут стучаться в двери каждого дома в районах, являющихся его оплотом, и говорить всем итальянским матерям: «Артур Барбиери — за то, чтобы ваших сыновей и дальше посылали сражаться и умирать во Вьетнаме». «Вам не нужны такие неприятности, — сказал я. — Неужели для вас так важно, кто будет выдвинут кандидатом на пост президента? Поддержите Макговерна. Он был героем Второй мировой войны. Он может добиться мира, а вы сохраните

контроль над Нью-Хейвеном». Выслушав меня, Барбиери заявил: «Знаешь, парень, ты не так уж глуп. Я подумаю об этом. Приходи через десять дней». Когда я вернулся, Барбиери сказал: «Я подумал об этом. Полагаю, сенатор Макговерн — хороший человек, и нам надо уйти из Вьетнама. Я собираюсь сказать моим парням, что мы будем делать, и хочу, чтобы ты тоже там был и принял участие в разговоре».

Через несколько дней я взял с собой Хиллари на необычную встречу с лидерами партии Барбиери в местном итальянском клубе «Мелебус», находившемся в подвале старого дома в центре города. В клубе, оформленном в черно-красных тонах, оказалось очень темно, весь интерьер был выдержан в национальном стиле, и это место совершенно не ассоциировалось с Макговерном. Когда Барбиери сказал своим парням, что им придется поддерживать Макговерна, чтобы ребята из Нью-Хейвена больше не умирали во Вьетнаме, раздалась негодующие возгласы. «Артур, он почти коммунист», — сказал один мужчина. Другой произнес: «Артур, он говорит, как педераст», — имея в виду носовой выговор сенатора — уроженца Высоких равнин. Однако Барбиери не дрогнул. Он представил меня, рассказал им о моих восьмистах добровольцах и дал мне возможность произнести речь, в которой я сделал упор на военные заслуги Макговерна и его работу в администрации Кеннеди. К концу вечера собравшиеся изменили свое мнение.

Я был в восторге. Во время всей кампании перед предварительными выборами Артур Барбиери и Мэтти Трой из района Куинз в Нью-Йорке были единственными лидерами старой гвардии демократов, поддержавшими Макговерна. Это понравилось не всем нашим активистам. После того как было объявлено о помощи, которую нам оказал Барбиери, мне поздно вечером позвонили два возмущенных сторонника Макговерна из Трамбла, с которыми я работал во время предвыборной кампании Даффи. Они не могли поверить, что я пошел на такой подлый компромисс, изменив духу нашей кампании. «Простите, — прокричал я в ответ. — Я думал, наша цель — победить», — и повесил трубку. Барбиери оказался верным и энергичным сторонником. На съезде демократической партии сенатор Макговерн при первом голосовании получил пять из наших шести голосов от избирательных округов по выборам в Конгресс. Во время ноябрьской кампании Нью-Хейвен оказался единственным в штате Коннектикут городом, избиратели которого проголосовали за Макговерна. Барбиери сдержал слово. Став президентом, я разыскал его. Он был нездоров и уже давно не занимался политикой. Я пригласил Артура в Белый дом, и незадолго до его смерти у нас состоялась встреча в Овальном кабинете, доставившая удовольствие нам обоим. Таких людей, как Барбиери, Джеймс Карвилл называл надежными. Ничего лучшего в политике просто быть не может.

По-видимому, моя работа в штате Коннектикут восстановила мою репутацию в глазах членов предвыборного штаба Макговерна. Мне предложили присоединиться к сотрудникам общенационального штаба и работать на национальном съезде демократической партии в Майами-Бич, где основное внимание следовало уделить работе с делегациями от Южной Каролины и Арканзаса.

Тем временем Хиллари отправилась в Вашингтон, чтобы работать у Мэриана Райта Эделмана в «Вашингтонском исследовательском проекте» — организации защиты детей, которую вскоре переименовали в Фонд защиты детей. Работа Хиллари состояла в том, чтобы выявлять в южных штатах все частные средние школы только для белых, создание которых было реакцией на судебную десегрегацию бесплатных средних школ. На Севере белые родители, которые не хотели, чтобы их дети обучались в школах, расположенных в центральных районах города, могли переехать в пригороды. В маленьких городках Юга люди не имели такой возможности, потому что предместьями были пастбища и соевые поля. Проблема заключалась в том, что администрация Никсона не обеспечивала соблюдение закона, запрещавшего частным школам претендовать на освобождение от налогов, что явно стимулировало уход белых южан из бесплатных школ.

Я начал работу на Макговерна в Вашингтоне, установив для начала контакт с Ли Уильямсом и другими моими друзьями из числа сотрудников сенатора Фулбрайта, а затем отправился повидать конгрессмена Уилбура Миллза, влиятельного председателя Бюджетного комитета Палаты представителей. Миллз, который был в Вашингтоне легендарной личностью благодаря доскональному знанию Налогового кодекса и искусному управлению возглавляемым им комитетом, объявил, что на съезде в Майами он будет «любимым сыном» Арканзаса. Таких кандидатов обычно выдвигали в надежде не допустить, чтобы делегация штата голосовала за наиболее реального претендента, хотя в те времена такой «любимый сын» иногда верил, что случится чудо и он будет в конечном счете выдвинут кандидатом на пост вице-президента. Выдвижение кандидатуры Миллза позволяло одновременно решить обе задачи. Арканзасские демократы считали, что Макговерн, у которого среди делегатов съезда было значительно больше сторонников, чем у его соперников, наверняка потерпит поражение на всеобщих выборах в родном штате, а Миллз, несомненно, был уверен, что мог бы стать лучшим президентом, чем Макговерн. Наша встреча с председателем Бюджетного комитета Миллзом была сердечной. Я сказал ему, что, как мне кажется, делегаты будут на его стороне, добавив, однако, что продолжу работу с ними, чтобы добиться их поддержки при важном голосовании по процедурным вопросам и при втором голосовании, если оно понадобится сенатору Макговерну.

После беседы с Миллзом я вылетел в Колумбию, штат Северная Каролина, чтобы встретиться там с максимально возможным числом делегатов съезда. Многие из них симпатизировали Макговерну, и я надеялся на их помощь при голосовании по важным вопросам, хотя мандаты этих делегатов могли быть поставлены под сомнение на том основании, что, исходя из правил, разработанных Комиссией Макговерна, делегация этого штата была недостаточно диверсифицированной по расовому, половому и возрастному принципам.

Перед поездкой в Майами я отправился в Хот-Спрингс, на съезд демократов Арканзаса, чтобы постараться привлечь на нашу сторону делегатов из моего родного штата. Я знал, что губернатор Бамперс, который будет

главой делегации Арканзаса на съезде в Майами, считает, что, если президентом станет Макговерн, это повредит демократам Арканзаса, однако, как и в Южной Каролине, многие делегаты здесь выступали против войны и за Макговерна. Я уехал из Майами с уверенностью, что добился хороших результатов в работе с обеими делегациями.

Во время съезда демократической партии, проходившего в середине июля, штабы ведущих кандидатов находились в отелях, расположенных вокруг Майами и Майами-Бич, однако руководство кампанией осуществлялось из трейлеров, стоявших возле здания Конференц-центра. Работу, которая велась из трейлера кампании Макговерна, возглавлял Гэри Харт как руководитель национального предвыборного штаба. Фрэнк Манкиевич выступал в роли директора политического отдела и представителя по связям с общественностью, а мой друг Рик Стернс был директором, отвечающим за исследования и формулирование политики. Рик знал о существующих правилах больше всех остальных. Те из нас, кто работал с делегациями, находились в зале заседаний и выполняли указания, поступавшие из трейлера. В ходе кампании Макговерна были достигнуты большие успехи благодаря группе преданных нашему делу добровольцев, эффективному руководству Харта, умелым действиям Манкиевича, контактировавшего с журналистами, и правильной стратегии, выработанной Стернсом. С их помощью Макговерн побеждал более признанных или обладавших большей харизмой политиков, а также тех, кто имел оба этих преимущества. К последним относились, например, Губерт Хамфри, Эд Маски, мэр Нью-Йорка Джон Линдси, перешедший из республиканской партии в демократическую, чтобы иметь возможность выставить свою кандидатуру, сенатор Генри Джексон из штата Вашингтон и Джордж Уоллес, которого парализовало во время предвыборной кампании после ранения в результате покушения на его жизнь. Свою кандидатуру выдвинула также член Палаты представителей от штата Нью-Йорк Ширли Чисхолм, первая афроамериканка, баллотировавшаяся на пост президента.

Мы считали, что Макговерн наберет достаточно голосов для победы при первом голосовании, если сможет оспорить позицию делегации штата Калифорния. Согласно новым правилам, разработанным Комиссией Макговерна, представительство делегатов от каждого штата, в котором проводятся предварительные выборы, должно было точно отражать процент полученных ими на этих выборах голосов. Однако в штате Калифорния по-прежнему существовала система «победитель получает все», и этот штат настаивал на своем праве сохранить ее, поскольку к моменту проведения общенационального съезда демократов Законодательное собрание Калифорнии не изменило своих правил. По иронии судьбы, Макговерн предпочитал систему, существовавшую в Калифорнии, правилам, выработанным его комиссией, поскольку победил на предварительных выборах, получив 44 процента голосов, однако ему обещали свою поддержку все представители этого штата — 271 делегат. Люди, представляющие силы, выступавшие против Макговерна, заявили, что он лицемер и что съезду следует считать, что его поддерживает только 120 делегатов от Калифорнии, или 44 процента, в то время как 151 делегат пообещал свою поддержку другим кан-

дидатам пропорционально доле голосов, полученных ими на предварительных выборах в этом штате. Мандатная комиссия съезда выступала против Макговерна и проголосовала за поддержку требования Калифорнии, то есть за то, чтобы учесть голоса только 120 поддержавших его делегатов от этого штата, поставив, таким образом, под сомнение возможность победы нашего кандидата при первом голосовании.

Решения Мандатной комиссии могли быть отменены большинством голосов делегатов съезда. Силы, выступавшие за Макговерна, хотели заставить делегацию Калифорнии изменить свою позицию. К ним присоединилась и делегация Южной Каролины, которой грозила опасность лишиться всех своих голосов, так как съезд решил не допускать ее к работе, поскольку, вопреки правилам, женщины составляли не половину членов этой делегации, а всего лишь 25 процентов. Номинально Макговерн выступал против делегации Южной Каролины из-за недостаточного представительства женщин в ее составе.

То, что произошло потом, сложно объяснить, и по этой причине не стоит вдаваться в детали. По существу, Рик Стернс решил, что нам следует отказаться от голосов делегатов Южной Каролины, связать наших оппонентов процедурным правилом, выгодным для нашего отвода, и тогда мы выиграем голоса депутатов от Калифорнии. Это сработало. Делегация Южной Каролины была допущена на съезд, и наши соперники уже предвкушали победу. Однако к тому моменту, когда они поняли, что с ними сыграли злую шутку, было уже поздно; мы получили голоса всех делегатов от Калифорнии (271) и гарантию, что Макговерн будет выдвинут кандидатом на пост президента. Отвод делегации Калифорнии был, возможно, самым наглядным примером политического джиу-джитсу на съезде партии с тех пор, как проведение предварительных выборов стало главным методом отбора делегатов. Как я уже говорил, Рик Стернс был гениальным знатоком процедурных вопросов. Успех меня воодушевил. Теперь Макговерну была фактически гарантирована победа на выборах при первом голосовании, и люди из Южной Каролины, которые мне очень понравились, смогли остаться на съезде.

К сожалению, после этого ситуация стала ухудшаться. Судя по результатам опросов общественного мнения, Макговерн пришел на съезд с большим отставанием, но, тем не менее, в пределах досягаемости рейтинга президента Никсона, и мы надеялись за неделю набрать пять-шесть пунктов благодаря интенсивному освещению событий в средствах массовой информации в течение нескольких дней. Но, чтобы добиться подобного повышения рейтинга, был необходим такой же систематический контроль над развитием событий, какой осуществили наши силы в решении вопроса об отводе делегатов. Однако по какой-то непонятной причине на этом этапе мы его полностью утратили. Во-первых, организация защиты прав гомосексуалистов устроила в отеле, где жил Макговерн, сидячую забастовку, и ее представители отказались сдвинуться с места, пока он с ними не встретится. Когда Макговерн это сделал, средства массовой информации и республиканцы заявили, что он сдался и этот поступок характеризует его как человека слабого и чрезмерно либерального. Затем, в четверг вечером, после того как

Макговерн предложил выдвинуть кандидатом на пост вице-президента Тома Иглтона, сенатора от штата Миссури, он допустил выдвижение других кандидатов — соперников Иглтона — накануне голосования, которое должно было состояться в этот вечер. В состязании претендентов на этот пост приняли участие еще шесть человек, которые произносили речи в качестве кандидатов, а затем состоялось длительное поименное голосование. Хотя победа Иглтона была предreshена, некоторые делегаты отдали свои голоса и другим кандидатам. Внимание телезрителей отвлекли также Роджер Мадд из CBS News, телевизионный персонаж Арчи Банкер и Мао Цзэдун. Это была катастрофа. На освещение бесполезных событий ушло все лучшее телевизионное время, когда за происходящим на съезде наблюдали 18 миллионов семей. События, которые должны были стать главными для средств массовой информации, — выступление сенатора Эдварда Кеннеди, предложившего кандидатуру Макговерна, и собственная речь последнего, в которой он принял это предложение, пришлось перенести на утренние часы. Сенатор Кеннеди был выше всяких похвал и произнес воодушевляющую речь. Макговерн тоже выступил хорошо. Он призвал Америку «снова стать такой, какой она должна быть, отвергнув ненужное расточительство... бесполезность праздных рук... предрассудки... Вернуться к утверждению, что у нас есть мечта... к убеждению, что мы можем вести страну вперед... к вере, что мы можем стремиться к обновленному миру». Проблема была в том, что наш кандидат начал говорить в 2:48 утра — «лучшее телевизионное время для Самоа», как пошутил юморист Марк Шилдс. В результате Макговерн потерял 80 процентов своей телеаудитории.

А тут еще вскоре была обнародована информация, что Иглтон страдал депрессией и прошел курс терапии, включая лечение электрошоком. К сожалению, в те времена люди еще очень мало знали о природе и спектре проблем душевного здоровья, а также о том, что предыдущие президенты, включая Линкольна и Вильсона, периодически страдали депрессией. Мысль о том, что в случае избрания Макговерна сенатор Иглтон может оказаться ближе всех к посту президента, вызвала у многих людей тревогу, которая усугублялась тем, что сенатор в свое время не рассказал Макговерну о своих проблемах. Если бы он знал об этом заранее и все равно выбрал Иглтона, мы бы, возможно, могли добиться реального прогресса в понимании общественностью проблем душевного здоровья, однако из-за того, при каких обстоятельствах это выяснилось, под сомнение ставились не только способность Макговерна принимать правильные решения, но и его компетентность. Выбирая Иглтона, наш хваленый предвыборный штаб не посоветовался даже с губернатором штата Миссури — демократом Уорреном Хирнсом, который знал о проблемах сенатора.

Через неделю после съезда в Майами наше положение оказалось еще хуже, чем когда демократы покинули Чикаго четыремья годами ранее: мы выглядели одновременно чересчур либеральными и слишком неумелыми. После того как стала известна история Иглтона, Макговерн вначале заявил, что он «на тысячу процентов» поддерживает своего кандидата на пост вице-президента, однако через несколько дней под жестоким и неустанным нажимом собственных сторонников снял его кандидатуру. Затем до второй

недели августа пришлось искать замену Иглтону. После того как Тед Кеннеди, сенатор от штата Коннектикут Эйб Рибикофф, губернатор Флориды Губерт Хамфри и сенатор Эд Маски отказались выдвинуть свои кандидатуры на этот пост, Сарджент Шрайвер, зять президента Кеннеди, сказал «да». Я был убежден, что большинство американцев проголосуют за «кандидата мира», который был прогрессивным, но не слишком либеральным деятелем. До событий в Майами я считал, что мы сможем убедить избирателей голосовать за Макговерна. Теперь мы снова были отброшены назад, к тому, с чего начали. После съезда я отправился в Вашингтон, чтобы познакомиться с Хиллари. Я так устал, что проспал больше суток.

Через несколько дней я собрал вещи, чтобы отправиться в Техас для участия в координации кампании перед всеобщими выборами в этом штате. Я летел из Вашингтона в Арканзас, чтобы взять там машину, понимая, что меня ждет нелегкая работа. В самолете рядом со мной оказался молодой человек из Джексона, штат Миссисипи, который спросил меня, чем я занимаюсь. Когда я ответил, он почти выкрикнул: «Вы — единственный известный мне белый сторонник Макговерна!» Позднее, когда я дома по телевизору смотрел, как Джон Дин дает показания в возглавлявшемся сенатором Сэмом Эрвином специальном сенатском комитете, который занимался расследованием «Уотергейтского дела» о правонарушениях Белого дома во времена президентства Никсона, зазвонил телефон. Это был тот самый молодой человек, рядом с которым я сидел в самолете. Он произнес: «Я позвонил вам, чтобы вы могли сказать: “А что я вам говорил?”». Я больше никогда о нем не слышал, но был благодарен ему за этот звонок. Удивительно, насколько изменилось общественное мнение за два года, пока рассматривалось «Уотергейтское дело».

Однако летом 1972 года поездка в Техас оказалась бесполезной, хотя и приятной. Начиная с кампании Джона Кеннеди в 1960 году для руководства важными кампаниями демократов в штатах часто выбирали людей, которые там не жили. Считалось, что они сумеют объединить соперничающие группировки и добьются, чтобы все решения прежде всего были основаны на интересах кандидата, а не местных групп. Теория теорией, а на практике чужаки могли вызвать недовольство у всех сторон, особенно во время такой сложной кампании, как у Макговерна, и в условиях такого раскола и противоречий, как в Техасе.

Предвыборный штаб решил послать в Техас нас двоих — меня и Тейлора Бранча, с которым, как я уже говорил, мы впервые встретились на Мартас-Виньярде в 1969 году. Для страховки штаб создал «триумвират», присоединив к нашей группе третьего сотрудника, молодого преуспевающего юриста из Хьюстона Джулиуса Гликмэна.

Поскольку мы с Тейлором были южанами и не возражали против сотрудничества, я считал, что, возможно, нам удастся успешно поработать в Техасе. Мы разместили предвыборный штаб на 6-й Западной улице в Остине, неподалеку от здания Законодательного собрания штата, и вместе жили в квартире, находящейся на холме, на другом берегу реки Колорадо.

Тейлор руководил деятельностью штаба и контролировал бюджет. Денег у нас было немного, поэтому некоторая его прижимистость оказалась очень кстати; кроме того, он лучше, чем я, умел говорить людям «нет». Я взаимодействовал с организациями в округах, а Джулиус обеспечивал поддержку видных техасцев, с которыми он был знаком. В нашем штабе с энтузиазмом работало много молодых людей. Трое из них стали для нас с Хиллари особенно близкими друзьями: Гарри Моро, впоследствии член правительства Техаса, занимающийся земельными вопросами, который сыграл ведущую роль в моей кампании перед президентскими выборами, а также Рой Спенс и Джуди Трабулси, основавшая рекламное агентство, ставшее крупнейшим в Америке за пределами города Нью-Йорк. Гарри, Рой и Джуди впоследствии поддерживали Хиллари и меня во время проведения всех наших кампаний.

Жительницей Техаса, которая на тот момент оказала самое большое влияние на мою карьеру, была Бетси Райт, дочь врача из небольшого городка Альпена в Западном Техасе. Она была старше меня всего года на два, однако накопила гораздо больший опыт политической деятельности на низовом уровне, поскольку работала в отделении демократической партии в своем штате и в организации «Общая цель». Бетси была умной, сильной, верной и даже чересчур добросовестной. Она оказалась единственным известным мне человеком, даже больше меня увлеченным политикой. В отличие от некоторых наших неопытных коллег, Бетси понимала, что нам очень сильно достанется, однако работала по восемнадцать часов в сутки. После того как в 1980 году я потерпел поражение на выборах губернатора штата Арканзас, Хиллари попросила Бетси приехать в Литл-Рок, чтобы помочь подготовить мои документы для новой попытки. Она это сделала и осталась, чтобы руководить моей предвыборной кампанией, в 1982 году закончившейся победой. Впоследствии Бетси работала руководителем аппарата сотрудников губернатора. В 1992 году она сыграла важнейшую роль в президентской кампании, с непревзойденным мастерством и силой защищая меня и то, что было мною сделано, от бесконечных личных и политических нападок. Если бы не Бетси Райт, я не стал бы президентом.

После того как я пробыл в Техасе несколько недель, ко мне приехала Хиллари, включившаяся в предвыборную кампанию. Энн Уэкслер взяла ее на работу, чтобы регистрировать избирателей, поддерживающих демократическую партию. У Хиллари сложились прекрасные отношения с остальными сотрудниками предвыборного штаба, и она скрасила даже самые нелегкие для меня дни.

Начало кампании в Техасе было трудным, главным образом из-за катастрофы с Иглтоном, но также потому, что многие местные демократы не хотели, чтобы их отождествляли с Макговерном. Сенатор Ллойд Бентсен, который два года назад нанес поражение пламенному либералу сенатору Ральфу Ярборо, отказался стать руководителем предвыборного штаба. Выдвинутый на пост губернатора Дольф Бриско, владелец ранчо из Южного Техаса, который через несколько лет стал моим другом и сторонником, не хотел даже появляться с нашим кандидатом на публике. Бывший губернатор штата Техас Джон Коннелли, который девять лет назад находился

в одной машине с Джоном Кеннеди в тот момент, когда произошло убийство, и был близким соратником президента Джонсона, возглавлял организацию «Демократы за Никсона».

Тем не менее Техас — слишком большой штат, чтобы его можно было не принимать во внимание, и четыре года назад Хамфри одержал там победу, хотя и получил всего 38 тысяч голосов. И, наконец, два чиновника, занимавших выборные должности в правительстве штата, — курирующий сельское хозяйство Джон Уайт и занимавшийся земельными вопросами Боб Армстронг — согласились стать сопредседателями штаба предвыборной кампании. Уайт, старомодный техасский демократ, знал, что мы не сможем победить, но хотел, чтобы кандидаты на пост президента и вице-президента от демократической партии получили лучшие результаты, какие только возможны в Техасе. Впоследствии Джон стал председателем Национального комитета демократической партии. Боб Армстронг был горячим поборником охраны окружающей среды; он любил играть на гитаре и проводить с нами время в местном кегельбане «Биар-гарден» Шольца или в концертном зале «Армадильо», куда приглашал нас с Хиллари на выступление Джерри Джеффа Уокера и Уилли Нельсона.

В конце августа, когда сенатор Макговерн и Сарджент Шрайвер должны были приехать в Техас, чтобы встретиться с президентом Джонсоном, мне показалось, что положение улучшается. Шрайвер, приятный жизнерадостный человек, постоянно и энергично поддерживал наших кандидатов на посты президента и вице-президента. Он был основателем Legal Services Corporation, оказывавшей юридическую помощь беднякам, первым директором Корпуса мира при президенте Кеннеди и первым руководителем программы «Война с бедностью» при президенте Джонсоне.

Встреча Макговерна и Шрайвера с экс-президентом Джонсоном прошла вполне успешно, однако по существу не дала политических преимуществ, поскольку Джонсон настоял на том, чтобы на ней не присутствовали представители печати, а также потому, что несколькими днями раньше он, правда без особого энтузиазма, уже выразил поддержку Макговерну в одной из местных газет. Для меня главным результатом этой встречи была фотография экс-президента Джонсона с автографом. Он ее подписал, когда несколькими днями раньше Тейлор приехал к нему на ранчо, чтобы окончательно обо всем договориться. Вероятно, мне и Тейлору Джонсон понравился больше, чем большинству других членов предвыборного штаба Макговерна, потому что мы были южанами, выступавшими за гражданские права.

После встречи Макговерн вернулся в номер люкс в Остине, чтобы пообщаться с некоторыми своими основными сторонниками и сотрудниками предвыборного штаба, которые предъявили много претензий к беспорядку в ходе кампании. Она, безусловно, была дезорганизована. Мы с Тейлором работали в предвыборном штабе недостаточно долго, чтобы пользоваться авторитетом, и не смогли обеспечить четкую организацию кампании. Поддерживавшие нас либералы впали в уныние после того, как в трудной борьбе за пост губернатора Дольф Бриско на предварительных выборах нанес поражение их кандидату Сисси Фарентолд. По какой-то непонятной причине

госсекретаря Боба Буллока — государственного деятеля самого высокого ранга, поддержавшего Макговерна, даже не пригласили на встречу с ним. Макговерн послал ему извинение, но это была оплошность, которая говорила о многом.

Вскоре после того как Макговерн отбыл из Техаса, предвыборный штаб решил, что нам, молодым, необходим контроль со стороны более опытных сотрудников, поэтому из Сиу-Сити, штат Айова, сюда направили жесткого седого ирландца Дона О'Брайена, ранее активно участвовавшего в кампании Джона Кеннеди и работавшего в Министерстве юстиции под руководством Роберта Кеннеди. Мне очень нравился Дон О'Брайен, но он был старомодным шовинистом, действовавшим на нервы многим нашим независимым молодым женщинам. Тем не менее его присутствие помогло нам работать более эффективно, и у меня стало легче на душе, потому что теперь я мог проводить еще больше времени в разъездах. Это были мои лучшие дни в Техасе.

Я отправился на север, в Уэйко, где встретился с магнатом страхового бизнеса, либералом и своим будущим сторонником Бернардом Рапопортом; затем поехал на восток, в Даллас, где познакомился с Джессом Хеем, умеренным, но верным демократической партии предпринимателем, тоже ставшим моим верным другом и приверженцем, и чернокожим сенатором Законодательного собрания штата Эдди Бернисом Джонсоном, который, когда я был избран на пост президента, стал одним из моих самых решительных союзников в Конгрессе. Потом я побывал в Хьюстоне, где встретил и полюбил крестную мать техасских либералов Билли Карр, высокую женщину с хриплым голосом, немного напоминавшую мне маму. Билли взяла меня под свое крыло и опекала до своего последнего дня, даже тогда, когда я огорчал ее, выступая с менее либеральных позиций, чем она сама.

Я впервые близко познакомился с американцами мексиканского происхождения, которых тогда обычно называли «чиканос», и полюбил их обычаи, культуру и кухню. В Сан-Антонио я открыл для себя рестораны «У Марио» и «Ми Тьерра», где однажды трижды поел за восемнадцать часов.

В Южном Техасе я работал с Франклином Гарсиа, жестким профсоюзным организатором, у которого было нежное сердце, и с его коллегой Пат Робардс. Однажды вечером Франклин и Пат перевезли нас с Хиллари на машине через Рио-Гранде в Матаморос, в Мексику. Они пригласили нас в дешевый ресторанчик, где выступал оркестр мариачи и вялая стриптизерша, а в меню главным блюдом было *кабрито* — приготовленная на открытом огне голова козленка. Я так устал, что заснул. Пока я спал, стриптизерша продолжала танцевать, а на меня смотрела голова козленка.

Однажды я ехал один на машине по сельской местности в Южном Техасе. Остановившись у бензоколонки, чтобы заправиться, я завязал разговор с молодым американцем мексиканского происхождения, заливавшим бензин в бак моей машины, и призвал его голосовать за Макговерна. «Не могу», — сказал он. На мой вопрос «Почему?» парень ответил: «Из-за Иглтона. Макговерну не следовало отказываться от него. У многих людей бывают неприятности. Надо оставаться верным своим друзьям». Я навсегда запом-

нил его мудрый совет. Когда я занимал пост президента, американцы латиноамериканского происхождения знали, что я хочу быть им другом, и всегда поддерживали меня.

В последнюю неделю кампании, когда игра была окончательно проиграна, произошло два запомнившихся мне события. Конгрессмен Генри Б. Гонсалес устроил в Сан-Антонио обед для членов демократической партии в округе Бексар. Обед проходил в отеле «Менджер» близ Аламо, где более двухсот техасцев под предводительством Джима Буи и Дэви Крокета погибли, сражаясь за независимость Техаса от Мексики. Более чем через шестьдесят лет после этого события Тедди Рузвельт жил в отеле «Менджер», когда готовил «Мужественных всадников» к легендарной битве на горе Сан-Хуан на Кубе. В этом отеле подают фантастически вкусное манговое мороженое, к которому я пристрастился. Накануне выборов 1992 года, когда мы сделали остановку в Сан-Антонио, мои сотрудники закупили такого мороженого на четыреста долларов, и все, кто находился в самолете предвыборного штаба, ели его всю ночь.

На этом обеде выступил лидер демократического большинства в Палате представителей Хейл Боггс из штата Луизиана. Он произнес эмоциональную речь в поддержку Макговерна и демократов. На следующий день я разбудил его рано утром, чтобы Боггс успел на самолет, направлявшийся на Аляску, где он должен был вести кампанию вместе с конгрессменом Ником Бегичем. На следующий день, пролетая над покрытыми снегом горными вершинами, самолет потерпел крушение, и его так и не нашли. Я очень любил Хейла Боггса, и мне было жаль, что в тот день мы не проспали. У него осталась чудесная семья. Его жена Линди, красивая женщина и сама первоклассный политик, заняла его место в Палате представителей от Нового Орлеана и была одним из моих самых решительных сторонников в штате Луизиана. Впоследствии я назначил ее послом США в Ватикане.

Другое достойное внимания событие произошло во время последней поездки Сарджента Шрайвера в Техас. Мы провели удачный митинг в Макаллене, городе, расположенном на крайнем юге этого штата, а потом поспешили в аэропорт и с трудом успели на рейс до Тексарканы, где конгрессмен Райт Пэтмэн собрал несколько тысяч человек на бульваре Стейт-Лайн, который служил границей между Арканзасом и Техасом. Однако по какой-то причине наш самолет не взлетал. Через несколько минут мы узнали, что в туманном ночном небе над Макалленом кружит одномоторный самолет. Пилотировавший его летчик потерял ориентацию и теперь ожидал инструкций, причем на испанском языке, следуя которым он мог бы совершить посадку. Сначала надо было найти пилота, знавшего испанский язык и умеющего по приборам прокладывать курс, а затем успокоить этого парня, объяснить ему, как посадить самолет, и принять машину. Пока разворачивались эти драматические события, я сидел напротив Шрайвера и рассказывал ему об остановке в Тексаркане. Если у нас и были сомнения относительно шансов нашей кампании, эта история их рассеяла. Шрайвер отнесся ко всему происходящему очень спокойно и попросил бортпроводниц подать обед. Вскоре на взлетно-посадочной полосе

аэропорта Макаллена стояли два самолета с сотрудниками предвыборного штаба и большой группой журналистов, которые ели бифштекс. Когда более чем через три часа мы наконец добрались до Тексарканы, участники митинга уже разошлись, однако около двухсот самых активных, включая конгрессмена Пэтмэна, отправились в аэропорт, чтобы встретить Шрайвера. Он вышел из самолета и пожал руку каждому, словно это уже был первый день выборов.

В Техасе Макговерн потерпел поражение, получив 33 процента голосов против 67. Это был несколько лучший результат, чем в Арканзасе, где его поддержал всего 31 процент избирателей. После выборов мы с Тейлором остались еще на несколько дней, чтобы поблагодарить наших людей и закончить все дела. Затем, после короткого отдыха в Сихуатанехо на тихоокеанском побережье Мексики, мы с Хиллари вернулись в Йельский университет. Сейчас в Сихуатанехо построено много новых зданий, а тогда это была маленькая мексиканская деревушка с ухабистыми немощеными улицами, открытыми барами и тропическими птицами на деревьях.

Мы с Хиллари хорошо сдали выпускные экзамены, особенно с учетом нашего долгого отсутствия. Мне пришлось немало потрудиться, чтобы постичь сложные правила морского права. Я стал изучать его только для того, чтобы иметь возможность посещать занятия Чарльза Блэка, отличающегося красноречием вежливого техасца, которого любили и уважали студенты и который особенно хорошо относился к Хиллари. К моему немалому удивлению, сфера действия морского права распространялась на все водные пути в США, которые когда-то были судоходными, в том числе на озера, возникшие после строительства плотин на некогда судоходных реках вокруг моего родного города.

Во время весеннего семестра 1973 года я занимался с полной нагрузкой, однако больше всего думал о поездке домой и о том, как сложатся наши отношения с Хиллари. Нам обоим очень нравилось участвовать в постановке показательного судебного процесса для барристеров. Мы написали сценарий, в котором действовали персонажи из фильма «Касабланка». Муж героини Ингрид Бергман был убит, и по подозрению в этом преступлении судили персонажа Хэмфри Богарта. Джон Дор, друг и бывший коллега Берка Маршалла по Министерству юстиции, приехал в Нью-Хейвен со своим маленьким сыном, чтобы выступить на этом процессе в роли судьи. Мы с Хиллари принимали его у себя, и он произвел на нас очень большое впечатление. Неудивительно, что ему удавалось столь эффективно проводить в жизнь решения по соблюдению гражданских прав на Юге. Дор был спокойным, прямым, умным и сильным человеком, к тому же хорошим судьей, и в результате присяжные сняли обвинение с Богги.

Однажды после занятий по предмету «Налогообложение корпораций» профессор Чирелстейн задал мне вопрос, что я буду делать, когда окончу университет. Я сказал ему, что вернусь в родной Арканзас и, скорее всего, займусь частной практикой, поскольку у меня нет предложений о найме. Он сообщил, что на юридическом факультете Арканзасского университета

в Фейетвилле неожиданно появилась вакансия, посоветовал мне подать заявление о приеме на эту работу и предложил дать рекомендацию. Я никогда не думал о том, что могу получить работу преподавателя или что мне следует этим заниматься, но идея меня заинтересовала. Через несколько дней, в конце марта, я выехал на машине домой, чтобы провести там пасхальные каникулы. Добравшись до Литл-Рока, я съехал с шоссе и позвонил из телефона-автомата декану юридического факультета Уайли Дэвису. Я представился, сказал ему, что слышал о вакансии и хотел бы получить эту работу. Он ответил, что я слишком молод и у меня нет опыта. Засмеявшись, я заметил, что слышу это уже несколько лет, но если ему срочно нужен преподаватель, то я ему подойду, потому что буду работать не покладая рук и вести любые предметы, какие он пожелает. Кроме того, мой срок пребывания в должности не будет оговорен, поэтому он в любой момент сможет меня уволить. Дэвис пригласил меня в Фейетвилл на собеседование, и я вылетел туда в первую неделю мая. У меня были очень убедительные рекомендательные письма от профессора Чирелстейна, Берка Маршалла, Стива Дьюка, Джона Бейкера и Кэролайн Дайнгар, декана факультета политологии Университета Нью-Хейвена, где я преподавал «Конституционное право» и «Уголовное право» студентам последнего курса. Собеседования прошли успешно, и 12 мая я получил от декана Дэвиса письмо, в котором он предложил мне должность доцента с жалованьем 14 706 долларов. Хиллари советовала мне принять это предложение, и через десять дней я ответил согласием.

Жалованье было небольшим, однако преподавание позволяло сократить возвращаемую сумму по предоставленному мне ранее заему на основании закона «Об образовании для нужд национальной обороны». Мой другой кредит на образование был уникален в том смысле, что предусматривал погашение мною и моими однокашниками займов за счет небольшого фиксированного процента от наших ежегодных доходов до тех пор, пока не будет погашена общая сумма долга нашей группы. Безусловно, те, кто больше зарабатывал, платили больше, однако все мы знали об этом, когда брали кредит. Став президентом, я, опираясь на свой опыт использования программ предоставления кредитов в Йельском университете, стремился изменить федеральную программу займов на образование таким образом, чтобы студенты имели возможность возвращать долг в течение более длительного времени на основе фиксированного процента от их доходов. В этом случае снижалась вероятность того, что они бросят учебу из-за опасения не вернуть долги и не так неохотно будут браться за низкооплачиваемую, но общественно полезную работу. Когда мы предоставили студентам возможность получать займы в зависимости от доходов, многие ею воспользовались.

Я не был сверхприлежным студентом, но тем не менее с удовольствием вспоминаю годы учебы на юридическом факультете. Я многому научился у талантливых и увлеченных своим делом преподавателей и у других студентов, более двадцати из которых впоследствии назначил на посты в администрации или федеральной судебной системе. Я стал лучше понимать, какую роль играет закон в обеспечении правопорядка и справедливости

в нашем обществе и как он помогает добиваться общественного прогресса. Жизнь в Нью-Хейвене помогла мне понять реалии и этническое многообразие городской Америки. А самое главное, здесь я встретил Хиллари.

Благодаря участию в предвыборных кампаниях Даффи и Макговерна у меня появились хорошие друзья, разделявшие мое увлечение политикой, и я больше узнал о механизмах проведения подобных мероприятий. Кроме того, я понял: для того чтобы одержать победу на выборах в качестве прогрессивного кандидата, нужны активные усилия и дисциплина в организации кампании, необходимо также представить платформу и программу, убеждающие людей в необходимости смены курса. Наше общество способно одновременно воспринять лишь определенную порцию перемен, и, продвигаясь вперед, мы должны действовать так, чтобы подтверждались наши основные убеждения о возможностях и ответственности, о работе и семье, о силе и сочувствии — то есть ценности, являющиеся основой успеха Америки. Большинство людей мало что волнует кроме воспитания детей, своей работы и оплаты счетов. Они не уделяют политике правительства так много внимания, как либералы, и не одержимы проблемой власти так, как новые правые консерваторы. Люди обладают значительным здравым смыслом и стремятся к пониманию главных факторов, влияющих на их жизнь, однако нельзя ожидать, чтобы они отказались от ценностей и социальных структур, которые, по меньшей мере, позволяют им выживать и сохранять самоуважение. С 1968 года консерваторам удавалось убеждать представителей среднего класса Америки, что прогрессивные кандидаты, идеи и политика чужды их ценностям и представляют угрозу для их безопасности. Из Джо Даффи, сына шахтера, сделали слабого представителя элиты — ультралиберала. Джорджа Макговерна, настоящего героя войны, которого выбрали в Сенат консерваторы сельских районов Южной Дакоты, превратили в бесхарактерного левого экстремиста, желавшего не отстаивать интересы Америки, а брать налоги и самозабвенно расходовать эти средства. В обоих случаях кандидаты и их предвыборные штабы сделали ошибки, подтвердившие то представление о них, к созданию которого активно стремились их оппоненты. Я уже достаточно знал о том, как трудно втаскивать на политическую «гору» такие «камни», как гражданские права, мир и программы борьбы с бедностью, чтобы понимать, что мы не можем рассчитывать на постоянные победы, но был полон решимости перестать помогать нашим оппонентам одерживать над нами верх без борьбы. Впоследствии, уже будучи губернатором, а потом и президентом, я снова совершал те же самые ошибки, но не так часто, как мог бы, если бы мне не предоставилась возможность поработать на двух хороших людей — Джо Даффи и Джорджа Макговерна.

Мне доставляла удовольствие перспектива возвращения домой, где меня ожидала интересная работа, однако я не знал, как быть с Хиллари и что для нее лучше всего. Я всегда считал, что у нее есть не меньший (или даже больший), чем у меня, потенциал для достижения успеха в политике, и хотел, чтобы она использовала свой шанс. В то время я желал этого для Хиллари больше нее самой и считал, что если она поедет со мной в Аркан-

зас, то это лишит ее перспективы политической карьеры. Я не хотел этого, но не хотел и отказываться от нее. Хиллари уже решила, что не будет работать в крупной фирме или секретарем у судьи, и выбрала работу в новом офисе Фонда защиты детей Мэриана Эделмана в Кембридже, штат Массачусетс. Поэтому мы должны были разъехаться и оказаться очень далеко друг от друга.

Вот как обстояли дела, когда мы окончили юридический факультет и я повез Хиллари в ее первую поездку за границу. Я показал ей Лондон и Оксфорд, затем мы отправились на запад, в Уэльс, а потом — снова в Англию, к озеру Дистрикт, на котором мне раньше бывать не приходилось. В конце весны там очень красиво и романтично. Однажды на закате на берегу озера Эннердейл я попросил Хиллари выйти за меня замуж. Мы оба не могли поверить, что я это сделал. Она ответила, что любит меня, но не может ответить «да». Я не мог ее за это винить, но не хотел терять, поэтому предложил поехать со мной в мой родной Арканзас и посмотреть, как ей там понравится, а также сдать вступительный экзамен в Ассоциацию адвокатов Арканзаса, просто на всякий случай.

Виюне Хиллари прилетела повидаться со мной в Литл-Рок. Я повез ее домой самым длинным путем, чтобы показать ей хотя бы часть штата, который так любил. Мы проехали на запад, вверх по течению реки Арканзас, семьдесят миль до Расселвилла, затем на юг по шоссе 25, через горы Уошито и лесной заповедник, время от времени останавливаясь, чтобы полюбоваться красивыми пейзажами. Пару дней мы провели в Хот-Спрингс с мамой, Джеффом и Роджером, а потом, вернувшись в Литл-Рок, приступили к учебе на подготовительных курсах перед поступлением в Ассоциацию адвокатов Арканзаса, и это дало результаты, поскольку мы оба успешно сдали экзамен.

После экзамена Хиллари вернулась в Массачусетс, чтобы приступить к работе в Фонде защиты детей, а я отправился в Фейетвилл, где мне предстояло начать новую жизнь преподавателя права. Я подыскал отличное жилье — красивый маленький домик, спроектированный известным арканзасским архитектором Фэем Джонсом, который построил в соседнем Юрика-Спрингс удивительную часовню Торнкраун, принесшую ему международное признание и награды. Дом располагался на участке площадью более 80 акров, на шоссе 16 примерно в восьми милях к востоку от Фейетвилла. Его восточная граница проходила вблизи места разветвления реки Уайт. На соседнем пастбище паслось несколько десятков коров. В этом доме, построенном в середине 1950-х годов, была, по существу, одна разделенная пополам длинная и узкая комната, в центре которой находилась ванная. На фасаде и задней стене было несколько раздвижных стеклянных дверей, и благодаря им, а также застекленной крыше в спальне и ванной, в нем было много света. Гостиную по всей длине опоясывала застекленная веранда. Окружавший дом участок земли спускался к дороге, образуя выступ. Этот дом с его атмосферой мира и спокойствия оказался просто находкой для меня, особенно когда я начал свою первую предвыборную кампанию. Мне нравилось сидеть на веранде или у камина и гулять у реки, где пасся скот.

Однако у этого дома имелись и некоторые недостатки. Каждую ночь его посещали мыши. Когда я понял, что не смогу от них избавиться и что они прочно обосновались на кухне, я стал оставлять им хлебные крошки. Во дворе было много пауков, клещей и других опасных насекомых. Меня они не беспокоили, но когда коричневый паук-отшельник укусил Хиллари, нога у нее сильно распухла и очень нескоро вернулась в нормальное состояние. Кроме того, в доме невозможно было обеспечить безопасность. В то лето в северо-западном районе Арканзаса произошел ряд краж со взломом. Преступник побывал во многих сельских домах, расположенных вдоль 16-го шоссе. Однажды вечером, когда я вернулся домой, мне показалось, что там кто-то побывал, однако все вещи были целы. Возможно, я спугнул граби-

теля. Поддавшись порыву, я сел и написал ему письмо — на тот случай, если он придет еще раз:

Уважаемый грабитель! В моем доме все выглядит как всегда, поэтому я не могу с уверенностью сказать, побывали Вы здесь вчера или нет. Если нет, то вот список того, что Вы здесь найдете: телевизор, полтора года назад, когда он был новым, стоивший 80 долларов; радиоприемник, три года назад, когда он был новым, стоивший 40 долларов; маленький проигрыватель, три года назад, когда он был новым, стоивший 40 долларов; а также множество памятных подарков — небольших предметов, лишь очень немногие из которых стоят больше 10 долларов. Почти вся одежда куплена два-три года назад. Ради этого едва ли стоит идти на риск оказаться за решеткой.

Уильям Дж. Клинтон

Я прикрепил это письмо скотчем к камину. К сожалению, моя уловка не сработала. На следующий день, когда я был на работе, парень снова пришел и забрал телевизор, радиоприемник, проигрыватель и единственную вещь, которую я специально не включил в свой список, — немецкую саблю времен Первой мировой войны с красивой гравировкой. Я был очень огорчен исчезновением этой сабли, потому что мне подарил ее папа, а также потому, что всего год назад в Вашингтоне из моей машины украли другую дорогую для меня вещь — тенор-саксофон «Селмер-Марк VI», который родители подарили мне в 1963 году. Пропавший саксофон я в конце концов заменил «Селмером» 1935 года — моделью «машинка для обрезки сигар», но пропажа сабли была невосполнимой утратой.

В последние недели чрезвычайно знойного августа я готовился к лекциям, а в самые жаркие часы дня бегал по дорожке вокруг университета, чтобы сбросить вес до 185 фунтов, в первый и последний раз с тех пор, как мне исполнилось тринадцать лет. В сентябре я начал вести занятия по предметам «Антитрестовское законодательство», которое изучал в Йельском университете и которое мне очень нравилось, и «Агентское право и товарищества», определяющее характер контрактных отношений и вытекающие из них правовые обязательства. Я преподавал «Антитрестовское законодательство» шестнадцати студентам, а «Агентское право и товарищества» — пятидесяти шести. В основе антитрестовского законодательства лежит идея о том, что правительство обязано препятствовать созданию монополий и не основанной на конкуренции экономической деятельности, чтобы сохранить действенную, честную экономику свободного рынка. Поскольку я знал, что не все студенты имеют достаточную экономическую подготовку, я очень старался излагать материал так, чтобы им были понятны основные принципы. Предмет «Агентское право и товарищества», напротив, казался мне довольно простым. Я боялся, что студентам будет скучно и они не поймут его важности и периодически возникающих трудностей с определением точного характера отношений между сторонами в совместном предприятии, поэтому старался придумывать интересные и наглядные примеры, чтобы

на занятиях постоянно шли дискуссии. Например, в связи со слушаниями по делу «Уотергейт» и реакцией Белого дома на связанные с ним разоблачения возникало множество вопросов о виновных во взломе. Были ли они уполномочены на это президентом, а если нет, то от чьего имени и по чьему поручению действовали? На всех занятиях, которые я вел, я старался вовлечь в дискуссию как можно больше студентов и организовать все таким образом, чтобы при необходимости они всегда могли обратиться ко мне не только в моем кабинете, но и в коридоре юридического факультета.

Мне очень нравилось проводить письменные экзамены, и я надеялся, что они будут интересными, требующими напряжения всех сил и честными. В прочитанных мною позже описаниях моей преподавательской деятельности ставилась под сомнение справедливость полученных студентами оценок: их авторы давали понять, что я был слишком либерален — из-за чрезмерной мягкости или потому, что не хотел обидеть студентов, которые могли бы стать моими сторонниками, в случае если бы я баллотировался на какую-либо выборную должность. В Йельском университете были только три отметки: «отлично», «посредственно» и «неудовлетворительно». Как правило, там очень трудно было получить оценку «отлично» и фактически невозможно — «неудовлетворительно». На юридических факультетах многих других учебных заведений, особенно тех, где условия приема не отличались строгостью, оценки ставились жестче: предполагалось, что «неудовлетворительно» получают от двадцати до тридцати процентов учащихся. Я был с этим не согласен. Если студент получал плохую оценку, я всегда считал это и своей неудачей: это означало, что я не сумел заинтересовать его или ее, убедить в необходимости активно работать. Почти все студенты были достаточно интеллектуально развиты и способны к учебе, чтобы получить «С» («посредственно»). С другой стороны, я считал, что хорошая оценка должна что-то означать. В больших группах, в которых было от пятидесяти до девяноста студентов, я ставил два-три «А» («отлично») и примерно столько же «D» (низкий балл). В одной группе из семидесяти семи человек я поставил только одну оценку «А» и лишь однажды «завалил» студента. Обычно студенты, чувствовавшие, что провалятся на экзаменах, предпочитали уйти, чтобы не получить «F» («неудовлетворительно»). В двух более малочисленных группах я поставил больше оценок «А», потому что студенты в них работали активнее, лучше усваивали материал и вполне их заслужили.

Хотя впервые чернокожие студенты стали поступать на юридический факультет Арканзасского университета двадцать пять лет назад, вплоть до начала 1970-х годов они составляли лишь незначительный процент учащихся юридических учебных заведений южных штатов. Многие из них не имели достаточной подготовки, особенно те, кто учился в сегрегированных школах для бедных. В период с 1973 по 1976 год мои занятия посещало примерно двадцать афроамериканцев; я был знаком и с другими чернокожими студентами. Почти все они учились очень старательно. Они стремились к успеху, и некоторые из них испытывали колоссальный психологический стресс из-за страха, что им не удастся его достичь. Иногда их

страхи были оправданны. Никогда не забуду, как я читал экзаменационную работу одного чернокожего студента, возмущаясь и не веря своим глазам. Я знал, что он занимался день и ночь и неплохо знал материал, однако по его экзаменационной работе этого сказать было нельзя. Да, она содержала правильные ответы, но, чтобы найти их, надо было продрататься через множество орфографических ошибок, неверных грамматических форм и неправильно построенных предложений. Знания, достойные «А», были изложены в форме, заслуживавшей лишь «F»: все портило то, чему он должен был научиться еще в начальной школе. Я поставил ему «В», исправил грамматические и орфографические ошибки и решил организовать дополнительные консультации, чтобы помочь чернокожим студентам, много работавшим и обладавшим природным умом, добиться лучших результатов. Я думаю, эти занятия помогли им как в понимании сути проблем, так и в психологическом плане, хотя некоторые из них так и не смогли преодолеть трудности с изложением своих мыслей в письменной форме. Им было нелегко, поскольку, с одной стороны, они стремились воспользоваться новыми возможностями, а с другой — им мешало в этом тяжелое бремя существовавшей в прошлом сегрегации. Многие из этих студентов сделали впоследствии блестящую карьеру в качестве адвокатов или судей, и клиенты, интересы которых они представляли, и стороны, чьи споры они разбирали, вряд ли могли представить, на какую высокую «гору» им пришлось взбираться, чтобы добиться своего нынешнего положения. В 2003 году, когда Верховный суд одобрил программу позитивных действий, я вспомнил о своих чернокожих студентах, о том, как много они работали, сколько препятствий им пришлось преодолеть, и мне не потребовались какие-то дополнительные аргументы, чтобы поддержать это решение.

Помимо того что мне очень нравилось общение со студентами, самым приятным в работе преподавателя права была принадлежность к коллективу факультета, где было много людей, которых я уважал и которыми восхищался. Моими лучшими друзьями на факультете были двое моих ровесников: Элизабет Озенбах и Дик Аткинсон. Элизабет, которая подружилась и с Хиллари, была очень способной девушкой, выросшей на ферме в штате Айова, убежденной демократкой и увлеченным своим делом преподавателем. В конце концов она вернулась в Айову, где стала работать в канцелярии генерального прокурора. Когда я был избран президентом, я убедил ее согласиться поработать в Министерстве юстиции, однако через несколько лет она все же вернулась в родной штат, главным образом потому, что так, по ее мнению, было лучше для ее маленькой дочери Бетси. К сожалению, в 1998 году Элизабет умерла от рака, и Бетси взял к себе ее брат. На протяжении нескольких лет я продолжал поддерживать связь с Бетси: ведь ее мать принадлежала к числу лучших людей, которых я когда-либо встречал.

Дик Аткинсон был моим другом по юридическому факультету. Его не удовлетворяла частная практика в Атланте, поэтому я предложил ему подумать о преподавании и посоветовал приехать в Фейетвилл на собеседование. Так он и сделал. Ему предложили должность на нашем факультете, и он принял это предложение. Студенты любили Дика, а ему нравилась

работа преподавателя. В 2003 году он стал деканом юридического факультета Арканзасского университета.

Самым популярным преподавателем нашего факультета был Роберт Лефлар, выдающийся ученый-правовед нашего штата, признанный специалист по гражданским правонарушениям, коллизионному праву и апелляцияционному судопроизводству. В 1973 году ему было уже больше семидесяти (в этом возрасте преподаватели должны были выходить на пенсию), и он работал с полной учебной нагрузкой всего за один доллар в год. Боб преподавал на факультете с двадцати шести лет и в течение нескольких лет, еще до нашего знакомства, каждую неделю ездил в Нью-Йорк, где читал федеральным судьям и судьям штатов курс лекций по апелляцияционному судопроизводству на юридическом факультете Нью-Йоркского университета, который прослушали более половины судей Верховного суда. При этом он никогда не опаздывал на занятия ни в Фейетвилле, ни в Нью-Йорке.

Боб Лефлар был худощавым человеком маленького роста с большими пронизательными глазами. Несмотря на свой возраст, он все еще был силен как бык. Его вес не превышал 150 фунтов, но, работая у себя во дворе, Боб перетаскивал глыбы камня-плитняка, которые я сам поднимал с большим трудом. После каждого футбольного матча с участием команды «Рейзорбэк», проходившего в родном штате, Боб и его жена Хелен устраивали у себя дома вечеринки, во время которых гости иногда играли во дворе в тач-футбол. Мне особенно запомнился один матч, когда мы с Бобом и одним молодым адвокатом играли против двух высоких молодых парней и девятилетнего мальчика. Счет был почти равным, и мы договорились, что тот, кто забьет следующий гол, будет считаться победителем. Мяч был у нашей команды. Я спросил у Боба, хочет ли он победить. Он ответил: «Конечно». По духу соперничества он не уступал Майклу Джордану. Тогда я велел третьему игроку нашей команды вести мяч в центр, и, когда нападающий погонится за мной, заблокировать высокого парня, защищавшего правый край. Девятилетний мальчик закрывал Боба, думая, что я пошлю мяч более высокому и более молодому человеку, а если мяч все же окажется у Боба, то он сможет его коснуться. Я посоветовал Бобу заблокировать мальчика справа, затем резко побежал влево и бросил ему мяч еще до того, как нападающему противника удалось до меня добежать. Когда мяч был схвачен, Боб настолько «завелся», что сбил мальчика с ног и побежал налево. Он был полностью открыт, когда третий игрок нашей команды выполнил задачу по блокированию. Я послал Бобу свечу, и после того как он пересек голевую линию, он казался самым счастливым 75-летним человеком в Америке. Боба Лефлара отличали острый ум, сердце льва, железная воля и по-детски безграничная любовь к жизни. Он был своего рода демократическим аналогом Строма Турмонда. Будь у нас побольше таких людей, мы бы побеждали гораздо чаще. Когда в 1993 году Боб умер, я подумал, что он был еще слишком молод, чтобы уйти из жизни.

Политика юридического факультета определялась на его регулярных заседаниях. Иногда мне казалось, что они длятся слишком долго, что слишком много внимания уделяется второстепенным вопросам, которые лучше

было бы оставить в компетенции декана и других представителей администрации, однако на этих заседаниях я многое узнал об управлении научными учреждениями и их внутренней политике. Обычно я соглашался с мнением коллег, когда удавалось достичь консенсуса, поскольку считал, что они знают больше меня и имеют больший опыт научной работы. Я призывал сотрудников факультета больше внимания уделять благотворительной деятельности и смягчить для преподавателей правило «публикуйся или умри», с тем чтобы они имели возможность читать больше лекций, а также больше времени проводить со студентами после занятий.

Моя благотворительная деятельность заключалась в том, что я помог студентам и одному старшему преподавателю решить возникшие у них незначительные правовые проблемы, а также пытался, причем безуспешно, убедить еще некоторых врачей в Спрингдейле, расположенном к северу от Фейетвилла, обслуживать малоимущих пациентов в рамках программы «Медикэйд». Кроме того, по просьбе министра юстиции Джима Гая Такера я подготовил записку для Верхового суда США по одному антитрестовскому делу, а также впервые выступил в суде в качестве адвоката, представляя интересы моего друга Стива Смита, члена Палаты представителей Законодательного собрания штата, в споре, связанном с толкованием закона о выборах в округе Мадисон.

В Хантсвилле, административном центре округа и родном городе Орвала Фобуса, было немногим более тысячи жителей. Все должности в суде — от судьи до шерифа и ниже — занимали демократы, однако в гористой и низменной частях Северного Арканзаса значительную часть жителей составляли республиканцы, большинство которых были потомками людей, выступавших в 1861 году против выхода южных штатов из Союза. В 1972 году республиканцы добились хороших результатов на выборах, чему способствовала блестящая победа Никсона, и полагали, что если им удастся добиться признания недействительными достаточного числа бюллетеней избирателей, проголосовавших заочно, результаты выборов в местные органы власти могут измениться на противоположные.

Это дело рассматривалось в старом здании окружного суда Мадисона судьей Биллом Энфилдом, демократом, ставшим впоследствии моим другом и сторонником. Демократы были представлены и двумя другими яркими личностями: Биллом Мерфи, юристом из Фейетвилла, посвятившим свою жизнь Американскому легиону, где он был командиром от Арканзаса, а также демократической партии, и местным адвокатом У.Л. Холлом по прозвищу «Кью» — чрезвычайно умным человеком с одной рукой и столь же острым чувством юмора, как крюк, служивший продолжением его левой руки. Выступления людей, вызванных в суд, чтобы дать объяснения в связи с заочным голосованием, создавали яркую картину непоколебимой преданности, слабого представления о политике и экономических трудностей — всего того, что отличало жизнь в горных районах Арканзаса. Один человек должен был объяснить, почему он проголосовал заочно в последний момент, не подав заявления заранее, как это положено по закону. Он объяснил, что работает в комиссии штата по охране рыбы и дичи и проголосовал

за день до выборов, поскольку как раз перед этим получил указание в день выборов доставить единственный в штате капкан на медведя в округ Стоун. Добраться туда можно было лишь по горным дорогам, и это должно было занять много времени. Его бюллетень был признан действительным. Другой избиратель был вызван для дачи показаний из Талсы, штат Оклахома, где он работал. Он признался, что уже более десяти лет живет в Талсе, но продолжает заочно голосовать в округе Мадисон, хотя по закону уже не является жителем Арканзаса. Когда юрист-республиканец стал давить на него, упирая на это обстоятельство, он горячо заявил, что округ Мадисон является для него родным, что ему пришлось уехать в Талсу, потому что он не мог заработать на жизнь в горном районе Арканзаса, что он совсем не разбирается в политике и она его не интересует и что лет через десять, как только сможет уйти на пенсию, он вернется в родной штат. Не помню, сочли ли его бюллетень действительным, но его преданность родным местам произвела на меня большое впечатление.

Стив Смит дал показания о том, как он собирал бюллетени обитателей принадлежавшего его отцу интерната для престарелых, пожелавших проголосовать заочно. Закон разрешал сотрудникам подобным учреждений помогать заполнять бюллетени, однако требовал, чтобы их отправлял по почте кто-то из родственников этих пожилых людей или лицо, имеющее на это письменное разрешение. Стив же собрал все бюллетени и опустил их в ближайший почтовый ящик. Я представил судье очень убедительное, на мой взгляд, заключение, в котором подчеркнул, что было бы абсурдным утверждать, что Стив не имел права отправлять эти бюллетени, поскольку никто не высказал предположения, что Стив их каким-либо образом подделал или что обитатели интерната не хотели, чтобы он отправил эти бюллетени по почте. Насколько нам было известно, не все пожилые люди, находившиеся в интернате, имели родственников, которые могли бы выполнить это поручение. Судья Энфилд вынес решение против нас со Стивом, однако он все же признал действительными достаточное число бюллетеней, чтобы окружной судья Чарльз Уортон, шериф Ральф Бейкер и члены их команды сохранили свои посты.

Я проиграл это дело, однако получил бесценное для меня представление о жизни горцев Арканзаса. Я также подружился с несколькими наиболее яркими политиками из тех, которых мне когда-либо доводилось встречать. Если в округ Мадисон приезжал новый человек, через неделю становилось известно, демократ он или республиканец. Республиканцам для участия в выборах приходилось регистрироваться в здании суда. Демократов секретарь округа регистрировал на дому. За две недели до выборов всех демократов обзванивали, чтобы напомнить о предстоящих выборах. Им также звонили утром в день выборов. Если они не успевали проголосовать, а время было уже позднее, кто-нибудь из избирательного штаба заходил за ними и провожал их на избирательный участок. В 1974 году, когда я впервые баллотировался на всеобщих выборах, я позвонил Чарльзу Уортону, чтобы узнать, как обстоят наши дела. Он сообщил, что сильным дождем смыло мост в отдаленном районе округа и некоторые наши сторонники не смогли

добраться до избирательных участков, однако делается все возможное, и он считает, что мы победим с преимуществом примерно в 500 голосов. Я одержал победу в округе Мадисон с преимуществом в 501 голос.

Прожив в Фейетвилле пару месяцев, я уже чувствовал себя здесь совершенно как дома. Мне нравилось преподавать, нравилось посещать футбольные матчи, на которых я болел за команду «Рейзорбэкс», нравилось ездить на автомобиле по горным дорогам и являться членом университетского сообщества, которое состояло из людей с такими же интересами, как и у меня. Я подружился с Карлом Уиллоком, одним из заместителей ректора, очень сдержанным человеком с короткими седыми волосами. Я познакомился с ним на ланче в кафетерии Уайатта в большом торговом центре, расположенном на полпути между Фейетвиллом и Спрингдейлом. Все сидевшие за нашим столом критиковали президента Никсона, кроме Карла, который не произнес ни слова. Я не имел ни малейшего представления о том, что он думает по этому поводу, поэтому спросил его об этом напрямик. Никогда не забуду, как он ответил своим ровным голосом: «Я согласен с Гарри Трумэном. Он сказал, что Ричард Никсон из тех, кто снимет деревянные монеты с глаз покойника». В прежние времена деревянными монетами называли деревянные кружки, которые клали на веки умершим перед бальзамированием. Карла Уиллока можно сравнить с книгой, о которой нельзя судить по ее обложке. За его внешней невозмутимостью скрывались трезвый ум и отважное сердце.

Мне особенно нравились две преподавательницы, мужа которых были членами Законодательного собрания штата. Энн Генри преподавала на экономическом факультете, а ее муж Морис был офтальмологом и сенатором нашего Законодательного собрания. Энн и Морис стали нашими с Хиллари близкими друзьями, и когда мы поженились, они устроили для нас свадебный прием в своем доме. Диана Кинкейд, преподававшая на факультете политологии, вышла замуж за члена Палаты представителей Законодательного собрания штата Хью Кинкейда. Диана была красива, умна и хорошо разбиралась в политике. Когда Хиллари перебралась в Фейетвилл, она не просто подружилась с Дианой они стали близкими подругами, находившими в обществе друг друга понимание, поддержку и любовь, что так редко встречается в жизни одновременно.

Хотя Фейетвилл, как и все города северо-запада Арканзаса, быстро разрастался, в нем сохранилась симпатичная маленькая городская площадь. В центре ее находилось старое здание почты, в котором после реконструкции разместились ресторан и бар. С четырех сторон площадь окаймляли магазины, учреждения и банки, а утром по субботам она превращалась в рынок, на котором фермеры продавали свежие продукты. Мой двоюродный брат Рой Клинтон владел универмагом «Кэмпбелл-Белл», здание которого располагалось в северо-западной части площади. Иногда я помогал ему торговать и благодаря этому многое узнал о городе, который стал для меня родным. Здание суда находилось всего в квартале от площади. Среди местных юристов, работавших в нем либо занимавших офисы неподалеку, были как опытные адвокаты старшего поколения, так и способные молодые юристы,

многие из которых вскоре стали моими активными сторонниками. Местная политическая тусовка собиралась в ресторане Билли Шнайдер, расположенном на шоссе 71 к северу от города. Билли была грубоватой женщиной с хриплым голосом и грубоватой манерой говорить. Она немало повидала в жизни, но не утратила всепоглощающей идеалистической страсти к политике. Ее заведение посещали все местные политики, включая «куриного» магната Дона Тайсона, чья фирма впоследствии стала крупнейшей сельскохозяйственной компанией мира, и его адвоката Джима Блэйра, невероятно умного человека ростом шесть футов пять дюймов, который вскоре стал одним из моих лучших друзей. Через несколько месяцев после моего переезда в Фейетвилл Билли закрыла ресторан и открыла бар и дискотеку в полуподвале отеля, находившегося напротив здания суда. Туда стали приходить ее прежние посетители, однако появилось и много постоянных клиентов из числа студентов университета, которых она привлекала для работы на выборах в качестве помощников своих кандидатов. Билли занимала важное место в моей жизни вплоть до того дня, когда мы ее похоронили.

Незадолго до Дня благодарения я на несколько дней покинул свою «берлогу» в горах, чтобы навестить Хиллари в Кембридже. Мы с ней еще не приняли окончательного решения о наших отношениях, но она согласилась приехать ко мне на рождественские каникулы. Я любил ее и хотел быть с ней, но понимал ее сомнения. Я был страстным и увлекающимся и, судя по моему прошлому, вряд ли представлял себе, что означают крепкие семейные узы. Она понимала, что брак со мной был рискованным во многих отношениях. Кроме того, Арканзас, должно быть, все еще казался ей слишком чужим, чтобы поселиться там навсегда, хотя теперь она и знала, что он находится не на краю света. Как я уже говорил, я и сам не был уверен, что для нее это было бы правильным решением. Я по-прежнему считал, что ей следует делать политическую карьеру. В то время я думал, что работа важнее личной жизни. Я был знаком со многими способнейшими людьми моего поколения и не сомневался, что по своему политическому потенциалу Хиллари была на голову выше их всех. Она отличалась острым умом, имела доброе сердце, обладала лучшими, чем у меня, организаторскими способностями, да и в политическом мастерстве почти мне не уступала. Просто у меня было больше опыта. Я любил ее достаточно сильно, чтобы хотеть, чтобы она осталась со мной, одновременно желая самого лучшего для нее. Это был непростой выбор.

Когда я вернулся в Арканзас, там уже начались серьезные политические дискуссии. Как и других демократов по всей стране, наших сторонников волновали слушания по Уотергейтскому делу, проводившиеся комиссией во главе с сенатором Сэмом Эрвином, и продолжение войны во Вьетнаме. Казалось, у нас были шансы добиться успеха на промежуточных выборах в Конгресс, особенно после того, как цена на нефть повысилась и были введены ограничения на продажу бензина. Однако местные демократы не считали угрозу поражения на выборах конгрессмена от нашего штата Джона Пола Хаммершмидта достаточно реальной. Хаммершмидт занимал

весьма консервативную позицию при голосовании в Конгрессе и являлся активным сторонником президента Никсона. В то же время он был дружелюбным, скромным человеком, на большинство уикендов приезжал в родной штат и ездил по всему своему округу. Он также очень эффективно занимался сбором информации о людях, живущих в неблагоприятных условиях, и улучшением этих условий, помогая маленьким городкам получать субсидии на строительство систем водоснабжения и канализации и добиваясь для избирателей государственных пособий, часто финансированных в рамках тех самых программ, за сокращение которых он голосовал в Вашингтоне. Хаммершмидт имел компанию по производству пиломатериалов, пользовался поддержкой представителей малого бизнеса округа и заботился об интересах крупных производителей древесины, домашней птицы, а также грузоперевозчиков, игравших важную роль в экономике штата.

Осенью я пытался убедить баллотироваться нескольких людей, среди которых были Хью и Диана Кинкейд, Моррис и Энн Генри, Стив Смит и член Палаты представителей Законодательного собрания штата Руди Мур, зять Кларка Уиллока. Все считали, что соревнование необходимо, но никто не хотел в нем участвовать, так как победить в нем, казалось, было почти невозможно. Кроме того, предполагалось, что соперником сенатора Фулбрайта на предварительных выборах демократической партии, скорее всего, станет губернатор Бамперс, пользовавшийся огромной популярностью. Фулбрайт был родом из Фейетвилла, и большинство моих друзей, хоть им и нравился Бамперс, считали себя обязанными помочь сенатору Фулбрайту в борьбе, которая обещала быть очень трудной.

Когда стало ясно, что ни один из жителей нашего округа, способный составить серьезную конкуренцию Хаммершмидту, не готов к этому, я начал подумывать о том, чтобы баллотироваться самому. На первый взгляд, это казалось нелепым. После девятилетнего отсутствия я прожил в родном штате всего шесть месяцев и лишь три месяца работал на новом месте. В большей части округа у меня не имелось никаких знакомств. С другой стороны, Фейетвилл, где было множество студентов и либерально настроенных демократов, был не самым худшим местом для начала политической деятельности. Хот-Спрингс, где я вырос, был самым крупным городом на юге округа, в который также входил Йелл, откуда были родом Клинтонны. Таким образом, у меня имелись родственники в пяти из двадцати одного округа, входившего в избирательный округ. Я был молод, не женат и готов работать день и ночь. И даже если бы я не победил, а просто добился хороших результатов, это совсем не помешало бы мне в будущих кампаниях, в которых я собирался принять участие. Правда, если бы я потерпел полное поражение, политическая карьера, о которой я давно мечтал, могла бы закончиться, даже не начавшись.

Когда вскоре после Рождества ко мне приехала Хиллари, мне было о чем подумать. Однажды утром в начале января мы обсуждали все это у меня дома, и вдруг зазвонил телефон. Это был Джон Дор, с которым мы с Хиллари вместе работали весной предыдущего года, когда он приехал

в Йельский университет, чтобы выступить в роли судьи на нашем конкурсном судебном процессе, сторонами в котором были герои фильма «Касабланка». Он сообщил мне, что только что согласился стать главным следователем Комитета по юридическим вопросам Палаты представителей, проводящего расследование об инициировании процедуры импичмента президента Никсона и что меня ему рекомендовал Берк Маршалл. Он предложил мне взять отпуск на юридическом факультете, подключиться к этой работе и помочь ему привлечь к ней других толковых молодых юристов. Я ответил, что собирался баллотироваться в Конгресс, но подумав над его предложением и позвоню ему на следующий день. Мне нужно было быстро принять решение, и я, как это будет часто происходить в последующие годы, обратился за советом к Хиллари. К тому времени, когда мне нужно было звонить Джону, я уже принял решение. Я поблагодарил его за предложение, но отказался от него, заявив, что решил принять участие в длительной борьбе за место в Конгрессе. Я сказал ему, что талантливых молодых юристов, которые отдали бы все за возможность участвовать вместе с ним в расследовании по импичменту, немало, а принять участие в борьбе в штате Арканзас, кроме меня, некому. Я знал, что, по мнению Джона, совершаю глупейшую ошибку, и, по здравом размышлении, так оно и было. Но, как я уже отмечал раньше, возможности, отвергнутые человеком, влияют на его жизнь в той же степени, что и возможности, которые он использует.

Я посоветовал Джону пригласить на эту работу Хиллари и наших однокашников по Йельскому университету Майка Конуэя и Руфуса Кормье. Засмеявшись, он признался, что и Берк Маршалл рекомендовал именно их. В конечном счете все они стали членами команды Джона и прекрасно выполнили свою работу. Таким образом, Дор сумел набрать группу талантливых молодых людей, и это подтвердило мою уверенность в том, что он мог обойтись без меня.

За несколько дней до возвращения Хиллари в Кембридж я отвез ее в Хантсвилл, находившийся примерно в 25 милях к востоку от моего дома, чтобы познакомить с бывшим губернатором Фобусом. Поскольку я собирался баллотироваться в Конгресс, рано или поздно мне все равно пришлось бы нанести ему визит вежливости. Кроме того, хоть мне и не очень нравилось то, что он сделал в Литл-Роке, он был яркой личностью и прекрасно разбирался в политической ситуации в Арканзасе, и мне очень хотелось, чтобы он поделился со мной своими знаниями. Фобус жил в большом красивом доме, спроектированном Фэем Джонсом, который построили для него его сторонники, когда после двенадцатилетнего пребывания на посту губернатора он вышел в отставку, не имея никаких средств. В то время он жил со своей второй женой Элизабет, привлекательной женщиной, уроженкой штата Массачусетс, все еще носившей модную в 1960-е годы прическу с начесом. До замужества она некоторое время работала политическим комментатором в Литл-Роке и придерживалась исключительно консервативных взглядов. Как внешне, так и по своему мировоззрению она разительно отличалась от первой жены губернатора Альты, убежденной попу-

листки, родившейся в одном из горных районов штата и работавшей редактором местной газеты *Madison County Record*.

Нас с Хиллари проводили в дом Фобуса и усадили за большой круглый стол на полностью застекленной террасе, с которой открывался вид на плато Озарк и раскинувшийся внизу город. В течение следующих четырех-пяти часов я задавал вопросы, а Орвал отвечал на них, и из его ответов складывался увлекательный рассказ об истории и политической жизни Арканзаса, о ситуации в штате во времена Великой депрессии и Второй мировой войны. Он также рассказал мне, почему до сих пор отстаивает правильность своих действий в Литл-Роке и как, по его мнению, проблемы президента Никсона могут повлиять на исход выборов в Конгресс. Я говорил мало, просто задавал очередной вопрос после того, как Фобус отвечал на предыдущий. Хиллари вообще молчала. Как это ни удивительно, за четыре с лишним часа Элизабет Фобус тоже не произнесла ни слова. Она лишь угощала нас кофе с домашним печеньем.

Наконец, когда стало ясно, что беседа подходит к концу, Элизабет Фобус строго посмотрела на меня и сказала: «Все это очень хорошо, мистер Клинтон, но что вы думаете о международном заговоре с целью уничтожения США?» Я ответил, глядя ей прямо в глаза: «Я, конечно же, против него, а вы разве нет, миссис Фобус?» Вскоре после нашего визита Фобусы перебрались в Хьюстон. Впоследствии Орвала постигло большое несчастье, от которого он так и не оправился: Элизабет была зверски убита в их квартире. В 1979 году, после своего избрания на пост губернатора Арканзаса я пригласил на церемонию инаугурации всех бывших губернаторов нашего штата, включая Фобуса. Мое решение вызвало возражения у моих прогрессивных сторонников, считавших, что старый плут этого не заслуживает. Последующие события доказали их правоту и стали отличным подтверждением справедливости старой поговорки, гласящей, что ни одно доброе дело не остается безнаказанным. Тем не менее я и сейчас поступил бы точно так же, хотя бы ради возможности побеседовать с Элизабет Фобус о «красной угрозе».

После отъезда Хиллари я отправился к декану Дэвису и сообщил ему, что собираюсь баллотироваться в Конгресс, пообещав продолжить занятия и находить время для студентов. В весеннем семестре я должен был вести два предмета — «Уголовно-процессуальное право» и «Морское право» и уже потратил достаточно много времени на подготовительную работу. К моему удивлению, Уайли дал мне свое благословение, возможно потому, что было уже поздно искать другого преподавателя.

Население третьего избирательного округа Арканзаса было по преимуществу сельским, в него входил двадцать один административный округ северо-западной части штата: крупные округа Вашингтон и Бентон на крайнем северо-западе; семь округов на севере, в районе плато Озарк; восемь округов в долине реки Арканзас и четыре — в горах Уошито на юго-западе. Благодаря Wal-Mart, Tyson Foods и другим компаниям по производству мяса птицы, а также грузоперевозчикам, таким как J.B. Hunt, Willis Shaw и Harvey Jones, уровень жизни в городах округов Бентон и Вашингтон

значительно вырос, и их население в основном поддерживало республиканцев. В конце концов увеличение числа протестантских христианских церквей и приток пенсионеров со Среднего Запада, а также успешная деятельность крупных компаний привели к тому, что северо-западные районы Арканзаса стали наиболее прореспубликанской и наиболее консервативной частью штата. Исключением оставался Фейетвилл, где благодаря университету сохранялось большее равновесие между представителями двух партий.

В 1974 году самым крупным и одновременно самым консервативным городом округа был расположенный на границе с Оклахомой Форт-Смит с населением 72 286 человек. В 60-е годы отцы города сократили финансирование программы обновления городов, которая, как им казалось, была первым шагом к социализму. Когда через несколько лет было предъявлено обвинение Джону Митчеллу, проходившему по уотергейтскому делу, его адвокаты заявили, что Форт-Смит — одно из трех мест в Америке, где ему могли вынести справедливый приговор. Вероятно, его бы встретили там как героя. Округа к востоку от Форт-Смита, вниз по реке Арканзас, и к северу от него, в горах, как правило, поддерживали популистов и придерживались консервативных позиций по социальным вопросам. Численность сторонников республиканцев и демократов была там примерно одинаковой.

Горные округа, особенно Мадисон, Ньютон и Серси, все еще оставались в определенной мере отрезанными от внешнего мира. Иногда туда приезжали новые люди, однако многие семьи из поколения в поколение жили на одном участке земли уже более ста лет. У жителей этого района была уникальная манера говорить: они использовали яркие выражения, которых я никогда раньше не слышал. Больше всего мне понравилось, как они говорили о человеке, если он им действительно не нравился: «Я не помочился бы ему в ухо, даже если бы его мозг был охвачен огнем». В сельских административных округах южной части избирательного округа большей поддержкой пользовались демократы, но население, тем не менее, было консервативным. Жители крупнейшего округа, Гарланда, административным центром которого был Хот-Спрингс, куда часто перебирались на жительство вышедшие на пенсию республиканцы с севера, на президентских выборах обычно голосовали за кандидата от республиканской партии. Хаммершмидт пользовался там большой популярностью.

В этих округах было очень мало чернокожих, и большинство из них жили в городах Форт-Смит и Хот-Спрингс, втором по величине городе избирательного округа, а также Расселвилле и Дарданелле, расположенных в долине реки в его юго-восточной части. В Фейетвилле, Форт-Смите и Хот-Спрингс, в отличие от других городов, были сильны позиции профсоюзов. Из-за плохих горных дорог и преобладания старых машин и пикапов потребление бензина в расчете на один автомобиль в этом округе было самым высоким в США — немаловажный фактор, учитывая рост цен на бензин и его нехватку. Там, кроме того, был самый высокий по сравнению с другими округами по выборам в Конгресс процент ветеранов-инвалидов. Конгрессмен Хаммершмидт был ветераном Второй мировой войны и вся-

чески обхаживал других ветеранов. На предыдущих выборах силы, занимавшие консервативные позиции по социальным и финансовым вопросам, одержали убедительную победу над наиболее последовательными демократами и популистами, в то время как Никсон нанес поражение Макговерну, получив 74 процента голосов против 26. Хаммершмидт получил 77 процентов. Неудивительно, что, кроме меня, желающих участвовать в предвыборной борьбе не было.

Через несколько дней после отъезда Хиллари Карл Уиллок повез меня в мою первую предвыборную поездку по северным округам. Первую остановку мы сделали в округе Кэрролл. В Берривилле, городке с населением примерно в тысячу человек, я побывал в магазине известного местного демократа Си Бигэма, который в тот день взял с собой своего четырехлетнего внука. Через двадцать с лишним лет этот маленький мальчик, Крис Энгсков, станет моим личным помощником в Белом доме. Я также познакомился с местным священником методистской церкви Виком Никсоном и его женой Фредди. Они были либеральными демократами, выступавшими против войны во Вьетнаме, и согласились поддержать меня, но сделали гораздо больше. Фредди, ставшая координатором моей кампании, очаровала всех лидеров сельских избирательных округов. Позднее, когда я стал губернатором, она работала в губернаторской канцелярии и не переставала убеждать меня в необходимости отмены смертной казни. А когда мы с Хиллари решили пожениться, именно Вик провел церемонию венчания.

Мы поехали на восток, к округу Бун, а затем — в Маунтин-Хоум, административный центр Бакстера, самого северного округа штата. Карл познакомил меня с Хью Хэклером, бизнесменом, который первым делом заявил нам, что на предварительных выборах будет поддерживать другого кандидата. Тем не менее у нас завязалась беседа. Узнав, что я из Хот-Спрингс, он сообщил, что дружил с Гейбом Кроуфордом. Когда же я ответил, что Гейб был лучшим другом моего отца, Хью отказался от своего решения голосовать за другого парня и поддержал меня. Я также познакомился с Вейдой Шейд, владелицей мебельного магазина, которая была казначеем штата. Заметив у меня на рубашке державшуюся на одной нитке пуговицу, она предложила ее пришить. Вейда тоже стала моей сторонницей. Она никогда больше не пришивала мне пуговиц, но, когда я уже был губернатором, а Вейда — сенатором Законодательного собрания штата, она не раз помогла мне при голосовании.

Из Маунтин-Хоум мы направились в округ Серси. Мы сделали остановку в Сент-Джо, где было всего около 150 жителей, чтобы повидать председателя окружной организации демократической партии Уилла Гоггинса. Уиллу было уже за восемьдесят, однако он был умен и наблюдателен, обладал большой физической силой и с упоением занимался политической деятельностью. Когда он сказал, что поддержит меня, я понял, что это принесет мне множество голосов, в чем мы впоследствии и убедились. В административном центре Маршалле я познакомился с Джорджем Дэниелом, владельцем местного магазина скобяных изделий. Младший брат Джорджа, Джеймс, был студентом юридического факультета, и именно он

сделал одно из первых пожертвований на мою предвыборную кампанию — тысячу долларов; его старший брат Чарльз работал в том же округе врачом. Я часто смеялся над грубоватыми шутками Джорджа, но вскоре благодаря ему получил урок, который надолго запомнил. Как-то раз в его магазин зашел ветеран вьетнамской войны, вернувшийся в округ через несколько лет, и купил пистолет, сказав, что хочет поупражняться в стрельбе. На следующий день он убил шесть человек. Оказалось, он только что сбежал из Форт-Рутс, федеральной клиники для душевнобольных ветеранов, расположенной в северной части Литл-Рока, где провел несколько лет. Его болезнь, по-видимому, стала следствием тяжелого потрясения, связанного с участием в боевых действиях во Вьетнаме. Джордж Дэниел долго переживал случившееся. На мой взгляд, это было самым убедительным аргументом в пользу проверки анкетных данных покупателей оружия, которую предлагалось ввести в соответствии с законом Брейди. Я подписал этот закон лишь в 1993 году, через девятнадцать лет, в течение которых уголовники и люди с психическими расстройствами продолжали совершать убийства, которые можно было бы предотвратить.

Когда мы с Карлом вернулись в Фейетвилл, я был на седьмом небе. В те времена, когда я работал на других кандидатов, мне всегда нравились «розничные» кампании, основанные на встречах один на один. И теперь я с удовольствием посещал маленькие городки или останавливался, чтобы поговорить с людьми у сельских магазинов, кафе и бензоколонок. Я никогда не умел просить деньги, однако мне нравилось приходить к людям домой и на работу и уговаривать их отдать за меня свой голос. Кроме того, в ходе таких встреч всегда можно было встретить колоритную личность, услышать интересную историю, узнать что-нибудь стоящее или завести нового друга.

За первым днем предвыборной кампании последовали десятки других, очень на него похожих. Я выезжал из Фейетвилла рано утром и работал до поздней ночи, стараясь объехать как можно больше городов и округов, затем, если на следующий день нужно было проводить занятия в университете, возвращался домой. Если же занятий не было, я оставался ночевать у какого-нибудь гостеприимного демократа, чтобы утром отправиться в очередной округ.

В следующее воскресенье я вновь поехал на восток, чтобы закончить работу в горных округах. Эта поездка чуть было не сорвалась, поскольку перед выходными я забыл залить полный бак моего «Гремлина» 1970 года производства компании American Motors, а в соответствии с федеральным законом бензоколонки из-за нехватки бензина по воскресеньям не работали. Мне же надо было ехать в горы. В отчаянии я позвонил президенту нашей местной бензиновой компании, Чарльзу Шарло, и спросил, не разрешит ли он мне заправиться на своем складе. Чарльз предложил мне приехать на склад, сказав, что позаботится об этом. К моему удивлению, он пришел туда и сам залил бензин в бак моей машины. Таким образом, Чарльз Шарло без посторонней помощи обеспечил продолжение моей едва начинавшейся предвыборной кампании.

Сначала я отправился в Альпену, чтобы встретиться с председателем окружной организации демократической партии Бо Форни, которого не застал во время первой поездки в этот город. Я без труда нашел его маленький домик, во дворе которого увидел пикап со стойкой для ружей — обычное для горцев снаряжение. Бо встретил меня у парадной двери в джинсах и белой футболке на мощном торсе. Все время, пока я произносил свою речь с просьбой о поддержке, он молча смотрел телевизор. Когда я закончил, Бо сказал, что Хаммершмидту следует как следует всыпать и, хоть он и получит большое преимущество в своем родном городе Гаррисоне, мы вполне сможем добиться хороших результатов в округе Бун. Затем он назвал имена нескольких людей, с которыми мне следовало встретиться, заметил, что я получу больше голосов, если постригусь, и, добавив, что будет меня поддерживать, отвернулся к телевизору. Вначале я не знал, что о нем и подумать, но, возвращаясь к своей машине, присмотрелся получше к его пикапу и увидел на бампере наклейку со словами: «Не надо меня винить. Я голосовал за Макговерна» Когда я позже спросил Бо об этой наклейке, он ответил так: ему все равно, что говорят критики о Макговерне, демократы, в отличие от республиканцев, выступают за простых людей, и в этом все дело. Когда я стал президентом, а Бо был болен, наш общий друг и товарищ по партии Леви Филипс, очень предприимчивый человек, привез его в Вашингтон, чтобы он смог побывать в Белом доме и остаться там с нами на ночь. Бо хорошо провел время, но отказался ночевать в спальне Линкольна. Он не мог простить ему крайностей, допущенных республиканцами после Гражданской войны, в эпоху Реконструкции Юга, и их преданности богатым и сильным мира сего в XX веке. Я надеюсь, что теперь, когда и Линкольн, и Бо на небесах, они поладили и преодолели свои разногласия.

После Альпены я отправился в Флиппин, городок в округе Марион с населением около тысячи человек, где асфальтированных дорог было меньше, чем в любом другом городе нашего штата. Я встретился с двумя молодыми людьми, которым хотел поручить руководство моей предвыборной кампанией в этом городке, — Джимом Миллиганом и Керни Карлтоном. Они усадили меня в пикап Джима, сами сели с обеих сторон и по грунтовой дороге отправились в Эвертон, крохотное местечко в самой отдаленной части округа, в гости к Леону Суоффорду, которому принадлежал единственный в тех местах магазин и поддержка которого могла принести мне сотни две голосов. Примерно в десяти милях от города, в совершенно глухом месте, Джим остановился. Мы вылезли из машины и буквально утонули в пыли. Джим вынул пачку жевательного табака «Ред мэн», положил в рот кусочек, затем угостил Керни. После этого Керни протянул пластинку и мне, сказав: «Хотим посмотреть, что ты за фрукт. Если ты настоящий мужчина и станешь жевать этот табак, мы тебя поддержим. Если нет, мы выкинем тебя из машины, и ты вернешься в город пешком». Подумав, я ответил: «Открывайте свою чертову дверь». Секунд пять они таращились на меня, потом разразились громовым смехом, и мы продолжили путь к магазину Суоффорда. Нам удалось получить там голоса, причем со временем число наших сторонников значительно увеличилось. Если бы их мнение обо мне

основывалось на моем отношении к табаку «Ред мэн», то я, возможно, до сих пор бродил бы по проселочным дорогам округа Марион.

Через несколько недель я вновь подвергся подобному испытанию. Я приехал в Кларксвилл, расположенный в долине реки Арканзас, вместе с лидером моего окружного предвыборного штаба Роном Тейлором, двадцатидвухлетним молодым человеком. Он происходил из семьи, игравшей заметную роль в политической жизни штата, и, несмотря на довольно юный возраст, сам прекрасно разбирался в вопросах политики. Он пригласил меня на окружную ярмарку, чтобы познакомить с шерифом, поддержка которого, как сказал Рон, необходима для того, чтобы получить голоса жителей округа. Мы нашли шерифа на площадке для родео держащим под уздцы лошадь. Родео должно было начаться с выводки — демонстрации лошадей на арене. Шериф подал мне поводья и посоветовал принять в ней участие, после чего обещал представить меня собравшимся. Он заверил меня, что лошадь очень смиренная. На мне были темный костюм и рубашка с галстуком, на ногах — ботинки с узкими загнутыми носами. Последний раз я сидел на лошади в пять лет, позируя для фотографии в костюме ковбоя. От жевательного табака я отказался, но поводья взял и в седло сел. После того как я всю жизнь смотрел ковбойские фильмы, подумал я, насколько трудно мне будет это сделать? Когда началась выводка, я выехал на арену с таким видом, словно делал это миллион раз. Я проехал примерно четверть окружности арены, и сразу после того, как меня представили, лошадь внезапно остановилась и встала на дыбы. Каким-то чудом мне удалось на ней удержаться. Толпа зааплодировала. Мне кажется, они решили, что я сделал это специально. Только шериф знал, что произошло на самом деле, но тем не менее поддержал меня.

Я закончил поездку по Озарку в округе Ньютон, одном из красивейших мест Америки, где протекает река Буффало, которая недавно стала первой рекой, взятой под охрану Конгресса в соответствии с законом «О заповедных ландшафтных реках». Сначала я остановился в Пруитте, небольшом поселении на реке Буффало, чтобы встретиться с Хилари Джонсом. Он занимался строительством дорог и, хоть и жил в довольно скромном доме, был, возможно, самым богатым человеком округа. Его предки были демократами начиная со времен Гражданской войны и даже еще раньше, и у него имелись свидетельствовавшие об этом генеалогические книги. Всю жизнь он прожил на своей земле у реки. В годы Великой депрессии его семья лишилась значительной ее части, и, вернувшись домой после Второй мировой войны, он несколько лет работал, чтобы вернуть утраченное. То, что Буффало объявили рекой, находящейся под охраной, стало для него самым настоящим кошмаром. Большинство землевладельцев, живших в долине этой реки, пользовались землей на правах пожизненной аренды и не могли продать ее никому, кроме правительства. После их смерти ее также могло приобрести только правительство. Поскольку участок Хилари находился рядом с главным шоссе, правительство намеревалось забрать его на основании права на принудительное отчуждение частной собственности. У Хилари и его жены Маргарет было восемь детей, и они хотели, чтобы каждый

из них имел свою землю. На их участке находилось старое кладбище, где были похоронены люди, родившиеся в XVIII веке. Когда в округе умирал одинокий бедняк, его хоронили на этом кладбище, и Хилари оплачивал похороны. Я был согласен с тем, что реку необходимо охранять, но считал, что правительству следовало позволить старым владельцам земли сохранить ее на основе сервитута, который исключил бы любые преобразования или действия, ведущие к ухудшению экологии, но позволил бы семьям продолжать владеть этой землей из поколения в поколение. Благодаря общению с жителями долины Буффало я, став президентом, лучше многих других демократов понимал недовольство фермеров из западных штатов, возникавшее каждый раз, когда соображения экологии вступали в противоречие с тем, что они считали своими исключительными правами.

В конце концов Хилари Джонс потерпел поражение в борьбе с правительством. Эта борьба дорого ему обошлась, но не убила в нем страсть к политике. Он переехал в новый дом и продолжал заниматься политической деятельностью. Позже мы с Хиллари провели с ним незабываемый вечер в Белом доме. Он чуть не расплакался, когда Хиллари привела его в Комнату географических карт, чтобы показать военную карту, которой Франклин Делано Рузвельт пользовался незадолго до своей смерти в 1945 году в Уорм-Спрингс, штат Джорджия. Хилари боготворил Рузвельта. В отличие от Бо Форни, он провел ночь в спальне Линкольна. Когда Хилари гостил у нас в Белом доме, я пошутил насчет того, что он спал в постели Линкольна, от чего отказался Бо Форни. На это Джонс ответил, что он спал на той стороне кровати, которая находится под портретом Эндрю Джексона. С первого дня нашего знакомства и до того самого момента, когда я вылетел из Белого дома в родной штат, чтобы произнести речь на его похоронах, Хилари Джонс оставался моим надежным сторонником в округе Ньютон. Он был олицетворением сурового и прекрасного духа дорогих моему сердцу мест, которые я люблю с тех пор, как впервые увидел их в шестнадцать лет.

Административный центр округа Джаспер был небольшим городком с населением менее четырехсот человек. Здесь было два кафе, в одном из которых часто собирались республиканцы, а в другом — демократы. Человек, с которым я хотел встретиться, Уолтер Брейзел, жил этажом ниже принадлежавшего его жене кафе, которое облюбовали демократы. Я приехал к нему воскресным утром, когда он еще был в постели, и сидел, дожидаясь его, в маленькой гостиной, причем дверь из гостиной в спальню была открыта. Начав надевать брюки, он, поскольку еще не совсем проснулся, поскользнулся, а так как был человеком достаточно полным, то в буквальном смысле покатился по полу, перевернувшись несколько раз и, таким образом, оказавшись в гостиной. Я очень нуждался в его поддержке, поэтому не рассмеялся. Зато смеялся Уолтер. Он сказал, что когда-то тоже был молодым, стройным и быстрым, играл защитником в стартовой пятерке баскетбольной команды средней школы Коал-Хилла и в 1930-е годы именно под его руководством эта команда выиграла на чемпионате штата у Центральной средней школы Литл-Рока. Он сильно поправился в те годы,

когда занимался бутлегерством, а потом так и не смог сбросить вес. Вскоре он сказал, что будет меня поддерживать, — возможно, только для того, чтобы никто не мешал ему снова улечься спать.

Затем я отправился в один из сельских районов, чтобы встретиться с Биллом Фаулером, владельцем фермы в Боксли. Билл был представителем Арканзаса в Службе по сельскохозяйственным угодиям и охране окружающей среды при администрации Джонсона. Когда мы стояли на холме, откуда открывался живописный вид на горы, он сказал, что будет меня поддерживать, но не думает, что Хаммершмидт «достаточно запачкался дерьмом Никсона, чтобы завонять к дню выборов». Затем он дал такую оценку президенту: «Мне очень неприятно говорить это о республиканце, но Никсон мог бы стать прекрасным президентом. Он очень способный, у него отличные мозги, но он — неудачник, и с этим ничего не поделаешь». Возвращаясь в Фейетвилл, я размышлял над его словами.

В первые недели предвыборной агитации я, помимо того, что работал с отдельными людьми, старался создать эффективный механизм кампании. Как я уже упоминал, дядя Реймонд и Гейб Кроуфорд выделили мне 10 тысяч долларов, чтобы я мог начать свою деятельность, и я занялся сбором средств — сначала преимущественно в районе Фейетвилла, затем по всему округу и, наконец, штату. Некоторые из моих друзей по Джорджтаунскому, Оксфордскому и Йельскому университетам, а также предвыборные штабы Макговерна и Даффи прислали чеки на небольшие суммы. Самое крупное пожертвование сделала моя приятельница Энни Бартли, падчерица губернатора Уинтропа Рокфеллера, которая впоследствии, когда я стал губернатором, представляла Арканзас в Вашингтоне, округ Колумбия. Когда на митингах мы передавали из рук в руки урну для пожертвований, тысячи людей часто бросали туда по одному доллару, а нередко и по пять или десять долларов.

Двадцать пятого февраля в мотеле «Аванелль», куда мама обычно заходила по утрам выпить кофе перед работой, в присутствии моей семьи и нескольких друзей я официально объявил о выдвижении своей кандидатуры.

Дядя Реймонд предоставил под мой избирательный штаб небольшой удачно расположенный домик в Хот-Спрингс. Мама, Роуз Крейн, моя соседка по Парк-авеню, и Бобби Харгрейвз, молодой юрист, с сестрой которого я работал в Вашингтоне, занялись организацией его деятельности и прекрасно с этим справились. Впоследствии, когда я стал губернатором, Роуз перебралась в Литл-Рок и стала сотрудницей моей администрации, а мама продолжила организационную работу и использовала созданные структуры в моих последующих кампаниях. Главный штаб находился в Фейетвилле. Мой друг банкир Джордж Шелтон согласился взять на себя руководство предвыборной кампанией, а молодой адвокат Ф.Х. Мартин, с которым мы вместе играли в баскетбол, стал казначеем. Я арендовал старый дом на Колледж-авеню, и там работали преимущественно студенты, а в выходные — лишь моя двоюродная сестра Мэри Клинтон, пятнадцатилетняя дочь Роя. Мы изготовили большие плакаты с лозунгом «Клинто-

на — в Конгресс!» и развесили их на обеих сторонах дома. Они до сих пор там висят, но их много раз закрашивали, когда в дом въезжали новые учреждения. Сегодня поверх всех старых надписей там можно увидеть только одно слово: «Тату». Потом мой друг детства Пэтти Хау открыл штаб в Форт-Смите, и по мере приближения дня выборов по всему округу появлялись и другие избирательные штабы. К 22 марта, когда я приехал в Литл-Рок, чтобы зарегистрировать свою кандидатуру, у меня было три соперника: сенатор Законодательного собрания штата Джин Рейнуотер, коротко стриженный демократ-консерватор из Гринвуда, города, расположенного южнее Форт-Смита; Дэвид Стюарт, молодой красивый мужчина, адвокат из Дэнвилла в округе Йелл, и Джим Скэнлон, высокий общительный человек, мэр Гринленда, расположенного в нескольких милях к югу от Фейетвилла. Больше всего меня беспокоил Стюарт, поскольку он был обязательным человеком и хорошим оратором, а также потому, что происходил из родного для Клинтон-округа, на поддержку которого я рассчитывал.

Первое крупное политическое мероприятие в рамках моей кампании состоялось 6 апреля: это был митинг в Расселвилле, университетском городке в восточной части округа. Этот митинг был обязательным мероприятием, и на нем присутствовали все кандидаты на федеральные должности, а также должности в штатах и местных органах власти, включая сенатора Фулбрайта и губернатора Бамперса. Гвоздем программы стало выступление Роберта Берда, сенатора от Западной Вирджинии. Он произнес зажигательную речь, выдержанную в старых добрых традициях, и развлек собравшихся игрой на скрипке. Затем начались выступления кандидатов. Те, кто баллотировался в Конгресс, должны были говорить последними. К тому времени, когда выступления всех предыдущих ораторов, длившиеся от трех до пяти минут, закончились, было уже больше десяти вечера. Я понимал, что к тому времени, когда дело дойдет до нас, люди устанут и им все это наскучит, но решил рискнуть и выступить последним. Мне казалось, что это было единственной возможностью произвести впечатление.

Я как следует поработал над речью и сократил ее до двух минут. Это был страстный призыв добиться избрания более сильного Конгресса, который будет защищать интересы простых людей в противовес власти, сконцентрированной в руках республиканской администрации и ее союзников — представителей деловых кругов. Хотя я и записал свою речь на бумаге, я не заглядывал в текст и вложил в это выступление всю душу. Так или иначе, оно нашло отклик у слушателей, которые, хоть и устали после этого долгого вечернего мероприятия, все же нашли в себе силы встать и поаплодировать. Когда после митинга люди выходили из помещения, мои добровольные помощники раздавали им листовки с текстом моего выступления. Начало моей предвыборной кампании оказалось успешным.

После митинга ко мне подошел губернатор Бамперс. Похвалив мое выступление, он сказал, что ему известно, что я работал у сенатора Фулбрайта, и он знает, что поступает неправильно, пытаясь занять его место. Потом Бамперс очень удивил меня, заявив: «Лет через двенадцать вам, возможно, придется принимать аналогичное решение — баллотироваться

или нет в качестве моего соперника. Если вы сочтете, что это нужно делать, идите и баллотируйтесь и помните, что именно я посоветовал вам сделать это». Дейл Бамперс был большой хитрец. Он мог бы отлично зарабатывать, работая психологом.

Следующие семь недель слились в одну непрерывную цепь митингов, сельских распродаж, ужинов с пирогами, мероприятий по сбору средств и «розничной» политики. После того как объединение АФТ — КПП на своем совещании в Хот-Спрингс приняло решение поддержать мою кандидатуру, я получил значительную финансовую и организационную поддержку. Ассоциация образования штата Арканзас также поддержала меня, поскольку я выступал за федеральную помощь системе образования.

Я много времени проводил в округах, где меня не слишком хорошо знали и где организация была менее эффективной, чем в округах, расположенных в Озарке, — в Бентоне на крайнем северо-западе, а также по обе стороны от реки Арканзас и в юго-западной части плато Уошито. В округе Йелл моей кампанией руководил мой двоюродный брат Майк Корнуэлл, работавший в местном похоронном бюро. Поскольку ему приходилось хоронить родственников почти всех жителей округа, он знал абсолютно каждого. Характер у Майка был жизнерадостный, и это очень помогало мне в трудной борьбе против его соседа из Дэнвилла Дэвида Стюарта. В моей кампании активно участвовало очень много народа: молодые идеалистично настроенные профессионалы и предприниматели, талантливые лидеры местных профсоюзов, должностные лица окружных и городских органов власти и убежденные демократы — люди самого разного возраста, от учащихся средней школы до почти стариков, которым было за семьдесят или даже за восемьдесят.

Ко дню первичных выборов мы были организованы лучше, чем наши соперники, и работали гораздо эффективнее, чем они. Я получил 44 процента голосов, на втором месте был сенатор Рейнуотер, чуть-чуть опередивший Дэвида Стюарта (26 процентов против 25) и вышедший в последний тур. Остальные голоса были поданы за мэра Скэнлона, у которого не было денег, но который, тем не менее, активно участвовал в борьбе.

Я думал, что мы без труда победим в последнем туре, который должен был состояться 11 июня, если только явка избирателей не будет слишком низкой, — в этом случае могло произойти что угодно. Я хотел, чтобы мои сторонники серьезно отнеслись к голосованию, и встревожился, когда Уилл Гоггинс, председатель окружной организации демократической партии Серси, объявил, что голосование будет проходить в здании суда на площади в Маршалле. Вряд ли стоило ожидать от сельских жителей, что они захотят проехать на машине 30–40 миль по извилистым дорогам, чтобы принять участие в голосовании. Когда я позвонил Уиллу и попытался убедить его открыть побольше избирательных участков, он, засмеявшись, сказал: «Успокойся, Билл. Если без высокой явки избирателей ты не надеешься победить Рейнуотера, тогда против Хаммершмидта у тебя вообще нет никаких шансов. Я не могу позволить себе открывать сельские избирательные участки, на которых будут голосовать два-три человека. Эти

деньги понадобятся нам в ноябре. Ты получишь столько голосов, сколько мы за тебя отдадим».

Одиннадцатого июня, несмотря на невысокую явку в округе Серси, я получил 69 процентов голосов против 31 процента у моего соперника, или 177 голосов против 10. Когда после ноябрьских выборов я позвонил Уиллу, чтобы поблагодарить его за помощь, он сказал, что хочет кое-что мне объяснить: «Я знаю, ты думаешь, что я подтасовал результаты второго тура в твою пользу, но это не так. На самом деле ты получил 177 голосов против 9. Я отдал один голос Рейнуотеру, поскольку не мог допустить, чтобы число голосов, полученное кем-то из вас, выражалось не двузначной цифрой».

Я с огромным удовольствием вел кампанию перед предварительными выборами, попадая из одной незнакомой для меня ситуации в другую, и очень много узнавая о людях, о влиянии на их жизнь решений правительства и о том, как их интересы и ценности формируют их политические взгляды. Я также продолжал заниматься преподаванием. Это было трудно, но я работал с удовольствием, и, как мне казалось, у меня это неплохо получалось, если не считать одной непростительной ошибки. После весенней сессии я должен был выставить студентам оценки. Предвыборная кампания в это время шла полным ходом. Я брал экзаменационные работы по морскому праву с собой в дорогу и проверял их прямо в машине или по ночам, закончив дела, связанные с предвыборной кампанией. Каким-то образом пять из этих работ потерялись. Я предложил студентам либо пересдать экзамен, либо получить зачет за весь прослушанный курс, без конкретной оценки. Все они согласились на зачет, однако одна из них была особенно расстроена, потому что была хорошей студенткой и, возможно, получила бы «отлично». Кроме того, она была убежденной республиканкой, работавшей на конгрессмена Хаммершмидта. Думаю, она так и не простила мне этого, как и того, что на выборах я был соперником ее прежнего босса. Эта мысль невольно пришла мне в голову, когда через двадцать с лишним лет эта бывшая студентка, Сюзан Уэббер Райт, став к тому времени федеральным судьей, председательствовала на процессе по иску Пола Джонс. Сюзан Уэббер Райт была очень способной студенткой, и, возможно, мне тогда следовало просто поставить ей «отлично». По крайней мере, на время всеобщих выборов я взял на юридическом факультете неоплачиваемый отпуск.

Летом я продолжал работать в лихорадочном темпе, сделав лишь несколько перерывов — чтобы посетить выпускную церемонию моего брата, присутствовать на десятой встрече с одноклассниками и съездить в Вашингтон повидаться с Хиллари и некоторыми ее коллегами из команды, занимавшейся расследованием по вопросу об импичменте. Хиллари и другие члены команды работали до изнеможения: Джон требовал от них скрупулезности, честности и соблюдения полной секретности. Я встревожился, увидев ее такой изможденной: она похудела настолько, что ее красивая, но крупная голова казалась слишком большой для ее тела.

На уикенд я увез ее в Аутер-Бэнкс, штат Северная Каролина, чтобы она немного отдохнула. Мы прекрасно провели время, и я уже начал думать,

что по окончании расследования Хиллари, вероятно, все же захочет переехать ко мне в Арканзас. В одно из ее предыдущих посещений Фейетвилла декан Дэвис предложил ей работу на юридическом факультете и пригласил на собеседование. Она приехала через несколько недель, произвела хорошее впечатление на комиссию, и ей предложили работу. Таким образом, она могла бы и преподавать, и заниматься юридической практикой в Арканзасе. Вопрос был лишь в том, захочет ли она этого. Но в тот момент меня больше волновал ее усталый вид и то, как она похудела.

Вернувшись в родной штат, чтобы продолжить предвыборную кампанию, я узнал о серьезных проблемах в нашей семье. 4 июля я выступал на традиционном обеде на Маунт-Небо — впервые после 1966 года, когда представлял там Фрэнка Хоулта. Джефф, мама и Роуз Крейн приехали, чтобы послушать меня и помочь мне работать со слушателями. Я заметил, что Джефф неважно себя чувствует, и узнал, что в последнее время он мало работает, поскольку ему трудно целый день проводить на ногах. Я предложил ему пожить пару недель у меня в Фейетвилле, где он мог бы работать в предвыборном штабе, отвечая на телефонные звонки и, в качестве взрослого человека, следить за порядком. Джефф принял мое предложение, как мне показалось, с радостью, однако, возвращаясь по вечерам домой, я, глядя на него, понимал, что он совсем болен. Однажды ночью я с изумлением увидел, что Джефф стоит на коленях у кровати, положив на нее голову. Он сказал, что не может дышать лежа и старается найти такое положение, которое позволило бы ему заснуть. Почувствовав, что не может больше работать в штабе целый день, Джефф вернулся домой. По словам мамы, эти проблемы со здоровьем, скорее всего, возникли из-за его диабета или из-за того, что ему приходилось в течение многих лет принимать лекарства. В госпитале Администрации по делам ветеранов в Литл-Роке ему поставили диагноз «расширение сердца и ослабление сердечной мышцы». По-видимому, эта болезнь была неизлечима. Джефф вернулся домой с намерением как следует провести остаток своей жизни. Когда через несколько дней я приехал в Хот-Спрингс по делам предвыборной кампании, у нас состоялась короткая встреча за чашкой кофе. Он собирался в Уэст-Мемфис на собачьи бега и был, как всегда, хорошо одет: в белую рубашку, брюки и легкие туфли. Эта наша встреча стала последней.

Восьмого августа президент Никсон, над которым нависла угроза импичмента из-за магнитофонных пленок с записью его разговоров с сотрудниками, объявил о намерении на следующий день уйти в отставку. Я считал, что решение президента пойдет на пользу стране, но нанесет вред моей кампании. Всего за несколько дней до этого заявления на первой полосе *Arkansas Gazette* было опубликовано интервью Хаммершмидта, в котором он защищал Никсона и критиковал расследование уотергейтского дела. Моя кампания быстро набирала размах, но после того, как Хаммершмидт перестал ассоциироваться с Никсоном и связанным с ним скандалом, это потеряло всякое значение.

Когда через несколько дней мне позвонила Хиллари, сказав, что выезжает в Арканзас, я ощутил новый прилив сил. Она должна была приехать

на машине со своей приятельницей Сарой Эрман. Сара была старше Хиллари на двадцать с лишним лет и не сомневалась, что ее младшая подруга сможет по максимуму использовать открывавшиеся перед женщинами новые возможности. Сара считала безумием решение Хиллари поехать в Арканзас после того, как она прекрасно справилась с работой в Вашингтоне, где у нее появилось так много новых друзей. Поэтому она решила сама отвезти Хиллари в Арканзас, но всю дорогу убеждала ее изменить свое решение. До Фейетвилла они добрались только в воскресенье вечером. В это время я был на митинге в Бентонвилле, находившемся немного севернее, и они продолжили путь, надеясь застать меня там. Я постарался произнести хорошую речь — как для слушателей, так и для Хиллари с Сарой. А после того, как я пожал руки всем присутствующим, мы вернулись в Фейетвилл — чтобы решить наше будущее.

Через два дня позвонила мама и сообщила, что Джефф умер во сне. Ему было всего 48 лет. Они с Роджером очень тяжело переживали его смерть. Мама потеряла уже трех мужей, а Роджер — двух отцов. Я поехал в родной город и занялся организацией похорон. Джефф хотел, чтобы его кремировали, поэтому нам пришлось отправить его тело в Техас, так как в Арканзасе в то время не было крематория. Когда пепел доставили в Арканзас, он, в соответствии с волей Джеффа, был развеян над озером Гамильтон, неподалеку от его любимого причала, с которого он любил рыбачить. На этой церемонии присутствовали мама и ее подруга Мардж Митчелл.

На похоронах Джеффа я произнес небольшую речь. Я постарался в нескольких словах рассказать о любви, которую он дал маме, его отеческой заботе о Роджере, о нашей с ним дружбе и его мудрых советах, о том, с какой добротой он относился к детям и тем, кому не везло в жизни, о достоинстве, с которым он переносил болезнь. В первые дни после смерти Джеффа Роджер часто говорил мне о нем: «Он старался изо всех сил». Каким бы он ни был до того, как вошел в нашу жизнь, в те короткие шесть лет, которые он провел вместе с нами, он был хорошим человеком, и нам всем еще очень долго его не хватало.

До болезни Джеффа я почти ничего не знал о диабете. Впоследствии от диабета умер руководитель моей предвыборной кампании 1974 года Джордж Шелтон. Диабетом страдали двое детей моего друга и бывшего руководителя аппарата Белого дома Эрскина Боулза, а также миллионы других американцев, причем непропорционально большую часть больных составляли представители национальных меньшинств. Став президентом, я узнал, что расходы на лечение этой болезни и вызванных ею осложнений составляют огромную сумму — 25 процентов всех средств, выделяемых на финансирование программы «Медикэйд». Это было одной из главных причин, по которым я, став президентом, поддержал программу исследования стволовых клеток и самопомощи больных диабетом, которую Американская диабетическая ассоциация назвала важнейшим после создания инсулина успехом в борьбе с этой болезнью. Я сделал это для детей Эрскина, в память о Джоне Шелтоне и Джеффе, который больше всего на свете хотел бы избавить других от страданий и преждевременной смерти.

Через несколько дней после похорон Джеффа мама в характерной для нее манере «вставай и иди» стала убеждать меня продолжить предвыборную кампанию. Когда кто-то умирает, политическая деятельность прекращается, но ненадолго. Я продолжил работу, но стал чаще звонить маме и чаще видеться с нею, особенно после того, как осенью Роджер уехал учиться в Колледже Хендрикса в Конуэе. Он очень беспокоился о ней и чуть было не остался дома, но нам с мамой в конце концов удалось его уговорить.

В сентябре я, судя по результатам опросов, все еще отставал по рейтингу: 23 процента против 59, — и это после восьми месяцев каторжной работы. Но потом мне повезло. 8 сентября, за пять дней до съезда демократической организации штата в Хот-Спрингс, президент Форд объявил полное помилование Ричарду Никсону за все преступления, которые он «совершил или мог совершить», находясь на посту президента. Страна с ним решительно не согласилась, и наши дела снова пошли на лад.

На съезде отделения демократической партии в штате Арканзас все внимание было сосредоточено на моей кампании. На первичных выборах губернатор Бамперс с большим перевесом победил сенатора Фулбрайта; других серьезных участников в губернаторской гонке не было. Я сожалел о том, что Фулбрайт потерпел поражение, но этого следовало ожидать. Делегаты съезда были уже изрядно взвинчены, да еще мы подлили масла в огонь, пригласив в Конференц-центр Хот-Спрингс друзей из этого города, а также наших сторонников со всего округа.

Я произнес зажигательную речь, постаравшись изложить свои взгляды таким образом, чтобы объединить консерваторов и либералов-популистов округа. Я начал с резкой критики решения президента Форда о помиловании Никсона. Одна из моих самых удачных фраз звучала так: «Если президенту Форду так хочется кого-нибудь помиловать, то ему следовало бы помиловать консультантов администрации по экономическим вопросам».

Со временем мое отношение к решению о помиловании Никсона изменилось. Я стал понимать, что стране нужно было двигаться вперед, и пришел к выводу, что президент Форд принял тогда правильное, хоть и непопулярное решение, о чем и сказал ему на праздновании 200-летней годовщины Белого дома в 2000 году. Однако я не изменил своего мнения об экономической политике республиканцев. Думаю, Франклин Делано Рузвельт был прав, когда заявил: «Мы всегда знали, что безграничный эгоизм аморален. Теперь мы знаем, что он также негативно влияет на экономику». Сегодня это еще более справедливо, чем в 1974 году.

Мы очень недолго пробыли в Хот-Спрингс. У нас оставалось семь недель, а значит, был шанс, но мы должны были еще очень многое сделать. Наш штаб работал все лучше и лучше, а мои юные добровольные помощники превращались в настоящих профессионалов.

Они воспользовались рядом полезных советов, полученных от человека, направленного нам в помощь демократической партией. Этого человека звали Джоди Пауэлл, а его босс, губернатор Джорджии Джимми Картер, сыграл важную роль в победе демократов в 1974 году. Через два года, когда Джимми Картер баллотировался на пост президента, многие из нас вспом-

нили об этом с благодарностью. Приехавшая в Арканзас Хиллари тоже стала нам помогать. Внесли свою лепту и ее отец и младший брат Тони: они развешивали плакаты по всему Северному Арканзасу и говорили приехавшим со Среднего Запада пенсионерам-республиканцам, что, хоть сами Родэмы являются республиканцами со Среднего Запада, но тем не менее считают меня хорошим кандидатом.

Некоторые мои студенты с юридического факультета оказались отличными водителями. Кроме того, иногда, когда это бывало необходимо для проведения предвыборной кампании, я мог воспользоваться одним из двух специально выделенных самолетов, чтобы облетать избирательный округ. У одного из моих пилотов, 67-летнего Джея Смита, была повязка на глазу, и он не умел читать показания приборов, зато уже сорок лет летал над плато Озарк. Часто, когда мы попадали в полосу сплошной облачности, он вел самолет ниже облаков, над разрезавшей горы долиной реки, и все время рассказывал мне какие-нибудь истории или хвалил сенатора Фулбрайта за то, что тот раньше всех остальных понял, что война во Вьетнаме была ошибкой.

Стив Смит великолепно проводил различные исследования, а также анализировал данные по голосованию Хаммершмидта в Конгрессе. Он проявил незаурядную изобретательность, выпустив несколько брошюр, в которых сравнивал мои позиции по ряду вопросов с тем, как голосовал по ним Хаммершмидт. В последние шесть недель кампании мы издавали по одной такой брошюре каждую неделю. Они получили позитивное освещение в местных газетах, и Стив превратил их в эффективную газетную рекламу. Например, в долине реки Арканзас от Кларксвилла до границы со штатом Оклахома, южнее Форт-Смита, жило много шахтеров, десятилетиями работавших в шахтах, добыча угля в которых велась открытым способом. Шахты портили пейзаж до тех пор, пока не были приняты федеральные законы, потребовавшие восстановления этих земель. Многие шахтеры, в течение долгих лет вдыхавшие угольную пыль, заработали тяжелое заболевание — антракоз и получили право на пособие от федерального правительства. Изучение условий их жизни, проводимое помощниками Хаммершмидта, помогло им добиться получения пособий, однако когда администрация Никсона сочла необходимым сократить эту программу, он проголосовал за ее сокращение. Жители долины ничего об этом не знали, пока мы со Стивом Смитом им не рассказали.

Я также выдвинул несколько позитивных предложений (некоторые из них я поддерживал потом в течение двадцати лет), включая более справедливую систему налогообложения, государственную программу медицинского страхования, государственное финансирование президентских выборов, сокращение государственного аппарата и повышение эффективности его работы, увеличение федерального финансирования системы образования и учреждение федерального Министерства образования (тогда оно входило в состав Министерства здравоохранения, образования и социального обеспечения), а также стимулы для экономии энергии и расширения использования солнечной энергии.

Преимущественно благодаря финансовой поддержке профсоюзов страны, которую мы получили в результате настойчивых усилий моего друга, руководителя АФТ — КПП Дэна Пауэлла, нам удалось собрать достаточно средств для того, чтобы снять несколько рекламных роликов для телевидения. Старина Дэн Пауэлл верил, что я стану президентом, еще тогда, когда мой рейтинг на 25 пунктов отставал от рейтингов других кандидатов на избрание в Конгресс. Мы снимали эти ролики таким образом: я просто становился перед камерой и говорил. Благодаря этому я научился излагать свои мысли ровно за двадцать восемь секунд. Через какое-то время мне уже не нужен был секундомер, чтобы узнать, задержался ли я хоть на секунду или, наоборот, закончил речь слишком рано. Расходы на съемку таких роликов были совсем небольшими.

Наши телевизионные рекламные ролики были самыми простыми, зато наша реклама на радио была просто великолепна. В одном из особенно запомнившихся мне рекламных радиороликов, записанном в Нашвилле, звучала песня в стиле кантри, исполнявшаяся певцом, выговор которого напоминал манеру уроженца Арканзаса Джонни Кэша. Она начиналась такими словами: «Если вам надоело есть бобы и овощи и вы забыли, что такое свинина и бифштекс, вам стоит послушать этого человека». После этого мы критиковали администрацию Никсона за финансирование колоссальных поставок зерна Советскому Союзу, из-за которых выросли цены на продукты питания и корм для скота и пострадали птицеводство и скотоводство. Далее звучали такие слова: «Пришло время оттолкнуть от корыта Эрла Батца [министра сельского хозяйства администрации Никсона]». Между куплетами повторялся припев: «Билл Клинтон готов, ему все это тоже надоело. Он так похож на меня, он так похож на тебя. Билл Клинтон добьется всего, мы пошлем его в Вашингтон». Это место мне нравилось. Дон Тайсон, чьи расходы на выращивание птицы резко возросли из-за продажи зерна СССР и чей брат Рендал активно работал на меня, позаботился о том, чтобы сельские радиостанции крутили эту песенку с утра до вечера.

По мере приближения дня выборов моя поддержка усилилась, однако активизировалась и оппозиция. Меня поддержала *Arkansas Gazette*, крупнейшая газета штата, и еще несколько газет округа. Я начал активную кампанию в Форт-Смите, где в мою поддержку активно выступала афроамериканская община, особенно после того, как я стал членом местного отделения Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения. Меня также активно поддерживали жители округа Бентон, среди которых было много сторонников республиканцев. Несколько моих помощников работали не покладая рук, стараясь обеспечить мне победу в округе Кроуфорд, расположенном напротив Форт-Смита на другом берегу реки Арканзас. Меня очень тепло приняли в округе Скотт, к югу от Форт-Смита, где я выступил на ежегодном состязании любителей охоты на лис и волков. Это сельское соревнование длилось всю ночь. Его участники, любившие своих собак не меньше, чем детей (и так же хорошо заботившиеся о них), продемонстрировав своих питомцев, спустили их с поводков, и те гнали лис и лаяли на

луну, а женщины всю ночь следили за тем, чтобы столы, накрытые для пикника, не пустовали, и постоянно подносили угощение.

Я получил довольно сильную поддержку даже в Гаррисоне, родном городе конгрессмена Хаммершмидта, которую оказали мне многие отважные люди, не побоявшиеся вступить в конфронтацию с властями этого маленького городка.

Один из самых замечательных митингов этой предвыборной кампании состоялся осенним вечером на берегу Уайт-Ривер, недалеко от печально известного участка, принадлежавшего компании Whitewater, куда я впоследствии вкладывал средства, но который никогда не видел. У местных демократов вызвала негативную реакцию попытка Министерства юстиции администрации Никсона отправить в тюрьму шерифа округа Серси, демократа Билли Джо Холдера, обвинявшегося в уклонении от уплаты налогов. В соответствии с Конституцией 1876 года, размеры жалованья должностных лиц штата и местных органов власти должны утверждаться в результате всеобщего голосования; в последний раз они увеличивались в 1910 году. Чиновники окружного уровня получали всего по пять тысяч долларов в год, губернатор — десять тысяч, но у него, по крайней мере, была резиденция, к тому же оплачивались его расходы на питание и транспорт. Многие местные чиновники, только для того чтобы свести концы с концами, вынуждены были использовать средства на представительские расходы, в сумме, насколько я помню, примерно 7 тысяч долларов в год. Министерство юстиции хотело отправить шерифа Холдера в тюрьму за неуплату подоходного налога с той суммы этих средств, которая была израсходована им лично. Я считаю, что сумма, в уклонении от уплаты подоходного налога с которой обвинялся Холдер, была самой мизерной за всю историю подобных слушаний, проводимых федеральным правительством, и жители горных районов были уверены, что он подвергся преследованиям по политическим мотивам. Если это было так, результаты оказались обратными желаемым. После полуторачасового обсуждения дела присяжные вынесли вердикт «невиновен». Оказалось, что они проголосовали за оправдание шерифа сразу, однако оставались в совещательной комнате еще больше часа, чтобы все выглядело так, как полагается. Выйдя из здания суда, Билли Джо поехал прямо на наш митинг, где его приветствовали как вернувшегося с войны героя.

Возвращаясь в Фейетвилл, я сделал остановку в Гаррисоне, где слушалось это дело, чтобы обсудить его с мисс Рут Уилсон, бухгалтером, рассчитывавшей размеры налогов для многих жителей горных районов. Я сказал Рут, что, как мне кажется, она помогла адвокату Холдера, моему другу Ф.Х. Мартину, с подбором присяжных, и она это подтвердила. В шутку спросив ее, действительно ли она постаралась, чтобы среди них было как можно больше демократов, я услышал ответ, который никогда не забуду: «Нет, Билл, ничего подобного, среди присяжных было достаточно республиканцев. Знаешь, эти молодые люди, которые приехали из Вашингтона, чтобы привлечь шерифа к суду, были совсем неглупыми и очень солидно выглядели в своих дорогих костюмах. Но они совсем не знают наших людей,

и это очень странно. За последние два года Налоговое управление США проверило доходы девяти из этих двенадцати присяжных». Я был счастлив, что Рут Уилсон и ее команда были на моей стороне. После того как они одержали победу над вашингтонскими юристами, Министерство юстиции стало задавать кандидатам в присяжные по делам об уплате налогов вопросы об их собственном опыте общения с этой службой.

До выборов оставалось всего около двух недель, когда Хаммершмидт наконец активизировал свою кампанию. Он ознакомился с результатами опроса общественного мнения, из которого следовало, что я могу одержать победу с небольшим преимуществом. Его люди старались изо всех сил, за дело взялись его друзья по бизнесу и республиканцы. Кто-то начал звонить во все газеты, задавая вопрос о несуществующей фотографии, на которой я якобы изображен в момент выступлений против президента Никсона на матче между Арканзасом и Техасом в 1969 году, в связи с чем появилась печально известная «история о дереве», о которой я упоминал выше. В Хот-Спрингс Торговая палата устроила грандиозный обед в благодарность за все, что сделал Хаммершмидт. Этот обед, на котором присутствовало несколько сотен приглашенных, широко освещался в местной прессе. По всему округу республиканцы пугали предпринимателей, утверждая, что я пользуюсь настолько энергичной поддержкой профсоюзов, что вполне могу стать их марионеткой в Конгрессе. Шесть тысяч почтовых открыток, которые мы отправили своим политическим сторонникам, выявленным в ходе телефонных опросов, не были доставлены адресатам в Форт-Смите. Через несколько дней после выборов эти открытки были обнаружены в контейнере для мусора у здания главпочтамта. Отделение Американской медицинской ассоциации в штате активно поддержало Хаммершмидта, раскритиковав мои попытки убедить врачей в Спрингдейле лечить бедняков на основе программы «Медикэйд». За несколько дней до выборов Хаммершмидт даже сумел получить средства из федерального бюджета, чтобы замостить улицы Гилберта, небольшого городка в округе Серси. Он одержал победу в Гилберте, получив 38 процентов голосов против 34 процентов, набранных мною, однако это был единственный город в округе, где он победил.

Я получил представление о том, насколько эффективно он действовал, в последний уикенд перед выборами, отправившись на митинг в Конференц-центре Хот-Спрингс. Там у нас было гораздо меньше сторонников, чем у Хаммершмидта на устроенном им за несколько дней до этого обеде. Наши люди работали и днем, и ночью, однако усталость начинала сказываться.

Тем не менее в день выборов я все еще думал, что мы сможем победить. Собравшись в штабе, чтобы следить за результатами голосования, мы волновались, но надеялись на победу. Почти до полуночи мы лидировали по количеству полученных голосов, поскольку сведения о голосовании в крупнейшем округе, где большинство жителей поддерживало республиканцев, поступили поздно. Я победил в двенадцати из пятнадцати округов, получив в общей сложности около восьми тысяч голосов, включая все избиратель-

ные участки в округах Ньютон и Серси в долине реки Буффало, но потерпел поражение в пяти из шести крупнейших округов, проиграв с незначительным недобором — менее чем по 500 голосов — в округах Гарленд, где я вырос, и Вашингтон, где я жил, а также уступив своему сопернику в округе Кроуфорд, где он получил преимущество в 1100 голосов. Кроме того, я потерпел полное поражение в округах Бентон и Себастьян, где мои совокупные потери вдвое превысили мое преимущество в тех округах, где я одержал победу. И мне, и моему сопернику удалось победить с двойным преимуществом только в одном округе. Для Хаммершмидта этим округом стал Себастьян, крупнейший округ Арканзаса, а для меня — Перри, наоборот, самый маленький в штате. Сейчас, когда подавляющее большинство американцев, живущих в сельских районах, на общенациональных выборах голосуют за республиканцев, кажется странным, что я начинал свою политическую карьеру, опираясь на сельских жителей. Тогда это было продиктовано тесными личными контактами и моим сочувствием и к их недовольству, и к их реальным проблемам. Я был на их стороне, и они это знали. Окончательное соотношение голосов составило 89 324 против 83 030, или примерно 52 процента у Хаммершмидта против 48 у меня.

Та ночь в целом принесла демократам успех: мы получили сорок девять мест в Палате представителей и четыре места в Сенате, однако мы не смогли ничего противопоставить огромной популярности Хаммершмидта, чей предвыборный штаб в последний момент развил бурную деятельность. В начале предвыборной кампании рейтинг его популярности составлял 85 процентов. Мне удалось снизить ее до 66 процентов, и это было большим достижением, однако его оказалось недостаточно. Все говорили, что я добился хороших результатов на выборах и меня ждет большое будущее. Мне было приятно это слышать, но я хотел победить. Я гордился нашей кампанией и считал, что в последние несколько дней перед выборами допустил снижение ее активности и, таким образом, подвел всех, кто так много работал, чтобы помочь мне и приблизить перемены, к которым мы все стремились. Вероятно, если бы у меня хватило денег и здравого смысла, чтобы снять удачные телевизионные рекламные ролики, в которых рассказывалось бы о том, как мой соперник голосовал в Конгрессе, это, может быть, изменило бы исход голосования, — а может быть, и нет. Тем не менее в 1974 году, в результате личных бесед с тысячами людей, я убедился в готовности представителей среднего класса поддерживать активные действия правительства, направленные на решение их проблем и проблем малоимущих слоев населения, но лишь в том случае, если доллары, которые они платят в виде налогов, будут расходоваться эффективно, а усилия, направленные на расширение возможностей, будут сочетаться с ответственностью.

Через несколько дней, которые я провел в поездках по штату и телефонных разговорах, выражая свою благодарность людям, помогавшим мне во время предвыборной кампании, у меня началась хандра. Большую часть следующих шести недель я провел в доме Хиллари — очень милом месте, расположенном неподалеку от студенческого городка. Практически все время я лежал на полу, предаваясь своим переживаниям и думая, как я буду

возвращать деньги, потраченные на предвыборную кампанию, общая сумма которых превысила 40 тысяч долларов. Моего нового жалования, составившего 16 450 долларов, было более чем достаточно, чтобы оплачивать счета и погашать займы, полученные во время учебы на юридическом факультете, однако их явно не хватило бы, чтобы вернуть долги за проведение предвыборной кампании. В декабре в университете устроили танцевальный вечер, и Хиллари уговорила меня пойти туда с ней. Мы танцевали несколько часов, и после этого я почувствовал себя немного лучше. Тем не менее прошло еще очень много времени, прежде чем я понял, что конгрессмен Хаммершмидт оказал мне огромную услугу, победив меня на выборах. У меня нет никаких сомнений, что если бы я тогда победил и уехал в Вашингтон, то никогда не стал бы президентом. И не было бы этих восемнадцати лет, которые мне еще предстояло прожить в Арканзасе.

В январе 1975 года я вернулся к преподавательской деятельности, и это был единственный год, который я целиком посвятил работе, не отвлекаясь на политику. В весеннем семестре я преподавал «Антитрестовское законодательство» и вел семинар по теме «Преступность среди служащих», в летней школе — «Морское право» и «Федеральную юрисдикцию», а осенью — вновь «Преступность среди служащих» и «Конституционное право». Две недели курса «Конституционное право» я посвятил анализу дела «Роу против Уэйда», когда Верховный суд, основываясь на конституционном праве на неприкосновенность частной жизни, вынес решение о праве женщин на аборт в первые два триместра беременности — примерно до того момента, когда эмбрион становится «жизнеспособным», т.е. способным существовать вне материнского лона. После того как эмбрион становится жизнеспособным, согласно этому постановлению, государство может вмешаться, чтобы защитить право ребенка на рождение, если мать решает сделать аборт, за исключением тех случаев, когда беременность или роды создают угрозу ее жизни и здоровью. Те из моих студентов, кто рассматривал «Конституционное право» как обычный предмет, требующий запоминания правовых норм применительно к каждому делу, никак не могли понять, почему я уделил столько времени делу «Роу против Уэйда»: ведь запомнить правило о трех триместрах беременности и его логическое обоснование было так легко.

Я заставлял их углубленно изучать это дело, так как считал тогда и считаю сейчас, что принятое по нему решение было самым непростым во всей судебной практике, поскольку при его вынесении Верховному суду пришлось взять на себя роль Бога. Всем известно, что биологическая жизнь начинается в момент зачатия, но никто не знает, когда биологические процессы приводят к появлению человека, или, говоря языком религии, когда в теле появляется душа. В большинстве случаев решение об аборте, не продиктованное угрозой жизни или здоровью матери, принимают испуганные молодые женщины и девушки, попавшие в сложную жизненную ситуацию. Большинство людей, выступающих за право женщины на выбор, понимают, что аборт уничтожает потенциальную жизнь, и убеждены, что они должны быть легальными, безопасными и редкими и что мы должны поддерживать молодых матерей, решивших доносить ребенка, что обычно и делает большинство из них. Наиболее убежденные сторонники права на жизнь выступают за привлечение к судебной ответственности врачей, однако их уверенность ослабевает, когда аргумент о том, что аборт является преступлением, получает свое логическое развитие — вывод о том, что решившихся на него матерей следует судить за убийство. Даже фанатики, устраивающие взрывы в клиниках по производству абортов, не подвергают

нападкам женщин, благодаря которым они могут продолжать выступать со своими протестами. Кроме того, как мы убедились на примерах сначала «сухого закона», а впоследствии и законов о наркотиках, пользующихся более широкой поддержкой, чем полный запрет на аборт, трудно применять уголовное право к действиям, которые, по мнению значительной части населения, не следует считать преступлениями.

Я считал в то время — и убежден в этом и теперь, — что Верховный суд принял тогда правильное решение, хотя, как это часто случается в политической жизни Америки, оно вызвало мощную реакцию, породило активное общенациональное движение за запрещение абортов, в результате чего практическая их доступность во многих местах значительно уменьшилась, а многие избиратели примкнули к новому правому крылу республиканской партии. Независимо от результатов проводимых среди избирателей опросов, неоднозначность отношения к абортам в нашей стране ведет к тому, что шансы на победу в выборах сторонников или противников абортов зависят от того, какая часть избирателей считает себя более ущемленной. Например, на протяжении почти тридцати последних лет, когда право женщины на выбор было надежно обеспечено, поддерживавшие его избиратели голосовали за или против тех или иных кандидатов, исходя из их позиций по другим вопросам, в то время как для противников абортов другие вопросы зачастую вообще не имели никакого значения. Исключением стали выборы 1992 года. Широко освещавшееся в СМИ решение Апелляционного суда по делу Уэбстер, ограничившее право на выбор, в сочетании с перспективой появления в ближайшем будущем вакансий в Верховном суде привело к тому, что избиратели — сторонники предоставления такого права ощутили угрозу и активизировались. Поэтому в тот год мне и другим кандидатам — сторонникам права на выбор наша позиция не повредила. После моего избрания на пост президента право на аборт было вновь надежно обеспечено, и жители пригородов, поддерживавшие такое право, опять стали голосовать за республиканцев, выступающих против абортов, руководствуясь другими соображениями. В то же время выступавшие против абортов демократы и независимые избиратели, в целом одобрявшие мои решения по экономическим и социальным вопросам, тем не менее во многих случаях поддержали кандидатов — сторонников права на жизнь, которые были преимущественно консервативными республиканцами.

В 1975 году я не очень много знал о политике в отношении абортов и не особенно интересовался этой проблемой. Меня больше занимали титанические усилия Верховного суда по преодолению противоречий между законом, моралью и жизнью. По моему мнению, он сделал почти все возможное, если учесть, что ему не было известно мнение по этому вопросу Господа. Независимо от того, разделяли мои студенты эту точку зрения или нет, мне хотелось, чтобы они хорошенько об этом подумали.

Осенью я получил новое предложение, связанное с преподавательской работой, — раз в неделю вести вечерний семинар «Закон и общество» для работников правоохранительных органов в студенческом городке Университета Литл-Рока. Я с радостью согласился и с удовольствием общался

с людьми, искренне, как мне казалось, интересовавшимися тем, как их работа в полиции соотносилась с Конституцией и повседневной жизнью граждан.

Помимо преподавания я продолжал заниматься политической деятельностью и выполнял довольно интересную правовую работу. Меня назначили руководителем Комитета позитивных действий демократической партии штата. Комитет был создан для того, чтобы обеспечить более активное участие в партийной работе женщин и представителей национальных меньшинств, но так, чтобы не попасть в ловушку, создаваемую рекомендациями Комиссии Макговерна, когда на общенациональные съезды партии посылались делегаты, представлявшие все группы населения, но фактически не работавшие в партии и не способные получить голоса. Это назначение дало мне возможность ездить по всему штату и встречаться с демократами — как белыми, так и чернокожими, которых волновала эта проблема.

Другой причиной, по которой я продолжал заниматься политикой, была необходимость выплатить долг, накопившийся за время предвыборной кампании. В конце концов мне удалось это сделать, в значительной степени тем же способом, который мы использовали для финансирования кампании, — проведя множество мероприятий, принесших небольшие пожертвования, и воспользовавшись помощью нескольких щедрых людей, предоставивших более значительные средства. Первые двести пятьдесят долларов я получил от Джека Йетса, прекрасного адвоката из Озарка, который вместе со своим партнером Лонни Тернером активно помогал мне во время выборов. Джек вручил мне чек через две недели после выборов. В тот момент я не знал, когда получу свой следующий доллар, и не забыл этого. К сожалению, через два месяца Джек умер от сердечного приступа. После похорон Лонни Тернер спросил меня, не соглашусь ли я вести дела людей, больных антракозом, которые до этого вел Джек. Администрация Никсона приняла новые правила, затруднившие получение пособий и требовавшие пересмотра дел тех, кто уже их получал. Многим больным было отказано в получении пособий. Я стал ездить в Озарк один-два раза в неделю, чтобы изучать дела и беседовать со старыми шахтерами, прекрасно понимая, что смогу получить хоть какую-то плату только в том случае, если выиграю дело.

Лонни знал, что меня очень волнует эта проблема, и был знаком с механизмом действия этой программы. Действительно, когда программа помощи больным антракозом только начинала осуществляться, условия для получения пособий были чрезмерно мягкими, и их нередко получали люди, в них не нуждавшиеся. Однако, как это часто случается с государственными программами, меры, принятые для исправления положения, оказались чересчур радикальными и привели к перегибам в противоположную сторону.

Еще до того как я взялся за дела Джека Йетса, я согласился помочь получить пособие в связи с заболеванием антракозом еще одному человеку. Джек Бернс-старший, житель небольшого городка к югу от Форт-Смита, был отцом администратора больницы «Уошито» в Хот-Спрингс, где работала моя мама. При росте около пяти футов четырех дюймов он весил

немногим больше ста фунтов. Джек был старомодным человеком, переносившим жизненные тяготы со спокойным достоинством. Его здоровье было серьезно подорвано, и он имел право на получение пособия, в котором он и его жена очень нуждались, чтобы иметь возможность оплачивать счета. Я работал с ним несколько месяцев, и его терпение и решительность вызывали у меня глубокое уважение. Когда мы выиграли его дело, я был счастлив почти так же, как он.

Среди кипы дел, переданных мне Лонни Тернером, было, я думаю, больше ста таких случаев, как у Джека Бернса. Мне нравилось ездить в Озарк из Фейетвилла по извилистой дороге, прозванной «Свиной хвост». Вначале дела слушал судья по административному праву Джерри Томассон, прогрессивный республиканец. Затем можно было подать апелляцию федеральному судье в Форт-Смите демократу Полу Уильямсу, который с сочувствием относился к этим людям. Такое же сочувствие проявляла и давно работающая с ним секретарь Элсиджейн Тримбл Рой, оказавшая мне большую помощь. Я очень обрадовался, когда президент Картер назначил ее федеральным судьей в Арканзасе и она стала первой женщиной, занявшей эту должность в нашем штате.

В то время как я продолжал заниматься преподаванием, политикой и юридической практикой, Хиллари привыкала к жизни в Фейетвилле. Я видел, что ей действительно нравился этот город и она, возможно, даже готова была остаться здесь навсегда. Она преподавала предметы «Уголовное право» и «Адвокатская практика на судебных процессах», вела семинар по юридической помощи и руководила оказанием бесплатной правовой помощи местной клинике и студентами, консультировавшими заключенных. Некоторые старые адвокаты и судьи, а также кое-кто из студентов вначале не могли решить, как к ней отнестись, но, в конечном счете, она и их расположила к себе. Поскольку по Конституции обвиняемые в совершении уголовных преступлений имеют право на защиту, наши судьи привлекали к защите неимущих обвиняемых местных адвокатов, а поскольку неимущие обвиняемые почти никогда не платили, Ассоциация адвокатов предложила, чтобы эти дела вели студенты семинара Хиллари. За первый год существования этого семинара его слушатели оказали помощь трем с лишним сотням клиентов, благодаря чему он завоевал значительный авторитет на юридическом факультете. В результате Хиллари приобрела уважение нашего правового сообщества, помогла многим нуждавшимся в этом людям и заработала репутацию, благодаря которой через несколько лет президент Картер сделал ее членом Совета директоров национальной Корпорации юридических услуг.

В День закона, проводившийся почти в самом конце весеннего семестра, нашим главным оратором был Джимми Картер. Было ясно, что он собирался баллотироваться на пост президента. У нас с Хиллари состоялась с ним короткая беседа, которую он предложил продолжить в Литл-Роке, где у него было намечено другое мероприятие. Наш разговор подкрепил мою уверенность в том, что он имел хорошие шансы на успех. После Уотергейтского дела и всех экономических проблем, с которыми столкнулась страна,

губернатор южного штата, добившийся значительных успехов на своем посту и не ассоциирующийся с политикой Вашингтона, мог получить поддержку избирателей, которых демократы потеряли в 1968 и 1972 годах. Его появление было как глоток свежего воздуха. За шесть месяцев до этого я пришел к Дейлу Бамперсу и предложил ему баллотироваться на пост президента, сказав: «В 1976 году будет выбран такой человек, как вы. И этим человеком вполне можете стать вы». Мне показалось, что его заинтересовала эта возможность, однако он ответил, что это исключено: он только что был избран в Сенат, и избиратели Арканзаса не поддержат его, если он сразу же решит баллотироваться на пост президента. Возможно, он был прав. Но он был бы замечательным кандидатом и очень хорошим президентом.

Помимо работы и общения с друзьями у нас с Хиллари было и несколько приключений в Фейетвилле и его окрестностях. Однажды вечером мы поехали по шоссе 71 в Альму на концерт Долли Партон. Я был большим поклонником этой певицы, а в тот раз она пела особенно хорошо. Однако больше всего этот вечер запомнился мне знакомством с людьми, благодаря которым Партон попала в Альму, — Тони и Сюзан Аламо. В то время Аламо владел магазином в Нашвилле, где многие звезды кантри-музыки покупали оригинальные сценические костюмы. Но этим их деятельность не ограничивалась. Тони, внешне напомилавший Роя Орбисона, занимался организацией концертов исполнителей рок-н-ролла в Калифорнии, где познакомился с Сюзан, которая родилась и выросла неподалеку от Альмы, однако впоследствии переехала на Запад и стала телевизионным проповедником. Они стали работать вместе, и он начал ее «раскручивать» — точно так же, как до этого звезд рок-н-ролла. У Сюзан были светлые волосы, и на свои телевыступления она часто надевала длинное белое платье. Ее проповеди были очень интересными, а он прекрасно справлялся с организационной работой. Со временем они создали небольшую «империю», включавшую крупную ферму, на которой работали их молодые последователи, восхищавшиеся ими так же, как восхищались своим наставником молодые помощники преподобного Мун Сон-Мёна. Когда Сюзан заболела раком, ей захотелось вернуться на родину, в Арканзас. Они купили большой дом в ее родном городе Дайере, открыли концертный зал в Альме, где пела Долли Партон, а прямо через дорогу от него — уменьшенную копию их магазина одежды в стиле кантри в Нашвилле. С их фермы в Калифорнии им на большом грузовике еженедельно доставляли огромное количество продуктов — для них самих и для их работников. Сюзан работала на телевидении в своем родном штате и пользовалась неизменным успехом до тех самых пор, пока болезнь не взяла над ней верх. Когда она умерла, Тони объявил, что Бог пообещал ему вскоре воскресить ее. Поэтому он поместил ее тело в стеклянный ящик, который поставил в доме в ожидании этого благословенного дня, и попытался сохранить их «империю», обещая, что Сюзан вернется. Но кому нужен продюсер, которому некого продюсировать? Его дела шли все хуже и хуже. Когда я уже был губернатором, он повел активную борьбу с правительством по вопросу налогов и устроил возле своего дома короткую ненасильственную акцию протеста. Через два года

он увлекся женщиной, которая была гораздо моложе его. И тогда Бог снова заговорил с ним и сообщил, что Сюзан не вернется, после чего Тони извлек ее тело из стеклянного ящика и предал его земле.

Летом я вел два курса в летней школе, чтобы иметь дополнительный заработок, и мы с Хиллари отлично проводили время в окрестностях Фейетвилла в компании наших общих друзей. Однажды я вез ее в аэропорт, откуда она должна была вылететь на Восток. Проезжая по Калифорния-драйв, мы заметили стоявший на высоком месте красивый кирпичный домик с остроконечной крышей и внутренним двориком, обнесенным каменной оградой. На нем висела табличка «Продается». Хиллари он очень понравился. Я отвез ее в аэропорт, а потом вернулся, чтобы осмотреть дом. Это было одноэтажное строение площадью около 1100 квадратных футов, со спальней, ванной, кухней с комнатой для завтрака, небольшой столовой и великолепной гостиной с балочным потолком, красивым камином и большим эркером. Кроме того, в доме имелась также просторная застекленная веранда, которую большую часть года можно было использовать как спальню для гостей. В нем не было кондиционера, но большой вентилятор на чердаке отлично работал. Дом продавался за 20 500 долларов, и я купил его, сразу же заплатив 3000 долларов, — этого было достаточно, чтобы снизить ежемесячные платежи по кредиту до 174 долларов.

Я перевез в свой новый дом ту мебель, которая у меня была, и купил кое-что еще, чтобы помещение не казалось совсем пустым. Когда Хиллари вернулась, я сказал ей: «Помнишь тот маленький домик, который тебе так понравился? Я купил его. Теперь тебе придется выйти за меня замуж, ведь я не смогу жить в нем один», — и повез ее взглянуть на свое новое жилище. В доме еще нужно было многое сделать, но мой поспешный переезд возымел действие. Хотя Хиллари никогда раньше не говорила мне, что готова остаться в Арканзасе, в конце концов она сказала «да».

Одиннадцатого октября 1975 года мы поженились в большой гостиной маленького дома на Калифорния-драйв, 930, стены которой были заново оштукатурены под бдительным присмотром Мэринм Бассетт, прекрасного декоратора, знавшей, что наш бюджет не позволял больших расходов. Она же помогла нам подобрать ярко-желтые обои для комнаты для завтрака, но мы наклеили их сами, и в ходе этой работы вновь подтвердилась ограниченность моих способностей к ручному труду. На Хиллари было старомодное платье из викторианских кружев, которое мне очень нравилось. Преподобный Вик Никсон совершил церемонию в присутствии родителей и братьев Хиллари, моей мамы, Роджера (который был шафером) и нескольких наших друзей: ближайшей подруги Хиллари из Парк-Риджа Бетси Джонсон Эбеллинг и ее мужа Тома, ее сокурсницы по Колледжу Уэллсли Джоанны Брансон, моей юной кузины Мэри Клинтон, казначая моей предвыборной кампании Ф.Х. Мартина и его жены Мирны, наших лучших друзей с юридического факультета Дика Аткинсона и Элизабет Озенбах и моей подруги детства, без отдыха работавшей во время моей предвыборной кампании, Пэтти Хау. Хью Родэм никогда не думал, что

выдаст свою дочь, девушку со Среднего Запада, прихожанку методистской церкви, за южного баптиста из Озарка, штат Арканзас, но ему пришлось это сделать. К тому времени я уже четыре года обрабатывал его и остальных членов семьи Родэм и надеялся, что сумел расположить их к себе. Они-то меня давно покорили.

После церемонии двести наших друзей собрались на прием в доме Мориса и Энн Генри, а потом мы всю ночь напролет танцевали в принадлежавшей Билли Шнайдер дискотеке «Мотор-инн» в центре города. После того как мы с Хиллари легли спать, примерно в четыре часа утра, мне позвонил мой младший шурин, Тони, попавший в тюрьму округа Вашингтон. После вечеринки он повез домой одну гостью, и по дороге его задержал полицейский, причем не потому, что он превысил скорость или свернул в неположенном месте, а потому, что подвыпившая девушка, которую он вез в своей машине, высунула ногу из заднего окна машины и болтала ею. Остановив Тони, полицейский увидел, что тот был навеселе, и отправил его в тюрьму. Когда я приехал туда, чтобы внести залог, Тони дрожал от холода. Тюремный надзиратель объяснил мне, что наш шериф, Герб Маршалл, республиканец, который мне очень нравился, распорядился поддерживать в тюрьме по ночам очень низкую температуру, чтобы пьяных не рвало. Когда мы уходили, Тони попросил меня помочь освободить еще одного человека, который снимал в городе фильм с Питером Фондой. Я выполнил его просьбу. Этот человек дрожал еще сильнее, чем Тони, — так сильно, что, едва сев в свою машину, врезался в маленький желтый «Фиат» Хиллари. Я внес за того парня залог, а он даже не вернул мне деньги за ремонт машины. С другой стороны, он хотя бы не оставил свой обед на полу окружной тюрьмы. Так закончилась моя первая ночь в качестве женатого человека.

Очень долго я думал, что вообще никогда не женюсь. Теперь я был женат, и мне это нравилось, но я не знал, чем все это обернется для нас обоих. О нашем браке было написано и сказано, наверное, больше, чем о каком-либо другом браке в Америке. Меня всегда удивляли люди, которые считали себя вправе анализировать и критиковать его, делать глубокомысленные выводы. Сейчас, когда я женат уже почти 30 лет и видел, как расставались, мирились и разводились многие из моих друзей, я понял, что брак со всеми его радостями и несчастьями, с его обязательствами и разочарованиями остается тайной, ключ к которой нелегко найти даже самим супругам, не говоря уже о посторонних. 11 октября 1975 года ничего этого я еще не знал. Я знал лишь, что люблю Хиллари, жизнь, работу и друзей, которые теперь были у нас общими, и мечтал о том, чего мы сможем добиться вместе. Я гордился Хиллари, и мне очень нравились наши отношения, которые, возможно, не всегда были безупречными, но наверняка никогда не станут скучными.

После нашей бессонной первой брачной ночи мы снова взялись за работу. Учебный семестр был в разгаре, а мне еще предстояло присутствовать на слушаниях по делам, связанным с антракозом. Через два месяца мы наконец устроили себе медовый месяц в Акапулько, который оказался не совсем обычным, потому что вместе с нами отдыхала вся семья Хиллари

и подруга одного из ее братьев. Все вместе мы целую неделю жили в красивом номере люкс в пентхаусе, гуляли по пляжу, обедали в ресторанах. Да, наш медовый месяц отличался от большинства других, но мы тем не менее прекрасно провели время. Я обожал мать Хиллари, Дороти, и с удовольствием проводил время с ее отцом и братьями. Мы играли в карты и рассказывали друг другу всякие истории. Как и я, все они были большими выдумщиками и могли часами рассказывать разные небылицы.

В Акапулько я прочел «Отрицание смерти» (*The Denial of Death*) Эрнста Бекера — несколько тяжелое чтение для медового месяца, но мне в то время было всего на год больше, чем моему отцу, когда он умер, а кроме того, только что произошло очень важное для меня событие. Поэтому я считал это время вполне подходящим для того, чтобы продолжить размышления над смыслом жизни.

Согласно Бекеру, мы, по мере того как растем, начинаем осознавать значение смерти. Затем мы видим, как умирают люди, которых мы знаем и любим, и понимаем, что когда-то и сами умрем. Большинство из нас делают все возможное, чтобы избежать этого. Мы постепенно приходим к пониманию своей уникальности, и у нас появляется иллюзия самодостаточности. Мы совершаем различные поступки, как позитивные, так и негативные, в надежде, что это возвысит нас над обыденностью и что нам, возможно, удастся что-то оставить на Земле после себя. Все это мы делаем потому, что отчаянно сопротивляемся признанию того очевидного факта, что рано или поздно умрем. Одни из нас стремятся к власти и богатству, другие — к романтической любви, сексу или каким-то другим развлечениям. Одни хотят стать великими, другие — творить добро и быть хорошими людьми. Независимо от того, добиваемся мы успеха или терпим неудачу, мы все равно умираем. Единственным утешением является вера в то, что, поскольку мы были созданы, должен быть и Создатель, которому мы не безразличны и к которому так или иначе вернемся.

К какому же выводу приводят нас рассуждения, содержащиеся в книге Бекера? Автор делает следующее заключение: «Кто знает, какую форму примет поступательное движение жизни в будущем?.. Максимум, на что способен каждый из нас, — это создавать предметы или самих себя и бросать все это в великий хаос, т.е. приносить своего рода жертву жизненной силе». Эрнст Бекер умер незадолго до того, как «Отрицание смерти» было опубликовано, однако он, судя по всему, прошел то испытание жизнью, о котором говорил Иммануил Кант: «Для человека чрезвычайно важно знать, как надлежащим образом занять свое место в мире, и правильно понять, каким нужно быть, чтобы быть человеком». Всю свою жизнь я старался найти ответ на этот вопрос, и книга Бекера убедила меня в том, что этим стоило заниматься.

В декабре мне пришлось принять еще одно политическое решение. Многие мои сторонники хотели, чтобы я снова баллотировался в Конгресс. Долг за избирательную кампанию был выплачен, и они считали, что мне нужно опять вступить в игру. Я не сомневался, что на этот раз мне будет еще труднее победить конгрессмена Хаммершмидта, даже если Джимми

Картер станет кандидатом на пост президента от демократической партии. Но главным было то, что я уже не стремился попасть в Вашингтон, а хотел остаться в Арканзасе. Меня все больше интересовала деятельность правительства штата, отчасти потому, что генеральный прокурор Джим Гай Такер поручил мне от имени нашего штата составить записку в Верховный суд США по антитрестовскому делу, связанному с установлением процентных ставок по кредитным карточкам. Джим Гай намеревался баллотироваться в Конгресс — на место, освободившееся после отставки Уилбура Миллза. Следовательно, пост генерального прокурора штата становился вакантным, и мне очень хотелось его занять.

Пока я размышлял об этом, мне позвонил мой друг Дэвид Эдвардс, работавший в Citibank, и пригласил нас поехать вместе с ним на Гаити. Он сказал, что у него накопилось достаточно бонусов, предоставляемых пассажирам, часто пользующимся услугами авиакомпаний, чтобы заплатить за наши билеты, и он хочет, чтобы эта поездка стала для нас свадебным подарком. Меньше чем через неделю после возвращения из Мексики мы вновь отправились в путь.

К концу 1975 года «Папа Док» Дювалье уже давно покинул сцену, и его место занял его сын, тучный молодой человек, которого все звали Бэби Док. Мы видели его однажды, когда он ехал в машине по большой площади из своей официальной резиденции в Порт-о-Пренсе, чтобы возложить венок к Памятнику независимости Гаити — статуе, изображавшей мощного освобожденного раба, трубящего в раковину. Площадь была оцеплена его охранниками — печально известными тонтон-макутами в солнцезащитных очках и с ручными пулеметами, имевшими весьма устрашающий вид.

Семья Дювалье находилась у власти в Гаити, грабя эту страну и неумело управляя ею, пока та не превратилась в беднейшее государство нашего полушария. Порт-о-Пренс все еще был красивым городом, но его красота казалась какой-то потускневшей. Я помню потертые ковры и сломанные скамьи в Национальном соборе. Несмотря на политическую ситуацию в этой стране и ее бедность, мне очень понравились ее жители. Они казались жизнерадостными и сообразительными, они создали великолепные произведения народного искусства и прекрасную музыку. Я восхищался тем, что многие из них не просто старались выжить, но и наслаждались жизнью.

Меня особенно заинтересовала религия и культура вуду, о которых я получил некоторое, хоть и ограниченное, представление в Новом Орлеане и которые на Гаити уживались с католическими религией и культурой.

Название этой традиционной гаитянской религии пришло из Бенина, государства в Западной Африке, где она зародилась. На языке фон «вуду» означает «бог» или «дух» и не имеет абсолютно никакого отношения к черной магии и колдовству, приписываемым этой религии во многих фильмах. Главный ритуал вуду — танец, во время которого в верующих как бы вселяются духи. Самым интересным днем нашей поездки стал тот, когда у меня появилась возможность самому увидеть этот ритуал. Коллега Дэвида из Citibank, работавший в Порт-о-Пренсе, предложил отвезти нас в соседнюю деревню и познакомить с необычным священником вуду. Макс

Бовуар провел за пределами Гаити пятнадцать лет, учась в парижской Сорбонне и работая в Нью-Йорке. У него была красивая белокурая жена-француженка и две очаровательные дочери. Макс был инженером-химиком, пока его дед, священник вуду, находясь на смертном одре, не назвал его своим преемником. Макс был верующим и исполнил волю своего деда, хотя с этим, должно быть, нелегко было смириться его жене-француженке и их детям, получившим западное воспитание.

Мы приехали в деревню поздно вечером, примерно за час до церемонии, которую Макс разрешил посещать готовым платить за это туристам, чтобы хоть частично возместить расходы на свою деятельность. Он объяснил, что, согласно религиозным воззрениям последователей вуду, Бог является людям через духов, олицетворяющих силы света и тьмы, добра и зла, между которыми существует примерное равновесие. После того как мы с Хиллари и Дэвидом прослушали краткий курс теории вуду, нас проводили на открытое место и усадили среди других гостей, собравшихся там, чтобы увидеть церемонию вызывания духов, которые затем должны были войти в тела танцоров. После нескольких минут ритмичного танца под барабанный бой духи овладели одной женщиной и одним мужчиной. Мужчина водил по всему своему телу горящим факелом и, не обжигаясь, ходил по раскаленным углям. Женщина в неистовстве издавала дикие вопли, потом схватила живую курицу и откусила ей голову. После этого духи покинули тела людей, и они упали на землю.

Через несколько лет после того, как я стал свидетелем этой необычной церемонии, Уэйд Дэвис, ученый из Гарвардского университета, приехавший на Гаити в поисках объяснения феномена зомби, или ходячих покойников, также посетил Макса Бовуара. Как рассказывается в книге Дэвиса «Змея и радуга» (*The Serpent and the Rainbow*), с помощью Макса и его дочери ученому удалось разгадать загадку зомби, которые якобы умирают, а потом опять возвращаются к жизни. Оказывается, члены тайных обществ в наказание за некие проступки получают дозу яда — тетродотоксина, извлекаемого из рыбы иглобрюха. При правильно рассчитанной дозе этот яд может парализовать человека, и его дыхание станет настолько слабым, что даже врач сочтет его умершим. Когда действие яда проходит, человек пробуждается. Об аналогичных случаях рассказывают в Японии, где правильно приготовленный иглобрюх считается деликатесом, в то время как нарушение рецептуры его приготовления может стать причиной смертельного отравления.

Я описываю здесь свое краткое знакомство с философией вуду потому, что меня всегда восхищали предпринимаемые различными культурами попытки объяснить явления жизни и природы и фактически всеобщая вера в некий нематериальный дух, который существовал до появления человечества и будет существовать после того, как все мы исчезнем. Представления гаитян о Боге и его проявлениях в нашей жизни значительно отличаются от представлений большинства христиан, иудеев и мусульман, однако их подтвержденные документами опыты, безусловно, доказывают истинность старинного изречения: поистине, пути Господни неисповедимы.

Ко времени нашего возвращения с Гаити я принял решение баллотироваться на пост генерального прокурора штата. Я взял еще один отпуск на юридическом факультете и приступил к работе. На предварительных выборах у меня было два соперника: госсекретарь Джордж Джерниган, и Кларенс Кэш, возглавлявший отдел защиты потребителей в канцелярии Джима Гая Такера. Оба были хорошими ораторами и оба — намного старше меня. Более опасным соперником был Джерниган, имевший много друзей в организации губернатора Прайора, в нескольких судах округа и среди консерваторов по всему штату. Как ни странно, республиканская партия не выдвинула ни одного кандидата, и это был единственный случай, когда на всеобщих выборах я не имел соперника-республиканца.

Я понимал, что мне надо вести кампанию из Литл-Рока. Помимо того, что этот город был столицей штата, он находился в самом его центре, и здесь было больше всего избирателей, а также имелись наиболее значительные возможности для сбора средств. Я разместил свой штаб в старом доме, находившемся в нескольких кварталах от здания Капитолия. Уолли Дерек, молодой банкир из Джонсборо, согласился стать руководителем моей предвыборной кампании. Стив Смит, который проделал отличную работу во время выборов в Конгресс, стал руководителем предвыборного штаба. Всеми делами в штабе заправляла Линда Макги, отлично выполнявшая свои обязанности несмотря на наш скудный бюджет. Мы провели кампанию, имея менее ста тысяч долларов. Каким-то образом Линде удавалось добиваться того, чтобы штаб работал допоздна, оплачивать счета и руководить действиями добровольцев. Я получил предложение остановиться у Пола Берри, с которым познакомился, когда он руководил офисом сенатора Макклеллана в Арканзасе, и который мне сразу понравился. Впоследствии Пол стал одним из вице-президентов Union Bank. Помимо всего прочего он настаивал, чтобы я спал на единственной в его квартире кровати, даже если возвращался в два-три часа ночи. Как бы поздно я ни пришел, я всегда находил его спящим на кушетке в гостиной. Он никогда не выключал свет на кухне, где оставлял для меня мое любимое блюдо — ореховую пасту с морковью.

Мои старые друзья Мак Макларти и Винс Фостер помогли мне установить контакты с представителями профессиональных и деловых кругов Литл-Рока. Меня также по-прежнему активно поддерживали лидеры профсоюзов, хотя их симпатии ко мне несколько уменьшились после того, как я отказался подписать петицию в поддержку требования профсоюзов отменить действовавший в Арканзасе закон о праве на труд, вынеся этот вопрос на ноябрьское голосование. Законы о праве на труд позволяют работникам предприятий, на которых действуют профсоюзы, не платить профсоюзные взносы. В те далекие времена этот закон соответствовал моим либертарианским взглядам. Впоследствии я узнал, что сенатор Макклеллан был настолько впечатлен моей позицией, что попросил Пола Берри позвонить своим главным сторонникам и сообщить им о том, что он собирается меня поддержать. Через несколько лет я изменил свою позицию в отношении права на труд. Теперь мне кажется несправедливым, когда работник получает более высокую зарплату, пользуется медицинским

обслуживанием и пенсионными программами, не поддерживая при этом профсоюз, обеспечивающий все эти преимущества.

Казалось, поддержка в Третьем избирательном округе была мне гарантирована. Все люди, помогавшие мне в 1974 году, были готовы вновь приняться за работу. Кроме того, мне помогали и братья Хиллари, которые перебрались в Фейетвилл и поступили в университет. Они внесли в нашу жизнь заметное оживление. Как-то раз мы с Хиллари пошли к ним поужинать и весь вечер слушали рассказы Хью о его приключениях в Колумбии, где он работал в составе Корпуса мира. Его истории звучали так, словно были позаимствованы из «Ста лет одиночества», однако он клялся, что все это было чистой правдой. Он также сделал для нас коктейль «пина колада», по вкусу напоминавший фруктовый сок, но при этом сильно ударявший в голову. После двух-трех стаканов этого напитка на меня напала такая сонливость, что я вышел из дома и забрался в кузов своего «Шеви Эль-Камино», доставшегося мне от Джеффа Дуайра. Кузов был выстлан астроторфом, поэтому я уснул и спал как младенец. Хиллари отвезла меня домой, а на следующий день мне вновь пришлось взяться за работу. Я любил этот старый грузовик и ездил на нем, пока он не развалился окончательно.

Что же касается ситуации в штате в целом, то меня активно поддержали в Хоупе, где я родился, и в его окрестностях, а также в пяти-шести округах, не входящих в Третий избирательный округ, в которых жили мои родственники. Благодаря своим бывшим студентам, теперь уже имевшим юридическую практику, я, получив сильную поддержку чернокожих избирателей, удачно стартовал в центральных, южных и восточных районах Арканзаса. Меня, кроме того, поддержали активисты демократической партии — как члены возглавляемого мною Комитета позитивных действий, так и те, кто следил за моим состязанием с Хаммершмидтом в качестве наблюдателей. Но, несмотря на все это, в организации кампании все еще оставались слабые места, и вся наша работа была нацелена главным образом на то, чтобы их устранить.

В поездках по штату мне приходилось вступать в противоборство с новой политической силой — движением «Моральное большинство», основанным преподобным Джерри Фолуэллом, консервативным баптистским проповедником из штата Вирджиния, чьи выступления по телевидению собирали многочисленную аудиторию, которую он использовал для создания общенациональной организации, поддерживавшей христианский фундаментализм и консервативную политику правых. В любой части штата мне, когда я обменивался рукопожатиями с местными жителями, могли задать вопрос, являюсь ли я христианином. После утвердительного ответа меня обычно спрашивали, считаю ли я себя утвердившимся в вере после испытаний. После того как я отвечал «да», следовали еще несколько вопросов, очевидно заранее подготовленных организацией Фолуэлла. Однажды, когда я вел кампанию в Конуэе, примерно в тридцати милях восточнее Литл-Рока, я зашел в канцелярию секретаря округа, куда поступают бюллетени избирателей, голосующих по почте. Одна из работавших там женщин начала задавать мне все те же вопросы. На один из них я, по-видимо-

му, ответил неправильно и, не успев покинуть здание суда, потерял голоса четырех избирателей. Я не знал, как поступить. Мне не хотелось лгать, отвечая на вопросы, связанные с религией, но я не мог позволить себе и дальше терять голоса. Я позвонил сенатору Бамперсу, убежденному либералу-методисту, и попросил у него совета. «Мне тоже постоянно задают такие вопросы, — сказал он. — Но я никогда не позволяю им пойти дальше первого. Когда они спрашивают, христианин ли я, я отвечаю так: “Да, я очень надеюсь на это. Я всегда старался им быть. Но я убежден, что судить об этом может только Господь”. После этого они обычно затыкаются». Выслушав Бамперса, я рассмеялся и заметил, что теперь знаю, почему он сенатор, а я всего лишь кандидат на пост генерального прокурора штата. В дальнейшем я всегда отвечал так же, как он.

Самый смешной случай, связанный с предвыборной гонкой, произошел в округе Миссисипи, на крайнем северо-востоке Арканзаса. В этом округе имеются два крупных города, Блайтвилл и Осеола, и множество маленьких городков, большим влиянием в которых пользуются плантаторы, владеющие огромными земельными участками. Как правило, работающие на них местные жители и мелкие торговцы, чей доход почти целиком зависит от крупных землевладельцев, голосовали так же, как и плантатор, — т.е., как правило, за самого консервативного из всех кандидатов. В данном случае таким кандидатом был госсекретарь штата Джерниган. В этом округе существовала также сильная местная организация, возглавляемая окружным судьей Бэнксом, который также поддерживал Джернигана. Получить здесь голоса казалось совершенно безнадежным делом, однако округ был слишком большим, чтобы его проигнорировать, поэтому одну из суббот я посвятил работе с избирателями в Блайтвилле и Осеоле. Я приехал туда один, и этот день, мягко говоря, оказался неудачным. Хотя мне все же удалось найти некоторую поддержку в этих городах, главным образом благодаря моим бывшим студентам, большинство людей, с которыми я встречался, либо были настроены против меня, либо вообще не знали, кто я такой, и их это совершенно не интересовало. Тем не менее я пожал руки всем, кто этого хотел, и, взглянув на часы, увидел, что уже около одиннадцати вечера. Подумав, что мне еще предстоит три часа добираться из Осеолы до Литл-Рока, и решив, что не хочу заснуть за рулем, я наконец сдался.

На обратном пути, проезжая мимо небольших селений, я вспомнил, что целый день ничего не ел, и почувствовал голод. Подъехав к местечку под названием Джойнер, я увидел, что в пивной горит свет. В надежде, что смогу здесь перекусить, я вышел из машины. В пивной были только бармен и четыре парня, игравшие в домино. Заказав гамбургер, я вышел на улицу, чтобы позвонить Хиллари из телефона-автомата. Трое из тех парней, как и многие другие люди, которых я встретил в этот день, не знали, кто я такой, и не обратили на мое появление никакого внимания. Четвертый же посмотрел на меня и улыбнулся. Я никогда не забуду его первые слова: «Парень, мы тебя здесь завалим. Ты ведь это понимаешь, правда?» Я ответил, что после целого дня, проведенного здесь, у меня сложилось именно такое впечатление, однако его слова меня все же огорчили. «Да-да, так и будет, —

продолжил он. — Ты — длинноволосый профессор-хиппи из университета и, насколько нам известно, коммунист. Но я тебе вот что скажу. Любой, кто отважится заниматься агитацией в пивной Джойнера в полночь в субботу, заслуживает того, чтобы хотя бы в одной избирательной урне оказались бюллетени в его поддержку. Так что спокойно езжай домой. Здесь ты победишь. Но это будет единственное чертово место в округе, где ты одержишь победу». Того человека звали Р.Л. Кокс, и он сдержал свое слово. В ночь выборов я потерпел сокрушительное поражение на всех избирательных участках округа, контролируемых крупными фермерами, однако в Джойнере набрал 76 голосов, в то время как два моих соперника — 49. Это было единственным местом в округе Миссисипи, где я одержал победу, за исключением двух избирательных участков в Блайтвилле, где голосовали чернокожие и где в последний уикенд перед выборами чернокожему владельцу похоронного бюро Лавестеру Макдональду и редактору местной газеты Хэнку Хейнсу удалось изменить ситуацию.

К счастью, почти во всех остальных местах я добился гораздо лучших результатов, набрав более 55 процентов всех голосов и одержав победу в 69 из 75 округов, в том числе благодаря отличным результатам в южном Арканзасе, где у меня было много родственников и хороших друзей, а также получив колоссальное число голосов — 74 процента в Третьем избирательном округе. Люди, которые так активно работали на меня в 1974 году, наконец-то были вознаграждены.

Лето после выборов стало для нас с Хиллари очень счастливым. Первые два месяца мы провели в Фейетвилле, отдыхая и развлекаясь вместе с нашими друзьями, а в середине июля отправились в поездку в Европу. По пути мы на один вечер остановились в Нью-Йорке, где проходил съезд демократической партии, после чего вылетели в Париж, чтобы встретиться с работавшим там Дэвидом Эдвардсом. Через два дня мы отправились в Испанию. Сразу же после того, как мы пересекли Пиренеи, я получил телеграмму с просьбой позвонить в предвыборный штаб Картера. Позвонив туда из городка Кастро Урдиалес, я получил предложение стать руководителем предвыборного штаба Картера в штате Арканзас и сразу же ответил согласием. Я активно поддерживал Джимми Картера, и хотя осенью мне предстояло вернуться к преподавательской деятельности в Фейетвилле, я знал, что справлюсь с этой работой. Картер пользовался в Арканзасе огромной популярностью благодаря своей прогрессивной деятельности, опыту работы в фермерском хозяйстве, искренней приверженности южному баптизму и личным связям — в частности, тому, что в Военно-морской академии он учился в одной группе с четырьмя известными арканзасцами. Его победа в Арканзасе не вызывала сомнений, вопрос заключался лишь в том, с каким преимуществом он победит. После всех поражений на выборах перспектива двух побед за один год была слишком заманчивой, чтобы ее упустить.

Наш отпуск в Испании завершился остановкой в Гернике — городе, запечатленном в замечательном произведении Пикассо, на котором изоб-

ражена его бомбардировка в годы гражданской войны в Испании. Приехав в Гернику, мы попали на баскский праздник. Нам понравились музыка и танцы, правда, у нас возникли некоторые проблемы из-за одного местного деликатеса — холодной рыбы в молоке. Мы обследовали расположенные в окрестностях города пещеры, на стенах которых сохранились доисторические рисунки, и провели замечательный день в тени покрытых снегом вершин Пиренеев на жарком пляже, где был маленький ресторанчик с вкусной и недорогой едой и пивом по пять центов за кружку. Уже было начало августа, время отпусков в Европе, и на обратном пути, на французской границе, насколько хватало взгляда, мы повсюду видели стоявшие машины, что свидетельствовало о благоразумной убежденности европейцев в том, что жизнь — это не только работа. Мне же становилось все труднее и труднее следовать этому принципу.

Когда мы вернулись домой, я отправился в Литл-Рок, чтобы заняться организацией кампании вместе с Крейгом Кэмпбеллом, бывшим руководителем демократической партии штата, работавшим в Литл-Роке, в Stephens Inc. — крупнейшем в то время инвестиционном банке Америки за пределами Уолл-стрит. Этот банк принадлежал Уитту и Джеку Стивенсам. Уитт Стивенс долгое время являлся влиятельной фигурой в политической жизни штата, а Джек, который был на десять лет младше, учился в Военно-морской академии вместе с Джимми Картером. Крейг был веселым, красивым, жизнерадостным человеком, производившим обманчивое впечатление чрезмерной чувствительности, что позволяло ему добиваться поставленных целей как в личной жизни, так и в политике.

Я ездил по штату, чтобы создать эффективно действующую организацию в каждом округе. В один из воскресных вечеров я зашел в небольшую афроамериканскую церковь неподалеку от Литл-Рока, проповедником в которой был Кейто Брукс. Когда мы вошли туда, в церкви звучал хор, исполнявший негритянские духовные песнопения. Во время исполнения второго или третьего песнопения дверь распахнулась, и вошла молодая женщина, похожая на Дайану Росс, в черных сапогах до колена и узком вязаном платье. Она прошла по проходу, махнула рукой хору и села за орган. Я никогда раньше не слышал такой органной музыки. Она была настолько мощной, что я бы не удивился, если бы орган поднялся в воздух и вылетел из церкви. Когда Кейто начал свою проповедь, находившиеся в церкви четверо или пятеро мужчин собрались вокруг него, усевшись на складные стулья. Почти всю проповедь он пропел или прочел нараспев, причем все это сопровождалось ритмичным постукиванием ложек, которыми мужчины ударяли по коленям. После проповеди преподобный Брукс представил меня своим прихожанам, и я стал призывать их голосовать за Картера. Я говорил с воодушевлением, но, конечно же, мне было далеко до Кейто. Когда я, закончив выступление, сел, он пообещал, что члены их церковной общины будут голосовать за Картера, и попрощался со мной, сказав, что они пробудут здесь еще час-другой. Когда я отошел от церкви на несколько шагов, сзади кто-то произнес: «Эй, белый! Тебе нужна помощь в твоей предвыборной кампании?» Это была органистка, Пола Коттон. Она стала одним из наших лучших

добровольных помощников. Кейто Брукс вскоре после кампании перебрался в Чикаго. Он был слишком хорош для того, чтобы оставаться на ферме.

Пока я работал в Арканзасе, Хиллари, также принявшая участие в кампании Картера, взяла на себя гораздо более трудную задачу: она стала координатором в Индиане. Жители этого штата на президентских выборах традиционно голосуют за республиканцев, однако сотрудники предвыборного штаба Картера надеялись, что, благодаря его фермерским корням, у него есть шанс победить в этом штате. Хиллари всю себя отдавала работе, и в наших ежедневных телефонных разговорах, а также во время моей поездки в Индианаполис с воодушевлением рассказывала мне об интересных событиях, участницей которых она стала.

Кампанию в целом можно было сравнить с аттракционом «Русские горки». В Нью-Йорке Картер на тридцать пунктов опередил президента Форда, однако в целом по стране голоса избирателей распределились более равномерно. Президент Форд предпринял впечатляющие усилия, чтобы догнать Картера, задавая избирателям один и тот же вопрос: достаточно ли у губернатора-южанина, главным обещанием которого было дать нам правительство, такое же честное, как американский народ, опыта для того, чтобы стать президентом? В конце концов Картер победил с преимуществом примерно в 2 процента, получив 297 голосов выборщиков против 240 у Форда. Силы были примерно равными. Мы не смогли одержать победу в Индиане, однако выиграли в Арканзасе, получив 65 процентов голосов — всего на два процента меньше, чем в родном штате Картера, Джорджии, где он набрал 67 процентов голосов, и на 7 процентов больше, чем в Западной Вирджинии, занявшей следующее после Арканзаса место среди штатов, поддержавших кандидата от демократической партии.

После выборов мы с Хиллари на несколько месяцев вернулись домой, и я завершил преподавание курсов морского и конституционного права. В течение трех лет и трех месяцев я за пять семестров и летнюю сессию прочел восемь курсов лекций, а также два курса лекций сотрудникам правоохранительных органов в Литл-Роке. За это время я дважды баллотировался на выборные должности и провел кампанию Картера в штате Арканзас. Я не жалел ни об одной потраченной на это минуте. Я жалел лишь о том, что мне часто приходилось бывать вдали от Фейетвилла, от наших друзей и от маленького домика на Калифорния-драйв, 930, в котором мы с Хиллари пережили столько радостных минут.

Конец 1976 года я провел в ежедневных поездках в Литл-Рок, чтобы подготовиться к новой работе. На восемнадцатом этаже здания Union Bank Пол Берри предоставил мне офис для проведения собеседований с моими будущими сотрудниками.

Среди кандидатов было много весьма способных людей. Я уговорил Стива Смита стать главой моего аппарата, поскольку считал, что в процессе совместной работы над текущими делами мы сможем выдвинуть немало интересных политических инициатив. В аппарате генерального прокурора было только двадцать юристов. Лучшие захотели остаться со мной. Я пригласил нескольких новых специалистов, в том числе молодых женщин и афроамериканцев; в итоге 25 процентов юридического персонала составляли женщины и 20 процентов — афроамериканцы. Неслыханное количество по тем временам.

В декабре мы с Хиллари нашли дом в Литл-Роке, в симпатичном районе Хилквест неподалеку от центра, по адресу 5419 Эл-стрит. Новый дом оказался меньше, чем наш прежний в Фейетвилле (всего 980 квадратных футов), но при этом стоил дороже — почти 34 тысячи долларов. Однако мы могли себе это позволить, поскольку в ходе прошлых выборов избиратели впервые с 1910 года проголосовали за повышение заработной платы федеральным и местным чиновникам, после чего жалование генерального прокурора выросло до 26,5 тысячи долларов в год. Хиллари поступила на работу в юридическую фирму Rose, где вместе с ней трудились не только уважаемые и опытные, но и блестящие молодые юристы, среди которых были мой приятель Винс Фостер и Уэбб Хаббел (в прошлом звезда футбольной команды «Рейзорбэкс»), ставший одним из наших близких друзей. С тех пор и до того дня, как я стал президентом, а Хиллари оставила юридическую практику, она зарабатывала больше меня.

Помимо толкования спорных положений законодательства штата, аппарат генерального прокурора представлял интересы Арканзаса во время гражданских процессов в суде, а также при рассмотрении уголовных дел в Верховном суде штата и окружном суде; давал органам исполнительной власти консультации по правовым вопросам; защищал права потребителей в суде, лоббируя законопроекты и участвуя в рассмотрении вопросов регулирования тарифов на коммунальные услуги в Комиссии по вопросам обслуживания населения (PSC). Работы было много, разнообразной и интересной.

Новый год начался активно. Сессия Законодательного собрания штата открылась в январе. Одним из первых проводилось слушание PSC, на котором обсуждался вопрос о повышении тарифов на услуги компании Arkansas Power and Light Company (AP&L) в связи с понесенными ею расходами на

проект строительства крупной АЭС в Гранд-Галф, Миссисипи, которое вела ее материнская компания Middle South Utilities (сейчас она называется Entergy). Поскольку компания Middle South не оказывала прямых услуг населению, расходы на строительство АЭС «Гранд-Галф» должны были распределиться между ее дочерними компаниями, обслуживающими штаты Арканзас, Луизиана, Миссисипи и город Новый Орлеан. Рассмотрение дела «Гранд-Галф» требовало от меня много времени и внимания на протяжении следующих нескольких лет. С ним было связано две проблемы. Во-первых, поскольку АЭС строила материнская компания, предварительного разрешения Комиссии по вопросам обслуживания населения нашего штата не требовалось, даже несмотря на то что нашим налогоплательщикам пришлось бы покрыть 35 процентов стоимости строительства; во-вторых, я полагал, что благодаря экономии энергии и более эффективному использованию АЭС мы сможем удовлетворить больший спрос, затратив при этом меньше средств.

В процессе подготовки к слушаниям Уолли Никсон, один из моих юристов, познакомился с Эмори Ловинсом, который подробно изложил ему экономические выгоды использования энергосберегающих технологий и солнечной энергии. Идея показалась мне интересной, и я связался с ним. В то время большинство политиков и предпринимателей считали, что экономический рост требует постоянного увеличения потребления энергии. Несмотря на всю убедительность доводов в пользу теории экономии, ее все еще считали глупой фантазией безумных ученых. К сожалению, слишком многие придерживаются этой точки зрения и по сей день.

На протяжении почти двадцати лет, занимая посты генерального прокурора, губернатора и президента, я старался продвинуть идею альтернативной энергии, изложенную в работах Эмори Ловинса и других специалистов. Несмотря на мои успехи на всех занимаемых должностях, оппозиция не изменила своего мнения, а после того как в 1995 году большинство мест в Конгрессе заняли консерваторы, лишь укрепилась в нем. Мы с Алом Гором, опираясь на солидную базу достоверных данных, годами безуспешно добивались 25-процентного сокращения налогов на производство и покупку экологически чистой энергии и энергосберегающие технологии. Республиканцы каждый раз блокировали наши предложения. В моем окружении ходила шутка: главным достижением моего второго срока президентства было то, что я наконец нашел приемлемое предложение о сокращении налогов, но Ньют Гингрич и Том Делей его не поддержали.

Работа с Законодательным собранием штата оказалась увлекательным занятием, и не только благодаря интересным и непредсказуемым дискуссиям, но и потому, что в Палате представителей и Сенате было много ярких личностей. Кроме того, в Законодательное собрание рано или поздно обращалась почти половина штата, чтобы высказаться за или против очередного предложения. Как-то раз в первые дни сессии я приехал на заседание комитета, чтобы выступить против выдвигаемого им предложения. В зале собралось много людей, для которых оно представляло интерес; среди присутствующих были Винс Фостер и Хиллари. Винс взял ее с собой на

заседание, не зная, что я буду выступать на стороне их противников. Мы улыбнулись друг другу и приступили к работе. К счастью, фирма Rose получила от Ассоциации американских юристов разрешение принять на работу жену генерального прокурора, если при этом не будет конфликта интересов. Хиллари в точности следовала их указаниям. После того как я стал губернатором, а Хиллари уже была полноправным партнером в фирме Rose, она отказалась от части ежегодного дохода от облигаций, выпущенных властями штата (операции с ними были частью юридической работы фирмы с 1940-х годов).

К моменту моего вступления в должность генерального прокурора у администрации накопились серьезные задолженности с вынесением заключений по рассматриваемым делам и с другой работой. Нам часто приходилось засиживаться до поздней ночи, но мы стали лучше понимать друг друга. Это было отличное время. Пятницу, когда в Законодательном собрании не было слушаний, я объявил днем неформального стиля в одежде. В этот день я приглашал всех на ланч в соседний ресторанчик. Там готовили вкуснейшие гамбургеры, а также стояли автоматы для игры в пинбол и столы для шаффлборда. На крыше старого ресторанчика красовались большое каноэ и пророческая надпись «Whitewater Tavern».

Укрепившая свои позиции организация «Моральное большинство» и подобные ей группы вносили на рассмотрение законопроекты, ставившие более прогрессивных законодателей в неловкое положение: принять их не позволяли убеждения, а открытое противостояние могло пагубно сказаться на карьере. Проще всего было убедить генерального прокурора объявить законопроект антиконституционным. На этот случай у меня имелся еще один «закон политики от Клинтона»: если человек может переложить ответственность на вас, он непременно это сделает.

Самый забавный законопроект предложил Арло Тайер, член Палаты представителей от города Покахонтас, что на севере штата Арканзас. Арло был добропорядочным человеком и всегда старался оказаться на шаг впереди «Морального большинства». Он выдвинул на рассмотрение законопроект, который запрещал показ порнофильмов во всем Арканзасе, причем это касалось даже взрослых. Ко мне обратились с вопросом, не ограничивает ли законопроект свободу слова, гарантированную конституцией. Воображение сразу нарисовало заголовки газет: «Генеральный прокурор выступает в защиту порнофильмов!» Я позвонил Бобу Дадли, федеральному окружному судье города, где жил Арло, чтобы узнать, почему тот выдвинул свой законопроект. «У вас там что, часто показывают порно?» — спросил я. Дадли ответил со свойственным ему юмором: «Нет. У нас даже нет кинотеатров. Просто он завидует тому, что вы можете это смотреть».

Как только законопроект о порнофильмах канул в небытие, Арло предложил новый: ежегодно взимать налог в размере 1,5 тысячи долларов с каждой пары в Арканзасе, живущей вне брака. Воображение снова нарисовало заголовки газет: «Клинтон выступает в защиту греховных связей!» Я позвонил Тайеру. «Арло, — спросил я, — как долго должны мужчина

и женщина жить вместе, чтобы с них взимался этот налог? Год, месяц, неделю? Или достаточно одной ночи, проведенной вместе?» «Знаете, я как-то не задумывался об этом», — ответил он. «А как обеспечить выполнение закона? — настаивал я. — Мы что, собираемся с бейсбольными битами стучаться в каждую дверь, чтобы посмотреть, кто с кем и чем там занимается?»

Арло пожал плечами и сказал: «Знаете, я как-то и об этом не подумал. Пожалуй, я отзываю законопроект. Я вернулся в офис с мыслью, что мне удалось увернуться еще от одной неприятности. К моему удивлению, многие сотрудники администрации выглядели огорченными подобным исходом дела. Некоторым очень хотелось, чтобы законопроект был принят, а мы бы занялись его воплощением. Сотрудники даже придумали себе униформу: футболки с надписью SNIF — Sex No-no Investigation Force*.

Серьезные сложности возникли в связи с правами сексуальных меньшинств. За два года до моего прихода в администрацию генеральный прокурор Джим Гай Такер внес на рассмотрение Законодательного собрания новый уголовный кодекс. В нем давались более четкие и ясные объяснения сложных и запутанных преступлений последнего столетия. Помимо этого в новом кодексе были упразднены статусные правонарушения, которые рассматривались в Верховном суде. Преступлением считалось преднамеренное или непреднамеренное совершение запрещенного действия; недостаточно было совершить нечто, неугодное общественности. Пьянство, например, не считалось преступлением, равно как и гомосексуальные отношения, хотя до принятия нового кодекса и то, и другое каралось законом.

Член Палаты представителей Билл Стансил подвергся жесткой критике со стороны консервативного духовенства своего родного города Форт-Смит за поддержку нового уголовного кодекса. По их мнению, он выступил за легализацию гомосексуальных отношений. Стансил был добропорядочным человеком спортивного телосложения, с мужественным подбородком и сломанным носом. Он был одним из лучших футбольных тренеров Арканзаса, но пронизательностью никогда не отличался. Стансил никак не мог поверить, что голосовал в поддержку гомосексуализма, и искренне хотел исправить ошибку, прежде чем церковь его осудит, поэтому выдвинул законопроект, объявлявший гомосексуальные отношения преступлением. Сюда же Билл отнес и зоофилию. Остроумные коллеги не преминули заметить, что в его округе, видимо, не так много фермеров. В тексте законопроекта Стансил убийственно подробно описал всевозможные варианты обоих видов половых отношений. Какому-нибудь извращенцу это вполне могло на целую неделю заменить порножурнал.

У нас не было возможности отклонить этот законопроект во время прямого голосования. До 2003 года, когда Верховный суд вынес решение о том, что гомосексуальные отношения, поддерживаемые по обоюдному согласию сторон, защищены законом о праве на частную жизнь, было еще далеко, поэтому я не мог объявить законопроект антиконституционным. Оставалась последняя возможность — как можно дольше оттягивать его обсуждение.

---

* Отдел по борьбе с сексом. — *Прим. пер.*

Кен Рубенс, Джоди Махоуни и Ричард Мэйс, члены Палаты представителей и мои большие друзья, решили внести в законопроект забавную поправку. Узнав, что действие начинается, я присоединился к зрителям на галерее в зале заседаний Палаты представителей и стал наблюдать за спектаклем. Один из молодых людей охарактеризовал законопроект Стансила как образец для подражания, выразив радость по поводу того, что в Арканзасе кто-то наконец решил выступить в защиту морали. Правда, по его словам, существовала одна проблема: законопроект был слишком слабым. Молодой человек предложил его «усилить» и внести «незначительное дополнение». С совершенно серьезным видом он предложил приравнять супружескую измену, совершенную членом Законодательного собрания в Литл-Роке, куда сенаторы прибывают на сессию, к преступлениям класса D*.

По галерее прокатилась волна хохота. В зале же, напротив, стояла гробовая тишина. Для многих сенаторов, прибывших в Литл-Рок на сессию из маленьких городков, это было единственной возможностью весело провести время — все равно что на два месяца съездить в Париж! Им было не до смеха. Кое-кто даже пригрозил умникам, что, если они не отзовут поправку, ни один их законопроект никогда не будет принят. Так и сделали. Законопроект прошел голосование, а затем его отправили в Сенат.

Мы имели больше шансов остановить его там, поскольку он был передан на рассмотрение в комитет, который возглавлял один из самых умных и прогрессивных членов Законодательного собрания Ник Уилсон, молодой сенатор из Покахонтаса. Я считал, что нам удастся убедить его придержать документ до окончания сессии.

В последний день работы Законодательного собрания законопроект все еще оставался в комитете Ника, и я считал часы до закрытия сессии. Я не переставая звонил ему, слонялся у его кабинета и почти на час опоздал в Хот-Спрингс, где должен был выступать с докладом. Перед отъездом я снова позвонил Нику. Он сказал, что Законодательное собрание завершает свою работу через полчаса, и заверил: законопроект не пройдет. Я уехал. Через пятнадцать минут влиятельный сенатор, поддерживавший этот документ, предложил Нику Уилсону построить в его округе новое здание для профессионально-технической школы, если тот, в свою очередь, пропустит законопроект. Как говорил спикер Тип О'Нил, «вся политика делается на местах». Ник дал законопроекту «зеленый свет», и его легко утвердили. Мне было ужасно обидно. Несколько лет спустя Вик Снайдер, ныне конгрессмен, представляющий Литл-Рок, будучи сенатором штата, попытался упразднить этот закон, но тоже безуспешно. По моим сведениям, он так и не вступил в силу, но нам пришлось ждать 2003 года, когда Верховный суд принял решение его аннулировать.

Будучи генеральным прокурором, я столкнулся с другим действительно интересным случаем, когда речь шла о жизни и смерти. Однажды мне позвонили из детской больницы Арканзаса. К ним на работу поступил молодой

---

* В соответствии с уголовным кодексом штата Арканзас преступление класса D карается лишением свободы на срок до 12 лет. — *Прим. пер.*

талантливый хирург, которому поручили сделать операцию по разделению двух сиамских близнецов, сросшихся в области груди. Они имели общую систему дыхания и кровообращения, но она была уже не в состоянии поддерживать жизнь близнецов, и без хирургического вмешательства им обоим грозила смерть. Ситуацию осложнял тот факт, что хирургу пришлось бы пожертвовать одним из детей. Руководство больницы хотело получить официальное заявление о том, что врача не обвинят в убийстве близнеца, который не перенесет операцию. Строго говоря, я не мог гарантировать им этого, поскольку мнение генерального прокурора защищает человека от преследования лишь в гражданском суде, но не в уголовном. Тем не менее официальное заявление послужило бы сдерживающим фактором для чрезмерно усердного обвинителя. Я передал руководству больницы официальное письмо, в котором говорилось о том, что неизбежная смерть одного ребенка ради спасения жизни другого не является преступлением. Хирург провел операцию. Один из близнецов умер, но второй выжил.

Большая часть нашей работы была гораздо прозаичнее, чем описанные мною случаи. На протяжении двух лет мы старались выносить правильные решения, активно помогали государственным органам штата, участвовали в судебных делах, много сделали для повышения качества ухода за больными в домах престарелых, сдерживали рост тарифов на коммунальные услуги и даже добились снижения стоимости телефонных переговоров до десяти центов, в то время как в других штатах она достигла двадцати пяти.

Я занимался не только основной работой, но и старался как можно чаще бывать в разных уголках штата, чтобы расширить круг знакомств и заручиться поддержкой избирателей перед следующими выборами. В январе 1977 года я впервые произнес речь в качестве выборного чиновника на банкете в клубе «Ротари» в Пайн-Блафф, крупнейшем городе на юго-востоке Арканзаса. В 1976 году я получил там 45 процентов голосов, но на следующих выборах мне хотелось иметь больше. Банкет с участием пятисот гостей казался мне прекрасной возможностью повысить свою популярность. Вечер тянулся очень долго, на нем было произнесено много речей, а присутствующим представлено немыслимое количество гостей. Зачастую организаторы таких мероприятий боятся, что каждый, кого забыли представить, уйдет домой обиженным. Тем вечером недовольных ужином осталось немного. На часах было уже десять, когда хозяин банкета встал, чтобы представить меня. Он нервничал даже сильнее, чем я, и поэтому первыми его словами были: «Знаете, мы вполне можем на этом остановиться и прекрасно провести вечер». Понимаю, он хотел сказать, что самое интересное ждет нас впереди, но по смыслу получилось нечто противоположное. Слава Богу, все восприняли это как шутку и выслушали мое выступление довольно благосклонно (в основном потому, что я был краток).

Несколько раз я приезжал на мероприятия в негритянскую общину. Однажды преподобный Роберт Дженкинс пригласил меня на церемонию посвящения его в пасторы баптистской церкви «Утренняя звезда». В этой небольшой деревянной церкви на севере Литл-Рока вполне комфортно могли разместиться примерно сто пятьдесят прихожан. В тот жаркий вос-

кресный день здесь собралось человек триста, в числе прибывших были пасторы и хоры из других церквей. Среди присутствовавших в церкви находился и единственный помимо меня белый человек — окружной судья Роджер Мирс. Каждый церковный хор исполнил по гимну, пасторы произнесли поздравительные речи. К тому моменту, когда Роберт поднялся на кафедру, паства уже немного утомилась. Но он был молод и красив, а превосходные ораторские данные позволили ему завладеть всеобщим вниманием. Роберт начал не спеша, сказав, что хочет быть доступным пастором, но не следует понимать его превратно: «К женщинам, которые сейчас находятся в церкви, я хотел бы обратиться особо. Если вам необходим пастор, приходите ко мне в любое время дня и ночи. Но если вам нужен мужчина, обратитесь к Богу. Он обязательно найдет вам кого-нибудь». В традиционной церкви подобная откровенность была бы невозможна, но здесь толпа оценила его шутку, и в ответ раздалось единодушное «аминь!».

Когда Роберт начал свою проповедь, атмосфера в церкви накалилась. Внезапно пожилая женщина, сидевшая рядом со мной, вскочила, задрожала и стала что-то выкрикивать, охваченная религиозным экстазом. В следующую минуту в такой же транс впал еще какой-то мужчина, который никак не мог успокоиться. Несколько священнослужителей вывели его в ризницу и прикрыли дверь, а он продолжал выкрикивать что-то невразумительное и колотить по стенам. На моих глазах мужчина буквально выломал дверь и с криками выбежал в церковный двор. Все это напомнило мне о Максе Бовуаре, вудуистском священнике с острова Гаити. Правда, эти люди верили в то, что ими движет Христос.

Вскоре я стал свидетелем того, как и белые христиане впадают в подобный религиозный транс. Произошло это, когда Дайанна Эванс, работавшая в финансовом отделе аппарата генерального прокурора, пригласила меня на ежегодный летний сбор пятидесятников в Редфилде, местечке милях в тридцати от Литл-Рока. Дайанна родилась в семье пастора-пятидесятника и, как многие другие благочестивые женщины ее веры, одевалась скромно, не пользовалась косметикой, а длинные волосы всегда укладывала в аккуратный пучок. В те времена ортодоксальные пятидесятники даже не ходили в кино и на спортивные матчи, а многие не слушали в машинах светскую музыку. Меня очень заинтересовали их вероисповедание и обряды, в особенности после знакомства с Дайанной, очень умной, талантливой и веселой женщиной. Когда я шутил по поводу многочисленных ограничений ее веры, Дайанна говорила, что они веселятся в церкви. Вскоре я понял, насколько она права.

В Редфилде меня представили главе пятидесятников, преподобному Джеймсу Лампкину, и другим пасторам. Потом мы прошли в церковь, вмещавшую более трех тысяч человек. Мне отвели место на помосте рядом с проповедниками. После того как меня представили собравшимся, началась служба. Храм наполнился мощной и ритмичной музыкой, которую мне доводилось слышать только в негритянских церквях. После того как было исполнено несколько гимнов, за орган села красивая молодая женщина и начала петь «Перед лицом Иеговы». Я не слышал ничего подобного,

и у меня просто дух захватило. Музыка и голос были такими волнующими, что я даже не заметил, как заплакал. Пела Мики Мэнган, дочь преподобного Лампкина и жена преподобного Энтони Мэнгана, возглавлявшего большой приход в Александрии, штат Луизиана. После горячей проповеди пастора и «говорения на иных языках» (бормотания звуков, ниспосланных Святым Духом) паству попросили выйти вперед и преклонить колени для молитвы. Многие шли к алтарю, воздев руки к небу, славя Господа и «говоря на иных языках». Тот вечер я никогда не забуду.

Я приезжал на сборы каждое лето с 1977 по 1992 год и часто брал с собой друзей. Когда в общине узнали, что я выступаю в церковном хоре, они попросили меня спеть с квартетом священников, которые называли себя «Болд Нобберс» («Лыдые олени»). Мысль мне понравилась, и я прекрасно вписался в группу. Исключение составляла, пожалуй, прическа.

Каждый год я становился свидетелем все новых проявлений твердой веры пятидесятников. Однажды проповедь читал пастор, сказавший, что Господь дал ему, малограмотному человеку, силы выучить наизусть Библию. За время проповеди он прочитал более двухсот тридцати стихов. У меня была с собой Библия, и я начал по ней сверяться, но после двадцать восьмого стиха остановился. Пастор ни разу не ошибся. Как-то раз я видел, как откликнулся на призыв к молитве молодой человек, инвалид, приезжавший на сборы каждый год. На своей инвалидной коляске юноша на полной скорости проехал от входа в храм к алтарю, футов за десять до него резко затормозил, по инерции его выбросило из коляски, и он приземлился на колени прямо перед алтарем, поклонился и стал восхвалять Господа, как и все остальные.

Но самым важным результатом общения с пятидесятниками стало то, что я нашел среди них новых друзей. Меня восхищало, как они живут, руководствуясь своей верой. Выступая против аборт, пятидесятники, в отличие от всех прочих, старались подыскать каждому нежеланному ребенку, независимо от его расы или физического состояния, любящую семью. Они спорили со мной по поводу аборт и прав сексуальных меньшинств, но при этом строго следовали наставлениям Христа любить своих ближних. Когда в 1980 году я проиграл перевыборы на пост губернатора штата, одним из первых мне позвонил пастор из «Болд Нобберс». Он сообщил, что трое священников хотели бы меня навестить. Приехав в резиденцию губернатора, они сказали, что после моего поражения любят меня точно так же, как если бы я стал победителем, и мы молились вместе.

Пятидесятники были не только глубоко верующими людьми, но и добросовестными гражданами. Они считали, что не голосовать — это грех. Многие священники интересовались политикой и политиками и, как мне кажется, могли бы и сами успешно проявить себя на этом поприще. В середине 80-х фундаменталистские церкви по всей Америке протестовали против введения закона, требовавшего от всех детских учебных заведений соблюдения государственных стандартов и получения соответствующей лицензии. В некоторых регионах разгорелись нешуточные страсти: пастор одного из штатов на Среднем Западе заявил, что лучше сядет в тюрьму, чем

согласится с государственными стандартами. В Арканзасе тоже сложилась взрывоопасная ситуация, поскольку у нас появились некоторые сложности с учебным центром при церкви, а принятие новых стандартов было отложено. Я решил встретиться с знакомыми пасторами-пятидесятниками и узнать, в чем суть проблемы. Священники объяснили, что трудностей с соблюдением стандартов безопасности и гигиены нет; они просто не желали получать государственную лицензию и вешать ее на всеобщее обозрение. По их мнению, забота о детях является обязанностью церкви, в деятельность которой, согласно Первой поправке о свободе вероисповедания, государство вмешиваться не должно. Я попросил пасторов просмотреть перечень новых государственных стандартов и сообщить мне свое мнение. На следующий день они сказали, что стандарты действительно справедливы. Тогда я предложил компромиссное решение: детские учебные центры при церквях будут освобождены от обязательной сертификации, если руководство приходов согласится соблюдать новые стандарты и разрешит проводить регулярные проверки. Предложение было принято, кризис миновал, государственные стандарты введены, и, насколько мне известно, у приходских детских учебных заведений больше не возникало никаких проблем.

В 80-е годы мы с Хиллари взяли с собой на пасхальную службу в церкви Мэнганов, находящейся в Александрии, нашу дочь Челси. Звуковое и световое оформление было на высоте, как и само представление, в котором участвовали даже животные. Все прихожане выступали в качестве актеров. Большинство прекрасно исполненных песен сочинялось специально для этого представления. Будучи президентом и оказавшись в городке Форт-Полк неподалеку от Александрии, я снова поехал на пасхальную службу и уговорил путешествовавших со мной журналистов и двух чернокожих конгрессменов из Луизианы, Клео Филдса и Билла Джефферсона, присоединиться ко мне. В разгар службы выключили свет. Зазвучал сильный женский голос; исполнялся известный гимн. Пастор наклонился к конгрессмену Джефферсону и спросил: «Билл, как ты думаешь, эта прихожанка белая или чернокожая?» На что Билл ответил: «Она — сестра. В этом нет сомнений». Через несколько минут зажгли свет, и все увидели невысокую белую женщину в длинном черном платье, с зачесанными назад волосами. Джефферсон просто покачал головой. Второй же конгрессмен, сидевший ряда через два от нас, не сдержался. «Господи! Да это же белая библиотекарша!» — выпалил он. К концу службы многие журналисты, которых я считал настоящими циниками, плакали. Прекрасная музыка разрушила их скептицизм.

Мики Мэнган и Дженис Шестранд пели на церковной службе по случаю моей первой инаугурации и вызвали бурю аплодисментов. Когда Мики выходила из церкви, Колин Пауэлл, председатель Объединенного комитета начальников штабов, наклонился ко мне и спросил: «Где вы нашли белую женщину, которая умеет так петь? Я и не знал, что такие встречаются». В ответ я улыбнулся и сказал, что знакомство с подобными людьми и позволило мне стать президентом.

Во время второго срока моего пребывания на посту президента, когда республиканцы пытались свергнуть меня и многие говорили, что я обречен,

Энтони Мэнган позвонил, чтобы узнать, смогу ли я уделить им с Мики минут двадцать. «Двадцать минут? Вы проделаете весь этот путь ради двадцати минут?» — удивился я. «Ты занят. Нам будет достаточно этих двадцати минут». Через несколько дней Энтони и Мики сидели со мной в Овальном кабинете. «Ты совершил плохой поступок, но человек ты неплохой, — сказал Энтони. — Мы вместе растили детей. Я знаю твою душу. Не сдавайся. Если же ты пойдешь ко дну и крысы побегут с тонущего корабля, позвони мне. Я был с тобой в моменты славы и хочу оказаться рядом в несчастье». Мы прочли молитву, и Мики дала мне кассету с прекрасной песней, которую написала, чтобы ободрить меня. Она называлась «Прощенный». Когда двадцать минут истекли, они встали и уехали домой.

Знакомство с пятидесятниками обогатило и изменило мою жизнь. Всегда приятно общаться с людьми, которые любят не только своих близких, но и всех вокруг, вне зависимости от религиозных взглядов или даже их отсутствия. Если у вас появится такая возможность, обязательно познакомьтесь с пятидесятниками.

В конце 1977 года политики вновь оживились. После почти тридцати пяти лет работы сенатор Макклеллан объявил о своем уходе из Сената, и началось сражение за освободившееся место. В предвыборной гонке собирался участвовать губернатор Прайор, шесть лет назад проигравший Макклеллану. На то же место претендовали Джим Гай Такер и конгрессмен от четвертого округа на юге Арканзаса Рэй Торнтон, добившийся известности, будучи членом Комитета по юридическим вопросам Палаты представителей во время импичмента президента Никсона. Кроме того, он был племянником Уитта и Джека Стивенс, которые могли обеспечить финансовую поддержку его кампании.

Мне тоже предстояло решить, участвовать в гонке за сенаторское кресло или нет. По результатам недавнего опроса общественного мнения я занимал второе место, уступая десять пунктов действующему губернатору и обгоняя обоих конгрессменов. Я занимал выборную должность меньше года, но, в отличие от конгрессменов, был представителем целого штата, все свое время проводил дома и выполнял работу, которая, к счастью, заслужила всеобщее одобрение. Люди редко выступают против защиты прав потребителей, улучшения качества ухода за пожилыми, снижения тарифов на коммунальные услуги, против закона и порядка.

И все-таки я решил баллотироваться на пост губернатора. Мне нравилось работать в правительстве штата, и я хотел остаться дома. Но прежде чем начать предвыборную кампанию, я в качестве генерального прокурора должен был разобраться с последним делом. Им я занимался давно. На Рождество мы с Хиллари поехали во Флориду на матч «Апельсиновой чаши» между командами Арканзаса и Оклахомы. Тренер Лу Хольтц работал с командой «Рейзорбэкс» всего один сезон, но она сумела занять шестое место в национальном рейтинге. Арканзасцы выиграли десять матчей из одиннадцати, проиграв единственный раз команде Техаса, занимавшей в рейтинге первое место. Команда Оклахомы стояла на второй позиции, тоже уступая Техасу, но с меньшим отрывом.

Едва мы успели приехать, как в Арканзасе разгорелся настоящий скандал вокруг футбольной команды. Тренер Хольтц отстранил троих игроков за участие в происшествии, в котором была замешана молодая женщина. В результате футболистам предписывалось пропустить матч против Оклахомы. А игроки были непростые: тейлбек (замыкающий линию нападения), который считался лучшим в Юго-Западной «конференции»*; фулбек и линейный защитник — парень, передвигавшийся по полю с сумасшедшей скоростью и умевший прекрасно оценивать ситуацию. Эти трое составляли основную силу команды. Хотя против них и не было выдвинуто обвинение, Хольтц сказал, что отстранит игроков, поскольку они нарушили правило «поступай правильно», а он учит своих подопечных быть не только хорошими футболистами, но и хорошими людьми.

Трое игроков подали иск, требуя восстановить их в команде, и заявили, что их отстранили необоснованно: в основе такого решения лежали расистские предрассудки, поскольку все они были чернокожими, а девушка — белой. К тому же парни заручились поддержкой команды. Девять футболистов заявили, что не будут выступать в матче «Апельсиновой чаши», если их товарищей не вернут в команду.

Моя работа заключалась в том, чтобы отстоять решение Хольтца. После разговора с Фрэнком Бройлесом, который стал спортивным директором, я решил остаться во Флориде, чтобы иметь возможность советоваться и с ним, и с тренером. Свои дела в федеральном суде Литл-Рока я передал Эллен Брентли, которая училась вместе с Хиллари в Уэллсли и была прекрасным адвокатом. Кроме того, мне казалось, что, если наши интересы в суде будет представлять женщина, это не принесет никакого вреда. Тем временем в команде зарождалась мысль о поддержке Хольтца и необходимости участия в матче.

Несколько следующих сумасшедших дней прошли в долгих телефонных переговорах с Эллен в Литл-Роке и Бройлесом в Майами. Хольтц устал от критики, в особенности от обвинений в расизме. Единственным порочащим его происшествием был случай, произошедший в штате Северная Каролина. Тогда Хольтц поддержал ультраконсервативного сенатора Джесси Хелмса во время его переизбрания на второй срок. После нескольких часов разговоров с тренером я мог с уверенностью сказать, что он не был ни расистом, ни политиканом. Хелмс когда-то помог Хольтцу, и тот просто вернул долг.

За три дня до матча, 30 декабря, футболисты отозвали иск и освободили своих товарищей от обязательства не участвовать в игре. Но на этом дело не закончилось. Хольтц был так расстроен, что собирался позвонить Фрэнку Бройлесу и подать в отставку. Я тут же связался с Фрэнком и попросил ни в коем случае не отвечать в тот вечер на телефонные звонки. Я был уверен, что наутро Лу проснется со жгучим желанием выиграть матч.

---

* Национальная футбольная лига состоит из двух «конференций» по четырнадцать команд каждая. — *Прим. пер.*

Следующие два дня команда тренировалась в сумасшедшем темпе. Она отставала на восемнадцать очков, а после удаления трех лучших игроков ее шансы вообще считались мизерными. Но футболистам удалось настроиться на победу.

Вечером 2 января мы с Хиллари сидели на трибуне стадиона «Апельсиновая чаша» и наблюдали за разминкой команды Оклахомы. Накануне Техас проиграл команде «Нотр-Дам» в матче «Хлопковой чаши». Для победы в национальном чемпионате футболистам Оклахомы надо было разгромить команду Арканзаса. Никто не сомневался в том, что это не составит для них большого труда.

И вот на поле вышли игроки «Рейзорбэкс». Прежде чем приступить к разминке, они похлопали по стойке ворот. Хиллари дотронулась до моей руки и, глядя на них, сказала: «Ты только посмотри на них, Билл. Они собираются выиграть». Благодаря плотнейшей защите и рекордному прорыву на 205 ярдов, выполненному Роландом Сейлсом, «Рейзорбэкс» разгромили команду Оклахомы со счетом 31:6. Это была, пожалуй, самая невероятная победа за всю историю арканзасского футбола. Лу Хольтц, нервный, худой, невысокий, носился у боковой линии. Хиллари считала, что он похож на Вуди Аллена. Я рад, что благодаря необычному случаю смог лучше его узнать. Это выдающийся, бесстрашный человек и, пожалуй, лучший тренер в Америке. Потом Хольтц проводил удачные сезоны в Арканзасе, Миннесоте, Нотр-Даме и Южной Каролине, но другого такого вечера, думаю, у него уже больше не было.

Разобравшись с инцидентом на розыгрыше «Апельсиновой чаши», я вернулся домой, чтобы сделать следующий шаг. После того как Макклеллан официально объявил об уходе с должности сенатора, я приехал к нему, чтобы поблагодарить за проделанную работу и попросить совета. Он настоятельно рекомендовал мне баллотироваться в Сенат; ему очень не хотелось, чтобы победил Дэвид Прайор, но и кандидатуры Такера и Торнтонна его тоже не радовали. По его словам, в худшем случае я проиграю, как это произошло с ним на первых выборах, но я молод, и, даже если потерплю поражение, у меня будет возможность выставить свою кандидатуру повторно, как когда-то сделал он сам. Мое намерение баллотироваться в губернаторы Макклеллан не одобрил, поскольку считал, что эта работа только раздражает людей, в Сенате же можно многое сделать на благо штата и нации. По его словам, двери кабинета губернатора ведут напрямиком на политическое кладбище. С исторической точки зрения Макклеллан был прав. Хотя Дейл Бамперс и сумел на волне социально-экономических перемен, происходящих на Новом Юге, попасть из губернаторского кресла в Сенат, он, скорее, представлял собой исключение из правила. Положение Прайора было незавидным вне зависимости от того, составил бы я ему конкуренцию или нет. Сложно продержаться в кресле губернатора более четырех лет. После того как в 1876 году в Арканзасе ввели двухлетний срок губернаторства, только двоим, Джеффу Дэвису до Первой мировой войны и Орвалу Фобусу удалось сохранять за собой этот пост более четырех лет подряд. Последнему для этого даже пришлось нарушить закон, направив национальных гвардейцев в Центральную среднюю школу Литл-Рока.

В свои восемьдесят два года Макклеллан оставался прекрасным тактиком, и я с уважением относился к его советам. Кроме того, меня очень удивило, что он так горячо меня поддержал. Я придерживался гораздо более либеральных взглядов, чем Макклеллан, хотя то же самое можно было сказать и о других его потенциальных преемниках. Но по каким-то неведомым причинам мне удалось с ним подружиться. Возможно, потому, что в то время, когда губернатор Прайор был его соперником на выборах, я учился на юридическом факультете и потому не помогал в организации его предвыборной кампании, что, несомненно, сделал бы, если бы был дома. К тому же я уважал Макклеллана за проделанную им серьезную работу по выявлению и нейтрализации организованной преступности в штате. Это была реальная угроза для всех американцев, независимо от их политических взглядов и уровня благосостояния. Вскоре после нашего разговора сенатор Макклеллан умер, так и не дождавшись окончания срока своих полномочий.

Несмотря на его совет и заверения в том, что меня поддержат жители штата, я решил баллотироваться на пост губернатора. Я предвкушал возможные достижения и был уверен в том, что выиграю. Хотя в гонке за губернаторское кресло мой возраст (мне исполнился всего тридцать один год) мне скорее мешал, чем помогал, поскольку на победителя возлагалась серьезная ответственность по принятию решений и управлению, конкуренция все же была не такой сильной, как на выборах в Сенат.

Четверо других претендентов на пост губернатора принадлежали к демократической партии: Джо Вудворт, юрист из Магнолии на юге Арканзаса, активно участвовавший в предвыборной кампании Дейла Бамперса; Фрэнк Лейди, юрист с северо-востока Арканзаса, принадлежавший к консервативной организации евангелистов, любимец избирателей из числа «Морального большинства» и первый, но не последний из моих соперников, публично осудивший Хиллари (формально за работу в юридической компании, а по сути за то, что она оставила после замужества девичью фамилию); Рэндал Матис, известный окружной судья из округа Кларк, к югу от Хот-Спрингс; и Монро Шварцлозе, старый фермер, разводивший индеек на юго-востоке Арканзаса. Самым серьезным противником представлялся Вудворт. Это был умный, известный человек с обширными связями по всему штату, которые он приобрел благодаря работе с Бамперсом. И все же я стартовал с большим отрывом, который следовало просто сохранить. Поскольку основное внимание было приковано к предвыборной гонке за место в Сенате, мне оставалось лишь уверенно и безошибочно вести свою кампанию и демонстрировать хорошую работу на посту генерального прокурора.

Хотя предвыборная кампания не отличалась особым драматизмом, в ней было несколько ярких моментов. Снова всплыла «история с деревом»: полицейский, поддерживавший Джо Вудворта, клялся, что именно он снимал меня с того треклятого дерева в 1969 году. В Довере, к северу от Расселвилла, я должен был продемонстрировать качества, присущие мужчине, во время соревнования по перетягиванию каната между командами местной лесопилки. Я был самым легким и низкорослым из всех игроков, поэтому меня поставили впереди. Мы расположились по обе стороны от канавы,

заполненной водой и грязью, и пытались перетянуть канат. Моя команда проиграла, и я оказался в грязной луже с ободранными руками, потому что старался изо всех сил. К счастью, мой приятель, который, собственно, и уговорил меня участвовать в соревновании, одолжил мне новую пару брюк хаки, и я смог продолжить предвыборную поездку. В городе Сент-Пол, находящемся в 150 милях от Хантсвилла, я здоровался за руку со всеми участниками парада в честь Дня первых поселенцев, но, увидев, что один мужчина направляется ко мне со своим питомцем, отступил. На поводке у него был большой медведь. Не знаю, может быть, кому-то этот поводок и внушал доверие, но только не мне.

Хотите верьте, хотите нет, но в кампании 1978 года не последнюю роль сыграли помидоры. В Арканзасе, в округе Брэдли, их выращивают в больших количествах. Сбором занимаются в основном иммигранты, проезжающие через Арканзас из Южного Техаса в штат Мичиган, привлеченные теплом и богатыми урожаями. Будучи генеральным прокурором, я ездил в Хермитедж, расположенный на юге округа, чтобы присутствовать на городском собрании, где обсуждались проблемы, с которыми столкнулись мелкие фермеры в процессе реализации новых государственных стандартов устройства жилья для работников. У них просто не было на это средств. В администрации Картера мне удалось добиться получения дотации на строительство необходимых зданий, что позволило фермерам остаться на рынке. Они были чрезвычайно мне благодарны и, после того как я объявил о своем участии в выборах губернатора, решили устроить «День благодарности Биллу Клинтону» с выступлением школьного оркестра и парадом на главной улице города. Я с нетерпением ждал праздника и с радостью пригласил журналистку из *Arkansas Gazette* поехать со мной, чтобы это событие нашло отражение в прессе. По дороге она задавала мне много вопросов о предвыборной кампании и о том, каковы будут ее результаты. Каким-то образом разговор перешел на обсуждение вопроса об отношении к смертной казни, и именно это стало темой дня. Хотя на празднике присутствовал весь город, штат так и не узнал о самом событии и о том, что послужило поводом к его проведению. Я долго сокрушался по этому поводу, пока мои сотрудники наконец не решили подшутить надо мной. Они сделали футболки с надписью: «Видели бы вы толпы в Хермитедже!» Одно хорошо: в этом городе все проголосовало за меня, а я научился быть осторожнее в общении с журналистами.

Несколько недель спустя, чтобы заручиться поддержкой избирателей, я снова приехал в округ Брэдли на ежегодный фестиваль «Розовый помидор», проводившийся в городе Уоррен. На сей раз я участвовал в конкурсе по поеданию помидоров. Трое из семи или восьми соперников были моложе и гораздо крупнее меня. Перед каждым из нас стоял тщательно взвешенный пакет с овощами. По сигналу мы должны были съесть как можно больше помидоров за отведенное время; кажется, оно составляло пять минут. Этого было вполне достаточно, чтобы вдоволь насмотреться на то, как взрослые мужчины ведут себя, как свиньи у кормушки. Недоеденные помидоры мы складывали в другой пакет, по весу которого потом определя-

ли, кто сколько съел. Я, как идиот, старался выиграть. Впрочем, как всегда. В результате я финишировал третьим или четвертым, но в следующие несколько дней чувствовал себя очень плохо. Мои мучения оказались не напрасными. В Уоррене большинство избирателей отдали мне свои голоса. Правда, в том конкурсе я больше не участвовал.

Конгресс принял поправку к Конституции США «О равных правах», а затем передал ее на ратификацию штатам, но законопроект так и не получил необходимой поддержки, и за него не было подано три четверти голосов членов Законодательного собрания. Несмотря на это в силу нескольких причин вопрос не потерял своей актуальности для консерваторов Арканзаса. Сенатор Кенистер Ходжес, назначенный Дэвидом Прайором вместо сенатора Макклеллана, выступил в Сенате с проникновенной речью в поддержку поправки о равных правах. Наш друг Диана Кинкейд в ходе дебатов в Законодательном собрании Арканзаса одержала победу над Филлис Шлафли, главной в США противницей законопроекта. Мы с Хиллари тоже выступали за принятие поправки. Ее противники грозили крахом привычной для нас цивилизации, если мы примем законопроект, и считали, что это приведет к появлению женщин в военной форме, общим душевым, разрушению семей, в которых жены больше не подчиняются своим мужьям, и так далее.

Поправка о равных правах стала причиной моей небольшой размолвки со сторонниками Фрэнк Лейди на митинге в Джонсборо на севере Арканзаса, где собралось более пятисот человек. Я рассказывал о своей программе развития образовательной и экономической систем штата, когда одна пожилая дама в футболке с портретом Лейди закричала мне: «Расскажите о поправке! Расскажите о поправке!» В конце концов я сказал: «Ладно. Я расскажу о ней. Я — за. Вы — против. Но от нее не будет ни вреда, о котором говорите вы, ее противники, ни пользы, о которой говорим мы, ее сторонники. А теперь давайте вернемся к вопросу о школах и рабочих местах». Но она не утомилась и прокричала: «Вы поддерживаете гомосексуализм!» Я взглянул на нее, улыбнулся и сказал: «Мэм, за недолгое время моей работы в политике меня обвиняли Бог знает в чем. Но вы первая, кто обвинил меня в поддержке гомосексуализма». Толпа взорвалась. Хохотали даже некоторые сторонники Лейди. Когда все успокоились, я закончил свое выступление.

На предварительных выборах я получил 60 процентов голосов, победив в семидесяти одном округе из семидесяти пяти. На выборах в Сенат голоса распределились практически поровну между Прайором, Такером и Торнтоном. Губернатор получил 34 процента, а Джим Гай Такер немного обошел Рэя Торнтонна. Второй тур был неизбежен. Согласно общепринятой точке зрения, положение Прайора оказалось незавидным, поскольку, будучи действующим губернатором, он мог рассчитывать только на 40 процентов голосов. Я хорошо к нему относился и с удовольствием сотрудничал с ним в правительстве штата, поэтому посоветовал Прайору проконсультироваться с моим молодым советником по политическим вопросам Диком Моррисом, прежде работавшим в Нью-Йорке. Моррис был прекрасным специалистом, переполненным идеями относительно политики и политиков, но

отличался несносным характером. Он предпочитал агрессивные избирательные кампании и вел себя столь самоуверенно, что многим в спокойном Арканзасе было трудно с ним общаться. Но его идеи вдохновляли меня. Я успешно пользовался советами Морриса — отчасти потому, что меня не оттолкнули его манеры, и в какой-то степени потому, что интуитивно чувствовал, когда он бывал прав, а когда нет. Больше всего мне нравилось, что он всегда говорил вещи, о которых я не хотел слышать.

Осенью моим оппонентом стал фермер и председатель республиканской партии штата Линн Лоу. Кампания не отличалась сколько-нибудь значительными событиями, за исключением, пожалуй, пресс-конференции на ступенях Капитолия, в ходе которой сторонники Лоу обвиняли меня в уклонении от службы в армии. Я отослал их к полковнику Холмсу. На выборах я получил 63 процента голосов и занял первое место в шестидесяти девяти из семидесяти пяти округов.

Так в тридцать два года я стал губернатором Арканзаса. Мне было дано два месяца на подбор администрации, составление законодательной программы и передачу обязанностей генерального прокурора. Мне очень нравилась эта работа. Благодаря энтузиазму и упорству сотрудников нам удалось реализовать многие проекты. Мы разобрались с накопившимися запросами от Законодательного собрания, составив рекордное количество заключений; взыскали по результатам исков потребителей более 400 тысяч долларов — больше, чем за пять лет существования отдела; указали комиссиям штата, курирующим работу представителей разных профессий, на то, что они не имеют права запрещать профсоюзам рекламировать свои тарифы, как это до сих пор делалось во всей Америке; добились улучшения ухода за больными в домах престарелых и прекращения дискриминации по возрасту в отношении пожилых людей; участвовали в рекордном за все время работы администрации генерального прокурора количестве слушаний по вопросам определения коммунальных тарифов; подготовили и провели законопроект о выплате компенсаций жертвам насилия; активно защищали права граждан на частную собственность в отношении конфиденциальной информации, содержащейся в банках данных органов штата. Одно достижение имело для меня особое значение. Мне удалось убедить три четверти членов обеих палат Законодательного собрания принять поправку к закону «О праве голоса», в соответствии с которой преступники, осужденные и отбывшие свой срок, восстанавливались в правах. Я считал, что раз человек полностью искупил свою вину, он должен стать полноценным гражданином. Я сделал это ради Джеффа Дуайра, трудолюбивого гражданина, честного налогоплательщика, которого общество так и не простило и для которого каждые выборы становились мучением. К сожалению, даже двадцать пять лет спустя федеральное правительство и большинство штатов не последовали нашему примеру.

Мы начали составлять план на первый срок моей работы на посту губернатора еще в мае, после предварительных выборов, но вплотную занялись этим вопросом в ноябре, превратив штаб-квартиру предвыборной кампании в «переходный» офис. Руди Мур и Стив Смит, работавшие в Законодательном собрании, оказали мне помощь в подготовке бюджета, составлении первоочередных законопроектов, оценке основных задач управления и подборе членов правительства и сотрудников администрации.

В декабре демократическая партия проводила промежуточный съезд в Мемфисе на берегу реки Миссисипи. Меня попросили председательствовать на секции по здравоохранению, где должны были выступать Джо Калифано, министр здравоохранения, просвещения и социального обеспечения в администрации президента Картера, и сенатор Эдвард Кеннеди, отстаивавший в Сенате идею всеобщего медицинского страхования. Калифано активно защищал позицию президента о поэтапном проведении реформ в сфере здравоохранения, но Кеннеди завоевал поддержку людей, потребовав предоставить простым американцам такую же медицинскую страховку, какую он смог обеспечить своему сыну Тедди, когда тот заболел раком. В целом съезд мне понравился, но вместо того чтобы сплотить демократическую партию в период между президентскими выборами, он лишний раз показал, насколько сильны внутренние разногласия. Вскоре промежуточные съезды были упразднены.

Незадолго до Рождества мы с Хиллари поехали в долгожданный отпуск в Англию, а само Рождество провели с моей оксфордской знакомой Сарой Мейтленд и ее мужем, Дональдом Ли, американцем, ставшим священником в англиканской церкви. Это была первая рождественская служба Дональда. Наверное, он немного нервничал, но начал службу бодро, с проповеди для ребятишек. Он сел на ступеньки перед вертепом* и попросил их устроиться вокруг. Когда все расселись, он сказал: «Дети, сегодня особый день». Они закивали в ответ. «Вы знаете, какой сегодня день?» — «Да!» Дон просиял и спросил снова: «И какой же сегодня день?» «Понедельник!» — хором прокричали дети. Не представляю, как он это пережил. Наверное, Дональда успокаивала мысль о том, что в его церкви дети говорят только правду.

Через месяц мы переехали в резиденцию губернатора и стали готовиться к церемонии инаугурации. Особняк, расположенный в красивом старом районе Куапо в Литл-Роке, недалеко от Капитолия, представлял собой большое здание в колониальном стиле площадью 10 тысяч квадратных

---

* Большой ящик с передвижным кукольным театром, где разыгрывались сцены на церковно-библейские и комические сюжеты. — *Прим. пер.*

футов. К основному корпусу по бокам примыкали два крыла: в левом располагались комнаты для гостей, а в правом — штаб полицейских, которые круглосуточно охраняли дом и отвечали на телефонные звонки. На первом этаже особняка находились три большие красивые парадные гостиные, огромная кухня и небольшая комната для завтраков, а также просторный подвал, который мы переоборудовали в место для проведения досуга, поставив туда автомат для игры в пинбол. Второй этаж был отведен под жилые помещения. Несмотря на большие размеры здания, его жилая зона состояла всего лишь из пяти небольших комнат и двух скромных ванных. И все-таки особняк был настолько больше нашего прежнего небольшого дома на Эл-стрит, что имевшейся мебели не хватило для всех помещений.

Сложнее всего было привыкнуть к охране. Я всегда гордился своей самостоятельностью и высоко ценил личное время. Уже к двенадцати годам я стал самостоятельным ребенком и постепенно привык делать уборку в доме, готовить еду и улаживать свои бытовые проблемы. Когда мы с Хиллари стали жить вместе, я всегда делил с ней домашние обязанности. Теперь же готовили, убирали дом и занимались нашими хозяйственными делами чужие люди. С шестнадцати лет я обожал в одиночестве ездить в автомобиле, слушать музыку и думать. Теперь такой возможности у меня не было. Мне нравилось каждый день совершать пробежки по утрам и сразу после работы, но теперь за мною постоянно следовала машина с охранниками. Первое время это сильно раздражало: хотелось свернуть на улицу с односторонним движением и побежать навстречу потоку автомобилей. Со временем я к этому привык и даже стал с благодарностью относиться к охране и обслуживающему персоналу, потому что у меня оставалось больше времени для работы. Например, поскольку в офис меня отвозил охранник, я мог по дороге разобрать документы. В конце концов мы договорились, что по воскресеньям я буду ездить в церковь самостоятельно. Это была не слишком серьезная уступка, поскольку моя церковь и методистская церковь, которую посещала Хиллари, находились всего в миле от нашего особняка. Тем не менее я каждый раз с нетерпением ждал воскресенья, чтобы насладиться свободой. Один из охранников предпочитал по утрам бегать вместе со мной, и мне это нравилось гораздо больше, чем когда меня преследовала машина. Когда после нескольких лет работы на посту губернатора стало ясно, что мне ничто не угрожает, я частенько бегал по утрам в одиночестве, правда по определенному маршруту и если вокруг было много людей. Как правило, я заканчивал пробежку у «Макдоналдса» или возле местной булочной примерно в полумиле от резиденции губернатора, выпивал стакан воды и пешком возвращался домой.

В определенных обстоятельствах полицейским все же приходилось выступать в роли настоящих охранников. Во время моего первого губернаторского срока в особняк позвонил сбежавший из сумасшедшего дома мужчина и угрожал убить меня. Поскольку он когда-то обезглавил собственную мать, к его словам отнеслись серьезно. Мужчину поймали и вернули в сумасшедший дом. Возможно, подсознательно он именно этого и хотел, когда звонил с угрозами. Однажды в кабинет губернатора вошел

высокий, плотный человек с железнодорожным костылем в руке и сказал, что хочет поговорить со мною наедине. Его, конечно же, не пропустили. В 1982 году, когда я во второй раз участвовал в предвыборной кампании, мне позвонил человек и сообщил: ему явился Господь, возвестивший, что мой соперник — орудие Бога, а я — орудие дьявола, и он должен, исполняя волю Всевышнего, убить меня. Когда его поймали, оказалось, что мужчина сбежал из психиатрической клиники в Теннесси. Он ходил из магазина в магазин, пытаясь купить патроны для своего пистолета с нестандартным калибром, но так как при нем не было удостоверения личности, никто не хотел его обслуживать. И все же в конце избирательной кампании мне пришлось несколько дней ходить в неудобном бронежилете. Однажды мы оставили открытой входную дверь в особняк, и какая-то странная женщина поднялась почти до половины лестницы, ведущей к жилым комнатам, выкрикивая мое имя, прежде чем полицейским удалось ее задержать. К счастью, она никому не причинила вреда. В другой раз охрана поймала невысокого жилистого мужчину в армейских сапогах и шортах, который пытался взломать входную дверь. Похоже, он был накачан наркотиками, которые придавали ему столько сил, что успокоить его удалось только двум здоровенным полицейским, да и то после того, как он выбросил одного из них из окна. Мужчину поймали, надели на него смирительную рубашку и, привязав к носилкам, унесли. Позднее он, всхлипывая, просил прощения у полицейского и благодарил всех за то, что не позволили ему натворить еще больших бед.

Во время моего первого президентского срока всплыла скандальная история, связанная с полицейскими, состоявшими тогда в моей охране. Двое из них, оказавшись в сложной финансовой ситуации, за незначительное вознаграждение, ради славы и в надежде на обеспеченное будущее поделились с прессой историями из моей жизни. Но в большинстве своем сотрудники моей охраны были хорошими людьми, честно выполнявшими свою работу, а некоторые из них даже стали нашими друзьями. Хотя в январе 1979 года я сомневался, что когда-нибудь привыкну к круглосуточной охране, новая работа оказалась очень увлекательной, и у меня даже не оставалось времени, чтобы об этом думать.

Помимо традиционного бала по случаю инаугурации мы устроили концерт «Бриллианты и джинсы». Все выступавшие были родом из Арканзаса, в том числе соул-певец Ал Грин, обратившийся впоследствии к духовной музыке, и Рэнди Гудрам, игравший на фортепиано в нашей школьной группе «Три короля». К тридцати одному году Рэнди уже был обладателем престижной награды «Грэмми». В тот вечер мы впервые с 1964 года выступали вместе: я аккомпанировал ему на саксофоне, когда он исполнял композицию «Летняя пора».

На церемонию инаугурации приехали сотни людей со всего штата, наши с Хиллари друзья и даже мой сосед Томми Каплан, Дейв Меттер, руководивший моей неудачной кампанией в Джорджтауне, Бетси Райт, а также Фред Кеммер и Олстон Джонсон, мои приятели по «Бойз оф нейшн» из

Луизианы, и три друга из Йеля: Кэролайн Эллис, Грег Крейг и Стив Коуэн. Кэролайн Йелделл Стейли приехала из Индианы, чтобы тоже выступить в родном штате.

Я много работал над своей инаугурационной речью, желая не только подчеркнуть важность исторического момента, но и рассказать всем жителям родного Арканзаса о тех идеях и ценностях, с которыми пришел на пост губернатора. Вечером накануне церемонии я кое-что добавил к своей речи, услышав слова Стива Коуэна о том, что его переполняют два чувства, о которых он давно не вспоминал: «гордость и надежда». В тот день я говорил о некоторых вещах, в которые и сейчас верю не меньше, чем тогда, о том, чего хочу добиться в своей общественной работе, в том числе и на посту президента:

Сколько себя помню, я всегда горячо верил в идею равных возможностей и в будущем сделаю все для ее развития.

Сколько себя помню, я всегда осуждал деспотизм и злоупотребление властью и в будущем постараюсь всячески препятствовать этому.

Сколько себя помню, меня всегда огорчало отсутствие необходимой дисциплины и порядка в действиях правительства, и я сделаю все, чтобы исправить ситуацию.

Сколько себя помню, я всегда любил землю, воздух и воду Арканзаса и сделаю все, чтобы защитить их.

Сколько себя помню, мне всегда хотелось сделать жизнь слабых, старых и нуждающихся людей легче, и я сделаю все, чтобы помочь им.

Сколько себя помню, мне всегда было грустно видеть, как наши свободные, трудолюбивые граждане получают за свой тяжелый труд гроши из-за недостаточных экономических возможностей, и я постараюсь сделать все от меня зависящее, чтобы исправить эту ситуацию...

На следующий день я приступил к работе, которая длилась два года — интересных и изматывающих, полных разочарований и побед. Я постоянно старался сделать как можно больше, но в то время мои возможности часто уступали желаниям. Думаю, мой первый губернаторский срок лучше всего охарактеризовать следующим образом: политический провал успешной стратегии.

Мне предстояло вынести на обсуждение в Законодательное собрание два основных вопроса, касающихся образования и строительства шоссейных дорог, а также ряд второстепенных реформ в области здравоохранения, энергетики и экономического развития. По данным на 1978 год, Арканзас занимал последнее место среди штатов по уровню расходов на образование в расчете на душу населения. Результаты исследований, проведенных доктором Керном Александером, известным специалистом по образовательной политике из Флоридского университета, показали, что эта область у нас находится в плачевном состоянии: «С точки зрения уровня образования среднестатистическому ребенку в Арканзасе лучше ходить в школу в любом другом штате Америки». В Арканзасе существовало 369 школьных округов, некоторые из них были невелики и не могли обеспечить учащимся воз-

возможность пройти необходимые курсы математики и естественных наук. Отсутствовали какие-либо стандарты и системы оценки. В большинстве школ зарплата учителей была ничтожно мала.

Законодательное собрание принимало практически все предложенные мною законопроекты в этой области. Их также поддерживали Ассоциация образования штата Арканзас, представлявшая интересы большинства учителей, ассоциации директоров школ и школьных советов, а также сторонники образовательных реформ из числа членов Законодательного собрания, в том числе Клэрэнс Белл, влиятельный председатель сенатского Комитета по вопросам образования. Было одобрено 40-процентное увеличение финансирования на следующие два года, подразумевавшее ежегодную прибавку к зарплате учителей в размере 1200 долларов, рост на 67 процентов ассигнований на специальное образование и расширение фондов на покупку новых учебников, транспорт и другие расходы. Впервые за много лет школьные округа получили от штата средства на организацию программ для одаренных учеников и обеспечение доставки детей в детские сады, что стало большим шагом в развитии этих учреждений.

Эти финансовые средства предназначались для повышения качества образования, к чему, собственно, я и стремился. Мы приняли первую программу тестирования учеников для оценки их успеваемости и определения их слабых сторон, нуждающихся в совершенствовании, сделали обязательной для учителей сдачу государственного экзамена на получение сертификата преподавателя и одобрили законопроект, запрещающий их увольнение по «необоснованным, дискриминирующим» причинам. Кроме того, мы открыли школу для одаренных детей под патронажем губернатора штата Арканзас. На первых порах, летом 1980 года, она располагалась в Колледже Хендрикса. Мы с Хиллари выступали на ее открытии. Я очень горжусь этим достижением и рад, что школа продолжает работать.

В решении двух других вопросов мне не удалось добиться аналогичного успеха. На основании своего отчета Александер рекомендовал сократить число школьных округов до двухсот, сэкономив тем самым на административных расходах. Мне не удалось добиться принятия закона для организации комитета по изучению этой проблемы, так как администрации мелких городов опасались, что, если они потеряют статус отдельных школьных округов, «городские» закроют их школы и разрушат жизнь общины.

Другим камнем преткновения стала схема распределения дотаций. Представители нескольких школьных округов обратились в суд с заявлением о несправедливости нашей системы: с учетом разницы поступлений от налогов на недвижимость в различных районах неравенство затрат на одного ребенка стало настолько заметным, что уже противоречило Конституции. В существующей схеме должным образом не учитывалась разница в стоимости недвижимости и количестве учащихся; в результате самые маленькие школьные округа, где накладные расходы на ученика были выше, получали больше денег. Существующая схема с трудом подвергалась изменению, поскольку увеличение дотаций одним округам вело к уменьшению доли других. Обе противоборствующие группы имели примерно

равное число представителей в Законодательном собрании, и когда проигравшие увидели, как изменение схемы скажется на их округах, они всеми силами постарались помешать принятию новой системы. Нам удалось лишь незначительно ее подкорректировать. Для проведения серьезных реформ потребовалось решение Верховного суда штата от 1983 года, в соответствии с которым подобные схемы распределения дотаций признавались недействительными.

Предложенная мною программа дорожных реформ должна была решить проблему ухудшения состояния шоссе, местных дорог и городских улиц и обеспечить средства для реализации новых проектов. В Арканзасе дорожные реформы не проводились более десяти лет; выбоины на трассах и пробки стоили людям времени и денег. Идея дорожных реформ получила широкое одобрение, однако ее сторонники расходились в вопросе финансирования. Я предложил комплекс мероприятий, подразумевавших значительное увеличение налогов с владельцев тяжелых грузовиков, приносящих дорогам наибольший ущерб, и гораздо меньшее — с обладателей легковых автомобилей. В то время величина налога с владельцев легковых автомобилей рассчитывалась так же, как и для собственников грузовиков, — на основе массы транспортного средства. Мне это казалось несправедливым, поскольку, в отличие от грузовиков, ущерб, наносимый дорогам легковыми автомобилями, не так сильно зависел от их массы. Тяжелые легковые машины, как правило, принадлежали пожилым людям со скромными доходами. Я же предлагал рассчитывать величину налога с автовладельцев на основании стоимости транспортного средства, при этом для обладателей самых дорогих автомобилей она составляла бы 50, а для хозяев старых, более дешевых машин — 20 долларов. Таким образом, собственникам старых тяжелых легковых автомобилей не пришлось бы платить больше.

Некоторые опытные члены Законодательного собрания советовали нам для реализации программы финансирования ремонта дорог не повышать налог с автовладельцев, а увеличить налог на бензин. Профсоюзы выступили против подобного предложения, потому что в целом за год простым водителям пришлось бы потратить значительно больше денег, хотя они вряд ли бы это сразу заметили, поскольку налог закладывался в стоимость горючего. Я решил, что такая точка зрения заслуживает внимания, и согласился с ней, но повышение налога на бензин стало бы гораздо меньшей политической ошибкой, чем то, что произошло потом.

За исключением профсоюза дорожных строителей, мое предложение никто не поддержал. Представители грузоперевозчиков, птицеводов и лесорубов заявили, что не смогут платить новый налог с автовладельцев и будут вынуждены сократить количество используемых ими тяжелых грузовиков. Продавцы новых автомобилей считали, что я требую с их клиентов слишком больших денег, а если величина взимаемого налога с автовладельцев будет зависеть от стоимости машины, это обернется настоящим кошмаром при администрировании. Их аргументы не показались мне убедительными, но Законодательное собрание они удовлетворили. Группу, лоббировавшую дорожную программу, в Сенате представлял Нокс Нельсон,

опытный законодатель и владелец дорожностроительной компании, которого не слишком волновало, как именно будут получены необходимые денежные средства. В результате Законодательное собрание одобрило значительное увеличение налога с автовладельцев на основе старой схемы — в зависимости от массы автомобиля, повысив его для тяжелых машин почти вдвое, с 19 до 36 долларов. Мне предстояло принять решение. Я мог подписать законопроект, чтобы он приобрел статус закона, и оплатить деньгами, добытыми таким несправедливым путем, реализацию дорожной программы или воспользоваться правом вето и остаться вовсе без нее. Я подписал законопроект. Это стало самой глупой моей политической ошибкой; следующий подобный промах я совершил в 1994 году, когда попросил назначить независимого прокурора в деле «Уайтуотер», хотя на то не было ни малейших оснований.

В Арканзасе собственники машин должны платить налог с автовладельцев ежегодно, в день своего рождения. Для обновления документов им следует приезжать в бюро налогов и сборов своего округа. С 1 июля, когда начал действовать новый закон, и каждый день в течение года люди обнаруживали в бюро мой подарок — выросший вдвое налог на свой автомобиль. Многие из них были сельскими жителями, которым предстояло преодолеть более двадцати миль, чтобы доехать до главного города округа и внести необходимую сумму. Частенько люди не имели чековых книжек и привозили с собой ровно столько денег, сколько было необходимо для уплаты налога. В тот год им приходилось возвращаться домой, брать из семейного тайника недостающую сумму и снова ехать в город. Вернувшись, они выстаивали длинные очереди и единственное, что видели на голых стенах помещения бюро, — портрет улыбающегося губернатора.

В конце 1978 года, когда я был избран губернатором на первый срок, Хилари Джонс предсказал мое политическое будущее. Он сказал, что на первых трех выборах меня поддержали люди с холмов, теперь же мне нужны голоса горожан. На мой вопрос «Почему?» он ответил, что мне придется работать над развитием образовательной и экономической систем, необходимых штату, но любые мои попытки повысить стандарты обучения будут представлять угрозу для сельских школ; что мне никогда не удастся создать достаточное количество новых рабочих мест в сельской местности; а после недавнего решения Верховного суда США о том, что государственные чиновники, не занимающие законодательные должности, не могут быть уволены по политическим мотивам, я не смогу в сельской местности поставить на их место своих людей. «Я и дальше буду помогать тебе и делать все, что в моих силах, — сказал Хилари, — но ситуация изменилась навсегда». Как и во многих других случаях, он оказался прав. В ходе моих успешных предвыборных кампаний за губернаторское кресло я получал все больше и больше голосов республиканцев и независимых избирателей, но у меня никогда не было такой поддержки, какую мне обеспечили белые избиратели Третьего округа и всего штата. Сейчас, в довершение всех неприятностей, я сделал глупость, повысив налог с автовладельцев и перечеркнув пять лет активной работы с жителями сельских

районов Арканзаса — и частично с городскими «синими воротничками» — одним росчерком пера.

В сценарий хорошей программы, окончившейся политическим провалом, входило не только законотворчество. В моей администрации не было руководителя аппарата, его обязанности делили между собой Руди Мур, Стив Смит и Джон Деннер, политический аналитик из Калифорнии. Его жена, Нэнси Пьетрафеса, была давней подругой Хиллари. Она тоже работала в администрации и занималась вопросами образования. Президент Кеннеди организовал работу Белого дома аналогичным образом, только его сотрудники носили короткие стрижки и ходили в скучных костюмах, белых рубашках и узких черных галстуках. У Руди, Стива и Джона были бороды, и они не слишком беспокоились о строгости внешнего вида. Мои консервативные критики из числа законодателей постоянно воевали с ними. В конце концов в офисе администрации разразилось несколько скандалов. Я назначил Руди руководителем аппарата, Стива — ответственным за политические инициативы, а Джона Деннера и его жену Нэнси освободил от занимаемых ими должностей. Знаю, что это было непростительно, но я струсил и попросил Руди сообщить им об увольнении. После разговора с ним Джон и Нэнси ушли. Хотя позднее я пытался с ними общаться, восстановить дружеские отношения нам так и не удалось. Вряд ли они когда-нибудь простят меня за то, что я не поговорил с ними лично, и я не виню их. Они хорошо работали и выдвигали интересные идеи; по неопытности я поставил их в невыносимое положение. Это было моей ошибкой.

Еще одной моей оплошностью было привлечение слишком большого числа чиновников из других штатов для работы в Министерстве здравоохранения, Министерстве социальных служб и его отделах социального обеспечения и психического здоровья, в Министерстве образования и новом Министерстве энергетики. Все они были талантливыми людьми, готовыми много и плодотворно работать, но им не хватало наличия связей и опыта общения с избирателями, необходимых для реализации наших обширных планов.

Ситуацию усугубляли моя собственная молодость и неопытность. Я выглядел гораздо моложе своих тридцати двух лет. Когда я стал генеральным прокурором, Джордж Фишер, талантливый карикатурист из газеты *Arkansas Gazette*, нарисовал меня в детской коляске. Когда я занял кресло губернатора, он повысил меня до трехколесного велосипеда. И только после того как я стал президентом, Фишер пересадил меня в пикап. А ведь он был моим сторонником. К сожалению, я не обратил на это внимания.

Руководителем Министерства здравоохранения был назначен д-р Роберт Янг, прежде заведовавший сельской больницей в западной Вирджинии. Я хотел, чтобы он решил серьезную проблему, связанную с нехваткой медицинской помощи и ее качеством в сельских районах Арканзаса. Д-р Янг и Орсон Бери, директор Управления здравоохранения в сельских районах, предложили план создания больниц, в которые врач приезжал бы раз в две-три недели, а постоянный штат сотрудников составляли бы его ассистенты и медсестры. Именно они проводили бы первичный осмотр

и лечение. Хотя многие врачи хотели работать в сельских районах, исследования показывали, что люди гораздо охотнее обращались к их ассистентам и медсестрам, поскольку те лучше знали своих пациентов. В округе Миссисипи благодаря программе наблюдения за беременными женщинами средним медицинским персоналом детская смертность сократилась почти вдвое.

Однако врачи штата Арканзас решительно возражали против этого плана. Д-р Джим Вебер, представлявший Ассоциацию семейных врачей, сказал: «Мы не считаем, что немного внимания лучше, чем ничего». Несмотря на оказанное ими сопротивление, администрация президента Картера выделила грант на реализацию нашего проекта. Мы открыли четыре сельские больницы, начали строительство еще трех и расширили программу наблюдения за беременными женщинами средним медицинским персоналом в округе Миссисипи. Наша работа получила широкую поддержку.

Мы старались по возможности активно работать с врачами. Я поддержал выделение средств на строительство в отделении для новорожденных детской больницы Арканзаса блока интенсивной терапии, предназначенного для ухода за недоношенными детьми и младенцами, находящимися в тяжелом состоянии, а также проект создания института лучевой терапии при Университетском медицинском центре, что позволило бы повысить качество лечения больных раком. Я назначил Хиллари председателем Комитета по вопросам здравоохранения в сельских районах, в задачи которого входила поддержка дальнейших реформ и распределение огромного количества запросов, поступающих из сельских районов. Мы старались привлечь туда медиков, для чего учредили фонд, который мог выделить из бюджета штата до 150 тысяч долларов каждому врачу, готовому открыть поликлинику в населенном пункте, где проживало не более шести тысяч человек, и дали возможность семейным докторам из небольших городков подавать запросы на получение дотации в размере 6 тысяч долларов в год. Врачи полностью поддерживали наши инициативы, которые были для них особенно актуальными в 1980 году, когда экономический кризис вынудил правительство сократить бюджет Министерства здравоохранения. И все же они так и не простили мне и д-ру Янгу то, что мы не обратились к ним за советом и не провели поэтапную реформу сельских больниц. К августу 1980 года Медицинское общество штата Арканзас заявило о своем роспуске. В 1981 году, когда я покинул пост губернатора, многие из наших проектов пришлось закрыть, что лишний раз доказало простую истину: хорошая стратегия может существовать без правильной политики ее реализации, но, не имея того и другого, невозможно эффективно руководить людьми.

Другой серьезной проблемой была энергетика. ОПЕК значительно повысила цены на нефть, что привело к резкому повышению стоимости всех товаров. Энергетическую программу мы воплощали более успешно, хотя и в этой ситуации мне удалось нажить себе влиятельных врагов. По моему настоянию Законодательное собрание повысило статус Управления по энергетике штата Арканзас до уровня министерства. Я старался сконцентрировать усилия всех жителей, бизнесменов, коммунальных служб и прави-

тельства штата на экономии средств налогоплательщиков, продвижении идей сбережения электроэнергии и разработке новых экологически чистых источников энергии. Я считал, что в этом вопросе нам удастся занять лидирующее место среди штатов. Мы приняли закон, допускавший налоговые льготы на вложения в энергосберегающие технологии и возобновляемые виды энергии для коммерческих, промышленных и бытовых нужд, и отменили налог штата на смешанное топливо с содержанием спирта менее 10 процентов. Мы осуществляли постоянный контроль потребления энергии на промышленных и коммерческих объектах и оплатили 50 процентов стоимости установки энергосберегающего оборудования в школах, больницах и других общественных учреждениях. Федеральное правительство предоставляло средства на реализацию подобных инициатив, и мы стали первым штатом, получившим ассигнования. Когда я занял пост губернатора, по данным Федерального бюро статистики, в нашем штате были наихудшие показатели экономии энергии. Через год мы находились на девятом месте в общем рейтинге и на третьем — по показателям экономии энергии на промышленных предприятиях.

Результаты реформы коммунальных служб оказались более успешными, но и более противоречивыми. Я хотел, чтобы при обсуждении тарифов Министерство энергетики получило право голоса на слушаниях Комиссии по вопросам обслуживания населения, а также доступ к информации и возможность инспектировать АЭС. Законодательное собрание по настоянию Макса Хоуэлла, одного из влиятельных политиков, либерально относившегося к реформам образования и налогов, но имевшего тесные связи с коммунальными службами, смягчило мое первое требование и отказало во втором. Когда я предложил компании Arkansas Power and Light предоставлять клиентам беспроцентные займы на мероприятия по экономии энергии, а связанные с этим расходы переложить на плечи налогоплательщиков, понимавшие суть проекта люди поддержали его, поскольку это был гораздо более дешевый способ повысить доступность энергии, чем строительство новых электростанций. К сожалению, некоторые законодатели, считавшие, что программа экономии энергии угрожает свободному предпринимательству, подняли столько шума, что AP&L сочла благоразумным отложить ее реализацию. Коммунальные же службы продолжали поддерживать наш проект защитной отделки домов, принадлежащих малообеспеченным горожанам, реализация которого позволила бы сделать жилые помещения прохладнее летом и теплее зимой и сократить расходы на коммунальные услуги.

К сожалению, бурные споры велись и вокруг нашей программы экономии энергии. Какому-то любопытному журналисту удалось выяснить, что один проект, который мы финансировали, оказался практически бессмысленной затеей. Его целью было обучить малообеспеченных людей рубить лес и продавать его на дрова другим людям с ограниченными средствами. Аббревиатура названия проекта Special Alternative Wood Energy Resources звучала символично (SAWER означает пильщик), но его история оказалась менее приятной. На обучение шести лесорубов и заготовку 384 кубических футов дров было потрачено 62 тысячи долларов. Я уволил руководителя

проекта и назначил нового, но эта растрата надолго осталась в памяти людей. Для большинства жителей штата Арканзас 62 тысячи долларов были большими деньгами.

На законодательном фронте мы потерпели поражение, пытаясь решить две сложные проблемы. Во-первых, мы изо всех сил старались лишить компании, оказывающие коммунальные услуги, возможности «наслаивания» тарифов. Если они просили повысить плату на 10 процентов, а получали разрешение всего на 5, то все равно могли взять с населения на 10 процентов больше и обжаловать решение администрации в суде. Одновременно с этим компании имели возможность снова потребовать повышения оплаты, причем делать это раз за разом, постоянно поднимая неутвержденные тарифы. Даже если они проигрывали дела в суде, а именно так обычно и происходило, практика «наслаивания» давала желаемые результаты: плательщики, в том числе и малообеспеченные люди, были вынуждены предоставлять им значительные «беспроцентные кредиты». Несмотря на безнравственность подобных действий, к сожалению, влияние этих компаний на Законодательное собрание оказалось сильнее моего, и все законопроекты, направленные против «наслаивания», отклонялись еще на этапе рассмотрения в комитете.

Во-вторых, я продолжал борьбу с AP&L и ее материнской компанией Middle South Utilities. Согласно их плану, налогоплательщики штата Арканзас должны были финансировать 35 процентов расходов на строительство АЭС «Гранд-Галф» в Миссисипи. Одновременно AP&L собиралась построить в Арканзасе шесть электростанций, работающих на угле, а поскольку потребление электроэнергии внутри штата сокращалось, компания рассчитывала переключить одну из существующих электростанций на поставку электроэнергии в другие районы. По закону коммунальные предприятия имели право на доход от всех вложенных средств, образно называвшийся «нормой прибыли». По условиям плана строительства «Гранд-Галф», налогоплательщики штата Арканзас должны были покрыть не только более трети расходов на возведение АЭС, но и «норму прибыли», даже если бы они никогда бы не воспользовались произведенной электроэнергией. Компания AP&L не была собственником строящейся АЭС; станция принадлежала независимой дочерней компании, не оказывавшей услуг потребителям, кроме того, ее строительство и бюджет могло одобрить только федеральное правительство, которое не слишком тщательно проверяло представленные документы. Их публикация в *Arkansas Gazette* вызвала настоящую бурю протеста. Председатель Комиссии по вопросам обслуживания населения вынудил AP&L отказаться от участия в проекте «Гранд-Галф». Мы организовали массовую кампанию протеста, обратившись в Федеральную комиссию по управлению энергетикой с просьбой отменить решение по проекту «Гранд-Галф» и освободить от участия в нем жителей Арканзаса, но все наши усилия оказались напрасны.

План строительства АЭС в конце концов был одобрен Апелляционным судом округа Колумбия, под чью юрисдикцию попадали дела с участием федеральных регулятивных органов. Заключение было составлено судьей

Робертом Борком, когда-то преподававшим мне конституционное право. Как и тогда, в Йеле, он ставил права штата выше свободы действия отдельного человека. С другой стороны, когда в деле были замешаны крупные фирмы, он предпочитал оставить последнее слово за федеральным правительством и оградить компании от назойливой заботы штатов о благополучии простых граждан. В 1987 году на слушаниях сенатского Комитета по судопроизводству решение, принятое Борком по делу «Гранд-Галф», стало моим основным аргументом против выдвижения его кандидатуры в Верховный суд США.

Несмотря на активное сопротивление, я много работал над планом реформы энергетической системы, но в лице AP&L у меня появился очень серьезный противник, имеющий сторонников практически в каждом округе. Однако список моих новых врагов на этом не заканчивался. Меня беспокоила чрезмерная, по моим представлениям, вырубка леса, производившаяся несколькими лесозаготовительными предприятиями нашего штата. Я назначил Стива Смита руководителем рабочей группы, которой предстояло разобраться в происходящем. В то время Стив был еще горяч на руку. Он напугал и рассердил владельцев лесопилок, а я всего лишь хотел, чтобы они уменьшили площади вырубки и сохранили полосы леса у дорог и рек, необходимые для предотвращения эрозии почвы. Самые резкие критики заявляли, что я вознамерился обанкротить всех лесорубов. Мы так ни к чему и не пришли; Стив обиделся и вскоре уехал домой.

Я умудрился разозлить людей даже своими проектами экономического развития, а это было довольно сложно. Я хотел, чтобы правительство штата занималось освоением не только новых областей торговли и промышленности, но и существующих отраслей, а также поддерживало малый бизнес и фермеров в продвижении их товаров на рынке штата и по всей стране. Нам удалось значительно активизировать деятельность представителей нашего штата в Брюсселе, и я во главе делегации Арканзаса впервые поехал с торговой миссией на Дальний Восток — в Тайвань, Японию и Гонконг. Мы стали первым штатом в стране, где была принята собственная программа обработки опасных отходов, одобренная федеральным правительством. Кроме того, мы добились успеха в освоении новых отраслей, что обеспечило рост объема инвестиций на 75 процентов в 1979 году и на 64 процента в 1980 году. Спробуйте, что же могло настроить против меня людей при наличии таких достижений? Я изменил название департамента, переименовав Комитет промышленного развития штата Арканзас (AIDC) в Министерство экономического развития. Это название в полной мере отражало новую, расширенную сферу деятельности департамента. Однако выяснилось, что название AIDC было дорого многим влиятельным предпринимателям, работавшим в комитете, и руководителям всех региональных торговых палат штата. Не обрадовало их и назначение на должность директора нового министерства Джима Дайка, успешного предпринимателя из Литл-Рока. Если бы не это переименование, многие другие мои проекты не воспринимались бы столь враждебно. Мне казалось, что 1979 и 1980 годы были слишком щедры на негатив.

Аналогичную ошибку я совершил в сфере образования, назначив руководителем соответствующего департамента д-ра Дона Робертса, старшего инспектора школ города Ньюпорт-Ньюс, штат Вирджиния. Дон на протяжении нескольких лет уже работал в администрации Литл-Рока и прекрасно разбирался во всех тонкостях взаимоотношений в этой структуре. Кроме того, он был дружелюбен и сдержан в общении и легко сходился с новыми людьми. Дон реализовал все реформы, которые мне удалось провести через Законодательное собрание, и добавил собственную «Программу эффективного преподавания», которая предусматривала подготовку учителей. Проблема заключалась в том, что для назначения Дона на эту должность мне пришлось уволить прежнего руководителя департамента, Арчи Форда, прекрасного человека, посвятившего несколько десятков лет своей жизни школьникам Арканзаса. Конечно, Форду уже пришло время уходить на пенсию, и на этот раз я не просил никого постороннего сообщить ему об отставке, но мне следовало лучше организовать его уход, устроить более пышные проводы и сделать так, чтобы все сочли это инициативой самого Арчи. Я же все испортил.

Хороших результатов нам удалось достичь в сфере услуг. Мы отменили налог с продаж на лекарства, отпускаемые по рецепту, что было особенно важно для пожилых граждан, и на две трети сократили для них налог на дома с земельным участком. В целом нам удалось провести двадцать пять законопроектов, облегчающих положение пожилых людей, в том числе ужесточить стандарты ухода за ними в домах престарелых и расширить спектр их медицинского обслуживания на дому.

ООН объявила 1979 год Всемирным годом ребенка. Хиллари, занимавшая в то время пост председателя организации «Адвокаты Арканзаса для детей и семьи», созданной при ее содействии, взяла на себя решение самых неотложных задач. Ей удалось добиться принятия Унифицированного закона об опеке над детьми, который устранил сложности с въездом семей в наш штат и выездом из него, на 25 процентов сократил среднее число детей в исправительных заведениях, а также повысить качество стационарного и амбулаторного лечения детей, страдающих серьезными заболеваниями. Благодаря усилиям Хиллари число усыновленных детей увеличилось на 35 процентов.

Наконец, мне впервые удалось принять участие в реформе системы социального обеспечения. Администрация Картера объявила штат Арканзас одним из участников эксперимента в рамках программы «трудовое пособие». Согласно его условиям, все трудоспособные граждане, пользующиеся продовольственными талонами, должны были устроиться на работу, чтобы сохранить за собой право на их получение. Приобретенный в то время опыт укрепил мой давний интерес к новому представлению о том, каким образом оказывать помощь бедным людям: необходимо предоставить им больше прав и дать возможность найти работу. Эту идею я пронес с собой до Белого дома и воплотил в подписанном мною в 1996 году законопроекте о реформе системы социального обеспечения.

К началу 1980 года мне казалось, что и на службе, и в личной жизни у меня все складывается замечательно. Конечно, появились могущественные враги,

росло недовольство налогом с автовладельцев, но мне удалось воплотить в жизнь несколько законодательных и административных проектов, которыми я очень гордился.

В сентябре наши друзья, Диана Кинкейд и Джим Блэр, сочетались законным браком в доме Мориса и Энн Генри, где четырем годами раньше состоялась и наша с Хиллари свадьба. Поскольку, согласно Конституции штата Арканзас, губернатор имеет право проводить церемонию бракосочетания, я сам выступил в роли ее ведущего, а Хиллари была подружкой невесты и одновременно шафером. Со свойственной ему деликатностью Блэр сказал, что моя жена «лучше всех», и я не мог с ним не согласиться.

Хиллари не просто прекрасно выглядела, она была на последних месяцах беременности. Мы очень хотели ребенка, но все прежние попытки оставались безуспешными. Летом 1979 года мы решили сразу по возвращении из короткой поездки на Бермуды обратиться к специалисту по проблемам деторождения в Сан-Франциско. Но нам было так хорошо на отдыхе, что мы об этом просто забыли. Вскоре после приезда домой Хиллари обнаружила, что беременна, но на протяжении еще нескольких месяцев продолжала работать. Мы вместе ходили в классы подготовки к родам по методу Ламазе и готовились к тому, что я буду присутствовать при рождении ребенка. Мне очень понравились эти занятия и время, проведенное среди других пар, большинство из которых принадлежали к среднему классу и с таким же нетерпением, как и мы, ждали рождения своих детей. За несколько недель до родов у Хиллари возникли осложнения, и врач категорически запретил ей дальние поездки. Мы доверяли его мнению и строго следовали рекомендациям, которые он давал. К сожалению, это означало, что Хиллари не сможет сопровождать меня во время поездки в Вашингтон, где проводилось ежегодное собрание Национальной ассоциации губернаторов, и не будет присутствовать на ужине в Белом доме, который давали в честь ассоциации президент Картер и его супруга. Я уехал на конференцию, взяв с собой Кэролайн Хьюбер, которая ушла из юридической фирмы Rose и теперь работала нашей домоправительницей. Я звонил Хиллари почти каждый час и вернулся домой настолько быстро, насколько позволили обстоятельства, вечером 27 февраля.

Через пятнадцать минут после того, как я вошел в резиденцию губернатора, у Хиллари отошли воды; это случилось на три недели раньше срока. Я ужасно нервничал, собирая все необходимые вещи по списку, полученному во время занятий в классе Ламазе, чтобы везти Хиллари в Баптистскую больницу Арканзаса. Нервничали даже полицейские, работавшие в тот вечер в особняке. Я попросил их принести пакет со льдом, чтобы Хиллари могла его сосать по дороге в больницу. Они и принесли — целых девять фунтов, которых хватило бы на неделю родов. Охранники вовремя доставили нас и сумку со льдом в больницу. Вскоре выяснилось, что Хиллари будут делать кесарево сечение, потому что ребенок шел ягодичами, перевернувшись в утробе матери. Мне сказали, что правила запрещают пускать отцов в операционную. Я умолял администрато-

ра больницы позволить мне остаться, говорил, что вместе со своей матерью присутствовал на многих операциях, поэтому не упаду в обморок и не буду бросаться на персонал, даже если они разрежут Хиллари от головы до пят. Я настаивал на том, что нужен жене, потому что она ни разу в жизни не лежала в больнице и поэтому очень нервничает. В конце концов они уступили. В 11:24 вечера я держал Хиллари за руку и смотрел через экран, загораживающий ей обзор, как врач достает нашего ребенка. Это был самый счастливый момент моей жизни, который моему собственному отцу испытать не довелось.

Наша малютка весила шесть фунтов, одну и три четверти унции и громко кричала. Пока Хиллари лежала в послеоперационной палате, я показал Челси маме и всем, кто был рядом, чтобы они увидели, какой замечательный у меня ребенок. Я разговаривал с ней, пел ей песни. Мне хотелось, чтобы эта ночь никогда не кончалась. Наконец-то я стал отцом. Несмотря на любовь к политике, желание руководить и растущие амбиции, я знал, что отцовство будет для меня самой ответственной работой. Благодаря Хиллари и Челси она стала еще и самой приятной.

Когда мы вернулись домой из больницы, Челси ждала большая семья, состоявшая из сотрудников резиденции губернатора, в том числе Кэролайн Хьюбер и Элизы Эшли, нашей бессменной кухарки. По мнению Лизы, для губернатора я выглядел слишком молодо, частично из-за того, что был слишком худым. По ее словам, если бы я немного поправился, то стал бы казаться солиднее, и она изо всех сил старалась привести свой план в исполнение. К сожалению, Лиза была прекрасной кухаркой, и это ей вполне удалось.

Фирма Rose предоставила Хиллари четыре месяца отпуска по уходу за ребенком. Что же касается меня, то, воспользовавшись своим положением руководителя, которого никто не контролировал, я на протяжении нескольких месяцев организовывал свой рабочий день так, чтобы как можно больше времени проводить дома, с семьей. Мы с Хиллари часто говорили о том, как нам повезло, что Челси появилась именно в тот сложный период, потому что она сблизила нас. Хиллари рассказывала, что в большинстве других развитых стран государство предоставляет оплачиваемый отпуск по уходу за детьми, и мы считали, что у всех американцев должна быть такая же возможность, какая есть у нас. Я вспоминал о наших первых месяцах жизни с Челси в феврале 1993 года, когда, став президентом, подписывал свой первый закон «О медицинском отпуске и отпуске по семейным обстоятельствам», гарантирующий право на получение трехмесячного отпуска при рождении ребенка или по причине болезни члена семьи. Ко времени окончания срока моего президентства этим правом воспользовались более тридцати пяти миллионов американцев. Люди до сих пор приходят ко мне, рассказывают свои истории и благодарят меня.

После того как мы организовали уход за Челси, я вернулся к работе. Тот год был полон как политических интриг, так и природных катастроф, которые зачастую мало чем отличались друг от друга.

Одна из ситуаций, о которых редко говорят кандидаты и еще реже вспоминают избиратели на выборах губернатора или президента, — антикризисное управление. Что должен предпринять губернатор, когда происходит катастрофа, вызванная природными катаклизмами или неверными действиями людей? Во время первого губернаторского срока мне пришлось сталкиваться с подобными явлениями довольно часто. Зимой, когда я вступил в должность, Арканзас парализовали сильнейшие снегопады. Мне пришлось обратиться за помощью к национальной гвардии, чтобы обеспечить оставшихся без электроэнергии жителей генераторами, расчистить дороги и отбуксировать застрявшие в канавах машины. Весной 1979 года на штат обрушились торнадо, и я был вынужден просить президента Картера объявить Арканзас зоной бедствия, чтобы получить право воспользоваться федеральными фондами. Мы открыли центры помощи пострадавшим от катастрофы, в которых оказывали содействие всем, кто потерял жилье, урожай или разорился. Нам пришлось пройти через это еще раз, потому что весной 1980 года штат опять пострадал от торнадо.

Летом 1980 года невероятная жара стала причиной гибели более ста человек и засухи, подобной которой у нас не было на протяжении пятидесяти лет. Наибольшему риску подверглись пожилые люди, поэтому мы увеличили время работы центров по их обслуживанию и выделили гражданам преклонного возраста средства из федеральных фондов и казны штата на покупку вентиляторов, аренду кондиционеров и частичную оплату счетов за электроэнергию. Кроме того, администрация Картера оказала нам поддержку, предоставив на льготных условиях займы для птицеводческих хозяйств, где поголовье птицы уменьшилось на миллион, и фермеров, чьи поля выгорели от жары. От высокой температуры разрушались дороги, в штате было зафиксировано рекордное число лесных пожаров (почти восемьсот), что вынудило меня запретить разжигание костров на открытом воздухе. Жители сельских районов не слишком оптимистично относились к предстоящим в ноябре выборам.

Нам пришлось иметь дело не только с природными катаклизмами, но и с последствиями действий людей — намеренных или случайных. Они тоже нанесли серьезный ущерб, но скорее психологический, нежели физический или финансовый. Весной 1979 года «Ку-клукс-клан» и их лидер Дэвид Дьюк объявили о намерении провести в Литл-Роке съезд своей организации. Я был намерен не допустить повторения стычки, подобной той, что произошла между членами «Ку-клукс-клана» и их противниками в Декейтере, штат Алабама. Начальник Службы общественной безопасности Томми Робинсон тщательно проанализировал события в Декейтере и усилил меры по наведению порядка. Полицейские и патрульные получили приказ при малейших признаках нарушения общественного спокойствия производить аресты. В итоге было задержано шесть человек, но, во многом благодаря присутствию большого числа полицейских, никто не пострадал. Я был доволен тем, как мы справились с проблемой «Ку-клукс-клана», и убедил себя в том, что в будущем мы сможем найти выход из любой ситуации. Однако год спустя нас ждали еще более серьезные испытания.

Весной 1980 года Фидель Кастро депортировал в США 120 тысяч политических заключенных и других «неудобных» граждан, среди которых были преступники и душевнобольные. В поисках убежища они приехали во Флориду, создав тем самым большую проблему для администрации Картера. Почти сразу я узнал, что часть кубинцев будет отправлена в Форт-Чаффи, на большую военную базу вблизи Форт-Смита, использовавшуюся в середине 70-х в качестве лагеря для перемещенных лиц, в котором содержались беженцы из Вьетнама. Действия правительства в те годы оказались успешными, и многие вьетнамские семьи до сих пор прекрасно живут на западе Арканзаса.

В разговоре с Джинном Эйденбергом, сотрудником Белого дома, занимавшимся кубинским вопросом, я сказал, что успех вьетнамской кампании стал возможен в первую очередь благодаря проведению на Филиппинах и в Таиланде предварительной проверки благонадежности беженцев, в ходе которой отсеивались нежелательные для США лица. Я предложил Джину подогнать к побережью Флориды авианосец или другое большое судно и провести аналогичную проверку. Мне было известно, что в действительности большинство беженцев — вовсе не преступники и не сумасшедшие, однако в средствах массовой информации создавалась именно такая картина, и проверка благонадежности могла бы улучшить отношение общественности к тем, кто все-таки будет жить в Америке. Джин считал, что подобная операция бессмысленна, поскольку нам некуда отправлять «неудобных». «Конечно же есть куда! — возразил я. — У нас ведь имеется база в Гуантанаме, не так ли? А там наверняка есть дырка в заборе на границе с Кубой. Отвезите их в Гуантанаме, откройте дверь, и пусть они возвращаются на Кубу». Кастро сделал из Америки и ее президента посмешище. Джимми Картеру было достаточно проблем с инфляцией и захватом заложников в Иране. Мой план позволил бы президенту проявить политическую волю, обратиться на благо страны и обеспечить беженцам общественную поддержку. Когда Белый дом отклонил мое предложение, я должен был сразу понять, что нашему штату предстоит пройти долгий и трудный путь.

Седьмого мая мне сообщили, что часть кубинцев будет размещена в Форт-Чаффи. Я убедил администрацию Белого дома обеспечить необходимые меры безопасности и выступил в средствах массовой информации, сообщив, что кубинцы бегут от «коммунистического режима», и заверив всех в том, что «сделаю все от меня зависящее, чтобы выполнить обязательства, возложенные президентом на Арканзас», и постараюсь облегчить участь беженцев. К 20 мая в Форт-Чаффи прибыло почти 20 тысяч кубинцев. Беспорядки, начавшиеся сразу же после приезда молодых, уставших от ограничений и неуверенных в своем будущем людей, стали неотъемлемой частью жизни базы. Как я уже говорил, Форт-Смит был очень консервативным городом, и большинство его жителей вовсе не радовал приезд кубинцев. Сообщения о беспорядках напугали и разозлили жителей Форт-Смита и близлежащих городов. Шериф Билл Котрон, мужественно выносивший нападки критиков, заявил в одном из интервью: «Сказать, что они (местное население) напуганы, значит ничего не сказать. Они вооружились до зубов, и это делает ситуацию еще менее стабильной».

В понедельник, 26 мая, несколько сотен беженцев штурмом взяли заграждения и вырвались из форта. На следующее утро, в день предварительных выборов, я вызвал в Форт-Чаффи шестьдесят пять солдат национальной гвардии, а сам вместе с Хиллари вылетел в Фейетвилл, чтобы проголосовать, и потом отправился в форт, где поговорил с местными чиновниками и сотрудниками Белого дома. Послужной список командующего фортом, бригадного генерала Джеймса Драммонда по прозвищу Бульдог, производил впечатление. Когда я выразил удивление, почему его солдаты выпустили кубинцев за территорию базы, он ответил, что не имел права их остановить. Как сказал ему непосредственный начальник, согласно федеральному закону о *posse comitatus*, армия не имеет право брать на себя полицейские функции по отношению к гражданскому населению. Видимо, военные решили, что закон распространяется и на кубинских беженцев, хотя их юридический статус к тому времени еще не был определен. Они не относились ни к категории граждан США, ни к легальным иммигрантам, но при этом их нельзя было причислить и к нелегальным переселенцам. Поскольку кубинцы не нарушили закон, Драммонд не имел права силой удерживать их в стенах форта на том лишь основании, что местное население испытывало по отношению к ним страх и ненависть. По словам генерала, единственной его задачей было обеспечить порядок на базе. Я позвонил президенту, объяснил ситуацию и потребовал, чтобы военным предоставили полномочия, необходимые для удержания кубинцев на территории базы. Я опасался, что горожане просто начнут их отстреливать. В местных оружейных магазинах на пятьдесят миль вокруг Форт-Чаффи раскупили все пистолеты и винтовки.

На следующий день я снова поговорил с президентом, и он пообещал прислать дополнительные отряды, которые будут поддерживать порядок и не выпускать кубинцев за пределы базы. Джин Эйденберг передал мне, что Министерство юстиции отправило в Пентагон письмо, в котором военным предоставлялись соответствующие полномочия. К концу дня я смог немного расслабиться и обдумать результаты предварительных выборов, на которых мой противник, Монро Шварцлозе, разводивший индюшек, получил 31 процент голосов, в тридцать раз больше, чем на предварительных выборах 1978 года. Сказывалось недовольство сельского населения налогом с автовладельцев. Я надеялся, что люди об этом забыли, но ошибался.

Вечером 1 июня начался настоящий ад. Тысяче кубинцев удалось вырваться из форта и преодолеть оцепление федеральных войск. Они добрались до шоссе 22 и двинулись в сторону Барлинга. Военные вновь и пальцем не пошевелили, чтобы их остановить. Тогда я взял дело в свои руки. Единственной преградой между кубинцами и несколькими сотнями разгневанных вооруженных арканзасцев был отряд, состоявший из патрульных под руководством капитана Делоина Кози, преданного и хладнокровного командира, а также солдат национальной гвардии и представителей шерифа Билла Котрона. Я дал Кози и национальной гвардии четкие указания: не дать кубинцам пройти. Я прекрасно понимал, что произойдет, если им все же удастся прорваться, — кровавая резня, по сравнению с которой инцидент

у Центральной школы Литл-Рока покажется послеобеденным воскресным пикником. Кубинцы наступали на наших солдат и начали бросать в них камни. В конце концов военные открыли огонь поверх голов, и только после этого кубинцы развернулись и побежали обратно в форт. Когда дым рассеялся, выяснилось, что ранено шестьдесят два человека, из них пятеро — из огнестрельного оружия, и в Форт-Чаффи разрушено три дома. Убитых и тяжелораненых не было.

Я сразу же вылетел в Форт-Чаффи для встречи с генералом Драммондом, и у нас произошла громкая ссора. Меня привело в бешенство, что военные не остановили кубинцев даже после того, как Белый дом уверил меня в получении Пентагоном соответствующих полномочий от Министерства юстиции. Генерал даже бровью не повел. Он ответил, что подчиняется генерал-майору из Сан-Антонио, штат Техас, и его не волнует, что именно Белый дом сообщил мне, поскольку он не получал никаких новых указаний. Драммонд был честным человеком и, похоже, говорил правду. Я позвонил Джину Эйденбергу, пересказал ему разговор с Драммондом и потребовал объяснений. В ответ он прочитал мне целую лекцию. По словам Эйденберга, я слишком остро реагировал на происходящее и своими действиями пытался завоевать расположение избирателей после неудачи на предварительных выборах. Было очевидно, что Джин, которого я считал своим другом, просто не понимал сложившейся ситуации и мотивов моих поступков.

Я был в ярости и сказал Джину, что поскольку он, видимо, не доверяет моему мнению, то должен принять решение. «Либо ты сегодня же приедешь и разберешься во всем лично, либо я закрою базу, поставлю у каждого выхода по солдату национальной гвардии, и ни один человек не сможет войти в форт или выйти оттуда без моего разрешения», — заявил я.

Джин усомнился в моих словах. «Но ты не можешь так поступить, — сказал он. — Это федеральный объект». «Возможно, — ответил я. — Но он стоит на дороге, принадлежащей штату, и его контролирую я. Решай сам».

В тот же вечер Эйденберг прилетел в Форт-Смит на самолете ВВС. Я встретил его в аэропорту и перед поездкой на базу провез по улицам Барлинга. Было уже далеко за полночь, но на газонах, верандах и даже крышах каждого дома дежурили вооруженные люди. Мне запомнилась мужественная пожилая женщина, сидевшая в кресле на лужайке перед домом с дробовиком на коленях. Эйденберг был в шоке от увиденного. «Я понятия не имел, что здесь происходит», — сказал он по дороге в форт.

После обхода базы мы почти час беседовали с генералом Драммондом и другими федеральными и местными чиновниками, а также представителями администрации штата, а потом вышли к толпе журналистов. Эйденберг пообещал оперативно решить проблемы безопасности. В тот же день, 2 июня, Белый дом объявил о том, что Пентагоном получены четкие инструкции: обеспечить порядок и не выпускать кубинцев за пределы базы. Президент Картер признал, что жителям Арканзаса пришлось пережить беспокойные дни, и пообещал больше не присылать беженцев с Кубы в Форт-Чаффи.

Видимо, причиной беспорядка стали проволочки при проверке благонадежности беженцев, и процесс постарались максимально ускорить. Когда я вскоре приехал в форт, ситуация там уже нормализовалась, и умиротворение жителей изменилось к лучшему.

И все же меня не оставляла мысль о том, что произошло между 28 мая, когда, как сказал мне Эйденберг, армия получила приказ удержать кубинцев в форте, и 1 июня, когда она выпустила из него тысячу человек. Либо мне в Белом доме дали ложную информацию, либо Министерство юстиции слишком медленно передавало свое заключение в Пентагон, либо в военном ведомстве кто-то нарушил приказ главнокомандующего. Вряд ли мы когда-нибудь узнаем всю правду. Но, каковы бы ни были причины произошедшего, в любом случае это было серьезным нарушением Конституции. Как я понял впоследствии на основе своего опыта работы в Вашингтоне, в сложных ситуациях никто не хочет брать ответственность на себя.

В августе мы с Хиллари поехали на летний съезд Национальной ассоциации губернаторов. Здесь все говорили только о президентских выборах. Президент Картер отвоевал право на повторное выдвижение своей кандидатуры у сенатора Эдварда Кеннеди, но тот не собирался сдаваться. Он встретился с известным адвокатом по уголовным делам Эдвардом Беннетом Уильямсом, давним знакомым Хиллари, который приглашал ее на работу к себе в компанию, когда она окончила юридический факультет. Уильямс поддерживал Кеннеди и считал, что у него больше шансов обойти осенью Рональда Рейгана на президентских выборах, поскольку репутация Картера пострадала из-за неудач в экономике и инцидента с заложниками в Иране, которых удерживали на протяжении почти десяти месяцев.

Я оценивал политику и заслуги президента иначе. Картер сделал много полезного. Он не мог повлиять на решение ОПЕК о повышении цен на нефть, подстегнувшее инфляцию, а в ходе разрешения ситуации с захватом заложников выдвинул несколько полезных идей. Кроме того, несмотря на сложности, возникшие после приезда кубинских беженцев, Картер предоставил Арканзасу финансовую помощь; он также поддержал наши реформы в сфере образования, энергетики, здравоохранения и экономического развития. К тому же я часто бывал в Белом доме и использовал эти визиты не только для того, чтобы решить тот или иной государственный вопрос, но и просто отдохнуть. Именно к этой категории мероприятий относится пикник на Южной лужайке Белого дома, организованный президентом в честь NASCAR, на который я пригласил свою мать, чтобы послушать выступление Вилли Нельсона. После пикника мы с мамой, Нельсоном и сыном президента Чипом пошли в отель «Хэй-Эдамс» на площади Лафайетта напротив Белого дома, и Вилли пел нам до двух часов ночи.

В силу этих причин мне казалось, что ко времени открытия съезда Национальной ассоциации губернаторов у меня сложились с Белым домом прекрасные отношения. Губернаторы от демократической и республиканской партий проводили отдельные заседания. На зимнем съезде, благодаря поддержке губернатора Северной Каролины Джима Ханта, ставшего моим

близким другом и союзником в борьбе за реформу образовательной системы на протяжении всех лет работы в Белом доме, я был назначен вице-председателем съезда. Боб Страус, председатель Национального комитета демократической партии, попросил меня организовать президенту Картеру поддержку со стороны Ассоциации губернаторов-демократов. Просмотрев списки присутствовавших на съезде губернаторов, я предположил возможный исход голосования: двадцать против четырех за Картера. Мы провели дебаты, в ходе которых Страус высказался в поддержку президента, а Хью Кэри, губернатор Нью-Йорка, агитировал за Кеннеди. После голосования, результаты которого составили двадцать к четырем, мы со Страусом выступили с кратким обращением к прессе, сообщив о том, что Национальная ассоциация губернаторов выражает политическую солидарность с президентом Картером и окажет ему любую помощь, в которой он будет нуждаться.

Буквально через пятнадцать минут после заседания мне доложили о звонке из Белого дома. Видимо, президент хотел поблагодарить меня за поддержку, оказанную ему губернаторами. Однако мои предположения оказались ошибочными. Президент хотел сообщить, что в Пенсильвании и Висконсине, где были размещены остальные кубинские беженцы, ожидается сильное похолодание, а поскольку дома на базах не приспособлены к морозам, всех беженцев, по его словам, необходимо передислоцировать. И знаете куда? В Форт-Чаффи, ведь там решены все проблемы с безопасностью. «Господин президент, вы же обещали, что в Арканзас больше не будут направлять беженцев. Пусть их отправят на какую-нибудь другую базу на западе, туда, где вы все равно не победите на выборах в ноябре», — возразил я. Президент сказал, что не может так поступить, потому что это слишком дорогой вариант: оборудование базы на западе обойдется в 10 миллионов долларов. Я ответил: «Господин президент, ваше обещание жителям Арканзаса дороже 10 миллионов долларов». На том наш разговор и закончился.

Побывав в кресле президента, я понял, какое давление со стороны политиков и общественности испытывал Джимми Картер. Ему приходилось исправлять последствия резкой инфляции и экономического застоя. Аятолла Хомейни почти год удерживал американцев, взятых в заложники в Иране. Кубинцы больше не устраивали мятежей, поэтому их размещение казалось ему самой простой из всех проблем. В 1976 году жители Пенсильвании и Висконсина поддержали Картера на выборах, к тому же у них было больше голосов, чем у Арканзаса, где за президента проголосовали почти две трети выборщиков. Я же, по данным опросов, по-прежнему опережал своего соперника Фрэнка Уайта, так что его решение вряд ли могло мне навредить.

Тогда картина представлялась мне несколько иной. Я знал, что, если президент нарушит данное Арканзасу слово, это нанесет удар по его репутации. Возможно, военные базы в Пенсильвании и Висконсине и следовало закрыть по погодным или политическим причинам, но отправлять оставшихся кубинцев туда, куда он обещал их не отправлять, только для того, чтобы сэкономить 10 миллионов долларов, было глупо. Я обратился за советом к Руди Муру и председателю моего предвыборного штаба Дику

Хергету, чтобы решить, как поступить. Дик считал, что следует немедленно вылететь в Вашингтон и лично поговорить с президентом. Если мне не удастся его уговорить, я должен обратиться к журналистам и объявить, что больше не буду оказывать поддержку Белому дому. Но я не мог этого сделать по двум причинам. Во-первых, я не хотел стать новым Орвалом Фобусом, который вместе с другими губернаторами южных штатов препятствовал федеральным властям в годы борьбы за гражданские права. Во-вторых, я никоим образом не хотел помогать Рональду Рейгану в его противостоянии с Картером. Рейган организовал прекрасную предвыборную кампанию, во время которой гневно рассказывал о захвате заложников и о плохой экономике. Его активно поддерживали правые организации, приходившие в бешенство по любому поводу, начиная с проблемы аборт и заканчивая передачей Панамского канала обратно в собственность Панамы.

Джин Эйденберг попросил меня не объявлять о передислокации беженцев до тех пор, пока он сам не придет в Арканзас и не устроит все наилучшим образом, однако информация все равно просочилась в прессу, и его появление не спасло ситуацию. Как заверил всех Джин, проблем с соблюдением безопасности больше не будет, но он не мог отрицать тот факт, что президент нарушил слово, данное штату, который поддерживал его не менее активно, чем родная Джорджия. Я получил контроль над организацией большей части системы безопасности, внес некоторые изменения, но для арканзасцев по-прежнему был представителем президента, который не смог сдержать данное им обещание.

По возвращении из Денвера домой я обнаружил, что здесь сложилась весьма нестабильная политическая ситуация. Мой соперник, Фрэнк Уайт, делал успехи. Он был крупным мужчиной с громким голосом и напыщенными манерами, которые напоминали о его учебе в Военно-морской академии США. Уайт работал в кредитной компании, а при губернаторе Прайоре занимал пост председателя Комитета промышленного развития штата Арканзас. Его поддерживали все настроенные против меня «группы по интересам», в том числе коммунальные службы, птицеводы, грузоперевозчики, лесоперерабатывающие предприятия и Ассоциация медиков. Уайт был убежденным христианином и пользовался безоговорочной поддержкой членов филиала организации «Моральное большинство» в нашем штате и других консервативно настроенных активистов. Кроме того, он разделял беспокойство многих фермеров и производственных рабочих («синих воротничков») в связи с новым налогом с автовладельцев. Уайту удалось воспользоваться недовольством населения, накопившимся после засухи и последовавшего за ней экономического застоя. Когда общий экономический спад привел к резкому уменьшению федеральных доходов, мне пришлось сократить расходы штата, в том числе урезать вторую прибавку к зарплате учителей с 1200 до 900 долларов, чтобы сбалансировать бюджет. Многим преподавателям финансовые проблемы штата были совершенно безразличны: власти обязались доплачивать к их зарплате по 1200 долларов в течение двух лет, и они ждали обещанной прибавки. После того как учителя не получили причитающихся им денег, их энтузиазм в отношении моей кандидатуры значительно поубавился.

Еще в апреле я говорил Хиллари, что, какими бы ни были результаты опросов, Фрэнк Уайт подойдет к выборам, имея 45 процентов голосов. Я разозлил слишком многих. После объявления о том, что беженцы будут расквартированы в Форт-Чаффи, у Уайта появились две козырные карты: кубинцы и налог с автовладельцев. До конца предвыборной кампании он говорил только на эти темы. В августе мы провели активную кампанию, но она не имела особого успеха. На заводах рабочие говорили, что не будут голосовать за меня, так как я усугубил их тяжелое экономическое положение и не оправдал надежд, подняв налог с автовладельцев. Как-то во время мероприятия в Форт-Смите, неподалеку от моста, соединяющего Арканзас с Оклахомой, на призыв поддержать меня на выборах я получил от одного из мужчин развернутый вариант уже приевшегося ответа: «Вы увеличили налог с автовладельцев, который я плачу за свою машину. Я бы не проголосовал за вас, даже если бы вы были единственным кандидатом!» Говоривший даже покраснел от злости. В ярости я показал на мост и возмущенно возразил: «Посмотрите туда. Если бы вы жили в Оклахоме, то платили бы за машину вдвое больше!» Он вдруг улыбнулся, похлопал меня по плечу и сказал: «Парень, ты не понимаешь. Это одна из причин, почему я живу именно по эту сторону границы».

В конце августа в составе делегации от штата Арканзас я отправился на Национальный съезд демократической партии. Сенатор Кеннеди по-прежнему участвовал в предвыборной гонке, хотя было очевидно, что он терпит поражение. Мои друзья, работавшие с Кеннеди, хотели, чтобы я уговорил его снять свою кандидатуру до голосования и выступить с речью в поддержку Картера. Мне нравился Кеннеди, и, на мой взгляд, ему стоило проявлять большую осторожность, чтобы впоследствии не быть обвиненным в поражении Картера. Отношения двух кандидатов оставляли желать лучшего, но друзья считали, что мне удастся уговорить Кеннеди. Я назначил сенатору встречу в отеле и постарался сделать все от меня зависящее, чтобы его убедить. В конце концов Кеннеди снял свою кандидатуру и поддержал президента, хотя, когда они вместе вышли на сцену, было очевидно, что он не испытывает по этому поводу особого энтузиазма.

Поскольку я был председателем Ассоциации губернаторов-демократов, меня попросили выступить на съезде с короткой пятиминутной речью. Обычно национальные съезды — это шумные и хаотичные мероприятия. Делегаты внимательно слушают только основного докладчика, выступления президента и вице-президента. Если вы не относитесь к этой троице, то единственный ваш шанс быть услышанным за гулом голосов — говорить убедительно и быстро. Я пытался объяснить, в какой сложной новой экономической ситуации мы находимся, и убедить всех в том, что необходимо изменить принципы работы демократической партии, чтобы достойно принять вызов времени. Со времен Второй мировой войны демократы воспринимали благополучие Америки как нечто само собой разумеющееся, а основными задачами, которые ставила перед собой партия, были обеспечение благосостояния все большего и большего числа людей и борьба за социальную справедливость. Теперь же нам приходилось иметь дело с инфляцией

и безработицей, значительным государственным дефицитом и потерей конкурентного преимущества. Наши неудачи заставили многих перейти на сторону республиканцев или присоединиться к растущей группе «воздержавшихся». Моя речь была хорошо написана и длилась меньше отведенных пяти минут, но никто не обратил на нее особого внимания.

Президент Картер уехал, так и не разрешив проблем, стоявших перед ним до начала съезда, и не найдя поддержки, которую должна была оказать своему кандидату единая, полная энтузиазма партия. Я вернулся в Арканзас с твердым намерением спасти собственную кампанию. Положение ухудшалось с каждым днем.

Девятнадцатого сентября я вернулся домой, в Хот-Спрингс, после тяжелого рабочего дня. Не успел я расслабиться в кресле, как раздался звонок командира стратегического авиакомандования ВВС США. Он сообщил, что в сорока милях к северо-западу от Литл-Рока, недалеко от города Дамаскус, в шахте произошел взрыв ракеты «Титан II». Это было невероятно. Один из обслуживавших ракету механиков выронил тяжелый гаечный ключ, который пролетел почти семьдесят футов, отскочил от дна шахты и пробил бак с ракетным топливом. Смешавшись с воздухом, горючее вещество воспламенилось, и произошел взрыв, который выбил 740-тонную бетонную крышу шахты, убил механика и ранил еще двадцать человек из находившегося там персонала. В результате взрыва ракета была уничтожена, а ядерная боеголовка катапультировалась на ближайшее от стартовой шахты пастбище. Командир убедил меня, что она не взорвется, угрозы радиоактивного заражения окружающей среды нет, а военные обеспечат безопасную транспортировку боеголовки. Радовал хотя бы тот факт, что штат не будет сметен с лица земли. В тот день я слишком устал, чтобы попытаться улучшить ситуацию, поэтому поручил своему новому шефу безопасности Сэму Тэтому разработать совместно с представителями федеральной власти план экстренной эвакуации населения на случай непредвиденных осложнений с оставшимися семнадцатью ракетами «Титан II».

В довершение всех неприятностей в Арканзасе появилось единственное в мире пастбище с собственной ядерной боеголовкой. Спустя несколько дней после инцидента в Хот-Спрингс на съезд демократической партии приехал вице-президент Мондейл. Когда я попросил его обеспечить оперативное сотрудничество с военными в связи с новым происшествием, Мондейл позвонил министру обороны Гарольду Брауну и сказал: «Черт побери, Гарольд, я, конечно, просил тебя разобраться с кубинцами в Арканзасе, но это уж слишком!» Несмотря на сдержанное поведение на публике, Мондейл обладал прекрасным чувством юмора. Понимая, что мы оба идем ко дну, он тем не менее сумел увидеть в этой ситуации и комическую сторону.

В последние недели предвыборной кампании возникло новое явление в политической жизни Арканзаса: телеэкраны заполнила реклама, выставившая меня в совершенно негативном свете. Один из сюжетов был посвящен налогу с автовладельцев, но самым эффективным оказался видеоролик, подготовленный сторонниками Уайта, в котором демонстрировались беспорядки, устроенные кубинцами. Голос за кадром говорил о том, что

губернаторы Пенсильвании и Висконсина позаботились о своих гражданах и выдворили кубинцев, а мне было дороже мнение Джимми Картера, чем жителей Арканзаса, и потому «все они теперь живут у нас». Когда мы с Хиллари услышали об этом впервые, то подумали, что никто не поверит столь откровенной лжи. Результаты опросов, проведенных до показа рекламы, свидетельствовали о том, что 60 процентов жителей штата поддерживали мои действия в Форт-Чаффи, 3 процентам казалось, что я поступил слишком жестоко, а 20 — слишком мягко. Последние остались бы довольны, только если бы я перестрелял всех беженцев в форте.

Но относительно рекламы мы ошиблись. Она приносила плоды. Билл Котрон, шериф города Форт-Смит, и государственный обвинитель Рон Филдс выступили в мою поддержку, заявив, что я поступил правильно и шел на риск, защищая жителей округа. Но, как мы сейчас понимаем, пресс-конференция не шла ни в какое сравнение с мощной антирекламой. Я словно завяз в зыбучих песках, чему виной были кубинцы и налог с автовладельцев.

За несколько дней до выборов Хиллари позвонила Дику Моррису, которого мне пришлось заменить Питером Хартом, потому что мои сотрудники не могли работать с человеком, обладающим таким ужасным характером. Она попросила Дика провести социологическое исследование и выяснить, есть ли у нас шансы исправить ситуацию. К его чести, Моррис провел опрос и с типичной для него резкостью сказал, что я, скорее всего, проиграю. Дик предложил несколько вариантов рекламных роликов, которыми мы, конечно же, воспользовались, но, как он и предполагал, этого оказалось очень мало, и к тому же мы спохватились слишком поздно.

В день выборов, 4 ноября, мы с Джимми Картером получили в Арканзасе по 48 процентов голосов избирателей по сравнению с 65 процентами, отданными ему на выборах 1976 года, и 63 процентами, набранными мною в 1978 году. Однако проиграли мы по-разному. За президента проголосовали пятьдесят из семидесяти пяти округов: демократы поддержали его, несмотря на кубинский кризис, а республиканцы с западных территорий, разгневанные тем, что он нарушил данное Арканзасу слово, проголосовали против и поддержали Рейгана, который вступил в союз с христианскими фундаменталистами и высказывался против аборт и договора по Панамскому каналу. Но республиканцы еще не захватили Арканзас. В нашем штате Картер получил 48 процентов голосов, что было на 7 процентов больше, чем в целом по стране. Если бы он не нарушил данное Арканзасу обещание, то нашел бы поддержку всех жителей штата.

За меня проголосовали лишь двадцать четыре округа: в них преобладало чернокожее население, и жители оказывали меньшее сопротивление реализации дорожных реформ. Я проиграл в одиннадцати традиционно демократических округах Арканзаса, почти во всех сельских районах Третьего округа и в нескольких — на юге штата. Меня погубил налог с автовладельцев. Рекламные ролики о кубинских беженцах должны были очертить меня в глазах тех, кто оставался на моей стороне, несмотря на все предыдущие ошибки. Если бы общественность не поддерживала мои действия в отношении кубинцев, мой рейтинг был бы гораздо ниже с учетом

введения нового налога с автовладельцев, противостояния профсоюзов и сложной экономической ситуации. В 1980 году со мной случилось то же самое, что произошло с президентом Джорджем Бушем-старшим в 1992-м. Война в Персидском заливе обеспечивала ему высокий рейтинг, но недовольство населения росло. Когда люди решили, что не хотят поддерживать его действия, я воспользовался ситуацией. Фрэнк Уайт, запустив рекламу о кубинцах, точно так же поступил со мной.

На выборах губернатора в 1980 году я получил больше голосов республиканцев на западе Арканзаса, чем президент Картер, потому что они лучше других знали, как именно мне удалось разрешить ситуацию с кубинскими беженцами. В Форт-Смите и в округе Себастиан я возглавил список кандидатов от демократической партии тоже во многом благодаря своим действиям в Форт-Чаффи. Картер получил 28 процентов голосов; сенатор Бамперс, более двадцати лет работавший в округе адвокатом, но совершивший непростительный грех, проголосовал за то, чтобы «вернуть» Панамский канал, — 30 процентов. Мне отдали предпочтение 33 процента избирателей. Положение было удручающее.

В день выборов я так плохо себя чувствовал, что даже не смог выйти к прессе. В штаб-квартиру поехала Хиллари. Она поблагодарила всех сотрудников за работу и пригласила их на следующий день прийти в резиденцию губернатора. Наутро после беспокойной ночи мы с Хиллари и Челси встретились с парой сотен моих верных соратников. Я от всего сердца поблагодарил всех за проделанную работу, сказал, что горжусь их достижениями, и предложил свою поддержку Фрэнку Уайту. Учитывая обстоятельства, речь получилась довольно оптимистичной, но в душе у меня злость смешивалась с жалостью к самому себе. Мне было очень грустно оттого, что я больше не смогу заниматься делом, которое так любил. О грусти я сказал, а злость и жалость оставил при себе.

В тот момент мне казалось, что моя политическая карьера закончилась. Я стал первым за четверть века губернатором Арканзаса, не сумевшим остаться на второй срок, и, возможно, самым молодым экс-губернатором в истории США. Слова Джона Макклеллана о том, что через губернаторский офис лежит дорога на политическое кладбище, казались пророческими. Но поскольку я сам вырыл себе могилу, единственное, что мне оставалось, — постараться из нее выбраться.

В четверг мы с Хиллари нашли в Литл-Роке новый симпатичный деревянный дом, построенный в 1911 году в районе Хиллкрест на Мидленд-авеню, неподалеку от того места, где мы жили до переезда в резиденцию губернатора. Я позвонил Бетси Райт и попросил ее помочь забрать и отсортировать все мои документы. К счастью, она согласилась. Бетси приехала в губернаторский особняк и в течение нескольких дней разбирала бумаги вместе с моим другом, членом Палаты представителей штата Глорией Кейб, которая тоже не была переизбрана на второй срок, потому что поддерживала мои программы.

Оставшиеся два месяца для сотрудников моей администрации оказались сложными. Им предстояло искать новую работу. Обычно из политики

уходят в крупные компании, которые сотрудничают с правительством, но мы умудрились настроить против себя почти всех. Руди Мур проделал большую работу, стараясь помочь каждому, и следил за тем, чтобы мы завершили все проекты, прежде чем передать дела администрации Фрэнка Уайта. Он и мой ассистент Рэнди Уайт постоянно говорили, что мне следует проявлять больше заинтересованности в судьбе моих служащих, а не зарываться в собственных проблемах. У большинства сотрудников не было накоплений, на которые они смогли бы прожить в период поиска работы; некоторые имели маленьких детей; многие всю жизнь работали только на правительство штата; кто-то пришел вместе со мной из администрации генерального прокурора. Хотя я очень тепло относился ко всем моим сотрудникам и был благодарен им за работу, боюсь, после поражения на выборах мне не удалось достаточно ясно продемонстрировать этим людям свои чувства.

В тот ужасный период Хиллари была ко мне особенно добра. Ей удалось не только проявлять любовь и сочувствие, но и удивительным образом заставлять меня не забывать о текущих делах и о будущем. Мысль о том, что Челси ничего не знала о наших проблемах, помогла мне понять, что это еще не конец света. Меня поддержали Тед Кеннеди, сказавший, что я обязательно вернусь в политику, и Уолтер Мондейл, сумевший после собственного поражения на выборах сохранить удивительное чувство юмора. Я даже ездил в Белый дом, чтобы попрощаться с президентом Картером и поблагодарить за все добрые дела, совершенные его администрацией для оказания помощи Арканзасу. Я еще не забыл о нарушенном им обещании и о том, что именно это способствовало моему краху и его поражению в Арканзасе, но считал, что история будет к нему добрее и ему зачтутся реформы в сфере энергетики и охраны окружающей среды, в особенности работа над проектом Национального арктического заповедника дикой природы на Аляске, и достижения во внешней политике: соглашение между Израилем и Египтом, подписанное в Кэмп-Дэвиде, договор о Панамском канале и повышение внимания к проблемам прав человека.

Как и остальным сотрудникам администрации губернатора, мне тоже предстояло искать работу. Я получил несколько интересных предложений из других штатов. Мой друг Джон И. Браун, губернатор штата Кентукки, сделавший состояние на сети экспресс-кафе «Кентакки фрайд чикен», спросил, не хочу ли я стать президентом Луисвиллского университета. Он был, как всегда, немногословен: «Хороший университет, симпатичный дом, отличная баскетбольная команда». Губернатор Калифорнии Джерри Браун, который не мог поверить, что я потерпел поражение из-за налога с авто-владельцев, предложил мне занять место руководителя своего аппарата вместо Грея Дэвиса, собиравшегося баллотироваться в губернаторы. Джерри сказал, что в Калифорнию стекаются люди из разных штатов и я прекрасно устроюсь, а он гарантирует мне возможность заниматься любой интересующей меня сферой политики. Кроме того, мне поступило предложение из Всемирного фонда дикой природы, чьей деятельностью я искренне восхищался. Норман Лир, продюсер самых известных в истории

телешоу, в том числе «Дела семейные» (*All in the Family*), предложил мне возглавить либеральную группу «Американцы за американский путь», организованную в защиту Первой поправки к Конституции США от нападок со стороны консерваторов. Некоторые предлагали мне выдвинуть свою кандидатуру на пост председателя Национального комитета демократической партии, составив конкуренцию Чарльзу Манатту, преуспевающему адвокату из Айовы. Единственное предложение о работе в Арканзасе поступило от юридической фирмы Wright, Lindsey & Jennings, предоставлявшей мне место «консультанта» за 60 тысяч долларов в год, что почти вдвое превышало зарплату губернатора.

Я всерьез рассматривал возможность работы в Национальном комитете демократической партии, поскольку любил политику и считал, что разбираюсь в ней, однако в конце концов все же решил: эта работа не для меня. Кроме того, Чак Манатт слишком сильно хотел занять эту должность и наверняка заручился необходимыми для победы голосами задолго до того, как я проявил к ней интерес. Я решил посоветоваться с Мики Кантором, партнером Манатта, с которым мы познакомились, когда он вместе с Хиллари входил в совет директоров Корпорации юридических услуг. Мне нравился Мики, и я доверял его мнению. Он сказал, что если я хочу еще раз попробовать стать губернатором, то не стоит браться за партийную работу. Кроме того, Мики советовал мне не соглашаться на должность руководителя аппарата Джерри Брауна. Остальные предложения о работе, поступившие из других штатов, в особенности из Всемирного фонда дикой природы, меня заинтересовали, но я понимал, что там у меня не будет будущего. Я был не готов сдаться и добровольно покинуть Арканзас, поэтому принял предложение фирмы Wright, Lindsey & Jennings.

Практически сразу после поражения на выборах и еще на протяжении нескольких месяцев я спрашивал всех, каково их мнение о случившемся. Некоторые ответы, в которых ничего не говорилось о кубинцах, налоге с автовладельцев и противостоянии с профсоюзами, удивили меня. Джими Джонс, которого я назначил генерал-адъютантом Национальной гвардии штата Арканзас после его долгой службы в качестве государственного аудитора, сказал, что я отдалил от себя избирателей, пригласив на ключевые позиции в администрации слишком много молодых служащих из других штатов. Ему казалось, что немалую роль сыграло и то, что Хиллари сохранила девичью фамилию; так могла поступить адвокат, но не первая леди. Уолли Дерек, занимавший пост председателя демократической партии с 1976 по 1978 год, считал, что меня обошли в гонке за губернаторское кресло, потому что я перестал думать об окружающих. Оказывается, став губернатором, я ни разу не спросил Уолли о здоровье его детей. Еще более резко высказался мой друг Джордж Дэниел, владелец компьютерного магазина в Маршалле: «Билл, люди считали тебя придурком!» Руди Мур сказал, что я слишком много жаловался на трудности, но редко задумывался о том, как справиться с политическими проблемами. Мак Макларти, мой самый давний друг, знавший меня как свои пять пальцев, сказал, что весь год я был слишком занят ожиданием рождения Челси. По его словам, я всегда жалел

о том, что не знал своего отца, и потому все свои силы отдал отцовству, забывая обо всем остальном, пока не происходило нечто, подобное инциденту с кубинскими беженцами, и просто не вкладывал душу в свою предвыборную кампанию.

Через несколько месяцев после того, как мне пришлось оставить свой пост, я понял, что друзья были правы. К тому моменту более сотни людей пришли ко мне и сказали: они проголосовали против меня, чтобы привлечь мое внимание, но ни за что не поступили бы так, если бы знали, что я проиграю. Я размышлял о том, сколько полезных дел мог бы совершить, если бы в полной мере использовал свои способности. Было больно сознавать, что, по мнению тысяч людей, я слишком важничал, чересчур много думал о будущих свершениях и не обращал внимания на их ожидания. Понятно, что многие голосовали в знак протеста, но мне от этого было не легче. Опросы, проведенные после выборов, показали, что, по словам 12 процентов избирателей, они поддержали меня в 1978 году, но в 1980-м голосовали против из-за повышения налога с автовладельцев; 6 процентов моих бывших сторонников отвернулись от меня из-за проблем с кубинскими беженцами. Несмотря на все мои другие просчеты, если бы я не допустил этих двух ошибок, то одержал бы победу. Но если бы я не потерпел поражение, то, вероятно, никогда бы не стал президентом. Это был бесценный опыт, заставивший меня обращать более пристальное внимание на политические проблемы, неизбежные в современной политике: система одновременно может «переварить» только определенный объем перемен; нельзя вступать в противоборство со всеми сложившимися группами интересов одновременно; если людям кажется, что вы перестали к ним прислушиваться, значит, вы попали в затруднительное положение.

В последний день работы губернатором, сфотографировав десятимесячную Челси в своем кресле с телефонной трубкой в руке, я выступил перед Законодательным собранием штата с прощальной речью. Я подробно рассказал о достигнутых успехах, поблагодарил законодателей за поддержку, напомнил, что у нас до сих пор один из самых низких уровней налогов в стране и рано или поздно нам придется найти приемлемый с политической точки зрения путь расширения финансирования, чтобы в полной мере использовать наш потенциал. Затем я вышел из Капитолия и вступил в частную жизнь, чувствуя себя при этом, как рыба без воды.

Фирма Wright, Lindsey & Jennings была, по меркам Арканзаса, крупной компанией с прекрасной репутацией и обширной клиентурой. Компетентные и дружелюбные сотрудники изо всех сил старались помочь мне устроиться на новом месте. Руководство компании позволило мне взять на работу моего личного секретаря Барбару Кернс, за четыре года успевшую познакомиться со всеми членами моей семьи, моими друзьями и сторонниками. Фирма даже предоставила кабинет Бетси Райт, чтобы она смогла продолжить работу над моими документами и, как выяснилось со временем, заняться планированием следующей избирательной кампании. Я курировал несколько дел и даже привел в компанию пару клиентов, но уверен, что, протянув мне руку помощи, ее руководители не получили большой материальной выгоды. Однако я всегда был им благодарен и, будучи президентом, оказывал содействие в юридических вопросах.

Хотя я и скучал по тем временам, когда был губернатором и занимался политикой, я наслаждался жизнью обычного человека: вовремя приходил домой, вместе с Хиллари наблюдал за тем, как растет Челси, ходил в гости к друзьям, знакомился с соседями. Самыми приятными нашими собеседниками были Серж и Луиза Лозано, пожилая пара, жившая в доме напротив. Они души не чаяли в Челси и всегда охотно нам помогали.

Я решил не появляться на публике, по крайней мере некоторое время, сделав лишь одно исключение. В феврале я поехал в Бринкли, городок на границе штатов в часе езды к востоку от Литл-Рока, чтобы выступить на банкете Lions Club. На выборах 1980 года здесь за меня голосовало большинство жителей, и мои верные сторонники настаивали на том, чтобы я присутствовал на празднике. Они считали, что встреча с теми, кто меня поддержал, поднимет мой моральный дух. После ужина меня пригласили домой к первым лицам округа, Дону и Бетти Фуллер, где я познакомился с людьми, которые, как ни странно, хотели снова видеть меня на посту губернатора. В Литл-Роке, например, многие старались заручиться поддержкой нового руководства. Один из чиновников, которого я принял в правительство штата и который хотел продолжить работу и при новом губернаторе Уайте, однажды даже перешел на другую сторону улицы, когда встретил меня в центре города. Он боялся, что кто-нибудь увидит, как мы обмениваемся рукопожатием.

Я был благодарен своим друзьям из Бринкли за поддержку, но на несколько месяцев отказался от публичных выступлений в Арканзасе. Фрэнк Уайт начал допускать ошибки, уже успев проиграть несколько сражений в Законодательном собрании, а мне не хотелось идти по его стопам. Он выполнил свое предвыборное обещание и принял законопроект о возвращении Министерству экономического развития названия «Комитет про-

мышленного развития штата Арканзас». Однако попытка упразднить открытые мною и Хиллари сельские больницы встретила серьезный отпор со стороны населения. Законопроект был отклонен, и Уайту пришлось довольствоваться отменой строительства новых клиник.

Когда губернатор выдвинул на рассмотрение законопроект об отмене повышения налога с автовладельцев, начальник Департамента шоссежных дорог Генри Грей, члены комиссии по их эксплуатации и дорожно-строительные компании высказались резко против. Эти компании зарабатывали деньги на строительстве и ремонте автомагистралей, и многие члены Законодательного собрания прислушались к их мнению, поскольку жителям их округов хотелось ездить по хорошим дорогам, даже если они отказывались за это платить. В конце концов Уайту удалось добиться лишь незначительного снижения налога, а в целом схема финансирования проекта осталась прежней.

Как ни странно, самые серьезные проблемы с Законодательным собранием возникли у губернатора с одним документом, который он одобрил. Так называемый «Билль о теории создания» требовал, чтобы в каждой школе Арканзаса отводилось примерно равное время на изучение теории эволюции и библейской теории создания человека, согласно которой люди не произошли сотни тысяч лет назад от обезьян, а были созданы Богом как отдельный вид, существующий всего несколько тысяч лет.

Большую часть XX века фундаменталисты высказывались против теории эволюции, поскольку она не совпадала с буквальной трактовкой библейской притчи о создании мира. В начале 1900-х годов в нескольких штатах, в том числе и Арканзасе, теория эволюции была исключена из школьной программы, и даже после решения Верховного суда, отменившего запрет на ее изучение, многие ученые вплоть до 1960-х годов не касались этого вопроса. Но в конце 60-х новое поколение фундаменталистов вновь затронуло эту проблему, на этот раз утверждая, что существуют научные доказательства библейской притчи о создании человека, которые ставят под сомнение теорию эволюции. В итоге они пришли к выводу, что если в школах преподают теорию эволюции, то должное внимание необходимо уделять и «теории создания».

Благодаря усилиям организации фундаменталистов FLAG («Семья, жизнь, Америка перед Господом») и поддержке губернатора Арканзас стал первым штатом, в котором был принят закон о теории создания. Слушания прошли относительно спокойно: в нашем Законодательном собрании было не так много ученых, а большинство политиков боялись оскорбить христианские организации, после президентских и губернаторских выборов укрепившие свои позиции. Уже после того как Уайт подписал закон, свой протест высказали учителя, не желавшие преподавать в школах религию как науку, религиозные лидеры, желавшие сохранить независимость церкви от государства, и рядовые граждане, которые не хотели, чтобы Арканзас превратился в посмешище для всей страны.

Фрэнк Уайт стал объектом насмешек со стороны противников закона о теории создания. Джордж Фишер, карикатурист газеты *Arkansas Gazette*,

усадивший меня на трехколесный велосипед, нарисовал губернатора с наполовину очищенным бананом в руке, указывая на то, что он, возможно, не до конца прошел все стадии эволюции и является тем самым «недостающим звеном» между человеком и обезьяной. Почувствовав неладное, губернатор Уайт заявил, что невнимательно прочитал законопроект, прежде чем поставил под ним свою подпись, но этим лишь усугубил свое положение. В конце концов судья Билл Овертон признал законопроект о теории создания антиконституционным. Он блестяще выступил в суде и составил исчерпывающее заключение, в котором говорилось, что данный законопроект подразумевает преподавание религии и тем самым нарушает разделение церкви и государства, закрепленное в Конституции. Генеральный прокурор Стив Кларк отказал в дальнейшем обжаловании решения суда.

У Фрэнка Уайта были сложности не только с Законодательным собранием. Он совершил ошибку, отправив представителей Комиссии по вопросам обслуживания населения для беседы с руководителями компании Arkansas Power and Light, которая уже несколько лет добивалась значительного повышения тарифов на коммунальные услуги. Когда эта история выплыла наружу, пресса обрушилась на губернатора с критикой. Плата за электричество росла быстрее, чем налог с автовладельцев, а губернатор выразил готовность дать AP&L предварительное согласие от имени тех, кто будет решать, имеет компания право поднимать тарифы на свои услуги или нет.

Потом губернатора подвели слова. Объявляя об отправке торговой делегации в Тайвань и Японию, Уайт сказал журналистам, что рад поехать на Средний Восток. Оговорка стала темой очередной карикатуры Джорджа Фишера: губернатор и его приближенные сходят с трапа самолета в пустыне, вокруг них пальмы, пирамиды, арабы в халатах и верблюды. С бананом в руке губернатор осматривается и говорит: «Восхитительно! Позовите рикшу!»

Тем временем я провел несколько политических встреч за пределами Арканзаса. Еще до моего поражения на выборах губернатор штата Айдахо Джон Эванс пригласил меня выступить на банкете в честь Дня Джефферсона — Джексона. Когда я проиграл, он тем не менее настоял на моем приезде.

Кроме того, я впервые посетил Де-Мойн, штат Айова, где на семинаре демократической партии произнес речь перед сотрудниками местной администрации и руководством штата. Мой друг Сэнди Бергер пригласил меня приехать в Вашингтон на ланч с Памелой Гарриман, женой известного демократа Аверелла Гарримана, который был доверенным лицом Франклина Делано Рузвельта на встрече с Черчиллем и Сталиным, губернатором штата Нью-Йорк и представителем США в Париже на мирных переговорах с Северным Вьетнамом. Гарриман познакомился с Памелой во время Второй мировой войны. Тогда она была замужем за сыном Черчилля и жила на Даунинг-стрит, 10. Они поженились через тридцать лет, после смерти его первой жены. В свои шестьдесят с небольшим Памела была еще очень красива. Она хотела, чтобы я вошел в состав нового комитета политических действий «Демократы 80-х», который создавала для сбора средств на возвращение к власти демократической партии. После ланча я проводил Памелу, которая заметно нервничала, на съемки ее первого интервью. Я посоветовал ей успокоиться

и отвечать на вопросы так же естественно, как она говорила во время ланча. Я вошел в состав ее комитета и в следующие несколько лет часто бывал в Джорджтауне, в прекрасном доме Гарриманов, атмосфера которого пропитана политикой, а стены украшены полотнами импрессионистов. Став президентом, я назначил Памелу Гарриман послом США во Франции, где она жила после Второй мировой войны и развода с первым мужем. В этой стране Памела пользовалась большой популярностью, а ее деятельность была весьма эффективна. Она счастливо прожила в Париже до самой смерти в 1997 году.

К весне положение губернатора Арканзаса стало особенно уязвимым, и я всерьез задумался о реванше. Как-то раз я поехал в Хот-Спрингс навестить маму и на полпути из Литл-Рока свернул в Лонсдейл, чтобы заправиться и кое-что купить. Владелец магазинчика принимал активное участие в жизни городка, и мне было интересно его мнение. Он ответил вежливо, но уклончиво. По дороге к машине я столкнулся с пожилым мужчиной в рабочей униформе. «Вы случайно не Билл Клинтон?» — спросил он. Когда я кивнул в ответ и пожал ему руку, мужчина немедленно сообщил мне, как он голосовал: «Это из-за меня вы провалились на выборах. Я стоил вам одиннадцати голосов: моего, моей жены, наших двух сыновей, их жен и моих пяти друзей. Мы сровняли вас с землей». Я спросил, почему он голосовал против меня, и получил предсказуемый ответ: «Я был вынужден. Вы подняли налог на мой автомобиль». Я показал на участок шоссе неподалеку от того места, где мы стояли и разговаривали, и сказал: «Помните снежную бурю, которая обрушилась на штат, когда я только вступил в должность? Дорога в том месте оказалась разрушена, и машины застряли в образовавшейся трещине. Мне пришлось обратиться за помощью к Национальной гвардии, чтобы их вытащить. Об этом писали все газеты. Наши дороги надо было приводить в порядок». Его ответ меня поразил: «А мне какое дело? Я все равно не хочу за это платить». Несмотря на эти слова, я почему-то выпалил: «Позвольте спросить: если я снова буду баллотироваться на пост губернатора, вы проголосуете за меня?» Он улыбнулся и сказал: «Конечно. Теперь мы квиты». Я тут же позвонил Хиллари, пересказал ей наш разговор и сказал: «Думаю, мы сможем победить».

Оставшуюся часть 1981 года я провел в поездках по штату и переговорах. Демократы хотели сместить Фрэнка Уайта, и большинство моих прежних сторонников были готовы поддержать мою кандидатуру на очередных выборах. Особый интерес к моей персоне проявили два человека, страстно любившие политику и наш штат. Морису Смиту принадлежала ферма в двенадцать тысяч акров и банк в небольшом городке Бердай. Этот невысокого роста шестидесятилетний худой мужчина с угловатым лицом обладал глубоким скрипучим голосом, которым он весьма успешно пользовался. Морис был чертовски умен и очень добродушен. Он давно принимал активное участие в политической жизни Арканзаса и, как и все члены его семьи, относился к группе прогрессивных демократов. Смит не был расистом или снобом, он поддерживал мою программу строительства шоссежных дорог и реформу системы образования. Морис хотел, чтобы я снова выставил свою кандидатуру, и был готов взять на себя заботы по сбору средств

на проведение предвыборной кампании и налаживанию связей с влиятельными и уважаемыми людьми, которые еще не относились к числу моих сторонников. Самой внушительной его «добычей» оказался Джордж Келл, когда-то настолько хорошо игравший за бейсбольную команду «Детройт Тайгерс», что попал в ее Галерею славы; кроме того, он работал радиокomentатором на матчах «Тайгерс». На протяжении всей своей спортивной карьеры Келл жил в своем доме в Свифтоне, небольшом городке на северо-востоке Арканзаса. Он был местной легендой и имел много поклонников по всему штату. После того как мы познакомились, он согласился стать казначеем моей избирательной кампании.

Помощь Мориса обеспечила нам столь необходимую активную поддержку: ведь в Арканзасе еще ни одному губернатору не удавалось вторично занять должность после проигрыша на выборах, хотя сделать это пробовали многие. Но он был не просто моим сторонником. Морис стал мне другом, доверенным лицом и советчиком. Я полностью на него полагался. Он был для меня вторым отцом и старшим братом. Морис принимал участие во всех кампаниях, которые я проводил в Арканзасе, и в работе администрации губернатора. Морис любил в политике игру интересов, и потому ему прекрасно удавалось проводить мои программы в Законодательном собрании. Он знал, когда следует бороться, а когда договариваться, и избавил меня от многих ошибок, которые я совершил во время моего первого срока. К тому времени, когда я стал президентом, у Мориса ухудшилось здоровье. Как-то раз мы с ним провели счастливый вечер в гостиной на третьем этаже Белого дома, предаваясь воспоминаниям о прожитых годах.

Я больше не встречал человека, которого бы любил и уважал так, как Мориса Смита. За несколько недель до его смерти Хиллари приезжала в Арканзас навестить его в больнице. Вернувшись в Белый дом, она посмотрела на меня и сказала: «Я очень люблю этого человека». В последнюю неделю его жизни мы пару раз разговаривали по телефону. Он чувствовал, что вряд ли выйдет из больницы, и сказал: «Я хочу, чтобы ты знал: я горжусь тем, что мы с тобой сделали, и очень тебя люблю». Я еще ни разу не слышал от него таких слов.

Когда в 1998 году Морис умер, я поехал домой, чтобы произнести речь на его похоронах, хотя у меня, как у президента, было очень много обязанностей. По дороге в Арканзас я думал обо всем, что он для меня сделал. Морис был финансовым директором всех моих избирательных кампаний, распорядителем на каждой инаугурации, руководителем аппарата, членом совета попечителей университета, главой Департамента шоссежных дорог, главным защитником интересов инвалидов в Законодательном собрании (этим особенно гордилась его супруга Джейн). Но больше всего мне запомнился день после моего проигрыша на выборах в 1980 году, когда мы с Хиллари и Челси принимали гостей на лужайке перед резиденцией губернатора. Я стоял, согнувшись под тяжестью поражения. Ко мне подошел невысокий мужчина, положил руку на плечо, посмотрел в глаза и непередаваемым надтреснутым голосом сказал: «Все хорошо. Мы вернемся». Мне до сих пор не хватает Мориса Смита.

Вторым человеком, оказавшим мне поддержку, стал Л.В. «Билл» Кларк. Мы были едва знакомы, когда в 1981 году он разыскал меня и спросил, не хочу ли я вернуться на пост губернатора. Билл был крепким мужчиной, любил политические споры и прекрасно разбирался в человеческой натуре. Он родился в Фордайсе на юго-востоке Арканзаса, владел лесопилкой, на которой делались доски из белого дуба, шедшие на изготовление бочек для виски и шерри, и большую часть продукции поставлял в Испанию. Кроме того, ему принадлежала пара ресторанов «Бургер Кинг». Однажды в начале весны он пригласил меня в Хот-Спрингс на скачки в Оуклон-Парк. С момента моего поражения прошло всего несколько месяцев, и Билл был удивлен, что так мало людей заглянули к нам в ложу. Но этот холодный прием ничуть его не обескуражил, а лишь подстегнул соревновательный дух. Билл твердо решил во что бы то ни стало вернуть мне кресло губернатора. В 1981 году я не раз приезжал в его домик на озере в Хот-Спрингс, чтобы поговорить о политике и встретиться с друзьями, которых он убеждал оказать нам помощь. На тех ужинах и вечеринках я познакомился с несколькими людьми, сыгравшими главную роль в ходе избирательной кампании на юге Арканзаса. Некоторые из них никогда прежде не были моими сторонниками, но Билл Кларк сумел заручиться их поддержкой. Он много сделал для меня и в последующие одиннадцать лет: помог победить на выборах и провести в жизнь мою законодательную программу. Однако больше всего я обязан ему своей верой в себя, особенно в те моменты, когда у меня не было на это сил.

Пока я выступал на митингах, Бетси Райт активно занималась технической стороной моей кампании. Последние несколько месяцев 1981 года мы с Хиллари и Бетси советовались с Диком Моррисом о том, с чего следует начать предвыборную агитацию, и летали по его совету в Нью-Йорк к известному специалисту по политическим технологиям Тони Шварцу, редко покидавшему пределы своей квартиры на Манхэттене. Мне очень понравился Шварц и его идеи о том, как манипулировать чувствами и разумом избирателей. Я прекрасно понимал, что для победы в 1982 году, всего через два года после сокрушительного поражения, должен найти общий язык с жителями Арканзаса. Я не мог сказать избирателям, что они сделали ошибку, проголосовав против меня. С другой стороны, я не сумел бы убедить их дать мне еще один шанс, если бы мое политическое отшельничество затянулось. Именно о том, как соблюсти баланс, размышляли мы с Бетси, пока изучали списки и разрабатывали стратегии для предварительных и всеобщих выборов.

Тем временем в самом конце 1981 года я совершил две поездки, которые подготовили меня к предстоящей борьбе. По приглашению губернатора Боба Грэхема я отправился во Флориду на съезд демократической партии, проходивший в Майами раз в два года в декабре. Я обратился к делегатам со страстным призывом ответить на атаки республиканцев. Пусть мы позволили им нанести первый удар, сказал я, но, если они бьют ниже пояса, нам нужно «взять топор и отрубить им руки». Согласен, сказано слишком высокопарно, но в республиканской партии лидирующие позиции заняло

правое крыло, изменившее правила политической игры, а их лидер, президент Рейган, продолжал улыбаться и, казалось, был выше всяких интриг. Республиканцы считали, что могут бесконечно долго выигрывать предвыборные сражения с помощью словесных оскорблений. Возможно, они были правы, но я не хотел повторения ситуации, когда мы разоружались в одностороннем порядке.

Второй поездкой было паломничество, которое мы с Хиллари совершили на Святую землю в сопровождении У.О. Вота, пастора баптистской церкви «Эммануил». Я стал ее прихожанином в 1980 году по настоянию Хиллари, а потом начал петь в хоре. Я редко заходил в церковь с тех пор, как в 1964 году уехал в Джорджтаун, а за несколько лет до этого перестал петь в хоре. Хиллари знала, что я хотел бы бывать там почаще и что я восхищался У.О. Вотом, оставившим жаркие проповеди первых лет своего служения ради разъяснения пастве смысла Библии. Он верил, что Библия — это непогрешимое слово Господа, но лишь немногие понимают его подлинный смысл. Пастор Вот занимался изучением самых ранних манускриптов и часто посвящал несколько проповедей подряд одной из книг Библии или какому-то важному моменту текста, прежде чем перейти к следующему. Я с нетерпением ждал каждого воскресенья, а потом сидел в хорах, смотрел на спину д-ра Вота и читал вслед за ним по Библии, прислушиваясь к его объяснениям Ветхого и Нового заветов.

Д-р Вот начал посещать Святую землю с 1938 года, за десять лет до того, как появилось государство Израиль. Родители Хиллари приехали из Парк-Риджа, чтобы присматривать за Челси, и в декабре 1981 года мы смогли присоединиться к группе паломников, отправлявшихся в путь. Большую часть времени мы провели в Иерусалиме, прошли по следам Христа и встретились с местной христианской общиной. Мы взобрались на холм, где, по преданию, распяли Христа, и посетили небольшую пещеру, в которой Иисус был похоронен и воскрес. Потом мы дошли до Западной стены, священной для иудеев, и побывали в мусульманских святынях — мечетях Аль-Акса и «Купол скалы», откуда, по мусульманским преданиям, пророк Мухаммед вознесся на небеса, где встретился с Аллахом. Мы видели Храм Гроба Господня, Галилейское море, где Христос ходил по воде, Иерихон, один из старейших городов мира, побывали в крепости Масада, где еврейские солдаты, маккавеи, отражали долгую и яростную осаду римских войск до тех пор, пока их защита не была сломлена и они не присоединились к сонму мучеников. На вершине Масады д-р Вот рассказал нам о том, как огромные армии, возглавляемые великими полководцами, среди которых были Александр Великий и Наполеон, проходили по распростертой под нами долине, и напомнил, что в Книге откровений говорится о том, что в конце времен она будет залита кровью.

Поездка произвела на меня сильное впечатление. Я вернулся домой, укрепившись в собственной вере, преклоняясь перед Израилем и, пожалуй, совершенно по-новому понимая трудности и устремления палестинцев. Это путешествие вызвало у меня жгучее желание увидеть всех детей Авраама живущими в мире на земле, где возникли три наши религии.

Почти сразу после моего возвращения домой мама вышла замуж за Дика Келли, брокера по операциям с пищевыми продуктами, своего старого знакомого. Она больше семи лет жила одна, и я от души за нее порадовался. Дик был высоким, симпатичным мужчиной, который любил скачки не меньше, чем мама. Кроме того, ему очень нравилось путешествовать. Вдвоем они исколесили весь мир. Благодаря Дику мама не только частенько ездила в Лас-Вегас, но и раньше меня побывала в Африке. Преподобный Джон Майлз обвенчал их в доме Мардж и Билла Митчелл на озере Гамильтон, и Роджер исполнил песню Билли Джоэла «Такая, какая ты есть». Я полюбил Дика Келли и был ему особенно благодарен за то счастье, которое он принес маме и мне. Он стал одним из моих любимых партнеров по гольфу, и, хотя ему было далеко за восемьдесят, в большинстве случаев меня обыгрывал.

Однако в январе 1982 года я меньше всего думал о гольфе: пришло время начать предвыборную кампанию. Бетси чувствовала себя в Арканзасе как рыба в воде и блестяще организовала всех моих старых и новых сторонников, разочаровавшихся в губернаторе Уайте. Сначала нужно было решить серьезный вопрос о том, с чего начать. Дик Моррис предложил мне до официального объявления о выдвижении моей кандидатуры выступить на телевидении, признать все допущенные в прошлом ошибки, приведшие к поражению, и попросить дать мне второй шанс. Идея была рискованная, но не более, чем сама мысль об участии в выборах спустя всего два года после поражения. Если бы я снова проиграл, мое возвращение в политику стало бы невозможным, по крайней мере в ближайшее время.

Мы сняли мое телеобращение на студии Тони Шварца. Мне казалось, что оно будет эффективным, только если я честно признаю мои прошлые ошибки и пообещаю реализовать ту модель управления, которая получила поддержку на моих первых выборах. Мы запустили ролик 8 февраля, без всякого предварительного уведомления. Мое лицо появилось на экранах телевизоров, и я сообщил избирателям, что с момента моего поражения много путешествовал по штату и беседовал с тысячами жителей Арканзаса, которые помнили не только о моих добрых делах, но и о допущенных мною серьезных ошибках, например об увеличении налога с автовладельцев; сказал, что нам необходимы средства для ремонта наших дорог, но я был неправ, подняв налог и нанеся вред стольким людям. Затем я рассказал о том, что, когда был маленьким, «отцу никогда не приходилось ругать меня дважды за один проступок», что нашему штату необходима твердая рука для управления развитием образовательной системы и экономики — областей, в которых мне удалось добиться немалых успехов. В заключение я заверил избирателей, что, если они дадут мне еще один шанс, я буду губернатором, который на собственном горьком опыте убедился: невозможно руководить, не прислушиваясь к людям.

Мое выступление вызвало многочисленные споры, но после него многие избиратели были готовы дать мне еще один шанс. В день рождения Челси, 27 февраля, я сделал официальное заявление об участии в выборах. Хиллари подарила мне сделанную во время моего выступления фотографию, где

мы были изображены втроем, с надписью: «Второй день рождения Челси, второй шанс для Билла».

Я обещал решить три вопроса, наиболее важных для будущего штата: усовершенствовать систему образования, создать новые рабочие места и сдерживать тарифы на коммунальные услуги. Кроме того, именно по этим позициям губернатор Уайт был наиболее уязвим. Он сократил налоги с автовладельцев на 16 миллионов долларов, при этом Комиссия по вопросам обслуживания населения одобрила увеличение тарифов услуг компании Arkansas Power and Light на 227 миллионов долларов, ухудшив положение не только потребителей, но и предприятий. Экономический спад привел к сокращению рабочих мест, а доходы штата оказались столь малы, что их нельзя было использовать на нужды системы образования.

Мои обещания были восприняты благожелательно, но главной новостью того дня стало объявление Хиллари о том, что она берет мою фамилию. Теперь ее следовало называть Хиллари Родэм Клинтон. Мы обсуждали этот вопрос несколько недель подряд. Хиллари приняла такое решение под влиянием наших многочисленных друзей. По их мнению, хотя напрямую это никогда отрицательно не влияло на результаты выборов, простых граждан беспокоило, что после замужества она оставила девичью фамилию. Даже Вернон Джордан говорил с ней об этом, когда несколько месяцев назад приезжал в Литл-Рок. За прошедшие годы Вернон стал близким другом нашей семьи. Он был одним из главных правозащитников страны и человеком, на которого его друзья всегда могли положиться. Вернон был южанином, к тому же значительно старше нас с Хиллари, и поэтому прекрасно понимал важность вопроса о смене фамилии. Как ни странно, но единственным из знакомых, кто заговорил со мной об этом, оказался молодой прогрессивный адвокат из Пайн-Блаффа, мой активный сторонник. Он как-то спросил, не беспокоит ли меня то, что Хиллари оставила девичью фамилию. Я ответил, что вообще никогда не задумывался об этом, пока кто-то мне не напомнил. Он удивленно посмотрел на меня: «Быть этого не может. Я тебя знаю. Ты же настоящий мужчина, и тебя это должно задевать!» Я был поражен. Это был не первый и не последний раз, когда меня совершенно не волновало то, что казалось важным другим.

Я сразу сказал Хиллари, что решение должно быть исключительно ее собственным и вряд ли от этого будут зависеть результаты выборов. Вскоре после того как мы начали встречаться, Хиллари сказала, что еще в детстве решила после замужества оставить девичью фамилию, поскольку видела в этом символ женского равноправия. Она гордилась историей своей семьи и не хотела от нее отказываться. Я стремился удержать Хиллари и поэтому согласился. Пожалуй, эта принципиальность была одной из тех черт характера, которые я так в ней любил.

В конце концов она, со свойственной ей практичностью, приняла решение: нет смысла оставлять девичью фамилию, если это тревожит столь многих людей. Когда Хиллари сказала мне об этом, единственное, что я ей посоветовал, — объяснить общественности истинные мотивы своего поступка. В своем телеобращении искренне просил прощения за реальные

ошибки. Здесь же ситуация была несколько иной, и мне казалось, люди не поверят, что Хиллари сменила фамилию по велению сердца. В своем обращении она очень прозаично объяснила мотивы своего поступка и ясно дала понять избирателям, что сделала это исключительно ради них.

По данным опросов, по итогам предварительных выборов мы лидировали, но нам противостояла мощная оппозиция. В самом начале сильнейшим кандидатом был Джим Гай Такер, за четыре года до этого проигравший выборы в Сенат Дэвиду Прайору. С тех пор ему удалось сколотить неплохое состояние на кабельном телевидении. Он обращался к той же прогрессивной аудитории, что и я, и у него было на два года больше времени, чтобы восстановиться после поражения. Хотя работу в сельской местности мы организовали лучше, многие фермеры все еще были настроены против меня. Для них существовала альтернатива в лице третьего кандидата, Джо Перселла, скромного сдержанного мужчины, работавшего генеральным прокурором и вице-губернатором и показавшего себя с лучшей стороны на обоих постах. В отличие от меня или Джима Гая, он никогда никого не злил. Джо давно хотел занять губернаторское кресло, и хотя уже был слаб здоровьем, ему казалось, что имидж всеобщего друга и человека без амбиций обеспечит ему победу на выборах. Помимо нас зарегистрировались еще два кандидата: сенатор штата Ким Хендрен, консерватор из северо-западной части Арканзаса, и мой старый соперник Монро Шварцлозе. Для него участие в выборах губернатора было смыслом жизни.

Моя предвыборная кампания могла бы провалиться в первый же месяц, если бы я не учел опыт 1980 года и эффект от негативной телерекламы. Джим Гай Такер сразу же принялся критиковать меня за то, что в свой первый срок на посту губернатора я смягчил наказание за убийство первой степени. Он припомнил дело человека, который убил своего друга спустя несколько недель после освобождения из тюрьмы. Поскольку избиратели ничего не знали о том случае, мое публичное извинение не снимало с меня ответственности, и я стал немного проигрывать Такеру.

При рассмотрении этого дела Бюро по помилованию и условно-досрочному освобождению предложило смягчить наказание виновному по двум причинам. Во-первых, по мнению членов бюро и сотрудников администрации тюрем, обеспечивать порядок и снизить уровень насилия будет сложнее, если приговоренные к пожизненному заключению будут знать, что никогда не смогут выйти на свободу, как бы хорошо они себя ни вели. Во-вторых, у многих осужденных пожилого возраста имелись серьезные проблемы со здоровьем, и уход за ними дорого обходился казне штата. На свободе расходы на их лечение покрывались бы за счет программы «Медикэйд», финансируемой федеральным правительством.

Случай, о котором говорилось в агитационном ролике, был поистине странным. Человеку, в отношении которого я подписал приказ об условно-досрочном освобождении, было семьдесят два года, больше шестнадцати лет он отсидел за убийство. Все это время мужчина вел себя образцово, получив лишь одно дисциплинарное взыскание. Осужденный страдал от атеросклероза, и тюремные врачи говорили, что ему осталось жить не больше

года, а через шесть месяцев он, возможно, стал бы полностью нетрудоспособным, и его содержание обошлось бы слишком дорого администрации тюрьмы. Кроме того, в Арканзасе жила его сестра, которая хотела забрать брата к себе. Примерно через шесть недель после досрочного освобождения этот человек пил пиво с приятелем в грузовике другого знакомого, в кузове которого имелась стойка с ружьями. Они поссорились, мужчина выхватил ружье, застрелил приятеля и забрал всю его пенсию. После ареста и до вынесения приговора за это преступление судья отпустил беспомощного, на первый взгляд, старика к сестре, которая взяла его на поруки. Однако несколько дней спустя вместе с тридцатилетним приятелем он укатил на мотоцикле на север, доехал до Поттсвилла, маленького городка неподалеку от Расселвилла, и попытался ограбить местный банк, захав в здание через парадный вход на мотоцикле. При всем при этом старик действительно был болен, хотя врачи и ошиблись с диагнозом.

Вскоре после случившегося я приехал в Пайн-Блафф и в офисе секретаря округа встретил женщину, которая сказала, что убитый в грузовике мужчина — ее дядя. К счастью, она добавила: «Я не виню вас. Вы не могли знать, что он сделает это». Большинство избирателей не были столь снисходительны. Я пообещал, что не буду смягчать наказание за совершение убийства первой степени и потребую более активного участия потерпевших в процессе принятия решений по помилованию и условно-досрочному освобождению.

Я нанес Такеру ответный удар, следуя своему старому принципу: дай противнику ударить первым и отвечай как можно сильнее. С помощью Дэвида Уоткинса, который был директором местного рекламного агентства и к тому же уроженцем Хоупа, я записал ролик, в котором критиковал работу Джима Гая в Конгрессе. Она была откровенно слабой, поскольку Такер начал предвыборную гонку за место в Сенате вскоре после прихода в Палату представителей, и у него почти не оставалось времени на участие в голосованиях. В одном из роликов два человека, сидя за кухонным столом, рассуждали, сколько бы им платили, если бы они проводили на работе только половину необходимого времени. Аналогичными обвинениями мы с Гаем обменивались до самого конца кампании. Тем временем Джо Перселл колесил по штату в фургончике, пожимал руки избирателям и держался в стороне от рекламных баталий.

Сражение велось не только в телеэфире, но и на местах. Бетси Райт оказалась прекрасным организатором. Она была активным руководителем, и хотя порой теряла терпение, все знали, что Бетси — прекрасный, преданный работе специалист и самый трудолюбивый человек в предвыборном штабе. Мы мыслили настолько одинаково, что зачастую она догадывалась, о чем я думаю, прежде чем я успевал сказать хоть слово, и наоборот.

Мы начали предвыборную кампанию с поездки по штату с Хиллари и Челси на машине, которой управлял Джимми Джонс, наш друг и председатель предвыборного штаба, более двадцати лет проработавший государственным аудитором и сохранивший связи с главами маленьких городов. Наша стратегия заключалась в том, чтобы заручиться поддержкой Пуласки

и других крупных округов, усилить свои позиции в южной части штата, где у меня уже были неплохие шансы, сохранить расположение большинства чернокожих избирателей и перетянуть на нашу сторону одиннадцать округов северо-восточного Арканзаса, в 1980 году отдавших свои голоса за Фрэнка Уайта. Я занялся этими одиннадцатью округами с тем же рвением, с каким в 1974 году завоевывал сельские районы в Третьем округе. Я проводил встречи с избирателями в каждом, даже самом маленьком городе округа, частенько засиживаясь до ночи с моими новыми сторонниками. Эта стратегия работала и в крупных городах. Здесь с удовольствием рассматривали фотографии в газетах, на которых я здоровался с людьми в таких местах, куда другие кандидаты даже не заглядывали.

Мы с Бетси взяли на работу трех молодых афроамериканцев, чья помощь оказалась неоценимой. Родни Слейтер ушел из офиса генерального прокурора Стива Кларка, чтобы работать с нами. Уже в то время он был прекрасным оратором и использовал свое глубокое знание Библии, чтобы подкрепить соответствующими цитатами аргументы в нашу пользу. С Кэролом Уиллисом, тогда студентом юридического факультета, мы познакомились в Фейетвилле. Он был талантливым политиком, знавшим всех глав сельских районов как свои пять пальцев. Боб Нэш, работавший в департаменте экономического развития Фонда Рокфеллера, помогал нам по вечерам и в выходные дни.

Я проработал с Родни Слейтером, Кэролом Уиллисом и Бобом Нэшем еще девятнадцать лет. Они оставались со мной все время, пока я был губернатором. Когда я стал президентом, Родни работал в Федеральном управлении шоссейных дорог, был министром транспорта. Кэрол обеспечивал дружеские отношения с афроамериканцами в Национальном комитете демократической партии. Боб начинал как заместитель министра сельского хозяйства, а затем занял должность начальника отдела кадров и назначений в Белом доме. Не знаю, что бы я без них делал.

Переломным моментом в моей кампании, возможно, стала встреча с восьмьюдесятью афроамериканцами — лидерами негритянской общины Дельты, приехавшими послушать нашу с Джимом Гаем Такером беседу и решить, кого из нас поддерживать. Такер уже получил голоса членов Ассоциации образования штата Арканзас благодаря своему обещанию значительно повысить заработную плату учителям, сохранив налоги на том же уровне. Меня поддержали несколько учителей и представителей администрации, знавших, что тяжелое экономическое положение штата не позволит Такеру выполнить свое обещание, и помнивших о том, какие шаги в области образования я предпринял в мой первый срок работы губернатором. Я мог сыграть на расколе в среде учителей, но не на разногласиях среди лидеров негритянского населения Дельты. Мне было необходимо получить почти все их голоса.

Встреча проводилась в ресторане Джека Крамбли в Форест-Сити, городке в 90 милях к востоку от Литл-Рока. Ко времени моего приезда Джим Гай уже успел выступить и уехать, оставив о себе благоприятное впечатление. Было довольно поздно, я устал, но старался изо всех сил, обратив особое внимание

аудитории на то, скольких афроамериканцев я принял на работу, и на мою помощь сельским негритянским общинам, которые наконец смогли получить деньги на строительство водопроводных и канализационных систем.

После меня с речью выступил молодой адвокат из Лейквью Джимми Уилсон — главный сторонник Такера в Дельте. Джимми сказал, что я хороший человек и был неплохим руководителем, но еще ни разу в истории штата губернатор, проигравший выборы, не избирался на второй срок. По его словам, Фрэнк Уайт по отношению к чернокожим поступил ужасно и должен уйти. Уилсон напомнил всем, что Джим Гай успешно защищал гражданские права в Конгрессе и принял на работу нескольких специалистов-афроамериканцев, то есть сделал столько же добра негритянским общинам, сколько и я, и что он сможет победить. «Мне нравится губернатор Клинтон, — сказал Джимми, — но он неудачник. А мы не можем позволить себе проиграть». Это был серьезный аргумент, особенно если учесть, что ему хватило смелости высказать его в моем присутствии. Я чувствовал, что теряю поддержку аудитории.

На несколько секунд воцарилась тишина, а потом со своего места поднялся тучный человек среднего роста, одетый в джинсы и белую футболку, плотно облегающую его мощные плечи, шею и живот. Мужчина попросил внимания. Это был Джон Ли Уилсон, мэр Хэйнса, небольшого поселка с населением всего в сто пятьдесят человек. Мы были едва знакомы, и я представлял, что он собирается сказать, но никогда не забуду его слов.

«Адвокат Уилсон произнес хорошую речь, — начал он, — возможно, он прав. Возможно, губернатор — неудачник. Но я знаю, что, когда Билл Клинтон только стал губернатором, по улицам моего города текли нечистоты и мои дети болели, потому что у нас не было канализации. Никто не обращал на нас внимания. Когда он ушел с поста губернатора, мы уже имели канализацию, и наши дети были здоровы. Он сделал это для многих из нас. Позвольте задать вам вопрос: если мы не будем поддерживать тех, кто поддерживает нас, разве нас будут уважать? Возможно, он и неудачник, но, если он проиграет, я тоже потерплю неудачу, точно так же, как и вы». Это был тот редкий момент, когда слова одного человека изменили умонастроение многих людей.

К сожалению, Джон Ли Уилсон умер раньше, чем меня избрали президентом. Незадолго до окончания моего второго срока я приехал на восток Арканзаса, чтобы выступить в средней школе Эрла. Директором школы был Джек Крамбли, хозяин ресторана, в котором двадцать лет назад состоялась та судьбоносная встреча. Я впервые рассказал на публике о выступлении Джона Ли Уилсона. Мою речь транслировали по телевидению. Среди тех, кто смотрел эту передачу в своем маленьком доме в Хэйнсе, была вдова Джона Ли Уилсона. Она написала мне очень трогательное письмо, в котором были слова о том, что Джон гордился бы похвалой самого президента. Конечно же, я его хвалил. Если бы не Джон Ли, я бы составлял завещания и уведомления о разводах, а не писал эту книгу.

По мере приближения дня выборов мой рейтинг постоянно менялся, поскольку некоторые избиратели никак не могли решить, стоит ли меня

поддерживать. Это беспокоило меня до тех пор, пока однажды в кафе я не поговорил с одним человеком из Ньюарка, что на северо-востоке Арканзаса. Когда я спросил, отдаст ли он за меня свой голос, мужчина ответил: «На прошлых выборах я голосовал против, но в этот раз отдам свой голос за вас». Уже заранее зная ответ, я все же спросил, почему он голосовал против меня. «Потому что вы увеличили налог с автовладельцев». Когда же я спросил, почему он будет голосовать за меня, этот человек ответил: «Потому что вы увеличили налог с автовладельцев». Я сказал, что мне, конечно, нужен каждый голос и я не хочу его сердить, но все же неясно, почему он голосует и против, и за меня по одной и той же причине. Мужчина улыбнулся и сказал: «Ха, это же очевидно, Билл. Вы можете быть кем угодно, но одно совершенно точно: вы не идиот. Поскольку вы вряд ли поднимете этот налог еще раз, я голосую за вас». Я использовал его идею в своих агитационных выступлениях до самого окончания предвыборной кампании.

Двадцать пятого мая, набрав 42 процента голосов, я победил на предварительных выборах. Под напором моей рекламы и благодаря сплоченности наших сторонников Джим Гай Такер получил всего 23 процента. Не принимавший участия в предвыборных дебатах и обсуждениях Джо Перселл сумел получить 29 процентов голосов и выйти во второй тур, который должен был состояться через две недели. Сложилась опасная ситуация. Мы с Такером снижали рейтинги друг друга с помощью обличительных видеороликов, а наш конкурент обратился к демократам, которые не забыли о повышении налога с автовладельцев. Парселл вполне мог победить просто потому, что он — «не Клинтон». Почти десять дней я пытался заставить его выступить публично, но он благоразумно оставался в своем фургоне и пожимал руки избирателям. По результатам опроса, проведенного в четверг вечером накануне второго тура, мы с Парселлом набрали равное число голосов. Это означало, что я мог проиграть, поскольку опыт подсказывал, что не определившиеся с выбором избиратели скорее всего проголосуют против уже занимавшего эту должность кандидата, то есть против меня. Как раз незадолго до этого я запустил в эфир ролик, в котором рассказывал о несходстве наших мнений относительно того, должны ли члены Комиссии по вопросам обслуживания населения (которая определяла тарифы на электроэнергию) избираться или их должен назначать губернатор. Я выступал за изменение существующего порядка, а Джо — против. Я рассчитывал, что этот ролик даст результаты, но у меня не было в этом абсолютной уверенности.

На следующий же день мне был нанесен сокрушительный удар. Фрэнк Уайт очень хотел, чтобы второй тур выиграл Перселл. Негативный рейтинг действующего губернатора оказался гораздо выше моего, кроме того, моими преимуществами были хорошая организация и факты. Уайт же считал, что плохое здоровье Джо Перселла станет решающим фактором на всеобщих выборах и обеспечит ему второй срок. В пятницу вечером, когда я уже ничего не смог бы предпринять, Фрэнк Уайт запустил агитационный ролик, в котором критиковал меня за повышение налога с автовладельцев и призывал избирателей не забывать об этом факте. Ролик показывали в течение всех выходных, потому что Уайт уговорил своих деловых партнеров снять

с эфира свою рекламу и высвободить время для его агитации. Я не мог ему ответить раньше понедельника, когда делать что-либо было уже поздно. Сложилась спорная ситуация, и впоследствии федеральные регулятивные органы обязали радиостанции запускать в эфир рекламные ролики в ответ на обвинения, сделанные перед выходными, но мне это не помогло.

Мы с Бетси позвонили Дэвиду Уоткинсу и попросили его предоставить нам студию, чтобы я мог записать радиообращение. Мы долго работали над текстом и встретились с Дэвидом часов в одиннадцать вечера. К тому времени Бетси вызвала нескольких молодых добровольцев, которые должны были развезти запись обращения на радиостанции по всему штату и подготовить ее для трансляции в воскресное утро. В своем радиовыступлении я спрашивал избирателей, видели ли они ролик Уайта с обвинениями в мой адрес, и интересовался, почему он вмешивается в процесс предварительных выборов среди кандидатов от демократической партии. Напрашивался единственный ответ: он хотел бороться не со мной, а с Джо Перселлом, поскольку я мог бы его обойти, а Джо — нет. Я знал, что большинство избирателей на предварительных выборах демократической партии были настроены против губернатора, и им не нравилось, что ими манипулировали. Дэвид Уоткинс работал всю ночь и сделал достаточно копий записи для трансляции по всему штату. Мои помощники начали развозить кассеты по радиостанциям в четыре часа утра вместе с чеками для оплаты наилучшего эфирного времени. Радиообращение оказалось настолько эффективным, что к вечеру воскресенья рекламный ролик Уайта уже работал на меня. В понедельник мы запустили ответный видеоролик, но к тому времени битва уже была нами выиграна. На следующий день, 8 июня, я победил во втором туре, набрав 54 процента голосов против 46. Мы чуть было не проиграли. Я победил в большинстве крупных округов, а также в тех, где были большие негритянские общины, но в сельских демократических округах, где еще не забыли о повышении налога с автовладельцев, мне пришлось туго. Потребовалось еще два года, прежде чем мне удалось полностью загладить допущенную ошибку.

Осенняя кампания против Фрэнка Уайта была напряженной, но интересной. На этот раз экономическая ситуация отрицательно сказалась на его, а не на моем положении, и мне было за что его критиковать. Я припомнил ему дело о коммунальных услугах и потерянных рабочих местах и выпустил видеоролики, в которых рассказывал о своих достижениях. Уайт еще больше усилил атаки на меня, сняв ролик, в котором некий человек пытается стереть пятна с леопарда, а голос за кадром говорит, что Клинтон, подобно леопарду, никогда не изменится. Дик Моррис записал разгромный ролик, в котором требовал от Уайта ответа на вопрос, почему тот позволил коммунальным службам повысить тарифы, одновременно сократив с четырех до трех количество ежемесячных рецептов, полагавшихся пенсионерам по программе «Медикэйд». Заключительная реплика Морриса была такой: «Фрэнк Уайт благосклонен к коммунальщикам, но суров с пенсионерами». Самый забавный радиоролик мы предложили в ответ на ряд выдвинутых

против нас ложных обвинений. Диктор говорил о том, как было бы здорово, если бы в природе существовала сторожевая собака, которая бы лаяла каждый раз, когда политик говорит неправду. После этих слов раздавался собачий лай. Потом диктор зачитывал каждое обвинение, выдвинутое против меня, и собака начинала лаять прежде, чем он отвечал на него. Насколько я помню, всего собака лаяла четыре раза. После нескольких дней трансляции рабочие встречали меня добродушным «гав, гав!», когда я приезжал на предприятия во время пересменки. Уайт еще больше настроил против себя негритянские общины, заявив, что афроамериканцы проголосовали бы даже за утку, если бы ее кандидатура выставлялась от демократической партии. В итоге епископ Л.Т. Уокер из Церкви Бога во Христе сказал своей пастве, что они должны выкинуть этого «старого борова» из губернаторского кабинета.

В любой избирательной кампании есть момент, когда вы нутром чувствуете, выиграете или проиграете. В 1982 году такое произошло со мной в Мельбурне — главном городе округа Изард на севере Арканзаса. В 1980 году я проиграл здесь из-за налога с автовладельцев, несмотря на то что за его повышение голосовал член Законодательного собрания от этого округа Джон Миллер. Джон был одним из самых старших по возрасту членов Законодательного собрания и, возможно, разбирался в тонкостях управления штата лучше, чем кто-либо другой в Арканзасе. Он оказал мне большую поддержку и организовал для меня поездку на местный завод компании McDonnell Douglas, где производили детали самолетов.

Хотя рабочие были членами Объединенного профсоюза рабочих автомобильной промышленности, я все же немного нервничал, поскольку два года назад большинство из них голосовали против меня. У входа я встретился с Юной Ситтон, сотрудницей администрации и активной демократкой, которая пожала мне руку и сказала: «Билл, думаю, тебе понравится». Едва я открыл дверь, как меня почти оглушил громкий голос Вилли Нельсона, певшего мою любимую песню Стива Гудмана «Новый Орлеан». Я вошел внутрь под звуки припева: «Доброе утро, Америка, как дела? Ты узнаешь меня? Я твой родной сын». Рабочие, которые прикрепили к одежде значки с моей фотографией, приветствовали меня аплодисментами. Под музыку я прошел по проходу, пожимая им руки и с трудом сдерживая слезы. Я знал, что выборы состоялись. Мой народ принял своего родного сына.

Ближе к концу избирательной кампании я приехал в утреннюю смену на фабрику Campbell's Soup в Фейетвилле, где рабочие обрабатывали индюшек и кур для суповых наборов. Это была самая ранняя смена в Арканзасе, начинавшаяся в пять часов утра. В то холодное дождливое утро 1982 года мне пришлось пожимать людям руки в темноте. Один мужчина пошутил, что собирался голосовать за меня, но теперь подумает, прежде чем отдавать свой голос кандидату, который не придумал ничего лучше, чем заниматься агитацией в темноте под ледяным дождем.

В те предрассветные часы я многое узнал. Никогда не забуду одного мужчину, подвозившего на работу свою жену. Когда открылась дверь их

грузовичка, я увидел, что между ними сидят трое ребяташек. Мужчина сказал, что каждое утро им приходится будить детей без пятнадцати четыре. Доставив жену на работу, он отвозит детей к няне, которая провожает их в школу, поскольку ему самому надо быть на работе к семи.

В наш век средств массовой информации политик может с легкостью свести предвыборную кампанию к сбору средств, поездкам по округам, агитационным роликам и паре выступлений. Возможно, избирателям для принятия разумного решения этого будет достаточно, но сами кандидаты потеряют очень многое. Они проиграют борьбу за голоса тех, чьи мысли заняты повседневными заботами, кто старается дать своим детям самое лучшее. Во мне созрело решение: если эти люди дадут мне еще один шанс, я их не подведу.

Второго ноября они дали мне этот шанс. Я победил, набрав 55 процентов голосов, выиграв в пятидесяти шести из семидесяти пяти округов, проиграв в восемнадцати республиканских округах на западе Арканзаса и в одном на юге штата. Большинство белого сельского населения вновь поддержало меня, хотя в некоторых районах разрыв оказался невелик. Мое преимущество было незначительным и в самом большом округе — Пуласки. Я одержал полную победу в одиннадцати округах на северо-востоке Арканзаса, где мы поработали особенно эффективно. Единодушные избирателей-афроамериканцев было поразительным.

Из чернокожих лидеров мне больше всех нравилась Эмили Бауэнс, которая была мэром небольшой общины Митчелвилл на юго-востоке Арканзаса. Я помог ей во время своего первого губернаторского срока, и она сполна вернула долг: во втором туре предварительных выборов против Перселла я победил в Митчелвилле со счетом 196:8. Когда я позвонил Эмили, чтобы поблагодарить ее за полученные сто девяносто шесть голосов, она попросила прощения за потерянные восемь и пообещала: «Губернатор, я найду этих людей и к ноябрю уговорю их голосовать за вас». Второго ноября в Митчелвилле я одержал победу со счетом 256:0. Эмили убедила тех восьмерых и зарегистрировала еще пятьдесят два человека.

После выборов мне звонили люди со всей страны. Как и в 1980 году, меня поздравили Тед Кеннеди и Уолтер Мондейл. Я получил несколько замечательных писем. Одно из них совершенно неожиданно прислал генерал Джеймс Драммонд, который два года назад командовал войсками во время кубинского кризиса в Форт-Чаффи. Он писал, что рад моей победе, поскольку «хотя и может показаться, что в Форт-Чаффи мы преследовали разные цели... я восхищаюсь вашим стилем руководства, вашими принципами и вашей готовностью встать на защиту интересов жителей Арканзаса». Я тоже восхищался Драммондом, и его письмо имело для меня гораздо большее значение, чем он мог предположить.

Демократы добились успеха почти во всей стране, особенно на Юге, выиграв большую часть из тридцати шести выборов губернаторов, заняв места в Палате представителей, доставшиеся им главным образом благодаря сложной экономической ситуации в Америке. Среди вновь избранных губернаторов помимо меня были еще двое, уже занимавшие эти посты:

Джордж Уоллес из штата Алабама, попросивший из инвалидной коляски прощения у чернокожих избирателей за то, что в прошлом допускал расистские высказывания, и Майкл Дукакис из штата Массачусетс, который, как и я, проиграл на первых перевыборах, а на вторых обошел действовавшего губернатора.

Мои сторонники ликовали. После длительной кампании, имевшей историческое значение, у них были все основания для торжества. Я же, напротив, испытывал странную апатию. Я был счастлив, но не хотел радоваться своей победе. Я не винил Фрэнка Уайта за мою неудачу на прошлых выборах или за его желание остаться на второй срок: то поражение было на моей совести. Единственное, что я действительно ощущал вечером после выборов и в течение нескольких следующих дней, — это чувство глубокой благодарности к жителям моего любимого штата, давшим мне еще один шанс. Я был обязан оправдать их доверие.

Одиннадцатого января 1983 года, при самом большом скоплении людей на церемонии инаугурации в штате Арканзас за всю его историю, я во второй раз принес присягу в качестве губернатора. Благодаря поддержке людей, собравшихся на это торжественное мероприятие, я вернулся из политического небытия и оставался губернатором штата еще на протяжении десяти лет. Это был самый длительный срок моего пребывания на одном посту.

Мне предстояло выполнить свое обещание проявлять больше внимания к людям и обязательство добиться улучшения ситуации в нашем штате. Это была сложная задача, особенно важная из-за крайне тяжелого положения в экономике. Уровень безработицы в штате составлял 10,6 процента. В декабре в качестве избранного губернатора я посетил город Труманн, что на северо-востоке Арканзаса, чтобы пожать руки шестистам рабочим завода Singer, где десятилетиями производились деревянные футляры для швейных машин, в тот момент, когда они в последний раз выйдут из проходной. Этот завод, как и многие другие предприятия в последние два года, закрылся, что было тяжелым ударом для экономики округа Пойнсетт и негативно отразилось на ситуации во всем штате. У меня и сейчас перед глазами стоят лица рабочих завода Singer — лица людей, впавших в отчаяние. Они знали, что добросовестно трудились и лишились средств к существованию по не зависящим от них причинам.

Другим результатом тяжелого экономического положения стало сокращение доходов штата, вследствие чего осталось мало средств на образование и другие важнейшие сферы. Мне было ясно: для преодоления этих сложных обстоятельств необходимо, чтобы в центре внимания руководства штата и лично моего как губернатора находились проблемы образования и занятости. На достижение именно этих целей была направлена моя деятельность на протяжении следующего десятилетия. И когда моя администрация выступала с важными инициативами в сфере здравоохранения, охраны окружающей среды, реформы исправительных учреждений и в других областях, и когда она старалась назначать на важные посты больше представителей меньшинств и женщин, я всегда добивался, чтобы в центре внимания неизменно оставались школы и рабочие места. Именно они были решающим условием обеспечения перспектив, прав и возможностей для населения штата и сохранения политической поддержки, в которой я нуждался, чтобы продолжать позитивные преобразования. Во время первого срока пребывания на посту губернатора штата Арканзас я понял: если уделять всему, чем занимаешься, равное количество времени, появляется опасность, что представление общественности о твоей деятельности будет неясным и она не сможет оценить наиболее важные твои инициативы. Мой

давний друг Джордж Фрейзиер из Хоупа сказал однажды одному интервьюеру: «Я думаю, если у Билла и есть недостатки, — а они есть у всех, — так это то, что он видит, как много нужно сделать». Я так и не избавился от этого недостатка, однако на протяжении следующего десятилетия мои усилия были направлены прежде всего на решение проблем образования и создания рабочих мест, и именно этому были в первую очередь посвящены мои публичные заявления.

Бетси Райт так хорошо работала во время моей предвыборной кампании, что я несколько не сомневался: она сможет руководить работой аппарата сотрудников губернатора. В самом начале я также предложил Морису Смитту пост исполнительного секретаря, чтобы придать некоторую солидность нашей неоднородной команде и гарантировать дружественные отношения с высокопоставленными членами Законодательного собрания штата, лоббистами и закулисными политическими воротилами. У меня была сильная команда специалистов по образованию, в состав которой вошли мой бывший преподаватель всемирной истории Пол Рут и Дон Эрнст. Мой юрисконсульт Сэм Браттон, работавший со мной, когда я был генеральным прокурором штата, также специализировался на законах об образовании.

Кэрол Раско стала моим помощником по вопросам здравоохранения и гуманитарных служб. Она как никто другой подходила для этой работы, потому что у ее старшего сына Хэмпла был врожденный церебральный паралич. Кэрол отстаивала его права, в том числе и на образование, и поэтому хорошо изучила программы для инвалидов — федеральные и на уровне штата.

Я убедил Дороти Мур из Арканзас-Сити, города, расположенного далеко на юго-востоке штата Арканзас, принимать посетителей и отвечать на телефонные звонки в приемной. Когда Дороти начинала работать, ей было уже за 70, и она оставалась моей сотрудницей, пока я не ушел с поста губернатора. И, наконец, у меня появился новый секретарь. Барбара Кернс решила, что политики с нее достаточно, и осталась в фирме Wright. В начале 1983 года я взял на ее место Линду Диксон, которая помогала мне в течение десяти лет и продолжала работать в моем офисе в Арканзасе, когда я стал президентом.

Наиболее примечательным было назначение Малона Мартина на пост руководителя административно-финансового департамента, который, по понятным причинам, был важнейшим в администрации штата после должности губернатора. До этого назначения Малон был «управляющим городом» Литл-Рок, и, несомненно, очень хорошим. Он был афроамериканцем и истинным арканзасцем: например, всегда хотел, чтобы день открытия охоты на оленей совпал с его выходным. В трудные времена Мартин изобретательно решал проблемы бюджета, однако всегда очень ответственно относился к финансовым операциям. Во время одного из наших двухлетних бюджетных циклов в 1980-е годы ему пришлось в шесть раз сократить расходы, чтобы свести концы с концами. Вскоре после того, как я стал президентом, Малон вступил в длительное противоборство с раком, в котором потерпел поражение. В июне 1995 года я снова приехал в Литл-Рок, чтобы передать в пользование рабочим с низкими доходами апартаменты,

принадлежащие Малону Мартину. Через два месяца после этого Малон умер. Я никогда не работал с более талантливым государственным служащим.

Бетси заботилась о том, чтобы программа моей работы строилась иначе, чем во время первого губернаторского срока. Тогда считалось, что ко мне невозможно попасть, отчасти из-за того, что я соглашался на многочисленные выступления в дневное время в различных районах штата. Теперь я чаще находился в своем кабинете и уделял больше личного времени встречам с членами Законодательного собрания штата во время сессий, например, с большим удовольствием играл с ними в карты после рабочего дня. На места я, как правило, выезжал по просьбе кого-нибудь из моих сторонников. Участие в подобных мероприятиях вознаграждало людей, которые помогали мне раньше, укрепляло их позиции в общинах и помогало нам сохранить организационную сплоченность.

В каком бы отдаленном уголке ни проходили подобные мероприятия и как бы долго они ни продолжались, вечером я всегда возвращался домой, чтобы утром, когда проснется Челси, позавтракать с ней и Хиллари, а когда дочь подросла — проводить ее в школу. До начала кампании по выборам президента я делал это каждый день. В резиденции губернатора я распорядился поставить небольшой стол, за которым Челси могла читать или рисовать. Мне очень нравилось, когда мы работали вместе — каждый за своим столом. Если Хиллари была вынуждена отсутствовать по вечерам или ночевать вне дома в связи с делами, имеющими отношение к ее адвокатской практике, я старался быть рядом с дочерью. Когда Челси ходила в детский сад, ей и другим детям задали вопрос, как зарабатывают на жизнь их родители. Она ответила, что ее мама — юрист, а папа «говорит по телефону, пьет кофе и произносит “лечи”». Когда приходило время ложиться спать, Хиллари, Челси и я произносили у постели дочери одну-две молитвы, после чего мы обычно читали Челси книги. Если я так уставал, что засыпал во время чтения, а это случалось довольно часто, она целовала меня, чтобы разбудить. Мне это очень нравилось, и часто я просто притворялся, что заснул.

Через неделю после вступления в должность губернатора на новый срок я выступил перед членами Законодательного собрания с посланием «О положении в штате», в котором дал рекомендации по преодолению тяжелого бюджетного кризиса и призвал их принять четыре решения, которые, по моему мнению, должны были улучшить положение в экономике. Я предлагал расширить право Арканзасского агентства по развитию жилищного строительства выпускать облигации, приносящие доход, в целях активизации жилищного строительства и создания новых рабочих мест; образовать зоны предпринимательства в районах с высоким уровнем безработицы, чтобы активнее стимулировать поступление инвестиций; предоставлять налоговые льготы работодателям, создававшим новые рабочие места, и сформировать для развития научно-технического потенциала штата Научно-техническое управление Арканзаса, для чего использовать отчасти образец портовых управлений штатов Нью-Йорк и Нью-Джерси. Эти меры, впослед-

ствии утвержденные в виде законов, предшествовали аналогичным инициативам, принятым в другой экономически трудный период, когда я уже стал президентом.

Я активно призывал к проведению реформ коммунальных служб, включая введение выборных должностей членов Комиссии по вопросам обслуживания населения, однако знал, что не смогу добиться принятия решений о проведении в жизнь большинства из них, поскольку компания Arkansas Power and Light и другие коммунальные службы пользовались большим влиянием в Законодательном собрании. Вместо этого мне пришлось довольствоваться назначением членов этой комиссии, и я надеялся, что они будут защищать интересы людей и экономику штата, не доводя в то же время до банкротства коммунальные службы.

Я предложил и некоторые ограниченные усовершенствования системы образования и добился принятия соответствующих решений, в частности предусматривавших, что во всех районах должны быть детские сады, а также закона, разрешающего учащимся посещать половину занятий в школе соседнего района. Это было важно, так как в школах многих небольших районов не преподавались химия, физика, не было углубленного изучения математики и не велось преподавание иностранных языков. Я также обратился к членам Законодательного собрания штата с призывом повысить налоги на сигареты, пиво и спиртные напитки и направлять школам больше половины новых доходов, которые мы планировали получить. Это было все, что мы могли сделать, учитывая сложившееся финансовое положение и тот факт, что наша команда ожидала решения Верховного суда штата по делу о неконституционности нашей системы финансирования школ из-за неравномерного распределения средств. Если бы суд вынес решение в пользу истцов, а я надеялся, что так и будет, мне пришлось бы созвать для рассмотрения этого вопроса специальную сессию Законодательного собрания штата. Обычно такие сессии созываются на шестьдесят дней каждые два года. Хотя члены Законодательного собрания, как правило, заседают на несколько дней дольше этого срока, часто после того, как они разъезжаются, происходят события, из-за которых мне вновь приходится их собирать, а для этого требуется решение Верховного суда штата. Такая специальная сессия, как правило, проходит трудно, но она дала бы нам возможность действительно многого добиться для образования, поскольку в результате привлекла бы к этой проблеме внимание Законодательного собрания, общественности и прессы, что невозможно во время регулярных сессий, когда рассматривается много других вопросов.

В апреле Национальная комиссия по совершенствованию системы образования, назначенная тогдашним министром образования Террелом Беллом, опубликовала вызвавший шок доклад под названием «Страна в опасности». В нем отмечалось, что американские учащиеся, сдававшие девятнадцать различных международных тестов, ни разу не занимали первые или вторые места, а в семи случаях оказались последними; 23 миллиона взрослых американцев, 13 процентов всех семнадцатилетних и до 40 процентов учащихся из числа представителей национальных меньшинств

официально считаются неграмотными; средние результаты стандартизованного тестирования учеников средних школ ниже, чем двадцать шесть лет назад, когда был запущен спутник; сумма баллов, набранных в ходе основного экзамена для поступления в колледжи — теста на проверку способности к учебе, уменьшилась по сравнению с 1962 годом. Четверть всех курсов математики в колледжах была ориентирована на устранение пробелов, то есть обучение тому, что студенты должны были усвоить в средней школе или еще раньше; руководители экономических и военных структур сообщали, что им приходится тратить все больше средств на корректирующее образование; наконец, общее снижение образовательного уровня наблюдалось в момент значительного увеличения спроса на высококвалифицированных работников.

Всего за пять лет до этого доктор Керн Александер сказал, что детям лучше учиться в школах любого штата, кроме Арканзаса. Если всей стране грозила опасность, то наш штат уже находился «в реанимационном отделении». В 1983 году в 265 средних школах Арканзаса не было углубленного изучения биологии, в 217 не преподавалась физика, в 177 не учили иностранным языкам, в 164 — не существовало углубленного изучения математики, в 126 — химии. На регулярной сессии Законодательного собрания штата 1983 года я обратился к его членам с призывом санкционировать создание Комитета по стандартам образования, который должен был разработать конкретные рекомендации по новым образцам учебных программ. Я сформировал дееспособный и полностью представительный комитет и предложил Хиллари стать его председателем. Во время моего первого губернаторского срока она прекрасно справлялась с обязанностями председателя Комитета по вопросам здравоохранения в сельских районах и работала в правлении национальной Корпорации юридических услуг. Хиллари весьма успешно руководила деятельностью комитетов, она любит детей, и, назначая ее на этот пост, я наглядно демонстрировал, сколь большое значение имеет для меня образование. Ход моих рассуждений я считал убедительным, но все же это было рискованное решение, поскольку любые предложенные нами радикальные изменения могли вызвать недовольство некоторых групп, связанных общими интересами.

В мае Верховный суд штата вынес решение о неконституционности нашей программы финансирования школ. Нам пришлось выработать новую формулу оказания помощи, а затем ее финансировать. Существовало всего два варианта решения этого вопроса: забрать средства, предназначенные для финансирования школ в самых богатых и одновременно самых мелких районах, и отдать их самым бедным и наиболее быстро развивающимся или получить достаточно новых доходов, чтобы уравнивать материальное обеспечение, не нанося ущерба тем районам, финансирование которых и так было избыточным. Поскольку ни один район не хотел, чтобы его школы лишились средств, решение Верховного суда штата предоставило нам оптимальную возможность повысить налоги для финансирования образования. В июле возглавляемый Хиллари комитет провел слушания во всех округах штата, получив рекомендации от работников

системы образования и общественности. В сентябре она передала мне его доклад, и я объявил, что намерен созвать в октябре сессию Законодательного собрания, посвященную проблемам образования.

Девятнадцатого сентября я выступил по телевидению, чтобы разъяснить суть образовательной программы, убедить аудиторию в необходимости повышения на один цент налога с продаж и повышения налога на добытый природный газ в целях изыскания средств на осуществление этой программы и обратиться к жителям штата с призывом поддержать такое решение. Несмотря на то что нам удалось добиться поддержки этой программы, население штата активно возражало против повышения этих налогов; ситуацию усугубляло тяжелое положение в экономике. Во время предыдущей предвыборной кампании один человек в Нашвилле, штат Арканзас, обратился ко мне с просьбой сделать в случае победы на выборах только одно: расходовать доллары, полученные от уплаченных им налогов, так, как если бы я жил, подобно ему, на 150 долларов в неделю. Другой человек, участвовавший в строительстве нового отеля «Эксельсиор» в Литл-Роке, попросил меня помнить, что, хотя штату нужно собирать больше налогов, он работает последний день и не нашел другой должности, которую мог бы занять. Мне надо было убедить этих людей в своей правоте.

В этом выступлении я подчеркнул, что мы не сможем увеличить число рабочих мест, если не повысим уровень образования, и в качестве примера сослался на собственные усилия, которые прилагал, чтобы привлечь в штат компании, занимающиеся производством высокотехнологичной продукции. Затем я сказал, что мы не сможем добиться реальных успехов, пока «находимся на последнем месте по расходованию средств в расчете на одного ребенка, по размерам зарплаты учителей и уровню государственных и местных налогов». Нам необходимо было одновременно повысить налог с продаж и одобрить рекомендованные комитетом во главе с Хиллари «стандарты, которые, если они будут соблюдаться, станут одними из лучших в стране».

Эти стандарты предусматривали строительство детских садов; снижение максимального числа учащихся в классе (по третий класс) до двадцати человек; наличие воспитателей во всех начальных школах; единую систему тестов для всех учащихся третьих, шестых и восьмых классов с обязательным оставлением на второй год тех, кто не справился с тестом для восьмых классов; требование, чтобы все школы, где с тестами не справилось более 15 процентов учащихся, разрабатывали программы совершенствования деятельности, и смену руководства школы в случае, если уровень подготовки учащихся не повысится в течение двух лет; углубленное изучение математики, естественных наук, истории или обществознания, увеличение времени на занятия в течение учебного дня и длительности учебного года с 175 до 180 дней; предоставление особых возможностей одаренным детям и требование, чтобы учащиеся посещали школу до 16 лет. До этого ученики могли уходить из школы после восьмого класса, что многие из них и делали. Число выбывших из школ в нашем штате составляло более 30 процентов.

Наиболее спорным было мое предложение о том, чтобы в 1984 году все учителя и директора школ сдали национальный экзамен для учителей «на

основе стандартов, применяемых сейчас для выпускников колледжей». Я рекомендовал, чтобы учителям, не сдавшим этот экзамен, предоставлялась возможность посещать регулярные бесплатные занятия и сдавать этот тест столько раз, сколько это необходимо, вплоть до 1987 года, когда будут полностью внедрены новые стандарты для школ.

Я также предложил ввести ряд усовершенствований в области профессионального и высшего образования и втрое увеличить ассигнования на программу образования для взрослых, чтобы помочь людям, не завершившим обучение в средней школе, но желающим получить диплом о ее окончании.

В конце своего выступления я призвал население штата носить, как мы с Хиллари, голубые ленты, чтобы продемонстрировать поддержку этой программы и убежденность в том, что Арканзас может стать штатом «голубой ленты», находящимся в первых рядах среди штатов с лучшей системой образования. Мы подготовили ролики для радио и телевидения, в которых обратились к жителям с призывом оказать нам поддержку, распространили тысячи почтовых открыток, чтобы люди могли посылать их своим представителям в Законодательном собрании штата, и раздали тысячи голубых лент. Многие жители штата носили их каждый день до окончания сессии Законодательного собрания. Общественность начинала верить, что мы сможем сделать что-то неординарное.

Это был амбициозный проект. Лишь немногие штаты требовали тогда такой же сильной программы преподавания основных предметов, как та, которую предложил я. Ни один штат не настаивал на сдаче учащимися теста за восьмой класс перед поступлением в среднюю школу. Лишь немногие штаты добивались, чтобы учащиеся в одиннадцатом или двенадцатом классах сдавали тесты для получения диплома. Однако для меня необходимость этого была столь же очевидна, как и то, что надо закрывать дверь хлева, когда оттуда вышла корова. Я хотел, чтобы у учащихся было время наверстать упущенное. Ни один штат не требовал, чтобы в начальных школах появились воспитатели, хотя все больше детей младшего возраста приходили в школы из неблагополучных семей, имея эмоциональные проблемы, мешавшие им в учебе. Ни один штат не разрешал своему управлению по образованию менять руководство в неэффективно работающих школах. Наши предложения были гораздо более радикальными, чем содержащиеся в докладе «Страна в опасности».

Самое большое возмущение на тот момент вызвала программа тестирования учителей. Особенно негодовала Ассоциация работников просвещения штата Арканзас, обвинившая меня в стремлении унижить учителей и использовать их в качестве «козлов отпущения». Впервые в жизни меня обвинили в расизме на том основании, что этот экзамен не сможет выдержать значительный процент учителей-афроамериканцев. Циники обвинили меня и Хиллари в «игре на публику» с целью повысить свою популярность среди людей, которые, если бы не вся эта кампания, выступили бы против повышения налогов. Тест для учителей действительно служил своего рода символом их ответственности перед многими людьми, однако аргументы

в пользу его проведения были выдвинуты на слушаниях, проводившихся Комитетом по стандартам образования по всему штату. Многие выражали недовольство конкретными учителями, не знавшими предмета, который преподавали, или просто элементарно малограмотными. Одна женщина показала мне записку, которую учитель передал родителям ученика. Она состояла из двадцати двух слов, в трех из которых были орфографические ошибки. Я не сомневался в том, что большинство учителей — способные и преданные своему делу люди, и понимал, что большинство из тех, у кого были проблемы, вероятно, сами получили образование, не соответствующее надлежащему уровню, и им следует дать возможность повысить квалификацию и снова сдать этот экзамен. Однако поскольку мы намеревались повысить налоги, чтобы увеличить зарплату учителям и чтобы новые стандарты системы образования принесли пользу детям, эти педагоги должны были обладать высокой квалификацией, чтобы эффективно преподавать.

Сессия Законодательного собрания штата длилась тридцать восемь дней, и на ней предполагалось рассмотреть пятьдесят два предложенных мною законопроекта и связанные с ними вопросы, вынесенные на обсуждение самими законодателями. Хиллари блестяще выступила перед членами обеих палат, после чего член Палаты представителей от округа Йелл Ллойд Джордж сказал: «Похоже, мы выбрали губернатором не того члена семьи Клинтон!» В оппозиции находились представители трех сторон: противники повышения налогов, сельские школы, опасавшиеся, что, поскольку уровень преподавания в них не будет соответствовать стандартам, их будут объединять со школами других районов, и Ассоциация работников просвещения, угрожавшая добиться поражения на выборах любого члена Законодательного собрания, проголосовавшего в поддержку введения экзамена для учителей.

Чтобы опровергнуть аргумент, что этот экзамен унизителен для учителей, мы представили заявления нескольких преподавателей Центральной средней школы Литл-Рока, которая была, по мнению многих, лучшей в штате. В заявлении подчеркивалось, что они с радостью сдадут этот экзамен, чтобы общественность больше им доверяла. Чтобы опровергнуть утверждение о его расистском характере, я убедил группу известных священников-афроамериканцев поддержать мою позицию. Они заявили, что чернокожим детям особенно нужны хорошие учителя и что тем из них, которые не смогут сдать этот экзамен, будут предоставлены дополнительные возможности, чтобы пройти его повторно. Я также получил бесценную поддержку от доктора Ллойда Хакли — афроамериканца, ректора Арканзасского университета в Пайн-Блаффе, где обучаются преимущественно чернокожие студенты. Хакли очень успешно работал в этом университете и был членом возглавляемого Хиллари Комитета по стандартам образования. В 1980 году, когда выпускникам колледжа впервые пришлось сдавать экзамен, чтобы получить лицензию на преподавание, его не смогли сдать 42 процента студентов этого университета. К 1986 году число выпускников, успешно сдавших экзамен, значительно увеличилось. То, как доктор Хакли опекал в тот период выпускников, способствовало улучшению результатов большинства из них. Он заявлял, что успеху чернокожих студентов

препятствуют скорее низкие стандарты и невысокие ожидания, чем дискриминация. Полученные результаты доказали, что он был прав. Хакли верил в своих студентов и многого от них добился. Все наши дети нуждаются в таких работниках системы образования, как он.

К концу сессии Законодательного собрания стало казаться, что Ассоциации работников просвещения штата Арканзас, скорее всего, удастся провалить законопроект о сдаче экзамена учителями. Я разрывался между Сенатом и Палатой представителей, убеждая и договариваясь, чтобы получить голоса законодателей. В конце концов мне пришлось пригрозить, что я не допущу принятия предложенного мною же законопроекта о налоге с продаж, если одновременно не будет принят законопроект о сдаче экзамена учителями.

Это был рискованный маневр. Я мог проиграть, если бы одновременно провалились и законопроект об этом налоге, и законопроект о сдаче экзамена. Против повышения налога с продаж выступили профсоюзы, заявив, что это несправедливая мера по отношению к рабочим семьям, так как я не обеспечил соответствующего снижения налога на прибыль в качестве компенсации за налог с продаж при торговле продуктами питания. Из-за оппозиции профсоюзов некоторые либералы — члены Законодательного собрания проголосовали против решения по налогам, однако им не удалось получить большинство голосов. С самого начала образовательная программа пользовалась поддержкой многих, и к моменту голосования по налогам мы уже приняли новую формулу, были одобрены новые стандарты. Без повышения налога с продаж многие школьные округа на основе новой формулы лишились бы помощи штата, и большинству из них, чтобы соответствовать вновь принятым стандартам, пришлось бы принять решение о значительном повышении местного налога на имущество. К последнему дню сессии мы добились всего: утверждения стандартов, принятия законов о сдаче экзамена учителями и о повышении налога с продаж.

Я был совершенно измотан, но окрылен успехом, когда садился в машину, чтобы проехать 60 миль на север и выступить на ежегодном приеме, устраиваемом губернатором штата в Фэрфилд-Бэй — поселке, где живут многие представители среднего класса, вышедшие на пенсию и перебравшиеся в Арканзас с севера, потому что климат в этом штате теплее, есть четыре ярко выраженных времени года и, кроме того, здесь низкие налоги. Большинство из них, включая пенсионеров — работников системы образования, поддерживали нашу программу. Один плотник-любитель смастерил для меня макет маленькой красной школы с памятной табличкой в ознаменование моих усилий.

После того как вызванные сессией Законодательного собрания страсти улеглись, в стране в целом стали довольно позитивно отзываться о наших реформах в области образования: например, их высоко оценил тогдашний министр образования Белл. Однако Ассоциация работников просвещения штата Арканзас не сдавалась; она возбудила иск против принятия закона об экзамене для учителей. Мы с Пегги Нейборс, председателем этой ассоциации, вели оживленную полемику в шоу Фила Донахью, и это была лишь одна из нескольких таких дискуссий в национальных средствах массовой

информации. Компания, которой принадлежало право проведения национального экзамена для учителей, отказалась участвовать в тестировании уже работающих преподавателей, заявив, что его сдача помогает эффективно определить, следует ли допускать учителя к преподаванию перед началом работы, но не дает возможности установить, следует ли разрешать продолжать работу действующему преподавателю, который не смог его сдать. Поэтому нам пришлось разрабатывать совершенно новый экзамен. Когда в 1984 году он был впервые предложен учителям и директорам школ, 10 процентов не смогли его сдать. Примерно столько же экзаменуемых провалились и при последующих попытках. В конечном счете 1215 учителям, или примерно 3,5 процента от их общего числа, пришлось отказаться от преподавания. Еще 1600 человек лишились лицензии на преподавание, которой, впрочем, никогда и не имели. На выборах 1984 года Ассоциация работников просвещения штата Арканзас отказалась поддержать мою кандидатуру и кандидатуры многих наиболее активных сторонников реформы образования в Законодательном собрании штата из-за закона о тестировании учителей. В результате ее усилий потерпел поражение только один член Законодательного собрания, мой давний друг сенатор Вейда Шейд из Маунтин-Хоума, которая во время нашей первой встречи в 1974 году пришила мне пуговицу к рубашке. Члены ассоциации ходили из дома в дом, агитируя за ее соперника, Стива Луэлфа, юриста-республиканца, перебравшегося в Арканзас из Калифорнии. При этом они ничего не говорили об экзамене для учителей. К сожалению, об этом молчала и Вейда. Она совершила ошибку, характерную для многих кандидатов, занявших позицию, которую поддерживало разобщенное большинство и против которой выступало организованное и энергично действующее меньшинство. Единственный способ устоять при таких нападках — добиться того, чтобы это дело оказалось столь же важным в момент выбора в избирательной кабине как для тех, кто согласен с вами, так и для тех, кто выступает против. Вейда просто хотела, чтобы все это осталось позади. Я всегда сожалел о том, что помощь нашим детям обошлась ей столь дорого.

За следующие несколько лет жалование учителей увеличилось на 4400 долларов, что было самым стремительным ростом зарплаты в стране. Хотя Арканзас все еще оставался на 46-м месте, зарплата учителей в виде процента от дохода на душу населения в штате наконец оказалась выше среднего уровня по стране, а расходы на одного ученика в виде процента от дохода — почти на среднем общенациональном уровне. К 1987 году число наших школьных округов уменьшилось до 329, и 85 процентов округов, чтобы соответствовать новым стандартам, увеличили ставки налога на все виды собственности, что может быть сделано только на основе общенационального голосования.

Количество баллов, набранных нашими учащимися, постоянно повышалось. В 1986 году Региональный департамент образования южных штатов предложил тест для учащихся 11-х классов в пяти южных штатах. Арканзас стал единственным из них, где оценки были выше среднего уровня по стране. Когда такая же группа учащихся сдавала тест пятью годами раньше,

в 1981 году, результаты по нашему штату были ниже среднего национального уровня. Все это означало, что мы на правильном пути.

Я продолжал добиваться совершенствования системы образования в течение всего остального срока пребывания на посту губернатора, однако внедрение новых стандартов, новая система финансирования и меры по обеспечению подотчетности уже заложили основу для последующего прогресса в целом. В конечном счете я примирился с Ассоциацией работников просвещения штата Арканзас и ее руководством, и мы из года в год вместе делали все для того, чтобы наши школы и будущее наших детей стали лучше. Когда я вспоминаю, как складывалась моя политическая карьера, то понимаю, что один из моментов, которыми я больше всего горжусь, — это моя работа во время сессии Законодательного собрания штата Арканзас в 1983 году.

Летом 1983 года состоялась встреча губернаторов штатов в Портленде, штат Мэн. Мы с Хиллари и Челси прекрасно провели время с моим старым другом Бобом Райхом и его семьей. Вместе с другими губернаторами мы готовили еду к пикнику в доме вице-президента Буша в красивом городке Кеннебанкпорте на берегу океана. Трехлетняя Челси подошла к вице-президенту и сказала, что ей нужно в туалет. Он взял ее за руку и отвел туда. Челси это понравилось; на меня и Хиллари доброта Джорджа Буша тоже произвела большое впечатление. Это качество он проявит еще не раз.

Тем не менее я был недоволен действиями администрации Рейгана и приехал на встречу в штат Мэн, полный решимости что-то изменить. Администрация радикально ужесточила правила, служившие основанием для получения страховых пособий по нетрудоспособности. Так же, как это было 10 лет назад с программой для шахтеров, больных антракозом, при осуществлении этих мероприятий имели место злоупотребления, однако предложенные Рейганом меры борьбы с ними еще больше усугубили проблему. Правила были жесткими до нелепости. Один водитель грузовика из штата Арканзас, имеющий образование девять классов, в результате несчастного случая лишился руки. Ему отказали в страховом пособии по нетрудоспособности на том основании, что он может заниматься канцелярской работой, сидя за столом.

Некоторые демократы в Палате представителей, включая конгрессмена от штата Арканзас Берил Энтони, стремились добиться отмены этих правил. Берил предложила мне убедить губернаторов штатов призвать к их аннулированию. Губернаторы заинтересовались этим вопросом, поскольку многим из наших избирателей-инвалидов отказывали в таких пособиях, и ответственность за это частично возлагалась на нас. Хотя программа финансировалась федеральным правительством, ее проведением в жизнь занимались власти штатов.

Поскольку этот вопрос не был включен в повестку дня нашей встречи, мне нужно было убедить соответствующий комитет одобрить двумя третями голосов отмену этих правил, а затем добиться, чтобы его решение поддержали 75 процентов присутствовавших на встрече губернаторов. Это был вопрос, достаточно важный для Белого дома, чтобы прислать двух

заместителей министра из Министерства здравоохранения и социальных служб, задачей которых было препятствовать нашим усилиям. Губернаторы-республиканцы оказались в трудном положении. Большинство из них было согласно с тем, что эти правила необходимо изменить, и они, безусловно, не хотели публично утверждать, что они верны, но в то же время стремились поддержать позицию своего президента. Целью стратегии республиканцев было провалить наше предложение при голосовании в комитете. Я пришел к выводу, что мы можем победить с перевесом в один голос, но только в том случае, если на голосовании будут присутствовать все, кто поддерживает нашу позицию. Среди этих людей был губернатор Джордж Уоллес. После пулевого ранения во время неудавшегося покушения на его жизнь он был прикован к инвалидному креслу, и поэтому каждое утро ему приходилось вставать на час-два раньше, чтобы успеть подготовиться к рабочему дню. В то утро, когда должно было состояться голосование, Джорджу Уоллесу пришлось встать еще на два часа раньше, чем обычно, чтобы пройти болезненную процедуру сборов. Он прибыл на заседание комитета и громко произнес «да» во время голосования по нашей резолюции, а перед этим рассказал членам комитета, сколько чернокожих и белых рабочих в штате Алабама пострадали от новых правил для инвалидов. Комитет принял резолюцию, и ее одобрила Национальная ассоциация губернаторов США. После этого Конгресс отменил эти правила, и многие люди получили помощь, которая была им необходима, чтобы выжить. Возможно, этого не случилось бы, если бы в то раннее утро на заседании комитета в штате Мэн Джордж Уоллес не вернулся к популистским корням своей юности. Несмотря на инвалидное кресло, казалось, что он поднялся в полный рост.

В конце года наша семья получила приглашение от Фила и Линды Лейдер приехать на «Ренессансный уикенд»* после Нового года в Хилтон-Хед, Южная Каролина. Это мероприятие проводилось всего года два. Меньше сотни семей собрались, чтобы провести три дня, беседуя под лучами солнца обо всем на свете — от политики и экономики до религии и личной жизни. Приглашенные были разного возраста и разного социального происхождения, имели разные религиозные убеждения и принадлежали к разным расам, но всех нас объединяло то, что мы предпочитали провести свободное время за серьезными разговорами и семейными развлечениями, а не на вечеринках и футбольных матчах. Мы очень подружились на этой встрече, рассказывая о себе и узнавая о других людях такие вещи, о которых никогда не получили бы представления в обычных обстоятельствах. Мы, все трое, завели немало новых друзей, многие из которых помогали мне во время предвыборной кампании 1992 года и вошли в состав моей администрации. После этого мы бывали на «Ренессансном уикенде» почти каждый год, до новогоднего «уикенда Тысячелетия» в 1999–2000 году, когда общенациональные торжества

---

* «Ренессансный уикенд» (Renaissance Weekend) — традиционное собрание американских знаменитостей и влиятельных людей на острове Хилтон-Хед, которое проводится с 1981 года. — *Прим. пер.*

у Мемориала Линкольна потребовали нашего присутствия в Вашингтоне. После того как я стал президентом, на эти уикенды стало собираться более 1500 человек, и они в какой-то степени утратили прежнюю камерность, но, тем не менее, мне очень нравилось на них бывать.

В начале 1984 года пришло время снова добиваться переизбрания на пост губернатора. Хотя теперь президент Рейган стал гораздо популярнее и в штате Арканзас, и по всей стране, чем в 1980 году, я чувствовал себя уверенно. Население всего штата с энтузиазмом отнеслось к внедрению новых школьных стандартов, и положение в экономике несколько улучшилось. Моим главным соперником на предварительных выборах был Лонни Тернер, юрист из Озарка, вместе с которым в 1975 году, после смерти его партнера Джека Йетса, мы занимались решением проблем, связанных с антракозом у шахтеров. Лонни считал, что из-за новых школьных стандартов будут закрываться сельские школы, и очень сердился по этому поводу. Меня это огорчало как потому, что мы были старыми друзьями, так и потому, что, как мне казалось, он мог бы понять необходимость этих действий. В мае я легко одержал победу на предварительных выборах, и через несколько лет мы помирились.

В июле начальник полиции штата, полковник Томми Гудвин, обратился ко мне с просьбой принять его. Мы с Бетси Райт в удивленном молчании слушали его рассказ о том, что на видеокамеру снят момент продажи моим братом кокаина тайному агенту полиции, который, по иронии судьбы, был принят на работу в ходе кампании по активизации борьбы с распространением наркотиков в штате, к финансированию которой я призывал членов Законодательного собрания. Томми задал мне вопрос, что, по моему мнению, ему следует делать. Я спросил его, как обычно действует полиция штата в подобных случаях. Он ответил, что Роджер — не крупный делец, а просто наркоман-кокаинист, который продает наркотик, чтобы иметь возможность следовать своей привычке. Обычно в подобных случаях полиция делает еще несколько видеозаписей таких сцен, чтобы показать, что наркоман пойман с поличным, а затем угрожает длительным сроком тюремного заключения, чтобы заставить его отказаться от контактов с поставщиком. Я посоветовал Гудвину отнестись к делу Роджера точно так же, как к делу любого другого жителя штата, а затем попросил Бетси найти Хиллари. Она была в ресторане в центре города. Я заехал за ней и рассказал о том, что произошло. На протяжении следующих тяжелых шести недель обо всем этом не знал никто, кроме меня, полиции штата, Бетси, Хиллари и моего секретаря Джоан Робертс, которая, как я полагал, заслуживала полного доверия. Мне было очень тяжело видеться с мамой или говорить с ней по телефону. Глядя на себя в зеркало, я испытывал отвращение. Оказалось, что я был настолько поглощен своей жизнью и работой, что не заметил, что происходило с моим братом. В 1974 году, вскоре после поступления в колледж, Роджер создал рок-группу, пользовавшуюся достаточным успехом, чтобы музыканты могли зарабатывать себе на жизнь, играя в клубах Хот-Спрингс и Литл-Рока. Я несколько раз слушал эту группу и пришел к выводу, что благодаря своеобразному голосу Роджера и музыкальным

способностям его приятелей она действительно может добиться успеха. Брату очень нравилось этим заниматься, и хотя он несколько раз возвращался в Колледж Хендрикса, но очень быстро снова бросал занятия, чтобы продолжать выступления со своей рок-группой. Во время этой работы Роджер не спал ночи напролет, а потом долго отсыпался. В сезон скачек он ставил большие суммы на лошадей, а также заключал пари во время футбольных матчей. Я никогда не знал, сколько Роджер проиграл или выиграл, и никогда не спрашивал об этом. Когда наша семья собиралась на праздничные обеды, он всегда опаздывал, нервничал и один-два раза вставал из-за стола, чтобы позвонить по телефону. Все эти признаки свидетельствовали о том, что с ним творится что-то неладное, но я был слишком занят, чтобы их заметить.

Когда в конце концов Роджера арестовали, это стало сенсацией для штата Арканзас. Я выступил с кратким заявлением для печати, в котором подчеркнул, что люблю своего брата, но считаю, что все должно быть по закону, и призвал жителей штата молиться за мою семью и отнестись к этому с пониманием, как к личному делу моей семьи. Затем сказал брату и матери правду о том, сколько времени я знал обо всем этом. Мама была в состоянии шока, и я не был уверен, что она полностью отдавала себе отчет в том, что происходит. Роджер рассердился, хотя потом, когда он осознал, что стал наркоманом, его злость прошла. Наша семья обратилась за советом к специалистам. Я узнал, что потребность Роджера примерно в четырех граммах кокаина в день свидетельствует о тяжелой форме наркомании и что если бы он не был здоров как бык, то мог бы уже погибнуть, а также что отчасти причины его наркомании — в перенесенных в детстве психологических травмах и, возможно, в генетической предрасположенности, такой же, как у его отца.

С момента ареста и почти до самого дня появления в суде Роджер не мог признать, что он наркоман. И, наконец, однажды, когда мы вместе завтракали, я сказал ему, что, даже если бы он не был наркоманом, я бы все равно хотел, чтобы его приговорили к длительному тюремному заключению, так как он продавал отраву другим людям ради того, чтобы заработать деньги. Это почему-то до него дошло. После того как Роджер признал свою проблему, начался его долгий путь возвращения к нормальной жизни.

Этот процесс вел федеральный прокурор Аса Хатчинсон. Роджер сдал полиции своего поставщика, эмигранта, которой был еще моложе его и получал кокаин от своих родственников и друзей в округе, где он жил. Роджер признал себя виновным в нарушении двух федеральных законов перед судьей Ореном Харрисом, который до того, как начал работать в суде, был председателем Комитета по торговле Палаты представителей. Судья Харрис, которому было чуть за восемьдесят, оказался очень проницательным и исключительно мудрым человеком. Он приговорил Роджера к трем годам тюремного заключения на основании одного обвинения и к двум годам — на основании другого, а затем вынес решение об отсрочке исполнения приговора, поскольку обвиняемый сотрудничал со следствием. Роджер находился в заключении 14 месяцев, преимущественно в федеральной

тюрьме для лиц, совершивших ненасильственные преступления, что было строгим наказанием, но, возможно, это спасло ему жизнь.

Когда Роджеру вынесли приговор, мы с Хиллари и мама находились в зале суда. На меня произвело большое впечатление то, как вели это дело судья Харрис и федеральный прокурор. Аса Хатчинсон проявил себя как профессионал, был справедлив и с пониманием относился к страданиям моей семьи. Меня нисколько не удивило, что впоследствии его избрали в Конгресс от Третьего округа.

Летом того же года я возглавил делегацию Арканзаса на съезде демократической партии в Сан-Франциско, чтобы присутствовать при выдвижении кандидатами на посты президента и вице-президента Уолтера Мондейла и Джеральдин Ферраро и выступить с пятиминутной речью в память Гарри Трумэна. С самого начала мы оказались в трудном положении, и все было кончено, когда Мондейл заявил, что намерен предложить значительное повышение налогов, чтобы уменьшить дефицит бюджета. Это был очень искренний поступок, однако с таким же успехом он мог бы предложить федеральный штраф за нарушение правил стоянки. Как бы то ни было, городские власти успешно организовали этот съезд. В Сан-Франциско много приятных небольших отелей, до которых можно дойти пешком от Конференц-центра; движение хорошо организовано, поэтому там не было огромных пробок на улицах, характерных для многих городов, когда там проходят съезды. Принимавший делегацию Арканзаса доктор Ричард Санчес вкладывал значительные средства в лечение и профилактику сравнительно новой болезни — СПИДа, широко распространенной в этом городе. Я задал Ричарду вопрос об этой проблеме и о том, что можно сделать для ее решения. Тогда я впервые получил реальное представление о борьбе с этой болезнью, которой мне пришлось уделять так много внимания и впоследствии, находясь в Белом доме.

Я был вынужден покинуть Сан-Франциско раньше времени и вернуться в Арканзас, чтобы мобилизовать сектор высоких технологий на поддержку нашего штата. В конечном счете у нас ничего не вышло, однако, если бы я остался в Калифорнии, там также ничего бы не изменилось. Мы были обречены на поражение. Положение в американской экономике налаживалось, и президент заявил нам, что «в Америке снова наступило утро», а его приспешники насмехались над нами, находившимися на другой стороне, называя нас «демократами из Сан-Франциско», что было слабо завуалированным намеком на наши связи со значительной общиной гомосексуалистов в этом городе.

На выборах в ноябре Рейган победил Мондейла при соотношении 59 процентов к 41 проценту. В Арканзасе президент получил 62 процента голосов. На выборах губернатора штата, где моим соперником был обаятельный молодой предприниматель из Джонсборо Вуди Фриман, я получил 63 процента голосов.

После того как наша семья отпраздновала пятое в жизни Челси Рождество и во второй раз побывала на «Ренессансном уикенде», подошло время

новой сессии Законодательного собрания, которая на этот раз была посвящена модернизации нашей экономики.

Хотя ситуация в экономике страны улучшалась, уровень безработицы в таких штатах, как Арканзас, ориентированных на сельское хозяйство и традиционные отрасли промышленности, оставался высоким. Увеличение числа рабочих мест в Америке в 1980-е годы происходило преимущественно в сферах высоких технологий и услуг, было сконцентрировано вокруг городов и в городах, прежде всего — в штатах, находившихся на Восточном и Западном побережьях или вблизи от них. Положение в промышленных и центральных сельскохозяйственных районах все еще оставалось неблагоприятным. Это распределение было столь очевидным, что люди начали говорить об Америке как о стране с экономикой «двух побережий».

Напрашивался вывод: чтобы ускорить увеличение количества рабочих мест и рост доходов, нам необходимо перестроить нашу экономику. Комплексная программа развития, которую я представил Законодательному собранию, содержала некоторые финансовые элементы, новые для Арканзаса, однако уже существовавшие в других штатах. Я предложил расширить Агентство по жилищному строительству, преобразовав его в Управление по развитию и финансам, которое могло бы выпускать облигации для финансирования промышленных и сельскохозяйственных проектов, а также проектов малого бизнеса. Я рекомендовал, чтобы пенсионные фонды штата поставили перед собой цель инвестировать по меньшей мере 5 процентов своих активов в экономику Арканзаса. Наш штат не мог похвастать избытком капитала, перед нами не стояла проблема его вывоза, а потому имелись инвестиционные перспективы. Я рекомендовал разрешить банкам, уполномоченным администрацией штата, в течение более длительного времени сохранять за собой активы, полученные в результате потери должниками права выкупа заложенного имущества. Эта мера должна была, прежде всего, не допустить наводнения рынка сельскохозяйственными участками по демпинговым ценам в ситуации, когда спрос на рынке и так был вялым, из-за чего фермерам стало бы еще труднее держаться на плаву. Я также призвал Законодательное собрание разрешить таким банкам не только ссужать средства, но и участвовать в капитале ферм и предприятий, которые не могли больше получать займы, причем принять положение, согласно которому фермеры и сотрудники малых предприятий в течение трех лет имели право выкупить у банков их доли. К законопроекту проявили большой интерес губернаторы других сельскохозяйственных штатов, и один из них, Билл Дженклоу из Южной Дакоты, добился принятия Законодательным собранием своего штата аналогичного законопроекта.

Эти экономические предложения были новаторскими, но слишком сложными, чтобы их хорошо понимали или поддерживали многие. Однако я выступил на слушаниях в нескольких комитетах, чтобы ответить на вопросы, много занимался индивидуальным лоббированием, и Законодательное собрание приняло все эти предложения.

Через десять с лишним лет после того, как Верховный суд США вынес решение по делу «Роу против Уэйда», санкционирующее запрет на аборт

на третьем триместре беременности, наше Законодательное собрание тоже их запретило. Этот законопроект предложили сенатор Лю Хардин из Расселвилла, глубоко верующий человек, к которому я очень хорошо относился, и сенатор Билл Хенли, католик, который был братом Сюзан Макдугал. Утверждение этого законопроекта прошло без затруднений, и после того, как я подписал его, он стал законом. Через десять лет после этого, когда республиканцы в Конгрессе добивались запрещения так называемых аборт-ов с помощью искусственного стимулирования родов на поздних сроках беременности, независимо от состояния здоровья матери, я призвал их принять вместо этого федеральный закон, запрещающий аборт-ы на поздних сроках беременности, за исключением тех случаев, когда существовала угроза жизни или здоровью матери. Поскольку несколько штатов все еще не приняли законы, подобные подписанному мной в 1985 году, на основе законопроекта, который я предлагал принять, было бы запрещено больше аборт-ов, чем при запрете на подобные операции с помощью искусственного стимулирования родов, которые обычно делают, чтобы свести к минимуму ущерб для организма матери. Руководство республиканской партии отвергло мое предложение.

В дополнение к комплексу экономических законов и законопроекту об аборт-ах Законодательное собрание приняло мои предложения о создании фонда для выплаты компенсаций жертвам насильственных преступлений; об активизации наших усилий по уменьшению случаев жестокого обращения с детьми и борьбе с ним; о создании фонда для обеспечения медицинской помощью бедняков, преимущественно малоимущих беременных женщин, на которых не распространялась федеральная программа «Медикэйд»; о том, чтобы объявить день рождения Мартина Лютера Кинга-младшего праздником штата; об учреждении программы для повышения эффективности подготовки директоров школ. Я пришел к выводу, что качество работы школ зависит от эффективности руководства ею в большей степени, чем от любого другого фактора. С годами моя убежденность лишь окрепла.

Единственные реальные осложнения на сессии, которая была в основном посвящена проблеме эффективности управления и сопровождалась безобидными законодательными интермедиями, стали следствием геркулесовых попыток Ассоциации работников просвещения штата Арканзас добиться отмены закона о тестировании учителей за несколько недель до назначенной даты первой сдачи этого экзамена. Учителя предприняли хитроумный маневр, убедив члена Палаты представителей Оуда Мэддокса выступить инициатором этой отмены. Оуд пользовался большим уважением в маленьком городке Одене, где он жил и раньше работал директором школы. Мэддокс был убежденным демократом, и в 1980-е годы в зале его школы висела большая старая фотография Франклина Делано Рузвельта. Несмотря на все усилия моих сторонников, Палата представителей проголосовала за решение об отмене экзамена для учителей. Я немедленно записал ролик для радио, в котором рассказал людям о том, что произошло, и обратился к ним с просьбой звонить в Сенат и протестовать. Последовал шквал звонков, и законопроект был провален. Вместо этого Законодательное собрание

штата приняло поддержанный мною законопроект, требовавший, чтобы к 1987 году для подтверждения лицензии на преподавание этот экзамен сдали все работники системы образования, имеющие такое разрешение, а не только те, кто работал в 1985 году.

Ассоциация работников просвещения штата Арканзас заявила, что учителя будут бойкотировать этот экзамен. За неделю до того, как он должен был состояться, четыре тысячи учителей провели демонстрацию у здания Законодательного собрания штата, и выступивший на ней представитель Национальной ассоциации работников просвещения обвинил меня в том, что я «растоптал достоинство учителей средних школ и обучающихся в них детей». Через неделю после этого более 90 процентов наших учителей, общее число которых составило 27 600, пришли сдавать экзамен.

Перед самым окончанием сессии Законодательного собрания случилась последняя неприятность. Представители Управления дорог разъезжали по всему штату, убеждая его жителей в необходимости принятия новой программы строительства дорог, которая должна финансироваться за счет повышения налогов на бензин и дизельное топливо. Управление убедило в необходимости этого шага лидеров местной деловой общины и фермеров, и этот законопроект был довольно легко принят, что создало для меня проблему. Мне нравилась эта программа, и я считал, что она будет полезна для экономики штата, однако во время предвыборной кампании я дал обещание не поддерживать значительное увеличение налогов. Поэтому я наложил вето на этот законопроект и заявил его инициаторам, что не стану им препятствовать, если они будут прилагать усилия к тому, чтобы добиться его преодоления. Вето легко аннулировали, и за 12 лет это был единственный подобный случай.

В 1985 году я принимал участие и в политической деятельности в масштабах страны, подготовив в феврале ответ демократов на послание «О положении в стране» президента Рейгана. Выступление с этим посланием давало Рейгану хорошую возможность продемонстрировать ораторское искусство, и кто бы из демократов ни выступал с нашим кратким ответом, ему было трудно произвести хоть какое-то впечатление. В тот год наша партия избрала другой путь — она постаралась привлечь внимание прежде всего к новым идеям и экономическим достижениям нескольких наших губернаторов и мэров. Я также вошел во вновь созданный Совет руководства демократической партии, целью которого было подготовить платформу, способную обеспечить демократам победу на выборах, построенную на финансовой ответственности, новых творческих идеях в социальной политике и приверженности идее сильной национальной обороны.

На летней конференции губернаторов, состоявшейся в штате Айдахо, происходило необычное противоборство представителей двух партий из-за письма по вопросу сбора средств, адресованного губернаторам-республиканцам и подписанного президентом Рейганом. В этом письме содержалось несколько резких выпадов в адрес демократов за чрезмерный либерализм в политике налогообложения и расходов, что было нарушением нашего неписаного правила, в соответствии с которым конференции губернаторов должны проходить на двухпартийной основе. Демократы были так возму-

щены, что мы выступили с угрозой заблокировать избрание губернатора штата Теннесси, республиканца Ламара Александра, председателем Национальной ассоциации губернаторов США, которое в обычных обстоятельствах прошло бы без каких-либо осложнений, так как он был заместителем председателя этой ассоциации, а пост председателя ежегодно переходил от одной партии к другой. Мне нравился Ламар, и я сомневался, что он поддерживает нападки на коллег-демократов. В конце концов, он тоже добился повышения налогов, чтобы финансировать установление более высоких стандартов для учебных заведений. Я участвовал в урегулировании этого конфликта в качестве посредника, и в результате республиканцы извинились за письмо и обещали, что подобное больше не повторится, а мы проголосовали за избрание Ламара председателем. Я был избран заместителем председателя ассоциации. В 1970-е и 1980-годы мы много и успешно работали на конференциях губернаторов. В 1990-е годы, когда республиканцы составляли большинство среди губернаторов и стали больше ориентироваться на курс своей партии, прежний дух сотрудничества стал уже не столь сильным. Возможно, это было успешное политическое маневрирование, но оно препятствовало поискам эффективной политической стратегии.

По пути в Айдахо Хиллари, Челси и я провели несколько счастливых дней в Монтане, главным образом благодаря губернатору этого штата Теду Швиндену. Мы переночевали в его доме, а на рассвете Тед пригласил нас подняться на вертолете над рекой Миссури и полюбоваться пробуждением природы к новому дню.

Затем мы проехали сотню-другую миль на вездеходе, приспособленном и для езды по рельсам, по железной дороге компании Burlington Northern, и во время этой поездки пересекли ущелье глубиной в 300 футов. Мы также проехали на взятой напрокат машине по «шоссе, ведущему к солнцу», видели мартышек, карабкавшихся выше границы вечных снегов, потом провели несколько дней в Кутеней-Лодж на озере Суон. Я много путешествовал, но считаю западную Монтану одним из красивейших мест, которые когда-либо видел.

Поездки, в которые я отправлялся с политическими целями, не слишком отвлекали меня от главной задачи, которую нам предстояло решать после окончания сессии Законодательного собрания штата 1985 года, — развития экономики Арканзаса. Мне нравилось заниматься решением этой задачи и удалось многого добиться. Сначала я должен был покончить с негативными явлениями. Когда компания International Paper объявила о планах закрытия завода, действовавшего с 1920-х годов в Кэмдене, я вылетел в Нью-Йорк, чтобы встретиться с ее президентом Джоном Джорджем, и задал ему вопрос, что нужно сделать, чтобы предприятие продолжало работать. Он выдвинул пять или шесть условий, и я выполнил все, кроме одного. Когда мой друг Тернер Уитсон сообщил мне по телефону, что закрывается обувная фабрика в Кларксвилле, я обратился за помощью к Дону Манро, которому удалось добиться, чтобы во время самого тяжелого спада в 1980-е годы в Арканзасе продолжали работать шесть обувных предприятий. Я пред-

ложил ему помощь в размере одного миллиона долларов, и он приобрел эту фабрику. Рабочие узнали о том, что сохранили свои места, на собрании, организованном, чтобы помочь им получить пособия по безработице и пройти переподготовку.

Когда компания Sanyo сообщила мне, что планирует закрыть свой завод по сборке телевизоров в Форест-Сити, мы с Дейвом Харрингтоном вылетели в японский город Осаку, чтобы встретиться с Сатоси Иуэ, президентом Sanyo, огромной компании, имевшей более 100 тысяч сотрудников по всему миру. Я много лет дружил с Иуэ. После того как в 1980 году я потерпел поражение на выборах губернатора штата Арканзас, он прислал мне прекрасный образчик японской каллиграфии. Надпись гласила: «Хотя река может заставить тебя изменить направление, твердо придерживайся того, во что веришь». Я заказал для этого изречения рамку, и когда в 1982 году снова был избран на пост губернатора, оно висело у входа в нашу спальню, чтобы я видел его каждый день. Я сказал Иуэ, что мы не можем позволить себе потерять рабочие места на предприятии Sanyo в восточном Арканзасе, где в округах дельты Миссисипи уровень безработицы превышал 10 процентов. Я спросил, не откажется ли он от намерения закрыть этот завод, если магазины компании Wal-Mart будут продавать произведенные Sanyo телевизоры. Он согласился, и я вылетел в Арканзас, чтобы обратиться за помощью к Wal-Mart. В сентябре 2003 года Сатоси Иуэ прибыл на завтрак в Чаппакуа. К тому времени компания Wal-Mart купила более 20 миллионов телевизоров этой компании.

Я занимался не только спасательными операциями. Мы также добивались внедрения изобретений, финансировали вновь открытые высокотехнологичные предприятия, вовлекали университеты в процесс создания новых предприятий, организовывали успешные поездки торговых делегаций в страны Европы и Азии и поддерживали расширение таких эффективно работавших заводов, как, например, Daiwa Steel Tube Industries в Пайн-Блаффе и Dana Comrapu в Джонсборо, где производством коробок передач занимались высококвалифицированные рабочие с помощью удивительных роботов.

Нашим главным успехом было то, что мы убедили NUCOR Steel Company начать действовать на северо-востоке Арканзаса. NUCOR была высокоприбыльной компанией, производившей сталь не из руды, а путем переплавки прессованного металлолома. Зарплата рабочих состояла из небольшой суммы, составлявшей обычно более половины их дохода и выдававшейся еженедельно, и премии, размер которой зависел от прибыли. К 1992 году средний доход рабочих NUCOR в Арканзасе составлял около 50 тысяч долларов. Более того, эта компания дополнительно платила каждому работнику по полторы тысячи долларов в год на каждого из его детей, обучающихся в колледже. Один из сотрудников дал с ее помощью образование одиннадцати своим детям. NUCOR не имела собственного самолета, у нее была небольшая скромная штаб-квартира в арендованном помещении в Северной Каролине. Ее основатель, Кен Иверсон, добился колоссальной преданности сотрудников весьма старомодным способом — он ее заслужил.

В 1980-е годы, когда прибыли компании единственный раз сократились, Иверсон разослал своим сотрудникам письма, в которых извинялся за снижение их зарплаты, которое распространялось на всех, поскольку NUCOR твердо придерживалась политики, исключавшей увольнения. Дополнительные выплаты и расходы делились на всех поровну, кроме самого босса. Иверсон сказал, что в создавшейся неблагоприятной ситуации на рынке нет вины рабочих и в этих обстоятельствах ему самому следует найти выход. Он заявил своим работникам, что себе он снижает зарплату на 60 процентов, то есть в три раза больше, чем им самим. Это было серьезным отходом от сложившейся в последние два десятилетия общей практики повышения жалования руководству компаний гораздо более быстрыми темпами, чем другим сотрудникам, независимо от того, хорошо или плохо шли дела у предприятия. Излишне говорить о том, что ни у одного из сотрудников NUCOR не появилось желания уйти из этой фирмы.

Когда компания Van Heusen, занимавшаяся производством рубашек, объявила о намерении закрыть свое предприятие в Бринкли, Фаррис и Мэрилин Барроуз, которые много лет были связаны с этими рабочими и общиной, решили приобрести его и не закрывать, однако они нуждались в новых покупателях. Я обратился к Дэвиду Глассу, президенту Wal-Mart, с вопросом, не возьмется ли он продать эти рубашки, и он снова пришел на помощь. Вскоре после этого я устроил завтрак для членов руководства компании и наших специалистов по экономическому развитию, чтобы убедить представителей Wal-Mart покупать больше товаров американского производства и рекламировать эту практику, что могло бы стать одним из способов увеличения объема продаж. Кампания Wal-Mart под лозунгом «Покупайте американские товары» прошла очень успешно, и благодаря ей уменьшилось недовольство тем, что эта фирма-гигант, продававшая товары по низким ценам, вытесняет из бизнеса торговые компании из небольших городов. Хиллари очень понравилась эта программа, и она активно поддерживала ее, когда несколькими годами позже стала членом правления Wal-Mart. 55 процентов товаров, которые продавала эта весьма успешная компания, были американского производства, что на 10 процентов больше, чем у ее ближайшего конкурента. К сожалению, через несколько лет Wal-Mart отказалась от этой политики из-за своего стремления поддерживать самые низкие цены в розничной торговле, однако, пока она проводилась, мы в штате Арканзас максимально ее использовали.

Работа в области образования и экономического развития убедила меня, что и Арканзасу, и Америке в целом, если мы хотим сохранить экономическое и политическое лидерство нашей страны в мировой экономике, следует осуществить некоторые радикальные преобразования. Уровень образования наших граждан был недостаточно высок, и они не могли достичь необходимой производительности труда. С 1973 года мы стали терять свои позиции по средним доходам, а к 1980-м годам уменьшились заработки четырех работников из девяти. Положение стало недопустимым, и я был полон решимости сделать все возможное, чтобы его изменить.

Благодаря этим усилиям расширилась политическая база моей поддержки, на мою сторону перешли некоторые республиканцы и независимые консерваторы, никогда не голосовавшие за меня раньше. Хотя в течение двух из трех последних лет Арканзас входил в ведущую десятку штатов по такому показателю, как увеличение числа новых рабочих мест в процентном отношении к общей занятости, я не мог привлечь на свою сторону всех. Когда в Эль-Дорадо должен был вот-вот закрыться нефтеперерабатывающий завод, из-за чего мы могли лишиться более 300 хороших рабочих мест для членов профсоюза, я убедил предпринимателей из штата Миссисипи приобрести его и осуществлять управление им. Я знал, насколько это было важно и для семей рабочих, и для местной экономики, и с нетерпением ожидал возможности пожать им руки у проходной во время следующей предвыборной кампании. Все шло очень удачно, пока я не подошел к человеку, сердито сказавшему, что он ни в коем случае не будет за меня голосовать. На мой вопрос: «Разве вы не знаете, что я сохранил вам работу?» Он ответил: «Да, я это знаю, но вам на меня наплевать. Вы сделали это только для того, чтобы можно было брать налоги еще с одного простофили. Вот почему вы хотели, чтобы у меня была работа, — брать с меня налоги. Я не буду голосовать за вас ни за какие деньги». Невозможно добиться, чтобы вас поддерживали все.

В начале 1986 года я начал кампанию за переизбрание на пост губернатора, на этот раз — на четырехлетний срок. В 1984 году на основе волеизъявления избирателей штата впервые с момента принятия в 1874 году нашей Конституции эпохи Реконструкции была утверждена поправка о продлении с двух до четырех лет срока губернаторских полномочий. В случае победы на выборах я стал бы губернатором штата Арканзас, находившимся на этом посту самый долгий срок после Орвала Фобуса. Его срок полномочий был столь долгим благодаря Центральной средней школе Литл-Рока. Я хотел добиться этого с помощью своих программ в отношении школ и рабочих мест.

По иронии судьбы, моим главным соперником на предварительных выборах стал сам Фобус. Он все еще был обижен на меня за то, что во время моего первого губернаторского срока я не дал штату разрешения на приобретение его красивого дома «Фэй-Джоунс» в Хантсвилле. Он хотел, чтобы этот дом вместе с участком вошел в парковую систему штата и использовался для отдыха. Я знал, что у него были трудности с деньгами, но штат тоже испытывал финансовые затруднения, и я не мог оправдать подобные затраты. Фобус намеревался выступить против новых стандартов для системы образования, заявив, что из-за них происходят слияния школ и повышаются налоги в сельских районах, где не было создано новых рабочих мест, которыми я всегда гордился.

Пока я разбирался с Фобусом, своей очереди уже ждал Фрэнк Уайт. Он старался выжать из ситуации все что можно. Я знал, что эти двое будут выдвигать против меня множество обвинений. Я был уверен, что мы с Бетси Райт, Диком Моррисом и Дэвидом Уоткинсом в любом случае сможем с этим справиться, но меня тревожило, как будет реагировать Челси, когда

начнут плохо говорить об ее отце. Ей было шесть лет, она начала смотреть по телевизору новостные программы и даже читать газеты. Мы с Хиллари старались подготовить ее к тому, что могут сказать обо мне Уайт и Фобус, и к тому, как я буду на это отвечать. Затем мы несколько дней по очереди изображали то одного, то другого из этих кандидатов. Однажды Хиллари выступала в роли Фрэнка Уайта, я был Фобусом, а Челси изображала меня. Я обвинил ее в том, что, следуя своим ошибочным идеям в области образования, она уничтожила небольшие школы. Челси отпарировала: «По крайней мере, я не использую полицию штата, чтобы шпионить за своими политическими противниками, как это делаете вы!» Фобус действительно так поступал после кризиса в Центральной средней школе. Это было совсем неплохо для шестилетней девочки.

Я победил на предварительных выборах, набрав более 60 процентов голосов, однако Фобус получил треть голосов избирателей. Хотя ему было 76 лет, он все еще пользовался авторитетом в сельских районах. Фрэнк Уайт продолжил политику, проводимую Фобусом. Хотя, будучи губернатором, он называл учителей «алчными», когда они добивались повышения зарплаты, Ассоциация работников просвещения штата Арканзас поддержала его кандидатуру на предварительных выборах республиканской партии после того, как он изменил свою позицию, отказавшись от прежней поддержки тестирования учителей и выступив против него. После этого он стал нападать на меня и Хиллари.

Уайт начал с заявления, что новые стандарты для системы образования слишком обременительны и их необходимо изменить. Я отбил удар, заявив, что если он будет избран на пост губернатора, то станет бесконечно «затягивать их введение». Затем он стал нападать на Хиллари, заявив, что в ее позиции есть конфликт интересов, поскольку фирма Rose представляла штат в его борьбе против строительства атомных электростанций Grand Gulf. У нас был убедительный ответ и на это обвинение. Во-первых, фирма Rose старалась сэкономить деньги штата, избавив его от затрат на строительство электростанций Grand Gulf, а Уайт как член правления одной из компаний Middle South Utilities трижды голосовал за его продолжение. Во-вторых, Комиссия по вопросам обслуживания населения наняла фирму Rose, поскольку все другие крупные компании представляли коммунальные службы или других участников этого дела. Такое решение было одобрено и Законодательным собранием, и генеральным прокурором штата. В-третьих, деньги, которые штат платил фирме Rose, вычитались из ее прибыли до того, как рассчитывалась доля Хиллари как одного из партнеров, поэтому она ничего на этом не заработала. Уайт был, по-видимому, заинтересован скорее защищать Middle South Utilities в ее стремлении выкачивать деньги из налогоплательщиков Арканзаса, чем в том, чтобы оградить их от ситуации, когда кто-то злоупотребляет своим служебным положением. Я задал ему вопрос, означают ли его нападки на Хиллари, что он хотел бы баллотироваться не на пост губернатора, а на место первой леди. В ходе нашей избирательной кампании были изготовлены наклейки на бамперы машин и значки с надписью: «Фрэнка — на место первой леди».

Последние обвинения Уайта обернулись против него самого. В то время он работал в Stephens, Inc., которая была тогда крупнейшей инвестиционной компанией за пределами Уолл-стрит. Джек Стивенс поддержал меня, когда я впервые баллотировался на пост губернатора, однако впоследствии он стал придерживаться более правых взглядов, возглавив в 1984 году организацию «Демократы за Рейгана», а к 1986 году перешел в республиканскую партию. Его старший брат Уитт оставался демократом и поддерживал меня, однако возглавлял инвестиционную компанию Джек, и Фрэнк Уайт был его приятелем. В течение многих лет Стивенс контролировал инвестиционный бизнес в штате. Когда я значительно увеличил объем выпусков облигаций, то настаивал, чтобы мы выставили их на торги с участием федеральных фирм и предоставили большему числу арканзасских компаний возможность продавать эти ценные бумаги. Фирма Stephens получила справедливую долю, однако уже не контролировала все выпуски, как это было раньше и как стало бы снова, если бы на выборах победил Уайт. Одну из арканзасских фирм, получившую возможность заниматься этим бизнесом, возглавлял Дэн Лэсейтер, создавший в Литл-Роке успешно работавшую инвестиционную компанию, однако впоследствии лишившийся ее из-за пристрастия к кокаину. Лэсейтер был моим сторонником и другом моего брата, с которым он часто бывал на вечеринках, когда у них обоих, как и у слишком многих других молодых людей в 1980-е годы, развилась зависимость от кокаина.

Когда мы с Бетси Райт готовились к теледебатам с Уайтом, нам стало известно, что он собирается призвать меня пройти вместе с ним тест на наркотики. Якобы это было нужно, чтобы подать хороший пример, но я понимал: Уайт надеется, что я не соглашусь. Разорение Лэсейтера породило многочисленные слухи, в частности, поговаривали, что я бывал на вечеринках Дэна. Это была неправда. Мы с Бетси решили пройти тест на наркотики до эфира. Когда во время теледебатов Уайт предложил мне сделать это, я, улыбнувшись, ответил, что мы с Бетси уже прошли тест и что ему и руководителю его предвыборной кампании Даррелу Гласкоку надо последовать нашему примеру. О Гласкоке тоже ходили разные слухи. Их ловкий трюк обернулся для них неприятными последствиями.

Уайт постарался еще больше разжечь страсти, сняв самый оскорбительный рекламный ролик для телевидения, который я когда-либо видел. Сначала на экране появлялся кабинет Лэсейтера; затем в кадре оказывался поднос с кокаином, а диктор в это время говорил, что я принимал жертвования на предвыборную кампанию от негодяя-кокаиниста, а затем передал ему в руки инвестиционный бизнес штата. Это был прозрачный намек на то, что я создал для Лэсейтера самые благоприятные условия и, поступая так, по меньшей мере уже знал о его пристрастии к кокаину. Я предложил *Arkansas Gazette* изучить документы Управления финансового развития, и она поместила на первой полосе статью, в которой рассказывалось, насколько больше инвестиционных компаний стало поддерживать деловые связи со штатом с тех пор, как я стал преемником губернатора Уайта. Их число увеличилось с четырех до пятнадцати, и Стивенс все еще контролировал инвестиционные операции в объеме 700 миллионов

долларов, что более чем вдвое превышало объемы сделок всех других арканзасских фирм. Я также нанес ответный удар, сняв ролик для телевидения, в начале которого зрителям задавался вопрос, видели ли они ролик Уайта, после чего демонстрировались несколько кадров из этого ролика. Затем на экране появлялась фотография здания фирмы Stephens, Inc., и одновременно диктор говорил, что в этой компании работает Уайт, а его нападки на меня объясняются тем, что ни Стивенс, ни кто-либо другой больше не контролирует инвестиционный бизнес в штате, однако они опять смогут взять его под свой контроль, если Уайт вновь станет губернатором. Это был один из наиболее эффективных рекламных роликов, которые я когда-либо снимал, — и потому, что это был решительный ответ на удар ниже пояса, и потому, что факты говорили сами за себя.

Я был также доволен тем, что Роджер и мама не позволили себе слишком огорчаться из-за использования Уайтом в ходе его кампании проблем Роджера с наркотиками. Выйдя из тюрьмы, мой брат шесть месяцев провел в учреждении для реабилитации бывших заключенных в штате Техас, а затем перебрался на север Арканзаса, где работал у нашего друга на бензозаправочной станции быстрого обслуживания. Он собирался переехать в Нашвилл, штат Теннесси, и настолько выздоровел, что эта старая история не вывела его из равновесия. Мама была счастлива с Диком Келли и к этому времени уже понимала, что политическая деятельность — жесткая игра, в которой единственно возможный ответ на удар ниже пояса — это победа.

На выборах в ноябре я получил 64 процента голосов, в том числе 75 процентов в Литл-Роке. Меня радовало, что эта победа дала мне возможность полностью опровергнуть намеки на то, что я злоупотреблял служебным положением на посту губернатора и что ко всему этому имели какое-то отношение наркотики. Хотя я жестко вел свою кампанию, злопамятность была мне не свойственна. Со временем я стал лучше относиться к Фрэнку Уайту и его жене Гэй и с удовольствием работал вместе с ним над разными программами. У него было великолепное чувство юмора, он любил Арканзас, и когда в 2003 году Фрэнк умер, меня это очень огорчило. К счастью, я примирился и с Джеком Стивенсом.

Я воспринимал предвыборную кампанию, в ходе которой моими конкурентами были Фобус и Уайт, как борьбу с прошлым Арканзаса и с появившейся в политической жизни тенденцией к уничтожению репутации соперника. Защищая наши реформы в области образования и стимулируя наши экономические инициативы, я хотел, чтобы люди сосредоточили внимание на этих проблемах и на будущем штата. Газета *Memphis Commercial Appeal* сообщила, что «речи Клинтон по этим вопросам в ходе предвыборной кампании в равной степени напоминают семинары по экономике и призыв отдать за него голоса, и, по общему мнению большинства политических экспертов, эта стратегия срабатывает».

Я часто рассказывал о своем посещении химического завода Arkansas Eastman в сельском округе Индепенденс. Во время этой поездки принимавший меня человек говорил о том, что все оборудование, предотвращающее загрязнение окружающей среды, управляется компьютерами, и хотел, что-

бы я познакомился с одним из их сотрудников. Он так превозносил этого парня, что к моменту моего прихода в компьютерный центр я ожидал встретить человека, сочетавшего в себе черты Альберта Эйнштейна и Волшебника страны Оз. Однако оказалось, что парень, работающий на компьютерах, носит джинсы с поясом, украшенным большой серебряной пряжкой, как у участника родео, ковбойские сапоги и бейсболку, слушает музыку в стиле кантри и жует табак. Он начал с того, что сказал мне: «Мы с женой собираемся голосовать за вас, потому что нам нужно, чтобы было больше таких рабочих мест». Этот малый, истинный арканзасец, выращивал скот и разводил лошадей, но понимал, что его благополучие больше зависит от знаний, чем от того, что он может делать руками. Он понимал, каким должно быть будущее, и хотел занять в нем достойное место.

В августе, когда в Хилтон-Хеде, Южная Каролина, состоялась конференция Национальной ассоциации губернаторов США, я стал ее председателем и отпраздновал свой сороковой день рождения. Я уже согласился возглавить Комиссию штатов по образованию, которая обобщала лучшие идеи и практические методы в области образования и занималась их распространением по всей стране. Ламар Александер также назначил меня сопредседателем целевой группы губернаторов от демократической партии, занимавшейся реформой системы социального обеспечения, которая должна была в сотрудничестве с Белым домом и Конгрессом разработать такие предложения по улучшению системы социального обеспечения, чтобы они способствовали большей занятости, укреплению семей и удовлетворению основных потребностей детей. Хотя в 1985 году я добился увеличения скудных ежемесячных социальных субсидий в штате Арканзас, мне хотелось, чтобы социальное обеспечение было только промежуточной станцией на пути к материальной независимости его жителей.

Я с радостью взял на себя эти новые обязанности. Я был одновременно «политическим животным» и человеком, заикленным на политике, постоянно стремившимся встречаться с новыми людьми и изучать новые идеи. Я полагал, что эта работа позволит мне лучше выполнять обязанности губернатора, установить новые контакты на уровне страны, лучше понять ситуацию в формировавшейся мировой экономике и то, как Америке следует решать стоящие перед ней задачи.

В конце 1986 года я совершил краткую поездку на Тайвань, чтобы выступить на Десятой ежегодной конференции тайваньских и американских руководителей, посвященной развитию отношений между нашими странами. Тайваньцы покупали арканзасскую сою и многие из наших промышленных товаров — от электромоторов до парковочных счетчиков. Однако Америка имела большой дефицит торгового баланса, который продолжал расти, и в предыдущие пять лет у четырех из десяти американских рабочих снизились доходы. Выступая от имени всех губернаторов, я признал ответственность Америки за сокращение нашего дефицита, необходимого, чтобы снизить процентные ставки и увеличить спрос внутри страны, за реструктуризацию и уменьшение долга наших латиноамериканских соседей, смягчение контроля над экспортом высокотехнологичной

продукции и повышение уровня образования и производительности труда наших рабочих. Затем я призвал тайваньцев снизить барьеры для торговли и активнее вкладывать в экономику Америки свои колоссальные денежные резервы. Это было мое первое выступление перед иностранной аудиторией, посвященное проблемам мировой экономики. В нем я должен был четко определить, что, по моему мнению, следует делать и кто должен это делать.

К концу 1986 года у меня сложились основные представления о характере современного мира, развившиеся впоследствии в так называемую философию «новых демократов», которая стала основой моей кампании 1992 года по избранию на пост президента. Я изложил их в речи на состоявшейся в конце года встрече руководства издательства Gannett, которое недавно приобрело *Arkansas Gazette*.

...Вот новые правила, которые, как мне кажется, должны стать основой нашей политики сегодня:

1. Единственным постоянным фактором в экономике сегодняшней Америки должны стать перемены. Примерно три месяца назад я присутствовал на праздновании 150-й годовщины одной старой сельской церкви. В эту небольшую деревянную церковку набилось около 75 человек. После службы мы вышли, чтобы позавтракать под соснами, и я завязал разговор со стариком, который, безусловно, был очень умен. В конце концов я задал ему вопрос: «Мистер, сколько вам лет?» Он ответил: «Мне восемьдесят два». «Когда вы начали посещать эту церковь?» «В 1916 году», — сказал он. «Не могли бы вы определить в одном предложении, что изменилось в нашем штате по сравнению с 1916 годом?» Он помолчал, а потом произнес: «Губернатор, это очень просто. В 1916 году, просыпаясь утром, я знал, что будет дальше, а сейчас, просыпаясь по утрам, я не имею об этом ни малейшего представления». Такое прекрасное объяснение в одном предложении того, что произошло в Америке, достойно самого Лестера Тароу...

2. Человеческий капитал имеет сейчас гораздо большее значение, чем физический...

3. Более конструктивное партнерство между бизнесом и правительством гораздо важнее, нежели главенствующая роль первого или второго.

4. В то время как мы решаем проблемы, возникающие вследствие интернационализации жизни в Америке и изменения нашего населения, сотрудничество во всех областях гораздо важнее, чем конфликты... Нам следует разделять ответственность и возможности: мы либо сообщаем победим, либо вместе проиграем.

5. Нужно избавиться от расточительности... Мне кажется, мы расходует миллиарды долларов, увеличивая долги корпораций, но не повышая при этом их производительности. Увеличение долгов должно одновременно означать увеличение производительности, темпов роста и прибыльности. Однако сейчас оно слишком часто означает

уменьшение занятости, инвестиций на научные исследования и опытно-конструкторские разработки и вынужденную реструктуризацию для обслуживания непродуктивного долга...

6. Для того чтобы Америка стала сильной, необходимо возродить чувство общины, ясное представление о взаимных обязательствах и убежденность, что мы не можем преследовать свои индивидуальные интересы, забывая о потребностях наших сограждан...

Если мы хотим сохранить американскую мечту для нашего народа и роль Америки в мире, нам следует признать новые правила успешной экономической, политической и общественной жизни и действовать в соответствии с ними.

В течение последующих пяти лет я углублял свое представление о глобализации и взаимозависимости и предлагал новые инициативы в ответ на эти тенденции, стараясь оптимально уравнивать свое стремление быть хорошим губернатором и оказывать позитивное влияние на политику страны.

В 1987 году предложенная мной повестка дня сессии Законодательного собрания под лозунгом «Хорошие начала, хорошие школы, хорошие рабочие места» отражала суть работы, которой я занимался в Национальной ассоциации губернаторов США на основе девиза: «Добиваясь эффективности в Америке». В дополнение к рекомендациям, предложенным на основе предпринимавшихся нами усилий в области образования и экономического развития, я призвал Законодательное собрание помочь мне сделать все, чтобы обеспечить большему числу детей из бедных семей хорошие стартовые условия в жизни. Я предложил расширить медицинское обслуживание малоимущих матерей и их детей, начиная с пренатального наблюдения, чтобы снизить уровень детской смертности и уменьшить ущерб, причиняемый здоровью новорожденных, которого можно избежать; повысить уровень информированности матерей, чьи дети входят в группу риска; предоставлять возможность школьникам, испытывающим трудности с учебой, уже в раннем детстве получать более специализированное образование; расширить сеть дошкольных детских учреждений и усилить меры по обеспечению выплаты пособий на детей.

Большую часть сведений о развитии в раннем детстве и его значении в последующей жизни я получил от Хиллари. Сколько я ее знал, она всегда интересовалась этим вопросом, и на четвертом году обучения в Йеле занималась проблемами, связанными с детьми, в Центре изучения ребенка при Йельском университете и в больнице Йельского университета в Нью-Хейвене. Она активно работала, стремясь внедрить в Арканзасе израильские новаторские программы дошкольного обучения под названием «Программы домашнего обучения для дошкольников», которые содействуют как формированию правильных представлений о воспитании детей, так и развитию их способности учиться. Хиллари учредила такие программы по всему штату. Нам нравилось присутствовать на занятиях, наблюдая, как дети демонстрируют свои возможности, а родители гордятся своими малышами

и собой. Благодаря работе Хиллари в Арканзасе такой программой было охвачено 2400 матерей, дети которых добились поразительных успехов.

Главной целью моих усилий в области экономического развития было увеличить инвестиции и расширить возможности для бедных людей и бедных районов, большинство которых находилось в сельских округах Арканзаса. Самым важным было предложение об увеличении размеров капитала, предоставляемого людям, способным управлять небольшими прибыльными предприятиями, но не имевшим возможности получить заем, чтобы начать свою деятельность. Например, South Shore Development Bank в Чикаго оказал безработным плотникам и электрикам содействие в устройстве на работу в южном районе города, где они занялись обновлением брошенных зданий, которые иначе были бы обречены на снос. В результате нормализовалось положение во всем районе.

Я знал об этом банке, поскольку одна из его сотрудниц, Джан Пирси, была одной из лучших подруг Хиллари в Уэллсли. Джан рассказала нам, что South Shore увлекся идеей финансирования квалифицированных, но некредитоспособных по обычным меркам ремесленников вслед за Grameen Bank в Бангладеш, основанным Мухаммадом Юнусом, который изучал экономику в Университете Вандербилта, а затем отправился на родину, чтобы помочь своему народу. Однажды утром я пригласил его на завтрак в Вашингтоне, и он объяснил, как работает его программа «микрокредитов». Деревенские женщины, не располагающие средствами, однако владеющие профессией и имеющие хорошую репутацию, организуются в группы. Когда первая заемщица выплачивает весь долг, кредит получает следующая по очереди, и так далее. Когда я впервые встретился с Юнусом, Grameen Bank уже предоставил сотни тысяч займов, причем процент их погашения был выше, чем у других ссудодателей в Бангладеш. К 2002 году Grameen Bank предоставил займы более чем 2,4 миллиона человек, 95 процентов которых составляли женщины.

Я подумал, что если эта идея сработала в Чикаго, то она даст результат и в экономически отсталых сельских районах Арканзаса. Как сказал Юнус в интервью, «повсюду, где банковская система отказывает кому-то в предоставлении займа, появляются условия для внедрения программы по образцу осуществляемой Grameen Bank». Мы учредили Southern Development Bank Corporation в Аркаделфии. Часть первоначального капитала предоставило Управление финансового развития, однако большая доля средств поступила от корпораций, к которым мы с Хиллари обратились с просьбой об инвестициях.

Когда я стал президентом, то добился, чтобы Конгресс поддержал национальную программу предоставления займов, аналогичную использовавшейся Grameen Bank, и на одном мероприятии в Белом доме рассказал о некоторых наших успехах. Агентство международного развития США финансировало также два миллиона микрокредитов в год, предоставлявшихся жителям бедных деревень в Африке, Латинской Америке и Восточной Азии. Во время поездки в Южную Азию в 1999 году я навестил Мухаммада Юнуса и встретился с некоторыми людьми, создавшими благодаря ему свои предприятия, включая женщин, использовавших эти займы для покупки

сотовых телефонов, которые они за деньги предоставляли в пользование своим соседям, чтобы те могли позвонить родственникам и друзьям в Америке и Европе. Мухаммаду Юнусу следовало бы много лет назад дать Нобелевскую премию в области экономики.

Большое значение имела для меня и реформа системы социального обеспечения. Я призвал Законодательное собрание штата рекомендовать людям, получавшим помощь в рамках этой системы и имевшим детей в возрасте трех и более лет, подписать контракты, обязывающие их стремиться к материальной независимости на основе грамотности, обучения профессиям и получения работы. В феврале я вместе с губернаторами нескольких других штатов отправился в Вашингтон, чтобы в Бюджетном комитете Палаты представителей выступить на слушаниях, посвященных проблеме занятости и реформе системы социального обеспечения. Мы обратились к Конгрессу с призывом предоставить в наше распоряжение инструменты, которые позволили бы «стимулировать занятость, а не систему социального обеспечения, материальную независимость, а не зависимость». Мы заявили, что следует больше делать для того, чтобы у людей не было необходимости пользоваться социальными пособиями, в частности снижать уровень неграмотности среди взрослых, проводить компании по предотвращению подростковой беременности, добиваться уменьшения процента детей, бросающих школу, и бороться с распространением наркотиков. Что касается реформы системы социального обеспечения, то мы выступили за заключение обязательного для соблюдения контракта, в котором были бы изложены права и обязанности обеих сторон — тех, кто получает помощь в рамках этой системы, и правительства. Первые должны были в обмен на предоставление пособий дать обязательство стремиться к материальной независимости, а правительству надлежало оказывать им помощь в получении образования и профессиональном обучении, медицинском обслуживании, обеспечении детскими садами и яслями и в устройстве на работу. Мы также обратились с призывом, чтобы все лица, получающие помощь в рамках системы социального обеспечения и имеющие детей в возрасте трех лет и старше, участвовали в разработанной штатами рабочей программе; чтобы к каждому человеку, охваченному этой системой, был прикреплен социальный работник, обязанный оказывать ему помощь в успешном переходе на самообеспечение; чтобы были активизированы усилия по выплате пособий на детей и выработана новая формула оказания помощи в соответствии со стоимостью жизни в каждом штате. Федеральный закон позволял штатам устанавливать уровень ежемесячных выплат по своему усмотрению при условии, что он будет не ниже, чем в начале 1970-х годов, а он был именно таким во всех штатах.

Я достаточно много разговаривал с теми, кто получал социальные пособия, и с социальными работниками, чтобы знать: подавляющее большинство этих людей хочет работать и самостоятельно обеспечивать свои семьи. Однако помимо очевидных трудностей — низкой квалификации, отсутствия опыта работы и неспособности платить за детский сад и ясли — они сталкивались с другими серьезнейшими препятствиями. У многих людей, с которыми я встречался, не было машины, и они не имели возможности

пользоваться общественным транспортом. Если бы они поступили даже на низкооплачиваемую работу, то потеряли бы право на получение талонов для приобретения продуктов по льготным ценам и на оплату расходов на лечение на основе программы «Медикэйд». И, наконец, многие из них считали, что не смогут добиться успеха на рынке труда, и не имели ни малейшего представления, с чего начать.

На одной из конференций губернаторов, состоявшейся в Вашингтоне, мы с сопредседателем Комитета по реформе системы социального обеспечения, губернатором штата Делавэр Майком Каслом, организовали встречу, посвященную реформе этой системы, для других участников совещания. Я пригласил двух отказавшихся от социальных пособий и начавших работать женщин из Арканзаса, чтобы они рассказали о себе. Одна из них, молодая жительница Пайн-Блаффа, до этого никогда не летала на самолете и не пользовалась эскалатором. Она сдержанно, но убедительно рассказала о желании бедных людей самостоятельно обеспечивать себя и своих детей. Другой женщине было лет 35–39. Ее звали Лилли Хардин, и она недавно нашла работу повара. Я спросил, следует ли, по ее мнению, заставлять трудоспособных людей, получающих социальные пособия, работать, если для них есть рабочие места. «Я убеждена, что следует, — ответила она. — Иначе мы целыми днями будем лежать и смотреть “мыльные оперы”». Затем я спросил Лилли, какие чувства она испытывала, отказавшись от социального пособия. Она сразу же ответила: «Когда моего сына спрашивают в школе, как его мама зарабатывает на жизнь, он может не стыдяться ответить на этот вопрос». Это был самый убедительный аргумент в пользу реформы системы социального обеспечения, который я когда-либо слышал. После слушаний губернаторы обращались с этой женщиной так, словно она была рок-звездой.

Когда я занимался реформой системы социального обеспечения, уже будучи президентом, меня всегда забавляло, что некоторые журналисты называли ее проблемой, волнующей республиканцев, как будто только консерваторы делали что-то стоящее. К 1996 году, когда Конгресс принял законопроект, который я мог подписать, я работал над реформой системы социального обеспечения уже более 15 лет, однако не считал ее проблемой демократов или даже проблемой губернаторов. Реформа системы социального обеспечения была нужна Лилли Хардин и ее сыну.

Благодаря продлению срока полномочий губернатора до четырех лет, а также преданности и способностям моих сотрудников и членов кабинета, хорошим рабочим отношениям с Законодательным собранием и сильной политической организации у меня появилась возможность выйти на общенациональную политическую арену.

Поскольку, работая над совершенствованием системы образования, улучшением положения в экономике и реформой системы социального обеспечения и будучи председателем Национальной ассоциации губернаторов США и Комиссии штатов по образованию, я приобрел известность, то в 1987 году получил множество приглашений выступить за пределами Арканзаса. Я принял более двух десятков предложений о выступлениях в пятнадцати штатах, и всего в четырех случаях это были мероприятия демократической партии. Однако все эти выступления способствовали расширению моих контактов, и в результате усилились предположения, что я, возможно, приму участие в борьбе за пост президента.

Хотя весной 1987 года мне было всего сорок лет, я был заинтересован в участии в этой борьбе по трем причинам. Во-первых, у демократов появился отличный шанс снова прийти в Белый дом. Выдвижение кандидатом от республиканской партии вице-президента Буша казалось очевидным, однако до этого единственным вице-президентом, занявшим президентский пост, был Мартин Ван Бурен, ставший в 1836 году преемником Эндрю Джексона в результате выборов, на которых у кандидата от демократической партии не было достойного соперника. Во-вторых, я был убежден, что стране следует изменить курс. Наш экономический рост обеспечивался прежде всего значительным увеличением военных расходов и существенным снижением налогов, что приносило несоразмерную выгоду самым богатым американцам и способствовало увеличению бюджетного дефицита. Значительный дефицит бюджета приводил к росту процентных ставок, в то время как правительство соперничало с частными заемщиками за получение средств, а это, в свою очередь, способствовало повышению курса доллара, из-за которого импорт становился более дешевым, а американский экспорт — более дорогим. Несмотря на то что производительность труда и конкурентоспособность американцев стали повышаться, мы все еще теряли рабочие места в обрабатывающей промышленности и на фермах. Более того, из-за дефицита бюджета мы не инвестировали достаточно средств в образование, профессиональное обучение и научные исследования, что, с учетом ситуации в мировой экономике, необходимо было делать для сохранения высокой заработной платы и низкого уровня безработицы. Вот почему с середины 1970-х годов снизились реальные доходы 40 процентов американцев.

Третьей причиной, по которой я всерьез рассматривал возможность участия в этой кампании, было то, что я понимал, что происходит, и мог объяснить это американскому народу. И поскольку всем было известно о моей борьбе с преступностью, о работе над реформой системы социального обеспечения, об усилиях с целью гарантировать подотчетность и финансовую ответственность в сфере образования, я считал, что республиканцам едва ли удастся представить меня как ультралиберального демократа, не поддерживающего основные ценности и полагающего, что государственные программы существуют для решения любой проблемы. Я был убежден: если нам удастся не допустить, чтобы республиканцы снова представили нас «чужаками», что они делали с 1968 года, не считая победы президента Картера в 1976 году, то мы снова сможем прийти в Белый дом.

Это была трудная задача, ибо добиться, чтобы люди изменили свои политические представления, нелегко, однако я полагал, что мне это, возможно, удастся. Так же считали некоторые другие мои коллеги-губернаторы. Весной, приехав на автогонки «Индианаполис-500», я встретился с губернатором штата Небраска Бобом Керри. Мне очень нравился Боб; я считал, что он тоже мог бы стать хорошим кандидатом на пост президента. Награжденный Почетной медалью Конгресса во время войны во Вьетнаме, Боб, как и я, был консерватором в вопросах финансовой политики и занимал прогрессивные позиции в общественной жизни. Его избрали на пост губернатора в штате, где республиканцев поддерживало гораздо больше людей, чем в Арканзасе. К моему удивлению, Боб призвал меня баллотироваться и сказал, что, если я приму такое решение, он будет руководить моей предвыборной кампанией в штатах Среднего Запада.

Для того чтобы добиваться выдвижения моей кандидатуры на пост президента, существовало одно препятствие в самом Арканзасе: возможность участия в президентской гонке всерьез рассматривал Дейл Бамперс. Я убеждал его баллотироваться с конца 1974 года. Он почти согласился в 1984 году, и на этот раз у него были отличные шансы на победу. Во время Второй мировой войны Дейл служил в морской пехоте. Бамперс был отличным губернатором и лучшим оратором в Сенате. Я знал, что он будет хорошим президентом и что у него больше шансов победить, чем у меня. Я был бы рад поддержать его, так как хотел, чтобы наша партия победила и изменила курс страны.

Двадцатого марта, когда я совершал пробежку трусцой по Мейн-стрит в Литл-Роке, меня догнал местный журналист, сообщивший, что сенатор Бамперс только что выступил с заявлением, в котором подчеркнул, что не будет баллотироваться на пост президента, — просто потому, что этого не хочет. Несколькими неделями ранее такое же решение принял губернатор штата Нью-Йорк Марио Куомо. Я сказал Хиллари и Бетси, что хочу серьезно подумать над возможностью участия в президентских выборах.

Мы собрали некоторую сумму денег, и Бетси направила людей для подготовительной работы в Айову, Нью-Хэмпшир и ряд южных штатов, кото-

рые в «супервторник»* 1988 года, вскоре после первичных выборов в Нью-Хэмпшире, должны были голосовать единым блоком. 7 мая победа на первичных выборах показалась мне еще более вероятной, когда сенатор Гэри Харт, который в 1984 году чуть было не нанес поражение вице-президенту Мондейлу, отказался от участия в борьбе за пост президента после того, как стало известно о его отношениях с Донной Райс. Я считал, что Гэри сделал ошибку, призвав представителей печати неотступно следить за ним, чтобы убедиться, смогут ли они «откопать» какие-нибудь негативные факты. Однако я сочувствовал ему. Он был талантливым человеком, политиком-новатором, который всегда помнил о важнейших проблемах Америки и знал, как их следует решать. После того как стало известно о романе Харта, те из нас, кто не был безупречен в личной жизни, не могли предугадать, какими нормами будет руководствоваться пресса в своих разоблачениях. В конце концов я решил: любой, кто считает, что может что-то предложить стране, должен баллотироваться, не боясь обвинений, какими бы они ни были, и доверять американскому народу. В любом случае, не имея высокого болевого порога, нельзя стать успешно работающим президентом.

О своем решении я объявил 14 июля. В Литл-Роке собрались некоторые мои старые друзья по прежним политическим баталиям, включая Мики Кантора, Карла Вагнера, Стива Коуэна, Джона Холэма и Сэнди Бергера. Все они считали, что мне следует баллотироваться. Мне не хотелось упускать такой хороший шанс, но, тем не менее, я не спешил. Я знал, что готов стать хорошим кандидатом, но не был уверен, что прожил достаточно долго и обрел мудрость и здравый смысл, необходимые для хорошего президента. Если меня изберут, я стану президентом в сорок два года; примерно столько же было Теодору Рузвельту, когда его привели к присяге после убийства президента Маккинли. Джон Кеннеди был избран на пост президента в сорок три года. Однако оба они происходили из богатых, политически влиятельных семей и росли в таких условиях, что комфортно чувствовали себя в коридорах власти. Двум моим любимым президентам — Линкольну и Франклину Делано Рузвельту — при вступлении в должность президента исполнился пятьдесят один год. Они были абсолютно зрелыми людьми, замечательно владевшими собой и прекрасно справлявшимися со своими обязанностями. Десять лет спустя, когда я отмечал свой пятьдесят первый день рождения, Ал Гор вручил мне доклад о воззрениях на процесс взросления индейского племени чероки. Индейцы чероки считали, что мужчина обретает полную зрелость лишь в пятьдесят один год.

Вторым беспокоившим меня моментом были трудности с выполнением обязанностей губернатора, которые могли возникнуть из-за моего участия в предвыборной кампании. В конце 1987 года истек срок внедрения новых школьных стандартов. Я уже однажды созывал специальную сессию Законодательного собрания, чтобы собрать средства для школ и переполненных тюрем. Это была трудная борьба, осложнившая мои отношения с нескольки-

---

* «Супервторник» (Super Tuesday) — день, когда на предварительных выборах в ряде американских штатов определяются кандидаты в президенты США. — *Прим. пер.*

ми членами Законодательного собрания и едва не закончившаяся поражением, однако в последнюю минуту нам ценой больших усилий удалось набрать достаточное число голосов, чтобы сделать все необходимое. Я знал, что, вероятнее всего, в начале 1988 года мне придется созвать еще одну специальную сессию. Я был полон решимости добиться полномасштабного внедрения школьных стандартов и идти дальше, потому что считал это единственным шансом обеспечить лучшее будущее большинству детей в моем штате. В начальной школе, где училась Челси, чернокожие дети составляли примерно 60 процентов, и более половины учеников были из семей с низкими доходами. Я помню, как один маленький мальчик, которого она пригласила на свой день рождения в резиденцию губернатора, чуть не отказался прийти из-за того, что ему не на что было купить ей подарок. Я твердо решил предоставить этому малышу лучшие возможности, чем могли позволить себе его родители.

Arkansas Gazette, поддерживавшая меня во время всех предвыборных кампаний, опубликовала редакционную статью, в которой говорилось, что мне не следует баллотироваться на пост президента по двум причинам, беспокоившим меня самого. Признавая, что у меня есть достаточно сильный потенциал для руководства страной, *Arkansas Gazette* подчеркнула: «Билл Клинтон не готов стать президентом», «Губернатор Клинтон нужен в Арканзасе».

Честолюбие — это мощная сила, и честолюбивое желание стать президентом приводило к тому, что многие кандидаты игнорировали и собственные недостатки, и необходимость продолжать выполнение своих обязанностей на занимаемых ими постах. Я всегда считал, что могу справиться с любым делом, выдержать самую испепеляющую критику и выполнять две или три обязанности одновременно. В 1987 году, движимый честолюбием, я мог принять решение, основанное на уверенности в своих силах, но я этого не сделал. Поставить последнюю точку мне помогла единственная часть моей жизни, не имеющая отношения к политике, — Челси. Карл Вагнер, который тоже был отцом единственной дочери, сказал, что мне придется примириться с необходимостью разлучиться с Челси в течение большей части следующих шестнадцати месяцев. Мики Кантор как раз говорил мне об этом, когда Челси спросила меня, куда мы поедем во время летнего отпуска. Когда я ответил, что если решу баллотироваться на пост президента, то у меня, возможно, не будет отпуска, Челси сказала: «Тогда мы с мамой поедем без тебя». Эти слова решили дело.

Я вышел в столовую губернаторской резиденции, где обедали мои друзья, сообщил им, что не буду баллотироваться, и извинился за то, что собрал их. Затем я отправился в «Эксельсиор», чтобы объявить об этом нескольким сотням своих сторонников. Я постарался как можно лучше объяснить, почему был так близок к этому решению, но все же не принял его:

Мне нужно время для общения с семьей; мне нужно время для себя лично. Политики — тоже люди. Я думаю, иногда мы об этом забываем, но это действительно так. Единственное, что я или любой другой кандидат можем предложить, баллотируясь на пост президента, — это то, что есть в нас самих. Именно это воодушевляет людей, позволяет завоевать их доверие

и их голоса, живут ли они в Висконсине, Монтане или Нью-Йорке. Эта часть моей жизни нуждается в обновлении. Другая, еще более важная причина моего решения, — то, что эта кампания, несомненно, отразилась бы на нашей дочери. Так поздно включившись в предвыборную борьбу, после того как другие работали уже около двух лет, я мог бы победить, только если бы посвящал этой кампании, до самого ее окончания, все свое время и если бы то же самое делала Хиллари... Я видел многих детей, которые росли в трудных условиях, и очень давно пообещал себе: если мне повезет и у меня появится ребенок, он не будет расти, не зная, кто его отец.

Хотя Хиллари сказала, что будет поддерживать меня, какое бы решение я ни принял, она испытывала облегчение и считала, что мне следует закончить работу, начатую в Арканзасе, и продолжать создавать общенациональную базу поддержки. Она также знала, что тогда был неподходящий момент для того, чтобы находиться вдали от наших родственников. У мамы были проблемы в ее работе анестезиолога, Роджер всего пару лет назад вышел из тюрьмы, а родители Хиллари собирались перебраться в Литл-Рок. В январе 1983 года, когда я выступал в Законодательном собрании с речью по случаю принесения присяги, присутствовавший в зале Хью Родэм потерял сознание. С тяжелым сердечным приступом он был немедленно доставлен в Университетский медицинский центр, где ему сделали операцию шунтирования. Когда Хью очнулся от наркоза, я был рядом с ним. Поняв, что он пришел в себя, я сказал: «Хью, кто бы мог подумать, что речь окажется настолько плохой, что доведет человека до сердечного приступа!» В 1987 году он перенес малый инсульт, поэтому им с Дороти не следовало оставаться одним в Парк-Ридже. Мы хотели, чтобы они жили поблизости от нас, и они тоже с нетерпением ждали переезда, главным образом потому, что хотели оказаться поближе к своей единственной внучке. Тем не менее для них это должно было стать серьезной переменной в жизни.

И, наконец, Хиллари испытала радость, когда я не стал баллотироваться на пост президента, поскольку не разделяла расхожего мнения, что на выборах 1988 года победят демократы. Она считала, что «революция Рейгана» не закончена, и думала, что, несмотря на дело «Иран-контрас»*, Джордж Буш победит как более умеренный деятель того же типа, что и Рейган. Через четыре года после этого, когда перспективы победы казались гораздо менее благоприятными, а рейтинг популярности президента Буша превышал 70 процентов, Хиллари сама посоветовала мне баллотироваться на пост президента. Как обычно, в обоих случаях она оказалась права.

Объявив о своем решении, я как будто избавился от тяжелого груза. Я мог быть отцом, мужем и губернатором, и сиюминутные амбиции не

---

* Громкий политический скандал, связанный с незаконными тайными сделками 1986–87 гг. по продаже США оружия Ирану в обмен на американских заложников в Ливане и передаче выреченных средств никарагуанским контрабандистам. В скандале были замешаны высокопоставленные сотрудники Совета национальной безопасности при определенной осведомленности президента Рейгана. — *Прим. ред.*

мешали мне работать и выступать с заявлениями по проблемам общенационального значения.

В июле, по истечении года моих полномочий на посту председателя Национальной ассоциации губернаторов, мы с Хиллари и Челси отправились на летнюю конференцию этой организации в Траверс-Сити, штат Мичиган. Моим преемником стал губернатор штата Нью-Хэмпшир Джон Сунуну. У меня с ним сложились хорошие отношения, и он обещал продолжить нашу деятельность по реформе системы социального обеспечения. Во время перерыва в работе конференции губернаторы-демократы отправились на остров Макино, где губернатор Джим Бланшар собрал нас для встречи со всеми претендентами на выдвижение кандидатом на пост президента от демократической партии, включая сенаторов Ала Гора, Пола Саймона, Джо Байдена, конгрессмена Дика Гепхардта, преподобного Джесси Джексона, бывшего губернатора штата Аризона Брюса Бэббита и губернатора Майкла Дукакиса. Мне нравилась вся наша команда, но я отдавал предпочтение Дукакису. Как губернатор штата он добился эффективной высокотехнологичной экономики, имел сбалансированные бюджеты, совершенствовал систему образования и продвигался вперед в осуществлении реформы системы социального обеспечения. Дукакис руководил как «новый демократ». Он знал, что такое поражение на выборах из-за нападков недругов и что такое успешное возвращение на пост губернатора. Я полагал, что, хотя большинство американцев считают Массачусетс либеральным штатом, мы сможем добиться, чтобы избиратели поддержали Дукакиса, так как он был успешно работавшим губернатором и смог бы избежать повторения ошибок, из-за которых демократы потерпели поражение на предыдущих выборах. Кроме того, мы были друзьями. Майка обрадовало то, что я не собирался участвовать в этой «гонке», и он заблаговременно вручил мне подарок на день рождения — футболку с надписью: «Поздравляю с 41-м днем рождения. Клинтон — в президенты в 1996 году. Тебе ведь будет только 49 лет!»

В завершение этой встречи Джим Бланшар организовал великолепный рок-н-рольный концерт, в котором приняли участие исполнители, игравшие в 1960-х годах в стиле «мотаун», включая группы «Фор Топс», «Марта Ривз и Ванделлас», а также Дж. Уокера, легендарного тенор-саксофониста, который мог играть на октаву выше, чем большинство из нас, простых смертных. Ближе к концу шоу ко мне подошла молодая женщина и предложила исполнить на саксофоне со всеми группами композицию «Танцуй на улице». Я не прикасался к инструменту три года. «У вас есть ноты?» — спросил я. «Нет», — ответила она. «В какой тональности это надо исполнять?» Она сказала: «Не имею понятия». «Можете дать мне пару минут, чтобы настроить саксофон?» Снова: «Нет». И тогда я дал единственно возможный ответ: «Хорошо, я согласен». Я поднялся на сцену, мне вручили инструмент, быстро прикрепили микрофон, и зазвучала музыка. Я старался играть как можно тише, пока настраивал саксофон и определял нужную тональность, а затем присоединился к остальным музыкантам. Получилось

довольно хорошо. У меня и сейчас хранится фотография, на которой мы с Дж. Уокером вместе исполняем рифф.

Сентябрь был очень насыщенным месяцем. Поскольку начинался новый учебный год, я выступил в программе NBC «Встреча с прессой» вместе с Биллом Беннетом, который сменил Террела Белла на посту министра образования в администрации Рейгана. Я прекрасно ладил с Беннетом, который ценил мою поддержку в борьбе за подотчетность и за то, чтобы во время обучения детей в школе прививать им основные ценности, и он ничего не возразил, когда я сказал, что необходимо увеличить федеральную помощь штатам для финансирования программ для дошкольников. Когда Беннет стал критиковать Национальную ассоциацию работников просвещения как препятствующую подотчетности, я сказал, что в этом отношении политика данной организации несколько улучшилась, и напомнил ему, что Эл Шанкер, руководитель другого крупного профсоюза педагогов — Американской федерации учителей, поддерживает и подотчетность, и преподавание основных ценностей.

К сожалению, после того как я стал президентом, а Билл Беннет начал зарабатывать на жизнь, проповедуя добродетель, наши отношения стали ухудшаться. Однажды он подарил мне книгу с надписью: «Биллу Клинтону, демократу, у которого есть здравый смысл», но впоследствии, по-видимому, пришел к выводу, что либо сам тогда ошибался, либо я утратил здравый смысл, которым обладал, когда он писал эти слова.

Примерно в то же время, когда я выступил в программе «Встреча с прессой», сенатор Джо Байден, председатель Комитета по юридическим вопросам Сената, обратился ко мне с просьбой выступить на слушаниях в Сенате против судьи Роберта Борка, которого президент Рейган назначил членом Верховного суда США. Я понимал, что Джо выбрал меня потому, что я был белым губернатором южного штата. То обстоятельство, что в студенческие годы я учился у Борка, преподававшего конституционное право, могло стать дополнительным преимуществом. Прежде чем дать согласие, я прочитал большинство статей Борка, посвященных важным правовым проблемам, а также опубликованных сообщений о его выступлениях и пришел к выводу, что Роберту Борку не следует работать в Верховном суде. В заявлении объемом в восемь страниц я написал, что с уважением и симпатией отношусь к Борку как к преподавателю и считаю, что президент Рейган имеет полное право назначать тех, кого считает нужным, но, тем не менее, уверен, что Сенату не следует утверждать эту кандидатуру, поскольку высказывания самого Борка свидетельствуют о том, что он не консерватор, придерживающийся умеренного курса, а реакционер. Он критиковал почти все решения Верховного суда, предусматривавшие расширение гражданских прав, кроме вынесенного по делу «Браун против Совета по образованию». Борк вместе с Уильямом Ренквистом посоветовал Барри Голдуотеру голосовать против закона «О гражданских правах» 1964 года. Как южанин я знал, как важно не бередить раны, нанесенные расовой дискриминацией, затрагивая подобные вопросы. По сравнению со всеми другими судьями, кандидатуры которых выдвигались для назначения в Верховный суд, Борк полагал, что

действия этого органа по защите индивидуальных прав людей должны носить самый ограничительный характер. Он считал необходимым пересмотреть «десятки» решений этого суда. Например, Борк заявил, что право супружеской пары на прием противозачаточных средств как их личный выбор заслуживает защиты не больше, чем право коммунальных предприятий на загрязнение воздуха. Принятое им решение против штата Арканзас по делу *Grand Gulf* показывало, что, по его мнению, интересы коммунальных и других предприятий заслуживают большей защиты от действий правительства, с которыми он не согласен, чем интересы отдельных граждан. Однако когда речь шла о защите интересов бизнеса, Борк отбрасывал подобающую судье сдержанность и проявлял очень большую активность. Он даже сказал, что федеральным судам не следует проводить в жизнь антитрестовские законы, потому что они основаны на неверной экономической теории. Я призвал Сенат не рисковать, утверждая назначение судьи Борка, потому что в процессе работы он будет ориентироваться на давно сложившиеся убеждения, а не на те более умеренные заверения, которые станут использовать в процессе утверждения своего назначения.

Мне пришлось не выступать лично, а передать свой доклад в письменном виде, поскольку слушания откладывались, а я должен был отбыть в составе торговой делегации в Европу. В конце октября Сенат 50 голосами против 42 отклонил назначение Борка. Я сомневаюсь, что мое выступление повлияло на решение хотя бы одного сенатора. Затем президент Рейган назначил членом Верховного суда судью Антонина Скалиа, который был столь же консервативен, как Борк, однако не сделал столько заявлений и не написал столько статей, доказывающих это. Его назначение было утверждено. В декабре 2000 года при вынесении решения по делу «Буш против Гора» Скалиа подписал субботное решение Верховного суда с беспрецедентным предписанием прекратить подсчет голосов в штате Флорида. Через три дня после этого при соотношении голосов 5:4 Верховный суд вынес решение о том, что президентом избран Джордж У. Буш, — отчасти на том основании, что спорные бюллетени не могли быть подсчитаны к полуночи того дня, как того требовали законы Флориды. Конечно же, это было невозможно: Верховный суд прекратил подсчет действительных бюллетеней тремя днями раньше. Это был акт правового активизма, который мог бы вогнать в краску даже Боба Борка.

После поездки в составе торговой делегации мы с Хиллари присоединились к Джону Сунуну и губернатору штата Род-Айленд Эду Диприту, чтобы встретиться во Флоренции с нашими иностранными коллегами. Мы с Хиллари впервые были в Италии и полюбили Флоренцию, Сиену, Пизу, Сан-Джиминьяно и Венецию. Я восхищался экономическими успехами Северной Италии, где доход на душу населения был выше, чем в Германии. Одна из причин процветания региона, по-видимому, заключалась в исключительно активном сотрудничестве владельцев мелких предприятий, деливших помещения, административные издержки и расходы по сбыту, как это веками делали итальянские ремесленники с момента появления средневековых гильдий. Я снова нашел идею, которая, на мой взгляд, могла

сработать в Арканзасе. Вернувшись на родину, мы помогли группе безработных рабочих-металлистов создать предприятие и организовать сотрудничество на основе разделения расходов и организации сбыта по примеру итальянских кожевников и мебельщиков.

В октябре по экономике Америки был нанесен сильнейший удар, когда за один день курс акций на бирже упал более чем на 500 пунктов. Ранее такое случалось только в 1929 году. По случайному совпадению в момент закрытия биржи в моем кабинете сидел самый богатый человек Америки — Сэм Уолтон. Сэм был руководителем Совета бизнесменов Арканзаса — организации ведущих предпринимателей, которую эвфемистически называли «Клубом добротных костюмов». Они выступали за совершенствование системы образования и улучшение положения в экономике штата. Сэм извинился и сказал, что ему необходимо отлучиться, чтобы узнать, что происходит с акциями компании Wal-Mart. Все его богатство было связано с этой компанией. Он сам десятилетиями жил в одном и том же доме, ездил на старом грузовичке-пикапе. Когда Сэм вернулся, я спросил его, сколько он потерял. «Около миллиарда долларов», — ответил он. В 1987 году это все еще были очень большие деньги, даже для Сэма Уолтона. Когда я спросил, огорчен ли он, Сэм ответил: «Завтра я вылетаю в Теннесси, чтобы присутствовать на открытии очередного магазина Wal-Mart. Если на стоянке будет много машин, я не буду огорчаться. Я играю на бирже только для того, чтобы иметь деньги на открытие новых магазинов и на то, чтобы предоставить нашим сотрудникам возможность покупать акции компании». Почти все, кто работал в Wal-Mart, владели акциями этой компании. Уолтон разительно отличался от руководителей корпораций нового поколения, настаивавших на значительном увеличении зарплаты, даже если дела в их компаниях и у их работников шли не очень хорошо, и требовавших «золотых парашютов», когда их фирмы разорялись. Когда в первые годы нового века в результате падения курса акций многих компаний поднялась очередная волна алчности и коррупции, я вспомнил тот день 1987 года, когда Сэм Уолтон потерял миллиард долларов. Сэм был республиканцем. Я сомневаюсь, что он когда-либо голосовал за меня. Меня устраивало далеко не все, что делала компания Wal-Mart в те дни, я также не был согласен с некоторыми поступками ее руководителей, совершенными уже после смерти Уолтона. Как я уже говорил, в наши дни Wal-Mart не «покупает американские товары» в таких масштабах, как прежде. Ее обвиняют в использовании труда большого числа незаконных иммигрантов, и она, безусловно, настроена против профсоюзов. Однако всем в Америке жилось бы лучше, если бы нашими компаниями руководили люди, убежденные в том, что взлеты и падения в их собственной судьбе должны совпадать со взлетами и падениями в судьбах их сотрудников и акционеров.

Я закончил 1987 год третьей за десятилетие речью на съезде демократической партии в штате Флорида, как всегда заявив, что нам следует признать факты и убедить американский народ видеть их так же, как мы. Президент Рейган обещал снизить налоги, увеличить военные расходы и сбалансиро-

вать бюджет. Он выполнил первые два обещания, но не смог воплотить в жизнь третье, поскольку экономика, ориентированная на увеличение предложения, не принимает в расчет арифметику. В результате значительно увеличился государственный долг, мы перестали вкладывать средства в наше будущее и допустили снижение зарплаты у 40 процентов наших граждан. Я знал, что республиканцы гордились своими успехами, но смотрел на эти достижения, как старые собаки смотрят на мальчишек, танцующих брейк. Одна старая собака говорит другой: «Знаешь, если бы это делали мы, они бы назвали нас ничтожествами».

Я сказал собравшимся во Флориде демократам: «Мы не должны довольствоваться чем-либо меньшим, чем создание нового мирового экономического порядка с гарантированным местом в нем для американского народа». Моими основными тезисами были следующие: «Нам следует заплатить определенную цену сегодня, чтобы обеспечить надежное завтра» и «Мы участвуем во всем этом вместе».

В ретроспективе мои выступления в конце 1980-х годов кажутся мне интересными из-за их сходства с тем, что я говорил в 1992 году, и с тем, что я старался делать, став президентом.

В 1988 году я побывал в тринадцати штатах и округе Колумбия; мои выступления были в равной мере посвящены как политической тактике, так и политической стратегии. В выступлениях, посвященных политической стратегии, я говорил преимущественно об образовании и необходимости принятия законопроекта о реформе системы социального обеспечения, который, как мы надеялись, Конгресс утвердит к концу года. Однако наиболее важное значение для моего политического будущего имела речь, которую я назвал «Демократический капитализм» и произнес 29 февраля на заседании Совета руководства демократической партии в Уильямсберге, штат Вирджиния. С тех пор я стал еще более активно участвовать в работе этого совета, так как считал его единственной организацией, стремившейся разрабатывать новые идеи, необходимые демократам как для победы на выборах, так и для того, чтобы приносить пользу стране. В Уильямсберге я говорил о необходимости сделать доступ к глобальной экономике «демократичным», чтобы она стала доступной для всех граждан и общин. Я стал сторонником аргумента Уильяма Джулиуса Уилсона, приведенного в его книге «Подлинно обездоленные» (*The Truly Disadvantaged*), в которой говорилось, что не существует особых решений труднейших проблем безработицы и бедности для представителей разных рас. Единственный путь — это школы, образование и профессиональная подготовка для взрослых, а также создание рабочих мест. Тем временем в своем штате я продолжал заниматься трудными проблемами бюджетов школ и тюрем, развивать свою программу «Хорошие начала, хорошие школы и хорошие рабочие места» и добиваться принятия законопроектов о налоговой реформе и реформе лоббирования. В конечном счете, поскольку Законодательное собрание их не приняло, обе эти проблемы были поставлены на голосование на следующих выборах. Различные группировки вели против этих законопроектов активную кампанию. Законопроект о реформе лоббирования был принят, а о налоговой реформе — провален.

Губернатор Дукакис делал все, чтобы добиться выдвижения кандидатом на пост президента от демократической партии. За пару недель до открытия нашего съезда в Атланте Майк обратился ко мне с просьбой выдвинуть его кандидатуру. Он и руководители его предвыборной кампании сказали мне, что, судя по результатам опросов общественного мнения, рейтинг у него выше, чем у вице-президента Буша, однако американский народ не очень хорошо его знает. Они пришли к выводу, что речь, произнесенная при выдвижении кандидата на пост президента, — благоприятная возможность представить его как лидера, чьи личные качества, работа на посту губернатора и новые идеи свидетельствуют, что он — именно тот человек, которого стоит избрать. Поскольку я был его коллегой, другом и южанином, они хотели, чтобы с этой речью выступил именно я, полностью использовав все отведенное для этого время — около двадцати пяти минут. Это было бы нарушением сложившейся практики, поскольку обычно при выдвижении кандидата с пятиминутными речами выступали три человека, представляющие различные группы в нашей партии. Обычно никто не обращал на эти выступления особого внимания, однако они доставляли удовольствие самим ораторам и избирателям их округов.

Я был польщен этим предложением, однако и несколько обеспокоен. Как я уже упоминал, на съезде происходят шумные встречи, во время которых слова, долетающие с трибуны, обычно воспринимаются как фоновое сопровождение, за исключением программной речи и выступлений тех, кто выдвинут кандидатами на посты президента и вице-президента. Я достаточно часто бывал на съездах, чтобы понимать: еще одна длинная речь не вызовет интереса, если не подготовить к ней делегатов и средства массовой информации и не создать в зале соответствующую атмосферу. Я объяснил сотрудникам Дукакиса, что мое выступление принесет пользу только в том случае, если свет в зале будет приглушен, а сотрудники предвыборного штаба кандидата сделают все, чтобы делегаты не шумели. Они также не должны много аплодировать, иначе моя речь будет продолжаться значительно дольше. Я сказал, что это, конечно, потребует больших хлопот и если команда Дукакиса не захочет этим заниматься, то я просто выступлю с пятиминутным горячим одобрением его кандидатуры.

В день выступления, 20 июля, я принес отпечатанную копию своей речи в номер люкс, где остановился Майк, и показал ее ему и сотрудникам предвыборного штаба. Я сказал им, что если произнесу всю речь в том виде, в каком ее написал, то это займет около двадцати двух минут, и если собравшиеся не будут слишком много аплодировать, уложусь в двадцатипятиминутный лимит. Я объяснил, что могу сократить речь на 25, 50 или 75 процентов, если они сочтут, что так будет лучше. Через несколько часов я позвонил, чтобы узнать, как мне, по их мнению, следует поступить. Мне сказали, чтобы я произнес речь полностью. Майк хотел, чтобы Америка знала его так же хорошо, как знал его я.

В тот вечер меня представили собравшимся, и под громкую музыку я вышел на трибуну. Когда я начал говорить, свет был приглушенным. Потом дело пошло хуже. Не успел я произнести три предложения, как

освещение снова стало ярким. Каждый раз, когда я произносил имя Майка, толпа начинала реветь. Я знал, что могу сократить речь до пятиминутного варианта, но не сделал этого. Аудитория, к которой в действительности была обращена моя речь, смотрела все это по телевидению. Если я смогу не обращать внимания на отвлекающие факторы в зале, то сумею рассказать людям, сидящим дома у телевизоров, то, что им, по мнению Майка, надо услышать:

Я хочу рассказать вам о Майке Дукакисе. Поскольку Майк так быстро и так далеко продвинулся, все хотят знать, что он за человек, каким он был губернатором и каким будет президентом.

Он мой старый друг. Я хочу, чтобы вы знали мой ответ на эти вопросы и понимали, почему я считаю, что мы должны сделать Майка Дукакиса первым после Эндрю Джексона американским президентом, рожденным от родителей-иммигрантов.

Когда я стал отвечать на эти вопросы, участники съезда снова начали разговаривать друг с другом, и этот гул переходил в приветственные крики лишь тогда, когда упоминалось имя Майка. У меня было такое чувство, что эта речь — камень весом в 200 фунтов, который я тащу в гору. Как я шутил впоследствии, я понял, что дела мои плохи, когда через десять минут после начала моего выступления делегация Американского Самоа стала отпускать колкости в мой адрес.

Через несколько минут после этого телекомпании ABC и NBC тоже начали издеваться надо мной, показывая панораму зала, где участники съезда совсем меня не слушали и спрашивали, когда же я закончу свое выступление. Только CBS и радиокomпании передали всю речь без критических комментариев. Представителям прессы, освещавшим работу съезда, явно не сообщили, сколько времени отведено на мое выступление и что я старался сделать. Кроме того, я написал эту речь абсолютно неправильно. Стараясь рассказать о Майке так, чтобы меня не слишком часто прерывали аплодисментами, я выбрал для своего выступления чрезмерно разговорный стиль изложения и говорил слишком «назидательно». Было большой ошибкой считать, что я могу обращаться только к телезрителям, не учитывая, как будут воспринимать мою речь делегаты.

В моем выступлении были удачные места, но, увы, самые бурные аплодисменты я заслужил, когда, приближаясь к мучительному концу, произнес: «В заключение...» Это были тридцать две минуты полного провала. Потом, подшучивая над Хиллари, я рассказывал, что не осознавал, каким позорным был мой провал, пока мы не вышли с «арены» и она не начала подходить к совершенно незнакомым людям и представлять им меня как своего первого мужа.

К счастью, мое неудачное выступление не повредило Майку Дукакису. Средства массовой информации позитивно откликнулись на выбор им Ллойда Бентсена в качестве кандидата на пост вице-президента, у них обоих удачно прошли выступления, и они покинули Атланту, лидируя, соглас-

но опросам, со значительным отрывом. Я же, напротив, чувствовал себя, как живой труп.

Двадцать первого июля *Washington Post* опубликовала статью Тома Шейлса, содержащую сокрушительную критику в мой адрес и подытожившую реакцию печати на мое выступление: «Во вторник Джесси Джексон воодушевил аудиторию, а в среду вечером губернатор Арканзаса Билл Клинтон ее заморозил». Шейлс назвал свою статью «Классический пример провала болтуна Клинти» и с мучительными для меня подробностями рассказал в ней, что делали телекомпании, чтобы заполнить время до конца моего выступления.

Проснувшись утром следующего дня, мы с Хиллари поняли, что я снова попал в трудное положение, из которого должен выбраться. У меня не было ни малейшего представления, с чего начать, разве что самому над собой посмеяться. Моей первой публичной реакцией стало такое заявление: «Это был не самый лучший час в моей жизни. Это были даже не самые лучшие полтора часа». Я продолжил игру как человек, абсолютно уверенный в своих силах, но пообещал себе, что всегда буду руководствоваться своей интуицией, если речь идет о выступлениях. И за исключением одного момента в 1994 году — в моей речи в Конгрессе, посвященной здравоохранению, я ни разу не отступил от этого.

Никогда в жизни я не был так рад возвращению в родной штат. Арканзасцы в большинстве своем меня поддерживали. Мои одержимые сторонники считали, что кто-то меня подставил. Большинство же полагало, что я пожертвовал блеском и непосредственностью, характерными для моих выступлений, потому что был скован рамками заранее написанной речи. Роберт «Сэй» Макинтош, чернокожий владелец ресторана, отличавшийся переменчивостью характера, с которым мы время от времени общались, решил меня защитить, подвергнув резкой критике освещение моего выступления средствами массовой информации и организовав в здании Законодательного собрания штата бесплатный завтрак для всех, кто принес с собой почтовые открытки или письма, в которых дал отпор тому или иному из моих оппонентов, выступавших в национальных средствах массовой информации. На завтрак пришло более пятисот человек. Я получил около семисот писем, посвященных этому выступлению, причем авторы 90 процентов из них были на моей стороне. По-видимому, люди, написавшие их, слушали эту речь по радио или смотрели передачу телекомпании CBS, автор которой, Дэн Ратер, по крайней мере подождал, пока я закончу выступление, и только после этого стал говорить колкости.

Примерно через день после моего возвращения в Арканзас мне позвонил мой друг Гарри Томасон, продюсер пользовавшегося успехом телевизионного шоу под названием «Создавая женщин», сценарии для которого писала его жена Линда Бладуорт. Гарри был братом Денни Томасона, который пел рядом со мной в церковном хоре. Мы с Хиллари познакомились с Гарри и его женой Линдой, когда я работал на посту губернатора первый срок. Он приехал в Арканзас, чтобы снимать телефильм о Гражданской войне «Голубое и серое». Гарри сказал мне, что я могу сделать невозможное, повернув

в свою пользу крайне невыигрышную ситуацию, но мне надо действовать быстро. Он предложил мне выступить в шоу Джонни Карсона и высмеять самого себя. Я еще не оправился от потрясения и попросил его дать мне день на размышление. Карсон всячески издевался над моим выступлением в своих монологах. Вот одна из его запомнившихся мне шуток: «Эта речь имела примерно такой же успех, как презерватив “Велкро”». Однако думать особенно было не над чем. В конце концов, мое положение и так оказалось хуже некуда. На следующий день я позвонил Гарри и попросил его устроить мне выступление в шоу Карсона. Обычно ведущий не приглашал политиков, однако для меня, по-видимому, сделал исключение, поскольку я оказался слишком заманчивой «боксерской грушей», чтобы упустить такую возможность, и потому, что я согласился сыграть на саксофоне (и он мог использовать это в дальнейшем, чтобы оставить в силе свой запрет, по крайней мере для политиков, не игравших на музыкальных инструментах). Идею с саксофоном предложил Гарри, и это был не последний искусный трюк, изобретенный им для меня.

Через пару дней после этого я вылетел в Калифорнию вместе с Брюсом Линдси и моим пресс-секретарем Майком Голдином. Перед началом шоу Джонни Карсон зашел в комнату, где я ждал его, и поздоровался со мною, чего обычно почти никогда не делал. Думаю, он понимал, как мне, должно быть, тяжело, и хотел меня подбодрить. Я должен был выйти на сцену вскоре после начала шоу, и Карсон сразу сказал зрителям, что им не стоит беспокоиться по поводу моего появления, поскольку «у нас много кофе и есть дополнительные койки в вестибюле». Затем он меня представил. И снова представил. И еще раз представил. Он бесконечно тянул эту церемонию представления, рассказывая все, что его сотрудники смогли найти об Арканзасе. Мне показалось, что он собирается говорить дольше, чем я на съезде в Атланте. Когда я наконец вышел и сел, Карсон достал огромные песочные часы и поставил их на стол рядом со мной, чтобы весь мир мог видеть, как бежит песчаная струйка, словно намекая: это веселое представление будет строго ограничено по времени. Ситуация представлялась мне тем более забавной, так как я тоже принес песочные часы, про которые работники студии сказали мне, что я ни в коем случае не должен их доставать. Карсон спросил меня, что произошло в Атланте. Я ответил, что хотел представить Майка Дукакиса, который не отличается ораторским красноречием, в наилучшем свете и что «то, как мне это удалось, превзошло мои самые смелые ожидания». Я сказал, что моя речь очень понравилась Дукакису и он захотел, чтобы я отправился еще и на съезд республиканской партии, где предложил бы в качестве кандидата вице-президента Буша. Затем я заявил, что затянул свое выступление специально, потому что «всегда очень хотел принять участие в вашем шоу так, чтобы выглядеть в наилучшем свете, и сейчас мне это удалось». Затем Джонни спросил, считаю ли я, что у меня есть политическое будущее. Я ответил с каменным лицом: «Это будет зависеть от того, как я выступлю в этом шоу сегодня вечером». После того как мы несколько минут обменивались репликами под дружный смех находившихся в студии зрителей, Джонни предложил

мне сыграть на саксофоне с оркестром Дока Северинсена. Мы исполнили мажорный вариант мелодии «Лето», что имело, по крайней мере, не меньший успех, чем наши шутки. Затем я сел на свое место, чтобы послушать следующего гостя, знаменитого английского рок-музыканта Джо Кокера, который исполнил свой последний хит «Освободи мое сердце».

Когда шоу закончилось, я вздохнул с облегчением и подумал, что все прошло как нельзя более удачно. Гарри и Линда устроили в мою честь вечеринку, на которую были приглашены их друзья, в том числе два других арканзасца — актриса Мэри Стинберген, награжденная «Оскаром», и Джил Джерард, который начал путь к славе, снявшись в главной роли в фильме «Бак Роджерс в XXV веке».

Я улетел в Арканзас ночным рейсом, а на следующий день узнал, что шоу Карсона получило высокие рейтинги по всей стране, а в Арканзасе — просто астрономические. Обычно телепередачи в столь позднее время не смотрит столько арканзасцев, чтобы их количества оказалось достаточно для получения таких рейтингов. Но на сей раз на карту была поставлена честь штата. Когда я входил в здание Законодательного собрания, около него собралась толпа моих земляков, которые аплодировали, выкрикивали приветствия и поздравляли меня с удачным выступлением. Шоу Карсона по крайней мере в Арканзасе помогло мне избавиться от негативных последствий позорного провала в Атланте.

По-видимому, положение улучшилось не только с моей точки зрения, но и по мнению остальной Америки. CNN назвала меня политическим победителем недели, хотя всего за неделю до этого считала меня главным проигравшим. Том Шейлс отметил, что я «чудесным образом восстановил свою репутацию» и что телезрителям нравятся истории о людях, успешно отвоевавших свои позиции. Однако оказалось, что ставить последнюю точку в этом деле еще рано. В августе мы с Хиллари и Челси отправились на Лонг-Айленд в Нью-Йорке, чтобы провести несколько дней на пляже с нашей подругой Лиз Роббинс. Мне предложили выступить в роли судьи на проходящей там летом ежегодной благотворительной игре в софтбол между художниками и писателями. У меня до сих пор сохранилась фотография, запечатлевшая момент, когда я объявлял счет, при подаче Морта Цукермана, который сейчас издает *New York Daily News* и *U.S. News and World Report*. Когда я вышел на поле и меня представили, распорядитель пошутил, выразив надежду, что объявление счета не займет у меня так много времени, как речь в Атланте. Я засмеялся, однако эти слова причинили мне боль. Я не знал, что думали зрители, пока не кончились подачи. Потом со своего места на трибуне поднялся высокий человек. Выйдя на поле, он подошел ко мне и сказал: «Не обращайтесь внимания на критику. Я слушал вашу речь, и мне она очень понравилась». Это был Шеви Чейз. Я всегда с удовольствием смотрел его фильмы, но теперь в моем лице он приобрел поклонника на всю жизнь.

Ни мое неудачное выступление, ни успех в шоу Карсона не повлияли на мою реальную работу в качестве губернатора, однако пережитое снова подсказало мне: то, как люди воспринимают политиков, сильно влияет на то, чего те могут добиться. Я также получил хороший урок смирения

и понял, что отныне всю свою жизнь буду больше сочувствовать людям, оказавшимся в неловких или унижительных ситуациях. Как мне пришлось признать в беседе с очень уважаемой мною журналисткой из *Arkansas Democrat* Пэм Стрикленд, «я не уверен, что политикам вредно время от времени получать пинки».

Если для меня ситуация улучшалась, то этого, к сожалению, нельзя было сказать о Майке Дукакисе. Джордж Буш выступил на съезде республиканской партии с прекрасной речью, в которой дал согласие на выдвижение кандидатом на пост президента, предложив «более мягкий, более умеренный» вариант рейганизма и обратившись к нам со словами: «Слушайте меня внимательно: никаких новых налогов». Однако «более мягкий, более умеренный» подход вице-президента не распространялся на Майка Дукакиса. Ли Этуотер и я же с ним преследовали его, как свора бешеных псов, то заявляя, что Майк не считает необходимым клясться в верности флагу нашей страны, то утверждая, что, по его мнению, не следует проявлять твердость, наказывая преступников. «Независимая» организация, на первый взгляд не связанная с предвыборной кампанией Буша, показала по телевидению ролик об осужденном убийце Уилли Хортоне, которому дали отпуск во время тюремного заключения на основе программы отпусков для заключенных, существовавшей в штате Массачусетс. Принадлежность Хортон к черной расе тоже не была случайностью. Противники Дукакиса представляли его в полностью извращенном свете, и Майк только усугублял свое положение тем, что не отвечал на эти нападки быстро и решительно и позволял фотографировать себя в каске и на танке, из-за чего был похож скорее на Альфреда Ньюэна из *MAD Magazine*, чем на потенциального главнокомандующего вооруженными силами страны.

Осенью я вылетел в Бостон, чтобы выяснить, чем могу помочь Майку. К тому времени, судя по результатам опросов общественного мнения, Дукакис уже сильно отставал по рейтингу. Я призвал сотрудников его предвыборного штаба нанести ответный удар и рассказать избирателям, что федеральное правительство, в состав которого входит Буш, тоже предоставляет заключенным отпуска. Однако, на мой взгляд, сотрудники Дукакиса никогда не занимались этим достаточно активно. Я встретился с руководителем предвыборной кампании Дукакиса Сюзан Эстрич, которая мне нравилась и которая, на мой взгляд, чрезмерно винила себя в существовавших у Майка проблемах, а также с Мадлен Олбрайт, профессором Джорджтаунского университета. Она работала в Белом доме при президенте Картере и была его помощником по национальной безопасности. Ее ясный ум и решительность произвели на меня большое впечатление, и я подумал, что следует поддерживать с ней контакт.

Дукакис заговорил в полный голос в последние три недели кампании, однако ему уже не удалось восстановить свой имидж нового демократа, разрушенный роликами негативного содержания и его недостаточно активной позицией в теледебатах. В ноябре вице-президент США Джордж Буш нанес ему поражение при соотношении голосов 54 к 46 процентам. Нам не удалось добиться, чтобы Дукакиса поддержал Арканзас, хотя я приложил к этому немало усилий. Дукакис был хорошим человеком и прекрасным

губернатором. Если бы он и Ллойд Бентсен пришли в Белый дом, они хорошо служили бы нашей стране. Однако республиканцы создали о Дукакисе такое представление, что вытеснили его из президентской «гонки». Они придерживались наиболее эффективной стратегии, и я не мог их за это винить, однако думал, что вряд ли это было благом для Америки.

В октябре, когда предвыборная кампания вышла на финишную прямую, я принял участие в двух интересных политических мероприятиях. Вместе с губернаторами соседних с Арканзасом штатов, Рэем Мабусом (Миссисипи) и Бадди Ромером (Луизиана), я выступил с новой инициативой с целью добиться оживления в экономике наших регионов. Это были молодые, занимавшие четкие позиции прогрессивные деятели, выпускники Гарвардского университета. Чтобы привлечь внимание к нашей инициативе, мы подписали контракт, находясь на барже на середине реки Миссисипи у Роздейла, а вскоре вместе отправились в Японию в составе торговой делегации. Мы поддержали увенчавшиеся успехом усилия сенатора Бамперса и конгрессмена от штата Миссисипи Майка Эспи с целью создания муниципальной Комиссии по развитию района дельты реки Миссисипи, чтобы изучить ситуацию и представить рекомендации по улучшению положения в экономике бедных округов на обоих ее берегах, от южного Иллинойса до Нового Орлеана, где она впадает в Мексиканский залив. Округа с исключительно белым населением в северной части дельты Миссисипи находились примерно в таком же тяжелом положении, как и населенные чернокожими территории на юге. В этой комиссии работали все три губернатора. В течение года мы проводили слушания в районах верхнего и нижнего течения Миссисипи — в маленьких городках, не затронутых временем, — и в результате подготовили доклад, на основе которого было создано полномасштабное ведомство и стали прилагаться продолжающиеся и по сей день усилия с целью улучшения положения в экономике и качества жизни в этой беднейшей части страны, если не считать земель, населенных коренными американцами.

Тринадцатого октября я получил приглашение в Белый дом, где президент Рейган должен был подписать долгожданный законопроект о реформе системы социального обеспечения. Это стало достижением обеих партий, результатом совместной работы губернаторов-демократов и губернаторов-республиканцев; конгрессмена-демократа Гарольда Форда от штата Теннесси, конгрессмена Кэрл Кэмпбелл от штата Южная Каролина, представляющую республиканцев, председателя Бюджетного комитета Палаты представителей Дэна Ростенковски и председателя Финансового комитета Сената Пата Мойнихена, который лучше всех знал историю социального обеспечения, а также сотрудников Белого дома. На меня произвело впечатление, как Конгресс и Белый дом работали с губернаторами. Гарольд Форд даже пригласил губернатора штата Делавэр республиканца Майка Касла и меня принять участие в заседании его подкомитета, чтобы «довести до ума» окончательный вариант законопроекта, который будет поставлен на голосование. Я верил и надеялся, что благодаря его принятию больше людей, получавших

прежде социальные пособия, начнут работать, и при этом можно будет продолжать оказывать поддержку их детям.

Мне было приятно видеть, что работа Рейгана на посту президента завершилась на позитивной ноте. Его репутация серьезно пострадала из-за одобренной Белым домом незаконной операции «Иран-контрас», которая могла бы привести к импичменту, если бы демократы были наполовину так безжалостны, как Ньют Гингрич. Конечно, у нас с Рейганом возникали разногласия по многим вопросам, однако он нравился мне как человек, и я с интересом слушал его рассказы, сидя за столом в Белом доме на обедах для губернаторов или во время завтрака, который он устроил в 1988 году для нескольких губернаторов после своего последнего выступления перед нами. Рейган оставался для меня загадкой: он был очень дружелюбным и в то же время каким-то отчужденным. Я никогда не мог с уверенностью сказать, насколько он был осведомлен о том, какие последствия имели для людей некоторые аспекты его наиболее жесткой политики, использовал ли он правых — сторонников жесткого курса или это они использовали его. Книжки о нем не дают определенного ответа на эти вопросы, а поскольку у него развилась болезнь Альцгеймера, мы, вероятно, так никогда этого и не узнаем. Независимо от этого, собственная жизнь Рейгана была гораздо интереснее и загадочнее, чем фильмы, в которых он снимался.

В течение последних трех месяцев 1988 года я готовился к следующей сессии Законодательного собрания штата. В конце октября я опубликовал брошюру «Арканзас на пороге XXI века» (*Moving Arkansas Forward into the 21st Century*) объемом в 70 страниц, где изложил программу, которую намеревался представить сессии Законодательного собрания в январе. Она была подготовлена на основе рекомендаций более чем 350 граждан и должностных лиц штата, которые работали в департаментах и комиссиях, занимавшихся нашими важнейшими проблемами. Эта брошюра была полна конкретных новаторских идей, включая предложения о создании школьных поликлиник для борьбы с подростковой беременностью; о покрытии через школы расходов на медицинское обслуживание детей, не имеющих медицинской страховки; о предоставлении родителям и учащимся права выбора бесплатной средней школы, не обязательно являющейся ближайшей в районе их проживания; о расширении программы образования дошкольников NIPRU с тем, чтобы она охватывала все 75 округов штата; о ежегодном представлении табелей успеваемости по каждой школе и сравнении итогов учебы с оценками предыдущего года и с результатами в других школах штата; о принятии положения, предусматривающего, что штат будет брать на себя руководство отстающими школьными районами, и о значительном расширении программы распространения грамотности среди взрослых, чтобы Арканзас стал первым штатом, «ликвидировавшим неграмотность среди взрослых граждан трудоспособного возраста».

Меня особенно радовала инициатива в отношении распространения грамотности среди взрослых и возможность достижения такого положения, когда неграмотность перестанет считаться позорным клеймом, а будет вос-

приниматься как требующая решения задача. Предыдущей осенью, когда мы с Хиллари пришли на заседание родительского комитета в школу, где училась Челси, ко мне подошел один мужчина и сказал, что видел по телевизору мое выступление, в котором я говорил о необходимости распространения грамотности. Он рассказал мне, что у него хорошая работа, но он не умеет читать, а затем спросил, смогу ли я подключить его к программе распространения грамотности так, чтобы об этом не узнал его работодатель. Я был знаком с его боссом и твердо знал, что он стал бы гордиться своим работником, однако тот боялся, поэтому моя канцелярия подключила его к программе обучения чтению без ведома работодателя. После этого инцидента я стал говорить, что следует стыдиться не неграмотности, а бездействия вместо активной работы по ее ликвидации.

Несмотря на весь размах и новые конкретные детали, главная тема моей программы оставалась неизменной — той самой, о которой я твердил на протяжении последних шести лет: «Либо мы будем вкладывать больше средств в человеческий капитал и развивать способность наших людей к сотрудничеству, либо нас ждет длительный спад». Из-за новых реалий в мировой экономике наша прежняя стратегия, руководствуясь которой мы рекламировали Арканзас как красивый штат с трудолюбивым населением, низкими зарплатами и низкими налогами, уже десять лет назад утратила актуальность. Нам надо было продолжать работать, чтобы ее изменить.

Девятого января 1989 года, после поездок и выступлений по всему штату в оставшиеся месяцы предыдущего года, я предложил эту программу вниманию Законодательного собрания. Во время своего выступления я представил аудитории арканзасцев, поддержавших и саму программу, и увеличение налогов, необходимое для ее финансирования: председателя школьного совета, который никогда не голосовал за меня, но стал сторонником реформы образования; мать, получавшую социальное пособие, которая присоединилась к нашей программе переориентации на работу и, окончив среднюю школу, начала учиться в колледже, а затем получила место; ветерана Второй мировой войны, лишь недавно научившегося читать; менеджера нового предприятия Nekoosa Paper в Эшдауне, рассказавшего членам Законодательного собрания, что ему пришлось нанимать людей с более высоким уровнем образования, так как «наш план повышения эффективности требует, чтобы рабочие разбирались в статистике, а многие из них ничего в ней не понимают».

Я заявил, что мы можем позволить себе повысить налоги. Хотя уровень безработицы в Арканзасе за шесть лет снизился с 10,6 процента до 6,8 процента, он все еще был выше общенационального. Наш штат занимал 46-е место по доходу на душу населения, однако все еще был на 43-м месте по размерам налогов штата и местных налогов на душу населения.

В конце своего выступления я отметил, что за несколько дней до этого газеты цитировали заявление одного из моих друзей, активного сторонника моей программы конгрессмена Джона Пола Каппса, подчеркнувшего, что люди «начинают уставать от того, что Билл Клинтон все время повторяет одну и ту же старую речь». Я сказал членам Законодательного собрания:

не сомневаюсь, что многим надоело слушать, как я говорю одно и то же, однако «суть политической ответственности — это способность в течение длительного времени сосредоточивать внимание на подлинно важных предметах, до тех пор, пока проблема не будет решена». Я добавил, что буду говорить на другие темы, когда «уровень безработицы в нашем штате станет ниже, а уровень доходов — выше среднего общенационального уровня... когда ни одна компания не откажется от деятельности в нашем штате, полагая, что мы не в состоянии соответствовать новым условиям, сложившимся в мировой экономике... когда ни одному молодому человеку в нашем штате не придется покинуть родной дом, чтобы найти хорошую работу», а до того времени «мы должны исполнять свой долг».

На продолжение выступлений с одной и той же старой речью меня вдохновила приехавшая в Литл-Рок с концертом Тина Тернер. Исполнив свой новый репертуар, Тина завершила выступление своей первой песней, вошедшей в десятку лучших хитов — «Гордой Мэри». Когда оркестр начал играть эту мелодию, зрительный зал пришел в неистовство. Тина подошла к микрофону, улыбнулась и сказала: «Знаете, я пою эту песню уже 25 лет. При этом с каждым разом она становится все лучше и лучше».

Я надеялся, что моя старая «песня» тоже все еще актуальна, однако некоторые события свидетельствовали, что Джон Пол Каппс не ошибся, говоря, что арканзасцы, включая членов Законодательного собрания, начинают уставать от моих постоянных призывов. Законодательное собрание приняло большинство моих конкретных предложений по реформам, однако не поддержало повышение налогов, необходимое для финансирования более высокочрезвычайных инициатив в сфере здравоохранения и образования, включая еще одно значительное повышение зарплаты учителям и распространение дошкольного образования на трех-четырехлетних детей. Опрос общественного мнения, проведенный в начале января, показал, что большинство избирателей поддерживают увеличение расходов на образование и что рейтинг популярности у меня выше, чем у других кандидатов на пост губернатора в преддверии выборов 1990 года, однако этот же опрос свидетельствовал о том, что половина респондентов хотела бы видеть на этой должности нового губернатора.

Тем временем некоторые мои лучшие соратники, включая жизнерадостного председателя отделения демократической партии в штате Арканзас Либа Карлисла, предпринимателя, которого я уговорил занять этот пост, убедив его, что для выполнения новых обязанностей ему потребуется всего полдня в неделю, тоже начинали уставать и хотели заниматься решением других задач. Впоследствии Либ шутил, что я, должно быть, имел в виду время, которое будет оставаться у него на то, чтобы заниматься бизнесом.

К счастью, новые талантливые люди все еще были готовы служить нашему делу. Одним из моих лучших, хотя и вызвавших наибольшую критику назначений оказался выбор д-ра Джойслин Элдера на пост главы Министерства здравоохранения. Я сказал д-ру Элдеру, что хочу вести борьбу с подростковой беременностью, которая была очень серьезной проблемой в Арканзасе. Когда она выступила за создание поликлиник на

базе школ, которые, если школьные советы одобряют это решение, должны будут заниматься сексуальным просвещением и убеждать подростков в необходимости воздержания и безопасного секса, я поддержал ее позицию. Одна-две такие поликлиники уже работали. Они, судя по всему, пользовались популярностью и успешно вели работу с целью уменьшения числа рождений внебрачных детей.

Предпринимаемые нами меры вызвали бурю протестов фундаменталистов, поддерживавших политику, в основе которой лежал лозунг «Просто скажи “нет”». По их мнению, то, что д-р Элдерс выступала за разрешение аборт, было неверно. Теперь они заявляли, что создание поликлиник на базе школ приведет к тому, что толпы молодых людей, которые и не помышляли бы о сексе, если бы Джойслин не способствовала появлению этих медицинских учреждений, начнут вступать в половые связи. Я сомневался, что перевозбужденные подростки, уединившиеся на задних сиденьях машин, когда-либо вспоминали о д-ре Элдерс и ее идеях. Эту борьбу стоило вести.

Став президентом, я назначил Джойслин Элдерс главным хирургом США, и она пользовалась большой популярностью среди сотрудников системы государственного здравоохранения благодаря неизменной готовности твердо придерживаться разумной, хотя и вызывавшей многочисленные возражения политики в этой сфере. В декабре 1994 года, после того как правые республиканцы нанесли нам сокрушительное поражение на промежуточных выборах, фамилия д-ра Элдерс снова попала в заголовки газет, так как она предложила учить детей мастурбировать, считая, что это, возможно, хороший способ уменьшить вероятность подростковой беременности. В тот момент я делал все возможное, чтобы сохранить поддержку переменчивых демократов в Конгрессе, и был готов бороться с республиканцами, выдвигавшими радикальные предложения по сокращению затрат на образование, здравоохранение и охрану окружающей среды. Теперь Гингрич и его окружение, высмеивая нас, могли отвлечь внимание печати и общественности от предложенных ими сокращений бюджета. В любой другой момент мы, вероятно, приняли бы бой, но я уже и без того нагрузил демократов своим спорным бюджетом, Североамериканским соглашением о свободе торговли (НАФТА), потерпевшими провал усилиями в области здравоохранения, законопроектом Брейди и запретом на продажу штурмового стрелкового оружия, который Национальная стрелковая ассоциация использовала для критики многих демократов в Палате представителей. Я решил, что должен предложить Джойслин уйти в отставку. Мне это было крайне неприятно, потому что она честный, талантливый и смелый человек, но мы на протяжении сроков полномочий нескольких президентов и без того уже проявляли полную политическую невосприимчивость. Надеюсь, Джойслин когда-нибудь меня простит. Она сделала очень много хорошего на тех двух постах, на которые я ее назначал.

В 1989 году самой тяжелой для меня потерей был уход Бетси Райт. В начале августа она объявила, что берет отпуск на несколько недель. Я предложил Джиму Пледжеру совмещать работу начальника административно-финансового отдела с временным выполнением ее обязанностей. Заявление Бетси вызвало многочисленные сплетни и предположения, так как все знали,

что она твердой рукой управляла аппаратом сотрудников губернатора и пристально следила за всем, что происходило в правительстве штата. Джон Бруммет, язвительный обозреватель *Arkansas Gazette*, написал фельетон, в котором задал вопрос, не завершится ли в конечном счете наше временное расставание «разводом». Он полагал, что этого не случится, ведь мы так много значили друг для друга. Это соответствовало истине, однако Бетси необходимо было уйти. После моего поражения на выборах 1980 года она работала не покладая рук, и теперь это сказывалось. Мы оба были трудоголиками, оба чаще раздражались, когда сильно уставали. В 1989 году мы старались очень многое сделать в трудных условиях и слишком часто срывали друг на друге свое раздражение. В конце года, после десяти лет самоотверженной работы, Бетси официально подала в отставку с поста руководителя аппарата сотрудников губернатора. В начале 1990 года я назначил ее преемником Генри Оливера, бывшего агента ФБР и бывшего начальника полиции Форт-Смита. Генри не хотел браться за эту работу, но он был моим другом и верил в то, к чему мы стремились, поэтому подарил мне хороший год.

Бетси вернулась во время предвыборной кампании 1992 года, чтобы помочь мне защищаться от критики как того, что я сделал, так и моей личной жизни. Затем, проработав некоторое время в Вашингтоне в лоббистской фирме Энн Уэкслер, в самом начале моей деятельности на посту президента она вернулась в Арканзас и поселилась на плато Озарк. Большинство арканзасцев никогда не узнают, какую важную роль Бетси сыграла в том, что повысился уровень учебных заведений штата, появилось больше рабочих мест, а правительство стало честным и эффективным, — но им следовало бы это узнать. Без нее я не смог бы сделать на посту губернатора многое из того, что мне удалось. Без нее я никогда не уцелел бы в политических баталиях в Арканзасе, чтобы стать президентом.

В начале августа президент Буш объявил, что в будущем месяце он приглашает губернаторов страны на саммит, посвященный образованию. Встреча проходила 27–28 сентября в Вирджинском университете в Шарлоттсвилле. Многие демократы относились к ней скептически, так как президент и министр образования в его администрации Лауро Кавасос разъяснили, что она не станет прелюдией к значительному увеличению федерального финансирования системы образования. Я разделял их обеспокоенность, но меня радовала перспектива того, что на этом саммите может быть разработана программа для принятия дальнейших мер по реформе образования, аналогично тому, как это было сделано благодаря появившемуся в 1983 году докладу «Страна в опасности». Я считал, что президент искренне заинтересован в реформе образования, и был согласен с ним в том, что мы можем добиться многих важных достижений без выделения дополнительных федеральных средств. Например, администрация поддержала предоставление родителям и учащимся права выбирать другую государственную среднюю школу помимо той, к которой были приписаны дети. Арканзас стал вторым после Миннесоты штатом, принявшим это предложение, и я

хотел, чтобы нашему примеру последовали остальные сорок восемь штатов. Я также считал, что если на этом саммите будут выработаны необходимые рекомендации, губернаторы смогут использовать их, чтобы добиться поддержки общественностью увеличения инвестиций в образование. Если бы люди знали, что они получают за свои деньги, то, возможно, не так негативно относились бы к введению новых налогов. Как сопредседатель Специальной комиссии губернаторов по проблеме образования (вторым сопредседателем была губернатор штата Южная Каролина Кэрол Кэмпбелл) я хотел добиться консенсуса среди демократов, а затем поработать с республиканцами над итоговым заявлением.

Президент Буш открыл эту встречу, выступив с кратким, но впечатляющим докладом. Затем мы прошли вокруг Центральной лужайки, чтобы дать телеоператорам и фотографам возможность сделать снимки для вечерних новостей и утренних газет, после чего приступили к работе. Вечером президент и госпожа Буш устроили обед. Хиллари сидела за столом президента и вступила с ним в полемику о том, насколько высок уровень детской смертности в Америке. Президент не поверил, когда она сказала, что восемнадцать стран добились лучших, чем мы, результатов в сохранении жизни младенцев и детей в возрасте до двух лет. Она предложила представить ему доказательства, однако он сказал, что найдет их сам. Буш действительно это сделал, и на следующий день передал мне записку для Хиллари, в которой признал, что она была права. Этот любезный жест напомнил мне тот день в Кеннебанкпорте шесть лет назад, когда он сам проводил трехлетнюю Челси в туалет.

Кэрол Кэмпбелл вызвали в родной штат, где возникли чрезвычайные обстоятельства, а я остался прорабатывать детали заявления участников этого саммита вместе с губернатором штата Айова Терри Бранстедом, председателем Национальной ассоциации губернаторов, ее сотрудником, курировавшим вопросы образования, Майком Коуэном, и моей помощницей — конгрессменом Глорией Кейб. Засидевшись за работой далеко за полночь, мы общими усилиями подготовили заявление, содержащее обязательство губернаторов и Белого дома наметить ряд конкретных целей в области образования и достичь их к 2000 году. В отличие от движения за стандарты образования прошлого десятилетия, эти цели должны были быть ориентированы не на ресурсы, а на достижения; мы все были обязаны дать обещание добиться определенных результатов. Я сказал, что если мы покинем Шарлоттсвилл, не приняв смелых обязательств, выполнение которых будет способствовать динамичному проведению в жизнь реформы системы образования, то будем выглядеть глупо.

С самого начала большинство губернаторов поддерживали это мероприятие и идею о том, что наш саммит должен стать началом широкомасштабной кампании, но некоторые люди в окружении президента были далеко не так уверены в ее необходимости. Они опасались, что если он поддержит масштабную идею, то может оказаться в трудном положении, поскольку появятся надежды на новое федеральное финансирование, которое не планировалось из-за дефицита бюджета и обещания президента,

который сказал: «Никаких новых налогов». В конечном счете наши предложения были приняты благодаря Джону Сунуну, тогдашнему руководителю аппарата сотрудников Белого дома. Сунуну убедил своих коллег, что губернаторы не могут разъехаться по своим штатам с пустыми руками, а я обещал минимизировать их публичные требования о выделении дополнительных федеральных средств. В заключительной декларации, принятой на этом саммите, подчеркивалось: «Впервые в истории США настало время наметить четкие цели общенациональной деятельности, цели, достижение которых сделает нас конкурентоспособными на международном уровне».

В конце саммита президент Буш от руки написал мне очень сердечную записку, поблагодарив за совместную с его сотрудниками работу на этой встрече и подчеркнув, что в то время как мы приближаемся к промежуточным выборам 1990 года, ему хотелось бы, чтобы реформа системы образования «оставалась над схваткой». Наши желания совпадали. Специальная комиссия губернаторов по проблеме образования немедленно приступила к работе над определением целей. Нам оказывал содействие советник Белого дома по вопросам внутренней политики Роджер Портер, который, получив стипендию Родса, поступил в Оксфорд на год позже меня. Мы усиленно работали в следующие четыре месяца для своевременного достижения соглашения с Белым домом, чтобы успеть к моменту выступления президента с посланием «О положении в стране».

К концу января 1990 года мы согласовали шесть целей на 2000 год.

- К 2000 году все дети в Америке должны начать учебу в школе, будучи подготовленными к ней.
- К 2000 году число окончивших среднюю школу должно достичь по меньшей мере 90 процентов.
- К 2000 году американские учащиеся должны будут оканчивать четвертые, восьмые и двенадцатые классы, продемонстрировав знание таких важных предметов, как английский язык, математика, естественные науки, история и география; во всех школах Америки детей должны научить самостоятельно мыслить и подготовить к тому, чтобы они могли стать ответственными гражданами, к продолжению учебы и плодотворной работе в условиях нашей современной экономики.
- К 2000 году американские учащиеся должны стать первыми в мире по достижениям в естественных науках и математике.
- К 2000 году все взрослые в Америке должны стать грамотными и обладать необходимыми знаниями и профессиональными навыками, чтобы быть конкурентоспособными в условиях мировой экономики, пользоваться своими правами и выполнять свои гражданские обязанности.
- К 2000 году все школы Америки должны стать свободными от наркотиков и насилия, в них должны быть обеспечены дисциплина и порядок, необходимые для успешного овладения знаниями.

Тридцать первого января, сидя на балконе в Палате представителей, я слушал выступление президента Буша, который объявил эти цели и со-

общил, что они были разработаны совместно Белым домом и Специальной комиссией губернаторов по проблеме образования и войдут в еще более всеобъемлющее заявление о целях, которое мы представим всем губернаторам штатов на их зимней конференции в следующем месяце.

Этот документ, принятый губернаторами в конце февраля, стал достойным преемником доклада «Страна в опасности» 1983 года. Я гордился причастностью к его разработке, на меня произвели большое впечатление знания и преданность делу моих коллег-губернаторов, я также был благодарен президенту, Джону Сунуну и Роджеру Портеру. В течение следующих одиннадцати лет я в качестве губернатора штата Арканзас, а затем и как президент не покладая рук работал над достижением этих целей в сфере образования в масштабах страны. Наша планка была установлена высоко. Однако, когда стремишься к достижению высоких целей, в конечном счете удается значительно продвинуться вперед, даже если некоторые попытки оказываются неудачными.

В последние месяцы 1989 года я размышлял над тем, чему мне следует посвятить остальную часть моей жизни. Существовали убедительные аргументы против того, чтобы в пятый раз добиваться выдвижения своей кандидатуры на пост губернатора. Меня огорчало, что я не смог собрать средств, необходимых для дальнейшего совершенствования системы образования, развития детей дошкольного возраста и здравоохранения. После десяти лет пребывания на посту губернатора я мог остановиться, оглянуться на подлинные успехи, которых, вопреки обстоятельствам, добился за это десятилетие, и оставить за собой возможность добиваться избрания на пост президента в 1992 году. Если же я снова решился бы баллотироваться на пост губернатора, то мог бы потерпеть поражение. Я уже проработал дольше всех других губернаторов, кроме Орвала Фобуса. Кроме того, результаты опросов общественного мнения показывали, что многие арканзасцы хотели видеть на этом посту нового человека.

С другой стороны, мне нравилась как практическая политическая деятельность, так и разработка политической стратегии. Кроме того, не хотелось уходить с поста губернатора с неприятным чувством из-за неудач с финансированием в 1989 году. У меня по-прежнему была талантливая, энергичная и очень честная команда. За все время моего губернаторства мне только дважды предлагали деньги за принятие определенного решения. Одна компания, которая хотела выиграть тендер на медицинское обслуживание заключенных, предложила мне через посредников значительную сумму. Я распорядился вычеркнуть эту фирму из списка участников тендера. Один из окружных судей обратился ко мне с просьбой принять мужчину, добивавшегося помилования для своего племянника. Этот пожилой человек десятилетиями не имел никаких контактов с правительством штата и определенно считал, что поступает абсолютно правильно, предлагая мне десять тысяч долларов за решение о помиловании. В ответ на это предложение я сказал: ему повезло, что я плохо слышу, поскольку сейчас он, возможно, совершил преступление. Я посоветовал этому мужчине,

вернувшись домой, пожертвовать деньги своей церкви или приюту и обещал разобраться в деле его племянника.

Мне очень нравилась работа губернатора, и я просто не представлял, чем буду заниматься, если откажусь от нее. В конце октября я отправился на ярмарку штата, где бывал каждый год. В тот раз я провел там несколько часов и разговаривал со всеми, кто хотел со мною встретиться. Ближе к концу дня ко мне подошел мужчина в рабочем комбинезоне, на вид лет шестидесяти пяти. Из разговора с ним я узнал много интересного для себя. «Билл, ты собираешься снова выставлять свою кандидатуру?» — спросил он. «Не знаю, — ответил я. — Если решусь, вы будете за меня голосовать?» «Наверное. Я всегда за тебя голосую», — сказал мужчина. «Я вам не надоел за все эти годы?», — поинтересовался я. Он, улыбнувшись, ответил: «Мне — нет, но всем остальным, кого я знаю, — да». Я засмеялся и заметил: «Разве они не считают, что я хорошо поработал?» Он отпарировал: «Конечно, но ведь ты получал чек каждые две недели, не так ли?» Это был классический пример еще одного политического «закона Клинтона»: все выборы обращены в будущее. Я просто должен был добросовестно делать свое дело, как всякий другой человек, зарабатывающий себе на жизнь. Хорошая репутация полезна главным образом как гарантия того, что, если вас переизберут, вы выполните свои обещания.

В ноябре пала Берлинская стена — символ разделения мира на два лагеря во времена холодной войны. Как и всем американцам, мне было приятно смотреть на молодых немцев, разбиравших ее и уносивших с собой камни в качестве сувениров. Наша долгая борьба с коммунистической экспансией в Европе заканчивалась победой свободы благодаря единому фронту в лице НАТО и американским руководителям — от Гарри Трумэна до Джорджа Буша. Я вспомнил свою поездку в Москву почти двадцатилетней давности и жадный интерес русской молодежи к поступающей с Запада информации и к западной музыке, отражавший их стремление к свободе. Вскоре после этих событий мой давний друг Дэвид Ифшин подарил мне два кусочка Берлинской стены. В судьбоносную ночь 9 ноября он находился в Берлине и вместе с немцами разбирал эту стену. Дэвид был активным, привлечшим внимание к своей позиции противником войны во Вьетнаме. Его радость по поводу падения Берлинской стены символизировала перспективы, открывшиеся, по мнению всех американцев, в эпоху, наступившую после окончания холодной войны.

В декабре мой старый наставник пастор У.О. Вот потерпел поражение в борьбе с раком. За несколько лет до этого он ушел из церкви «Эммануил», выйдя на пенсию, и его преемником стал д-р Брайан Харбор, прекрасный молодой пастор, представлявший редкие ряды прогрессивных южных баптистов, с которыми я себя отождествлял. Д-р Вот продолжал активную деятельность и на пенсии, пока из-за болезни не ослабел до такой степени, что не мог уже совершать поездки и выступать. За несколько лет до этого он пришел ко мне в резиденцию губернатора. Пастор заявил, что хочет сказать мне три вещи. Во-первых, подчеркнул он, ему известно, что меня беспокоит нравственная сторона смертной казни, хотя

я ее всегда поддерживал. Пастор объяснил мне, что библейская заповедь «не убий» не запрещает законных казней, поскольку исходным греческим словом определяют не все виды убийства. Он добавил, что буквально эта заповедь звучала так: «не совершай убийства». Во-вторых, сказал он, его тревожат нападки фундаменталистов, которые осуждают мою позицию в отношении аборт, предусматривающую право выбора. Пастор хотел, чтобы я знал: хотя он считает, что аборт делать грешно, Библия их не осуждает и говорит, что жизнь начинается не с зачатия, а с того момента, когда ее «вдохнули» в ребенка, шлепнув его по попе после извлечения из тела матери. Я спросил его, что он думает о библейском постулате, согласно которому Бог знает нас, когда мы еще находимся в материнском чреве. Он ответил, что этот стих подразумевает всеведение Бога и с таким же успехом можно сказать, что Бог знал нас еще до того, как мы оказались во чреве матери, и еще до того, как родился кто-либо из наших предков по прямой линии.

То, что заявил мне д-р Вот напоследок, стало для меня неожиданностью. Он сказал: «Билл, я думаю, что однажды ты станешь президентом. Я полагаю, ты будешь хорошим президентом, однако прежде всего тебе следует помнить: Бог никогда не простит тебя, если ты не будешь поддерживать Израиль». Пастор считал, что Бог хотел, чтобы родиной евреев была Святая земля. Он не спорил с тем, что с палестинцами обошлись несправедливо, но, по его мнению, эту проблему следовало решить таким образом, чтобы гарантировать мир и безопасность Израилю.

В середине декабря я навестил д-ра Вота. Пастор был так слаб, что не выходил из спальни, и попросил меня перенести рождественскую елку в его спальню, чтобы он мог радоваться, глядя на нее в свои последние дни. Д-р Вот умер на Рождество. У Иисуса никогда не было более верного последователя, а у меня — более мудрого наставника и советчика. Мне предстояло идти по предсказанному им пути и преодолевать опасности, грозящие моей собственной душе, уже без его поддержки.

Пока я раздумывал, следует ли мне вновь баллотироваться на пост губернатора, предвыборная гонка, независимо от моего решения, превращалась в пеструю и шумную кампанию. Вырывались наружу годами подавлявшиеся амбиции. Со стороны демократов о своем намерении баллотироваться заявили Джим Гай Такер, генеральный прокурор Стив Кларк и президент Фонда Рокфеллера Том Макрей, дедушка которого в свое время тоже занимал пост губернатора. Все трое были моими друзьями, предлагали хорошие идеи и могли гордиться многими прогрессивными свершениями. Кандидатуры со стороны республиканцев оказались еще более интересными. В соревновании участвовали два известных бывших демократа: конгрессмен Томми Робинсон, который не любил Вашингтон, и бывший президент Arkansas-Louisiana Gas Company Шеффилд Нельсон, заявивший, что он перешел в республиканскую партию из-за того, что демократы слишком сдвинулись влево. Это было стандартное объяснение южан. Самое интересное, что давал его не кто иной, как Нельсон, который в 1980 году поддерживал сенатора Теда Кеннеди в борьбе против президента Картера.

В ходе предвыборной кампании Робинсон, Нельсон и их сторонники, которые когда-то были друзьями, с энергией, достойной лучшего применения, нападали друг на друга, давали обидные прозвища и поливали грязью. Например, Робинсон заявил, что Нельсон и Джерри Джонс, старый друг обоих кандидатов, которому принадлежали некоторые газовые месторождения, снабжавшие Аркля, были алчными дельцами, обиравшими инвесторов этой компании, а Нельсон сообщил, что Робинсон ненадежный человек и неподходящая кандидатура на пост губернатора. Почти все они считали, что я слишком повысил налоги и не добился конкретных результатов в усовершенствовании системы образования и экономической системы.

Со стороны демократов из гонки вышел Стив Кларк; остались Джим Гай Такер и Том Макрей, которые заняли иную, более хитроумную, чем республиканцы, позицию, чтобы вынудить меня отказаться баллотироваться. Они заявили, что я сделал много хорошего, но мое время кончилось и у меня больше нет новых идей. Десять лет на посту губернатора — достаточно долгий срок. По их словам, я больше не мог добиваться принятия Законодательным собранием определенных решений и, если предоставить мне возможность находиться на посту губернатора еще четыре года, это обеспечит мне слишком большой контроль над всеми аспектами деятельности правительства штата. Макрей встретился с уполномоченными избирателями «репрезентативными группами», члены которых заявили, что в области экономического развития они согласны продолжать двигаться

в намеченном мною направлении, однако открыты для новых идей вновь избранного руководителя. Во многом я был согласен с их рассуждениями, однако не думал, что они смогут добиться от наших консервативных законодателей, противящихся повышению налогов, большего, чем удалось добиться мне.

В конце концов, все еще не решив, как поступить, я наметил объявление своего решения на 1 марта. Мы с Хиллари обсуждали все это десятки раз. В газетах появились предположения, что если не буду баллотироваться я, то это сделает она. Когда меня об этом спросили, я ответил, что Хиллари была бы прекрасным губернатором, но не знаю, примет ли она такое решение. Когда мы обсуждали это, Хиллари сказала, что отважилась бы на это, если бы я не стал баллотироваться, однако ее планы не должны влиять на мой выбор. Еще до того, как я сам это понял, Хиллари уже знала, что я не готов отказаться от борьбы.

В конечном счете, я не смог примириться с мыслью, что уйду в отставку после десятилетия активной работы, в то время как в последний год на посту губернатора неоднократно терпел неудачи с финансированием дальнейшего совершенствования системы образования. Я никогда не был человеком, способным все бросить и уйти, и даже когда у меня появлялось такое искушение, обязательно происходило какое-то событие, которое меня ободряло. В середине 1980-х годов, когда наша экономика находилась в очень трудном положении, я почти добился создания нового предприятия в округе, где каждый четвертый был безработным. В последний момент штат Небраска предложил этой компании на миллион долларов больше, и сделка сорвалась. Я был подавлен и считал, что подвел целый округ. Когда мой секретарь Линда Диксон увидела, что я сижу, обхватив голову руками, она оторвала листок с библейским изречением из религиозного календаря, лежавшего у нее на рабочем столе. Это был стих 9 Главы 6 Послания к Галатам: «Делая добро, да не унываем; ибо в свое время пожнем, если не ослабеем». Я продолжил работу.

Одиннадцатого февраля я увидел самое убедительное доказательство несгибаемости человеческого духа. Рано утром в этот воскресный день мы с Хиллари разбудили Челси и вместе с ней спустились в кухню губернаторского особняка, чтобы стать свидетелями, как мы сказали ей, одного из самых важных событий в ее жизни. Мы включили телевизор и увидели последние шаги Нельсона Манделы на его долгом пути к свободе. Мандела выдержал двадцать семь лет тюремного заключения и жестокого обращения и победил, ликвидировав режим апартеида, освободив свое сердце и душу от ненависти и став воодушевляющим примером для всего мира.

На состоявшейся 1 марта пресс-конференции я сказал, что, хотя «уже не горю желанием участвовать в выборах», все же буду баллотироваться на пост губернатора на пятый срок, так как хочу получить еще один шанс завершить работу по совершенствованию системы образования и модернизации экономики и считаю, что могу справиться с этим лучше, чем другие кандидаты. Я также обещал продолжать вводить новых людей в правительство штата и делать все возможное для предотвращения злоупотребления властью.

Сейчас, оглядываясь назад, я вижу, что подобное заявление выглядело неоднозначным и немного самоуверенным, однако это было честное выражение моих чувств в момент, когда я начал первую с 1972 года предвыборную кампанию, в успехе которой не был уверен. Вскоре после этого у меня появилась возможность немного перевести дух, когда Гай Такер решил отказаться от дальнейшего участия в предвыборной кампании и вместо этого баллотироваться на пост заместителя губернатора, заявив, что раскол на предварительных выборах лишь увеличивает шансы республиканцев на победу осенью. Джим Гай считал, что сможет легко победить в борьбе за пост заместителя губернатора, а затем, через четыре года, стать губернатором. Почти наверняка он был прав, и я испытал облегчение.

Тем не менее я не мог считать, что победа на предварительных выборах мне гарантирована. Макрей активно вел предвыборную кампанию, и благодаря многолетней успешной работе в Фонде Рокфеллера у него было много друзей и сторонников по всему штату. Выступая с официальным заявлением о намерении баллотироваться на пост губернатора, он держал в руке метлу и сказал, что хочет чисто вымести правительство штата, избавившись от старых идей и профессиональных политиков. Тактика «метлы» сработала, когда мой сосед Дэвид Борен добивался в 1974 году избрания на пост губернатора штата Оклахома. Однако я пришел к выводу, что на этот раз она не даст результата. Глория Кейб согласилась возглавить мой предвыборный штаб и эффективно организовала работу. Морис Смит занимался сбором средств. Я придерживался простой стратегии: работать больше, чем мои соперники, выполнять свои обязанности и продолжать пропагандировать новые идеи, включая учреждение стипендий всем учащимся средней школы, имеющим среднюю оценку «В» или выше, для продолжения учебы в колледжах; инициативу «Посади дерево для будущего», предусматривавшую посадку еще десяти миллионов деревьев в год на протяжении десятилетия, чтобы уменьшить последствия парникового эффекта и глобального потепления.

Макрей был вынужден усилить критику в мой адрес, что, как мне кажется, ставило его в несколько неловкое положение, однако имело некоторое влияние. Все кандидаты обвиняли меня в том, что я участвую в общенациональной политической жизни. В конце марта я отправился в Новый Орлеан, чтобы занять пост председателя Совета руководства демократической партии. Я был убежден, что взгляды этой организации на реформу системы социального обеспечения, на уголовное правосудие, образование и экономический рост имели большое значение для будущего самой демократической партии и всей страны. Позиция Совета руководства демократической партии пользовалась популярностью в Арканзасе, однако моя активная работа в нем могла стать для меня помехой во время предвыборной кампании, поэтому я постарался как можно скорее вернуться в родной штат.

В апреле АФТ — КПП впервые отказалось поддержать мою кандидатуру. Я никогда не нравился ее председателю Биллу Беккеру. Он считал, что повышение налога с продаж несправедливо по отношению к людям труда, выступал против налоговых инициатив, которые я поддерживал, чтобы стимули-

ровать создание новых рабочих мест в Арканзасе, и обвинял меня в провале референдума по реформе налогообложения в 1988 году. Он также был очень зол на меня за то, что я поддержал гарантию по займу в размере 300 тысяч долларов для компании, участвовавшей в конфликте с профсоюзами. Я выступил на профсоюзном съезде, отстаивая правильность такой меры, как повышение налогов в целях совершенствования системы образования, и выразил удивление по поводу того, что Беккер возложил на меня ответственность за провал налоговой реформы, которую я поддержал, но против которой высказались жители штата. Я также доказывал необходимость этого займа, поскольку он помог сохранить четыреста десять рабочих мест: данная компания продавала свою продукцию Ford Motor Company, и получение займа позволило ей создать двухмесячный товарный запас, без которого Ford аннулировал бы контракт и она бы разорилась. Через две недели, несмотря на позицию Беккера, меня поддержали восемнадцать местных профсоюзов. Они не попались в классическую ловушку либералов, считавших лучшее врагом хорошего. Если бы люди, голосовавшие в 2000 году за Ральфа Нейдера, не совершили этой ошибки, президентом был бы избран Ал Гор.

Единственный драматический эпизод на предварительных выборах произошел, когда меня снова не было в штате. Когда я в Вашингтоне представлял Конгрессу доклад муниципальной Комиссии по развитию района дельты реки Миссисиппи, Макрей организовал в здании Законодательного собрания пресс-конференцию, на которой стал критиковать все, что было мною сделано. Он думал, что ему удастся привлечь на свою сторону всю арканзасскую печать. Хиллари считала иначе. Когда я позвонил ей накануне вечером, она сказала, что, возможно, будет присутствовать на этой пресс-конференции. Макрей посадил рядом с собой моего «двойника» из картона. Он осуждал меня за то, что я подолгу отсутствую в штате, намекал, что я не захотел вести с ним дебаты, и начал критиковать то, что было мною сделано, задавая мне вопросы и от моего имени давая на них ответы.

В разгар этого представления Хиллари вышла из толпы и прервала Тома, сказав, что, как ему хорошо известно, я нахожусь в Вашингтоне, чтобы изложить рекомендации муниципальной Комиссии по развитию района дельты реки Миссисиппи, и это должно помочь Арканзасу. Затем она зачитала заранее подготовленное резюме докладов Фонда Рокфеллера за несколько лет, в которых давалась высокая оценка моей работе на посту губернатора. Хиллари заявила, что в этих докладах правильно сформулирована оценка моей деятельности, и Арканзасу есть чем гордиться: «Мы добились большего прогресса, чем все остальные штаты, кроме Южной Каролины, и не отстаем от них».

Это был неслыханный поступок для жены кандидата, тем более для первой леди — так выступить против оппонента. Некоторые люди критиковали ее за это, однако многие понимали, что Хиллари заслужила право защищать работу, которой мы занимались вместе много лет, и что своим выступлением она сорвала замысел Макрея. Вернувшись домой, я обрушился на него за эти нападки и раскритиковал предложенную им стратегию экономического развития, заявив, что он хочет выстроить стену вокруг

Арканзаса. Я победил Макрея и несколько других соперников, набрав 55 процентов голосов, однако Том, имея очень небольшой бюджет, искусно вел кампанию и получил достаточно хорошие результаты, чтобы обнадежить республиканцев относительно их перспектив на выборах, которые должны были состояться осенью.

Шеффилд Нельсон победил Томми Робинсона на предварительных выборах в республиканской партии и обещал вести борьбу со мной, критикуя мои действия в сфере налогов и расходов. Это была ошибочная стратегия. Нельсону следовало вести кампанию как умеренному республиканцу, одобрить мою работу в области образования и экономического развития и сказать, что десять лет — это достаточно долгий срок, поэтому мне нужно подарить золотые часы и дать возможность уйти в почетную отставку. Поскольку Нельсон изменил свою первоначальную позицию поддержки стандартов для школ и увеличения налога с продаж для их финансирования, он позволил мне избежать ограничивающих оков имиджа «усталого губернатора» и баллотироваться как единственному кандидату, выступающему за позитивные перемены.

Тот факт, что Нельсон вел кампанию против программы совершенствования системы образования и повышения налогов, давало мне дополнительное преимущество: если бы я одержал победу, то мог бы заявить членам Законодательного собрания, что люди проголосовали за дальнейшее продвижение по этому пути. Приближался день выборов, и АФТ — КПП наконец одобрило мою кандидатуру. Ассоциация работников просвещения штата Арканзас «рекомендовала» меня за то, что я выступаю за повышение зарплаты учителям, из-за обещания Нельсона четыре года не повышать налоги и благодаря стремлению председателя этой ассоциации Сида Джонсона «зарыть топор войны» и продолжать заниматься делом.

Тем временем Нельсон перешел на еще более правые позиции, стал выступать за сокращение социальных пособий для незаконнорожденных детей и критиковать меня за то, что я наложил вето на законопроект, который Национальной стрелковой ассоциации удалось провести через Законодательное собрание штата. На основании этого законопроекта местным органам власти было бы запрещено принимать решения, устанавливающие любые ограничения, касающиеся стрелкового оружия и боеприпасов. Это был хитрый ход со стороны Национальной стрелковой ассоциации, поскольку члены Законодательного собрания в основном представляли сельские районы и в большей степени, чем муниципалитеты, выступали за свободную продажу оружия, однако я считал этот законопроект плохим решением и полагал, что, если муниципалитет Литл-Рока хочет запретить продажу пуль — «убийц полицейских», в ситуации активизации преступной деятельности он должен иметь на это право.

Работа канцелярии губернатора, конечно же, не прекратилась на время избирательной кампании. В июне я одобрил решение о приведении в исполнение первых в Арканзасе смертных приговоров начиная с 1964 года. Джон Суиндлер был приговорен к высшей мере наказания за убийство арканзас-

ского полицейского и двух подростков из Южной Каролины. Рональд Джин Симмонс убил свою жену, трех сыновей, четырех дочерей, зятя, невестку, четырех внуков и еще двух людей, на которых затаил злобу. Симмонс хотел умереть, Суиндлер — нет. Оба приговора были приведены в исполнение в июне. Я не испытывал никаких угрызений совести по поводу этих двух казней, однако знал, что впереди нас ожидают еще более трудные дела.

Я также начал смягчать приговоры некоторым убийцам, приговоренным к пожизненному заключению, с тем чтобы они получили право на условно-досрочное освобождение. Разъясняя свои действия избирателям, я сказал, что на протяжении нескольких лет не применял эту меру, учитывая негативный опыт, полученный во время первого срока моих полномочий, однако и Бюро тюрем, и Бюро амнистий, и Бюро по условному-досрочному освобождению обратились ко мне с просьбой возобновить смягчение приговоров некоторым лицам, отбывающим пожизненный срок. Большинство штатов предоставляет таким заключенным право на условно-досрочное освобождение после того, как они отбывают несколько лет тюремного заключения. В Арканзасе приговоры им должен смягчать губернатор. Принимать эти непопулярные решения было нелегко, однако необходимо, чтобы сохранить мир и правопорядок в пенитенциарной системе, где 10 процентов осужденных отбывали пожизненные сроки. Хорошо, что многие такие заключенные, как правило, не повторяют свои преступления и могут вернуться в общество, уже не представляя опасности для окружающих. На этот раз мы предприняли активные усилия, чтобы связаться с семьями жертв и выслушать их мнение. Как это ни удивительно, многие не возражали. Кроме того, в большинстве случаев те, кому я смягчил приговор, были пожилыми людьми или совершили преступления в молодости.

В середине сентября один бывший сотрудник Управления финансового развития впервые выдвинул против меня обвинения, связанные с «проблемой сексуальных отношений». До этого Ларри Николс более 120 раз звонил из своего офиса консервативным сторонникам никарагуанских контраст, которых активно поддерживала республиканская партия США. Николс объяснил это тем, что убеждал их лоббировать республиканцев в Конгрессе, для того чтобы они поддержали законопроекты, выгодные его управлению. Его оправдания не были приняты. Когда стало известно об этих звонках, Николса уволили. Он организовал на ступенях здания Законодательного собрания пресс-конференцию, в ходе которой обвинил меня в том, что я тратил средства этого финансового управления на пятерых женщин, с которыми у меня якобы были романы. Я подъехал к месту парковки моей машины перед зданием Законодательного собрания вскоре после того, как Николс выступил с этими обвинениями, и мне неожиданно поведал эту историю Билл Симмонс из агентства Associated Press, высокопоставленный представитель политической прессы и хороший журналист. Когда Симмонс спросил меня, соответствуют ли эти обвинения действительности, я просто предложил ему позвонить упомянутым женщинам. Он так и поступил. Они все опровергли эту информацию, и фактически история сошла на нет. О ней не сообщила ни одна телекомпания или газета, за исключением единственного

работавшего на радио диктора, придерживавшегося консервативных взглядов, сторонника Нельсона. Он назвал имя одной из этих женщин — Дженнифер Флауэрс, которая пригрозила, что привлечет его к судебной ответственности, если разговоры на эту тему не прекратятся. Члены предвыборного штаба Нельсона старались распространять эти слухи, которые, однако, ничем не подтверждались, поскольку у моих оппонентов не было никаких доказательств.

В конце кампании по телевидению был показан ролик Нельсона, который, хотя и вводил зрителей в заблуждение, оказался весьма эффективным. Диктор задавал один вопрос за другим, а затем спрашивал, что бы я стал делать, чтобы их решить. На каждый такой вопрос мой голос за кадром отвечал: «Собирать средства и расходовать их». Сотрудники предвыборного штаба Нельсона вырезали эти слова из моего послания «О положении в штате», в котором я сравнивал бюджет штата Арканзас с бюджетом федерального правительства. Я сказал, что если Вашингтон может позволить себе расходовать средства, создавая дефицит, то мы, если у нас нет денег, должны «собирать средства и расходовать их или не расходовать вообще». Я подготовил ответный ролик, в котором утверждения Нельсона сравнивались с моими словами, сказанными в действительности, и предупредил избирателей: если люди не могут быть уверены в том, что Нельсон не введет их в заблуждение, значит, они не могут доверить ему пост губернатора. Через пару дней после этого я был переизбран 57 процентами голосов против 43 процентов.

Эта победа была приятна мне по многим причинам. Люди решили дать мне возможность проработать на этом посту четырнадцать лет, дольше любого другого губернатора штата Арканзас за всю его историю. Мне впервые отдали предпочтение избиратели в Себастиане, который тогда был одним из крупных округов штата, преимущественно поддерживавших основное ядро республиканской партии. Выступая во время предвыборной кампании в Форт-Смите, я обещал, что, если одержу там победу, мы с Хиллари будем танцевать на главной улице этого города — Гаррисон-авеню. Через пару вечеров после выборов мы выполнили это обещание вместе с несколькими сотнями наших сторонников. Было холодно, шел дождь, но мы танцевали, причем с большим удовольствием. Мы шестнадцать лет ждали победы на всеобщих выборах в этом округе.

Единственный неприятный момент был чисто личным. В августе лечащий врач мамы обнаружил у нее опухоль в правой груди. Через сорок восемь часов после этого ей сделали операцию по удалению новообразования, а Дик, Роджер и я ждали в больнице. Вскоре мама вновь обрела свою обычную жизнерадостность и почти сразу же вернулась к работе в штабе предвыборной кампании, хотя ей в течение нескольких месяцев еще предстояло проходить курсы химиотерапии. Рак уже затронул двадцать семь лимфатических узлов на ее руке, но она никому не сказала об этом, даже мне. По существу, мама не говорила нам, как плохи были тогда ее дела, вплоть до 1993 года.

В декабре я возобновил работу в Совете руководства демократической партии, открыв в Остине филиал этой организации в штате Техас. В своем выступлении я подчеркнул, что, в отличие от мнения наших критиков-ли-

бералов, мы — хорошие демократы. Мы считаем, что надо сохранить американскую мечту для всех людей. Мы верим в правительство, но не в статус-кво. Кроме того, мы считаем, что правительство расходует слишком много средств на вчерашний и сегодняшний дни: на выплату процентов по долгу, оборону, выделение дополнительных средств на систему здравоохранения — и слишком мало на завтрашний день: образование, охрану окружающей среды, научные исследования и опытно-конструкторские разработки и инфраструктуру. Я сказал, что Совет руководства демократической партии выступает за современную основополагающую программу: расширение альтернатив, а не бюрократического аппарата; право выбора бесплатных средних школ, детских садов и яслей; ответственность перед бедными людьми и предоставление им возможностей; преобразование правительства на новой основе, отказ от бюрократической системы, существовавшей в индустриальную эпоху, и переход к более экономной, более новаторской, более гибкой модели, соответствующей потребностям современной мировой экономики.

Я стремился выработать национальную платформу для демократов, и в связи с этим усилились предположения, что я, возможно, буду участвовать в президентских выборах в 1992 году. Во время недавней кампании перед выборами губернатора штата Арканзас я не раз говорил, что, если меня изберут на этот пост, я буду работать до истечения срока моих полномочий. Я думал, что поступлю именно так, и с воодушевлением ожидал предстоящей сессии Законодательного собрания штата. Хотя я решительно возражал против многих решений президента Буша, например против того, что был провален законопроект Брейди и наложено вето на закон «О медицинском отпуске и отпуске по семейным обстоятельствам», мне нравился президент, и у меня сложились хорошие отношения с сотрудниками Белого дома. Кроме того, кампания с целью нанести ему поражение на выборах представлялась безнадежной. Саддам Хусейн вторгся в Кувейт, и США приступили к наращиванию военной мощи перед войной в Персидском заливе, из-за которой через два месяца рейтинг поддержки президента резко повысился.

Утром 15 января 1991 года я в последний раз принес присягу губернатору в Литл-Роке, а десятилетняя Челси держала для меня Библию. По традиции я выступил с неофициальной речью в переполненном зале Палаты представителей, а затем, в полдень, — с более официальным докладом на публичной церемонии, из-за плохой погоды состоявшейся в ротонде здания Капитолия. В новом составе Законодательного собрания было больше, чем когда-либо, женщин и чернокожих. Спикер Палаты представителей Джон Липтон и временный председатель Сената Джерри Букаут были прогрессивными деятелями и моими активными сторонниками. Заместителем губернатора стал Джим Гай Такер, возможно самый способный человек, когда-либо занимавший этот пост, и впервые за много лет мы с ним не стремились к достижению противоположных целей, а работали вместе.

Я посвятил свою инаугурационную речь тем мужчинам и женщинам из Арканзаса, которые находились в составе наших вооруженных сил в районе

Персидского залива, и отметил, что мы не случайно начинаем свою деятельность в день рождения Мартина Лютера Кинга-младшего, поскольку «должны все вместе продвигаться вперед, в будущее, или наши общие достижения будут ограничены». Затем я изложил самую честолюбивую за все время своей деятельности программу в таких областях, как образование, здравоохранение, строительство дорог и охрана окружающей среды.

В области образования я предложил значительно увеличить объем программ, предусматривавших профессиональное обучение и распространение грамотности среди взрослых; обучение профессиям молодых людей, не намеренных поступать в колледжи; учреждение стипендий для обучения в колледжах всех детей из семей среднего класса и с низкими доходами, которые пройдут требуемые курсы со средней оценкой «В» и не будут принимать наркотики. Я также предложил программы дошкольной подготовки для детей из бедных семей; новые средние школы по месту жительства для учащихся, желающих обучаться математике и естественным наукам; преобразование четырнадцати профессионально-технических училищ в двухгодичные колледжи и повышение зарплаты учителей за два года на 4000 долларов. Я обратился к членам Законодательного собрания с просьбой утвердить повышение на полцента налога с продаж и налога на прибыль, чтобы финансировать эти программы.

Моя комплексная программа также предусматривала несколько реформ, включая страхование здоровья беременных женщин и детей; исключение более 250 тысяч, то есть свыше 25 процентов всех налогоплательщиков штата, из налоговых списков и введение льготы на налог на прибыль, чтобы компенсировать повышение налога с продаж для 75 процентов налогоплательщиков.

В течение следующих шестидесяти восьми дней я делал все возможное для того, чтобы члены Законодательного собрания приняли эту программу: приглашал их в свой кабинет; посещал слушания в комитетах, чтобы лично выступить в поддержку предложенных законопроектов; беседовал с ними в коридорах, на вечерних мероприятиях или рано утром в кафетерии, находящемся в здании Законодательного собрания; разговаривал с законодателями на улице перед Капитолием или в вестибюле; звонил им поздно вечером и собирал у себя выступавших против этих законопроектов членов Законодательного собрания и их союзников-лоббистов, чтобы вместе выработать компромиссные решения. К концу сессии моя программа была принята фактически полностью. За предложения по налогам проголосовало от 76 до 100 процентов членов обеих палат, включая большинство законодателей-республиканцев.

Эрнст Дюма, один из самых выдающихся обозревателей Арканзаса, отличавшийся острым умом, заявил: «Для сферы образования это была одна из лучших сессий Законодательного собрания в истории штата, можно сказать — самая лучшая». Дюма отметил, что мы также приняли крупнейшую за всю историю штата программу строительства дорог; значительно расширили медицинское обслуживание семей с низкими доходами; способствовали улучшению состояния окружающей среды, приняв пред-

ложения, направленные на переработку твердых отходов и их сокращение, а также на «ослабление влияния предприятий, деятельность которых наносит вред экологии», на агентство штата по борьбе с загрязнением окружающей среды; а также «выбили почву из-под ног нескольких религиозных фанатиков», создав школьные поликлиники в бедных общинах.

Самая ожесточенная борьба в Законодательном собрании шла из-за этих поликлиник. Я выступал за то, чтобы разрешить им раздавать презервативы, если это решение одобряют школьные советы. Такую же позицию занимал Сенат. Более консервативная Палата представителей решительно выступала против. В конце концов Законодательное собрание приняло компромиссное предложение, внесенное членом Палаты представителей Марком Прайором, который в 2002 году стал младшим сенатором в Сенате США: для приобретения презервативов нельзя использовать деньги штата, однако, если они будут куплены на другие средства, их можно распространять. Боб Ланкастер, остроумный обозреватель *Arkansas Gazette*, написал полную юмора статью, в которой привел хронику борьбы «Конгресса с презервативами». Он назвал ее, извинившись перед Гомером, «Троянской войной».

Законодательное собрание также приняло поддерживавшийся Национальной стрелковой ассоциацией законопроект, запрещающий городам и округам принимать местные указы и постановления, ограничивающие и регулирующие продажу и покупку оружия, аналогичный тому, на который я наложил вето в 1989 году. Ни в одном южном штате члены Законодательного собрания не смогли сказать «нет» Национальной стрелковой ассоциации. Этот законопроект был утвержден даже более либеральным Сенатом 26 голосами против 7. Тем не менее я добился того, чтобы Сенат принял его ближе к концу сессии, чтобы я мог наложить на него вето, когда члены Законодательного собрания разъедутся и уже не смогут его преодолеть. После того как мне прислали этот законопроект, у меня произошла необычная встреча с одним молодым лоббистом из Национальной стрелковой ассоциации, прибывшим из Вашингтона, чтобы помочь его принятию. Это был очень высокий, хорошо одетый молодой человек, говоривший, проглатывая гласные, как это свойственно уроженцам Новой Англии. Однажды, когда я шел через ротонду из Палаты представителей в ту часть здания Законодательного собрания, где находился Сенат, он остановил меня и сказал: «Губрнатор, губрнатор, почему бы вам не позволить этому законопроекту стать законом без вашей подписи?» Я в сотый раз объяснил, почему не поддерживаю этот законопроект. Тогда он вспыхнул: «Смотрите, губрнатор, в будущем году вы будете баллотироваться на пост президента, и тогда, если вы наложите вето на этот законопроект, мы в штате Техас сделаем из вас котлету». Я не ударил его и благодаря этому понял, что становлюсь старше и сдержаннее. Вместо этого я улыбнулся и сказал: «Вы не поняли. Мне не нравится этот законопроект. Знаете, в Арканзасе никогда не будет проблем с контролем над оружием. На стене вашего роскошного офиса в Вашингтоне висит таблица, в верхней части которой — этот законопроект, а под ним перечислены все штаты. Вам глубоко наплевать на достоинства этого законопроекта. Вы хотите включить в эту таблицу Арканзас. Поэтому берите свое ружье,

а я возьму свое, мы оседлаем коней и встретимся в Техасе». Сразу же после окончания сессии Законодательного собрания я наложил вето на этот законопроект. Вскоре Национальная стрелковая ассоциация начала показывать по телевидению ролики с критикой в мой адрес. Только начав писать эту книгу, я понял, что во время своей стычки с лоббистом из Ассоциации я признал, что подумываю о возможности участия в борьбе за пост президента. Однако в тот момент я не думал, что займусь этим. Мне просто не нравилось, когда мне угрожали.

После сессии Генри Оливер сказал мне, что хочет уйти в отставку. Мне очень не хотелось его терять, но после десятилетий достойной службы в морской пехоте, ФБР, работы в местных органах власти и правительстве штата он заслужил право уйти на покой. На какое-то время его обязанности взяли на себя Глория Кейб и Кэрол Раско.

В течение нескольких следующих месяцев я обеспечивал эффективное проведение в жизнь нашей широкомасштабной законодательной программы и ездил по стране в качестве представителя Совета руководства демократической партии. Поскольку я говорил о том, как мы можем вернуть «принадлежащих к среднему классу традиционных» избирателей, которые «вот уже 20 лет в массовом порядке отказывают в поддержке нашей партии», пресса продолжала высказывать предположение, что в 1992 году я, возможно, буду баллотироваться на пост президента. В апрельском интервью я пошутил на эту тему, заявив: «Пока никто не баллотируется, в списке претендентов может оказаться кто угодно, и это хорошо. Моей маме приятно видеть мою фамилию в газетах».

Хотя я все еще не считал, что смогу баллотироваться или что мне следует это делать, а рейтинг президента Буша после войны в Персидском заливе оставался выше 70 процентов, я начинал думать, что демократ из Совета руководства демократической партии, с одной стороны, связанный традиционной базой ее поддержки, а с другой — способный привлечь многих избирателей, возможно, имеет шанс, поскольку в стране существуют серьезные проблемы, которые не решаются в Вашингтоне. Президент и его команда, по-видимому под влиянием победы в войне в Персидском заливе, рассчитывали без труда одержать над нами верх. В Арканзасе и во время моих поездок по стране я видел достаточно, чтобы понимать: Америка не может еще четыре года двигаться по инерции. По мере того как 1991 год подходил к концу, это мнение разделяли все больше и больше людей.

В апреле я посетил Лос-Анджелес, чтобы выступить на официальном завтраке в честь организации граждан «Образование — прежде всего», выступавшей за совершенствование системы государственного образования. После того как Сидни Пуатье меня представил, я рассказал три недавние истории, связанные с проблемой образования в Калифорнии, которые одновременно внушали надежду и свидетельствовали об опасностях для будущего Америки. Меня обнадежила встреча, состоявшаяся более года назад, когда я выступал в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе перед студентами из ста двадцати двух зарубежных стран. Их непохожесть была

хорошим предзнаменованием для нашей будущей способности конкурировать и контактировать с остальными членами мирового сообщества. Опасности стали очевидны, когда мы с Хиллари встретились на востоке Лос-Анджелеса с учениками шестого класса. Это были замечательные ребята. Нам понравились их смелые мечты и активное стремление к нормальной жизни. Как рассказали эти ученики, больше всего они боялись, что их застрелят по пути в школу или домой. Школьники также сказали, что они учатся прятаться под партами на тот случай, если по школе будет открыт огонь из проезжающего мимо автомобиля. Второе, чего больше всего боялись эти дети, — это что, когда им исполнится по тринадцать лет, им придется вступить в банду и курить крэк-кокаин, иначе их будут жестоко избивать сверстники. Эти дети произвели на меня очень сильное впечатление. Они заслуживали лучшей участи.

Во время другой поездки в Калифорнию, на этот раз — для обсуждения проблем образования за «круглым столом», посвященным экономическим вопросам, член руководства одной телефонной компании рассказал мне, что 70 процентов людей, стремящихся получить работу в его компании, «проваливались» на собеседовании, хотя фактически все они окончили среднюю школу. Я спросил аудиторию, могут ли США, только что одержавшие победу в Персидском заливе, надеяться на мировое лидерство в эпоху, наступившую после холодной войны, если детство полно опасностей, а наши школы работают неудовлетворительно.

Безусловно, одно дело — констатировать, что в стране есть проблемы, и совсем другое — говорить, как должно поступать правительство, причем так, чтобы это услышали граждане, наученные в годы работы администрации Рейгана и Буша считать федеральное правительство источником своих проблем, а не средством их решения. В разъяснении этого и заключалась миссия Совета руководства демократической партии.

В начале мая я отправился в Кливленд, чтобы председательствовать на съезде совета. За год до этого, в Новом Орлеане, мы опубликовали заявление о принципах, целью которого было выйти за рамки всем надоевшей полемики двух партий в Вашингтоне и создать динамичное, но центристское прогрессивное движение на основе новых идей, базирующихся на традиционных американских ценностях. Хотя некоторые ведущие либералы нашей партии, например губернатор Марио Куомо и преподобный Джесси Джексон (говоривший, что аббревиатуру названия Совета руководства демократической партии следует расшифровывать как «Демократический праздный класс»*), критиковали совет за чрезмерный консерватизм, этот съезд стал впечатляющим форумом с участием творчески мыслящих людей, должностных лиц штатов и местных органов власти, выступающих за новаторские методы, и предпринимателей, которым небезразличны наши экономические и социальные проблемы. Там также присутствовали многие известные

---

* Обыгрывается аббревиатура DLC (Democratic Leadership Council — Совет руководства демократической партии), которая в данном случае расшифровывается как Democratic Leisure Class («Демократический праздный класс»). — *Прим. пер.*

демократы общенационального уровня, включая нескольких возможных претендентов на выдвижение кандидатами на пост президента. Среди ораторов были сенаторы Сэм Нанн, Джон Гленн, Чак Робб, Джо Либерман, Джон Бро, Джей Рокфеллер и Ал Гор. Кроме меня, присутствовали также губернаторы Лоутон Чайлз из Флориды и Джерри Бэлайлз из Вирджинии. Конгрессмены на этом съезде, например Дейв Маккарди от штата Оклахома, представляли преимущественно консервативных избирателей или имели отношение к национальной безопасности или внешней политике, как, например, Стив Соларз от штата Нью-Йорк. На съезде присутствовали бывший сенатор Пол Тсонгас и бывший губернатор Вирджинии Дуг Уайлдер (оба они впоследствии баллотировались на пост президента), а также несколько талантливых чернокожих лидеров, включая губернатора Уайлдера, мэра Кливленда Майка Уайта, председателя Управления жилищного строительства Чикаго Винса Лейна и двух конгрессменов: Билла Грея от штата Пенсильвания и Майка Эспи от штата Миссисипи.

Я открыл съезд, выступив с программной речью, целью которой было доказать, что Америка нуждается в перемене курса и что Совет руководства демократической партии может и должен возглавить эти усилия. Я начал с перечисления проблем и задач Америки, критикуя республиканцев за то, что они годами не занимались их решением, затем отметил, что демократам не удавалось побеждать на выборах, несмотря на неспособность республиканцев решать эти проблемы, «поскольку слишком многие люди, обычно голосующие за нас, то есть несущий основное бремя трудностей средний класс, о котором мы говорим, не оказывали нам доверия на общенациональных выборах, чтобы мы защищали наши национальные интересы за границей, формировали нашу социальную политику внутри страны, собирали налоги и упорядоченно их расходовали».

Я дал высокую оценку руководству демократической партии во главе с Роном Брауном, которого поддерживал, — нашим первым чернокожим председателем. Браун активно стремился расширить базу поддержки партии, однако нам была нужна платформа, включающая конкретные предложения для американского народа.

Бремя республиканцев — это их деятельность, основанная на отрицании, уклонении и игнорировании. Наша задача — предоставить людям новый выбор на основе старых ценностей, новый выбор, который отличается простотой, открывает возможности, требует ответственности, предоставляет гражданам большее влияние, обеспечивает им ответственное правительство — и все это потому, что мы признаем свою общность. Мы все вместе участвуем в этом и все вместе победим или потерпим поражение.

Программа, обеспечивающая возможности, предусматривает экономический рост на основе свободной и честной торговли, а также увеличение инвестиций в новые технологии, образование и профессиональное обучение, соответствующее мировому уровню. Программа ответственности означает

национальную службу для молодых людей в обмен на помощь во время обучения в колледже; реформу системы социального обеспечения, предусматривающую, что трудоспособные родители должны работать, однако предоставляющую бóльшую помощь их детям; ужесточение мер для обеспечения выплат пособий на детей; активизацию усилий родителей, направленных на продолжение учебы их детей в школе; «перестройку» системы управления с целью уменьшения бюрократии и совершенствования обеспечения детей детскими садами, яслями и бесплатными школами, профессионального обучения, медицинского обслуживания пожилых людей, охраны жилых кварталов полицией и руководства государственным жилищным строительством. Программа для общин требует, чтобы мы вкладывали больше средств в удовлетворение нужд миллионов детей, независимо от их расовой принадлежности, и разработали политику на основе развития всех американцев, не делая между ними различий.

Я очень старался избегать выбора «или-или», характерного для общенациональной публичной полемики. По мнению Вашингтона, вы должны быть либо за высокий уровень образования, либо за равные возможности его получения; либо за качество медицинского обслуживания, либо за его доступность для всех; либо за более чистую окружающую среду, либо за увеличение темпов экономического роста; либо за обеспечение людей работой, либо за воспитание детей в соответствии с политикой в области социального обеспечения; либо за права профсоюзов, либо за интересы бизнеса на рабочих местах; либо за предотвращение преступлений, либо за наказание преступников; либо за семейные ценности, либо за увеличение помощи бедным семьям. В своей замечательной книге «Почему американцы ненавидят политику» (*Why Americans Hate Politics*) журналист И.Дж. Дионне называет этот выбор «фальшивым», заявляя, что в каждом случае американцы выбрали бы не что-то одно, а «оба варианта». Я согласился с этим и постарался проиллюстрировать свои убеждения такими высказываниями, как: «Семейные ценности не накормят голодного ребенка, но без них вы не сможете воспитать этого голодного ребенка. Нам нужно и то, и другое».

В заключение я рассказал об уроке, который получил, более двадцати пяти лет назад посещая занятия по истории западной цивилизации, которые вела профессор Кэрл Куигли. Она говорила, что будущее может быть лучше прошлого и что каждый из нас несет личную нравственную ответственность за то, чтобы это было именно так. Я закончил свою речь словами: «В этом вся суть нового выбора, того, для чего мы собрались здесь, в Кливленде. Мы здесь не для того, чтобы спасти демократическую партию. Мы здесь для того, чтобы спасти Соединенные Штаты Америки».

Это была одна из моих наиболее результативных и важных речей. Она аккумулировала все то, чему я научился за семнадцать лет участия в политической жизни, и то, о чем думали миллионы американцев. Это выступление стало основой моей предвыборной платформы, помогая переключить внимание общественности с победы Буша в войне в Персидском заливе на то, что нам надо делать, чтобы построить лучшее будущее. Объединяя идеи и ценности, которые были одновременно либеральными и консервативными,

она убеждала избирателей, в течение многих лет голосовавших против кандидатов в президенты от демократической партии, прислушаться к нашей программе. Благодаря горячему приему эта речь поставила меня в положение, вероятно, ведущего представителя направления, в котором, как я истово верил, следует двигаться Америке. Несколько участников съезда призвали меня баллотироваться на пост президента, и я покинул Кливленд, убежденный в том, что, если приму такое решение, у меня будет хороший шанс добиться выдвижения кандидатом от демократической партии и мне следует подумать, не стоит ли принять участие в этой гонке.

В июне мой друг Вернон Джордан предложил мне отправиться вместе с ним в Баден-Баден, в Германию, на ежегодную Билдербергскую конференцию, в которой участвуют видные представители деловых кругов и политические лидеры из США и Европы, обсуждающие актуальные проблемы и состояние трансатлантических отношений. Мне всегда нравилось общаться с Верноном, и меня воодушевляли беседы с европейцами, включая Гордона Брауна, блестящего члена лейбористской партии Шотландии, после того, как Тони Блэр стал премьер-министром, назначенного на пост министра финансов. Я обнаружил, что европейцы в целом поддерживают внешнюю политику президента Буша, однако очень обеспокоены длительной пассивностью и слабостью нашей экономики, оказывающей на них такое же негативное влияние, как и на нас.

На конференции я встретился с Эстер Куперсмит, активисткой демократической партии, в эпоху Картера работавшей в составе нашей делегации в ООН. Эстер вместе с дочерью Конни оказалась в Билдерберге по пути в Москву и предложила мне присоединиться к ним, чтобы своими глазами увидеть изменения, происходившие в последние дни существования Советского Союза. Вскоре предстояло избрание Бориса Ельцина, который еще более открыто, чем Горбачев, отвергал советскую систему в экономике и политической жизни, на пост президента России. Это была короткая, но интересная поездка.

Я вернулся в Арканзас, убежденный, что решение многих задач Америки в области внешней политики будет затрагивать экономические и политические вопросы, в которых я разбирался и с которыми мог бы справиться, если бы решил баллотироваться в президенты и был избран на этот пост. Тем не менее, когда начался июль, я совершенно не знал, какое решение следует принять. На выборах в 1990 году я сказал арканзасцам, что останусь на посту губернатора до истечения срока моих полномочий. Благодаря успеху сессии Законодательного собрания 1991 года я с новым энтузиазмом выполнял свою работу. В семейной жизни все складывалось замечательно: Челси чувствовала себя счастливой в новой школе, где были хорошие учителя и хорошие друзья, и с увлечением занималась балетом. Хиллари добилась успехов в юридической практике и пользовалась большой популярностью и уважением. После многолетней напряженной политической борьбы у нас наконец все устроилось, и мы были счастливы. Более того, по-прежнему казалось, что президент Буш непобедим. Опрос общественно-

го мнения, проведенный в штате Арканзас в начале июня, показал, что лишь 39 процентов арканзасцев хотят, чтобы я баллотировался на пост президента, а если бы я принял такое решение, 57 процентов жителей штата проголосовали бы за президента Буша и только 32 процента — за меня; остальные не имели определенного мнения. Более того, на первичных выборах я не стал бы единственным претендентом. По-видимому, баллотироваться собирались несколько других пользовавшихся популярностью демократов, поэтому борьба за выдвижение кандидатом на пост президента, безусловно, оказалась бы очень трудной. Даже история была против меня. Только однажды губернатор небольшого штата стал президентом США — этого добился в 1852 году Франклин Пирс из Нью-Хэмпшира.

Если не принимать во внимание политические соображения, мне искренне нравились и сам президент Буш, и то, как он и его сотрудники работали вместе со мной над вопросами образования. Я был решительно не согласен с его экономической и социальной политикой, но считал, что он — хороший человек, отнюдь не такой безжалостный и консервативный, как большинство рейганистов. Я не знал, что делать. В июне, во время поездки в Калифорнию, меня встретил в аэропорту и довез до места выступления молодой человек по имени Шон Ландрес. Он призвал меня баллотироваться на пост президента и сказал, что нашел прекрасную музыкальную тему для предвыборной кампании. Шон включил магнитофонную запись хита Флитвуда Мака «Не переставай думать о завтрашнем дне». Поразительно, что именно эту мысль я и старался донести до людей.

Находясь в Лос-Анджелесе, я обсуждал «за» и «против» участия в президентской кампании с приятелем Хиллари Мики Кантором, который к тому времени стал не только моим близким другом, но и доверенным консультантом. Когда мы начали беседовать, Мики сказал, что я должен нанять его за доллар, чтобы наш разговор был конфиденциальным. Несколько дней спустя я послал ему чек на доллар и записку, в которой сообщил, что всегда хотел иметь высокооплачиваемого адвоката и посылаю этот чек «в твердой уверенности, что получаю то, за что плачу». За этот доллар я получил много хороших советов, но все равно не знал, что мне делать. Затем раздался телефонный звонок, который все изменил.

Однажды в июле Линда Диксон сообщила мне, что звонит Роджер Портер из Белого дома. Я уже упоминал, что работал вместе с Роджером над программой, в которой были названы цели в области образования, и высоко ценил его способность сотрудничать с губернаторами, сохраняя верность президенту. Роджер спросил меня, собираюсь ли я баллотироваться на пост президента в 1992 году. Я ответил ему, что пока не решил, потому что сейчас чувствую себя более счастливым на посту губернатора, чем в предыдущие годы, у меня все хорошо в семейной жизни, и я не хочу это разрушать, но считаю, что Белый дом чрезмерно пассивен в решении экономических и социальных проблем страны. Я подчеркнул, что, на мой взгляд, президент должен использовать колоссальный политический капитал, появившийся у него благодаря войне в Персидском заливе, для решения важнейших проблем страны. Через 5–10 минут серьезного, как мне показалось, разговора

Роджер прервал его и перешел к цели своего звонка. Я никогда не забуду первые слова того послания, которое ему было поручено передать мне: «Ближе к делу, губернатор». Он сказал, что «они» оценили всех потенциальных кандидатов, которые могли бы стать соперниками президента. Самый лучший оратор — губернатор Куомо, но «они» могут представить его как человека слишком либеральных взглядов. Всем сенаторам можно нанести поражение, раскритиковав то, как за них голосовали. Но я — другое дело. Благодаря значительным достижениям в экономическом развитии, образовании и борьбе с преступностью, а также сильной программе Совета руководства демократической партии у меня действительно есть шанс победить. Поэтому, если я приму решение баллотироваться, «они» уничтожат меня как личность. «Так действует Вашингтон, — сказал он. — Прессе на каждых выборах нужна какая-нибудь жертва, и мы собираемся отдать им вас». Далее он сказал, что журналисты, считающие себя элитой, поверят любым рассказам о провинциальном Арканзасе. «Мы израсходуем столько, сколько нужно, чтобы тот, кто нам нужен, сказал то, что нам нужно, и вы бы вышли из игры. И мы сделаем это в самое ближайшее время».

Я старался сохранить спокойствие, но пришел в бешенство. Я ответил Роджеру, что «слова, произнесенные только что, свидетельствуют: с этой администрацией что-то не так. Поскольку они так долго находятся у власти, то, видимо, решили, что у них есть на это право». Я сказал: «Вы думаете, что место для парковки у западного крыла Белого дома принадлежит вам, однако на самом деле оно принадлежит американскому народу, и вы должны заслужить право им пользоваться». Я объяснил Роджеру: из-за того, что он сейчас сказал, вероятность моего решения баллотироваться на пост президента увеличилась. Роджер ответил, что эти чувства достойны уважения, но он звонит как мой друг, чтобы честно меня предупредить. Если я подожду до 1996 года, то смогу одержать победу на президентских выборах, а если буду баллотироваться в 1992 году, они меня уничтожат, и с моей политической карьерой будет покончено.

Когда разговор закончился, я позвонил Хиллари и передал ей его содержание. Затем рассказал все Маку Макларти. Больше я не получал никаких известий от Роджера Портера и не видел его до самой нашей встречи на одном из приемов для сотрудников Белого дома, когда уже был президентом. Интересно, вспоминает ли он о том телефонном звонке и считает ли, что тот разговор повлиял на мое решение.

С детства я не выносил угроз. В меня стреляли из учебного ружья, а однажды даже избил мальчишка, который был значительно старше, именно потому, что я не мирился с угрозами. Во время предвыборной кампании и в течение восьми лет после нее республиканцы выполняли свои угрозы, как это предсказал Роджер Портер, и им очень помогли некоторые представители печати. Их нападки причиняли мне такую же боль, какую я испытывал в детстве, когда мне прострелили ногу или когда я получил удар в челюсть. Ложь причиняет боль, а когда время от времени среди этой лжи попадает правда, это бывает еще больнее. Я старался сосредоточить все внимание на работе, которой должен был в тот момент

заниматься, и на том, как она отразится на жизни простых людей. Когда это удавалось, мне было легче противостоять тем, кто жаждал власти ради нее самой.

Следующие три месяца пронеслись очень быстро. На пикниках в северо-восточном Арканзасе по случаю 4 июля я впервые увидел лозунги «Клинтона — в президенты». Однако одни советовали мне баллотироваться не раньше 1996 года, а другие, недовольные тем, что я снова повысил налоги, говорили, что этого не нужно делать вообще. Во время поездки в Мемфис на открытие Национального музея гражданских прав, возведенного на месте мотеля «Лоррейн», где был убит Мартин Лютер Кинг, некоторые граждане призывали меня баллотироваться, однако Джесси Джексон все еще выражал недовольство деятельностью Совета руководства демократической партии, который он считал консервативным и склонным к расколу. Мне очень не хотелось разногласий с Джесси, которым я восхищался, особенно за его усилия с целью убедить чернокожих подростков не бросать школу и не принимать наркотики. Давным-давно, в 1977 году, в ознаменование двадцатой годовщины интеграции в Центральной средней школе Литл-Рока, мы вместе там выступали, и он призвал учащихся: «Вскрывайте истины, а не вены».

В 1991 году наркомания и подростковая преступность все еще оставались серьезными проблемами. 12 июля я отправился в Чикаго, чтобы ознакомиться с программами государственного жилищного строительства и посмотреть, какие меры там принимают для защиты детей младшего школьного возраста. В конце июля я навестил в больнице Литл-Рока чернокожего комика Дика Грегори, который был арестован за то, что вместе с четырьмя членами местной организации борьбы с наркоманией DIGNITY* организовал сидячую забастовку в магазине, где торговали атрибутикой, связанной с наркотиками. Эту организацию возглавляли чернокожие священники и местный лидер чернокожих мусульман. Она действовала на основе той самой ответственности взрослых людей за решение социальных проблем, за которую выступал Джексон, к которой призывал Совет руководства демократической партии и которая, как мне казалось, была необходима, чтобы мы смогли изменить существовавшее положение.

В августе началась предвыборная кампания. Я выступил в нескольких местах и сформировал исследовательский комитет, назначив казначеем Брюса Линдси. Создание комитета позволило мне собрать средства на поездки и оплату других расходов, не объявляя о своем намерении добиваться выдвижения кандидатом на пост президента. Через две недели после этого Боб Фармер из Бостона, который был главным сборщиком средств у Дукакиса, ушел в отставку с поста казначея Национального комитета демократической партии, чтобы помочь мне в сборе денег. Я начал получать помощь от Фрэнка Грира, уроженца Алабамы, который в 1990 году снимал

---

* DIGNITY (по первым буквам слов «Doing In God's Name Incredible Things Yourself» — «Совершайте во имя Господа невероятные вещи сами»). — *Прим. пер.*

для меня телевизионные коммерческие ролики высокого интеллектуального и эмоционального уровня, и Стэна Гринберга, специалиста по опросам общественного мнения, проводившего исследование среди репрезентативных групп для кампании 1990 года, а также активно занимавшегося изучением так называемых демократов Рейгана и действий, которые необходимо предпринять, чтобы вернуть их в лоно основного курса партии. Я предложил Гринбергу проводить для меня опросы общественного мнения. Мне очень не хотелось расставаться с Диком Моррисом, но к тому моменту он уделял так много времени кандидатам и должностным лицам, представлявшим республиканскую партию, что фактически все демократы считали его скомпрометированным.

После создания этого исследовательского комитета мы с Хиллари и Челси отправились в Сиэтл на летнюю конференцию Национальной ассоциации губернаторов. Незадолго до этого в ходе ежегодного опроса, проводившегося журналом *Newsweek*, мои коллеги назвали меня наиболее эффективно работающим губернатором страны, а некоторые из них призвали баллотироваться на пост президента. По завершении конференции Национальной ассоциации губернаторов наша семья отбыла из Сиэтла морем в Канаду, чтобы провести короткий отпуск в Виктории и Ванкувере.

Сразу по возвращении в Арканзас я стал разъезжать по всему штату и, в частности, побывал во многих местах, не объявляя о своем приезде заранее, чтобы спросить моих избирателей, следует ли мне баллотироваться на пост президента и освободят ли они меня от моего обещания выполнять обязанности губернатора до полного истечения срока полномочий, если я приму такое решение. Большинство избирателей заявили, что мне следует баллотироваться, если я считаю это правильным, хотя лишь немногие полагали, что у меня есть шанс победить. Сенаторы Бамперс и Прайор и два наших конгрессмена-демократа Рэй Торнтон и Берил Энтони выступили с заявлениями в поддержку такого решения. Заместитель губернатора Джим Гай Такер, спикер Палаты представителей Джон Липтон и председатель Сената Джерри Букаут заверили меня, что позаботятся о штате в мое отсутствие.

Хиллари считала, что мне следует баллотироваться, мама тоже активно поддерживала эту идею, и даже Челси на этот раз не была против. Я сказал ей, что буду с ней во все важные моменты, например на ее выступлении в балете «Шелкунчик» на Рождество, на ее школьных мероприятиях, в поездке на «Ренессансный уикенд» и на ее день рождения. Однако я знал, что кое-что все-таки пропущу. Мы не будем исполнять с ней дуэт для саксофона и фортепиано, не будем ходить по домам на Хэллоуин, когда у Челси всегда бывают уникальные костюмы, я не смогу читать ей по вечерам и помогать выполнять домашние задания. Быть ее отцом я всегда считал самой лучшей своей работой; я мог только надеяться, что смогу достаточно хорошо справляться с ней во время предстоявшей длительной предвыборной кампании. В разлуке с Челси я всегда скучал так же сильно, как и она. Но помогали телефон и факс. Мы посылали друг другу множество математических задач. Хиллари отлучалась реже, чем я, но когда нас обоих не бы-

вало дома, Челси оказывали необходимую поддержку ее бабушки и дедушка, сотрудница резиденции губернатора Кэролайн Хьюбер, друзья моей дочери и их родители.

Двадцать первого августа мне крупно повезло, когда сенатор Ал Гор объявил, что не намерен вести борьбу за избрание на пост президента. Он баллотировался в 1988 году, и если бы в 1992 году снова стал добиваться выдвижения своей кандидатуры, то в «супервторник» 10 марта голоса в южных штатах разделились бы между двумя кандидатами, и мне было бы гораздо труднее победить. Единственного сына Ала, Альберта, сбила машина, и он получил серьезные травмы. Ал считал необходимым быть вместе с семьей во время длительного и трудного выздоровления сына, приняв решение, которое я прекрасно понял и которым восхищался.

В сентябре я снова посетил штат Иллинойс и выступал перед ведущими демократами штатов Айова, Южная Дакота и Небраска в Сиу-Сити, штат Айова, и на заседании Национального комитета демократической партии в Лос-Анджелесе. Поездка в Иллинойс была особенно важной из-за календаря первичных выборов. Борьба за выдвижение кандидатом на пост президента началась с закрытых партийных собраний в штате Айова, которые я мог проигнорировать, потому что сенатор Том Харкин от Айовы также баллотировался и, безусловно, был обречен на победу в своем родном штате. Потом предстояли выборы в Нью-Хэмпшире, позже — в Южной Каролине, а после этого — в Мэриленде, Джорджии и Колорадо. Затем следовал «супервторник» в одиннадцати южных штатах, далее — штаты Иллинойс и Мичиган 17 марта, в День Святого Патрика.

Четыре года назад кампания сенатора Гора потерпела провал, потому что за впечатляющими результатами в южных штатах не последовали другие победы. Я полагал, что смогу победить в штате Иллинойс по трем причинам: Хиллари была родом из этого штата, я работал в южном Иллинойсе в составе Комиссии по развитию района дельты Миссисипи, кроме того, некоторые чернокожие лидеры Чикаго имели арканзасские корни. В Чикаго я встретился с двумя молодыми политическими активистами — Дэвидом Уилхелмом и Дэвидом Аксельродом, которые впоследствии приняли участие в моей предвыборной кампании. Это были идеалисты, закаленные предвыборными баталиями в Чикаго и разделявшие мои политические взгляды. Тем временем Кевин О'Киф колесил по всему штату, создавая необходимую для победы организационную структуру.

Голосование в Мичигане должно было состояться в тот же день, что и в Иллинойсе, и там я тоже надеялся на хорошие результаты благодаря бывшему губернатору Джиму Бланшару, руководителю штаба моей предвыборной кампании в округе Уэйн Эду Макнамаре и многим людям, чернокожим и белым, которые перебрались в Мичиган из Арканзаса, чтобы работать на автомобилестроительных предприятиях. После Мичигана и Иллинойса следующим крупным штатом, в котором должно было пройти голосование, стал Нью-Йорк, где мой друг Гарольд Икес организовал поддержку моей кампании, а Пол Кэри, сын бывшего губернатора Хью Кэри, занимался сбором средств.

Шестого сентября, когда я закончил подготовку аппарата сотрудников губернатора к предвыборной кампании, Билл Боуэн согласился стать моим исполнительным секретарем.

Билл был президентом Commercial National Bank, одним из наиболее уважаемых бизнесменов и главным организатором так называемого «Клуба добротных костюмов», в состав которого входили лидеры деловой общины, поддержавшие во время сессии Законодательного собрания штата Арканзас в 1991 году программу образования, давшую хорошие результаты. Назначение Боуэна успокоило людей, убедив их в том, что во время моего отсутствия о делах штата будет кому позаботиться.

В недели, предшествовавшие объявлению о моем намерении баллотироваться, я начал усваивать разницу между участием в президентской и губернаторской кампаниях. Во-первых, большое значение имела проблема абортов, так как считалось, что, если Буш будет вновь избран на пост президента, у него будет достаточно вакансий в Верховном суде, на которые он сможет назначить своих людей, чтобы получить большинство голосов для отмены решения по делу «Роу против Уэйда». Я всегда поддерживал Роу, однако выступал против государственного финансирования абортов для малоимущих женщин, поэтому, по существу, моя позиция не нравилась ни одной из сторон. Я понимал, что это несправедливо по отношению к большому числу американок, однако мне трудно было бы найти доводы в пользу финансирования абортов за счет средств налогоплательщиков, считавших их равносильными убийству. Кроме того, вопрос был действительно спорным, так как даже попытки Конгресса, где большинство имели демократы, добиться выделения средств на финансирование абортов не раз проваливались.

Помимо проблемы абортов существовали еще и вопросы личного характера. На вопрос, курил ли я когда-либо марихуану, я ответил, что никогда не нарушал существующие в Америке законы о наркотиках. Это было косвенным, но весьма неловким признанием, так как однажды я попробовал марихуану в Англии. Циркулировало также множество слухов о моей личной жизни. 16 сентября по просьбе Мики Кантора и Фрэнка Грира мы с Хиллари появились на завтраке Сперлинга, регулярной встрече вашингтонских журналистов, чтобы ответить на вопросы представителей прессы. Я не знаю, правильно ли поступил, приняв такое решение, однако Мики очень на этом настаивал. Он убеждал меня, что, поскольку я и раньше говорил, что не был безупречен, люди знают об этом, и добавлял: «Желательно кое-что им рассказать и попытаться исключить негативные последствия того, что может произойти или и не произойти позднее, во время предвыборной кампании».

Когда один из журналистов задал вопрос на эту тему, я ответил, что, как и у многих других супружеских пар, у нас бывали проблемы, но мы очень преданы друг другу, и наш брак прочен. Хиллари поддержала меня. Насколько мне известно, я был единственным кандидатом, когда-либо говорившим на эту тему. Одним журналистам и обозревателям это понравилось, другие восприняли мою откровенность просто как подтверждение того, что я могу стать удачной мишенью для нападок.

Я все еще не уверен, правильно ли поступил, отправившись на этот завтрак и вступив на скользкий путь ответов на вопросы личного характера. Человеческие качества важны для президента, однако пример столь непохожих друг на друга людей, как Франклин Делано Рузвельт и Ричард Никсон, показывает, что безупречность в семейной жизни — не самое удачное мерило для определения характера президента. Более того, стандарты, по существу, не бывает. В 1992 году, если вы нарушали свои брачные обязательства, разводились и вновь вступали в брак, супружеская неверность не считалась причиной того, что человек не подходит для какого-либо поста, даже сам этот факт не заслуживал освещения в средствах массовой информации. В то же время супружеские пары, сохранявшие свой брак, оказывались в таких случаях «законной добычей», как будто развод всегда был более правильным выбором. Учитывая сложность человеческой жизни и значение участия обоих родителей в воспитании детей, вероятно, можно считать, что это ошибочное мнение.

Несмотря на вопросы личного характера, отзывы в печати мыслящих журналистов, которых интересовали мои идеи и политическая стратегия, а также то, что я сумел сделать на посту губернатора, в первые дни кампании были более чем благожелательными. Я также знал, что могу начать предвыборную борьбу, опираясь на группу своих активных сторонников по всей стране, благодаря друзьям, появившимся у нас с Хиллари за эти годы, и многим арканзасцам, готовым совершать поездки в другие штаты, чтобы участвовать в моей кампании. Их не останавливало то, что я был фактически неизвестен американскому народу и что мой рейтинг, судя по результатам опросов общественного мнения, значительно ниже, чем у других кандидатов. Меня это тоже не останавливало. На этот раз, в отличие от 1987 года, я был готов к борьбе.

Утро 3 октября в штате Арканзас выдалось свежим и ясным. Я начал день, который должен был изменить мою жизнь, как всегда, с пробежки трусцой. Вышел ранним утром из задних ворот резиденции губернатора, пробежал через старый квартал Куапо, затем — к центру города, к зданию Законодательного собрания штата. На фасаде этого величественного сооружения, в котором в 1977 году я провел свой первый прием после приведения к присяге в качестве генерального прокурора Арканзаса, уже были вывешены американские флаги. Я пробежал мимо здания, повернул, уже направляясь в сторону дома, и тут увидел автомат для продажи газет. Сквозь стекло прочел заголовок: «Наступает час Клинтона». По дороге к дому несколько прохожих пожелали мне удачи. В резиденции я в последний раз бегло просмотрел свою речь с объявлением о намерении баллотироваться на пост президента. Я работал над ней накануне далеко за полночь; на мой взгляд, она содержала много удачной риторики и конкретных политических предложений, однако все еще была слишком длинной, поэтому пришлось вычеркнуть несколько фраз.

В полдень я вышел на сцену, где меня представила министр финансов правительства штата Джимми Лу Фишер, работавшая со мною с 1978 года. Я начал немного неуклюже, возможно потому, что меня обуревали противоречивые чувства. Я не очень стремился менять привычную жизнь, и в то же время мне хотелось взяться за решение новой трудной задачи. Было чуть-чуть страшновато, но я считал, что поступаю правильно. Я говорил более получаса, благодарил мою семью, друзей и сторонников за то, что они дали мне силы «выйти за пределы той жизни и той работы, которую я люблю, и взять на себя обязательство заняться более серьезным делом: сохранением американской мечты, возрождением надежд всеми забытого среднего класса, возвращением будущего нашим детям». Я закончил обещанием «дать новую жизнь американской мечте», разработав «новый договор» с народом: «больше возможностей для всех, больше ответственности каждого и более ясное понимание общей цели».

Завершив выступление, я испытывал подъем и волнение, однако, вероятно, самым сильным было чувство облегчения, особенно после того, как Челси шуточно произнесла: «Хорошая речь, губернатор». Остальную часть дня мы с Хиллари принимали тех, кто пришел пожелать мне удачи, и мама, Дик, Роджер и семья Хиллари выглядели счастливыми. Мама вела себя так, как будто была уверена в моей победе. Хотя я прекрасно ее знал, но все же не мог с уверенностью сказать, действительно ли она так считала или это было очередным проявлением ее стремления «всегда быть в форме». В этот вечер мы собрались со старыми друзьями у пианино. Аккомпанировала Кэролайн Стейли, впрочем, как всегда, с тех пор, как нам всем было по

пятнадцать лет. Мы пели «Удивительную милость», другие гимны и многие песни 1960-х годов, включая «Авраам, Мартин и Джон», посвященную павшим героям нашего поколения. Отправляясь спать, я был уверен, что мы сможем преодолеть цинизм и отчаяние и что огонь, зажженный этими людьми в моем сердце, ярко разгорится.

Губернатор Марио Куомо как-то сказал, что избирательная кампания — это поэзия, а собственно правление — проза. Верное замечание, однако значительная часть предвыборных мероприятий тоже прозаична: нужно соединить их основные элементы, пройти через необходимые ритуалы и ответить на вопросы представителей прессы. Уже второй день предвыборной кампании был скорее наполнен прозой, чем поэзией: мне пришлось дать серию интервью, призванных представить меня национальному телевидению и крупным местным телекомпаниям и ответить на главный вопрос — почему я отказался от обязательства закончить работу на посту губернатора и означает ли это, что мне нельзя доверять. Я постарался как можно лучше ответить на вопросы и перешел к сути моей предвыборной программы. Все это было абсолютной прозой, но подводило нас к третьему дню.

В связи с тем что предвыборная кампания началась с опозданием, остальная часть года была наполнена лихорадочной деятельностью: формированием организационной структуры, сбором средств, контактами с конкретными общинами избирателей и работой в Нью-Хэмпшире.

Наша первая штаб-квартира находилась в старом магазине, торговавшем красками, на Седьмой улице, близ здания Законодательного собрания. Я решил вести кампанию не из Вашингтона, а из Литл-Рока. В результате стало сложнее с поездками, однако мне хотелось быть поближе к своим корням, иметь возможность достаточно часто проводить время дома с семьей и заниматься делами, требовавшими моего присутствия. Однако решение остаться в Арканзасе имело еще одно большое преимущество: это помогало молодым сотрудникам сосредоточить внимание на текущей работе. Их не отрывали от дел распространявшиеся повсюду вашингтонские сплетни, они не реагировали на удивительно благоприятные отзывы прессы в начале кампании и не огорчались из-за потока негативной информации, вскоре появившейся в печати.

Через несколько недель мы перебрались из магазина красок в находившееся неподалеку старое здание Министерства высшего образования, которое использовали, пока не «выросли» из него незадолго до съезда демократической партии. Затем мы вновь переехали, на этот раз в центр города, в здание газеты *Arkansas Gazette*, освободившееся за несколько месяцев до этого в результате ее приобретения и последующей ликвидации Уолтером Хассманом, владельцем издания *Arkansas Democrat*. Здание *Arkansas Gazette* стало нашим домом на время проведения остальной части кампании, что, с моей точки зрения, было единственным позитивным результатом потери старейшей независимой газеты Америки к западу от Миссисипи.

Arkansas Gazette в 1950-е и 1960-е годы отстаивала гражданские права и решительно поддерживала Дейла Бамперса, Дэвида Прайора и меня в наших

усилиях по модернизации образования, социальных служб и экономики. Во времена своего расцвета это была лучшая из газет страны, она предлагала читателям в самых отдаленных уголках нашего штата хорошо написанные материалы по широкому кругу национальных и международных проблем. В 1980-е годы с *Arkansas Gazette* начала соперничать принадлежавшая Хассману *Arkansas Democrat* — до того времени гораздо менее крупная вечерняя газета. Результат последовавшей за этим «войны» между изданиями был предопределен, поскольку Хассману принадлежали другие прибыльные средства массовой информации, что позволило ему, несмотря на колоссальные убытки от деятельности *Arkansas Democrat*, привлечь в эту газету рекламодателей и подписчиков *Arkansas Gazette*. Незадолго до того как я объявил о своем намерении баллотироваться на пост президента, Хассман приобрел *Arkansas Gazette* и объединил ее со своей газетой, переименовав в *Arkansas Democrat-Gazette*. На протяжении ряда лет это издание помогало сделать Арканзас более республиканским штатом. Общая тональность редакционных статей была консервативной, в них содержалась резкая критика в мой адрес, которая часто носила очень личный характер. В этом плане газета послушно отражала взгляды своего издателя. Огорченный тем, что *Arkansas Gazette* перестала выходить, я все же испытывал радость от того, что могу воспользоваться ее прежним зданием. Возможно, я надеялся, что ее прогрессивное прошлое поможет нам продолжать борьбу за завтрашний день.

Когда мы начинали работать, все сотрудники, готовившие предвыборную кампанию, были из Арканзаса: Брюс Линдси стал ее директором, а Крейг Смит, который от моего имени занимался назначениями в советы и комиссии, — финансовым директором. Родни Слейтер и Кэрол Уиллис уже активно работали, встречаясь с чернокожими политическими и религиозными лидерами, а также ведущими предпринимателями страны. Мой старый друг Эли Сигал согласился помочь мне набрать сотрудников из других штатов.

Я уже встретился с одним человеком, которого мне очень хотелось иметь в составе своей команды, — с талантливым молодым сотрудником конгрессмена Дика Гепхардта, лидера демократического большинства в Палате представителей. Джордж Стефанопулос, сын греческого православного священника, был стипендиатом Родса и ранее работал у моего друга, отца Тима Хили, когда тот был директором Нью-Йоркской публичной библиотеки. Джордж мне сразу понравился, и я знал, что он сможет наводить мосты в отношениях с общенациональной прессой и демократами в Конгрессе, а также будет вносить свой вклад в разработку концепции кампании, используя свой интеллектуальный потенциал.

Эли встретился с ним, подтвердил мое решение, и Джордж пришел к нам, чтобы работать помощником руководителя предвыборной кампании по связям с общественностью. Эли встретился и с Дэвидом Уилхелмом, молодым чикагским политиком, которого я тоже хотел пригласить в свою команду. Мы предложили ему стать руководителем кампании, и он незамедлительно дал согласие. Говоря политическим языком, Дэвид «выполнял

двойную задачу»: помимо руководства кампанией в целом, он мог оказать особую помощь в штате Иллинойс. Я был уверен, что, поскольку Дэвид возглавлял кампанию, а Кевин О'Киф выполнял в этом штате функции ее организатора, теперь мы вполне могли одержать победу в Иллинойсе после ожидавшегося в «супервторник» дружного голосования южных штатов за мою кандидатуру. Вскоре после этого мы убедили стать нашим сотрудником еще одного молодого чикагца, Рама Эмануэля. Рам работал вместе с Вильгельмом в успешных кампаниях мэра Ричарда Дейли и сенатора Пола Саймона. Он был художав, впечатлителен, интересовался балетом и, хотя имел американское гражданство, служил в израильской армии. Эмануэль был так напорист и энергичен, что по сравнению с ним я казался спокойным и сдержанным. Мы назначили его финансовым директором, потому что, если предвыборному штабу не хватает финансирования, на этом посту нужен человек решительный и даже агрессивный. Крейг Смит стал работать в организациях, которые вели нашу кампанию в штатах, и эта должность оказалась для него наиболее подходящей, так как требовала изрядного политического искусства. Брюс Рид в скором времени ушел из Совета руководства демократической партии, чтобы стать моим советником по внутренней политике. Эли также провел собеседования с двумя женщинами, которые впоследствии сыграли важную роль в кампании. Ди Ди Майерс из Калифорнии стала пресс-секретарем моей предвыборной кампании, и на этой работе ей пришлось противостоять более сильной критике, чем она могла бы ожидать. Хотя Майерс была очень молода, она вполне справилась с этой задачей. Стефани Солайн из штата Вашингтон стала руководителем нашего политического отдела. Она была женой Фрэнка Грира, однако я взял ее на работу не поэтому. Стефани была умна, обладала политической интуицией и действовала менее прямолинейно, чем большинство мужчин. Она хорошо работала и обладала прекрасной способностью устанавливать отношения с людьми. Это качество всегда необходимо, когда работа требует большого напряжения. По мере того как разворачивалась кампания, нам на помощь приходили молодые люди со всей Америки.

Что касается финансов, то вначале мы обходились сразу же поступившей щедрой помощью из Арканзаса, результатами усилий Боба Фармера в штате Массачусетс, содействием тех, кто регулярно жертвует средства на нужды демократической партии, — людей, готовых дать деньги только потому, что об этом их попросил Боб, а также пожертвованиями друзей со всей страны, благодаря которым я смог обратиться к федеральному правительству с просьбой о предоставлении соответствующих средств. Для получения такого права кандидат должен собрать пять тысяч долларов в каждом из двадцати штатов, причем единовременное пожертвование не может превышать двухсот пятидесяти долларов. В некоторых штатах об этом позаботились мои друзья-губернаторы. В Техасе мой давний сторонник Трумэн Арнольд собрал столь необходимые тридцать тысяч долларов. В отличие от многих состоятельных людей, Трумэн, становясь богаче, проявлял себя как все более убежденный демократ.

Как это ни удивительно, оказать мне содействие хотели многие люди из Вашингтона, округ Колумбия, в частности юрист-демократ Вик Рейзер, занимавшийся сбором средств, и мой друг Том Шнайдер, с которым я познакомился на одном из «Ренессансных уикендов». В Нью-Йорке я с самого начала получил бесценную помощь не только от наших друзей Гарольда Икеса и Сюзан Томасес, но также от Кена Броуди, члена руководства Goldman Sachs, который решил, что хочет активно участвовать в политической кампании демократов. Как рассказал мне Кен, он был республиканцем, так как считал, что у демократов есть сердце, но голова у них не на месте. Затем, по его собственным словам, он достаточно близко познакомился с республиканцами страны, чтобы понять, что у них есть голова, но нет сердца. Кен решил присоединиться к демократам, так как, по его мнению, легче изменить мысли, чем сердце, и, к счастью для меня, счел, что лучше всего ему начать работать в моем предвыборном штабе. Он пригласил меня на обед, на котором присутствовали влиятельные бизнесмены Нью-Йорка, включая Боба Рубина, чьи убедительные аргументы в поддержку необходимости новой экономической политики произвели на меня большое впечатление. В любой успешной политической кампании всегда появляются такие люди, как Кен Броуди, привносящие в нее энергию и идеи и приводящие с собой новообращенных.

Помимо сбора средств и организационной работы мне предстояло установить контакт с общинами избирателей, где сторонники демократов составляли большинство. В октябре я выступал перед членами одной еврейской организации в Техасе и заявил в своей речи, что Израилю следует согласиться на мир в обмен на землю, а также перед чернокожими и латиноамериканцами в Чикаго и в организациях демократической партии в штатах Теннесси, Мэн, Нью-Джерси и Калифорния. Судя по всему, избиратели во всех этих штатах были способны резко поменять позицию, а это означало, что на всеобщих выборах они могли поддержать как республиканцев, так и демократов. В ноябре я выступал в Мемфисе на съезде Церкви Бога во Христе, число чернокожих членов которой росло в Америке самыми быстрыми темпами. Я работал в южных штатах: Флориде, Южной Каролине, Луизиане и Джорджии. Результаты, полученные во Флориде, были очень важны, так как проведенный 15 декабря на съезде демократической партии выборочный опрос членов делегации этого штата стал первым голосованием, справедливость которого была оспорена. Рейтинг президента Буша, согласно результатам опросов общественного мнения, начал снижаться, и он ничего не предпринимал, называя положение в экономике благополучным. Я выступил на заседании Национальной ассоциации работников просвещения и на ежегодном совещании Американско-израильского комитета по общественным делам в Вашингтоне. Затем снова поехал на юг, в Северную Каролину, Техас и Джорджию. На западе я останавливался в Колорадо и Южной Дакоте; в Вайоминге, где за выдвижение меня кандидатом на пост президента высказался губернатор Майк Салливан, и в опорном пункте республиканцев — округе Ориндж, Калифорния, где заручился поддержкой республиканца — члена руководства телекоммуникационной компании Роджера

Джонсона и других людей, разочаровавшихся в экономической политике президента Буша.

Однако пока все это происходило, в центре внимания нашей предвыборной кампании оставался штат Нью-Хэмпшир. Если бы моя кампания провалилась там, я, возможно, не добился бы достаточного успеха в других штатах, где до «супервторника» должны были пройти предварительные выборы. Хотя согласно результатам опросов общественного мнения, проводившихся в середине ноября, я неизменно находился на последнем месте, меня удовлетворяли мои шансы. Нью-Хэмпшир — небольшой штат, его территория в два раза меньше Арканзаса, но в предварительных выборах там участвуют прекрасно информированные избиратели, которые очень серьезно оценивают кандидатов и их позиции. Для того чтобы эффективно конкурировать в этом штате, необходимы хорошая организация и убедительные ролики для телевидения, однако этого недостаточно. Нужно очень хорошо проявить себя на бесконечных небольших домашних вечеринках, на городских мероприятиях, митингах и во время незапланированных встреч. Многие граждане штата Нью-Хэмпшир не станут голосовать ни за одного кандидата, не обратившегося к ним лично с просьбой о поддержке. Благодаря моему многолетнему опыту политической деятельности в Арканзасе во время проведения такого рода кампаний я чувствовал себя как рыба в воде.

В Нью-Хэмпшире я ощущал себя как дома не только благодаря его политической культуре, но даже в большей степени из-за того, что экономические трудности и вызванные ими неизбежные эмоциональные травмы напоминали ситуацию в Арканзасе десятилетней давности. После процветания, которое длилось здесь на всем протяжении 1980-х годов, списки жителей этого штата, получавших социальные пособия и талоны для приобретения продовольствия по льготным ценам, увеличивались самыми быстрыми в стране темпами, а процент банкротств был самым высоким. Закрывались предприятия, в трудном положении оказались банки. Многие жители были безработными и боялись потерять свои дома и медицинскую страховку; не знали, смогут ли послать своих детей в колледж; сомневались в том, что система социального обеспечения будет платежеспособной, когда они достигнут пенсионного возраста. Я представлял себе, что чувствовали эти люди, так как знал многих арканзасцев, оказавшихся в подобном положении, и, казалось, понимал, что нужно сделать для изменения ситуации.

Организация кампании началась с прихода двух талантливых молодых людей, Митчелла Шварца и Уэнди Смита, которые перебрались в Манчестер и открыли штаб-квартиру в штате. Вскоре к ним присоединились Майкл Ваули, ирландец из Бостона и организатор мирового класса, и Пэтти Хоу Крайнер, который на протяжении сорока лет был моим другом и прибыл из Литл-Рока, чтобы разъяснить мою позицию и защищать меня и то, что мною сделано. В скором времени у нас уже сформировался большой руководящий комитет. Его сопредседателями были два юриста, с которыми я познакомился, работая в Совете руководства демократической партии, —

Джон Бродерик и Терри Шумейкер, офис которого по случайности находился в том же здании, где более чем за сто лет до этого размещалась юридическая контора губернатора Франклина Пирса.

Конкуренция была очень жесткой. Все претенденты, объявившие о своем намерении баллотироваться, активно вели кампанию в штате Нью-Хэмпшир. Большой интерес вызывал сенатор Боб Керри, кавалер Почетной медали Конгресса и бывший губернатор штата Небраска, поскольку в политическом отношении не принадлежал ни к одному лагерю: он был консерватором в финансовых вопросах и либералом — в социальных. Основой его предвыборной кампании было широкомасштабное предложение о медицинском страховании для всех американцев — весьма важный момент для штата, где число людей, терявших свои страховки на случай болезни, ежедневно увеличивалось после того, как на протяжении десятилетия затраты на страхование на случай болезни в масштабах страны стали втрое превышать общий уровень инфляции. У Керри также имелся такой убедительный аргумент, как военная биография и популярность в консервативном штате Небраска, население которого поддерживало республиканцев, и благодаря этому он становился демократом, имевшим наибольшие после президента Буша шансы на избрание.

Сенатор Том Харкин от штата Айова был в Сенате главным поборником прав инвалидов; он также считался авторитетным специалистом по проблемам науки и техники, которые имели важное значение для все большего числа избирателей штата Нью-Хэмпшир, проживавших в пригородах. Кроме того, Харкин был давним союзником профсоюзного движения. Сенатор говорил, что для победы на выборах в ноябре необходимо будет проводить подлинно популистскую кампанию, а для этого недостаточно программы Совета руководства демократической партии, которая, как он подчеркивал, не привлекала «подлинных» демократов.

Бывший сенатор Пол Тсонгас из Лоуэлла, штат Массачусетс, несмотря на успешную карьеру в Сенате, будучи еще молодым человеком, ушел в отставку, чтобы вести борьбу с раком. Пол стал фанатом фитнеса и много плавал, стараясь, чтобы при этом присутствовало как можно больше людей. Тем самым он демонстрировал, что выздоровел и способен стать президентом. Как заявлял Тсонгас, преждевременное напоминание о том, что человек смертен, освободило его от обычных политических ограничений, и он в большей степени, чем все остальные, стремится говорить избирателям горькую правду, которую они не обязательно хотят слышать. Пол предлагал некоторые интересные идеи, которые включил в широко распространявшуюся предвыборную брошюру.

Дуг Уайлдер вошел в историю, став первым губернатором-афроамериканцем в штате Вирджиния. Дуг подчеркивал, что, поскольку ему удалось одержать победу в консервативном южном штате, а также благодаря шагам, предпринятым им в области образования, борьбы с преступностью и бюджетной сфере, он вполне может быть избран на пост президента.

Вскоре после того как я включился в предвыборную борьбу, о своем намерении баллотироваться заявил бывший губернатор штата Калифорния Джерри Браун. Он сказал, что не будет принимать пожертвований на сумму

более ста долларов, и попытался представить себя как единственного подлинного реформатора, участвующего в предвыборной кампании. Главное, что он предложил, — это уйти от сложного исчисления налогов и ввести единую 13-процентную налоговую ставку для всех американцев. В 1976 году, будучи молодым губернатором, Джерри включился в борьбу на заключительном этапе предварительных выборов и в результате предпринятых в последний момент усилий с целью остановить Джимми Картера одержал победу на нескольких из них. В 1979 году я работал вместе с Джерри в Национальной ассоциации губернаторов и именно тогда оценил его острый ум и зачастую неординарный анализ текущих событий. Единственным качеством, которым не обладал этот уникальный политический деятель, было чувство юмора. Мне нравился Джерри, однако он был чересчур серьезен в любой ситуации.

Более чем через два месяца после того, как я объявил о своем намерении баллотироваться, предвыборную кампанию омрачила угроза появления еще одного претендента — губернатора штата Нью-Йорк Марио Куомо. В годы правления Рейгана и Буша он был наиболее видным деятелем, нашим лучшим оратором и страстным защитником демократических ценностей. Многие полагали, что если Куомо решит баллотироваться, то его наверняка выдвинут кандидатом на пост президента от демократической партии, и в течение довольно длительного времени я считал, что он будет этого добиваться. Марио Куомо выступил с резкими критическими замечаниями в адрес Совета руководства демократической партии, осудил меня и мои идеи, касающиеся реформы системы социального обеспечения и национальной службы. Выступая публично, я вел себя великодушно, однако в неофициальных беседах позволил прорваться раздражению и сказал о Марио некоторые вещи, о которых сейчас сожалею. Думаю, его критика так сильно меня уязвила именно потому, что я всегда им восхищался. Наконец в середине декабря Куомо объявил, что не будет баллотироваться. Когда во время предварительных выборов в штате Нью-Хэмпшир стали известны некоторые мои нелестные высказывания в его адрес, я мог только попросить у него прощения. Благодарение Богу, он оказался достаточно благородным, чтобы принять эти извинения. В последующие годы Марио Куомо стал ценным консультантом и одним из самых сильных моих сторонников. Я хотел, чтобы он вошел в состав Верховного суда, однако Марио не стремился и к этой работе. Я полагаю, ему слишком нравилась его жизнь в штате Нью-Йорк, чтобы от нее отказаться, что не вполне оценили избиратели, не избрав его в 1994 году губернатором на четвертый срок.

В начале кампании я считал своими самыми сильными соперниками в штате Нью-Хэмпшир Харкина и Керри, однако вскоре стало ясно, что я ошибался: мне предстояло нанести поражение Тсонгасу. Его родной город находился фактически на границе со штатом Нью-Хэмпшир; Пол прожил чрезвычайно интересную жизнь; он демонстрировал решительность и готовность победить и, что самое главное, был единственным кандидатом, соперничавшим со мной на основе идей, предвыборной платформы и конкретных всеобъемлющих предложений.

Успешная президентская кампания требует соблюдения трех основных условий. Во-первых, люди должны иметь возможность посмотреть на вас и представить президентом. Затем вы должны иметь достаточные средства и поддержку, чтобы приобрести известность. Дальше идет борьба идей, предвыборных платформ и задач. Тсонгас отвечал первым двум критериям и стремился одержать победу в битве идей. Я был полон решимости ему этого не позволить.

Для подкрепления своей идеи «нового договора» конкретными предложениями я запланировал три выступления в Джорджтаунском университете. Я выступал перед студентами, профессорско-преподавательским составом и моими сторонниками, а также представителями печати, благожелательно освещавшими мои речи, в красивом, отделанном деревянными панелями старом Гастон-холле в Хили-билдинг. 23 октября предметом обсуждения была тема ответственности и общества, 20 ноября я посвятил свой доклад экономическим возможностям, а 12 декабря — вопросам национальной безопасности.

Все эти выступления позволили мне выразить свои идеи и выдвинуть предложения, разработанные за десять предыдущих лет, во время моей работы губернатором и в Совете руководства демократической партии. Я участвовал в разработке пяти основных принципов этого Совета, в которые глубоко верил: кредо Эндрю Джексона — возможности для всех и отсутствие каких-либо привилегий; основные американские ценности — работа и семья, свобода и ответственность, вера, терпимость и сопричастность; теория взаимной ответственности Джона Кеннеди, призывающая граждан что-то сделать для своей страны; распространение демократических и гуманитарных ценностей во всем мире, процветание и развитие родного государства. Франклин Рузвельт выступал за инновации, модернизацию правительства в век информации и за то, чтобы побуждать людей к действиям на основе предоставления им инструментов, с помощью которых они смогут максимально успешно строить собственную жизнь. Меня удивила критика Совета руководства демократической партии со стороны левых демократов, обвинявших нас в том, что мы — тайные республиканцы, а также со стороны некоторых представителей политической печати, у которых словно имелись удобные маленькие коробочки с надписями «Демократ» и «Республиканец». Если мы не соответствовали их представлениям о демократах, они заявляли, что мы ни во что не верим. Доказательством служило наше желание одержать победу на общенациональных выборах, к чему, по-видимому, демократам стремиться не следовало.

Я полагал, что, выдвигая новые идеи, Совет руководства демократической партии способствует упрочению наиболее важных ценностей и принципов нашей партии. Конечно же, некоторые либералы искренне не разделяли наши взгляды на проблемы реформы системы социального обеспечения, торговли, финансовой ответственности и национальной обороны, однако наши разногласия с республиканцами были совершенно определенными. Мы выступали против предлагаемого ими несправедливого снижения налогов и больших дефицитов бюджета; против их оппозиции закону «О медицинском отпуске и отпуске по семейным обстоятельствам» и законопроекту Брейди; против того, что они не выделяли достаточных средств на финансирование сферы

образования и не способствовали реализации реформ, необходимость которых была доказана; против их чреватой расколом общества политики в отношении расовой проблемы и проблемы гомосексуалистов; против их нежелания охранять окружающую среду; против их позиции, отрицающей право женщин на выбор, когда речь идет об абортах, и против многого другого. У нас также были хорошие идеи, например, увеличить на 100 тысяч число муниципальных полицейских; увеличить вдвое налоговый кредит на заработанный доход, чтобы работа стала более привлекательной, и обеспечить лучшую жизнь семьям со скромными доходами; предложить молодым людям выполнять общественную работу в обмен на помощь в оплате учебы в колледже.

Принципы и предложения, которые я отстаивал, вряд ли можно было назвать похожими на республиканские, и едва ли кто-то мог сказать, что я неубедительно их защищал. Эти принципы и идеи способствовали модернизации демократической партии и впоследствии были приняты возрождавшимися левоцентристскими партиями во всем мире, ориентировавшимися на то, что впоследствии назовут «третьим путем». Самое важное заключалось в том, что, когда эти новые идеи были реализованы, оказалось, что они принесли пользу Америке. Выступления в Джорджтаунском университете в 1991 году предоставили мне бесценную возможность показать, что у меня есть всеобъемлющая программа преобразований и я всерьез намерен проводить ее в жизнь.

Тем временем в штате Нью-Хэмпшир я выпустил свою предвыборную брошюру, в которой изложил все конкретные предложения, выдвинутые в моих выступлениях в Джорджтаунском университете. Я также постарался организовать как можно больше митингов в городах. Одно из таких массовых мероприятий на начальном этапе кампании состоялось в Кине, красивом университетском городке в южной части штата. Сотрудники моей предвыборной кампании повсюду расклеили листовки, однако мы не знали, сколько людей придет на встречу. Арендованное нами помещение вмещало около двухсот человек. Направляясь на встречу, я задал вопрос одной женщине, ветерану предвыборных кампаний: «Сколько человек должно прийти, чтобы мы не попали в неловкое положение?» Она ответила: «Пятьдесят». «А сколько должно прийти, чтобы эта встреча считалась удачной?» — «Сто пятьдесят». Когда мы прибыли на место, там собралось четыреста человек. Начальник пожарной охраны сказал, что половину пришедших на митинг людей следует разместить в другой комнате, и мне пришлось выступать на двух встречах. Тогда я впервые понял, что в Нью-Хэмпшире мы можем добиться хороших результатов.

Обычно я произносил 15-минутную речь, а затем больше часа отвечал на вопросы. Сначала меня беспокоило, что я слишком вдаюсь в подробности и мои ответы «чересчур политизированы». Но вскоре я понял, что для людей суть ответов важнее, чем стиль изложения. Им действительно было нелегко, они хотели понять, что с ними происходит и как выйти из трудного положения, в котором оказались. Я очень многое узнал, просто слушая вопросы, которые мне задавали люди на этих и других встречах в ходе предвыборной кампании.

Пожилые супруги, Эдвард и Энни Дэвис, рассказали мне, что зачастую им приходится выбирать, что купить — лекарство, прописанное врачом, или продукты. Как рассказала одна ученица средней школы, ее безработный отец так стыдится своей неспособности обеспечить семью, что во время обеда не может смотреть на собравшихся за столом близких и сидит, опустив голову. Я встречался с ветеранами Американского легиона и узнал, что их больше тревожило ухудшение качества медицинского обслуживания в больницах Администрации по делам ветеранов, чем моя оппозиция войне во Вьетнаме. Меня особенно тронула история Рона Мачоса, у сына которого, Ронни, с рождения были проблемы с сердцем. Во время экономического спада Рон потерял работу и не мог найти другую, где получил бы медицинскую страховку, необходимую для покрытия предстоящих ему больших расходов на лечение сына. Когда демократы Нью-Хэмпшира организовали съезд, чтобы дать возможность выступить всем претендентам на выдвижение кандидатом от демократической партии, группа учащихся с лозунгом «Клинтона — в президенты!», которых собрал их учитель, мой старый друг из Арканзаса Йэн Пашаль, проводила меня до трибуны. Один из школьников произвел на меня особенно сильное впечатление. Майкл Моррисон сидел в инвалидном кресле, однако двигался из-за этого ничуть не медленнее других. Он поддерживал меня, так как его воспитывала мать-одиночка, имевшая весьма скромный доход, и Майкл считал, что я выступаю за то, чтобы предоставить всем детям возможность поступить в колледж и получить хорошую работу.

К декабрю кампания шла полным ходом. 2 декабря к нам присоединились Джеймс Карвилл и его коллега Пол Бегала. Это были яркие личности, и я расценил их приход как большое политическое приобретение. Оба недавно способствовали избранию губернатора Боба Кейси и сенатора Харриса Уоффорда от штата Пенсильвания, а также губернатора Джорджии Зелла Миллера. Сначала Зелл позвонил Карвиллу от моего имени, чтобы я мог договориться о встрече с ним и Бегалой. Подобно Фрэнку Гриру и мне, они, безусловно, принадлежали к политизированному и находящемуся под угрозой исчезновения виду белых демократов-южан. Карвилл был потомком канадских французов из Луизианы и бывшим морским пехотинцем. Самоотверженный сторонник прогрессивной политики, он прекрасно разбирался в вопросах стратегии. Нас с ним очень многое сближало, например, то, что у нас обоих были прагматичные матери с сильной волей, которых мы обожали. Бегала был из Шугар-Ленда, штат Техас. В этом остроумном человеке сочетались агрессивный популизм и нравственные принципы католика. Я был не единственным претендентом на пост президента, который стремился взять его на работу. Став сотрудниками моего предвыборного штаба, Карвилл и Бегала привнесли в мою кампанию энергию и сосредоточенность и обеспечили доверие к нашим усилиям.

Десятого декабря я произнес речь на Конференции президентов основных американских еврейских организаций, а через два дня после этого выступил в Джорджтаунском университете с третьим и последним докладом, посвященным национальной безопасности. В подготовке этих вы-

ступлений большую помощь мне оказал мой старый друг Сэнди Бергер, который во времена Картера был помощником госсекретаря по вопросам планирования политики. Сэнди привлек мне в помощь трех других специалистов по внешней политике эпохи Картера: Тони Лэйка, Дика Холбрука и Мадлен Олбрайт, а также талантливого специалиста по Ближнему Востоку, уроженца Австралии Мартина Индика. Все они в последующие годы сыграли важную роль. Тогда же, в середине декабря, было достаточно того, что они помогли мне преодолеть порог понимания и компетентности во внешней политике.

Пятнадцатого декабря я занял первое место по результатам необязательного выборочного опроса на съезде организации демократической партии в штате Флорида, получив 54 процента голосов делегатов. Многих из них я знал благодаря участию в трех съездах в 1980-е годы, и на данный момент у меня был самый сильный предвыборный штаб во главе с заместителем губернатора Бадди Маккеем. Мы с Хиллари тоже старались как можно активнее работать с делегатами. В этом нам помогали ее братья Хью и Тони, которые жили в Майами, и жена Хью, Мария, юрист, американка кубинского происхождения.

Через два дня после победы во Флориде один из сборщиков средств в Арканзасе добыл для предвыборной кампании 800 тысяч долларов, что значительно превышало все суммы, когда-либо собиравшиеся там единовременно. 19 декабря *Nashville Banner* стала первой газетой, которая меня поддержала. 20 декабря губернатор Куомо заявил, что не будет баллотироваться на пост президента. Кроме того, большую поддержку кампании оказали сенатор Сэм Нанн и губернатор Джорджии Зелл Миллер. Предварительные выборы в штате Джорджия, а также в штатах Мэриленд и Колорадо состоялись перед самым «супервторником».

Тем временем у президента Буша возникало все больше трудностей, поскольку Пат Бьюкенен, объявив о своем намерении принять участие в предварительных выборах республиканской партии, начал выступать с нападками на Буша с правых позиций в духе Джорджа Уоллеса. Консервативные республиканцы были недовольны тем, что президент подписал требовавшую для своей реализации 492 миллиардов долларов комплексную программу по сокращению дефицита, принятую Конгрессом, большинство в котором составляли демократы, поскольку помимо мер по снижению расходов этот документ содержал решение об увеличении на пять центов налога на бензин. В 1988 году Буш одержал победу на съезде республиканцев благодаря своей знаменитой фразе: «Слушайте меня внимательно: никаких новых налогов». Президент поступил ответственно, подписав комплексную программу сокращения дефицита, однако, сделав это, он нарушил свое самое важное предвыборное обещание и поступил вразрез с базисной идеологией правого крыла своей партии, представители которого выступали против повышения налогов.

Консерваторы обрушили всю свою критику не только на президента. Мне тоже досталась значительная ее доля — от организации под названием ARIAS (*Alliance for the Rebirth of an Independent American Spirit* — Союз за

возрождение независимого американского духа). Одним из ее руководителей был арканзасец Клифф Джексон, с которым я познакомился в Оксфорде и к которому относился с симпатией. Теперь он стал консерватором-республиканцем, питавшим ко мне лично враждебные чувства. Когда ARIAS предложила телевидению, радио и газетам ролики и объявления с нападка-ми на то, что было мной достигнуто, мы отреагировали быстро и энергично. Возможно, эти атаки пошли скорее на пользу, чем во вред моей кампании, поскольку, отвечая на них, мы тем самым привлекали внимание к моим достижениям на посту губернатора и поскольку с этими обвинениями выступал лагерь, к представителям которого с подозрением относились демократы из штата Нью-Хэмпшир. Опрос, проведенный в этом штате после Рождества, показал, что по рейтингу я занимал второе место после Пола Тсонгаса и быстро его догонял. Год завершился удачно.

Восьмого января губернатор Уайлдер отказался от дальнейшего участия в предвыборной борьбе, благодаря чему уменьшилось соперничество за голоса избирателей-афроамериканцев, особенно в южных штатах. Примерно в то же время Фрэнк Грир снял удачный ролик для телевидения, в котором ярко показал экономические проблемы штата Нью-Хэмпшир и представил мою программу их решения. По результатам опубликованных опросов общественного мнения мы стали опережать Тсонгаса. Ко второй неделе января нашему предвыборному штабу менее чем за три месяца удалось собрать 3,3 миллиона долларов, причем половина этих средств поступила из Арканзаса. Сегодня такая сумма кажется небольшой, однако в начале 1992 года этого было вполне достаточно, чтобы лидировать в борьбе.

Кампания шла успешно до 23 января, когда средства массовой информации Литл-Рока получили анонс о готовящейся статье в номере бульварной газеты *Star* за 4 февраля, в которой Дженнифер Флауэрс заявила, что у нее была со мной связь, продолжавшаяся двенадцать лет. Ее фамилия фигурировала в списке пяти женщин, с которыми, как утверждал во время кампании по выборам губернатора штата Арканзас 1990 года Ларри Николс, у меня были романы. В тот момент Флауэрс это решительно опровергла. Сначала мы не знали, насколько серьезно пресса отнесется к изменению ее позиции, поэтому продолжали выполнять намеченную ранее программу. Я совершил длительную автомобильную поездку в Клермон, на юго-запад штата Нью-Хэмпшир, чтобы посетить фабрику по производству кистей. Ее руководство намеревалось продавать свою продукцию компании Wall-Mart, и я хотел этому помочь. В какой-то момент Ди Ди Майерс зашла в небольшую контору этого предприятия и позвонила в штаб-квартиру предвыборной кампании. Оказалось, Флауэрс утверждала, что у нее имеются магнитофонные записи десяти телефонных разговоров со мною, которые якобы доказывают справедливость ее обвинения.

За год до этого адвокат Дженнифер Флауэрс отправил на радиостанцию Литл-Рока письмо, в котором угрожал возбудить дело о клевете, поскольку ведущий одного из ток-шоу повторил некоторые обвинения, содер-

жавшиеся в пресс-релизе Ларри Николса. В письме подчеркивалось: эта радиостанция «неправомерно и ложно» обвинила Флауэрс в том, что у нее был со мной роман. Мы не знали, какие именно разговоры, записанные на магнитофонную пленку, могли быть у Флауэрс, однако я отчетливо помнил наши беседы и не думал, что они могут причинить какой-либо ущерб моей кампании. Дженнифер, с которой я был знаком с 1977 года и которой недавно помог получить работу служащей в одном из ведомств штата, позвонила мне и сказала, что представители средств массовой информации преследуют ее даже там, где она поет по вечерам, и она боится потерять работу. Я ей посочувствовал, однако не считал ее слова заслуживающими серьезного внимания. После того как Ди Ди стала выяснять, что именно планирует напечатать газета *Star*, я позвонил Хиллари и рассказал ей о том, что происходит. К счастью, в ходе предвыборной поездки она остановилась в резиденции губернатора штата Джорджия, и Зелл и Ширли Миллер чудесно к ней относились.

История Флауэрс стала своего рода взрывом. Она оказалась непреодолимо притягательной для средств массовой информации, хотя в некоторых материалах выражалось сомнение в справедливости выдвигаемых против меня обвинений. Пресса сообщала, что Флауэрс заплатили за эту историю и что она всего год назад категорически отрицала нашу связь. К чести средств массовой информации, они разоблачили лживые утверждения Флауэрс о ее образовании и опыте работы, однако эти сообщения затмевались обвинениями в мой адрес. Как свидетельствовали опросы, рейтинг моей популярности в штате Нью-Хэмпшир стал снижаться, и мы с Хиллари решили, что нам следует принять приглашение программы телекомпании CBS «60 минут», чтобы ответить на вопросы, связанные с этими обвинениями, а также по поводу состояния нашего брака. Это была нелегкая задача. Мы хотели защититься от скандального освещения этого дела и вернуться к реальным проблемам, но так, чтобы не унижить себя и не помочь тем, кто стремился уничтожать кандидатов, критикуя их индивидуальные качества, что мне не нравилось еще до того, как столь сильно затронуло меня лично. Я уже говорил, что моя жизнь не была безупречной. Если же критерием должно было стать именно это, следовало избрать на пост президента кого-нибудь другого.

Мы записали эту программу в бостонском отеле «Ритц-Карлтон» утром в воскресенье, 26 января, и ее должны были показать в тот же вечер после Суперкубка. Мы беседовали с интервьюером Стивом Крофтом больше часа. Он начал с вопроса, соответствует ли действительности история, рассказанная Флауэрс. Когда я ответил, что нет, он спросил, были ли у меня романы. Возможно, мне следовало использовать блестящий ответ Розалин Картер на аналогичный вопрос, заданный ей в 1976 году: «Даже если бы они у меня были, я бы вам не сказала». Поскольку я не был столь безупречен, как госпожа Картер, то решил не лукавить. Я ответил, что, как уже признавал раньше, мне случалось причинять боль своей жене, что я уже сказал на эту тему больше, чем когда-либо говорил любой другой политик, и больше ничего не скажу. Американский народ понял, что я имел в виду.

Крофт снова недоверчиво задал мне тот же самый вопрос. Единственной целью его интервью было добиться от меня конкретного признания. Наконец после нескольких вопросов о Дженнифер Флауэрс он перешел к нашим с Хиллари отношениям, назвав наш брак «соглашением». Мне хотелось его ударить, но вместо этого я сказал: «Подождите. Вы видите перед собой двух людей, которые любят друг друга. Это не соглашение и не договоренность. Это брак». Затем Хиллари объяснила, почему она присутствовала вместе со мной на этом интервью: «Потому что я люблю его, уважаю и горжусь тем, что ему пришлось пережить, и тем, что мы пережили вместе. Знаете, если людям этого недостаточно, тогда не голосуйте за него». После барахтанья в грязи в начале интервью Крофт стал более корректным, и мы неплохо поговорили о нашей с Хиллари совместной жизни. Эта удачная часть интервью была вырезана, когда его редактировали и сокращали до десяти минут, возможно из-за трансляции Суперкубка.

В какой-то момент во время нашего разговора очень яркий и очень горячий светильник, висевший прямо над диваном, на котором сидели мы с Хиллари, сорвался с потолка. Он находился прямо над головой Хиллари и, если бы упал на нее, она могла бы сильно обжечься. Каким-то образом я заметил это краем глаза и очень быстро притянул ее к себе, прежде чем светильник упал на то место, где она только что сидела. Хиллари была испугана, и не без оснований. Я погладил ее по голове и сказал, что теперь все в порядке и что я ее люблю. Когда все закончилось, мы вылетели в свой штат, чтобы посмотреть это шоу вместе с Челси. После передачи я спросил Челси, что она думает по этому поводу. Она ответила: «Думаю, я очень рада, что вы — мои родители».

На следующее утро я вылетел в Джексон, штат Миссисипи, на завтрак, организованный бывшим губернатором Биллом Уинтером и Майком Эспи. Оба они поддержали мою кандидатуру в самом начале кампании. Было неясно, придет ли кто-нибудь еще и каким будет этот прием. К моему огромному облегчению, пришлось поставить дополнительные стулья, так как людей собралось больше, чем ожидалось, и, казалось, все были искренне рады меня видеть. Итак, я снова взялся за работу.

Однако дело Дженнифер Флауэрс на этом не закончилось. Она устроила пресс-конференцию при переполненном зале в нью-йоркском отеле «Уолдорф-Астория», повторила свою историю и сказала, что ей надоело лгать. Дженнифер также признала, что к ней обратился один «местный кандидат от республиканцев», который попросил ее выступить публично, однако отказалась назвать его фамилию. На пресс-конференции были прослушаны записи с некоторых магнитофонных пленок, которыми она располагала. Однако в содержании этих разговоров, которые лишь доказывали, что я беседовал с ней по телефону, чего я не отрицал, не было ничего особенного, учитывая, какая вокруг этого поднялась шумиха.

Хотя история Флауэрс освещалась и впоследствии, цирк, который она устроила в средствах массовой информации, заканчивался. Я думаю, главной причиной было то, что нам удалось представить все это в правильном свете в программе «60 минут». Люди поняли, что я не безупречен и не претен-

дую на это. Однако они также знали, что перед страной стоит множество гораздо более важных проблем, и многим людям не нравились аспекты освещения этой истории в средствах массовой информации по принципу «наличные за грязь». Примерно в то же время Ларри Николс решил отказаться от своего иска и выступил с публичным извинением за попытку, как он выразился, «уничтожить меня», подчеркнув: «Средства массовой информации сделали из всего этого цирк, и сейчас дело зашло слишком далеко. Когда впервые появилась статья в газете *Star*, мне позвонили несколько женщин, которые спрашивали, заплачу ли я им, если они скажут, что у них был роман с Биллом Клинтонем. Это безумие». Возникли вопросы и по поводу магнитофонных записей, воспроизведенных на устроенной Флауэрс пресс-конференции. Газета *Star* отказалась предъявить их оригиналы, а телекомпания из Лос-Анджелеса пригласила эксперта, который хотя и не мог с уверенностью утверждать, что эта магнитофонная запись была «сфабрикована», однако заявил, что она определенно «выборочно отредактирована». Телекомпания CNN также освещала эту тему критически, основываясь на анализе собственного эксперта.

Как я уже упомянул, я впервые встретился с Дженнифер Флауэрс в 1977 году, когда был генеральным прокурором штата, а она — репортером одной из местных телекомпаний и часто брала у меня интервью. Вскоре она уехала из Арканзаса, чтобы сделать карьеру в индустрии развлечений. Я полагаю, она была бэк-вокалисткой у кантри-исполнителя Роя Кларка. В какой-то момент Дженнифер перебралась в Даллас. В конце 1980-х годов она вернулась в Литл-Рок, чтобы быть рядом с матерью, и позвонила мне, попросив помочь найти работу служащей в одном из ведомств штата, чтобы иметь дополнительный доход помимо того, что приносило пение. Я рекомендовал ее моей сотруднице Джуди Гэдди, отвечавшей за трудоустройство многочисленных соискателей. Через девять месяцев Флауэрс наконец получила работу с зарплатой около двадцати тысяч долларов в год.

Дженнифер Флауэрс произвела на меня впечатление человека, активно борющегося за выживание: у нее было отнюдь не идеальное детство, на протяжении своей карьеры она испытала много разочарований, но не сдавалась. Впоследствии в печати приводилось ее заявление о том, что она, возможно, стала бы за меня голосовать; в другом случае Флауэрс сказала, что не верит утверждениям Пола Джонс о моих сексуальных домогательствах. По иронии судьбы, почти ровно через шесть лет после моего выступления в январе 1992 года в программе «60 минут» мне пришлось дать показания под присягой по делу Пола Джонс. Тогда мне также были заданы вопросы, касающиеся Дженнифер Флауэрс. Я признал, что в 1970-е годы меня связывали с ней отношения, которых мне не следовало иметь. Безусловно, сам характер вопросов не имел ничего общего с не соответствовавшими действительности утверждениями Джонс о сексуальных домогательствах, просто это было частью длительных и хорошо финансирувавшихся усилий с целью скомпрометировать меня как в личном, так и в политическом плане. Однако я находился под присягой, поэтому, если я не сделал ничего дурного, меня нельзя было поставить в неловкое положение. Мои критики

с готовностью этим воспользовались. По иронии судьбы, хотя они были уверены, что остальная часть моих показаний под присягой не соответствовала истине, этот единственный ответ был воспринят ими как реальный факт. В действительности никакого двенадцатилетнего романа у нас не было. Дженнифер Флауэрс подала иск против Джеймса Карвилла, Пола Бегалы и Хиллари, якобы ее оклеветавших. Я не желаю ей зла, однако сейчас, когда уже не занимаю пост президента, хотел бы, чтобы она оставила их в покое.

Через несколько дней после того как разразился скандал, я позвонил Эли Сигалу и попросил его отправиться в Литл-Рок, чтобы в штаб-квартире кампании появился зрелый, надежный человек, присутствие которого окажет стабилизирующее влияние. Когда Сигал спросил, как я могу просить о помощи такого человека, как он, который работал только в предвыборных штабах кандидатов на пост президента, потерпевших поражение, я пошутил: «Я оказался в безвыходном положении». Эли засмеялся и согласился приехать. Он стал руководителем аппарата сотрудников моего предвыборного штаба, и в его ведении находились центральный офис, финансы и самолет. В начале месяца Нед Макуэртер, Бреретон Джонс и Бут Гарднер, губернаторы, соответственно, штатов Теннесси, Кентукки и Вашингтон, поддержали мою кандидатуру. Те, кто уже сделал это раньше, включая губернаторов штата Южная Каролина Дика Райли, штата Вайоминг Майка Салливана, штата Нью-Мексико Брюса Кинга, штата Северная Дакота Джорджа Финнера и штата Джорджия Зелла Миллера, подтвердили свое решение. К ним присоединился и сенатор Сэм Нанн, заявивший, что хочет «пождать», чтобы узнать, какие еще появятся новые истории.

Согласно результатам общенационального опроса общественного мнения, 70 процентов американцев считали, что пресса не должна писать о частной жизни общественных деятелей. Согласно другому опросу, 80 процентов демократов считали, что история Флауэрс не может повлиять на то, как они будут голосовать. Это было приятно, однако оставшиеся 20 процентов нельзя было отдавать без борьбы. Тем не менее кампания снова стала набирать обороты, и казалось, что мы сможем занять по меньшей мере прочное второе место после Тсонгаса, чего, по моему мнению, было бы достаточно для моего участия в предварительных выборах в южных штатах.

И в тот самый момент, когда мне показалось, что мои дела налаживаются, последовал новый серьезный удар: была предана огласке история с призывом на военную службу. 6 февраля газета *Wall Street Journal* опубликовала статью о моем отношении к призыву и о моей принадлежности к учебному корпусу офицеров запаса Арканзасского университета в 1969 году. Когда началась предвыборная кампания, я не был готов к вопросам на эту тему и ошибочно заявил, что в период учебы в Оксфорде не получал отсрочки от призыва. На самом деле я ее получил — с 7 августа по 20 октября 1969 года. Что было еще хуже, полковник Юджин Холмс, который разрешил мне тогда стать участником этой программы, теперь заявил, что я ввел его в заблуждение, чтобы избежать призыва. В 1978 году, когда журналисты задали ему вопрос по поводу этого обвинения, он ответил, что

имел дело с сотнями случаев и не помнит ничего конкретного о моем. В сочетании с моим собственным ошибочным заявлением о никогда не имевшей место отсрочке все это создало впечатление, что я вводил людей в заблуждение относительно того, почему не был призван на военную службу. В тот момент я не мог доказать, что это было неправдой. Я не нашел магнитофонную запись дружеского разговора Джеффа Дуайра с Холмсом, состоявшегося в марте 1970 года, после того как я уже вышел из состава Учебного корпуса офицеров запаса и снова подлежал призыву. Джефф умер, ушел из жизни и Билл Армстронг, который возглавлял местную призывную комиссию, и все документы о призыве того периода были уничтожены.

Нападки Холмса удивили меня, поскольку они противоречили его прежним заявлениям. Видимо, полковнику помогла освежить память его дочь Линда Бернетт, активистка республиканской партии, которая участвовала в кампании за переизбрание Буша на пост президента.

Ближе к выборам, 16 сентября, Холмс выступил с более подробным разоблачением, подвергнув сомнению мои «патриотизм и честность» и вновь заявив, что я его обманул. По-видимому, это заявление составила его дочь под «руководством» канцелярии моего давнего оппонента конгрессмена Джона Пола Хаммершмидта, а затем его подправили несколько сотрудников предвыборного штаба Буша.

Через несколько дней после того, как средства массовой информации сообщили об этой истории и всего за неделю до дня выборов в штате Нью-Хэмпшир, Тед Кошел, ведущий программы телекомпании ABC «Найтлайн», позвонил Дэвиду Вильгельму и сказал, что у него есть копия моего ставшего теперь столь известным письма полковнику Холмсу, касающегося призыва, и что они собираются делать материал на эту тему. Я совсем забыл содержание письма, и телекомпания ABC любезно согласилась прислать нам копию. Прочитав его, я понял, почему в предвыборном штабе Буша были уверены, что это письмо и рассказ полковника Холмса об эпизоде с программой подготовки офицеров резерва «потопят» меня на выборах в штате Нью-Хэмпшир.

В тот вечер мы с Мики Кантором, Брюсом Линдси, Джеймсом Карвиллом, Полом Бегалой, Джорджем Стефанопулосом и Хиллари встретились в одном из номеров мотеля «Дейз инн» в Манчестере и подвели итоги: в прессе с нами расправлялись; в последнее время пошли усиленные нападки на мой характер и личные качества; все ученые мужи с телевидения говорили, что со мною покончено. Джордж, съездившись, сидел на полу и чуть не плакал. Он спросил, не пора ли подумать об отказе от дальнейшего участия в кампании. Карвилл ходил взад-вперед по комнате, размахивая этим письмом, и кричал: «Джордж! Джордж! Это безумие. Это письмо — наш друг. Любой, кто прочитает его, поймет, что у Билла есть характер!» Хотя мне нравилась позиция Карвилла, никогда не падавшего духом, я отнесся к этому гораздо спокойнее, чем он. Я знал, что единственным опытом политической деятельности для Джорджа была работа в Вашингтоне, и, в отличие от нас, он, возможно, действительно полагал, что именно пресса должна решать, кто достоин стать президентом, а кто нет. Я спросил:

«Джордж, ты по-прежнему считаешь, что я стал бы хорошим президентом?»
«Да», — ответил он. «Тогда встань и продолжай работать. Если избиратели захотят, чтобы я ушел, они добьются этого в день выборов. Я намерен дать им возможность самим принять решение».

Эти слова были смелыми, однако, судя по опросам общественного мнения, мой рейтинг камнем падал вниз. Я уже оказался на третьем месте, и создалось впечатление, что скоро число набранных мною баллов будет выражаться однозначными цифрами. По совету Карвилла и Мики Кантора мы опубликовали в газете *Manchester Union Leader* полный текст этого письма и купили на телевидении эфирное время для двух тридцатиминутных передач, чтобы избиратели могли звонить мне и задавать вопросы по поводу выдвигавшихся против меня обвинений, а также обо всем, что придет им в голову. Сто пятьдесят арканзасцев бросили свои дела и отправились в Нью-Хэмпшир, чтобы ходить из дома в дом. Один из них, член Палаты представителей Дэвид Мэтьюз, был моим бывшим студентом и решительным сторонником моих законодательных программ и кампаний в родном штате. Дэвид обладал ораторскими способностями, умел убеждать и поэтому вскоре стал моим ближайшим после Хиллари помощником. После того как он «разогрел» толпу перед моими выступлениями на нескольких митингах, я думаю, некоторые люди сочли, что кандидатом следовало бы быть скорее ему. Еще шестьсот арканзасцев поместили на целой полосе в *Manchester Union Leader* свои фамилии и номера телефонов, призывая демократов из штата Нью-Хэмпшир звонить им, если они хотят узнать правду об их губернаторе. Последовали сотни звонков.

Из всех арканзасцев, которые пришли мне на помощь, больше всех повлиял на ход кампании мой ближайший друг детства Дэвид Леопулос. После того как стала известна история с Флауэрс, Дэвид услышал, как телекомментаторы сказали, что со мною покончено. Он настолько огорчился, что сел в машину и три дня ехал до Нью-Хэмпшира, поскольку не мог себе позволить купить билет на самолет. Когда Дэвид приехал в нашу штабквартиру, мой молодой пресс-секретарь Саймон Розенберг организовал для него интервью на одной из бостонских радиостанций, которое должна была услышать большая аудитория в штате Нью-Хэмпшир. Дэвид покориł слушателей рассказом о нашей сорокалетней дружбе; он говорил обо мне так, чтобы люди больше узнали меня как человека. Затем он выступил перед собранием наших упавших духом добровольцев, съехавшихся со всего штата. Когда мой друг закончил свою речь, многие плакали и были полны решимости активно действовать на завершающем этапе кампании. Дэвид работал в штате Нью-Хэмпшир целую неделю: давал интервью на радио и распространял самодельные листовки с фотографиями друзей нашего детства в качестве доказательства того, что я — реально существующий человек. В конце его поездки я встретил Дэвида на митинге в Нашуа, где он общался с пятьюдесятью другими арканзасцами, включая Кэролайн Стейли, моего давнего партнера по джазовому ансамблю Рэнди Гудрама и мою подругу по начальной школе Маури Аспелл. «Друзья Билла», вероятно, спасли кампанию в штате Нью-Хэмпшир.

За несколько дней до выборов я отправился в Нью-Йорк на давно запланированное мероприятие по сбору средств. Я сомневался, что кто-нибудь захочет прийти на эту встречу, разве только затем, чтобы посмотреть на ходячего мертвеца. Когда я шел через кухню отеля «Шератон» в бальный зал, то, как всегда, пожимал руки работникам кухни и официантам. Один из них, Димитриос Теофанис, вступил со мной в краткий разговор, благодаря которому стал моим другом на всю жизнь. «В школе, где учится мой девятилетний сын, преподаватели и ученики активно обсуждают тему выборов, и он говорит, что мне следует голосовать за вас. Если я поступлю так, то хочу, чтобы вы сделали моего сына свободным. В Греции мы были бедными, но свободными. Здесь мой сын не может один играть в парке напротив нашего дома или без сопровождения взрослых пойти по улице в школу, потому что это очень опасно. Он не свободен. Поэтому, если я буду голосовать за вас, сделаете ли вы моего сына свободным?» У меня на глаза навернулись слезы. Это был человек, которого действительно интересовало, что я могу сделать, чтобы обеспечить безопасность его сына. Я сказал ему, что собираюсь финансировать принятие на работу дополнительно 100 тысяч сотрудников муниципальной полиции, которые будут патрулировать кварталы, знать живущих там людей и оказывать им большую помощь.

Я уже немного успокоился, однако, когда вошел в бальный зал, настроение у меня еще больше поднялось. Там собралось около семисот человек, включая моего друга по Джорджтаунскому университету Дениз Хайленд Дангремон и ее мужа, Боба, который приехал из Род-Айленда, чтобы оказать мне моральную поддержку. Я вернулся в Нью-Хэмпшир, полагая, что, возможно, еще не все потеряно.

В последние несколько дней предвыборной кампании между мной и Тсонгасом возникли серьезные разногласия, касающиеся экономической политики. Я предложил план из четырех пунктов, предусматривавший создание рабочих мест, оказание помощи в организации предприятий, борьбу с бедностью и неравенством доходов; сокращение дефицита наполовину за четыре года при уменьшении расходов и увеличении налогов на доходы самых богатых американцев; рост инвестиций в образование, профессиональное обучение и создание новых технологий; развитие торговли; умеренное снижение налогов для среднего класса и гораздо более значительное — для работающих бедняков. Мы сделали все возможное для того, чтобы как можно убедительнее обосновать каждое наше предложение, используя цифры, предоставленные Бюджетным управлением Конгресса. В противовес моему плану Тсонгас заявил, что нам следует сосредоточить внимание на сокращении дефицита и что страна не может позволить себе снизить налоги для среднего класса; при этом он выступал за снижение налога на прирост капитала, которое было бы в первую очередь выгодно богатым американцам. За мое предложение о снижении налогов Тсонгас назвал меня «пособником игры на понижение» и подчеркнул, что он станет для Уолл-стрит самым лучшим другом. В ответ я заявил, что нам нужен экономический план «новых демократов», который поможет и Уолл-стрит, и Мейн-стрит, и деловым кругам, и рабочим семьям. Многие люди были согласны с утверждением

Тсонгаса, что дефицит слишком велик для того, чтобы на его уменьшение существенно повлияло предложенное мною сокращение налогов, однако я считал, что нам надо принять какие-то меры против увеличившегося в течение последних двух десятилетий неравенства доходов и перемещения в 1980-е годы налогового бремени на плечи среднего класса.

Хотя я с удовольствием сравнивал достоинства экономических планов, предлагавшихся мною и моими конкурентами, у меня не было иллюзий относительно того, что вопросы, связанные с моими личными качествами и характером, прекратятся. Приближалось завершение кампании, и, выступая в Довере перед с энтузиазмом приветствовавшей меня толпой, я высказал свои подлинные взгляды на «проблему характера»:

Меня просто восхищает, что в последние несколько недель поднимаются так называемые вопросы о характере. Заметьте, это стало происходить после того, как мой рейтинг оказался самым высоким благодаря тому, что я говорил о ваших проблемах, о вашем будущем и о вашей жизни.

Ну что ж, вопрос о характерах кандидатов — один из важнейших во время президентской предвыборной кампании, и американский народ вот уже более двух сотен лет принимает решения, сравнивая характеры своих политиков. Преимущественно это были правильные решения, иначе мы бы сегодня здесь не находились. Я скажу вам, что думаю о «проблеме характера». Кому действительно есть до вас дело? Кто и впрямь стремится сказать, что он сделает конкретно, если будет избран президентом? Кто продемонстрировал, что выполняет то, о чем говорит? Кто полон решимости изменить вашу жизнь, а не просто завладеть властью или удержать ее?..

Я скажу вам, что такое, по моему мнению, вопрос о характере на этих выборах. Как можно иметь полномочия президента и никогда их не использовать, чтобы помочь людям улучшить свою жизнь, до того самого момента, когда нужно защищать самого себя на выборах? Вот что такое вопрос о характере... Я скажу вам кое-что еще. Я собираюсь сторичей отплатить вам за поддержку на этих выборах, и, если вы ее мне окажете, я не буду таким президентом, как Джордж Буш. Я никогда не забуду, кто дал мне второй шанс, и всегда буду помогать вам, до последнего вздоха.

Слова «до последнего вздоха» стали лозунгом наших сторонников в последние дни кампании в штате Нью-Хэмпшир. Сотни добровольцев работали не покладая рук. Мы с Хиллари пожимали руки каждому, с кем могли встретиться. Результаты опросов общественного мнения все еще были обескураживающими, однако пульс кампании стал более ровным.

Утро дня выборов, 18 февраля, было очень холодным. Юноша-инвалид Майкл Моррисон, студент Йэна Пашаля, проснувшись утром, подумал о том, как он будет работать на избирательном участке, чтобы помочь мне. К сожалению, машина его матери не завелась. Майкл был огорчен, но это его не остановило. В это холодное утро он выбрался в своем инвалидном кресле,

снабженном моторчиком, на улицу, на обочину скользкой дороги, и несмотря на резкий зимний ветер, проехал в нем две мили до избирательного участка, где должен был работать. Некоторые люди считали, что главное на этих выборах — вопрос о моем призыве и о Дженнифер Флауэрс. Я же думаю, что они проводились для Майкла Моррисона; для Ронни Мачоса, маленького мальчика, родившегося с пороком сердца и не имевшего медицинской страховки; для девочки, чей безработный отец опускал голову за обеденным столом, потому что ему было стыдно перед семьей; для Эдварда и Энни Дэвис, у которых не хватало денег, чтобы купить и продукты, и нужные им лекарства; для сына официанта-иммигранта из Нью-Йорка, который не мог играть один в парке напротив своего дома. Кто из нас был прав, предстояло выяснить уже в скором времени.

В этот вечер Пол Тсонгас получил 35 процентов голосов, однако я занял прочное второе место, набрав 26 процентов, значительно больше, чем Керри (12 процентов), Харкин (10 процентов) и Браун (9 процентов). Остальные избиратели проголосовали за кандидатов, которых не было в бюллетене. По призыву Джо Гранмейсона, моего сторонника из Нью-Хэмпшира, с которым я был знаком еще со времен кампании Даффи, я сразу же выступил в средствах массовой информации и, как предложил Пол Бегала, сказал, что результаты голосования в штате Нью-Хэмпшир сделали меня «парнем, который снова победил». Тсонгас опередил меня на избирательных участках, находившихся ближе всего к границе со штатом Массачусетс, а на участках, расположенных в глубине штата Нью-Хемпшир и на десять миль севернее, я фактически одержал победу. Я был воодушевлен и очень благодарен избирателям. Они решили, что мне следует продолжать предвыборную кампанию.

Я полюбил Нью-Хэмпшир, мне нравился характер его жителей. Я уважал их за серьезность, — даже тех, кто голосовал за кого-то другого. Избиратели этого штата проверили меня в деле, и благодаря им я стал более достойным кандидатом. Очень многие люди подружились со мною и Хиллари и подняли нам настроение. Удивительно много жителей этого штата работало потом в моей администрации, а с некоторыми из них я продолжал поддерживать контакты на протяжении следующих восьми лет, например, когда устроил День Нью-Хэмпшира в Белом доме.

Ситуация в этом штате показала, насколько сильно американский народ хочет, чтобы его страна изменилась. Что касается республиканцев, то неожиданно начавший предвыборную кампанию Пат Бьюкенен получил 37 процентов голосов, а рейтинг президента в масштабах страны впервые после войны в Персидском заливе снизился до уровня менее 50 процентов. Хотя Буш по-прежнему опережал и Пола Тсонгаса, и меня, демократам, безусловно, стоило выдвигать своих кандидатов.

После выборов в штате Нью-Хэмпшир остальные предварительные выборы и закрытые партийные собрания проходили столь быстрыми темпами, что повторить такого рода «штучную» политику, какая была использована в Нью-Хэмпшире, стало просто невозможно. 23 февраля Тсонгас и Браун

победили на закрытых партийных собраниях в штате Мэн, получив, соответственно, 30 и 29 процентов голосов. Я намного отстал от них со своими 15 процентами и занял третье место. За исключением Айовы, в тех штатах, где существовала система проведения закрытых партийных собраний, в процессе выбора делегатов участвовало меньше людей, чем в предварительных выборах. Таким образом, на закрытых партийных собраниях предпочтение отдавалось кандидатам, опиравшимся на ядро своих активных сторонников, которые обычно, но не всегда, придерживались более левых взглядов, чем демократы в целом, и занимали гораздо более левые позиции, чем избиратели на всеобщих выборах. 25 февраля жители штата Южная Дакота, принявшие участие в предварительных выборах, активнее поддерживали своих соседей, Боба Керри и Тома Харкина, чем меня, хотя я и добился вполне достойных результатов, совершив единственную поездку на митинг, организованный на ранчо, где разводили лошадей.

В марте состоялось много важных для меня событий. Месяц начался с предварительных выборов в штатах Колорадо, Мэриленд и Джорджия. У меня было много друзей в Колорадо, а бывший губернатор этого штата, Дик Ламм, осуществлял координацию моей кампании в районе Скалистых гор, однако я смог добиться лишь того, что голоса разделились между Брауном, Тсонгасом и мною. Браун получил 29 процентов, я — 27, а Тсонгас со своими 26 процентами оказался непосредственно за мною. В штате Мэриленд я начал с активных организационных мероприятий, однако после того как опросы общественного мнения в Нью-Хэмпшире показали значительное снижение моего рейтинга, некоторые мои сторонники в Мэриленде перешли на сторону Тсонгаса. В этом штате он нанес мне поражение.

Большим испытанием для меня стали выборы в штате Джорджия. До сих пор мне не удавалось стать лидером по результатам предварительных выборов, и передо мною стояла задача одержать здесь победу, причем убедительную. Этот крупнейший штат на юге страны голосовал первым — 3 марта. Зелл Миллер перенес на неделю проведение предварительных выборов в Джорджии, чтобы обособить ее от других южных штатов, участвовавших в голосовании в «супервторник». Джорджия была интересным штатом. Атланта — это многоликий космополитический город, где сконцентрировано больше штаб-квартир корпораций, чем в любом другом крупном населенном пункте Америки. За пределами Атланты жители штата в культурном отношении были весьма консервативны. Например, Зелл, несмотря на всю свою популярность, безуспешно пытался добиться от Законодательного собрания Джорджии согласия на то, чтобы с флага штата убрали крест конфедератов, и когда это удалось его преемнику, Рою Барнсу, его уже не переизбрали на пост губернатора. Джорджия также отличается присутствием значительного военного контингента, необходимость которого долгое время отстаивали в Конгрессе представители штата. Не случайно Сэм Нанн был председателем Сенатского комитета по делам вооруженных сил. Когда стала известна история с моим призывом на военную службу, Боб Керри сказал, что, как только дело дойдет до голосования по моей кандидатуре в Джорджии, избиратели выведут меня на чистую воду,

«расколов», как «мягкий арахис». Это была остроумная шутка, так как в Джорджии выращивают больше арахиса, чем в любом другом штате. Через пару дней после голосования в Нью-Хэмпшире я вылетел в Атланту. Когда самолет приземлился, меня встретили мой старый друг мэр Атланты Мейнард Джексон и окружной прокурор Джим Батлер, ветеран вьетнамской войны, который улыбнулся мне и сказал, что он — единственный солдат, которой не хочет «раскалывать» меня, как «мягкий арахис».

Мы втроем выехали на машине в центр города на митинг, организованный в одном из торговых центров. Я вышел на сцену в окружении толпы своих сторонников — известных деятелей демократической партии. Нас оказалось так много, что вскоре сцена, построенная специально для проведения этого митинга, не выдержала нашего веса; она обрушилась, и все находившиеся на ней попадали кто куда. Я не пострадал, но одному из моих сопредседателей, представителю штата афроамериканцу Келвину Смайру, повезло меньше: упав, он сломал бедро. Позднее Крейг Смит в разговоре с Келвином пошутил, что тот был единственным из моих сторонников, кто в буквальном смысле «лег костями» ради меня. Это действительно так и было. Однако столь же активно мне помогали и Зелл Миллер, и конгрессмен Джон Льюис, и многие другие демократы из штата Джорджия, а также мои земляки, организовавшие группу «Арканзасские путешественники», которая вела кампанию почти во всех штатах, где проходили предварительные выборы. Они всегда меняли ситуацию к лучшему и особенно эффективно действовали в Джорджии. Политическая пресса заявила: для того чтобы вырваться вперед, я должен одержать в этом штате убедительную победу, получив по меньшей мере 40 процентов голосов. Благодаря дружью и своей предвыборной платформе я набрал 57 процентов.

В следующую субботу в штате Южная Каролина я одержал свою вторую победу. За меня проголосовало 63 процента избирателей. Мне очень помогли представители руководства демократической партии, а также бывший губернатор штата Дик Райли и мои друзья по «Ренессансному уикенду». Том Харкин в последний момент предпринял попытку сорвать мою кампанию, а Джесси Джексон, уроженец Южной Каролины, разъезжал по этому штату, критикуя меня. Несмотря на эти нападки и мою неудачную реакцию на них, когда на одной из радиостанций я допустил неосторожное высказывание в комнате, где был включен микрофон и шла передача в прямой эфир, другие чернокожие лидеры остались моими сторонниками. Как и в Джорджии, в Южной Каролине я получил подавляющее большинство голосов чернокожих избирателей. Думаю, это удивило моих соперников, которые своими непоколебимыми убеждениями завоевали репутацию борников гражданских прав. Однако я был единственным южанином, и меня, так же как и чернокожих арканзасцев, оказывавших мне поддержку, на протяжении многих лет связывали личные контакты с чернокожими политическими лидерами, представителями системы образования, деловых кругов и религиозных общин по всему Югу и за его пределами.

Как и в штате Джорджия, мне оказали предпочтение белые участники предварительных выборов. К 1992 году большинство белых, которые могли

бы поддержать кандидата, имевшего тесные связи с черной общиной, уже перешли в лагерь республиканцев. Я получил голоса тех, кто хотел, чтобы, решая проблемы, создававшие трудности для всех американцев, президент не принимал во внимание расовую принадлежность своих граждан. Республиканцы старались добиться того, чтобы число этих людей оставалось небольшим, превращая каждые выборы в войну культур и стараясь представить всех демократов чужаками в глазах белых избирателей. Они знали, на какие психологические «кнопки» нажимать, чтобы белые избиратели перестали думать. И когда у них это получалось, республиканцы побеждали. Помимо стремления выиграть предварительные выборы я старался сделать так, чтобы думающих белых избирателей становилось как можно больше: в этом случае мне удалось бы успешно конкурировать с соперниками на всеобщих выборах в южных штатах.

После предварительных выборов в штате Джорджия из гонки выбыл Боб Керри, а в Южной Каролине — Том Харкин. К «супервторнику», когда должны были состояться восемь предварительных выборов и три закрытых партийных собрания, в числе претендентов остались только Тсонгас, Браун и я. Тсонгас нанес мне серьезное поражение на предварительных выборах в своем родном штате Массачусетс и соседнем Род-Айленде. Он также одержал победу на закрытых партийных собраниях в штате Делавэр. Однако в южных и пограничных штатах мы разбили соперников наголову. На предварительных выборах во всех южных штатах — Техасе, Флориде, Луизиане, Миссисипи, Оклахоме и Теннесси я получил большинство голосов. В Техасе с помощью друзей, которые появились у меня в 1972 году во время кампании Макговерна, и значительного большинства американцев мексиканского происхождения я набрал 66 процентов. Во всех остальных штатах, где проводились предварительные выборы, я добился еще лучших результатов, за исключением Флориды, в которой после кампании, отличавшейся жестким соперничеством, получил 51 процент, в то время как Тсонгас — 34 процента и Браун — 12 процентов. Я также победил на закрытых партийных собраниях в штате Гавайи — благодаря губернатору Джону Уэйхи — и в штате Миссури, где меня поддержал заместитель губернатора Мел Карнахан, хотя в это время он вел свою кампанию перед предварительными выборами на пост губернатора. Мел впоследствии также победил.

После «супервторника» у меня осталась только неделя для выработки сильной стратегии с целью получения неоспоримого преимущества на выборах в Иллинойсе и Мичигане. Всего лишь за месяц до этого я находился в свободном падении и все «специалисты» из средств массовой информации были уверены, что со мною покончено. Теперь же я лидировал. Однако Тсонгас все еще был весьма активен и на следующий день после «супервторника» пошутил, что, поскольку я получил такие хорошие результаты на предварительных выборах в южных штатах, он подумает, не предложить ли мне стать кандидатом на пост вице-президента. На следующий день Тсонгас тоже отправился в штаты Среднего Запада, где выступил с критикой моей деятельности на посту губернатора, нелестно отозвался о моем характере и выразил сомнение в возможности моего избрания

на пост президента. Для него вопрос о моем характере был связан с тем, что я предложил снизить налоги для среднего класса. Новый опрос общественного мнения показал, что около 40 процентов американцев тоже сомневались в моей честности, однако вряд ли на их мнение повлияла проблема налогов.

Однако делать было нечего, оставалось лишь придерживаться своей стратегии и идти дальше. В штате Мичиган я посетил небольшой город Бартон близ Флинта, где значительное большинство жителей составляли выходцы из Арканзаса, которые перебрались туда, надеясь получить работу в автомобилестроительных компаниях. 12 марта я выступил в округе Макомб близ Детройта, на родине «демократов Рейгана», то есть избирателей, которых убедила отказаться от поддержки нашей партии программа Рейгана, выступавшего против активной роли правительства, за сильную оборону и жесткую борьбу с преступностью. По существу, эти избиратели из пригородов начали голосовать за республиканцев в 1960-е годы, так как полагали, что демократы больше не разделяют такие их ценности, как работа и семья, и слишком заняты социальными программами, в ходе реализации которых отдают средства, поступающие от налогоплательщиков, чернокожим и склонным к расточительству бюрократам.

Выступая перед полным залом в местном колледже округа Макомб, я заявил собравшимся, что дам им новую демократическую партию, экономическая и социальная политика которой будет основана на возможностях и ответственности для всех граждан. Она будет распространяться и на руководителей корпораций, зарплата которых не зависит от положения их предприятий; и на трудящихся, не желающих повышать свою квалификацию; и на людей, получающих социальные пособия и при этом способных работать. Затем я сказал избирателям, что мы не добьемся успеха, если они не будут готовы сотрудничать со всеми, кто разделяет эти ценности. Я призвал их голосовать невзирая на расовую принадлежность кандидатов, потому что «по существу, это не расовые проблемы. Они касаются или экономики, или ценностей».

На следующий день я выступил с таким же заявлением перед несколькими сотнями чернокожих священников и других активистов в баптистской церкви «Плезант-Гроув» преподобного Оделла Джонса в гетто Детройта. Я сказал своим чернокожим слушателям, многие из которых были родом из Арканзаса, что призвал белых избирателей округа Макомб голосовать независимо от расовой принадлежности кандидатов и подчеркнул, что теперь прошу их сделать то же самое. Я призвал их поддержать являющуюся частью моей программы идею ответственности (включая реформу системы социального обеспечения, решительные меры по гарантированной выплате пособий на детей и усилия по борьбе с преступностью), проведение которой в жизнь способствовало бы упрочению таких ценностей, как работа, семья и безопасность в их кварталах. Оба этих выступления привлекли особое внимание, так как ситуация, когда политик говорит с белыми избирателями округа Макомб о расовой проблеме, а с чернокожими из гетто — о вопросах социального обеспечения и преступности, была необычной. То, что обе группы активно откликнулись на одну и ту же речь, меня

не удивило. В глубине души большинство американцев понимают: самая лучшая социальная программа — это работа, самый сильный социальный институт — семья, а политика расовой сегрегации обречена на поражение.

В Иллинойсе я посетил колбасную фабрику, где работали чернокожие, испаноязычные американцы и иммигранты из Восточной Европы, чтобы сообщить об обязательстве компании предоставить всем сотрудникам, не окончившим среднюю школу, возможность присоединиться к программе всеобщего образования. Я встретился с иммигрантом из Румынии, незадолго до этого ставшим гражданином США, который сказал мне, что будет впервые голосовать в Америке и намерен отдать свой голос мне. Я работал в общинах чернокожих и латиноамериканцев вместе с двумя молодыми активистами — Бобби Рашем и Луисом Гутьерресом (оба впоследствии были избраны в Конгресс). Затем я посетил объект жилищного строительства с использованием энергосберегающих технологий вместе с молодым лидером общины латиноамериканцев Дэнни Солисом, сестра которого, Пэтти, стала работать у Хиллари во время предвыборной кампании и с тех пор была ее постоянной сотрудницей. В Чикаго я помимо всего прочего принял участие в параде по случаю Дня Святого Патрика под приветственные крики сторонников и улюлюканье противников, причем и то, и другое звучало особенно громко, наверное потому, что в барах, располагавшихся вдоль маршрутов следования участников шествия, в изобилии предлагалось пиво.

За два дня до выборов мы с Полом Тсонгасом и Джерри Брауном участвовали в теледебатах в Чикаго. Мои соперники знали, что наступил решающий момент, и поэтому старались критиковать меня как можно активнее. Браун привлек к себе внимание, выступив с резкими нападками на Хиллари. Он заявил, что я позволил фирме Rose заниматься в штате предпринимательской деятельностью, чтобы увеличить доходы своей жены, и что компания по разведению домашней птицы, интересы которой представляла Rose, пользовалась особыми привилегиями Министерства экологии именно потому, что в этой компании работала Хиллари. Обвинения были нелепыми, и то, что Джерри произносил их с таким пылом, меня возмутило. Я объяснил, как все обстояло на самом деле, так же, как объяснял тогда, когда Фрэнк Уайт во время губернаторской кампании 1986 года выступил с нападками на юридическую практику Хиллари. Фирма Rose представляла Арканзас в инвестиционном бизнесе начиная с 1948 года. Она защищала интересы штата в его противостоянии с коммунальными предприятиями, которые хотели, чтобы Арканзас платил за возведение атомной электростанции Grand Gulf. Хиллари вычла из дохода фирмы все гонорары, законно выплаченные штатом, до подсчета своей доли как партнера, поэтому не получила никакой прибыли от этой деятельности, что показала бы любая проверка. Более того, не было никаких доказательств, что клиенты фирмы Rose пользовались какими-либо привилегиями, предоставленными ведомствами штата. Мне не следовало выходить из себя, однако эти обвинения были абсолютно беспочвенными. Подсознательно я, вероятно, чувствовал себя виноватым в том, что Хиллари вынуждена была постоянно заступаться за меня, и порадовался возможности подняться на ее защиту.

Все, кто знал Хиллари, не сомневались в ее безупречной честности. Однако ее знали не все, и эти нападки причиняли ей боль. Утром следующего после теледебатов дня мы пожимали руки людям в кафе «Бизи би» в Чикаго, и один из журналистов спросил ее, что она думает об обвинениях Брауна. Ответ Хиллари был очень удачным: она сказала, что стремилась совместить профессиональную карьеру и семейную жизнь. Тогда журналист поинтересовался, сумела ли она добиться того, чтобы они не вступали в противоречие. Безусловно, Хиллари это вполне удалось, и ей следовало так и сказать. Но она устала, находилась в состоянии стресса и вместо этого ответила: «Думаю, что могла бы оставаться дома, печь печенье и звать гостей на чай, однако я решила заниматься своей профессиональной деятельностью, продолжив работу, которую начала еще до того, как мой муж стал участвовать в общественной жизни. Я всегда работала максимально напряженно и тщательно, и это все, что могу вам сказать».

Пресса ухватилась за «чай и печенье» и представила слова Хиллари как критику матерей-домохозяек. Это было удачей для поборников республиканской культуры. Они стали изображать Хиллари как «воинствующую юристку-феминистку», стремившуюся играть роль идеологического руководителя «администрации Клинтон — Клинтон», которая будет придерживаться «радикально феминистской» программы. Мне было жаль ее. Я знал, что Хиллари много лет отстаивала право женщин на выбор, включающий возможность сидеть дома и присматривать за детьми, хотя большинство матерей, как одиноких, так и замужних, уже просто не могли себе этого позволить. Кроме того, я знал, что ей нравится печь печенье и приглашать своих подруг на чай. Одно ее необдуманное высказывание предоставило нашим оппонентам дополнительную возможность делать то, что у них лучше всего получалось, — разобщать и уводить от нас избирателей.

Все это было забыто на следующий день, когда мы одержали победу в Иллинойсе, родном штате Хиллари, получив 52 процента голосов, в то время как Тсонгас набрал 25, а Браун — 15, и в Мичигане, где я получил 49, Браун — 27, а Тсонгас — 18 процентов. Если нападки Брауна на Хиллари и имели какой-то резонанс, то, вероятно, они только повредили ему на выборах в штате Иллинойс. Тем временем президент Джордж Буш, умело действуя, нанес поражение Пату Бьюкенену в обоих этих штатах, фактически покончив с ним как с соперником. Хотя раскол в рядах республиканцев был мне выгоден, я испытал удовольствие от поражения Бьюкенена. Он старался играть на характерном для среднего класса чувстве надвигающейся опасности: например, в одном южном штате посетил кладбище конфедератов, но не перешел улицу, чтобы побывать на могилах чернокожих.

После пышных торжеств в чикагском отеле «Палмер-хаус», где в честь праздника бросали зеленое ирландское конфетти, мы вновь взялись за дело. На поверхностный взгляд казалось, что моя кампания идет успешно, однако при анализе изнутри ситуация не была столь ясной. Один из новых опросов общественного мнения показал, что я иду вровень с президентом Бушем, однако другой продемонстрировал мое значительное отставание, хотя число американцев, одобрявших действия Буша на посту президента,

уменьшилось до 39 процентов. Опрос, проведенный среди избирателей Иллинойса на выходе с избирательных участков, показал, что половина демократов недовольна выбором кандидата от своей партии на пост президента. Джерри Браун тоже выражал неудовольствие. Он сказал, что, возможно, не будет поддерживать меня, если я добьюсь выдвижения своей кандидатуры от демократической партии.

Девятнадцатого марта Тсонгас, сославшись на финансовые проблемы, отказался от дальнейшего участия в предвыборной гонке. В результате моим единственным соперником перед предварительными выборами в Коннектикуте, намеченными на 24 марта, остался Джерри Браун. Считалось, что я должен одержать победу в этом штате, потому что меня поддержало большинство местных демократических лидеров, а кроме того здесь у меня остались друзья еще со школьных лет. Хотя я активно вел кампанию, мне было беспокойно. Сторонники Тсонгаса очень сердились на меня за то, что я вытеснил его из гонки; они намеревались в любом случае голосовать за него или перейти на сторону Брауна. Моих сторонников, наоборот, было трудно расшевелить, так как они считали, что выдвижение кандидатом на пост президента от демократической партии мне гарантировано. Я опасался, что из-за невысокой активности избирателей могу потерпеть поражение на этих выборах. Именно так и произошло. В голосовании приняли участие около 20 процентов зарегистрированных демократов, и Браун нанес мне поражение, получив 37 процентов, в то время как за меня проголосовали 36 процентов. 20 процентов избирателей были преданными сторонниками Тсонгаса, продолжавшими поддерживать своего кандидата.

Следующим серьезным испытанием были предварительные выборы в штате Нью-Йорк 7 апреля. Если бы я не выиграл здесь после того, как потерпел поражение в Коннектикуте, выдвижение моей кандидатуры снова оказалось бы под угрозой. Нью-Йорк с его жестким круглосуточным циклом подачи новостей и политической «игрой без правил» казался идеальным местом для того, чтобы пустить мою кампанию под откос.

В политической жизни нет ничего подобного выборам в штате Нью-Йорк. Во-первых, существуют три его части, различающиеся географически и психологически: город Нью-Йорк с его пятью очень не похожими друг на друга районами; Лонг-Айленд и другие пригородные округа; остальная часть штата. Здесь есть значительные общины чернокожих и латиноамериканцев, крупнейшая в США еврейская община, а также хорошо организованные группы индийцев, пакистанцев, албанцев и почти всех других национальностей, какие только можно себе представить. Общины чернокожих и латиноамериканцев в штате Нью-Йорк также весьма пестры. Например, среди жителей латиноамериканского происхождения есть выходцы из Пуэрто-Рико и всех стран Карибского региона, включая более пятисот тысяч человек только из Доминиканской Республики.

Мои контакты с национальными общинами были организованы Крисом Хайлендом, моим однокашником по Джорджтаунскому университету, который жил в нижней части Манхэттена — одном из районов Америки, отличающихся наибольшим этническим многообразием. Мы с Хиллари встретились с группой учащихся начальной школы, которую впоследствии из-за теракта во Всемирном торговом центре в сентябре 2001 года пришлось перевести в другое здание. Это были дети, представлявшие восемьдесят различных национальных и этнических групп. Крис начал с того, что стал покупать примерно тридцать национальных газет и выяснять, где сейчас находятся упомянутые в них лидеры. После предварительных выборов он организовал в штате Нью-Йорк сбор средств с участием девятиста пятидесяти лидеров различных национальностей, а затем отправился в Литл-Рок, чтобы сплотить этнические группы по всей стране. Это стало важным вкладом в победу на всеобщих выборах и заложило основу для постоянных беспрецедентных контактов с этническими общинами после нашего прихода в Белый дом.

В этом штате активно, эффективно и в политическом отношении весьма искусно действовали профессиональные объединения, особенно профсоюзы государственных служащих. В городе Нью-Йорке политическую ситуацию на предварительных выборах еще больше осложняло то, что и преданные сторонники партий, и те, кто выступал за либеральные реформы, действовали в равной мере энергично и между ними часто возникали конфликты. Группы, боровшиеся за права гомосексуалистов, были хорошо организованы и активно отстаивали необходимость принятия более радикальных мер в борьбе со СПИДом, от которого в 1992 году в Америке все еще погибало больше людей, чем в любой другой стране. На разные лады звучали голоса вездесущей прессы, представленной традиционными газетами во главе с *New York Times*, бульварными изданиями, энергичными

местными телекомпаниями и радиостанциями, транслировавшими в основном новости, ток-шоу и интервью, и все они активно конкурировали в борьбе за самую свежую информацию.

Хотя моя предвыборная кампания в штате Нью-Йорк по существу началась лишь после предварительных выборов в Коннектикуте, я несколько месяцев вел работу в этом штате, опираясь на бесценную помощь и квалифицированные советы Гарольда Икеса, тезки и сына известного политика, министра внутренних дел в правительстве Франклина Делано Рузвельта. К 1992 году мы с Икесом-младшим дружили уже более двадцати лет. Гарольд был худощав, очень впечатлителен, умен, эмоционален и иногда несколько грубоват. В нем уживались одновременно и идеалист-либерал, и искусный, обладающий практическими навыками политик. В молодости Гарольд работал ковбоем на американском Западе и однажды был жестоко избит за участие в мероприятиях, проводимых в поддержку гражданских прав на Юге. Во время моей предвыборной кампании он проявил себя как верный друг и жесткий противник, веривший, что, действуя политическими методами, можно изменить жизнь людей. Гарольд знал ситуацию в штате как свои пять пальцев, был знаком со всеми влиятельными людьми и прекрасно разбирался в местных проблемах и нюансах борьбы за власть. Если мне предстояло пройти через ад, я, по крайней мере, совершал это путешествие вместе с человеком, у которого был шанс вывести меня оттуда живым.

В декабре 1991 года Гарольд, который уже помог организовать необходимую для меня поддержку в Манхэттене, Бруклине и Бронксе, договорился о моем выступлении в комитете демократической партии в Куинсе. Он предложил поехать на эту встречу из Манхэттена, воспользовавшись метро. Пресса освещала мою поездку в подземке, поездку «деревенского парня», подробнее, чем само мое выступление, однако это сыграло положительную роль. Вскоре мою кандидатуру поддержал председатель организации демократической партии Куинса конгрессмен Том Мантон. Затем к нему присоединился конгрессмен от Куинса Флойд Флейк, который был священником Африканской методистской епископальной церкви Аллена.

В январе, по случаю дня рождения Мартина Лютера Кинга-младшего, я вместе с конгрессменом-афроамериканцем Тедом Таунсом и председателем организации демократической партии в Бруклине Кларенсом Норманом посетил среднюю школу в Бруклине. Дети много говорили о том, что их одноклассники приносят в школу ножи и пистолеты. Они хотели, чтобы в стране был президент, который сумеет сделать их жизнь безопаснее. Я участвовал в дебатах в Бронксе, которые вел председатель этого района Фернандо Феррер, впоследствии ставший моим сторонником. На пароме я добрался до Стейтен-Айленда и вел там кампанию. В Манхэттене для меня очень многое сделали председатель района Рут Мессинджер и ее молодой помощник Марти Рауз, который помог мне установить контакты с общиной гомосексуалистов. Виктор и Сара Ковнер убедили нескольких сторонников либеральных реформ поддержать меня и стали моими добрыми друзьями. Гильермо Лунарес, в числе первых демократов избранный в муниципалитет, стал одним из первых поддержавших меня известных аме-

риканцев латиноамериканского происхождения. Я вел компанию на Лонг-Айленде и в округе Уэстчестер, где живу сейчас.

На исход предварительных выборов в штате Нью-Йорк профсоюзы оказали гораздо более значительное влияние, чем на результаты всех предыдущих предварительных выборов. Среди самых крупных и наиболее активных были нью-йоркские отделения Американской федерации служащих учреждений штатов, округов и муниципалитетов. После того как я выступил перед членами ее исполнительного совета, она стала первым крупным профсоюзом, поддержавшим мою кандидатуру. Будучи губернатором, я работал в тесном контакте с этой федерацией, даже стал ее членом и платил взносы. Однако подлинной причиной этой поддержки было то, что я нравился председателю этого профсоюза Джеральду Макэнти, и он решил, что я могу победить. Макэнти стоило иметь в числе сторонников. Безусловно преданный человек, он работал весьма эффективно и был не прочь поучаствовать в жесткой борьбе. Меня также поддержал Объединенный союз транспортных рабочих, а к концу марта — работники американских служб связи и Международный профсоюз дамских портных. Учителя тоже оказали мне помощь, хотя их официальной поддержки я не получил. Помимо профсоюзов, в числе моих сторонников была также сильная группа представителей бизнеса, мобилизованная Аланом Патрикотом и Стэном Шуманом.

Наиболее важная и длительная встреча из всех, которые я проводил с представителями этнических групп, состоялась у меня с ирландцами. Однажды поздним вечером я встретился с участниками Форума по ирландским проблемам, организованного членом Законодательного собрания Бронкса Джоном Диари. Гарольд Икес и налоговый инспектор Нью-Йорка Кэрол О'Клейреакейн помогли мне подготовиться к этой встрече. На ней присутствовали легендарный Пол О'Дуайер, которому было около восьмидесяти пяти лет, и его сын Брайан, а также Найолл О'Дауд, главный редактор газеты *Irish Voice*, журналист Джимми Бреслин, ревизор из Куинза республиканец Питер Кинг и около сотни других ирландских активистов. Они хотели, чтобы я пообещал назначить специального представителя, который положил бы конец насилию в Северной Ирландии на справедливых, с точки зрения католического меньшинства, условиях. Меня также призвал сделать это мэр Бостона Рэй Флинн, активный католик ирландского происхождения и мой решительный сторонник. Я начал проявлять интерес к ирландской проблеме, будучи еще студентом Оксфорда, с тех пор как в 1968 году там начались «беспорядки». После длительного обсуждения я заявил, что пойду на этот шаг и буду бороться за то, чтобы положить конец дискриминации североирландских католиков в экономике и других областях. Зная, что мое обещание вызовет негодование британцев и создаст напряженность в нашем очень важном трансатлантическом альянсе с Великобританией, я все же был убежден: США, имеющие колоссальную ирландскую диаспору, включая людей, финансировавших Ирландскую республиканскую армию (ИРА), могли способствовать успешному решению этой проблемы.

Вскоре я выступил с решительным заявлением, подготовленным моим советником по внешней политике Нэнси Содерберг, подтверждавшим мое обязательство. Мой однокашник по юридическому факультету, бывший конгрессмен от штата Коннектикут Брюс Моррисон, создал организацию «Американцы ирландского происхождения — за Клинтона». Ей предстояло сыграть важную роль в моей кампании и в деятельности, которой мы впоследствии занимались. Как отметила Челси в своей курсовой работе в Стэнфордском университете, посвященной ирландскому мирному процессу, я впервые стал уделять внимание этой проблеме в связи с политической ситуацией в штате Нью-Йорк, однако и став президентом прилагал серьезные усилия к ее решению.

Если бы речь шла об обычных предварительных выборах в демократической партии, при такой поддержке кампании мы бы добились легкой победы. Однако эти выборы нельзя было назвать обычными. Во-первых, существовала оппозиция. Джерри Браун работал как дьявол и проявлял решимость объединить либеральных избирателей, воспользовавшись этим последним шансом, чтобы окончательно сорвать мою кампанию. Пол Тсонгас, которого обнадежили результаты голосования по его кандидатуре в Коннектикуте, дал понять, что не будет возражать, если его сторонники проголосуют за него еще раз. Кандидат на пост президента от «Партии нового альянса», сердитая женщина по имени Ленора Фулани, сделала все возможное, чтобы им помочь: она привела своих сторонников на мероприятие, которое я проводил в одной из гарлемских больниц, и пыталась заглушить мое выступление своими выкриками.

Джесси Джексон практически перебрался в Нью-Йорк, чтобы помочь Брауну. Его важнейшим вкладом было то, что он убедил Денниса Риверу, возглавлявшего местное отделение №1119 Межнационального союза работников сферы обслуживания — одного из крупнейших и наиболее активных профсоюзных объединений в городе, не оказывать мне поддержку, а прийти на помощь Джерри. Браун в ответ на эту любезность заявил, что, если его выдвинут кандидатом на пост президента от демократической партии, он назовет Джесси Джексона кандидатом на пост вице-президента. Я полагал, что заявление Брауна поможет ему завоевать поддержку чернокожих избирателей Нью-Йорка, однако в результате получил дополнительную помощь со стороны еврейской общины города. Считалось, что Джексон слишком близок к лидеру черных мусульман Луису Фарахану, известному своими антисемитскими высказываниями. Тем не менее в целом поддержка Джесси сослужила хорошую службу кампании Брауна в Нью-Йорке.

Кроме того, активно действовали средства массовой информации. Представители крупных газет проводили в Арканзасе целые недели, выискивая хоть что-нибудь, что могло бы повредить моей репутации. Первой выступила *New York Times*, опубликовав в начале марта первую из своих статей, посвященных истории с «Уайтуотер». В 1978 году мы с Хиллари, а также Джим и Сюзан Макдугал взяли банковские займы в размере более двухсот тысяч долларов и вложили их в покупку земли вдоль реки Уайт на северо-западе Арканзаса. Джим был застройщиком. Я встретился с ним, когда он

руководил аппаратом сотрудников сенатора Фулбрайта в Литл-Роке. Мы надеялись разделить эту собственность и прибыльно продать ее пенсионерам, многие из которых в 1960-е и 1970-е годы перебирались в Озарк. Во всех предыдущих операциях с землей Макдугал добивался успеха, включая ту, в которую я вложил несколько тысяч долларов, получив в результате небольшую прибыль. К сожалению, в конце 1970-х годов процентные ставки взлетели вверх, экономический рост замедлился, уменьшился объем продаж земель, и в этом предприятии мы понесли убытки.

К тому времени, когда в 1983 году я снова стал губернатором, Макдугал приобрел небольшую ссудо-сберегательную компанию и назвал ее *Madison Guaranty Savings and Loan*. Через несколько лет после этого он пригласил юридическую фирму *Rose* представлять ее интересы. Когда в Америке разразился кризис ссудно-сберегательного бизнеса, над компанией *Madison* нависла угроза банкротства, и она стала привлекать средства, продавая привилегированные акции, и создала филиал для оказания брокерских услуг. Для этого Макдугалу нужно было разрешение члена комиссии штата по ценным бумагам Биверли Бассет Шаффер, которую назначил на этот пост я. Биверли была первоклассным юристом, сестрой моего друга Вуди Бассета и женой Арчи Шаффера, племянника сенатора Дейла Бамперса.

Публикация в *New York Times* была лишь одной из серии статей, посвященных ситуации с «Уайтуотер». В ней журналист задавал вопрос, не было ли противоречия в том, что Хиллари представляла интересы компании, деятельность которой регулировалась штатом. Она лично подписала одно из писем члену этой комиссии Шаффер, в котором обосновывала предложение о продаже привилегированных акций. Автор статьи также намекнул, что отношение к компании *Madison* при рассмотрении ее «новых финансовых предложений» было особым и что Шаффер не осуществляла надлежащего контроля за этой компанией, когда дело шло к ее банкротству.

Факты не подтверждали обвинений и измышлений. Во-первых, предложения о финансировании, которые одобрила Шаффер как член Комиссии по ценным бумагам, были отнюдь не новыми, а обычными для того времени. Во-вторых, как только независимый аудит, проведенный в 1987 году, показал, что компании *Madison* грозит банкротство, Шаффер стала убеждать федеральные регулирующие органы закрыть ее, причем задолго до того, как они проявили готовность это сделать. В третьих, за два года, в течение которых Хиллари работала юристом в фирме *Rose*, она посвятила делам компании *Madison* в общей сложности двадцать один час своего времени. В четвертых, мы никогда не брали займы у компании *Madison*, а напротив, понесли убытки из-за инвестирования средств в «Уайтуотер». Такова картина наших взаимоотношений с этой компанией. Журналист из *New York Times* наверняка разговаривал с Шеффилдом Нельсоном и другими моими противниками в Арканзасе, которые очень хотели бы создать шумиху вокруг «проблемы характера» не только в связи с призывом на военную службу и делом Флауэрс. В данном случае, для того чтобы это сделать, надо было проигнорировать неудобные факты и неверно представить действия такой преданной делу государственной служащей, как Шаффер.

Газета *Washington Post* тоже включилась в эту игру, опубликовав статью, целью которой было показать, что я имел слишком тесные связи с компаниями, занимающимися разведением домашней птицы, и не помешал им сбрасывать отходы, образующиеся при выращивании цыплят, на обрабатываемые земли. Небольшое количество помета животных — хорошее удобрение, однако, когда количество отходов настолько велико, что почва не может их впитать, их смывает дождем в реку, что приводит к ее загрязнению и создает угрозу для рыбной ловли и купания. В 1990 году Министерство экологии правительства штата обнаружило, что на северо-западе Арканзаса, где сконцентрированы предприятия по разведению домашней птицы, загрязнено более 90 процентов водных источников. Мы израсходовали на решение этой проблемы несколько миллионов долларов, и через два года люди из министерства заявили, что около 50 процентов источников соответствуют нормам, установленным для мест отдыха и развлечений. Я убедил представителей этой отрасли согласиться на «оптимальную практику руководства», чтобы очистить и остальные источники. Меня критиковали за то, что я не отдал распоряжение о борьбе с коррупцией в отрасли, хотя легче было это сказать, чем сделать. Подобной цели не смог добиться даже Конгресс, где большинство составляли демократы. Сельскохозяйственные компании обладали достаточным влиянием, чтобы получить полное освобождение от федеральных правил, когда Конгресс принял закон «О чистой воде». Разведение домашней птицы — крупнейшая отрасль в Арканзасе, в которой занято больше всего работников, и ее руководители имели сильное влияние на Законодательное собрание штата. Я полагал, что в такой ситуации мы сделали очень многое, хотя это было самое слабое место в наших усилиях по охране окружающей среды, которые во всем остальном увенчались успехом. Газеты *Washington Post* и *New York Times* завершили серию статей на эту тему, когда в конце марта *Washington Post* высказала предположение, что юридическая фирма Rose каким-то образом убедила власти штата смотреть сквозь пальцы на действия компаний, занимавшихся разведением домашней птицы.

Я пытался реально оценивать ситуацию. Пресса обязана изучать репутацию каждого, кто может стать президентом. Большинство журналистов, начиная эту работу, ничего не знали ни об Арканзасе, ни обо мне. У некоторых из них заранее сложилось негативное представление о бедном сельском штате и живших там людях. Кроме того, во время предвыборной кампании 1992 года меня называли кандидатом, «имеющим проблемы с характером»; в результате средства массовой информации с готовностью использовали любую грязь, которую им предлагали в доказательство этого исходного предвзятого утверждения.

Умом я все это понимал, а также помнил и ценил позитивные отзывы обо мне в средствах массовой информации, появившиеся в начале кампании. Тем не менее складывалось впечатление, что все эти истории с расследованием тех или иных обстоятельств готовятся по принципу: «сначала стреляем, а все вопросы — потом». Когда я их читал, у меня возникало ощущение нереальности. Пресса, судя по всему, была полна решимости доказать, что

все, кто считает мою кандидатуру подходящей на пост президента, просто глупы: пять раз избиравшие меня жители Арканзаса; мои коллеги-губернаторы, проголосовавшие за меня как за самого эффективно работающего губернатора в стране; специалисты в области образования, давшие высокую оценку нашим реформам и достигнутым нами успехам; друзья, которые на протяжении всей своей жизни вели кампанию в мою поддержку по всей стране. В Арканзасе даже мои явные противники знали, что я много работал и был безусловно честен. Теперь создавалось впечатление, что я обманывал всех, начиная с шестилетнего возраста. В какой-то момент, когда в штате Нью-Йорк дела пошли совсем плохо, Крейг Смит сказал мне, что перестал читать газеты, поскольку «не узнает человека, о котором они пишут».

К концу марта Бетси Райт, находившаяся в Гарварде, где училась в Школе имени Кеннеди, пришла мне на помощь. Она много лет активно работала над освещением нашей прогрессивной деятельности и над выработкой этических стандартов. У Бетси была прекрасная память, она знала все аспекты нашей работы и очень хотела вступить в противоборство с журналистами, чтобы внести полную ясность и исправить все ошибки. Когда она начала работать в предвыборном штабе в качестве руководителя отдела по преодолению негативного влияния неблагоприятных отзывов, я почувствовал себя намного лучше. Бетси положила конец распространению многих не соответствовавших действительности историй, однако полностью избавиться от них мы так и не смогли.

Двадцать шестого марта, когда сенатор Том Харкин, работники американских служб связи и Международный профсоюз дамских портных поддерживали мою кандидатуру, дым начал понемногу рассеиваться. Мне также очень помогло, когда губернатор Куомо и сенатор Пат Мойнихен из штата Нью-Йорк выступили с критикой предложения Джерри Брауна о введении единой 13-процентной ставки налога, заявив, что его принятие нанесло бы ущерб Нью-Йорку. Это был редкий день в ходе кампании, когда в новостях преобладали действительно важные вопросы, влияющие на жизнь людей.

Двадцать девятого марта я снова оказался в нелегком положении, на этот раз из-за проблемы, созданной мною самим. Мы вместе с Джерри Брауном приняли участие в форуме для претендентов, передававшемся по телевидению компанией WCBS в Нью-Йорке, и один из журналистов поинтересовался, пробовал ли я марихуану во время учебы в Оксфорде. Впервые этот вопрос был задан мне прямо и совершенно конкретно. Когда в Арканзасе меня спросили, курил ли я когда-либо марихуану, я ответил уклончиво, заявив, что никогда не нарушал законы США о наркотиках. На этот раз я дал более прямой ответ: «Когда я был в Англии, то один или два раза попробовал марихуану, но она мне не понравилась. Я не вдыхал ее и после этого никогда больше не пробовал».

Даже Джерри Браун сказал, что прессе следует оставить меня в покое, поскольку этот вопрос не настолько существенный.

Однако журналисты увидели здесь проблему, связанную с моим характером. Что касается моих слов «не вдыхал ее», то я говорил о том, как все происходило на самом деле, не пытаясь минимизировать свой поступок,

а просто стараясь его объяснить. Конечно, мне следовало сказать, что я «не смог вдохнуть». Я никогда не курил сигарет, никогда не вдыхал дым трубки, которую иногда курил в Оксфорде, и попробовал, но не смог вдохнуть дым марихуаны. Я не знаю, почему вообще упомянул об этом; возможно, думал, что это шутка, или, может быть, это была нервная реакция в разговоре на тему, которую мне не хотелось обсуждать. Мой рассказ подтвердил уважаемый английский журналист Мартин Уокер, который впоследствии написал интересную и далеко не хвалебную книгу о моем пребывании на посту президента «Клинтон: президент, которого они заслуживают» (*Clinton: The President They Deserve*). Мартин публично заявил, что учился со мной в Оксфорде и на одной из вечеринок видел, как я пытался, но не смог вдохнуть марихуану. Однако было уже поздно. Мой неудачный рассказ о заключениях с марихуаной цитировался журналистами и республиканцами в течение всего 1992 года как доказательство того, что с моим характером не все в порядке. Кроме того, я на многие годы предоставил ведущим поздних ночных телепередач материал для шуток.

Как поется в одной песне в стиле кантри, я не знал, что мне делать: «покончить с собой или пойти поиграть в боулинг». В Нью-Йорке существовали серьезнейшие экономические и социальные проблемы. Политика Буша их усугубляла. Тем не менее каждый день тележурналисты и пресса обрушивали на меня вопросы, связанные с «характером». Ведущий ток-шоу на радио Дон Аймус назвал меня «деревенщиной». Когда я принял участие в телевизионном шоу Фила Донахью, тот в течение двадцати минут задавал мне вопросы о супружеской неверности. Он продолжал спрашивать меня об этом и после того, как я ответил. Я дал ему отпор, и аудитория разразилась приветственными возгласами, однако Фил все равно продолжал об этом говорить.

Были у меня проблемы с характером или нет, моя репутация, безусловно, ставилась под сомнение, именно так, как это более шести месяцев назад обещал Белый дом. Поскольку президент является главой государства и правительства, он в определенном смысле олицетворяет представления людей об Америке, поэтому репутация имеет очень большое значение. Президенты США начиная с Джорджа Вашингтона и Томаса Джефферсона ревниво охраняли свою репутацию: Вашингтон — от критики его расходов во время революционной войны; Джефферсон — от историй о его любви к женщинам. Авраам Линкольн, прежде чем стать президентом, страдал от выводящих его из нормального состояния приступов депрессии. Однажды он целый месяц не мог выйти из дома. Если бы ему пришлось баллотироваться в современных условиях, мы могли бы лишиться нашего величайшего президента.

Джефферсон даже писал об обязанности сотрудников администрации президента любой ценой защищать его репутацию: «Когда волею случая мы входим в историю, для чего природа не наделила нас соответствующими талантами, долг тех, кто находится рядом с нами, — тщательно скрывать от глаз общественности слабости и более того — пороки наших характеров». С моих слабостей и пороков, как реальных, так и воображаемых, этот по-

кров был сорван. Общественность знала о них больше, чем о том, что я сделал, чем о моей предвыборной платформе или о том, какие у меня могут быть достоинства. Если бы моя репутация была полностью разрушена, возможно, мне не удалось бы добиться избрания, независимо от того, сколько людей согласилось бы с тем, что я хотел сделать, или насколько хорошо, по их мнению, мог бы с этим справиться.

Что касается всевозможных нападок на мой характер, то я реагировал на них так, как всегда, когда оказывался в очень трудном положении, — продолжал работать. В последнюю неделю предвыборной кампании тучи стали рассеиваться. 1 апреля на встрече с президентом Бушем в Белом доме президент Картер сделал широко освещавшееся затем заявление, в котором сообщил, что поддерживает мою кандидатуру. Момент для этого оказался как нельзя более удачным. Никто никогда не ставил под сомнение личные качества и характер Картера; уважение к нему после того, как он ушел с поста президента, даже возросло благодаря его эффективной работе в нашей стране и во всем мире. Одним этим заявлением он более чем компенсировал все проблемы, возникшие у меня из-за него во время кризиса с кубинскими беженцами в 1980 году.

Второго апреля Джерри Брауна освистали во время выступления в Совете еврейских организаций Нью-Йорка, когда он выдвинул кандидатом на пост вице-президента Джесси Джексона. Тем временем мы с Хиллари выступали перед большой толпой на состоявшемся в полдень митинге на Уолл-стрит. Меня тоже некоторые освистали — за то, что я упомянул о 1980-х годах как о десятилетии алчности, и за то, что выступил против снижения налога на прирост капитала. После выступления я общался с людьми в этой толпе, пожимал руки своим сторонникам и старался убедить тех, кто был со мной не согласен.

Тем временем мы распространили свою кампанию на весь штат Нью-Йорк. Помимо Гарольда Икеса и Сюзан Томасес в номере люкс одного из отелей поселился Мики Кантор, затем к нему присоединились Карвилл, Стефанопулос, Стэн Гринберг, а также Фрэнк Грир и его партнер Мэнди Грюнвальд. Как всегда, со мной был Брюс Линдси. Его жена Бив тоже приехала, чтобы обеспечивать эффективное планирование и проведение всех публичных мероприятий. Кэрол Уиллис организовала отправку в Нью-Йорк на автобусе чернокожих арканзасцев, которые должны были рассказать, что я сделал для них и вместе с ними на посту губернатора. Чернокожие священники из нашего штата позвонили своим коллегам в Нью-Йорке и попросили предоставить нашим людям возможность выступить в воскресенье накануне выборов. Лотти Шаклфорд, руководитель общины Литл-Рока и заместитель председателя Национального комитета демократической партии, в то воскресенье выступила в пяти церквях. Те, кто меня знал, старались сорвать попытки преподобного Джексона обеспечить поддержку Брауну со стороны значительного большинства чернокожих избирателей штата Нью-Йорк.

Некоторые журналисты стали менять свою позицию. Возможно, становилась иной тенденция в целом; я даже встретил сердечный прием на радишоу

Дона Аймуса. Обозреватель газеты *Newsday* Джимми Бреслин, которого очень волновала ирландская проблема, писал: «Говорите все что хотите, но не говорите, что он выйдет из борьбы». Пит Хэмилл, обозреватель нью-йоркской газеты *Daily News*, книги которого я с удовольствием читал, отметил: «Я стал уважать Билла Клинтона. Сейчас проходят заключительные этапы кампании, однако он все еще здесь». Меня поддержали *New York Times* и *Daily News*. Как ни удивительно, к ним присоединилась *New York Post*, которая ранее была в своих нападках более неутомимой, чем любое другое издание. В редакционной статье *New York Post* подчеркивалось: «То, что он все еще продолжает кампанию, несмотря на копание прессы в его личной жизни и нападки, беспрецедентные по масштабам в истории американской политики, говорит о силе его характера... Он продолжает предвыборную кампанию с поразительным упорством... На наш взгляд, несмотря на трудные условия, он проявил качества, заслуживающие уважения».

Пятого апреля мы получили приятное известие из Пуэрто-Рико, где меня поддержали 96 процентов избирателей. Затем, 7 апреля, при невысокой явке примерно в миллион избирателей, я одержал победу в штате Нью-Йорк, получив 41 процент голосов. Тсонгас оказался вторым, набрав 29 процентов голосов и немного опередив Брауна с его 26 процентами. За меня проголосовало большинство афроамериканцев. В тот вечер я чувствовал себя разбитым, раны все еще кровоточили, но настроение у меня было приподнятое. Словами, отразившими суть этой кампании, стала для меня строка из церковного гимна, который я слышал в церкви Энтони Мэнгана: «Чем темнее ночь, тем слаще победа».

Когда я занимался исследованиями, готовясь к написанию этой книги, мне попалось описание предварительных выборов в штате Нью-Йорк в книге Чарльза Аллена и Джонатана Портиса «Парень, который снова победил» (*The Comeback Kid*). Авторы приводят в ней слова барабанщика группы «Бэнд» Левона Хелма, уроженца штата Арканзас, которые он произнес в великом документальном фильме «Последний вальс» (*Last Waltz*), о том, каково было пареню с Юга, приехавшему в Нью-Йорк, пока он не добился там успеха: «Ты приходишь в первый раз, тебе дают хорошего пинка, и ты уходишь. Вскоре после того как раны заживают, ты возвращаешься и делаешь еще одну попытку. В конце концов ты просто начинаешь любить этот штат».

У меня не было времени на залечивание ран, однако я прекрасно понимаю, как он себя чувствовал. Так же, как и в Нью-Хэмпшире, предварительные выборы в штате Нью-Йорк явились для меня испытанием и многому научили. И так же, как Левон Хелм, я стал его любить. После нашего непростого знакомства Нью-Йорк стал одним из штатов, наиболее активно поддерживавших меня в течение последующих восьми лет.

Седьмого апреля мы также одержали победу в штатах Канзас, Миннесота и Висконсин. 9 апреля Пол Тсонгас заявил, что не намерен продолжать участие в гонке. Борьба за право стать кандидатом от демократической партии фактически закончилась. Меня поддержало более половины из 2145 делегатов, голоса которых были необходимы для моего выдвижения кандидатом на пост президента, а соперником в борьбе за поддержку остальных

оставался только Джерри Браун. Однако я не питал иллюзий относительно того, насколько сильно пострадал и как мало могу что-либо изменить до июля, когда должен был начаться съезд демократической партии. Я очень устал, сорвал голос и поправился примерно на тридцать фунтов. Это произошло в штате Нью-Хэмпшир, в основном в последний месяц предвыборной кампании, когда я подхватил грипп. По ночам в моей груди скапливалась мокрота, и мне не удавалось задремать больше чем на час: я постоянно просыпался, чтобы откашляться. Поддерживать себя в активном состоянии мне помогали адреналин и пончики «Данкин Донатс», о чем свидетельствовала моя расплывшаяся талия. Гарри Томасон купил мне несколько новых костюмов, чтобы я не выглядел, как воздушный шар, который вот-вот лопнет.

После предварительных выборов в штате Нью-Йорк я на неделю вернулся в родной Арканзас, чтобы дать отдых голосовым связкам, вернуть форму, а также подумать о том, как выбраться из труднейшего положения, в котором я оказался. Пока я находился в Литл-Роке, мою кандидатуру одобрили на закрытых партийных собраниях в штате Вирджиния, кроме того, меня поддержали лидеры Американской федерации труда — Конгресса производственных профсоюзов (АФТ — КПП). 24 апреля к ним примкнул Объединенный профсоюз рабочих автомобильной и авиакосмической промышленности и сельскохозяйственного машиностроения Америки, а 28 апреля я получил значительное большинство голосов на предварительных выборах в штате Пенсильвания. Здесь ситуация могла оказаться достаточно трудной. Губернатор Боб Кейси, упорством которого я восхищался, поскольку он трижды баллотировался на пост губернатора, прежде чем одержал победу, выступал с активной критикой в мой адрес. Он был решительным противником абортов. Боб вел борьбу с собственными болезнями, опасными для жизни, и этот вопрос приобретал для него все большее значение, поэтому ему было бы нелегко поддержать кандидатов, выступавших за то, чтобы дать женщинам право выбора. Такую же позицию занимали многие другие демократы штата, называвшие себя «сторонниками права на жизнь». Тем не менее мне всегда очень нравилась Пенсильвания. Западная часть этого штата напоминала северный Арканзас. У меня были налажены контакты с жителями Питтсбурга и менее крупных городов в центральных районах этого штата. Я также любил Филадельфию и победил в этом штате, получив 57 процентов голосов. Гораздо важнее оказалось другое: по результатам опросов общественного мнения, проведенных на выходе с избирательных участков, свыше 60 процентов демократов, проголосовавших на этих выборах, считали, что я обладаю честностью, необходимой для того, чтобы стать президентом. Эта цифра превышала 49 процентов, полученных в ходе таких же опросов в штате Нью-Йорк. Число людей, считавших меня честным, увеличилось, так как у меня было три недели на то, чтобы вести позитивную, ориентированную на проблемы кампанию в штате, жители которого очень хотели узнать, что я обо всем этом думаю.

Победа в Пенсильвании была отрадным событием, однако ее затмила перспектива появления нового опасного соперника — Росса Перо. Перо

был тexasским миллиардером, который нажил себе состояние в компании Electronic Data Systems (EDS), которая выполняла множество правительственных заказов, в том числе и в штате Арканзас. Он приобрел известность в стране, когда финансировал и организовывал эвакуацию сотрудников этой компании из Ирана после падения шахского режима. Перо владел грубоватым, но действенным ораторским искусством и убеждал многих американцев в том, что, поскольку он обладает способностями эффективного бизнесмена, финансовой независимостью и склонен к решительным действиям, то сможет лучше руководить страной, чем президент Буш или я.

К концу апреля опубликованные результаты нескольких опросов общественного мнения показали, что по популярности он опережает президента, а я занимаю третье место. Я считал Перо интересным человеком, и меня восхищало, что он так быстро приобрел феноменальную популярность. Я думал, что, если он примет участие в кампании, этот бум в конечном счете себя исчерпает, но не мог быть в этом уверен. Поэтому я продолжал свою кропотливую работу, стремясь заручиться поддержкой «суперделегатов» — действовавших и бывших должностных лиц, занимавших выборные должности и имевших гарантированное право голосовать на съезде. Одним из первых «суперделегатов», выступивших в мою поддержку, был сенатор Джей Рокфеллер от Западной Вирджинии. Мы с Джем дружили с тех пор, как сидели рядом на губернаторских конференциях, а после предварительных выборов в штате Нью-Хэмпшир он стал моим консультантом по вопросам здравоохранения, в которых разбирался лучше меня.

Двадцать девятого апреля, на следующий день после голосования в штате Пенсильвания, в Лос-Анджелесе начались волнения. Их причиной стало то, что в соседнем округе Вентура суд присяжных, состоявший из одних только белых, оправдал четырех белых сотрудников полиции Лос-Анджелеса, обвинявшихся, в частности, в избиении чернокожего Родни Кинга в марте 1991 года. Случайный прохожий снял сцену избиения на видеокамеру, и эту запись показали телекомпании всей Америки. Похоже, когда Кинга остановили, он не оказал никакого сопротивления, однако все равно был жестоко избит.

Из-за этого приговора вспыхнули волнения в черной общине, которая давно считала, что полицейское управление Лос-Анджелеса занимает расистские позиции. В результате продолжавшихся три дня беспорядков в южном и центральном районах Лос-Анджелеса более пятидесяти человек погибли, свыше двух тысяч трехсот были ранены, тысячи людей подверглись аресту, а убытки от грабежей и поджогов составили более 700 миллионов долларов.

В воскресенье, 3 мая, я прибыл в Лос-Анджелес, чтобы выступить перед прихожанами первой американской Африканской методистской епископальной церкви преподобного Сесила «Чипа» Мэррея с речью о необходимости преодоления разлада в наших межрасовых отношениях и разницы в экономическом положении. Я объездил пострадавшие районы вместе с Максин Уотерс, которая представляла в Конгрессе центральный и южный районы Лос-Анджелеса. Максин была умным, жестким политиком; она

с самого начала поддержала меня, несмотря на свою долгую дружбу с Джесси Джексоном. Улицы города выглядели так, как будто здесь прошли бои. Очень многие здания были сожжены и разграблены. Когда мы побывали в этом районе, я заметил бакалейный магазин, который, судя по всему, совершенно не пострадал. Когда я спросил почему, Максин ответила, что этот магазин «охраняли» люди из квартала, в котором он находился, включая членов банд, поскольку его владелец, белый предприниматель Рон Беркл, хорошо относился к общине. Он брал на работу местных жителей, все его сотрудники были членами профсоюза, имевшими медицинскую страховку, а поступавшие в продажу продукты по качеству и цене не отличались от ассортимента бакалейных магазинов на Беверли-Хиллс. В то время это было очень необычно. Поскольку жители гетто менее мобильны, в магазинах там часто продаются продукты более низкого качества и добавок по завышенным ценам. За несколько часов до этого я впервые встретился с Берклом и решил пообщаться с ним поближе. Он стал одним из моих лучших друзей и самым преданным сторонником.

На встрече в доме Максин я слушал жителей Лос-Анджелеса, рассказывавших о своих проблемах в отношениях с полицией, о вражде между американскими торговцами корейского происхождения и их чернокожими покупателями, а также о потребности в дополнительных рабочих местах. Я обещал поддержать инициативы, ставящие целью предоставить жителям гетто более широкие возможности на основе создания предпринимательских зон, которые будут стимулировать частные инвестиции и способствовать тому, чтобы банки развития общин давали займы людям с низкими и средними доходами. Я очень много узнал во время этой поездки, и она позитивно освещалась в печати. На жителей города произвело большое впечатление, что я уделил их проблемам такое внимание, посетив Лос-Анджелес даже раньше, чем президент Буш. Этот урок не остался незамеченным и, возможно, самым лучшим политиком в талантливой семье Буш: в 2002 году президент Джордж У. Буш посетил Лос-Анджелес по случаю десятой годовщины волнений.

Предварительные выборы длились всю оставшуюся часть мая, и в результате нескольких побед, включая одержанную 26 мая в Арканзасе, где я получил 68 процентов голосов избирателей, увеличилось и общее число поддерживавших меня делегатов. Это фактически был мой самый большой успех на предварительных выборах в родном штате. Одновременно я вел кампанию в Калифорнии, надеясь завершить борьбу за выдвижение кандидатом на пост президента в родном штате Джерри Брауна. Я призывал к оказанию федеральной помощи в целях укрепления безопасности в наших школах и к широкомасштабным усилиям, направленным на то, чтобы прекратить распространение СПИДа в Америке. Я также начал поиски кандидата на пост вице-президента, доверив изучение этой проблемы Уоррену Кристоферу, юристу из Лос-Анджелеса, который был первым заместителем государственного секретаря в администрации президента Картера и вполне заслуженно пользовался репутацией компетентного и благоразумного деятеля. В 1980 году Крис успешно провел переговоры об освобождении наших

заложников в Иране. К сожалению, их возвращение на родину было отложено до дня инаугурации президента Рейгана, что еще раз доказывает: все лидеры ведут политические игры, даже в теократическом обществе.

Тем временем Росс Перо, который все еще не объявил себя претендентом на выдвижение кандидатом на пост президента, активизировал свою кампанию. Он ушел с поста руководителя EDS, и его рейтинг продолжал расти. Когда я был уже близок к завершению своей предвыборной кампании, газеты пестрели такими заголовками, как: «Клинтон, скорее всего, добьется выдвижения кандидатом на пост президента, однако все взгляды обращены на Перо», «Сезон предварительных выборов в США близится к концу, однако человек, за которым следует наблюдать, — это Перо» и «Новый опрос общественного мнения показывает, что Перо опережает Буша и Клинтона».

У Перо не было такого бремени, как прошлое президента Буша, и боевых шрамов, подобных тем, что появились у меня во время предварительных выборов. Республиканцам он, должно быть, казался чудовищем, ими же порожденным: бизнесмен, который проскользнул в нишу, появившуюся в результате их нападков на меня. Для демократов он тоже был кошмаром, доказывавшим, что президент может потерпеть поражение, но, возможно, не от их ослабленного кандидата.

Второго июня я одержал победу на предварительных выборах в штатах Огайо, Нью-Джерси, Нью-Мексико, Алабама, Монтана и Калифорния, где нанес поражение Брауну, получив 48 процентов голосов, в то время как за него проголосовали 40 процентов избирателей. И, наконец, я добился выдвижения кандидатом на пост президента от демократической партии. На предварительных выборах, проходивших в 1992 году, я получил более 10,3 миллиона, или 52 процента всех поданных голосов. Браун стал обладателем около 4 миллионов, или 20 процентов голосов, Тсонгас — около 3,6 миллиона, или 18 процентов; остальные избиратели отдали предпочтение другим кандидатам или тем, кто не был включен в бюллетени.

Однако важной новостью в этот вечер была готовность большого числа избирателей отказаться от поддержки кандидатов на пост президента от своих партий и голосовать за Перо, о чем свидетельствовали результаты опросов на выходе с избирательных участков. Это серьезно омрачило наш праздник в лос-анджелесском отеле «Билтмор». Когда мы с Хиллари в моем люксе наблюдали за результатами опросов, даже мне было трудно сохранить свой прирожденный оптимизм. Незадолго до нашего выхода в танцевальный зал, где мне предстояло выступить с речью победителя, к нам с Хиллари пришел посетитель, Чев Чейз. Точно так же, как на Лонг-Айленде четыре года назад, он появился сейчас, в трудный момент, чтобы поднять мне настроение. На этот раз с ним была его партнерша по многим картинам Голди Хоун. К тому времени, когда они закончили шутить по поводу нелепой ситуации, в которой мы оказались, я почувствовал себя лучше и был готов снова идти вперед.

И опять мудрецы из печатных средств массовой информации заявили, что со мной покончено. Теперь человеком, над которым нужно было одержать верх, стал Перо. Статья агентства Reuter изложила эту ситуацию

в одном предложении: «Билл Клинтон, который месяцами воздерживался от публичных высказываний о своей личной жизни, в пятницу столкнулся с еще более опасной политической ситуацией: его проигнорировали». По прогнозу президента Никсона, Буш должен был ненамного опередить Перо, а я — оказаться далеко позади, на третьем месте.

Мы оказались перед необходимостью активизировать свою предвыборную кампанию, поэтому решили напрямую обращаться к конкретным общинам избирателей и к общественности в целом, а также продолжать высказываться по важным для нас проблемам. Я выступил в ночном телешоу Арсенио Холла, которое пользовалось особой популярностью среди молодых телезрителей. На мне были темные очки, я исполнил на саксофоне композиции «Отель, где разбиваются сердца» и «Господь, благослови Дитя». В программе «Ларри Кинг в прямом эфире» я отвечал на вопросы телезрителей. 11 и 12 июня комитет по выработке платформы демократической партии подготовил проект, отражавший мои взгляды и обещания, данные в ходе предвыборной кампании, и ему удалось избежать формулировок, которые в прошлом нам вредили и вызвали поляризацию мнений. 13 июня я выступил перед членами «Рейнбоу коалишн» преподобного Джесси Джексона. Сначала мы с Джесси рассматривали это как возможность преодолеть наши разногласия и работать во время кампании единым фронтом, однако реализовать идею не удалось. В предыдущий вечер перед членами коалиции выступила популярная исполнительница рэпа Сестра Сулайя. Это была яркая женщина, которая имела большое влияние на молодых людей. За месяц до этого, после волнений в Лос-Анджелесе, в интервью *Washington Post* она сделала удивительное заявление: «Если чернокожие убивают чернокожих каждый день, почему бы в течение недели не убивать белых?.. Если ты член банды и кого-то убиваешь, почему бы тебе не убить белого?» Мне казалось, Сестра Сулайя таким образом просто выражала гнев и отчужденность молодых чернокожих и призывала их прекратить убивать друг друга. Но она имела в виду не это. Мои сотрудники, особенно Пол Бегала, считали, что я должен отреагировать на ее заявление. Наиболее важными для меня задачами были борьба с насилием среди молодежи и преодоление раскола по расовому признаку. Если бы после своего призыва к белым избирателям всей Америки отказаться от расизма я промолчал и не отреагировал на выступление Сестры Сулайи, то выглядел бы слабаком или обманщиком. Ближе к концу своего выступления я сказал о ее заявлении: «Если поменять местами слова “белый” и “чернокожий”, можно подумать, что это сказал Дэвид Дьюк... Все мы, сталкиваясь с предрассудками, обязаны привлекать к ним внимание».

Политическая печать оценила мой ответ Сестре Сулайе как обдуманную попытку, выступив наперекор мнению основного ядра электората, поддерживающего демократов, привлечь на свою сторону умеренных и консервативных избирателей, способных изменить свою позицию. Точно так же это понял и Джесси Джексон. Он решил, что я злоупотребил его гостеприимством, чтобы выступить с демагогическим заявлением, обращенным к белым избирателям. Джексон сказал, что Сестра Сулайя — прекрасный человек,

что она занималась работой в общине и что я должен перед ней извиниться. Он также угрожал не поддержать меня, даже дал понять, что, возможно, отдаст предпочтение Россу Перо. На самом деле я хотел осудить высказывания Сестры Сулайи сразу после того, как она с ними выступила. В тот момент я находился в Лос-Анджелесе на встрече представителей Коалиции шоу-бизнеса — организации в сфере индустрии развлечений, но в конце концов решил этого не делать, потому что мероприятие было организовано в благотворительных целях, и я не хотел его политизировать. Когда в «Рейнбоу коалишн» мы с Сестрой Сулайей столкнулись фактически лицом к лицу, я решил, что должен высказать свое мнение.

Тогда я, по существу, не понимал культуру рэпа. На протяжении нескольких лет Челси часто говорила мне, что к ней принадлежит много очень умных, однако глубоко отчужденных от общества молодых людей, и призывала меня больше узнать об этой культуре. Наконец в 2001 году Челси дала мне шесть компакт-дисков с записями рэпа и музыки в стиле хип-хоп и заставила пообещать, что я их послушаю. Я это сделал, и, хотя по-прежнему предпочитаю джаз или рок, многое из этой музыки мне понравилось, и я понял, что Челси была права и относительно ума, и относительно отчужденности. Однако, думаю, я поступил правильно, выступив с осуждением призыва Сестры Сулайи к насилию по расовому признаку, и считаю, что большинство афроамериканцев согласилось с моими словами. После того как Джесси выступил с критикой в мой адрес, я решил еще более активно устанавливать контакты с молодыми людьми в гетто, которые чувствуют себя обойденными и лишенными внимания.

Восемнадцатого июня я впервые встретился с Борисом Ельциным, который прибыл в Вашингтон, чтобы увидеться с президентом Бушем. Когда иностранные руководители прибывают с визитом в другую страну, они обычно встречаются с лидерами политической оппозиции. Ельцин был со мной вежлив и дружелюбен, однако держался слегка покровительственно. Я высоко ценил его с тех пор, как десятью месяцами раньше он стоял на танке, возглавив борьбу против попытки переворота в России. С другой стороны, Ельцин явно предпочитал мне Буша и полагал, что президент останется на своем посту. В конце нашей беседы он сказал, что, даже если на этот раз я не добьюсь избрания на пост президента, у меня хорошие перспективы на будущее. Я считал, что Ельцин именно тот человек, который нужен для руководства Россией в постсоветский период, и ушел с этой встречи, уверенный в том, что если мне удастся разочаровать его относительно результатов выборов, то я смогу успешно с ним сотрудничать.

В ту неделю я привнес в кампанию некий элемент легкомыслия. Вице-президент Дэн Куэйл заявил, что намерен стать «питбультерьером» предвыборной кампании. Когда меня спросили, что я об этом думаю, я ответил, что высказывание Куэйла должно навести ужас даже на все пожарные краны Америки.

Двадцать третьего июня я вновь обрел серьезность, представив свою экономическую программу, потребовавшую некоторых незначительных изменений в связи с последним сообщением правительства о том, что

размер дефицита будет больше ожидаемого. Это было рискованно, поскольку, чтобы выполнить свое обещание сократить дефицит бюджета за четыре года наполовину, мне пришлось бы скорректировать свое предложение по налогам для среднего класса, уменьшив масштабы их снижения. Республиканцам с Уолл-стрит этот план тоже не понравился, поскольку я предложил повысить подоходный налог для самых богатых американцев и корпораций; процент общего налогового бремени и тех, и других после двенадцати лет правления Рейгана и Буша заметно снизился. Мы не смогли бы наполовину сократить дефицит только за счет уменьшения расходов, и я считал, что те, кто больше всего выиграл в 1980-е годы, должны взять на себя половину издержек. Я был полон решимости не попасть в ловушку «розовых сценариев», которым следовали на протяжении двенадцати лет республиканцы, постоянно преувеличивая доходы и преуменьшая расходы, чтобы не оказаться перед трудным выбором. Эта пересмотренная экономическая программа была подготовлена под наблюдением моего нового советника по экономической политике Джина Сперлинга, который в мае ушел из аппарата Марио Куомо, чтобы стать членом предвыборного штаба моей кампании. Это был очень умный человек, он мало спал и работал как проклятый.

К концу июня активные контакты с общественностью и политические усилия начали приносить плоды. Опрос общественного мнения, проведенный 20 июня, показал, что голоса респондентов разделились поровну между тремя кандидатами. В этом была не только моя заслуга. Между Перо и президентом Бушем шла ожесточенная полемика, в ходе которой они постоянно переходили на личности. Конечно же, эти два техасца не любили друг друга, и в их конфликте были даже некоторые странности. Например, Перо выступил с не очень понятным утверждением, что Буш организовал заговор, чтобы сорвать брачную церемонию его дочери.

В то время как Перо боролся с Бушем, выражая претензии по поводу неудачной свадьбы своей дочери, я на один день прервал кампанию, чтобы забрать Челси из летнего лагеря, в который она ездила каждый год, чтобы изучать немецкий язык. Лагерь находился в северной части штата Миннесота, и Челси начала добиваться, чтобы мы отправили ее в этот лагерь, когда ей было всего пять лет, заявив, что хочет «увидеть мир и участвовать в приключениях». Лагеря под названием «Конкордия» в озерном крае Миннесоты представляли собой несколько деревень, в точности воспроизводивших характер поселений в странах, языкам которых там обучали детей. Прибыв в эти деревни, подростки получали новые имена и некоторое количество иностранной валюты той или иной страны, которую расходовали в течение двух-четырех недель. В «Конкордии» были деревни, где обучали языкам, на которых говорили в Западной Европе и Скандинавии, а также китайскому и японскому. Челси выбрала немецкий лагерь и в течение нескольких лет отправлялась туда каждое лето. Для нее это было замечательным отдыхом и важной частью ее детства.

В первые недели июля я занимался подбором кандидата на пост вице-президента. После тщательного изучения многочисленных вариантов Уоррен

Кристофер рекомендовал мне рассмотреть несколько кандидатур: сенатора Боба Керри; сенатора Харриса Уоффорда из штата Пенсильвания, который работал у Мартина Лютера Кинга-младшего и в Белом доме при президенте Кеннеди; конгрессмена Ли Гамильтона от штата Индиана, пользовавшегося большим уважением председателя Комитета по международным отношениям Палаты представителей; сенатора Боба Грэма от штата Флорида, с которым я подружился, когда мы оба были губернаторами; наконец, сенатора Ала Гора из штата Теннесси. Все они мне нравились. Мы с Керри работали вместе как губернаторы, и я не обижался на него за жесткие высказывания во время моей предвыборной кампании. Он был политиком, способным привлечь республиканцев и независимых избирателей. Уоффорд зарекомендовал себя как высоконравственный человек, сторонник реформы системы здравоохранения и защитник гражданских прав. Кроме того, у него сложились хорошие отношения с губернатором Бобом Кейси, что могло обеспечить мне победу в Пенсильвании. Гамильтон, что было очень важно, разбирался во внешней политике и имел сильные позиции в консервативных округах юго-восточной части Индианы. Грэм был одним из трех или четырех лучших губернаторов примерно за полтора столетия. Я работал вместе с ним в течение двенадцати лет. Он почти наверняка мог добиться того, чтобы избиратели Флориды впервые после 1976 года поддержали демократическую партию.

В конечном счете я принял решение предложить пост вице-президента Алу Гору. Сначала я не думал, что сделаю это. Во время предыдущих встреч наши отношения были корректными, но не теплыми. Выбор пал на Гора в противовес общепринятому мнению о том, что кандидат на пост вице-президента должен обеспечивать политическое и географическое равновесие: мы жили в соседних штатах. Ал был даже моложе меня, и его тоже отождествляли с крылом «новых демократов» в нашей партии. Я полагал, что этот выбор сработает именно потому, что он не обеспечивал традиционного равновесия. Благодаря ему Америка получит руководителей, принадлежащих к новому поколению, и Ал докажет, что я всерьез намерен вести партию и страну совершенно иным курсом. Я также думал, что этот выбор будет правильным политическим решением для Теннесси и для Юга в целом, а также для других штатов, избиратели которых могут изменить свою позицию.

Более того, Ал мог обеспечить равновесие в гораздо более важном аспекте: он знал то, чего не знал я. Я хорошо разбирался в экономике, сельском хозяйстве, вопросах борьбы с преступностью, социального обеспечения, образования и здравоохранения и весьма основательно — в основных проблемах внешней политики. Ал был специалистом по национальной безопасности, контролю над вооружениями, информационным технологиям, энергетике и окружающей среде. Он был одним из десяти сенаторов-демократов, поддерживавших президента Буша во время первой войны в Персидском заливе. Гор присутствовал на международной конференции в Рио-де-Жанейро, посвященной биоразнообразию, и активно выступал против решения президента Буша не поддерживать договор, принятый в резуль-

тате этой конференции. Недавно он написал ставшую бестселлером книгу «На весах судьба Земли» (*Earth in the Balance*), в которой подчеркнул, что появление таких проблем, как глобальное потепление, истощение озонового слоя и уничтожение тропических лесов, требует радикального изменения нашего отношения к окружающей среде. В апреле прошлого года Ал подарил мне эту книгу с автографом. Я прочел ее, многое узнал и согласился с его аргументами. Помимо того, что Ал больше знал о вещах, которыми мы должны были заниматься в случае избрания, он гораздо лучше меня разбирался в культуре Конгресса и Вашингтона. И, что самое важное, я считал, что, если со мной что-нибудь случится, Гор сможет стать хорошим президентом. Я также полагал, что по окончании срока моих полномочий в качестве президента у него будет прекрасный шанс добиться избрания на этот пост.

В одном из вашингтонских отелей я организовал встречи с несколькими из кандидатов на пост вице-президента. Ал пришел поздно вечером, в одиннадцать часов, чтобы свести к минимуму возможность встречи с представителями прессы. Это время больше подходило мне, чем ему, однако он был бодр и в хорошем настроении. Мы два часа говорили о стране, о предвыборной кампании и о наших семьях. Ал очень любил Типпер и своих четверых детей и гордился ими. Типпер была интересным человеком, женщиной, обладающей многими достоинствами, которая прославилась своей кампанией против агрессивных и вульгарных текстов современных песен, хорошо разбиралась в вопросах медицинской помощи психически больным людям и активно стремилась повысить ее уровень. Во время нашей беседы Ал мне очень понравился, и я пришел к выводу, что они с Типпер станут большим приобретением для нашей предвыборной кампании.

Восьмого июля я позвонил Алу и предложил ему стать кандидатом на пост вице-президента. На следующий день он вместе с семьей вылетел в Литл-Рок, где я сделал официальное объявление. Появившаяся в средствах массовой информации фотография, на которой мы все вместе стоим на заднем крыльце губернаторской резиденции, стала важной новостью для всей страны.

Этот снимок больше, чем слова, которые мы произносили, передавал энергию и энтузиазм молодых лидеров, выступавших за позитивные перемены. На следующий день, совершив пробежку по Литл-Року, мы с Алом вылетели в его родной город Картадж, штат Теннесси, чтобы выступить на митинге, а также навестить его родителей, имевших на сына большое влияние. Ал Гор-старший в течение трех сроков был сенатором Конгресса США, поборником гражданских прав и противником войны во Вьетнаме, из-за чего потерпел поражение на выборах в 1970 году, но обеспечил себе почетное место в американской истории. Мать Ала, Полин, была столь же заметной личностью. Она окончила юридический факультет университета, что в те времена было редкостью для женщин, и некоторое время работала юристом в юго-западном Арканзасе.

Одиннадцатого июля мы с Хиллари и Челси вылетели в Нью-Йорк на съезд демократической партии. У нас было пять удачных недель, пока Буш

и Перо боролись друг с другом. Впервые по результатам некоторых опросов общественного мнения мой рейтинг оказался самым высоким. На съезде демократической партии, который должен был освещаться по телевидению в течение четырех вечеров, наши позиции могли либо укрепиться, либо оказаться подорванными. В 1972 и 1980 годах демократы нанесли себе очень серьезный ущерб. В глазах американского народа партия предстала разобщенной, деморализованной и недисциплинированной. Я был полон решимости не допустить повторения подобной ситуации. Точно такой же настрой демонстрировал и председатель Национального комитета демократической партии Рон Браун. Гарольд Икес и Алексис Херман, заместитель Рона, председательствовавшая на съезде, взяли на себя руководство нашими действиями, чтобы мы могли продемонстрировать единство, свежие идеи и новых лидеров. Отнюдь не мешал делу и тот факт, что рядовые демократы после двенадцати лет контроля республиканцев над Белым домом очень хотели победы. Тем не менее нам предстояло очень многое сделать, чтобы объединить партию и создать о ней более позитивное представление. Например, наши исследования показали: многие американцы не знали, что у нас с Хиллари есть ребенок, и считали, что я вырос в богатой и привилегированной семье.

Съезды — трудные мероприятия для политиков, стремящихся добиться выдвижения своей кандидатуры. Обстановка на этом форуме была особенно сложной. После того как на протяжении многих месяцев меня смешивали с грязью, теперь вдруг стали превозносить как образец всего позитивного и истинного. В штате Нью-Хэмпшир и впоследствии, когда члены противоположного лагеря постоянно критиковали мой характер, мне приходилось бороться с собой, чтобы сдержаться и свести к минимуму желание жаловаться, когда я сильно уставал. Сейчас мне приходилось обуздывать свое самолюбие и стараться не слишком серьезно относиться ко всем этим хвалебным отзывам в печати. К моменту открытия съезда мы добились неплохих результатов в обеспечении единства партии. Том Харкин уже одобрил мою кандидатуру, теперь меня поддержали Боб Керри, Пол Тсонгас и Дуг Уайлдер, а также Джесси Джексон. Не присоединился к ним только Джерри Браун. Харкин, который стал одним из моих любимых политиков, заявил, что у Джерри взяло верх самолюбие. Был допущен небольшой промах, когда Рон Браун не разрешил губернатору Бобу Кейси выступить на съезде — не потому, что тот собирался высказаться против аборт, а потому, что не согласился меня поддержать. Я считал, что нужно дать Кейси слово, поскольку испытывал к нему симпатию. Я уважал убеждения демократов, выступавших за право на жизнь, и считал, что мы можем убедить многих из них голосовать за нас, учитывая наши позиции по другим проблемам, а также благодаря моему обещанию сделать аборт «безопасными, легальными и редкими». Однако Рон был непоколебим. Он сказал, что мы можем расходиться во мнениях по различным проблемам, но человек, который не хочет нашей победы в ноябре, не должен быть допущен к микрофону. Я уважал Рона за то, что ему удалось перестроить нашу партию, дисциплинировав ее, поэтому подчинился его решению.

В вечер открытия съезда выступили семь женщин — наших кандидатов в Сенат Конгресса США. С короткими речами к собравшимся обратились Хиллари и Типпер, затем последовали программные выступления сенатора Билла Брэдли, конгрессмена Барбары Джордан и губернатора Зелла Миллера. Брэдли и Джордан были известными людьми и выступили очень хорошо, а Миллер до слез растрогал аудиторию своим рассказом.

Мой отец, который работал учителем, умер, когда мне было всего две недели от роду, оставив молодую вдову с двумя маленькими детьми, однако, благодаря вере моей матери в Бога и голосу Рузвельта по радио, мы держались. После смерти моего отца мать своими руками расчистила небольшой участок неровной земли. Каждый день она вброд переходила горный ручей и собирала тысячи гладких камней, чтобы построить дом. Я рос, а моя мать строила дом из камней, собранных в этом ручье, скрепляя их цементом, который размешивала в тачке, цементом, который и сегодня хранит следы ее рук. Эти следы хранит и ее сын. Она вложила в мою душу свою гордость, свои надежды и мечты, поэтому я понимаю, что имеет в виду Дэн Куэйл, когда говорит, что лучше, когда у детей двое родителей. Это бесспорно так. Было бы хорошо, если бы у них было и богатство. Однако мы не можем все родиться богатыми, красивыми и удачливыми. Вот почему у нас есть демократическая партия.

Затем Миллер стал превозносить вклад всех президентов-демократов — от Франклина Делано Рузвельта до Картера — и сказал, что мы верим: правительство может усовершенствовать систему образования, добиться соблюдения прав человека и гражданских прав, расширить экономические и социальные возможности и улучшить состояние окружающей среды. Он критиковал республиканцев за политику, выгодную богатым и группам с особыми интересами, а также поддержал мои планы в области экономики, образования, здравоохранения, борьбы с преступностью и реформы системы социального обеспечения. Это была сильная платформа «новых демократов», и мне хотелось, чтобы страна услышала о ней. Когда в 2000 году Зелла Миллера избрали в Сенат, штат Джорджия и он сам уже занимали более консервативную позицию. Миллер стал одним из самых активных сторонников президента Буша и голосовал за колоссальное снижение налогов, повлекшее за собой стремительный рост дефицита бюджета и выгодное исключительно самым богатым американцам, и за бюджеты, составленные таким образом, что дети из бедных семей лишились возможности участвовать в программах дополнительных занятий, безработные потеряли право на профессиональную подготовку, а с улиц исчезли полицейские. Не знаю, по какой причине Зелл изменил свои взгляды на то, что лучше всего для Америки, однако я всегда буду помнить о том, что он сделал для меня, для демократической партии и для Соединенных Штатов в 1992 году.

На второй день была представлена платформа демократической партии, и состоялись выступления президента Картера, Тома Харкина и Джесси Джексона. Решив поддержать меня, Джесси пошел до конца, причем выступал

с таким эмоциональным накалом, что произвел на всех очень большое впечатление. Однако наибольшие эмоции в этот вечер вызвало обсуждение положения в здравоохранении. Сенатор Джей Рокфеллер говорил о необходимости обеспечения медицинскими страховками всех американцев. Его точку зрения проиллюстрировали мои друзья из Нью-Хэмпшира Рон и Ронда Мачос, которые к тому времени ожидали второго ребенка и счета которых за операцию на сердце, которую сделали маленькому Ронни, составили 100 тысяч долларов. Они заявили, что чувствуют себя гражданами второго сорта, однако знают меня и считают, что я их «главная надежда на будущее».

Среди тех, кто говорил о проблемах здравоохранения, были и двое больных СПИДом: Боб Хэттой и Элизабет Глейзер. Я хотел, чтобы они донесли эту реальную проблему, которую так долго игнорировали политики, до каждой американской гостиной. Боб был гомосексуалистом и работал у меня. Он сказал: «Я не хочу умирать, но не хочу жить в Америке, президент которой считал бы меня врагом. Я могу смириться с тем, что умру от болезни, но не хочу умирать из-за политики». Красивая и умная Элизабет Глейзер была женой Пола Майкла Глейзера, который играл главную роль в популярном телесериале «Старски и Хатч». Она заразилась, когда во время рождения первого ребенка у нее началось кровотечение и ей перелили ВИЧ-инфицированную кровь. Элизабет передала этот вирус своей дочери через грудное молоко, а следующий ребенок, сын, получил его в материнской утробе. К моменту своего выступления на съезде демократической партии она уже основала Фонд педиатров против СПИДа, вела активную лоббистскую кампанию за увеличение ассигнований на его исследование и лечение и потеряла скончавшуюся от этой болезни дочь Ариэль. Она хотела, чтобы президентом стал человек, который будет более активно бороться со СПИДом. Вскоре после моего избрания Элизабет тоже потерпела поражение в борьбе с этой болезнью, что очень огорчило Хиллари, меня и множество других людей, любивших эту женщину и следовавших ее примеру в работе. Я рад, что ее сын Джейк выжил, и благодарен отцу и друзьям Элизабет, которые продолжают начатое ею дело.

К третьему дню съезда общенациональный опрос общественного мнения показал, что я занимаю первое место по рейтингу популярности и имею выражающееся двузначной цифрой преимущество над президентом Бушем. Я начал это утро с пробежки по Центральному парку, затем мы с Хиллари и Челси прекрасно провели время с навестившим нас в нашем номере Нельсоном Манделой. Он был гостем съезда, прибывшим по приглашению мэра Нью-Йорка Дэвида Динкинса. Мандела сказал, что на этих выборах никому не оказывает предпочтения, но дал высокую оценку последовательной оппозиции демократов режиму апартеида. Он хотел, чтобы ООН направила специального представителя для расследования причин вспышки насилия в ЮАР, и я заявил, что намерен поддержать его просьбу. Его визит стал началом большой дружбы между Манделой и всей нашей семьей. Ему явно очень нравилась Хиллари, и я был просто поражен тем, какое внимание он уделял Челси. За восемь лет, пока я находился в Белом доме, он никогда не забывал спросить о ней во время бесед со мной. Однажды во

время нашего телефонного разговора Нельсон попросил позвать Челси. Я видел, что такое же внимание он уделял всем детям, чернокожим и белым, с которыми ему доводилось встречаться в ЮАР. Это было еще одним свидетельством того, что Мандела — великий человек.

Вечер среды был очень важным моментом на съезде; с воодушевляющими речами выступили Боб Керри и Тед Кеннеди. По инициативе сына Роберта Кеннеди, конгрессмена от штата Массачусетс Джо Кеннеди, в память о его отце был показан трогательный фильм. Затем выступили Джерри Браун и Пол Тсонгас. Джерри резко осудил президента Буша. Его критиковал и Пол Тсонгас, но, кроме того, Пол поддержал меня и Ала Гора. После всего, через что он прошел, это было смелым и красивым поступком.

Затем наступило главное событие съезда — речь Марио Куомо, предлагавшего кандидата на пост президента. Он оставался лучшим оратором нашей партии, никого не разочаровавшим и на этот раз. Куомо, используя возвышенную риторику, язвительную критику и обоснованные аргументы, доказал, что пришло время лидера, который «должен быть достаточно умен, чтобы знать; достаточно силен, чтобы делать; достаточно уверен, чтобы руководить, — парня, который снова победил, нового голоса для новой Америки». После выступлений членов Конгресса Максин Уотерс и Дейва Маккарди из штата Оклахома, тоже предложивших мою кандидатуру, началось поименное голосование.

Алабама уступила свою очередь Арканзасу, чтобы мой родной штат мог проголосовать первым. Председатель отделения демократической партии в нашем штате Джордж Джерниган, который шестнадцать лет назад был моим соперником в борьбе за место генерального прокурора штата, уступил эту честь еще одному делегату от семьи Клинтон. Тогда моя мать просто сказала: «Арканзас с гордостью отдает свои сорок восемь голосов за своего любимого сына, который является и моим сыном, — за Билла Клинтона». Мне было интересно, о чем думала и какие чувства испытывала мама, что скрывалось за ее демонстративной гордостью: вспоминала ли она события сорокашестилетней давности, когда осталась двадцатитрехлетней вдовой, или все те неприятности, которые она переносила с веселой улыбкой, чтобы обеспечить мне и моему брату как можно более благополучную жизнь. Мне нравилось смотреть на нее, и я был благодарен тому, кто решил позволить ей начать процесс голосования.

В то время как на съезде продолжалось поименное голосование, Хиллари, Челси и я по пути от нашего отеля к Мэдисон-Сквер-Гарден остановились в универсаме «Мэйсиз», где по телевизору стали следить за его ходом. Когда штат Огайо отдал за меня 144 голоса, это означало, что я преодолел порог 2145 голосов и стал наконец официальным кандидатом от демократической партии. Во время последовавшей за этим церемонии мы втроем вышли на сцену. Я стал первым кандидатом, который должен был этим вечером выступить с речью перед делегатами съезда и дать согласие баллотироваться в президенты от демократической партии, с тех пор как в 1960 году это сделал Джон Кеннеди. В своем коротком выступлении я отметил: «Тридцать два года назад другой молодой кандидат, который хотел, чтобы страна снова пришла

в движение, прибыл на съезд, чтобы просто сказать: спасибо». Я хотел бы выразить солидарность с духом кампании Джона Кеннеди, поблагодарить тех, кто выдвинул мою кандидатуру, и всех делегатов и сказать им, что «завтра вечером я стану “парнем, который снова победил”».

Четверг, 16 июля, был последним днем съезда. Три предыдущих дня заседаний и их телетрансляция прошли весьма удачно. Мы демонстрировали не только наших общенациональных лидеров, но и представляли восходящих звезд, а также простых граждан. Мы донесли до людей наши новые идеи. Однако все пошло бы насмарку, если бы моя речь и выступление Ала Гора, в которых мы давали согласие на выдвижение наших кандидатур, оказались неудачными. День начался с сюрприза, как и многие другие дни во время этой бурной кампании: Росс Перо заявил, что выходит из гонки. Я позвонил ему, поздравил с удачным проведением кампании и сказал, что согласен с ним в отношении необходимости фундаментальных политических реформ. Перо отказался поддержать президента Буша или меня, и в последний вечер я пришел на съезд, не зная, поможет мне его решение или повредит.

После того как Ал Гор под приветственные возгласы собравшихся был выдвинут кандидатом на пост вице-президента, он выступил с яркой речью, которую начал с того, что еще мальчишкой, когда жил в штате Теннесси, мечтал, как в один прекрасный день станет помощником Элвиса (это было прозвище, которое сотрудники дали мне во время предвыборной кампании). Затем Ал стал перечислять провалы администрации Буша и, называя каждый из них, произносил: «Пришло время, когда они должны уйти». После того как он сделал это несколько раз, делегаты последовали его примеру, что вызвало оживление в зале. Затем он стал превозносить результаты моей деятельности, назвал задачи, стоящие перед нами, и рассказал о своей семье и о нашем долге перед следующими поколениями: добиться, чтобы страна стала более сильной и более сплоченной. Ал выступил с действительно хорошей речью и внес свой вклад. Затем наступила моя очередь.

Первый вариант речи написал Пол Бегала. Мы старались включить в нее очень многое: биографические данные, риторику предвыборной кампании и политику. Мы также старались, чтобы она понравилась трем разным группам избирателей: основному ядру демократов; независимым и республиканцам, недовольным президентом, однако не уверенным, что они должны поддержать меня; а также людям, не голосовавшим вообще, которые считали, что это никак не повлияет на ситуацию. Пол, как всегда, включил в мою речь несколько весьма удачных фраз. Джордж Стефанопулос отслеживал фразы, лучше всего воспринимавшиеся во время импровизированных предвыборных митингов. Брюс Рид и Ал Фром помогли отшлифовать раздел, посвященный политике. Чтобы представить меня в выгодном свете, мои друзья Гарри и Линда Бладуорт-Томасон сняли короткий фильм под названием «Человек из Надежды»*. Он вызвал энтузиазм толпы, и я вышел на трибуну под громкие аплодисменты.

---

* Слово Норе в английском языке означает и название родного города Клинтон — Хоупа, и в то же время переводится как «надежда». — *Прим. ред.*

Я начал речь в медленном темпе, сказав несколько слов об Але Горе, поблагодарив Марио Коумо и всех моих соперников на предварительных выборах. Затем последовала главная идея: «Во имя тех, кто трудится и платит налоги, растит детей и соблюдает законы, во имя упорно работающих американцев, составляющих наш забытый средний класс, я с гордостью принимаю предложение о выдвижении моей кандидатуры на пост президента Соединенных Штатов Америки. Я — продукт этого среднего класса, и, если стану президентом, вы больше никогда не будете забыты».

Затем я рассказал историю людей, оказавших на меня наиболее сильное влияние, начав с моей матери, с жизненных тягот, выпавших на долю молодой вдовы с маленьким ребенком на руках, до ее нынешней борьбы с раком груди, добавив: «Она всегда учила меня бороться». Я рассказал о моем дедушке и о том, как он наставлял меня: «Относись с уважением к людям, на которых другие смотрят сверху вниз». Я также выразил благодарность Хиллари за то, что она объяснила мне: «Все дети могут учиться, и наш общий долг — помогать им в этом». Я хотел, чтобы Америка знала: боевой дух я приобрел благодаря моей матери, убежденность в необходимости расового единства привил мне мой дедушка, а стремление заботиться о будущем всех наших детей — моя жена.

Я также хотел, чтобы люди помнили о том, что каждый может стать частью нашей американской семьи: «Сегодня вечером я хочу кое-что сказать каждому ребенку в Америке, который растет без матери или без отца: я знаю, как вы себя чувствуете. Но вы тоже особенные. Вы важны для Америки. И никогда не позволяйте никому говорить вам, что вы не можете стать тем, кем хотите».

Следующие несколько минут я критиковал деятельность президента Буша и излагал мой план, ставящий целью добиться лучших результатов. «С тех пор как Рейган и Буш стали президентами, наша страна перешла с первого на тринадцатое место в мире по уровню средней заработной платы... Четыре года назад он обещал, что к этому времени в Америке будет 15 миллионов новых рабочих мест, и сейчас ему недостает более 14 миллионов... Нынешний президент заявил, что уровень безработицы всегда немного возрастает перед тем, как начинается оживление в экономике, однако, прежде чем начнется ее подлинное оживление, число безработных точно должно увеличиться на одного человека, и этот человек — вы, господин президент». Я сказал, что мой «новый договор», предусматривающий возможности, ответственность и общность, даст нам «Америку, в которой двери колледжей вновь будут широко открыты для сыновей и дочерей стенографисток и металлургов... Америку, в которой будут возрастать доходы, а не налоги для среднего класса... Америку, в которой богатых не обдирают, но не топят и средний класс... Америку, которая покончит с системой социального обеспечения в том виде, в каком она нам известна».

Затем я призвал к национальному единству. Для меня это была наиболее важная часть речи, в которой я говорил о том, во что верил еще мальчишкой.

Сегодня вечером каждый из вас в глубине души понимает, что мы слишком разобщены. Пришло время исцелить Америку.

Поэтому мы должны сказать каждому американцу: смотри дальше стереотипов, ослепляющих нас. Мы нуждаемся друг в друге. Мы все нуждаемся друг в друге. Мы не можем потерять ни одного человека. Тем не менее политики слишком долго говорили большинству из нас, что мы все делаем правильно, а все трудности в Америке создают остальные. Они.

Они, меньшинства. Они, либералы. Они, бедные; они, бездомные; они, люди с физическими недостатками; они, гомосексуалисты.

Мы дошли до того, что абсолютно все сваливаем на них. На них, на них и на них.

Однако это Америка. Их нет, есть только мы. Одна страна под Богом, неделимая, со свободой и справедливостью для всех.

Это наша клятва верности, и именно в этом суть Нового договора...

Еще подростком я слышал призыв Джона Кеннеди к гражданственности. Затем, будучи студентом Джорджтаунского университета, я слышал этот призыв, разъясненный профессором Кэрол Куигли, которая сказала нам, что Америка — величайшая страна в истории, так как наш народ всегда верил в две великие идеи: завтра может быть лучше, чем сегодня, и каждый из нас несет за это личную моральную ответственность.

Это будущее вошло в мою жизнь в тот вечер, когда родилась моя дочь Челси. Когда я стоял в родильной палате, меня поразила мысль, что Бог дал мне счастье, которого никогда не знал мой отец; возможность держать на руках своего ребенка.

В эту самую минуту где-то в Америке рождается ребенок. Пусть делом нашей жизни станет стремление дать этому ребенку счастливый дом, здоровую семью и будущее, полное надежды. Пусть делом нашей жизни станет добиться, чтобы этот ребенок получил возможность в самой полной мере раскрыть все способности, данные ему Богом... Пусть делом нашей жизни станет, чтобы этот ребенок жил в стране объединяющейся, а не раскалывающейся, стране безграничных надежд и беспредельных мечтаний; стране, которая снова поднимает свой народ и вдохновляет весь мир.

Пусть это станет делом нашей жизни, нашим обязательством и нашим Новым договором.

Сограждане американцы, сегодня вечером я заканчиваю на том, с чего все это началось для меня: я все еще верю в то, что называют Надеждой. Да благословит вас Бог и да благословит Бог Америку.

После того как я закончил свое выступление на съезде и стихли аплодисменты, прозвучала песня «Круг друзей», написанная для этого случая Артуром Гамилтоном и моим старым другом и школьным товарищем музыкантом Рэнди Гудрамом. Ее исполнили бродвейская звезда Дженнифер Холидей в сопровождении хора Колледжа Филандера Смита из Литл-Рока, 10-летний Регги Джексон, чье исполнение «Прекрасной Америки» имело

в понедельник вечером шумный успех на съезде, и мой брат Роджер. Вскоре мы все пели вместе с ними: «Давайте присоединимся к кругу друзей, который начинается и никогда не кончается».

Это было прекрасным финалом самой важной речи, с которой я когда-либо выступал. И это сработало. Мы расширяли круг. Три различных опроса показали, что мое выступление нашло отклик в сердцах избирателей и мы лидируем с большим отрывом — в двадцать или более пунктов. Однако я знал, что нам не удастся удержать это преимущество. Во-первых, культурная база республиканцев, состоявшая из белых избирателей, абсолютно не готовых голосовать ни за каких кандидатов на пост президента от демократической партии, составляла около 45 процентов электората. Кроме того, республиканцы еще не провели свой съезд. Этот форум, безусловно, должен был придать импульс кампании Буша. И, наконец, на протяжении последних полутора месяцев пресса публиковала обо мне позитивные отзывы, и в течение недели я имел прямой и неограниченный доступ к гражданам Америки. Этого было более чем достаточно для того, чтобы все сомнения по поводу моей кандидатуры отступили на задний план общественного сознания, но я хорошо понимал, что этого мало для того, чтобы устранить их полностью.

На следующее утро, 17 июля, Ал, Типпер, Хиллари и я выехали в Нью-Джерси, чтобы начать первую из нескольких автобусных поездок по всей Америке. Мы ставили своей целью посетить небольшие города и сельские районы, в которые никогда не приезжали участники президентских гонок, обычно выступавшие на митингах в местах, привлекавших наибольшее внимание средств массовой информации. Мы надеялись, что эта автобусная поездка, задуманная Сюзан Томасес и Дэвидом Вильгельмом, позволит сохранить и усилить то воодушевление и приподнятое настроение, которое царило на съезде демократической партии.

В ходе поездки по маршруту протяженностью в тысячу миль через штаты Нью-Джерси, Пенсильвания, Западная Вирджиния, Огайо, Кентукки, Индиана и Иллинойс мы выступили с множеством речей с импровизированных трибун и пожимали людям руки на запланированных и незапланированных остановках. В первый день мы проехали через восточную и центральную Пенсильванию, достигнув нашей последней остановки — Йорка — в два часа ночи. Нас ждали тысячи людей. Ал выступил с лучшим вариантом агитационной речи. Я тоже обратился к собравшимся, а затем мы около часа пожимали руки нашим сторонникам, после чего все четверо свалились с ног и проспали несколько часов. В течение следующего дня мы ехали через штат Пенсильвания, общаясь друг с другом и с толпами людей, становясь все более раскованными и радостными, так как нас поддерживал энтузиазм американцев, пришедших на митинг, или просто выстроившихся вдоль шоссе. На стоянке в Карлисле мы с Алом влезали на подножки грузовиков, чтобы пожать руки водителям. Остановившись отдохнуть в Тернпайке, штат Пенсильвания, мы погоняли на месте парковки футбольный мяч, а в какой-то момент в ходе поездки даже сыграли в мини-гольф. На третий день мы выехали из западной Пенсильвании и оказались в западной Вирджинии, где посетили Weirton Steel, крупное объединенное предприятие, которое его работники выкупили у бывшего владельца. В тот вечер близ Аттики, штат Огайо, мы посетили ферму, принадлежавшую Джин Брэнстуд, чтобы собственноручно приготовить еду и пообедать под открытым небом вместе с двумястами фермерами и их семьями, а затем остановились на соседнем поле, где нас ждали десять тысяч человек. Меня удивили две вещи: размеры толпы и высота стеблей кукурузы. Эта самая высокая и самая густая кукуруза, какую я когда-либо видел, была добрым предзнаменованием. На следующий день мы посетили Колумбус, столицу штата Огайо, а затем направились в Кентукки. Когда мы уезжали из штата, у меня появилась уверенность, что нам удастся победить в Огайо, как это получилось в 1976 году у Джимми Картера. Это было важно. Со времен

Гражданской войны ни один республиканец не завоевывал пост президента, не одержав победу в Огайо.

В пятый и последний день поездки после большого митинга в Луисвилле мы проехали через южные районы штатов Индиана и Иллинойс. На всем пути нашего следования на полях и вдоль дорог стояли люди, размахивавшие плакатами. Мы проехали мимо большого комбайна, украшенного американскими флагами и агитационными плакатами в поддержку Клинтона — Гора. Добравшись до Иллинойса, мы поняли, что опоздали, как опаздывали каждый день из-за незапланированных остановок. Мы больше не могли задерживаться, но на перекрестке стояла небольшая группа людей, державших огромный плакат, на котором было написано: «Дайте нам восемь минут, и мы дадим вам восемь лет!» Мы остановились. Последний митинг этого вечера был одним из наиболее удачных во всей кампании. Когда мы въехали в Вандейлию, тысячи людей, державших в руках свечи, заполнили площадь вокруг Старого здания Законодательного собрания штата, в котором в течение одного срока заседал Авраам Линкольн, прежде чем штаб-квартиру правительства перевели в Спрингфилд. Когда мы наконец прибыли в Сент-Луис, где нам предстояло провести еще одну короткую ночь, было уже совсем поздно.

Автобусные поездки прошли с огромным успехом. Мы вместе с представителями общенациональных средств массовой информации побывали в таких местах в самом сердце Америки, которые часто были обделены вниманием кандидатов. Америка увидела, как мы обращаемся к людям, которых обещали представлять в Вашингтоне, поэтому республиканцам стало труднее навешивать на нас ярлыки радикалов в культуре и политике. Кроме того, Ал, Типпер, я и Хиллари очень хорошо узнали друг друга; без долгих часов, проведенных в автобусе, это было бы невозможно.

В следующем месяце мы совершили еще четыре такие автобусные поездки. На этот раз они были более короткими, рассчитанными на один-два дня. Во время второй поездки мы поднялись вверх по течению реки Миссисипи от Сент-Луиса до Ганнибалы, штат Миссури, родного города Марка Твена, затем до Давенпорта, штат Айова, через Висконсин и до Миннеаполиса, где десять тысяч человек в течение двух часов слушали Уолтера Мондейла, рассказывавшего о наших последних успехах.

Самыми памятными моментами второй автобусной поездки был митинг на автостоянке в Седар-Рапидс, штат Айова, который мы провели после встречи, посвященной проблемам биотехнологии, и посещение консервного завода компании Quaker Oats. Там собралась большая толпа, которая в целом приветствовала нас с энтузиазмом, за исключением издающей громкие крики группы наших противников. Они держали в руках плакаты, призывавшие к запрещению аборт, и освистывали меня с тыла. После выступлений я сошел со сцены и стал общаться с толпой. Меня удивило, что на руках у белой женщины, которая приколотла к одежде значок с призывом дать женщинам право на выбор, был чернокожий ребенок. Когда я спросил у нее, чей это ребенок, она с улыбкой ответила: «Это моя девочка. Ее зовут Джамийя». Женщина рассказала мне, что эта крошка родилась в штате

Флорида ВИЧ-инфицированной, и она удочерила ее, хотя была разведена и ей приходилось нелегко, воспитывая в одиночку двоих детей. Я никогда не забуду эту женщину, державшую на руках Джамийю и гордо заявившую: «Это моя девочка». Она тоже выступала за право на жизнь. Эта женщина принадлежала к тем людям, для которых я стремился добиться лучшей участи, воплощения американской мечты.

В конце того же месяца мы совершили однодневную поездку по долине Сан-Хоакин в Калифорнии и двухдневные поездки по Техасу, а также по тем районам штатов Огайо и Пенсильвания, где не бывали раньше, закончив наше путешествие в западном районе штата Нью-Йорк. В сентябре мы проехали через весь юг Джорджии, а в октябре совершили двухдневную поездку по Мичигану, за один удачный день посетив десять городов в штате Северная Каролина.

Наши автобусные поездки вызывали у людей в населенных пунктах, которые мы посещали, неизменный, невиданный мною ранее энтузиазм. Конечно, отчасти это объяснялось тем, что жители небольших городков, таких как Коутсвилл, штат Пенсильвания; Сентрейлия, штат Иллинойс; Прери-ду-Шин, штат Висконсин; Уолнат-Гроув, штат Калифорния; Тайлер, штат Техас; Валдоста, штат Джорджия; Илон, штат Северная Каролина, не привыкли так близко видеть кандидатов на пост президента. Однако их радушие в основном объяснялось тем, что между избирателями и участниками предвыборной кампании устанавливался тесный контакт. Такие автобусные поездки давали нам возможность применить на практике свое умение общаться с людьми из самых разных слоев общества и свидетельствовали о продвижении вперед. В 1992 году американцы проявляли беспокойство, но все еще были полны надежды. Мы говорили о том, что тревожило и пугало людей, и поддерживали их неизменный оптимизм. Мы с Алом выработали удачный ритуал. На каждой остановке он перечислял все проблемы Америки и говорил: «Все, что должно было снизиться, повысилось, а все, что должно было повыситься, снизилось». Затем он представлял меня и рассказывал людям, какие меры мы намерены принять, чтобы изменить ситуацию. Мне очень нравились эти автобусные поездки. Мы проехали через шестнадцать штатов и в тринадцати из них одержали победу на выборах, состоявшихся в ноябре.

После нашей первой автобусной поездки один из общенациональных опросов общественного мнения показал, что я опережаю президента Буша с соотношением 2:1, однако я не слишком серьезно к этому отнесся, поскольку он фактически еще не приступал к своей кампании. Она началась в последнюю неделю июля с нападков на меня. Буш сказал, что мой план ограничить увеличение расходов на оборону обойдется в миллион рабочих мест; что моя реформа здравоохранения станет государственной программой, «которой будет сочувствовать КГБ»; что я выступаю за «наибольшее увеличение налогов за всю историю»; а также что он, став президентом, задаст лучший «нравственный тон», чем это смог бы сделать я. Его сотрудница Мэри Маталин опередила даже Дэна Куэйла в соревновании за звание «питбуля» предвыборной кампании, назвав меня «хныкающим лицемером».

Позднее, когда Буш стал сдавать позиции, многие из тех, кто благодаря ему получил назначения, стали организовывать утечку информации в прессу, утверждая, что в ослаблении его положения виноваты только они. Некоторые даже критиковали президента. Мэри среди них не было. Она до конца поддерживала человека, на которого работала. По иронии судьбы, Мэри Маталин и Джеймс Карвилл были обручены и в скором времени собирались пожениться. Хотя они представляли противоположные полюса политического спектра, оба отличались глубочайшей преданностью своим идеалам, и любовь добавляла в их жизнь остроту, а политические находки обоих оживляли как мою кампанию, так и кампанию Буша.

Во вторую неделю августа президент Буш убедил Джеймса Бейкера уйти в отставку с поста государственного секретаря и вернуться в Белый дом, чтобы руководить его кампанией. Я считал, что Бейкер был хорошим госсекретарем, за исключением операции в Боснии, во время которой, по моему мнению, администрации следовало более жестко противостоять этническим чисткам. Еще я знал, что он хороший политик и благодаря его приходу кампания Буша станет более эффективной.

Нам следовало сделать то же самое в отношении своей кампании. Мы добились выдвижения моей кандидатуры на пост президента, правильно организовав свои действия перед предварительными выборами. Теперь, когда съезд демократической партии остался позади, нам нужна была гораздо более энергичная координация всех сил из единого стратегического центра. Эту роль взял на себя Джеймс Карвилл. Ему был нужен помощник. Поскольку жена Пола Бегалы Дайэн ждала первого ребенка, он не мог постоянно находиться в Литл-Роке, поэтому я неохотно освободил Джорджа Стефанопулоса от обязанности заботиться о самолете кампании. Джордж продемонстрировал ясное понимание того, что новости делаются в течение всех двадцати четырех часов, и знал, как вести борьбу с негативными рецензиями в печати, а также реагировать на позитивные отзывы. Это был оптимальный выбор.

Джеймс свел воедино составные части кампании: политическое маневрирование, освещение в печати и исследования, сосредоточив всю эту работу в здании редакции газеты *Arkansas Gazette*, в бывшем помещении отдела новостей. Это помогло уничтожить барьеры и создало чувство общности. Хиллари говорила, что комната стала похожа на «военный штаб», и это название прижилось. Карвилл повесил на стене плакат, который должен был служить постоянным напоминанием о целях нашей кампании. Он состоял всего из трех предложений:

Перемены в противовес продолжению прежней политики.

Это экономика, глупый!

Не забывайте о здравоохранении!

Карвилл также выразил свою основную идею тактики борьбы в лозунге, который он написал на футболке: «Скорость убивает... Буша». В «военном штабе» каждый день в семь утра и семь вечера проходили совещания, на которых давались оценки проведенным накануне Стэном Гринбергом опросам

общественного мнения, последним роликам Фрэнка Грира, новостям, новым нападкам Буша, а также формулировались ответы на эти атаки и решалось, какой будет наша реакция на разворачивающиеся события. Тем временем молодые добровольцы работали круглые сутки, благодаря нашей спутниковой антенне собирая максимум информации, а также отслеживая новости и мнение оппозиции с помощью компьютеров. Сейчас это кажется обычным делом, но тогда использование такой техники было в новинку и имело важнейшее значение для того, чтобы наша кампания могла соответствовать намеченной Карвиллом цели — быть сфокусированной и стремительной.

Определившись с тем, что хотим сказать, мы выступали со своим заявлением не только в средствах массовой информации, но и используя наши «команды быстрого реагирования», созданные в каждом штате. В их задачу входило довести это заявление до наших сторонников и местных СМИ. Тем, кто соглашался заниматься такой ежедневной работой, мы посылали значки с надписью «Команда быстрого реагирования». К концу кампании их носили тысячи человек.

К назначенному времени, когда я получал утреннюю информацию от Карвилла, Стефанопулоса и любого другого, кто должен был отчитываться в этот день, они могли точно сообщить мне, каково состояние наших дел и что нам надо предпринять. Если я с ними не соглашался, мы спорили; если им был нужен важный политический или стратегический лозунг, я его предлагал, однако преимущественно слушал с удивлением. Иногда я выражал претензии по поводу того, что было сделано не очень хорошо, например речей, в которых, на мой взгляд, слишком много места отводилось риторике и слишком мало — подлинным аргументам и сути вопроса, или по поводу изнурительного графика работы, впрочем составленного именно таким образом скорее по моей, чем по их вине. По утрам из-за аллергии и переутомления я слишком часто давал волю своему раздражению. К счастью, мы с Карвиллом были настроены на одну волну, и он всегда знал, когда я говорю всерьез, а когда просто «выпускаю пар». Думаю, что и другие сотрудники моей кампании тоже вскоре стали это понимать.

В третью неделю августа в Хьюстоне проходил съезд республиканской партии. Во время его проведения оппозиция, как правило, держится в тени, и хотя я следовал обычной практике, не предпринимая активных действий, наша команда быстрого реагирования была во всеоружии. Без этого мы просто не могли обойтись. У республиканцев не оставалось иного выхода, как обливать меня грязью. В основном это касалось бытовых вопросов. Они отставали на целый порядок, и их стратегия действий «огнем и мечом» была эффективной на всех выборах начиная с 1968 года, за исключением ситуации, когда после «Уотергейта» президент Картер победил с преимуществом в два пункта. Мы были полны решимости использовать свою команду быстрого реагирования, чтобы нападки республиканцев обернулись против них самих.

Семнадцатого августа, в день открытия съезда республиканской партии, я по-прежнему опережал Буша на двадцать один пункт, и мы немного ис-

портили им праздник, когда меня поддержали руководители восемнадцати корпораций. Это была прекрасная история, однако она не заставила республиканцев отказаться от своего стратегического плана. Для начала они назвали меня «ловеласом» и «человеком, уклонившимся от призыва» и обвинили Хиллари в стремлении разрушить американскую семью, поскольку она якобы призвала позволить детям возбуждать иски против родителей в случаях, когда они не согласны с применявшимися по отношению к ним дисциплинарными мерами воздействия. Мэрилин Куэйл, жена вице-президента, особенно остро критиковала Хиллари за то, что она якобы обрушилась на «семейные ценности». Эта критика была основана на абсолютно искаженной интерпретации статьи, которую Хиллари написала, будучи студенткой юридического факультета Йельского университета, и в которой утверждала, что дети младшего возраста в случае жестокого обращения или полного отсутствия заботы должны пользоваться юридическими правами независимо от родителей. Почти все американцы согласились бы с ее мнением, если бы оно предстало перед ними в честном изложении, однако поскольку очень мало людей читали статью Хиллари, те, кто слышал эти обвинения, вряд ли могли понять, соответствуют они действительности или нет.

Основное внимание в вечер открытия съезда республиканской партии привлек Пэт Бьюкенен, который привел делегатов в неистовство своими нападками на меня. Среди его высказываний, которые мне «понравились больше всего», были заявление о том, что президент Буш возглавлял освобождение Восточной Европы, а мой опыт во внешней политике «по существу, ограничен одним-единственным завтраком в Международной блинной», и его характеристика съезда демократической партии как сборища «радикалов и либералов... выдающих себя за умеренных и центристов в ходе самой широкомасштабной демонстрации одежды для противоположного пола в политической истории Америки». Результаты опроса общественного мнения показали, что Бьюкенен не помог Бушу, однако я не был согласен с этой точкой зрения. Его задача заключалась в том, чтобы прекратить отток правых, заявив консерваторам, желавшим перемен, что они не могут за меня голосовать, и он с этим хорошо справился.

Резкая критика в адрес Клинтона продолжалась на протяжении всего съезда, и наша группа быстрого реагирования наносила ответные удары. Преподобный Пэт Робертсон назвал меня «хитрым Билли», заявив, что у меня есть радикальный план уничтожения американской семьи. Поскольку я начал выступать за реформу системы социального обеспечения еще до того, как Робертсон пришел к выводу, что Бог — правый республиканец, это обвинение выглядело смехотворным. Наша команда быстрого реагирования нанесла ответный удар. Особенно эффективно она защищала Хиллари от обвинений в том, что ее взгляды враждебны по отношению к семье, сравнивая отношение к ней республиканцев с тактикой Уилли Хортонна, использованной четыре года назад против Дукакиса.

Желая подкрепить наше заявление о том, что республиканцы критикуют меня лишь для того, чтобы удержаться у власти, в то время как нам власть нужна для борьбы с проблемами Америки, мы с Алом, Типпер

и Хиллари 18 августа пообедали с президентом и госпожой Картер. Назавтра, в наш с Типпер день рождения, мы все вместе приняли участие в строительстве дома, работая плечом к плечу с членами организации «Жилище для человечества», которую Джимми и Розалин Картер много лет поддерживали. «Жилище для человечества», созданная на основе идеи нашего друга по «Ренессансным уикендам» Милларда Фуллера, привлекает добровольцев к строительству домов для бедных людей и с их участием, а затем бедняки оплачивают только стоимость строительных материалов. Эта организация уже стала одной из крупнейших в Америке строительных структур и распространила свою деятельность на другие страны. Наша работа удачно контрастировала с визгливыми нападками республиканцев.

Президент Буш неожиданно посетил съезд республиканской партии в тот вечер, когда была выдвинута его кандидатура, так же, как это сделал я во время съезда демократической партии, и привел с собой всю свою типично американскую семью. В следующий вечер он выступил с удачной речью, в которой говорил о Боге, о стране и о семье, подчеркнув, что, к сожалению, я не поддерживаю эти ценности. Он также признал, что совершил ошибку, подписав законопроект о сокращении бюджетного дефицита, предусматривающий повышение налога на бензин, и обещал в случае своего повторного избрания на пост президента снова снизить налоги. Думаю, его самой удачной фразой было заявление, что я намерен использовать «экономику Элвиса», чтобы отправить Америку в «Отель разбитых сердец». Буш сравнил свое участие во Второй мировой войне с моей оппозицией войне во Вьетнаме, заявив: «В то время как я стискивал зубы, он грыз ногти».

Теперь уже республиканцы получили свободный доступ к населению Америки, и хотя, по общему убеждению, они были настроены слишком негативно и склонны к экстремизму, опросы общественного мнения показывали, что им удалось сократить мое преимущество. Согласно одному опросу, оно уменьшилось до десяти пунктов, согласно другому — до пяти. Я думал, что эти цифры приблизительно отражают ситуацию, и если мне не удастся успешно выступить в ходе дебатов или я совершу какую-либо другую ошибку, то окончательный разрыв, вероятно, будет выражаться числом, представляющим нечто среднее между этими двумя показателями.

Президент Буш покинул Хьюстон в боевом настроении, сравнив свою кампанию с чудесным возвращением к власти Гарри Трумэна, одержавшего победу в 1948 году. Буш также ездил по стране, занимаясь тем, что могут делать только кандидаты, находящиеся на посту президента: расходовал федеральные средства, чтобы получить голоса. Он обещал помощь фермерам, выращивающим пшеницу, и жертвам урагана «Эндрю», разрушившего значительную часть Южной Флориды, а также предложил продать Тайваню сто пятьдесят истребителей F-16, а Саудовской Аравии — семьдесят два истребителя F-15, чтобы сохранить рабочие места на оборонных предприятиях, расположенных в важнейших штатах.

В конце августа мы оба выступили на съезде Американского легиона в Чикаго. Собратья-ветераны принимали президента Буша лучше, чем меня, однако я выступил удачнее, чем ожидал, откровенно изложив суть вопроса

о призыве и о моей оппозиции войне во Вьетнаме. Я сказал, что по-прежнему считаю войну во Вьетнаме ошибкой, но «если вы решите голосовать против меня из-за того, что произошло двадцать три года назад, вы имеете на это право как американские граждане, и я его уважаю. Однако я надеюсь, что вы будете голосовать, думая о будущем». Я также заслужил одобрительные аплодисменты, пообещав сменить руководство Министерства по делам ветеранов, глава которого был непопулярен среди ветеранских организаций.

После съезда Американского легиона я вновь стал говорить о том, что Америке необходимо изменить курс в экономической и социальной политике. Это было вызвано новым исследованием, показавшим, что богатые американцы богатеют, а бедные — беднеют. В начале сентября меня поддержали две влиятельные экологические организации: клуб «Сьерра» и Лига избирателей — защитников охраны окружающей среды. Я отправился во Флориду через несколько дней после того, как ее посетил президент Буш, чтобы ознакомиться с тем, какой ущерб нанес ураган «Эндрю». Будучи губернатором, я не раз посещал места стихийных бедствий, включая наводнения, засуху и торнадо, и наблюдал их последствия, однако никогда не видел ничего подобного. Когда я ходил по улицам, усеянным мокрыми руинами домов, то с удивлением выслушивал жалобы как должностных лиц, так и местных жителей по поводу того, каким образом Федеральное агентство по управлению в чрезвычайных ситуациях преодолевает последствия урагана. По традиции пост директора этого агентства занимает политический сторонник президента, желающий получить теплое местечко, однако не имеющий опыта в ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. Я взял себе на заметку, что постараюсь избежать подобной ошибки, если одержу победу на выборах. Решая для себя вопрос о том, кто должен стать президентом, избиратели вряд ли ориентируются на то, как он будет справляться с последствиями стихийных бедствий и катастроф, но когда такие события случаются, они быстро становятся самой важной проблемой в их жизни.

В День труда, когда по традиции начинается кампания перед всеобщими выборами, я посетил Индепенденс, штат Миссури, родину Гарри Трумэна, чтобы убедить трудящихся поддержать нас. Дочь Трумэна Маргарет, откровенная и искренняя женщина, помогла мне, заявив на митинге, что не Джордж Буш, а именно я по праву являюсь наследником ее отца.

Одиннадцатого сентября я прибыл в Саут-Бенд, штат Индиана, чтобы выступить перед студентами и профессорско-преподавательским составом самого известного католического университета Америки — Нотр-Дам. В тот же день президент Буш посетил Вирджинию, где выступил перед членами консервативной Христианской коалиции. Я знал, что католики всей страны обратят внимание на эти два мероприятия. Иерархи церкви поддерживали позицию Буша по вопросу аборт, тем не менее я был гораздо ближе католикам, разделяя их точку зрения на экономические вопросы и проблемы социальной справедливости. Мое выступление в Университете Нотр-Дам было поразительно похоже на речь Джона Кеннеди в 1960 году перед баптистскими священниками южных штатов, только наши роли оказались противоположными. Пол Бегала, набожный католик, помог подготовить

мое выступление, а мэр Бостона Рэй Флинн и сенатор Харрис Уофффорд приехали, чтобы оказать мне моральную поддержку.

Я произнес примерно половину своей речи, прежде чем смог определить, как ее принимают. Когда я сказал: «Мы все должны уважать воплощение образа Божия в каждом мужчине и каждой женщине, поэтому должны ценить их свободу, и не только политическую, но и свободу совести в вопросах семьи, философии и веры», — слушатели встретили мои слова бурными аплодисментами.

После выступления в Университете Нотр-Дам я отправился на Запад, в Солт-Лейк-Сити, чтобы рассказать о своей позиции на съезде Национальной гвардии, где меня хорошо приняли, поскольку мое руководство Национальной гвардией Арканзаса заслужило положительную оценку и поскольку меня представил пользовавшийся уважением председатель Комитета по делам вооруженных сил Палаты представителей конгрессмен Лес Аспин. В Портленде, штат Орегон, состоялся удивительный митинг. Более ста тысяч человек заполнили улицы в центре города, еще больше людей смотрели из окон своих учреждений. Во время выступлений мои сторонники забросали сцену сотнями роз, что было красивым жестом в Портленде — орегонском Городе роз. После этого мероприятия я больше часа ходил по улицам, пожимая руки тысячам людей.

Пятнадцатого сентября мою кандидатуру одобрили тридцать лидеров высокотехнологичных отраслей в традиционно поддерживавшей республиканцев Кремниевой долине, что стало наибольшим успехом моей стремительной поездки по западным штатам. Я действовал в Кремниевой долине с декабря предыдущего года с помощью Дейва Баррама, вице-президента компании Apple Computer. Дейва привлек к участию в кампании Айра Магазинер, мой друг по Оксфорду, который сотрудничал с руководством высокотехнологичных компаний и знал, что Баррам — демократ. Многие из его помощников-республиканцев были, как и Дейв, разочарованы экономической политикой администрации Буша и ее неспособностью правильно оценить колоссальный потенциал предпринимателей Кремниевой долины. Как сообщила газета *San Jose Mercury News* за несколько дней до моей первой поездки, представитель президента Буша на торговых переговорах Карла Хиллз поддержала точку зрения, согласно которой «неважно, что экспортируют США: картофельные чипсы или кремниевые чипы». Руководители компаний по производству высокотехнологичной продукции, так же, как и я, не разделяли это мнение.

Среди тех, кто выступил в мою поддержку, были такие известные республиканцы, как Джон Янг, президент Hewlett-Packard; Джон Скалли, председатель правления Apple Computer; Сэнди Робертсон из инвестиционного банка и Реджис Маккенна, один из немногих представителей Кремниевой долины, открыто поддерживавших в тот момент демократов. На нашей встрече в Технологическом центре Кремниевой долины в Сан-Хосе я помимо всего прочего изложил свой план общенациональной политики в области развития техники, над которым Дейв Баррам работал несколько месяцев, помогая мне его подготовить. Призвав увеличить инвестиции

в научно-технические исследования и опытно-конструкторские разработки, включая конкретные программы, имевшие большое значение для Кремниевой долины, я занял позицию, разительно отличавшуюся от нежелания администрации Буша устанавливать партнерские отношения между правительством и руководителями промышленных отраслей. В тот момент Япония и Германия превосходили Америку в экономическом отношении, отчасти потому, что политика правительств этих стран была ориентирована на поддержку потенциальных областей развития. Политика США, напротив, заключалась в субсидировании политически сильных сложившихся отраслей, например нефтяной промышленности и сельского хозяйства, которые действительно имели большое значение, однако обладали значительно меньшим потенциалом, чем технологические отрасли, для создания новых рабочих мест и появления новых предпринимателей. Заявление лидеров компаний по производству высокотехнологичной продукции о поддержке моей кандидатуры оказало колоссальное влияние на кампанию, поскольку обеспечило доверие к моему обещанию поддерживать деловые круги и профсоюзы, объединив меня с экономическими силами, более всего олицетворявшими позитивные перемены и развитие.

В то время как я получал поддержку в своем стремлении перестроить экономику и осуществить реформу системы здравоохранения, республиканцы активно старались подорвать мою репутацию. В своем выступлении на съезде республиканской партии президент Буш обвинил меня в том, что я повышал налоги в Арканзасе 128 раз, причем, как он отметил, делал это с неизменным удовольствием. В начале сентября в ходе предвыборной кампании Буша эти обвинения повторялись вновь и вновь, хотя газета *New York Times* заявила, что они «не соответствуют действительности», *Washington Post* назвала их «сильно преувеличенными» и «глупыми», и даже *Wall Street Journal* подчеркнула, что эти обвинения «вводят в заблуждение». В списке Буша значилось, например, требование, чтобы те, кто торгует подержанными автомобилями, обеспечивали страховку на двадцать пять тысяч долларов; предусматривались также умеренная плата за участие в конкурсах красоты и введение платы в один доллар за судебные издержки для осужденных преступников. Консервативный обозреватель Джордж Уилл сказал, что «Буш за четыре года повышал налоги чаще, чем Клинтон — за десять».

На протяжении остальной части сентября предвыборный штаб Буша преимущественно выступал с нападками на меня по поводу призыва. Президент Буш вновь и вновь повторял, что я должен «просто рассказать правду» об этом. Даже Дэн Куэйл счел себя вправе нападать на меня, несмотря на тот факт, что сам он, благодаря связям своей семьи, попал не на войну во Вьетнаме, а в Национальную гвардию. Основная мысль, которую старался подчеркнуть вице-президент, по-видимому, заключалась в том, что средства массовой информации не отнеслись к моему делу так же придирчиво и внимательно, как к информации о нем самом, появившейся четыре года назад. По-видимому, он не следил за новостями из Нью-Хэмпшира и Нью-Йорка.

Я получил хорошую помощь в отражении нападков, связанных с призывом. В начале сентября сенатор Боб Керри, мой соперник на предварительных выборах, имевший Почетную медаль Конгресса, заявил, что этот вопрос вообще не должен подниматься. Затем 18 сентября на внутренней лужайке перед резиденцией губернатора Арканзаса меня поддержал адмирал Билл Кроу, который был председателем Объединенного комитета начальников штабов при президенте Рейгане и некоторое время — при Буше. На меня произвели большое впечатление прямота и простота Кроу, и я был ему очень благодарен за то, что он не побоялся поставить себя под удар ради человека, которого очень мало знал, но которому, однако, поверил.

Политические последствия наших с Бушем предвыборных кампаний были неясны. В какой-то степени он стал терять преимущество, обретенное благодаря съезду республиканской партии, однако на протяжении всего сентября, судя по результатам опросов общественного мнения, мой перевес менялся, составляя от 9 до 20 процентов. Определились основные направления предвыборной кампании: Буш утверждал, что защищает семейные ценности и стабильность, в то время как я выступал за экономические и социальные перемены. Буш заявлял, что я недостойн доверия и выступаю против семьи, а я отвечал, что он вносит в общество раскол и сдерживает развитие Америки. Каждый день очень многие избиратели мучились, решая, кто же из нас лучше.

Помимо споров по этим проблемам, на протяжении всего сентября мы препирались по поводу дебатов, которые двухпартийная общенациональная комиссия рекомендовала провести в три раунда. Я сразу же выразил свое согласие, однако президенту Бушу не понравились предложенные комиссией форматы проведения дебатов. Я заявил, что его возражения — фиговый листок, прикрывающий нежелание защищать результаты своей деятельности. Эта борьба мнений продолжалась на протяжении большей части месяца, из-за чего все три раунда намеченных дебатов были отменены. И в каждом случае, когда они отменялись, я приезжал на планировавшееся место их проведения и вел там свою кампанию, добиваясь, чтобы разочарованные граждане знали, кто лишил их города внимания общенациональных средств массовой информации.

Худшее, что произошло с нами в сентябре, имело скорее личный, чем политический характер. Пол Талли, которого наш организатор, ветеран предвыборных кампаний ирландец Рон Браун послал в Литл-Рок для координации наших действий и усилий демократической партии, упал замертво в своем номере. Талли, которому исполнилось всего сорок восемь лет, был моим политическим сторонником, демократом старой школы, прекрасным человеком, которым мы все стали восхищаться и на которого полагались. В тот самый момент, когда мы выходили на финишную прямую, от нас ушел еще один видный руководитель кампании.

Месяц закончился удивительными событиями. Эрвин «Мэджик» Джонсон, ВИЧ-инфицированный бывший охранник группы «Лос-Анджелес Лейкерс», ранее участвовавший во всеамериканских турнирах по футболу, баскетболу и бейсболу, внезапно ушел в отставку из Национальной комис-

сии по борьбе с ВИЧ/СПИДом и поддержал меня, так как был возмущен невниманием администрации к проблеме СПИДа и бездействием власти. Президент Буш изменил свою позицию в отношении дебатов и вызвал меня на четыре раунда. И самое удивительное, Росс Перо заявил, что обдумывает возможность своего возвращения в президентскую гонку, поскольку, по его мнению, ни у президента, ни у меня нет серьезной программы сокращения бюджетного дефицита. Он подверг критике Буша за его обещание не повышать налоги и сказал, что я хочу расходовать слишком много средств. Перо предложил обоим предвыборным штабам прислать на встречу с ним делегации для обсуждения вопроса о его возвращении.

Поскольку никто из нас не знал, кто больше пострадает, если Перо вернется, и поскольку мы оба хотели получать его поддержку в случае, если он этого не сделает, предвыборные штабы обоих кандидатов прислали на встречу с ним делегации на высоком уровне. Наша сторона была обеспокоена, поскольку мы считали, что Перо уже решил баллотироваться и просто дает «представление», чтобы повысить свой престиж, однако, в конечном счете, я согласился с тем, что нам следует поддерживать с ним постоянный контакт. От моего имени к нему направились сенатор Ллойд Бентсен, Мики Кантор и Вернон Джордан. Их ждал сердечный прием, так же, как и людей Буша. По словам Перо, он многое узнал от обеих групп, и через несколько дней, 1 октября, объявил, что считает необходимым для себя принять участие в предвыборной кампании как «слуга» своих добровольцев. То, что Перо вышел из кампании в июле, очень ему помогло. За десять недель, на протяжении которых он не принимал в ней участия, его безумные схватки с Бушем, имевшие место предыдущей весной, постепенно стали забываться, в то время как я и президент постоянно освежали в памяти общественности проблемы друг друга. Теперь избиратели и печать относились к нему еще серьезнее, поскольку мы оба столь явно его обхаживали.

В то время как Перо возвращался в предвыборную кампанию, мы наконец достигли договоренности с людьми Буша об организации дебатов. Предполагалось, что будут проведены три раунда плюс дебаты кандидатов на пост вице-президента. И все это за девять дней — с 11 по 19 октября. Во время первого и третьего раундов нам должны были задавать вопросы представители прессы, второй раунд предполагалось провести в муниципалитете; на нем вопросы могли задавать граждане. Сначала представители Буша не хотели, чтобы Перо присутствовал на этих дебатах, так как считали, что он будет критиковать президента, а дополнительные голоса, которые сможет получить Росс, скорее будут отобраны у Буша, чем у меня. Я не возражал против участия Перо, но не потому, что думал, будто он еще больше повредит Бушу (я не был в этом уверен), а поскольку, по моему мнению, ему нужно было дать возможность присутствовать, и я не хотел выглядеть как трусливый заяц. К 4 октября оба предвыборных штаба согласились пригласить Перо на дебаты.

За неделю до первых дебатов я в конце концов одобрил спорное Североамериканское соглашение о свободе торговли (НАФТА), заключенное администрацией Буша с Канадой и Мексикой, однако предупредил, что

хотел бы заключить дополнительное соглашение, гарантирующее основные стандарты в отношении рабочей силы и экологии, которые стали бы обязательными для соблюдения Мексикой. Некоторые мои сторонники были обеспокоены перспективой потери низкооплачиваемых рабочих мест в обрабатывающей промышленности и их перехода к нашему южному соседу и решительно не согласились с моей точкой зрения, однако я считал, что как по экономическим, так и политическим соображениям должен занять именно такую позицию. В глубине души я был сторонником свободной торговли и считал, что Америка должна поддержать экономическое развитие Мексики, чтобы обеспечить долгосрочную стабильность в нашем полушарии. Через несколько дней более пятисот пятидесяти экономистов, включая лауреатов Нобелевской премии, поддержали мою экономическую программу, заявив, что она скорее будет способствовать восстановлению экономического роста, чем предложения президента.

В то время как я был полон решимости в ходе подготовки к дебатам сосредоточить все внимание на экономике, лагерь Буша столь же решительно продолжал выступать с нападками на мой характер и репутацию честного человека. Сторонники президента приняли меры для облегчения запроса в Национальный центр документации в Суитленде, Мэриленд, и получения всех имеющихся документов, относившихся к моей сорокадневной поездке в Северную Европу, Советский Союз и Чехословакию в 1969–70-х годах. По-видимому, они надеялись кое-то раскопать в связи с беспочвенными слухами о том, что я прибыл в Москву для ведения антивоенной деятельности или пытался обратиться к другой стране с просьбой о предоставлении гражданства, чтобы избежать призыва. 5 октября в печати появились сообщения, что это досье было подделано. История с документами продолжалась целый месяц, и хотя ФБР заявило, что досье подлинное, произошедшее представило предвыборный штаб Буша в невыгодном свете. Высокопоставленный политический представитель Госдепартамента потребовал от Национального центра документации, где содержалось более ста миллионов досье, провести поиск моих документов вне очереди, перед поданными ранее другими двумя тысячами запросов, на обработку которых обычно требуется не один месяц. Этот чиновник, назначенный Бушем, также распорядился, чтобы посольства США в Лондоне и Осло провели «сверхтщательный» поиск документов, чтобы получить информацию о моем призыве и гражданстве. В какой-то момент появились сообщения, что даже велась проверка документов моей матери. Трудно себе представить, что даже отличающиеся самой настоящей паранойей правые могли подумать, что деревенская девушка из Арканзаса, любившая бегать, могла оказаться подрывным элементом.

Позднее выяснилось, что люди Буша обращались к правительству Джона Мейджора с просьбой проверить, чем я занимался в Англии. По сообщениям прессы, консерваторы выполнили его просьбу, хотя и объявили, что их «всесторонние», однако бесплодные проверки документов по иммиграции и натурализации проводились в ответ на запросы из СМИ. Мне известно, что они продолжали эту работу, так как друг Дэвида Эдвардса

рассказал, как британские должностные лица задавали ему вопросы о том, чем я и Дэвид занимались в те далекие дни. Два стратега предвыборных кампаний тори прибыли в Вашингтон, чтобы консультировать предвыборный штаб Буша по вопросу о том, как он может уничтожить меня, аналогично тому, как полгода назад они покончили с лидером лейбористской партии Нилом Кинноком. После выборов британская печать сообщила, что необычная ситуация, когда британские деятели приняли участие в американской политической жизни, нанесла ущерб особым отношениям между нашими двумя странами. Я считал, что никакого ущерба не было, но хотел, чтобы тори некоторое время испытывали беспокойство по этому поводу.

Пресса в полной мере использовала эскападу с досье, и Ал Гор назвал это «злоупотреблением властью в духе маккартизма». Президент, которому никто в этом не мешал, продолжал призывать меня объяснить цель поездки в Москву и выражать сомнения в моем патриотизме. В интервью Лэрри Кингу, передававшемуся по CNN, я заявил, что люблю мою страну и никогда не рассматривал возможность отказа от американского гражданства. Не думаю, что общественность обратила внимание на шумиху вокруг документов, меня же все это даже несколько забавляло. Конечно же, это было злоупотребление властью, но очень незначительное в сравнении с делом «Иран-контрас». Оно показывало, как люди Буша стремятся удержать власть и как мало они могут предложить Америке для ее будущего. Если в течение последнего месяца предвыборной кампании они собирались идти по ложному следу, что ж, для меня это было совсем неплохо.

В дни, предшествовавшие первому раунду дебатов, я активно готовился к ним, прилежно изучал сборник брифингов и участвовал в нескольких совещаниях, во время которых мы моделировали предполагаемую дискуссию. Роль президента Буша исполнял вашингтонский юрист Боб Барнетт, который за четыре года до этого играл ту же самую роль для Дукакиса. Принявшего участие в дебатах Перо изображал Майк Сайнар, конгрессмен от штата Оклахома, повторявший характерные для Росса афоризмы и легко ему дававшиеся меткие замечания. Перед каждым раундом дебатов Боб и Майк изнуряли меня жесткими схватками. После каждой нашей репетиции я был рад, что мне не надо участвовать в дебатах с ними, иначе исход выборов мог бы оказаться совсем иным.

Наконец в воскресенье, 11 октября, в семнадцатую годовщину нашей с Хиллари свадьбы, в Вашингтонском университете в Сент-Луисе состоялся первый раунд дебатов. Я приступил к ним, обнадеженный поддержкой, о которой сообщалось в утренних выпусках газет *Washington Post* и *Louisville Courier-Journal*. В редакционной статье *Washington Post* говорилось: «Наша страна бездействует, она изнурена; она остро нуждается в том, чтобы в нее вдохнули энергию и нашли для нее новое направление развития. Билл Клинтон — единственный кандидат, у которого есть возможность это сделать». Именно этот аргумент я хотел выдвинуть во время дебатов. Хотя по результатам опросов общественного мнения я опережал Буша и в мою поддержку выступила *Washington Post*, я нервничал, так как знал, что могу

потерять больше всех. В ходе нового опроса общественного мнения, проведенного Институтом Гэллага, 44 процента респондентов предрекли мне победу, а 30 процентов ответили, что дебаты могут повлиять на их позицию. Президент Буш и его советники решили, что единственный способ убедить эти 30 процентов изменить свои взгляды — это вдалбливать людям в голову, что у меня якобы существуют проблемы с характером, до тех пор, пока это до них не дойдет. Теперь, вдобавок к обвинениям в уклонении от призыва, намекам о цели моей поездки в Москву и слухам о попытке сменить гражданство президент критиковал меня за участие в антивоенных демонстрациях в Лондоне, якобы направленных «против Соединенных Штатов Америки, в то время как наши парни умирали где-то на другом конце планеты».

Один из трех журналистов, которые, сменяя друг друга, задавали нам вопросы на этих дебатах, которые вел Джим Лерер из *MacNeil/Lehrer NewsHour*, обратился к Россу Перо. Ему отвели две минуты на то, чтобы ответить, чем он отличается от двух других кандидатов. Росс сказал, что его поддерживают люди, а не партии и не особые круги. Мне и Бушу дали на ответ по одной минуте. Я сказал, что олицетворяю перемены, а президент заверил, что у него есть опыт. Затем мы обсудили вопрос об опыте. После этого настала очередь президента Буша, которому задали вопрос: «Какими важными чертами характера вы отличаетесь от этих двух людей?» Он нанес мне удар, вспомнив о призыве. Перо отметил, что Буш совершил ошибки во время своей деятельности в Белом доме, уже будучи зрелым мужчиной, а не молодым студентом. Я сказал, что, когда отец Буша был сенатором Конгресса США от штата Коннектикут, он совершенно справедливо критиковал сенатора Джо Маккарти за нападки на лояльных американцев, что президент ошибается, не считая меня патриотом, и что Америка нуждается в президенте, который будет объединять, а не разъединять страну.

Мы продолжали в том же духе примерно полтора часа, обсудив вопросы о налогах, обороне, дефиците, рабочих местах, изменениях в экономике, внешней политике, борьбе с преступностью. Обменялись мнениями о Боснии, об определении понятия «семья», о легализации марихуаны, расовой разобщенности, СПИДе, программе «Медикэр» и реформе системы здравоохранения.

Все мы выступили довольно неплохо. После этих дебатов представители каждого участника поспешили объяснить прессе, почему победил именно их кандидат. У меня было три прекрасных представителя: Марио Куомо, Джеймс Карвилл и сенатор Билл Брэдли. Один из горячих сторонников президента Буша, Чарли Блэк, предложил журналистам посмотреть новый телевизионный ролик, в котором меня критикуют в связи с проблемой уклонения от призыва. Представители могли повлиять на содержание отчетов о дебатах, однако те, кто смотрел их по телевизору, получали возможность сформировать собственное мнение.

Я полагал, что в целом мои ответы были самыми лучшими, когда это касалось конкретных моментов и аргументов, однако Перо удачнее удалось представить себя как человека грубоватого и простого. Когда Буш заявил, что у Перо нет опыта работы в правительстве, тот ответил: «Президент

прав. У меня действительно нет опыта в создании долга в размере четырех триллионов долларов». У Перо были большие оттопыренные уши, которые еще больше выделялись из-за его короткой стрижки. О дефиците бюджета он сказал, что «нам следует собирать налоги», чтобы его ликвидировать, однако если у кого-то есть идея получше, «я весь обращусь в слух». Я, напротив, держался несколько напряженно, и временами моя подготовленность казалась чрезмерной.

Хорошей новостью было то, что позиции президента не улучшились. Плохой — то, что Перо снова выглядел как человек, заслуживающий доверия. В начале кампании, если опросы общественного мнения показывали, что его рейтинг вырос, Перо поддерживали действительно не принявшие определенного решения избиратели или те, кто был в равной степени готов поддержать как президента, так и меня. Однако я хорошо знал, что, если рейтинг Росса вырастет более чем на 10 процентов, то, скорее всего, за счет тех новых потенциальных избирателей, которые хотят перемен, но которых не вполне устраиваю я. Опросы общественного мнения, проведенные после дебатов, показали, что значительное число тех, кто видел их по телевидению, больше верят в мою способность быть президентом. Они также показали, что более 60 процентов смотревших эти дебаты относятся теперь к Перо более позитивно, чем до их проведения. Теперь, когда до выборов оставалось всего три недели, их исход становился непредсказуемым из-за прихода Росса.

Через два дня, 13 октября, в Атланте состоялись дебаты кандидатов на пост вице-президента. Ал Гор явно выглядел лучше, чем Дэн Куэйл. Кандидат на пост вице-президента, баллотировавшийся вместе с Перо, адмирал в отставке Джеймс Стокдейл, был приятным человеком, однако не влиял на ситуацию, и то, как он выступил, несколько снизило темпы роста поддержки Перо, которых он добился после дебатов в Сент-Луисе. Куэйл не без успеха повторял: «Клинтон хочет повысить налоги, а Буш не хочет; у Клинтона нет характера, а у Буша есть». Затем он вспомнил о моем публичном заявлении, которое теперь можно оценить как одно из худших. В начале 1991 года, после того как Конгресс одобрил решение президента Буша о нанесении удара по Ираку, мне задали вопрос о том, как бы я голосовал по этому вопросу. Я поддержал эту резолюцию, однако ответил: «Думаю, что голосовал бы так же, как и большинство, если бы разница в количестве голосов “за” и “против” была небольшой, однако я согласен с аргументами, выдвинутыми меньшинством». В то время я не думал, что в 1992 году буду баллотироваться на пост президента. Оба сенатора от Арканзаса голосовали против одобрения решения о начале войны. Они были моими друзьями, и я не хотел публично ставить их в неловкое положение. Когда я начал участвовать в президентской кампании, это мое заявление стало выглядеть слабым и неискренним. Стратегия Ала состояла в том, чтобы коротко отвечать на нападки Куэйла и продолжать говорить о наших позитивных планах для Америки. Его лучшим высказыванием стал ответ на предложение Куэйла об ограничении срока пребывания в Конгрессе, что было излюбленной темой консерваторов: «Мы намереваемся его сократить».

Через два дня после этого, 15 октября, в Ричмонде, штат Вирджиния, состоялся второй раунд дебатов. Я очень хотел участвовать именно в этом раунде, проходившем в городском муниципалитете, где нам должна была задавать вопросы репрезентативная группа местных избирателей, не принявших пока определенного решения, за кого голосовать.

На этот раз меня больше всего беспокоил мой голос. Он был в таком плохом состоянии перед первыми дебатами, что звучал лишь чуть громче шепота. Когда я потерял голос во время предварительных выборов, то проконсультировался у специалистов в Нью-Йорке и нашел себе инструктора, который научил меня нескольким упражнениям, помогающим «открывать» горло и «проталкивать» звук. Среди них было мычание, пение пар гласных, всегда начиная с «е», например е-и, е-о, е-а, и повторение некоторых фраз, чтобы почувствовать, как звук проходит через поврежденные голосовые связки. Моей любимой фразой стала следующая: «Авраам Линкольн был великим оратором». Когда я произносил ее, то думал о высоком, почти скрипучем голосе Линкольна и о том, что, по меньшей мере, он был достаточно умен, чтобы не терять его. Когда я не мог говорить, многие молодые сотрудники предвыборной кампании добродушно посмеивались надо мной, повторяя упражнения с мычанием. Это было забавно, чего нельзя сказать о потере голоса. Без него политик не очень-то многого стоит. Если часто теряешь голос, это пугает, потому что в глубине души всегда таится страх, что не обретишь его вновь. Когда это случилось впервые, я думал, что причина в моей аллергии, но затем узнал, что дело в регургитации кислоты, сравнительно распространенном явлении, когда желудочный сок поднимается в пищевод и обжигает голосовые связки. Обычно это происходит во время сна. Впоследствии, когда я начал принимать лекарства и спать со специальной подставкой, чтобы голова и плечи были приподняты, мне стало лучше. Накануне второго раунда дебатов я все еще старался восстановить голос.

Вела эти дебаты, в ходе которых вопросы задавала аудитория, Кэрол Симпсон из ABC News. Первый вопрос, о том, как обеспечить справедливые условия торговли, был обращен к Россу Перо, который ответил, что он против свободы торговли. Президент подтвердил свою приверженность принципу свободы торговли. Я сказал, что выступаю за свободную и честную торговлю и что нам нужно сделать три вещи: добиться, чтобы рынки наших торговых партнеров были такими же открытыми, как и наши; изменить налоговый кодекс таким образом, чтобы он способствовал модернизации предприятий на родине, а не переводу их за границу; прекратить предоставлять займы под низкие проценты и средства на профессиональную подготовку фирмам, которые передислоцируются в другие страны, в то время как мы не можем позволить себе оказывать такую же помощь нуждающимся компаниям в своей стране.

После рассмотрения вопроса торговли мы перешли к обсуждению дефицита бюджета, а затем к ведению негативной кампании. Буш снова критиковал меня за участие в демонстрациях против войны во Вьетнаме, проходивших в Англии. Я ответил: «Меня не интересует его характер. Я хочу изменить характер президентства. Меня интересует то, что мы можем

доверить сделать ему, то, что вы можете доверить сделать мне, и то, что вы можете доверить сделать мистеру Перо в следующие четыре года».

После этого мы обсудили ряд вопросов — о городах, шоссе, контроле над оружием, ограничении срока полномочий членов Конгресса и расходах на здравоохранение. Затем был задан вопрос, полностью изменивший ход дебатов. Одна женщина спросила: «Как государственный долг влияет на жизнь лично каждого из вас? Если на вашем положении он не сказывается, как вы можете найти способ решения экономических проблем простых людей, раз сами не чувствуете того, что негативно отражается на них?» Первым ответил Перо, заявивший, что из-за долга «внес беспорядок в свою личную жизнь и бизнес, занявшись этой деятельностью». Он сказал, что хочет снять бремя долга с плеч своих детей и внуков. Бушу было непросто убедить аудиторию в том, что государственный долг отразился и на его личном состоянии. Женщина, задавшая вопрос, продолжала спрашивать его, а также рассказала, что у нее есть друзья, которые были уволены с работы и не смогли вносить платежи по ипотечному кредиту и за машину. Затем Буш неожиданно заявил, что посещал церковь для чернокожих и читал в бюллетене о случаях подростковой беременности. В конце концов он сказал: «Нельзя говорить, что если у вас самого нет такой проблемы, то вы не можете в ней разобраться». Когда пришла моя очередь, я сказал, что уже двенадцать лет занимаю пост губернатора небольшого штата и знаю фамилии людей, которые лишились работы и своих предприятий. За прошлый год по всей стране их стало еще больше. Я руководил работой правительства штата и видел, к каким последствиям приводило сокращение федеральных служб. Затем сказал женщине, задавшей этот вопрос, что государственный долг — серьезная проблема, однако это не единственная причина отсутствия у нас экономического роста: «Мы оказались в плену неверной экономической теории». В какой-то момент во время этих диалогов президент Буш ухудшил свое и без того не слишком выгодное положение, нервно поглядев на часы, чем вызвал еще большее недовольство аудитории. Хотя затем мы перешли к обсуждению других проблем, в частности социального обеспечения, пенсий, программы «Медикэр», ответственности Америки как сверхдержавы, образования и возможности избрания на пост президента афроамериканца или женщины, дебаты по существу были закончены после того, как мы ответили на вопрос о том, как государственный долг влияет на нас лично.

Президент Буш успешно выступил с финальным заявлением, попросив аудиторию подумать, кого бы им хотелось иметь на посту президента в случае, если нашей стране будет грозить серьезный кризис. Перо говорил об образовании, дефиците и удачно упомянул тот факт, что заплатил более миллиарда долларов налогов; и «для парня, все имущество которого раньше умещалось в багажнике машины, это неплохо». Я начал с заявления о том, что старался отвечать на вопросы «конкретно и по существу». Рассказал о программах штата Арканзас в области образования и создания рабочих мест и о поддержке, которую оказали мне двадцать четыре генерала и адмирала в отставке и несколько предпринимателей-республиканцев.

Затем я сказал: «Вы должны решить, хотите вы перемен или нет», — и призвал слушателей помочь мне изменить экономику «просачивающегося богатства» на экономику «инвестирования и экономического роста».

Мне понравился второй раунд дебатов. Настоящие избиратели, какие бы сомнения по поводу моей кандидатуры их не одолевали, больше всего хотели знать о тех проблемах, которые отражаются на их жизни. Опрос общественного мнения с участием 1145 избирателей, проведенный информационной службой телекомпании CBS после дебатов, показал, что 53 процента из них считают, что победил я, в сравнении с 25 процентами, думающими, что выиграл Буш, и 21 процентом, полагающим, что лучшим был Перо. Пять консультантов по дебатам, у которых взяли интервью корреспонденты агентства Associated Press, заявили: победу одержал я, исходя из стиля, конкретных ответов и того, что явно чувствовал себя комфортно в том формате, в котором работал в течение всей предвыборной кампании и задолго до этого в штате Арканзас. Мне нравился прямой контакт с гражданами, и я доверял их непредвзятому мнению.

Когда мы перешли к третьему раунду дебатов, опрос, проведенный CNN/USA Today, показал, что мое преимущество вновь составило 15 процентов: меня поддержали 47 процентов респондентов по сравнению с 32 процентами, одобрявшими программу Буша, и 15 процентами, оказавшими поддержку Перо.

Мы с Хиллари вместе с нашей командой прибыли в Ипсиланти за день до начала дебатов, чтобы подготовиться к их последнему раунду, который должен был состояться в студенческом городке Университета штата Мичиган в Ист-Лансинге. Перед третьим раундом, как и перед двумя предыдущими, Боб Барнетт и Майк Сайнар как следует меня «прощупали». Я знал, что он будет для меня самым трудным. Президент Буш был решительным, гордым человеком, который, в конечном счете, вел жесткую борьбу за то, чтобы сохранить свой пост. Я знал, что рано или поздно Перо тоже начнет меня критиковать.

Более чем девяносто миллионов людей смотрели по телевизору последний раунд дебатов, состоявшийся 19 октября, и это была самая большая аудитория, которую мы когда-либо собирали. В течение первой половины отведенного времени нам задавал вопросы Джим Лерер, а второй — группа журналистов. Это было лучшее выступление президента Буша. Он обвинил меня в том, что я либерал, выступающий за повышение налогов и расходование средств, своего рода клон Джимми Картера, неуверенный в себе человек, который не может прийти к определенному мнению. По этому поводу я ему удачно ответил: «Не могу поверить: неужели он обвинил меня в том, что я рассматриваю две стороны вопроса? Буш сказал: “Экономика просачивающегося богатства — это магическая экономика”, и сейчас он самый большой специалист по практическому претворению в жизнь этой идеи». Когда президент стал критиковать экономику Арканзаса, я ответил, что наш штат всегда был бедным, однако за последний год мы перешли на первое место по темпам создания новых рабочих мест, на четвертое — по процентному увеличению числа рабочих мест в обрабаты-

вающей промышленности и личных доходов и по уменьшению бедности, причем наши налоги, как штата, так и местные, находятся на втором месте среди самых низких в стране. «Разница между штатом Арканзас и США в целом состоит в том, что мы движемся в правильном направлении, а страна — в неправильном». Я сказал, что вместо того, чтобы извиняться за подписание программы сокращения дефицита, предусматривающей увеличение налога на бензин, президенту следовало бы признать, что главной его ошибкой с самого начала было заявление: «Слушайте меня внимательно». Перо бросил вызов нам обоим, заявив, что вырос в пяти кварталах от Арканзаса и уверен: мой опыт как губернатора такого небольшого штата «недостаточен» для того, чтобы принимать решения на уровне президента. Буша он обвинил в том, что тот сказал Саддаму Хусейну: «США не отреагируют, если вы вторгнетесь в северный Кувейт». Мы оба нанесли ему ответные удары.

Во второй половине дебатов к нам обратилась с вопросами группа журналистов. В целом вопросы оказались более структурированными и задавались менее раздраженным тоном, что немного напоминало первый раунд, однако некоторые из них были явно рассчитаны на то, чтобы произвести впечатление на телеаудиторию. Высокопоставленный корреспондент Белого дома Хелен Томас из United Press International спросила меня: «Если бы у вас появилась возможность пережить все это заново, надели бы вы форму вооруженных сил страны?» Я сказал, что мог бы отвечать на вопросы о призыве лучше, однако по-прежнему считаю войну во Вьетнаме ошибкой. Затем я отметил, что у нас были очень хорошие президенты, которые не были ветеранами, включая Франклина Делано Рузвельта, Вильсона и Линкольна, выступавшего против войны с Мексикой. Я сказал им, что заявление Буша во время первого раунда дебатов о его намерении сделать Джеймса Бейкера ответственным за экономическую политику стало большой новостью, однако я намерен в качестве еще более важной новости сообщить, что сам буду руководить экономической политикой. Буш в ответ произнес удачную фразу: «Именно это меня и беспокоит».

Все мы закончили дебаты удачными итоговыми заявлениями. Я поблагодарил людей за то, что они следили за нашей дискуссией и за то, что им не безразлична судьба страны, и вновь подчеркнул, что не стремлюсь нападать на кого-то лично. Я дал высокую оценку тому, как Росс Перо ведет свою кампанию и привлекает внимание к проблеме бюджетного дефицита. О президенте Буше я сказал: «Я ценю его служение стране, отдаю должное его усилиям и желаю ему всего самого лучшего. Но мне кажется, что сейчас настало время перемен... Я знаю, что мы можем добиться большего».

Трудно сказать, кто одержал победу в третьем раунде дебатов. Я успешно защищал Арканзас и то, что было мною сделано, а также удачно выступил при обсуждении проблем, однако, возможно, смягчил слишком многие свои ответы. Я видел достаточно президентов, вынужденных менять курс, и не желал впоследствии быть связанным однозначными заявлениями на дебатах. Президент Буш, хоть и оказался прижатым к стене, выступил в целом удачно, если не считать его нападки на то, что было сделано мною

в Арканзасе; этот прием мог сработать только в оплаченном ролике, когда нельзя дать отпор и избиратели лишены возможности услышать о реальных фактах. Он лучше отвечал на вопрос, каким президентом я мог бы стать, стараясь создать представление о слабости демократов во внешней политике и об их стремлении к повышению налогов. Буш напомнил, что, когда на пост президента в последний раз был избран губернатор южного штата, к тому же демократ, за этим последовал период высоких процентных ставок и высокой инфляции. Перо был остроумен и держался очень свободно, что, я думаю, могло подбодрить его сторонников и, возможно, привлечь некоторых избирателей, еще не принявших окончательного решения. Три опроса общественного мнения, проведенные после дебатов, показали, что победу на них одержал я, и лишь опрос, проведенный CNN/USA Today, назвал победителем Перо; 12 процентов избирателей после дебатов изменили свои предпочтения, причем более половины из них перешли на сторону Росса.

Тем не менее в целом эти дебаты прошли для меня успешно. Увеличилось число американцев, пришедших к выводу, что я могу стать хорошим президентом, а компромиссная позиция в отношении ряда проблем дала мне возможность добиваться принятия моих позитивных предложений. Мне было жаль, что эти дебаты не продолжатся еще две недели. Но мы уже выходили на финишную прямую и лихорадочно стремились объехать как можно больше штатов, причем радио и телевидение постоянно передавали ролики негативного содержания, подготовленные моими оппонентами, и акцентировали внимание на моем выпаде против Буша, когда я привлек внимание к его самому знаменитому заявлению: «Слушайте меня внимательно». Фрэнк Грир и Мэнди Грюнвальд хорошо поработали, сняв удачные видеосюжеты, и наша команда быстрого реагирования находила эффективный ответ на ролики оппонентов, однако это было не то же самое, что отвечать на их выпады, находясь с ними в одной комнате. Сейчас они обрушились на меня, и я должен был держаться.

Двадцать первого октября произошло комичное событие, несколько разрядившее атмосферу кампании, когда Burke Peerage, наиболее авторитетная организация Англии по вопросам генеалогии, заявила, что мы с президентом Бушем являемся потомками английской королевской семьи XIII века и находимся в отдаленном родстве, по меньшей мере, в двадцатом колене. Наш общий предок — король Иоанн Безземельный. Буш — потомок сына короля Иоанна, короля Генриха III, т.е. тринадцатипородный брат королевы Елизаветы. Мои связи с королевской семьей были менее впечатляющими и компенсировались столь же сильными демократическими узами. Мои предки, Блайты, были потомками сестры Генриха III Элеоноры, и ее мужа Симона де Монфора, графа Лестерского, который нанес королю поражение в бою и вынудил его согласиться на самый представительный для того времени парламент. К сожалению, в 1263 году король нарушил свою клятву чтить парламент, что привело к битве при Ившеме, в которой бедный Симон погиб. Представитель Burke Peerage подчеркнул, что тело Симона «разрубили на множество кусочков, которые были разосланы по

всей стране (например, палец — в деревню, ступня — в город), чтобы показать, какой конец ожидает демократов». Теперь, когда я знал, что корни моих разногласий с президентом имеют семисотлетнюю историю, думаю, мне не стоило винить его предвыборный штаб за то, что Буш верен тактике своих предков. *Burke's Peerage* также проследила историю семьи Блайтов до деревни Готэм, которая, согласно английской легенде, служила прибежищем для сумасшедших. Я знал, что мог принять решение баллотироваться на пост президента, лишь будучи слегка не в себе, но мне не хотелось думать, что это нечто наследственное.

Двадцать третьего октября нашей кампании снова оказал помощь сектор высоких технологий, когда меня поддержали руководители более чем тридцати фирм по производству компьютерных программ, включая исполнительного вице-президента компании Microsoft Стива Боллмера. Однако этим дело не кончилось. Через неделю после заключительного раунда дебатов опрос общественного мнения, проведенный *CNN/USA Today*, показал, что мое преимущество перед президентом Бушем уменьшилось до семи пунктов, т.е. составило 39 процентов к 32 процентам, причем рейтинг Перо составлял 20 процентов. Как я и опасался, рекламные ролики последнего в сочетании с нападками президента Буша привели к тому, что многие избиратели, ранее поддерживавшие меня, стали отдавать предпочтение Перо. 26 октября, когда мы с Алом Гором вели кампанию в Северной Каролине, я попытался сохранить свое преимущество, подвергнув критике администрацию президента Буша по вопросу «Иракгейта», т.е. предоставления Ираку поддержанных правительством США кредитов через отделение одного из банков, который находился в Атланте и принадлежал итальянскому правительству. Эти кредиты, якобы предназначенные для развития сельского хозяйства, оказались в руках Саддама Хусейна и позволили ему восстановить свои вооруженные силы и перестроить программу вооружений после ирано-иракской войны. Кредиты в размере двух миллиардов долларов так и не были возвращены, и американские налогоплательщики не добились оплаты этого счета. Банкир в Атланте, которому было предъявлено обвинение в участии в этом мошенничестве, после переговоров о признании вины заключил «полюбовную» сделку с американской прокуратурой, возглавляемой, во что трудно поверить, одним из назначенцев Буша, незадолго до этого представлявшим интересы Ирака в некрасивой истории с кредитами, хотя он и заявил, что отказался от участия в расследовании. К тому моменту, когда мы с Алом начали говорить об этом, ФБР, ЦРУ и Министерство юстиции вели расследования в отношении друг друга, выясняя, что каждая из сторон предприняла или не предприняла в связи с этим делом. Создалась настоящая неразбериха, однако ситуация, вероятно, оказалась слишком сложной, чтобы повлиять на позицию избирателей на этом этапе предвыборной кампании, когда до выборов осталось так мало времени.

Перо по-прежнему был «темной лошадкой». Статья, распространенная агентством *Reuter* 29 октября, начиналась так: «Если Джордж Буш вновь добьется избрания на пост президента, ему придется благодарить за это склонного к жестким высказываниям техасского миллиардера, которому он

не нравится». Далее в статье говорилось, что эти дебаты изменили представление избирателей о Перо, позволив ему вдвое увеличить свою поддержку (преимущественно за мой счет) и лишив меня прежней монополии на позицию поборника «перемен». В тот день, согласно опросу, проведенному CNN/USA Today, мое преимущество уменьшилось до двух пунктов, хотя пять других опросов, в том числе проведенный для нашей предвыборной кампании Стэном Гринбергом, показали, что мое преимущество составляет от семи до десяти пунктов. Каким бы ни был этот отрыв на самом деле, ситуация в предвыборной борьбе все еще представлялась очень неустойчивой.

В последнюю неделю кампании я работал изо всех сил. То же самое делал и президент Буш. На предвыборном митинге, состоявшемся в четверг в одном из пригородов в штате Мичиган, он назвал меня и Ала Гора «бозо», сравнив нас, таким образом, с клоуном Бозо, для которого это сравнение, было, вероятно, еще более нелестным, чем для нас. В пятницу перед выборами специальный прокурор по делу «Иран-контрас», республиканец Лоуренс Уолш из штата Оклахома, предъявил обвинения министру обороны в администрации президента Рейгана Каспару Уайнбергеру и пяти другим лицам, причем в обвинительном акте содержалось примечание, на основе которого можно было заключить, что президент Буш сыграл в незаконных поставках оружия Ирану, санкционированных Белым домом Рейгана, гораздо более активную роль и был осведомлен о них в гораздо большей мере, чем признавал ранее. Я не знал, повредит это ему или нет, потому что был слишком занят, чтобы думать об этом. В выборе времени для этого обвинения виделась ирония судьбы, учитывая, как усиленно администрация копалась в моих документах и как она старалась (о чем мы в то время не знали) убедить федерального прокурора в Арканзасе, назначенца Буша, распространить на меня расследование обстоятельств банкротства Madison Guaranty Savings and Loan.

В последний перед выборами уикенд Буш натравил на меня все средства массовой информации, которые он финансировал, а Перо, полагая, что 30 процентов моих сторонников «колеблются» и могут в последнюю минуту перейти на его сторону, в конечном счете присоединился — и весьма активно — к этим действиям. Он, как сообщают, израсходовал три миллиона долларов на тридцатиминутные телевизионные «информсериалы», в которых в пух и прах разносил Арканзас. Перо заявил, что, если меня изберут, «мы все будем зарабатывать на жизнь, ошпыливая кур». В этой программе были перечислены двадцать три сферы, в которых Арканзас занимает одно из последних мест по сравнению со всеми другими штатами. По-видимому, Перо больше не считал, что Арканзас не имеет значения. В нашей команде шел жаркий спор по поводу того, стоит ли ему отвечать. Хиллари хотела, чтобы мы выступили с критикой Перо; я считал, что мы, по крайней мере, должны защитить Арканзас. Мы многого добились благодаря тому, что никогда не допускали, чтобы хотя бы одно обвинение осталось без ответа. Все остальные считали, что эти нападки слишком незначительны и появились слишком поздно и что нам следует придержи-

ваться нашего плана действий. Я неохотно согласился. Моя команда до сих пор всегда занимала правильные позиции по важным вопросам, а я слишком устал и был слишком взвинчен, чтобы доверять своей точке зрения больше, чем их отношению к происходящему.

Я начал этот уикенд с утреннего митинга, участники которого заполнили футбольный стадион средней школы в Декатуре, штат Джорджия, неподалеку от Атланты. Там присутствовали губернатор Зелл Миллер, сенатор Сэм Нанн, конгрессмен Джон Льюис и другие демократы, поддерживавшие меня все это время. Однако гвоздем программы был Хэнк Аарон, звезда бейсбола, который в 1974 году превзошел рекорд Бейба Рута по числу хоум-ранов. Аарон был настоящим местным героем благодаря не только подвигам в бейсболе, но также работе по оказанию помощи бедным детям, которой он стал заниматься после того, как отложил в сторону свою битву. На этом митинге в Джорджии присутствовало двадцать пять тысяч человек. Через три дня после этого я одержал победу в Джорджии, набрав всего тринадцать тысяч голосов. С тех пор Хэнк Аарон стал смеиваться надо мной, говоря, что он лично завоевал для меня голоса избирателей Джорджии, сделал мне рекламу в то субботнее утро. Возможно, он был прав.

После Джорджии я вел кампанию в Давенпорте, штат Айова, затем вылетел в Милуоки, где прошла моя последняя транслировавшаяся по телевидению встреча в муниципалитете, на которой я выступил с заключительным телеобращением, призвав людей голосовать за перемены. В воскресенье вечером после остановок в Цинциннати и Скрантоне, родном городе Родэмов, мы вылетели в штат Нью-Джерси на большой митинг в Мидоулэндс, где должна была состояться музыкальная феерия с участием рок-музыкантов, звезд джаза, исполнителей в стиле кантри и кинозвезд, которые меня поддерживали. Затем я играл на саксофоне и танцевал с Хиллари перед пятнадцатью тысячами собравшихся на ипподроме в Гарден-Стейт-Парк в Черри-Хилле, штат Нью-Джерси, где лошадь по имени Бабба Клинтон — так называл меня мой брат, когда был еще совсем малышом, — недавно победила в заезде при ставках семнадцать к одному. Сейчас мои шансы были лучше, однако и дистанция гораздо длиннее. Один человек, поставивший на меня в апреле сто фунтов лондонскому букмекеру, когда ставки были тридцать три к одному, получил около пяти тысяч долларов. Нечего и говорить, сколько бы он получил, если бы сделал эту ставку в начале февраля, когда на меня сыпались удары в штате Нью-Хэмпшир.

Утро понедельника мы с Хиллари встретили в Филадельфии, на родине американской демократии. Это была первая остановка в нашей предвыборной поездке по восьми штатам протяженностью четыре тысячи миль, которая длилась двадцать четыре часа в сутки. В то время как Ал и Типпер Гор вели кампанию в других штатах, где шло противоборство, три «Боинга-727», покрашенные в красный, белый и голубой цвета, взяли на борт Хиллари, меня, наших сотрудников и огромное число журналистов в двадцатидевятичасовое путешествие. Когда в Мейфейр-Дайнер в Филадельфии, где мы сделали первую остановку, один человек спросил, что я сделаю в первую очередь в случае моего избрания, я ответил: «Поблагодарю Бога».

Потом мы отправились в Кливленд. Поскольку голос снова стал меня подводить, я сказал: «Тедди Рузвельт однажды заявил, что нам следует говорить тихо, однако держать в руках большую палку. Завтра я хочу говорить тихо и победить в Огайо». На организованном в одном из аэропортов в окрестностях Детройта митинге, во время которого рядом со мной стояло несколько выборных должностных лиц штата Мичиган и профсоюзных лидеров, очень активно работавших в ходе кампании, я прохрипел: «Если завтра вы будете моим голосом, я буду вашим голосом в течение четырех лет». После остановок в Сент-Луисе и Падуке, штат Кентукки, мы вылетели в Техас для участия в двух мероприятиях. Первое состоялось в Макалене, далеко на юге Техаса, вблизи границы с Мексикой, где двадцать лет назад мы с Сарджентом Шрайвером оказались без денег и в очень затруднительном положении. До Форт-Уорта, где собравшихся людей развлекал знаменитый исполнитель рок-музыки и музыки в стиле кантри Джерри Джефф Уокер, мы добрались после полуночи. Вернувшись в самолет, я узнал, что мои сотрудники купили в отеле «Менгер» в Сан-Антонио, находящемся через улицу от Аламо, мангового мороженого на четыреста долларов. Все они слышали мои слова о том, как я его люблю, — я обнаружил это, работая в 1972 году в предвыборном штабе Макговерна. Мороженого оказалось достаточно, чтобы всю ночь кормить усталых пассажиров трех полных самолетов.

Тем временем в нашей штаб-квартире в Литл-Роке Джеймс Карвилл собрал моих сотрудников, которых было больше ста, на последнее совещание. После того как Джордж Стефанопулос представил его, Джеймс выступил с эмоциональной речью, заявив, что любовь и работа — два самых ценных дара, которые может получить человек, и поблагодарил всех сотрудников, в основном очень молодых, за эти подарки.

Мы вылетели из Техаса в Альбукерк, штат Нью-Мексико, на митинг, начинавшийся очень ранним утром, с моим старым другом, губернатором Брюсом Кингом. Около четырех часов утра я позавтракал мексиканскими блюдами, а затем направился в Денвер, где мы сделали последнюю остановку. Несмотря на ранний час, собралась огромная толпа, встретившая нас с энтузиазмом. После того как мэр Уэллингтон Уэбб, сенатор Тим Уирт и мой партнер по реформе образования губернатор Рэй Ромер немного ее «завели», с речью выступила Хиллари, и я с трудом, хриплым голосом произнес последние в ходе этой кампании слова благодарности и надежды, потому что у меня снова были не в порядке голосовые связки. Затем мы вернулись домой, в Литл-Рок.

В аэропорту нас с Хиллари встречали Челси, другие члены семьи, друзья и сотрудники нашей штаб-квартиры. Я поблагодарил их за все, что они для нас сделали, а затем отправился вместе со своей семьей на наш избирательный участок в Общинный центр Данбар, расположенный в квартале, где живут преимущественно афроамериканцы, и находящийся на расстоянии меньше мили от резиденции губернатора. Мы поговорили с людьми, собравшимися около центра, и расписались в бумагах, которые подали нам сотрудники избирательной комиссии. Затем Челси вместе со мной вошла

в кабину для голосования, что она делала всегда, начиная с шестилетнего возраста. Когда я задернул занавеску, Челси отметила в списке мою фамилию и крепко меня обняла. После тринадцати месяцев огромных усилий это было все, что нам оставалось сделать. Когда проголосовала Хиллари, мы втроем, обнявшись, вышли на улицу, ответили на вопросы некоторых журналистов, пожали руки нескольким людям и отправились домой.

Для меня дни выборов всегда были олицетворением великой тайны демократии, как бы активно специалисты по опросам общественного мнения и ученые мужи ни старались ее развенчать. Это единственный день, когда простой гражданин получает такую же большую власть, как миллионер или президент. Одни люди используют ее, другие — нет. Те, кто приходит голосовать, выбирают кандидатов, руководствуясь самыми разными соображениями: порой полагаются на рассудок или интуицию, а порой твердо знают, чего хотят, или, наоборот, относятся к происходящему с некоторой долей скепсиса. Так или иначе, они обычно выбирают именно того лидера, который отвечает потребностям времени. Вот почему Америка все еще существует и на протяжении 228 лет добивается успехов.

Я решил участвовать в этой борьбе в значительной степени потому, что считал: именно я подхожу для этого времени драматических перемен в том, как американцы живут, работают, воспитывают детей и общаются с остальным миром. Многие годы я старался осознать, как решения политических лидеров влияют на жизнь людей. Мне казалось, я понял, что и как нужно делать. Я также знал, что прошу американский народ пойти на большой риск. Во-первых, люди не привыкли к президентам-демократам. Во-вторых, они испытывали сомнения по поводу моей кандидатуры: я был очень молод; занимал пост губернатора штата, о котором большинство американцев мало что знали; выступал против войны во Вьетнаме и уклонился от призыва на военную службу; придерживался либеральных взглядов на расовую проблему и проблему прав женщин и гомосексуалистов; мои высказывания часто выглядели непродуманными, особенно когда я говорил о необходимости достижения честолюбивых целей, которые, по крайней мере на поверхностный взгляд, казались взаимоисключающими; а кроме того, моя жизнь была далеко не безупречной.

Я изо всех сил старался убедить американский народ, что меня стоит выбрать, однако постоянное изменение результатов опросов общественного мнения и восстановление Россом Перо своих позиций показали: многие избиратели хотели мне верить, но у них еще оставались сомнения. С трибун предвыборных митингов Ал Гор просил людей подумать о том, какой заголовком они хотели бы прочесть в газетах после выборов: «Еще четыре года» или «Грядут перемены». Мне казалось, я знал, каким будет их ответ, однако в этот долгий ноябрьский день, как и все остальные, должен был подождать, чтобы убедиться в правильности своего предположения.

Вернувшись домой, мы втроем посмотрели старый фильм, снятый по произведению Джона Уэйна, и несколько часов подремали. Во второй

половине дня я вместе с Челси отправился на пробежку в центр города и остановился у закусочной «Макдоналдс», чтобы выпить стакан воды, что я столько раз делал раньше. После того как я вернулся в резиденцию губернатора, мне не пришлось особенно долго ждать. Результаты начали поступать рано, примерно с 6:30 вечера. Я еще не успел переодеться после пробежки, когда меня назвали победителем в нескольких штатах на востоке страны. Через три с небольшим часа телекомпании сообщили предварительные результаты, согласно которым я одержал победу в целом по стране, после того как нас поддержал штат Огайо, где я получил преимущество в 90 тысяч голосов при общем их количестве 5 миллионов. В этом штате я победил с перевесом менее чем в 2 процента. Похоже, это отражало реальную ситуацию, поскольку Огайо был одним из штатов, обеспечивавших выдвижение моей кандидатуры на пост президента на предварительных выборах 2 июня. Кроме того, его избиратели предложили выдвинуть меня кандидатом на нашем съезде в Нью-Йорке. Активность людей была очень высокой — наиболее высокой с начала 1960-х годов. Всего проголосовало более 100 миллионов человек.

Когда все 104 600 366 бюллетеней были обработаны, выяснилось, что, согласно окончательным результатам, я победил с перевесом в 5,5 процента. Я пришел к финишу, получив 43 процента голосов по сравнению с 37,4 процента, набранными президентом Бушем, и 19 процентами, отданными Россу Перо. Это было лучшим результатом для третьего кандидата с тех пор, как в 1912 году Тедди Рузвельт вместе со своей Прогрессивной партией получил 27 процентов голосов. Мы с моим кандидатом на пост вице-президента как представители послевоенного поколения беби-бума добились наибольшей поддержки среди людей в возрасте старше шестидесяти пяти и моложе тридцати лет. Наше поколение, по-видимому, больше сомневалось в том, готовы ли мы к руководству страной. Предпринятые командами Буша и Перо в конце предвыборной кампании нападки на Арканзас за несколько дней до выборов уменьшили наши высокие результаты на два-три пункта. Факт неприятный, но мы не видели в нем ничего трагичного.

В пересчете на голоса выборщиков наше преимущество было более значительным. Президент Буш победил в восемнадцати штатах, получив 168 голосов выборщиков; за меня проголосовали 370 выборщиков из тридцати двух штатов и округа Колумбия, включая все штаты, граничащие с рекой Миссисипи, с севера на юг, кроме штата Миссисипи, и все штаты Новой Англии и Средней Атлантики. Я также одержал победу в тех штатах, где это казалось маловероятным, например в Джорджии, Монтане, Неваде и Колорадо. В одиннадцати штатах я победил с преимуществом в 3 или менее процентов; Аризона, Флорида, Вирджиния и Северная Каролина проголосовали за президента Буша. Кроме того, я получил небольшой перевес в Огайо, Джорджии, Монтане, Неваде, Нью-Хэмпшире, Род-Айленде и Нью-Джерси. В Арканзасе за меня отдали голоса 53 процента избирателей, что было самым высоким показателем по всей стране, а в двенадцати других штатах, включая некоторые крупные — Калифорнию, Иллинойс, Массачусетс и Нью-Йорк, — я победил с преимуществом в 10 или более процентов.

Хотя Перо помешал мне получить большинство голосов избирателей, но в то же время сам факт включения его фамилии в бюллетени почти наверняка увеличил мой перевес при голосовании коллегии выборщиков.

Почему американцы выбрали президента, принадлежавшего к поколению беби-бума, одного из трех самых молодых в истории США, губернатора небольшого штата? Опросы общественного мнения, проведенные среди проголосовавших избирателей, покидавших участки, показали, что важнейшей для них была проблема экономики, затем следовали дефицит бюджета и здравоохранение, а вопрос о моем характере занимал одно из последних мест. В конечном счете, я победил в споре о том, что именно отражают выборы. Во время президентской кампании это гораздо важнее, чем ответ на вопрос, согласны ли избиратели с позицией кандидата по конкретным проблемам. Однако я одержал победу не только благодаря своей позиции по вопросам экономики. Мне также помогли Джеймс Карвилл и замечательная команда сотрудников, проводивших мою предвыборную кампанию, благодаря которым и я, и все остальные постоянно работали на достижение нашей цели и, проходя через взлеты и падения, делали все необходимое; опросы, проводимые Стэном Гринбергом и предоставлявшие нам очень ценные сведения; средства массовой информации, оплачивавшиеся Фрэнком Гриром; талантливые люди, возглавлявшие кампанию на низовом уровне; демократическая партия, объединенная профессионализмом и волей к победе Рона Брауна, не ослабевшей за десять лет, на протяжении которых нам не удавалось прийти к власти; исключительно активная поддержка меньшинств и женщин, способствовавших избранию в Конгресс шести женщин-сенаторов и сорока семи женщин — членов Палаты представителей, в то время как прежде женщин-конгрессменов было всего двадцать восемь. Мне также помогли отсутствие единства в рядах республиканцев и их чрезмерная уверенность в своих силах на начальном этапе; удивительно позитивные отзывы прессы во время всеобщих выборов, что было разительным контрастом по сравнению с ситуацией при проведении предварительных выборов; успешные действия Ала и Типпер Гор во время предвыборной кампании и то, что мы все олицетворяли смену поколений; философия «новых демократов» и идеи, которые сформировались у меня на посту губернатора Арканзаса, а также моя работа в Совете руководства демократической партии. И, наконец, я смог одержать победу, потому что вместе со мной под огнем были Хиллари и мои друзья, и потому, что я не сдавался, когда по мне наносились сильнейшие удары.

Вечером в день выборов мне позвонил президент Буш, чтобы принести свои поздравления. Он вел себя благородно и вместе с Дэном Куэйлом сделал все возможное для того, чтобы переходный период прошел максимально успешно. Я в последний раз пробежал глазами свое выступление по случаю победы, а потом мы с Хиллари произнесли молитву, поблагодарив Бога за нашу удачу и попросив божественного руководства в предстоящей работе. Затем мы, захватив Челси, поехали к зданию Законодательного собрания штата, где должно было состояться великое событие.

Старый Капитолий был моим любимым зданием в Арканзасе, в нем очень многое напоминало об истории моего штата и о моей собственной судьбе. Это было место, где шестнадцать лет назад я принимал тех, кто пришел пожелать мне удачи после приведения к присяге в качестве генерального прокурора, и где тринадцать месяцев назад я объявил о намерении баллотироваться на пост президента. Мы вышли на сцену, чтобы приветствовать Ала, Типпер и тысячи людей, заполнивших улицы в центре города. Я испытал потрясение, когда увидел лица всех этих людей, освещенные радостью и надеждой. Я был преисполнен благодарности. Мне доставили удовольствие слезы радости на лице моей матери, и я надеялся, что отец с гордостью смотрит на меня с небес.

Начиная эту поразительную одиссею, я не мог себе представить, насколько трудной и в то же время прекрасной она окажется. Люди, из которых состояла эта толпа, и миллионы таких же людей, как они, сделали свой выбор. Теперь я должен был доказать, что он был правильным. Я начал со слов: «В этот день весь американский народ с большой надеждой и отвагой в сердце проголосовал за то, чтобы начать все сначала». Я попросил всех, кто отдал предпочтение президенту Бушу и Россу Перо, поддержать мое стремление «воссоздать Соединенные Штаты», а закончил речь следующими словами:

Это была не просто победа партии, это была победа тех, кто много работает и соблюдает законы, победа людей, которые чувствуют себя обойденными и обделенными и хотят жить лучше... Сегодня вечером я принимаю на себя ответственность, которую вы возложили на меня как на руководителя величайшей страны в истории человечества, и делаю это с радостью и от всего сердца. Однако я прошу вас всегда быть американцами, стремящимися не только получать, но и отдавать; не только возлагать вину на других, но и принимать на себя ответственность; заботиться не только о себе, но и о других... Все вместе мы сможем сделать нашу страну, которую мы любим, такой, какой она была задумана.

На следующий день после выборов, когда ко мне поступали многочисленные звонки, телеграммы и письма с поздравлениями, я приступил к работе в переходный период между избранием президента и его инаугурацией. Есть ли на свете что-либо более постоянное, чем переходы и изменения! Праздновать было некогда, и мы не позволяли себе расслабиться, что, наверное, было ошибкой. Всего за одиннадцать недель мне и моей семье предстояло совершить переход от нашей жизни в Арканзасе к жизни в Белом доме. Сделать нужно было очень многое: подобрать состав кабинета, назначить людей на высокие посты в правительственном аппарате и Белом доме; работать с людьми Буша над механизмом передачи власти; начать проводить брифинги по вопросам национальной безопасности и встречи с руководителями иностранных государств; установить контакт с лидерами Конгресса и закончить подготовку экономических предложений, которые я должен был им представить; разработать план выполнения других моих предвыборных обещаний; рассмотреть многочисленные просьбы о встречах и удовлетворить желание многих сотрудников нашей предвыборной кампании и основных моих сторонников как можно скорее узнать, войдут ли они в новую администрацию; а также реагировать на развитие событий. В следующие семьдесят дней их было много, особенно за границей: в Ираке, где Саддам Хусейн добивался отмены санкций ООН; в Сомали, куда президент Буш послал американские войска с гуманитарной миссией, чтобы предотвратить массовый голод; в России, где экономика была в состоянии полного краха, президенту Борису Ельцину противостояла ширившаяся оппозиция в лице националистов-экстремистов и не изменивших свои взгляды коммунистов, а вывод российских войск из балтийских стран откладывался. Список того, «что нужно сделать», увеличивался.

Несколькими неделями раньше мы без шумихи создали в Литл-Роке группу планирования перехода под руководством комитета, в состав которого вошли Вернон Джордан, Уоррен Кристофер, Мики Кантор, бывший мэр Сан-Антонио Генри Сиснерос, Дорис Мацуи и бывший губернатор штата Вермонт Мадлен Кунин. Руководителем аппарата сотрудников был Джеральд Стерн, исполнительный вице-президент компании Occidental Petroleum, который взял для этого отпуск на своей основной работе. Безусловно, нам не хотелось создать впечатление, что мы заранее были уверены в победе, поэтому все делалось тайно, нашего номера телефона не существовало в справочниках, а на дверях офиса, находившегося на тринадцатом этаже здания Worthen Ванк, не было никакой таблички.

Когда в среду Джордж Стефанопулос пришел в резиденцию губернатора, мы с Хиллари попросили его остаться руководителем отдела по связям

с общественностью, но уже в Белом доме. Мне бы очень хотелось, чтобы сотрудником Белого дома стал и Джеймс Карвилл, который мог бы участвовать в разработке стратегии и держать нас в курсе событий, однако он считал, что не подходит для работы в правительстве, и за два дня до этого пошутил в беседе с журналистами: «Я не стал бы жить в стране, правительство которой взяло бы меня на работу».

Во второй половине дня в среду я встретился с членами переходного комитета и получил первые информационные документы. В половине третьего я провел короткую пресс-конференцию на внутренней лужайке резиденции губернатора. Поскольку президент Буш снова оказался в трудном положении из-за Ирака, я подчеркнул, что в Америке «в каждый данный момент только один президент» и что «внешняя политика Америки остается исключительно в его руках».

На второй день после моего избрания на пост президента я беседовал с несколькими иностранными лидерами и пришел в офис, чтобы заняться некоторыми делами штата и поблагодарить сотрудников аппарата губернатора за прекрасную работу в Арканзасе во время моего отсутствия. Потом мы устроили вечеринку для сотрудников штаба предвыборной кампании. У меня все еще был такой осиплый голос, что я с трудом мог произнести: «Спасибо». Большую часть времени я пожимал людям руки и ходил взад-вперед с плакатами на рубашке, на которых было написано: «Извините, у меня пропал голос» и «Вы отлично поработали».

В пятницу я назначил Вернона Джордана председателем, а Уоррена Кристофера — директором моего переходного комитета. Объявление об их назначении хорошо восприняли и в Вашингтоне, и в Литл-Роке, где оба пользовались уважением сотрудников штаба предвыборной кампании, многие из которых, что было вполне предсказуемо и понятно, по мере того как улетучивалась эйфория после нашей победы, стали больше демонстрировать усталость, проявлять раздражительность и тревожиться о будущем.

Во вторую неделю переходного периода темпы работы ускорились. Я беседовал о мире на Ближнем Востоке с премьер-министром Израиля Ицхаком Рабином, президентом Египта Хосни Мубараком и королем Саудовской Аравии Фахдом. Вернон и Крис назначили сотрудников на большинство высоких постов в переходном комитете: заместитель председателя демократической партии Алексис Херман и Марк Гиран, руководивший предвыборной кампанией Ала Гора, стали заместителями директора; председатель Совета руководства демократической партии Ал Фром получил должность руководителя отдела внутренней политики; Сэнди Бергер, а также сотрудница моей предвыборной кампании Нэнси Содерберг были назначены в отдел внешней политики; Джин Сперлинг и мой бывший однокашник Боб Райх, тоже стипендиат Родса, который к тому времени стал профессором Гарвардского университета и автором нескольких интереснейших книг о мировой экономике, — в отдел экономической политики. Отбором всех кандидатов на важные посты должен был заниматься Том Донилон, вашингтонский юрист, человек чрезвычайно острого ума и давний активист демократической партии. Работа Донилона имела большое значе-

ние, поскольку снятие с постов назначенных президентом должностных лиц в связи с их прошлыми финансовыми или личными проблемами или появлением информации о ранее не изученных мнениях о них стало неотъемлемой частью политической жизни Вашингтона. Те, кто занимался отбором у нас, считали, что любой, кто хочет работать, должен выдержать самую строгую проверку.

Через несколько дней в состав переходного комитета вошел бывший губернатор штата Южная Каролина Дик Райли, который стал контролировать назначения сотрудников на высокие посты в правительственном аппарате. Это была очень трудная работа. Иногда он получал более трех тысяч резюме и отвечал на двести телефонных звонков в день, причем многие из них поступали от членов Конгресса и губернаторов, которые надеялись, что Дик перезвонит им лично. С нами хотели работать так много людей, которые внесли вклад в нашу победу, что, как я опасался, способные, достойные люди могли оказаться незамеченными. В некоторых случаях так и произошло.

Третья неделя передачи власти была посвящена контактам в Вашингтоне. Я пригласил спикера Палаты представителей Тома Фоли, лидера демократического большинства в Палате представителей Дика Гепхардта и лидера демократического большинства в Сенате Джорджа Митчелла в Литл-Рок на обед и утреннюю встречу. Для меня было важно найти верный тон с лидерами демократов. Я знал: чтобы добиться успеха, мне будет необходима их поддержка, а они знали, что, если в Вашингтоне будет нарушено единство партии, американский народ возложит ответственность за это на всех нас. Потребовались компромиссы и с моей, и с их стороны, однако после наших встреч я был уверен, что мы сможем работать вместе.

В среду я на два дня отправился в Вашингтон, чтобы встретиться с президентом Бушем, лидерами республиканской партии в Конгрессе и другими демократами-конгрессменами. Моя встреча с президентом, которая должна была продолжаться час, длилась почти вдвое дольше и оказалась одновременно сердечной и полезной. Мы обсуждали широкий круг проблем, и оценка наших задач в области внешней политики, которую дал президент, показалась мне особенно глубокой.

Из Белого дома я проехал две мили в северную часть Вашингтона, где жили бедняки и типичными явлениями были безработица, наркотики и преступность. На Джорджия-авеню я вышел из машины и прошел целый квартал, пожимая людям руки и беседуя с торговцами и другими гражданами об их проблемах и о том, что я могу сделать, чтобы помочь им. На расстоянии мили от того места, где я остановился, в предыдущем году было убито восемь человек. Я купил еду в китайском ресторанчике, торговавшем навынос, где персонал в целях безопасности работал за пуленепробиваемыми стеклами. Родители детей школьного возраста рассказали, что они постоянно испытывают страх, поскольку очень многие одноклассники их детей приносят в школу оружие. О людях, которые жили в вашингтонском гетто, часто забывали и Конгресс, и Белый дом, хотя федеральное правительство по-прежнему сохраняет значительный контроль над делами города.

Мне хотелось, чтобы жители Вашингтона поняли: меня волнуют их проблемы, и я хочу быть для них хорошим соседом.

В четверг я вышел на утреннюю пробежку из отеля «Хей-Адамс», находящегося напротив Белого дома через площадь Лафайет, потом пробежал по улице, полной бездомных, которые провели там всю ночь, к мемориалу Вашингтона и Мемориалу Линкольна, затем назад, к «Макдоналдсу», находившемуся неподалеку от отеля. Я взял там себе чашку кофе и познакомился с пятидесятидевятилетним человеком, который рассказал мне, что из-за экономического спада он потерял работу и все свое имущество. Я пошел к отелю, думая об этом мужчине и о том, что мне нужно постоянно быть в курсе проблем людей, подобных ему, несмотря на стену, окружающую каждого президента.

Несколько позже, после завтрака с четырнадцатью демократами — лидерами Конгресса мне нанес частный визит лидер республиканского меньшинства в Сенате Боб Доул. Я всегда уважал его за то, что он, проявив мужество, вернулся к нормальной жизни, оправившись после ранения во время Второй мировой войны, и за то, что Доул сотрудничал с демократами в решении таких проблем, как обеспечение малоимущих талонами на покупку продовольствия по льготным ценам и права инвалидов. С другой стороны, он жестко придерживался курса своей партии, и в вечер выборов, не теряя времени, заявил, что, поскольку я «не получил даже большинства... нельзя считать, что у Клинтона есть безусловный мандат на власть». Поэтому, по словам Доула, он нес ответственность за «объединение нашей партии, чтобы установить контакты для привлечения независимых и сторонников Перо и выработать собственную программу действий». Мы с Доулом хорошо поговорили, однако после этой встречи я не был уверен в том, какими будут наши отношения или его программа действий. В конце концов, Доул тоже хотел стать президентом.

У меня также состоялась сердечная встреча с лидером республиканского меньшинства в Палате представителей Бобом Мичелом, старомодным консерватором из штата Иллинойс. Однако я сожалел, что партийный организатор республиканцев в Конгрессе Ньют Гингрич, представлявший штат Джорджия, ушел в отпуск. Гингрич был политическим и интеллектуальным лидером консервативных республиканцев в Палате представителей и считал, что можно создать постоянное республиканское большинство, объединив культурных и религиозных консерваторов с избирателями, выступавшими за сокращение правительства и против повышения налогов. Гингрич резко критиковал президента Буша за подписание в 1990 году предложенной демократами комплексной программы сокращения дефицита, так как она предусматривала повышение налога на бензин. Я мог только догадываться, что он намеревался сделать со мной.

Вернувшись в отель, я встретился с генералом Колином Пауэллом. Этот человек дослужился до самых высоких постов в вооруженных силах при поддержке президентов Рейгана и Буша, и теперь последние восемь месяцев ему предстояло выполнять обязанности председателя Объединенного комитета начальников штабов при совсем другом главнокомандующем. Он вы-

ступал против моего предложения разрешить гомосексуалистам служить в вооруженных силах, хотя во время войны в Персидском заливе, которая сделала его популярной личностью, героем, Пентагон сознательно дал разрешение на призыв более чем ста гомосексуалистов и уволил их лишь после окончания этого конфликта, когда больше в них не нуждался. Генерал Пауэлл разъяснил, что, несмотря на наши разногласия, он будет служить как можно лучше, в том числе давать мне честные советы. Я именно этого и хотел.

Наше с Хиллари пребывание в Вашингтоне завершилось участием в обеде, устроенном Памелой Гарриман. Вечером предыдущего дня Вернон и Энн Джордан также пригласили к нам на обед несколько человек. Эти званые вечера, а также прием, устроенный Кэтрин Грэм, были организованы для того, чтобы представить нас с Хиллари людям, имеющим большое влияние в политических, деловых и информационных кругах Вашингтона, для большинства из которых мы по-прежнему были незнакомцами.

После того как я вместе с семьей провел последний День благодарения в резиденции губернатора и посетил приют, который один из наших друзей организовал для женщин и детей, бежавших от домашнего насилия, мы с Хиллари и Челси и подружкой нашей дочери Элизабет Фламманг вылетели в южную Калифорнию, чтобы немного отдохнуть с нашими друзьями Томасонами и нанести визит вежливости президенту Рейгану. Он открыл предприятие в очень красивом здании, расположенном на участке, некогда использовавшемся фирмой Twentieth Century Fox. Мне очень понравилась эта встреча. Рейган был прекрасным рассказчиком, и после восьми лет, проведенных в Белом доме, мог поведать действительно интересные истории, которые я слушал с очень большим интересом. В завершение нашей встречи Рейган подарил мне банку своих фирменных конфет «морские камушки» красного, белого и голубого цветов. Я хранил ее в своем кабинете восемь лет.

В декабре я занялся тем, для чего люди избирают президентов: начал принимать решения. Поскольку я обещал сфокусировать все внимание на экономике, «подобно лазерному лучу», то начал именно с этого. 3 декабря в резиденции губернатора я с глазу на глаз встретился с Аланом Гринспеном, председателем Совета управляющих Федеральной резервной системы. Человек, занимающий такую должность, имеет колоссальное влияние на экономику, преимущественно через установление Федеральной резервной системой краткосрочных процентных ставок, что, в свою очередь, влияет на долгосрочные ставки в бизнесе и потребительском кредитовании, включая ипотечное кредитование. Поскольку Гринспен был блестящим специалистом во всех областях экономики и опытным участником «игр» в Вашингтонских властных структурах, его заявления в речах и выступлениях в Конгрессе имели большой вес. Я знал, что Гринспен — консервативный республиканец, которого, возможно, огорчило мое избрание, однако полагал, что мы сможем работать вместе, по трем причинам: я верил в независимость Федеральной резервной системы; так же, как и Гринспен, я считал, что необходимо сократить дефицит; Гринспен, как и я, тоже некогда

играл на тенор-саксофоне и так же, как и я, решил, что будет гораздо разумнее зарабатывать на жизнь чем-нибудь другим.

Через неделю я стал объявлять о назначениях в состав кабинета, начав со своей экономической команды. Первым был назначен Ллойд Бентсен, председатель Финансового комитета Сената, ставший министром финансов. Бентсен — демократ, выступавший в поддержку бизнеса, который, тем не менее, заботился о простых людях. Это был высокий и стройный человек с аристократическими манерами. Выходец из богатой семьи в южном Техасе, во время Второй мировой войны он служил в Италии пилотом бомбардировщика, а затем был избран в Палату представителей Конгресса США. Проработав там три года, Ллойд ушел из Палаты представителей и занялся бизнесом, затем в 1970 году был избран в Сенат, причем нанес поражение своему сопернику — конгрессмену Джорджу Г.У. Бушу. Мне нравился Бентсен, и я считал, что он будет прекрасным министром финансов: Ллойд пользовался уважением на Уолл-стрит, эффективно взаимодействовал с Конгрессом и поддерживал мои цели, заключавшиеся в восстановлении высоких темпов экономического роста и уменьшении бедности. Заместителем Бентсена на посту министра финансов должен был стать Роджер Олтмэн, вице-президент инвестиционной фирмы Blackstone Group, в течение всей жизни придерживавшийся демократических взглядов, а также большой специалист по финансовым вопросам, призванный укрепить нашу команду и наши связи с Уолл-стрит. Двадцативосьмилетний Ларри Саммерс, который должен был стать помощником министра финансов по международным делам, был самым молодым штатным преподавателем Гарвардского университета. Он оказался еще более способным человеком, чем я предполагал.

На пост председателя Административно-бюджетного управления я назначил Леона Панетту, конгрессмена от штата Калифорния, который был председателем Бюджетного комитета Палаты представителей. Этот пост всегда считался важным, однако для меня он имел особое значение, поскольку я хотел разработать бюджет, который позволил бы одновременно и уменьшить дефицит, и увеличить расходы в областях, развитие которых было жизненно необходимо для нашего долгосрочного процветания, например таких, как образование и технология. Я не знал Леона до того момента, как пригласил на собеседование, однако на меня произвели большое впечатление его знания, энергия и манера популярно все объяснять. Заместителем Панетты стала Элис Ривлин, которая, как и Леон, была «ястребом» в вопросах борьбы с дефицитом и отзывчиво относилась к людям, нуждавшимся в федеральной помощи.

Я попросил Боба Рубина взяться за новую работу. Ему было предложено осуществлять координацию экономической политики Белого дома в качестве председателя Национального экономического совета, который в основном должен был действовать так же, как Совет национальной безопасности, направляя деятельность всех соответствующих ведомств для разработки и проведения в жизнь экономической политики правительства. Я пришел к убеждению, что ни по своей организованности, ни по эффек-

тивности она не соответствовала предъявляемым к ней требованиям. Я хотел объединить не только налоговые и бюджетные функции Министерства финансов и Административно-бюджетного управления, но также работу Министерства торговли, Управления представителя США на торговых переговорах, Экономического совета при президенте, Экспортно-импортного банка, Министерства труда и Управления по делам малого бизнеса. Мы должны были использовать все возможные ресурсы для проведения в жизнь той современной всеобъемлющей экономической программы, которая стала бы выгодна всем группам граждан с различными доходами и всем регионам. Рубин был тем самым человеком, который мог это сделать. Каким-то образом ему удавалось одновременно быть незаметным и активным. Он занимал пост сопредседателя правления Goldman Sachs, крупной нью-йоркской инвестиционной компании, и если ему удавалось сбалансировать все амбиции и интересы там, то у него был отличный шанс успешно справиться и с работой, которую я ему поручил. Национальный экономический совет годами олицетворял наиболее радикальные перемены в деятельности Белого дома и благодаря Рубину должен был хорошо послужить Америке.

Я объявил, что Лора Тайсон, уважаемый профессор экономики из отделения Калифорнийского университета в Беркли, займет пост председателя Экономического совета при президенте. Лора произвела на меня большое впечатление своим знанием технологических отраслей, обрабатывающей промышленности и торговли, а также микроэкономических проблем, которые, на мой взгляд, слишком долго игнорировались при разработке национальной экономической политики.

Я также назначил на пост министра труда Боба Райха. Значение этого поста при Рейгане и Буше уменьшилось, однако я считал его роль в нашей экономической команде очень значительной. Боб написал хорошие книги о необходимости расширения сотрудничества между профсоюзами и руководством компаний и о том, какое значение на современном рабочем месте имеют одновременно гибкость и стабильность. Я полагал, что он сможет как защищать интересы профсоюзов в области здравоохранения, безопасности и создания условий для благосостояния трудящихся, мужчин и женщин, так и обеспечивать важнейшую поддержку профсоюзами нашей новой экономической политики.

Я предложил Рону Брауну стать министром торговли, выполняя данное во время предвыборной кампании обещание повысить значение министерства, которое слишком долго считалось «второстепенным». Рон, обладавший уникальным сочетанием ума и отваги, возродил к жизни Совет руководства демократической партии, объединив его либеральную часть и профсоюзных активистов с теми, кто поддерживал новую политику Совета. Если кто-то мог добиться активизации действий чиновников Министерства торговли для достижения торговых интересов Америки, то это был он. Рон стал первым афроамериканцем — министром торговли и одним из наиболее эффективно работавших руководителей этого министерства.

В тот день, когда было объявлено о назначении Рона Брауна, я также ушел в отставку с поста губернатора штата Арканзас. Я больше не мог уделять

достаточно времени этой работе, и заместитель губернатора Джим Гай Такер с готовностью взял на себя эти обязанности. Одним из неприятных моментов, связанных с моим уходом именно в декабре, было то, что мне не хватило двадцати четырех дней, чтобы побить рекорд Орвала Фобуса как губернатора моего штата, дольше всех находившегося на этом посту.

Четырнадцатого и пятнадцатого декабря, после того как были назначены министры на главные экономические посты, я принимал участников экономического саммита в Литл-Роке. Мы работали в течение шести недель под руководством Мики Кантора, Джона Эмерсона, друга Хиллари, который оказал мне помощь в Калифорнии, и Эрскина Боулза, успешного предпринимателя из Северной Каролины, который поддерживал меня как кандидата на пост президента из-за моей философии «нового демократа», а также из-за того, что я выступал за исследования эмбриональной ткани. В семье Эрскина были страдавшие диабетом, и он так же, как и я, считал, что подобные исследования необходимы для того, чтобы раскрыть тайны этой и других неизлечимых в настоящее время болезней.

Когда было объявлено о проведении этой конференции, вся Америка, казалось, пожелала в ней участвовать. Нам было трудно ограничить число присутствующих таким образом, чтобы они поместились в зале Конференц-центра Литл-Рока, оставив в то же время достаточно места для огромного количества представителей СМИ со всего мира, которые хотели ее освещать. Наконец перечень делегатов был сокращен до 329 человек, в число которых вошли главы крупнейших американских компаний, в том числе из Кремниевой долины, владельцы магазинов, а также лидеры профсоюзов, ученые, один поселенец с Аляски и вождь индейского племени чероки с впечатляющим именем Вилма Мэнкиллер.

Когда конференция открылась, атмосфера была так наэлектризована, как на рок-концерте. Средства массовой информации назвали этот саммит «праздником политиков-слабаков». Группы экспертов предложили глубокий анализ и новые идеи и разъяснили, какие варианты выбора у меня есть. Подавляющее большинство участников конференции были согласны с тем, что главным приоритетом для меня должно стать уменьшение дефицита, даже если для этого придется пойти на меньшее снижение налогов для среднего класса или вообще от него отказаться. «Отступление Мики», как мы назвали этот саммит, имело огромный успех, и не только в глазах «политических слабаков». Опрос общественного мнения, результаты которого были опубликованы после конференции, показал, что 77 процентов американцев одобрили мою подготовительную работу перед вступлением в должность президента.

Эта экономическая конференция со всей наглядностью и определенностью показала, что, как я и обещал, Америка движется вперед, уходит от экономики «просачивающегося богатства» к экономике инвестирования и роста, уходит от игнорирования тех, кто теряет почву под ногами в меняющихся условиях мировой экономики, к Америке, которая снова предлагает возможности для всех ответственных граждан. В итоге я решил на-

значить Мики Кантора представителем США на торговых переговорах, Эрскина Боулза — руководителем Управления по делам малого бизнеса, а Джона Эмерсона — в аппарат Белого дома. Если кто и заслужил место в этой команде, так это именно они.

Перед самым началом конференции по экономическим вопросам я объявил, что руководителем аппарата сотрудников Белого дома будет Мак Макларти. Мой выбор был необычным, поскольку, хотя ранее Мак входил в две федеральные комиссии при президенте Буше, его вряд ли можно было назвать своим человеком в Вашингтоне, и это его тревожило. Мак сказал мне, что предпочел бы другую работу, более соответствующую его прежней деятельности в бизнесе. Тем не менее я убедил его согласиться на это назначение, так как был убежден, что он сможет успешно организовать работу сотрудников Белого дома и создать в команде именно такую атмосферу, в какой мне хотелось бы работать. Это был организованный и умный человек, он очень умело вел переговоры и обладал способностью одновременно заниматься многими вещами. И еще Мак более сорока лет был моим верным другом. Я знал, что могу на него рассчитывать: он не будет скрывать от меня различные точки зрения и источники информации. В первые месяцы нашего пребывания у власти мы оба страдали от недостаточно глубокого знания политической и информационной культуры Вашингтона, однако благодаря Маку нам удалось многого добиться и создать атмосферу взаимовыручки, которой не было среди сотрудников Белого дома при многих предыдущих администрациях.

С 11 по 18 декабря я значительно продвинулся в достижении намеченной мною цели — сформировать самую разнородную по составу администрацию за всю историю США. 11 декабря я назначил ректора Висконсинского университета Донну Шалалу министром здравоохранения и социальных служб, а Кэрол Браунер, руководителя Управления охраны окружающей среды штата Флорида, — главой Агентства по охране окружающей среды. Мы с Хиллари много лет знали Шалалу, американку ливанского происхождения, этакий вечный двигатель ростом четыре фута одиннадцать дюймов. Я не был знаком с Браунер до того момента, как встретился с ней на собеседовании, но она произвела на меня большое впечатление; мой друг, губернатор Лоутон Чайлз, был о ней высокого мнения, и Ал Гор хотел, чтобы Кэрол заняла этот пост. Обе женщины впоследствии работали со мною все восемь лет, и перечень их достижений был очень длинным. 15 декабря я обратился к доктору Джойслин Элдерс, возглавлявшей Министерство здравоохранения штата Арканзас, одной из двух чернокожих женщин, окончивших Медицинскую школу при Арканзасском университете, признанному специалисту по диабету у детей, с предложением стать главным хирургом США, заняв самый высокий пост в государственном здравоохранении Америки.

Семнадцатого декабря я объявил о том, что выбрал Генри Сиснероса на пост министра жилищного строительства и городского развития. Генри, отличавшийся необычным сочетанием огромного дара политика с добросердечием, стал в Америке самым популярным политическим деятелем латино-

американского происхождения. Он очень подходил для этой работы благодаря блестящим достижениям на посту мэра города Сан-Антонио, который ему удалось возродить. Я также назначил афроамериканца Джесси Брауна, бывшего морского пехотинца, ветерана войны во Вьетнаме, который был исполнительным директором Организации американских ветеранов-инвалидов, на пост руководителя Министерства по делам ветеранов.

Двадцать первого декабря я назначил на пост министра энергетики Хейзел О'Лири, афроамериканку, руководителя отдела коммунальных служб Northern States Power Company в Миннесоте, а министром образования — Дика Райли. Хейзел была специалистом по природному газу, а я хотел привлечь внимание к его освоению, поскольку он чище, чем нефть и уголь, и имеется у нас в достаточном количестве. Мы с Диком дружили много лет. Его скромная внешность была обманчивой. У Дика долгие годы мучительно болел позвоночник, и, несмотря на это, он сумел сделать юридическую и политическую карьеру и создал прекрасную семью. Райли был отличным руководителем, способствовавшим совершенствованию нашей системы образования. Во время предвыборной кампании я часто ссылаясь на одну из статей, в которой говорилось, что Арканзас за последние десять лет добился в области образования большего прогресса, чем все остальные штаты, кроме Южной Каролины.

Во вторник, 22 декабря, я объявил состав моей новой команды по национальной безопасности: Уоррен Кристофер стал государственным секретарем, Лес Аспин — министром обороны, Мадлен Олбрайт — постоянным представителем США при ООН, Тони Лэйк — помощником президента по национальной безопасности, Джим Вулси — директором Центрального разведывательного управления и адмирал Билл Кроу — руководителем Консультативного совета по внешней разведке при президенте.

Кристофер был первым заместителем госсекретаря при президенте Картере и сыграл важную роль на переговорах с целью освобождения американских заложников в Иране. Он прекрасно помогал мне во время подбора кандидатов на пост вице-президента и членов кабинета и поддерживал мои основные цели в области внешней политики. Некоторые считали, что Уоррен слишком сдержанный человек, чтобы эффективно действовать на этом посту, однако я знал, что он умеет прекрасно организовать работу.

Я предложил Лесу Аспину занять пост министра обороны после того, как стало ясно, что Сэм Нанн не согласится принять это назначение. В качестве председателя Комитета по делам вооруженных сил Палаты представителей Эспин, вероятно, знал проблемы обороны лучше всех остальных ее членов, понимал задачи в области безопасности в условиях, сложившихся в мире после окончания холодной войны, и выступал за модернизацию наших вооруженных сил для достижения этих целей.

Мадлен Олбрайт, известный профессор Джорджтаунского университета, произвела на меня большое впечатление, когда я впервые встретил ее во время кампании Дукакиса. Уроженка Чехословакии и друг Вацлава Гавела, она была пылким и ясно мыслящим поборником демократии и свободы. Я решил, что Олбрайт будет идеальным представителем нашей страны при

ООН в эпоху после холодной войны, а кроме того, я нуждался в ее советах по вопросам национальной безопасности. Я повысил ранг постоянного представителя при ООН до уровня министра — члена кабинета.

Мне было нелегко принять решение о назначении помощника президента по национальной безопасности, так как и Тони Лэйк, и Сэнди Бергер проделали огромную работу по разъяснению проблем внешней политики и консультировали меня по этим вопросам во время предвыборной кампании. Тони был немного старше, и Сэнди работал у него в Госдепартаменте при администрации Картера, однако я знал его гораздо лучше. В конечном счете этот вопрос был решен, когда Сэнди пришел ко мне и предложил, чтобы я назначил на пост помощника президента по национальной безопасности Тони, а его сделал заместителем.

Последним был назначен директор ЦРУ. Я хотел предложить этот пост Дейву Маккарди, конгрессмену от штата Оклахома, председателю Комитета по разведке Палаты представителей, однако, к моему большому огорчению, он отказался. С Джимом Вулси, долгое время работавшим во внешнеполитическом истеблишменте Вашингтона, я познакомился в конце 1991 года на организованной Сэнди Бергером дискуссии по проблемам национальной безопасности, в которой участвовала разнородная группа демократов и независимых политических деятелей, имевших более трезвые взгляды на национальную безопасность и оборону, чем те, которые обычно исповедует наша партия. Вулси был, безусловно, умным человеком, заинтересованным в получении работы. После единственного собеседования я предложил ему этот пост.

После объявления состава команды по национальной безопасности я был близок к тому, чтобы уложиться в установленный мною самим срок формирования кабинета к Рождеству. В Сочельник мы достигли этой цели: помимо официального объявления о назначении Мики Кантора я предложил назначить конгрессмена от штата Миссисипи Майка Эспи на пост министра сельского хозяйства; Федерико Пенью, бывшего мэра Денвера, — на пост министра транспорта; бывшего губернатора штата Аризона Брюса Бэббита — на пост министра внутренних дел и впервые рекомендовал назначить министром юстиции женщину — Зое Бэйрд, генерального юрисконсульта компании Aetna Life and Casualty.

Эспи активно работал в Совете руководства демократической партии, хорошо разбирался в вопросах сельского хозяйства и вместе с конгрессменами Биллом Джефферсоном из Нового Орлеана и Джоном Льюисом из Атланты был одним из видных чернокожих лидеров (причем не из штата Арканзас), поддержавших мою кандидатуру. Я не очень хорошо знал Пенью, но он был прекрасным мэром и возглавлял усилия по строительству большого нового аэропорта в Денвере. Авиакомпании в то время переживали трудные времена и нуждались в министре транспорта, понимавшем их проблемы. Брюс Бэббит был одним из губернаторов, которых я любил и уважал больше всех остальных. Этот выдающийся, склонный опровергать устоявшиеся представления и весьма остроумный человек одержал победу на выборах губернатора штата Аризона, где избиратели традиционно поддерживали республиканцев, и добился больших успехов как активно работавший,

прогрессивный руководитель. Я надеялся, что он сможет осуществлять реализацию нашей программы по охране окружающей среды, вызывая меньше разногласий в западных штатах, чем президент Картер.

На пост министра юстиции я сначала хотел назначить Вернона Джордана. Он был выдающимся адвокатом, поборником гражданских прав и пользовался авторитетом в корпорациях Америки. Однако Вернон, так же как и Джеймс Карвилл, не хотел быть членом правительства. После того как он отклонил мое предложение во время разговора, состоявшегося в начале декабря у выходящего во внутренний двор подъезда резиденции губернатора, я рассмотрел некоторые другие кандидатуры и в конечном счете выбрал Зое Бэйрд.

Я не знал Зое раньше и познакомился с ней только на собеседовании. Помимо работы в качестве генерального юрисконсульта компании Aetna она была сотрудником Белого дома при Картере. Зое выступала в защиту бедняков, и хотя ей было всего сорок лет, обладала необычайно зрелым пониманием роли министра юстиции и задач, которые ей придется решать.

Хотя впоследствии я принял еще одно решение о повышении уровня некоторых постов, включая руководителя ведомства по борьбе с распространением наркотиков, директора Управления по делам малого бизнеса и директора Федерального агентства по чрезвычайным ситуациям, приравняв их по статусу к министрам правительства, я сумел уложиться в намеченный мной самим срок и сформировал к Рождеству беспрецедентно представительный кабинет, в состав которого вошли, бесспорно, очень компетентные люди.

Это был большой успех, но на тот момент не главный. Президент Буш сделал на Рождество большой подарок некоторым своим бывшим сотрудникам и потенциально — самому себе, приняв решение о помиловании Каспара Уайнбергера и пятерых других лиц, которым независимый прокурор Лоуренс Уолш предъявил обвинения в связи со скандальным делом «Иран-контрас». Рассмотрение дела Уайнбергера должно было начаться в самое ближайшее время, и президента Буша вполне могли вызвать в качестве свидетеля. Возмущенный Уолш осудил решение о помиловании, назвав его кульминацией предпринимавшихся в течение шести лет усилий по сокрытию обстоятельств этого дела и заявив, что оно «подрывает принцип, согласно которому ни один человек не может быть выше закона. Это решение демонстрирует, что имеющие влиятельных союзников влиятельные люди, занимающие высокие посты, могут совершать серьезные преступления, умышленно злоупотребляя доверием общественности без каких-либо последствий для себя». Поскольку отныне в случае выявления дополнительных фактов никого из обвиняемых нельзя было вызвать в суд для дачи показаний под присягой, эти новые обстоятельства, вероятно, никогда и не выйдут на поверхность. Всего двумя неделями раньше Уолшу стало известно, что президент Буш и его адвокат Бойден Грей, несмотря на неоднократные просьбы, больше года не передавали следствию связанные с делом «Иран-контрас» записки Буша того времени.

Я был не согласен с решением о помиловании и мог бы уделить ему больше внимания, однако не стал этого делать по трем причинам. Во-первых, в соответствии с Конституцией нашей страны президент имеет неограниченное право на помилование. Во-вторых, я хотел, чтобы страна стала более целостной, а не более разобщенной, даже если бы раскол обеспечивал мне политическое преимущество. И, наконец, президент Буш несколько десятилетий служил нашей стране, и я полагал, что нам следует дать ему возможность спокойно уйти в отставку, оставив этот вопрос на его совести.

На следующий день после Рождества приятным для меня сюрпризом стало объявление журнала *Time* о намерении назвать меня «Человеком года». Редакция журнала заявила, что мне представилась возможность «руководить одним из периодически происходящих преобразований страны — в тот момент, когда американцы преодолевают свои самые серьезные проблемы, меняя представление о себе». Когда мне задали вопрос, как я воспринял эту новость, я ответил, что был польщен, однако обеспокоен положением в изменчивом и бурном мире, перспективой увязнуть в делах, когда надо было так много сделать, и, с другой стороны, сомнениями, будет ли переезд в Вашингтон на пользу Челси. Для нее все прошло прекрасно, однако другие мои опасения оказались вполне обоснованными.

Мы с Хиллари и Челси, как и каждый год в течение почти десяти лет, встретили Новый год в Хилтон-Хеде, на «Ренессансном уикенде». Я с удовольствием общался со старыми друзьями, играл на пляже с детьми в американский футбол, сыграл несколько партий в гольф с новым набором клюшек, который подарила мне Хиллари. Мне нравилось посещать дискуссии, на которых я всегда узнавал что-нибудь новое от людей, обсуждавших самые разные проблемы — от науки и политики до любви. В тот год мне особенно понравился диспут на тему: «Что бы я сказал президенту по поводу завтрака, принесенного на работу».

Тем временем Буш, завершая свое пребывание на посту президента, активно разъезжал по всему миру. Он посетил наши войска в Сомали, затем позвонил мне и сообщил, что собирается в Россию для подписания вместе с Борисом Ельциным Договора о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений, СНВ-2. Я поддерживал этот договор и сказал Бушу, что готов способствовать его ратификации Сенатом. Буш также оказал мне услугу, сообщив другим мировым лидерам о своем желании видеть меня «своим преемником на посту президента» и заверив их в том, что со мной «можно эффективно работать» над важными проблемами.

Пятого января мы с Хиллари объявили, что намерены отправить Челси в частную школу «Сидуэлл френдс». До сих пор она всегда ходила в обычные средние школы, и в округе Колумбия они были очень хорошие. Однако, обсудив этот вопрос с Челси, мы решили отдать ее в «Сидуэлл», прежде всего потому, что это гарантировало неприкосновенность ее частной жизни. Вскоре ей должно было исполниться тринадцать лет, и мы с Хиллари

хотели предоставить дочери возможность прожить подростковый возраст по возможности в нормальных условиях. Она тоже этого хотела.

Шестого января, когда до инаугурации осталось всего две недели, и за день до того как я впервые встретился со своей экономической командой, директор Административно-бюджетного управления при администрации Буша, Ричард Дармэн, объявил, что дефицит бюджета в предстоящем году превысит сумму, названную на основании сделанных ранее оценок. (Мои сотрудники были убеждены, что Дармэн знал об этом и раньше, но откладывал плохие новости до окончания выборов.) В любом случае это означало, что теперь мне будет гораздо труднее справляться с многочисленными параллельными приоритетами: надо было наполовину сократить бюджет, не ослабив при этом в краткосрочной перспективе непрочное экономическое оживление; найти оптимальное сочетание сокращения расходов и повышения налогов, необходимое для уменьшения дефицита, и увеличить расходы в областях, имевших жизненно важное значение для нашего экономического процветания в долгосрочной перспективе, а также добиться более справедливой налоговой политики в отношении людей со средними и низкими доходами.

На следующий день экономическая команда собралась в столовой губернаторской резиденции, чтобы обсудить возникшие проблемы и выработать политику, которая бы обеспечила максимальный экономический рост. Согласно традиционной экономической теории Кейнса, в трудные для экономики времена правительства должны иметь дефицитные, а в благоприятные периоды — сбалансированные или профицитные бюджеты. Поэтому сочетание жесткого ограничения расходов и повышения налогов, необходимое для 50-процентного сокращения дефицита бюджета, казалось в данный момент неподходящим «лекарством». Вот почему Франклин Делано Рузвельт, после того как его избрали благодаря обещанию сбалансировать бюджет, отказался от сокращения дефицита и предпочел большие расходы, чтобы люди снова обрели работу и чтобы стимулировать развитие частного сектора в экономике.

Проблема с применением традиционного анализа к нынешним условиям состояла в том, что при Рейгане и Буше у нас появился большой структурный дефицит, который сохранялся и в хорошие, и в плохие времена. Когда Рейган вступил в должность президента, государственный долг США составлял один триллион долларов. За восемь лет его пребывания на президентском посту эта сумма увеличилась втрое из-за значительного снижения налогов в 1981 году и увеличения расходов. При президенте Буше государственный долг продолжал расти, и всего за четыре года увеличился на треть. Теперь он составлял в общей сложности четыре триллиона долларов. Ежегодная выплата процентов по этому долгу находилась на третьем месте среди крупнейших статей расходов федерального бюджета после финансирования военного ведомства и затрат на нужды социального обеспечения.

Дефицит бюджета был неизбежным следствием функционирования так называемой экономики, ориентированной на увеличение предложения. Она основана на теории, что чем больше вы снижаете налоги, тем актив-

нее будет экономический рост, который при более низких налоговых ставках обеспечит дополнительные налоговые поступления по сравнению с тем, что собиралось раньше, когда ставки были выше. Безусловно, проведение в жизнь этой теории не давало результатов, и в период оживления в экономике в 1980-е годы дефицит бюджета стал огромным. Хотя теория экономики, ориентированной на увеличение предложения, противоречила арифметике и была весьма сомнительной в экономическом отношении, республиканцы продолжали ее придерживать, поскольку по идеологическим соображениям выступали против повышения налогов, а также потому, что в краткосрочной перспективе создание такой экономики считалось успешной политической тактикой. «Расходуйте больше, берите меньше налогов» — этот лозунг звучал неплохо и казался эффективным, однако в конечном счете наша страна очутилась в очень тяжелом положении, и все это омрачило будущее наших детей.

В сочетании с значительным дефицитом торгового баланса дефицит бюджета требовал от нас огромного ежегодного импорта капитала для финансирования наших избыточных расходов. Чтобы привлечь такой капитал и избежать резкого снижения курса доллара, нам пришлось поддерживать процентные ставки на значительно более высоком уровне, чем следовало в период экономического спада, предшествовавший моему избранию. Эти высокие процентные ставки препятствовали экономическому росту и были равносильны огромному косвенному налогу на доходы американцев среднего класса, для которых увеличились выплаты по ипотечному кредиту, платежи за автомобили и все другие покупки, приобретаемые в кредит.

После того как мы взялись за работу, Боб Рубин, который председательствовал на этом совещании, предложил Леону Панетте высказаться первым. Леон сказал, что дефицит увеличился, так как в условиях застоя в экономике уменьшились налоговые поступления и в то же время увеличились расходы, поскольку все больше людей стали получать право на помощь правительства и, кроме того, резко возросли расходы на медицинское обслуживание. Лора Тайсон подчеркнула, что если нынешняя ситуация сохранится, темпы экономического роста в ближайшие несколько лет будут, вероятно, составлять 2,5–3 процента, чего недостаточно для значительного снижения уровня безработицы или для обеспечения устойчивого оживления в экономике. Затем мы перешли к сути дела. Алану Блайндеру, еще одному моему экономическому советнику, предложили проанализировать, будет ли сильная программа сокращения дефицита за счет снижения процентных ставок стимулировать экономический рост и появление новых рабочих мест, поскольку правительство не станет столь активно соперничать с частным сектором в получении займов. Блайндер сказал, что так и будет, однако если Федеральная резервная система и рынок ценных бумаг не отреагируют на нашу программу значительным снижением процентных ставок, позитивные результаты будут в течение одного-двух лет уравновешиваться негативным экономическим влиянием уменьшения государственных расходов и повышения налогов. Блайндер считал, что после такого количества лживых обещаний о сокращении дефицита, данных в последние

несколько лет, активно позитивная реакция рынка ценных бумаг маловероятна.

Ларри Саммерс не согласился с ним, подчеркнув, что хорошая программа заставит этот рынок снизить ставки, поскольку в условиях оживления экономики нет угрозы роста инфляции. В подкрепление своей точки зрения он сослался на опыт некоторых азиатских стран.

Это было первое из проведенных нами многочисленных совещаний на тему влияния на жизнь простых американцев действий тридцатилетних брокеров по ценным бумагам. Часто мои громкие негодующие заявления по этому поводу и возражения Боба Рубина выглядели забавно, однако сама по себе проблема представлялась исключительно серьезной. Поскольку уровень безработицы в стране превысил 7 процентов, необходимо было что-то предпринять. Тайсон и Блайндер, по-видимому, считали, что во имя нормализации экономической ситуации в долгосрочной перспективе нам необходимо сократить дефицит, однако если мы решимся на такой шаг, то в ближайшем будущем это приведет к замедлению темпов экономического роста. Бентсен, Олтман, Саммерс и Панетта согласились с аргументом о рынке ценных бумаг, полагая, что сокращение дефицита ускорит темпы экономического роста. Рубин только вел совещание, но я знал, что он, так же, как и Ал Гор, с ними согласен.

Боб Райх не присутствовал на этом совещании, однако на следующий день прислал мне памятную записку, в которой подчеркнул: в то время как государственный долг составляет гораздо больший процент от валового внутреннего продукта (ВВП), чем следовало бы, инвестиции в образование, профессиональное обучение и невоенные научные исследования и опытно-конструкторские разработки составляют меньший процент от ВВП, чем в эпоху до Рейгана, и недостаточный объем инвестиций оказывает негативное влияние как на экономику, так и на бюджет. Райх отметил, что цель должна заключаться не в пятидесятипроцентном сокращении дефицита, а в том, чтобы дефицит и инвестиции снова составляли такой же процент от ВВП, как до эпохи Рейгана и Буша. Он добавил, что благодаря инвестициям возрастут производительность труда, темпы экономического роста, увеличится занятость, что позволит нам сократить дефицит, однако если мы будем добиваться только этой цели, то из-за застоя в экономике и невысоких доходов в любом случае не сможем сократить дефицит наполовину. Полагаю, что Джин Сперлинг был во многом согласен с Райхом.

Я все еще обдумывал эту точку зрения, когда мы перешли к обсуждению вопроса, как добиться необходимого нам сокращения дефицита. В плане моей предвыборной кампании под названием «Люди должны быть на первом месте» я предложил урезать бюджет более чем на 140 миллиардов долларов. В ситуации, когда размеры дефицита оказались большими, чем сообщали ранее, мы были вынуждены пойти на более значительные сокращения, чтобы достигнуть намеченной мною цели уменьшить дефицит наполовину за четыре года. Это вызвало первую из многочисленных дискуссий по вопросу о том, какие именно статьи бюджета следует сокращать. Например, можно было бы сэкономить значительные средства, сократив

надбавку в связи с ростом прожиточного минимума в рамках системы социального обеспечения, однако, как указала Хиллари, почти половина всех американцев старше шестидесяти пяти лет получала помощь в рамках этой системы, благодаря чему их прожиточный уровень превышал черту бедности, поэтому они могли бы пострадать от сокращения этих выплат. В ходе подобных дискуссий нам не надо было принимать окончательных решений, да мы и не смогли бы этого сделать, не обсудив все вопросы с лидерами Конгресса. Однако все понимали: какое бы решение мы ни приняли, выполнить его, в конечном счете, будет нелегко.

В ходе предвыборной кампании помимо сокращения бюджетных расходов я также предложил добиться увеличения на сопоставимую сумму новых доходов исключительно за счет поступлений от лиц с высокими доходами и корпораций. Чтобы наполовину сократить дефицит, нам пришлось бы также добиваться более значительного увеличения доходов и почти наверняка отказаться от широкомасштабного сокращения налогов для среднего класса, хотя я по-прежнему настаивал на необходимости снижения налогов для семей, зарабатывающих до 30 тысяч долларов в год, за счет увеличения вдвое налогового кредита на заработанный доход. В течение двадцати лет благосостояние этих людей ухудшалось. Им была необходима помощь; более того, чтобы добиться их переориентации с получения социальных пособий на поиски работы, нам следовало сделать все возможное, чтобы даже низкооплачиваемая работа стала для людей привлекательнее, чем государственная помощь. Ллойд Бентсен изучил возможные области повышения налогов, подчеркнув, что любое из этих решений будет трудно провести через Конгресс, но в этом важном деле мы должны добиться успеха. Если бы наша программа была там провалена, это поставило бы под угрозу мои позиции как президента. Бентсен сказал, что нам следует представить Конгрессу несколько вариантов программы, чтобы, не добившись принятия одного или двух из них, я мог бы тем не менее претендовать на успех и моя политическая репутация не пострадала бы.

После представления налоговой программы Роджер Олтмэн и Ларри Саммерс выступили за краткосрочный план стимулирования, который должен был осуществляться одновременно с мерами сокращения дефицита. Они рекомендовали расходы в размере около 20 миллиардов долларов и сокращение налогов на бизнес, которые, в лучшем случае, станут стимулом для развития экономики и, по меньшей мере, предотвратят ее спад, вероятность которого, по их мнению, составляла примерно 20 процентов. Затем Джин Сперлинг представил варианты новых инвестиций, высказавшись за наиболее крупные, в размере около 90 миллиардов долларов, благодаря которым можно было бы немедленно выполнить обещания, данные мною во время предвыборной кампании.

После этих выступлений я решил, что мои сотрудники, выступающие по проблеме дефицита с позиций «ястребов», правы. Если мы не добьемся его значительного уменьшения, процентные ставки будут оставаться высокими, что не позволит достичь прочного и устойчивого оживления в экономике. Ал Гор был полностью с этим согласен. Однако когда мы

обсуждали, на сколько нам следует уменьшить дефицит бюджета, меня беспокоила возможность замедления в краткосрочной перспективе темпов экономического роста, которое прогнозировали Лора Тайсон и Алан Блайндер и которое, как опасались Роджер Олтмэн и Джин Сперлинг, было вполне вероятным. После шести часов обсуждения мы склонились в сторону сокращения дефицита. Разработку экономической политики, по меньшей мере в таких условиях, вряд ли можно назвать наукой, а если это было искусство, наблюдателям с рынка ценных бумаг оно, должно быть, показалось прекрасным.

Через неделю мы провели второе совещание, на котором я отказался от снижения налогов для среднего класса, согласился рассмотреть возможность экономии на программах социального страхования, в том числе «Медикэр» и «Медикэйд», и поддержал предложение Ала Гора о введении широкого энергетического налога на уровне оптовых продаж, исходя из теплотворной способности энергоносителей. Ал сказал, что, хотя его введение может показаться спорным в штатах, где добывают уголь, нефть и природный газ, этот налог распространится на все секторы экономики, что уменьшит его бремя для обычных потребителей и будет способствовать энергосбережению, в чем мы нуждались больше всего.

Еще несколько часов мы обсуждали вопрос, к какому уровню сокращения дефицита на следующие пять лет нам следует стремиться. Гор занял жесткую позицию, заявив, что, если мы будем добиваться максимально возможного сокращения, нам поставят в заслугу наше мужество и стремление создать новую реальность, благодаря чему мы сможем делать то, что раньше казалось невыполнимым, например требовать от людей, получающих помощь в рамках системы социального страхования и имеющих доходы выше определенного уровня, платить с них подоходный налог. Ривлин его поддержал. Блайндер отметил, что это может сработать, если с нами согласится Федеральная резервная система и рынок ценных бумаг. Тайсон и Олтмен не очень верили в то, что можно избежать краткосрочного сокращения деловой активности. Сперлинг и Райх, также присутствовавшие на этой встрече, подчеркнули необходимость увеличения инвестиций.

С такими же предложениями выступили Стэн Гринберг, Мэнди Грюнвальд и Пол Бегала, не присутствовавшие на этих совещаниях и опасавшиеся, что я жертвую всем, во что верил, под влиянием людей, не участвовавших в нашей предвыборной кампании, которых не волнует, как все это отразится на жизни простых американцев, избравших меня на пост президента. В конце ноября Стэн прислал мне записку, в которой подчеркивалось, что, если я срочно не приму меры для решения проблем, касающихся рабочих мест и снижения доходов, мой «медовый месяц» в отношениях с избирателями будет очень недолгим. 60 процентов тех, кто заявили, что их финансовое положение в 1992 году ухудшилось, то есть примерно треть электората, голосовали за меня. Стэн считал, что если я соглашусь на этот план, то потеряю их поддержку. Джордж Стефанопулос, который участвовал в наших совещаниях, попытался объяснить Стэну и его союзникам, что огромный дефицит губит экономику и что если мы с ним не справимся,

никакой нормализации положения в этой сфере не произойдет, не будет также налоговых поступлений в количестве, достаточном для финансирования образования, снижения налогов для среднего класса и любых других мер. Бентсен и Панетта считали необходимым максимальное сокращение дефицита, на которое согласится Конгресс, называя меньшую сумму по сравнению с той, за которую ратовали Гор и Ривлин, но все же достаточно значительную. Рубин, председательствовавший на этих совещаниях, держал свое мнение при себе, но я чувствовал, что он согласен с Бентсеном и Панеттой. Выслушав все мнения, с ними согласился и я.

В какой-то момент я спросил Бентсена, на какую сумму нам следует сократить дефицит бюджета, чтобы добиться оживления на рынке ценных бумаг. Он ответил, что примерно на 140 миллиардов долларов на пятый год, а за пять лет в целом — на 500 миллиардов долларов. Я решил остановиться на последней цифре, однако даже с помощью нового сокращения расходов и увеличения доходов нам, вероятно, не удалось бы достичь намеченной цели — наполовину сократить дефицит бюджета к концу первого срока моего пребывания на посту президента. Это сокращение полностью зависело от темпов экономического роста.

Поскольку наша стратегия в краткосрочной перспективе могла привести к спаду деловой активности, мы искали пути стимулирования экономического роста. Я встретился с руководством «Большой тройки» автомобилестроительных компаний и с Оуэном Бибером, председателем Объединенного профсоюза рабочих автомобильной и аэрокосмической промышленности и сельскохозяйственного машиностроения, и они подчеркнули: в то время как японские машины составляют почти 30 процентов нашего рынка, рынок Японии все еще преимущественно закрыт для американских автомобилей и запасных частей к ним. Я попросил Мики Кантора найти способ добиться, чтобы японский рынок стал более открытым. Представители быстро развивавшейся отрасли, биотехнологии, говорили мне, что следует расширить сферу применения налогового кредита на научные исследования и опытно-конструкторские разработки и предусмотреть компенсацию для молодых фирм, которые в нынешних условиях не всегда способны полностью его оплатить. Они также выступили за более надежную защиту их патентов от нечестной конкуренции и за изменение и ускорение процесса одобрения продукции Администрацией по контролю за продуктами питания и лекарствами. Я предложил своей команде проанализировать их предложения и представить рекомендации. В конце концов я санкционировал разработку разового предложения по стимулированию в размере 20 миллиардов долларов для расширения деловой активности в краткосрочной перспективе.

Мне очень не хотелось отказываться от снижения налогов для среднего класса, однако, поскольку размеры дефицита оказались большими, чем сообщалось ранее, выбора не было. Кроме того, я знал, что, если наша стратегия даст результаты, средний класс ощутит гораздо более весомые преимущества, чем снижение налогов, в виде уменьшения выплат по ипотечному кредиту и снижения ставок, например, на выплаты за

купленный в рассрочку автомобиль, покупки по кредитным картам и студенческие займы. Мы также не в состоянии были увеличить расходы столь значительно, как я обещал во время предвыборной кампании, по крайней мере на первых порах. Однако были уверены, что если в результате сокращения дефицита бюджета процентные ставки снизятся, а темпы экономического роста возрастут, то налоговые поступления увеличатся, и тогда за четыре года я смогу достигнуть намеченных целей в области инвестиций. Но это могло случиться только при условии реализации всех «если».

Существовало еще одно большое «если». Эта стратегия могла сработать только в том случае, если бы ее одобрил Конгресс. После поражения Буша республиканцы как никогда активно выступали против любого увеличения налогов, поэтому мало кто из них, а то и вообще никто, стал бы голосовать за любую предложенную мною программу, включающую новые налоги. Многие демократы, представлявшие консервативные округа, также проявляли большую осторожность при голосовании по налоговым мерам. А либерально настроенные демократы, занимавшие прочные позиции, могли не поддержать бюджет, если в нем радикально сокращались ассигнования на программы, которые они считали необходимыми.

После предвыборной кампании, во время которой в центре внимания находились экономические проблемы Америки, и в момент, когда во всем мире замедлились темпы экономического роста, я намеревался начать свою деятельность на посту президента с разработки беспрецедентной экономической стратегии. Я знал, что, если мне удастся убедить Конгресс принять бюджет и если реакция Федеральной резервной системы и рынка ценных бумаг будет такой, как мы надеялись, эта стратегия сможет обеспечить колоссальные преимущества. В пользу ее принятия существовали убедительные аргументы, однако это самое важное для меня как для президента внутриполитическое решение было сопряжено с огромным риском.

В переходный период я преимущественно занимался формированием кабинета и другими назначениями, а также разработкой нашей экономической программы; однако в это время происходили и другие события. 5 января я провел совещание, на котором было принято решение, что я буду временно продолжать политику президента Буша по перехвату и возвращению на родину гаитян, пытавшихся на лодках добраться до США, хотя во время предвыборной кампании я подвергал ее резкой критике. После того как в 1991 году законно избранный президент Гаити Жан-Бертран Аристид был свергнут генерал-лейтенантом Раулем Седрасом и его союзниками, гаитяне, сочувствовавшие Аристиду, стали покидать остров. Когда администрация Буша, которая, по-видимому, относилась к Седрасу более благосклонно, чем я, стала возвращать беженцев на родину, это вызвало возмущенные протесты правозащитников. Я хотел, чтобы гаитянам стало легче добиваться получения политического убежища в США, однако меня тревожило, что многие из них, добираясь до нашей страны по бурному морю в непрочных лодках, могли погибнуть, как это произошло примерно с четырьмястами

гаитянами за неделю до этого. Поэтому по совету моей команды по национальной безопасности я заявил, что, вместо того чтобы принимать всех гаитян, которым посчастливится живыми добраться до Америки, мы будем расширять наше официальное присутствие на Гаити и ускорим процесс рассмотрения прошений о предоставлении им убежища в США. Тем временем, по соображениям безопасности, мы продолжали задерживать лодки и возвращать их пассажиров на родину. По иронии судьбы, хотя правозащитные организации критиковали это заявление, а пресса охарактеризовала его как нарушение обещаний, данных мной во время предвыборной кампании, президент Аристид поддержал мою позицию. Он понимал, что нам удастся принять в США больше гаитян, чем это сделала администрация Буша, и не хотел, чтобы гибли его соотечественники.

Восьмого января я вылетел в Остин, штат Техас, где жил более двадцати лет назад, работая у Макговерна. После ланча в «Биэр-гарден» Шольца со старыми друзьями тех лет я впервые после избрания на пост президента встретился с руководителем иностранного государства — президентом Мексики Карлосом Салинасом де Гортари. Салинас полностью поддерживал Североамериканское соглашение о свободе торговли (НАФТА), которое он заключил с президентом Бушем. Нас принимала губернатор Энн Ричардс, мой старый друг, также активная сторонница НАФТА. Мне хотелось скорее встретиться с Салинасом, чтобы разъяснить, что я стремлюсь содействовать процветанию и стабильности Мексики, и убедить его, как важны дополнительные соглашения о рабочей силе и охране окружающей среды для укрепления этого договора и активизации сотрудничества в борьбе с контрабандой наркотиков.

Тринадцатого января Зое Бэйрд, которую я предложил назначить министром юстиции, попала в трудное положение, когда выяснилось, что в качестве помощниц по хозяйству у нее работали две нелегальные иммигрантки и что она заплатила часть социальных налогов, которые вносит работодатель, лишь недавно, когда стал рассматриваться вопрос об утверждении ее назначения на этот пост. Тогда в приглашении на работу нелегальных иммигрантов не было ничего необычного, однако для Зое это создало особую проблему, так как министр юстиции контролирует работу Службы иммиграции и натурализации. Поскольку утверждение назначения Бэйрд на пост министра юстиции в ближайшее время казалось маловероятным, исполняющим эти обязанности стал Стюарт Герсон, который занимал в прежней администрации пост заместителя министра юстиции по гражданским делам. Мы также направили в это министерство для наблюдения за его работой Уэбба Хаббела, которого я предложил назначить заместителем министра юстиции.

В течение следующих двух дней мы объявили еще о нескольких назначениях сотрудников Белого дома. Помимо Джорджа Стефанопулоса, который был утвержден на должность директора отдела связей, я назначил Ди Ди Майерс пресс-секретарем Белого дома (она стала первой женщиной на этом посту); Эли Сигала — руководителем программы Национальной службы; Рама Эмануэля — директором политического отдела и Алексис

Херман — директором отдела по связям с общественностью. Я привез с собой несколько человек из Арканзаса: Брюс Линдси должен был заниматься аппаратом сотрудников, включая назначения в советы и комиссии; Кэрл Раско я предложил стать моим помощником по внутренней политике; в обязанности Нэнси Хейнрич, которая занималась планированием программ работы в канцелярии губернатора, входил контроль за деятельностью Овального кабинета, причем ее рабочий офис находился рядом с моим; Дэвид Уоткинс должен был стать руководителем отдела Белого дома по вопросам управления; Энн Маккой, администратор резиденции губернатора, перешла на работу в Белый дом; а Винс Фостер, с которым мы дружили всю жизнь, согласился работать в управлении юрисконсульта.

Среди тех, кто не участвовал в моей предвыборной кампании, были: коллега Хиллари по комиссии, занимавшейся расследованием, связанным с подготовкой к объявлению импичмента президенту Никсону в 1974 году, Берни Нассбаум, которого я выбрал в качестве юрисконсульта Белого дома; Айра Магазинер, мой однокашник по Оксфорду, который впоследствии вместе с нами работал над реформой системы здравоохранения; Говард Пастер, опытный вашингтонский лоббист, который занялся нашими отношениями с Конгрессом; Джон Подеста, мой старый друг со времен кампании Даффи, который стал секретарем по персоналу; Кэти Макгинти, избранная Алом Гором в качестве специалиста по нашей экологической политике, и Бетти Карри, которая исполняла обязанности секретаря Уоррена Кристофера в переходный период и теперь должна была стать моим секретарем. Эндрю Френдли, молодого уроженца Вашингтона, округ Колумбия, я решил назначить помощником президента, и он должен был сопровождать меня во всех поездках и на всех встречах, следить, прочел ли я информационные документы, и поддерживать контакты с Белым домом, когда мы будем находиться в отъезде. У Ала был свой аппарат сотрудников, руководителем которого стал Рой Нил, также уроженец штата Теннесси. Собственный аппарат сотрудников сформировала и Хиллари, руководитель которого, Мэгги Уильямс, была ее старинной подругой.

Я также заявил, что хотел бы, чтобы Дэвид Уилхелм, руководивший моей предвыборной кампанией, сменил Рона Брауна на посту председателя Национального комитета демократической партии. Дэвид был молод и не имел такого опыта общественной деятельности, как Рон Браун, однако подобным опытом не обладал почти никто. Сильной стороной Дэвида было то, что он энергично занимался организационной работой на низовом уровне, поскольку наша партия остро нуждалась в активизации деятельности на уровне штатов и на местах. Я полагал, что, оказавшись в Белом доме, мы с Алом Гором должны взять на себя львиную долю работы, связанной со сбором средств и выступлениями с публичными декларациями.

Помимо объявлений о назначениях я выступил с заявлением, в котором решительно поддержал военные действия, предпринятые президентом Бушем в Ираке, и впервые сообщил, что буду добиваться суда над президентом Сербии Слободаном Милошевичем за совершенные им военные пре-

ступления. Однако прошло еще очень много времени, прежде чем это случилось.

В тот период я также устроил в резиденции губернатора ланч для священников евангелистской церкви. Сделать это мне предложил мой духовник Рекс Хорн, который и составил список приглашенных. Рекс считал, что неофициальная беседа с ними будет полезна для установления по меньшей мере некоторых контактов с общиной евангелистов. Пришли десять священников, включая таких известных всей стране деятелей, как Чарльз Суиндолл, Адриан Роджерс и Макс Лукадо. Мы также пригласили духовника Хиллари из Первой объединенной методистской церкви Литл-Рока, Эда Мэтьюса, чудесного человека, который, мы были уверены, поддержит нас, если во время этого ланча возникнет словесная перепалка. Особенно сильное впечатление на меня произвел Билл Хайбелс — молодой, четко выражавший свои мысли пастырь общинной церкви «Уиллоу крик» близ Чикаго. Он создал ее с нуля, превратив в одну из крупнейших конгрегаций Америки. Так же, как и другие священники, Билл не соглашался с моей точкой зрения на аборт и права гомосексуалистов, однако его интересовали и другие проблемы, в частности вопрос, каким должно быть руководство, чтобы выйти из тупика и уменьшить взаимное недовольство представителей двух партий в Вашингтоне. В течение последующих восьми лет Билл Хайбелс регулярно приходил ко мне, молился вместе со мной, давал мне советы и следил, как он выражался, за моим «духовным здоровьем». Время от времени мы спорили, бывало, не соглашались друг с другом, но общение с ним мне всегда доставляло радость.

В начале моей последней недели в Арканзасе, когда фургоны для перевозки мебели уже стояли у дома, я дал прощальное интервью местным журналам, в котором признался, что, покидая родной штат, испытываю одновременно гордость и сожаление: «Я счастлив и горд, и в то же время мне так грустно, что к глазам не раз подступали слезы... Мне нравилась моя жизнь здесь». Одна из моих последних задач перед отъездом в Вашингтон была сугубо личной. У Челси дома жила лягушка, которая ей сначала понадобилась для школьной научной программы. Нашего кота Сокса мы собирались взять с собой, а лягушку Челси решила отпустить, чтобы та могла вести «нормальную жизнь», и попросила сделать это меня. Во время пробежки в свой последний день в Арканзасе я сделал остановку на берегу реки Арканзас, достал коробку из-под обуви, в которой находилась лягушка, спустился по крутому склону к воде и отпустил ее. По крайней мере кто-то из нас возвращался к нормальной жизни.

Все остальные были взволнованы предстоявшими нам новыми приключениями и испытывали некоторые опасения. Челси очень не хотелось покидать друзей и тот мир, который она знала, но мы сказали ей, что на новом месте она сможет часто приглашать их в гости. Хиллари не знала, как будет себя чувствовать, потеряв независимость, которую имела благодаря хорошо оплачиваемой работе, однако она очень хотела стать настоящей первой леди — как для того, чтобы заниматься политической работой, которая ей

всегда нравилась, так и для того, чтобы выполнять традиционные обязанности супруги президента. Меня поражало, как много времени Хиллари уже посвятила изучению истории Белого дома, различных функций, за которые ей придется отвечать, и важного вклада ее предшественниц. Когда она бралась за новую задачу, то сначала всегда немного волновалась, но, когда ей удавалось «раскусить» суть дела, успокаивалась и занималась этим с удовольствием. Я не мог винить Хиллари за то, что она немного нервничает. Я и сам волновался.

Переходный период, заполненный лихорадочной деятельностью, был достаточно тяжелым. Оглядываясь назад, можно сказать, что мы удачно подобрали членов кабинета и должностных лиц правительственного аппарата, назначив на соответствующие посты способных людей, олицетворявших все многообразие Америки. Однако я совершил ошибку, не предложив одно из мест в кабинете какому-нибудь известному деятелю-республиканцу, что продемонстрировало бы мое стремление к сотрудничеству на двухпартийной основе. Я также выполнил свое обещание, что экономика будет на первом месте, сформировав первоклассную экономическую команду, проведя саммит по экономическим вопросам и утвердив процесс принятия решений, предусматривавший подробное обсуждение всех проблем на основе самой полной информации. Как я и обещал, Ал Гор стал моим полноправным партнером, возглавив приступавшую к исполнению своих обязанностей администрацию. Он участвовал во всех стратегических совещаниях, в отборе членов кабинета и сотрудников Белого дома, однако продолжал активно выступать на публике.

Во время переходного периода и после него меня критиковали за то, что я не выполнил данные в ходе кампании обещания снизить налоги для среднего класса, за четыре года вдвое сократить дефицит бюджета и принимать гаитян, стремившихся на лодках добраться до США. Когда я отвечал, что такова была моя реакция на размеры дефицита, оказавшиеся больше прогнозировавшихся, некоторые оппоненты подчеркивали: мне следовало понимать, что администрация Буша представляет неверные сведения о дефиците в ожидании, пока пройдут выборы, и поэтому, готовя свою экономическую программу, я не должен был пользоваться официальными данными правительства. Что касается первых двух вопросов, то я не принимал эту критику всерьез, в отличие от недовольства моими действиями по решению проблемы гаитянских беженцев, которое я, напротив, считал в какой-то степени оправданным, учитывая, с какими однозначными заявлениями я выступал во время предвыборной кампании. Тем не менее я хотел добиться, чтобы больше беженцев, стремившихся получить политическое убежище в США, благополучно прибыло в нашу страну, и был полон решимости способствовать возвращению президента Аристида к власти на Гаити. Если бы мне удалось этого добиться, мое обязательство было бы выполнено.

Меня также критиковали за назначение Зое Бэйрд, за мое стремление быть в курсе всего происходящего и за то, что я тратил слишком много времени на принятие решений. У этих нападок была и положительная сторона. Зое не скрывала, что у нее работали нянями нелегальные иммигранты.

рантки, мы просто недооценили значение этой проблемы. Что же касается стиля моего руководства, то я знал: мне предстоит еще многому научиться, и использовал переходный период, чтобы получить как можно больше информации о максимальном количестве аспектов деятельности президента. Например, я несколько не жалею о времени, потраченном в переходный период на то, чтобы всерьез взяться за решение проблем экономики. Это обеспечило мне значительную стабильность на следующие восемь лет. С другой стороны, я всегда старался сделать слишком много, что приводило к раздражительности и физическому переутомлению, из-за чего я пользовался вполне заслуженной репутацией медлительного человека.

Я знал, что переходный период — только преддверие проблем, с которыми мне придется столкнуться на посту президента, когда все события будут происходить одновременно, знал, что мне придется давать больше поручений другим людям и лучше организовать процесс принятия решений по сравнению с тем временем, когда я был губернатором. Однако очень много постов в аппарате правительства все еще не было занято из-за того, что демократы не находились у власти целых двенадцать лет. Нам предстояло заменить очень многих людей. Мы хотели, чтобы новые сотрудники представляли самые широкие слои общества, кроме того, нам предстояло рассмотреть вопрос о назначениях тех, кто по праву на это претендовал. Более того, необходимый процесс проверки кандидатов был настолько сложным, что на него уходила уйма времени, ведь участникам федеральных расследований приходилось размышлять над каждым листком бумаги и проверять самые незначительные слухи, чтобы найти людей, неуязвимых для политических нападков и критики прессы.

Оглядываясь назад, я вижу два главных недостатка своей работы в переходный период: я уделял так много внимания формированию кабинета, что у меня почти не оставалось времени на назначения сотрудников Белого дома, и я почти не думал над тем, как добиться, чтобы в центре внимания общественности находились самые главные для меня приоритетные задачи, а не информация негативного характера, распространяемая моими оппонентами, которая могла, как минимум, отвлечь людей от серьезных проблем, а в худшем случае — создать впечатление, что я игнорирую эти приоритеты.

Реальной проблемой аппарата сотрудников Белого дома было то, что большинство из них были либо участниками моей предвыборной кампании, либо людьми из Арканзаса, не имевшими опыта работы в Белом доме и незнакомыми с политической культурой Вашингтона. Мои молодые сотрудники были талантливы, честны, преданы делу, и я считал, что получил возможность служить стране, работая в Белом доме, во многом благодаря их поддержке. Со временем они наберутся опыта и будут прекрасно справляться со своими обязанностями. Однако в важнейшие первые месяцы и мне, и моим сотрудникам приходилось многому учиться непосредственно в ходе работы, и некоторые из этих уроков очень дорого нам обошлись.

Мы не уделяли освещению своей деятельности такого внимания, как во время предвыборной кампании, хотя тем, кто работает в правительстве, и даже президенту, труднее ежедневно доносить до общественности нужную

информацию. Как я уже сказал, все происходит одновременно, и в новостных выпусках любой полемике уделяется больше внимания, чем политическим решениям, независимо от степени их важности. Именно это произошло, когда возникли разногласия вокруг назначения Зое Бэйрд и вопроса о службе гомосексуалистов в армии. Эти проблемы занимали самую незначительную часть моего времени, однако людей, смотревших вечерние выпуски новостей, можно было простить за то, что у них создавалось впечатление, будто я ничем другим не занимаюсь. Уверен, что если бы мы больше думали над этой задачей и активнее работали над ее решением в переходный период, то лучше бы с ней справились.

Несмотря на эти проблемы, я полагал, что переходный период прошел вполне успешно. По-видимому, так же считали и американцы. До моего отъезда в Вашингтон рейтинг моей популярности составлял, согласно опросу, проведенному NBC News/*Wall Street Journal*, 60 процентов, по сравнению с 32 процентами, набранными в мае. У Хиллари дела шли еще лучше: 66 процентов респондентов считали ее «образцом для подражания» для американских женщин, тогда как согласно опросу, проведенному ранее, она получила 39 процентов. Как свидетельствовали результаты другого опроса, проведенного двухпартийной организацией, мою деятельность после избрания одобряли 84 процента респондентов. Оценка деятельности Буша также повысилась примерно на двадцать пунктов, достигнув 59 процентов. Наши сограждане вновь обрели свойственный им оптимизм в оценке положения в Америке и давали мне шанс добиться успеха.

Шестнадцатого января, когда мы с Хиллари и Челси расставались с друзьями, которые провожали нас в аэропорту Литл-Рока, я думал о трогательных прощальных словах, с которыми Авраам Линкольн обратился к жителям Спрингфилда, штат Иллинойс, на вокзале перед отъездом в Белый дом: «Друзья мои, никто не может понять, какую глубокую грусть я испытываю при этом расставании. Я обязан этому месту и доброте живущих здесь людей абсолютно всем... Веруя в Бога, который пребудет со мной, когда я уеду, и останется с вами и будет повсюду во имя добра, будем надеяться и твердо верить, что, тем не менее, все будет хорошо». Я не мог выразить свои чувства так прекрасно, как Линкольн, но постарался как можно лучше донести до своих земляков-арканзасцев то, что переживал в тот момент. Если бы не они, я не садился бы в этот самолет.

Мы вылетели во Флориду, где в Монтиселло, на родине Томаса Джефферсона, должны были начаться инаугурационные мероприятия. В полете я думал об историческом значении моего избрания и ожидающих меня впереди труднейших задачах. Эти выборы отразили смену поколений в Америке — от ветеранов Второй мировой войны к послевоенному поколению беби-бума, представителей которого попеременно то высмеивали как испорченных эгоцентриков, то восхваляли как идеалистов, приверженных идее всеобщего блага. Независимо от того, придерживались ли мы либеральных или консервативных взглядов, наши политические убеждения были сформированы войной во Вьетнаме, движением за гражданские пра-

ва и бурным 1968 годом, с его выступлениями протеста, бунтами и убийствами. Мы также принадлежали к первому поколению, в полной мере ощутившему мощь движения женщин за свои права, влияние которого должно было в скором времени стать заметным и в Белом доме. Хиллари стала первой леди с самым высоким в истории нашей страны уровнем профессионализма. Теперь, когда она отказалась от юридической практики и ушла из многочисленных советов и комиссий, мой доход впервые с тех пор, как мы поженились, стал единственным источником средств существования для нашей семьи, и Хиллари смогла использовать свой талант как полноправный партнер по нашей работе. Я полагал, что она способна оказать более позитивное влияние, чем любая другая первая леди, со времен Элеаноры Рузвельт. Безусловно, из-за такой активности Хиллари, возможно, стала более спорной фигурой для тех, кто считал, что первые леди должны оставаться над схваткой, или тех, кто не был согласен с нашими политическими взглядами, однако это тоже явилось следствием смены поколений.

Безусловно, наш приход означал «смену караула», однако сможем ли мы выдержать испытания нашего беспокойного времени? Сумеет ли наладить положение в экономике, восстановить прогресс в социальной политике и вернуть легитимность правительству? Удастся ли нам снизить накал происходящих повсюду в мире религиозных, расовых и этнических конфликтов? Используя выражение из номера журнала *Time*, посвященного «Человеку года», смогут ли американцы под нашим руководством «преодолеть свои самые серьезные проблемы, изменив представление о самих себе»? Несмотря на нашу победу в холодной войне и распространение демократии по всему миру, мощные факторы разобщали людей и повреждали хрупкую структуру общин и в нашей стране, и за границей. В ситуации, когда существовали такие проблемы, американцы рискнули попытаться счастья со мной.

Примерно через три недели после выборов я получил замечательное письмо от Роберта Макнамары, который в должности министра обороны при президентах Кеннеди и Джонсоне вел войну во Вьетнаме. Он решил написать мне после того, как прочел в газете о моей дружбе с Фрэнком Аллером, с которым мы жили в одной комнате, когда учились в Оксфордском университете, и который уклонился от призыва и покончил с собой в 1971 году. В письме Макнамары говорилось:

Для меня — и я верю, что для страны тоже, — война во Вьетнаме наконец закончилась в тот день, когда Вас избрали президентом. Проголосовав за Вас, американский народ наконец-то признал, что Аллеры и Клинтоньы, когда они сомневались в мудрости и нравственности решений своего правительства, относящихся к Вьетнаму, проявляли не меньший патриотизм, чем те, кто служил в вооруженных силах. Боль, с которой Вы и Ваши друзья оспаривали наши действия в 1969 году, была тогда для Вас мучительной, и я уверен, воскрешение этих проблем во время предвыборной кампании разбередило старые раны. Однако достоинство, с которым Вы противостояли этим нападкам, и Ваше нежелание отказаться от убеждения в том,

что сомневаться в правильности любых решений об отправке молодежи на войну — долг каждого гражданина, способствовали консолидации нации на все времена.

Меня тронуло письмо Макнамары и аналогичные послания, которые я получал от ветеранов войны во Вьетнаме. Перед самым днем выборов Боб Хиггинс, бывший морской пехотинец из Хилсборо, штат Огайо, прислал мне свою медаль «За службу во Вьетнаме», в знак одобрения моей позиции в отношении этой войны и «за то, как Вы вели себя во время этой трудной кампании». За несколько месяцев до этого Рональд Мерфи из Лас-Вегаса отправил мне свою медаль «Пурпурное сердце», а Чарльз Хэмптон из Мармадьюка, штат Арканзас, прислал мне медаль «Бронзовая звезда», которой он был награжден за мужество, проявленное во время войны во Вьетнаме. В общей сложности в 1992 году ветераны вьетнамской войны прислали мне пять медалей «Пурпурное сердце», три медали «За службу во Вьетнаме», один знак пехотинца за участие в боевых действиях и «Бронзовую звезду», отправленную моим земляком-арканзасцем. Большинство наград я поместил в рамки и повесил в своем личном холле рядом с Овальным кабинетом.

Когда мой самолет совершал посадку в красивой местности в штате Вирджиния, где родились четверо из первых пяти наших президентов, я думал об этих ветеранах и их медалях, надеясь, что нам наконец удастся залечить раны 1960-х годов, и моля Бога о том, чтобы я оказался достоин их усилий, их поддержки и их мечтаний.

Воскресенье, 17 января, Ал и Типпер Гор и мы с Хиллари начали инаугурационную неделю с поездки в Монтиселло, после которой обсуждали с молодежью значение личности Томаса Джефферсона для Америки.

После этого мероприятия мы сели в автобус, чтобы совершить 120-мильную поездку до Вашингтона, которая символизировала наше намерение заставить федеральное правительство снова служить людям. Кроме того, нам была дорога память, связанная с такой поездкой, и мы хотели совершить ее в последний раз. Мы остановились в городе Калпепере, в красивой долине реки Шенандоа, чтобы присутствовать на краткой церковной службе, а затем двинулись в Вашингтон. Так же, как и во время предвыборной кампании, по обе стороны дороги стояли люди, вышедшие пожелать нам удачи, но среди них встречались и критики.

К тому времени, когда мы добрались до столицы, публичные мероприятия по случаю нашей инаугурации под названием «Американское единение: новые начала, возрожденная надежда» уже начались. Гарри Томасон, Рам Эмануэль и Мел Френч, мой друг из Арканзаса, который во время второго срока моего пребывания на посту президента стал начальником протокольного отдела, организовали удивительные мероприятия. По большей части они были бесплатными или за них брали сумму, которую могли себе позволить избравшие меня рабочие люди. В воскресенье и понедельник площадь между зданием Конгресса и мемориалом Вашингтона была заполнена участниками праздника на открытом воздухе, во время которого повсюду стояли столы с закусками, звучала музыка и выступали артисты. В ту ночь на ступенях памятника Линкольну состоялся концерт «Призыв к объединению», в котором приняли участие многие звезды, включая Дайану Росс и Боба Дилана, вызвавших восхищение двухсот тысяч зрителей, заполнивших все пространство от сцены до мемориала Вашингтона. Стоя под статуей Линкольна, я выступил с краткой речью, в которой призвал к национальному единству, заявив, что Линкольн «вдохнул новую жизнь в слова Джефферсона о том, что все мы рождены равными и свободными».

После концерта Ал и Типпер Гор и моя семья возглавили процессию, состоящую из тысяч людей с карманными фонариками, которые перешли реку Потомак по Мемориальному мосту до Леди-Бэрд-Джонсон-серкл, прямо у Арлингтонского национального кладбища. В шесть часов утра зазвонил колокол, который был точной копией «Колокола свободы», и вслед за ним по всей Америке и даже на борту космического корабля многоцелевого использования «Индевор» тоже зазвонили «Колокола надежды». Затем начался фейерверк, после которого состоялось несколько приемов. К моменту возвращения в Блэр-хаус, официальную резиденцию для гостей

президента, находящуюся напротив Белого дома, мы были усталыми, но воодушевленными, и, прежде чем заснуть, я некоторое время просматривал последний набросок своей инаугурационной речи.

Я все еще был ею недоволен. По сравнению с моими выступлениями во время предвыборной кампании она казалась высокопарной. Я знал, что речь должна быть более достойной, но не хотел, чтобы она была слишком длинной. Мне нравилось в ней одно место, построенное на идее, что благодаря нашему решению начать все сначала в этот холодный зимний день мы «приблизили весну». Это была идея моего друга, Отца Тима Хили, бывшего президента Джорджтаунского университета. Тим скоропостижно скончался от сердечного приступа через несколько недель после выборов, когда шел по аэропорту Ньюарка. Друзья, пришедшие в его квартиру, обнаружили в пишущей машинке листок с начатым письмом ко мне, которое содержало предложения по стилю изложения инаугурационной речи. Нас всех поразила фраза «приблизили весну», и мне хотелось использовать ее в память об этом человеке.

В понедельник, 18 января, отмечался день рождения Мартина Лютера Кинга-младшего. Утром я устроил прием для дипломатических представителей иностранных государств во внутреннем дворе Джорджтаунского университета, обратившись к ним со ступеней Старого Северного здания. На этом же месте в 1797 году стоял Джордж Вашингтон, а 1824 году здесь выступал великий французский генерал, герой Войны за независимость Лафайет. Я сказал дипломатам, что моя внешняя политика будет построена на трех основных принципах: экономическая безопасность внутри страны, реорганизация вооруженных сил для выполнения новых задач в мире в эпоху, наступившую после окончания холодной войны, и поддержка демократических ценностей во всем мире. За день до этого президент Буш отдал приказ о нанесении бомбового удара по объекту в Ираке, где, как предполагалось, производили оружие, а в тот самый день американские самолеты нанесли удары по позициям войск ПВО Саддама Хусейна. Я поддерживал эти усилия, целью которых было вынудить Саддама в полной мере соблюдать резолюции ООН, и призвал дипломатов уведомить об этом свои правительства. После встречи с ними я беседовал со студентами и выпускниками Джорджтаунского университета, среди которых было много моих однокашников, и призвал их поддержать мою инициативу, касающуюся национальной службы.

Из Джорджтаунского университета мы поехали в Университет Хауарда на церемонию в честь доктора Кинга, затем — на завтрак, организованный в красивой Шекспировской библиотеке Фолджера для более чем пятидесяти человек, с которыми Ал, Типпер, Хиллари и я познакомились во время предвыборной кампании и которые произвели на нас сильное впечатление. За мужественное поведение в трудных условиях или за новаторские методы решения современных задач мы называли их «лицами надежды». Мы хотели поблагодарить этих людей за то, что они нас вдохновляли, и в разгар радостной инаугурационной недели напомнить всем, что многим американцам все еще живется очень трудно.

Среди «лиц надежды» было два бывших члена прежде враждовавших между собой банд из Лос-Анджелеса, которые после волнений в этом городе объединили свои усилия, чтобы обеспечить детям лучшее будущее; двое из тех ветеранов войны во Вьетнаме, которые прислали мне свои медали; директор школы со специальной программой обучения, которая находилась в наиболее криминальном районе Чикаго, а ее учащиеся тем не менее регулярно демонстрировали уровень подготовки, который был выше, чем во всем этом штате и в стране в целом; судья из Техаса, учредивший новаторскую программу для психически больных детей; мальчик из Аризоны, благодаря которому я узнал, какие проблемы возникают в семье, где отец вынужден работать сверхурочно; врач — коренная американка из Монтаны, которая старалась улучшить качество психиатрической помощи своему народу; мужчина, потерявший работу из-за конкуренции со стороны низкооплачиваемых иностранных рабочих; люди, не имеющие возможности оплатить медицинские счета и не получающие помощи от правительства; молодой предприниматель, выискивающий возможности привлечения венчурного капитала; люди, которые создавали общинные центры для распавшихся семей; вдова полицейского, муж которой был убит душевнобольным, купившим пистолет без надлежащей проверки анкетных данных; восемнадцатилетний финансовый эксперт, уже работавший на Уолл-стрит; женщина, учредившая на своем предприятии широкомасштабную программу переработки отходов, и многие другие. Майкл Моррисон, молодой человек, который в день предварительных выборов в штате Нью-Хэмпшир в ненастную погоду добрался по шоссе в своем инвалидном кресле на избирательный участок, чтобы оказать мне помощь, тоже был среди этих людей. В число приглашенных вошел и Димитриос Теофанис, грек-иммигрант, который просил меня сделать его сына свободным.

Все эти «лица надежды» рассказали мне о тревогах и чаяниях Америки в 1992 году, но больше всех — Луиза и Клиффорд Рэй, три сына которых, страдающих гемофилией, были инфицированы ВИЧ при переливании зараженной крови. Их дочь эта болезнь не коснулась. Испуганные люди из небольшой общины в штате Флорида добивались, чтобы братьев Рэй исключили из школы, опасаясь, что, если у кого-то из них начнется кровотечение и кровь попадет на одного из их детей, те тоже могут быть инфицированы. Супруги Рэй обратились в суд, чтобы обеспечить своим сыновьям возможность продолжать учебу на прежнем месте, а затем решили переехать в Сарасоту — более крупный город, где школьные должностные лица тепло приняли их детей. Самый старший сын, Рики, был очень болен и изо всех сил боролся за жизнь. После выборов я позвонил ему, чтобы подбодрить и пригласить на инаугурацию. Рики очень хотел прийти, однако не смог. В возрасте пятнадцати лет он потерпел поражение в этой борьбе, всего за пять недель до того, как я стал президентом. Я был очень рад, что семья Рэй пришла на этот завтрак. После моего вступления в должность президента они защищали интересы больных гемофилией, заболевших СПИДом, и вели успешную лоббистскую кампанию в Конгрессе, добившись принятия решения о создании Фонда помощи больным гемофилией имени Рики Рэя.

Однако для этого потребовалось восемь долгих лет, и несчастья семьи Рэй на этом не кончились. В октябре 2000 года, за три месяца до окончания срока моих полномочий на посту президента, в возрасте двадцати двух лет умер от СПИДа их второй сын, Роберт. Как жаль, что антиретровирусная терапия не появилась на два года раньше. Теперь, когда она существует, я уделяю много времени и сил тому, чтобы обеспечить этим лекарством тысячи Рики Рэев по всему миру. Я хочу, чтобы они тоже стали «лицами надежды».

Во вторник утром мы с Хиллари начали день с посещения могил Джона и Роберта Кеннеди на Арлингтонском национальном кладбище. Сопровождаемый Джоном Кеннеди-младшим, Этель Кеннеди, некоторыми из ее детей и сенатором Тедом Кеннеди, я опустился на колени у Вечного огня и произнес короткую молитву, поблагодарив Бога за их жизни и служение и попросив дать мне мудрость и силы для великих свершений, ожидающих меня впереди. В полдень я устроил в Библиотеке Конгресса ланч для губернаторов штатов, поблагодарив их за все, что узнал от них за последние двенадцать лет. После состоявшегося во второй половине дня в Центре имени Джона Кеннеди мероприятия в честь детей Америки мы выехали в Капитолийский центр в Лендовере, штат Мэриленд, на гала-концерт, во время которого Барбра Стрейзанд, Уинтон Марсалис, К.Д. Лэнг, легенды рок-музыки Чак Берри и Литл Ричард, а также Майкл Джексон, Арета Франклин, Джек Николсон, Билл Косби, артисты Театра танца Элвина Эйли и другие исполнители развлекали нас в течение нескольких часов. Флитвуд Мак воодушевил толпу, исполнив песню, которая стала лейтмотивом нашей кампании: «Постоянно думайте о завтрашнем дне».

После концерта состоялась поздняя служба в Первой баптистской церкви, и в Блэр-хаус я вернулся уже за полночь. Хотя инаугурационная речь стала лучше, я все еще был ею недоволен. Мои спичрайтеры, Майкл Уолдман и Дэвид Каснет, должно быть, рвали на себе волосы, потому что, хотя в день инаугурации мы занимались этой речью с часу ночи до четырех утра, я все еще продолжал вносить в нее изменения. Вместе со мной бодрствовали Брюс Линдси, Пол Бегала, Брюс Рид, Джордж Стефанопулос, Майкл Шихан и мои друзья, спичрайтеры-«невидимки» Тони Каплан и Тейлор Бранч. Не спал и Ал Гор. Замечательные сотрудники резиденции для гостей Блэр-хаус привыкли заботиться о главах иностранных государств в любое время дня и ночи, поэтому были наготове с галлонами кофе, чтобы не дать нам уснуть, и закусками, чтобы мы сохраняли сравнительно хорошее настроение. К тому моменту, когда я лег, чтобы поспать час-другой, речь стала нравиться мне немного больше.

Утро среды было холодным и ясным. Я начал день с брифинга по вопросам безопасности, состоявшегося рано утром, а затем получил инструкции относительно того, как мои военные советники будут в случае необходимости осуществлять запуск наших ядерных ракет. У президента пять военных советников — по одному чрезвычайно способному молодому офицеру от каждого вида вооруженных сил, — причем один из советников постоянно находится рядом с ним.

Хотя после окончания холодной войны обмен ядерными ударами представлялся невероятным, принятие контроля над нашим ядерным арсеналом стало отрезвляющим напоминанием об обязанностях, которые я должен был взять на себя всего через несколько часов. Между пониманием того, что такое президентство, и фактическим выполнением обязанностей президента существует значительная разница. Это трудно описать словами, но, когда я покинул Блэр-хаус, мое нетерпение уравновешивалось смирением.

Последним мероприятием перед инаугурацией была служба в столичной Африканской методистской епископальной церкви. При участии Хиллари и Ала Гора я подобрал священнослужителей, певцов и музыку для этой службы. На ней присутствовали наши семьи — Хиллари и моя. Мама сияла. Роджер улыбался и наслаждался музыкой. В службе участвовали оба наших духовника из родного штата, а также духовники Ала и Типпер и отец Джорджа Стефанопулоса, священник греческой православной церкви, настоятель нью-йоркского Собора Святой Троицы. Отец Отто Хенц, который около тридцати лет назад предложил мне подумать, не хочу ли я стать иезуитом, произнес молитву. Выступили также раввин Джин Леви из Литл-Рока и имам Уоллес Д. Мохаммад. В этой церемонии участвовали несколько чернокожих священнослужителей из числа моих друзей, причем главную речь произнес доктор Гарднер Тейлор, один из величайших проповедников Америки всех рас и всех конфессий. Мои друзья из Церкви пятидесятников из Арканзаса и Луизианы пели вместе с Филом Дрисколлом, замечательным вокалистом и барабанщиком, с которым Ал был знаком еще в штате Теннесси, а Кэролайн Стейли спела «Не бойтесь», один из моих любимых псалмов, который послужил мне хорошим наставлением в этот день. Не раз во время службы глаза у меня наполнялись слезами, и я ушел из церкви в приподнятом настроении, готовый к тому, что ожидало меня в предстоящие часы.

Мы вернулись в Блэр-хаус, чтобы в последний раз просмотреть речь. Она стала гораздо лучше, чем была в четыре часа утра. В десять утра мы с Хиллари и Челси перешли улицу и подошли к Белому дому. На ступенях у входа нас встретили президент и госпожа Буш, которые пригласили нас на кофе вместе с четой Гор и супругами Куэйл. Там также присутствовали Рон и Альма Браун. Мне хотелось, чтобы Рон разделил со мной этот момент, ведь он так много сделал для того, чтобы этот миг стал возможен. На меня произвело большое впечатление, как хорошо президент и госпожа Буш держались в этой непростой для них ситуации. Было очевидно, что они очень привязались к некоторым сотрудникам и что им будет их не хватать. Около 10:45 мы расселись по лимузинам. По традиции мы с президентом Бушем ехали в одной машине вместе со спикером Палаты представителей Фоли и Уэнделлом Фордом, сенатором из Кентукки, человеком со скрипучим голосом, который был сопредседателем совместного комитета обеих палат Конгресса по проведению церемоний инаугурации и много сделал для того, чтобы мы с Алом, пусть и с небольшим перевесом, одержали победу в его штате.

К счастью, из-за продолжавшейся реставрации Капитолия последние три инаугурации проводили в западном крыле здания. До этого торжества

устраивались в другой его части, там, где находились Верховный суд и Библиотека Конгресса, из-за чего большинство людей, приходивших на эти церемонии, были лишены возможности их видеть. По оценке Национальной парковой службы, толпа, заполнившая территорию вокруг Капитолия, а также Молл, Конститьюшн-авеню и Пенсильвания-авеню, состояла из 280–300 тысяч человек. Какова бы ни была ее точная численность, толпа была очень большой и состояла из самых разных людей, молодых и старых, представителей всех рас, вероисповеданий и слоев общества. Я был счастлив, что так много людей, благодаря которым этот день стал возможен, пришли, чтобы разделить со мной радость победы.

Многие из присутствовавших там людей были наглядным свидетельством того, скольким я обязан своим друзьям: Марше Скотт и Марте Уэтстоун, организовавшим мою кампанию в северной Калифорнии, старым приятелям из Арканзаса; Шейле Бронфман, руководителю организации «Арканзасские путешественники», — она жила рядом с нами, когда я был генеральным прокурором; Дейву Меттеру, возглавлявшему штаб моей предвыборной кампании в западной Пенсильвании, который сменил меня на посту президента группы в Джорджтаунском университете; Бобу Реймару и Тому Шнайдеру, двум моим ведущим сборщикам средств, друзьям по юридическому факультету и «Ренессансному уикенду». Там было очень много таких людей, как они, благодаря которым этот день стал возможен.

Церемония началась в 11:30. В соответствии с протоколом на трибуну вышли все главные действующие лица в сопровождении представителей Конгресса. Президент Буш шел прямо за мной с оркестром морской пехоты, которым дирижировал полковник Джон Буржуа. Оркестр исполнял «Приветствие главнокомандующему» для нас обоих. Я смотрел на огромную толпу.

Затем судья Верховного суда Байрон Уайт привел Ала Гора к присяге при вступлении в должность вице-президента. Сначала предполагалось, что эту церемонию совершит бывший судья Верховного суда Тергуд Маршалл, известнейший поборник гражданских прав, который после его назначения президентом Джонсоном в состав Верховного суда стал первым чернокожим членом этого суда высшей инстанции, однако он заболел. Было бы странным, если бы эту церемонию проводил отставной судья, однако сын Маршалла, Тергуд-младший, входил в штат сотрудников Гора. Другой его сын, Джон, который служил в полиции штата Вирджиния, возглавлял наш кортеж автомобилей по пути из Монтиселло в Вашингтон. Тергуд Маршалл умер через четыре дня после церемонии инаугурации. Это была огромная потеря. Тергуда высоко ценили и оплакивали миллионы американцев, которые помнили, какой была Америка до того, как он стал выступать за ее преобразование.

После того как Ал Гор принес присягу, великая певица — меццо-сопрано Мерилин Хорн, с которой я познакомился несколько лет назад во время ее выступления в Литл-Роке, исполнила попури из популярнейших американских песен. Затем настала моя очередь. Хиллари стояла слева от меня и держала нашу семейную Библию, Челси заняла место справа. Я положил левую руку на Библию, поднял правую руку и повторял за председателем Верховного суда Ренквистом слова присяги, торжественно обещая «честно

выполнять» обязанности президента и «по мере своих сил охранять, оберегать и защищать Конституцию Соединенных Штатов, и да поможет мне в этом Бог».

Я обменялся рукопожатиями с председателем Верховного суда и президентом Бушем, потом обнял Хиллари и Челси и сказал, что люблю их. Затем сенатор Уэнделл Форд пригласил меня на трибуну как «президента Соединенных Штатов Америки». Я начал свою речь с определения значения настоящего момента для американской истории:

Сегодня мы совершаем таинство обновления Америки. Эта церемония проходит в разгар зимы, но с помощью слов, которые мы произносим, и лиц, которые мы показываем миру, мы приближаем весну. Весну, возродившуюся в стране с самыми давними в мире демократическими традициями, дающую прозрение и мужество для переустройства Америки. Когда наши отцы-основатели смело объявили всему миру о независимости Америки, а Всемогущему Богу — о наших целях, они понимали, что Америке, для того чтобы уцелеть, нужно будет измениться... Каждое поколение наших граждан должно определить для себя, что значит быть американцем.

Произнеся слова приветствия президенту Бушу, я охарактеризовал нынешнюю ситуацию:

Сегодня поколение, выросшее в тяжелых условиях холодной войны, берет на себя новую ответственность в мире, согретом солнечным светом свободы, которому, однако, все еще грозят старая вражда и новые бедствия. Выросшие в условиях процветания, не имевшего себе равных, мы наследуем экономику, которая по-прежнему является сильнейшей в мире, однако в данный момент ослаблена... Наш мир потрясают и меняют глубокие и мощные силы, и безотлагательный вопрос нашего времени — сумеем ли мы сделать эти перемены нашим другом, а не врагом... В Америке нет ничего плохого, что нельзя было бы исправить на основе всего того хорошего, что есть в нашей стране.

Я предупредил, что, тем не менее, «это будет нелегко и потребует жертв... Мы должны заботиться о нашей стране так, как семья заботится о своих детях». Я призвал моих сограждан думать о следующих поколениях, «о будущем мире, о мире, ради которого мы придерживаемся своих идеалов, который дал нам нашу планету и перед которым мы несем священную ответственность. Мы должны сделать то, что Америка умеет лучше всего: предложить больше возможностей для всех и потребовать от всех ответственности».

Я сказал, что в наше время «больше нет четкого разделения между иностранным и отечественным. Мировая экономика, мировая экология, мировой кризис со СПИДом, всемирная гонка вооружений влияют на всех нас... Америка должна продолжать играть ведущую роль в мире, ведь мы так много сделали для того, чтобы этого добиться».

Я закончил свою речь призывом к американскому народу, сказав, что, проголосовав за меня, он «приблизил весну», однако подчеркнув, что только своими силами правительство не может создать такую страну, какая нужна нации: «Вы тоже должны внести свой вклад в наше обновление. Я призываю новое поколение молодых американцев к служению... Так много нужно сделать... С этой вершины радостного торжества мы слышим призыв к служению в долине. Мы услышали звуки труб, мы сменили караул, и теперь все, каждый по-своему и с Божьей помощью, должны откликнуться на этот призыв».

Хотя некоторые комментаторы критиковали мою речь, заявляя, что она не содержала ни звучных фраз, ни необходимых конкретных деталей, я остался ею доволен. Она была красноречивой и ясной, в ней говорилось о том, что мы собираемся сократить дефицит, увеличивая при этом важнейшие инвестиции в наше будущее, в ней прозвучал призыв к американскому народу больше делать для оказания помощи нуждающимся и для преодоления нашей разобщенности. Кроме того, речь была короткой: она заняла третье место среди самых лаконичных инаугурационных речей в истории, после величайшей из всех речей, произнесенной на своей второй инаугурации Линкольном, и второй речи Вашингтона, продолжавшейся менее двух минут. Вашингтон сказал только: «Спасибо, я возвращаюсь к работе, и если она не будет успешной, вынесите мне порицание». В отличие от него, Уильям Генри Гаррисон выступил в 1841 году с самой длинной речью за всю историю. День выдался холодным, а он был без пальто, говорил значительно дольше часа и в результате заболел тяжелой пневмонией, от которой через тридцать три дня скончался. Моя речь, к счастью, была по крайней мере краткой, что в целом мне не свойственно, но люди поняли, как я смотрю на мир и каким образом намерен действовать.

Самые прекрасные слова в этот день произнесла Майя Энджелу, высокая женщина с глубоким сильным голосом, которую я попросил написать стихотворение по этому случаю и которая стала первым поэтом, сделавшим это после того, как в 1961 году Роберт Фрост выступил на церемонии инаугурации президента Кеннеди. Я следил за карьерой Майи с тех пор, как прочел ее мемуары «Я знаю, почему поет птица в клетке» (*I Know Why the Caged Bird Sings*), в которых рассказывается о ее детстве, когда она была травмированной, безгласной девочкой, жившей в бедной черной общине в Стампе, штат Арканзас.

Стихотворение Майи «О пульсе утра» (*On the Pulse of Morning*) привлекло внимание толпы. Оно было построено на поражающих воображение образах — камня, на котором можно стоять, реки, на берегу которой можно отдохнуть, и дерева, уходящего корнями во все национальные культуры, составляющие американскую мозаику. Автор стихотворения в форме дружеского приглашения обращалась к слушателям со страстным призывом:

Поднимите лица, ведь вам так необходимо,
чтобы это яркое утро началось для вас.
История, хотя она причиняет мучительную боль,
должна быть прожита,

И, если относиться к ней с мужеством,
Нам не придется вновь пережить то же самое.
Поднимите глаза
На день, начинающийся для вас.
Позвольте снова родиться
Этой мечте...

...

Здесь, в ритме этого нового дня,
У вас, возможно, хватит милосердия
Посмотреть вверх и вокруг,
И в глаза вашей сестры,
И в лицо вашего брата,
На вашу страну
И сказать просто,
Очень просто,
С надеждой:
«Доброе утро».

Билли Грэм закончил это доброе для нас утро кратким благословением, и мы с Хиллари покинули трибуну, чтобы проводить Буша и его супругу, спустившихся по ступеням Капитолия к уже ожидавшему их вертолету морской пехоты №1, который должен был доставить их к месту первой остановки на пути домой. Мы вернулись в Белый дом, чтобы позавтракать с членами постоянного комитета Конгресса, затем проехали на машине по Пенсильвания-авеню к смотровой площадке перед Белым домом, где должен был состояться марш-парад по случаю инаугурации. Вместе с Челси мы вышли из машины и несколько последних кварталов прошли пешком, чтобы приветствовать толпы людей, стоявших в несколько рядов на всем нашем пути.

После марш-парада мы впервые вошли в свой новый дом, и у нас осталось всего два часа, чтобы поздороваться с персоналом, отдохнуть и подготовиться к вечеру. Тем, кто занимался перевозкой наших вещей, чудесным образом удалось доставить все на место за время церемонии инаугурации и парада.

Свой вечерний марафон мы начали в семь часов с обеда, после которого посетили все одиннадцать инаугурационных балов. Мой брат пел для меня на молодежном балу MTV, на другом балу я играл на тенор-саксофоне дуэтом с Кларенсом Клемонсом мелодию «Ночной поезд». Однако на большинстве из этих балов мы с Хиллари сначала произносили несколько слов благодарности, потом, демонстрируя ее красивое пурпурное платье, танцевали под мелодию одной из наших любимых песен «Это могла быть только ты». Тем временем Челси вместе с друзьями из Арканзаса веселилась на молодежном балу, а Ал и Типпер следовали собственному расписанию. На балу штата Теннесси Пол Саймон угостил присутствующих своим хитом «Вы можете называть меня Алом». На балу штата Арканзас я представил маму Барбре Стрейзанд и выразил надежду, что они поладят. Они не

просто поладили, а стали близкими подругами, и Барбра звонила моей маме каждую неделю до самой ее смерти. Я и сейчас храню фотографию, на которой они сняты в вечер инаугурации идущими рука об руку.

Когда мы вернулись в Белый дом, было уже больше двух часов ночи. На следующее утро нам предстояло присутствовать на приеме, однако я был слишком взволнован, чтобы сразу лечь спать. Наш дом был полон людей: родители Хиллари, мама и Дик, наши братья и сестры, друзья Челси из нашего штата и наши друзья Джим и Дайана Блэр и Гарри и Линда Томасон. Спать пошли только наши родители.

Мне хотелось оглядеться. Мы и раньше бывали в жилых помещениях на втором этаже Белого дома, но теперь это воспринималось совсем по-другому. До нас стало доходить, что мы теперь действительно здесь живем и что нам предстоит сделать это место своим домом. В большинстве комнат были высокие потолки, красивая и удобная мебель. Спальня президента и столовая выходят на юг, а небольшая комната рядом со спальней стала затем гостиной Хиллари. Спальня и кабинет Челси находились через холл, чуть дальше официальной столовой и небольшой кухни. В другом конце холла были спальни для гостей, одна из которых раньше служила кабинетом Линкольну: там висел один из написанных его рукой экземпляров Геттисбергского обращения.

Рядом со спальней Линкольна находился Зал договоров, названный так, потому что в 1898 году в нем был подписан договор о прекращении испано-американской войны. В течение нескольких лет он использовался как личный кабинет президента, и обычно в нем находилось множество телеэкранов, чтобы глава правительства мог одновременно смотреть все новостные программы. При президенте Буше там стояло, как мне кажется, четыре телевизора. А я решил, что этот зал будет спокойным местом, где я смогу читать, размышлять, слушать музыку и проводить короткие встречи. Плотники Белого дома сделали для меня книжные полки, которые поднимались от пола до потолка, а сотрудники поставили стол, на котором был подписан договор об окончании испано-американской войны. В 1869 году стол стоял в кабинете Улисса Гранта, и за ним могли поместиться президент и руководители семи министерств его правительства. С 1898 года он использовался для подписания всех договоров, включая временный мораторий на ядерные испытания при президенте Кеннеди и Кэмп-Дэвидские соглашения при президенте Картере. Мне тоже довелось его использовать еще до конца того года.

Я распорядился установить в этой комнате диван XVIII века в стиле чиппендейл, старейший предмет мебели в коллекции Белого дома, и антикварный столик, купленный Мэри Тодд Линкольн, на который мы поставили серебряную чашку времен подписанного в 1898 году договора. Когда я принес туда мои книги и компакт-диски и повесил некоторые старые снимки, включая сделанную в 1860 году фотографию Авраама Линкольна и известный портрет Черчилля работы Юсуфа Карша, в комнате, где в последующие годы мне предстояло провести бесчисленные часы, воцарилась уютная мирная атмосфера.

Свой первый день в качестве президента я начал с того, что привел маму в Розовый сад, чтобы показать ей, где именно я стоял почти тридцать лет

назад, когда мне пожал руку президент Кеннеди. Затем, нарушив сложившуюся практику, мы открыли Белый дом для посещения публики, разыграв в лотерею две тысячи билетов. Ал, Типпер, Хиллари и я, выстроившись в ряд, пожимали руки владельцам билетов, а затем другим людям, ожидавшим под холодным дождем, когда придет их очередь пройти через нижний южный вход в зал для дипломатических приемов. Один решительный молодой человек, у которого не было билета, но зато имелся спальный мешок, за ночь добрался до Белого дома автостопом. Через шесть часов нам пришлось сделать перерыв, и я вышел на улицу, чтобы обратиться к остальным людям, собравшимся на Южной лужайке. В этот вечер мы с Хиллари простояли еще несколько часов, приветствуя наших друзей из Арканзаса и однокашников из Джорджтаунского университета, Колледжа Уэллсли и Йельского университета.

Через несколько месяцев после инаугурации вышла книга с красивыми фотографиями, запечатлевшими эмоциональный накал и смысл инаугурационной недели, с разъяснительным текстом, написанным Ребеккой Баффэм Тейлор. В эпилоге к этой книге она пишет:

На изменение политических ценностей требуется время. Даже если это происходит успешно, ясность появится лишь через месяцы или годы, когда объектив приблизится и отодвинется снова и когда отдаленное и среднее пространство объединится с тем, что можно увидеть сегодня.

Слова эти были убедительные и, вероятно, правильные. Однако я не мог ждать годы, месяцы или даже дни, чтобы выяснить, содействовали ли предвыборная кампания и инаугурационная церемония изменению ценностей, углублению корней и расширению контактов с американским обществом. Мне слишком многое предстояло сделать, и очень скоро работа перешла от поэзии к прозе, причем не всегда прекрасной.

Следующий год представлял собой удивительную мозаику из важных законодательных достижений, успехов и разочарований во внешней политике, непредвиденных событий, личной трагедии, искренних ошибок и неловких нарушений культурных обычаев Вашингтона, которые в сочетании с постоянными утечками информации, исходившими от некоторых сотрудников, гарантировали освещение моей деятельности в печати, часто похожее на то, каким оно было во время предварительных выборов в Нью-Йорке.

Двадцать второго января мы объявили о том, что Зое Бэйрд сняла свою кандидатуру с рассмотрения на пост министра юстиции. После того как мы узнали, что у нее работали незаконные иммигрантки и что во время процесса проверки она не платила за них социальные налоги, я был вынужден заявить, что мы не смогли дать надлежащую оценку этому делу, и не она, а я несу ответственность за эту ситуацию. Зое никоим образом не вводила нас в заблуждение. Она наняла помощниц по домашнему хозяйству, только что получив новую работу, а ее муж-преподаватель взял летний отпуск. По-видимому, каждый предполагал, что вопрос с налогами решил другой. Я верил ей и после того, как она впервые предложила снять свою кандидатуру, и еще три недели продолжал добиваться ее назначения. Впоследствии я назначил Зое в Консультативный совет по внешней разведке, где она внесла реальный вклад в работу, выполнявшуюся группой адмирала Кроу.

В тот же день новая администрация вызвала недовольствие журналистов тем, что лишила их привилегии, которой они пользовались годами: запретила проходить из комнаты для представителей прессы, расположенной между западным крылом и жилыми помещениями Белого дома, в кабинет пресс-секретаря на первом этаже, находящийся рядом с залом заседаний кабинета. Подобные «прогулки» позволяли представителям прессы постоянно крутиться в холлах и забрасывать вопросами всех проходящих мимо. По-видимому, кое-кто из сотрудников, занимавших высокие посты в администрации Буша, сказал своим новым коллегам, что это препятствовало эффективной работе и усиливало утечку информации, и мы приняли решение изменить существующее правило. Я не помню, чтобы со мной консультировались, хотя, возможно, так и было. Журналисты подняли ужасный шум, однако мы твердо держались своего решения, считая, что они это переживут. Совершенно очевидно, что новая политика способствовала более свободному передвижению и общению сотрудников Белого дома, однако трудно сказать, стоило ли принимать такие меры, учитывая, какую враждебность они вызвали. Невзирая на это, в первые несколько месяцев моей деятельности на посту президента утечек из Белого дома было больше, чем из хижины с дырами в крыше и щелями в стенах. Поэтому

нельзя сказать, что ограничение передвижений представителей печати принесло какую-то пользу.

В тот вечер, в годовщину рассмотрения дела «Роу против Уэйда», я издал распоряжение, отменившее запрет Рейгана — Буша на исследования эмбриональной ткани; упразднил так называемое «правило Мехико», запрещавшее оказывать федеральную помощь международным ведомствам по планированию семьи, которые имели какое-либо отношение к абортам; упразднил «жесткий регламент» Буша, запрещавший консультации по поводу абортов в клиниках по планированию семьи, получавших федеральное финансирование. Во время предвыборной кампании я обещал принять эти меры и считал их правильными. Исследования эмбриональной ткани были необходимы для того, чтобы найти более эффективные средства лечения болезни Паркинсона, диабета и других заболеваний. Есть основания думать, что «правило Мехико» способствовало увеличению числа абортов, поскольку ограничивало доступ к информации об альтернативных методах планирования семьи. А «жесткий регламент» использовал федеральные средства, чтобы помешать клиникам по планированию семьи сообщать беременным женщинам, часто испуганным, слишком молодым и одиноким, о возможности, которую Верховный суд объявил конституционным правом. Федеральные средства по-прежнему нельзя было направлять на финансирование абортов ни в нашей стране, ни за границей.

Двадцать пятого января, в первый день учебы Челси в новой школе, я объявил, что Хиллари возглавит целевую группу, которая должна будет разработать всеобъемлющую программу в области здравоохранения. Вместе с ней должны были работать Айра Магазинер, в качестве ведущего сотрудника, Кэрол Раско, как советник по внутренней политике, и Джуди Фидер, возглавлявшая в нашем переходном комитете команду по здравоохранению. Я был рад, что Айра согласился работать над реформой здравоохранения. Мы с ним дружили с 1969 года, когда он как стипендиат Родса поступил в Оксфорд на следующий год после меня. Успешный предприниматель, он входил в состав экономической команды моего предвыборного штаба. Айра считал, что введение всеобщей медицинской страховки является необходимостью как с нравственной, так и с экономической точек зрения. Я знал, что он окажет Хиллари именно такую поддержку, которая ей необходима для решения стоявшей перед нами трудной задачи.

Руководство деятельностью по реформе системы здравоохранения было ролью, беспрецедентной для первой леди, так же, как и мое решение предоставить Хиллари и ее сотрудникам кабинеты в западном крыле Белого дома, где обычно осуществляется политическая деятельность, а не в традиционном восточном крыле, в служебных помещениях которого обычно проводятся светские мероприятия Белого дома. Оба решения были спорными; когда речь шла о роли первой леди, то Вашингтон, по-видимому, проявлял еще большую консервативность, чем Арканзас. Я решил, что Хиллари следует возглавить усилия по реформе системы здравоохранения, поскольку ее интересовала эта сфера деятельности и она очень много о ней знала. У Хиллари было время, чтобы хорошо выполнить эту работу, и я считал, что она

сможет стать честным посредником между всеми конкурирующими структурами в области здравоохранения, государственными ведомствами и группами потребителей. Я знал, что в целом это начинание сопряжено с риском. Попытка Гарри Трумэна ввести систему всеобщего медицинского страхования чуть было не привела к его отставке с поста президента, а законопроекты, подготовленные Никсоном и Картером, не продвинулись дальше стадии обсуждения в комитетах. В ситуации, когда большинство в Конгрессе составляли демократы, Линдон Джонсон добился принятия программы «Медикэр» для пожилых людей и «Медикэйд» для бедняков, однако он даже не пытался обеспечить страховкой тех, у кого ее не было. Тем не менее я полагал, что нам следует предпринять попытку добиться всеобщего страхования, уже давно существовавшего в каждой второй богатой стране, как для улучшения положения в здравоохранении, так и по экономическим соображениям. Почти у сорока миллионов американцев не было медицинской страховки, и, тем не менее, мы расходовали на здравоохранение 14 процентов нашего валового национального продукта, на 4 процента больше, чем Канада, страна, находящаяся на следующем за нами месте по этому показателю.

Вечером 25 января по просьбе членов Объединенного комитета начальников штабов я встретился с ними, чтобы обсудить вопрос о службе гомосексуалистов в вооруженных силах. Ранее в тот же день газета *New York Times* сообщила, что из-за активной оппозиции военных этим нововведениям я решил отложить принятие официальных решений, отменяющих запрет на службу гомосексуалистов в армии, на шесть месяцев, и за это время будут изучены мнения старших офицеров, а также практические проблемы. Это было разумное решение. Когда Гарри Трумэн отдал распоряжение о расовой интеграции в вооруженных силах, он предоставил Пентагону даже больше времени для размышлений над тем, как выполнить это решение таким образом, чтобы оно не противоречило его главной цели — сохранить хорошо подготовленные, сплоченные вооруженные силы, обладающие высоким моральным духом. Тем временем министр обороны Эспин запретил военным задавать новобранцам вопрос об их сексуальной ориентации и увольнять из армии мужчин и женщин с нетрадиционной ориентацией, если их не застали в момент совершения гомосексуального полового акта, что рассматривалось как нарушение Унифицированного военного кодекса.

То, что Объединенный комитет начальников штабов обратился ко мне с просьбой о встрече, с самого начала создало проблему. Меня очень интересовало мнение его членов, однако я не хотел, чтобы этот вопрос привлек еще больше внимания, чем ему уже уделялось, не из-за стремления скрыть свою позицию, а просто не желая, чтобы общественность считала, что я занимаюсь этим больше, чем проблемами экономики. Республиканцы в Конгрессе хотели, чтобы американский народ думал именно так. Сенатор Доул уже говорил о возможности принятия резолюции, которая лишит меня права на отмену этого запрета. Безусловно, он хотел, чтобы это стало главной проблемой первых пяти недель моего пребывания на посту президента.

На состоявшейся встрече члены Объединенного комитета начальников штабов признали, что в вооруженных силах численностью 1,8 миллиона че-

людей служат тысячи геев и лесбиянок, которые безупречно выполняют свои обязанности, тем не менее они подчеркнули, что, если позволить людям служить, не скрывая своей сексуальной ориентации, это будет, по выражению генерала Пауэлла, «пагубно влиять на дисциплину и порядок». Остальные члены Объединенного комитета начальников штабов были согласны с его председателем. Когда я сказал, что увольнение из вооруженных сил за последние десять лет 17 тысяч гомосексуалистов обошлось в 500 миллионов долларов, хотя, как указывалось в докладе правительства, не было никаких оснований считать, что они не могут эффективно нести службу, члены Объединенного комитета начальников штабов ответили, что это стоило сделать для сохранения единства и соблюдения нравственных норм в воинских частях.

Начальник оперативного отдела штаба ВМС адмирал Франк Келсо заявил, что наиболее серьезные практические проблемы, учитывая тесноту и изолированность помещений на кораблях, существуют именно в ВМС. Начальник штаба армии генерал Гордон Салливан и начальник штаба ВВС генерал Мерилл Макпик тоже высказались против того, чтобы разрешить гомосексуалистам служить в армии. Однако самым решительным противником этого был начальник штаба Корпуса морской пехоты генерал Карл Манди. Его беспокоило нечто большее, чем внешние приличия и практическая сторона вопроса. Он считал гомосексуализм аморальным явлением; если разрешить тем, кто придерживается нетрадиционной ориентации, открыто служить, то это будет означать, что вооруженные силы потворствуют безнравственному поведению, и в таком случае они больше не смогут привлекать лучших молодых американцев. Я был не согласен с Манди, но этот человек мне нравился. На самом деле я уважал их всех и хорошо к ним относился. Члены комитета честно высказали мне свое мнение, однако добавили, что, если я им прикажу, они сделают все от них зависящее, однако, если их пригласят в Конгресс для дачи показаний, они будут вынуждены честно изложить свою точку зрения.

Через несколько дней у меня состоялось еще одно ночное совещание по этому вопросу с членами сенатского Комитета по делам вооруженных сил, включая сенаторов Сэма Нанна, Джеймса Эксона, Карла Левина, Роберта Берда, Эдварда Кеннеди, Боба Грэма, Джеффа Бингамана, Джона Гленна, Ричарда Шелби, Джо Либермана и Чака Робба. Нанн, который выступал против моей позиции, согласился на шестимесячную отсрочку принятия решения. Некоторые из моих сотрудников были недовольны тем, что Сэм сразу же и решительно выступил против моего предложения, однако я не разделял их точку зрения; в конце концов, он был консерватором, как председатель этого комитета с уважением относился к военной культуре и считал своей обязанностью ее защищать. Сэм был не одинок. Чарли Москос, социолог из Северо-Западного университета, который работал вместе со мной и Нанном над предложением Национального комитета демократической партии по национальной службе, рассказал, что во время корейской войны познакомился с офицером-гомосексуалистом, который выступал против отмены этого запрета. Он заявлял, что благодаря ему сохраняется «надежда на конфиденциальность», на которую имеют право солдаты, живущие

в условиях скученности. Москос подчеркнул, что нам следует оставить все так, как пожелает большинство военнослужащих, поскольку главное, что нам необходимо, — это способность и готовность вооруженных сил сражаться. Я считал, что проблема как с его доводами, так и аргументами Сэма Нанна состоит в том, что их с таким же успехом можно было бы использовать против приказа Трумэна об интеграции или против предпринимаемых в настоящее время усилий с целью предоставить женщинам более широкие возможности для службы в вооруженных силах.

Сенатор Берд занял еще более жесткую позицию, чем Нанн, повторив то, что я уже слышал от генерала Манди. Берд считал гомосексуализм грехом и заявил, что никогда не позволил бы своему внуку, которого он обожал, поступить на службу в вооруженные силы, куда допускаются люди нетрадиционной сексуальной ориентации. По словам сенатора, единственной причиной краха Римской империи стало то, что в римских легионах мирились с повсеместным гомосексуальным поведением, которому были подвержены все — от Юлия Цезаря до рядовых воинов. В отличие от Берда и Нанна, Чак Робб, который по многим вопросам занимал консервативную позицию и в свое время участвовал в тяжелых боях во Вьетнаме, поддержал меня, потому что во время войны общался с людьми, которые были одновременно гомосексуалистами и смелыми солдатами. В Конгрессе он был не единственным ветераном вьетнамской войны, занимавшим такую позицию.

Культурные различия частично, но не полностью основывались на принадлежности к разным партиям и разным поколениям. Некоторые молодые демократы выступали против отмены этого запрета, в то время как кое-кто из республиканцев старшего возраста, включая Лоуренса Корба и Барри Голдуотера, считали, что его надо оставить в силе. Корб, который, будучи помощником министра обороны в администрации Рейгана, проводил в жизнь этот запрет, заявил, что он не так уж необходим для сохранения высокого уровня и мощи наших вооруженных сил. Голдуотер, бывший председатель сенатского Комитета по делам вооруженных сил, ветеран и основатель Национальной гвардии штата Аризона, был старомодным консерватором со склонностью к полной свободе воли. В заявлении, опубликованном газетой *Washington Post*, он подчеркнул, что решение позволить гомосексуалистам служить в армии — это не призыв к культурной распущенности, а подтверждение американских ценностей, предусматривающих расширение возможностей для ответственных граждан и ограничение вмешательства правительства в частную жизнь людей. В своей прямой грубоватой манере Голдуотер отметил, что для него неважно, является ли солдат «натуралом»: главное, чтобы он метко стрелял.

Как оказалось, его поддержка и все мои аргументы носили чисто теоретический характер. Палата представителей при соотношении голосов более чем три к одному приняла резолюцию против моей позиции. Оппозиция Сената оказалась не столь явной, но, тем не менее, существенной. Это означало, что, если я продолжу настаивать на своем, Конгресс отменит мое решение путем внесения поправки в законопроект об ассигнованиях на

оборону, на которую мне будет не так-то просто наложить вето, и даже если мне это удастся, обе палаты Конгресса его отменят.

Во время обсуждения этого вопроса я ознакомился с результатами опроса общественного мнения, подтверждавшими, что общественность, при соотношении 48 к 45 процентам, не согласна с моей позицией. Для столь спорной проблемы цифры выглядели не так уж плохо, но они свидетельствовали о негативном отношении к подобным планам и показывали, почему Конгресс считал это дело полностью провальным. Только 16 процентов электората активно поддерживали отмену запрета, в то время как 33 процента решительно выступали против. Позиция конгрессмена по обсуждавшемуся вопросу могла повлиять на решение этих людей голосовать или не голосовать за него на следующих выборах. Поэтому было трудно убедить политиков в округах, избиратели которых склонны менять свои предпочтения, согласиться с какой-либо идеей, способной лишить их 17 процентов голосов. Обнаружилась и такая интересная связь: люди, называвшие себя христианами, утвердившимися в вере после испытаний, выступали против моей позиции при соотношении 70 к 22 процентам, а люди, которые говорили, что были знакомы с гомосексуалистами лично, поддерживали ее при соотношении 66 против 33 процентов.

В ситуации, когда поражение в Конгрессе стало неизбежным, Лес Аспин договорился с Колином Пауэллом и Объединенным комитетом начальников штабов о компромиссе. Почти ровно через шесть месяцев, 19 июля, я отправился в Университет национальной обороны в Форт-Макнейре, чтобы объявить об этом офицерам, ожидавшим решения. Принцип «не задавайте вопросов и не отвечайте на них» по существу означал: если вы объявляете себя гомосексуалистом, предполагается, что вы намереваетесь нарушить Унифицированный военный кодекс, и вас могут уволить из вооруженных сил, если вам не удастся убедить своего командира, что вы не собираетесь вступать в гомосексуальные половые контакты и нарушать кодекс. Однако, если вы не сообщаете, что вы гомосексуалист, к вашему увольнению не приведут следующие вещи: если вы будете участвовать в демонстрациях за права гомосексуалистов в гражданской одежде; если вы будете посещать бары для гомосексуалистов или общаться с людьми, о которых известно, что они гомосексуалисты; если ваша фамилия будет включена в списки почтовой рассылки для гомосексуалистов; если вы будете жить с лицом того же пола, в чью пользу застрахуете свою жизнь. На бумаге военные значительно продвинулись к соблюдению принципа «живи сам и давай жить другим», хоть и продолжали считать, что не могут признать права гомосексуалистов, не одобряя гомосексуализм в целом и не ставя под угрозу нравственность и единство. Однако на практике этот принцип часто не соблюдался. Многие офицеры, которые были против службы гомосексуалистов в армии, игнорировали новую политику и еще более активно старались избавляться от военнослужащих с гомосексуальной ориентацией, что обошлось вооруженным силам в миллионы долларов, которые можно было бы с гораздо большей пользой использовать для укрепления безопасности Америки.

В краткосрочной перспективе я ничего не сумел сделать. В этой борьбе я потерпел поражение, и гомосексуалисты резко критиковали меня за достигнутый компромисс, отказываясь признать, что его причиной было фактическое отсутствие поддержки в Конгрессе, и не ставя мне в заслугу отмену другого запрета, касающегося назначения гомосексуалистов на важнейшие посты в структурах национальной безопасности, или того, что в администрации появилось значительное число геев и лесбиянок. Сенатор Доул, напротив, одержал большую победу. Он с самого начала и неоднократно ставил этот вопрос и вызвал вокруг него такую шумиху, что создалось впечатление, будто я не занимаюсь ничем другим. Поэтому многие американцы, избравшие меня президентом для наведения порядка в экономике, подумали, что я уделяю столько внимания сущей ерунде, и начали опасаться, не ошиблись ли они, приняв такое решение.

Я обнаружил, что мне будет нелегко сдержать и другое обещание, данное во время предвыборной кампании, — о сокращении на 25 процентов аппарата сотрудников Белого дома. Это было бы крайне нежелательно для Мака Макларти, особенно потому, что мы разработали более честолюбивую программу, чем у предыдущей администрации, и получали вдвое больше корреспонденции. 9 февраля, всего за неделю до объявления своей экономической программы, я выступил с предложением о сокращении аппарата Белого дома на 25 процентов, или на 350 человек — до 1044 сотрудников. Это сокращение распространялось на все службы; даже аппарат Хиллари должен был стать меньше, чем у Барбары Буш, хотя ей предстояло взять на себя более широкие обязанности. Больше всего я сожалел о ликвидации двадцати мест для профессионалов в отделе корреспонденции. Я бы предпочел сократить их численность путем отсева, однако Мак заявил, что иначе мы не достигнем намеченной цели. Кроме того, нам нужны были деньги на модернизацию Белого дома. Сотрудники даже не умели отправлять и получать сообщения по электронной почте, а телефонная система здесь не менялась со времен Картера. Мы не могли проводить селекторные совещания, однако любой имел возможность, нажав одну из больших кнопок со световой индикацией, слушать чьи угодно разговоры, включая мои. Вскоре мы добились установления более совершенной системы связи.

Мы также увеличили численность персонала одной из служб Белого дома — отдела, занимавшегося изучением условий жизни неблагополучных семей и лиц, нуждавшихся в материальной или моральной поддержке. Его целью было оказание помощи отдельным гражданам, имевшим проблемы в отношениях с федеральным правительством, в том числе предоставление пособий инвалидам, ветеранам или другим группам населения. Обычно для содействия в решении подобных вопросов граждане обращаются к сенаторам или членам Палаты представителей от своих округов, однако, поскольку моя предвыборная кампания носила персонифицированный характер, многие американцы считали, что могут обращаться непосредственно ко мне. Мне особенно запомнилась просьба, с которой ко мне обратились 20 февраля, когда Питер Дженнингс, ведущий новостной програм-

мы телекомпании ABC, вел транслировавшееся по телевидению «Совещание с детьми» в Белом доме, в ходе которого мне задавали вопросы дети в возрасте от восьми до пятнадцати лет. Они спрашивали, помогаю ли я Челси выполнять домашние задания, почему ни одна женщина не была избрана в нашей стране на пост президента, каким образом я собираюсь поддержать жителей Лос-Анджелеса после волнений, как будет оплачиваться медицинская помощь и что я могу сделать, чтобы прекратить насилие в школах. Многих интересовали вопросы экологии.

Однако одному ребенку действительно понадобилась помощь. Анастасия Сомоса, красивая девочка из Нью-Йорка, из-за церебрального паралича была прикована к инвалидному креслу. Она объяснила, что у нее есть сестра-близнец, Альба, страдающая от такой же болезни, но, в отличие от нее, потерявшая речь. «Из-за того, что Альба не может говорить, ее поместили в специальный класс. Но ведь она может сказать то, что ей надо, с помощью компьютера. И я бы хотела, чтобы моя сестра, как и я, училась в обычном классе». Анастасия сказала, что она и ее родители убеждены: если Альбе дать возможность, она сможет выполнять школьные задания. В соответствии с федеральными законами дети с физическими недостатками должны получать образование в «наименее ограничительных» условиях, однако важнейшее решение о том, какие условия считать «наименее ограничительными», принимается в школе, где учится ребенок. На решение этого вопроса ушло около года, но в конечном счете Альбу приняли в обычный класс.

Мы с Хиллари поддерживали связь с семьей Сомоса, и в 2002 году я выступал на выпускном вечере в школе, где учились сестры. Обе поступили в колледж, поскольку Анастасия и ее родители решили предоставить Альбе все возможности, каких она заслуживала, и не стеснялись просить других, включая меня, о помощи. Каждый месяц руководитель отдела, занимавшегося изучением условий жизни неблагополучных семей и лиц, нуждающихся в помощи, присылал мне доклад о том, кому именно мы помогли, и трогательные благодарственные письма от некоторых из этих людей.

Помимо сокращения численности аппарата сотрудников Белого дома я объявил о распоряжении президента, предусматривавшем снижение на 3 процента административных расходов во всех структурах правительства и об уменьшении жалования и дополнительных льгот, таких, например, как обслуживание лимузинами и частные столовые для высокопоставленных должностных лиц. Приняв решение, которое, как оказалось, очень повысило моральный дух членов аппарата Белого дома, я изменил правила работы столовой, разрешив пользоваться ею сотрудникам низового уровня, в то время как раньше это было привилегией только высокопоставленных должностных лиц.

Наши молодые сотрудники часто засиживались за работой допоздна и трудились в выходные дни, и мне казалось глупым требовать, чтобы все они либо отправлялись на ланч в город, либо заказывали еду в офис, либо приносили ее с собой в бумажных пакетах из дома. Кроме того, доступ в столовую Белого дома означал, что с ними тоже считаются. В столовой, которая представляла собой комнату с деревянными панелями, военнослужащие

ВМС готовили очень вкусную еду. Я почти каждый день заказывал там ланч, и мне было очень приятно спускаться вниз, чтобы пообщаться с молодыми людьми, работавшими на кухне. Раз в неделю они готовили мексиканские блюда, которые мне особенно нравились. Когда я ушел с поста президента, столовая снова была закрыта для всех, кроме высокопоставленных сотрудников. Я считаю, что наша политика благотворно влияла на моральный дух и продуктивность работы аппарата.

Учитывая, что у нас было много дополнительной работы и меньше людей для ее выполнения, нам приходилось больше, чем когда-либо, полагаться не только на сотрудников низового уровня, но и на тысячи добровольцев, которые трудились по многу часов, а иногда работали фактически целый день. Волонтеры вскрывали корреспонденцию, направляли, когда это было необходимо, официальные ответы, заполняли запросы на получение информации и выполняли бесчисленное множество других поручений. Без них Белый дом был бы гораздо менее восприимчив к нуждам американского народа. Все, что они получали за свои усилия, помимо морального удовлетворения, — это ежегодные благодарственные приемы, которые мы с Хиллари устраивали для них на Южной лужайке. Без этих людей Белый дом не мог бы работать.

Я считал, что на основе конкретных сокращений, решение о которых я уже принял, мы сможем сэкономить значительно больше средств и улучшить работу правительства, если обеспечим в дополнение к этому систематическую ориентацию на долгосрочную перспективу. В Арканзасе я учредил программу качественного управления на всех уровнях, с помощью которой были достигнуты позитивные результаты. 3 марта я объявил, что Ал Гор возглавит группу, которая шесть месяцев будет заниматься анализом всей деятельности федеральных структур. Ал взялся за эту работу, чувствуя себя как рыба в воде. Он привлек сторонних экспертов и консультировался со многими государственными служащими. Гор продолжал эту работу все восемь лет, помог нам ликвидировать сотни программ и отменить правила и инструкции, занимавшие 16 тысяч страниц, сократить число федеральных служащих на 300 тысяч человек, благодаря чему наше федеральное правительство стало самым малочисленным начиная с 1960 года, что обеспечило экономию средств налогоплательщиков в размере 136 миллионов долларов.

В то время как мы занимались организационной работой и реагировали на полемику в печати, большую часть времени в январе и феврале я уделял работе над конкретными положениями экономической программы. В воскресенье, 24 января, Ллойд Бентсен выступил в телепрограмме «Встреча с прессой». Он должен был, не вдаваясь в подробности, отвечать на все вопросы, связанные с конкретными положениями этой программы, однако пошел немного дальше, объявив, что мы намерены предложить некий налог на потребление и что рассматривается возможность введения общего налога на энергоносители. На следующий день процентные ставки на государственные облигации сроком на тридцать лет снизились с 7,29 до 7,19 процента — самого низкого уровня за шесть лет.

Тем временем мы занимались нелегким делом проработки конкретных положений бюджета. Все сокращения расходов и повышения налогов, благодаря которым можно было получить реальные деньги, вызывали споры. Например, когда я встретился с лидерами Сената и Палаты представителей для обсуждения бюджета, Леон Панетта предложил, чтобы мы пошли на однократную трехмесячную отсрочку выплаты надбавки в связи с ростом прожиточного минимума в рамках системы социального страхования. По общему мнению большинства экспертов, это пособие, учитывая низкий уровень инфляции, было слишком большим, и благодаря отсрочке нам удалось бы за пять лет сэкономить 15 миллиардов долларов. Сенатор Митчелл сказал, что предлагаемая отсрочка — это шаг назад и, кроме того, это нечестно, и поэтому он не может ее поддержать. Не выражали ей одобрение и другие сенаторы. Нам предстояло найти эти 15 миллиардов долларов как-то иначе.

На уикенд 30–31 января я пригласил членов кабинета и высокопоставленных сотрудников Белого дома в Кэмп-Дэвид, загородную резиденцию на горе Катоктин в штате Мэриленд. Кэмп-Дэвид — красивый, поросший лесом уголок с уютными коттеджами и местами для отдыха и развлечений, обслуживающий персонал которого, мужчины и женщины, состоял из военнослужащих ВМС и морской пехоты. Это было прекрасное место для того, чтобы лучше узнать друг друга и поговорить о работе, ожидавшей нас в предстоящем году. Я также пригласил туда Стэна Гринберга, Пола Бегалу и Мэнди Грюнвальда. Они считали, что им не дали возможности участвовать в работе, которая велась в переходный период, и что проблема дефицита заслонила все другие цели, о которых я говорил во время предвыборной кампании. Они были уверены, что мы с Алом напрашиваемся на неприятности, не принимая во внимание серьезные опасения и интересы людей, избравших нас на посты президента и вице-президента. Я понимал их тревогу. С одной стороны, они не присутствовали на длившихся многие часы дискуссиях, в результате которых большинство из нас пришло к выводу, что если мы не справимся с проблемой дефицита, то не сможем добиться устойчивого и активного экономического роста, и что данные мною во время предвыборной кампании другие обещания, по крайней мере те, на выполнение которых нужны деньги, в конечном счете будут погребены в застойном болоте переживавшей спад экономики.

Я предоставил Мэнди и Стэну возможность начать дискуссию. Мэнди рассказал, что американцы, принадлежащие к среднему классу, тревожатся за свои рабочие места, пенсионное обеспечение, а также медицинское обслуживание и образование. Стэн подчеркнул, что больше всего избирателей беспокоят — в порядке, соответствующем степени важности, — работа, реформа системы здравоохранения, социального обеспечения, а затем уже — проблема сокращения дефицита бюджета, и если для его сокращения среднему классу придется платить больше налогов, мне лучше сделать для них что-нибудь другое. Потом Хиллари рассказала, как мы потерпели неудачу в Арканзасе во время моего первого срока пребывания на посту губернатора из-за того, что пытались одновременно заниматься слишком многими проблемами, не имея четкого плана действий и не стремясь

подготовить людей к длительному периоду преодоления трудностей. Затем она сообщила, какого успеха мы добились во время второго срока, каждые два года уделяя основное внимание одному-двум вопросам и намечая долгосрочные цели, а также устанавливая в краткосрочной перспективе точку отсчета, в сравнении с которой можно было бы судить о том, какого прогресса мы достигли. Хиллари сказала, что такая позиция позволила мне выработать план действий, который люди могли понять и поддержать. В ответ некоторые участники дискуссии подчеркнули, что сейчас мы не имели возможности составить план действий, поскольку по самым спорным предложениям происходили многочисленные утечки информации. После этого уикенда консультанты постарались выработать стратегию отношений со средствами массовой информации, которая позволила бы нам избежать ежедневных утечек информации и споров.

Оставшееся время в Кэмп-Дэвиде мы посвятили более неформальным, личным беседам. В субботу вечером по предложению друга Ала Гора состоялось мероприятие, призванное нас сплотить. Мы собрались все вместе и по очереди рассказывали о себе то, чего другие раньше не знали. Хотя это занятие получило неоднозначные оценки, я участвовал в нем с удовольствием и признался, что в детстве у меня был избыточный вес и надо мной часто смеялись. Ллойд Бентсен счел нашу затею глупой и ушел в свой коттедж: если остальные чего-то о нем не знали, значит, он сам этого не хотел. Боб Рубин остался, но заявил, что ему нечего сказать. По-видимому, такие признания перед другими людьми не были главным залогом его успеха в Goldman Sachs. Уоррен Кристофер принял участие в этой встрече, вероятно потому, что был самым дисциплинированным человеком на свете и считал, что эта разновидность китайской пытки с падающими на голову каплями, предназначенная для представителей послевоенного поколения беби-бума, может укрепить его и без того сильный характер. В конечном итоге этот уикенд оказался очень полезным, однако по-настоящему мы сплотились в горниле борьбы, побед и поражений, ожидавших нас впереди.

В субботу вечером мы вернулись в Белый дом, где на ежегодном обеде принимали членов Национальной ассоциации губернаторов. Для Хиллари это было первое официальное мероприятие в роли первой леди, и она немного нервничала, но все прошло хорошо. Губернаторов интересовало положение в экономике, из-за которого уменьшались доходы штатов, что вынуждало их сокращать сотрудников своей администрации, повышать налоги или делать и то, и другое. Они понимали необходимость сокращения дефицита бюджета, но не хотели, чтобы оно происходило за их счет, в форме передачи федеральным правительством части своих обязательств штатам без соответствующего финансирования.

Пятого февраля я подписал свой первый законопроект, ставший после этого законом, выполнив еще одно обещание, данное в ходе предвыборной кампании. Приняв закон «О медицинском отпуске и отпуске по семейным обстоятельствам», США наконец присоединились к более чем ста пятидесяти другим странам, гарантирующим предоставление работнику отпуска

в случае рождения ребенка или болезни одного из членов семьи. Главный инициатор этого законопроекта, мой давний друг сенатор от штата Коннектикут Крис Додд, несколько лет добивался его принятия. Президент Буш дважды налагал на него вето, заявляя, что такой закон был бы слишком обременителен для бизнеса. В то время как некоторые республиканцы активно поддерживали законопроект, большинство представителей этой партии голосовало против него по той же причине, что и Буш. Поскольку большинство родителей в Америке работает — по собственному выбору или по необходимости, — очень важно, чтобы у них все было хорошо и дома, и на работе. Люди, которые тревожатся о своих маленьких детях или больных родителях, работают менее эффективно, чем те, кто знает, что у них в семье все в порядке. За время моего пребывания на посту президента отпусками на основе этого закона воспользовались 35 миллионов американцев.

В последующие восемь лет и даже после моего ухода с поста президента об этом законе мне говорило больше людей, чем о любом другом подписанном мною законопроекте. Многие истории были очень впечатляющими. Однажды ранним воскресным утром, вернувшись в Белый дом после ежедневной пробежки, я встретил семью, которая пришла туда на экскурсию. Среди детей выделялась девочка-подросток в инвалидном кресле. Я поздоровался с ними и сказал, что, если они подождут, пока я приму душ и переоденусь, чтобы пойти в церковь, я приглашу их в Овальный кабинет, и мы вместе сфотографируемся. Они подождали, и у нас состоялся интересный разговор. Мне было особенно приятно поговорить с маленькой смелой девочкой. Когда я уходил, ее отец взял меня за руку, отвел в сторону и сказал: «Возможно, моя маленькая девочка не справится с болезнью. Последние три недели, которые я провел с ней, были самыми важными в моей жизни. Я не смог бы оставаться с ней, если бы не закон об отпуске по семейным обстоятельствам».

В начале 2001 года, когда я впервые вылетел челночным авиарейсом из Нью-Йорка в Вашингтон как частное лицо, одна из служащих аэропорта, провожающих пассажиров к самолету, рассказала мне, что ее отец и мать одновременно серьезно заболели, один — раком, другая — болезнью Альцгеймера. Женщина добавила, что ухаживать за родителями в их последние дни было некому, кроме нее и ее сестры, и что они не смогли бы сделать этого, если бы не закон об отпуске по семейным обстоятельствам. «Знаете, республиканцы все время говорят о семейных ценностях, — сказала она. — Однако, по-моему, то, как умирают ваши родители, — важная часть семейных ценностей».

Одиннадцатого февраля, когда мы заканчивали работу над экономической программой, у меня наконец появился министр юстиции. После одного или двух фальстартов я решил назначить на этот пост Джанет Рино, окружного прокурора Дейда, штат Флорида. Я знал о работе Джанет и уже несколько лет восхищался ею, особенно созданными по ее инициативе новаторскими «судами по делам о наркотиках», предоставлявшими тем, кто нарушил закон впервые, возможность избежать тюрьмы, если они согласятся пройти курс лечения от наркомании и затем регулярно отмечаться

в этом суде. Мой шурин Хью Родэм работал в суде по делам о наркотиках в Майами, будучи адвокатом в Управлении государственного защитника. В 1980-е годы я дважды по его приглашению присутствовал на заседаниях такого суда и был поражен необычным, но эффективным сотрудничеством прокурора, адвоката защиты и судьи с целью убедить обвиняемых, что им дается последняя возможность избежать тюрьмы. Программа оказалась очень успешной, и у тех, кто ее проходил, наблюдалось гораздо меньше рецидивов, чем у тех, кто отбывал наказание в тюрьмах, к тому же она гораздо дешевле обходилась налогоплательщикам. Во время предвыборной кампании я обещал выступить в поддержку федерального финансирования для создания судов по делам о наркотиках, распространив опыт Майами по всей стране.

Когда я позвонил сенатору Бобу Грэму, он восторженно поддержал кандидатуру Рино. Точно так же отреагировала и мой друг Дайана Блэр, которая тридцать лет назад училась вместе с Джанет в Корнеллском университете. Это назначение поддержал и Винс Фостер, прекрасно разбирающийся в людях. Проведя с ней собеседование, Винс позвонил мне и сказал в своей шуточной манере: «Я думаю, среди нас появилась особа, у которой энергия бьет через край». Рино пользовалась огромной популярностью среди своих избирателей благодаря репутации серьезного, жесткого, но честного прокурора. Джанет была уроженкой штата Флорида, ее рост составлял шесть футов, и она никогда не была замужем. Государственная служба была смыслом ее жизни, и Джанет прекрасно с ней справлялась. Я полагал, что Рино сможет укрепить часто осложнявшиеся отношения между правоохранительными органами на федеральном уровне, на уровне штатов и на местах. Меня немного беспокоило, что, как и я, она не знала принятых в Вашингтоне стереотипов, однако в Майами Джанет накопила большой опыт, работая с федеральными властями над делами об иммиграции и наркомании. Я считал, что она усвоила достаточно много, чтобы успешно справиться со своей работой.

В выходные дни мы напряженно трудились над разработкой экономической программы. Двумя неделями раньше на работу в Белый дом пришел Пол Бегала, в значительной мере для того, чтобы разъяснить, что мне следует предпринять для выполнения данного мною во время предвыборной кампании обещания вернуть возможности среднему классу, о чем, как ему казалось, недостаточно заботилось большинство членов моей экономической команды. По мнению Бегалы, этой команде в целом следовало подчеркнуть три момента: что сокращение дефицита — не самоцель, а средство для достижения реальных целей, в том числе экономического роста, увеличения числа рабочих мест и повышения доходов; что наша программа основана на радикальном изменении методов работы правительства, которое позволит покончить с безответственностью и нечестностью, поскольку теперь крупным корпорациям и другим группам с особыми интересами, в первую очередь выигравшим от снижения налогов, повлекшего за собой рост дефицита бюджета в 1980-е годы, будет предложено внести справедливый вклад «в расчистку завалов»; что нам следует не призывать людей «принести жерт-

вы», а объяснять, что мы предлагаем им «внести вклад» в обновление Америки, то есть использовать более патриотичную и позитивную формулировку. Бегала подготовил памятную записку, в которой изложил свои аргументы и предложил новую тему: «Дело НЕ ТОЛЬКО в дефиците, глупый». Джин Сперлинг, Боб Райх и Джордж Стефанопулос согласились с Полом и были очень рады, что получили поддержку и могут теперь вместе отстаивать справедливость своей точки зрения.

Пока шло публичное обсуждение этого вопроса, мы предпринимали активные попытки решить некоторые очень важные проблемы. Самым главным в тот момент был вопрос, включать ли реформу системы здравоохранения, наряду с экономической программой, во всеобъемлющий закон «О различных бюджетных согласованиях». В пользу этого решения существовал убедительный аргумент: во-первых, во время обсуждения законопроекта о бюджете, в отличие от всех других документов, нельзя использовать так называемое «флибустьерство» — существующую в Сенате практику, позволяющую сорока одному сенатору проваливать любой законопроект путем затягивания его обсуждения до бесконечности и блокирования голосования по нему до тех пор, пока не приходит время переходить к рассмотрению других вопросов. Поскольку в Сенате сорок четыре республиканца, вероятность того, что они, по меньшей мере попытаются организовать obstruction реформе здравоохранения, была высокой.

Хиллари и Айра Магазинер очень хотели включить реформу здравоохранения в законопроект о бюджете, лидеры Конгресса выражали готовность обсуждать этот вопрос, а Дик Гепхардт призвал Хиллари сделать это, поскольку был уверен, что сенаторы-республиканцы постараются организовать obstruction реформе здравоохранения, если она будет предложена отдельно. Джордж Митчелл сочувствовал этому начинанию по другой причине: если бы законопроект по реформе здравоохранения был представлен отдельно, он был бы передан в Финансовый комитет Сената, председатель которого, сенатор Пат Мойнихен из штата Нью-Йорк, мягко говоря, скептически относился к возможности того, что мы сумели так быстро предложить осуществимую программу в этой области. Мойнихен рекомендовал нам сначала заняться реформой системы социального обеспечения, а предложения, касающиеся реорганизации здравоохранения, разработать в течение следующих двух лет.

Экономическая команда решительно выступала против включения в законопроект о бюджете вопроса о реформе здравоохранения, и у нее были на то убедительные основания. Айра Магазинер и многие экономисты, специалисты в области здравоохранения, полагали — как выяснилось, обоснованно, — что более сильная конкуренция на рынке здравоохранения, которую может стимулировать наша программа, обеспечит значительную экономию без установления контроля над ценами. Однако Бюджетное бюро Конгресса не поверило бы в то, что мы получим выгоду, независимо от представленного нами бюджета. Таким образом, чтобы обеспечить всеобщее медицинское страхование, мы должны были либо включить в эту программу положение о дублировании контроля над ценами, повысить налоги и еще

больше сократить другие расходы, либо уменьшить планируемые размеры дефицита, что могло негативно повлиять на нашу стратегию, ориентированную на снижение процентных ставок.

Я решил отложить принятие решения до представления подробной экономической программы народу и Конгрессу. Вскоре после этого вопрос был решен без моего участия. 11 марта Роберт Берд, высокопоставленный сенатор-демократ и главный авторитет по вопросам деятельности верхней палаты Конгресса, сказал нам, что он не намерен делать для реформы здравоохранения исключение из «правила Берда», запрещавшего включение в законопроект о согласовании бюджета частных вопросов. Мы постарались привлечь всех, кого можно, чтобы убедить Берда в необходимости этого, однако он твердо отстаивал мнение, что реформу системы здравоохранения нельзя интерпретировать как часть основного бюджетного процесса. Это означало, что, если республиканцы в течение длительного времени будут устраивать обструкцию, наша программа реформы здравоохранения будет обречена уже в момент ее представления на рассмотрение Конгрессу.

Во вторую неделю февраля мы решили временно прекратить работу над реформой системы здравоохранения и завершить подготовку остальной части экономической программы. Я очень внимательно изучал все детали планирования бюджета, стараясь понять, какие последствия будут иметь для людей наши решения. Большинство членов моей команды выступало за то, чтобы урезать субсидии фермерам и другие сельскохозяйственные программы, которые, по их мнению, были неоправданными. Элис Ривлин активно добивалась этих сокращений, предлагая мне позже заявить, что я покончил с системой социального обеспечения для фермеров «в том виде, в каком она нам известна». Это была пародия на одно из самых удачных моих высказываний во время предвыборной кампании — обещание «покончить с системой социального обеспечения в том виде, в каком она нам известна». Я напомнил разработчикам бюджета, преимущественно горожанам, что фермеры — достойные люди, которые в условиях неопределенности выбрали трудную работу, и, хотя мы вынуждены пойти на некоторое сокращение программ для них, «это не обязательно должно быть нам приятно». Не имея возможности перестроить сельскохозяйственную программу в целом, уменьшить субсидии, предусмотренные бюджетами других стран, или ликвидировать все иностранные барьеры для экспорта нашего продовольствия, мы, в конечном счете, незначительно уменьшили фермерские субсидии. Но мне это было неприятно.

Предлагая сокращения, мы, безусловно, должны были учитывать, есть ли шансы на их утверждение Конгрессом. Например, кто-то сказал, что мы можем сэкономить немало денег, ликвидировав все так называемые демонстрационные программы, предусматривавшие ассигнования на конкретные цели, которых добились для своих округов или штатов члены Конгресса. Когда было выдвинуто это предложение, мой новый представитель по связям с Конгрессом Говард Пастер недоверчиво покачал головой. Он работал и в Палате представителей, и в Сенате, защищая интересы лоббистских фирм как демократов, так и республиканцев. Говард был уроженцем штата

Нью-Йорк с резкой, но искренней манерой выражать свое мнение, поэтому он спросил нас: «Сколько голосов имеет рынок ценных бумаг?» Конечно, он знал, что необходимо убедить этот рынок в том, что наш план сокращения дефицита заслуживает доверия. Однако ему хотелось напомнить нам, что сначала его должен утвердить Конгресс и создание личных трудностей для его членов вряд ли будет успешной стратегией.

Некоторые вопросы, которые мы рассматривали, были абсурдны до комизма. Когда кто-то предложил ввести плату за услуги Береговой охраны, я спросил, как он себе это представляет. Мне разъяснили, что Береговую охрану нередко вызывают для оказания помощи терпящим бедствие судам, часто оказывающимся в такой ситуации по вине их владельцев. Я засмеялся и спросил: «Итак, когда мы будем буксировать эти суда или бросать веревку с вертолета, нам, прежде чем начать спасать их, придется задавать команде вопрос: оплата через “Визу” или “Мастер-кард”?» Мы сняли этот вопрос с обсуждения, однако в конечном счете приняли решение о сокращениях более чем ста пятидесяти статей бюджета.

Не легче, чем выбирать, за счет чего сокращать бюджет, было и принимать решение о повышении налогов. Самым трудным для меня оказался вопрос об энергетическом налоге на основе теплотворной способности топлива. Достаточно неприятно было уже то, что я был вынужден отказаться от своего обещания снизить налоги для среднего класса. Теперь мне говорили, что мы должны их повысить как для того, чтобы добиться намеченной цели и на пятый год сократить дефицит на 140 миллиардов долларов, так и для того, чтобы изменить психологию рынка ценных бумаг. В 1980-е годы средний класс притесняли, и то, что Буш подписал законопроект о повышении налога на бензин, повредило ему. Если бы я предложил энергетический налог, это означало бы, что, приняв одно неверное решение, я снова позволил бы республиканцам выступать как партии, которая противится расширению сферы налогообложения, чтобы удовлетворить стремление хорошо обеспеченных людей, устанавливающих процентные ставки, создать кое-какие трудности среднему классу, — в данном случае это были бы прямые расходы в размере около девяти долларов в месяц, и эта сумма увеличилась бы до семнадцати долларов, если включить косвенные расходы в результате повышения цен на потребительские товары. По словам Ллойда Бентсена, голосование за повышение налогов на энергоресурсы никогда не приносило ничего хорошего, и Буш пострадал, подписав в 1990 году законопроект об увеличении налога на бензин, из-за данного им раньше обещания, начинавшегося со слов «Слушайте меня внимательно», и того факта, что наиболее активными противниками повышения налогов были республиканцы, входящие в основное ядро этой партии. Гор снова призвал к введению энергетического налога, заявив, что это будет способствовать энергосбережению и энергетической независимости.

В конце концов я сдался, однако внес некоторые другие изменения в исходящие от Министерства финансов предложения, которые, как я надеялся, должны были уменьшить налоговое бремя для американцев, принадлежащих к среднему классу. Я настоял, чтобы мы включили в бюджет всю сумму

в размере 26,8 миллиарда долларов, которая потребуется для выполнения данного мною во время предвыборной кампании обещания более чем в два раза снизить налоги для миллионов рабочих семей, чей доход не превышает 30 тысяч долларов, за счет налогового кредита на заработанный доход, и впервые предложил воспользоваться им более чем четырем миллионам работающих бедных американцев, не имеющих иждивенцев. Это предложение должно было обеспечить снижение налогов для рабочих семей с доходом не выше 30 тысяч долларов, даже с учетом энергетического налога. Во время предвыборной кампании я говорил фактически всюду, где выступал: «Ни один человек, имеющий детей и занятый полный рабочий день, не должен жить в бедности». В 1991 году в таком положении были очень многие. За время моего пребывания на посту президента, после того как мы вдвое увеличили налоговый кредит на заработанный доход, более четырех миллионов таких людей, живших ранее в бедности, перешли в средний класс.

В то время как мы пытались прийти к договоренности об этих мерах, Лора Тайсон заявила, что, по ее мнению, нет значительного экономического различия между сокращением бюджета на 140 миллиардов долларов и его уменьшением на 120–125 миллиардов долларов, поскольку Конгресс, скорее всего, урежет любую цифру, которую я предложу. Она подчеркнула, что для снижения остроты политических проблем или просто в целях перехода к более взвешенному курсу мы могли бы избежать трудностей, ограничившись сокращением бюджета на 135 миллиардов долларов или назвав даже несколько меньшую сумму. Райх, Сперлинг, Блайндер, Бегала и Стефанопулос согласились с ней. Другие высказались за большую сумму, названную ранее. Бентсен сказал, что мы могли бы сэкономить три миллиарда долларов, если бы исключили из бюджета планируемые расходы на реформу системы социального обеспечения. Я с этим согласился. В конце концов, мы пока не полностью разработали наши предложения по этой реформе, и предложенная сумма была прикидочной. Мы знали: чтобы помочь бедным отказаться от социальных пособий и начать работать, нам придется расходовать больше средств на профессиональную подготовку, детские сады и ясли, а также транспорт, однако если в результате число получателей социальных пособий в достаточной степени сократится, то общие затраты могут не увеличиться, а уменьшиться. Более того, я считал, что мы сможем принять законопроект о реформе системы социального обеспечения отдельно, при поддержке представителей обеих партий.

Позднее Ллойд Бентсен добавил к этой программе завершающий штрих, предложив отменить ограничение заработка 135 тысячами долларов для налога на заработную плату в размере 1,45 процента, за счет которого финансировалась программа «Медикэр». Это было необходимо для расширения финансирования данной программы, однако предполагало более значительные выплаты для самых богатых американцев, высшую налоговую ставку для которых мы уже предложили увеличить до 39,6 процента. Программа «Медикэр» почти наверняка никогда не обходилась в такую сумму, какую им теперь придется в нее вносить. Бентсен, когда я спросил его об этом, только улыбнулся и ответил: он знает что делает. Бентсен был уверен,

что и он сам, и другие американцы, имеющие высокие доходы, которым придется платить дополнительные налоги, с лихвой возместят издержки благодаря буму на фондовой бирже, который обеспечит наша экономическая программа.

В понедельник, 15 февраля, я впервые выступил с телеобращением из Овального кабинета — десятиминутным изложением сути экономической программы, которую через два дня представил на совместном заседании обеих палат Конгресса. Хотя, судя по статистическим данным, положение в экономике налаживалось, по-прежнему существовала проблема безработицы, и за последние двенадцать лет государственный долг увеличился в четыре раза. Поскольку существенные размеры дефицита бюджета в предшествующие годы были следствием снижения налогов для богатых, значительного роста расходов на здравоохранение и оборону, все это означало, что мы меньше инвестируем в «то, благодаря чему мы можем стать сильнее и умнее, богаче и защищеннее», например в образование, детей, транспорт и местные правоохранительные органы. При таких темпах развития в ближайшее столетие нельзя было ждать двукратного повышения уровня жизни в нашей стране, происходившего обычно каждые двадцать пять лет. Для изменения этой тенденции был необходим радикальный пересмотр национальных приоритетов, сочетание повышения налогов и сокращения расходов для уменьшения дефицита и увеличения инвестиций в наше будущее. Я сказал, что надеюсь следовать этим курсом, не требуя большего от американцев, принадлежавших к среднему классу, так как в предыдущие двенадцать лет они прошли через трудности и с ними обращались несправедливо, однако дефицит вырос значительно больше по сравнению со сделанными ранее оценками, на основе которых я строил свои предложения по бюджету во время предвыборной кампании. «Большому числу американцев необходимо внести свой вклад сегодня, чтобы завтра лучше жилось всем нам». Однако в отличие от того, что происходило в 1980-е годы, теперь большинство новых налогов должны были платить богатые американцы, «ибо впервые более чем за десятилетие мы участвуем в этом все вместе». Помимо сокращения дефицита моя экономическая программа предусматривала: поощрение создания на предприятиях новых рабочих мест; краткосрочное стимулирование, чтобы сразу же появилось 500 тысяч новых рабочих мест; инвестиции в образование и профессиональное обучение, а также в специальные программы, чтобы помочь потерявшим свои места работникам оборонной промышленности; реформу системы социального обеспечения и значительное увеличение налогового кредита на заработанный доход; возможности, обеспечиваемые программой «Хед старт», и вакцинацию всех нуждающихся в этом детей; инициативу по учреждению национальной службы, которая позволит молодым людям зарабатывать деньги на колледж, работая в своих общинах. Я признал, что эти предложения будет не так легко и быстро провести в жизнь, однако, когда они будут реализованы, мы сможем «восстановить жизнеспособность американской мечты».

Выступая в среду вечером с обращением к Конгрессу, я разъяснил, на какой стратегии основана эта программа, и рассказал о ее конкретных положениях. Она была основана на четырех основополагающих принципах: переориентировать больше государственных и частных расходов с потребления на инвестиции для создания дополнительных рабочих мест; с уважением относиться к работе и семье; разработать бюджет на основе консервативных оценок, а не цифр из «розового сценария», использовавшихся раньше, и изыскивать средства на эти преобразования за счет реального сокращения расходов и справедливого налогообложения.

Для создания дополнительных рабочих мест я предложил ввести постоянный инвестиционный налоговый кредит для предприятий малого бизнеса, которые задействовали всего 40 процентов всей рабочей силы, но создавали львиную долю новых рабочих мест, а также создать банки развития общин и зоны поддержки в соответствии с двумя моими предвыборными обещаниями. Их целью было добиться предоставления новых займов и притока новых инвестиций в бедные районы. Я также обратился с призывом одобрить выделение дополнительных средств на дороги, мосты, общественный транспорт, высокотехнологичные информационные системы и улучшение окружающей среды, чтобы повысить эффективность производства и занятость.

В области образования я рекомендовал увеличить инвестиции в бесплатные средние школы и повысить стандарты для них, а также обеспечить стимулы для того, чтобы больше учащихся поступали в колледжи, включая мою инициативу в отношении национальной службы. Я поздравил Конгресс с принятием закона об отпуске по семейным обстоятельствам и призвал его членов усилить меры для более жесткого контроля за выплатой пособий на детей. Что касается преступности, то я призвал членов Конгресса принять законопроект Брейди, поддержать идею создания учебных военизированных лагерей для лиц, впервые совершивших ненасильственные преступления, и мое предложение вывести на улицы дополнительно сто тысяч полицейских.

Затем я предложил Конгрессу помочь мне изменить систему работы правительства, приняв закон «О реформе финансирования предвыборных кампаний» и одобрив требование о регистрации лоббистов, а также отменив налоговые льготы на их расходы. Я обещал уменьшить численность федеральных служащих на 100 тысяч человек и сократить административные расходы, сэкономив, таким образом, 9 миллиардов долларов. Я призвал Конгресс помочь мне замедлить стремительный рост затрат на здравоохранение и подчеркнул, что мы можем продолжать умеренное сокращение расходов на оборону, однако наши обязательства единственной в мире сверхдержавы требуют выделения на эти цели достаточных средств для того, чтобы наши вооруженные силы были самыми хорошо обученными и оснащенными в мире.

Вопрос о налогах я приберег напоследок, рекомендовав увеличить высшую ставку подоходного налога с 31 до 36 процентов для лиц с доходом более 180 тысяч долларов; ввести дополнительный десятипроцентный налог на доходы, превышающие 250 тысяч долларов; повысить ставку налога на

прибыль корпораций с 34 до 36 процентов, если ее размер превышает 10 миллионов долларов; отменить налоговую субсидию, из-за которой компании выгоднее закрывать свои предприятия в Америке и переводить их за границу, чем реинвестировать средства на родине; взимать налоги с более значительной части доходов получателей пособий по системе социального страхования, имеющих самое благополучное материальное положение в этой категории граждан; а также принять решение о введении энергетического налога. Ставки подоходного налога повышались только для 1,2 процента получателей наиболее высокой зарплаты; увеличение налога для тех, кто получает помощь в рамках системы социального страхования, касалось только 13 процентов этих людей; энергетический налог обошелся бы американцам, имеющим доходы в размере 40 тысяч долларов в год или более, — примерно в 17 долларов в месяц. Для семей с доходом 30 тысяч долларов или менее налоговый кредит на заработанный доход более чем компенсировал сумму энергетического налога. Согласно нынешним экономическим оценкам, эти налоги и бюджет позволили бы нам за пять лет уменьшить дефицит примерно на 500 миллиардов долларов.

В завершение своей речи я приложил максимум усилий, чтобы убедить аудиторию в масштабности проблемы дефицита, указав, что если сохранятся нынешние тенденции, то через десять лет ежегодный дефицит увеличится по меньшей мере до 635 миллиардов долларов в год по сравнению с 290 миллиардами долларов в текущем году и что выплата процентов по нашему совокупному долгу станет крупнейшей расходной статьей бюджета Америки, на которую будет уходить более 20 центов с каждого доллара налоговых поступлений. Чтобы продемонстрировать серьезность моих намерений по сокращению дефицита, я предложил Алану Гринспену занять место рядом с Хиллари в ложе первой леди на балконе Палаты представителей. Стремясь показать серьезность своего отношения к происходящему, Гринспен пришел, преодолев вполне понятное нежелание совершать поступки, которые могли быть восприняты как политическая демонстрация.

После этого выступления, которое в целом приняли хорошо, все комментаторы отметили, что я отказался от идеи снижения налогов для среднего класса. Так оно и было, однако предложенная мною экономическая программа предусматривала выполнение многих других моих обещаний. В следующие несколько дней Ал Гор, члены кабинета и я выехали в поездки по стране, чтобы убеждать людей в необходимости этой программы. Алан Гринспен дал ей высокую оценку. Его поддержал и Пол Тсонгас, заявивший, что Клинтон, выступавший в Конгрессе, был не тем Клинтоном, который соперничал с ним на выборах. Это, безусловно, вызвало обеспокоенность моих политических советников и некоторых демократов в Конгрессе.

В моей речи содержалось достаточно важных и спорных предложений, чтобы занять внимание Конгресса до конца этого года, кроме того, в программу его работы уже было включено, или в скором времени предусматривалось, рассмотрение других законопроектов. Я понимал, что прежде чем экономическая программа будет утверждена, возможны многочисленные

взлеты и падения и что я не смогу тратить все свое время и силы на то, чтобы добиться ее принятия. Проблемы внешней политики и внутренние события в стране не дадут мне такой возможности.

Февраль закончился вспышкой насилия в стране. 26 февраля произошел взрыв во Всемирном торговом центре на Манхэттене, в результате которого шесть человек погибли и более тысячи были ранены. Результаты расследования очень скоро показали, что это — дело рук террористов с Ближнего Востока, которые не слишком хорошо замели следы. Первые аресты были произведены 4 марта; в конечном счете федеральный суд Нью-Йорка признал виновными шестерых заговорщиков и приговорил каждого из них к 240 годам тюремного заключения. Я остался доволен эффективностью работы правоохранительных органов, однако обеспокоен очевидной уязвимостью нашего открытого общества перед террором. Моя команда по национальной безопасности стала уделять больше внимания террористическим структурам и тому, что следует делать, чтобы защитить от них нашу страну и свободные общества во всем мире.

Двадцать восьмого февраля четыре агента Бюро по контролю за продажей алкогольных напитков, табачных изделий и оружия были убиты и еще шестнадцать ранены, когда начались столкновения с членами религиозной секты «Ветвь Давидова», базировавшимися в укрепленном лагере близ Уэйко, штат Техас. Членов этой секты подозревали в нарушении законов о стрелковом оружии. Ее руководитель, Давид Кореш, присвоивший себе роль мессии, был убежден, что он — новое воплощение Иисуса и что только он знает тайну семи печатей, о которых говорится в Откровении Иоанна Богослова. Кореш обладал почти гипнотической властью над сознанием мужчин, женщин и детей, ставших его последователями; у него имелся большой арсенал оружия, которое он явно был готов пустить в ход, и запасы продовольствия, достаточные, чтобы продержаться в течение длительного времени. Противостояние между членами секты и агентами ФБР длилось почти два месяца. За это время из лагеря ушли несколько взрослых и детей, однако большинство членов секты остались, и Кореш обещал сдаться, но постоянно находил предлоги, чтобы оттянуть этот момент.

Вечером в воскресенье, 18 апреля, Джанет Рино пришла в Белый дом и сказала мне, что ФБР хочет взять этот дом штурмом, арестовать Кореша и всех его последователей, которые принимали участие в убийствах агентов ФБР или каких-либо других преступлениях, и освободить остальных членов секты. Джанет подчеркнула: она обеспокоена сообщениями ФБР о том, что Кореш насилует детей, большинству которых от десяти до двенадцати лет, и что он, возможно, планирует массовое самоубийство. Как заявили ей представители ФБР, они не могли допустить, чтобы огромное количество ресурсов так долго было задействовано в одном месте. ФБР считало необходимым начать штурм этого дома на следующий день. Они планировали применить бронетранспортеры, чтобы проломить стены, а затем пустить в здание слезоточивый газ, после чего, по мнению сотрудников этого ведомства, все члены секты будут вынуждены сдаться в течение двух часов.

Рино собиралась одобрить решение о штурме, но предварительно хотела получить мое согласие.

Несколькими годами раньше, будучи губернатором штата Арканзас, я уже сталкивался с подобной ситуацией. Группировка правых экстремистов разбила лагерь в горах на севере штата. Среди живших там мужчин, женщин и детей было два человека, подозревавшихся в совершении убийства и находившихся в розыске. Все эти люди размещались в нескольких хижинах, и в каждой из них имелся люк, который вел в убежище, откуда они могли стрелять по приближавшимся сотрудникам правоохранительных органов, направленным туда властями штата. У них было много оружия. Люди из ФБР хотели устроить штурм. На организованном мною совещании с участием сотрудников ФБР, полиции штата и представителей правоохранительных органов из штатов Миссури и Оклахома я выслушал аргументы агентов ФБР и сказал, что смогу одобрить решение о штурме только после того, как над этим местом покружит вертолет, на борту которого будет человек, сражавшийся в джунглях Вьетнама. Он и даст оценку ситуации. Ветеран вьетнамской войны, по моей просьбе осмотревший место событий, возвратившись, сказал: «Если эти люди вообще умеют стрелять, то в случае штурма вы потеряете пятьдесят человек». Я отменил штурм, блокировал этот лагерь, прекратил оказание помощи продовольственными талонами нескольким получавшим ее семьям и организовал задержание всех, кто приходил из лагеря за продуктами. В конечном счете осажденные сдались, подозреваемые были арестованы, но при этом никто не погиб.

Когда Джанет изложила мне свои аргументы, я сказал, что, как мне кажется, прежде чем одобрять решение о штурме, мы могли бы попробовать прибегнуть к тактике, аналогичной той, что сработала в Арканзасе. Она возразила: люди из ФБР устали ждать; это противостояние обходится правительству в миллионы долларов в неделю, и там приходится держать сотрудников, которые нужны в других местах; люди из секты «Ветвь Давидова» могут продержаться дольше, чем члены группировки в Арканзасе; существует реальная возможность изнасилований детей и массового самоубийства, потому что Кореш и многие его последователи — сумасшедшие. В конце концов я сказал Джанет, что если она считает этот план правильным, то может действовать.

На следующий день я увидел в программе CNN по телевизору, находившемуся у Овального кабинета, горящий лагерь, в котором находились Кореш и его последователи. Штурм развивался очень неудачно. После того как агенты ФБР пустили в здания, где находились люди, слезоточивый газ, члены секты устроили пожар. Стало еще хуже, когда они открыли окна, чтобы проветрить помещения. Кроме того, дул холодный ветер с долин Техаса, и пламя разгорелось еще ярче. В результате всего этого погибло более восьмидесяти человек, включая двадцать пять детей; выжили только девять. Я понимал, что мне надо выступить перед представителями СМИ и взять на себя ответственность за это фиаско. Такого же мнения придерживались Ди Ди Майерс и Брюс Линдси. Однако несколько раз в течение дня, когда я хотел это сделать, Джордж Стефанопулос призывал

меня подождать, говоря, что мы не знаем, остался ли в живых кто-нибудь еще, или что если Кореш услышит мои слова, он может наброситься на уцелевших людей и убить их. Джанет Рино выступила по телевидению, объяснила, что произошло, и взяла на себя полную ответственность за этот неудачный штурм. Как первая женщина — министр юстиции она считала важным для себя не пытаться переложить ответственность на кого-то другого. К тому времени, когда я наконец выступил перед журналистами по поводу событий в Уэйко, Рино уже хвалили, а меня критиковали за то, что я позволил ей взять на себя вину за этот провал.

Во второй раз менее чем за двадцать четыре часа я последовал совету, который противоречил моей интуиции. Я ни в чем не винил Джорджа. Он был молод и осторожен и честно высказал мне свое, пусть и ошибочное, мнение. Однако я злился на самого себя: во-первых, за то, что согласился на проведение штурма, хотя мое мнение было более правильным, а во-вторых, за то, что отложил публичное признание своей ответственности за случившееся. Одно из самых важных решений, которое должен принимать президент, — это в каких случаях следовать советам работающих с ним людей, а в каких отвергать их рекомендации. Никто не может быть прав всегда, однако легче пережить неудачные решения, в которые ты верил, когда их принимал, чем те, которые твои советники называют правильными, в то время как твоя интуиция подсказывает, что это не так. После событий в Уэйко я решил следовать своей интуиции.

Возможно, одной из причин, по которым я недостаточно доверял своему внутреннему голосу, было то, что в Вашингтоне резко критиковали администрацию и все мои решения на каждом шагу подвергались ревизии. Хиллари после ее первого великолепного выступления в Конгрессе критиковали за то, что совещания ее целевой группы, занимавшейся реформой здравоохранения, проходили при закрытых дверях. Поскольку члены этой группы консультировались с сотнями людей, в том, чем они занимались, не было никакой секретности; они просто старались действовать как можно оперативнее, решая исключительно сложные вопросы, чтобы достичь поставленной мною сверхчестолюбивой цели, представив Конгрессу программу реформы системы здравоохранения через сто дней. Целевая группа выслушала мнения более чем тысячи ста организаций, провела более двухсот встреч с членами Конгресса и несколько публичных совещаний по всей стране. Секретность ее работы была сильно преувеличена. В конечном счете эта группа оказалась слишком немобильной и прекратила свою деятельность, причем уложиться в сто дней нам не удалось.

Как будто этого было недостаточно, потерпела провал и моя комплексная программа стимулирования развития, которая предполагала создание 500 тысяч рабочих мест на основе оперативного предоставления средств городам и штатам на проекты инфраструктуры. Темпы экономического роста все еще оставались медленными. Экономика нуждалась в стимулировании, и умеренные разовые расходы не усугубили бы проблему нашего дефицита. Палата представителей быстро приняла этот законопроект, Сенат его тоже поддержал, однако более сорока сенаторов во главе с Бобом Доулом

были готовы применить по отношению к нему тактику «флибустьерства». После подобного голосования нам следовало предпринять попытку договориться с Доулом о менее масштабном комплексном соглашении или остановиться на менее честолюбивом компромиссном предложении сенаторов-демократов Джона Бро и Дэвида Борена. Сенатор Роберт Берд, который занимался этим предложением, был твердо уверен, что если мы не дрогнем, то сумеем преодолеть obstruction. Однако у нас ничего не получилось, и в конце концов 21 апреля, через два дня после событий в Уэйко, мы признали свое поражение.

В первый срок моего пребывания на посту президента республиканцы прибегали к тактике «флибустьерства» в беспрецедентных масштабах, срывая принятие решений, отражавших волеизъявление большинства членов Конгресса, либо из-за убежденности в необходимости этого, либо из-за стремления доказать, что я не способен руководить страной. Только в первые сто дней моего президентства сенатору Джорджу Митчеллу пришлось двенадцать раз проводить голосование для преодоления применяемой республиканцами тактики «флибустьерства».

Девятнадцатого марта в нашей семье случилось несчастье — отец Хиллари перенес обширный инсульт, — и на его фоне политические проблемы временно отступили на второй план. Хиллари вместе с Челси и моим шурином Тони поспешила к отцу в Больницу Св. Винсента в Литл-Роке. Доктор Дрю Кампьюрис, врач Хью и наш друг, сказал Хиллари, что у ее отца серьезно поврежден мозг; он находится в глубокой коме, из которой, его, вероятнее всего, вывести уже не удастся. Я приехал на два дня позже. Хиллари, Челси, Дороти и ее сыновья Хью и Тони по очереди говорили с Хью, который выглядел так, как будто он просто спокойно спит, и даже пели для него. Мы не знали, сколько времени он продержится, а я мог побыть рядом с ним только один день. Я оставил Хиллари с близкими людьми: ее семьей, супругами Томасон, Кэролайн Хьюбер, которая знала Хью с тех пор, как начала работать администратором резиденции губернатора, и Лайзы Капуто, пресс-секретаря моей жены и любимицы Хью, которая, как и он, была родом из восточной Пенсильвании и когда-то жила неподалеку от его родного города Скрантона.

В следующее воскресенье я снова на несколько дней прилетел в родной штат. Мне хотелось быть рядом с семьей, хотя сделать было ничего нельзя и оставалось только ждать. Врач сказал нам, что мозг отца Хиллари, по существу, не функционирует. В конце недели семья приняла решение отключить Хью от аппарата искусственной вентиляции легких, и мы все молились за него и прощались с ним. Но Хью не умер, его сильное старое сердце продолжало биться. Хотя я мог выполнять большую часть своих обязанностей президента, находясь в Арканзасе, во вторник мне все же пришлось вернуться в Вашингтон. Я очень не хотел покидать своего тестя, понимая, что, возможно, вижу его в последний раз. Я любил Хью Родэма, этого серьезно, грубоватого человека, беззаветно преданного семье. Я испытывал к нему чувство благодарности за то, что двадцать лет назад он принял меня в свой дом, когда я был лохматым, бедным и, самое ужасное, — демократом. Я знал,

что мне будет не хватать наших игр в карты, споров на политические темы и просто ощущения, что он рядом.

Четвертого апреля, когда Хью еще держался, Хиллари пришлось вернуться в Вашингтон, чтобы отправить Челси в школу после весенних каникул и продолжить работу. Она обещала Лиз Карпентер, пресс-секретарю леди Берд Джонсон, выступить 6 апреля в отделении Университета штата Техас в Остине. Лиз убеждала ее не отменять это выступление, и Хиллари решила ехать. Переживая свое горе, она от всего сердца сказала, что, вступая в новое тысячелетие, мы «нуждаемся в новой, осмысленной политике. Мы нуждаемся в новой нравственной цели — личной ответственности и любви. Мы нуждаемся в новом определении гражданского общества, отвечающем на вопросы, на которые нет ответов и которые возникают как под влиянием рыночных факторов, так и в результате деятельности правительства; вопросы о том, как нам сделать общество таким, чтобы мы снова чувствовали полноту жизни и ощущали, что являемся частью чего-то большего, чем мы сами». Хиллари решила выступить с этой речью, прочитав статью, написанную Ли Этуотером незадолго до того, как он в сорок лет умер от рака. Этуотер приобрел известность, работая у президентов Рейгана и Буша, благодаря безжалостной критике демократов, и многие его побаивались. Оказавшись перед лицом смерти, он понял, что жизнь, посвященная только обретению власти, богатства и престижа, достойна сожаления, и надеялся с помощью этой прощальной статьи убедить нас стремиться к более высоким целям. Выступая 6 апреля в Остине, Хиллари, переживавшая свое горе, попыталась определить эту цель. Мне очень понравилось ее выступление, и я гордился тем, что она об этом сказала.

На следующий день Хью Родэм умер. Поминальная служба состоялась в Литл-Роке, затем мы отвезли Хью в его родной Скрантон, где он был похоронен у методистской церкви на Корт-стрит. Я восхищался этим человеком. Несмотря на свои республиканские убеждения, он помог мне в 1974 году, всю жизнь учился на личном опыте и избавился от фанатичных идей, на которых был воспитан. Хью освободился от расизма, работая вместе с чернокожим американцем в Чикаго, а от гомофобии — подружившись со своими соседями-гомосексуалистами, врачом и медбратом из Литл-Рока, которые заботились о нем. Хью вырос в восточной Пенсильвании, жители которой были фанатами футбола, где футболисты-католики поступали в Университет Нотр-Дам, а такие протестанты, как он, играли за Пенсильванский университет. Это разделение свидетельствовало о предубежденности против католиков, которая тоже была частью воспитания Хью. Он избавился и от этого. Мы все считали правильным, что последние дни он провел в больнице Св. Винсента, где за ним с любовью ухаживали католические монахи.

Хотя в первые месяцы моего пребывания на посту президента заголовки газет были преимущественно посвящены усилиям по разработке, защите и принятию моей экономической программы, проблеме службы гомосексуалистов в вооруженных силах и работе Хиллари над реформой системы здравоохранения, внешняя политика оставалась неизменной частью моих повседневных обязанностей и предметом постоянной заботы. В целом у вашингтонских наблюдателей создалось впечатление, что внешняя политика меня не слишком интересовала и что я старался тратить на нее как можно меньше времени. Действительно, в центре моей предвыборной кампании были, главным образом, внутренние проблемы: это объяснялось нашими экономическими трудностями. Однако, как я неоднократно говорил, из-за возросшей взаимозависимости всех стран мира грань между внешней и внутренней политикой стиралась. Хотя Буш после падения Берлинской стены провозгласил создание «нового мирового порядка», мир был полон хаоса и серьезных нерешенных проблем.

С самого начала мой помощник по национальной безопасности Тони Лейк заявил, что об успехе во внешней политике часто судят по тому, удалось ли предотвратить возникновение проблем или снять их остроту до того, как они начали создавать трудности и попали в заголовки газет. «Если мы действительно хорошо работаем в этой области, — сказал он, — общественность может никогда об этом не узнать, потому что собаки не будут лаять». Когда я вступил в должность президента, существовала целая псарня, полная лающих охотничьих собак, причем громче всех звучали голоса России и Боснии, а некоторые другие страны, включая Сомали, Гаити и Северную Корею, ворчали на заднем плане, так же, как и Япония, когда речь шла о ее торговой политике.

Распад Советского Союза и крах коммунистической системы в странах Варшавского договора позволяли надеяться на то, что впервые в истории Европа может стать демократической, мирной и единой. Произойдет ли это, зависело от ответов на четыре важных вопроса: объединятся ли Восточная и Западная Германия; станет ли Россия подлинно демократической, стабильной, не имперской страной; какая судьба ждет Югославию, объединявшую провинции с пестрым по этническому составу населением, которые раньше сплачивала железная воля маршала Тито; будут ли Россия и бывшие коммунистические страны интегрированы в Европейский союз и трансатлантический альянс НАТО с участием США и Канады.

К тому времени, когда я стал президентом, Германия уже объединилась под руководством дальновидного канцлера Гельмута Коля при активной поддержке президента Буша, хотя некоторые страны Европы возражали против обретения возрожденной Германией политической и экономической

мощи. Три других вопроса оставались открытыми, и я знал, что одна из моих главных обязанностей как президента — добиться, чтобы на них были даны правильные ответы.

Во время предвыборной кампании и президент Буш, и я выступали за оказание помощи России. Сначала я выступал за это более активно, чем он, однако под влиянием бывшего президента Никсона Буш объявил, что семь крупнейших индустриальных стран — членов «Большой семерки» (США, Германия, Франция, Италия, Великобритания, Канада и Япония) предоставят 24 миллиарда долларов на поддержку демократии и экономических реформ в России. В июне 1992 года, когда Ельцин прибыл в Вашингтон в качестве президента своей страны, он выражал благодарность Бушу и открыто поддерживал его переизбрание на пост президента. Как я уже упоминал ранее, Ельцин действительно согласился 18 июня нанести мне визит вежливости и прибыть в Блэр-хаус. Наша встреча состоялась благодаря дружбе между министром иностранных дел России Андреем Козыревым и госпожой Тоби Гати — одной из моих советников по внешней политике. Меня не тревожило, что Ельцин поддерживает Буша; я просто хотел, чтобы он знал: в случае моего избрания он может рассчитывать на мою помощь.

В ноябре, через день-два после выборов, Ельцин позвонил, чтобы поздравить меня, и предложил мне как можно скорее посетить Москву и в связи с усилением оппозиции в России подтвердить своим визитом, что Америка поддерживает его реформы. Ельцину предстояла трудная задача. Он был избран на пост президента России в июне 1991 года, когда Россия еще была частью распадавшегося Советского Союза. В августе заговорщики, намеревавшиеся совершить государственный переворот, поместили советского президента Михаила Горбачева под домашний арест в его летней резиденции на Черном море. Российские граждане в знак протеста вышли на улицы Москвы. Кульминацией этих драматических событий стал момент, когда Ельцин, находившийся у власти всего два месяца, взобрался на танк перед российским Белым домом — зданием парламента, которое осаждали заговорщики, и призвал народ России защитить с трудом завоеванную демократию. По существу, он говорил реакционерам: «Вы можете украсть нашу свободу, но только через мой труп». Героический призыв Ельцина активизировал внутреннюю и международную поддержку, и переворот провалился. К декабрю Советский Союз распался на несколько независимых государств, и его место в Совете Безопасности ООН заняла Россия.

Однако проблемы Ельцина на этом не закончились. Реакционные элементы, недовольные потерей власти, выступили против его намерения вывести советские войска из балтийских стран — Эстонии, Литвы и Латвии. России грозила экономическая катастрофа, когда на развалинах советской экономики были начаты ориентированные на создание свободного рынка реформы, что привело к росту инфляции и продаже государственных активов по низким ценам новому классу сверхбогатых предпринимателей, «олигархов», по сравнению с которыми американские бароны-разбойники конца XIX века выглядели, как священники-пуритане. В вакуум, возникший

в результате краха советского государства, проникли структуры организованной преступности, которые распространили свои щупальца по всему миру. Ельцин разрушил старую систему, однако не смог построить новую. Он не сумел установить хорошие рабочие отношения с Думой — парламентом России, отчасти потому, что по характеру не был склонен к компромиссам, а отчасти потому, что в Думу входило много людей, тосковавших по старому или столь же репрессивному новому порядку, основанному на экстремистском национализме. Хищники были готовы разорвать Ельцина на части, и мне хотелось ему помочь. Меня призывал к этому и Боб Страус, которого президент Буш направил в Москву в качестве нашего посла, хотя тот был убежденным демократом и бывшим председателем Национального комитета демократической партии. Страус сказал, что я могу работать с Ельциным и дать ему хорошие политические советы, и призвал меня сделать и то, и другое.

Я был склонен принять приглашение Ельцина посетить Россию, однако Тони Лейк считал, что Москва не должна стать первой столицей иностранного государства, где я побываю, а остальные члены моей команды заявили, что это может отвлечь внимание от нашей внутренней программы. Они выдвигали убедительные аргументы, однако США были очень заинтересованы в успехе России, и мы, уж конечно, не хотели, чтобы к власти в этой стране пришли сторонники жесткого курса, коммунисты или националисты-экстремисты. Борис облегчил трудную для меня ситуацию, предложив встретиться в приемлемой для нас обоих третьей стране.

Примерно в это же время я убедил моего старого друга и соседа по квартире времен Оксфорда, Строуба Тэлботта, перейти из журнала *Time* на работу в Госдепартамент, чтобы помочь нам определиться в вопросах политики, касающихся бывшего Советского Союза. К тому времени мы со Строубом обсуждали историю России и политическую ситуацию в этой стране уже почти двадцать пять лет. С тех пор как Строуб стал переводчиком и редактором мемуаров Хрущева, он знал Россию и ее народ лучше и любил их больше, чем кто-либо другой из моих знакомых. За его профессорской внешностью скрывались острый аналитический ум и богатое воображение, и я верил его суждениям и готовности говорить мне правду без прикрас. В руководстве Госдепартамента не существовало должности, отражающей то, чем должен был, на мой взгляд, заниматься Строуб, поэтому этот пост был создан с благословения Уоррена Кристофера и с помощью Дика Холбрука, руководителя инвестиционного банка и умудренного опытом специалиста по внешней политике, который консультировал меня во время предвыборной кампании, а затем стал одной из ключевых фигур в моей администрации.

В конце концов у новой должности Строуба появилось название: посол по особым поручениям и специальный помощник госсекретаря по новым независимым государствам бывшего Советского Союза. Впоследствии он занял пост первого заместителя госсекретаря. Не думаю, что хотя бы пять человек могли правильно повторить название его должности, однако все знали, чем он занимался: Тэлботт был человеком, который мог ответить

на любой вопрос о России. На протяжении восьми лет он присутствовал на всех моих встречах с президентами Ельциным и Путиным, которых только с Ельциным было восемнадцать. Поскольку Строуб свободно говорил по-русски и делал подробные записи, его участие на переговорах вместе со мною и собственные контакты с русскими гарантировали тщательность и точность нашей работы, что впоследствии оказалось бесценным. Строуб запечатлел нашу восьмилетнюю одиссею в своей книге «Специалист по России» (*The Russia Hand*), которая поражает не только глубоким пониманием ситуации, но и стенографически точной передачей моих интересных бесед с Ельциным. В отличие от большинства книг этого жанра, цитаты, приведенные в труде Строуба, не являются воссозданными, они, хорошо это или плохо, буквально воспроизводят наши разговоры. Главная идея Тэлботта состоит в том, что я сам стал «специалистом по России», поскольку, не будучи экспертом в этой области, знал «одну важную вещь: в отношении к взаимосвязанным проблемам, послужившим формальным поводом к началу холодной войны, — демократия или диктатура внутри страны, сотрудничество или конкуренция за ее пределами», — мы с Ельциным были «в принципе, на одной стороне».

В переходный период я много говорил со Строубом об ухудшении положения в России и необходимости предотвращения катастрофы. На «Ренессансном уикенде» Строуб и его жена Брук, которая во время предвыборной кампании полный рабочий день трудилась в штабе Хиллари и должна была возглавить программу для сотрудников Белого дома, вместе со мной совершали пробежки трусцой по пляжу в Хилтон-Хеде. Мы хотели поговорить о России, однако тренер нашей группы, олимпийский чемпион по бегу с препятствиями Эдвин Мозес, задал такой быстрый темп, что я не мог успевать за другими и одновременно разговаривать. Когда мы встретили Хиллари, которая вышла на утреннюю прогулку, у нас троих появился предлог, чтобы перейти на более медленный темп и пообщаться. Президент Буш находился в Москве для подписания вместе с Ельциным договора СНВ-2. Это была хорошая новость, однако, как и все прогрессивное, что делал Ельцин, договор встретил сильную оппозицию в Думе. Я сказал Строубу, что ситуация в России меняется настолько быстро, что мы не можем придерживаться полностью оборонительной стратегии. Мы должны помочь укрепить и ускорить позитивные сдвиги, особенно те, которые будут способствовать улучшению состояния российской экономики.

Однажды вечером в феврале я пришел домой к Строубу, чтобы повидать его семью и поговорить о России. Он рассказал мне об одной недавней встрече с Ричардом Никсоном, во время которой бывший президент призвал нас оказать Ельцину активную поддержку. Комплексная программа помощи в размере 24 миллиардов долларов, о которой президент Буш объявил весной предыдущего года, не дала результата, поскольку международные финансовые институты отказались предоставлять эти средства, пока Россия не перестроит свою экономику. Нам надо было немедленно что-то предпринять.

В начале марта мы с Ельциным договорились 3–4 апреля встретиться в Ванкувере, в Канаде. 8 марта Белый дом посетил Ричард Никсон, лично

призвавший меня поддержать Ельцина. После краткой встречи с Хиллари и Челси, во время которой он напомнил им, что был воспитан как квакер и что его дочери, как и Челси, учились в школе «Сидуэлл френдс», Никсон перешел к делу, заявив, что меня будут помнить как президента скорее благодаря тому, что я сделал для России, чем благодаря моей экономической политике. Позже в тот же вечер я позвонил Стробу, чтобы сообщить о разговоре с Никсоном и снова подчеркнуть, насколько важно принять в Ванкувере определенные решения о помощи России, которые в июне могли бы получить существенное развитие на ежегодном саммите «Большой семерки» в Токио. В течение всего марта, получая новую информацию от нашей внешнеполитической команды, а также от Ларри Саммерса и Дэвида Липтона, его заместителя в Министерстве финансов, я призывал их мыслить и действовать масштабнее.

Тем временем в Москве Дума старалась ограничить полномочия Ельцина и поддержать бесплодную инфляционную политику Центрального банка России. 20 марта Ельцин нанес ответный удар, выступив с речью, в которой объявил, что 25 апреля будет проведен общенародный референдум, чтобы определить, кто правит страной: он или Дума. До референдума его президентские указы должны были оставаться в силе, что бы ни предпринимала Дума. Я смотрел выступление российского президента по одному из двух телевизоров, находившихся в моей личной столовой, расположенной рядом с Овальным кабинетом. По другому телевизору показывали турнир по баскетболу Национальной ассоциации студенческого спорта между арканзасской командой «Рейзорбэкс» и командой Университета Св. Иоанна. Я следил, как разворачиваются и те, и другие события.

Между мною и членами всей моей внешнеполитической команды разгорелся спор о том, как мне следует отреагировать на речь Ельцина. Все они предупреждали, что следует проявить сдержанность, поскольку Ельцин близок к превышению границ своей конституционной власти и может потерпеть поражение. Я был с ними не согласен. Ельцин вел борьбу всей своей жизни против ортодоксальных коммунистов и других реакционеров. Он решил обратиться к народу, призвав его выразить свою волю на референдуме. Меня не волновал риск, связанный с возможным поражением Ельцина. Я напомнил своей команде, что сам тоже не раз проигрывал. Мне не хотелось перестраховываться, и я поручил Тони Лэйку подготовить проект заявления, в котором выражалась решительная поддержка российскому президенту. Когда Тони представил мне документ, я сделал его тон еще более твердым и передал журналистам. В этом случае я поступил так, как подсказывала мне моя интуиция, и сделал ставку на то, что Россия поддержит Ельцина, сделав правильный исторический выбор. Мой оптимизм подкрепила неожиданная победа до того момента проигрывавшей команды баскетболистов из Арканзаса.

Наконец в марте я добился такой программы, которую мог поддержать: она включала 1,6 миллиарда долларов в виде прямой помощи России для стабилизации положения в экономике, в том числе средства на строительство жилья для уволенных из вооруженных сил офицеров; позитивные

рабочие программы для занятых в настоящее время неполный рабочий день ученых-ядерщиков, которым часто вообще не платили, и дополнительную помощь в демонтаже ядерных вооружений на основе недавно принятой программы Нанна — Лугара*; продовольствие и лекарства для тех, кто страдал от их нехватки; помощь малому бизнесу, независимым средствам массовой информации, неправительственным организациям, политическим партиям и профсоюзам; а также программу обменов, на основе которой десятки тысяч студентов и молодых специалистов смогут посетить США. Размеры ассигнований на эту комплексную программу помощи в четыре раза превышали сумму средств, выделенных предыдущей администрацией, и были втрое больше, чем я рекомендовал первоначально.

Хотя проведенный опрос общественного мнения показал, что 75 процентов американцев против того, чтобы предоставлять России больше денег, и хотя мы уже вели трудную борьбу за экономическую программу, я считал, что у нас нет иного выхода, как продолжать продвигаться в этом направлении. Америка израсходовала триллионы долларов на оборону, чтобы одержать победу в холодной войне, мы не могли позволить себе пойти на риск ее возобновления из-за менее чем двух миллиардов долларов и неблагоприятных результатов опроса общественного мнения. К удивлению моих сотрудников, лидеры Конгресса, в том числе республиканцы, со мною согласились. На встрече, которую я организовал, чтобы способствовать принятию Конгрессом комплексной программы помощи России, сенатор Джо Байден, председатель сенатского Комитета по международным отношениям, активно ее поддержал. Боб Доул согласился с нами благодаря аргументу, что мы не хотим «испортить» эпоху после холодной войны, так, как это сделали страны, победившие в Первой мировой. Их близорукость в значительной степени способствовала началу Второй мировой войны, во время которой Доул так героически сражался. Ньют Гингрич горячо выступил за оказание помощи России, заявив, что это «серьезный определяющий момент» для Америки и что мы должны поступить правильно. Как я сказал Стробу, Ньют старался «перещеголять меня в поддержке России», что меня только обрадовало.

В начале нашей встречи 3 апреля создалась неловкая ситуация, когда Ельцин стал объяснять, что ему приходится балансировать на тонкой грани между тем, чтобы получить американскую помощь для перехода России к демократии, и не выглядеть при этом так, словно он находится под башмаком у Америки. Когда мы перешли к обсуждению деталей нашей комплексной программы помощи, он сказал, что она ему нравится, но необходимо выделить более значительные средства на строительство жилья для военных, которых он возвращал на родину из балтийских государств и многие из которых жили в палатках. После того как мы решили этот вопрос, Ельцин внезапно перешел в наступление. Он потребовал, чтобы я отменил

---

* Программа финансирования демонтажа ядерного, химического и биологического оружия на территории бывшего Советского Союза и мер по предотвращению его распространения. — *Прим. пер.*

поправку Джексона — Вэника — закон, принятый в 1974 году и увязывавший режим наибольшего благоприятствования в торговле с США со свободой эмиграции из России, и отдал распоряжение, чтобы в США прекратили отмечать Неделю поработанных наций*, учрежденную для привлечения внимания к господству Советского Союза над такими странами, как Польша и Венгрия, ставшими теперь свободными. Оба эти закона были преимущественно символическими и не оказывали реального влияния на наши отношения, и я не мог расходувать политический капитал на их изменение и в то же время добиваться принятия решения об оказании реальной помощи России.

После первой встречи мои сотрудники были обеспокоены тем, что Ельцин ведет себя со мной так же напористо, как Хрущев с Кеннеди на их знаменитой встрече в Вене в 1961 году. Они не хотели, чтобы я выглядел слабым. Меня это не тревожило, поскольку эта историческая аналогия в данном случае была неуместной. Ельцин вовсе не старался представить меня в невыгодном свете, чего пытался добиться Хрущев в отношении Кеннеди; он просто стремился сам хорошо выглядеть — из-за своих врагов на родине, пытавшихся с ним покончить. В неделю, предшествовавшую нашей встрече в верхах, они попытались объявить ему в Думе импичмент, что им не удалось, хотя за эту резолюцию проголосовали многие. Я был готов к демонстративным жестам, если это могло помочь удержать Россию на правильном пути.

Во второй половине дня мы договорились о том, как институционально закрепить наше сотрудничество, учредив комиссию, которую возглавили вице-президент Гор и российский премьер-министр Виктор Черномырдин. Эту идею предложили Строуб и Георгий Мамедов, заместитель министра иностранных дел России, и она оказалась более плодотворной, чем мог бы предположить любой из нас, преимущественно благодаря постоянным и целенаправленным усилиям, предпринимавшимся в течение нескольких лет Алом Гором и его российскими коллегами для решения великого множества сложных и спорных проблем.

В воскресенье, 4 апреля, мы встретились в более официальной обстановке, чтобы обсудить проблемы безопасности, причем Ельцин и его советники сидели за столом напротив меня и моих консультантов. Как и прежде, Ельцин начал разговор весьма агрессивно, потребовав, чтобы мы изменили свои позиции по контролю над вооружениями и открыли американские рынки для таких российских продуктов, как, например, стартовые комплексы для запуска спутников, не требуя контроля над экспортом, на основе которого были бы запрещены поставки российской военной техники в такие враждебные Америке страны, как Иран и Ирак. При поддержке нашего прагматичного эксперта Линн Дэвис я занял жесткую позицию в отношении контроля над экспортом и отклонил требования, касающиеся контроля над вооружениями, передав их для дальнейшего изучения нашим сотрудникам.

---

* Выражение «поработанные нации» применялось в отношении народов СССР и стран Восточной Европы в 50-х годах, в разгар холодной войны. — *Прим. ред.*

Атмосфера стала более благоприятной, когда мы перешли к проблемам экономики. Я охарактеризовал комплексную программу в этой области как «сотрудничество», а не как «помощь», затем попросил Ллойда Бентсена изложить предложения, которые мы намеревались внести на совещании «Большой семерки» в Токио. Ельцин встревожился, когда понял, что мы не можем предоставить ему средства до референдума, намеченного на 5 апреля. Хотя я не мог дать Борису чек на 500 миллионов долларов, который был ему нужен, на пресс-конференции, состоявшейся после нашей заключительной встречи, я со всей определенностью заявил, что в Россию поступит крупная финансовая помощь, поскольку США поддерживают демократию в этой стране, ее реформы и ее руководителя.

Я покидал Ванкувер, еще больше веря в Ельцина и лучше понимая масштабы стоявших перед ним проблем и его непреклонную решимость с ними справиться. Он мне нравился. Ельцин был похож на большого медведя и полон бросающихся в глаза противоречий. Он вырос в трудных условиях, и по сравнению с ним у меня было детство как у Рокфеллера. Он мог бы показаться грубым, однако обладал острым умом, позволявшим ему схватывать все тонкости ситуации. В какой-то момент он мог нападать, а в следующую минуту — обнимать вас. Он попеременно казался то трезво расчетливым, то искренне эмоциональным, то мелочным, то щедрым, то недовольным всем миром, то очень веселым. Однажды, когда мы вместе шли по коридору моего отеля, один российский журналист задал ему вопрос, доволен ли он нашей встречей. Он быстро ответил: «Доволен? Нельзя быть довольным, если рядом нет красивой женщины. Но я удовлетворен». Всем известно о пристрастии Ельцина к водке, но в целом на всех наших встречах он всегда был собран, хорошо подготовлен и достойно представлял свою страну. В сравнении с вполне реалистичными альтернативными вариантами можно сказать, что России повезло, что он оказался у руля. Ельцин любил свою страну, ненавидел коммунистическую систему и хотел, чтобы Россия была великой державой и шла правильным путем. Когда кто-нибудь язвительно упоминал о пристрастии Ельцина к выпивке, я вспоминал слова, якобы сказанные Линкольном, когда вашингтонские снобы позволили себе аналогичную критику в адрес генерала Гранта, на тот момент, безусловно, самого энергичного и успешного полководца Гражданской войны: «Узнайте, что он пьет, и давайте это другим генералам».

Вернувшись в Вашингтон, я вновь увеличил размеры комплексной программы помощи, предложив предоставить 2,5 миллиарда долларов всем бывшим советским республикам, с тем чтобы две трети этой суммы получила Россия. 25 апреля значительное большинство российских избирателей поддержало Ельцина, его политику и его стремление добиться избрания новой Думы. Хотя прошло немногим больше ста дней после моего вступления в должность президента, мы значительно продвинулись вперед в вопросе оказания поддержки Ельцину и российской демократии. К сожалению, этого нельзя было сказать о наших усилиях с целью положить конец массовым убийствам и этническим чисткам в Боснии.

В 1989 году, когда начался распад Советского Союза и ускорился крах коммунистических режимов в странах Европы, разные страны по-разному отвечали на вопрос, какая политическая философия придет на смену коммунистической. Самая западная часть бывшей советской империи открыто предпочла демократию, за которую десятилетиями выступали иммигранты из Польши, Венгрии, Чехословакии и балтийских государств, обосновавшиеся в США. В России Ельцин и другие демократы вели арьергардные бои с коммунистами и националистами-экстремистами. В Югославии, стремившейся сгладить противоречия между входившими в нее образованиями, пестрыми по этническому и религиозному составу, сербский национализм, вождем которого был самый влиятельный политический деятель в стране, Слободан Милошевич, возобладали над демократией.

К 1991 году самые западные провинции Югославии — Словения и Хорватия, обе с преимущественно католическим населением, провозгласили независимость от Югославии. Затем начались бои между Сербией и Хорватией, распространившиеся на Боснию, провинцию Югославии с самым пестрым этническим составом, где мусульмане составляли около 45, сербы — немногим более 30, а хорваты — около 17 процентов населения. Так называемые этнические разногласия в Боснии на самом деле имели политическую и религиозную основу. Босния была объектом трех имперских экспансий: католической Священной Римской империи — с запада, православных христиан — с востока и мусульманской Османской империи — с юга. В 1991 году Боснией руководило возглавлявшееся ведущим мусульманским политиком Алией Изетбеговичем коалиционное правительство национального единства, в состав которого входил лидер воинствующих сербских националистов Радован Караджич, психиатр из Сараево.

Сначала Изетбегович хотел, чтобы Босния была автономной, многоэтнической, многоконфессиональной провинцией Югославии. Когда международное сообщество признало Словению и Хорватию как независимые страны, Изетбегович решил, что единственная возможность для Боснии избежать господства Сербии — тоже объявить о независимости. У Караджича и его союзников, тесно связанных с Милошевичем, были совсем иные планы. Они поддерживали стремление Милошевича объединить как можно большую часть территории бывшей Югославии, какую он только сможет удержать, включая Боснию, и создать Великую Сербию. 1 марта 1992 года был проведен референдум по вопросу, должна ли Босния стать независимой страной, в которой отношение ко всем гражданам и группам населения будет одинаковым. В результате избиратели почти единогласно высказались за независимость, однако в референдуме приняло участие всего две трети электората. Караджич приказал сербам не участвовать в голосовании, и большинство из них выполнило это требование. К тому времени их полувоенные формирования начали убивать безоружных мусульман, выгоняя их из домов в районах, населенных преимущественно сербами, в надежде силой поделить Боснию по этническому принципу на анклавов, или «кантионы». Эта жестокая политика получила странное обтекаемое название «этнические чистки».

Представитель Европейского сообщества лорд Каррингтон предпринял попытку убедить стороны согласиться на мирный раздел страны по этническому принципу, однако она ему не удалась, поскольку этого нельзя было сделать, не оставив значительное число представителей одной этнической группы на земле, контролируемой другой, и поскольку многие боснийцы хотели сохранить единство своей страны, чтобы разные этнические группы населения мирно жили рядом, как это и происходило на протяжении большей части предыдущих пятисот лет.

В апреле 1992 года Европейское сообщество впервые с XV века признало Боснию как независимое государство. Тем временем сербские полувоенные формирования продолжали терроризировать мусульманские общины и убивать мирных жителей, постоянно используя при этом средства массовой информации, чтобы убедить местных сербов, что именно они подвергаются нападениям со стороны мусульман и должны защищаться. 27 апреля Милошевич объявил о создании нового государства Югославия, в состав которого вошли Сербия и Черногория. Затем он демонстративно вывел свою армию из Боснии, оставив там вооружения, боеприпасы и военнослужащих из числа боснийских сербов под руководством выбранного им командира Ратко Младича. Вооруженные столкновения продолжались в течение всего 1992 года, и лидеры Европейского сообщества всячески старались их прекратить, в то время как администрация Буша, не уверенная в том, как ей следует действовать, и не желавшая брать на себя еще одну проблему в год выборов, удовлетворялась тем, что предоставила решать ее странам Европы.

Заслугой администрации Буша было то, что она призвала ООН ввести в отношении Сербии экономические санкции, против чего сначала выступили Генеральный секретарь ООН Бутрос Бутрос-Гали, Франция и Великобритания, заявившие, что они хотят предоставить Милошевичу возможность самому прекратить инспирированное им насилие. Наконец в конце мая санкции были введены, однако без особого результата, так как сербы продолжали получать оружие и продовольствие от дружественных соседних государств. ООН также оставила в силе эмбарго на поставки оружия боснийскому правительству, введенное в 1991 году в отношении всей Югославии. Проблема с эмбарго состояла в том, что у сербов было достаточно оружия и боеприпасов, чтобы сражаться годами, поэтому сохранение его в силе приводило лишь к тому, что боснийцы фактически лишались возможности защищаться. Им удалось как-то продержаться в течение всего 1992 года с помощью оружия, которое они захватывали в ходе боев у сербов, а также благодаря небольшим партиям оружия из Хорватии, которые удавалось доставлять в обход введенной НАТО блокады побережья.

Летом 1992 года, когда телевидение и печатные средства массовой информации наконец показали европейцам и американцам ужасы концентрационного лагеря, созданного сербами в северной части Боснии, я выступил за нанесение войсками НАТО бомбовых ударов при участии США. Впоследствии, когда стало ясно, что сербы постоянно совершают массовые убийства боснийских мусульман, особенно местных лидеров, я предложил отменить эмбарго на поставки оружия Боснии. Европейские страны, на-

против, сосредоточили внимание на прекращении насилия. Британский премьер-министр Джон Мейджор попытался убедить сербов отменить осаду боснийских городов и передать свои тяжелые вооружения под контроль ООН. Одновременно были учреждены многие частные и государственные миссии для обеспечения мирных жителей продовольствием и медикаментами, и ООН направила в Боснию восемь тысяч военнослужащих, чтобы защитить конвои с гуманитарной помощью.

В конце октября, перед самыми выборами в нашей стране, лорд Дэвид Оуэн, новый европейский представитель на переговорах, и представитель ООН Сайрус Вэнс, бывший государственный секретарь США, предложили разделить Боснию на несколько автономных провинций, администрации которых будут иметь все функции правительства, кроме обороны и иностранных дел, остающихся в ведении центральной власти. Провинции были достаточно многочисленными, причем основные этнические группы населения географически разделялись таким образом, что, по мнению Вэнса и Оуэна, районы, контролировавшиеся сербами, не могли влиться в возглавлявшуюся Милошевичем Югославию и образовать Великую Сербию. В связи с этим планом возникало несколько проблем, две из которых создавали наиболее серьезные сложности: во-первых, поскольку правительства автономий получали широкие полномочия, было ясно, что безопасное возвращение мусульман в их дома, находящиеся в контролируемых сербами районах, невозможно; во-вторых, неопределенность границ могла спровоцировать продолжение агрессии сербов, стремившихся расширить контролируемые ими территории, а также продление конфликта, хотя и менее острого, между хорватами и мусульманами.

К тому моменту, когда я стал президентом, эмбарго на поставки оружия и поддержка европейскими странами плана Вэнса — Оуэна ослабили сопротивление мусульман, хотя продолжали поступать сведения о расправах сербов над мирным мусульманским населением и о нарушениях прав человека в концентрационных лагерях. В начале февраля я решил не поддерживать план Вэнса — Оуэна. Встретившись 5 февраля с премьер-министром Канады Брайаном Малруни, я был рад услышать, что этот план не нравится и ему. Через несколько дней мы завершили анализ политики в отношении Боснии, и Уоррен Кристофер заявил, что США хотели бы добиться заключения нового соглашения и готовы способствовать его проведению в жизнь.

Двадцать третьего февраля Генеральный секретарь ООН Бутрос-Гали согласовал со мною чрезвычайный план доставки боснийцам гуманитарных грузов, которые предполагалось сбросить с самолетов. На следующий день, на моей первой встрече с Джоном Мейджором, британский премьер-министр также поддержал эту идею. Припасы, сброшенные с самолетов, помогли многим людям остаться в живых, однако никоим образом не повлияли на причины этого кризиса.

К марту мы, казалось, добились некоторого прогресса. Экономические санкции были ужесточены и, по-видимому, наносили ущерб сербам, которых также тревожила возможность военных действий НАТО. Однако мы были еще очень далеки от единой политики. 9 марта состоялась наша первая

встреча с президентом Франции Франсуа Миттераном, который разъяснил мне, что, хотя он и направил в Боснию пять тысяч французских военнослужащих в составе сил ООН по оказанию гуманитарной помощи и сдерживанию насилия, он больше сочувствует сербам, чем я, и в меньшей степени готов согласиться с идеей единой Боснии, возглавляемой мусульманами.

Двадцать шестого марта я встретился с Гельмутом Кодем, которому не нравилось то, что происходило в Боснии, и который, как и я, выступал за отмену эмбарго на поставки оружия. Однако нам не удалось убедить Великобританию и Францию изменить свою позицию. Они считали, что отмена эмбарго лишь продлит войну и поставит под угрозу находившихся на месте событий военнослужащих сил ООН, в состав которых, в отличие от нашего контингента, входили войска этих стран. 26 марта Белый дом посетил также Изетбегович, чтобы встретиться с Алом Гором, благодаря помощнику по национальной безопасности которого, Леону Фертю, мы добились повышения эффективности этого эмбарго. И Коль, и я сказали Изетбеговичу, что делаем все возможное, чтобы убедить европейцев занять более активную позицию в его поддержку. Через пять дней после этого нам удалось убедить ООН распространить зону, «закрытую для полетов», на все воздушное пространство над Боснией, чтобы, по меньшей мере, лишить сербов преимущества, которое обеспечивала им монополия на ВВС. Это стало заметным достижением, однако убийства все равно продолжались.

В апреле из Боснии вернулась группа американских военных, дипломатов и сотрудников гуманитарных организаций, призвавшая нас пойти на военное вмешательство, чтобы прекратить страдания мусульман. 16 апреля ООН приняла мою рекомендацию об объявлении «зоны безопасности» вокруг Сребреницы, города в Восточной Боснии, где убийства, совершавшиеся сербами, и этнические чистки были особенно жестокими. 22 апреля, на открытии американского Мемориального музея «Холокост», Элли Визель, бывший узник фашистского концлагеря, переживший холокост, публично призвал меня принять более активные меры, чтобы прекратить насилие в Боснии. К концу апреля моя внешнеполитическая команда заявила, что, если мы не добьемся от сербов прекращения огня, нам следует отменить эмбарго на поставки оружия мусульманам и начать наносить бомбовые удары по военным объектам сербов. Когда Уоррен Кристофер отбыл в Европу, чтобы добиться поддержки этой политики, лидер боснийских сербов Радован Караджич, надеясь не допустить бомбардировок, подписал наконец мирный план ООН, всего шестью днями раньше отвергнутый его Законодательным собранием. Я ни на минуту не поверил, что подпись Караджича свидетельствовала об изменении его долгосрочных целей.

К концу первых ста дней моего пребывания на посту президента мы несколько не приблизились к удовлетворительному урегулированию боснийского кризиса. Великобритания и Франция отвергли инициативы Уоррена Кристофера и повторили, что имеют право руководить улаживанием этой ситуации. Слабость их позиции, безусловно, состояла в том, что, поскольку сербы были в состоянии вынести тяжелые экономические последствия жест-

ких санкций, они могли продолжать агрессивные этнические чистки, не опасаясь других мер наказания. Боснийская трагедия продлилась еще более двух лет, и в результате погибли более 250 тысяч человек, а 2,5 миллиона были изгнаны из своих домов. Все это продолжалось до тех пор, пока бомбовые удары НАТО и военные поражения сербской армии не привели к дипломатической инициативе США, которая положила конец этой войне.

Я оказался, по выражению Дика Холбрука, причастен к «крупнейшему коллективному провалу Запада в области безопасности начиная с 1930-х годов». В своей книге «Чтобы остановить войну» (*To End a War*) Холбрук объясняет этот провал действием пяти факторов: 1) неверным истолкованием балканской истории на основе убеждения, что межэтническая борьба началась очень давно и слишком укоренилась, чтобы ее продолжение могли предотвратить люди со стороны; 2) очевидной потерей Югославией своего стратегического значения после окончания холодной войны; 3) победой национализма как основной идеологии Югославии в посткоммунистический период над демократией; 4) нежеланием администрации Буша брать на себя новые военные обязательства через столь недолгий срок после войны в Ираке 1991 года; 5) решением США предоставить решать этот вопрос Европе, а не НАТО, и расплывчатой, пассивной реакцией европейских стран.

К списку Холбрука я бы добавил шестой фактор: некоторые европейские лидеры не очень хотели иметь в центре Балкан мусульманское государство, опасаясь, что оно может стать базой для экспорта экстремизма, то есть страшась результата, который их бездействие делало не менее, а более вероятным.

Для меня выбор возможных вариантов действий был ограничен теми укоренившимися позициями, которые существовали до того, как я вступил в должность президента. Например, я не хотел выступать вместе с сенатором Доулом за одностороннюю отмену эмбарго на поставки оружия, опасаясь ослабить ООН (хотя впоследствии мы фактически сделали это, отказавшись обеспечивать проведение этого запрета в жизнь). Я также не хотел вносить раскол в альянс НАТО, начав в одностороннем порядке бомбардировки военных позиций сербов, особенно потому, что на месте находились выполнявшие миссию ООН военнослужащие европейских стран, а американских военных там не было. Я также не хотел посылать туда американские войска с тем, чтобы они встали на пути зла, на основе мандата ООН, который, как я считал, обречен на провал. В мае 1993 года мы все еще были очень далеки от решения этой проблемы.

В конце первых ста дней пребывания на посту нового президента пресса всегда дает оценку того, насколько успешно новая администрация выполняет данные во время предвыборной кампании обещания и решает другие появившиеся задачи. По общему мнению обозревателей, моя деятельность в начале пребывания на посту президента была неоднозначной. Если говорить о позитивной стороне, то я создал в Белом доме Национальный совет по экономике, разработал амбициозную программу, чтобы изменить положение в экономике, которая в течение двенадцати лет была ориентирована на «просачивание богатства», и добился некоторых успехов

в Конгрессе. Я подписал закон «О медицинском отпуске и отпуске по семейным обстоятельствам» и закон об «автоизбирателях», чтобы облегчить их регистрацию. Я пересмотрел политику Рейгана — Буша в отношении абортов, включая запрет на исследование эмбриональной ткани и запрещение обсуждения этого вопроса. Я уменьшил число сотрудников Белого дома, хотя их рабочая нагрузка увеличилась: например, за первые три с половиной месяца мы получили больше корреспонденции, чем поступило в Белый дом за весь 1992 год. Я также распорядился сократить общую численность федеральных служащих на 100 тысяч человек и поручил вице-президенту Гору руководить поиском новых областей для экономии и более эффективных методов служения американскому народу на основе инициативы «преобразования правительства на новой основе», заметные позитивные результаты которой, в конечном счете, доказали, что скептики ошибались. Я направил в Конгресс законопроекты, предусматривавшие учреждение моей программы национальной службы, удвоение объема налогового кредита на заработанный доход и создание зон развития в бедных общинах, а также значительное снижение расходов на займы для обучения в колледжах, сэкономив миллиарды долларов как для студентов, так и для налогоплательщиков. Я ускорил осуществление реформы системы здравоохранения и принял активные меры для укрепления демократии и проведения реформ в России. Мне также повезло, поскольку у меня были активные и способные сотрудники и члены кабинета, которые, не считая утечек информации, хорошо работали, без злословия и внутренних распрей, характерных для многих предыдущих администраций. После медленного старта в первые сто дней своего президентства я сделал больше кадровых назначений, чем Рейган или Буш за тот же период времени, что было совсем неплохо, учитывая, насколько громоздким был весь этот процесс, сопровождавшийся вмешательствами извне. Сенатор Алан Симпсон из штата Вайоминг, остроумный организатор фракции республиканцев, как-то в разговоре со мной пошутил, что процесс назначений был настолько усложненным, что он «не захотел бы даже пообедать с тем, чью кандидатуру утверждал Сенат Конгресса США».

Что касается негативной стороны, то из-за возраставшего дефицита я временно отказался от снижения налогов для среднего класса; из-за obstruction республиканцев потерпел поражение в борьбе за утверждение программы стимулирования экономики; продолжил проводившуюся Бушем политику насильственного возвращения гаитянских беженцев на родину, хотя мы принимали больше гаитян, используя другие возможности; не смог отменить запрет на службу гомосексуалистов в вооруженных силах; отложил представление программы реформы системы здравоохранения на более поздний срок, а не сделал это в первые сто дней, как было намечено раньше; неправильно повел себя в вопросе публичного освещения штурма в Уэйко; не смог убедить Европу поддержать призыв США занять более решительную позицию в Боснии, хотя мы увеличили гуманитарную помощь этой стране, ужесточили санкции против Сербии, добились создания зоны, закрытой для полетов, и обеспечили соблюдение этого запрета.

Одна из причин, по которым моя «оценочная ведомость» была неоднозначной, заключалась в том, что я пытался очень много сделать в условиях оппозиции республиканцев и сложного отношения американского народа к тому, в каких масштабах может или должно действовать правительство. В конце концов, людям двенадцать лет говорили: причина всех наших проблем — в правительстве, и оно настолько некомпетентно, что не сможет организовать парад, даже если в нем будут участвовать всего два автомобиля. Я явно переоценил свои возможности, действуя в такой спешке. Страна более десяти лет двигалась в определенном направлении, жила в политической ситуации раскола, в то время как американцев успокаивали избитыми фразами о том, какая мы великая страна, и совершенно иллюзорными утешениями, что сегодня мы будем расходовать больше и брать меньше налогов, игнорируя последствия такой политики для завтрашнего дня. Для того, чтобы полностью изменить ситуацию, понадобилось гораздо больше ста дней.

Помимо темпов перемен я, возможно, переоценил масштабы изменений, которых могу добиться, а также то, какую их часть будет готов принять американский народ. Анализируя мою деятельность в одном из исследований, подготовленных после первых ста дней, политолог из Университета Вандербилта Эрвин Харгроув отметил: «Я спрашиваю себя: не слишком ли разбрасывается президент?» Вероятно, он был прав, однако предстояло так много сделать, и я неустанно пытался браться за все одновременно, пока на промежуточных выборах 1994 года избиратели не нанесли мне сильный удар. Считая, что нужно действовать как можно быстрее, я забыл о другом своем законе политической деятельности: люди выступают за преобразования в целом, но против конкретных перемен, если они затрагивают их лично.

Борьба первых ста дней, проходившая публично, велась не в вакууме; моя семья в это время приспособлялась к существенному изменению нашего образа жизни и переживала потерю отца Хиллари. Я с большим энтузиазмом относился к обязанностям президента, а Хиллари была увлечена своей работой над реформой системы здравоохранения. Челси нравилась новая школа, и она заводила новых друзей. Нам было приятно жить в Белом доме, принимать гостей во время светских мероприятий и приглашать к себе друзей.

Сотрудники Белого дома начинали привыкать к тому, что семья президента подолгу задерживается и позже ложится спать. Хотя я привык на них полагаться и высоко ценил их услуги, мне потребовалось некоторое время, чтобы вообще привыкнуть ко всей той помощи, которую мне оказывали в Белом доме. Будучи губернатором, я жил в резиденции, где был прекрасный персонал и меня повсюду доставлял на машине наряд службы безопасности штата. Однако по уикендам мы с Хиллари обычно готовили для себя сами, а по воскресеньям я садился за руль и отвозил всю семью в церковь. Сейчас у меня появились камердинеры, которые каждое утро готовили мне одежду, укладывали вещи для моих поездок и приходили, чтобы упаковать их и выгладить; у меня были официанты, которые поздно ложились, рано вставали и работали в уикенд, подавали мне еду и приносили

диетические напитки и кофе; стюарды из числа военнослужащих ВМС, которые выполняли те же функции, когда я находился в Овальном кабинете или в поездках; работники кухни, готовившие для нас еду даже в уикенд; лифтеры, которые отвозили меня вверх и вниз и приносили мне на подпись бумаги и служебные записки для прочтения в любое время дня и ночи; у меня были работавший круглые сутки медперсонал и Секретная служба, сотрудники которой даже не разрешали мне сидеть на переднем сиденье, не говоря уже о том, чтобы самому вести автомобиль.

Среди того, что мне больше всего нравилось, когда я жил в Белом доме, были свежие цветы, заполнявшие жилые помещения и рабочие кабинеты. Белый дом всегда украшали очень красиво составленные букеты. После того как я ушел с поста президента, это стало одной из тех вещей, которых мне больше всего не хватало.

Когда мы переехали в Белый дом, Хиллари распорядилась перестроить маленькую кухню, чтобы, оставшись только вдвоем, мы могли там обедать по вечерам. Столовая наверху была красивой, но, но наш вкус, слишком большой и официальной, когда мы не принимали гостей. Хиллари также обустроила светлую, солнечную комнату на третьем этаже с выходом на балкон и на крышу Белого дома, которую мы превратили в место для семейного общения. Когда у нас гостили родственники или друзья, нас всегда тянуло в эту комнату, чтобы поговорить, посмотреть телевизор, поиграть в карты или настольные игры. Я пристрастился к двум играм: «Мастер Ботл» и «АпУордс». Последняя, по существу, представляла собой игру в слова в трех измерениях, в которой набираешь очки, не используя лишние буквы или заполняя пустые клетки, а составляя слова из слов. Я попытался добиться, чтобы моя семья и друзья тоже полюбили эту игру, и с одними мне это удалось лучше, чем с другими. Мой шурин Хью бесконечно играл со мной в «АпУордс». Она нравилась и Роджеру, а Хиллари, Тони и Челси предпочитали нашу обычную карточную игру. Я продолжал играть в карты со своими сотрудниками, и мы пристрастились к новой игре, которой научились у Стивена Спилберга и Кейт Кэпшо, побывавших у нас в гостях. У нее было прекрасное название для Вашингтонской политической жизни: «О черт!»

Начиная с предварительных выборов в штате Нью-Хэмпшир меня повсюду сопровождали сотрудники Секретной службы, но, переселившись в Белый дом, я создал для них проблему из-за утренних пробежек трусцой. У меня было несколько маршрутов. Иногда я доезжал до Хейнз-Пойнт, где площадку для игры в гольф огибала ровная дорога протяженностью три мили, но там иногда бывало не очень приятно зимой, когда дули сильные ветры с реки Потомак. Время от времени я также бегал к Форт-Макнейру, где на территории Университета национальной обороны есть овальная дорожка. Мой любимый маршрут в то время начинался у юго-западных ворот Белого дома и вел к Моллу, затем к памятнику Линкольну, потом вниз, к Капитолию, а оттуда домой. Во время этих пробежек я встречал много интересных людей и никогда не уставал перебирать в памяти события американской истории. Когда агенты Секретной службы в конце концов

попросили меня по соображениям безопасности прекратить пробежки, я выполнил эту просьбу, однако мне их очень не хватало. Для меня эти пробежки на людях были способом сохранить контакт с миром за пределами Белого дома. Для сотрудников Секретной службы, никогда не забывавших о попытке Джона Хинкли убить президента Рейгана и гораздо больше, чем я, знавших о том, сколько в Белый дом приходило писем от тех, кто меня ненавидел, мои контакты с людьми были риском, вызывавшим опасения и требовавшим от них принятия мер.

В первые дни мне очень помог Ал Гор, который постоянно убеждал меня принимать трудные решения и после этого уже о них не думать. Он также беспрестанно пояснял мне, как работает Вашингтон. Частью нашего регулярного повседневного общения был еженедельный ланч вдвоем в моей личной столовой. Мы обменивались любезностями, затем переходили к обсуждению самых разных тем: от наших семей, спорта, книг и фильмов и до последних проблем в его или моей программах работы. Мы устраивали эти встречи на протяжении всех восьми лет, за исключением тех случаев, когда один из нас отсутствовал несколько дней подряд. Хотя нас многое объединяло, мы с Алом были разными, и эти совместные ланчи позволили нам стать ближе друг другу в вашингтонском «автоклаве», а мне они помогли быстрее приспособиться к своей новой жизни.

Учитывая все аспекты, можно сказать, что в первые сто дней пребывания на посту президента я чувствовал себя достаточно хорошо и в личном, и в политическом плане. Тем не менее так же, как и Хиллари, я переживал сильный стресс. Несмотря на весь наш энтузиазм и увлеченность делом, мы очень устали за время переходного периода и совсем не отдохнули после выборов. Кроме того, мы были лишены «медового месяца», который традиционно бывает у всех новых президентов, отчасти из-за того, что вскоре после моего вступления в должность возник вопрос о службе гомосексуалистов в вооруженных силах, а может быть, потому, что журналисты обиделись на нас из-за ограничения доступа в западное крыло Белого дома. Смерть отца стала для Хиллари тяжелой потерей. Мне тоже не доставало Хью, и в течение какого-то времени нам обоим было трудно сохранять хорошую форму. Хотя мы работали с удовольствием, первые сто дней серьезно отразились на нашем физическом и эмоциональном состоянии.

Сокращение дефицита — необходимый элемент моей экономической стратегии, однако этого было недостаточно, чтобы обеспечить устойчивое общее оживление в экономике. В первые месяцы мы включали в программу действий инициативы по расширению торговли, увеличению инвестиций в образование и профессиональную подготовку и стимулированию множества микроэкономических мер, ориентированных на конкретные неблагополучные области или на цели, обеспечивающие возможности. Например, я выступил с предложением об оказании помощи военному и гражданскому персоналу, лишившемуся работы в результате уменьшения расходов на оборону в период, наступивший после холодной войны; призвал наши основные федеральные исследовательские лаборатории — Национальную лабораторию в Лос-Аламосе, Национальную лабораторию Сандиа в штате Нью-Мексико, а также Национальную лабораторию имени Лоуренса в Ливерморе, штат Калифорния, использовать огромные научные и технические ресурсы, обеспечившие победу в холодной войне, для создания новых технологий, которые могли бы иметь коммерческое применение; объявил о программе микрозаймов для поддержки начинающих предпринимателей, включая людей, получавших помощь в рамках системы социального обеспечения, однако стремившихся самостоятельно зарабатывать себе на жизнь, у которых часто появлялись удачные идеи, не соответствовавшие, однако, стандартам для предоставления кредитов традиционными займодавцами; увеличил объем займов, предоставляемых Управлением по делам малого бизнеса, особенно женщинам и представителям меньшинств; сформировал национальную комиссию для создания сильной и конкурентоспособной индустрии авиаперевозок во главе с бывшим губернатором штата Вирджиния Джерри Бэлайлзом. Производители авиалайнеров и авиакомпании оказались в трудном положении из-за экономического спада, уменьшения числа заказов на военные самолеты и жесткой конкуренции со стороны европейского производителя Airbus.

Я также предложил план оказания помощи общинам в переориентации на коммерческое использование военных объектов, которые должны были быть закрыты в результате сокращения расходов на оборону. Будучи губернатором, я уже сталкивался с необходимостью закрытия одной базы ВВС и был полон решимости оказать дополнительную помощь тем, перед кем сейчас стояли такие же проблемы. Поскольку по уровню развития экономики Калифорния занимала шестое место в мире и особенно сильно пострадала из-за сокращения военных расходов и других проблем, мы разработали специальный план ее восстановления. Джон Эмерсон отвечал за руководство этой программой и решение других вопросов, касавшихся его родного штата. Он так неустанно этим занимался, что в Белом доме его стали называть «министром по делам Калифорнии».

Одним из самых эффективных наших достижений была реформа правил, регулировавших деятельность финансовых институтов на основе закона «О реинвестировании в общины» от 1977 года, который требовал от получающих федеральное страхование кредиторов активнее предоставлять займы заемщикам с низкими и средними доходами, однако до 1993 года фактически не действовал. После того как мы внесли в него изменения, в период с 1993 по 2003 год банки предложили заемщикам, на которых распространялось действие этого закона, более 800 миллиардов долларов на строительство жилья, на малый бизнес и развитие общин. Это была очень большая сумма, составлявшая значительно более 90 процентов всех займов, предоставленных на основе закона «О реинвестировании в общины» за двадцать три предыдущих года.

Май был интересным и ценным месяцем для моего продолжавшегося политического образования. 5 мая я вручил первую Президентскую медаль свободы моему старому наставнику сенатору Фулбрайту в день его восьмидесятивосьмилетия. Отец Ала Гора присутствовал на этой церемонии, и когда он напомнил Фулбрайту, что ему всего восемьдесят пять, сенатор ответил: «Альберт, если ты будешь хорошо себя вести, и тебе будет столько же, сколько и мне». Я восхищался обоими сенаторами за то, что они сделали для Америки; размышлял о том, проживу ли так долго, как они, и надеялся, что, если это будет мне дано, я так же хорошо выдержу испытание временем.

На третьей неделе мая я отправился в Калифорнию, чтобы выступить на заседании муниципалитета в Сан-Диего, в местном колледже в Ван-Найсе, в котором обучалось много студентов латиноамериканского происхождения, и в магазине спортивных товаров в южной и центральной части Лос-Анджелеса, где год назад происходили волнения, и подчеркнуть необходимость инвестиций в экономическую программу на обучение и развитие гетто. В последнем мероприятии я участвовал с особым удовольствием. Во дворе магазина спортивных товаров под названием «Плейграунд» находилась баскетбольная площадка, и там собирались молодые люди. Меня сопровождал Рон Браун. Мы позвали ребят и устроили импровизированный баскетбольный матч, после которого я говорил о возможностях создания более успешных предприятий, таких как этот магазин, в бедных общинах по всей Америке. Я совершенно уверен, что это был первый случай, когда президент играл в баскетбол на задворках с ребятами из гетто, и надеялся, что фотографии, запечатлевшие это, покажут всей Америке, в чем состоят приоритеты новой администрации, и, в частности, молодым людям, как я забочусь о них и их будущем.

К сожалению, большинство американцев так и не узнали об этом матче, потому что я постригся. Я еще не нашел парикмахера в Вашингтоне и не мог каждые три недели ездить в Арканзас к Джиму Майлзу, а волосы у меня уж слишком отросли. Хиллари причесывалась у парикмахера в Лос-Анджелесе, Кристофа Шаттемана, который был другом семьи Томасон и очень мне нравился. Я спросил Кристофа, готов ли он быстро меня постричь. Он согласился, и мы встретились в моих личных апартаментах на борту президентского самолета «Борт номер 1». Прежде чем мы приступили к делу,

я не один, а два раза попросил сотрудников Секретной службы удостовериться, что, если я отложу на несколько минут наш вылет, это не вызовет задержки взлетов или посадок других самолетов. Они связались с персоналом аэропорта, и им сказали, что проблем не будет. Затем я попросил Кристофа как можно скорее привести меня в презентабельный вид. Он выполнил мою просьбу примерно за десять минут, и наш самолет взлетел.

Сразу же появились сообщения о том, что из-за меня две взлетно-посадочные полосы были закрыты в течение часа, что причинило неудобства тысячам людей, а меня в это время якобы стриг модный парикмахер, известный только по имени, которому я будто бы заплатил двести долларов. Забудьте о баскетбольном матче с детьми из гетто; самой интересной новостью было то, что я отказался от своих арканзасских корней и популистской политики ради дорогостоящих привилегий. Это была очень сенсационная история, но она не соответствовала действительности. Прежде всего, я не платил двести долларов за десятиминутную стрижку. Вторых, как свидетельствовали документы Федерального управления гражданской авиации, которые через несколько недель в конце концов были опубликованы, из-за меня не произошло никакой задержки взлетов или посадок других самолетов. Мне было очень неприятно, что кто-то может подумать, что я действительно совершил такой поступок. Хотя я был президентом, мама, тем не менее, очень сильно отругала бы меня, если бы я заставил множество людей ждать целый час, пока мне сделают стрижку, тем более, если бы пришлось заплатить за нее двести долларов.

История со стрижкой была нелепой, и я не слишком правильно отреагировал на создавшуюся ситуацию, поскольку вышел из себя, а гнев — это всегда ошибка. Любителей сенсационных новостей особенно привлекло то, что Кристоф был голливудским парикмахером. Многих людей в Вашингтонских политических кругах и прессе связывают с Голливудом отношения любви-ненависти. Им нравится общаться с кино- и телезвездами, однако они считают политические интересы и обязательства тех, кто представляет индустрию развлечений, менее законными, чем их собственные. По существу, большинство людей в обеих группах — хорошие граждане, у которых много общего. Кто-то однажды сказал, что политика — это шоу-бизнес для некрасивых людей.

Несколько недель спустя газета *Newsday*, выходящая на Лонг-Айленде, получила учетные документы Федерального управления гражданской авиации о полетах в аэропорту Лос-Анджелеса в тот злополучный день, доказывавшие, что задержки взлетов и посадок самолетов, о которой ранее сообщалось, никогда не было. *USA Today* и некоторые другие газеты тоже опубликовали исправленные данные.

Одна из причин, по которым историю со стрижкой продолжали муссировать, а неверные сведения не были исправлены, не имела непосредственного отношения к этой истории. 19 мая по совету Дэвида Уоткинса, который руководил административной деятельностью в Белом доме, и с согласия юридического отдела Белого дома Мак Макларти уволил семь сотрудников отдела поездок Белого дома. Этот отдел полностью берет на себя органи-

зацию командировок представителей печати, когда они сопровождают президента, и направляет их работодателям счета на оплату расходов. Мы с Хиллари обратились к Маку с просьбой проверить работу отдела поездок Белого дома, поскольку ей передали, что он фрахтовал самолеты для своих чартерных рейсов не на конкурсной основе. Репортер Белого дома пожаловался мне на плохое питание и большие расходы. После того как проверка, проведенная аудиторской фирмой KPMG Peat Marwick, выявила не учтенные должным образом 18 тысяч долларов и другие нарушения, некоторые сотрудники этого отдела были уволены.

Я однажды рассказал Маку о жалобе журналиста и забыл об отделе поездок до тех пор, пока не было объявлено об этих увольнениях. Реакция представителей прессы была крайне негативной. Им нравилось, как их обслуживали, особенно во время поездок за границу. Они годами работали с людьми из отдела поездок и не могли себе представить, что те могли сделать что-то плохое. По мнению многих журналистов, сотрудники этого отдела, по существу, работают на них, а не на Белый дом, и они полагали, что их следовало по меньшей мере уведомить, а может быть, и постоянно консультироваться с ними, когда шло расследование. Несмотря на эту критику, реформированный отдел поездок при меньшей численности персонала и с меньшими затратами оказывал представителям прессы те же самые услуги, что и прежде.

Дело с отделом поездок оказалось особенно наглядным примером столкновения культур новой администрации Белого дома и сложившейся политической прессы. Директору отдела поездок впоследствии предъявили обвинение в растрате, поскольку на его личном банковском счете были обнаружены средства этого подразделения, и, согласно сообщениям печати, он предложил, что в обмен на смягчение обвинения признает себя виновным и пробудет несколько месяцев в тюрьме. Однако прокурор настоял на привлечении директора к ответственности по обвинению в совершении уголовного преступления. После того как несколько известных журналистов выступили в его пользу в качестве свидетелей, дающих показания о репутации и поведении обвиняемого, он был оправдан. Несмотря на расследование деятельности отдела поездок, проведенное Белым домом, Главным контрольно-финансовым управлением, ФБР и независимым юридическим отделом, не было обнаружено никаких доказательств правонарушений, злоупотребления служебным положением или преступных деяний со стороны сотрудников Белого дома; никто также не оспаривал, что в отделе поездок существовали неудовлетворительное управление и финансовые проблемы, которые выявила аудиторская фирма KPMG Peat Marwick.

Я просто не мог поверить, что американский народ смотрит на меня, прежде всего, через призму истории со стрижкой, событий вокруг отдела поездок и проблемы службы гомосексуалистов в вооруженных силах. Вместо того чтобы представлять меня как президента, борющегося за изменение Америки к лучшему, меня изображали как человека, который отказался от простой, непритязательной жизни ради роскоши; как либерала, неспособного ни на что новое, с которого сорвали маску умеренного политика. Я выступил на телевидении в Кливленде, где дал интервью, после которого

один человек заявил, что больше не поддерживает меня, потому что я трачу все свое время на проблему службы гомосексуалистов в вооруженных силах и на Боснию. Я ответил, что недавно проанализировал, как распределял свое время в первые сто дней своего президентства: 55 процентов тратил на экономику и здравоохранение, 25 процентов — на внешнюю политику, 20 процентов — на другие вопросы, касающиеся внутренней жизни страны. Когда он спросил, сколько времени я потратил на проблему службы гомосексуалистов в вооруженных силах и я ответил, что всего несколько часов, этот человек просто сказал: «Я вам не верю». Ему было известно только то, о чем он читал в газетах и что видел по телевизору.

Встреча в Кливленде и неприятности, связанные с историей с прической и ситуацией вокруг отдела поездов, были наглядными уроками, которые показали, как мало все мы, аутсайдеры, знаем о том, какие именно приоритеты важны для Вашингтона, и как это непонимание может помешать нам объяснить, что конкретно мы стремимся улучшить в областях, действительно имеющих значение для остальной Америки. Через несколько лет Дуг Сосник, один из моих самых остроумных сотрудников, пустил в обращение фразу, хорошо передававшую, в какую трудную ситуацию мы тогда попали. Когда мы собирались отбыть в Осло, чтобы содействовать продвижению вперед мирного процесса на Ближнем Востоке, Шарон Фармер, афроамериканка с очень живым характером, которая была моим фотографом, сказала, что не рвется посетить холодную Норвегию. «Все в порядке, Шарон, — заметил Дуг. — Для тебя это не “игра на своем поле”. Никому не нравится “игра на чужом поле”». В середине 1993 года я все еще надеялся, что все мое президентство не будет одной долгой «игрой на чужом поле».

Я серьезно обдумал трудное положение, в котором оказался. По моим представлениям, корни проблемы были таковы: сотрудники Белого дома имели небольшой опыт и слишком мало контактов со сложившимися центрами влияния в Вашингтоне; мы стремились одновременно решить слишком много задач, что создавало ощущение неразберихи и не формировало у народа представления о том, чего мы реально добились; отсутствие четкого и ясного освещения нашей деятельности в печати приводило к тому, что из-за второстепенных проблем создавалось впечатление, будто я руководил страной как сторонник левых позиций в культурном и политическом планах, а не как энергичный центрист, как я обещал. Это впечатление усиливалось из-за непрерывных нападок республиканцев, постоянно твердивших, что моя бюджетная программа предусматривает только значительное увеличение налогов и ничего больше, а также из-за того, что я не вижу существующих серьезных политических препятствий. Получив на выборах 43 процента голосов, я недооценил, насколько трудно будет изменить ситуацию в Вашингтоне после того, как двенадцать лет проводился совершенно другой курс, и насколько раздражающими в политическом и даже в психологическом отношении могут быть перемены для основных игроков в Вашингтоне. Многие республиканцы, прежде всего, не считали мое президентство законным и действовали соответственно; и Конгресс, где демократическое большинство поступало по-своему, а республиканское мень-

шинство всячески старалось доказать, что я слишком либерален и не могу управлять страной, был не способен принимать все законопроекты, за которые я выступал, так быстро, как мне бы этого хотелось.

Я понимал, что должен что-то изменить, но, как и все люди, обнаружил, насколько это труднее сделать самому, чем рекомендовать другим. Тем не менее мне удалось добиться двух особенно полезных изменений. Я убедил Дэвида Гергена, своего друга по «Ренессансным уикендам» и ветерана трех республиканских администраций, прийти на работу в Белый дом в качестве советника президента, чтобы помочь нам в решении организационных вопросов и установлении контактов. У него была своя колонка в журнале *U.S. News & World Report*, в которой Дэвид давал содержательные советы; некоторые из них носили характер критики, но я с ними соглашался; ему нравился Мак Макларти, и он относился к нему с уважением; Дэвид был честным представителем вашингтонского истеблишмента, человеком, который думал и считал очки точно так же, как те, кто к этому истеблишменту принадлежал, и во имя страны желал нам успеха. На протяжении нескольких следующих месяцев Дэвид Герген оказывал стабилизирующее влияние на ситуацию в Белом доме. Он принял меры для улучшения отношений с прессой, восстановив прямой доступ ее представителей к отделу связей Белого дома с общественностью, что нам следовало сделать гораздо раньше.

Помимо назначения Гергена, мы приняли решение о некоторых других кадровых изменениях: Марк Гиран, способный и популярный заместитель Мака Макларти, руководителя аппарата сотрудников Белого дома, должен был сменить Джорджа Стефанопулоса на посту директора отдела связей, Ди Ди Майерс оставалась пресс-секретарем, и ей поручалось проведение ежедневных брифингов; а Джордж должен был занять новую должность высокопоставленного советника, чтобы помогать мне координировать политику, стратегию и принимать повседневные решения. Сначала он был огорчен тем, что ему больше не надо будет проводить ежедневные брифинги для представителей печати, однако вскоре стал прекрасно справляться со своими новыми обязанностями, в значительной степени напоминая то, чем он занимался во время предвыборной кампании. Джордж выполнял эту работу так хорошо, что его влияние и авторитет в Белом доме возросли.

Среди других позитивных перемен было то, что мы разгрузили мой рабочий график, высвободив два часа в середине большинства дней недели, чтобы я получил возможность читать, размышлять, отдыхать и звонить по телефону. Для меня это имело очень большое значение.

К концу месяца ситуация улучшилась, когда Палата представителей 219 голосами против 213 приняла мой бюджет. Затем он был передан на рассмотрение Сената, который сразу же отменил энергетический налог, заменив его увеличением налога на бензин на 3,4 цента за галлон, и еще больше урезал статьи расходов. Плохой новостью было то, что налог на бензин будет в меньшей степени способствовать энергосбережению, чем энергетический налог; хорошей новостью — то, что это обойдется дешевле

американцам из среднего класса и будет стоить всего лишь около 33 долларов в год.

Тридцать первого мая, впервые отметив День поминовения в качестве президента на традиционной церемонии, проходившей на Арлингтонском национальном кладбище, я побывал еще на одной церемонии у вновь открытого Мемориала ветеранов Вьетнама, который представлял собой длинную черную мраморную стену с нанесенными на ней фамилиями всех военнослужащих вооруженных сил США, которые были убиты или пропали без вести во время той войны. Ранним утром во время пробежки я направился от Белого дома к этой стене, чтобы увидеть фамилии всех моих друзей из Хот-Спрингс. Я встал на колени рядом с тем местом, где была высечена фамилия моего друга Берта Джеффри, коснулся надписи и прочитал молитву.

Выступать на церемонии открытия представлялось мне делом нелегким, поскольку я знал, что там соберется много людей, для которых война во Вьетнаме по-прежнему оставалась определяющим моментом в их жизни и для которых сама мысль о том, что такой человек, как я, стал Верховным главнокомандующим, была невыносима. Но я решил встретиться с теми, кто по-прежнему осуждал мои взгляды на войну во Вьетнаме, и сказать всем ветеранам этой войны, что я ценю их службу и то, как сражались их погибшие товарищи, и готов добиваться решения все еще остающихся нерешенными вопросов о военнопленных и солдатах, числящихся пропавшими без вести. Колин Пауэлл представил меня уверенно и на высоком уровне, продемонстрировав уважение, которым, по его мнению, я должен пользоваться в качестве Верховного главнокомандующего. Тем не менее, когда я начал говорить, люди стали выкрикивать слова протеста, стараясь заставить меня замолчать. Я обратился непосредственно к ним:

Я обращаюсь ко всем, кто сейчас кричит. Я слышу вас. А теперь прошу вас послушать меня... Некоторые считают, что я не должен быть здесь с вами сегодня, потому что четверть века назад не согласился с принятым решением послать молодых мужчин и женщин сражаться во Вьетнаме. Ну что ж, тем лучше... Точно так же, как война — это цена свободы, разногласия — это привилегия свободы, и мы ее сегодня здесь чтим... Суть этого Мемориала очень проста: эти мужчины и женщины сражались за свободу, они принесли славу своим общинам, они любили свою страну и погибли за нее. В этой толпе сегодня нет ни одного человека, который не знал бы кого-то из людей, чьи фамилии высечены на черной стене. Здесь есть имена четверых моих школьных товарищей... Если нужно, давайте не соглашаться друг с другом и в будущем, если речь идет об отношении к войне, но по-человечески пусть это больше нас не разобщает.

Мероприятие, начавшееся с неприятностей, закончилось хорошо. Предсказание Роберта Макнамары, что мое избрание положило конец войне во

Вьетнаме, было не вполне точным, но, возможно, мы двигались в этом направлении.

Июнь начался с разочарования, которое носило как личный, так и политический характер, поскольку мне пришлось отменить назначение моей однокашницы по юридическому факультету профессора Пенсильванского университета Лани Гиниер, которая долгое время работала юристом в Фонде юридической защиты при Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения и была первым профессиональным адвокатом — поборником гражданских прав. После того как я назначил ее в апреле на пост главы отдела Белого дома по гражданским правам, консерваторы стали критиковать Гиниер как «королеву квот» и обвинять ее в том, что она выступает за отказ от конституционного принципа «Один человек — один голос», так как поддерживает систему кумулятивных выборов, на основе которой каждый избиратель имеет право подать столько голосов, сколько выставлено кандидатов на места в законодательном органе, или подать все свои голоса за одного кандидата. Теоретически кумулятивное голосование могло бы значительно увеличить шансы на избрание кандидатов, представляющих меньшинства.

Сначала я не обратил особого внимания на шумиху, поднятую правыми, полагая, что на самом деле Гиниер не нравится им из-за того, что она долгое время успешно отстаивала гражданские права, но надеялся, что при рассмотрении ее кандидатуры Сенатом Лани получит достаточно голосов и будет с легкостью утверждена на этот пост.

Однако я ошибся. Ко мне пришел мой друг, сенатор Дэвид Прайор, призвавший меня отменить назначение Лани. Он сообщил о ее неудачных переговорах с сенаторами и напомнил мне, что нам надо добиться утверждения экономической программы, и мы не можем себе позволить потерять ни один голос. Лидер демократического большинства в Сенате, Джордж Митчелл, который до того, как стать сенатором, был федеральным судьей, активно поддержал позицию Дэвида; он сказал, что назначение Лани Гиниер не будет утверждено и нам надо как можно скорее от него отказаться. Меня проинформировали о том, что сенаторы Тед Кеннеди и Кэрол Мосли Брон, единственная афроамериканка в Сенате, придерживаются такого же мнения.

Я решил, что мне следует лучше ознакомиться со статьями Лани, в которых она обосновывала свою позицию. Ее взгляды находились в противоречии с моей поддержкой программы позитивных действий и оппозицией квотам; по-видимому, она также выступала за отмену принципа «Один человек — один голос», предложив заменить его принципом «Один человек — много голосов»: распределяйте их так, как вам нравится.

Я пригласил ее в Овальный кабинет, чтобы мы могли вместе обсудить создавшуюся проблему. Лани, по вполне понятным причинам, была обижена резкой критикой в свой адрес, удивлена тем, что кто-то может воспринимать размышления в научных статьях как серьезное препятствие к утверждению ее кандидатуры, и сбрасывала со счетов трудности, которые создает это назначение для сенаторов, в чьих голосах она нуждалась, чтобы

преодолеть, возможно, несколько голосований с применением тактики «флибустьерства». Я сказал ей, что, по сообщениям моих сотрудников, мы не получим достаточного количества голосов для утверждения ее назначения, однако Гиниер отказалась снять свою кандидатуру, считая, что имеет право на проведение голосования. В конце концов я сказал ей, что, как мне кажется, должен отменить ее назначение, хотя это мне крайне неприятно, однако мы неизбежно потерпим поражение. Я также добавил, что, хотя это, конечно, будет для нее слабым утешением, но отмена может сделать ее героиней в глазах сообщества поборников гражданских прав.

После случившегося меня активно критиковали за то, что я отказался от поддержки друга из-за политического нажима, но осуждали преимущественно люди, не знавшие всей подоплеки дела. В конечном счете я назначил на этот пост Дивэла Патрика, другого выдающегося юриста-афроамериканца, тоже активного поборника гражданских прав, и он прекрасно работал в Белом доме как руководитель отдела по гражданским правам. Я по-прежнему восхищаюсь Лани Гиниер и сожалею, что потерял ее дружбу.

В первые две недели июня большую часть времени я занимался поисками кандидатуры на пост судьи — члена Верховного суда. За несколько недель до этого Байрон «Уиззер» Уайт, проработавший в Верховном суде тридцать один год, объявил о своей отставке. Как я уже упоминал ранее, я хотел назначить на этот пост губернатора Марио Куомо, однако он не был заинтересован в этой работе. Рассмотрев более сорока кандидатур, я остановился на трех: министра внутренних дел Брюса Бэббита, который был генеральным прокурором Аризоны, а затем стал ее губернатором, Стивена Брейера, главного судьи Первого окружного апелляционного суда в Бостоне, который завоевал впечатляющую репутацию, и судьи Рут Бейдер Гинзбург из отделения Апелляционного суда США в округе Колумбия, блестящей умной женщины с очень интересной биографией, имевшей репутацию независимого и прогрессивного деятеля. Я встретился с Бэббитом и Брейером и пришел к выводу, что оба они были бы отличными судьями, однако мне не хотелось терять Бэббита в качестве министра внутренних дел, так же, как и многим сторонникам охраны окружающей среды, которые звонили в Белый дом, чтобы призвать меня оставить его на этом посту, а у Брейера существовала небольшая проблема с «няней», хотя сенатор Кеннеди, который активно добивался его назначения, заверил меня, что кандидатура Брейера была бы утверждена.

О моих собеседованиях с обоими кандидатами, как и обо всем другом, что происходило в Белом доме в первые месяцы после моего избрания на пост президента, в результате утечек информации стало известно прессе, поэтому я решил встретиться с Гинзбург воскресным вечером в личном кабинете своей резиденции в Белом доме. Рут произвела на меня очень хорошее впечатление. Я подумал, что у нее есть все данные, чтобы стать очень хорошим судьей, и что, по меньшей мере, она сможет соответствовать трем требованиям, предъявляемым к новому судье Верховного суда во главе с Ренквистом, где было примерно поровну умеренных и консер-

ваторов: принимать решения в зависимости от обстоятельств, а не на основе идеологии или того, какие стороны в этих делах представлены; сотрудничать с судьями из числа консервативных республиканцев, чтобы в тех случаях, когда это возможно, достигать с ними консенсуса, а при необходимости уметь им противостоять. В одной из своих статей Гинзбург писала: «Величайшими фигурами в американских судебных органах были независимо мыслившие личности, обладавшие широтой взглядов, но не легкомысленные; люди, готовые слушать и учиться. Они проявляли готовность пересматривать собственные послылки, либеральные или консервативные, так же, как и послылки других».

До объявления о ее назначении об этом никто не проговорился. Газеты на основе сведений, появившихся в результате утечки информации, предоставленного человеком, который не знал, о чем говорит, сообщали о моем намерении назначить Брейера. После того как судья Гинзбург сделала краткое, но впечатляющее заявление, один из журналистов отметил, что мое решение назначить ее, а не Брейера создает впечатление «метания из стороны в сторону» в процессе принятия решений в Белом доме. Затем он спросил меня, смогу ли я доказать, что это неверное впечатление. Я не знал, смеяться мне или плакать, и ответил: «Я уже давно отказался от мысли, что могу вывести из заблуждения кого-то из вас, потому что вы рассматриваете любые значимые решения только как часть политического процесса». По-видимому, когда дело доходило до назначений, игра должна была называться не «наблюдайте за руководителем», а «наблюдайте за источником утечки информации». Должен признаться: я радовался тому, что мне удалось поразить прессу, почти так же сильно, как и сделанному мною выбору.

В последнюю неделю июня Сенат наконец принял мой проект бюджета при соотношении голосов 50:49, при этом один демократ и один республиканец не принимали участия в голосовании, а решающим стал голос Ала Гора. За бюджет не голосовал ни один республиканец, и мы потеряли голоса шести демократов-консерваторов. Сенатор от штата Оклахома Дэвид Борен, с которым я был знаком с 1974 года, когда он впервые баллотировался на пост губернатора, а я — в члены Конгресса США, проголосовал за бюджет, чтобы предотвратить наше поражение, однако дал понять, что выступит против окончательного варианта этого законопроекта, если в него не будут включены дополнительное сокращение расходов и снижение налогов.

Теперь, когда Сенат и Палата представителей одобрили проект бюджета, они должны были преодолеть свои разногласия, а затем нам снова предстояло бороться за его принятие обеими палатами. Поскольку мы победили со столь незначительным преимуществом, любая уступка, сделанная одной палатой Конгресса другой, привела бы к потере одного или двух голосов, и в итоге могла быть провалена вся комплексная программа. Роджер Олтмен прибыл из Министерства финансов вместе с руководителем своего аппарата сотрудниками Джошем Стайнером, чтобы создать «командный пункт» для организации кампании за окончательное принятие бюджета. Нам было необходимо знать, как проголосует каждый сенатор и каким образом мы

можем убедить колеблющихся или что им предложить, чтобы получить большинство голосов. После того как мы пролили столько крови при решении незначительных проблем, борьбу за принятие бюджета действительно стоило вести. В следующие шесть с половиной недель решалось будущее экономики всей страны, не говоря уже о будущем моего президентства.

На следующий день после принятия бюджета Сенатом я впервые отдал приказ вооруженным силам об обстреле двадцатью тремя ракетами «Томагавк» штаб-квартиры иракской разведки, что стало возмездием за заговор с целью убийства президента Джорджа Г.У. Буша во время его поездки в Кувейт. Более двенадцати человек, причастных к этому заговору, были арестованы в Кувейте 13 апреля, за день до прибытия туда бывшего президента. На основании материалов, которые у них изъяли, была неопровержимо доказана их связь с иракской разведкой, и 19 мая один из арестованных подтвердил агентам ФБР, что за этим заговором стояла иракская разведслужба. Я запросил у Пентагона рекомендации по дальнейшим действиям, и генерал Пауэлл пришел ко мне с предложением обстрелять ракетами штаб-квартиру иракской разведки — это было бы и соразмерным ответом, и эффективным сдерживающим фактором. По моему убеждению, было бы оправдано нанесение даже более сильного удара по Ираку, однако Пауэлл убедительно доказал, что этот обстрел станет сдерживающим фактором для дальнейших террористических акций Ирака и что если нанести бомбовые удары по большему числу объектов, включая президентские дворцы, то Саддам Хусейн вряд ли будет убит, однако почти наверняка погибнет много ни в чем не повинных людей. Большинство ракет «Томагавк» поразили цель, однако четыре из них отклонились от курса, причем три взорвались в фешенебельном районе Багдада, в результате чего погибли восемь мирных жителей. Это стало наглядным напоминанием о том, что, как бы тщательно ни разрабатывались планы и каким бы точным ни было оружие, при применении огневой мощи такого рода обычно имеют место непредвиденные последствия.

Шестого июля я прибыл в Токио, чтобы впервые в качестве президента принять участие в международной встрече — 16-м ежегодном саммите стран «Большой семерки». По исторически сложившейся традиции, эти совещания обычно были не более чем говорильней. Их участники принимали очень мало политически значимых обязательств, которые в будущем никто не спешил выполнять. Мы не могли позволить себе роскошь провести еще одну встречу, на которой бы ничего не произошло, потому что темпы экономического роста в мире замедлились; в Европе они были самыми низкими более чем за десятилетие, а в Японии — примерно за двадцать лет. Наша страна добилась некоторых успехов на экономическом фронте; за последние пять месяцев нашли работу свыше 950 тысяч американцев, и примерно столько же новых рабочих мест в экономике появилось за предыдущие три года.

Я прибыл в Японию с такой программой: добиться согласия европейских и японских лидеров на координацию экономической политики наших стран, чтобы увеличить темпы роста мировой экономики; убедить страны Евро-

пы и Японию отменить тарифы на промышленные товары, что способствовало бы созданию рабочих мест во всех наших странах и повысило бы шансы на завершение продолжавшегося семь лет Уругвайского раунда международных торговых переговоров к намеченному сроку — 15 декабря; и продемонстрировать недвусмысленную общую финансовую и политическую поддержку Ельцина и демократии в России.

Шансы на успешное решение любой из этих задач, не говоря уже обо всех трех, были невелики, отчасти потому, что ни один из участвовавших в совещании лидеров не имел сильных позиций. Из-за «горьких лекарств», предусмотренных моей экономической программой, с одной стороны, и негативных отзывов в печати по поводу разных проблем — как реальных, так и воображаемых, с другой, оценка моей деятельности общественностью с момента инаугурации резко снизилась. В Англии Джон Мейджор держался, однако ему мешало негативное влияние, которое оказывало постоянное сравнение, и не в его пользу, с его предшественницей, Маргарет Тэтчер, а «железная леди» ничего не делала, чтобы этому помешать. Франсуа Миттеран был обаятельным, умнейшим человеком, социалистом, находившимся у власти второй семилетний срок, однако он был ограничен в своих действиях, поскольку французский премьер-министр и его правящая коалиция, контролировавшая экономическую политику, были из противостоявших друг другу политических партий. Карло Чампи, премьер-министр Италии, бывший управляющий Итальянским центральным банком, был скромным человеком, о котором говорили, что он ездит на работу на велосипеде. Несмотря на его ум и обаяние, ему очень мешала нестабильность политической ситуации в Италии. Ким Кэмпбелл, первая женщина на посту премьер-министра Канады, была ярким, преданным делу человеком, но она только что вступила в должность главы правительства после отставки Брайана Малруни и, по существу, завершала его долгое правление, при этом опросы общественного мнения показывали возрастающую роль лидера оппозиции Жана Кретьена. Принимавшего нас Киити Миядзаву многие считали премьером, завершающим свое пребывание на посту в условиях японской политической системы, где Либерально-демократическая партия должна была в скором времени потерять свою давнюю монополию на власть. Возможно, Миядзава и завершал свое пребывание на посту премьер-министра, однако он производил большое впечатление и отличался тем, что мог глубоко проанализировать ситуацию в мире. Миядзава владел разговорным английским языком примерно так же хорошо, как и я. Кроме того, он был патриотом, стремившимся, чтобы совещание стран «Большой семерки» позитивно отразилось на ситуации в его стране.

По общепринятому мнению, Гельмут Коль, долгое время занимавший пост канцлера Германии, также был в трудном положении, поскольку его рейтинг снизился, а возглавляемый им Христианско-демократический союз потерпел ряд поражений на недавних выборах в местные органы власти, однако я считал, что Коль по-прежнему остается весьма динамичным лидером. Это был огромный человек примерно моего роста, вес которого значительно превышал 300 фунтов. Ему была свойственна прямая, иногда

резкая манера поведения, но говорил он с большой убежденностью и считался рассказчиком экстра-класса, обладающим прекрасным чувством юмора. В течение десятилетий Коль оставался самой крупной фигурой на Европейском континенте, и не только благодаря своим габаритам. Он объединил страну, направив значительные средства из Западной Германии в Восточную, чтобы повысить доходы тех, кто гораздо меньше зарабатывал при коммунистической системе. Германия во главе с Колем стала страной, оказывавшей крупнейшую финансовую помощь российской демократии. Он также был ведущим сторонником формирования Европейского союза и выступал за принятие как в ЕС, так и в НАТО Польши, Венгрии и Чешской Республики. И, наконец, Коль был очень обеспокоен пассивностью Европы в отношении Боснии и так же, как и я, считал, что ООН следует отменить эмбарго на поставки оружия в эту страну, так как это несправедливо по отношению к боснийским мусульманам. Он занимал правильную позицию в отношении всех важнейших вопросов, стоявших перед Европой, и активно добивался согласия со своей точкой зрения. Коль считал, что если он будет действовать правильно, то результаты опросов общественного мнения станут, соответственно, позитивными. Мне очень нравился Гельмут Коль. За несколько следующих лет после многочисленных совместных обедов, визитов и телефонных звонков между нами установятся политические и личные связи, которые многое дадут как европейцам, так и американцам.

Я с оптимизмом относился к перспективам совещания стран «Большой семерки», поскольку у меня была подготовлена сильная программа для этой встречи и я полагал, что все остальные лидеры достаточно умны, чтобы понимать: реальные успехи на встрече в Токио — оптимальный путь к преодолению сложностей во внутренней ситуации их стран. В начале совещания нам удалось преодолеть первый порог, когда министры торговли наших стран договорились снизить до нуля тарифы в десяти различных секторах обрабатывающей промышленности, открыв рынки для товаров на сотни миллиардов долларов. Это была первая победа Мики Кантора в качестве нашего представителя на торговых переговорах. Он оказался очень упорным, эффективным переговорщиком, который в целом благодаря своим умелым действиям способствовал заключению более двухсот соглашений, обеспечивших расширение торговли, за счет чего за следующие восемь лет мы достигли 30-процентного экономического роста.

После того как мы договорились о щедрой комплексной программе помощи России, участники совещания стран — членов «Большой семерки» не оставили сомнений в том, что все богатые государства выступают за оказание ей поддержки. Что же касается координации нашей экономической политики, то здесь результаты были неоднозначными. Я старался сократить дефицит, Центральный банк Германии только что понизил процентные ставки, однако оставалось неясным, готова ли Япония стимулировать свою экономику и открыть границы для расширения внешней торговли и конкуренции. Прогресса в этом направлении я должен был добиться на наших двусторонних переговорах, которые начались сразу же после совещания стран — членов «Большой семерки».

Поскольку в 1993 году в экономике Японии наблюдался спад, а политическая ситуация оставалась нестабильной, я знал, что добиться изменений в ее торговой политике будет трудно, но должен был попытаться это сделать. Безусловно, наш значительный дефицит в торговле с Японией отчасти объяснялся протекционизмом. Например, они не хотели покупать наши лыжи, заявляя, что их ширина не соответствует неким стандартам. Я хотел найти способ добиться открытия японских рынков без нанесения ущерба нашему важному партнерству в области безопасности, которое было необходимо, чтобы обеспечить стабильное будущее для Азии. Пока я доказывал это в своем выступлении перед японскими студентами в Университете Васэда, Хиллари начала свою собственную наступательную операцию обаяния, и ее особенно тепло принимали молодые и образованные работающие женщины, которых в Японии становилось все больше.

Премьер-министр Миядзава в принципе согласился с моим предложением о заключении рамочного соглашения, предусматривавшего конкретные измеримые меры по улучшению наших торговых отношений. Такую же позицию занимал и МИД Японии, высокопоставленный чиновник которого, отец жены наследника престола, был полон решимости достичь соглашения. Серьезные препятствия создавала позиция Министерства международной торговли и промышленности, руководители которого полагали, что Япония стала великой державой благодаря их политике, и не считали необходимым ее менять. Как-то раз поздно вечером, после того как мы завершили свои переговоры, представители двух министерств в буквальном смысле слова выкрикивали друг другу свои аргументы в вестибюле отеля «Окура». Наши сотрудники были близки к заключению соглашения, причем заместитель Мики Кантора, Шарлин Баршефски, настолько жестко торговалась, что японцы стали называть ее «каменная стена». Затем мы с премьер-министром Миядзавой встретились в отеле «Окура» за традиционной японской едой, чтобы попытаться урегулировать оставшиеся разногласия. Мы сделали это в ходе «Суши-саммита», как это впоследствии называли, хотя Миядзава всегда шутил, что достижению окончательного результата способствовало не столько суши, сколько сакэ, которое мы пили.

На основе рамочного соглашения Америка обязалась сократить дефицит своего бюджета, а Япония — принять в следующем году меры, чтобы открыть свои рынки для наших автомобилей и автозапчастей, компьютеров, оборудования электросвязи, спутниковых технологий, медицинского оборудования, финансовых услуг и страхования, и установить объективные стандарты для измерения успеха в конкретные сроки. Я был убежден, что это соглашение принесет экономическую выгоду и США, и Японии и поможет японским реформаторам успешно привести свою замечательную страну в следующую эру величия. Как большинство подобных соглашений, оно не принесло обеим странам всех предполагаемых результатов, но, тем не менее, его заключение было весьма позитивным событием.

Когда я отбыл из Японии в Южную Корею, газеты в США заявили, что мое первое участие в совещании стран — членов «Большой семерки» стало триумфом моей личной дипломатии в отношениях с другими лидерами

и моих контактах с японским народом. Было приятно получить позитивные отзывы в печати, но еще приятнее — добиться целей, которые мы поставили перед собой на совещании «Большой семерки» и на переговорах с японской стороной. Я с удовольствием знакомился и сотрудничал с руководителями других стран, а после этого совещания стал больше верить в свою способность отстаивать интересы Америки в мире и понял, почему столь многие президенты предпочитают внешнюю политику разочарованиям, подстерегающим их в политике внутренней.

Находясь в Южной Корее, я посетил наши войска, размещенные вдоль демилитаризованной зоны, которая разделяет Северную и Южную Корею с тех пор, как было подписано соглашение о перемирии, положившее конец корейской войне. Я прошел по Мосту, откуда нет возврата, и остановился примерно в десяти футах от белой полосы, разделяющей две страны, глядя на охранявшего свою сторону молодого северокорейского солдата, показавшегося мне последним одиноким оплотом холодной войны. В Сеуле мы с Хиллари были гостями президента Ким Янг Сэма. Нас разместили в официальной резиденции для гостей, где имелся внутренний бассейн. Когда я пришел, чтобы искупаться, внезапно зазвучала музыка. Я плывал под сопровождение моих любимых мелодий — от Элвиса до джаза, что было прекрасным примером гостеприимства, которым славится Корея. После встречи с президентом и выступления в парламенте я отбыл из Южной Кореи, преисполненный благодарности за наш долговременный союз и полный решимости его сохранить.

Я вернулся в Вашингтон со всеми его проблемами. В третью неделю июля по рекомендации Джанет Рино я сместил Уильяма Сешенса с поста директора ФБР после того, как он отказался уйти в отставку, несмотря на многочисленные проблемы, существовавшие в его ведомстве. Мы должны были найти ему замену. Берни Нассбаум предложил мне выбрать Луиса Фри, бывшего агента ФБР, которого после звездной карьеры федерального прокурора президент Буш назначил в федеральный суд Нью-Йорка. Встретившись с Фри, я задал ему вопрос о том, как он относится к утверждению сотрудников ФБР, прозвучавшему во время событий в Уэй-ко, что они решили устроить штурм, так как нельзя было держать такое количество ресурсов в одном месте столь долгий срок. Не зная, какова моя позиция, он прямо ответил, что с этим не согласен: «Им платят, чтобы они умели ждать». Это произвело на меня впечатление. Фри был республиканцем, однако Нассбаум заверил меня, что он — профессионал и надежный человек, который не будет использовать ФБР в политических целях. Мы наметили сообщить о своем решении 20 июля. За день до этого, когда стало известно о готовящемся назначении, мой друг — бывший агент ФБР, позвонил Нэнси Хейнрич, руководившей деятельностью Овального кабинета, чтобы посоветовать мне не делать этого. Он сказал, что Фри чрезмерно политизирован и своекорыстен для нынешней ситуации. Это заставило меня задуматься, однако я передал ему, что уже слишком поздно, — предложение было сделано и принято. Мне останется только доверять мнению Берни Нассбаума.

Когда мы объявляли о назначении Фри на утренней церемонии в Розовом саду, я заметил, что Винс Фостер стоит позади всех, возле одной из больших старых магнолий, посаженных Эндрю Джексонем. На лице у Винса была улыбка, и я, как теперь вспоминаю, подумал, что, должно быть, он испытывает облегчение оттого, что вместе со своим юридическим отделом работает над такими вопросами, как назначения в Верховный суд и ФБР, а не отвечает на бесконечные вопросы, касающиеся отдела поездок Белого дома. Церемония прошла прекрасно и казалась даже слишком безупречной, чтобы быть реальной. Так и получилось, и более чем в одном аспекте.

В тот вечер я выступил в шоу Ларри Кинга. В передаче, которая велась из библиотеки на первом этаже Белого дома, я должен был рассказать о своей борьбе за бюджет и ответить на вопросы, которые могли прийти в голову ведущему и позвонившим в его программу телезрителям. Как и всем остальным, мне нравился Ларри Кинг. Он обладал отличным чувством юмора и тактом, даже когда задавал неприятные вопросы. Примерно через сорок пять минут после начала программы дела пошли так хорошо, что Ларри спросил, не соглашусь ли я продлить участие в передаче еще на

полчаса, чтобы ответить на дополнительные вопросы телезрителей. Я сразу же согласился и с нетерпением ожидал звонков, однако во время следующего перерыва вошел Мак Макларти, который сказал, что интервью не может продолжаться более часа. Сначала я рассердился, полагая, что мои сотрудники опасаются, что я могу допустить какую-нибудь ошибку, если я буду продолжать отвечать на вопросы, однако по выражению глаз Мака понял: что-то произошло.

После того как мы с Ларри закончили интервью и я пожал руки членам его съемочной группы, Мак проводил меня наверх, в жилые помещения Белого дома. Сдерживая слезы, он сообщил мне, что Винс Фостер мертв. После церемонии объявления о назначении Луиса Фри Винс ушел из Розового сада, доехал на машине до Форт Марси-Парк и застрелился из старого револьвера, который был их семейной реликвией. Мы дружили с ним всю жизнь. Когда я жил с дедушкой и бабушкой в Хоупе, наши дворы были рядом. Мы с Винсом играли вместе еще до того, как я начал ходить в детский сад, где познакомился с Маком. Я знал, что Винс был огорчен полемикой вокруг отдела поездов Белого дома. Он считал, что несет ответственность и за критику, звучавшую в адрес возглавляемого им юридического отдела. Винс также очень глубоко переживал, когда в нескольких редакционных статьях, появившихся в *Wall Street Journal*, выражалось сомнение в его компетентности и честности.

За день до этого я позвонил Винсу и пригласил прийти ко мне вечером, чтобы вместе посмотреть кинофильм. Я надеялся подбодрить его, но он уже ушел домой на ночь и сказал, что ему нужно побыть с женой Лайзой. Во время нашего телефонного разговора я сделал все возможное, чтобы убедить его не обращать внимания на критику. Я сказал, что *Wall Street Journal*, конечно, хорошая газета, но не так уж много людей читали ее редакционные статьи, а большинство из тех, кто с ними ознакомился, были, как и авторы, консерваторами, которые в любом случае для нас потеряны. Винс слушал меня, но я чувствовал, что не убедил его. Раньше его никогда не критиковали публично, и, как многие другие люди, когда в печати впервые появляются нападки на них, он, по-видимому, считал, что абсолютно все читали эти негативные отзывы о нем и верили им.

После того как Мак рассказал, что произошло, мне позвонила Хиллари из Литл-Рока. Она уже все знала и плакала. Винс был ее самым близким другом по фирме Rose. Она лихорадочно искала ответ на вопрос, почему это произошло, который мы так никогда и не найдем. Я всячески старался убедить ее, что она ничего не могла сделать, и все это время думал, чем бы сам мог бы ему помочь. Потом мы с Маком поехали к Винсу домой, чтобы побыть с его семьей. Там уже были Уэбб и Сьюзи Хаббел, а также некоторые друзья Винса из Арканзаса и Белого дома. Я пытался всех утешать, но и сам испытывал боль и такое же чувство, как когда покончил с собой Фрэнк Аллер: сердился на Винса за то, что он это сделал, и на самого себя, потому что не смог предвидеть такой развязки и не сделал ровным счетом ничего, чтобы ему помешать. Мне было жаль и всех моих друзей из Арканзаса, которые приехали в Вашингтон с намерением служить своей стране и делать добро,

а в результате встретились с недоверием и попытками пересмотреть каждый их шаг. Теперь Винса, высокого, красивого, сильного, уверенного в себе человека, которого считали самым стойким из всех нас, не стало.

Никто не знает, почему Винс решил оборвать нить своей жизни. В его портфеле Берни Нассбаум нашел записку, разорванную на мелкие кусочки. Когда ее склеили, текст оказался таким: «Я не подхожу для общественной деятельности в Вашингтоне в свете прожекторов. Здесь развлекаются, уничтожая людей... Общественность никогда не поверит в то, что Клинтон и верные им сотрудники ни в чем не виноваты». Винс был потрясен и переутомлен, он оказался уязвим для нападков людей, которые играли по совершенно непривычным для него правилам. Для Винса главными были такие ценности, как честность и уважение, а его погубили люди, больше всего любившие власть и прибегавшие к личным нападкам. Депрессия, от которой он и не пытался избавиться, лишила Винса защитных сил, которые позволили выжить всем нам, остальным.

На следующий день я выступил перед своими сотрудниками. Я сказал им, что в жизни есть вещи, которые мы не в состоянии контролировать, и тайны, которые мы не в силах понять, и я хочу, чтобы они больше заботились о себе, о своих друзьях и семьях, и «мы не должны становиться менее чуткими оттого, что слишком много работаем». Этот последний совет мне всегда было легче давать, чем следовать ему.

Мы все прибыли на похороны в Католический собор Св. Эндрю в Литл-Роке, а затем поехали в родной Хоуп, чтобы предать Винса земле на кладбище, где были похоронены мои дедушка, бабушка и отец. На погребении присутствовали многие из тех, с кем я когда-то ходил в детский сад и начальную школу. К тому времени я прекратил попытки понять депрессию Винса и его самоубийство и вместо этого стал думать, что принимаю его таким, каким он был, и благодарен судьбе за то, что его жизнь прошла рядом с нами. В своей речи на похоронах я постарался перечислить все замечательные качества Винса, рассказать, как много он значил для всех нас, сколько полезного сделал за время работы в Белом доме и каким был благородным человеком. Я вспомнил цитату из трогательной «Песни для тебя» Леона Рассела: «Я люблю тебя там, где нет ни пространства, ни времени. Я люблю тебя, ведь в моей жизни ты мой друг».

Все это происходило летом, и уже начали поспевать арбузы. До отъезда из Хоупа я остановился у дома Картера Рассела и попробовал арбузы и с красной, и с желтой мякотью, а затем обсудил достоинства этого основного продукта Хоупа с сопровождавшими меня журналистами, которые понимали, что мне нужна передышка от боли, которую я испытывал, и в тот день были очень добры ко мне. По дороге в Вашингтон я думал о том, что Винс теперь дома, в том месте, которому он принадлежит, и благодарил Бога за то, что очень многие люди его любили.

На следующий день, 24 июля, я приветствовал группу, состоявшую из мальчиков, входивших в юношескую секцию Американского легиона «Бойз оф нейшн», и некоторых сенаторов, некогда состоявших в этой организации.

Встреча была посвящена тридцатой годовщине моего посещения Розового сада Белого дома, во время которого состоялось мое знакомство с президентом Кеннеди. Среди собравшихся присутствовало также несколько человек, которые, как и я, были тогда в числе делегатов. Ал Гор вел активную лоббистскую кампанию в поддержку нашей экономической программы, однако выкроил пару минут, чтобы сказать мальчишкам: «У меня есть только один совет: если вам удастся сфотографироваться с президентом Клинтонем в тот момент, когда он будет пожимать вам руку, впоследствии это может вам очень пригодиться». Я пожал им руки и сфотографировался на память, что делал на протяжении шести из восьми лет пребывания в Белом доме, принимая членов организаций «Бойз оф нейшн» и «Герлс оф нейшн». Я надеюсь, что некоторые из этих фотографий однажды будут фигурировать в рекламных роликах во время их предвыборных кампаний.

В течение остальной части июля и в начале августа я занимался лоббированием своей экономической программы, работая индивидуально с каждым конгрессменом и сенатором. Командный пункт Роджера Олтмена руководил публичной кампанией, а я проводил по телефону пресс-конференции в штатах, представители которых в Конгрессе могли проголосовать как за программу, так и против нее. Ал Гор и члены кабинета звонили по телефону в буквальном смысле сотни раз и наносили сотни визитов. Мы не знали, каков будет результат наших усилий, по двум причинам. Первой было предложение сенатора Дэвида Борена отменить любые налоги на энергоносители; сохранить большинство, но не все налоги, которые платят американцы с высокими доходами, и компенсировать разницу, прежде всего отменив налоговый кредит на заработанный доход; в связи с ростом стоимости жизни уменьшить компенсационные выплаты для тех, кто получает пособия в рамках системы социального обеспечения, а также военные и гражданские пенсии; ввести ограничения на расходы по оказанию помощи на основе программ «Медикэр» и «Медикэйд» тем, кто будет получать ее впервые, и на повышение затрат в пределах этих программ. Борен не мог добиться принятия своих предложений, не представив их на обсуждение в комитеты, однако он показал демократам из консервативных штатов, в каком направлении им следует двигаться. Эти предложения были также одобрены сенатором-демократом от штата Луизиана Беннетом Джонстоном и сенаторами-республиканцами Джоном Дэнфортом от штата Миссури и Биллом Коуэном от штата Мэн.

Когда бюджет был принят в первом чтении 50 голосами против 49 (решающим стал голос Ала Гора), Беннет Джонстон голосовал против него, так же, как и Сэм Нанн, Деннис Деконсини от штата Аризона, Ричард Шелби от штата Алабама, Ричард Брайан от штата Невада и Фрэнк Лотенберг от штата Нью-Джерси. Шелби, представлявший в Сенате штат, население которого все больше поддерживало республиканцев, уже двигался в направлении перехода в эту партию; Сэм Нанн сказал решительное «нет»; Деконсини, Брайана и Лотенберга беспокоила ситуация в своих штатах, население которых было настроено против повышения налогов. Как уже говорил, при первом голосовании я добился своей цели без их поддержки, поскольку два сенатора — один республиканец и один демократ — не при-

нимали в нем участие. В следующий раз они будут голосовать в полном составе. Поскольку все республиканцы выступали против нашей программы, если бы Борен ее не поддержал и никто из остальных не изменил свою позицию, я бы потерпел поражение, поскольку 51 сенатор проголосовал бы против программы, а 49 — за нее. Помимо этих шести сенаторов, сенатор Боб Керри тоже сказал, что, возможно, проголосует против. Наши с ним отношения испортились во время проведения предвыборной кампании, а кроме того, штат Небраска активно поддерживал республиканцев. Тем не менее я был оптимистично настроен в отношении позиции Керри потому, что он искренне хотел сокращения дефицита и был тесно связан с председателем Финансового комитета Сената Патом Мойнихеном, активно поддерживавшим мою программу.

В Палате представителей я столкнулся с другой проблемой. Каждый демократ знал, что его позиция очень важна для меня, и большинство из них вели со мною переговоры относительно конкретных положений программы или оказания им помощи в определенных областях. Многие демократы, представлявшие штаты, население которых выступало против повышения налогов, особенно опасались голосовать за новое увеличение налога на бензин всего через три года после того, как Конгресс в последний раз принял такое решение. Помимо спикера и его команды руководителей, моим наиболее активным сторонником был влиятельный председатель Бюджетного комитета Палаты представителей Дэн Ростенковски от штата Иллинойс. Превосходный конгрессмен, он обладал и острым умом, и умением находить общий язык с простыми чикагцами, однако в отношении Ростенковски велось расследование в связи с обвинением в использовании им государственных средств на политические цели. Предполагалось, что из-за этого расследования уменьшится его влияние на других членов Палаты представителей. Каждый раз, когда я встречался с членами Конгресса, журналисты задавали мне вопросы о Ростенковски. Рости можно было, без сомнения, поставить в заслугу то, что он продолжал идти вперед, собирая голоса и убеждая своих коллег сделать правильный выбор. Ростенковски по-прежнему эффективно работал. Это было необходимо потому, что малейший неверный шаг мог стоить нам одного или двух голосов, и в результате мы соскользнули бы с лезвия бритвы и потерпели поражение.

В начале августа, в момент кульминации бюджетной драмы, Уоррен Кристофер наконец получил согласие Великобритании и Франции на нанесение войсками НАТО бомбовых ударов по Боснии, однако на основе так называемой «политики двух ключей», то есть при условии, если эту акцию одобрит и НАТО, и ООН. Я опасался, что мы никогда не повернем оба «ключа», потому что Россия имела в Совете Безопасности право вето и была тесно связана с сербами. «Политика двух ключей» оказалась досадным препятствием для защиты боснийцев, однако она представляла собой еще один этап долгого непростого процесса с целью убедить Европу и ООН занять более агрессивную позицию.

К 3 августа мы договорились об окончательном варианте проекта бюджета, предусматривавшем его сокращение на 255 миллиардов долларов

и увеличение налогов на 241 миллиард долларов. Некоторые демократы были, тем не менее, обеспокоены тем, что повышение налога на бензин погубит нашу репутацию в глазах избирателей из числа представителей среднего класса, и без того возмущенных тем, что не снижены налоги. Консервативные демократы заявляли, что бюджет не предусматривает достаточных мер по сокращению дефицита на основе снижения расходов за счет уменьшения числа людей, имеющих право пользоваться помощью на основе программ «Медикэр» и «Медикэйд» и в рамках системы социального страхования. Свыше 20 процентов средств уже было сэкономлено за счет сокращения будущей зарплаты врачам и ассигнований больницам на основе программы «Медикэр», плюс еще одна крупная сумма — за счет того, что будет подлежать налогообложению более значительная часть доходов от выплат в рамках системы социального страхования пенсионерам, лучше обеспеченным материально. Это все, что я мог сделать, не теряя в Палате представителей больше голосов, чем мы были в состоянии набрать.

Выступая в этот вечер с телеобращением из Овального кабинета, я опять, в последний раз, призвал общественность поддержать экономическую программу. Я заявил, что на ее основе в следующие четыре года может быть создано 8 миллионов рабочих мест, и объявил о своем намерении подписать на следующий день распоряжение президента об учреждении доверительного фонда для сокращения дефицита. Он должен был гарантировать, что поступления от всех новых налогов и сокращения расходов будут использоваться только для этой цели. Доверительный фонд имел особенно большое значение для сенатора Денниса Деконсини от штата Аризона, и в своем телеобращении я сказал, что эта идея принадлежит именно ему. Из шести сенаторов, голосовавших против этой программы в первый раз, Деконсини был моей единственной надеждой. Остальных я приглашал на обед, встречался с ними, звонил им, убедил их ближайших друзей в нашей администрации лоббировать этих членов Сената, однако безрезультатно. Если Деконсини не изменит свою позицию, мы проиграем.

На следующий день он заявил, что проголосует за программу благодаря созданию доверительного фонда. Теперь, если с нами останется Боб Керри, мы получим 50 голосов в Сенате, и голос Ала Гора снова окажется решающим, позволив преодолеть «ничью». Однако, прежде чем мы добьемся этого, бюджет должен быть сначала принят Палатой представителей. У нас оставался еще один день, чтобы добиться большинства в 218 голосов, но пока нам это не удавалось. Более тридцати демократов колебались. Они опасались повышения налогов, хотя мы сделали распечатки текста программы для каждого из членов Палаты представителей, из которых было ясно, у скольких людей в их избирательном округе снизятся налоги благодаря налоговому кредиту на заработанный доход, в сравнении с теми, для кого увеличится подоходный налог. Во многих случаях это соотношение составляло десять к одному или даже более, и едва ли в двенадцати случаях их электорат жил настолько хорошо, что налоги в округе должны были скорее повыситься, чем понизиться. Тем не менее все сенаторы были обеспокоены по поводу налога на бензин. Я мог бы легко добиться принятия

этой программы, если бы отказался от него и компенсировал убытки, не вводя налоговый кредит на заработанный доход. В политическом отношении я бы понес меньший ущерб. У бедных рабочих не было лоббистов в Вашингтоне, и они никогда бы об этом не узнали, но достаточно было того, что об этом знал я. Кроме того, если мы собирались «выкачивать» деньги из богатых, рынок облигаций заставлял нас немного потрепаться и средний класс.

В этот вечер Леон Панетта и лидер демократического большинства в Палате представителей Дик Гепхардт, который неустанно работал, стремясь добиться принятия бюджета, заключили соглашение с конгрессменом Тимом Пенни из штата Миннесота, лидером группы демократов-консерваторов, выступавших за еще большее урезание расходов, обещая тем, кто поддержит сокращение бюджета, дополнительное голосование во время процесса выделения ассигнований осенью, чтобы еще кардинальнее сократить расходы. Пенни был удовлетворен, и его одобрение нашей программы принесло нам еще семь или восемь голосов.

Мы потеряли два голоса из числа поданных ранее в поддержку нашей программы, когда Билли Тозин из штата Луизиана, который впоследствии стал республиканцем, и Чарли Стенхолм из штата Техас, представлявший округ, где большинство избирателей — республиканцы, сказали, что проголосуют против нее. Они были очень недовольны увеличением налога на бензин; кроме того, единая оппозиция республиканцев этой программе убедила их избирателей, что речь идет всего лишь о повышении налогов.

Когда до голосования осталось менее часа, я поговорил с конгрессменом Биллом Сарпалиусом из Амарильо, штат Техас, который в мае голосовал против нашей программы. Во время нашего четвертого за день телефонного разговора Билл сообщил, что решил голосовать за нашу программу, поскольку у значительно большего числа его избирателей налоги снизятся, а не повысятся и поскольку министр энергетики Хейзел О'Лири обещала направить больше государственных заказов на завод Pantex в его округе. Мы дали много подобных обещаний. Как сказал кто-то, существуют две вещи, процесс изготовления которых людям лучше не видеть, — колбаса и законы, потому что это зрелище не из приятных.

Когда началось голосование, я все еще не знал, победим мы или потерпим поражение. После того как Дэвид Миндж, представлявший один из сельских округов в Миннесоте, сказал, что он проголосует против нашей программы, решающей стала позиция трех человек: Пата Уильямса от штата Монтана, Рэя Торнтонна от штата Арканзас и Мэрджори Марголис-Мезвински от штата Пенсильвания. На самом деле я не хотел, чтобы она голосовала за нашу программу. Марголис-Мезвински была одной из очень немногих демократов, представлявших округа, где для большего числа избирателей налоги будут повышены, а не снижены, в то время как в ходе своей предвыборной кампании она обещала не голосовать за их увеличение. Пату Уильямсу тоже трудно было решиться проголосовать за нашу программу. Хотя для большинства его избирателей налоги будут снижены, а не повышены, Монтана была огромным штатом с низкой плотностью

населения, где людям приходилось преодолевать на автомобилях большие расстояния, поэтому налог на бензин мог ударить по ним сильнее, чем по основной массе американцев. Однако Пат Уильямс был хорошим политиком и решительным популистом, которому не нравилось, как отразилась ситуация в экономике, в которой блага «просачиваются» сверху вниз, на положении жителей его штата. Существовала возможность, что после голосования он по меньшей мере удержится на своем посту.

Торнтону по сравнению с Уильямсом и Марголис-Мезвински голосовать было легче. Он представлял центральный Арканзас, где людей, для которых налоги снизятся, было гораздо больше, чем тех, для кого они повысятся. Рэй пользовался популярностью, и его не удалось бы «выкурить» с места в Сенате даже динамитом. Торнтон был конгрессменом из моего штата, а во время этого голосования решалась судьба моего президентства. Кроме того, он имел множество прикрытий: оба сенатора из Арканзаса, Дэвид Прайор и Дейл Бамперс, были активными сторонниками этой программы. Однако в конечном счете Торнтон сказал «нет». Он никогда не голосовал за повышение налога на бензин раньше и не хотел этого делать сейчас — ни для того, чтобы добиться сокращения дефицита, ни для того, чтобы обеспечить оживление в экономике, ни для того, чтобы спасти мои позиции как президента или карьеру Мэрджори Марголис-Мезвински.

В конце концов Пат Уильямс и Марголис-Мезвински приняли решение поддержать позицию демократической партии и сказали «да», обеспечив нам победу с перевесом в один голос. Демократы приветствовали их за мужество, а республиканцы освистали. Особенно жестоко они отнеслись к Марголис-Мезвински, когда размахивали руками и распевали: «До свиданья, Мэрджи!» Она заслужила почетное место в истории, проголосовав за программу, которую ей не следовало поддерживать. Дэн Ростенковски был так счастлив, что у него на глаза навернулись слезы. Вернувшись в Белый дом, я издал возглас радости и облегчения.

На следующий день эти драматические события переместились в Сенат. Благодаря Джорджу Митчеллу и его группе лидеров, а также нашему лоббированию за программу проголосовали те же самые сенаторы, что и в первый раз, кроме Дэвида Борена. Его место смело занял Деннис Деконсини, однако результат все еще вызывал сомнения, поскольку пока не принял решение Боб Керри. В пятницу мы разговаривали с ним полтора часа, потом еще раз — за полтора часа до голосования, и он выступил в Сенате, сказав непосредственно мне: «Я не могу и не должен голосовать таким образом, чтобы это нанесло ущерб вашим позициям как президента». Керри подчеркнул, что, хотя он скажет «да», мне придется принять дополнительные меры для контроля над затратами на субсидии. Я согласился работать с ним над этим вопросом. Он был доволен этим, так же, как и тем, что я принял предложение Тима Пенни о проведении в октябре голосования по дополнительным сокращениям бюджетных расходов.

Позиция Керри обеспечила «ничью»: 50 голосов было «за» и 50 — «против». Затем, как и во время первого голосования 25 июня, голос Ала Гора как председателя Сената обеспечил нам победу. В заявлении, сделанном

мною после голосования, я поблагодарил Джорджа Митчелла и всех сенаторов, «голосовавших за перемены», и Ала Гора — за его «неизменный вклад в победу». Ал любил шутить, что во всех случаях, когда он голосовал, мы всегда побеждали.

Я подписал этот законопроект 10 августа. Его появление изменило ситуацию, существовавшую на протяжении двенадцати лет, из-за которой наш государственный долг увеличился в четыре раза, а размеры дефицита определялись на основе чрезмерно оптимистичных прогнозов о доходах и почти религиозной веры в то, что низкие налоги и высокий уровень расходов каким-то образом обеспечат темпы экономического роста, достаточные для того, чтобы бюджет стал сбалансированным. На церемонии подписания законопроекта я признал вклад конкретных сенаторов и членов Палаты представителей, не колебавшихся в своей поддержке программы с самого начала и до конца, фамилии которых по этой причине никогда не упоминались в сообщениях средств массовой информации. Каждый из тех, кто произнес «да» в обеих палатах Конгресса, мог по праву сказать, что, если бы не он или не она, наши сегодняшние достижения были бы невозможны.

С момента горячих дискуссий в столовой резиденции губернатора в Литл-Роке в декабре прошлого года мы прошли долгий путь. Демократы только собственными силами заменили нелепую, но глубоко укоренившуюся экономическую теорию более разумной. Наши новые экономические идеи стали реальностью.

К сожалению, республиканцы, политика которых с самого начала создавала проблемы, очень успешно представляли общественности эту программу как всего лишь повышение налогов. Действительно, большая часть сокращения бюджетных расходов была включена в программу позже, чем повышение налогов, однако то же самое можно было сказать и об альтернативном бюджете, предложенном сенатором Доулом. В действительности план Доула предусматривал в первые два года еще более высокий процент сокращений бюджета, рассчитанного на пять лет, чем моя программа. Для того чтобы сократить расходы на оборону и на здравоохранение, нужно время; нельзя сделать это сразу. Более того, инвестиции нашей страны в «будущее» — в образование, профессиональное обучение, исследования, технологию и охрану окружающей среды — уже находились на неприемлемо низком уровне, на котором их удерживали в 1980-е годы, в то время как активно снижались налоги, резко возрастали расходы на оборону и затраты на здравоохранение. Мой бюджет положил начало изменению этой тенденции.

Заявление республиканцев о том, что моя экономическая программа приведет к катастрофе, было вполне предсказуемо. Они подчеркнули, что она «ликвидирует рабочие места» и будет «поездкой только в одном направлении — к спаду». Республиканцы ошиблись. Наш гамбит с рынком облигаций по своей эффективности превзошел самые смелые ожидания, обеспечив снижение процентных ставок, значительный рост курсов акций и бум в экономике. Как и прогнозировал Ллойд Бентсен, самые богатые американцы начали получать назад свои деньги, которые они уплатили в виде

налогов, и еще более значительные прибыли в виде доходов от инвестиций. Среднему классу деньги, заплаченные в виде налога на бензин, стали возвращаться за счет уменьшения ставок ипотечного кредита и снижения процентов по кредитам на приобретение автомобилей, займам для студентов и кредитным картам. Рабочие семьи с умеренными доходами получили выигрыш сразу благодаря налоговому кредиту на заработанный доход.

В последующие годы меня часто спрашивали, какая новая великая идея была положена мною и моей экономической командой в основу разработки экономической политики. Вместо того чтобы давать сложные объяснения о стратегии, основанной на соотношении ситуации на рынке облигаций и в сфере сокращения дефицита, я всегда давал ответ, состоявший из одного слова: «арифметика». Американскому народу более десяти лет внушали, что его правительство — ненасытное чудовище, поглощающее налоги с его тяжело заработанных долларов таким образом, что от этого нет никакого толку. Затем те же самые политики, которые так говорили и обеспечивали снижение налогов, чтобы уморить голодом злое чудовище, полностью изменили свою позицию и теперь расходуют средства на свое переизбрание, создавая ошибочное впечатление, что избиратели могут получить помощь на основе программ, за которые они не заплатили, и что единственная причина больших дефицитов — расходы на помощь иностранным государствам, социальное обеспечение и другие программы для бедных людей, составляющие незначительную часть всего бюджета. Расходы на «них» — это плохо; расходы на «нас» и снижение налогов для «нас» — хорошо. Как часто говорил мой друг сенатор Дейл Бамперс, консерватор в вопросах финансовой политики: «Дайте мне возможность выписывать чек на 200 миллиардов долларов в год на самые неотложные нужды, и я тоже покажу вам, как можно хорошо жить».

Мы вернули в бюджет арифметику и избавили Америку от плохой привычки. К сожалению, хотя экономический эффект начал сказываться сразу, люди некоторое время этого не ощущали. Тем временем мои друзья-демократы и я несли на себе всю тяжесть неприятия этой программы обществу. Я не мог рассчитывать на благодарность. Никто не любит ходить к дантисту, даже когда возникает абсцесс из-за больного зуба.

После принятия бюджета в Конгрессе начались августовские каникулы, а я с большой радостью уехал вместе с семьей в отпуск на две столь необходимые недели на остров Мартас-Виньярд. Вернон и Энн Джордан устроили для нас отдых в коттедже, принадлежавшем Роберту Макнамаре, на берегу залива Ойстер Понд.

Однако перед отпуском меня ждала неделя напряженной работы. 11 августа я назначил армейского генерала Джона Шаликашвили преемником Колина Пауэлла на посту председателя Объединенного комитета начальников штабов. Шаликашвили должен был занять этот пост после истечения в конце сентября срока полномочий Пауэлла. Шали, как все его называли, начал служить в армии как призывник и, прежде чем достичь столь высокого служебного положения, прошел долгий путь в вооруженных силах. Он был, в частности, командующим силами НАТО и американскими войсками в Европе. Шали родился в Польше, в семье выходцев из Грузии, входившей в то время в состав бывшего Советского Союза. До революции в России его дедушка был генералом царской армии, а отец — офицером. Когда Джону было шестнадцать лет, его семья переехала в Пеорию, штат Иллинойс, где он самостоятельно выучил английский язык по фильмам Джона Уэйна. Я считал, что Шали — именно тот человек, который должен возглавить наши вооруженные силы в период после холодной войны, особенно учитывая все проблемы, существующие в Боснии.

В середине месяца мы с Хиллари вылетели в Сент-Луис, где я подписал законопроект о мерах по оказанию помощи населению в связи с наводнением в районе реки Миссисипи. В результате этого колоссального стихийного бедствия река в своем верхнем течении затопила берега повсюду — от Миннесоты и Северной и Южной Дакоты до штата Миссури. Церемония подписания законопроекта состоялась во время моего третьего посещения затопленных районов. Фермы и предприятия были разрушены, а некоторые небольшие города, находившиеся в долине, где уже сто лет происходят наводнения, — полностью смыты водой. Во время каждой из поездок я восхищался тем, как много граждан со всей Америки приехали сюда, чтобы оказать помощь пострадавшим.

Затем мы вылетели в Денвер, где принимали прибывшего в США Папу Римского Иоанна Павла II. У меня состоялась плодотворная встреча с Его Святейшеством, который поддержал нашу миссию в Сомали и мое стремление более энергично действовать в Боснии. После окончания нашей встречи он любезно принял всех католиков из числа сотрудников Белого дома и агентов Секретной службы, которые прибыли в Денвер вместе со мною. На следующий день я подписал мой первый крупный закон в сфере экологии «Об охране природы штата Колорадо», на основании которого была обеспечена

охрана более чем 600 тысяч акров государственных лесов и общественных земель, входивших в национальную систему природных ресурсов.

Затем я отправился в Талсу, штат Оклахома, чтобы обсудить проблемы здравоохранения с моими прежними коллегами по Национальной ассоциации губернаторов. Еще не высохли чернила, которыми была написана бюджетная программа, а я уже хотел начать работу над реформой системы здравоохранения и полагал, что губернаторы могут мне в этом помочь, поскольку возрастающие расходы на программу «Медикэйд», медицинское страхование работников государственного сектора и медицинское обслуживание незастрахованных граждан ложились тяжелым бременем на бюджеты штатов.

Девятнадцатого августа, в день, когда мне исполнилось сорок семь лет, я объявил, что Билл Дейли из Чикаго станет председателем нашей целевой группы по подготовке Североамериканского соглашения о свободе торговли (НАФТА). За шесть дней до этого, как я и обещал во время предвыборной кампании, мы заключили дополнительные соглашения с Канадой и Мексикой о рабочей силе и правах в области защиты окружающей среды, а также договор, защищающий наши рынки от наплыва импорта. Теперь, после подписания этих документов, я был готов сделать все возможное, чтобы Конгресс утвердил НАФТА. Я считал, что Билл Дейли идеально подходит для того, чтобы возглавить кампанию за утверждение этого важного документа. Билл был юристом-демократом из самой знаменитой семьи чикагских политиков; его брат занимал пост мэра города, как до этого их отец, и у него сложились дружеские отношения с руководителями нескольких профсоюзов. Борьба за утверждение НАФТА Конгрессом будет сильно отличаться от сражений за принятие бюджета. Это соглашение поддержат многие республиканцы, и нам придется найти достаточно демократов, чтобы преодолеть возражения АФТ — КПП.

После объявления о назначении Дейли мы наконец вылетели на Мартас-Виньярд. Джорданы устроили вечеринку по случаю моего дня рождения, на которую были приглашены наши старые и некоторые новые друзья. Пришли Джекки Кеннеди Онассис и ее приятель, Морис Темпелсман, Билл и Роуз Стайрон, а также Кэтрин Грэм — издатель газеты *Washington Post*, принадлежавшая к тем людям в Вашингтоне, которыми я больше всего восхищался. На следующий день вместе с Джекки и Морисом, Энн и Верноном, Тедом и Вики Кеннеди, Эдом Кеннеди и Кэролайн Кеннеди-Шлоссберг мы отправились кататься на яхте, принадлежавшей Морису. Кэролайн и Челси взбирались на верхнюю палубу и прыгали в воду. Они уговаривали Хиллари последовать их примеру, Тед и я присоединились к этим призывам, одна только Джекки убеждала ее выбрать более безопасный путь к воде. Хиллари, приняв, как всегда, разумное решение, прислушалась к ее мнению.

Я провел десять дней на берегу Ойстер Понд, ловил крабов вместе с Хиллари и Челси, гулял по пляжу, который простирался вдоль этого залива до Атлантического океана, знакомился с некоторыми людьми, жившими в этой местности круглый год, и читал.

Отпуск закончился очень быстро, и мы вернулись в Вашингтон к началу первого года обучения Челси в старших классах, кампании Хиллари за реформу системы здравоохранения, получению первых рекомендаций Ала

Гора, касающихся вопросов экономии, на основе его «Обзора национальных показателей» и в заново отделанный Овальный кабинет. Я любил там работать. Благодаря большим окнам и стеклянной двери, выходящими на юг и восток, он всегда, даже в пасмурные дни, был просторным и светлым. По вечерам, когда рассеянный свет отражался от навесного потолка, становилось светлее и уютнее, и было приятно работать дома. В этой комнате, утонченно шикарной, но в то же время притягательной, я всегда чувствовал себя комфортно — как в одиночестве, так и в присутствии больших групп людей. Мой друг Кейки Хокерсмит, декоратор из Арканзаса, помог нам придать Овальному кабинету новый, более оптимистичный облик. Это ему удалось благодаря шторам золотистого цвета с синей каймой, золотистым стульям с подголовниками, кушеткам с обивкой в золотую и красную полоску и красивому пушистому синему ковру с вытканной по его центру президентской печатью, что было зеркальным отображением рисунка на потолке. Теперь Овальный кабинет стал нравиться мне еще больше.

Сентябрь был самым важным в области внешней политики месяцем моего президентства. 8 сентября Белый дом посетил президент Боснии Изетбегович. С помощью угрозы нанесения НАТО бомбовых ударов удалось сдержать сербов и снова начать мирные переговоры. Изетбегович заверил меня, что выступает за мирное урегулирование, если при этом не будут ущемлены права боснийских мусульман. В случае его достижения Изетбегович хотел заручиться моим обещанием направить в Боснию войска НАТО, включая американских военнослужащих, чтобы обеспечить соблюдение его условий. Я подтвердил свое намерение сделать это.

Девятого сентября мне позвонил Ицхак Рабин, сообщивший, что Израиль и ООП приняли решение подписать мирное соглашение. Договоренность была достигнута на секретных переговорах, проведенных сторонами в Осло, о чем США были проинформированы незадолго до моего вступления в должность президента. Несколько раз, когда возникала опасность их срыва, Уоррен Кристофер успешно обеспечивал продолжение переговоров. Они проходили конфиденциально, что позволяло участникам объективно рассматривать самые сложные вопросы и согласовывать ряд принципов, которые могли принять обе стороны. Большую часть работы нам предстояло проделать в будущем, и она заключалась в оказании им помощи при решении исключительно трудной задачи урегулирования сложных проблем, выработки условий проведения договоренностей в жизнь и сбора средств для финансирования расходов на реализацию этого соглашения: от укрепления безопасности Израиля до экономического развития и переселения беженцев, а также выплаты компенсаций палестинцам. Я уже получил обнадежившие меня сигналы о возможном оказании финансовой поддержки от других стран, включая Саудовскую Аравию, король которой, Фахд, хотя и был все еще недоволен тем, что Ясир Арафат поддержал Ирак во время войны в Персидском заливе, выступал за мирный процесс.

Мы были все еще очень далеки от всеобъемлющего решения, однако подписание «Декларации о принципах промежуточного урегулирования» стало значительным шагом вперед. 10 сентября я объявил, что руководители

израильской и палестинской делегаций подпишут соглашение в понедельник, 13 сентября, на Южной лужайке Белого дома, и что, поскольку ООП отказалась от насилия и признала право Израиля на существование, США возобновят свой диалог с ней. За пару дней до подписания этого соглашения журналисты спросили меня, будет ли Арафат принят в Белом доме. Я сказал, что решать вопрос о том, кто будет представлять их на этой церемонии, должны сами стороны, непосредственно участвующие в переговорах. На самом деле я очень хотел, чтобы присутствовали и Рабин, и Арафат, и призвал их к этому; если они ответят отказом, никто в регионе не поверит, что политики полностью согласны проводить в жизнь декларируемые ими принципы, а если лидеры двух стран придут в Вашингтон, миллиарды людей во всем мире увидят их по телевидению, и они покинут Белый дом как еще более непоколебимые приверженцы мира, чем прежде. Когда Арафат заявил, что он будет присутствовать на церемонии, я снова обратился к Рабину с просьбой прибыть. Он согласился, хотя все еще испытывал сомнения по этому поводу.

В ретроспективе может показаться, что эти руководители легко приняли решение прибыть в Белый дом, но в то время это была рискованная игра и для Рабина, и для Арафата, которые точно не знали, как отреагируют их народы. Даже если бы их поддержало большинство людей, интересы которых они представляли, экстремистов с обеих сторон неизбежно возмутили бы компромиссы по основным вопросам, зафиксированные в «Декларации принципов». Согласившись прийти на эту церемонию и выступить там, Рабин и Арафат продемонстрировали как дальновидность, так и интуицию. Под этим соглашением должны были поставить подписи министр иностранных дел Израиля Шимон Перес и Махмуд Аббас, больше известный под именем Абу-Мазен, активно участвовавший в переговорах, проводившихся в Осло. Госсекретарь Кристофер и российский министр иностранных дел Андрей Козырев должны были стать свидетелями подписания соглашения.

Утром 13 сентября атмосфера вокруг Белого дома была наэлектризованной и напряженной. Мы пригласили на это мероприятие более двух с половиной тысяч человек, над его организацией работали Джордж Стефанопулос и Рам Эмануэль. Я был особенно рад, что этим занимался Рам, так как раньше он служил в израильской армии. На церемонии должны были присутствовать президент Картер, при участии которого были заключены Кэмп-Дэвидские соглашения между Египтом и Израилем, а также президент Буш, который совместно с Горбачевым организовал в 1991 году переговоры в Мадриде с участием Израиля, палестинцев и арабских государств. Президент Форд тоже был приглашен, однако не смог прибыть в Вашингтон до состоявшегося вечером обеда по случаю заключения соглашения. Приглашения получили все бывшие госсекретари и помощники президентов по национальной безопасности, предпринимавшие усилия для мирного урегулирования разногласий между Израилем и Палестиной в течение последних двадцати лет. Челси и дети Гора не пошли в это утро в школу, чтобы не пропустить такое событие.

Накануне вечером я лег спать непривычно рано для меня — в десять часов, и поэтому проснулся в три часа ночи. Заснуть мне больше не удалось,

поэтому я взял Библию и прочел всю Книгу Иисуса Навина. Это побудило меня изменить некоторые фразы в моем выступлении. Я также решил надеть синий галстук с золотыми трубами, напоминавшими мне о тех, в которые трубил Иисус Навин под стенами Иерихона. Теперь эти трубы должны были возвестить о наступлении мира, благодаря которому Иерихон будет возвращен палестинцам.

В это утро у нас возникли две небольшие проблемы. Когда мне сказали, что Арафат намерен появиться в своей традиционной одежде — в кувийи и военной форме оливково-зеленого цвета и, возможно, захочет взять с собой револьвер, который обычно носит на бедре, я дал ему знать, чтобы он пришел без оружия. Арафат должен был прибыть сюда, чтобы заключить соглашение о мире, а револьвер создал бы совершенно противоположное впечатление. Безусловно, он и безоружный будет в полной безопасности. Арафат согласился прийти без револьвера. Увидев, что в соглашении их именуют «палестинской делегацией», а не Организацией освобождения Палестины (ООП), палестинцы заупрямились, и Израиль согласился на название, которое было для них наиболее предпочтительным.

Еще одна проблема заключалась в том, обменяются ли Рабин и Арафат рукопожатием. Я знал, что Арафат к этому стремится. До прибытия в Вашингтон Рабин тоже заявлял, что готов пожать Арафату руку, «если это потребуется», однако я понимал, что он этого не желает. Когда Рабин прибыл в Белый дом, я поднял эту тему. Он не хотел давать такого обещания и рассказал мне, скольких молодых израильтян похоронил из-за Арафата. Я заявил Ицхаку, что если он действительно привержен миру, ему надо пожать руку Арафату, чтобы доказать это: «Весь мир будет наблюдать за вами, и люди ожидают именно рукопожатия». Рабин вздохнул и своим глубоким усталым голосом сказал: «Я думаю, что мир не заключают с друзьями». «Значит, вы это сделаете?» — спросил я. Он резко ответил: «Хорошо. Но никаких поцелуев». Традиционное арабское приветствие — поцелуй в щеку. Рабин не хотел этого ни в коем случае.

Я знал, что Арафат — великий шоумен и что он постарается поцеловать Рабина после рукопожатия. Мы решили, что сначала я пожму руку каждому из них, а затем как бы подтолкну их друг к другу. Я был уверен, что если Арафат не поцелует меня, он не попытается поцеловать и Рабина. Когда мы обсуждали этот вопрос в Овальном кабинете с Хиллари, Джорджем Стефанопулосом, Тони Лэйком и Мартином Индиком, Тони сказал, что знает способ, как пожать руку Арафату и избежать поцелуя. Он описал мне эту процедуру, и мы немного потренировались. Я изображал Арафата, а он — меня и показывал мне, что делать. Когда я пожал ему руку и приблизился, чтобы поцеловать, он положил кисть своей левой руки на сгиб локтя моей правой руки и сжал его; это меня остановило. Затем мы поменялись ролями, и я повторил этот маневр по отношению к нему. Мы попрактиковались еще несколько раз, пока у меня не появилась уверенность, что Арафат не прикоснется к щеке Рабина. Мы все смеялись над сложившейся ситуацией, но я знал, что для Рабина очень важно избежать этого поцелуя.

Перед самой церемонией все три делегации собрались в Голубом зале на главном этаже Белого дома. Израильтяне и палестинцы не разговаривали

друг с другом на публике, поэтому американцы подходили то к одной, то к другой делегации, которые в это время двигались по краям зала. Мы выглядели, как группа неуклюжих подростков на медленно двигавшейся карусели.

К счастью, это продолжалось недолго, и мы спустились вниз по лестнице, чтобы начать церемонию. Арафат, Рабин и я на мгновение остались одни, в то время как все остальные один за другим выходили из зала. Арафат поздоровался с Рабином и протянул ему руку. Руки Ицхака были сцеплены за спиной. Он резко сказал: «Снаружи». Арафат только улыбнулся и кивнул головой в знак того, что он его понимает. Затем Рабин сказал: «Знаете, нам придется очень упорно трудиться для того, чтобы это сработало». Арафат ответил: «Я знаю и готов внести свою лепту».

Мы вышли на улицу, где в этот день в конце лета ярко светило солнце. Я начал церемонию с короткого приветствия и со слов благодарности, поддержки и поощрения, обращенных к руководителям делегаций, и дал высокую оценку их решимости добиться «мира смелых». Перес и Аббас выступили после меня с короткими речами, а затем сели за стол, чтобы подписать соглашение. За этой процедурой наблюдали Уоррен Кристофер и Андрей Козырев, в то время как Рабин, Арафат и я стояли позади них и чуть правее. Когда подписание соглашения было завершено, все взоры присутствующих обратились к руководителям делегаций. Арафат стоял слева от меня, а Рабин — справа. Я пожал руку Арафату, применив блокирующий маневр, в котором попрактиковался. Затем повернулся и пожал руку Рабину, после чего отступил из пространства между ними и обеими руками подтолкнул их друг к другу. Арафат протянул руку все еще не желавшему рукопожатия Рабину. Когда и Рабин протянул свою руку, в толпе послышался вздох облегчения, а потом, когда они обменялись рукопожатием без поцелуев, раздался гром аплодисментов. Их приветствовал весь мир, кроме твердолобых участников выступлений протеста на Ближнем Востоке, стремившихся разжигать насилие, и демонстрантов перед Белым домом, заявлявших, что мы ставим под угрозу безопасность Израиля.

После рукопожатия Рабина и Арафата госсекретарь США Кристофер и министр иностранных дел России Козырев выступили с краткими заявлениями, а затем к микрофону подошел Рабин. Он говорил по-английски, вдохновенно, как ветхозаветный пророк, обращаясь непосредственно к палестинцам: «Мы обречены судьбой жить вместе, на одной и той же почве, на одной и той же земле. Мы, солдаты, которые вернулись с полей битв, обогранных кровью... громко и ясно говорим вам сегодня: довольно крови и слез, довольно!.. Мы, как и вы, люди — люди, которые хотят построить дом, посадить дерево, любить и достойно жить рядом с вами, как люди, как свободные люди». Затем Рабин напомнил цитату из Экклезиаста: «Всему свое время, и время всякой вещи под небом. Время рождаться и время умирать... Время убивать и время врачевать... Время войне и время миру» и добавил: «Время для мира наступило». Это была замечательная речь. Рабин использовал ее для того, чтобы обратиться к своим противникам.

Пришло время выступать Арафату, который выбрал другую тактику. Он уже использовал улыбки, дружественные жесты и энергичное рукопо-

жатию с Рабином, чтобы показать свои намерения израильтянам. Теперь же ритмичным певучим голосом Арафат говорил по-арабски со своим народом, рассказывая о своих надеждах на мирный процесс и подтверждая законность его устремлений. Как и Рабин, он поддерживал мир, однако с оговоркой: «Наш народ не считает, что, воспользовавшись своим правом на самоопределение, он нарушит права соседей или нанесет ущерб их безопасности. Скорее, если мы не будем больше считать, что нам причинили вред и что мы страдаем от исторической несправедливости, это будет самой прочной гарантией сосуществования и открытости между двумя нашими народами, а также будущими поколениями».

Арафат активно использовал язык жестов для того, чтобы обратиться к израильтянам, и жесткие слова, чтобы убедить сомневающихся у себя на родине. Рабин сделал обратное. В своей речи он был сердечным и искренним по отношению к палестинцам, а теперь использовал язык телодвижений для того, чтобы успокоить сомневающихся в Израиле. Все время, пока выступал Арафат, Рабин выглядел напряженным и настроенным скептически. Казалось, он чувствует себя настолько неловко, что умирает от желания вообще отказаться говорить. Разная тактика, которую использовали эти два стоявших рядом политика, благодаря яркому контрасту производила поразительное впечатление. Я подумал, что надо будет учесть это на будущих переговорах с ними. Однако мне не следовало беспокоиться. Благодаря уважению Арафата к Рабину и поразительной способности израильского лидера понимать его менталитет между двумя руководителями очень скоро сложились прекрасные рабочие отношения.

Я закончил церемонию, сказав потомкам Исаака и Исмаила, детям Авраама: «Шолом, салам, мир» и призвал их «выступать в роли миротворцев». После этого мероприятия у меня состоялась короткая встреча с Арафатом и неофициальный ланч с Рабином. Ицхак выглядел утомленным после длительного перелета; к тому же его переполняли эмоции, вызванные произошедшим событием. Это был поразительный поворот в его богатой событиями жизни, значительную часть которой он провел на военной службе, сражаясь с врагами Израиля, в том числе с Арафатом. Я спросил, почему он решил поддержать переговоры в Осло и выработанные на них соглашения. Как объяснил мне Рабин, он стал понимать, что территория, которую Израиль оккупировал в 1967 году, больше не нужна для обеспечения безопасности страны и, по существу, стала источником нестабильности. Рабин подчеркнул, что, как показала начавшаяся несколько лет назад интифада, оккупация территории, где живет множество недовольных людей, не укрепляет безопасность Израиля, а напротив, делает его более уязвимым для нападений изнутри. Затем, когда во время войны в Персидском заливе Ирак обстрелял Израиль ракетами «Скад», Рабин понял, что эту землю нельзя считать и буфером безопасности, страхующим от нанесения ударов извне с применением современного оружия. И, наконец, по его словам, если бы Израиль навсегда оставил за собой Западный берег реки Иордан, ему пришлось бы решать вопрос, следует ли разрешить живущим там арабам голосовать на выборах в Израиле, как это делали те из них, кто жил в границах

территории, существовавшей до войны 1967 года. Если бы эти палестинцы получили право голосовать, то, учитывая их высокий уровень рождаемости, Израиль через несколько десятилетий перестал бы быть еврейским государством. Отказ же в праве на голосование означал бы, что Израиль уже не демократическая страна, а государство с режимом апартеида. Поэтому, как отметил Рабин в заключение, Израилю следует отступить от этой территории, однако лишь в том случае, если отказ от нее обеспечит реальный мир и нормальные отношения с его соседями, особенно с Сирией. Рабин считал, что еще до окончания процесса урегулирования с палестинцами или вскоре после него он сможет заключить соглашение с президентом Сирии Хафезом Асадом. На основе моих бесед с Асадом я пришел к такому же мнению.

Со временем с аналитической оценкой значения Западного берега реки Иордан для Израиля, данной Рабином, согласятся многие израильтяне — сторонники мира, однако в 1993 году она была абсолютно новой, прозорливой и смелой. Он вызывал мое восхищение еще до того, как мы с ним встретились в 1992 году, однако в тот день, наблюдая за выступлением Рабина на этой церемонии и слушая выдвигаемые им аргументы в поддержку мира, я понял его величие как руководителя и величие его духа. Я никогда не встречал такого человека, как он, и очень хотел помочь ему осуществить мечту о мире.

После ланча Рабин и израильская делегация вылетели на родину для участия в Самых святых днях (Рош-Хашана, как называется израильский Новый год), и им предстояло убедить в необходимости этого соглашения кнессет, парламент Израиля, причем они намеревались сделать остановку в Марокко, чтобы информировать о достигнутой договоренности короля Хасана, который занимал в отношении Израиля умеренную позицию.

В тот вечер мы с Хиллари устроили праздничный обед для примерно двадцати пяти супружеских пар, включая президента и госпожу Картер, президента и госпожу Форд и президента Буша, а также шестерых из девяти ныне живущих госсекретарей и лидеров Конгресса от демократической и республиканской партий. Президенты согласились приехать на обед не только для того, чтобы отметить успех в деле установления мира на Ближнем Востоке, но и потому, что на следующий день начиналась публичная кампания в поддержку НАФТА, и они должны были в ней участвовать. В этот вечер я пригласил всех в мой кабинет на этаже, где находилась наша резиденция, и мы сфотографировались на память о редком в американской истории случае, когда четыре президента вместе обедали в Белом доме. После обеда супруги Картер и Буш приняли наше приглашение остаться на ночь, а супруги Форд его отклонили по очень убедительной причине: они заказали номер люкс в вашингтонском отеле, в котором провели свою первую ночь как супружеская пара.

На следующий день продвижение к миру продолжалось — израильские и иорданские дипломаты подписали соглашение, приблизившее их к окончательному достижению мира. Несколько сотен еврейских и американских предпринимателей арабского происхождения собрались в Госдепартаменте, чтобы договориться о совместных инвестициях в населенные палестинцами

районы, когда там будут созданы достаточно мирные условия для стабильного развития экономики.

Тем временем в Восточном зале Белого дома другие президенты вместе со мной приняли участие в церемонии подписания дополнительных соглашений к НАФТА. Я подчеркнул, что Североамериканское соглашение о свободе торговли окажет позитивное влияние на экономику США, Канады и Мексики, создав колоссальный рынок из примерно 400 миллионов человек; что оно укрепит лидерство США в нашем полушарии и в мире; и что если это соглашение не будет утверждено Конгрессом, потеря рабочих мест из-за конкуренции со стороны Мексики, где зарплата ниже, будет более, а не менее вероятной. Тарифы в Мексике были в 2,5 раза выше, чем в нашей стране, и в то же время крупнейшим покупателем американских товаров оставалась Канада. Постепенная отмена тарифов должна была обеспечить нам только позитивные результаты.

Затем в поддержку НАФТА выступили президенты Форд, Картер и Буш. Все выступления были удачными, однако речь Буша оказалась особенно эффективной, остроумной и великодушной по отношению ко мне. Он похвалил мое выступление, сказав: «Теперь я понимаю, почему он смотрит наружу изнутри, а я нахожусь снаружи и заглядываю внутрь». Выступления президентов обеспечили двухпартийную поддержку этой кампании, а мы нуждались в любой помощи, которую только могли получить. Против НАФТА активно выступала коалиция либеральных демократов и консервативных республиканцев, поскольку и те, и другие опасались, что более открытые отношения с Мексикой будут стоить Америке потери хороших рабочих мест и не помогут простым мексиканцам, которым, по их мнению, будут и впредь недоплачивать и которые будут по-прежнему перерабатывать, независимо от того, сколько денег получают их работодатели от торговли с США. Я знал, что вторая часть их рассуждений, возможно, верна, но верил в необходимость НАФТА не только для налаживания наших отношений с Мексикой и Латинской Америкой, но и для выполнения нашего обязательства построить более целостный и в большей степени основанный на сотрудничестве мир.

Хотя становилось ясно, что голосование по реформе системы здравоохранения состоится не раньше, чем в будущем году, нам, тем не менее, надо было представить Конгрессу наш законопроект, чтобы мог начаться законодательный процесс. Сначала мы предполагали просто направить резюме этого предложения в комитеты, в сфере компетенции которых находилось его рассмотрение, и поручить им подготовить законопроект. Однако Дик Гепхардт и другие считали, что шансов на успех у нас будет больше, если мы начнем с разработки конкретного законопроекта. После встречи с лидерами Конгресса в зале заседаний кабинета я предложил Бобу Доулу вместе работать над законопроектом. Я сделал это, потому что Доул и руководитель аппарата его сотрудников, эффективная бывшая медсестра Шейла Берк, действительно уделяли большое внимание вопросам здравоохранения, и в любом случае, если бы я представил законопроект, который бы ему не понравился, он бы про-

валил его, устроив обструкцию. Доул отказался работать над подготовкой совместного предложения, заявив, что мне следует просто представить свой законопроект, а компромисс мы выработаем позднее. Говоря это, он, вероятно, считал, что в действительности так оно и будет, но все вышло иначе.

Я должен был представить план реформы системы здравоохранения на совместном заседании обеих палат Конгресса 22 сентября. Я был настроен оптимистично, потому что в то утро подписал законопроект об учреждении программы Национальной службы «Америкорпс», что было одним из самых важных лично для меня приоритетов. Я также назначил Эли Сигала, который способствовал прохождению этого законопроекта через Конгресс, первым президентом Корпорации национальной службы. Среди присутствовавших на церемонии подписания законопроекта, состоявшейся на лужайке позади Белого дома, были молодые люди, откликнувшиеся на мой призыв летом того года нести службу в общинах; два ветерана из созданного при Франклине Делано Рузвельте Гражданского корпуса охраны природных ресурсов, проекты которого продолжали осуществляться в Америке; и Сарджент Шрайвер, первый директор Корпуса мира. Сардж задумчиво подал мне одну из ручек, которой воспользовался тридцать два года назад президент Кеннеди для подписания закона о создании Корпуса мира, и я подписал ею законопроект, на основе которого появилась программа «Америкорпс». На протяжении следующих пяти лет около двухсот тысяч молодых американцев вступили в ряды этой организации — больше, чем работало в Корпусе мира за всю сорокалетнюю историю его существования.

Вечером 22 сентября, проходя между рядами в зале Палаты представителей, я чувствовал себя уверенно, глядя на Хиллари, сидевшую на балконе вместе с двумя самыми известными в Америке врачами: ее старым другом педиатром д-ром Т. Берри Брейзелтоном и д-ром К. Эвереттом Купом, который был главным хирургом США при президенте Рейгане и использовал возможности, предоставлявшиеся этой должностью, чтобы информировать страну о СПИДе и о значении профилактики его распространения. И Брейзелтон, и Куп были сторонниками реформы здравоохранения, способными обеспечить доверие к нашим усилиям.

Уверенности у меня поубавилось, когда, собираясь начать выступление, я посмотрел на экран телесуфлера. Моей речи на нем не было. Вместо нее я увидел начало своего доклада Конгрессу по экономической программе, с которым выступил еще в феврале. Законопроект о бюджете стал законом больше месяца назад; у членов Конгресса не было необходимости слушать это выступление еще раз. Я повернулся к Алу Гору, сидевшему на своем обычном месте позади меня, объяснил ему, в чем проблема, и попросил передать Джорджу Стефанопулосу, чтобы он решил ее. Тем временем я начал свое выступление. У меня был с собой напечатанный текст доклада, и в любом случае я знал, о чем хочу сказать, поэтому не слишком волновался, хотя не подходившие к случаю слова, появлявшиеся на экране телесуфлера, в какой-то степени меня отвлекали. На седьмой минуте моего выступления нужный текст наконец нашелся. Не думаю, что в тот момент кто-нибудь заметил разницу, однако мне стало спокойнее, когда «подсказка» появилась на экране.

Я просто и прямо объяснил суть проблемы, сказав, что расходы на существующую систему здравоохранения слишком велики, но она распространяется на слишком ограниченное число людей, и охарактеризовав основные принципы нашего плана: надежность, простоту, экономию, возможность выбора, качество и ответственность. Через частные страховые компании страховку получит каждый американец, и она не будет им потеряна в случае болезни или при перемене места работы; станет меньше канцелярской работы благодаря единому пакету, предусматривающему минимальные льготы; за счет снижения административных расходов, которые тогда были у нас заметно выше, чем в других богатых странах, мы добьемся значительной экономии средств; будут также приняты жесткие меры для борьбы с мошенничеством и злоупотреблениями. По мнению д-ра Купа, благодаря этим мероприятиям можно было бы сэкономить десятки миллиардов долларов.

На основе нашей программы люди смогут сами выбирать для себя программы медицинского обслуживания и иметь собственных врачей, то есть получат возможность выбора, которой были лишены многие американцы, чьим страхованием занимались организации по обеспечению медицинской помощи, старавшиеся уменьшать расходы, ограничивая возможность выбора для пациентов и проводя интенсивные проверки, прежде чем одобрить дорогостоящее лечение. Качество медицинского обслуживания будет гарантироваться выпуском специальных отчетных карт, содержащих планы медицинского обслуживания пациентов и положение о дополнительной информации для врачей. Ответственность должна будет обеспечиваться на всех уровнях на основе принятия мер против компаний, занимающихся медицинским страхованием и необоснованно отказывающих в медицинской помощи; поставщиков услуг, которые представляют завышенные счета; фирм, продающих лекарства и необоснованно повышающих цены на них; юристов, возбуждающих фиктивные иски; и граждан, чей безответственный выбор ослабляет их здоровье и приводит к резкому повышению затрат для всех остальных.

Я предложил, чтобы все работодатели обеспечивали работников медицинской страховкой, как уже делали 75 процентов из них, и ввести скидки для владельцев небольших предприятий, которые в противном случае не могли бы позволить себе представлять своим сотрудникам страховку. Эти субсидии планировалось выплачивать из средств, полученных за счет повышения налога на сигареты. Лица, обслуживающие собственные предприятия, смогут вычитать все затраты на взносы по медицинской страховке из доходов, подлежащих обложению налогом.

Если бы предложенная мною система была принята, она бы уменьшила раздувание стоимости здравоохранения, способствовала бы более справедливому распределению бремени оплаты медицинского обслуживания и гарантировала надежное обеспечение медицинскими услугами миллионам американцев, которые его не имели. Это положило бы конец различным фактам вопиющей несправедливости, с которыми я сталкивался лично. Например, как в случае с женщиной, которой пришлось отказаться от работы, приносившей ей доход 50 тысяч долларов в год, благодаря чему она могла содержать своих шестерых детей, из-за того, что ее младший ребенок был серьезно

болен; она не смогла сохранить свою медицинскую страховку, и единственным способом для этой матери обеспечить медицинскую помощь своему ребенку был переход на получение социального пособия и помощи на основе программы «Медикэйд». Или, например, случай с молодой супружеской парой, имевшей больного ребенка, единственная медицинская страховка которой обеспечивалась работодателем одного из родителей — небольшой некоммерческой корпорацией, где было двадцать работников. Лечение этого ребенка стоило так дорого, что страховщик поставил работодателя перед выбором: либо уволить этого сотрудника, либо повысить на 200 долларов страховые взносы всех других работников. Я считал, что Америка может добиться большего, изменив существующее положение вещей.

Хиллари, Айра Магазинер, Джуди Фидер и все, кто помогал им, подготовили программу, которую мы могли провести в жизнь при одновременном сокращении дефицита. И в противовес тому, как это впоследствии изображалось, специалисты по здравоохранению в целом дали ей в тот момент положительную оценку, назвав программу умеренной и осуществимой. Она, безусловно, не предусматривала, что правительство возьмет в свои руки систему здравоохранения, как утверждали ее критики, однако об этом я расскажу позже. В тот вечер, 22 сентября, я просто был рад тому, что телесуфлер заработал.

К концу сентября события в России вновь попали в заголовки газет, так как придерживавшиеся жесткого курса парламентарии попытались сместить Ельцина. В ответ он распустил парламент и назначил на 12 декабря новые выборы. Мы использовали этот кризис, чтобы добиться активизации поддержки нашей комплексной программы помощи России, которая 29 сентября была принята Палатой представителей 321 голосом против 108 и 30 сентября — Сенатом при соотношении голосов 87:11.

К воскресенью, 3 октября, конфликт между Ельциным и его оппонентами в Думе перешел в противостояние на улицах Москвы. Группы вооруженных людей с флагами, на которых были изображены серп и молот, и с портретами Сталина обстреляли из гранатомета здание, где находилось несколько российских телеканалов. Другие лидеры-реформаторы в бывших коммунистических странах, включая Вацлава Гавела, выступили с заявлениями в поддержку Ельцина. Я тоже сказал журналистам: ясно, что насилие начали противники Ельцина, который «всячески старается» избежать чрезмерного применения силы, и что США будут поддерживать президента России и его усилия с целью проведения свободных и честных парламентских выборов. На следующий день российские войска выпустили несколько снарядов по зданию парламента и угрожали взять его штурмом, что вынудило сдаться лидеров бунтовщиков. Находясь на пути в Калифорнию я из президентского самолета позвонил Ельцину, чтобы выразить ему свою поддержку.

Бои на улицах Москвы были в этот вечер основной новостью средств массовой информации всего мира, однако в Америке главной сенсацией стала другая история, из-за которой я пережил один из самых тяжелых дней

за все время пребывания на посту президента, а фраза «Падение “Блэк хока”» стала знаменитой.

В декабре 1992 года президент Буш при моей поддержке направил в Сомали американские войска для оказания помощи силам ООН после того, как в кровопролитной гражданской войне, в результате которой там начались голод и болезни, в этой стране погибло более 350 тысяч сомалийцев. В тот момент помощник Буша по национальной безопасности, генерал Brent Скоукрофт, сказал Сэнди Бергеру, что войска вернутся до моей инаугурации. Этого не произошло, потому что в Сомали не было действующего правительства. Без присутствия наших войск вооруженные бандиты разграбили бы продовольствие, предоставлявшееся ООН, и в стране снова мог бы начаться голод. В течение нескольких следующих месяцев ООН направила в Сомали около 20 тысяч военнослужащих, и мы сократили численность американского контингента с 25 тысяч до немногим более 4 тысяч человек. Через семь месяцев в стране появился урожай, голод кончился, беженцы возвращались домой, вновь открывались школы и больницы, была создана полиция, и многие сомалийцы участвовали в процессе примирения, продвигаясь к демократии.

Затем, в июне, клан сомалийского военачальника Мохаммеда Айдида совершил убийство двадцати четырех пакистанских миротворцев. Айдид, вооруженные бандиты которого контролировали значительную часть столицы страны, Могадишо, и которому не нравился процесс примирения, хотел захватить власть в Сомали. Он считал, что для этого ему нужно добиться вывода сил ООН. После убийства пакистанских военнослужащих Генеральный секретарь ООН Бутрос Бутрос-Гали и его специальный представитель в Сомали, американский адмирал в отставке Джонатан Хау, решили арестовать Айдида, полагая, что, если он не будет передан в руки правосудия, ООН не сможет успешно выполнить свою миссию. Поскольку Айдида эффективно защищали его до зубов вооруженные войска, ООН не удалось его арестовать, и она обратилась за помощью к США. Адмирал Хау, который был заместителем Брента Скоукрофта в администрации президента Буша, считал, особенно после убийства пакистанских военнослужащих из контингента миротворческих сил ООН, что единственный путь положить конец конфликтам между кланами, из-за которых в Сомали продолжались насилие, несчастья и хаос, — арестовать Айдида и предать его суду.

Колин Пауэлл всего за несколько дней до своего ухода в отставку с поста председателя Объединенного комитета начальников штабов пришел ко мне с рекомендацией, чтобы я одобрил параллельные усилия американских военнослужащих с целью поимки Айдида, хотя он считал, что шанс захватить его оценивается в 50 процентов, а взять живым — всего в 25 процентов. Тем не менее, по словам Пауэлла, мы не можем вести себя так, словно нас не волнует, что Айдид убил военнослужащих ООН, которые служили вместе с нами. Я был согласен с тем, что неоднократные провалы попыток ООН арестовать Айдида лишь повышали его престиж и порочили гуманитарный характер миссии ООН. Командиром американского спецподразделения «Рейнджеры» был генерал-майор Уильям Гаррисон. 10-я горнострелковая

дивизия армии США, штаб которой находился на базе в Форт-Драм, также направила в Сомали военнослужащих, которые были подчинены командующему всем американским контингентом генералу Томасу Монтгомери. Оба они подчинялись генералу морской пехоты Джозефу Хоару, командующему Объединенным центральным командованием вооруженных сил США со штабом на базе ВВС Макдилл в Тампе, Флорида. Я знал Хоара, с большим доверием относился к его мнению и верил в его способности.

Третьего октября, действуя на основе информации, согласно которой два высокопоставленных сотрудника Айдида находились в квартале Могадишо «Блэк си», который он контролировал, генерал-майор Гаррисон приказал начать штурм здания, где, как полагали, остановились эти люди. «Рейнджеры» вылетели в Могадишо на вертолетах «Блэк хок» среди бела дня. В светлое время суток эта операция была гораздо более рискованной, чем если бы она проводилась темной ночью, когда вертолеты и военнослужащие менее заметны, а их приборы ночного видения дают возможность действовать так же эффективно, как и при дневном свете. Гаррисон решил пойти на этот риск, поскольку его военнослужащие успешно выполнили три предыдущие операции в дневное время.

«Рейнджеры» взяли здание штурмом, захватив заместителей Айдида и несколько второстепенных фигур. После этого события стали развиваться крайне неблагоприятно. Войска Айдида стали защищаться и сбили два вертолета «Блэк хок». Пилота первой машины придавило обломками. Бойцы спецподразделения не захотели его бросать, поскольку никогда не оставляют на поле боя своих людей, живых или мертвых. Когда они вернулись за пилотом, началось настоящее светопреставление. Вскоре 90 американских военнослужащих окружили вертолет, завязав массированную перестрелку с сотнями сомалийцев. В конечном счете в бой включились бойцы сил быстрого развертывания генерала Монтгомери, однако сопротивление сомалийцев было настолько сильным, что операция по спасению нашего пилота продолжалась в течение всей ночи. Когда бой закончился, десятки американцев получили ранения, девятнадцать человек погибли, а пилот вертолета «Блэк хок» Майк Дюран был захвачен в плен. С противоположной стороны более пятисот человек были убиты и свыше тысячи ранены. Разъяренные сомалийцы протащили по улицам Могадишо тело убитого командира экипажа вертолета «Блэк хок».

Американцы были возмущены и потрясены. Как могло случиться, что вместо выполнения гуманитарной миссии у наших военных появилось упорное стремление схватить Айдида? Почему американские войска выполняли распоряжения Бутроса Гали и адмирала Хау? Сенатор Роберт Бэрд призвал положить конец «этим операциям полицейских против бандитов». Сенатор Джон Маккейн сказал: «Клинтон должен вернуть их домой». Адмирал Хау и генерал Гаррисон хотели преследовать Айдида. По сообщениям их источников из Могадишо, многие союзники его клана бежали из города, и для того, чтобы закончить это дело, много времени не потребуется.

Шестого октября наша команда по национальной безопасности собралась в Белом доме. Тони Лэйк привел Роберта Оукли, который с декабря по март

был главным штатским представителем Америки в Могадишо. Оукли считал, что ООН и его старый друг адмирал Хау совершили ошибку, изолировав Айдида от политического процесса и позволив идее его поиска настолько завладеть их мыслями. По большому счету Оукли был не согласен с нашим решением попытаться арестовать Айдида по просьбе ООН.

Я очень сочувствовал генералу Гаррисону и тем, кто считал, что нужно вернуться и завершить операцию. Я был очень огорчен потерей наших военнослужащих и хотел, чтобы Айдид заплатил за это. Если ради его поимки мы потеряли девятнадцать американцев убитыми и восемьдесят четыре ранеными, разве не стоило довести дело до конца? Проблема с этими аргументами состояла в том, что, если бы мы снова послали туда своих военнослужащих и они схватили Айдида, живым или мертвым, это означало бы, что Америка, а не ООН взяла на себя урегулирование ситуации в Сомали, в то время как не существовало никаких гарантий, что мы сможем добиться политического объединения этой страны эффективнее, чем ООН. Последующие события доказали правильность такой точки зрения. Айдид в 1996 году умер естественной смертью, и Сомали так и осталась разделенной. Более того, Конгресс не поддерживал расширение военной роли США в этой стране, о чем я узнал на встрече в Белом доме с несколькими его членами. Большинство из них требовали немедленного вывода наших войск. Я решительно с этим не согласился, и в конечном счете мы достигли компромисса о шестимесячном переходном периоде. Я мог бы поспорить с Конгрессом, однако мне следовало принимать во внимание возможные последствия любых решений, из-за которых стало бы еще труднее добиваться его поддержки для отправки американских войск в Боснию и на Гаити, где на карту были поставлены гораздо более важные наши интересы.

В конце концов я согласился направить в Сомали Оукли с заданием добиться от Айдида освобождения Майка Дюрана — захваченного в плен пилота американского вертолета. Оукли получил ясные инструкции: США не нанесут ответный удар, если Дюран будет освобожден немедленно и без всяких условий. Мы не будем обменивать его на людей, которые были только что захвачены нами. Оукли довел это до сведения Айдида, и Дюран был освобожден. Я усилил наш контингент в Сомали и назначил точную дату его вывода, предоставив ООН еще шесть месяцев на установление контроля или создание в Сомали эффективной политической организации. После освобождения Дюрана Оукли вступил в переговоры с Айдидом и в конечном счете добился своего рода перемирия.

Меня преследовали мысли о бое в Могадишо. Теперь я понимал, как, должно быть, чувствовал себя президент Кеннеди после событий в заливе Кочинос. Я нес ответственность за операцию, проведение которой одобрил в общих чертах, но не вдаваясь в детали. В отличие от ситуации в заливе Кочинос в строгом военном смысле результат операции нельзя было назвать поражением — оперативная группа «Рейнджеры» арестовала помощников Айдида, высадившись в центре Могадишо среди бела дня, выполнив свою сложную и трудную задачу и проявив мужество и профессионализм, и понесла при этом неожиданные потери. Однако эти потери

потрясли Америку; кроме того, бой, в результате которого были убиты и ранены американцы, не отвечал задачам более широкой гуманитарной миссии Соединенных Штатов и ООН.

Больше всего я переживал из-за того, что, одобряя решение задействовать американские войска для ареста Айдида, не мог представить себе ничего подобного штурму, предпринятому в дневное время во враждебном и многонаселенном квартале города. Я предполагал, что мы постараемся арестовать Айдида, когда возглавляемый им отряд будет находиться в движении, вдали от больших скоплений мирных жителей, обеспечивающих прикрытие его вооруженным сторонникам. Я думал, что одобряю полицейскую операцию американских войск, обладавших гораздо более высокой боеспособностью, имевших значительно лучшее снаряжение и намного качественнее подготовленных, чем военнослужащие сил ООН. По-видимому, именно так считал и Колин Пауэлл, когда обратился ко мне с просьбой одобрить эту операцию; когда впоследствии мы говорили с ним об этом после того, как я уже ушел с поста президента, а он был государственным секретарем, Пауэлл подчеркнул, что одобрил бы подобную операцию только в том случае, если бы она проводилась ночью. Однако мы не обсуждали этот вопрос, и, по-видимому, никто другой не предлагал никаких критериев, которые могли бы повлиять на перечень вариантов проведения операции, с тем чтобы ими мог воспользоваться генерал Гаррисон. Колин Пауэлл ушел в отставку с поста председателя Объединенного комитета начальников штабов за три дня до этого рейда, а назначение его преемника, Джона Шаликашвили, еще не было утверждено. Операция не получила одобрения ни командующего Объединенным центральным командованием генерала Хоара, ни Пентагона. В результате я санкционировал проведение не активной полицейской операции, а военного штурма на враждебной территории.

Генерал Гаррисон в письме ко мне, написанном от руки на следующий день после этого боя, подчеркнул, что берет на себя полную ответственность за решение о проведении рейда, назвав причины, по которым он его принял: блестяще проведенная разведывательная операция; опытная группа; изученные возможности противника; надлежащая тактика; план, разработанный на случай непредвиденного развития событий; привлечение сил быстрого реагирования на бронетранспортерах для оказания поддержки, что, возможно, не уменьшило бы потери войск США, так как оперативная группа не захотела оставить своих погибших товарищей, один из которых был придавлен обломками вертолета. Гаррисон закончил свое письмо словами: «Операция была проведена успешно. Намеченные лица схвачены и удалены с объекта... Ответственность за произошедшее не следует возлагать на президента Клинтона и министра обороны Аспина».

Я уважал Гаррисона и был согласен с содержанием его письма, за исключением последнего пункта. Я никоим образом не мог и не должен был снимать с себя «ответственность». Я считал этот рейд ошибкой, поскольку то, что его провели днем, свидетельствовало о недооценке мощи и решимости сил Айдида и возможности потерять один или более вертолетов. Во время войны такой риск был бы приемлем, при выполнении миротворческой

миссии — нет, поскольку ценность трофея не стоила возможной опасности значительных потерь и конкретных последствий, из-за которых изменилось представление о нашей миссии как у сомалийцев, так и у американцев. Арест Айдида и его главных сподвижников, который не могли осуществить военнослужащие сил ООН, должен был считаться второстепенной задачей в ходе наших операций в Сомали, а не их главной целью. Это стоило сделать при нужных обстоятельствах, однако, когда я согласился с рекомендацией генерала Пауэлла, мне следовало сначала заручиться одобрением любых операций такого масштаба Пентагоном и Белым домом. Я, конечно же, не виню генерала Гаррисона, карьера которого несправедливо пострадала. Решение, которое он принял, учитывая полученные им инструкции, было вполне оправданным. Возможные более широкие последствия этой операции должны были учитывать руководители более высокого ранга.

В последующие недели я посетил нескольких раненых солдат в армейском госпитале Уолтера Рида и имел две трогательные встречи с семьями погибших военнослужащих. Во время одной из них мне задавали неприятные вопросы два переживавших огромное горе отца, Лэрри Джойс и Джим Смит, в прошлом — боец подразделения «Рейнджеры», потерявший ногу во время войны во Вьетнаме. Они хотели знать, за что погибли их сыновья и почему мы изменили курс. Когда я принял решение о посмертном награждении Почетной медалью Конгресса снайперов из подразделения «Дельта» Гэри Гордона и Рэнди Шугарта за героизм, который они проявили, пытаясь спасти Майка Дюрана и экипаж его вертолета, их семьи переживали тяжелое горе. Отец Шугарта был очень сердит на меня и сказал, что я не гожусь на роль Верховного главнокомандующего. Заплатив такую цену, он был волен говорить обо мне все что угодно. Я не знал, почему он так считает: потому ли, что я не служил во Вьетнаме, потому ли, что одобрил политику, которая привела к проведению этого рейда, или потому, что после событий 3 октября отказался возобновить действия с целью ареста Айдида. Как бы то ни было, я считал, что эмоциональные, политические или стратегические преимущества поимки или убийства Айдида не оправдали бы новых потерь или перехода ответственности за будущее Сомали от ООН к США.

После «Падения “Блэк хока”» во всех случаях, одобряя решения о развертывании войск, я гораздо больше знал о сопряженном с этим риске и гораздо четче разъяснял, какие операции должны быть одобрены в Вашингтоне. Уроки Сомали не прошли даром для военных стратегов, разработавших планы наших действий в Боснии, Косово, Афганистане и других «горячих точках» мира периода после холодной войны, когда Америку много раз просили вмешаться, чтобы остановить ужасающее насилие, слишком часто ожидая при этом, что такое вмешательство не будет сопровождаться потерями для нас, наших противников или ни в чем не повинных и случайно оказавшихся на месте событий мирных жителей. Необходимость решения сложных проблем, подобных возникшим в Сомали, на Гаити и в Боснии, вдохновила Тони Лэйка на одно из самых удачных его высказываний: «Иногда я действительно тоскую по холодной войне».

В течение остальной части октября я уделял много времени последствиям событий в Сомали и отражал попытки Конгресса ограничить мое право направлять американские войска на Гаити и в Боснию.

Двадцать шестого октября наконец-то наступил светлый момент — мы праздновали первый день рождения Хиллари в Белом доме. Это была вечеринка-карнавал с сюрпризами. Сотрудники Хиллари приготовили для нас костюмы Джеймса и Долли Мэдисон. Когда моя жена вернулась после долгого дня работы над реформой системы здравоохранения, ее отвели наверх, в совершенно темный Белый дом, чтобы показать приготовленный для нее костюм. Хиллари спустилась вниз в платье с кринолином и в парике и выглядела просто прекрасно. На мне были белый парик и трико колониальных времен. Некоторые сотрудницы Хиллари оделись так, как выглядела она сама в разных ситуациях, с разными прическами и в разных ролях: то «проталкивающей» реформы здравоохранения, то готовившей чай с печеньем. Поскольку волосы у меня уже начинали седеть, парик на мне смотрелся хорошо, но в трико я выглядел смешным.

На следующий день, уже в обычной одежде, мы с Хиллари лично представили Конгрессу наш законопроект о реформе системы здравоохранения. Хиллари в течение нескольких недель информировала о нем членов Конгресса от обеих партий и получала восторженные отзывы. Многие республиканцы в Палате представителей дали высокую оценку нашим усилиям, а сенатор от Род-Айленда Джон Чейфи, представлявший в Сенате республиканцев, заявил, что, хотя он не согласен с отдельными элементами нашего плана, но считает, что общими усилиями мы сможем успешно выработать компромисс. Я начинал верить, что мы, возможно, сумеем провести честное обсуждение, благодаря которому удастся принять решение о введении всеобщего медицинского страхования.

Наши критики смаковали объем этого документа, занимавшего 1342 страницы, хотя Конгресс ежегодно принимает законопроекты, посвященные менее глубоким и сложным вопросам, в которых содержится более тысячи страниц. Кроме того, благодаря нашему закону могли бы быть отменены законы и правила, занимавшие гораздо больше страниц, чем в него предлагалось добавить. В Вашингтоне об этом знали все, чего нельзя было сказать обо всем американском народе. Пространность этого законопроекта повысила убедительность и без того эффектных роликов с критикой этой программы, которые запустили в эфир компании, занимавшиеся медицинским страхованием. В этих роликах два актера, игравшие обычную супружескую пару, Гарри и Луизу, устало высказывали опасение, что правительство намеревается «заставить нас выбирать из нескольких программ здравоохранения, разработанных государственными чиновниками». Эти ролики вво-

дили в заблуждение, однако были сделаны очень умно, и их смотрели многие. По существу, бюрократические издержки страховых компаний были одной из важных причин, по которым американцам приходилось больше платить за медицинское обслуживание, однако они, тем не менее, не имели универсального страхования, которое граждане других процветающих стран рассматривали как нечто само собой разумеющееся. Страховые компании хотели сохранить прибыли, обеспечиваемые неэффективной и нечестной системой, и лучшим способом добиться этой цели было сыграть на хорошо известном скептицизме американцев в отношении любых масштабных действий правительства.

В начале ноября *Congressional Quarterly** сообщило, что я добился в отношениях с Конгрессом большего успеха, чем любой другой президент в первый год пребывания на этом посту, после президента Эйзенхауэра в 1953 году. Мы обеспечили принятие экономической программы, сократили бюджет, выполнили многие мои предвыборные обещания, включая обязательства об увеличении налогового кредита на заработанный доход, о создании зон развития, о снижении налога на прирост капитала для малого бизнеса, инициативу в отношении детской иммиграции и реформу займов для студентов. Конгресс также одобрил решение о национальной службе, комплексную программу помощи России, законы об «автоизбирателях» и об отпуске по семейным обстоятельствам. Обе палаты Конгресса приняли варианты моего законопроекта о борьбе с преступностью, предусматривавшего начало финансирования 100 тысяч муниципальных полицейских в соответствии с моим обещанием, данным во время предвыборной кампании. В экономике уже появилось больше рабочих мест в частном секторе, чем за предыдущие четыре года. Процентные ставки были по-прежнему низкими, но инвестиции увеличились.

Заклинание, которое повторял Ал Гор во время предвыборной кампании, сбывалось. Теперь все, что должно было повыситься, повысилось, а все, что должно было понизиться, понизилось, при одном большом исключении: несмотря на эти успехи, мой рейтинг все еще оставался невысоким. 7 ноября, в ходе специального интервью в программе «Встреча с прессой», которое я дал Тиму Рассерту и Тому Брокоу в сорок шестую годовщину этого шоу, Рассерт задал мне вопрос, почему снизился рейтинг моей популярности. Я ответил, что не знаю, хотя у меня было несколько идей на этот счет.

За несколько дней до этого я зачитал список наших достижений группе арканзасцев, которые приехали, чтобы побывать в Белом доме. Когда я закончил, один из жителей моего родного штата сказал: «Должно быть, существовал заговор, чтобы держать все это в секрете; мы ни о чем таком не слышали». Отчасти в этом была моя вина, поскольку, едва закончив решение одной задачи, я сразу же переходил к следующей, не уделяя внимания тому, чтобы информация о достигнутых мною успехах находила отражение

---

* *Congressional Quarterly* — официальное ежеквартальное издание Конгресса США, содержащее информацию о деятельности Палаты представителей и Сената, сведения о расстановке политических сил и т.д. — *Прим. ред.*

в средствах массовой информации. В политике, если вы не занимаетесь саморекламой, люди могут ничего не узнать о ваших достижениях. Частично проблема возникла из-за постоянных кризисов, таких, как на Гаити и в Сомали, а частично дело было в характере освещения моей деятельности в прессе. История со стрижкой, ситуация с отделом поездов, а также сообщения о сотрудниках Белого дома и нашем процессе принятия решений, на мой взгляд, либо подавались в искаженном виде, либо преувеличивались.

Общенациональный опрос общественного мнения, проведенный несколькими месяцами ранее, показал, что негативное освещение моей деятельности в прессе было необычно интенсивным. Я считал это отчасти своей виной, так как в самом начале неправильно построил свои отношения со СМИ, а может быть, пресса, которую так часто называли либеральной, была в действительности более консервативной, чем я, по меньшей мере, когда дело доходило до изменения методов работы в Вашингтоне. Безусловно, у журналистов было другое представление о том, что действительно важно. Кроме того, большинство людей, писавших обо мне, были молоды, старались сделать карьеру в условиях круглосуточного освещения событий, когда каждая история должна была иметь политический аспект, и позитивная информация не добавляла им престижа в глазах коллег. Это было почти неизбежно, поскольку печатные и сетевые средства массовой информации работали в условиях возраставшей конкуренции со стороны кабельного телевидения, а различия между традиционными печатными изданиями, бульварной прессой, узкопартийными газетами и журналами и политическими ток-шоу на радио и телевидении все больше стирались.

В значительной степени тот факт, что рейтинг моей популярности был ниже, чем того заслуживала моя деятельность, объяснялся поступками республиканцев: они были эффективны в своих постоянных нападках и негативной оценке реформы системы здравоохранения и наших экономических планов, к тому же с максимальной для себя выгодой использовали большинство моих ошибок. Уже после моего избрания на пост президента республиканцы одержали победу на специальных выборах в Сенат США в штатах Техас и Джорджия, на выборах губернаторов штатов Вирджиния и Нью-Джерси и на выборах мэров Нью-Йорка и Лос-Анджелеса. В каждой из этих ситуаций результаты голосования определялись имевшими решающее значение местными факторами, однако мое избрание на пост президента явно не оказывало позитивного влияния. Люди пока не ощутили, что положение в экономике улучшилась, и старая риторика, построенная на осуждении повышения налогов и действий правительства, все еще имела большое значение. И, наконец, некоторые принимавшиеся нами меры, которые должны были помочь миллионам американцев, оказывались либо слишком сложными для их понимания, как, например, налоговый кредит на заработанный доход, либо слишком спорными, чтобы не повредить в политическом плане, даже когда эта политика оказывалась удачной.

Ноябрь продемонстрировал два примера как успешной, так и сомнительной политики. После того как Ал Гор нанес очевидное поражение Россу Перо

на теледебатах по НАФТА, которые смотрела массовая аудитория, этот законопроект был принят Палатой представителей 234 голосами против 200. Через три дня он был утвержден Сенатом 61 голосом против 38. Марк Гиран сообщил прессе, что мы с Алом поговорили по телефону или встретились с двумястами членами Конгресса, а члены кабинета провели 900 телефонных разговоров. Помог также президент Картер, который в течение недели постоянно звонил конгрессменам. Нам также было необходимо достичь договоренностей по широкому кругу вопросов; лоббистская кампания в поддержку НАФТА походила на процесс производства колбасы еще больше, чем борьба вокруг бюджета. Билл Дейли и вся наша команда одержали для Америки большую экономическую и политическую победу, однако, как и утверждение бюджета, она досталась дорогой ценой, поскольку привела к расколу среди представителей демократической партии в Конгрессе и вызвала недовольство многих из наших наиболее активных сторонников в профсоюзном движении.

В ноябре, после того как республиканцы в Сенате отказались от тактики «флибустьерства» во время голосования, инспирированной Национальной стрелковой ассоциацией, был также принят закон Брейди. Я подписал его в присутствии Джима и Сары Брейди. С тех пор, как Джон Хинкли-младший ранил Джима во время покушения на жизнь президента Рейгана, он и его жена вели активную кампанию за принятие разумных законов о торговле оружием, способных обеспечить безопасность людей. Они в течение семи лет добивались принятия закона, предусматривавшего введение срока ожидания при приобретении всех видов легкого огнестрельного оружия, чтобы можно было проверить анкетные данные покупателя на предмет выявления совершенных ранее преступлений или душевных болезней. Президент Буш наложил вето на предыдущую версию законопроекта Брейди из-за активной оппозиции Национальной стрелковой ассоциации, заявившей, что он якобы ущемляет конституционное право граждан хранить и носить оружие. Национальная стрелковая ассоциация считала даже краткий срок ожидания неприемлемым бременем для легитимных покупателей оружия и объявила, что мы могли бы добиться аналогичного результата, ужесточив наказание за его незаконное приобретение. Большинство американцев поддерживали законопроект Брейди, но после его принятия он перестал быть фактором, влиявшим на их позицию на выборах. Национальная стрелковая ассоциация, напротив, была полна решимости добиться поражения на выборах в Конгресс как можно большего числа его членов, голосовавших наперекор ее позиции. К тому времени, когда я ушел с поста президента, в результате проверок анкетных данных покупателей, проведенных на основании закона Брейди, удалось предотвратить продажу огнестрельного оружия более чем 600 тысячам преступников, лицам, находившимся в бегах, или тем, кто кого-то преследовал. Это спасло бесчисленное число жизней. Однако в результате многие из тех, у кого хватило смелости проголосовать за законопроект Брейди, так же, как ранее за бюджет, подверглись ожесточенным нападениям, которые оказались достаточно эффективными для того, чтобы некоторые конгрессмены лишились своих постов.

Не все мои позитивные свершения вызывали споры. 16 ноября я подписал закон «О восстановлении религиозных свобод», целью которого была защита религиозных проявлений в общественных учреждениях, в частности в школах и на рабочих местах. Целью этого закона было отменить решение, принятое в 1990 году Верховным судом, на основании которого штатам предоставлялось больше полномочий в регулировании религиозных проявлений в таких местах. В Америке очень много истинно верующих людей, принадлежащих к самым разным конфессиям. Я считал, что этот закон обеспечит необходимое равновесие между защитой их прав и потребностью в соблюдении общественного порядка. Его инициаторами в Сенате стали Тед Кеннеди и республиканец Оррин Хэтч от штата Юта, и он был утвержден 97 голосами против 3. В Палате представителей закон приняли путем опроса участвовавших в голосовании. Хотя впоследствии Верховный суд отменил его, я убежден, что это был важный и нужный законодательный акт.

Я всегда считал защиту религиозных свобод и открытие представителям всех конфессий доступа в Белый дом важной частью своей деятельности и поручил одному из сотрудников отдела Белого дома по связям с общественностью поддерживать контакты с религиозными общинами. Я посещал все Национальные молитвенные завтраки, которые проводятся ежегодно в день начала работы Конгресса после каникул, выступал там и оставался с собравшимися в течение всего времени проведения этого мероприятия, чтобы иметь возможность пообщаться с людьми, представляющими те или иные политические партии, принадлежавшими к разным конфессиям, которые пришли, чтобы обратиться к Богу с молитвой и просьбой направить нас на путь истинный в нашей работе. И каждый год, когда Конгресс возобновлял свою деятельность после августовских каникул, я устраивал завтрак для представителей разных конфессий в Государственной столовой Белого дома, что давало мне возможность узнать, что беспокоит лидеров религиозных общин, а также поделиться с ними своими тревогами. Мне хотелось, чтобы между нами существовал постоянный контакт, даже с теми, кто был со мною не согласен. Я хотел сотрудничать с ними, насколько это было возможно, в решении социальных вопросов, стоящих перед нашей страной, и гуманитарных проблем во всем мире.

Я безусловный сторонник отделения церкви от государства, но в то же время считаю, что оба этих института вносят неоспоримый вклад в обеспечение мощи нашей страны и что иногда они могут вместе работать для общего блага, не нарушая Конституцию. Государство, по определению, несовершенно. Оно действует методом проб и ошибок и всегда находится в поиске, а вера обращена к внутреннему миру человека, к его поискам истины и способности его духа к глубоким переменам и развитию. Государственные программы не дают значительного эффекта в условиях культуры, где девальвированы такие ценности, как семья, работа и взаимное уважение. Трудно жить, имея веру и не выполняя библейских заповедей о том, что нужно заботиться о бедных и униженных и «возлюбить ближнего своего, как самого себя».

Я думал о роли веры в общественной жизни нашей страны, когда в середине ноября отправился в Мемфис, чтобы выступить на собрании верующих из Церкви Бога во Христе — в «Мейсон Темпл-Черч». В последнее время в печати появился ряд сообщений об усилении насилия, жертвами которого становились дети в афроамериканских кварталах, и я хотел обсудить со священнослужителями и с мирянами вопрос, что мы можем сделать, чтобы положить этому конец. Безусловно, потеря работы людьми в наших гетто, распад семей, проблемы в школах и усиление зависимости от социальных пособий, рождение внебрачных детей и насилие явно были следствием влияния экономических и социальных факторов. Однако сочетание этих трудностей, приводившее к самым негативным последствиям, создало культуру, принимавшую насилие, отсутствие работы и неполные семьи как норму, и я был убежден, что правительство не сможет ее изменить только своими силами. Многие церкви чернокожих начинали заниматься этими проблемами, и я хотел призвать их активизировать работу в этом направлении.

В Мемфисе я оказался среди друзей. Церковь Бога во Христе — конфессия афроамериканцев, численность которой быстро растет. Название церкви в Литл-Роке было ниспослано свыше ее основателю, Чарльзу Гаррисону Мейсону, на том месте, где два года назад я участвовал в установлении мемориальной доски в его честь. Вдова Мейсона в тот день тоже находилась в церкви. Председательствовавший на собрании епископ Луис Форд из Чикаго сыграл важную роль во время президентской предвыборной кампании.

Церковь «Мейсон Темпл» занимает особое место в истории защиты гражданских прав. Мартин Лютер Кинг-младший выступил здесь со своей последней проповедью в тот самый вечер, когда он был убит. Я напомнил о Кинге и о его поразительном пророчестве, что жить ему, возможно, осталось совсем недолго, чтобы призвать моих друзей честно проанализировать «серьезный кризис духовной жизни в сегодняшней Америке».

После этого я отложил свои записи и произнес речь, которую многие комментаторы впоследствии назвали лучшей за все восемь лет моего пребывания на посту президента. Я обратился к друзьям от всего сердца на языке нашего общего наследия:

Если бы Мартин Лютер Кинг появился сегодня здесь, рядом со мной, и дал оценку прошедшим двадцати пяти годам, что бы он сказал? Вы хорошо поработали, сказал бы он, голосуя и избирая людей, которые раньше не могли быть избраны из-за цвета их кожи... Вы хорошо поработали, сказал бы он, позволив людям жить, где они хотят, если у них есть такая возможность, и отправляться, куда им захочется, в этой огромной стране... Он сказал бы: вы хорошо поработали, создав средний класс чернокожих... и предоставив им благоприятные возможности.

Однако, сказал бы он, я жил и умер не для того, чтобы разрушались американские семьи. Я жил и умер не для того, чтобы тринадцатилетние мальчики брали в руки автоматическое оружие и забавы ради убивали девятилетних детей. Я жил и умер не для того, чтобы молодые люди разрушали свою жизнь наркотиками, а затем наживали состояния, разрушая

жизнь других. Я пришел в этот мир не для этого. Я боролся за свободу, сказал бы он, но не за свободу людей безрассудно и ни о чем не задумываясь убивать друг друга, не за свободу детей рожать других детей и не за то, чтобы отцы этих детей уходили от них, оставляя их на произвол судьбы, как будто они ничего для них не значат. Я боролся за то, чтобы люди имели право на работу, но не за то, чтобы целые общины и конкретные люди были брошены на произвол судьбы. Я жил и умер не для этого.

Я боролся не за право чернокожих людей безответственно и безрассудно убивать других чернокожих.

Есть изменения, которые мы можем воплощать в жизнь таким образом, что наши действия будут направлены снаружи вовнутрь. Это работа президента, Конгресса, губернаторов, мэров и учреждений социального обеспечения. А есть изменения, которые происходят внутри нас, а потом выходят наружу. Иначе те, другие, не будут иметь никакого смысла... Порой то, что направлено снаружи вовнутрь, не получает никакого отклика; иногда все ответы должны быть получены на основе нашего представления о ценностях, нашей активной деятельности и голосов, которые звучат внутри нас... Когда нет семей, когда нет порядка, когда нет надежды, кто сможет обеспечить реальную власть, дисциплину и дать любовь этим детям? Это должны сделать вы, а мы должны помочь вам.

Поэтому позвольте мне в этот день попросить вас с этой кафедры, чтобы вы от всего сердца сказали самим себе: мы будем чтить жизнь и деятельность Мартина Лютера Кинга... С Божьей помощью мы как-нибудь изменим все это. Мы дадим детям будущее. Мы отнимем у них оружие и вручим им книги. Мы исцелим их от отчаяния и подарим им надежду. Мы перестроим семьи, кварталы и общины. Мы не допустим, чтобы вся работа, проделанная здесь, была на благо лишь немногим. И мы сделаем все это вместе, с Божьей помощью.

Выступление в Мемфисе было хвалебным гимном государственной философии, основанной на моих личных религиозных ценностях. Слишком многое распадалось, и я пытался соединить все это воедино.

Девятнадцатого и двадцатого ноября я снова занялся этой работой, вылетев в Сиэтл на первое в истории совещание Организации азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). До 1993 года АТЭС была форумом для обсуждения министрами финансов экономических проблем. Я предложил, чтобы каждый год руководители входивших в эту организацию стран встречались для обсуждения вопросов, представляющих общий интерес, и хотел использовать нашу первую встречу на острове Блейк, у самого побережья Сиэтла, в трех целях: для создания зоны свободной торговли, распространяющейся на американский континент и страны азиатско-тихоокеанского региона; для неофициального обсуждения политических проблем и вопросов безопасности и для формирования навыков сотрудничества, которое в XXI веке, безусловно, будет иметь еще большее значение, чем когда бы то ни было. На долю стран азиатско-тихоокеанского региона приходилась

половина объема производства продукции в мире, и там существовали некоторые из наиболее трудно решаемых политических проблем и вопросов безопасности. Ранее США никогда не проводили в отношении стран этого региона такую всеобъемлющую политику, какой мы придерживались во взаимоотношениях с Европой. Я полагал, что время для этого настало.

Мне было очень приятно общаться с новым премьер-министром Японии Морихиро Хосокавой, реформатором, лишившим либерально-демократическую партию монополии на власть и продолжавшим проводить открытую экономическую политику. Я был рад также возможности подробно побеседовать в более неофициальной обстановке с председателем Китая Цзян Цзэмином. Между нами по-прежнему существовали разногласия по проблемам прав человека, Тибета и экономики, однако мы оба были заинтересованы в установлении отношений, ориентированных не на изоляцию, а на интеграцию Китая в мировое сообщество. И Цзян Цзэминь, и Хосокава разделяли мою обеспокоенность по поводу угрозы кризиса, который может произойти из-за позиции Северной Кореи. Она, судя по всему, решила стать ядерной державой; я стремился этого не допустить, для чего мне понадобится их помощь.

Вернувшись в Вашингтон, мы с Хиллари устроили наш первый официальный обед в честь президента Южной Кореи Ким Янг Сэма. Мне всегда нравились официальные государственные визиты. Это были мероприятия, проходившие в Белом доме с наибольшим количеством ритуалов, начиная с официальной церемонии встречи. Мы с Хиллари обычно стояли у Южной галереи, чтобы приветствовать наших гостей в тот момент, когда они будут подъезжать к Белому дому. Поприветствовав их, мы выходили на Южную лужайку для краткого приема, затем прибывший с визитом высокий гость и я выходили вперед, оказываясь перед впечатляющим строем мужчин и женщин в военной форме, представляющих наши вооруженные силы. Военный оркестр исполнял государственные гимны обеих стран, после чего гость в моем сопровождении проводил смотр почетного караула. Затем мы возвращались на сцену, чтобы выступить с короткими речами, часто останавливаясь по пути, чтобы поприветствовать собравшихся школьников, граждан государства, откуда прибыл гость, живущих в США, а также американцев, имевших корни в этой стране.

Перед официальным обедом мы с Хиллари обычно устраивали небольшой прием для прибывшей с визитом делегации в Желтом овальном кабинете, на этаже, где находилась наша резиденция. Вместе с нами иностранных гостей принимали Ал и Типпер, госсекретарь, министр обороны и некоторые другие должностные лица. После приема военный почетный караул, состоявший из одного мужчины или женщины от каждого вида вооруженных сил, сопровождал нас вниз по лестнице, вдоль которой на стенах висели портреты моих предшественников, к цепочке встречающих. Во время обеда, который обычно проходил в Государственной столовой (обеда для больших делегаций проводились в Восточном зале или на воздухе под тентом) нас развлекал оркестр Корпуса морской пехоты США или оркестр ВВС; я всегда испытывал большую радость, когда музыканты входили в зал. После обеда

мы слушали музыку, которая часто подбиралась в соответствии со вкусом нашего гостя. Например, Вацлав Гавел любил слушать Лу Рида, агрессивная музыка которого вдохновляла сторонников Гавела, участвовавших в «бархатной революции» в Чехословакии. Я использовал любую возможность, чтобы приглашать в Белый дом музыкантов, исполнявших произведения самого разного стиля. На протяжении ряда лет у нас выступали Earth, Wind and Fire, Йо Йо Ма, Пласидо Доминго, Джесси Норман и многие другие исполнители классической и джазовой музыки, блюза и духовных песнопений чернокожих американцев, а также музыканты с Бродвея и танцовщики, представляющие несколько школ. Концерты мы обычно устраивали в зале, куда можно было пригласить больше гостей, чем на обед. После концерта все, кто хотел остаться, возвращались в фойе Белого дома, чтобы потанцевать. Обычно почетные гости уставали и вскоре отбывали в Блэр-хаус — официальную резиденцию для гостей. Мы с Хиллари, как правило, танцевали один или два танца, а затем поднимались наверх, в то время как любители развлечений оставались еще примерно на час.

В конце ноября я участвовал в традиционном ежегодном мероприятии, восходящем к временам президента Кулиджа, — «помилowaniu индюшки» в День Благодарения, после чего мы с Хиллари и Челси отбыли на долгий уикенд в Кэмп-Дэвид. Мне было чему радоваться. Рейтинг моей популярности снова повысился, и компания American Airlines объявила об урегулировании и прекращении начавшейся пять дней назад забастовки, которая могла нанести большой ущерб экономике страны. Дело удалось урегулировать при активном и искусном участии Брюса Линдси. Я был рад, что мои сограждане смогут вылететь домой на праздник.

Проведение Дня Благодарения в Кэмп-Дэвиде стало ежегодной традицией для наших семей и нескольких друзей. В этот день мы всегда обедали в «Лореле» — самом большом коттедже в Кэмп-Дэвиде, где были большая столовая и конференц-зал, просторное помещение с камином и телевизором, а также мой личный кабинет. Подойдя к столовой, мы приветствовали работавший в коттедже персонал, который состоял из военнослужащих ВМС и морской пехоты, а также их семьи. По вечерам мы обычно смотрели фильмы и играли в боулинг. По меньшей мере один раз за уикенд, какой бы холодной и дождливой ни была погода, мы с братьями Хиллари и Роджером обычно играли в гольф с любым другим желающим, достаточно смелым, чтобы отправиться вместе с нами. Как это ни странно, Дик Келли всегда играл с нами в гольф, хотя в 1993 году ему уже было почти семьдесят лет.

Мне нравились все наши уикенды в Кэмп-Дэвиде в честь Дня Благодарения, однако первый был особым, так как оказался последним для мамы. К концу ноября ее раковая опухоль разрослась, произошла контаминация кровотока, и ей приходилось каждый день подвергаться процедуре переливания крови, чтобы оставаться в живых. Я не знал, сколько еще времени она продержится, но благодаря этим переливаниям она приобрела обманчиво здоровый вид. Мама была преисполнена решимости жить каждый день полной жизнью, с удовольствием смотрела футбол по телевизору, наслаждалась едой и вместе с молодыми военнослужащими, мужчинами и женщинами,

посещала бар в Кэмп-Дэвиде. Мама не хотела говорить только об одном — о смерти. Она была слишком полна жизни, чтобы обсуждать эту тему.

Четвертого декабря я снова отбыл в Калифорнию, чтобы провести экономический саммит, посвященный проблемам, по-прежнему стоящим перед этим штатом, а также встретился в штаб-квартире Агентства творческих работников с большой группой представителей индустрии развлечений и обратился к ним с просьбой стать моими партнерами в борьбе за уменьшение в средствах массовой информации потока сообщений о насилии, обращенных к молодежи, а также против агрессивных нападок выразителей культуры насилия на такие ценности, как семья и работа. В течение следующих двух недель я выполнил два своих обещания, данных во время борьбы за принятие бюджета: посетил округ, который представляла Мэрджори Марголис-Мезвински, где состоялась конференция, посвященная праву на получение социальной помощи, и назначил Боба Керри сопредседателем (вместе с сенатором Джоном Дэнфортом от штата Миссури) комиссии по изучению вопросов социального страхования и т.п.

Пятнадцатого декабря я приветствовал совместную декларацию британского премьер-министра Джона Мейджора и премьер-министра Ирландии Альберта Рейнольдса, предлагавшую основу для мирного урегулирования сложной проблемы Северной Ирландии. Это был чудесный рождественский подарок, и я надеялся, что он даст мне возможность принять участие в решении проблемы, которая меня впервые заинтересовала, когда я еще был студентом Оксфордского университета. В тот же день я назначил своего старого друга со времен работы на Макговерна, Джона Холэма, руководителем Агентства по контролю над вооружениями и по разоружению и использовал эту возможность, чтобы привлечь внимание к моей программе борьбы с распространением оружия массового уничтожения, предусматривавшей заключение договора о всеобщем и полном прекращении испытаний ядерного оружия, бессрочное продление Договора о нераспространении ядерного оружия, срок действия которого заканчивался в 1995 году, и полномасштабное финансирование программы Нанна — Лугара по обеспечению надежного хранения и уничтожения ядерного оружия и ядерных материалов в России.

Двадцатого декабря я подписал законопроект, который был особенно важен для меня и Хиллари. Национальный «Закон о защите детей» предусматривал, что любое детское учреждение может использовать государственную информационную базу для проверки анкетных данных любого претендента на получение работы. Это была идея писателя Эндрю Вахсса, возникшая как реакция на рассказы о детях, подвергавшихся ужасающе жестокому обращению в детских садах и яслях. Большинство родителей должны были работать, и поэтому им приходилось оставлять своих детей-дошкольников в детских учреждениях. Они имели право на уверенность в том, что их дети находятся в безопасности и что с ними хорошо обращаются.

Рождественские праздники дали нам с Хиллари возможность дважды посмотреть выступления Челси: в «Щелкунчике» вместе с Вашингтонской балетной труппой, куда она ежедневно ходила заниматься после школы,

и в рождественском представлении, которое было организовано в выбранной нами Объединенной методистской церкви «Фаундри» на Шестнадцатой улице, неподалеку от Белого дома. Нам нравился настоятель этой церкви Фил Уогаман и то, что в нее ходили люди, принадлежавшие к различным расам и культурам, имевшие неодинаковые доходы и придерживающиеся разных политических взглядов. Кроме того, здесь открыто принимали гомосексуалистов.

На Рождество Белый дом преобразуется. Каждый год в имеющем овальную форму Голубом зале на главном этаже ставят большую рождественскую елку. Ее, как и все другие елки в открытых для посещения залах, наряжают в соответствии с темой года. Хиллари решила, что темой нашего первого Рождества в Белом доме будут ремесла Америки. Мастерские со всей страны прислали нам рождественские елочные игрушки и другие работы из стекла, дерева и металла. На каждое Рождество в Государственной столовой устанавливается огромный имбирный пряник в виде Белого дома, который особенно нравится детям. В 1993 году на рождественские праздники Белый дом посетили около 150 тысяч человек, которые хотели посмотреть на его праздничное убранство.

У нас была еще одна большая елка в Желтом овальном кабинете, находившемся на том же этаже, что и жилые помещения, и мы украсили ее игрушками, которые собирали вместе с Хиллари начиная с первого Рождества, проведенного вместе. По традиции, большинство игрушек на елку вешали мы с Челси, поскольку делали это всегда с тех пор, как она достаточно подросла. Между Днем Благодарения и Рождеством мы устроили множество приемов и вечеринок для членов Конгресса, представителей прессы, Секретной службы, персонала резиденции, сотрудников Белого дома и членов кабинета, других должностных лиц администрации и наших сторонников со всей страны, для членов семьи и друзей. Нам с Хиллари приходилось часами стоять, приветствуя людей и фотографируясь с ними, а в Белом доме в это время выступали хоры и другие музыкальные группы со всей Америки. Это был утомительный, но приятный способ выразить признательность людям, благодаря которым наша работа стала возможной, а наша жизнь — богаче.

Первое Рождество в Белом доме было особенно важным для меня, потому что я знал, что, как и наш первый День Благодарения в Кэмп-Дэвиде, оно почти наверняка будет последним, проведенным вместе с мамой. Мы убедили ее и Дика провести с нами неделю, и она согласилась лишь после того, как я обещал, что вовремя отвезу ее домой, чтобы успеть подготовиться к отъезду в Лас-Вегас на широко разрекламированный концерт Барбры Стрейзанд в новогоднюю ночь. Барбра очень хотела, чтобы она побывала на этом концерте, и мама решила поехать. Она любила Барбру, и, по ее мнению, Лас-Вегас был самым близким к небесам местом на земле. Я не знаю, что бы она сделала, если бы оказалось, что в загробной жизни нет азартных игр или экстравагантных развлечений.

В то время как мы наслаждались Рождеством, снова возник вопрос о деле «Уайтуотер». В течение нескольких предыдущих недель газеты *Washington*

Post и *New York Times* охотились за слухами, что Джиму Макдугалу, возможно, снова будет предъявлено обвинение. В 1990 году он предстал перед судом в связи с банкротством *Madison Guaranty* и был оправдан. По-видимому, *Resolution Trust Corporation* занималась расследованием с целью выяснить, делал ли Макдугал незаконные пожертвования для кампаний политиков, включая мою. Во время предвыборной кампании нами был подготовлен доклад, который доказывал, что, вложив деньги в предприятие Макдугала, мы с Хиллари понесли убытки. Сведения о пожертвованиях на мою предвыборную кампанию были официально зафиксированы, и ни я, ни Хиллари никогда не получали займов от *Madison*. Я понимал, что все дело «Уайтуотер» — не более чем попытка дискредитировать меня и помешать мне служить своей стране.

Тем не менее мы с Хиллари решили пригласить адвоката. Дэвид Кендалл учился вместе с нами на юридическом факультете Йельского университета. Он представлял интересы клиентов в делах о сбережениях и займах и знал, как организовать и объединить сложные и казавшиеся не связанными друг с другом материалы. За его скромными манерами квакера скрывались острый ум и готовность бороться с несправедливостью. В 1964 году в штате Миссисипи во время проведения акции «Лето свободы» Дэвид был заключен в тюрьму за свою деятельность в защиту гражданских прав; он также выступал в качестве адвоката защиты обвиняемых, которым грозила смертная казнь, от имени Фонда правовой защиты Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения. А самое главное, Дэвид Кендалл был замечательным человеком, который благодаря своей внутренней силе, здравому смыслу и большому чувству юмора поможет нам в предстоящие годы пережить самые трудные моменты нашей жизни.

Восемнадцатого декабря Кендалл сообщил нам, что ежемесячный журнал правого толка *American Spectator* собирается опубликовать статью Дэвида Брока, в которой говорится о том, что четверо полицейских из штата Арканзас утверждают, что, когда я был губернатором, они «поставляли» мне женщин. Только двое из этих полицейских согласились дать интервью телекомпании CNN, но и их голословные обвинения можно было легко опровергнуть. Кроме того, у этих двух полицейских существовали проблемы с репутацией, не связанные с выдвигавшимися против меня обвинениями: проводилось расследование в связи с мошенничеством со страховкой, в котором фигурировал принадлежавший штату автомобиль, разбитый ими в 1990 году. Впоследствии Дэвид Брок извинился передо мною и Хиллари за эту статью. Если вы хотите узнать подробности этого дела, прочитайте его смелые мемуары «Ослепленные правыми» (*Blinded by the Right*), в которых он рассказал об активнейших усилиях, предпринимавшихся для моей дискредитации богатыми политиками правого толка, имевшими связи с Ньютом Гингричем и некоторыми моими противниками в Арканзасе. Брок признал, что он позволил использовать себя в клеветнических целях людям, которым было неважно, соответствует действительности компрометирующая меня информация, за которую они заплатили, или нет.

История, рассказанная этими полицейскими, была нелепой, но она причинила нам боль. Все это очень огорчило Хиллари, поскольку она надеялась, что после завершения предвыборной кампании подобные проблемы остались позади. Теперь она понимала, что это, возможно, никогда не кончится. В тот момент ничего не оставалось делать, как продолжать работать и надеяться, что вся эта история в конце концов забудется. Однажды вечером, когда шумиха была еще в полном разгаре, мы посетили Центр сценических искусств Джона Кеннеди, где исполнялась оратория «Мессия» Генделя. Когда мы с Хиллари появились в президентской ложе на балконе, все зрители, присутствовавшие в этом большом зале, встали и зааплодировали. Нас растрогал этот стихийный и добрый порыв. Я полностью не осознавал, насколько был огорчен, пока не ощутил, что мои глаза наполнились слезами благодарности.

После незабываемой рождественской недели мы с Хиллари и Челси вылетели в Арканзас, чтобы проводить туда маму и Дика. Хиллари и Челси остановились в Литл-Роке у Дороти, а я на машине отвез маму и Дика в Хот-Спрингс. Мы все пообедали с несколькими моими школьными друзьями в пиццерии Рокки — одном из любимых мест моей мамы, находящемся прямо напротив ипподрома. После обеда мама и Дик пожелали отдохнуть, поэтому я отвез их домой, а потом поиграл в боулинг со своими друзьями, после чего мы все вместе отправились в маленький домик на озере Гамильтон, где играли в карты и разговаривали до самого утра.

На следующий день мы с мамой пили вдвоем кофе во время нашей, как оказалось, последней встречи. Она, как всегда, была настроена оптимистично. По ее словам, история с полицейскими появилась именно в тот момент только потому, что за последний месяц рейтинг моей популярности снова повысился до самого высокого уровня с момента моей инаугурации. Потом мама, засмеявшись, заметила, что, разумеется, двое полицейских «не самые лучшие люди на свете», но она конечно же хочет, чтобы эти ребята нашли какой-нибудь другой способ зарабатывать себе на жизнь.

На какой-то момент я заставил ее вспомнить о том, что песок в песочных часах кончается. Мама работала над своими мемуарами с отличным помощником из Арканзаса Джеймсом Морганом и записала рассказ о своей жизни на магнитофонную пленку, однако некоторые главы находились еще в стадии разработки. Я спросил, что, по ее мнению, нужно будет делать, если она не сможет их завершить. Мама, улыбнувшись, ответила: «Конечно же, их закончишь ты». Я спросил: «Какие будут для меня инструкции?» Она ответила, что мне нужно будет проверить факты, кое-что изменить, если это не соответствует действительности, и подчистить места, требующие уточнения. «Но я хочу, чтобы это была моя история, рассказанная моими словами, поэтому не меняй в ней ничего, за исключением тех случаев, когда тебе покажется, что я была слишком сурова к человеку, который еще жив». После этого она вернулась к обсуждению политики и своей поездки в Лас-Вегас.

Позднее в тот же день, поцеловав на прощание маму, я поехал на автомобиле в Литл-Рок, чтобы забрать Хиллари и Челси. Потом мы вылетели

в Фейетвилл, чтобы увидеть, как самая лучшая команда Арканзаса, «Рейзорбэкс», играет в баскетбол, а затем отправились с нашими друзьями, Джимом и Дайан Блэр, на «Ренессансный уикенд». После до отказа наполненного событиями года, изобиловавшего взлетами и падениями, было очень приятно провести несколько дней со старыми друзьями. Я гулял по пляжу, играл в американский футбол с детьми и в гольф со своими друзьями и наслаждался обществом приятных мне людей.

Однако мои мысли постоянно возвращались к маме. Она была просто чудо и в свои семьдесят лет все еще оставалась красивой женщиной, даже после мастэктомии и химиотерапии, в результате чего у нее полностью выпали волосы и ей приходилось носить парик, и несмотря на ежедневные переливания крови, которые были способны уложить в постель большинство людей. Мама заканчивала свою жизнь так же, как прожила ее, — с воодушевлением, благославляя минуты счастья, не испытывая ни капли жалости к себе, несмотря на боль и тяжелую болезнь, и готовая к приключениям каждого нового дня, который ей дано прожить. Она чувствовала облегчение от того, что жизнь Роджера вошла в нормальное русло, и была убеждена, что я справляюсь со своей работой. Мама хотела бы прожить сто лет, однако ее время кончалось; значит, так тому и быть. Она примирилась с волей Божьей. Он мог бы призвать ее к себе, однако при этом Ему придется поймать ее на бегу.

Одним из самых тяжелых в моей жизни был 1994 год, когда важные успехи во внешней и внутренней политике были омрачены провалом реформы здравоохранения и постоянными мыслями о сфабрикованном скандале. Этот год начался с большого личного горя и закончился политической катастрофой. Вечером 5 января мама позвонила мне в Белый дом. Она только что вернулась домой из поездки в Лас-Вегас. Я рассказал ей, что в течение нескольких дней звонил в ее номер в отеле и ни разу не застал. Засмеявшись, мама ответила, что ее днем и ночью не было в номере; она прекрасно провела время в своем любимом городе, и ей, конечно, было некогда сидеть и ждать, когда зазвонит телефон. Маме очень понравился концерт Барбры Стрейзанд и было особенно приятно, что Барбра представила ее и посвятила ей песню. Мама была в прекрасном настроении и, казалось, чувствовала себя хорошо; по ее словам, она хотела просто немного поговорить со мной и сказать, что любит меня. Эта беседа почти ничем не отличалась от наших бесконечных телефонных разговоров, которые мы вели на протяжении нескольких лет, особенно в воскресные вечера.

Около двух часов ночи вновь раздался телефонный звонок, разбудивший нас с Хиллари. На линии был Дик Келли, который сквозь слезы сказал: «Ее больше нет, Билл». После великолепной, но утомительной недели мама просто заснула и не проснулась. Я знал, что это может произойти, но не был готов отпустить ее. Теперь наш последний телефонный разговор казался мне слишком обыденным, полным пустой болтовни; мы разговаривали, как люди, считавшие, что смогут общаться друг с другом еще целую вечность. Я бы очень хотел все вернуть, но мне оставалось только сказать Дику, что я его люблю, благодарен ему за счастье, которое мама испытала с ним в свои последние годы, и постараюсь как можно скорее приехать домой. Хиллари поняла, что случилось, по тому, как кончился наш разговор. Я обнял ее и заплакал. Она сказала что-то о любви мамы к жизни, и я понял, что наш последний телефонный разговор оказался именно таким, какой предпочла бы сама мама. Она всегда думала о жизни, а не смерти.

Я позвонил брату, который, как я знал, будет просто убит. Роджер боготворил маму, особенно потому, что она никогда не переставала в него верить. Я сказал ему, что ради ее памяти он должен держаться и продолжать строить свою жизнь. Потом я позвонил своему другу Пэтти Хоу Крайнер, которая около сорока лет была частью нашей жизни, и попросил ее помочь мне и Дику с организацией похорон. Хиллари разбудила Челси, и мы сказали ей о случившемся. Она уже потеряла дедушку; кроме того, у них с мамой, которую она называла Джинджер, были близкие, нежные отношения. На стене в ее комнате для занятий висел замечательный карандашный портрет мамы, выполненный чернокожим художником из Хот-Спрингс

Гэри Симмонсом, с надписью «Челси от Джинджер». Было трогательно видеть, как моя дочь пытается примириться с потерей человека, которого она любила, стараясь одновременно и выразить свое горе, и сохранить самообладание, и дать волю своим чувствам, и держаться. Сегодня портрет с надписью «Челси от Джинджер» висит в комнате моей дочери в Чаппакуа.

Позднее в то утро мы передали в печать сообщение о смерти мамы, которое немедленно появилось во всех средствах массовой информации. По случайному совпадению в утренней программе новостей выступали Боб Доул и Ньют Гингрич. Интервьюеры, которых не остановило то, что это происходит в такой момент, задавали им вопросы об «Уайтуотер»; одному из них Доул ответил, что для рассмотрения этого дела «совершенно необходимо» назначить независимого прокурора. Я был ошеломлен. Мне казалось, что в день смерти моей матери даже печать и мои противники могли бы сделать перерыв. К чести Доула, должен сказать, что через несколько лет после этого он передо мною извинился. К тому времени я стал лучше понимать, что произошло. Главный наркотик в Вашингтоне — это власть, он притупляет чувства и затуманивает разум. Доул никоим образом не был самым худшим из тех, кто злоупотреблял этим наркотиком, и меня тронуло его извинение.

В тот же день Ал Гор отправился в Милуоки, чтобы произнести речь, посвященную внешней политике, с которой должен был выступить я, а я вылетел домой. В доме мамы и Дика было много их друзей и членов семьи, а жители Арканзаса принесли для всех, кто переживал это общее горе, много разной еды. Мы все смеялись и рассказывали истории о маме. На следующий день прибыли Хиллари и Челси, а также некоторые друзья мамы, живущие не в Арканзасе, включая Барбру Стрейзанд и Ральфа Уилсона, владельца «Буффало биллс», который год назад, узнав, что она большая поклонница этой команды, пригласил маму на Суперкубок.

В городе не было достаточно большой церкви, чтобы вместить всех друзей мамы, к тому же установилась очень холодная погода, не позволившая провести похоронную службу на ее любимом ипподроме, поэтому мы решили провести церемонию в «Конференц-центре». Пришли около трехсот человек, в том числе сенатор Прайор, губернатор Такер и все мои одноклассники по университету. Однако большинство присутствующих составляли ее знакомые — простые рабочие люди, которым мама помогала на протяжении многих лет. Там были все двенадцать женщин из ее «Клуба дней рождения», причем все они появились на свет в разное время, но праздновали свои дни рождения одновременно, за ежемесячным ланчем. По просьбе мамы после ее смерти они приняли в свою группу другую женщину и изменили ее название, которое теперь звучало так: «Клуб дней рождения имени Вирджинии Клинтон Келли».

Службу вел преподобный Джон Майлс, который называл маму «настоящей американкой». «Вирджиния, — сказал он, — была похожа на резиновый мяч: чем более сильные удары наносила по ней жизнь, тем выше она подпрыгивала». Брат Джон напомнил собравшимся о том, как реагировала мама на все проблемы: «Дорогу осилит идущий».

Во время службы исполнялись гимны, которые она любила. Мы все пели «Удивительную благодать» и «Боже милостивый, возьми меня за руку». Ее подруга Мелви Ли Гайлс, которая некогда полностью потеряла голос, а затем вновь обрела его — «от Бога», расширив свой диапазон еще на одну октаву, спела «Он смотрит на воробья» и любимый мамин гимн «Иду ближе к тебе». Наш друг из Церкви пятидесятников, Дженис Сьостранд, спела мощный гимн, который мама слышала на службе в церкви перед моей инаугурацией, — «Святая земля». Когда Барбра Стрейзанд, которая сидела позади меня, услышала пение Дженис, она тронула меня за плечо и удивленно покачала головой, а после окончания службы спросила: «Кто эта женщина и что это за музыка? Она великолепна!» Барбру так вдохновила музыка, звучавшая на маминых похоронах, что позже она выпустила свой альбом гимнов и вдохновенных песен, включая написанную в память мамы: «Следуя зову твоего сердца».

После похоронной службы мы отвезли гроб с телом мамы в Хоуп. На всем пути следования нашего кортежа по обе стороны дороги стояли люди, чтобы выразить ей свое уважение. Она была похоронена на кладбище через улицу напротив того места, где когда-то находилась лавка ее отца, на участке, который давно ее ожидал, рядом со своими родителями и моим отцом. Это было 8 января, в день рождения человека, которого, кроме членов своей семьи, мама любила больше всех, — Элвиса Пресли.

После приема, состоявшегося в «Сиззлин Стейкхаус», мы поехали в аэропорт, чтобы вылететь обратно в Вашингтон. Горевать было некогда; мне предстояло продолжить свою созидательную работу. Доставив домой Хиллари и Челси, я отбыл в давно планировавшуюся поездку в Европу. Ее целью было, положив начало процессу, открыть доступ в НАТО странам Центральной Европы, но организовать его таким образом, чтобы не создать слишком много проблем для Ельцина в России. Я решил сделать все возможное для того, чтобы Европа впервые в истории стала единой, свободной, демократической и безопасной. Я должен был гарантировать, что расширение НАТО не приведет к новому противостоянию в Европе уже на востоке.

В Брюсселе, после выступления в муниципалитете перед группой молодых европейцев, я получил особый подарок. Бельгия праздновала столетие со дня смерти моего любимого бельгийца Адольфа Сакса, изобретателя саксофона, и мэра его родного города Динана, и мне подарили новый красивый тенор-саксофон «Селмер», сделанный в Париже.

На следующий день лидеры стран — членов НАТО одобрили мое предложение об учреждении программы «Партнерство ради мира» для расширения нашего сотрудничества в области безопасности с новыми демократическими странами Европы в ожидании, пока мы сможем обеспечить расширение самого НАТО.

Одиннадцатого января я встретился в Праге с Вацлавом Гавелом. В последний раз я был в этом городе еще студентом, двадцать четыре года назад. Гавел, человек небольшого роста с мягкими манерами, живыми глазами и язвительным юмором, был героем свободолюбивых сил во всем мире. Несколько лет он провел в тюрьме и использовал это время для того, чтобы написать полные красноречия, воодушевляющие книги. Выйдя на свободу, Гавел возглавил

мирную «бархатную революцию» в Чехословакии, затем под его руководством эта страна организованно разделилась на два государства. Теперь он был президентом Чешской Республики, активно стремившимся построить успешную рыночную экономику и претендовать на обеспечивающее безопасность членство в НАТО. Гавел был добрым другом нашего постоянного представителя при ООН Мадлен Олбрайт, которая родилась в Чехословакии и радовалась каждой возможности поговорить с ним на родном языке.

Гавел пригласил меня в один из джаз-клубов, которые были очагами поддержки его «бархатной революции». После того как группа музыкантов сыграла несколько мелодий, он познакомил меня с исполнителями и подарил мне еще один новый саксофон, сделанный в Праге компанией, которая в коммунистические времена поставляла эти инструменты военным оркестрам всех стран Варшавского договора. Гавел предложил мне сыграть вместе с музыкантами. Мы исполнили «Летом» и «Моя смешная Валентина», причем он с энтузиазмом подыгрывал нам на бубне.

На пути в Москву я сделал краткую остановку в Киеве, чтобы встретиться с президентом Украины Леонидом Кравчуком и поблагодарить его за готовность поддержать соглашение, которое он, Ельцин и я должны были подписать в следующую пятницу. В соответствии с этим соглашением Украина обязалась уничтожить 176 межконтинентальных баллистических ракет и 1500 ядерных боеголовок, которые ранее были нацелены на США. Украина — большая страна с численностью населения 60 миллионов человек и огромным потенциалом. Как и Россия, она билась над решением вопроса, какое именно будущее избрать для себя. Стремление Кравчука избавиться от ядерного оружия встретило значительное сопротивление в украинском парламенте, и я хотел поддержать этого лидера.

Хиллари встретила меня в Москве. Она взяла с собой Челси, поскольку мы не хотели оставлять ее одну сразу после смерти мамы. Совместное пребывание в кремлевской резиденции для гостей и прогулки по Москве в разгар зимы помогли всем нам немного отвлечься. Ельцин понимал, насколько глубоки мои переживания, так как недавно тоже потерял мать, которую он обожал. Всякий раз, когда нам представлялась такая возможность, мы выходили на улицы, покупали национальные русские сувениры и хлеб в небольшой булочной. Я зажег свечу в память мамы в Казанском соборе, разрушенном во времена сталинизма, а теперь полностью восстановленном, и навестил в больнице Патриарха Русской православной церкви. 14 января после впечатляющей церемонии приема в Георгиевском зале Кремля — огромном белом помещении с высокими арками и колоннами, на которых золотыми буквами были высечены фамилии российских героев, прославившихся в войнах, произошедших более чем за двести лет, мы с Ельциным и президент Кравчук подписали соглашение о ядерном оружии Украины и провели переговоры по инициативам в области экономики и безопасности.

На состоявшейся после этого пресс-конференции Ельцин выразил благодарность за американскую комплексную программу помощи и программу, одобренную на совещании членов «Большой семерки» в Токио, предусматривавшую предоставление России дополнительно 1 миллиарда долларов

каждый год в течение следующих двух лет, и за наше решение снизить тарифы на пять тысяч наименований российских товаров. Президент России благодаря моему обещанию разработать специальное соглашение о сотрудничестве между НАТО и Россией с учетом ряда дополнительных условий одобрил программу «Партнерство ради мира». Я был также доволен тем, что мы договорились с 30 мая не нацеливать наши ядерные ракеты друг на друга или на любую другую страну, а также о том, что США купят у России в последующие двадцать лет высокообогащенный уран на 12 миллиардов долларов. Это позволит постепенно полностью устранить возможность его использования для производства оружия.

Я полагал, что все эти меры будут на благо как США, так и России, но с этим были согласны далеко не все. У Ельцина возникли проблемы в отношениях с новым парламентом, особенно с Владимиром Жириновским, руководителем крупного блока воинствующих националистов, которые хотели вернуть России славу имперских времен и были убеждены, что я стремлюсь уменьшить ее мощь и сферу влияния. Чтобы оказать поддержку Ельцину, я повторил свое заклинание, что народу России следует определять свое величие в терминах, ориентированных не на прошлое, а на будущее.

После пресс-конференции я встретился со студентами в телестудии «Останкино». Они задавали вопросы мне по широкому кругу проблем, однако юноши и девушки хотели также узнать о том, могут ли американские студенты получить какую-либо информацию о России, в каком возрасте я впервые стал задумываться о том, чтобы стать президентом, что бы я мог посоветовать молодому россиянину, пожелавшему заняться политической деятельностью, и какую память хотел бы о себе оставить. Благодаря этой встрече со студентами у меня появилась надежда на лучшее будущее для России. Они были умны, идейны и безусловно привержены демократии.

Поездка проходила успешно; мне удалось добиться важных для Америки целей в деле построения более безопасного и более свободного мира, однако об этом ничего не было известно в США, где политики и пресса хотели обсуждать только проблему «Уайтуотер». Мне задавали вопросы на эту тему даже сопровождавшие меня во время этой поездки представители американской печати. Еще до того, как я отбыл из Москвы, газеты *Washington Post* и *New York Times* присоединились к требованиям республиканцев, чтобы Джанет Рино назначила независимого прокурора. Единственным новым событием за последние месяцы было то, что Дэвид Хейл, республиканец, которому в 1993 году было предъявлено обвинение во введении в заблуждение Управления по делам малого бизнеса, заявил, что я просил его дать Сюзан Макдугал ссуду, хотя она не имела права на ее получение. Я никогда не делал ничего подобного.

В соответствии как с прежним законом, срок действия которого уже истек, так и с новым, который рассматривался в Конгрессе, для назначения независимого прокурора было необходимо наличие «заслуживающих доверия доказательств» совершения правонарушений. В редакционной статье, опубликованной в номере за 5 января, в которой содержалось требование

о назначении независимого прокурора, газета *Washington Post* недвусмысленно признала, что «в данном случае нет никаких заслуживающих доверия обвинений президента или г-жи Клинтон в совершении каких-либо неподобающих поступков». Тем не менее *Washington Post* заявила, что общественные интересы требуют назначения независимого прокурора, поскольку до того, как Макдугал купил компанию Madison Guaranty (у которой мы никогда не брали ссуды), мы с Хиллари были партнерами «Уайтуотер» по заключенной сделке с недвижимостью (в результате чего понесли убытки). Что было еще хуже, мы, по-видимому, не сделали полного вычета налогов с учетом наших убытков. Это был, вероятно, первый в истории случай, когда пламя гнева против политика разжигалось из-за денег, которые он потерял, займов, которых он не получал, и вычета налогов, которого он не сделал. *Washington Post* подчеркнула, что Министерство юстиции возглавляют назначенные президентом люди, которым нельзя доверять проведение расследования в отношении Клинтона или решение вопроса, следует ли проводить такое разбирательство кому-нибудь другому.

Закон о назначении независимого прокурора был принят в ответ на увольнение президентом Никсоном специального прокурора Арчибальда Кокса, занимавшегося расследованием Уотергейтского дела. Кокс, назначенный министром юстиции правительством Никсона, считался сотрудником исполнительной власти, полномочия которого могли быть прекращены. Конгресс признал и необходимость независимого расследования правонарушений, в которых обвинялся президент и назначенные им ведущие должностные лица, и опасность предоставления неограниченных полномочий никому не подотчетному прокурору с беспредельными возможностями. Вот почему закон требовал убедительных доказательств совершения правонарушения. Сейчас же пресса заявляла, что президент должен согласиться на назначение независимого прокурора в отсутствие таких доказательств, во всех случаях, когда проводились расследования в отношении любых лиц, с которыми он некогда был связан.

В годы правления Рейгана и Буша независимые прокуроры признали виновными в совершении тяжких уголовных преступлений более двадцати человек. После проводившихся в течение шести лет расследований и вывода комиссии во главе с сенатором Джоном Тауэром, что президент Рейган санкционировал незаконную продажу оружия никарагуанским повстанцам, прокурор Лоуренс Уолш, занимавшийся делом «Иран-контрас», предъявил обвинения Каспару Уайнбергеру и еще пятерым должностным лицам, однако президент Буш их помиловал. Единственное расследование независимого прокурора до вступления президента в должность проводилось в отношении президента Картера в связи с сомнительным займом, имеющим отношение к складу арахиса, который принадлежал ему и его брату Билли. Специальный прокурор, с просьбой о назначении которого обратился этот президент, закончил свое расследование через шесть месяцев, оправдав Картера и его брата.

К моменту моего прибытия в Москву несколько сенаторов-демократов и президент Картер присоединились к республиканцам и прессе, требовавшим назначения независимого прокурора, хотя они не привели ни одной

причины, которая могла бы считаться заслуживавшим доверия доказательством совершения правонарушения. Большинство демократов вообще ничего не знали о «Уайтуотер»; они просто хотели показать, что не возражают против проведения расследований в отношении президентов-демократов и не хотят выступать против позиции *Washington Post* и *New York Times*. Они также, вероятно, считали, что можно доверить Джанет Рино назначить прокурора-профессионала, который быстро справится с этой проблемой. Так или иначе, стало ясно, что нам необходимо что-то предпринять, чтобы, по выражению Ллойда Бентсена, «вскрыть нарыв».

После прибытия в Москву я устроил телефонную конференцию с участием моих сотрудников, Дэвида Кендалла и Хиллари, которая пока находилась в Вашингтоне, чтобы обсудить, что нам следует предпринять. Дэвид Герген, Берни Нассбаум и Кендалл выступали против того, чтобы обращаться с просьбой о назначении независимого прокурора, поскольку для этого не было оснований. И если нам не повезет, недобросовестный прокурор может вести бесконечное и чреватое крайне негативными последствиями расследование. Более того, ему не придется заниматься этим слишком долго, чтобы довести нас до разорения, ведь у меня был самый небольшой капитал по сравнению со всеми другими президентами в современной истории США. Нассбаум, адвокат мирового класса, работавший вместе с Хиллари, когда Конгресс расследовал Уотергейтское дело, был решительно против назначения специального прокурора. Он назвал эту должность «пагубным институтом», поскольку она предоставляла никому не подотчетным прокурорам возможность делать все, что им вздумается; Берни сказал, что мой долг как президента и мой долг перед самим собой — выступать против назначения специального прокурора, используя все имеющиеся в моем распоряжении средства. Нассбаум также указал, что пренебрежительное отношение газеты *Washington Post* к расследованию, проведенному Министерством юстиции, необоснованно, поскольку документы по этому делу проверял профессиональный прокурор, который был назначен на этот пост президентом Бушем.

Герген согласился с ним, однако решительно заявил, что не следует передавать *Washington Post* все наши документы. Такого же мнения придерживались Марк Гиран и Джордж Стефанопулос. По мнению Дэвида, Лен Дауни, главный редактор газеты *Washington Post*, приобрел славу благодаря Уотергейтскому делу и убедил себя, что мы что-то скрываем. Повидимому, такого же мнения придерживалась и *New York Times*. Герген полагал, что единственный способ положить конец настойчивым требованиям о назначении независимого прокурора — это представить этим газетам имеющиеся в нашем распоряжении документы.

Все юристы — Нассбаум, Кендалл и Брюс Линдси — выступали против обнародования этих материалов, потому что, поскольку мы согласились предоставить в распоряжение Министерства юстиции все, что удалось найти, эти документы были неполными и разрозненными, и их сбор все еще продолжался. Юристы заявили, что, как только мы не сможем ответить на какой-нибудь вопрос или представить какой-нибудь документ, пресса вновь поднимет шум, требуя назначения независимого прокурора. Тем временем

будет появляться множество статей негативного характера, полных инсинуаций и домыслов.

Остальные мои сотрудники, включая Джорджа Стефанопулоса и Гарольда Икеса, который в январе начал работать в качестве заместителя руководителя аппарата сотрудников Белого дома, полагали, что, поскольку демократы выбрали путь наименьшего сопротивления, назначение независимого прокурора неизбежно, и нам следует обратиться с такой просьбой, чтобы мы снова могли заняться решением проблем, важных для американцев. Я спросил у Хиллари ее мнение. Она ответила, что, если обратиться с просьбой о назначении независимого прокурора, это создаст крайне нежелательный прецедент, означающий, по сути, изменение нормы, в соответствии с которой необходимы заслуживающие доверия доказательства совершения правонарушения, и переход на удовлетворение требований всякий раз, когда в средствах массовой информации раздувается скандал, однако добавила, что решение принимать мне. Мне показалось, что Хиллари просто устала спорить с моими сотрудниками.

Я сказал всем участникам этой конференции, что не боюсь расследования, поскольку ни я, ни Хиллари не сделали ничего плохого, и не возражаю против обнародования документов. В конце концов, с самого начала предвыборной кампании появлялось множество безответственных статей о ситуации с «Уайтуотер». Интуиция мне подсказывала, что нужно обнародовать документы и бороться против назначения независимого прокурора, однако, если, по общему мнению моих сотрудников, нужно было предпринять нечто противоположное, я смогу это пережить. Нассбаум в смятении предсказывал, что, кого бы ни назначили независимым прокурором, он будет разочарован, когда ничего не обнаружит, и продолжит расширять расследование до тех пор, пока не найдет кого-то, с кем я был знаком и кто повинен в каком-либо правонарушении. Берни сказал, что, если, по моему мнению, я должен сделать больше, нам следует предоставить документы прессе и даже выступить с предложением о моем выступлении в сенатском Комитете по судопроизводству. Стефанопулос считал, что это очень неудачная идея, поскольку она привлечет повышенное внимание. Он подчеркнул, что Рино назначит независимого прокурора, это удовлетворит прессу, и через несколько месяцев все закончится. Нассбаум не согласился с ним, заявив, что, если Конгресс примет новый закон о независимом прокуроре и я его подпишу, как и обещал, судьи Апелляционного суда Вашингтона, округ Колумбия, назначат нового прокурора, и все начнется сначала. Джордж рассердился, назвал Берни параноиком и сказал, что этого не будет никогда. Берни знал, что председатель Верховного суда США Ренквист назначит комитет, в котором главенствующие позиции будут занимать консервативные республиканцы. Он нервно рассмехался в ответ на вспышку Джорджа и сказал, что шансы на назначение второго прокурора составляют, возможно, только пятьдесят на пятьдесят.

После дальнейшего обсуждения этого вопроса я поговорил только с Хиллари и Дэвидом Кендаллом. Я сказал им, что, по моему мнению, мы должны согласиться с общим мнением сотрудников, не являющихся юристами, о необходимости назначения независимого прокурора. В конце концов, мне

нечего скрывать, и вся эта шумиха отвлекает внимание Конгресса и страны от более важных задач, стоящих перед нами. На следующий день Белый дом обратился к Джанет Рино с просьбой назначить независимого прокурора. Хотя я говорил о своей готовности это пережить, пройти через то, что произошло потом, оказалось очень трудно.

Это решение оказалось худшим из всех принятых мною за все время пребывания на посту президента. Оно было ошибочным по сути, ошибочным с точки зрения закона, ошибочным политически, ошибочным по отношению к институту президентства и Конституции. Возможно, я принял его, потому что был совершенно измотан и тяжело переживал смерть мамы; мне приходилось собирать все силы, чтобы просто делать ту работу, выполнением которой должен был заняться после ее похорон. Мне следовало просто обнародовать документы, противиться назначению независимого прокурора, предоставить самую исчерпывающую информацию всем демократам, которые хотели этого, и обратиться к ним с просьбой о поддержке. Безусловно, это могло и не изменить ситуацию. В тот момент меня это не тревожило, потому что я знал, что не нарушил никаких законов, и все еще верил в желание прессы докопаться до истины.

Через неделю Джанет Рино назначила Роберта Фиска, республиканца, бывшего прокурора из Нью-Йорка, который должен был своевременно завершить расследование за оставленный ему срок. Конечно, Фиску не дали закончить эту работу, однако я забегаю вперед. В тот момент согласие на назначение независимого прокурора можно было сравнить с приемом аспирина в случае простуды; оно принесло лишь временное облегчение. Исключительно временное.

По пути домой из России, после краткой остановки в Беларуси, я вылетел в Женеву на мою первую встречу с президентом Сирии Асадом. Он был безжалостным, но одаренным человеком, который, чтобы преподать урок своим противникам, некогда стер с лица земли целую деревню. Из-за поддержки, оказываемой им террористическим организациям на Ближнем Востоке, Сирия была изолирована от США. Асад редко покидал свою страну, и в тех случаях, когда это происходило, он почти всегда прибывал в Женеву, чтобы встретиться с иностранными лидерами. Во время нашей встречи на меня произвели впечатление его ум и то, что он абсолютно точно помнил все детали событий, произошедших более двадцати лет назад. Асад был известен как человек, любивший длительные встречи, которые могли продолжаться по шесть-семь часов без перерыва. Я же, напротив, устал, и мне нужно было выпить кофе, чаю или воды, чтобы не заснуть. К счастью, встреча продолжалась всего несколько часов, и в результате нашей дискуссии мы добились двух результатов, на которые я рассчитывал: Асад впервые недвусмысленно заявил, что готов установить мир и нормальные отношения с Израилем, а Сирия обязуется вывести все свои войска из Ливана и уважать его независимость после достижения всеобъемлющего мира на Ближнем Востоке. Я знал, что не только симпатия ко мне лично стала залогом успеха на этой встрече. Асад получал от бывшего Советского Союза большую экономическую помощь; теперь она прекра-

тилась, поэтому ему было необходимо установить контакты с Западом. Для этого Асаду следовало перестать поддерживать терроризм в регионе, что было бы легко сделать, если бы он заключил соглашение с Израилем, в соответствии с которым тот вернул бы Сирии Голанские высоты, потерянные ею во время войны 1967 года.

Я вернулся в Вашингтон, и началась целая вереница похожих друг на друга дней, когда все происходит одновременно. 17 января в Лос-Анджелесе произошло землетрясение с самыми серьезными за всю историю США последствиями: были разрушены дома, больницы, школы и предприятия, а убытки составили миллиарды долларов. 19 января я вылетел в Лос-Анджелес вместе с Джеймсом Ли Виттом, директором Федерального агентства по управлению в чрезвычайных ситуациях, чтобы своими глазами увидеть нанесенный стихией ущерб, в том числе полностью уничтоженный участок шоссе, соединявшего разные штаты. 20 января фактически все члены кабинета во главе со мною встретились в ангаре для самолетов в Бербанке с мэром Лос-Анджелеса Диком Риорданом, другими должностными лицами штата и местными руководителями, чтобы разработать план оказания чрезвычайной помощи. Благодаря удивительно эффективному партнерству удалось быстро нормализовать положение: основная скоростная автострада была восстановлена за три месяца. Федеральное агентство оказало финансовую помощь более 600 тысячам семей и предприятий. Многие сотни домов и производственных учреждений были восстановлены благодаря ссудам, предоставленным Управлением по делам малого бизнеса. В целом штату была предоставлена прямая помощь в размере 16 миллиардов долларов. Я очень сочувствовал калифорнийцам; они вынесли на себе всю тяжесть экономического спада и сокращения оборонных предприятий, пережили несколько пожаров, а сейчас на них обрушилось землетрясение. Один из местных чиновников пошутил, что теперь он ожидает нашествия саранчи. Его чувство юмора напомнило мне известное высказывание Матери Терезы. По ее словам, она знает, что Бог никогда не даст ей бремя тяжелее, чем она может нести, но иногда ей хотелось бы, чтобы он не так сильно в нее верил. Я вернулся в Вашингтон, чтобы дать интервью Ларри Кингу в первую годовщину моего президентства. Я сказал ему, что мне нравится моя работа, даже в тяжелые дни. В конце концов, я стал президентом не для того, чтобы хорошо проводить время, а для того, чтобы изменить страну.

Несколькими днями позже в автомобильной аварии погиб старший сын президента Асада, которого он прочил себе в преемники. Позвонив, чтобы выразить ему соболезнование, я почувствовал, как тяжело Асад переживает свое горе, и это послужило мне напоминанием о том, что самое худшее, что может случиться в жизни с человеком, — это потерять своего ребенка.

На той же неделе я назначил заместителя министра обороны Билла Перри министром обороны вместо Леса Аспина, который ушел в отставку с этого поста вскоре после «Падения «Блэк хока»». Мы активно искали ему замену, и все это время самый лучший кандидат на этот пост находился у нас под самым носом. Ранее Перри возглавлял несколько военных организаций,

был преподавателем математики и инженерного искусства и отлично работал в Пентагоне, содействуя принятию на вооружение технологии «Стелс», реформе системы военных поставок и разработке реалистичных бюджетов. Это был скромный человек с мягкими манерами, которые маскировали удивительную твердость и даже жесткость его характера. Впоследствии окажется, что это было одно из самых удачных моих назначений, и Перри станет, возможно, самым лучшим министром обороны после генерала Джорджа Маршалла.

Двадцать пятого января я выступил с посланием «О положении в стране». Это единственный момент в году, когда президент получает возможность напрямую обратиться к американскому народу и говорить с ним в течение целого часа, и я хотел использовать ее максимально эффективно. Сказав несколько слов в память о спикере Палаты представителей Типе О'Ниле, умершего за день до смерти мамы, я суммировал длинный перечень достижений Конгресса в 1993 году, подчеркнув: экономика функционирует таким образом, что появляются новые рабочие места; миллионы американцев сэкономят деньги благодаря рефинансированию строительства жилья по сниженным ставкам; подоходный налог повысился только у 1,2 процента американцев; дефицит бюджета будет на 40 процентов ниже, чем прогнозировалось ранее; мы сократим численность федеральных служащих на 250, не на 100 тысяч человек, как я обещал прежде.

Остальная часть Послания была посвящена программе моей работы на 1994 год, начиная с мер в сфере образования. Я призвал Конгресс принять мою инициативу «Цели на 2000 год», чтобы помочь бесплатным средним школам достигнуть целей в области национального образования, поставленных перед страной губернаторами и администрацией Буша, на основе осуществления таких реформ, как выбор школы, уставные школы* и подключение к 2000 году всех наших школ к Интернету; и чтобы определять прогресс в достижении школами этих целей старомодным способом, то есть на основе того, усваивают ли наши учащиеся необходимые им знания.

Я также призвал направить дополнительные инвестиции на развитие новых технологий, обеспечивающих создание рабочих мест, и на конверсионные проекты в военной промышленности; предложил принять законопроект о борьбе с преступностью и о запрете на продажу наступательного оружия; а также потребовал принять три нормативных акта по охране окружающей среды: закон «О безопасности питьевой воды», обновленный закон «О чистой воде» и реформированную программу «Суперфонд». Эта программа осуществлялась на основе партнерства государственных и частных структур и ставила своей целью очистку загрязненных объектов, которые были брошены и превратились в безобразные, непригодные для использования, опасные для здоровья места. Этот вопрос представлял большой интерес для меня и Ала Гора, и к тому моменту, когда мы оба ушли со своих постов, нам

---

* Школы с уставом, утвержденным местным школьным советом, построенные по этническому или религиозному признаку, имеющие в качестве одного из профилирующих предметов изучения национальную культуру. — *Прим. пер.*

удалось очистить в три раза больше объектов в рамках программы «Суперфонд», чем администрациям Рейгана и Буша вместе взятым.

Кроме того, я призвал Конгресс принять в 1994 году законопроект о реформе систем социального обеспечения и здравоохранения. Около миллиона американцев получали помощь в рамках системы социального обеспечения, потому что для них это был единственный способ обеспечить своих детей медицинской помощью. Когда люди отказывались от социальных пособий и переходили на низкооплачиваемую работу без дополнительных льгот, им все равно приходилось платить налоги на поддержание программы «Медикэйд», на основе которой обеспечивались медицинской помощью семьи, получавшие пособия в рамках системы социального обеспечения. В течение некоторого времени почти 60 миллионов американцев ежегодно оставались без медицинской страховки. Более 80 миллионов наших сограждан имели так называемые «уже существующие заболевания», то есть проблемы со здоровьем, из-за которых им приходилось больше платить за страховку, если они смогли ее получить, и часто у них не было возможности изменить место работы без ее потери. Трое из четырех американцев имели страховые полисы «с прижизненным ограничением» размера компенсации их расходов на медицинское обслуживание. Это означало, что они могут потерять свою страховку в тот самый момент, когда она им будет больше всего нужна. Такая система наносила ущерб и мелким фирмам; их страховые взносы были на 35 процентов выше тех, что выплачивались крупными компаниями и государственными предприятиями. Чтобы уменьшить расходы, все больше американцев были вынуждены иметь дело с организациями здравоохранения, которые ограничивают как больных в выборе врача, так и врача в выборе лечения, и вынуждают медиков-профессионалов тратить все больше и больше времени на бумажную работу и все меньше времени уделять своим пациентам. Корни всех этих проблем можно было отыскать в одном главном факторе: у нас существовала нелепая система страхования, при которой тон задавали страховые компании.

Я сказал Конгрессу, что знаю, насколько трудно изменить существующую систему. Это пытались сделать Рузвельт, Трумэн, Никсон и Картер, но все их инициативы потерпели провал. Аналогичные усилия фактически разрушили президентство Трумэна. Рейтинг его популярности опустился ниже 30 процентов, что помогло республиканцам получить большинство в Конгрессе. Это произошло потому, что, несмотря на все наши проблемы, большинство американцев все же имели ту или иную форму страховки, им нравились их врачи и больницы, и они знали, что у нас хорошая система оказания медицинской помощи. Все это действительно так, и те, кому существующий способ финансирования системы здравоохранения приносил прибыли, расходовали колоссальные суммы, чтобы убедить Конгресс и народ Америки, что выявление ее слабых сторон разрушит существующие в ней позитивные элементы.

Я считал приведенные аргументы убедительными, за исключением одного момента своей речи в конце той ее части, которая была посвящена

здравоохранению. Я взял авторучку и сказал, что использую ее, чтобы наложить вето на любой законопроект, который не будет гарантировать медицинскую страховку всем американцам. Мой поступок был продиктован словами двух моих сотрудников, заявивших, что люди не будут считать мои убеждения непоколебимыми, пока я не продемонстрирую, что не пойду на компромисс. Этот момент был лишним, и он вызвал раздражение моих оппонентов в Конгрессе. Политика — это всегда компромисс, и люди ожидают, что президенты будут побеждать, а не вставать в позу, чтобы им понравиться. Реформа системы здравоохранения была самой трудной из всех задач, и я не мог решить ее в одиночку, не прибегая к компромиссам. Как выяснилось впоследствии, эта моя ошибка ничего не изменила, поскольку Боб Доул и без того был готов провалить любую реформу системы здравоохранения.

В краткосрочной перспективе послание «О положении в стране» значительно усилило поддержку моей программы общественностью. Впоследствии Ньют Гингрич сказал мне, что, услышав эту речь, заявил республиканцам в Палате представителей, что, если я смогу убедить демократов в Конгрессе сделать все возможное для поддержки моих предложений, демократическая партия еще долго будет иметь большинство. Ньют, безусловно, не хотел этого, поэтому он, как и Боб Доул, старался до промежуточных выборов помешать принятию как можно большего числа моих инициатив.

В последнюю неделю января среди членов нашей внешнеполитической команды началась ожесточенная полемика по вопросу о том, следует ли предоставить въездную визу Джерри Адамсу, руководителю «Шин Фейн» — политической организации Ирландской республиканской армии (ИРА). Позиция Америки имела колоссальное значение для обеих сторон, участвующих в ирландском конфликте. На протяжении ряда лет активные сторонники ИРА в США финансировали ее деятельность, основанную на насилии. «Шин Фейн» имела в нашей стране большое число сторонников среди ирландских католиков, которые отвергали терроризм, однако хотели положить конец дискриминации в отношении их братьев по религии и выступали за большую политическую автономию с участием католиков Северной Ирландии. Британские и ирландские протестанты тоже имели в Америке своих сторонников, которым не нравились любые соглашения с «Шин Фейн» из-за ее связей с ИРА и которые считали, что нам не следует вмешиваться в дела Соединенного Королевства, нашего самого верного союзника. Эти аргументы убедили всех моих предшественников, включая тех, кто сочувствовал законным претензиям католиков Северной Ирландии. Теперь мы должны были вновь изучить этот вопрос в связи с «Декларацией принципов».

В этом документе впервые за всю историю Великобритания обещала, что статус Северной Ирландии будет определяться на основе волеизъявления ее граждан, а Ирландия отказалась от своих исторических притязаний на шесть графств на севере Великобритании, если большинство их населения не проголосует за изменение существующего статуса. Более умеренные юнионисты и националистические ирландские партии осторожно поддер-

жали это соглашение, а преподобный Ян Пэйсли, лидер экстремистской Демократической юнионистской партии, выразил по поводу его принятия свое возмущение. Джерри Адамс и «Шин Фейн» заявили, что они разочарованы, поскольку в Декларации не было достаточно конкретно определено, как будет протекать мирный процесс и как эта организация сможет в нем участвовать. Несмотря на неоднозначную реакцию, британское и ирландское правительства определенно повлияли на все партии, добившись, чтобы они оказывали помощь власти в процессе мирного сотрудничества.

С момента объявления об этой декларации союзники Адамса в Америке призывали меня выдать ему въездную визу для посещения США. Они заявляли, что это упрочит его позиции и даст ему более реальную возможность участвовать в мирном процессе и добиваться от ИРА отказа от насилия. Джон Хьюм, лидер умеренной Социал-демократической и лейбористской партии, который сделал карьеру, выступая за ненасильственные действия, заявил об изменении своей позиции в отношении выдачи визы Адамсу; теперь он считал, что, если бы этот вопрос был решен положительно, это способствовало бы прогрессу в мирном процессе. С ним согласились некоторые активисты из числа американцев ирландского происхождения, включая моего друга Брюса Моррисона, организовавшего наши контакты с общиной американцев ирландского происхождения в 1992 году, и нашего посла в Ирландии Джин Кеннеди Смит. В Конгрессе за выдачу визы выступали ее брат, сенатор Тед Кеннеди, сенаторы Крис Додд, Пат Мойнихен и Джон Керри, а также конгрессмены от штата Нью-Йорк Питер Кинг и Том Мэнтон, а спикер Палаты представителей Том Фоли, который длительное время принимал активное участие в изучении ирландских проблем, по-прежнему был решительно против.

В начале января премьер-министр Ирландии Альберт Рейнольдс информировал нас, что, как и Джон Хьюм, он выступает теперь за выдачу визы, поскольку деятельность Адамса содействует достижению мира. По его мнению, эта виза предоставит лидеру «Шин фейн» повлиять на ИРА, заставив ее отказаться от насилия и принять участие в мирном процессе. Британское правительство по-прежнему решительно возражало против выдачи визы, потому что ИРА на протяжении длительного времени вела террористическую деятельность, а Адамс не отверг насилия и не поддержал «Декларацию принципов» как основу для урегулирования проблемы.

Я заявил Альберту Рейнольдсу, что рассмотрю возможность выдачи визы, если Адамс получит официальное приглашение выступить в США. Вскоре после этого он вместе с руководителями других партий Северной Ирландии был приглашен принять участие в мирной конференции, организованной одной американской внешнеполитической организацией в Нью-Йорке. Из-за этого вопрос о визе вновь приобрел свою актуальность и стал первой важной проблемой, по которой мои советники по внешней политике не смогли прийти к консенсусу.

Уоррен Кристофер и Госдепартамент, включая нашего посла в Великобритании Рэя Сейтца, выступали решительно против выдачи этой визы, заявляя, что, поскольку Адамс не хочет отказываться от насилия, мы будем

выглядеть как люди, проявляющие терпимость к терроризму. Кроме того, это нанесло бы непоправимый ущерб нашим так широко рекламируемым «особым отношениям» с Великобританией, включая способность добиваться с нею сотрудничества по вопросу о Боснии и по другим важным проблемам. Министерство юстиции, ФБР и ЦРУ были согласны с позицией Госдепартамента. Их единогласное мнение имело большой вес.

Над ирландской проблемой в Совете национальной безопасности работали три человека: Тони Лэйк, руководитель аппарата сотрудников Совета национальной безопасности Нэнси Содерберг и наш специалист по европейским проблемам армейский майор Джейн Холл. При моей поддержке они самостоятельно изучали вопрос о выдаче визы, в то же время стараясь выработать консенсус с Госдепартаментом и действовать через заместителя госсекретаря Питера Тарноффа. Команда Совета национальной безопасности пришла к выводу, что Адамс выступает за прекращение насилия со стороны ИРА, полномасштабное участие «Шин Фейн» в мирном процессе и за демократическое будущее для Северной Ирландии. Их анализ был разумным. Благополучие ирландцев заметно улучшилось, Европа в целом продвигалась по пути все большей экономической и политической интеграции, и число ирландцев, терпимо относящихся к терроризму, уменьшилось. С другой стороны, ИРА была крепким орешком. Многие члены этой организации занимали жесткие позиции и всю свою жизнь ненавидели британцев и юнионистов Ольстера. Для них была невыносима сама идея мирного сосуществования и сохранения статуса своей страны как части Великобритании. Поскольку среди населения северных графств протестантов было примерно на 10 процентов больше, чем католиков, и поскольку в «Декларации принципов» говорилось, что и Ирландия и Великобритания выступают за демократическое будущее, основанное на правлении большинства, Северная Ирландия, по-видимому, осталась бы частью Великобритании. Адамс это понимал, однако он также знал, что террор не принесет победы, и, казалось, искренне стремился к тому, чтобы ИРА отказалась от насилия в обмен на прекращение дискриминации и изоляции католиков.

Основываясь на этом анализе, СНБ решил, что нам следует выдать визу Адамсу, поскольку это усилит его влияние в «Шин Фейн» и ИРА и, в свою очередь, позволит США оказывать на него влияние. Это было важно, поскольку если ИРА не откажется от насилия, а «Шин Фейн» не станет частью мирного процесса, то ирландская проблема останется неразрешенной.

За несколько дней до открытия конференции полемика еще продолжалась, причем и британское правительство, и союзники Адамса в Конгрессе, и община американцев ирландского происхождения «подавали жару». Я внимательно изучил обе точки зрения, включая прозвучавший в последний момент эмоциональный призыв Уоррена Кристофера не делать этого, и послание, присланное мне Адамсом, в котором говорилось, что ради достижения мира ирландский народ рискует, и мне тоже следует пойти на риск. Нэнси Содерберг заявила о возможности предоставления Адамсу визы, поскольку была убеждена, что он действительно стремится к примирению и в настоящее время не может сказать о своем желании отказаться от наси-

лия больше, чем уже сказал, не повредив своим позициям в «Шин Фейн» и ИРА. Нэнси была моим консультантом по вопросам внешней политики со времени предвыборной кампании, и я с глубоким уважением относился к ее мнению. На меня также произвело впечатление то, что с ней согласился Тони Лэйк. В качестве моего помощника по вопросам национальной безопасности он должен был взаимодействовать с Великобританией в решении многих других проблем, на которые могла негативно повлиять история с визой. Лэйк также понимал значение этого решения для наших усилий в борьбе с терроризмом в целом. Вице-президент Гор, ясно понимая более широкие последствия, с учетом которых надо было принимать это решение, тоже выступал за предоставление визы. Я решил дать согласие на ее выдачу, однако ввести такие ограничения, чтобы во время своего трехдневного пребывания в США Адамс не мог заниматься сбором средств или выезжать за пределы Нью-Йорка.

Британцы были в ярости. Они считали, что Адамс — всего лишь сладкоречивый обманщик. Он не намерен отказываться от насилия, включая попытку убийства Маргарет Тэтчер, из-за него уже погибли тысячи британских граждан, в том числе ни в чем не повинные дети, должностные лица правительства и один из членов королевской семьи, лорд Маунтбеттен, автор плана предоставления независимости Индии от Великобритании. Партии юнионистов бойкотировали эту конференцию из-за того, что на нее собирался прибыть Адамс. В течение нескольких дней Джон Мейджор не отвечал на мои телефонные звонки. В британской прессе появилось множество статей и обзоров, в которых говорилось о том, что я нанес ущерб особым отношениям, существующим между нашими странами. Один запомнившийся мне заголовок гласил: «Отвратительная змея Адамс брызжет ядом на янки».

Авторы некоторых сообщений в печати намекали, что я принял решение выдать визу Адамсу, чтобы привлечь на свою сторону избирателей ирландского происхождения, живущих в Америке, и потому, что был все еще сердит на Мейджора за его попытки помочь президенту Бушу во время предвыборной кампании. Это не соответствовало действительности. Вопреки мнению британцев, я никогда не испытывал особого недовольства Мейджором и восхищался тем, что он не побоялся поставить себя под удар, подписав «Декларацию принципов». Мейджор имел незначительное большинство в парламенте, и, чтобы сохранить его, ему нужны были голоса ирландских юнионистов. Более того, я, как и весь американский народ, презирал терроризм; в политическом отношении в моем решении было гораздо больше проигрышных, чем выигрышных сторон. Я пошел на предоставление визы Адамсу, поскольку полагал, что для нас это оптимальная возможность содействовать прекращению насилия. Я помнил слова Ицхака Рабина: «Мир не заключают с друзьями».

Джерри Адамс прибыл в США 31 января, и американцы ирландского происхождения, сочувствовавшие его делу, оказали ему теплый прием. Во время визита он обещал убедить «Шин Фейн» принять конкретные позитивные решения. Впоследствии британцы активизировали усилия с целью организации политических переговоров с партиями Северной Ирландии,

а правительство Ирландии усилило нажим на «Шин Фейн», добиваясь сотрудничества с ее стороны. Через семь месяцев ИРА объявила о прекращении огня. Решение о предоставлении визы сработало. Это было началом моего самого активного участия в длительных, вызывавших сильные эмоции, сложных поисках мира в Северной Ирландии.

Третьего февраля мой день начался с Национального молитвенного завтрака, который я уже второй раз посетил в ранге президента. Приглашенным оратором была Мать Тереза, и я сказал, что нам следует брать с нее пример, быть терпимее и стремиться к примирению в политике. Во второй половине того же дня я сам принял решение в духе примирения, отменив наше долго действовавшее эмбарго на торговлю с Вьетнамом. Это стало возможным благодаря поразительно активному сотрудничеству со стороны вьетнамского правительства в решении проблем, касающихся наших военнопленных и пропавших без вести военнослужащих, а также возвращения в США останков погибших солдат и офицеров. В Конгрессе мое решение активно поддержали ветераны войны во Вьетнаме, особенно сенаторы Джон Керри, Боб Керри и Джон Маккейн и конгрессмен Пит Питерсон от штата Флорида, который сам более шести лет был военнопленным.

Во вторую неделю февраля после жестокого обстрела боснийскими сербами рынка в Сараево, когда погибли десятки ни в чем не повинных людей, НАТО с одобрения Генерального секретаря ООН наконец проголосовало за бомбардировки позиций сербов, если они не отведут свое тяжелое вооружение на расстояние более десяти миль от города. Необходимость такого решения давно назрела, однако его реализация была сопряжена с риском для канадцев, войска которых в Сребренице находились в окружении сербов, а также для французов, британцев, испанцев и голландцев, имевших там сравнительно небольшие и уязвимые контингенты.

Вскоре тяжелое вооружение сербов было отведено или передано под контроль ООН. Сенатор Дуул все еще добивался отмены в одностороннем порядке эмбарго на поставки оружия Боснии, однако в тот момент я считал необходимым его сохранить, поскольку мы наконец получили «зеленый свет» для нанесения силами НАТО бомбовых ударов и поскольку я не хотел, чтобы другие использовали это наше решение как предлог для того, чтобы игнорировать аналогичные поддерживавшиеся нами запреты в отношении Гаити, Ливии и Ирака.

В середине месяца Хиллари и Челси отбыли в Лиллехаммер, Норвегия, чтобы представлять Америку во время зимних Олимпийских игр. Я вылетел на один день в Хот-Спрингс, чтобы повидаться с Диком Келли. Прошло уже пять недель после похорон мамы, и я хотел узнать, как идут дела. Дик жил совсем один в их маленьком доме, где в каждой комнате по-прежнему сильно ощущалось присутствие мамы, однако этот ветеран ВМС постепенно обретал почву под ногами и начинал думать о том, как жить дальше.

В течение следующих двух недель я убеждал слушателей в необходимости принятия законопроектов о реформе системы здравоохранения и о борьбе с преступностью на различных встречах, проводимых по всей стране,

и занимался вопросами внешней политики. Хорошей новостью для нас стало согласие Саудовской Аравии на закупки американских самолетов на сумму 6 миллиардов долларов. Она приняла это решение в результате интенсивных усилий Рона Брауна, Мики Кантора и министра транспорта Федерико Пеньи.

Мы были потрясены, когда ФБР арестовало ветерана ЦРУ агента Олдрича Эймса, проработавшего в этом ведомстве тридцать один год, и его жены. Этот арест положил начало одному из самых крупных дел о шпионаже в истории США. За девять лет Эймс нажил целое состояние, передавая информацию, которая привела к гибели более десяти наших агентов в России, и нанес сильнейший ущерб потенциалу разведки. ФБР в течение ряда лет пыталось поймать шпиона, который, по его предположениям, работал в ЦРУ, и в результате взаимодействия этих двух ведомств Эймса наконец удалось арестовать. В связи с этим делом возникли вопросы как по поводу уязвимости нашего аппарата разведки, так и по поводу нашей политики в отношении России: если она занимается направленной против нас шпионской деятельностью, не следует ли нам отменить или приостановить оказание ей помощи? На встрече с представителями обеих партий в Конгрессе и в ответ на вопросы журналистов я высказался против временного прекращения поддержки России. Там шла внутренняя борьба между вчерашним и завтрашним днем; вчерашняя Россия занималась шпионской деятельностью, направленной против нас, однако наша помощь использовалась для поддержки России завтрашней, поскольку способствовала укреплению демократии и экономических реформ и обеспечивала надежное хранение или уничтожение ядерного оружия. Кроме того, шпионы были не только у русских.

К концу месяца израильтянин из еврейского поселения, возмущенный перспективой передачи палестинцам Западного берега реки Иордан, застрелил нескольких верующих в мечети Авраама в Хевроне. Убийца нанес этот удар во время священного для всех мусульман месяца Рамадан, на месте, священном как для приверженцев ислама, так и для евреев, поскольку считалось, что в мечети похоронены Авраам и его жена Сарра. Не вызывало сомнений, что преступник стремился спровоцировать ответное насилие, которое пустило бы под откос мирный процесс. Чтобы предотвратить такое развитие событий, я попросил Уоррена Кристофера связаться с Рабином и Арафатом и предложить им как можно скорее направить в Вашингтон переговорщиков с тем, чтобы они оставались там до тех пор, пока не примут решений о конкретных мерах для проведения в жизнь принятого ими соглашения.

Двадцать восьмого февраля истребители НАТО сбили четыре сербских самолета за нарушение зоны, закрытой для полетов, что было первой военной акцией за сорокачетырехлетнюю историю Североатлантического альянса. Я надеялся, что эти действия, наряду с успешным снятием нами блокады Сараево, убедят союзников занять более решительную позицию по отношению к агрессивным действиям сербов в городах Тузла и Сребреница и вокруг них.

Один из этих союзников, Джон Мейджор, находился в тот день в Америке для проведения переговоров по Боснии и Северной Ирландии. Сначала мы посетили Питсбург, где в XIX веке работал на металлургическом заводе его дед. Мейджору, по-видимому, было очень приятно побывать в центральном промышленном районе Америки, где жили его предки. В тот вечер он остался ночевать в Белом доме, став первым иностранным лидером, поступившим таким образом, за время моего пребывания на посту президента. На следующий день мы провели пресс-конференцию, которая ничем особенно не запомнилась, кроме того, что продемонстрировала: разногласия из-за выдачи визы Адамсу не нанесут ущерб отношениям между Америкой и Великобританией и не помешают нашему активному сотрудничеству в урегулировании ситуации в Боснии и в решении других проблем. Я обнаружил, что Мейджор — серьезный и умный человек, и что он, как я уже отмечал ранее, искренне стремится к решению ирландской проблемы, хотя сами по себе усилия в этом направлении представляют угрозу для его и без того непрочного положения в парламенте. Я полагал, что Мейджор был более сильным руководителем, чем его представляли в прессе, и после того, как мы провели вместе два дня, между нами установились дружественные и продуктивные рабочие отношения.

В то время как я активно занимался вопросами внешней политики, в нашей стране снова оказалась в центре внимания ситуация с «Уайтуотер». В марте Роберт Фиск всерьез взялся за работу, направив повестки с вызовом в суд нескольким сотрудникам Белого дома, включая Мэгги Уильямс и Лайзу Капуто, которые работали на Хиллари и были друзьями Винса Фостера. Мак Макларти создал группу реагирования по делу «Уайтуотер» во главе с Гарольдом Икесом для координации ответов на вопросы Фиска и прессы, чтобы освободить остальных сотрудников и меня и дать нам возможность заниматься государственной деятельностью, ради чего мы, собственно, и прибыли в Вашингтон, а также свести к минимуму разговоры, которые могли вести наши сотрудники об этом деле между собой или со мною и Хиллари. Любые такие обсуждения лишь создавали для наших молодых сотрудников опасность смещения с должности, политических нападков и появления крупных счетов от юристов. Многие люди уже проявили личную заинтересованность в том, чтобы найти нечто крамольное; они считали, что если не было ничего незаконного в нашей давней сделке с земельными участками, то, возможно, им удастся найти кого-нибудь, кто, занимаясь этим вопросом, совершил ошибку.

На мой взгляд, такая система работала слишком хорошо. В конце концов я, как ребенок, научился жить в параллельных измерениях: большую часть времени мне удавалось абстрагироваться от всех обвинений и инсинуаций и продолжать работу. Я понимал, что с этим будет труднее справиться тем, кто никогда не жил в условиях постоянной угрозы произвольных и разрушительных нападков, особенно в атмосфере существования презумпции виновности в связи с любым обвинением. Конечно же, некоторые эксперты по юридическим вопросам, такие как Сэм Дэш, подчеркивали, что, в отличие от администраций Рейгана и Никсона, мы сотрудничаем со следствием, поскольку не оспаривали повестки в суд и предоставляли Министерству юстиции, а затем Фиску все наши документы. Однако «стойка ворот» была передвинута: до тех пор, пока мы с Хиллари не сможем доказать свою невиновность в связи с какими угодно обвинениями, выдвинутыми против нас любым противником, большая часть вопросов и основная масса статей будет пронизана сильным подозрением; по общему мнению, мы должны были сделать что-то не так.

Например, когда в печать попали наши финансовые отчеты, газета *New York Times* сообщила, что, начав с инвестиций в размере одной тысячи долларов, Хиллари заработала в 1979 году на товарном рынке 100 тысяч долларов с помощью Джима Блэра. Он был одним из моих ближайших товарищей и действительно помог Хиллари и нескольким другим своим друзьям в сделках с товарами, однако она сама рисковала, заплатив брокерам

более 18 тысяч долларов в виде комиссионных, и ушла с рынка до его падения, следуя собственной интуиции. Республиканец Лео Меламед, бывший председатель Чикагской товарной биржи, на которой совершаются операции с сельскохозяйственной продукцией, рассмотрел все сделки Хиллари и сказал, что в них не было никаких нарушений, но это не имело значения. На протяжении ряда лет критики будут упоминать о прибыли, полученной Хиллари на товарном рынке, как о достоверном доказательстве коррупции.

Презумпция виновности отразилась и в статье, опубликованной в журнале *Newsweek*, в которой говорилось, что Хиллари вкладывала собственные деньги не для того, чтобы заключить «добросовестную сделку», причем, как указывалось, этот вывод сделан на основе мнения эксперта — профессора юридического факультета Колумбийского университета Марвина Чирелстейна. Один из самых авторитетных специалистов нашей страны по корпоративному праву и контрактам, он был моим преподавателем в Йельском университете, и наш адвокат попросил его рассмотреть наши налоговые декларации за 1978–79 годы — период инвестиций в «Уайтуотер». Чирелстейн опроверг факты, содержащиеся в статье, опубликованной в журнале *Newsweek*, заявив: «Я никогда не говорил ничего подобного», и добавил, что он «возмущен» и «унижен».

Примерно в то же время журнал *Time* поместил на обложке фотографию, на которой Джордж Стефанопулос заглядывает мне через плечо, в то время как я сижу за столом, якобы обеспокоенный делом «Уайтуотер». На самом деле на этой фотографии была запечатлена состоявшаяся ранее обычная встреча, на которой мы занимались разработкой программы наших действий с участием еще нескольких человек. На оригинальном снимке присутствовало по меньшей мере еще двое сотрудников. Журнал *Time* их просто вырезал.

В апреле Хиллари провела пресс-конференцию, чтобы ответить на вопросы о своих сделках на товарном рынке и по делу «Уайтуотер». Она очень хорошо отвечала, и я гордился ею. Хиллари даже рассмешила представителей прессы, признав, что из-за своей веры в «зону частной жизни» она, должно быть, менее активно, чем следовало, реагировала на вопросы прессы, касающиеся ее прежних личных сделок, однако «после того, как я в течение длительного времени этому противилась, меня передвинули в другую зону».

Презумпция виновности в отношении нас распространялась и на других. Например, Роджер Олтмэн и Берни Нассбаум подверглись резкой критике за то, что обсуждали возможность передачи на рассмотрение суда уголовного дела в отношении Madison Guaranty, возбужденного Resolution Trust Corporation, поскольку RTC была частью Министерства финансов и Олтмэн временно контролировал ее работу. Возможно, критики считали, что Нассбаум пытался повлиять на деятельность RTC. По существу, эти переговоры были связаны с необходимостью отвечать на вопросы представителей прессы, вызванные утечками информации о расследовании в отношении Madison, к тому же их одобрил консультант Министерства финансов по этическим вопросам.

Эдвин Йодер, старомодный прогрессивный обозреватель, заявил, что Вашингтон наводнили «сторонники этических чисток». В колонке, посвященной встрече Нассбаума и Олтмена, он писал:

Я хотел бы, чтобы кто-нибудь для начала объяснил мне, что тут дурного, если сотрудники Белого дома хотят получить из других источников в исполнительной власти информацию об обвинениях и слухах, касающихся президента...

Роберт Фиск пришел к выводу, что контакты между Белым домом и Министерством финансов были законными, однако это не положило конец клевете в адрес Нассбаума и Олтмена. В то время всем нашим политическим назначенцам необходимо было трижды в день произносить «предупреждение Миранды». Берни Нассбаум ушел в отставку в начале марта; он так и не примирился с моим глупым решением обратиться с просьбой о назначении независимого прокурора и не хотел создавать для нас других проблем. Олтмен покинул свой пост несколькими месяцами позже. Оба они были способными и честными государственными служащими.

В марте Роджер Эйлз, давний сотрудник республиканской партии, который стал президентом CNBC, обвинил администрацию в «сокрытии фактов по делу “Уайтуотер”, включая... мошенничество при продаже земельных участков, незаконные пожертвования, злоупотребление властью... сокрытие данных о самоубийстве и, возможно, об убийстве». Вот вам и соблюдение нормы в отношении «заслуживающих доверия доказательств совершения правонарушений».

Уильям Сэфайр, обозреватель газеты *New York Times*, который ранее был спичрайтером Никсона и Агню и, вероятно, стремился доказать, что все их преемники такие же плохие, как и они, особенно активно выступая с ничем не подтвержденными заявлениями о связи, существующей между смертью Винса и нашими с Хиллари незаконными действиями. Правда, предсмертная записка нашего друга свидетельствовала как раз об обратном; она доказывала, что мы не сделали ничего предосудительного. Однако это не помешало домыслам Сэфайра о том, что Винс, не имея на то законных оснований, держал в своем кабинете документы, которые могли нам навредить.

Теперь мы знали, что значительная часть так называемой «информации», которая лежала в основе наносивших нам ущерб, но по сути ошибочных статей, поставлялась прессе Дэвидом Хейлом и правыми, в собственных целях признавшими его своим. В 1993 году республиканец Хейл, судья муниципального суда Литл-Рока, был обвинен в обмане Управления по делам малого бизнеса на 900 тысяч долларов федеральных средств. Эти деньги должны были быть использованы для предоставления займов предпрятиям, владельцы которых принадлежали к национальным меньшинствам, через его компанию, Capital Management Services (впоследствии аудиторская проверка, проведенная Главным контрольно-финансовым управлением, показала, что Хейл обманом лишил это управление 3,4 миллиона долларов). Он присвоил эти средства через несколько подставных корпораций. Хейл

обсудил свое положение с судьей Джимом Джонсоном, старым арканзасским расистом, который был соперником Уина Рокфеллера на выборах губернатора в 1966 году и сенатора Фулбрайта — в 1968-м. Джонсон взял Хейла под свое крыло и в августе организовал его контакты с консервативной организацией под названием «Объединенные граждане», руководителями которой были Флойд Браун и Дэвид Босси. В 1988 году Браун выпускал печально известные ролики про Уилли Хортон, направленные против Майкла Дукакиса. Босси помог ему написать книгу для кампании 1992 года под названием «Хитрый Уилли: Почему Америка не может доверять Биллу Клинтону» (*Slick Willie: Why America Cannot Trust Bill Clinton*), авторы которой выражали «особую благодарность» судье Джиму Джонсону.

Хейл утверждал, что я убеждал его одолжить 300 тысяч долларов, принадлежавших компании Capital Management, фирме, которой владела Сюзан Макдугал, чтобы предоставить эти деньги ведущим демократам Арканзаса. Взамен Макдугал должна была одолжить Хейлу более 800 тысяч долларов через компанию Madison Guaranty, что позволило бы ему получить еще миллион долларов от Управления по делам малого бизнеса. Это была нелепая и не соответствовавшая действительности история, которую, однако, Браун и Босси активно распространяли. По-видимому, Шеффилд Нельсон тоже помогал им, поскольку предлагал ее Джеффу Герту из газеты *New York Times*, с которым он был связан.

К марту 1994 года средства массовой информации подняли шум вокруг неких документов, уничтоженных фирмой Rose; на одном из ящиков, где они хранились, обнаружили инициалы Винса Фостера. Представители фирмы разъяснили, что они ликвидировали материалы, никак не связанные с делом «Уайтуотер», и это была обычная процедура уничтожения бумаг, в которых отпала необходимость. Никто в Белом доме даже не знал о том, что фирма Rose в рабочем порядке уничтожает ненужные документы, не имеющие отношения к делу «Уайтуотер»; более того, нам нечего было скрывать, и до сих пор не существовало абсолютно никаких доказательств, что мы действительно что-то утаивали.

Все это было настолько некрасиво, что пользовавшийся большим уважением журналист Дэвид Броудер даже назвал Берни Нассбаума «незадачливым», поскольку он якобы терпимо относился к самонадеянности власти и злоупотреблению служебным положением, которые привели «к слишком знакомым словам — расследование, повестка в суд, большое жюри, отставка», вновь «прозвучавшим в Вашингтоне на прошлой неделе». Броудер даже сравнил «командные пункты», руководившие нашими кампаниями по подготовке экономической программы и с целью организации поддержки соглашения НАФТА, с перечнем противников Никсона.

Действительно, Нассбауму не повезло; если бы я прислушался к его мнению и отказался уступить требованиям о назначении независимого прокурора с целью «очистить атмосферу», не было бы ни расследования, ни повесток в суд, ни большого жюри. Подлинным правонарушением Берни была убежденность, что я должен придерживаться законности и принятых норм надлежащего поведения, а не реагировать на действия непре-

рывно менявших стандарты средств массовой информации, освещавших дело «Уайтуотер», целью которых было добиться именно тех результатов, о каких, по их утверждению, они сожалели. Преемник Нассбаума, долгое время работавший в Вашингтоне адвокат Ллойд Катлер, заслуженно пользовался в вашингтонском истеблишменте отличной репутацией. Его присутствие и советы нам очень помогли, однако он был не в состоянии изменить ход событий, связанных с делом «Уайтуотер».

Это был большой день для шоу Раша Лимбау, когда он поливал грязью тех, кто был связан с делом «Уайтуотер». Он утверждал, что Винс был убит в квартире, принадлежавшей Хиллари, а затем его тело перевезли в Форт-Марси-Парк. Я просто не представлял, как чувствуют себя дети и жена Винса. Впоследствии Лимбау выступил с ложным утверждением, что «журналисты и другие люди, работавшие над делом “Уайтуотер” или имевшие к нему отношение, подвергались в Литл-Роке избиениям и преследованиям, а некоторые в результате умерли». Однако бывший конгрессмен-республиканец Билл Дэннмейер пошел еще дальше: чтобы не позволить Лимбау превзойти его, он призвал провести слушания в Конгрессе, поскольку «пугающе» большое число людей, связанных со мною, умерло «при обстоятельствах, свидетельствовавших о том, что их смерть не была естественной». Ужасный список Дэннмейера включал сопредседателя финансового отдела моей предвыборной кампании Вика Рейзера и его сына, трагически погибших в авиакатастрофе во время полета на Аляску в 1992 году, и Пола Талли, руководителя политического отдела демократической партии, который умер от сердечного приступа, работая в составе моего предвыборного штаба в Литл-Роке. Я выступал с речами на похоронах обоих и впоследствии назначил вдову Вика, Молли, начальником протокольного отдела.

Джерри Фэлуэлл превзошел Дэннмейера, выпустив видеофильм «Круг власти» (*Circle of Power*) о «бесчисленных людях, погибших при загадочных обстоятельствах» в Арканзасе; в этом фильме содержался намек, что я каким-то образом несу за это ответственность. Затем вышла вторая серия, «Хроники Клинтона» (*Clinton Chronicles*) которую он показал в своем телешоу «Час Евангелия старых времен» (*The Old Time Gospel Hour*). Дэннмейер и судья Джим Джонсон исполняли в этом видеофильме главные роли. В нем меня обвиняли в причастности к контрабанде кокаина, в устранении свидетелей и организации убийства человека, который вел частное расследование, а также жены одного из полицейских штата. Массе «свидетелей» заплатили за то, чтобы они дали показания, и Фэлуэлл продал множество копий этого видеофильма.

По мере того как разворачивалось дело «Уайтуотер», я старался правильно оценивать ситуацию и помнить, что не все охвачены истерией по этому поводу. Например, газета *USA Today* опубликовала честную статью на эту тему, включавшую интервью с Джимом Макдугалом, заявившим, что мы с Хиллари не сделали ничего дурного, и с Крисом Уэйдом, агентом по торговле недвижимостью из Северного Арканзаса, в ведении которого находились участки компании «Уайтуотер», который также подтвердил, что мы говорили правду о своей ограниченной причастности к этой собственности.

Я мог понять, почему такие правые, как Раш Лимбау, Билл Дэннмейер, Джерри Фэллуэлл, и такая газета, как *Washington Times*, выступают с подобными утверждениями. *Washington Times* занимала откровенно правые позиции; она финансировалась преподобным Сон Мен Муном и издавалась Уэсом Пруденом-младшим, отец которого, преподобный Уэсли Пруден, был руководителем Совета белых граждан в штате Арканзас и одним из союзников судьи Джима Джонсона в их проигранном крестовом походе против предоставления гражданских прав чернокожим. Но я не мог поверить, что *New York Times*, *Washington Post* и другие средства массовой информации, которые я всегда уважал и которым всегда доверял, были введены в заблуждение людьми, подобными Флойду Брауну, Дэвиду Босси, Дэвиду Хейлу и Джиму Джонсону.

Примерно в это же время я устроил в Белом доме обед по случаю Месяца истории чернокожих. Среди присутствующих были мой старый профессор, преподаватель юридического факультета Берк Маршалл и его друг Николас Катценбах, который очень много сделал для прогресса в области гражданских прав, работая в Министерстве юстиции при президенте Кеннеди. Ник подошел ко мне и сказал, что он член редакционной коллегии *Washington Post* и ему стыдно за то, как газета освещает дело «Уайтуотер», и за «ужасающий ущерб», который это нанесло мне лично и моей репутации как президента, в конечном счете, из-за ничего не стоящих обвинений. «Зачем все это? — спросил он. — Безусловно, те, кто это устроил, заботятся не об общественных интересах».

Каковы бы ни были причины всей этой шумихи, но она возымела действие. Как показал проведенный в марте опрос общественного мнения, половина респондентов считала, что мы с Хиллари лжем, говоря о деле «Уайтуотер», а треть полагала, что мы совершили нечто незаконное. Мне пришлось признать, что ситуация вокруг «Уайтуотер» и особенно нападки на Хиллари оказали на меня более негативное влияние, чем я предполагал. Эти обвинения были беспочвенными и не подтверждались никакими заслуживающими доверия доказательствами. У меня имелись и другие проблемы, но Хиллари, помимо того, что иногда проявляла чрезмерное упрямство, вела себя безупречно. Меня просто убивало то, что ее ранят появлявшиеся одно за другим ложные обвинения, поскольку я сам усугубил ситуацию, согласившись с наивной идеей о назначении независимого прокурора, который, как мне казалось, прояснит ситуацию. Мне приходилось прилагать очень много усилий, чтобы сдерживать свой гнев, и это не всегда удавалось. Члены кабинета и сотрудники, по-видимому, понимали, что происходит, и терпели мои случавшиеся время от времени вспышки гнева, и Ал Гор помогал мне через это пройти. Хотя я продолжал много работать и мне по-прежнему нравилось то, чем я занимался, мое обычное солнечное настроение и присущий мне природный оптимизм постоянно подвергались суровым испытаниям.

Очень помогало, если удавалось над этим посмеяться. Каждую весну клуб «Грийдайрон» устраивал для представителей прессы — корреспондентов Белого дома и журналистов, работавших на радио и телевидении, три обеда. Они давали представителям прессы возможность пошутить над

президентом и другими политиками, а президент получал возможность им ответить. Я с нетерпением ждал этих встреч. Они позволяли всем нам немного расслабиться и напоминали мне о том, что пресса — это не нечто монолитное; она состоит преимущественно из хороших людей, стремящихся быть честными. Кроме того, как говорится в Библии, «Веселое сердце благотворно, как врачество, а унылый дух сушит кости».

Двенадцатого апреля во время обеда для корреспондентов радио и телевидения я был в очень хорошем настроении, и мне удалось сказать несколько удачных фраз, например: «Мне действительно очень приятно здесь находиться. Если вы считаете, что я приобрел землю на северо-востоке Арканзаса, я хотел бы вам ее показать»; «Некоторые говорят, что отношения с прессой дают мне повод испытывать жалость к самому себе. Мне хотелось бы думать об этом как о пределах моего умения поставить себя на место другого. Я чувствую свою боль»; «Осталось три дня до 15 апреля, а большинству из вас приходится уделять моим налогам больше времени, чем собственным»; «Я все еще верю в то, что называют Помощью!»

Действия, которые Хиллари впоследствии назовет «гигантским заговором правых», очень подробно и в хронологической последовательности описаны Сиднеем Блюменталем в книге «Войны Клинтон» (*Clinton Wars*) и Джо Конейсоном и Джинном Лайонсом в «Охоте на президента» (*The Hunting of the President*). Насколько мне известно, ни одно из содержащихся в этих книгах фактических утверждений не было опровергнуто. После их публикации люди, которые работали в придерживавшихся основного курса средствах массовой информации и стали жертвами истерии вокруг дела «Уайтуотер», игнорировали эти утверждения и отвергали мнение авторов, упрекая их в чрезмерном сочувствии мне и Хиллари, или обвиняли нас в том, каким образом мы реагировали на проблему «Уайтуотер», а также в том, что слышали от нас жалобы. Я уверен, что мы могли бы справиться с этой проблемой лучше, но то же самое можно было сказать и о них.

В начале истории с «Уайтуотер» один из моих друзей был вынужден уйти в отставку со своего поста в правительстве из-за поступка, совершенного им до того, как он прибыл в Вашингтон. Юридическая фирма Rose подала в Ассоциацию адвокатов Арканзаса жалобу на Уэбба Хаббела за то, что он якобы брал чрезмерно высокую плату со своих клиентов и преувеличивал свои расходы. Уэбб ушел со своего поста в Министерстве юстиции, однако заверил Хиллари в абсолютной беспочвенности выдвинутых против него обвинений и подчеркнул, что вся эта проблема возникла из-за того, что его богатый, но вспыльчивый тесть Сэт Уорд отказался оплатить фирме Rose расходы по делу о явном нарушении, которое она проиграла. Это выглядело правдоподобно, однако оказалось, что дело было не в этом.

Выяснилось, что Уэбб действительно брал слишком высокую плату со своих клиентов; его действия нанесли ущерб фирме Rose и уменьшили доходы всех ее партнеров, включая Хиллари. Если бы это дело не привлекло повышенное внимание, Уэбб, возможно, достиг бы договоренности с этой юридической фирмой о возмещении ее убытков на сумму, которую

он должен был вернуть своим клиентам, и на год-два лишился бы своей лицензии. Ассоциация адвокатов могла направить его к прокурору штата, а могла и не направить; даже если бы она сделала это, Хаббелу, возможно, удалось бы избежать тюрьмы, вернув деньги фирме. Вместо этого Уэбб попал в сеть независимого прокурора.

Впервые преданные гласности, эти факты меня ошеломили. Мы с Уэббом были друзьями и партнерами по гольфу на протяжении многих лет, и мне казалось, что я хорошо его знаю. Я по-прежнему считаю его хорошим человеком, сделавшим серьезную ошибку, за которую ему пришлось слишком дорого заплатить только потому, что он отказался стать пешкой в игре Старра.

Несмотря на происходящее, я все же не забывал о второй стороне моей двойной жизни, занимаясь тем, для чего прибыл в Вашингтон. В марте я уделял много времени тому, чтобы Конгресс принял два законопроекта, которые, как я считал, помогут работникам, не имевшим высшего образования. Большинство людей не могли оставаться на одной работе или даже у одного работодателя всю свою трудовую жизнь, и нестабильный рынок рабочих мест предоставлял им абсолютно разные возможности. В целом уровень безработицы в нашей стране составлял 6,5 процента, и эта цифра вводила в заблуждение: 3,5 процента безработных составляли выпускники колледжей, более 5 процентов — те, кто учился в двухгодичных колледжах, более 7 процентов — выпускники средних школ и более 11 процентов — те, кто их не окончил. На мероприятиях, состоявшихся в Нашуа и Кине, штат Нью-Хэмпшир, я заявил, что хотел бы преобразовать программу выплат пособий по безработице в систему получения нового места работы после увольнения, включающую большее число лучше спланированных программ профессионального обучения. Я хотел, чтобы Конгресс одобрил программу «Из школы — на работу», предусматривавшую качественную профессиональную подготовку в течение одного-двух лет для молодых людей, которые не пожелали четыре года учиться в колледже для получения диплома. К концу этого месяца мне удалось подписать законопроект «Цели на 2000 год». Наконец-то мы получили обязательства Конгресса достичь общенациональных целей в области образования, над которыми я работал еще в 1989 году, определять прогресс учащихся в процессе их достижения и стимулировать проведение местными школьными округами более многообещающих реформ. Это был удачный день для министра образования Дика Райли.

Восемнадцатого марта президент Боснии Алия Изетбегович и президент Хорватии Франьо Туджман находились в Белом доме для подписания соглашения, заключенного с помощью моего специального представителя Чарльза Редмэна и предусматривавшего создание федерации, включающей районы Боснии, где национальные группы, которые представляли эти лидеры, составляли большинство. Соглашение положило начало процессу продвижения к созданию конфедерации с Хорватией. Бои между мусульманами и хорватами были уже не столь ожесточенными по сравнению с теми,

которые и те, и другие вели против боснийских сербов, но, тем не менее, заключение этого соглашения было важным шагом в направлении мира.

В последние дни марта возник серьезный кризис вокруг Северной Кореи. В феврале эта страна согласилась разрешить инспекторам из Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) проверить их декларированные ядерные объекты, однако 15 марта помешала им завершить свою работу. В реактор, который проверяли эти инспекторы, загрузились топливные стержни. После того как их единожды использовали по своему прямому назначению, топливо можно было переработать и извлечь плутоний в количествах, достаточных для производства ядерного оружия. Северная Корея также планировала построить два более крупных реактора, способных поставлять гораздо больше облученного топлива. Они были опасным активом в руках самой изолированной в мире бедной страны, которая была не в состоянии даже прокормить свое население и у которой могло появиться искушение продать плутоний не вызывающему доверие покупателю. Через неделю я принял решение направить в Южную Корею ракеты «Пэтриот» и обратиться к ООН с просьбой ввести в отношении Северной Кореи экономические санкции. Как заявил 30 марта группе редакторов и журналистов Билл Перри, я был полон решимости не позволить Северной Корее создать ядерный арсенал несмотря на риск начала войны. Чтобы иметь абсолютную уверенность в том, что северокорейцы понимают серьезность наших намерений, Перри в течение следующих трех дней продолжал выступать с жесткими высказываниями и даже заявил, что мы не исключаем возможности нанесения превентивного военного удара.

Тем временем Уоррен Кристофер позаботился о том, чтобы наша позиция имела соответствующий противовес. Госдепартамент заявил, что мы предпочитаем мирное урегулирование, а наш посол в Южной Корее Джим Лейни охарактеризовал позицию США как «бдительность, твердость и терпение». Я считал, что, если Северная Корея действительно понимает суть нашей позиции, а также экономическую и политическую выгоду, которую она может получить, отказавшись от своей ядерной программы в пользу сотрудничества со своими соседями и с США, мы сможем решить эту проблему. Если же это нам не удастся, то дело «Уайтуотер» вскоре может показаться абсолютно второстепенным.

Двадцать шестого марта я провел в Далласе счастливый уикенд, выступив в роли шафера на свадьбе моего брата с Молли Мартин, красивой женщиной, с которой он встретился после того, как, прожив несколько лет в Нашвилле, переехал в Лос-Анджелес в надежде возобновить свою карьеру певца. Я был действительно очень рад за Роджера. На следующий день после свадьбы мы все отправились посмотреть игру арканзасской команды «Рейзорбэкс», которая нанесла поражение команде Мичиганского университета в четвертьфинале турнира по баскетболу Национальной ассоциации студенческого спорта. На той же неделе *Sports Illustrated* поместил на обложке мою фотографию в спортивном костюме команды «Рейзорбэкс»; статью в этом журнале сопровождала моя фотография с баскетбольным мячом в руках. На фоне того, каким нападкам я в последнее время подвергался в прессе, это было

похоже на манну небесную. Неделю спустя я посетил стадион в Шарлотте, Северная Каролина, где команда Арканзаса, которая нанесла поражение команде Университета Дьюка со счетом 76:72, выиграла национальный чемпионат.

Шестого апреля судья Верховного суда Гарри Блэкмун объявил, что уходит в отставку. Мы с Хиллари подружились с судьей Блэкмуном и его женой Дотти на «Ренессансных уикендах». Он был прекрасным человеком и отличным судьей. Его голос как человека, придерживающегося умеренных взглядов, был крайне необходим в Верховном суде, возглавлявшемся Ренквистом. Я знал, что мой долг перед страной — найти Блэкмуну достойного преемника. Прежде всего мой выбор пал на сенатора Джорджа Митчелла, который месяцем ранее объявил о своей отставке. Он был хорошим лидером демократического большинства в Сенате, моим верным сторонником и оказывал мне огромную помощь, и мы отнюдь не могли гарантировать, что на ноябрьских выборах сможем сохранить для демократов его место. Я не хотел, чтобы он уходил из Сената, но был воодушевлен перспективой назначения Джорджа судьей Верховного суда. До избрания в Сенат он был федеральным судьей и мог стать очень заметной фигурой в Верховном суде, человеком, способным влиять на исход голосования, к голосу которого там бы прислушивались даже в тех случаях, когда его позиция расходилась бы с общим мнением. Однако во второй раз за пять недель Митчелл отклонил мое предложение. Он сказал, что, если покинет Сенат в этот момент, любые шансы на принятие законопроекта о реформе системы здравоохранения будут сведены к нулю, а это нанесет ущерб американскому народу, демократической партии, стремящейся добиться избрания своего представителя на его место в Сенате, и мне как президенту.

Я быстро нашел двух других кандидатов: судью Стивена Брейера, который уже прошел проверку, и Ричарда Арнольда, главного судью Апелляционного суда Восьмого округа, который заседал в Сент-Луисе и юрисдикция которого распространялась на штат Арканзас. Арнольд в прошлом был сотрудником Гейла Бамперса, очень многие представители семьи которого принадлежали к числу выдающихся арканзасских адвокатов. Возможно, он был самым талантливым человеком среди федеральных судей. Ричард окончил Йельский университет с наилучшими результатами по сравнению со всеми сокурсниками и юридический факультет Гарвардского университета. Он также изучал латынь и греческий, отчасти для того, чтобы читать ранние библейские тексты. Вероятно, я назначил бы его, если бы не то обстоятельство, что Ричард прошел лечение в связи с онкологическим заболеванием, и было сложно строить в отношении него какие-либо прогнозы. Мои предшественники-республиканцы заполняли федеральные суды молодыми консерваторами, которые имели возможность работать на протяжении еще очень долгого времени, и я не хотел создавать опасную ситуацию, когда еще одно место в Сенате может оказаться в их руках. В мае я принял решение назначить на этот пост судью Брейера. Он был таким же квалифицированным специалистом, как и Арнольд, и произвел на меня хорошее впечатление во время нашего собеседования, состоявшегося ранее, после отставки судьи Уайта. Большое значение имело и то, что его канди-

датуру Сенат мог легко утвердить. Мне приятно сообщить, что Ричард Арнольд все так же работает в Восьмом округе, и время от времени мы по-прежнему играем с ним в гольф.

В начале апреля НАТО снова нанесло бомбовые удары по Боснии, на этот раз — чтобы заставить сербов прекратить осаду Горажде. В тот же день начались массовые беспорядки в Руанде. Авиакатастрофа, в которой погибли президенты Руанды и Бурунди, спровоцировала ужасающие массовые убийства руководителями племени хуту, составлявшего большинство населения, людей из племени тутси и сочувствовавших им своих соплеменников. Тутси составляли всего 15 процентов населения, однако считалось, что они имеют несоразмерно большую экономическую и политическую власть. Я отдал распоряжение об эвакуации из Руанды всех американцев и направил туда войска, чтобы гарантировать безопасность наших граждан. В течение ста дней в этой стране с населением всего 8 миллионов человек были убиты, в большинстве случаев с использованием мачете в качестве оружия, более 800 тысяч человек. Мы были чрезвычайно заняты событиями в Боснии, поглощены воспоминаниями о том, что случилось шесть месяцев назад в Сомали, а кроме того, многие конгрессмены выступали против развертывания американских войск в отдаленных районах мира, не имевших жизненно важного значения для наших национальных интересов, и в результате ни я, ни кто другой в моей внешнеполитической команде не уделили достаточно внимания возможности отправки наших войск в Руанду, чтобы прекратить массовые убийства. Если бы мы направили в эту страну несколько тысяч военнослужащих и получили помощь от наших союзников, то даже с учетом времени, которое потребовалось бы для развертывания вооруженных сил, можно было спасти жизни многих людей. То, что мы не попытались остановить трагедию в Руанде, стало одним из вызывавших у меня наибольшее сожаление моментов моего президентства.

Во время второго срока пребывания на посту президента и после своего ухода я делал все возможное, чтобы помочь руандийцам снова объединить страну и наладить свою жизнь. Сегодня Руанда — одна из стран, где по приглашению ее президента Поля Кагаме действует Фонд Клинтона, сотрудники которого работают над проблемой распространения СПИДа.

Двадцать второго апреля умер президент Никсон, через месяц и один день после того, как написал мне замечательное письмо на семи страницах о своей недавней поездке в Россию, на Украину, в Германию и Англию. Никсон подчеркнул, что я заслужил уважение руководителей этих стран, где он побывал, и что я не должен допустить, чтобы события вокруг дела «Уайтуотер» или какие-либо другие внутренние проблемы «отвлекли внимание от нашего важнейшего внешнеполитического приоритета — содействия в сохранении политической и экономической свободы в России». Его тревожили политическое положение Ельцина и активизация антиамериканских настроений в российской Думе, и он призвал меня сохранять тесные отношения с Ельциным, не пренебрегая, однако, контактами и с другими демократами в России; усовершенствовать планирование нашей программы

помощи и управление ею; а также поручить одному из ведущих предпринимателей возглавить усилия по значительному увеличению частных инвестиций в экономику России. Никсон отметил, что националиста-экстремиста Жириновского следует не подавлять, а разоблачать «как мошенника, каковым он на самом деле является», и что нам следует добиваться, чтобы «плохие парни — Жириновский, Руцкой и коммунисты — были разобщены, а хорошие парни — Черномырдин, Явлинский, Шахрай, Травкин — по возможности, объединились в единый фронт для осуществления ответственных реформ». И, наконец, Никсон посоветовал мне не направлять финансовую помощь всем бывшим республикам Советского Союза, а сосредоточить ресурсы, помимо России, на Украине, подчеркнув: «Это необходимо». Его письмо свидетельствовало о силе и изобретательности, это был Никсон в своем лучшем проявлении на восьмом десятке лет своей жизни.

На похоронах Никсона, проходивших в его президентской библиотеке и на его родине, присутствовали все бывшие президенты США. Я был несколько удивлен, когда его семья обратилась ко мне с просьбой выступить наряду с Бобом Доулом, Генри Киссинджером и губернатором штата Калифорния Питом Уилсоном, который в молодости работал у Никсона. В своем выступлении я выразил благодарность Никсону «за его мудрые советы, особенно в отношении России», а также отметил его неизменный живой и здравый интерес к Америке и миру, упомянув о звонке и письме, которое он прислал мне всего за месяц до своей смерти. Тему Уотергейта я затронул лишь мимоходом, призвав к примирению: «Сегодня семье президента Никсона, его друзьям и его стране следует вспоминать жизнь этого человека во всей ее полноте... Пусть времена, когда о президенте Никсоне судили по менее важным аспектам, чем вся его жизнь и карьера, останутся в прошлом». Некоторым членам демократической партии, ненавидевшим Никсона, не понравилось то, что я сказал. Я не одобрял не только Уотергейт, но не был согласен и со многими другими действиями Никсона — составлением списка политических противников, продлением войны во Вьетнаме и расширением бомбардировок, преследованием «красных» оппонентов в Палате представителей и Сенате Законодательного собрания Калифорнии. Однако он также установил отношения с Китаем, подписал законопроекты, на основе которых были созданы Агентство по охране окружающей среды, Корпорация юридических услуг и Управление охраны труда, а также поддержал программу позитивных действий. По сравнению с республиканцами, которые пришли к руководству партией в 1980-е и 1990-е годы, президент Никсон занимал ультралиберальные позиции.

На следующий день после его похорон я выступил в шоу Ларри Кинга, поскольку он интервьюировал Дика Келли и Джеймса Моргана. Обсуждалась книга мамы «Следуя голосу сердца» (*Leading with My Heart*), которая в скором времени должна была выйти из печати. Я сказал Ларри, что после возвращения из поездки за границу, состоявшейся после ее похорон, поймал себя на полпути к телефону в нашей кухне, осознав, что больше не могу звонить маме воскресными вечерами. Пройдет много месяцев, прежде чем у меня перестанет возникать желание ей позвонить.

Двадцать девятого апреля в присутствии фактически всего кабинета я принимал на Южной лужайке вождей племен коренных американцев и коренных жителей Аляски, пригласив их в Белый дом, вероятно, впервые с 1820-х годов. Некоторые из них благодаря азартным играм для индейцев настолько разбогатели, что прилетели в Вашингтон на собственных самолетах. Другие, жившие в изолированных резервациях, были настолько бедны, что им пришлось «пустить шапку по кругу» в своих племенах, чтобы собрать достаточно денег на авиабилеты. Я обещал уважать их права на самоопределение, независимость племен и религиозную свободу и активно стремиться к улучшению отношений с ними федерального правительства. Я подписал распоряжения президента в качестве гарантии того, что наши обещания будут выполнены, и, наконец, дал слово активизировать усилия для поддержки образования, здравоохранения и экономического развития самых бедных племен.

К концу апреля стало ясно, что мы проиграли рекламную кампанию за реформу системы здравоохранения. В статье, опубликованной 29 апреля газетой *Wall Street Journal*, так описывалась направленная против нас кампания дезинформации, на которую было израсходовано 300 миллионов долларов:

Ребенок истошно кричит, в голосе матери — отчаяние. «Пожалуйста!» — говорит она в телефонную трубку, умоляя оказать помощь ее больному ребенку. «Мы сожалеем, но государственный медицинский центр сейчас закрыт, — звучит магнитофонная запись на другом конце линии. — Однако, если требуется неотложная помощь, вы можете позвонить 1-800-Правительство». Женщина пытается набрать этот номер, но в ответ слышит другую магнитофонную запись: «Мы сожалеем, но все представители по вопросам здравоохранения сейчас заняты. Оставайтесь, пожалуйста, на линии; при первой же возможности...»

«Почему они разрешили правительству взять все это на себя? — спрашивает она печально. — Я хочу, чтобы у нас снова был наш семейный доктор».

Далее в этой статье говорилось о том, что единственная проблема с этой радиопередачей, проведенной по заказу вашингтонской организации «Американцы за налоговую реформу», состоит в том, что она не правдива. Организаторы другой широкомасштабной кампании — рассылки материалов по почте, проводившейся Американским советом за реформу здравоохранения, утверждали, что в соответствии с программой, предлагаемой Клинтон, людям может грозить пятилетний срок тюремного заключения, если они заплатят за дополнительные медицинские услуги. На самом деле наша программа недвусмысленно предусматривала, что люди имеют право покупать любые медицинские услуги, в которых они нуждаются.

Все утверждения организаторов этой кампании не соответствовали действительности, но тем не менее она срабатывала. В опубликованной 10 марта

статье под заголовком «Многие не понимают, что на самом деле им нравится программа Клинтона», основанной на результатах опроса общественного мнения, проведенного *Wall Street Journal/ NBC News*, говорилось, что, когда респондентам задавали вопрос, как они относятся к нашей реформе системы здравоохранения, большинство отвечали, что выступают против нее. Однако когда их спрашивали, какие положения, по их мнению, надо включить в программу здравоохранения, основные постулаты, уже входившие в наш законопроект, поддержали более 60 процентов опрошенных. В этой статье подчеркивалось: «Когда группе были зачитаны описание законопроекта Клинтона, который не был при этом назван программой президента, и четыре других основных предложения, находящихся на рассмотрении Конгресса, все присутствовавшие в комнате выбрали как лучшую программу Клинтона».

В статье цитировалось следующее заявление специалистов, проводивших этот опрос, — республиканца и демократа: «Это должно одновременно вызвать удовлетворение Белого дома и отрезвить его. Удовлетворение, поскольку основные разработанные им идеи правильны с точки зрения многих людей. Отрезвить, поскольку администрация явно мало что смогла донести до общественности и в этом плане сильно проиграла заинтересованным группам».

Несмотря на это, Конгресс продвигался вперед. Законопроект по реформе системы здравоохранения был передан на рассмотрение пяти комитетов Конгресса, трех комитетов Палаты представителей и двух — Сената. В апреле Комитет Палаты представителей по вопросам труда провалил законопроект, который был гораздо более всеобъемлющим, чем наш. Остальные четыре комитета активно работали, стараясь выработать консенсус.

Первая неделя мая была еще одним периодом, когда очень многое происходило одновременно. Я отвечал на вопросы иностранных журналистов на международном форуме, организованном Центром имени президента Картера в штаб-квартире CNN в Атланте; подписал законопроект «Из школы — на работу»; поздравил Рабина и Арафата с заключением соглашения о мерах по передаче палестинцам сектора Газа и Иерихона; вел лоббистскую кампанию в Палате представителей, добиваясь принятия решения о запрете на продажу штурмового стрелкового оружия; приветствовал его принятие с перевесом в два голоса, несмотря на ожесточенную оппозицию Национальной стрелковой ассоциации. Я также объявил, что США увеличат помощь ЮАР после впервые состоявшихся там полномасштабных честных выборов, и что Ал и Типпер Гор, Хиллари, Рон Браун и Майк Эспи возглавят нашу делегацию, которая будет присутствовать на церемонии инаугурации президента Манделы. Затем я провел в Белом доме мероприятие с целью привлечь особое внимание к проблемам женщин, не имеющих медицинской страховки; ужесточил санкции в отношении Гаити из-за продолжавшихся убийств и избиений сторонников Аристида вооруженными силами под командованием генерал-лейтенанта Рауля Седраса; назначил Билла Грея, главу Объединенного фонда негритянских колледжей и бывшего председателя Бюджетного комитета Палаты представителей, специ-

альным советником президента, а также госсекретаря США Уоррена Кристофера по Гаити; а также получил иск от Пола Джонс. Это были события всего лишь очередной недели моего пребывания на посту президента.

Пола Джонс впервые появилась на публике в феврале прошлого года на съезде Консервативного комитета политических действий в Вашингтоне, округ Колумбия, где ее представил Клифф Джексон, якобы для того, чтобы «очистить имя Джонс от клеветы». В статье Дэвида Брока, появившейся в *American Spectator* и основанной на утверждениях полицейских штата Арканзас, меня, помимо всего прочего, обвиняли в том, что в номере люкс одного из отелей Литл-Рока я встречался с женщиной, которая впоследствии сказала доставившему ее туда полицейскому о своем желании быть моей «постоянной подружкой». Хотя в статье упоминалось только имя — Пола, Джонс заявила, что, прочитав эту заметку, члены ее семьи и друзья поняли, о ком именно шла речь. Джонс сказала, что хочет реабилитировать свое честное имя, однако вместо того чтобы подать иск против газеты *American Spectator* за клевету, она обвинила меня в сексуальных домогательствах и заявила, что после того как дала отпор моим нежелательным приставаниям, ее лишили ежегодного повышения зарплаты, которое, как правило, предусматривается для государственных служащих. В то время Джонс занималась канцелярской работой в Комиссии промышленного развития штата Арканзас. Сначала дебют Джонс у Клиффа Джексона не получил широкого освещения, однако 6 мая, за два дня до истечения срока подачи жалобы, она возбудила против меня иск, требуя компенсации в 700 тысяч долларов за мои якобы имевшие место домогательства.

Еще до возбуждения иска ее первый адвокат установил контакт с неким человеком в Литл-Роке, который связался с моей канцелярией и передал нам его слова о том, что у его подзащитной слабые позиции, но если я заплачу 50 тысяч долларов и помогу ей и ее мужу Стиву, который оказался ненавидевшим Клинтона консерватором, получить работу в Голливуде, то она не будет возбуждать против меня судебный иск. Я не заплатил ей потому, что никаких сексуальных домогательств не было, и потому, что, в отличие от других ее утверждений, не соответствовавших действительности, Джонс получала ежегодную прибавку к зарплате. Теперь, чтобы защищаться, мне пришлось пригласить еще одного адвоката — вашингтонского юриста Боба Беннета.

Большую часть времени в течение остальной части мая я вел кампанию по всей стране за законопроекты о реформе системы здравоохранения и о борьбе с преступностью, однако параллельно с этим, как всегда, происходили и другие события. На тот момент самым приятным из них было рождение 12 мая у Роджера и Молли моего первого племянника, Тайлера Кэссиди Клинтона.

Восемнадцатого мая я подписал важный законопроект о реформе программы «Хэд старт», над которым активно работали министры Шалала и Райли. В соответствии с этим законопроектом программа дошкольного обучения должна была распространяться на большее число бедных детей.

Предусматривалось также повышение ее качества, а на основе нашей новой инициативы «Эрли хед старт» впервые планировалось предоставлять услуги детям в возрасте до трех лет.

На следующий день я принимал в Белом доме премьер-министра Индии П.В. Нарасимха Рао. Из-за холодной войны и неудачной дипломатии Индия и США оказались слишком надолго разобщенными. Индия, численность населения которой составляла около миллиарда человек, была крупнейшей демократической страной мира. В течение предыдущих трех десятилетий вследствие осложнений в отношениях с Китаем она сблизилась с Советским Союзом, а США из-за холодной войны установили более тесные связи с ее соседом — Пакистаном. После обретения независимости Индия и Пакистан вели ожесточенный, казавшийся бесконечным спор из-за Кашмира — района на севере Индии, населенного преимущественно мусульманами. Я полагал, что теперь, когда холодная война закончилась, наш долг — использовать все возможности, чтобы наладить отношения между США и Индией.

Основным камнем преткновения было противоречие между нашими усилиями с целью ограничить распространение ядерного оружия в мире и активным стремлением Индии к его разработке, которую индийцы считали необходимым условием сдерживания Китая, обладавшего ядерным арсеналом, и непременным атрибутом, придающим ей статус мировой державы. Пакистан тоже работал над ядерной программой, что создавало опасную ситуацию на субконтиненте. Я полагал, что наличие ядерных арсеналов сделает систему безопасности как Индии, так и Пакистана менее надежной, однако индийцы относились к этому иначе и были полны решимости не позволить США вмешиваться во внутренние дела их стран и препятствовать законному, с их точки зрения, праву — продвигаться вперед в осуществлении ядерной программы. Однако, несмотря на это, индийцы так же, как и я, стремились к улучшению наших отношений. Хотя мы не урегулировали наши разногласия, нам с премьер-министром Рао удалось сломать лед и начать новую главу в истории индийско-американских отношений, которые продолжали улучшаться на протяжении не только двух сроков моего пребывания на посту президента, но и впоследствии.

В тот день, когда я встретился с премьер-министром Рао, после борьбы с онкологическим заболеванием в возрасте всего шестидесяти четырех лет умерла Джекки Кеннеди Онассис. Джекки была самым закрытым из наших великих публичных идиолов, и для большинства людей она осталась незабываемым воплощением элегантности, грации и горя. Для тех, кому посчастливилось знать ее лично, Джекки была не только такой, какой ее себе многие представляли, но чем-то гораздо большим — великолепной, яркой женщиной, полной жизни и оптимизма, прекрасной матерью и хорошим другом. Я знал, как сильно ее детям, Джону и Каролине, и ее другу Морису Темпелсману будет не хватать Джекки. Хиллари тоже будет скучать по ней, потому что она всегда была источником оптимизма и разумных советов, а также олицетворением истинной дружбы.

В конце мая мне предстояло решить, стоит ли продлевать статус наибольшего благоприятствования в торговле с Китаем. Термин «страна, имеющая

статус наибольшего благоприятствования в торговле» в какой-то степени вводил в заблуждение, поскольку имелись в виду нормальные торговые отношения без дополнительных тарифов и других препятствий. У Америки уже был значительный дефицит торгового баланса в торговле с Китаем, который будет увеличиваться на протяжении ряда лет, в то время как мы ежегодно закупали примерно 35–40 процентов китайского экспорта. После насильственного подавления выступлений на площади Тяньаньмынь и последовавших за этим жестких расправ с диссидентами многие американцы, независимо от их политических взглядов, считали, что администрация Буша поспешила с восстановлением нормальных отношений с Пекином. Во время предвыборной кампании я критиковал политику президента Буша в этой области и в 1993 году издал распоряжение президента, в котором потребовал прогресса в решении ряда проблем — начиная с вопросов эмиграции и прав человека до принудительного труда в тюрьмах, прежде чем дать согласие на предоставление Китаю статуса наибольшего благоприятствования в торговле. В мае Уоррен Кристофер направил мне доклад, в котором говорилось, что все дела об эмиграции урегулированы; мы подписали меморандум о взаимопонимании, где говорилось о принятии китайской стороной мер по проблеме принудительного труда в тюрьмах; а также о том, что Китай впервые заявил о намерении соблюдать Всеобщую декларацию прав человека. С другой стороны, по словам Кристофера, в этой стране все еще наблюдались нарушения прав человека, выражающиеся в арестах и заключении в тюрьмы использующих мирные методы политических диссидентов и в репрессиях в отношении религиозных и культурных традиций Тибета.

Китай был очень чувствителен к «вмешательству» других стран в его политические дела. Руководители этой страны также считали, что они осуществляют все необходимые преобразования, которые могут провести в жизнь на основе своей программы экономической модернизации, и должным образом реагируют на связанные с ее реализацией колоссальные перемещения населения из внутренних провинций в процветающие прибрежные города. Поскольку наше сотрудничество дало некоторые позитивные результаты, я, при единодушной поддержке моих советников по вопросам внешней и экономической политики, решил продлить статус наибольшего благоприятствования в торговле с Китаем, а в будущем отделить наши усилия с целью добиться соблюдения прав человека в этой стране от вопросов торговли. США были очень заинтересованы в интеграции Китая в международное сообщество. Расширение торговли и сотрудничества между нашими странами способствовало бы повышению благосостояния китайских граждан; расширило бы контакты Пекина с внешним миром; позволило бы нам более тесно взаимодействовать в решении таких проблем, как северокорейская, в тех случаях, когда мы в этом нуждались; обеспечило бы более неукоснительное соблюдение Китаем международных законов и, как мы надеялись, продвижение вперед в вопросах соблюдения свободы личности и прав человека.

В первую неделю июня мы с Хиллари отправились в Европу, чтобы участвовать в торжествах по случаю пятидесятой годовщины Дня высадки союзников,

которая произошла 6 июня 1944 года, когда войска США и их союзники переправились через Ла-Манш и нанесли удар по нацистским войскам на пляжах Нормандии. Это была крупнейшая операция ВМС в истории, ознаменовавшая приближение окончания Второй мировой войны в Европе.

Наша поездка началась с посещения Рима, где мы встретились с Папой Римским в Ватикане и новым премьер-министром Италии Сильвио Берлускони, крупнейшим владельцем средств массовой информации в стране и новичком в политике, создавшим необычную коалицию, в состав которой входила экстремистская правая партия, которую сравнивали с фашистской. Хотя Его Святейшество Иоанн Павел II еще не полностью оправился после перелома ноги, он энергично обсуждал со мною различные международные проблемы, начиная с вопроса о возможности обеспечения свободы религии в Китае до перспектив сотрудничества с умеренными мусульманскими странами и наших разногласий по поводу того, какими оптимальными средствами можно ограничить резкое увеличение численности населения в бедных странах и содействовать их устойчивому развитию.

В некоторых отношениях Берлускони был первым итальянским политиком эры телевидения: харизматичным, отличавшимся сильной волей и полным решимости своими собственными методами обеспечить дисциплину и руководство политической жизнью Италии — страны, печально известной своей нестабильностью. Критики Берлускони обвиняли его в попытке навязать стране неофашистский порядок, однако он решительно отвергал эти нападки. Мне были приятны заверения Берлускони, что он намерен обеспечить в Италии демократию и соблюдение прав человека, сохранив исторически сложившееся партнерство своей страны с Соединенными Штатами и выполняя ее обязательства в Боснии в рамках НАТО.

Третьего июня я выступил на кладбище в Неттуно, где были похоронены американцы. Некогда оно пострадало от боев, а теперь поросло соснами и кипарисами. На стоявших рядами надгробиях были высечены фамилии 7862 похороненных там военнослужащих. Фамилии еще трех тысяч американцев, чьи тела так и не удалось найти, были высечены на стенах соседней часовни. Все они отдали свои молодые жизни в боях за освобождение Италии. Мой отец тоже служил на этом театре военных действий.

На следующий день мы уже находились в Англии, на авиабазе Милденхолл близ Кембриджа, и посетили еще одно американское кладбище, где на надгробиях были высечены фамилии 3812 похороненных там летчиков, пехотинцев и матросов, а также высилась стена с более чем пятью тысячами фамилий пропавших без вести американцев, в числе которых были два летчика, не вернувшихся из полетов над Ла-Маншем: Джо Кеннеди-младший, старший сын в семье Кеннеди, которому все прочили карьеру политика, и руководитель американского джаз-оркестра Гленн Миллер, чьей музыкой в 1940-е годы увлекались буквально все. На этом мероприятии оркестр BBC исполнил песню, ставшую лейтмотивом творчества Миллера, — «Серенаду лунного света».

После встречи с Джоном Мейджором в Чекерсе — резиденции британского премьер-министра, построенной еще в XV веке, мы с Хиллари при-

существовали на грандиозном обеде в Портсмуте, на котором я сидел рядом с королевой Великобритании. Меня поразили ее изящество, интеллект и разумность, которую она продемонстрировала во время нашего обсуждения представлявших общественный интерес проблем, стараясь получить от меня информацию и выяснить мое мнение по разным вопросам и в то же время не слишком явно выражая свои политические взгляды, поскольку считается, что главе британского государства это делать запрещено. Ее Величество произвела на меня большое впечатление как женщина, которая, если бы не обстоятельства ее рождения, могла бы стать успешным политиком или дипломатом. В ее теперешнем качестве ей приходилось выступать и в той, и в другой роли, но так, чтобы это не бросалось в глаза.

После обеда мы в качестве гостей королевской семьи посетили ее яхту «Британия», где имели удовольствие провести время с королевой-матерью, которая в свои девяносто три года была все еще очень энергичной и красивой женщиной с блестящими пронизательными глазами. На следующее утро, за день до годовщины Дня высадки союзников, мы все присутствовали на богослужении под открытым небом — религиозной церемонии в честь «войск, отправляющихся» на бой. На ней присутствовала и принцесса Диана, которая рассталась с принцем Чарльзом, но еще не расторгла свой брак с ним. Поздоровавшись с Хиллари и со мною, она стала пожимать руки своим согражданам в толпе, которые были очень счастливы ее видеть. За то недолгое время, которое я провел с принцем Чарльзом и Дианой, они оба мне понравились, и я желал им, чтобы жизнь была к ним добрее.

После окончания службы мы вернулись на «Британию» на ланч и затем яхта направилась в сторону Ла-Манша, чтобы пересечь его вместе с огромной флотилией судов. После непродолжительного морского перехода мы попрощались с королевской семьей Великобритании и перебрались на небольшой катер, экипаж которого составляли военнослужащие спецподразделения ВМС США «Морские львы». Он доставил нас на авианосец «Джордж Вашингтон», на котором мы должны были совершить остальную часть путешествия. Мы с Хиллари с удовольствием пообедали в компании матросов и морских пехотинцев, составлявших шеститысячную команду этого корабля, а затем я поработал над текстами своих выступлений.

В годовщину высадки союзников я выступал на мысе Хок, в Юта-Бич, а также на американском кладбище в Кольвиль-сюр-мер. Среди моих слушателей было много ветеранов Второй мировой войны.

Я погулял по пляжу на месте высадки группы «Юта» с тремя ветеранами, один из которых был награжден Почетной медалью Конгресса за героизм, проявленный в этот судьбоносный день пятьдесят лет назад. С тех самых пор он оказался здесь впервые. Ветеран рассказал мне, что мы с ним стоим почти на том же самом месте, где он высадился в 1944 году. Затем он показал мне в сторону пляжа и сказал, что его брат находился там, всего в нескольких сотнях ярдов от него. Мужчина сказал: «Как странно все происходит в жизни! Я получил Почетную медаль Конгресса, а мой брат был

убит». «Вы все еще горюете о нем, не так ли?» — спросил я. Никогда не забуду его ответ: «Каждый день, все эти пятьдесят лет».

На этой церемонии меня представил Джо Доусон из Корпус-Кристи, штат Техас, который считался первым офицером (в то время он был молодым капитаном), успешно добравшимся под кинжальным огнем немцев до вершины неприветливых обрывистых берегов Нормандии. В день высадки союзников погибло почти 9400 американцев, в том числе тридцать три пары братьев или отцов с сыновьями и одиннадцать человек из маленького городка Бедфорд, штат Вирджиния. Я признал, что те, кто уцелели и вновь приехали сейчас в те места, где они одержали победу, «возможно, держатся сейчас не так бодро, как раньше, и ряды их редеют. Но не будем забывать, что, когда эти люди были молоды, они спасли мир».

На следующий день я приехал в Париж, чтобы встретиться с его мэром Жаком Шираком, выступить в Национальном собрании, заседания которого проходят в Бурбонском дворце, и присутствовать на обеде, который устроил в Елисейском дворце президент Франсуа Миттеран. Этот обед закончился около полуночи, и я был удивлен, когда Миттеран обратился нам с Хиллари с вопросом, не хотим ли мы посмотреть «Новый Лувр» — великолепное детище архитектора Й.М. Пэя, американца китайского происхождения. Миттерану было семьдесят семь лет, и он чувствовал недомогание, но ему очень хотелось похвастать последним шедевром, появившимся во Франции. Когда Франсуа, посол США во Франции Памела Андерсон и мы с Хиллари прибыли на место, то обнаружили, что наш гид — не кто иной, как сам Пэй. Мы более полутора часов осматривали великолепную стеклянную пирамиду, отреставрированные и перестроенные старые здания, а также предметы, найденные в результате раскопок римских поселений. Миттеран с неослабевающим энтузиазмом дополнял рассказ Пэя; ему хотелось, чтобы мы ничего не пропустили.

Последний день нашей поездки был посвящен личным делам, и я посетил Оксфорд, где мне должны были присвоить почетную ученую степень. Стоял один из прекрасных дней английской весны. Ярко светило солнце, дул легкий ветерок, все цвело: деревья, глициния, цветы. В коротком выступлении я упомянул о торжествах по случаю Дня высадки союзников, а затем сказал: «История не всегда позволяет нам вести “крестовые походы”, однако она всегда предоставляет нам возможности». У нас было в изобилии таких возможностей и в нашей стране, и за ее пределами: восстановить темпы экономического роста, распространить идеи демократии, прекратить разрушение окружающей среды, обеспечить новую безопасность в Европе и прекратить «распространение ядерного оружия и терроризма». Мы с Хиллари провели незабываемую неделю, однако нам пора было возвращаться к этим «возможностям».

На следующий день после моего возвращения сенатский Комитет по труду и человеческим ресурсам во главе с сенатором Кеннеди вернул нам после рассмотрения законопроект о реформе системы здравоохранения. Это был первый случай, когда законопроект, предусматривавший всеобщее меди-

цинское страхование, был рассмотрен комитетом Конгресса, заседавшим в полном составе. За него голосовал один республиканец, Джим Джеффордс от штата Вермонт, который призвал меня продолжать установление контактов с республиканцами и сказал, что, если в этот законопроект будут внесены одна-две поправки, которые не изменят его сути, мы сможем получить еще несколько голосов.

Наша эйфория оказалась недолгой. Через два дня Боб Доул, ранее говоривший мне о возможности выработки компромисса по этой проблеме, объявил, что намерен заблокировать любой законопроект по здравоохранению и что моя программа станет одной из главных проблем на ноябрьских выборах в Конгресс. Через несколько дней уже цитировалось высказывание Ньюта Гингрича, подчеркнувшего, что цель стратегии республиканцев — путем голосования против улучшающих эту программу поправок добиться, чтобы возможность принятия Конгрессом законопроекта о реформе системы здравоохранения была полностью исключена. И он сдержал свое слово. 30 июня Бюджетный комитет Палаты представителей провалил законопроект о всеобщем медицинском страховании, не получивший в поддержку ни одного голоса республиканцев.

Незадолго до этого их лидеры получили памятную записку от Уильяма Кристола, бывшего руководителя аппарата сотрудников вице-президента Дэна Куэйла, в которой содержался призыв провалить законопроект о реформе системы здравоохранения. Кристол подчеркнул, что республиканцы не могут допустить, чтобы прошел подобный законопроект, поскольку успех в области здравоохранения мог бы создать «серьезную политическую угрозу для республиканской партии», в то время как провал моей программы «стал бы огромной неудачей для президента». В конце мая, уединившись в День поминовения, республиканцы — лидеры Конгресса решили выразить одобрение позиции Кристола. Меня не удивило, что Гингрич поддерживает жесткий курс Кристола; он ставил своей целью завоевать Палату представителей и добиться сдвига вправо во всей стране. Доул же, напротив, был искренне заинтересован в улучшении работы системы здравоохранения и знал, что нам необходимо ее реформировать. Однако он намеревался баллотироваться на пост президента, поэтому все, что ему оставалось сделать, — это убедить сорок одного республиканца в Сенате устроить obstruction во время голосования — и с нашим законопроектом было покончено.

Двадцать первого июня я передал в Конгресс законопроект о реформе системы социального обеспечения, разработанный Донной Шалалой, Брюсом Ридом и их политическими сотрудниками самого высокого уровня. Основной его целью было добиться, чтобы система социального обеспечения «предоставляла дополнительный шанс, а не становилась образом жизни». По этому законопроекту в течение многих месяцев велись консультации со всеми заинтересованными группами: от губернаторов до лиц, получавших помощь в рамках данной системы. Он предусматривал, что все люди трудоспособного возраста, получавшие социальные пособия в течение двух лет, во время которых правительство дает им возможность получения

образования и профессиональной подготовки, по окончании этого срока должны устроиться на работу. Если не удастся найти место в частном секторе, человек, получавший ранее социальное пособие, должен будет согласиться на работу, субсидируемую правительством.

Другие положения законопроекта должны были гарантировать, что, если лица, получавшие ранее социальную помощь, начнут работать, их материальное положение не ухудшится по сравнению с тем, как они жили, когда получали пособия, включая выделение дополнительных средств на выплату пособий на детей и продолжение медицинского страхования и страхования питания на переходный период на основе программы «Медикэйд» и программы продовольственных талонов. Этих изменений, плюс введенных в 1993 году значительных налоговых кредитов на заработанный доход для работников с низкой заработной платой будет более чем достаточно для того, чтобы малооплачиваемая работа стала более привлекательной, чем социальные пособия. Конечно, если бы мы добились принятия законопроекта о реформе системы здравоохранения, работники с низкими доходами получили бы не временную, а постоянную медицинскую страховку, и тогда реформа системы социального обеспечения была бы еще более успешной.

Я также предложил положить конец порочному поощрению существовавшей системы ухода матерей-подростков из дома, поскольку в этом случае они получали более значительную помощь, чем если бы оставались жить с родителями и продолжали учиться в школе. Кроме того, я призвал Конгресс ужесточить закон о проведении в жизнь мер по материальной поддержке детей, чтобы вынудить отсутствующих родителей выплачивать более значительную часть поразительной суммы в 34 миллиарда долларов, которую они в соответствии с судебными решениями были обязаны передать своим детям, но, однако, этого не сделали. Министр Шалала уже предоставила нескольким штатам право «на отмену» существующих федеральных правил, чтобы они могли проводить многие из этих реформ, и такая мера давала результаты: списки лиц, получавших социальные пособия, значительно сократились.

Июнь был важным месяцем для внешней политики: я ужесточил санкции в отношении Гаити; мы с Хиллари устроили официальный обед для императора и императрицы Японии, очень умных, приятных людей, добивавшихся хорошего отношения к своей стране повсюду, куда они приезжали; я встретился с королем Иордании Хусейном и президентами Венгрии, Словакии и Чили. Однако самой сложной внешнеполитической проблемой была на тот момент северокорейская.

Как я уже упоминал выше, Северная Корея не дала инспекторам МАГАТЭ возможности убедиться, что отработавшие топливные стержни не используются для получения плутония, пригодного для производства ядерного оружия. В марте, когда инспекции были прекращены, я обещал добиваться введения в отношении этой страны санкций ООН и не исключил возможности применения военных мер. После этого ситуация еще больше ухудшилась. В мае Северная Корея начала выгружать ядерное топливо из реактора

таким образом, чтобы помешать инспекторам надлежащим образом контролировать его работу и определять, как используется облученное топливо.

Первого июня президент Картер позвонил мне и сказал, что хотел бы посетить Северную Корею, чтобы попытаться решить эту проблему. Я направил посла Боба Галлуччи, который занимался этим вопросом от нашего имени, в Плейнс, штат Джорджия, чтобы проинформировать Картера о том, насколько серьезны допущенные Северной Кореей нарушения. Картер, тем не менее, изъявил желание туда отправиться и, проконсультировавшись с Алом Гором и командой моих специалистов по национальной безопасности, решил, что стоит попробовать. Примерно за три недели до этого я получил отрезвляющий анализ огромных потерь обеих сторон в случае войны. В годовщину Дня высадки союзников я находился в Европе, поэтому Картеру позвонил Ал Гор, передавший ему, что я не возражаю против его поездки в Северную Корею при условии, что до сведения президента Ким Ир Сена будет доведено, что я не соглашусь приостановить санкции, пока Северная Корея не позволит инспекторам МАГАТЭ сделать свою работу, не заморозит свою ядерную программу и не даст согласие на новый раунд переговоров с США по вопросу о безъядерном будущем своей страны.

Шестнадцатого июня президент Картер позвонил мне из Пхеньяна, а затем дал интервью телекомпании CNN в прямом эфире, в котором сообщил, что президент Ким Ир Сен не удалит представителей МАГАТЭ из своего ядерного комплекса, если будут предприниматься добросовестные усилия с целью урегулирования разногласий из-за международных инспекций. Затем Картер сказал, что в ответ на этот «весьма позитивный шаг» наша администрация должна смягчить санкции и начать с Северной Кореей переговоры на высоком уровне. Я ответил, что, если Северная Корея готова заморозить свою ядерную программу, мы возобновим переговоры, однако неясно, согласен ли на это Пхеньян.

Учитывая прежний опыт, я был не готов доверять Северной Корее и оставил санкции в силе до тех пор, пока мы не получим от Пхеньяна официального подтверждения изменения его политики. Через неделю президент Ким Ир Сен прислал мне письмо, в котором подтвердил то, что он сказал Картеру, и согласился на другие наши условия переговоров. Я поблагодарил президента Картера за его усилия и объявил, что Северная Корея приняла все наши условия, а также что Пхеньян и Сеул согласились обсудить вопрос о возможной встрече своих президентов. В ответ я сказал, что США готовы в следующем месяце начать в Женеве переговоры с Северной Кореей, и на время их проведения мы приостановим действие наших санкций.

В конце июня я объявил о некоторых перестановках в аппарате сотрудников, которые, как мне хотелось верить, помогут нам эффективнее решать наши обширные законодательные задачи и лучше подготовиться к выборам, до которых осталось всего четыре месяца. За несколько недель до этого Мак Макларти сказал мне, что ему, видимо, пора сменить работу: он выдержал многочисленные удары из-за ситуации вокруг отдела поездок Белого дома, а в печати появлялись бесчисленные статьи с критикой нашего процесса

принятия решений. Мак предложил мне назначить руководителем аппарата сотрудников Белого дома Леона Панетту, который прекрасно знал механизм работы Конгресса и прессы и был способен руководить твердой рукой. Когда стало известно о намерении Мака, другие сотрудники тоже подтвердили, что Леон обладает всеми необходимыми качествами для этой работы. Мак отметил, что он хотел бы попытаться навести мосты в отношениях с умеренными республиканцами и консервативными демократами в Конгрессе и наблюдать за нашей подготовкой к Саммиту двух Америк, который в декабре должен был состояться в Майами.

Я полагал, что Мак работал лучше, чем считали многие. Он руководил Белым домом, возглавляя значительно меньший по численности, чем обычно, аппарат сотрудников при заметно увеличившейся рабочей нагрузке и сыграл решающую роль в наших победах, одержанных в борьбе за принятие экономической программы и НАФТА. Как часто говорил Боб Рубин, Мак создал в Белом доме и кабинете атмосферу коллегиальности, что так и не удалось многим предыдущим администрациям. Эта атмосфера позволила нам многого добиться как в Конгрессе, так и в государственных ведомствах. Она также способствовала той самой свободной и открытой полемике, из-за которой наш процесс принятия решений критиковали, однако благодаря которой, учитывая сложность и новизну многих стоящих перед нами задач, принятые решения оказывались более эффективными.

Более того, я сомневался, что мы могли что-то сделать — не считая уменьшения утечек информации, — чтобы избежать негативного освещения нашей деятельности в печати. Профессор Томас Паттерсон, авторитетный специалист по роли средств массовой информации в момент выборов, опубликовал недавно важную книгу под названием «Не по правилам» (*Out of Order*), которая помогла мне лучше понять, что тогда происходило, и воспринимать эти события более отстраненно. Основная идея Паттерсона заключалась в том, что освещение прессой президентских кампаний в последние двадцать лет становилось все более негативным, когда пресса стала видеть свою роль в «посредничестве» между кандидатами и общественностью и считать своей обязанностью сообщать избирателям, как им следует относиться к кандидатам и какие у них есть недостатки. В 1992 году информация о Буше, Перо и обо мне была скорее негативной, чем позитивной.

В послесловии к изданию этой книги 1994 года Паттерсон отметил, что после выборов 1992 года пресса впервые сохранила свою негативную предвзятость, характерную для предвыборной кампании, непосредственно при подаче материалов о деятельности президентской администрации. Теперь, отметил он, освещение усилий президента «зависит больше от циничной необъективности средств массовой информации, чем от его фактической деятельности. Печать почти всегда преувеличивает плохое и преуменьшает хорошее». Например, непартийный исследовательский Центр по вопросам масс-медиа и общественным отношениям заявил, что освещение моей деятельности в области внутренней политики было на 60 процентов негативным. Внимание, прежде всего, уделялось нарушенным предвыборным обещаниям, хотя, как подчеркнул Паттерсон, я сдержал «множество» своих

предвыборных обещаний и был президентом, который «заслуживал уважения благодаря выполнению своих обязательств» и отчасти хотя бы потому, что я одержал победу в Конгрессе по 88 процентам спорных голосований, показав результат, который превзошли только Эйзенхауэр в 1953 году и Джонсон в 1965-м. Паттерсон сделал вывод, что из-за негативного освещения моей деятельности прессой не только снижался рейтинг моей популярности, но также уменьшалась поддержка общественностью моих программ, включая реформу здравоохранения, и, таким образом, «это приводило к колоссальным издержкам для президентства Клинтона и национальных интересов».

Летом 1994 года книга Томаса Паттерсона помогла мне понять, что я, возможно, ничего не мог поделать, чтобы изменить освещение своей деятельности в средствах массовой информации. Если это действительно так, мне нужно было научиться лучше справляться с этой проблемой. Мак Макларти никогда не рвался стать руководителем аппарата сотрудников Белого дома, а Леон Панетта стремился взять на себя эту работу. Он уже завоевал в Административно-бюджетном управлении такое уважение, что добиться большего было бы просто невозможно: Конгресс впервые за семнадцать лет вовремя принял наши первые два бюджета; они гарантировали уменьшение дефицита в течение трех лет подряд — впервые с тех пор, как пост президента занимал Трумэн; и — что, возможно, было самым впечатляющим — эти бюджеты впервые за двадцать пять лет обеспечили сокращение дискреционных внутренних расходов, и в то же время в них увеличились ассигнования на образование, программу «Хед старт», профессиональное обучение и новые технологии. Возможно, став руководителем аппарата сотрудников Белого дома, Леон сумеет более наглядно показать, что мы сделали и чего пытались добиться для Америки. Я утвердил его на этом посту, а также назначил Мака советником президента с рекомендованным им перечнем своих должностных обязанностей.

В июне Роберт Фиск предпринял первые реальные шаги. Он решил провести независимое расследование обстоятельств смерти Винса Фостера, которая вызывала слишком много вопросов как у журналистов, так и у республиканцев в Конгрессе. Я был рад, что Фиск занялся расследованием, и надеялся, что его результаты заставят замолчать тех, кто раскручивал машину скандала, пытаюсь сделать из мухи слона, и семью Винса наконец-то оставят в покое.

Некоторые претензии и обвинения могли бы показаться просто смешными, если бы речь не шла о смерти человека. Громче всех о том, что Фостер был убит, заявлял конгрессмен-республиканец Дэн Бертон из штата Индиана. Пытаясь доказать, что Винс не мог застрелиться, Бертон даже отправился на собственный задний двор, где стал стрелять из револьвера по арбузам. Это было полной нелепостью, и я абсолютно не понимал, что именно Бертон пытался доказать подобным образом.

Фиск допросил и меня, и Хиллари. Это был прямой, обстоятельный разговор, после которого у меня появилась уверенность в том, что он тщательно рассмотрит все обстоятельства дела и завершит расследование в срок. 30 июня было обнародовано предварительное заключение по этому делу, а также в отношении наделавших шума бесед Берни Нассбаума с Роджером Олтменом. Фиск заявил, что Винс покончил с собой и нет никаких доказательств того, что его самоубийство каким-то образом связано с делом «Уайтуотер». Он также пришел к выводу, что Нассбаум и Олтмен не совершили ничего предосудительного.

С этого момента Фиск стал объектом неприязни консервативных республиканцев и их союзников в средствах массовой информации. Газета *Wall Street Journal* уже задала агрессивный тон публикациям, призвав остальные СМИ критически относиться ко мне и к Хиллари, «какие бы факты ни открылись впоследствии». Некоторые обозреватели и конгрессмены из числа консерваторов стали требовать отставки Фиска. Особенно громко звучал голос Лоча Фэрклота, сенатора от Северной Каролины, подстрекаемого новым сотрудником его аппарата Дэвидом Босси, партнером Флойда Брауна по организации «Ситизенс юнайтед» — группе правой ориентации, уже распространившей обо мне немало вымыслов.

В тот самый день, когда Фиск опубликовал свой доклад, я забил еще один гвоздь в крышку собственного «гроба», подписав новый закон о независимом расследовании. Этот закон позволил подтвердить полномочия Фиска, но особый отдел Апелляционного суда федерального округа Колумбия имел право отозвать его и назначить другого прокурора, заново начав все расследование. По этому закону кандидатуры судей, входящих в особый отдел, должны были утверждаться верховным судьей Ренквистом, который,

перед тем как возглавить Верховный суд, был республиканским активистом ультраконсервативного толка.

Я хотел поддержать Фиска, но новый руководитель юридического отдела Пэт Гриффин сказал мне, что, по мнению некоторых демократов, этого делать не стоит. Ллойд Катлер же заявил, что беспокоиться не о чем, поскольку беспристрастность Фиска ни у кого не вызывала сомнений, а потому не было причин его смещать. Он пообещал Хиллари «съесть собственную шляпу», если такое случится.

В начале июля я опять отправился в Европу для участия в саммите «Большой семерки», проходившем в Неаполе. По пути я остановился в Риге, столице Латвии, чтобы встретиться с руководителями балтийских государств и принять участие в праздничной церемонии, посвященной выводу российских войск из Литвы и Латвии, который мы помогли ускорить, финансируя программу строительства жилья для возвращавшихся на родину российских военнослужащих. В Эстонии все еще находились российские войска, и президент этой страны Леннарт Мери — в прошлом кинорежиссер, протестовавший против присутствия русских в своей стране, стремился к тому, чтобы их вывод произошел как можно скорее. После этой встречи состоялась трогательная церемония на площади Свободы в Риге, где меня приветствовало примерно сорок тысяч человек, которые размахивали флагами и благодарили Америку за твердую поддержку их вновь обретенной свободы.

Следующей остановкой была Варшава, куда я направился, чтобы встретиться с президентом Лехом Валенсой и еще раз заявить о своем желании видеть Польшу членом НАТО. Валенса стал национальным героем и наиболее вероятным кандидатом в президенты свободной Польши, когда десять лет тому назад возглавил выступления рабочих судоверфи города Гданьска против коммунистического режима. Он с большим подозрением относился к России и хотел, чтобы Польша как можно скорее вступила в НАТО. Он также стремился привлечь в Польшу американские инвестиции и шутил, что для будущего страны нужно больше американских генералов, «начиная с General Motors и General Electric».

В тот вечер Валенса пригласил на ужин несколько видных политических деятелей, представлявших различные партии. Я с интересом прислушивался к ожесточенному спору между госпожой Валенса, самоотверженной матерью восьмерых детей, и депутатом парламента, владельцем фермы по выращиванию картофеля. Жена президента ругала коммунизм, а депутат возражал ей, говоря, что при коммунизме фермерам жилось лучше, чем сейчас. Мне казалось, что еще чуть-чуть, и они подерутся. Я попытался примирить их, напомнив депутату, что даже при коммунистах фермы в Польше были частной собственностью, а государство лишь покупало у них продукцию, которую затем продавало Украине и России. Он согласился с этим, но заявил, что в то время всегда мог продать урожай по хорошей цене. Я сказал ему, что он никогда не жил при стопроцентно коммунистической системе, подобной советской, где земля была коллективной собственностью. Потом я объяснил, как работает американская система и что

даже в странах с рыночной экономикой сельскохозяйственные кооперативы пользуются государственной поддержкой. Несмотря на все доводы, фермер сохранил свой скептический настрой, а госпожа Валенса не утратила ответственности. Если демократия — это и есть свободный и оживленный обмен мнениями, можно считать, что в Польше она уже победила.

Первый день работы саммита в Неаполе был посвящен проблемам Азии. Днем раньше скончался Ким Ир Сен. Это произошло как раз в то время, когда в Женеве возобновились переговоры США с Северной Кореей, и поставило под сомнение наши договоренности с этой страной. Еще одним членом «Большой семерки», весьма озабоченным этой проблемой, была Япония. Напряженность в отношениях между японцами и корейцами сохранялась уже несколько десятилетий, начиная с времени, предшествовавшего началу Второй мировой войны. Если бы у Северной Кореи появилось ядерное оружие, Япония в ответ также вынуждена была бы его создать, чего эта страна, учитывая свой печальный исторический опыт, связанный с ядерным оружием, совсем не хотела. Новый премьер-министр Японии Томиити Мураяма, социалист, впервые в истории Японии занявший этот пост благодаря коалиции с Либерально-Демократической партией, уверил меня, что единство наших взглядов на проблему Северной Кореи останется неизменным. Из уважения к покойному Ким Ир Сenu переговоры в Женеве были отложены на месяц.

Самыми важными решениями, которые мы приняли в Неаполе, были предоставление пакета помощи Украине и участие России в работе следующего саммита. Включение России в этот престижный международный клуб давало Ельцину и другим реформаторам возможность настаивать на более тесных связях с Западом и гарантировало, что наши следующие встречи станут более интересными. Ельцин всегда казался мне занимательной личностью.

Мы с Хиллари и Челси очень любим Неаполь, поэтому остаток дня после заседания посвятили Помпеям. Итальянцы очистили город от пепла, засыпавшего его в 72 году н.э., во время разрушительного извержения вулкана. Мы осмотрели сохранившие яркость красок настенные росписи, в том числе и «политические плакаты» того времени; уличные закусовые — древнейшие предшественницы сегодняшних ресторанов быстрого обслуживания и останки нескольких погибших во время извержения вулкана людей, отпечатки тел которых удивительно хорошо сохранились в пепле. Среди них был мужчина, пытавшийся закрыть руками лицо своей беременной жены, а рядом — тела их двоих детей. Это впечатляющее зрелище напоминало о том, насколько хрупка человеческая жизнь.

Последним пунктом моего европейского турне стала Германия. Гельмут Коль показал нам свой родной город Людвигсхафен, после чего я посетил авиабазу Рамштайн, где встретился с американскими военнослужащими, многие из которых в связи с окончанием холодной войны скоро должны были отправиться домой. Мужчин и женщин, находившихся на базе Рамштайн, так же как и их коллег с военно-морской базы США, которую я посетил ранее, волновала только одна проблема — медицинское обслуживание.

У большинства из них были дети, и, пока они находились на военной службе, расходы на их лечение покрывались медицинской страховкой. Теперь они беспокоились, что по возвращении домой, в США, их дети лишатся гарантированной медицинской помощи.

Берлин в то время переживал настоящий строительный бум. Повсюду виднелись стрелы подъемных кранов: страна готовилась вернуть себе статус столицы объединенной Германии. Мы с Хиллари и супруги Коль прошли от здания рейхстага по той линии, где раньше находилась стена, разделявшая Берлин, и дальше, через величественные Бранденбургские ворота. Когда-то у этой стены, в западной части города, произнесли свои памятные речи президенты Кеннеди и Рейган. Теперь я стоял на трибуне в восточной части объединенного Берлина, и меня приветствовала восторженная аудитория из пятидесяти тысяч немцев, среди которых было много молодых людей, задумывавшихся о своем месте в мире — мире, который будет существенно отличаться от мира их родителей.

Я призвал немцев возглавить процесс объединения Европы. Я сказал им по-немецки, что, если они сделают это, «Amerika steht an Ihrer Seite jetzt und für immer» («Америка будет с вами сегодня и всегда»). Бранденбургские ворота всегда были символом времени. Очень долго они символизировали тиранию и захватническую политику, но теперь вновь стали тем, чем хотели видеть их строители: воротами в будущее.

Вернувшись домой, я продолжил заниматься внешнеполитическими проблемами. В результате усиления репрессий на Гаити оттуда хлынул новый поток беженцев, которые покидали остров на лодках, было прервано воздушное сообщение. В конце месяца Совет Безопасности ООН принял резолюцию, в которой одобрил вторжение на остров с целью свержения диктаторского режима, которое теперь представлялось неизбежным.

Двадцать второго июля я объявил о значительном увеличении размера помощи беженцам из Руанды и о создании в Уганде американской военной базы для круглосуточной доставки гуманитарной помощи в лагеря беженцев, расположенные на территории этой страны вблизи границы с Руандой. Я также приказал, чтобы военные наладили снабжение беженцев питьевой водой. Это было необходимо из-за высокого риска распространения холеры и других инфекционных заболеваний. Я также пообещал, что в следующие два дня из Соединенных Штатов будет доставлено 20 миллионов упаковок препаратов от обезвоживания, которые должны были помочь подавить вспышку холеры. За неделю мы отправили в Уганду более 1300 тонн продуктов питания, медикаментов и другой гуманитарной помощи, а также ежедневно раздавали беженцам 100 тысяч галлонов чистой питьевой воды. Для этого потребовались усилия четырех тысяч военнослужащих, а общая сумма наших расходов составила 500 миллионов долларов, но главным итогом этой акции стало то, что она позволила спасти множество человеческих жизней.

Двадцать пятого июля король Хусейн и премьер-министр Рабин прибыли в Вашингтон, чтобы подписать соглашение, которое официально положило конец войне между Иорданией и Израилем, и взяли на себя обязательство

провести переговоры о заключении полномасштабного мирного договора. Некоторое время они вели секретные переговоры, в чем им активно помогал Уоррен Кристофер. На следующий день два лидера выступили на объединенной сессии Конгресса, после чего мы втроем провели совместную пресс-конференцию, на которой подтвердили нашу приверженность полномасштабному мирному процессу, в котором должны участвовать все стороны ближневосточного конфликта.

Израильско-иорданское соглашение было подписано вскоре после нападения террористов на еврейский центр в Буэнос-Айресе, а также в Панаме и Лондоне, за которые, как полагали, несла ответственность «Хезболла». Оружие эта организация получала из Ирана, ей оказывала поддержку Сирия, а ее операции против Израиля осуществлялись с баз, расположенных на юге Ливана. Мир был невозможен без соглашения между Израилем и Сирией, и деятельность «Хезболла» представляла собой серьезное препятствие его заключению. Незадолго до этого я позвонил президенту Асиду и, сообщив ему об израильско-иорданском соглашении, попросил его выразить ему свою поддержку и подтвердил, что Израиль и Соединенные Штаты по-прежнему стремятся к успешным переговорам с его страной. Рабин не исключил возможности переговоров с Сирией, заявив, что сирийцы, хоть и не способны положить конец деятельности «Хезболла», могут, тем не менее, ее ограничить. Хусейн поддержал его, сказав, что не только Сирия, но и весь арабский мир должен последовать примеру Иордании и заключить мир с Израилем.

Я закрыл пресс-конференцию словами о том, что Хусейн и Рабин должны «распространить стремление к миру по всему земному шару». Борис Ельцин незадолго до этого сообщил мне, что подписал с президентом Мери соглашение о выводе всех российских военнослужащих из Эстонии к 31 августа.

В августе в Вашингтоне обычно жарко, и Конгресс отправляется на каникулы, однако в 1994 году он заседал почти весь август, обсуждая проблемы преступности и здравоохранения. И Сенат, и Палата представителей выдвинули свои варианты пакета законов по борьбе с преступностью, которыми предусматривалось на 100 тысяч человек увеличить число полицейских, ужесточить наказания за повторные правонарушения, выделить дополнительные средства для финансирования строительства тюрем и программ профилактики преступности среди детей и подростков.

На конференции комитетов Сената и Палаты представителей, проведенной с целью согласования подготовленных ими проектов законов по борьбе с преступностью, демократы добавили к компромиссному варианту закон о запрещении продажи штурмового стрелкового оружия. Как я уже говорил, этот закон был одобрен Палатой представителей большинством всего в два голоса, несмотря на яростное сопротивление Национальной стрелковой ассоциации (NRA). NRA уже один раз проиграла, когда пыталась не допустить принятия закона Брейди, и сейчас была полна решимости не допустить очередного ограничения права американцев «владеть оружием и носить оружие», несмот-

ря на то что речь шла о крупнокалиберном, скорострельном и многозарядном оружии, единственное назначение которого — за короткое время убить как можно больше людей. Этот тип оружия действительно высокоэффективен: вероятность смертельного исхода для жертвы нападения в случае его применения в три раза выше, чем при использовании обычных пистолетов.

Участники конференции решили представить закон о запрещении продажи штурмового оружия на утверждение вместе со всем пакетом законов по борьбе с преступностью, поскольку, хоть мы и располагали большинством голосов в Сенате, у нас не было шестидесяти голосов, необходимых для того, чтобы не допустить затягивания принятия этого закона, к которому наверняка собирались прибегнуть сторонники NRA. Демократы, участвовавшие в конференции, понимали, что противодействие принятию всего пакета законов по борьбе с преступностью значительно менее вероятно, чем принятию отдельного закона. Главная проблема заключалась в том, что конгрессменам-демократам — депутатам от сельских округов, в которых преобладали настроения в пользу продажи оружия, пришлось бы вновь голосовать за ее запрещение, рискуя проиграть следующие выборы. Проголосовав же против, они бы поставили под угрозу весь пакет законов по борьбе с преступностью.

Одиннадцатого августа Палата представителей провалила пакет законов по борьбе с преступностью 225 голосами против 210, причем число проголосовавших против него демократов составило 58, а поддержавших его республиканцев — 11. Несколько демократов, не поддержавших законопроект, были либералами, выступавшими против предусматриваемого им расширения применения смертной казни, но большинство голосовавших против него членов демократической партии сделали это под влиянием NRA. Довольно большое число республиканцев заявили, что готовы были поддержать законопроект, в том числе и запрет на продажу штурмового оружия, но не сделали этого, решив, что он потребует слишком больших ассигнований, особенно на программы профилактики преступности. Возникла угроза невыполнения одного из наших самых важных предвыборных обещаний, и мне нужно было что-то придумать.

Выступая на следующий день перед членами Национальной ассоциации офицеров полиции в Миннеаполисе вместе с мэром Нью-Йорка Руди Джулиани и мэром Филадельфии Эдом Ренделлом, я заявил, что нам пришлось выбирать между интересами полиции и народа, с одной стороны, и интересами NRA — с другой. Вне всякого сомнения, мы не собирались ради сохранения мест в Конгрессе подвергать дополнительной опасности американский народ и офицеров полиции.

Через три дня на церемонии в Роуз-Гарден та же проблема была еще острее сформулирована Стивом Спосато — бизнесменом-республиканцем, жена которого была убита душевнобольным человеком, который, вооружившись автоматической винтовкой, устроил стрельбу в административном здании в Сан-Франциско, где она работала. Спосато, вместе с которым на церемонии присутствовала его младшая дочь Миган, представил убедительные аргументы в пользу запрета на продажу штурмового оружия.

В конце месяца пакет законов по борьбе с преступностью был снова поставлен на голосование. В отличие от законопроекта, касающегося здравоохранения, нам удалось провести конструктивные межпартийные переговоры. На этот раз мы победили (235 голосов против 195), получив при этом дополнительно почти 20 голосов республиканцев, после того как пообещали снизить стоимость законопроекта. Под впечатлением включенных в законопроект программ эффективной профилактики преступности кое-кто из либеральных демократов изменил свое мнение и на этот раз проголосовал за его принятие. Еще несколько демократов из округов, население которых выступало за право владеть оружием, также рискнули проголосовать за законопроект. Через четыре дня сенатору Джо Байдену удалось провести пакет законов по борьбе с преступностью в Сенате (61 голос «за» и 38 «против»), причем 6 голосов, необходимых для преодоления препятствий его принятию, обеспечили сенаторы-республиканцы. Пакет законов по борьбе с преступностью должен был иметь ощутимые позитивные последствия и привести к существенному снижению преступности.

Непосредственно перед голосованием в Палате представителей спикер Том Фоули и лидер большинства Дик Гепхардт сделали последнюю попытку убедить меня исключить из законопроекта положение о запрете штурмового оружия. Они говорили, что многие демократы, которые с трудом выиграли выборы в своих округах, и так рисковали, проголосовав за экономическую программу правительства, и бросили вызов NRA, проголосовав за закон Брейди. Они говорили, что, если мы еще раз поставим их в затруднительное положение, вынудив голосовать за закон о запрете штурмового оружия, под угрозой окажется весь пакет законов по борьбе с преступностью, и если это случится, многие проголосовавшие за него демократы в ноябре проиграют выборы. Джек Брукс, конгрессмен из Техаса, председатель Комитета по юридическим вопросам Палаты представителей, сказал мне то же самое. Брукс проработал в Палате представителей более сорока лет и был одним из наиболее уважаемых мною конгрессменов. Он представлял округ, в котором было много членов NRA, и энергично противодействовал принятию закона о запрете штурмового оружия во время первого голосования. Джек был уверен, что если мы не откажемся от этого закона, то NRA запугает многих своих членов — владельцев огнестрельного оружия, и на выборах они проголосуют против демократов.

Я был встревожен тем, что услышал от Фоули, Гепхардта и Брукса, но был убежден, что наши конгрессмены сумеют выиграть дебаты с NRA по этому вопросу в своих избирательных округах. Дейл Бамперс и Дэвид Прайор знали, как объяснить причины своего голосования избирателям в Арканзасе. Сенатор Хауэлл Хефлин из Алабамы, с которым я был знаком почти двадцать лет, предложил очень разумное и убедительное объяснение своей поддержки законопроекта о запрете штурмового оружия. Он сказал, что никогда не голосовал за ограничения на владение огнестрельным оружием, но данный законопроект предусматривает запрет на владение только девятнадцатью разновидностями штурмового оружия, и он лично не знает никого, кто бы владел именно этими его видами. В то же время законопроект не запрещает

американцам покупать сотни других видов оружия, включая «любое оружие, с которым мне лично приходилось иметь дело».

Это был очень убедительный аргумент, но не все могли использовать его так умело, как Хауэлл Хефлин. Фоули, Гепхардт и Брукс были правы, а я ошибался. Сторонники более безопасной Америки среди конгрессменов могли понести тяжелые потери.

Может быть, я оказывал чрезмерное давление на Конгресс, страну и администрацию. На моей пресс-конференции 19 августа один журналист задал мне очень умный вопрос: «Не знаю, думали ли вы о том, что как президент, за которого проголосовали 43 процента избирателей, вы, возможно, пытаетесь сделать слишком многое и слишком быстро... выходя за пределы своих полномочий, выдвигая так много законодательных инициатив при полном отсутствии поддержки со стороны республиканцев?» Хотя нам многое удалось, я тоже задумывался об этом. И подтверждение не заставило себя ждать.

Несмотря на победу, одержанную в схватке за пакет законов по борьбе с преступностью, мы продолжали проигрывать по вопросу реформы здравоохранения. В начале августа Джордж Митчелл предложил компромиссный законопроект, который предусматривал повышение доли населения, имеющего медицинскую страховку, до 95 процентов, и обязывал работодателей оплачивать медицинскую страховку своих работников. Данный законопроект предусматривал возможность повышения этой доли до 100 процентов, в том случае если предложенная им система добровольного страхования не сработает. Я выразил свою поддержку законопроекту Митчелла на следующий же день и попытался убедить поддержать его умеренных республиканцев, но не добился успеха. Доул стремился сорвать любые осмысленные реформы — это было выгодной для него политикой. В тот день, когда был принят пакет законов по борьбе с преступностью, Сенат отправился на двухнедельные каникулы, так ничего и не решив по поводу реформы здравоохранения. Доулу не удалось сорвать принятие законопроекта по борьбе с преступностью, но он помешал принятию законопроекта о реформе здравоохранения.

Еще одна важная новость появилась в августе в «параллельном мире Уайт-уотер». После того как я подписал закон о независимом расследовании, верховный судья Ренквист назначил судью Дэвида Сентелла главой особого отдела, который по новому закону получил право назначать независимых прокуроров. Ультраконсерватор Сентелл был протезе сенатора Джесси Хелмса, разоблачавшего «левых еретиков», которые хотели, чтобы Америка стала «коллективистской, эгалитарной, материалистической, озабоченной расовыми вопросами, неверующей и склонной к социальной вседозволенности». В комиссию из трех человек вошел еще один консервативный судья, поэтому Сентелл мог делать все, что ему заблагорассудится.

Четвертого августа комиссия Сентелла сместила Роберта Фиска и заменила его Кеннетом Старром, который был судьей Апелляционного суда и заместителем министра юстиции в администрации Буша. В отличие от

Фиска, Старр не имел опыта работы прокурором, но обладал качествами поважнее: он был гораздо более консервативным и ориентированным на партийные интересы, чем Фиск. В своей короткой речи судья Сентелл заявил, что заменил Фиска Старром, чтобы гарантировать «независимость прокурора», а Фиск не удовлетворял этому условию, поскольку бы «связан с нынешней администрацией». Это было абсурдное заявление. Фиск был республиканцем, и его единственной связью с действующей администрацией было то, что Джанет Рино поручила ему выполнять работу, к которой он не стремился. Если бы особый отдел не утвердил его назначение, у него вообще не было бы никаких связей с администрацией.

На его место судья Сентелл назначил человека не просто с очевидным, а прямо-таки с вопиющим конфликтом интересов. Старр откровенно поддерживал иск Пола Джонса, выступал в связи с этим по телевидению и даже представил суду письменные показания в ее поддержку. Пять экс-президентов Американской ассоциации адвокатов критиковали назначение Старра из-за его очевидной политической предвзятости. Это же сделала и газета *New York Times*, когда стало известно, что всего за две недели до того, как Фиска заменили Старром, судья Сентелл завтракал вместе с самым ярким критиком Фиска сенатором Лочем Фэрклотом и Джесси Хелмсом. Однако эта троица заявила, что за завтраком они «просто обсуждали проблемы с простатой».

Конечно, Старр не собирался отступить. Его предвзятость по отношению ко мне как раз и была причиной его назначения на эту должность. Теперь мы получили очень странное определение «независимости» расследователя: он должен быть независимым от меня, но при этом мог быть тесно связан с моими политическими противниками и оппонентами в суде.

Назначение Старра было беспрецедентным. Раньше все усилия прилагались к тому, чтобы специальные прокуроры были не только независимыми, но и справедливыми, чтобы они уважали институт президентства. Леон Яворски, прокурор, расследовавший Уотергейтский скандал, был консервативным демократом, который поддерживал переизбрание президента Никсона в 1972 году. Лоренс Уолш, расследовавший дело «Иран-контрас» был республиканцем из штата Оклахома, поддерживавшим президента Рейгана. Я никогда не хотел, чтобы расследование дела «Уайтуотер» стало, как выразился Дуг Сосник, «игрой на своем поле». Я думал, что могу, по крайней мере, рассчитывать на «нейтральное поле», но все оказалось иначе. Поскольку расследование не имело никаких реальных перспектив, единственным способом навредить мне было его превращение в долгую «игру на чужом поле». Роберт Фиск оказался слишком честен для этого, да и работал слишком быстро, поэтому он должен был уйти.

Ллойд Катлер не съел свою шляпу, но менее чем через неделю после назначения Старра он также ушел из комиссии, выполнив свое обещание и проработав в ней недолгое время. Я заменил его Абнером Миквой, бывшим конгрессменом и членом Апелляционного суда, который имел безупречную репутацию и ясное понимание того, какие силы нам противостоят. Мне было очень жаль, что после долгих лет чрезвычайно успешной рабо-

ты Ллойд вдруг обнаружил, что люди, с которыми он был хорошо знаком и которым доверял, играют совсем по другим правилам.

Когда Конгресс ушел на каникулы, мы отправились в Мартас-Виньярд. Мы с Хиллари нуждались в отдыхе. Так же поступил и Ал Гор. Несколькими днями раньше он порвал ахиллесово сухожилие, играя в баскетбол. Это была болезненная травма, для лечения которой требовалось длительное время. Выздоровев, Ал стал еще сильнее физически, так как в период вынужденной неподвижности усиленно занимался подъемом тяжестей. В это время он, несмотря на костыли, посетил сорок штатов и побывал в четырех странах, включая Египет, где добился компромиссного решения по сложному и деликатному вопросу ограничения роста населения на Каирской конференции по проблемам устойчивого развития. Он также продолжал курировать проект правительственной реформы. К середине сентября мы уже сэкономили 47 миллиардов долларов — сумму, достаточную для финансирования всей программы, предусмотренной законодательством по борьбе с преступностью. Мы также запустили программу по производству «чистого автомобиля», упростили форму заявки на получение кредитов от Управления по делам малого бизнеса: теперь нужно было заполнять не сто страниц, а только одну; закончили реформирование Федерального агентства по управлению в чрезвычайных ситуациях, так что это учреждение, которое многие недолюбливали, стало одним из самых популярных (спасибо Джеймсу Ли Уитту), и сэкономили более миллиарда долларов, отменив ненужные строительные проекты после того, как Администрацию общих служб возглавил Роджер Джонсон. Ал Гор, хоть и передвигался на одной ноге, тоже сделал много полезного.

Неделя, проведенная нами в Виньярде, была интересной по нескольким причинам. Вернон Джордан организовал турнир по гольфу, в котором участвовали Уоррен Баффетт и Билл Гейтс — богатейшие люди Америки. Мне нравились оба, но особенно меня впечатлило то, что Баффетт был убежденным демократом, защищавшим гражданские права, справедливое налогообложение и право женщин на аборт.

Больше всего мне запомнился ужин у Билла и Роуз Стайрон, почетными гостями на котором были замечательный мексиканский писатель Карлос Фуэнтес и мой любимый писатель Габриель Гарсиа Маркес. Гарсиа Маркес дружил с Фиделем Кастро, который, чтобы «экспортировать» некоторые из своих проблем в нашу страну, разрешил массовый исход кубинцев в Соединенные Штаты, напомнивший «лодочную эпопею», которая доставила мне столько хлопот в 1980 году. Тысячи кубинцев, рискуя жизнью, на небольших лодках и плотах отправлялись в 90-мильное плавание к побережью Флориды.

Гарсиа Маркес не поддержал эмбарго против Кубы, введенное Соединенными Штатами, и пытался убедить меня его отменить. Я ответил, что не стану отменять эмбарго, добавив при этом, что являюсь сторонником Акта в поддержку демократии на Кубе, который давал президенту право улучшать отношения с Кубой, если на острове будут укрепляться свобода и демократия. Я также попросил Гарсиа Маркеса сообщить Кастро, что, если

поток беженцев не прекратится, наши ответные меры станут еще более жесткими, чем те, которые Соединенные Штаты предприняли в 1980 году под руководством президента Картера. «Кастро уже стоил мне одних выборов, — сказал я. — Больше этого не повторится». То же самое я передал и через президента Мексики Салинаса, имевшего конструктивные рабочие отношения с Кастро. Вскоре Соединенные Штаты и Куба достигли соглашения, по которому Кастро обязался остановить исход беженцев, а мы пообещали каждый год принимать дополнительно еще двадцать тысяч кубинцев в рамках нормального процесса допуска в страну иммигрантов. Кастро соблюдал это соглашение до конца моего президентского срока. Позже Гарсиа Маркес шутил, что он — единственный человек, который дружит одновременно и с Фиделем Кастро, и с Биллом Клинтон.

После того как мы закончили обсуждение кубинских проблем, Гарсиа Маркес разговаривал в основном с Челси, которая сообщила, что прочла две его книги. Позже он сказал мне, что ему трудно было поверить в то, что четырнадцатилетняя девочка может понять его книги, поэтому он долго обсуждал с ней свой роман «Сто лет одиночества» (*One Hundred Years of Solitude*). Это произвело на него настолько сильное впечатление, что позже он прислал Челси все свои книги.

Единственное серьезное дело, которым я занимался в отпуске, было связано с Ирландией. Я пообещал дать въездную визу Джо Кахиллу — 76-летнему герою ирландских республиканцев. В 1973 году Кахилл был осужден за незаконный ввоз оружия в Ирландию, после чего в течение многих лет участвовал в вооруженных антиправительственных выступлениях. Я разрешил дать ему визу, потому что теперь он хотел убедить сторонников Ирландской республиканской армии (ИРА) в США поддержать его мирные инициативы, что позволило бы противоборствующим сторонам добиться взаимопонимания и дало бы ИРА возможность объявить о прекращении военных действий. Кахилл приехал в Америку 30 августа, и на следующий день ИРА объявила о полном отказе от насилия, а партия ирландских националистов «Шин Фейн» смогла принять участие в мирных переговорах. Это было победой Джерри Адамса и ирландского правительства.

Вернувшись из отпуска, мы три недели жили в Блэр-хаус, так как в Белом доме шел ремонт системы кондиционирования. Масштабное восстановление, буквально камень за камнем, двухсотлетнего здания Белого дома началось еще при президенте Рейгане и до сих пор не было закончено. Часть Белого дома оставалась окруженной лесами в течение всего моего первого президентского срока.

Наша семья всегда с удовольствием приезжала в Блэр-хаус, и этот долгий визит не стал исключением, хотя мы и пропустили из-за него драматическое событие, произошедшее в непосредственной близости от Белого дома. 12 сентября разочаровавшийся в жизни человек, находясь в состоянии алкогольного опьянения, захватил спортивный самолет и направил его в центр Вашингтона, на Белый дом. Он то ли намеревался совершить самоубийство, врезавшись в здание, то ли приземлиться на Южной лужайке Белого дома,

повторив трюк, проделанный несколькими годами ранее молодым немецким пилотом на Красной площади в Москве. К несчастью, его маленькая «Сесна» не смогла совершить нормальную посадку, слишком поздно коснувшись земли. Она стукнулась о забор, затем о большую магнолию, растущую слева от ворот, и, наконец, врезалась в массивный каменный фундамент Белого дома. Пилот погиб мгновенно. Через несколько лет в Белый дом попытался проникнуть другой психически неустойчивый мужчина, вооруженный пистолетом. Он успел перелезть через забор, прежде чем его ранила, а потом и задержала охрана. Так что Белый дом привлекал не только амбициозных политиков.

В сентябре обострился кризис на Гаити. Генерал Седрас и его головорезы усилили террор, расстреливая детей-сирот, насилая молодых девушек, убивая священников, пытая людей, выставляя на всеобщее обозрение отрубленные руки и ноги, на глазах у детей рассекая мачете лица их матерей. К этому моменту я уже два года пытался добиться мирного решения конфликта и был сыт этим по горло. За год с лишним до описываемых событий Седрас подписал соглашение, в котором обещал передать власть гражданскому правительству, но, когда оговоренный срок наступил, он просто напроосто отказался это сделать.

Пришло время устранять его силой, но общественность и депутаты Конгресса были против. Хотя меня поддержали члены «черного совещания» в Конгрессе, а также сенаторы Том Харкин и Крис Додд, все республиканцы категорически возражали против этого, а большинство демократов, включая Джорджа Митчелла, считали, что я вновь толкаю их к краю пропасти, идя наперекор общественному мнению и не имея поддержки Конгресса. Мнения разделились даже внутри администрации. Ал Гор, Уоррен Кристофер, Билл Грей, Тони Лэйк и Сэнди Бергер были за. Билл Перри и Пентагон — против, но они тем не менее разрабатывали план вторжения, на тот случай, если я все же прикажу действовать.

А я считал, что мы должны действовать. Рядом с нами убивали ни в чем не повинных людей, и мы уже потратили огромные деньги на помощь беженцам с Гаити. Организация Объединенных Наций единодушно поддержала решение свергнуть Седраса.

Шестнадцатого сентября я предпринял последнюю попытку избежать вторжения, отправив на Гаити президента Картера, Колина Пауэлла и Сэма Нанна, с тем чтобы они убедили Седраса и его сторонников из числа высших офицеров и депутатов парламента согласиться на мирное возвращение Аристиды и отъезд Седраса из страны. По разным причинам все они возражали против моего плана силой вернуть к власти Аристиду. Хотя именно Центр Картера проводил мониторинг выборов на Гаити, в результате которых с большим перевесом победил Аристид, президент Картер, установивший контакт с Седрасом, не верил в приверженность Аристиды идеалам демократии. Нанн возражал против возвращения Аристиды до проведения парламентских выборов, поскольку не был уверен, что тот будет соблюдать права меньшинства, не сдерживаемый оппозиционными силами

в парламенте. Пауэлл считал, что на Гаити могут управлять только военные и полиция, а они никогда не станут сотрудничать с Аристидом.

Как показало последующее развитие событий, их аргументы имели под собой реальную почву. Гаити раздирали экономические и политические противоречия, у страны не было опыта демократического развития, влиятельного среднего класса и социальных институтов, необходимых для функционирования современного государства. Даже если бы Аристид мог вернуться и получить власть, это не гарантировало бы его успеха. Тем не менее нельзя было забывать о том, что Аристид добился впечатляющей победы на выборах, а Седрас со своими приспешниками убивал ни в чем не повинных людей, и мы могли по крайней мере положить конец этим убийствам.

Несмотря на все свои сомнения, трое моих выдающихся помощников пообещали честно проводить мою политику. Они хотели избежать военных столкновений во время ввода на Гаити американских вооруженных сил, что могло еще более усугубить ситуацию. Нанн встретился с местными парламентариями, Пауэлл в красках расписал гаитянским военным лидерам, что произойдет, если Соединенным Штатам придется прибегнуть к военной силе, а Картер проводил работу с Седрасом.

На следующий день я отправился в Пентагон, чтобы обсудить план вторжения с генералом Шаликашвили и членами Объединенного комитета начальников штабов, а также провести телеконференцию с адмиралом Полом Дэвидом Миллером, командующим всей операцией на Гаити, и генерал-лейтенантом Хью Шелтоном, командиром 18-го авиадесантного корпуса, который должен был руководить высадкой наших сил на острове. План вторжения предусматривал совместную операцию, в которой должны были участвовать подразделения всех родов войск. Два авианосца уже вошли в территориальные воды Гаити. На одном из них находились войска спецназа, а на другом — солдаты 10-й горнострелковой дивизии. Самолеты военно-воздушных сил должны были обеспечить поддержку с воздуха, морские пехотинцы — занять Кап-Аитьен, второй по величине город на Гаити. Транспортные самолеты готовились вылететь из штата Северная Каролина и доставить парашютистов 80-й воздушно-десантной дивизии для высадки на остров в самом начале вторжения. Спецназ ВМС («Морские котики») должен был в это время проверить назначенные районы. В то утро уже с успехом был отработан выход из воды на остров, так что эта часть операции никаких проблем не представляла. Большую часть войск и оборудования предполагалось доставить на Гаити в ходе операции под названием «RoRo» (сокращение от «roll on, roll off»^{*}): войска и техника должны были загружаться на десантные суда для доставки на Гаити, а потом — выгружаться на берег. После выполнения задачи весь процесс должен был повториться в обратном порядке. Помимо американских войск в операции участвовали двадцать пять других государств, вошедших в коалицию ООН.

---

^{*} Погрузка — разгрузка (англ.). — Прим. пер.

Незадолго до начала операции мне позвонил президент Картер и попросил дать ему еще немного времени, чтобы убедить Седраса покинуть остров. Картер отчаянно стремился избежать военного столкновения. Я стремился к тому же. У Гаити не было реальных вооруженных сил, и столкновение с имеющимися подразделениями напоминало бы рыбную ловлю в аквариуме. Я согласился предоставить Картеру еще три часа, но при этом дал понять, что, какое бы соглашение он ни заключил с генералом, передача власти Аристиду должна произойти немедленно. Седрасу нельзя было позволить продолжать убивать детей, насиловать девушек и уродовать лица женщин. Мы уже потратили 200 миллионов долларов на помощь гаитянам, покинувшим свою страну. Мне хотелось, чтобы у них была возможность вернуться домой.

Когда истекли дополнительные три часа, в столице Гаити Порт-о-Пренсе, у здания, где велись переговоры, начала собираться рассерженная толпа. Каждый раз, когда я звонил Картеру, Седрас предлагал новые условия и постоянно использовал различные увертки, чтобы оттянуть возвращение Аристида. Я отверг все его предложения. В здании, окруженном разгневанной толпой, зная, что вот-вот начнется вторжение, Картер, Пауэлл и Нанн продолжали безуспешные попытки убедить Седраса. Картер попросил дать ему еще немного времени. Я согласился подождать до 17 часов. Самолеты с парашютистами должны были подлететь к Гаити сразу, как только стемнеет, — около 18 часов. Если бы переговоры в это время все еще продолжались, то их американские участники могли бы подвергнуться серьезному риску.

В 17:30 они все еще находились там, и опасность еще более возросла, потому что Седрас знал, что наша операция уже началась. У него был наблюдатель в Северной Каролине, следивший за взлетной полосой и сообщивший ему, что шестьдесят один самолет с парашютистами уже поднялся в воздух. Я позвонил президенту Картеру и сказал, чтобы он, Колин и Сэм немедленно прекратили переговоры. Они в последний раз обратились к номинальному главе Гаити — восьмидесятиоднолетнему президенту Эмилю Жунессану, который в конце концов ответил, что выбирает мир, а не войну. Когда с ним согласились все члены кабинета за исключением одного, Седрас наконец сдался — менее чем за час до того, как небо над Порт-о-Пренсом должно было побелеть от парашютов. Я отдал приказ самолетам повернуть назад.

На следующий день генерал Шелтон возглавил высадку первого эшелона пятнадцатитысячных многонациональных сил, которая прошла без единого выстрела. Шелтон был колоритной фигурой: ростом около шести футов пяти дюймов, с суровым лицом и протяжным южным акцентом. Он был на пару лет старше меня, но все еще продолжал регулярно прыгать с парашютом вместе со своими десантниками. Казалось, он мог в одиночку справиться с Седрасом. Я встречался с генералом Шелтоном незадолго до высадки на Гаити — в Форт-Брагге, после авиакатастрофы на расположенной неподалеку авиабазе Поуп, в результате которой погибло несколько военнослужащих. На стене кабинета Шелтона висели портреты двух выдающихся генералов-южан времен Гражданской войны: Роберта Ли и Твердокаменного

Джексона*. Когда я увидел по телевизору, как Шелтон сошел на берег Гаити, я сказал кому-то из моих сотрудников, что Америка прошла большой путь, если поклонник Твердокаменного Джексона стал освободителем Гаити.

Седрас пообещал сотрудничать с генералом Шелтоном и отречься от власти 15 октября, как только будет принят закон об общей амнистии, предусмотренной соглашением с ООН. Картер, Пауэлл и Нанн, которых пришлось чуть ли не силой отзывать с Гаити, проявили большое мужество и добились успеха в очень сложных условиях, перед лицом серьезной потенциальной опасности. Сочетание дипломатических методов и силового давления позволило избежать кровавого столкновения и человеческих потерь. Теперь пришла очередь Аристиды выполнить свое обещание «сказать “нет” насилию и мести, сказать “да” примирению». Как и другие подобные обещания, его было проще дать, чем исполнить.

Поскольку демократию на Гаити удалось восстановить без потерь, это не повлекло за собой негативных последствий, которых опасались демократы в США. Мы надеялись прийти к выборам в «хорошей форме»: экономика была на подъеме, каждый месяц создавалось 250 тысяч новых рабочих мест; уровень безработицы, ранее превышавший 7 процентов, опустился ниже 6 процентов; снизился бюджетный дефицит; мы приняли важные законы, касающиеся борьбы с преступностью, образования, альтернативной военной службы, торговли и отпусков по семейным обстоятельствам. Мне удалось добиться прогресса и в области внешней политики — в отношениях с Россией, Европой, Китаем, Японией, Ближним Востоком, Северной Ирландией, Боснией и Гаити. Но несмотря на все эти успехи, в последние полтора месяца перед выборами мы находились в сложной ситуации, и тому было несколько причин: многие люди еще не ощутили на себе результатов подъема экономики; никто не верил, что бюджетный дефицит сокращается; большинство американцев ничего не знали о наших победах в сфере законодательства и внешнеполитических успехах или не интересовались ими; республиканцы, а также их союзники в средствах массовой информации и в определенных кругах подвергали меня постоянной критике, представляя безумным либералом, который хочет разорить население, подняв налоги, лишить его медицинской помощи и права владеть оружием. Общий тон в прессе был в основном негативным.

Исследовательский центр по вопросам масс-медиа и общественным отношениям опубликовал доклад, согласно которому в первые шестнадцать месяцев работы в вечерних выпусках новостей ежедневно давалось в среднем пять негативных комментариев по поводу моих действий — гораздо больше, чем в первые два года президентства Буша-старшего. Директор центра Роберт Лихтер сказал, что я «имел несчастье стать президентом на заре эпохи, отличительной чертой которой было сочетание “волчьей”, аг-

---

* Джексон Томас Джонатан (1824–1863) — генерал армии конфедератов, герой Гражданской войны. Свое прозвище получил после битвы при Булране в 1861 г. за то, что его бригада «стояла как каменная стена». — *Прим. ред.*

рессивной журналистики с таблоидными новостями». Конечно, были и некоторые исключения. Джейкоб Уайсберг, например, утверждал, что «Билл Клинтон держал свое слово тверже, чем любой из современных топ-менеджеров», но «избиратели не верят Клинтону, отчасти потому, что средства массовой информации постоянно советуют им ему не верить». Джонатан Алтер в журнале *Newsweek* написал следующее: «Менее чем за два года Билл Клинтон добился во внутренней политике большего, чем Джон Кеннеди, Джеральд Форд, Джимми Картер и Джордж Буш вместе взятые. Хотя Ричарду Никсону и Рональду Рейгану часто удавалось настоять на своем в Конгрессе, издание *Congressional Quarterly* утверждает, что именно Клинтон достиг в сфере законодательства больше, чем любой другой американский президент после Линдона Джонсона. Критерием успеха во внутренней политике должно быть не то, насколько гладко идет процесс, а реальные изменения, произошедшие в жизни людей. По этому критерию его можно считать вполне успешным».

Возможно, Алтер был прав, но в таком случае этот факт тщательно скрывался.

К концу сентября ситуация ухудшилась. Президент бейсбольной лиги Бад Селиг заявил, что достичь договоренности с бастующими игроками оказалось невозможно, поэтому он впервые с 1904 года отменяет оставшиеся игры сезона и серию плей-оф чемпионата США. Брюс Линдси, который в свое время помог разрешить конфликт во время забастовки работников авиакомпаний, безуспешно пытался вывести переговоры из тупика. Я даже пригласил представителей игроков и владельцев команд в Белый дом, но они так и не смогли договориться. Если уж любимую национальную игру пришлось отменить, что-то явно было неладно.

Двадцать шестого сентября сдался Джордж Митчелл, официально заявивший об отказе от проведения реформы здравоохранения. Сенатор Чефи продолжал сотрудничать с ним, но ему не удалось привлечь на свою сторону достаточно республиканцев, чтобы преодолеть сопротивление сенатора Доула. 300 миллионов долларов, потраченных страховыми компаниями и другими лоббистами на то, чтобы не допустить реформы здравоохранения, оказались удачным вложением денег. Я выступил с кратким заявлением, сказав, что попытаюсь добиться успеха в будущем году.

Хотя мне уже несколько месяцев назад стало ясно, что мы проиграем, я тем не менее был разочарован и сожалел о том, что в неудаче упрекали также Хиллари и Айру Магазинер. Это было несправедливо по трем причинам. Во-первых, наши предложения вовсе не были попыткой «поставить все под правительственный контроль», как утверждали страховые компании; во-вторых, план, предложенный Хиллари и Айрой, был лучшим из возможных, учитывая выдвинутое мною условие обеспечить всех граждан США медицинскими страховками, не увеличивая при этом налоги. Наконец, вовсе не они пустили под откос реформу здравоохранения — это сделал сенатор Доул, отказавшийся от любых разумных компромиссов. Я пытался ободрить Хиллари, пошутив, что «попасться с поличным» при попытке обеспечить медицинской страховкой сорок миллионов не имеющих ее американцев — еще не самая серьезная ошибка, которые случаются в жизни.

Несмотря на наше поражение, работа, проделанная Хиллари, Айрой Магазинер и другими членами нашей команды, не была напрасной. Со временем многие наши предложения были оформлены законодательно и реализованы на практике. Так, в Сенате Кеннеди и Нэнси Кассебаум, республиканка, избранная от штата Канзас, провели законопроект, гарантирующий сохранение медицинской страховки при смене места работы. В 1997 году мы запустили Программу медицинского страхования для детей (Children's Health Insurance Program, CHIP), обеспечив медицинскую помощью миллионы детей, — это стало самым большим достижением в сфере медицинского обслуживания после 1965 года, когда была принята програм-

ма медицинской помощи «Медикэйд». В результате принятия программы СНР впервые за двенадцать лет снизилось количество американцев, не имеющих медицинской страховки.

В сфере здравоохранения будет еще немало побед: закон, предоставивший женщинам возможность находиться в больнице после рождения ребенка более двадцати четырех часов, положив тем самым конец преждевременной выписке рожениц; дополнительные ассигнования на проведение маммограмм и диагностику болезней простаты; программа помощи больным диабетом, которую Американская ассоциация больных диабетом назвала самым важным достижением после появления инсулина; прогресс в биомедицинских исследованиях и лечении СПИДа в США и за границей; детская вакцинация, впервые доведенная до 90 процентов; указ президента о вступлении в силу «Билля о правах пациентов», гарантирующего право на выбор лечащего врача и качественную медицинскую помощь восьмидесяти пяти миллионам американцев, участвующих в федеральных программах медицинского страхования.

Но все это произойдет в будущем, а пока нам задали хорошую трепку, и именно с таким ощущением избирателям предстояло прийти на выборы.

В конце месяца Ньют Гингрич собрал более трехсот республиканцев-конгрессменов и кандидатов в члены Конгресса на ступенях Капитолия для подписания «Контракта с Америкой». Многие положения этого «контракта» некоторое время назад уже просочились в прессу. Ньют составил его, чтобы показать, что республиканцы не только занимаются критикой, но и предлагают позитивную программу. Этот «контракт» стал новым словом в американской политике. Традиционно во время промежуточных выборов политическая борьба велась в отдельных округах. Ситуация в стране и уровень популярности президента могли помочь или повредить кандидатам от правящей партии, но считалось, что решающую роль в этих выборах играют все же местные факторы. Гингрич был убежден, что эта общепринятая точка зрения неверна. Он смело обратился к американцам с просьбой отдать республиканской партии большинство мест в Конгрессе, заявив: «Если мы нарушим этот “контракт”, вы можете вышвырнуть нас вон. Мы отвечаем за свои слова».

В «контракте» содержались предложения внести в Конституцию поправки о сбалансированном бюджете и праве президента на постатейное вето, которое давало бы ему возможность отменять отдельные статьи в финансовых законопроектах, не аннулируя последние целиком; ввести более суровое наказание для преступников и исключить программу предупреждения правонарушений из предложенного мною пакета законов по борьбе с преступностью; провести реформу социального обеспечения, ограничив срок получения пособия для здоровых граждан двумя годами; предоставить налоговый скидку в 500 долларов на детей и налоговый скидку в 500 долларов для тех, кто ухаживает за престарелыми родителями или дедушками и бабушками, а также принять более жесткие меры к родителям, уклоняющимся от уплаты алиментов на детей; отменить налог на высокообеспеченных

получателей социальных выплат, который был включен в бюджет 1993 года; сократить на 50 процентов налог на прирост капитала, а также ряд других налогов; не допускать принятия федеральных программ на уровне штата и округа без достаточного финансирования; существенно увеличить оборонные расходы. «Контракт» также предусматривал изменения в гражданском праве, связанные с ограничением размеров выплат в возмещение убытков; установление предельного срока нахождения в должности для сенаторов и членов Палаты представителей; требование к Конгрессу как работодателю выполнять все принятые им законы, обязательные для других работодателей; сокращение на одну треть числа членов комитетов Конгресса; принятие каждого нового решения об увеличении налогов только после того, как его одобрит не менее 60 процентов депутатов обеих палат Конгресса.

Я был согласен со многими положениями этого «контракта». Я уже высказывался в пользу реформы социального обеспечения и более жестких мер по обеспечению уплаты алиментов на детей и давно выступал в поддержку права президентского вето на отдельные статьи бюджета и отмену программ, не обеспеченных достаточным финансированием. Мне также нравилась идея налоговых льгот для семей. Тем не менее, хотя некоторые положения «контракта» казались довольно привлекательными, по существу он был упрощенным и лицемерным документом. За двенадцать лет, предшествующих моему избранию президентом, республиканцы при поддержке некоторых демократов в Конгрессе в четыре раза увеличили национальный долг, сокращая налоги и повышая расходы. Теперь, когда демократы начали сокращать бюджетный дефицит, они захотели, чтобы положение о сбалансированном бюджете было включено в Конституцию, одновременно предложив существенное сокращение налогов и увеличение оборонных расходов. Однако при этом они не сказали, какие статьи расходов придется для этого сократить. Республиканцы настаивали на отмене законов арифметики — точно так же, как уже делали это в 1980-х годах и как вновь попытаются сделать в 2000-х. Как говорил Йоги Бера, это было дежавю, повторяющееся снова и снова — только в новой блестящей упаковке.

Своими действиями Гингрич не только обеспечил республиканцев платформой для предвыборной кампании 1994 года, он также снабдил их списком слов, которыми они могли клеймить своих оппонентов-демократов. Его комитет политических действий* (GOPAC) опубликовал брошюру под названием «Язык: Ключевой механизм контроля» (*Language: A Key Mechanism of Control*). Среди «контрастных слов», которые Ньют предлагал использовать в качестве ярлыков для демократов, были такие: *предавать, обманывать, терпеть крах, коррупция, кризис, разложение, разрушение, неудача, лицемерие, некомпетентный, ненадежный, либеральный, ложь, жалкий, вседозволен-*

---

* Комитет политических действий (Political action committee) — официально регистрируемые общественные организации в США, занимающиеся сбором средств для пропаганды тех или иных идей. — *Прим. пер.*

ность, мелкий, больной, предатели. Гингрич был убежден, что если ему удастся навесить эти ярлыки на своих политических оппонентов, сделать их привычными и узнаваемыми, то он сможет на долгое время превратить демократов в партию меньшинства.

Демократы сочли, что республиканцы совершили грубую ошибку, обнародовав положения своего «контракта», и подвергли его резкой критике, доказывая, что для финансирования дополнительных оборонных расходов и обеспечения сбалансированности бюджета при снижении налогов необходимо будет пойти на существенное сокращение расходов на образование, здравоохранение и защиту окружающей среды. Они даже переименовали план Ньюта в «Заказ на Америку»*. Демократы были абсолютно правы, но их расчеты не оправдались. Социологические опросы, проведенные после выборов, показали, что избиратели знали о «контракте» всего две вещи: то, что у республиканцев имеется план, и что часть этого плана — сбалансированный бюджет.

Демократы не ограничивались атаками на республиканцев и продолжали предвыборную борьбу традиционным способом — штат за штатом, округ за округом. Было собрано немало пожертвований, но этого все же оказалось недостаточно для проведения общенациональной кампании, которая рассказала бы о наших достижениях и могла бы противопоставить наш план будущих действий «контракту» республиканцев.

Мы завершили очередной успешный для наших законодательных инициатив год 30 сентября, в последний день налогового года, успев провести через Конгресс все наши тринадцать бюджетных законопроектов, чего не случалось с 1948 года. Впервые за последние двадцать лет сокращение бюджетного дефицита происходило два года подряд. Число федеральных служащих уменьшилось на 272 тысячи человек, одновременно увеличились расходы на образование и другие социально значимые программы. Это было впечатляющим достижением, но оно привлекло к себе значительно меньше внимания, чем предложение внести в Конституцию положение о сбалансированном бездефицитном бюджете.

В октябре мой рейтинг был не слишком устойчивым — меня поддерживало около 40 процентов американцев, однако в этом месяце произошли позитивные изменения, которые позволили повысить мой рейтинг, и, как казалось, улучшить предвыборные перспективы демократов. Единственным печальным событием стала отставка министра сельского хозяйства Майка Эспи. Джанет Рино попросила провести независимое расследование в связи с предъявленными Эспи обвинениями в получении подарков, таких как билеты на спортивные состязания и оплата туристических поездок. Комитет, возглавляемый судьей Сентеллом, поручил провести расследование Дональду Шмальцу — еще одному республиканскому активисту. Мне было горько узнать об этом. Майк Эспи поддерживал меня в самые трудные дни 1992 года. Он отказался от практически гарантированного ему места

---

* От англ. *to put contract on*, что означает «заказать» кого-либо. — Прим. пер.

в Конгрессе (поскольку в штате Миссисипи его поддерживали даже белые избиратели), чтобы стать первым темнокожим министром сельского хозяйства, и отлично работал на этом посту, добившись, например, повышения стандартов безопасности для пищевых продуктов.

События октября носили в основном позитивный характер. 4 октября с официальным государственным визитом в Белый дом прибыл Нельсон Мандела. Своей улыбкой он был способен поднять мне настроение даже в самые тяжелые дни, и я всегда был рад его видеть. Мы объявили о создании совместной комиссии для развития сотрудничества, которую возглавили вице-президент Гор и заместитель президента Табо Мбеки, считавшийся наиболее вероятным преемником Манделы. Работа в формате совместной комиссии уже доказала свою плодотворность в нашем взаимодействии с Россией, поэтому мы решили еще раз использовать эту методику в отношениях с другой важной для нас страной, какой, несомненно, являлась Южно-Африканская республика. Если бы возглавляемое Манделой правительство национального единства добилось успеха, это стало бы позитивным импульсом для всей Африки и вдохновляющим примером для других горячих точек планеты. Я также сообщил о предоставлении помощи бедным и густонаселенным городским районам Южной Африки в сферах жилищного строительства, электроснабжения и здравоохранения, о программе экономической поддержки сельского хозяйства и создании инвестиционного фонда под руководством Рона Брауна.

Пока длилась моя встреча с Манделой, Сенат вслед за Палатой представителей значительным большинством голосов представителей обеих партий утвердил последнюю инициативу в сфере образования, являвшуюся частью моей предвыборной программы, — закон «О начальном и среднем образовании» (ESEA), который был призван покончить с практикой обучения детей из бедных семей по упрощенным школьным программам. Слишком часто дети из малообеспеченных семей попадали в специальные классы не потому, что не могли нормально учиться, а потому, что их плохо учили в школах, расположенных в бедных районах, а родители ничем не могли им помочь. Дик Райли и я были убеждены, что если уменьшить количество учеников в классах, чтобы учителя могли уделять таким детям больше внимания, то они догонят своих сверстников. Законопроект также предусматривал стимулы для более активного участия семей в учебном процессе; давал возможность ученикам и их родителям самим выбирать бесплатную среднюю школу помимо той, к которой они приписаны; предусматривал федеральное финансирование экспериментальных школ, созданных для поддержки инноваций и освобожденных от обязательных для того или иного школьного округа требований, нередко препятствующих творческому развитию учащихся. Всего за два года благодаря поддержке обеих партий в Конгрессе в дополнение к ESEA была начата реформа программы «Хед старт»^{*}; претворены в жизнь цели, поставленные Национальной ассоциа-

---

^{*} Образовательная и медицинская программа помощи детям из семей с низкими доходами. — *Прим. ред.*

цией работников просвещения, реформирована программа образовательных кредитов для студентов; разработаны программы профессионального образования для выпускников школ, не планирующих продолжать образование в колледже; существенно усилена поддержка образовательных программ для взрослых и программы пожизненного образования.

Пакет законов, регулирующих сферу образования, был одним из самых важных достижений первых двух лет моего президентства. Хотя этим законам предстояло повысить качество образования и расширить экономические возможности для миллионов американцев, почти никто тогда об этом не знал. Поскольку реформы в сфере образования поддерживало большинство конгрессменов от обеих партий, их принятие практически не встретило сопротивления и, таким образом, не представляло никакого интереса для людей, готовящих выпуски новостей.

Первую неделю месяца мы завершили на высокой ноте: уровень безработицы снизился до 5,9 процента — это был самый низкий уровень с 1990-го года (когда я вступил в должность президента, он составлял 7 процентов), было создано 4,6 миллиона новых рабочих мест. Уровень экономического роста в третьем квартале текущего года составил 3,4 процента, инфляции — 1,6 процента. Ратификация Североамериканского соглашения о свободе торговли (НАФТА) также способствовала экономическому росту. Общий объем экспорта в Мексику за год увеличился на 19 процентов, а экспорт легковых автомобилей и грузовиков — на 600 процентов.

Седьмого октября Ирак сосредоточил войска всего в двух с половиной миллионах от границы с Кувейтом. Замаячил призрак новой войны в Заливе. Заручившись международной поддержкой, я быстро разместил в Кувейте 36 тысяч военнослужащих, которых поддерживали авианосцы и боевые самолеты. Я, кроме того, приказал уточнить список целей для наших ракет «Томагавк». Британцы также заявили о готовности увеличить свой контингент в Заливе. 9 октября кувейтцы придвинули большую часть своей 18-тысячной армии к границе. На следующий день иракцы, для которых наш быстрый и мощный ответ оказался сюрпризом, объявили, что отведут свои силы, и через месяц парламент Ирака признал суверенитет, границы и территориальную целостность Кувейта. Через пару дней иракский кризис был преодолен. В это же время военизированные протестантские группировки в Северной Ирландии заявили о том, что они, как и ИРА, будут соблюдать соглашение о прекращении огня.

Хорошие новости мы получили и в третью неделю октября. Пятнадцатого числа президент Аристид вернулся на Гаити. Через три дня я объявил, что после шестнадцати месяцев интенсивных переговоров мы достигли соглашения с Северной Кореей, ликвидировавшего угрозу распространения ядерного оружия на Корейском полуострове. Рамочное соглашение, подписанное 21 октября на переговорах в Женеве нашим представителем Бобом Галуччи и северокорейской делегацией, предусматривало, что Северная Корея заморозит использование имеющихся ядерных реакторов и разрешит осуществлять наблюдение за процессом замораживания; вывезет за пределы

страны 8 тысяч облученных топливных стержней; демонтирует существующие ядерные реакторы и связанное с ними оборудование и представит отчет об использовании облученного топлива, произведенного в прошлом. В свою очередь, Соединенные Штаты должны были организовать международный консорциум для финансирования и поставки КНДР комплекса на легководных реакторах, с помощью которого нельзя получать ядерные материалы, используемые для изготовления ядерного оружия. Мы также обязались ежегодно поставлять в Северную Корею 500 тысяч тонн нефти; устранить барьеры, мешающие торговле, инвестициям и дипломатическим контактам; предоставить КНДР официальные гарантии, исключающие угрозу применения ядерного оружия со стороны США.

Сменяющие друг друга американские администрации уже давно пытались поставить под контроль ядерную программу Северной Кореи. Достигнутое соглашение стало результатом напряженной работы Уоррена Кристофера и посла Боба Галуччи, а также нашей непоколебимой решимости не позволить Северной Корее превратиться в ядерную державу или продавца ядерного оружия и материалов.

Уже после окончания моего президентского срока Соединенные Штаты узнали о том, что Северная Корея в 1998 году начала нарушать если не букву, то дух договора, производя в лабораторных условиях высокообогащенный уран в количестве, достаточном для изготовления одной или двух бомб. Кое-кто поставил под сомнение уровень и эффективность заключенного нами в 1994 году соглашения. Но программа производства оружейного плутония, которую нам удалось остановить, таила в себе гораздо большую опасность, чем эти последующие «лабораторные опыты». Если бы Северная Корея продолжила свою программу строительства ядерных реакторов, она бы уже получила возможность производить оружейный плутоний в количестве, достаточном для изготовления нескольких ядерных зарядов ежедневно.

Семнадцатого октября Израиль и Иордания объявили о достижении мирного соглашения. Ицхак Рабин и король Хусейн пригласили меня присутствовать на церемонии подписания этого договора, которая должна была состояться 26 октября на пограничном пропускном пункте Вади-Араба в долине Рифт. Я принял предложение в надежде, что смогу использовать эту поездку для достижения прогресса в решении других ближневосточных проблем. Сначала я сделал остановку в Каире, где мы вместе с президентом Мубараком встретились с Ясиром Арафатом. Мы убеждали Арафата усилить борьбу с терроризмом, особенно с организацией «Хамас», и пообещали уладить разногласия с Израилем и добиться того, чтобы он не оттягивал передачу под контроль палестинцев оговоренных территорий.

На следующий день я принял участие в церемонии и поблагодарил израильтян и иорданцев за смелость и решимость, с которыми они двигались по пути к миру. День был жаркий и ясный, а потрясающий пейзаж долины Рифт служил грандиозным фоном для этого торжественного события. Солнце сверкало так ярко, что его лучи, отражаясь от песков пустыни, чуть не ослепили меня, и я едва не потерял сознание. К счастью, мой бдительный

помощник Эндрю Френдли дал мне солнцезащитные очки, а то бы я мог упасть в обморок и испортить торжественное событие.

После церемонии мы с Хиллари, королем Хусейном и королевой Нур захали в их расположенный неподалеку загородный дом в Акабе. У Хиллари был день рождения, и ей подарили торт с шуточными свечами, которые она никак не могла задуть. Я поддразнил ее, сказав, что с годами объем ее легких уменьшился. И Хусейн, и Нур оказались умными, воспитанными и проницательными людьми. Нур, выпускница Принстонского университета, была дочерью известного американца арабского происхождения и шведки. Хусейн был человеком невысоким, но крепкого телосложения, с обаятельной улыбкой, благородными манерами и мудрыми глазами. За долгие годы правления он пережил несколько покушений и хорошо знал, что «рисковать своей жизнью ради мира» — не просто красивые слова. Хусейн и Нур стали для нас настоящими друзьями. В их обществе мы часто смеялись, забывая о делах и обязанностях, разговаривали о жизни, детях и общих увлечениях, в том числе лошадях и мотоциклах. Впоследствии Нур часто отдыхала вместе с нами в штате Вайоминг, а я как-то приезжал в их дом в Мэриленде на празднование дня рождения Хусейна. Хиллари и Нур часто беседовали друг с другом. Дружба с этой супружеской парой стала одним из источников радости в нашей жизни.

В тот день я стал первым американским президентом, выступившим с речью в иорданском парламенте в Аммане. Самое горячее одобрение аудитории вызвали мои слова, обращенные ко всему арабскому миру: «Америка не согласна с тем, что наши цивилизации должны конфликтовать. Мы уважаем ислам... традиционные ценности ислама — приверженность вере и добросовестность в работе, преданность семье и обществу — соответствуют высшим американским идеалам. Таким образом, мы знаем, что наши народы, наши религии, наши культуры могут сосуществовать в гармонии».

На следующее утро я вылетел в Дамаск — самый древний из ныне обитаемых городов мира, чтобы встретиться с президентом Асадом. Последний раз американский президент побывал здесь двадцать лет назад. Причиной этому была помощь, оказываемая Сирией терроризму, и ее оккупация ливанских территорий. Я хотел дать понять Асаду, что поддерживаю усилия по заключению мира между Сирией и Израилем на основе резолюций ООН №№242 и 338 и что, если соответствующее соглашение будет достигнуто, я готов всеми силами способствовать улучшению отношений с его страной. Меня критиковали за визит в Сирию из-за поддержки этой страной организации «Хезболла» и других прибегающих к насилию антиизраильских групп, но я знал, что стабильность и безопасность в этом регионе невозможны без установления мира между Сирией и Израилем. Моя встреча с Асадом не имела ощутимых результатов, но я услышал от него несколько обнадеживающих намеков на то, каким образом можно было бы двигаться вперед. Было очевидно, что он хотел мира, но, когда я предложил ему отправиться в Израиль, чтобы, обратившись к кнессету, сделать шаг навстречу гражданам этой страны, как это сделал Анвар Садат, стало ясно,

что на это он никогда не пойдет. Асад был человеком умным, но педантичным и очень осторожным. Он предпочитал находиться в безопасности в своем великолепном мраморном дворце в Дамаске, занимаясь повседневными делами. Пойти на большой политический риск, полетев в Тель-Авив, было для него чем-то невообразимым. Как только закончилась наша встреча и последовавшая за ней официальная пресс-конференция, я полетел в Израиль, чтобы поделиться информацией с Рабином.

В своей речи в кнессете, израильском парламенте, я поблагодарил и похвалил Рабина и уверил парламентариев, что, пока Израиль делает мирные шаги, Соединенные Штаты будут заботиться об укреплении его безопасности и о его экономическом развитии. Это было своевременным заявлением, поскольку Израиль только что пережил еще одну атаку террористов, унесшую несколько жизней. В отличие от соглашения с палестинцами, против которого выступили многие израильтяне, мирный договор с Иорданией получил одобрение почти всех депутатов кнессета, включая лидера оппозиционной партии «Ликуд» Биньямина «Биби» Нетаньяху. Израильтяне любили короля Хусейна и доверяли ему, но к Арафату подобных чувств отнюдь не питали.

Двадцать восьмого октября, после волнующего посещения «Яд-Вашем» — величественного израильского мемориала жертвам холокоста, мы с Хиллари попрощались с Ицхаком и Лией Рабин. После этого я полетел в Кувейт, чтобы повидаться с эмиром и поблагодарить наших солдат за то, что они, быстро прибыв в этот регион, заставили иракскую армию отойти от границы. Из Кувейта я вылетел в Саудовскую Аравию, где провел несколько часов с королем Фахдом. В начале 1993 года на меня произвел сильное впечатление его призыв остановить этнические чистки, направленные против мусульман в Боснии. Фахд встретил меня тепло и поблагодарил за оперативные действия США, которые позволили разрешить кризис, вызванный действиями Ирака. Визит на Ближний Восток был успешным и обнадеживающим, но мне пора было возвращаться домой, где уже гремела «предвыборная музыка».

К октябрю опросы общественного мнения демонстрировали неплохие для нас результаты, но общая атмосфера избирательной кампании не слишком обнадеживала. Перед нашей поездкой на Ближний Восток Хиллари позвонила Дику Моррису, специалисту по социологическим опросам, с которым мы давно сотрудничали, чтобы узнать его мнение. Дик провел для нас исследование, и его результаты были обескураживающими. Он сказал, что большинство опрошенных не верят, что состояние экономики улучшается, а бюджетный дефицит сокращается; им ничего не известно о достижениях демократов и моих собственных успехах, а наша критика «Контракта с Америкой» Гингрича не принесла результатов.

Мой личный рейтинг вырос: впервые за длительное время он превысил 50 процентов. Избиратели положительно восприняли информацию о принятии закона об отпуске по семейным обстоятельствам, о предусмотренном пакетом законов по борьбе с преступностью увеличении численности полицейских на 100 тысяч человек, о школьной реформе и других позитивных мерах. Дик сказал, что мы сможем компенсировать наши потери, если демократы перестанут говорить об экономике, бюджетном дефиците и «контракте», а вместо этого сосредоточат внимание на популярных среди избирателей законодательных инициативах. Он также рекомендовал мне по возвращении в Вашингтон не принимать активного участия в избирательной кампании, а заниматься «президентскими делами», считая, что это еще более укрепит и повысит мой рейтинг. Моррис считал, что это принесет демократам больше пользы, чем мое непосредственное вмешательство в «политическую драку». Ни одна из этих рекомендаций не была выполнена.

У демократов не оказалось механизма, который позволил бы им быстро передавать информацию в каждый штат и избирательный округ, в котором велась предвыборная борьба. Хотя я собрал немало пожертвований для индивидуальных кандидатов и для избирательных комитетов, кандидаты предпочли потратить эти деньги традиционными способами.

Находясь в ближневосточном турне, я позвонил в Белый дом и сообщил о своем намерении по возвращении домой активнее заниматься президентскими делами, чаще появляться в выпусках новостей и не участвовать непосредственно в предвыборной кампании. Но, вернувшись, с удивлением увидел, что мое расписание сплошь состоит из поездок в Пенсильванию, Мичиган, Огайо, Род-Айленд, Нью-Йорк, Айову, Миннесоту, Калифорнию, Вашингтон и Делавэр. Очевидно, когда мой личный рейтинг вырос, кандидаты-демократы от некоторых штатов захотели, чтобы я поработал и на увеличение их популярности. Настала моя очередь отплатить им за оказанную ранее поддержку.

Участвуя в предвыборной кампании, я постоянно подчеркивал наши общие достижения: например, принятие закона «О защите калифорнийских пустынь», который обеспечил охрану территорий пустынь и национальных парков общей площадью 7,5 миллиона акров, и широкие возможности новой программы прямых займов для студентов Мичиганского университета. Я также старался давать как можно больше радиоинтервью, в которых говорил об этих и других наших достижениях. Я участвовал и в массовых митингах, когда мне приходилось кричать во весь голос, чтобы меня могли услышать все собравшиеся. Мои усилия произвели впечатление на сторонников нашей партии, однако в глазах более широкой аудитории, которая следила за моими выступлениями по телевизору, горячая предвыборная риторика способствовала превращению «надпартийного» президента и государственного деятеля в очередного политика, не внушающего доверия избирателям. Сегодня, возвращаясь к событиям того времени, приходится признать, что это была пусть понятная и даже неизбежная, но тем не менее ошибка.

Восьмого ноября нас ожидало величайшее потрясение: мы узнали, что потеряли 8 мест в Сенате и 54 — в Палате представителей. Это было самым значительным поражением нашей партии с 1946 года, когда избиратели отвергли демократов после попытки президента Трумэна обеспечить всех американцев медицинской страховкой. Республиканцы были вознаграждены за два года непрекращающихся нападков на меня и за свою солидарность по вопросу «контракта», а демократы — наказаны за то, что не сумели извлечь политических выгод из своих успехов в управлении страной. Я также способствовал поражению, потратив несколько недель на обсуждение проблемы военнослужащих-гомосексуалистов, сконцентрировавшись на избирательной кампании лишь тогда, когда было уже слишком поздно, и пытаясь сделать слишком много и слишком быстро в ситуации, когда СМИ преуменьшали мои победы и раздували неудачи. Поэтому у избирателей создалось впечатление, что я — всего лишь очередной либерал, стремящийся повысить налоги и раздуть правительственный аппарат, а не новый демократ, победивший в борьбе за пост президента. Более того, настроение в обществе было тревожным, так как люди не чувствовали, что их жизнь улучшается, и устали от политических схваток в Вашингтоне. Очевидно, они полагали, что, если исполнительную власть будет контролировать одна партия, а законодательную — другая, это заставит нас сотрудничать.

Ирония заключалась в том, что демократам повредили не только мои неудачи, но и мои успехи. Неудача реформы здравоохранения и успех НАФТА деморализовали многих наших стойких сторонников, и они не пошли голосовать. Принятие закона Брейди и наших экономических планов, предусматривавших повышение налогов для американцев с высокими доходами, а также введение запрета на продажу штурмового оружия возмутили приверженцев республиканцев, и они единодушно явились на избирательные участки. Это стало причиной примерно половины наших поражений на выборах в Конгресс и потери одиннадцати губернаторских постов, которые достались республиканцам. Марио Куомо проиграл губернаторские

выборы в Нью-Йорке, где очень многие избиратели-демократы не участвовали в голосовании. На юге, благодаря усилиям Христианской коалиции, республиканцы получили в среднем на пять-шесть процентов голосов больше, чем предсказывали предвыборные опросы общественного мнения. В Техасе Джордж У. Буш одержал победу над губернатором Энн Ричардс, несмотря на то что ее работу на этом посту одобряло 60 процентов избирателей. Большой праздник был и у Национальной стрелковой ассоциации. Поддержанные NRA кандидаты одержали победу над спикером Томом Фоули и Джеком Бруксом — наиболее компетентными конгрессменами, предупреждавшими меня о том, что это может произойти. Фоули стал первым за последнее столетие спикером, потерпевшим поражение на выборах. Джек Брукс на протяжении многих лет поддерживал NRA и боролся против запрета на продажу штурмового оружия в Палате представителей, но как председатель Комитета по юридическим вопросам голосовал за весь пакет законов по борьбе с преступностью в целом, даже после того, как в него было включено положение о запрете на продажу штурмового оружия. NRA продемонстрировала поразительную безжалостность: всего один промах — и вас удаляют с поля. «Оружейное лобби» хвасталось, что из двадцати четырех кандидатов, включенных в его список наиболее нежелательных персон, девятнадцать потерпели поражение. Это не было преувеличением, и они имели полное право утверждать, что именно благодаря их усилиям Гингрич стал спикером Палаты представителей. По словам лидера демократов в Конгрессе Дейва Маккарди, он проиграл выборы в Сенат из-за «Гóспода, гомосексуалистов и оружия»*.

Двадцать девятого октября человек по имени Франсиско Дюран из штата Колорадо приехал в Вашингтон протестовать против запрета на штурмовое оружие и стал палить из этого оружия по Белому дому. Прежде чем его схватили, он успел выпустить по зданию три десятка пуль. К счастью, никто не пострадал. Случай с Дюраном, возможно, был из ряда вон выходящим, но он свидетельствует о почти патологической ненависти, которую я вызвал у параноидальных владельцев оружия, проведя закон Брейди и запрет на продажу штурмового оружия. После выборов я столкнулся с проблемой, заключавшейся в том, что сотрудники правоохранительных органов и другие граждане страны, выступавшие за ограничение распространения огнестрельного оружия, не могли защитить своих единомышленников в Конгрессе от нападков NRA, хоть и представляли интересы большинства американцев. «Оружейное лобби» значительно превосходило их по уровню финансирования, организованности, агрессивности и демагогии.

Выборы были отмечены и несколькими приятными событиями. Тед Кеннеди и сенатор Дайанна Фейнштайн победили в очень трудной борьбе, так же как и мой друг, сенатор Чак Робб из штата Вирджиния, выигравший у ведущего консервативного ток-шоу, участника скандала «Иран-контрас» Оливера Норта. В этом ему помог его коллега сенатор-республиканец Джон

---

* По-английски все три слова начинаются с одной буквы: “God, gays, and guns». — Прим. пер.

Уорнер, которому нравился Робб и который не мог допустить, чтобы люди, подобные Нурту*, заседали в Сенате.

В Мичигане конгрессмену Барту Ступаку, в прошлом офицеру полиции, удалось победить в ожесточенной борьбе в своем округе, где преобладали консерваторы. Он сумел захватить инициативу и опровергнуть обвинения в том, что его голосование по экономическим законопроектам нанесло ущерб жителям округа. Для этого Ступак использовал рекламные ролики, в которых называлось число избирателей, для которых налоги снизились, и тех, для кого они возросли. Их соотношение составило десять к одному.

Сенатор Кент Конрад и конгрессмен Эрл Поумрой были вновь избраны в штате Северная Дакота, где преобладали консервативно настроенные республиканцы, потому что они, как и Ступак, активно защищали и обосновывали свою позицию при голосовании в Конгрессе и позаботились о том, чтобы их избиратели узнали об их достижениях и позитивных инициативах. Возможно, в небольших штатах и сельских избирательных округах было легче противостоять шквалу негативной телевизионной пропаганды. Как бы то ни было, если бы большинство наших кандидатов сделали то же, что Ступак, Конрад и Поумрой, мы бы одержали больше побед.

По-разному сложилась судьба двух героев «бюджетных сражений», разыгравшихся в Палате представителей: Мэрджори Марголис-Мезвински проиграла в своем богатом избирательном округе в Пенсильвании, а Пэт Уильямс сумел удержаться в сельской Монтане.

Я был очень расстроен результатами выборов, хоть и старался этого не показывать. Мы, наверное, не проиграли бы выборы ни в Палату представителей, ни в Сенат, если бы я не включил в свой экономический план налог на бензин и на высокообеспеченных получателей социальных пособий, прислушался бы к мнению Тома Фоули, Джека Брукса и Дика Гепхардта по вопросу запрета на продажу штурмового оружия. Конечно, если бы я принял такие решения, мне пришлось бы отказаться от снижения налогов для работающих семей с низкими доходами или от уменьшения бюджетного дефицита, что могло вызвать негативную реакцию рынка облигаций и подвергло бы опасности жизни миллионов американцев — и взрослых, и детей, — превратив их в потенциальных жертв штурмового оружия. Я до сих пор убежден в том, что эти непростые решения были приняты на благо Америки. И все же слишком многим демократам пришлось заплатить за это высокую цену: они лишились голосов избирателей, которые по прошествии времени воспользовались плодами бесстрашия этих людей, которых они лишили своей поддержки. Среди этих плодов были, в частности, повышение экономического благосостояния американцев и увеличение безопасности на наших улицах.

Мы также смогли бы избежать поражения, если бы, как только стало ясно, что сенатор Доул будет чинить препятствия любой осмысленной

---

* Подполковник морской пехоты, центральная фигура скандала «Иран-контрас». Осуществлял сделки по продаже оружия Ирану и переводу денег никарагуанским контрас. — *Прим. ред.*

реформе здравоохранения, я объявил о ее приостановке до тех пор, пока не будет достигнут консенсус между партиями, и вместо этого провел реформу социального обеспечения. Это могло бы повысить популярность демократов среди представителей среднего класса, которые проголосовали в основном за республиканцев. Именно такой способ действий, а не различные предложения, касающиеся наших экономических законопроектов, или отказ от запрета на продажу штурмового оружия помог бы демократам, не нанося ущерба американскому народу.

Гингрич оказался более умелым политиком, чем я. Он понял, что сможет победить на промежуточных выборах, используя общенациональную кампанию «контракта», постоянно атакуя на демократов и возложив на них вину за все конфликты и подогреваемую республиканцами ожесточенную межпартийную борьбу в Вашингтоне, так как именно демократы контролировали и Конгресс, и Белый дом. Поскольку я был занят выполнением президентских обязанностей, я не сумел должным образом организовать и финансировать предвыборную кампанию и заставить демократов разработать эффективную национальную контрпрограмму. Превращение промежуточных выборов в общенациональную кампанию стало крупным вкладом Гингрича в развитие современных избирательных технологий. После 1994 года партия, у которой не было общенациональной повестки, не имела шансов победить на выборах. Эта ситуация повторилась и в 1998, и в 2002 годах.

Хотя подоходные налоги большинства американцев снизились, а тех, у кого они возросли, было меньшинство, хотя мы существенно сократили численность правительства по сравнению с тем, какой она была при Рейгане и Буше, республиканцы победили, прибегнув все к тем же старым обещаниям снижения налогов и сокращения правительства. Они выиграли, воспользовавшись теми проблемами, которые сами же и создали, похоронив реформу здравоохранения, реформу финансирования избирательных кампаний и препятствуя проведению других реформ. В этом отношении вклад Доула в уверенную победу республиканцев на выборах был очень велик: большинство избирателей не могли поверить, что сенатское республиканское меньшинство — всего сорок один сенатор из ста — могло заблокировать что-то кроме бюджета. Избиратели знали лишь, что их жизнь не стала более обеспеченной или безопасной, что в Вашингтоне слишком много конфликтов и разногласий и в этом виноваты мы, демократы. Кроме того, им было известно, что демократы поддерживали большое и дорогостоящее правительство.

У меня были похожие ощущения, когда я проиграл губернаторские выборы, баллотируясь на второй срок в 1980 году. Тогда я сделал много хорошего, но об этом никто не знал. В том, что касается сиюминутных, текущих проблем, электорат может рассуждать вполне прогрессивно, но его философия — скорее умеренно консервативная, и он весьма скептически настроен по отношению к правительству. Даже если бы сообщения в прессе о моей работе были более объективными, избиратели все равно вряд ли смогли бы понять, что мне уже удалось сделать в реальности, учитывая обилие различных направлений нашей деятельности. К несчастью,

я забыл горький урок своего поражения в 1980 году: можно проводить хорошую политику, даже не имея хороших политиков, но для успешного управления необходимо и то, и другое. Теперь я, конечно, этого уже не забуду, как не забуду и всех тех прекрасных людей, которые потеряли места в Конгрессе потому, что помогли мне вытащить Америку из пропасти бюджетного дефицита, в которую ее столкнула «рейганомика», сделали наши улицы более безопасными и предприняли попытку обеспечить всех американцев медицинской страховкой.

На следующий день после выборов я попытался выжать из этой неблагоприятной ситуации все возможное, пообещав сотрудничать с республиканцами и попросив их «принять вместе со мной активное участие в публичных дебатах, которые наметят направление развития для следующего поколения американцев». Я предложил вместе работать над реформой социального обеспечения и законопроектом о постатейном вето, которые я поддерживал. В то время я больше ничего не мог сделать.

Многие эксперты уже предсказывали мое поражение в 1996 году, но я был настроен более оптимистично. Республиканцам удалось убедить многих американцев, что демократы, и я в том числе, были слишком либеральными и поддерживали «большое правительство», но время работало на меня, и тому было три причины: бюджетный дефицит благодаря нашему экономическому плану продолжал снижаться, а экономика продолжала подъем; новый Конгресс, и Палата представителей в особенности, имел слишком правую для американского народа ориентацию; республиканцы же, несмотря на свои предвыборные обещания, вскоре были вынуждены урезать расходы на образовательные программы, здравоохранение и экологию, чтобы финансировать предложенные ими снижение налогов и повышение оборонных расходов. Это произошло потому, что именно этого хотели ультраконсерваторы, а также потому, что я был полон решимости заставить их уважать законы арифметики.

Уже через неделю после выборов я снова с головой ушел в работу, так же как и республиканцы. 10 ноября я назначил Пэтси Флеминг национальным координатором по проблеме СПИДа в знак признания ее выдающегося вклада в разработку нашей политики в этой области, которая предусматривала 30-процентное увеличение финансирования программ. Объявляя об этом назначении, я также рассказал о ряде новых инициатив в борьбе с этим заболеванием. Свое заявление я посвятил одному из лидеров в борьбе со СПИДом — Элизабет Глейсер, которая была безнадежно больна этим недугом и через три недели скончалась.

В тот же самый день я объявил, что Соединенные Штаты больше не будут соблюдать эмбарго на поставку оружия в Боснию. Этот шаг, получивший мощную поддержку в Конгрессе, был необходим, потому что сербы возобновили агрессию, напав на город Бихач. В конце ноября НАТО осуществило бомбардировки позиций сербской артиллерии в этом районе. 12 ноября я отправился в Индонезию для участия в ежегодной встрече лидеров Организации азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества, на которой восемнадцать стран этого региона договорились о создании к 2020 году азиатского свободного рынка, а самые богатые государства должны были вступить в него уже в 2010 году.

На внутривнутриполитическом фронте Ньют Гингрич, купаясь в лучах славы после одержанной им громкой победы, продолжал применять все ту же тактику личных нападок, которая принесла ему такой успех в предвыборной кампании. Непосредственно перед выборами он воспользовался своей брошюрой со списком бранных слов, назвав меня «врагом нормальных американцев». На следующий день после выборов он обозвал Хиллари и меня «противниками культуры и макговернистами», что в его устах было самым страшным ругательством.

Эпитет, который придумал для нас Гингрич, был верным в том смысле, что мы были сторонниками Макговерна и не принадлежали к той культуре, которую Гингрич хотел сделать доминирующей в Америке: самодовольной, осуждающей, претендующей на знание «абсолютной истины», олицетворяющей самые темные стороны южного белого консерватизма. Я сам был южным баптистом и гордился своими корнями и силой своей веры, но я слишком хорошо знал эти темные стороны. Еще ребенком я наблюдал, как люди использовали свое благочестие и моральное превосходство для оправдания претензий на политическую власть и права «демонизировать» тех, кто с ними не согласен (чаще всего по вопросам гражданских прав). Я полагал, что целью Америки должно быть укрепление единства американского народа, расширение свобод и возможностей и преодоление противоречий и различий.

Хотя Гингрич и его искусство политика произвели на меня определенное впечатление, я не мог согласиться с его претензиями на то, что его политический курс является олицетворением наивысших американских ценностей. Меня учили не смотреть свысока на других людей и не искать виноватых в моих собственных ошибках и неудачах. А ведь «новые правые» именно к этому и призывали. Причем этот их призыв был очень привлекательным для избирателей, потому что предлагал психологический комфорт и уход от ответственности. «Они» были всегда правы, а «мы» — всегда неправы; «мы» были ответственны за все проблемы, несмотря на то что именно «они» были президентами двадцать из последних двадцати шести лет. Мы все с готовностью принимаем аргументы, которые позволяют нам снять с себя ответственность и успокоиться. Во время выборов 1994 года в Америке напряженно работающие семьи из среднего класса, встревоженные неустойчивой экономической ситуацией, распространением преступности и наркомании и обострением семейных проблем, оказались легкой мишенью для аргументов Гингрича, в особенности потому, что мы не предложили никаких контраргументов.

Гингрич и правые республиканцы снова вернули нас в 1960-е. Ньют заявил, что Америка была великой страной до начала 60-х, когда к власти пришли демократы, которые вместо абсолютных понятий добра и зла предложили относительные ценности. Он обещал вернуть нас к высокой моральности 1950-х — для того, чтобы «возродить американскую цивилизацию».

Конечно, и в 1960-х годах имели место политические и социальные эксцессы, но это десятилетие и зародившиеся в то время общественные движения обеспечили прогресс в сфере гражданских прав и женского равноправия, охраны окружающей среды и безопасности на производстве, а также расширили возможности простых людей. Демократы верили в эти ценности и работали для их реализации. Так же поступали и многие традиционные республиканцы, включая ряд губернаторов, вместе с которыми я работал в конце 1970-х и в 1980-х. Сосредоточив внимание исключительно на эксцессах 1960-х годов, новые правые сильно напомнили мне белых южан, которые даже через сто лет после окончания войны Севера и Юга продолжали критиковать меры, предпринятые в период Реконструкции*. В детстве я слышал немало относящихся к тому времени рассказов о жестокостях северян и благородстве южан. В этих рассказах была доля правды, но те, кто обличал северян, забывали, что именно Линкольн и республиканцы покончили с рабством и сохранили целостность страны. По главным вопросам — рабства и целостности страны — позиция Юга была ошибочной.

Теперь происходило то же самое: правые использовали эксцессы 60-х, чтобы отрицать достижения в области гражданских прав и других сферах. Это огульное отрицание напомнило мне пересказанную сенатором Дэвидом Прайором беседу, которая состоялась у него с восьмидесятипятилетним

---

* Реконструкция (*Reconstruction*) — период восстановления нормальной экономической и политической жизни в десятилетие после Гражданской войны 1861–1965 гг. — *Прим. пер.*

стариком, сообщившим сенатору о том, что он пережил две мировые войны, Великую депрессию, Вьетнам, выступления в защиту гражданских прав и другие бурные события XX столетия. Прайор тогда заметил ему: «Вы стали свидетелем многих перемен». «Да, — ответил старик, — и я всегда выступал против них!»

И все же я не хотел демонизировать Гингрича и его сторонников, подобно тому, как они это делали по отношению к нам. У него имелись некоторые интересные идеи, относящиеся, в частности, к сферам науки, технологии, предпринимательства и внешней политики; он был убежденным интернационалистом. Кроме того, я уже много лет думал о том, что демократам необходимо изменить тактику: меньше говорить о сохранении достижений партии времен индустриальной эпохи и сосредоточиться на решении проблем информационной эры, а также со всей определенностью заявить о приверженности ценностям и интересам среднего класса. Я был рад принять вызов и сравнить идеи «новых демократов» по экономическим и социальным вопросам с «Контрактом с Америкой» республиканцев. Ведь политика и заключается в конкуренции идей и политических программ.

Но Гингрич на этом не остановился. Суть его аргументов заключалась не только в том, что его идеи лучше, чем наши: он утверждал, что и его основополагающие *ценности* лучше, чем наши, — потому, что демократы якобы не уделяют должного внимания вопросам семьи, занятости и социального обеспечения, проблемам преступности и обороне, а также потому, что после «вседозволенности шестидесятых» мы якобы не способны отличить правду от лжи.

Политическое влияние его теории заключалось в том, что он убедительно и четко закреплял негативные стереотипы в отношении демократов, которые республиканцы начиная с 1968 года вколачивали в сознание американцев. Так делал Никсон, так делал Рейган, то же самое сделал и Джордж Буш, когда превратил выборы 1988 года в референдум об Уилли Хортоне и «Клятве Верности»*. Теперь Ньют поднял искусство «повторной пластической хирургии» на новый уровень, сделав его еще более изощренным.

---

* Речь идет о двух эпизодах, которые Джордж Буш-старший использовал для дискредитации своего политического противника — бывшего губернатора штата Массачусетс Майкла Дукакиса.

В 1988 году республиканцы обвинили демократа Майкла Дукакиса, опережавшего Джорджа Буша-старшего на 17%, в том, что он проявляет излишнюю мягкость по отношению к уголовникам (в бытность Дукакиса губернатором Массачусетса заключенным стали предоставлять выходные за хорошее поведение), и использовали для этого дело Хортон, осужденного за убийство, который, отправившись на побывку в десятый раз, добрался до Мэриленда и изнасиловал там девушку.

Буш также обвинил Дукакиса в «непатриотичности», поскольку Дукакис, будучи губернатором штата Массачусетс, отказался подписать закон, обязывающий учащихся этого штата начинать день с клятвы верности американскому флагу. На самом деле этот законопроект был признан антиконституционным Верховным судом штата Массачусетс, поскольку предусматривал тюремное наказание для учителей, на уроках у которых дети не произносили эту клятву. — *Прим. пер.*

Слабость его теории заключалась в том, что она искажала факты. Большинство демократов занимали жесткую позицию по отношению к преступности, поддерживали реформу социального обеспечения и сильную оборонную программу и гораздо ответственнее относились к налогам, чем «новые правые республиканцы». Большинство демократов были работящими, уважающими законы американцами, которые любили свою страну, вели активную работу в местных общинах и стремились вырастить своих детей достойными людьми. Но Гингрича эти факты абсолютно не интересовали: он заучил свою проповедь наизусть и произносил ее при любой возможности.

Спустя некоторое время он без малейших на то оснований утверждал, что 25 процентов моих помощников в Белом доме еще недавно были наркоманами. После этого Гингрич заявил, что ценности, проповедуемые демократами, привели к появлению большого количества внебрачных детей, рожденных девушками-подростками, и что у таких безответственных матерей нужно отбирать детей и воспитывать их в сиротских приютах. Когда Хиллари спросила, будет ли для младенцев лучше, если они лишатся своих матерей, он посоветовал ей посмотреть снятый в 1938 году фильм «Город мальчиков» (*Boys Town*), в котором рассказывается о мальчиках из бедных семей, воспитывавшихся в католическом сиротском приюте, — задолго до того, как «проклятые» 60-е все это разрушили.

Гингрич обвинил демократов и в том, что именно распространяемые ими «ценности вседозволенности» создали моральный климат, сделавший возможными преступления, подобные тому, которое в октябре 1994 года совершила душевнобольная женщина из Южной Каролины Сюзан Смит, утопившая двух своих маленьких сыновей. Когда выяснилось, что причиной психической неустойчивости Смит могло быть то, что в детстве она стала жертвой сексуальных посягательств своего приемного отца — ультраконсерватора, члена совета местного отделения Христианской коалиции, — Гингрича это ничуть не смутило. Ведь, по его мнению, причиной всех грехов, даже если их совершают консерваторы, был моральный релятивизм, который демократы навязывали Америке начиная с 1960-х годов.

Я с нетерпением ждал, когда Гингрич объяснит, каким образом моральное банкротство демократов развратило администрации Никсона и Рейгана и стало причиной уотергейтского скандала и дела «Иран-контрас». Я был уверен, что эта задача ему по плечу. Если уж Ньют брался за что-то всерьез, его было трудно остановить.

С началом декабря в политическую жизнь постепенно стало возвращаться разумное начало: Палата представителей и Сенат значительным большинством голосов представителей обеих партий одобрили Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ). Благодаря этому соглашению таможенные тарифы по всему миру снизились на огромную сумму в 740 миллиардов долларов; открылись ранее закрытые для американских товаров рынки; бедные страны получили возможность продавать свои товары потребителям за границей; были созданы условия для создания Всемирной

торговой организации (ВТО), что позволило ввести универсальные правила торговли и разрешать возникающие торговые споры. Ральф Нейдер и Росс Перо вели энергичную кампанию против этого договора, утверждая, что он вызовет ужасные последствия, начиная от потери Америкой суверенитета и заканчивая массовым использованием дешевого детского труда. Их шумные выступления не дали результатов: рабочее движение возражало против ГАТТ меньше, чем против НАФТА, а Мики Кантор провел в Конгрессе отличную подготовительную работу по одобрению этого договора.

На фоне масштабных законов, включая закон о ГАТТ, остался незамеченным «Закон о защите пенсионеров» 1994 года. Впервые я задумался о проблеме недофинансирования пенсионных фондов, когда об этом сказал один из избирателей во время предвыборных дебатов в Ричмонде. Этот закон, требующий от корпораций, недофинансировавших пенсионные планы, увеличить отчисления в пенсионные фонды, стабилизировал национальную пенсионную систему и улучшил положение сорока миллионов американских пенсионеров. Закон «О защите пенсионеров» и ГАТТ стали последними в длинном перечне законодательных достижений первых двух лет моего президентства, но, учитывая результаты выборов в Конгресс, эти победы оставили смешанные чувства.

В начале декабря Ллойд Бентсен ушел с поста министра финансов, и его преемником я назначил Боба Рубина. Бентсен отлично работал, и я не хотел, чтобы он уходил, но он и его жена решили посвятить себя личной жизни. Выбор преемника был легким: Боб Рубин превратил Национальный совет по экономике в самый важный аппарат принятия решений в Белом доме, он пользовался авторитетом на Уолл-стрит и многое сделал для того, чтобы экономика работала на благо всех американцев. На место Боба в Национальном совете по экономике я вскоре назначил Лору Тайсон.

После официального ужина в честь президента Украины Леонида Кучмы я всего на восемь часов полетел в столицу Венгрии Будапешт, чтобы принять участие в заседаниях Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе и подписать ряд соглашений по ограничению ядерных вооружений с президентом Ельциным, премьер-министром Мейджором, а также президентами Украины, Казахстана и Беларуси. Эта встреча должна была вызвать благоприятные отклики в прессе, так как мы приняли решение сократить наши ядерные арсеналы на несколько тысяч боеголовок и предотвратить распространение ядерного оружия. Однако главным событием встречи в Будапеште неожиданно стала речь Ельцина, в которой он критиковал меня за замену холодной войны «холодным миром»: он имел в виду расширение НАТО и предстоящий прием в него стран Центральной Европы. В действительности я сделал прямо противоположное, создав программу «Партнерство ради мира» в качестве промежуточного шага перед расширением НАТО, настаивая на тщательном отборе кандидатов на принятие в эту организацию и неустанно работая над укреплением партнерских отношений НАТО и России.

Поскольку я не был заранее предупрежден о выступлении Ельцина, а он произнес свою речь после моей, я не знал, что побудило его к такому резкому

заявлению, и у меня не было возможности ему ответить. Я был рассержен и уязвлен. Очевидно, советникам Ельцина удалось убедить его в том, что НАТО намеревается принять в свои ряды Польшу, Венгрию и Чехию в 1996 году — как раз тогда, когда Ельцину предстояло бороться за свое переизбрание на второй срок с ультранационалистами, для которых была ненавистна сама идея расширения НАТО, а мне — конкурировать с республиканцами, которые эту идею поддерживали.

Встреча в Будапеште оказалась неудачной: это был один из тех редких случаев, когда обе стороны допустили ошибки, но я знал, что все можно уладить. Через несколько дней Ал Гор встретился с Ельциным, прибыв в Москву на четвертую встречу Комиссии Гора — Черномырдина по экономическому, научному и технологическому сотрудничеству. Борис сказал ему, что мы с ним остались партнерами, а Ал уверил Ельцина, что наша политика в отношении расширения НАТО не изменилась и что я, зная о его внутривнутриполитических проблемах, не собираюсь торпедировать этот процесс. Однако и он должен был понять, что я не могу закрыть двери этой организации для приема новых членов на неопределенно долгий срок.

Девятого декабря в Майами я открывал Саммит двух Америк — первую встречу лидеров стран западного полушария после 1967 года. На эту встречу собралось тридцать три демократически избранных руководителя американских государств, в том числе Канады, стран Центральной и Южной Америки и Карибского бассейна, включая сорокаоднолетнего президента Гаити Аристида и его соседа, президента Доминиканской Республики Хоакина Балагера, которому уже шел семьдесят восьмой год. Балагер ослеп и был очень больным человеком, но по-прежнему сохранял острый ум.

Я начал саммит, предложив создать в обеих Америках зону свободной торговли, которая простиралась бы от Полярного круга до Тьерра-дель-Фуэго, чтобы укрепить демократию, повысить эффективность управления в регионе и продемонстрировать решимость Америки быть добрым соседом для других континентов. Эта встреча прошла очень успешно. Мы решили установить зону свободной торговли в обеих Америках к 2005 году и расстались, уверенные в том, что все вместе вступаем в будущее — в такое будущее, в котором, по словам великого чилийского поэта Пабло Неруды, не будет места «одиноким борьбе и одинокой надежде».

Пятнадцатого декабря в своем телевизионном обращении я рассказал о моем предложении предусмотреть в бюджете сокращение налогов для представителей американского среднего класса. Это вызвало возражения некоторых сотрудников моей администрации и критику ряда журналистов, представивших мой шаг как попытку копировать республиканцев или запоздалое намерение вернуться к обещаниям, данным во время кампании 1993 года, за невыполнение которых нас наказали избиратели. Как по стратегическим, так и по политическим причинам я хотел вернуться к борьбе с республиканцами по поводу снижения налогов до того, как Конгресс приступит к работе в новом составе. Республиканский «Контракт с Америкой» включал ряд предложений по снижению налогов, отвечавших интересам в основном богатых американцев, которые, по моему мнению, мы не могли

позволить себе принять. С другой стороны, Соединенные Штаты все еще не преодолели последствий двадцатилетнего периода сдерживания доходов среднего класса, ставшего основной причиной того, что избиратели до сих пор не ощутили позитивных изменений в экономике. Мы добились прорыва в решении этой проблемы, в два раза увеличив налоговые льготы для наемных работников, получающих фиксированную зарплату. Теперь продуманное снижение налогов могло повысить доходы среднего класса и при этом не поставить под угрозу программу снижения бюджетного дефицита или нашу способность инвестировать в будущее, а также дать мне возможность выполнить обязательства, взятые на себя в ходе кампании 1992 года.

В своей речи я предложил принять «Билль о правах среднего класса», который бы включал сокращение налогов для семей с ежегодным доходом, не превышающим 75 тысяч долларов, в размере 500 долларов на ребенка; право на вычет из налогооблагаемого дохода расходов на обучение в университете, расширение системы индивидуальных пенсионных счетов и перевод средств, выделяемых государством на различные программы профессионального обучения, в денежные ваучеры, которые работники по собственному усмотрению могут потратить на интересующие их программы обучения. Я сказал американцам, что мы можем компенсировать это сокращение налогов средствами, сэкономленными благодаря программе правительственной реформы, предложенной Алом Гором, и при этом продолжить сокращение бюджетного дефицита.

Перед самым Рождеством мы с Алом Гором назвали города и сельские общины, которые станут первыми «уполномоченными зонами». В соответствии с принятым в 1993 году планом экономического развития им предполагалось предоставить налоговые льготы и средства из федеральных фондов, чтобы ликвидировать их отставание от других регионов.

Двадцать второе декабря стало последним днем работы Ди Ди Майерс в качестве пресс-секретаря. Она отлично проявила себя в самых сложных ситуациях, например в снегах Нью-Хэмпшира. С тех пор мы пережили вместе немало бурь и сыграли бесчисленное множество партий в карточную игру «черви». Я знал, что у нее все отлично сложится и после ухода в отставку. Так и произошло.

После нашей традиционной новогодней поездки на «Ренессансный уикенд» мы с Хиллари на пару дней заехали домой, чтобы повидаться с ее матерью и Диком Келли. Кроме того, я хотел вместе с моими друзьями поохотиться на уток в восточном Арканзасе. Каждый год, когда утки прилетают из Канады на зимовку в США, один из двух основных их маршрутов проходит над рекой Миссисипи. Часть их садится на рисовые поля и пруды в дельте реки Арканзас. В последние годы многие фермеры этого района устроили на своих землях охотничьи лагеря — как для собственно го удовольствия, так и для того, чтобы получить дополнительный доход.

Летающие на заре утки — поистине великолепное зрелище. Нам также удалось увидеть пролетавший высоко над нами идеальной формы гусиный клин. В то облачное утро только две утки приблизились к нам на расстояние выстрела, и мои товарищи позволили мне выстрелить по обеим, поскольку

они оставались охотиться еще на несколько дней. Я обратил внимание репортеров на то, что мы использовали ружья, разрешенные законом по борьбе с преступностью, и что нам не понадобилось штурмовое оружие, чтобы добыть этих уток, включая и ту, которую я подстрелил с расстояния примерно в семьдесят ярдов.

На следующий день мы с Хиллари присутствовали на торжественном открытии образцовой начальной школы имени Уильяма Джефферсона Клинтона в Шервуде, в северном предместье Литл-Рока. Это была замечательная школа, один из классов в которой был назван в честь моей матери, а библиотека носила имя Хиллари. Признаюсь, что мне было приятно видеть свое имя на этом новом школьном здании: ведь я был стольким обязан ее учителям.

Эта поездка домой была мне необходима. Я два года работал без отдыха. Я очень многое сделал, но часто за деревьями не видел леса. Новый год обещал принести новые проблемы. Чтобы справиться с ними, мне нужно было как следует отдохнуть и, так сказать, подзарядить аккумулятор.

Вернувшись в Вашингтон, я с нетерпением ждал, когда республиканцы начнут выполнять свои обещания, данные во время предвыборной кампании. Мне также не терпелось приступить к борьбе за отстаивание и внедрение законов, которые мы приняли в предыдущие два года. После одобрения Конгрессом нового законопроекта работа исполнительной власти только начинается. Например, пакет законов по борьбе с преступностью предусматривал выделение средств на выплату жалованья 100 тысячам дополнительных полицейских в полицейских округах. Нам пришлось создать отдельное управление в Министерстве юстиции, чтобы распределять эти средства и установить критерии для их распределения, разработать процесс подачи и рассмотрения заявок и отслеживать расходование денег. Это было сделано для того, чтобы мы могли отчитаться за выполнение данной программы перед Конгрессом и американским народом.

Пятого января я провел первую встречу с новыми руководителями Конгресса. Помимо Боба Доула и Ньюта Гингрича республиканская команда включала Трента Лота, сенатора от штата Миссисипи, и двух техасцев — Дика Арми и Тома Делея — соответственно лидера и секретаря республиканского большинства в нижней палате Конгресса. Новыми лидерами демократов стали сенатор Том Дашл из Южной Дакоты и конгрессмен Дик Гепхардт, а также секретарь фракции демократов в Сенате Уэнделл Форд из штата Кентукки и его коллега в Палате представителей Дэвид Бониор из штата Мичиган.

Хотя встреча с лидерами Конгресса прошла в дружеской обстановке, а в «контракте» республиканцев содержались некоторые положения, по которым мы могли сотрудничать, я знал, что нам не избежать серьезных столкновений по важным вопросам, по которым у нас имелись существенные расхождения. Было очевидно, что и мне, и всей моей команде потребуется максимальная сосредоточенность и дисциплинированность в наших действиях и в избранной нами стратегии взаимодействия. Когда один жур-

налист спросил меня, что будет преобладать в наших отношениях — «компромисс или борьба», я сказал: «Отвечу так: мистер Гингрич будет нашептывать вам в правое ухо, а я — в левое».

После ухода конгрессменов я отправился в пресс-центр и объявил, что моим новым пресс-секретарем будет Майк Маккарри. До этого Майк был пресс-секретарем Уоррена Кристофера в Госдепартаменте, а во время президентской кампании, будучи пресс-секретарем Боба Керри, нанес мне ряд ощутимых ударов. Меня это мало волновало: в период выдвижения кандидата в президенты от демократов он должен был выступать против меня. Однако впоследствии он хорошо работал в Госдепартаменте, разъясняя и отстаивая нашу внешнюю политику.

В нашей команде появилась и другие новые люди. Эрскин Боулз пришел в Белый дом из Управления по делам малого бизнеса на пост заместителя руководителя аппарата, поменявшись должностями с Филом Лейдером. Эрскин особенно хорошо подходил для осторожных компромиссов и партизанской войны, сочетание которых было характерно для наших последующих отношений с новым Конгрессом, поскольку был талантливым предпринимателем и переговорщиком экстра-класса, хорошо знающим, «когда нужно гнать, а когда — придержать». Он стал хорошим помощником Панетты и отлично дополнил другого заместителя Леона — жесткого Гарольда Икеса.

Как и многие другие месяцы, январь принес как хорошие, так и плохие новости: безработица снизилась до 5,4 процента, было создано 5,6 миллиона новых рабочих мест; Кеннет Старр продемонстрировал свою «независимость», заявив, что намерен в очередной раз расследовать обстоятельства смерти Винса Фостера; правительство Ицхака Рабина оказалось под угрозой, когда девятнадцать израильтян погибло от двух бомб террористов, — это ослабило поддержку его усилий по развитию мирного процесса. Я подписал первый принятый новым составом Конгресса закон, который твердо поддерживал: этот закон обязывал законодателей выполнять все те требования, которые они утвердили для граждан страны.

Двадцать четвертого января я выступил с посланием «О положении в стране» перед первым за последние сорок лет республиканским Конгрессом. Ситуация была щекотливая: мне нужно было стремиться к примирению, но при этом не выглядеть слабым, создать впечатление силы и уверенности, но без враждебности. Я начал с того, что попросил Конгресс отказаться от «партийных разногласий, мелочности и тщеславия» и предложил вместе работать над реформой социального обеспечения, целью которой станет не наказание бедных, а предоставление им новых возможностей. Потом я привел, наверное, самый наглядный пример огромного потенциала, имеющегося у американцев, получающих социальные пособия, — историю Линн Вулси, женщины, которая когда-то получала пособие, а потом, пройдя долгий путь, стала членом Палаты представителей от Калифорнии.

После этого я бросил республиканцам вызов сразу на нескольких «фронтах». Я сказал им, что, если они хотят проголосовать за конституционную

поправку о сбалансированном бюджете, им нужно ответить на вопрос, *как* они собираются сбалансировать бюджет и будут ли при этом урезаны программы социального обеспечения. Я попросил их отказаться от своего намерения ликвидировать волонтерскую организацию «Америкорпс», участники которой работали в сферах образования, общественной безопасности, здравоохранения и экологии. Я также заявил, что, если они хотят ужесточить законы, направленные на борьбу с преступностью, я готов с ними сотрудничать, но буду выступать против отмены доказавших свою эффективность программ профилактики преступности, против отказа от плана вывести на улицы дополнительно 100 тысяч полицейских и запрета на штурмовое оружие. Я сказал, что не собираюсь ущемлять законное право американцев владеть огнестрельным оружием и использовать его, однако добавил, что «многие люди пожертвовали своими местами в Конгрессе, чтобы положить конец гибели детей и полицейских из-за доступности штурмового оружия, и я не позволю отменить этот запрет».

В конце послания я сделал шаг навстречу республиканцам. Я сказал, что готов сотрудничать с ними по моему предложению о сокращении налогов для среднего класса, и признал, что, работая над реформой здравоохранения, «мы попытались откусить больше, чем могли проглотить». Я предложил им вместе добиваться решения этой проблемы и для начала сделать так, чтобы люди не теряли свои медицинские страховки в случае смены места работы или болезни кого-то из членов семьи. Я также попросил их поддержать мой внешнеполитический курс, который соответствовал интересам обеих партий.

Выступление с посланием «О положении в стране» — это не только возможность для президента каждый год в течение часа говорить непосредственно с американским народом, это также один из самых важных ритуалов американской политики. Пресса отмечает все — сколько раз выступление президента прерывалось аплодисментами, особенно продолжительными овациями; чему аплодировали демократы, а чему — республиканцы; по каким вопросам их позиции совпали; какова была реакция влиятельных членов Сената и Палаты представителей; что означало присутствие в ложе первой леди тех или иных людей, — а американцы следят за всем этим по телевидению. Моя речь была рассчитана на пятьдесят минут, а десять минут отводилось на аплодисменты. А поскольку в ней было достаточно примитивных заявлений, но при этом я придерживался принципиальных позиций по важнейшим вопросам, мое выступление прерывалось аплодисментами более девяноста раз и продолжалось восемьдесят одну минуту.

Ко времени моего выступления в Конгрессе уже две недели длился один из самых серьезных кризисов, произошедших во время моего первого президентского срока. Вечером 10 января, после того как Боб Рубин, вступивший в должность министра финансов, принес присягу в Овальном кабинете, он и Ларри Саммерс остались, чтобы вместе со мной и несколькими моими советниками обсудить финансовый кризис в Мексике. Курс песо резко снижался, лишая Мексику возможности занимать деньги и осуществлять

выплаты по уже существующим долгам. Проблема усугублялась тем, что, когда ситуация в Мексике начала ухудшаться, правительство страны, чтобы привлечь финансовые средства, выпустило краткосрочные долговые обязательства под названием *тесобоны*, которые должны были погашаться в долларах. Поскольку песо продолжал падать, требовалось все больше и больше *тесобонов*, чтобы обслуживать краткосрочный долг Мексики, деноминированный в долларах. Теперь, когда финансовые резервы страны составляли всего 6 миллиардов долларов, Мексика в 1995 году должна была выплатить в счет своих долговых обязательств 30 миллиардов долларов, причем 10 миллиардов — в первые три месяца года.

Если бы в Мексике произошел дефолт и она прекратила бы платежи по своим долговым обязательствам, произошла бы экономическая «ядерная цепная реакция» — (Боб Рубин был против использования этого термина), которая могла бы ускорить инфляцию, вызвать массовую безработицу и, что весьма вероятно, длительную рецессию, поскольку международные финансовые институты, правительства других стран и частные инвесторы не захотели бы рисковать своими инвестициями.

Рубин и Саммерс считали, что экономический крах Мексики мог иметь тяжелые последствия для Соединенных Штатов. Во-первых, Мексика была нашим третьим по величине торговым партнером. Если бы она не смогла покупать нашу продукцию, это нанесло бы ущерб американским компаниям и их работникам. Во-вторых, экономический кризис мог привести к 30-процентному увеличению нелегальной иммиграции из этой страны в США, — а это полмиллиона людей ежегодно. В-третьих, финансово ослабленная Мексика почти наверняка стала бы объектом усиления активности нелегальных наркокартелей, которые и так уже переправляли большие партии наркотиков через эту страну в Соединенные Штаты. Наконец, дефолт в Мексике мог оказать негативное влияние на другие страны, поскольку инвесторы утратили бы доверие к развивающимся рынкам других стран Латинской Америки, Центральной Европы, России, Южной Африки и т.д., которым мы помогали модернизировать экономику и добиться процветания. Поскольку около 40 процентов американского экспорта направлялось в развивающиеся страны, это могло нанести большой ущерб нашей экономике.

Рубин и Саммерс рекомендовали нам обратиться к Конгрессу с просьбой одобрить предоставление Мексике займа в 25 миллиардов долларов, что позволило бы ей соблюдать график выплаты долга и успокоить кредиторов и инвесторов. В свою очередь, Мексика должна была взять на себя обязательство провести финансовые реформы и своевременно предоставлять отчеты о финансовой ситуации в стране, чтобы кризис не повторился вновь. Рубин и Саммерс тем не менее предупредили, что эта рекомендация связана с риском. В Мексике все равно мог произойти финансовый крах, и тогда мы потеряли бы предоставленные ей средства. В то же время успех предложенной политики не исключал возникновения проблемы, которую экономисты называют «моральным риском». Мексика оказалась на грани краха не только из-за неправильной политики правительства и слабости

финансовых институтов, но и потому, что инвесторы продолжали финансировать операции, которые уже давно перешли все разумные пределы риска. Если бы предоставленные Мексике деньги были в итоге выплачены этим неразумным инвесторам, мы могли бы создать у них уверенность, что они и в будущем смогут без всяких опасений идти на подобный неоправданный риск.

Риск усугублялся также тем фактом, что подавляющая часть американцев не осознавала последствий дефолта Мексики для американской экономики. Большинство конгрессменов-демократов могли решить, что необходимость спасти Мексику от финансового краха свидетельствовала о том, что подписание НАФТА — Североамериканского соглашения о свободе торговли — было ошибкой. Далеко не все вновь избранные республиканцы — особенно в Палате представителей — разделяли энтузиазм спикера по внешнеполитическим вопросам. При этом очень многие из них даже не имели паспорта*. Они хотели ограничить иммиграцию из Мексики, а не посылать туда миллиарды долларов.

Выслушав эту информацию, я задал пару вопросов, а затем сказал, что нам следует предоставить этот заем. Мне казалось, что причины такого решения очевидны, но не все мои советники были с этим согласны. Те, кто хотел ускорить мое политическое «выздоровление» после сокрушительного поражения на промежуточных выборах, думали, что я сошел с ума, или, как говорят у нас в Арканзасе, «у меня чуток не хватает». Когда Джордж Стефанопулос впервые услышал названную Министерством финансов цифру в 25 миллиардов долларов, он подумал, что Рубин и Саммерс имели в виду 25 миллионов, и решил, что я сам себе рою могилу. Панетта поддержал решение о предоставлении займа, но предупредил, что, если Мексика его не вернет, это может стоить мне выборов 1996 года.

Риск был значительным, но я был уверен в новом президенте Мексики Эрнесто Зедилло, экономисте, получившем докторскую степень в Йельском университете. Он занял место убитого Луиса Колосо — первоначального кандидата в президенты от своей партии. Если уж кто-то и мог спасти Мексику, так это был Зедилло.

Кроме того, мы просто не могли остаться в стороне и бросить Мексику на произвол судьбы. Не говоря уж об экономических проблемах, которые это могло создать и для нас, и для мексиканцев, Латинская Америка восприняла бы это как свидетельство нашего эгоизма и близорукости. Страны Латинской Америки могли бы привести длинный перечень обид, нанесенных им Соединенными Штатами, а также примеров высокомерного и равнодушного отношения США к их интересам и проблемам. Всякий раз, когда Америка демонстрировала по отношению к этим странам подлинно дружеское отношение, примерами которого могут служить политика «доброе соседство», провозглашенная президентом Рузвельтом, «Союз ради про-

---

* Паспорт в США нужен только для поездок за границу. Клинтон намекает на то, что многие вновь избранные конгрессмены от республиканцев никогда не были за пределами США. — *Прим. пер.*

гресса» президента Кеннеди или возвращение Панамского канала президентом Картером, отношение к нам улучшалось. Во времена же холодной войны, когда мы помогали свергать демократически избранных лидеров, поддерживали диктаторов и закрывали глаза на нарушение ими прав человека, мы испытывали к себе то отношение, которого заслуживали.

Я пригласил лидеров Конгресса в Белый дом, разъяснил им ситуацию и попросил о поддержке. Все, включая Боба Доула и Ньюта Гингрича, вполне обоснованно назвавшего мексиканскую проблему «первым кризисом XXI столетия», пообещали мне ее предоставить. Пока Рубин и Саммерс проводили работу в Капитолии, мы заручились поддержкой Пола Сарбейнса, сенатора от штата Мэриленд, сенатора Криса Додда и сенатора-республиканца Боба Беннетта из штата Юта — очень умного консерватора старой закалки, который быстро понял, к чему может привести бездействие, и поддерживал нас на протяжении всего кризиса. Нас поддержали и несколько губернаторов, включая Билла Уэлда из Массачусетса, который очень внимательно следил за тем, что происходило в Мексике, и Джорджа У. Буша из Техаса — штата, который наряду с Калифорнией пострадал бы больше других в случае краха мексиканской экономики.

Несмотря на обоснованность нашей позиции и поддержку Алана Гринспена, к концу месяца стало ясно, что нам не удастся убедить Конгресс. Настроенные против НАФТА демократы были уверены, что пакет финансовой помощи — это уж чересчур, а новые конгрессмены-республиканцы демонстративно его отвергли.

К концу месяца Рубин и Саммерс стали склоняться к тому, чтобы действовать в обход Конгресса, выделив деньги для Мексики из Валютного стабилизационного фонда, созданного в 1934 году, когда Америка отказалась от привязки доллара к золотому стандарту, и использовавшегося для уменьшения колебаний валютных курсов. В нем аккумулировалось около 35 миллиардов долларов, и министр финансов имел право использовать его с одобрения президента.

Двадцать восьмого января, после того как Рубину позвонил министр финансов Мексики, сказавший, что дефолт неминуем, так как на следующей неделе им предстояло выплатить миллиард долларов по *тесобонам*, потребность во вмешательстве Америки в ход событий стала еще более очевидной.

Кульминация наступила вечером в понедельник, 30 января. Финансовые резервы Мексики снизились до 2 миллиардов долларов, а курс песо за день упал еще на 10 процентов. В тот вечер Рубин и Саммерс прибыли в Белый дом, чтобы встретиться с Леоном Панеттой и Сэнди Бергером, курировавшими этот вопрос в Совете национальной безопасности. Рубин заявил им совершенно прямо: «У Мексики, чтобы выжить, осталось примерно 48 часов». Позвонил Гингрич, чтобы сообщить, что, если и удастся провести решение о предоставлении пакета помощи, на это уйдет не менее двух недель. Еще раньше то же самое говорил Доул. Они, а также Том Дэшл и Дик Гепхардт пытались убедить Конгресс, но противодействие было слишком сильным.

Я вернулся в Белый дом с акции по сбору пожертвований около 11 часов вечера и прошел в кабинет Леона, где и узнал эту нерадостную новость. Рубин и Саммерс еще раз вкратце описали возможные негативные последствия мексиканского дефолта, а потом сказали, что нам необходимо «только» 20, а не 25 миллиардов долларов, поскольку директор Международного валютного фонда Мишель Камдессю заявил, что в случае, если Соединенные Штаты поддержат Мексику, МВФ выделит ей еще почти 18 миллиардов долларов помощи. Вместе с небольшими суммами, которые предоставят другие страны и Всемирный банк, пакет помощи Мексике мог бы составить почти 40 миллиардов долларов.

Хотя Сэнди Бергер и Боб Рубин считали, что нужно действовать, они вновь упомянули о связанном с этим риске. Недавно опубликованные в газете *Los Angeles Times* результаты опроса общественного мнения показали, что против финансовой помощи Мексике выступают 79 процентов американцев, а за — только 18 процентов. На это я ответил таким образом: «А через год, когда у нас будет еще один миллион нелегальных иммигрантов, потоки наркотиков из Мексики и множество безработных по обоим берегам Рио-Гранде, они спросят меня: “А почему вы ничего не сделали?” И что я им скажу? Что был опрос общественного мнения, по данным которого 80 процентов американцев были против? Мы должны действовать». Совещание продлилось всего около десяти минут.

На следующий день, 31 января, мы объявили о предоставлении Мексике помощи из средств Валютного стабилизационного фонда. Соглашение о предоставлении займа было подписано через пару недель в Министерстве финансов, вызвав бурю протестов в Конгрессе и ворчание наших союзников по «Большой семерке», которые были расстроены из-за того, что директор МВФ выделил для помощи Мексике 18 миллиардов, не получив предварительно их согласия. Первый транш был предоставлен в марте, после чего деньги выделялись регулярно, хотя ситуация в Мексике еще несколько месяцев оставалась критической. К концу года, однако, инвесторы вернулись на мексиканский рынок, и резервы иностранной валюты начали расти. Эрнесто Зедилло проводил обещанные реформы.

Хоть и не сразу, но пакет помощи начал работать. Чтобы восстановить мексиканскую экономику после краха 1982 года, понадобилось почти десятилетие. На этот раз экономический рост возобновился после года жестокой рецессии. После 1982 года Мексике понадобилось семь лет, чтобы снова получить доступ к рынкам капитала, а в 1995 году для этого хватило всего семи месяцев. В январе 1997 года, на три года раньше согласованного графика, Мексика полностью погасила предоставленный ей кредит и проценты по нему. Из выделенных нами 20 миллиардов долларов Мексика воспользовалась 10,5 миллиарда долларов и выплатила 1,4 миллиарда долларов процентов — почти на 600 миллионов больше, чем можно было бы получить, разместив эти деньги на то же время в казначейские облигации США, в которые были вложены другие средства Валютного стабилизационного фонда. Предоставление займа оказалось не только правильным политическим решением, но и удачной инвестицией.

Обозреватель газеты *New York Times* Том Фридман назвал предоставление займа Мексике «самым непопулярным, самым непонятым, но в то же время и самым важным внешнеполитическим решением администрации президента Клинтона». Возможно, он был прав. Что же касается оппозиции, то 75 процентов американцев выступали и против помощи России; мое решение вернуть к власти на Гаити Аристида также было непопулярным; мои действия в Боснии и Косове тоже вначале вызвали сопротивление. Опросы общественного мнения полезны тем, что информируют президента о настроениях американского народа и подсказывают ему, какие аргументы окажутся наиболее убедительными в тот или иной момент. Тем не менее они не должны диктовать решения, при принятии которых следует думать не только о сегодняшнем дне, но и заглядывать в будущее. Американский народ нанимает президента, чтобы он принимал полезные для страны решения с учетом длительной перспективы. Оказание помощи Мексике было полезным для Америки решением. Оно стало единственным разумным экономическим курсом, и, следуя ему, мы еще раз доказали, что являемся добрыми соседями.

Девятого февраля меня посетил Гельмут Коль. Он только что был переизбран на новый срок и уверял меня, что мне это также удастся, добавив, что, хоть мы и живем в бурное время, я в конце концов добьюсь успеха. На пресс-конференции, состоявшейся после нашей встречи, Коль сказал несколько теплых слов о сенаторе Фулбрайте, скончавшемся в тот же день, вскоре после полуночи, в возрасте восьмидесяти девяти лет. Коль подчеркнул, что он принадлежит к поколению людей, которые в студенческие годы «мечтали о том, чтобы получить стипендию Фулбрайта», и что во всем мире его имя ассоциируется «с открытостью, дружелюбием и сотрудничеством». Ко времени смерти сенатора Фулбрайта стипендию, носившую его имя, получали уже более 90 тысяч американских студентов и 120 тысяч студентов из других стран мира.

Я побывал дома у сенатора Фулбрайта и разговаривал с ним незадолго до его кончины. Он пережил инсульт, и речь его была несколько затруднена, но глаза по-прежнему светились умом, мозг активно работал, и нам удалось очень хорошо пообщаться. Фулбрайт навечно останется значительной фигурой в американской истории: «Всегда учителем и всегда учеником», как сказал я о нем на панихиде.

Тринадцатого февраля Лора Тайсон и другие члены Экономического совета при президенте — Джо Стиглиц и Мартин Бэйли — представили мне новый *Экономический доклад президента*. В нем говорилось и о наших достижениях после 1993 года, и о нерешенных проблемах — отсутствии роста доходов и социальном неравенстве. Я использовал эту информацию как повод для продвижения «Билля о правах среднего класса» и предложил в течение двух лет добиться повышения минимальной оплаты труда на 90 центов в час: с 4,25 до 5,15 цента. Это повышение имело самые благоприятные последствия для 10 миллионов работников, увеличив их ежегодный

доход на 1800 долларов. Половина этого роста была необходима для того, чтобы компенсировать инфляцию и привести минимальный размер оплаты труда в соответствие с уровнем 1991 года, когда она повышалась в последний раз.

Повышение минимальной оплаты труда было одной из излюбленных тем большинства демократов, республиканцы же возражали против него, утверждая, что это приведет к сокращению рабочих мест, поскольку увеличит стоимость ведения бизнеса. Однако они не приводили убедительных доказательств в поддержку этой точки зрения. На самом деле исследования, проведенные незадолго до этого некоторыми молодыми экономистами, показали, что умеренное повышение заработной платы ведет как раз к некоторому увеличению, а не сокращению занятости. Недавно я смотрел по телевизору интервью с работницей фабрики, расположенной на юго-западе штата Вирджиния. Эта женщина получала минимальную заработную плату, и когда ее спросили, как она относится к слухам о том, что повышение минимальной оплаты труда приведет к увольнениям, поскольку работодатели заменят ее и других рабочих машинами, она улыбнулась и сказала репортеру: «Дорогой, я готова рискнуть».

В конце февраля мы с Хиллари отправились с двухдневным официальным визитом в Канаду, где остановились в резиденции американского посла. Нашими хозяевами были посол Джим Бланшар и его супруга Жанет. Мы подружились с Джимом в 1980-е годы, когда он был губернатором штата Мичиган. Канада — наш крупнейший торговый партнер и ближайший союзник, у нас с ней самая протяженная на Земле неохраняемая граница. В 1995 году мы вместе занимались проблемами Гаити, Мексики, НАТО, НАФТА, Саммита двух Америк и азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества. Хотя у нас и бывали разногласия по вопросам торговли пшеницей и лесом, а также квот на вылов лосося, наша дружба была глубокой и прочной.

Мы провели много времени в беседах с премьер-министром Канады Жаном Кретьеном и его женой Алин. Кретьен стал одним из моих лучших друзей среди мировых лидеров — надежным союзником, человеком, с которым я мог быть вполне откровенным, и отличным партнером по гольфу.

Я, кроме того, выступил в канадском парламенте, поблагодарив его членов за сотрудничество по вопросам экономики и безопасности и за богатый вклад канадцев в культурную жизнь Америки. При этом я упомянул своего любимого джазового пианиста Оскара Питерсона, автора и исполнителя Джони Митчелл, написавшую «Утро Челси» (*Chelsea Morning*), и Юсуфа Карша — великого фотографа, прославившегося благодаря знаменитой фотографии Черчилля, на которой тот хмурится из-за того, что Карш забрал у него его неизменную сигару. Карш сделал и наш с Хиллари фотопортрет, правда, мы выглядели на нем не так впечатляюще, как Черчилль.

Март начался удачно, по крайней мере для меня. Сенат, которому до необходимых двух третей не хватило всего одного голоса, не смог принять

поправку о сбалансированном бюджете. Хотя у этой поправки было немало сторонников, большинство экономистов считали, что она ограничит возможности правительства использовать дефицитный бюджет в том случае, когда он оправдан конкретными обстоятельствами: например, в период рецессии или в чрезвычайной ситуации. До 1981 года у США не было проблем с бюджетным дефицитом, и только после того, как экономика «просачивающегося богатства» за двенадцать лет увеличила национальный долг в четыре раза, политики стали доказывать, что правительство не примет ни одного ответственного экономического решения, если его не вынудит к этому конституционной поправкой.

Пока длились дебаты по этому вопросу, я пытался получить от нового республиканского большинства, проталкивавшего эту поправку, ответ на вопрос, как именно они намереваются добиться сбалансированного бюджета. Я представил свой проект бюджета менее чем через месяц после избрания, они же контролировали Конгресс уже почти два месяца, но до сих пор ничего не подготовили. Видимо, им трудно было воплотить свою предвыборную риторику в конкретные рекомендации.

Скоро, однако, республиканцы дали понять, какой проект они готовят, предложив меры по сокращению текущего бюджета, которые они назвали «аннулированием». Их предложения доказывали правоту демократов, критиковавших республиканский «контракт» во время предвыборной кампании. Республиканцы предлагали отменить финансирование 15 тысяч волонтеров «Америкорпс», 1,2 миллиона сезонных рабочих мест для молодежи, на 1,7 миллиарда долларов сократить средства, выделяемые образовательным фондам, включая почти 50-процентное сокращение финансирования программы борьбы с наркотиками, — и это в то время, когда уровень наркомагии среди молодежи продолжал расти. Хуже всего, что они хотели отменить программы бесплатных школьных завтраков и полноценного питания для женщин, младенцев и детей до пяти лет, всегда ранее пользовавшиеся единой поддержкой и республиканцев, и демократов. Белому дому и демократам пришлось ожесточенно сопротивляться этим сокращениям.

Еще одной инициативой республиканцев, встретившей наше решительное противодействие, было предложение упразднить Министерство образования, которое, как и программа школьных завтраков, неизменно пользовалось поддержкой обеих партий. Когда сенатор Доул заявил, что это министерство принесло больше вреда, чем пользы, я пошутил, что он, возможно, прав, поскольку с самого начала этим министерством управляли в основном министры-республиканцы, а вот демократ Дик Райли, напротив, принес больше пользы, чем вреда.

Сдерживая республиканцев, я одновременно продвигал наши предложения в тех областях, которые не требовали одобрения Конгресса, демонстрируя, что я хорошо усвоил уроки последних выборов. В середине марта я объявил о начале реформы управления, основанной на инициативе сокращения правительственного аппарата (*Reinventing Government — Rego*), выдвинутой Алом Гором. В центре внимания этого проекта находились проблемы защиты окружающей среды, которые предлагалось

решать не за счет введения новых жестких нормативов и регламентов, а создавая стимулы для частного бизнеса. Это позволило бы на 25 процентов сократить связанную с экологическими проблемами бумажную отчетность, сэкономив тем самым за год 20 миллионов часов рабочего времени.

Усилия, затраченные на проект «Rego», дали неплохой результат. Мы сократили 100 тысяч федеральных служащих и упразднили федеральные должностные инструкции общим объемом 10 тысяч страниц. Спустя короткое время мы заработали почти 8 миллиардов долларов, проведя аукцион по продаже части спектра радиочастот, находившегося в федеральной собственности, а затем без всякого ущерба для общественных интересов сократили федеральные инструкции и регламенты еще на 16 тысяч страниц. Все реформы в рамках проекта «Rego» проводились под следующим девизом: защищать интересы граждан, а не бюрократии; добиваться результатов, а не плодить новые правила; действовать, а не увлекаться риторикой. Чрезвычайно успешная инициатива Ала Гора привела в замешательство наших противников, вдохновила наших союзников и осталась незамеченной большинством граждан, поскольку не породила сенсаций или неразрешимых конфликтов.

Третий День Святого Патрика во время моего первого президентского срока стал для Соединенных Штатов не только праздником, но и очередной возможностью увеличить свой вклад в мирный процесс в Северной Ирландии. В тот год традиционное ирландское приветствие *cead mile failte* («добро пожаловать сто тысяч раз») я произнес, обращаясь к новому премьер-министру Ирландии Джону Брутону, продолжившему политику примирения, проводимую его предшественником. В полдень состоялась моя первая встреча с Джерри Адамсом на ланче в честь Дня Святого Патрика, который Ньют Гингрич впервые проводил в Капитолии в качестве спикера. Адамс уже во второй раз получил визу, после того как его партия «Шин Фейн» согласилась обсуждать с британским правительством вопрос о прекращении военных действий со стороны ИРА. Я пригласил его, а также Джона Юма и представителей других основных политических партий Северной Ирландии, как юнионистских, так и республиканских, на вечерний прием в честь Дня Святого Патрика в Белом доме.

Когда Адамс явился на ланч, Джон Юм предложил мне обменяться с ним рукопожатием, что я и сделал. В тот вечер участники приема в Белом доме слушали великолепного ирландского тенора Фрэнка Паттерсона. У Адамса было такое хорошее настроение, что он даже спел с Юмом дуэтом.

Все это, сегодня, возможно, кажущееся не очень значительным, в то время воспринималось как свидетельство важного изменения в американской политике, не одобряемого ни британским правительством, ни рядом сотрудников нашего собственного Госдепартамента. К тому же я общался не только со сторонником мирных перемен Джоном Юмом, но и с Джерри Адамсом, которого британцы все еще считали террористом. Внешне Адамс составлял полную противоположность мягкому, слегка взъерошен-

ному, похожему на профессора Юму. Адамс носил бороду, был выше, моложе и стройнее. Долгие годы, проведенные в борьбе за выживание, закалили его. Но и у Адамса, и у Юма были некоторые сближавшие их важные черты. За стеклами очков в глазах обоих этих людей светился острый ум, оба были убеждены в правоте своего дела, обоих отличала уникальная ирландская смесь грусти и юмора, порожденная надеждой, часто несбыточной, но возрождающейся вновь и вновь. Оба стремились к тому, чтобы избавить свой народ от груза прошлого. В дальнейшем в празднованиях Дня Святого Патрика в Белом доме принимал участие и Дэвид Тримбл, лидер крупнейшей организации североирландских протестантов — Юнионистской партии Ольстера, который присоединился к ним, чтобы вместе искать пути к миру.

Двадцать пятого марта Хиллари впервые отправилась в длительное зарубежное турне без меня: ей предстояло совершить двенадцатидневный визит в Пакистан, Индию, Непал, Бангладеш и Шри-Ланку. Она взяла с собой Челси. Эта поездка, очень важная для Соединенных Штатов, стали великой «одиссеей» для них обеих. Пока моя семья находилась в дальних странах, я отправился в гораздо более близкую поездку — на Гаити, чтобы встретиться там с нашим воинским контингентом и президентом Аристидом, призвать народ Гаити голосовать за мирное демократическое будущее и присутствовать при передаче контроля от наших многонациональных сил силам Организации Объединенных Наций. В результате направляемых США совместных усилий военнослужащие из тридцати стран за шесть месяцев конфисковали более 30 тысяч единиц оружия и взрывных устройств, провели обучение регулярных полицейских сил Гаити. Им удалось остановить репрессии и насилие, вернуть домой беженцев и защитить демократию в западном полушарии. В течение следующих одиннадцати месяцев — до выборов и инаугурации нового президента — контролировать ситуацию в стране должны были силы ООН: более шести тысяч военнослужащих, девятьсот полицейских и десятки экономических, политических и юридических советников. Соединенные Штаты продолжали играть важную роль в стабилизации ситуации на Гаити, но американский военный контингент и наши расходы уменьшились, поскольку о готовности принять участие в этом процессе заявили еще тридцать две страны.

В 2004 году, в разгар вновь вспыхнувших конфликтов и насилия, когда президент Аристид сложил с себя полномочия и уехал из страны, я вспомнил о том, что говорил мне Хью Шелтон — командующий американскими силами на Гаити: «Гаитяне хорошие люди, и они заслуживают того, чтобы им дали шанс». Аристид, несомненно, допускал ошибки и часто сам себе противоречил, но политическая оппозиция никогда по-настоящему не пыталась с ним сотрудничать. Кроме того, когда в 1995 году республиканцы получили большинство в Конгрессе, они не захотели оказать ему финансовую помощь, что могло бы изменить ситуацию.

Чтобы Гаити могло превратиться в по-настоящему демократическое государство, была необходима более активная помощь Соединенных Штатов.

И все же наше вмешательство спасло жизни многих гаитян и впервые позволило им ощутить вкус демократии, за которую они проголосовали. Даже учитывая серьезные недостатки Аристида, под властью Седраса и его банды убийц гаитянам жилось бы гораздо хуже. Я был рад, что мы дали Гаити шанс.

Вторжение на Гаити также стало свидетельством эффективности международного сотрудничества в урегулировании конфликтов в горячих точках. Тот факт, что материальные затраты и ответственность были поделены между несколькими государствами, взаимодействующими на двусторонней основе и в рамках ООН, способствовал ослаблению враждебности по отношению к Соединенным Штатам и развитию бесценных навыков международного сотрудничества. В мире, где взаимозависимость все более усиливается, мы должны как можно чаще использовать эту модель разрешения конфликтных ситуаций.

Первые две с половиной недели апреля я провел, встречаясь с главами зарубежных государств — премьер-министром Джоном Мейджором, президентом Хосни Мубараком, а также премьер-министром Пакистана Беназир Бхутто и премьер-министром Турции Тансу Чиллер, двумя умными современными женщинами — лидерами исламских стран.

В это же время Ньют Гингрич выступил с речью в ознаменование ста дней своего пребывания на посту спикера. У тех, кто его слушал, могло сложиться впечатление, что республиканцы за одну ночь совершили в Америке революцию, превратившую ее в парламентскую республику, в результате чего он как премьер-министр получил право определять внутреннюю политику, а моим уделом как президента осталась исключительно внешняя политика.

В это время в выпусках новостей преобладали сюжеты, посвященные республиканцам, — как потому, что они впервые за долгое время получили большинство в Конгрессе, так и из-за их заявлений о грядущих переменах. На самом деле республиканцы реализовали только три незначительных пункта «контракта», причем все они были поддержаны мною. Им еще только предстояло принять важные решения.

В выступлении перед Американским обществом редакторов газет я рассказал о том, с какими положениями «контракта» я согласен, по каким готов прийти к компромиссу, а против каких буду использовать свое право вето. 14 апреля, через четыре дня после заявления сенатора Доула о намерении выставить свою кандидатуру на президентских выборах, я спокойно сообщил, что буду баллотироваться на второй срок. А 18 апреля я провел пресс-конференцию и ответил на двадцать с лишним вопросов по широкому кругу проблем внешней и внутренней политики. Однако уже на следующий день об этом было забыто, потому что все только и говорили что о трагедии в Оклахома-Сити.

Ближе к полудню я узнал, что возле федерального здания Альфреда П. Мюрра в Оклахома-Сити взорвался грузовик, начиненный взрывчаткой, превратив его в груды обломков и унеся жизни множества людей. Я немедленно объявил о введении чрезвычайного положения и приказал отправить на место трагедии следственную группу. Когда был определен масштаб необходимых восстановительных работ, в Оклахома-Сити со всей страны стали прибывать пожарные и спасатели, которые занялись расчисткой завалов и поиском оставшихся в живых.

Америка пребывала в шоке от этой трагедии, унесшей жизни 168 человек, включая девятнадцать детей, которые во время взрыва находились в размещавшемся тут же детском саду. Большинство погибших были федеральными служащими, работавшими в расположенных в этом здании

правительственных учреждениях. Высказывались предположения о том, что взрыв был устроен исламскими экстремистами, но я посоветовал не торопиться с выводами о национальной и религиозной принадлежности преступников.

Вскоре после взрыва полиция Оклахомы арестовала Тимоти Маквея — ветерана американской армии, не сумевшего сделать карьеру и возненавидевшего федеральное правительство. 21 апреля Маквей уже находился в руках ФБР, и ему было предъявлено обвинение. Взрыв федерального здания был совершен 19 апреля, потому что именно в этот день два года назад ФБР осуществило штурм штаб-квартиры секты «Ветвь Давидова» в Вако, штат Техас. Для правых экстремистов это событие стало символом правительственного произвола и необоснованного применения силы. С годами антиправительственные настроения в Америке усиливались, и у все большего числа американцев естественный для нашего народа скептицизм по отношению к правительству перерастал в откровенную ненависть. Эта ненависть привела к появлению экстремистских вооруженных группировок, которые отрицали легитимность федерального правительства и претендовали на право самим вершить закон.

Атмосферу враждебности усиливали ведущие ток-шоу, ядовитая риторика которых ежедневно заполняла радиоэфир, а также интернет-сайты, призывавшие американцев выступать против правительства и дававшие практические советы, как это делать, включая инструкции по изготовлению бомб в домашних условиях.

После взрыва в Оклахома-Сити я старался утешить тех, кто потерял близких, и успокоить всех граждан страны, а также прилагал все усилия к тому, чтобы обеспечить защиту Америки от терроризма. За два года, прошедшие после взрыва в Центре мировой торговли, я увеличил финансирование подразделений по борьбе с терроризмом в ФБР и ЦРУ и призвал их к более тесному сотрудничеству. Наши усилия принесли плоды: нам удалось разыскать, вернуть в Соединенные Штаты и отдать под суд несколько бежавших за границу террористов и предотвратить террористические атаки на здание Организации Объединенных Наций и туннели Линкольна и Холланд в Нью-Йорке, а также захват самолета, следовавшего рейсом Филиппины — западное побережье США.

За два месяца до взрыва в Оклахома-Сити я представил Конгрессу законопроект по борьбе с терроризмом, помимо прочего предусматривавший увеличение на тысячу человек численности сотрудников антитеррористических подразделений правоохранительных органов; создание нового антитеррористического центра под управлением ФБР для координации наших усилий; разрешение в случае угрозы применения террористами химического, биологического и ядерного оружия привлекать к осуществлению антитеррористических операций внутри страны военных экспертов, которым обычно запрещено в них участвовать.

После трагедии в Оклахома-Сити я попросил лидеров Конгресса срочно рассмотреть этот законопроект, а 3 мая в целях его усиления предложил внести в него ряд поправок: расширить доступ правоохранительных орга-

нов к финансовой информации; предоставить им право без разрешения суда использовать электронные средства наблюдения в отношении лиц, подозреваемых в террористической деятельности, отслеживая их перемещения по стране; усилить наказание для тех, кто сознательно содействует террористам в приобретении оружия или взрывчатых веществ для осуществления терактов, направленных против действующих или вышедших в отставку федеральных служащих и членов их семей; обязать производителей вводить в состав взрывчатых веществ специальные маркеры, позволяющие устанавливать их происхождение. Некоторые из этих мер вызвали возражения, но, как я сказал одному журналисту 4 мая, «терроризм — это основная угроза безопасности американцев». Хотелось бы, чтобы я оказался не прав.

В воскресенье мы с Хиллари прилетели в Оклахома-Сити для участия в заупокойной службе. Церемония была организована Кэти Китинг, супругой губернатора Фрэнка Китинга, с которым я познакомился более тридцати лет тому назад, когда мы оба были студентами Джорджтаунского университета. Фрэнк и Кэти все еще испытывали глубокую боль, но несмотря на это им, как и мэру Оклахома-Сити Рону Норрику, пришлось руководить спасательными и поисковыми работами, а потом заняться организацией траурной церемонии, на которой должны были присутствовать все жители города. Участники заупокойной службы стоя аплодировали словам преподавателя Билла Грэма: «Дух этого города и этой нации не сломлен». В своем взволнованном выступлении губернатор заявил, что, если кто-то думает, что американцы утратили способность любить, заботиться и быть храбрыми, этому человеку нужно побывать в Оклахоме.

Я обратился к нации с такими словами: «Вы очень много потеряли, но вы потеряли не все. И вы, конечно, не потеряли Америку, потому что мы все будем поддерживать вас столько, сколько потребуется». Я рассказал о письме, которое получил от молодой вдовы, матери троих детей. Ее муж был убит террористами, в 1988 году взорвавшимися над Локерби в Шотландии самолет компании «Пан-Американ», который следовал рейсом 103. Она просила тех, кто потерял своих близких, не впускать ненависть в свои сердца, а вместо этого «завершить то, что уже не смогут сделать погибшие, которых они любили, чтобы их гибель не была напрасной». После того как мы с Хиллари встретились с родственниками нескольких жертв трагедии, мне также пришлось напомнить себе эти слова. Среди погибших агентов Секретной службы был Ал Вичер, который, перед тем как уехать в Оклахому, служил у меня в охране. На траурной церемонии присутствовали его жена и трое детей.

Жертвы трагедии были теми, кого нередко пренебрежительно называют «федеральными бюрократами», и они погибли потому, что служили своей стране, помогая старикам и больным, фермерам и ветеранам, потому что защищали наши законы. У них были родные, друзья, соседи, они были членами различных клубов, работали в местных общинах. Однако эти люди почему-то стали ассоциироваться с бездушными бюрократами, паразитирующими на федеральном бюджете и злоупотребляющими властью, причем

не только в больном сознании Тимоти Маквея и его сторонников, но и в умах других людей, стремившихся к власти и деньгам. Я поклялся себе больше никогда бездумно не использовать словосочетание «федеральный бюрократ» и сделать все возможное, чтобы разрушить атмосферу озлобления и фанатизма, которая оказалась питательной почвой для приведшего к трагедии безумия.

Трагедия в Оклахома-Сити не повлияла на развитие событий вокруг дела «Уайтуотер». За день до того как мы с Хиллари отправились на траурную церемонию в Оклахома-Сити, Кен Старр с тремя помощниками прибыл в Белый дом, чтобы допросить нас. На этой беседе, состоявшейся в Зале договоров, вместе со мной присутствовали Аб Миква и Джейн Шербурн из юридического отдела аппарата Белого дома и мои личные адвокаты Дэвид Кендалл и Николь Селигман. Во время этой беседы ничего знаменательного не произошло, и, когда она завершилась, я попросил Джейн Шербурн показать Старру и его помощникам спальню президента Линкольна, обставленную Мэри Тодд Линкольн, и копию «Геттисбергского послания»*, которое Линкольн собственноручно переписал, чтобы продать на аукционе и получить деньги для ветеранов Гражданской войны. Хиллари считала, что я был слишком предупредительным, но так уж меня воспитали, к тому же тогда я еще был уверен, что расследование будет проводиться в соответствии с нормами закона.

На той же неделе мой давний друг сенатор Дэвид Прайор объявил, что не будет участвовать в выборах 1996 года. Мы были знакомы почти тридцать лет. Дэвид Прайор и Дейл Бамперс были не просто сенаторами от моего родного штата — они были моими предшественниками на посту губернатора и помогли прогрессивным демократам сохранить влияние в Арканзасе, в то время как многие другие южные штаты перешли к республиканцам. Прайор и Бамперс помогли мне достичь успеха в работе и сохранить душевное равновесие, и их помощь была бесценна не только потому, что они поддерживали меня в трудных ситуациях, но и потому, что они были моими друзьями, знавшими меня долгие годы. Они умели заставить меня внимательно слушать или смеяться, напоминали коллегам-сенаторам, что в действительности я вовсе не тот человек, о котором пишут газеты. После того как Дэвид ушел в отставку, я, чтобы узнать его мнение и получить совет, встречался с ним на поле для гольфа, в то время как в свою бытность сенатором он всегда был рядом.

На обеде для прессы в Белом доме, состоявшемся 29 апреля, мое выступление было коротким и вполне серьезным, за исключением пары шуток. Я поблагодарил собравшихся журналистов за эмоциональные, пронизанные болью сообщения о трагедии в Оклахома-Сити и стремление помочь стране пережить это испытание и заверил их, что «мы справимся

---

* Двухминутная речь, произнесенная президентом Линкольном 19 ноября 1863 года, на открытии мемориального кладбища участников битвы при Геттисберге во время Гражданской войны. Речь была посвящена принципам равенства и демократии и считается в Америке одним из шедевров ораторского искусства. — *Прим. пер.*

с этим горем и станем еще сильнее». Свое выступление я завершил словами поэта У.Х. Одена:

*Пуškai в пустынях сердца
Забьет целительный фонтан.*

В своей речи на церемонии вручения дипломов в Мичиганском университете 5 мая я обратился не только к выпускникам, но и к участникам вооруженных групп, множество которых активно действовали в отдаленных сельских районах штата Мичиган. Я сказал, что мне известно, что большинство участников таких групп, надевая по выходным военную униформу и занимаясь военными упражнениями, не нарушают закон, и я выразил признательность тем из них, кто осудил взрыв в Оклахома-Сити. Но потом я резко осудил тех, кто не ограничивается словами, а одобряет акты насилия против офицеров полиции и других правительственных служащих, сравнивая себя с колониальной милицией, хотя та, подчеркнул я, «в действительности боролась за демократию, против которой сегодня выступают эти экстремисты».

В следующие несколько недель в своих выступлениях я не только осуждал тех, кто оправдывал насилие, но и призывал всех американцев, включая ведущих ток-шоу, тщательно взвешивать свои слова, чтобы не заронить семена насилия в души не слишком устойчивых в психическом отношении людей.

События в Оклахома-Сити побудили миллионы американцев переоценить свои собственные слова и отношение к правительству и тем людям, взгляды которых отличаются от их собственных. В результате начался медленный, но неуклонный процесс отказа от порицания всех и вся, доминировавшего в нашей политической жизни в последнее время. Экстремисты и люди, зараженные ненавистью, никуда не исчезли, но теперь они были вынуждены не нападать, а обороняться и до конца моего президентского срока так и не вернули себе влияния, которое имели до того, как Тимоти Маквей в своей демонизации правительства вышел за пределы нормального человеческого поведения.

Во вторую неделю мая я снова взшел на борт президентского самолета «ВВС-1», чтобы лететь в Москву на празднование 50-й годовщины окончания Второй мировой войны в Европе. Хотя туда должны были прибыть также Гельмут Коль, Франсуа Миттеран, Джон Мейджор, Цзян Цзэминь и другие зарубежные лидеры, мое решение участвовать в этих торжествах встретило возражения, поскольку Россия вела кровавую войну против сепаратистов в Чечне — республике, где преобладало мусульманское население. Потери среди мирных жителей росли, и большинство внешних наблюдателей считало, что Россия необоснованно применяет силу и не прилагает достаточных усилий для разрешения конфликта путем переговоров.

Я отправился в эту поездку, потому что наши страны были союзниками во время Второй мировой войны, которая унесла жизни каждого восьмого жителя Советского Союза: 27 миллионов человек погибли в боях, от болезней,

голода и холода. Теперь мы снова были союзниками, и наше сотрудничество стало существенным условием экономического и политического прогресса России, обеспечения безопасности и уничтожения ядерного оружия, планомерного расширения НАТО и претворения в жизнь программы «Партнерство ради мира», борьбы против терроризма и организованной преступности. Наконец, нам с Ельциным нужно было решить два непростых вопроса: первый из них касался помощи России в развитии ядерной программы Ирана, а второй — расширения НАТО, которое нужно было спланировать таким образом, чтобы вовлечь Россию в программу «Партнерство ради мира» и не допустить поражения Ельцина на президентских выборах 1996 года.

Девятого мая я вместе с Цзян Цзэмином и другими главами государств стоял на Красной площади и наблюдал за парадом, в котором участвовали ветераны войны: они маршировали плечом к плечу и часто поддерживали друг друга, чтобы не упасть, поскольку для многих из них этот парад в честь матери-России, очевидно, был последним. На следующий день после участия в праздничных торжествах мы встретились с Ельциным в Екатерининском зале московского Кремля. Я начал с Ирана, напомнив Ельцину, что мы вместе работали над обеспечением вывоза ядерного оружия с территории Украины, Беларуси и Казахстана, — теперь нам необходимо воспрепятствовать тому, чтобы его обладателями стали государства, представляющие потенциальную угрозу для обеих наших стран, такие как Иран. Ельцин был подготовлен к моему заявлению: он тут же ответил, что Россия не будет продавать Ирану центрифуги для обогащения урана, и предложил обсудить вопросы, касающиеся продажи реакторов, которые Иран обещал использовать только в мирных целях, на комиссии Гор — Чернобырдин. Я согласился на предложение Ельцина с условием, что он публично пообещает, что Россия не будет поставлять Ирану ядерные технологии, которые могут быть использованы в военных целях. Борис согласился, и мы пожали друг другу руки. Мы также договорились прислать наших наблюдателей на российские заводы по производству биологического оружия в августе — это должно было стать частью осуществляемых нами мер по снижению угрозы распространения биологического и химического оружия.

В том, что касалось проблемы расширения НАТО, Ельцин наконец согласился присоединиться к программе «Партнерство ради мира», после того как я намекнул ему, что мы не будем предпринимать никаких шагов до выборов президента России, которые должны были состояться в 1996 году. Хотя Ельцин и отказался публично объявить о своем решении, опасаясь обвинений в слишком больших уступках Западу, он пообещал, что Россия подпишет соглашение к 25 мая, что меня вполне устраивало. Таким образом, поездку можно было считать успешной.

На обратном пути я побывал на Украине, где принял участие в еще одной церемонии, посвященной окончанию Второй мировой войны, выступил перед студентами и совершил волнующий визит в Бабий Яр — живописный поросший лесом овраг, где 54 года назад нацисты убили более 100 тысяч евреев, а также тысячи украинских националистов, советских военнопленных и цыган. За день до этого члены Организации Объединен-

ных Наций проголосовали за бессрочное продление Договора о нераспространении ядерного оружия, который более 25 лет являлся основой наших усилий, направленных против распространения ядерного оружия. Поскольку некоторые страны все еще стремились обзавестись ядерным оружием, соблюдение договора о его нераспространении было одной из наших важнейших задач. Бабий Яр и Оклахома-Сити стали печальным напоминанием о способности человечества творить зло и разрушение, и все это подчеркивало значение Договора о нераспространении ядерного оружия и заключенного с Россией соглашения, ограничивавшего продажу ядерного оборудования Ирану.

К тому времени, когда я вернулся в Вашингтон, республиканцы начали продвигать свои законодательные инициативы, и остаток месяца я потратил на их сдерживание, угрожая наложить вето на предложенное ими сокращение бюджета, и противостояние их попыткам урезать нашу экологическую программу очистки воды, а также расходы на образование, здравоохранение и помощь зарубежным странам.

В третью неделю мая я объявил, что впервые в истории США будет полностью закрыто движение транспорта по Пенсильвания-авеню напротив Белого дома, на участке протяженностью в два квартала. Я принял это решение по настоянию группы экспертов Секретной службы, Министерства финансов и прежних администраций республиканцев и демократов, объяснивших мне, что это необходимо для того, чтобы обезопасить Белый дом от бомб террористов. После событий в Оклахома-Сити и газовой атаки в японском метро я понимал, что должен прислушаться к этим рекомендациям, хотя они мне и не очень нравились.

В конце месяца главной темой выпусков новостей снова стала Босния. Сербы ужесточили блокаду Сараево, и их снайперы вновь начали стрелять в незащищенных детей. 25 мая авиация НАТО нанесла удар по Пале — главному городу боснийских сербов, а сербы в ответ на это захватили в плен миротворцев ООН и приковали их к оружейным складам, используя в качестве живого щита, а также убили двух миротворцев из французского контингента, напав на один из постов ООН.

В Боснии мы широко использовали авиацию для выполнения самой длительной в истории гуманитарной миссии, для защиты свободной от полетов зоны, не позволяя сербам бомбить боснийских мусульман, и для обеспечения соблюдения режима прекращения огня в Сараево и других населенных пунктах. Усилия наших военных летчиков и миротворцев ООН, а также введение эмбарго принесли заметные результаты: потери снизились с 130 тысяч человек в 1992 году до менее чем 3 тысяч в 1994-м. Однако война все еще продолжалась, и предстояло еще многое сделать, чтобы ее остановить.

Еще одним важным международным событием стала встреча лидеров «Большой семерки», проходившая в Галифаксе, в Новой Шотландии. Хозяином встречи был Жан Кретьен. По дороге в Канаду я встретился с Жаком Шираком, только что избранным президентом Франции. Ширак тепло относился к Америке. В молодости он некоторое время жил в США и даже

несколько недель работал официантом в ресторане Хауарда Джонсона в Бостоне. Ширак проявлял живой интерес к самому широкому кругу вопросов. Мне он очень нравился. Мне очень нравилось и то, что его жена также занималась политикой и независимо от него делала собственную политическую карьеру.

Несмотря на нашу личную симпатию, встреча была несколько напряженной из-за решения Франции возобновить испытания ядерного оружия как раз в то время, когда я стремился получить международную поддержку договора о полном запрещении испытаний ядерного оружия, заключение которого было целью всех американских президентов начиная с Эйзенхауэра. После того как Ширак заверил меня, что после завершения испытаний он поддержит договор, мы перешли к обсуждению положения в Боснии. Он был готов занять по отношению к сербам более жесткую позицию, чем его предшественник Миттеран. Ширак и Джон Мейджор поддерживали создание сил быстрого реагирования, чтобы предотвратить нападения на миротворцев ООН, и я пообещал, что Соединенные Штаты предоставят военную поддержку силам ООН, в случае если последние будут задействованы в операциях в Боснии. Однако я предупредил Ширака, что, если силовое давление не поможет и силы ООН придется выводить из Боснии, нам придется отменить эмбарго на поставку оружия.

На встрече «Большой семерки» у меня было три цели: усиление взаимодействия стран-участниц в борьбе с терроризмом, организованной преступностью и торговлей наркотиками; выявление серьезных финансовых кризисов и принятие эффективных мер по их нейтрализации с помощью своевременной и точной информации и инвестиций, которые помогут развивающимся странам бороться с бедностью и добиться экономического роста без ущерба для окружающей среды; разрешение серьезных торговых разногласий с Японией.

Достижение первых двух целей было вполне реальным, а вот третья представляла собой серьезную проблему. За последние два с половиной года мы достигли значительного прогресса в этой области, заключив с Японией пятнадцать отдельных торговых соглашений, однако за два года, прошедшие с тех пор, как Япония пообещала открыть свой рынок для американских производителей автомобилей и запасных частей — сектора, на который приходилось более половины нашего дефицита в торговле с Японией, мы практически ничего не добились. 80 процентов американских дилеров продавали японские автомобили, но только 7 процентов японских дилеров продавали иностранные автомобили, а жесткое государственное регулирование японской экономики не допускало на японский рынок автомобильных запчастей иностранных производителей. Мики Кантор потерял терпение и предложил ввести 100-процентную таможенную пошлину на японские автомобили класса люкс. На встрече с премьер-министром Мураямой я сказал ему, что, учитывая успехи нашего сотрудничества в оборонной сфере и медленный темп развития японской экономики, Соединенные Штаты продолжают переговоры с Японией, но мы надеемся вскоре увидеть реальные результаты. К концу месяца это произошло.

Япония согласилась на то, чтобы двести японских дилеров немедленно приступили к продаже американских автомобилей, а еще тысяча дилеров сделали это в следующие пять лет. Было также достигнуто соглашение о внесении изменений в законы, препятствующие доступу на японский рынок американских производителей запасных частей, а также о расширении производства японских автомобилей в Соединенных Штатах с использованием комплектованных, изготовленных в США.

В течение всего июня я продолжал сражаться с республиканцами, стремясь не допустить сокращения бюджета. В первый день месяца я отправился на ферму в Биллингсе, штат Монтана, чтобы показать, в чем именно состоит различие между моим подходом к сельскому хозяйству и тем, к чему призывают республиканцы в Конгрессе. Программа помощи сельскому хозяйству была утверждена в 1995 году и с тех пор неизменно оставалась одной из главных тем бюджетных дебатов. Я сказал фермерам и их семьям, что предлагаю незначительно снизить расходы на сельское хозяйство, в то время как республиканцы выступают за резкое сокращение помощи фермерам и их семьям. Уже несколько лет республиканцы в сельских районах значительно опережали по популярности демократов, поскольку придерживались более консервативных взглядов. Однако, когда настало время действовать, выяснилось, что республиканцы заботятся в основном об интересах крупного агробизнеса, а не семейных фермерских хозяйств.

В Монтане я много ездил верхом, главным образом потому, что мне это нравится, как нравятся и бескрайние просторы этого штата, но также и для того, чтобы показать местным жителям, что я не являюсь для сельской Америки чужаком, далеким от ее культуры. После визита на ферму организатор моей кампании Морт Энглберг спросил одного из принимавших нас фермеров, что он обо мне думает. Фермер ответил: «Он вполне нормальный человек. Совсем не такой, каким его пытаются представить». Я часто слышал это в 1995 году и надеялся, что мне удастся добиться того, чтобы как можно больше избирателей узнали меня таким, каким я был на самом деле.

Во время нашей поездки один из агентов Секретной службы упал с лошади. Он не пострадал, но лошадь с бешеной скоростью помчалась по равнине. К удивлению представителей прессы и жителей Монтаны, наблюдавших за происходящим, заместитель руководителя моего аппарата Гарольд Икес отправился вдогонку за сбежавшей лошадей, поймал ее и возвратил хозяину. Этот поступок Гарольда совершенно не соответствовал его образу рафинированного городского жителя и либерального политического деятеля. Выяснилось, что в молодости он успел поработать на ранчо на Западе и не утратил приобретенных там ковбойских навыков.

Пятого июля мы с Генри Сиснеросом объявили о «Национальной стратегии увеличения числа домовладельцев» — одной из многих мер, которые мы предпринимали, чтобы доля американцев, имеющих собственные дома, увеличилась до двух третей населения. Резкое снижение бюджетного дефицита помогало удерживать ставки ипотечного кредитования на низком уровне, несмотря на быстрый рост экономики, и всего через два года мечта

Генри о превращении двух третей американцев во владельцев собственных домов сбылась.

В конце первой недели июня я впервые наложил вето на утвержденный Конгрессом законопроект, отменив проведенное республиканцами 16-миллиардное сокращение бюджетных расходов на образование, содержание федеральных служащих и охрану окружающей среды, но при этом утвердил в общем необязательные, но очень любимые республиканцами проекты строительства дорог, судов и других федеральных зданий. Они могли и не питать любви к правительству, но как осмотрительные политики вынуждены были утверждать расходы, которые способствовали бы их переизбранию. Я предложил республиканцам сотрудничество в подготовке проекта дальнейших сокращений, но заявил, что они должны осуществляться за счет необязательных, популистских проектов, а не за счет инвестиций в наших детей и наше будущее. Через пару дней у меня появился еще один повод отстаивать такие инвестиции, поскольку брат Хиллари Тони и его жена Николь подарили нам еще одного племянника — Закари Боксера Родэма.

Отправляясь в город Клэрмонт, штат Нью-Хэмпшир, для дебатов со спикером Гингричем, я все еще пытался найти баланс между конфронтацией и уступками в отношениях с республиканцами. Я как-то сказал, что спикеру не мешало бы встретиться с избирателями в Нью-Хэмпшире, как это сделал я в 1992 году, и он поймал меня на слове. Мы оба начали с позитивных по тону высказываний о необходимости честных дискуссий и сотрудничества вместо перепалок, подобных тем, которые каждый день можно увидеть в вечерних выпусках новостей. Гингрич даже пошутил, сказав, что скопировал сценарий моей предвыборной кампании, так же, как и я, перед дебатами заглянув в кондитерскую, где продают донатсы.

Отвечая на вопросы избирателей, мы договорились о совместной работе над реформой финансирования избирательных кампаний и даже обменялись в связи с этим рукопожатием; обсудили другие проблемы, на которые имели общие взгляды. У нас состоялась увлекательная дискуссия по проблемам здравоохранения; мы спорили о роли Организации Объединенных Наций и о том, должен ли Конгресс утверждать финансирование для волонтерской организации «Америкорпс».

Это наше совместное выступление было позитивно воспринято страной, которая устала от межпартийных битв. Два сотрудника моей охраны, которые почти никогда не обсуждали со мной политические вопросы, сказали, что получили большое удовольствие, следя за нашей конструктивной дискуссией. На следующий день на конференции по вопросам малого бизнеса, проходившей в Белом доме, то же самое мне сказали несколько республиканцев. Если бы мы продолжали в том же ключе, то смогли бы, по моему мнению, разрешить многие наши разногласия с пользой для Америки. Когда Гингрич был настроен конструктивно, он демонстрировал творческий и гибкий подход и предлагал массу свежих идей. Однако спикером он стал совсем по другой причине — потому, что ожесточенно напал на демократов. Очень нелегко отказаться от того, что сделало тебя

влиятельным политиком, и Ньют узнал об этом на следующий же день, когда телеведущий Раш Лимбо и консервативная газета *Manchester Union Leader* подвергли его резкой критике за то, что он был слишком доброжелателен по отношению ко мне. Гингрич больше ни разу не повторил эту ошибку, по крайней мере на публике.

После дискуссии я отправился в Бостон на мероприятие по сбору средств для избирательной кампании сенатора Джона Керри, которому предстояли перевыборы и, скорее всего, трудная борьба с очень серьезным оппонентом — губернатором Биллом Уэлдом. У меня сложились хорошие отношения с Уэлдом, который был, пожалуй, наиболее прогрессивным среди губернаторов-республиканцев, но мне не хотелось, чтобы Керри потерял место в Сенате, где он являлся одним из главных авторитетов в вопросах экологии и высоких технологий. Он, кроме того, уделял много внимания проблеме преступности среди несовершеннолетних — она волновала его еще в ту пору, когда он был прокурором. Забота о том, что не принесет дополнительных голосов сегодня, но имеет большое значение для будущего, — очень ценное качество для политика.

Тринадцатого июня в телевизионном обращении к стране из Овального кабинета Белого дома я изложил план, который позволил бы за десять лет добиться сбалансированного бюджета. Республиканцы предлагали добиться того же за семь лет, но при этом планировали сократить расходы на здравоохранение, образование, охрану окружающей среды, одновременно снизив налоги. Мой план, напротив, не требовал сокращения финансирования образования и программы медицинской помощи пожилым американцам, необходимой для того, чтобы реформа социального обеспечения заработала, или экологических программ. Снижение налогов предусматривалось только для семей со средним доходом, главным образом для того, чтобы дать им возможность заплатить за обучение детей в колледже, стоимость которого быстро росла. Кроме того, мой рассчитанный на десять, а не на семь лет план позволял более плавно сокращать бюджетный дефицит, что уменьшало риск замедления экономического роста.

Выбор времени для выступления с этой речью и главные содержащиеся в ней положения встретили возражения многих демократов в Конгрессе, а также некоторых членов моего кабинета и аппарата, считавших, что еще слишком рано вступать в дебаты с республиканцами по проблемам бюджета. Когда республиканцам пришлось принимать реальные решения, а не просто говорить мне «нет», они начали терять поддержку избирателей. По этой причине многие демократы полагали, что в подобной ситуации глупо предлагать собственный проект, пока это не станет абсолютно необходимым. После всех «подзатыльников», которые мы получили в первые два года моего президентства, они считали, что и республиканцам стоит по крайней мере в течение года испытать на себе воздействие своего собственного «лекарства».

Это был убедительный аргумент, но, с другой стороны, я был президентом и должен был вести за собой нацию, к тому же нам уже удалось без участия республиканцев уменьшить бюджетный дефицит на одну треть.

Если бы в будущем мне пришлось наложить вето на бюджетные законопроекты республиканцев, я хотел бы сделать это только после того, как все возможности выработать справедливый компромисс будут исчерпаны. Кроме того, в Нью-Хэмпшире мы со спикером обещали предпринять попытку к сотрудничеству, и я хотел сделать все от меня зависящее, чтобы выполнить это обещание.

Мое решение представить собственный проект бюджета поддержали Леон Панетта, Эрскин Боулз, большая часть команды экономических советников, демократы-конгрессмены, занимающие жесткую позицию по вопросу бюджетного дефицита, и Дик Моррис, который был моим консультантом еще во время выборов 1994 года. Большинство сотрудников моего аппарата не любили Дика, потому что с ним нелегко было ладить. Кроме того, он часто нарушал установленные в Белом доме процедуры и к тому же раньше сотрудничал с республиканцами. Иногда у него появлялись безумные идеи, и он слишком увлекался внешней политикой, но я проработал с ним достаточно долго, чтобы понять, когда следует прислушаться к его советам, а когда нет.

Дик настойчиво советовал использовать политику «триангуляции» — то есть стараться преодолеть разногласия между республиканцами и демократами и использовать наиболее разумные идеи как тех, так и других. Многие либералы и некоторые журналисты видели в «триангуляции» беспринципную политику компромиссов и оппортунизм, циничную уловку для того, чтобы переизбраться на второй срок. В действительности это было просто еще одним способом выражения того, о чем я уже говорил, когда еще был губернатором и когда работал в Совете руководства демократической партии, а также в 1992 году, во время предвыборной кампании. Я всегда стремился сочетать новые идеи и традиционные ценности и корректировать политику правительства соответственно изменяющимся условиям. Я не пытался усилить противоречия между либералами и консерваторами — напротив, я стремился к новому консенсусу. И, как покажут заключительные дебаты с республиканцами по вопросу бюджета, меня никак нельзя было обвинять в отсутствии убеждений. В конце концов, роль Дика в принятии решений стала общеизвестна, и он превратился в постоянного участника наших стратегических совещаний, проводившихся еженедельно в среду вечером. Дик также пригласил в нашу «команду» Марка Пенна и его партнера Дуга Шоена, проводивших для нас опросы общественного мнения. Пенн и Шоен были хорошей командой и разделили мою философию «Новых демократов». Они оставались рядом со мной до конца моего президентства. Вскоре к нам присоединились опытный медиаконсультант Боб Скуайер и его партнер Билл Нэпп, которые хорошо разбирались в нашей политике и продвигали ее в прессе.

Двадцать девятого июня я наконец достиг компромисса с республиканцами по законопроекту о сокращении бюджета, после того как они согласились оставить в бюджете пункт о выделении более 700 миллионов долларов для финансирования образования, «Америкорпс» и нашей программы обеспечения населения чистой питьевой водой. Это компромиссное реше-

ние стало возможным не в последнюю очередь благодаря сенатору Марку Хэтфилду — председателю сенатского Комитета по ассигнованиям и прогрессивному республиканцу «старой школы», тесно сотрудничавшему с Белым домом.

На следующий день я отправился в Чикаго на встречу с сотрудниками полиции и гражданами, которые были ранены преступниками, стрелявшими из штурмового оружия. На этой встрече я высказался в поддержку законопроекта о запрете на продажу штурмового стрелкового оружия и обратился к Конгрессу с просьбой поддержать предложение сенатора Пола Саймона о внесении в него также запрета на продажу «убийц полицейских» — патронов, пробивающих бронезилеты. Офицер полиции, представлявший меня аудитории, сказал, что не получил не единой царапины в ожесточенных боях во Вьетнаме, но дома, в США, чуть не погиб от руки преступника, который буквально изрешетил его пулями, выпущенными из штурмовой винтовки. Продажа патронов, способных пробивать защитные бронезилеты, используемые полицейскими, уже была запрещена действующим законодательством, однако в нем оговаривалась не пробивная способность пули, а материал, из которого она изготовлена. Изобретательные производители быстро перешли на использование других материалов, которые не упоминались в законе, и продолжали выпускать патроны, пули которых пробивали бронезилеты и убивали полицейских.

Я знал, что Национальная стрелковая ассоциация наверняка будет выступать против этого закона, но она уже утратила то влияние, которым пользовалась в 1994 году. После того как исполнительный директор NRA назвал полицейских офицеров «агрессивными головорезами», бывший президент Джордж Буш в знак протеста вышел из ассоциации. За несколько месяцев до этого комик Робин Уильямс на одном из представлений в Калифорнии высмеял протесты NRA против запрещения продажи «убийц полицейских» таким образом: «Конечно, их нельзя запрещать. Они нужны охотникам. Ведь где-нибудь в лесу им может встретиться олень в пуленепробиваемом жилете из кевлара!» Тогда, в начале второго полугодия 1995 года, я надеялся, что шутка Робина и протест президента Буша станут первыми свидетельствами более здорового отношения к проблеме контроля над продажами огнестрельного оружия.

В июле межпартийные баталии немного утихли. 12 июля в средней школе имени Джеймса Мэдисона в городе Вена, штат Вирджиния, я продолжил свои усилия, направленные на объединение американского народа — на этот раз по вопросу свободы совести.

Велось много дискуссий о допустимых пределах религиозного самовыражения в школах. Некоторые руководители школ и учителя считали, что такие проявления противоречат Конституции. Они были не правы. Школьники имели право молиться в школах вместе или индивидуально; школьные религиозные клубы имели такие же права, как и любые другие факультативные клубы. В свое свободное время ученики имели право читать религиозные тексты; они могли выражать свои религиозные взгляды в домашних

работах и сочинениях, если это соответствовало теме задания; могли носить футболки с религиозной символикой, если в данной школе вообще разрешались футболки с какой-либо символикой.

Я поручил министру образования Райли и генеральному прокурору Рино подготовить подробные разъяснения относительно того, какие формы религиозного самовыражения допустимы в школах, и разослать копии этого документа во все школьные округа Америки до начала следующего учебного года. После того как такая брошюра была получена администрациями школьных округов, существенно сократилось число конфликтов и судебных исков, а мы в результате получили поддержку людей самых разных религиозных и политических взглядов.

Этой проблемой я занимался уже давно, установив тесную связь Белого дома с различными религиозными общинами и подписав закон «О восстановлении свободы вероисповедания». В самом конце моего второго президентского срока профессор Родни Смит, специалист по Первой поправке к Конституции США*, сказал, что моя администрация сделала для защиты и развития свободы вероисповедания больше, чем любая другая со времен Джеймса Мэдисона. Не знаю, насколько это верно, но именно к этому я и стремился.

Через неделю после того как мы рассмотрели вопросы свободы вероисповедания, я столкнулся с еще одной серьезной проблемой, которую необходимо было решить для укрепления единства американского народа, — программой позитивных действий. Термин «позитивные действия» обозначает правительственную поддержку расовых меньшинств или женщин, которые получают определенные преимущества при приеме на работу в правительственные учреждения, распределении контрактов на поставку продукции и услуг, получении займов для малого бизнеса и при приеме в университеты. Цель программы позитивных действий — компенсировать долговременные негативные последствия дискриминации, которой подвергались представители меньшинств и женщины, а также обеспечить для них равные возможности в сравнении с другими социальными группами. Эта политика была начата президентами Кеннеди и Джонсоном и продолжена администрацией Никсона. Она поддерживалась обеими партиями, которые признавали, что последствия дискриминации нельзя преодолеть простыми запретами и введением жестких квот для представителей меньшинств, которые могли бы привести к тому, что на работу стали бы принимать неквалифицированных работников, что породило бы «обратную дискриминацию», направленную против белых мужчин.

В начале 1990-х годов оппозиция программе позитивных действий усилилась. Консерваторы утверждали, что любые льготы, основанные на расовых признаках, есть не что иное, как «обратная дискриминация», а потому нарушают Конституцию. Неудовольствие выражали белые американцы, потерявшие контракты или не принятые в университеты из-за того, что предпочтение было отдано чернокожим претендентам и представителям

---

* Эта поправка закрепляет право американцев на свободу слова. — *Прим. пер.*

других меньшинств, а также те люди, которые считали, что программа позитивных действий, несмотря на лежащие в ее основе разумные идеи, на практике приводит к злоупотреблениям или же потеряла актуальность. Среди оппонентов были и люди прогрессивных взглядов, которые считали несправедливым предоставление каких-либо льгот по расовому признаку и настаивали на том, что в этом случае критерии должны быть экономическими и социальными.

Эти дебаты обострились в 1994 году после получения республиканцами большинства в Конгрессе. Многие из них пообещали, что добьются прекращения действия программы позитивных действий. Двадцатилетняя практика сдерживания доходов среднего класса привела к тому, что их позиция нашла поддержку среди белых рабочих и владельцев малого бизнеса, а также белых студентов, которым не удалось поступить в выбранные ими университеты, и их родителей.

Ситуация еще больше обострилась в 1995 году, когда в Верховном суде шли слушания по делу фирмы Adarand Constructors, Inc. В этом иске белый подрядчик требовал от Министерства транспорта аннулировать контракт, полученный другим претендентом на основании того, что он являлся представителем меньшинства, а следовательно, пользовался поддержкой правительства в рамках программы позитивных действий. Верховный суд США постановил, что правительство вправе продолжать мероприятия по «преодолению долговременных негативных последствий расовой дискриминации», но что с этого момента выполнение программы поддержки расовых меньшинств будет «тщательно контролироваться». Таким образом, правительство должно было каждый раз доказывать, что применение программы позитивных действий было действительно оправдано, поскольку «не было возможности решить проблему на основе критериев, отличных от расовых». Это решение Верховного суда требовало от нас пересмотра федеральных программ позитивных действий. Лидеры движения за гражданские права хотели сохранить и усилить эти программы, в то время как многие республиканцы требовали их полной отмены.

Девятнадцатого июля после активных консультаций со сторонниками и противниками программы позитивных действий я предложил свой ответ на решение Верховного суда по делу Adarand, а также ответ всем тем, кто настаивал на полной отмене программы, в своей речи в Национальном управлении архивов и документации. Готовясь к ней, я потребовал представить мне полный обзор наших программ позитивных действий. Мне представили отчет, в котором делался вывод, что благодаря этим программам у нас теперь самые эффективные, самые интегрированные вооруженные силы в мире: только за последние два с половиной года на службу в них поступило 260 тысяч женщин. Управление по делам малого бизнеса резко увеличило количество кредитов, предоставленных женщинам и представителям расовых меньшинств, при этом количество кредитов, выданных белым мужчинам, не сократилось, и выдавались они только тем, кто отвечал необходимым требованиям. Крупные частные корпорации, в которых осуществлялись программы позитивных действий, сообщали, что благодаря

возросшему многообразию состава работников повысились производительность труда и конкурентоспособность их продукции на глобальных рынках. Поддержка правительства позволила женщинам и представителям меньшинств создать новые фирмы, однако в этой сфере были обнаружены и отдельные злоупотребления. В отчете делался вывод о том, что потребность в программах позитивных действий до сих пор существует, поскольку расовую и гендерную дискриминацию все еще можно обнаружить при приеме на работу, при распределении доходов и собственности.

На основании этих данных я предложил разобраться со злоупотреблениями и мошенничествами при осуществлении программ поддержки малого бизнеса и прекращать помощь участвующим в программах компаниям, после того как они станут конкурентоспособными; следовать решению Верховного суда по делу *Adarand*, продолжая только те программы, которые были обоснованы с точки зрения необходимости «позитивных действий»; усилить помощь всем бедным общинам и людям с низкими доходами, независимо от их расы или пола. Мы сохранили принцип «позитивных действий», но реформировали практику его применения, отказавшись от использования квот, заботясь о том, чтобы поддержка оказывалась только тем людям и компаниям, которые соответствуют необходимым требованиям, исключив возможность «обратной дискриминации» по отношению к белым американцам и своевременно прекращая те программы, которые уже реализовали поставленные перед ними задачи. Суть моей политики можно было выразить одной фразой: «Улучшать, но не прекращать».

Моя речь встретила одобрение активистов движения за гражданские права, бизнес-сообщества и военных, однако убедила далеко не всех. Через восемь дней сенатор Доул и конгрессмен Чарлз Кейнеди из штата Флорида внесли законопроект, отменявший все федеральные законы о «позитивных действиях». Реакция Ньюта Гингрича была более положительной: он сказал, что не хочет прекращать действие программы позитивных действий, пока не сможет предложить другие меры «оказания помощи».

В то время как я пытался добиться взаимопонимания с республиканцами по этому вопросу, они большую часть июля занимались продвижением в Конгрессе своих бюджетных инициатив, предлагая резко сократить финансирование программ образования и профессиональной подготовки. Предложенные ими сокращения ассигнований на программы медицинской помощи «Медикэр» и «Медикэйд» привели бы к тому, что пожилым американцам, расходы которых на оплату медицинских счетов из-за инфляции и роста цен и так уже значительно увеличились, пришлось бы тратить на эти цели даже больше, чем в 1960-е годы, — до того, как были введены эти программы. Предложение республиканцев урезать финансирование программ Агентства по охране окружающей среды сделало бы невозможной реализацию законов «О чистом воздухе» и «О чистой воде». Они голосовали за ликвидацию волонтерской организации «Америкорпс» и 50-процентное сокращение национальной программы помощи бездомным. Им удалось добиться свертывания программы планирования семьи, ранее поддержи-

ваемой и демократами, и республиканцами, так как она помогала уменьшить количество нежелательных беременностей и абортов. Республиканцы намеревались резко сократить помощь другим странам, которая и так уже составляла всего 1,3 процента от расходной части федерального бюджета, что ослабило бы наши возможности в борьбе с терроризмом, в предотвращении распространения ядерного оружия, открытии новых рынков для американского экспорта, поддержании мира и демократии и обеспечении соблюдения прав человека во всем мире.

Как ни трудно в это поверить, но всего через пять лет после того, как президент Буш подписал закон «О помощи американским инвалидам», за который в Конгрессе тогда проголосовало большинство депутатов от обеих партий, республиканцы предложили урезать ассигнования на поддержку инвалидов, собственно и позволявшие инвалидам реализовать права, предоставленные им этим законом. Когда стало известно об этом предложении, мне позвонил Том Кэмпбелл, бывший моим соседом по комнате все четыре года учебы в Джорджтаунском университете. Том был пилотом и неплохо зарабатывал, однако богатым человеком его назвать было нельзя. Он взволнованно сказал мне, что очень обеспокоен предложением о сокращении финансирования программ для инвалидов. Его дочь Сиара была больна церебральным параличом, как и ее лучшая подруга, которую воспитывала мать-одиночка, получавшая минимальную заработную плату и каждый день ездившая на работу на автобусе, тратя целый час на дорогу в один конец. Том спросил меня: «Скажи мне прямо, они что, собираются сократить мне налоги, но одновременно урезать пособие подруге Сиары и ее матери? Пособие, на которое можно было бы купить детское инвалидное кресло и четыре пары дорогой специальной обуви, необходимые девочке каждый год, а также оплатить транспортные расходы, чтобы ее мать могла добраться до работы?» «Это правда», — ответил я. Тогда он сказал: «Билл, но это же аморально. Ты не должен этого допустить».

Том Кэмпбелл был ревностным католиком и ветераном морской пехоты, выросшим в консервативной республиканской семье. Если уж даже такие американцы считали, что «новые правые республиканцы» зашли слишком далеко, это означало, что я сумею их победить. В последний день июля Элис Ривлин объявила, что благодаря улучшению экономических показателей бюджетный дефицит оказался ниже, чем ожидалось, и что по этой причине мы можем добиться сбалансированного бездефицитного бюджета всего за девять лет, причем без резкого сокращения расходов, которое предлагали республиканцы. Теперь я мог загнать их в угол.

В сфере внешней политики в июле произошло три важных события: мне удалось нормализовать отношения с Вьетнамом, получив сильную поддержку большинства конгрессменов — ветеранов вьетнамской войны, включая Джона Маккейна, Боба Керри, Джона Керри, Чака Робба и Пита Питерсона; в результате настойчивых просьб конгрессмена Билла Ричардсона Саддам Хусейн освободил двух американцев, находившихся в плену с марта; южнокорейский президент Ким Янг Сэм на церемонии открытия в Вашингтоне мемориала, посвященного войне в Корее, еще раз решительно заявил о своей поддержке договора о сворачивании Северной Кореей ядерной программы, который мы с ней заключили. Поскольку Джесси Хелмс и другие сенаторы подвергли этот договор критике, поддержка Кима имела большое значение, особенно потому, что он был политическим заключенным и защитником демократии еще в те времена, когда Корея была авторитарным государством.

К несчастью, эти хорошие новости были омрачены сообщениями о событиях в Боснии. После относительного спокойствия в течение почти всего 1994 года в конце ноября ситуация ухудшилась: сербские военные самолеты атаковали хорватов и мусульман в западной Боснии, тем самым нарушив запрет на полеты в этой зоне. НАТО в ответ сбросило бомбы на сербский аэродром, но не разрушило его полностью. Уцелела также часть успевших взлететь сербских самолетов.

В марте, когда перестало действовать заключенное президентом Картером соглашение о прекращении огня, Дик Холбрук, отозванный с поста посла в Германии и назначенный заместителем госсекретаря по делам Европы и Канады, направил специального посланника в бывшей Югославии Боба Фрейжера на встречу с Милошевичем, тщетно надеясь остановить агрессию боснийских сербов и добиться от них хотя бы частичного признания статуса Боснии в обмен на отмену санкций ООН против Сербии.

В июле снова начались полномасштабные военные действия, и боснийские правительственные войска добились некоторых успехов в центре страны. Вместо того чтобы попытаться вернуть утраченные территории, генерал Младич решил атаковать три мусульманских города в восточной Боснии: Сребреницу, Зепу и Горажде. Эти города были переполнены мусульманскими беженцами из окрестных деревень, и, хотя их объявили «зонами безопасности под охраной ООН», в них было очень мало солдат-миротворцев. Младич хотел захватить эти три города, чтобы установить контроль сербов над всей восточной Боснией, причем был уверен, что, пока он будет удерживать миротворцев в заложниках, ООН не позволит НАТО проводить ответные бомбардировки. Он был прав, и последствия оказались ужасными.

Десятого июля сербы взяли Сребреницу, а в конце месяца — Зепу. Люди, которым удалось бежать из Сребреницы, рассказывали о жестокой расправе над мусульманами, которую учинили в этом городе солдаты Младича. Тысячи мальчиков и мужчин согнали на футбольный стадион и убили, а тысячи тех, кто уцелел, пытались спастись в поросших густых лесом горах.

После бойни в Сребренице я стал оказывать давление на ООН с тем, чтобы она поддержала идею создания сил быстрого реагирования, которую мы обсуждали несколькими неделями раньше на встрече «Большой семерки» в Канаде. Боб Доул тем временем добивался отмены эмбарго на поставки оружия Боснии. Я попросил его отложить голосование по этому вопросу, и он согласился. Я все еще пытался найти возможность спасти Боснию и добиться эффективных действий ООН и НАТО, но к третьей неделе июля боснийские сербы доказали полное бессилие ООН, а заодно НАТО и Соединенных Штатов. «Зоны безопасности» совершенно не оправдывали своего названия, поскольку крайне малочисленные контингенты миротворцев из европейских стран не были способны защитить даже самих себя, не говоря уже о мусульманах. Вошедшая у боснийских сербов в привычку практика взятия миротворцев ООН в заложники продемонстрировала общую слабость стратегии ООН. Миротворцы служили боснийским мусульманам и хорватам защитой лишь до тех пор, пока сербы опасались возмездия НАТО за развязанную ими агрессию. Теперь же, захватив заложников-миротворцев, сербы уже не боялись НАТО, и руки в восточной Боснии у них были развязаны. Несколько лучше обстояли дела в центральной и западной Боснии, где хорваты и мусульмане смогли получить оружие, несмотря на эмбарго ООН.

В отчаянной попытке вернуть инициативу министры иностранных дел и обороны стран НАТО провели встречу в Лондоне. Уоррен Кристофер, Билл Перри и генерал Шаликашвили отправились на эту встречу, надеясь отговорить ее участников от намерения вывести силы ООН из Боснии (это предложение становилось все более популярным) и вместо этого усилить размещенные в Боснии контингенты НАТО, наделив их более широкими полномочиями в сдерживании сербской агрессии. Потеря мусульманами Сребреницы и Зепы и намерение Конгресса отменить эмбарго на поставки оружия в Боснию позволили нам действовать более активно. Присутствовавшие на встрече министры в конечном итоге поддержали предложение Уоррена Кристофера и его команды о создании безопасной зоны вокруг Горажде и отмене принципа «двух ключей» в сфере принятия решений, согласно которому ООН обладала правом вето в отношении операций сил НАТО. Лондонская встреча стала поворотным пунктом: после нее НАТО стало действовать гораздо решительнее. Вскоре главнокомандующий Объединенными силами НАТО в Европе генерал Джордж Джоулан и наш представитель в НАТО Роберт Хантер добились того, что район Сараево, так же как и Горажде, был объявлен безопасной зоной под контролем НАТО.

В августе ситуация резко изменилась. Хорваты начали наступление, чтобы вернуть себе Краину — область Хорватии, которую проживающие

там сербы объявили своей территорией. Некоторые европейские и американские военные и сотрудники спецслужб возражали против этой операции, полагая, что Милошевич вмешается и поддержит сербов в Краине, но я был солидарен с хорватами. Такую же позицию занимал и Гельмут Коль, который, как и я, знал, что дипломатические усилия не дадут желаемого результата до тех пор, пока сербы не понесут серьезного военного поражения.

Поскольку мы знали, что речь идет о выживании Боснии, мы не слишком строго соблюдали эмбарго на поставки оружия. В результате хорваты и боснийцы получили оружие, которое помогло им выжить. Мы также разрешили одной частной компании отправить в Боснию отставных американских военных, которые стали инструкторами в хорватской армии.

Милошевич, однако, не пришел на помощь сербам в Краине, и хорватским войскам удалось захватить эту область, не встретив серьезного сопротивления. Это стало первым за четыре года поражением сербов, изменившим соотношение сил и психологию воюющих сторон. Один из находящихся в Хорватии западных дипломатов заявил: «Это практически стало сигналом о поддержке из Вашингтона. Американцы искали возможность нанести удар по сербам и использовали для этого хорватов». 4 августа, навестив в больнице журналиста Сэма Дональдсона, много лет проработавшего корреспондентом программы новостей телеканала ABC, которому сделали операцию по поводу рака, я признал, что наступление хорватов может способствовать разрешению конфликта. Дональдсон, остававшийся профессиональным журналистом даже на больничной койке, передал мое замечание на свой телеканал прямо из госпиталя.

Используя благоприятный момент, я послал в Европу (в том числе и в Россию) Тони Лэйка и заместителя госсекретаря Питера Тарноффа, которые должны были представить разработанную Лэйком концепцию мирного урегулирования. Дик Холбрук возглавил команду, которой было поручено предпринять последнюю попытку разрешить конфликт путем переговоров с правительством Боснии и Милошевичем, утверждавшим, что он не контролирует боснийских сербов, хотя всем было известно, что они ничего не смогли бы добиться без его поддержки. Как раз перед началом этой дипломатической миссии Сенат вслед за Палатой представителей проголосовал за отмену эмбарго на поставки оружия Боснии, но я наложил вето на это решение, чтобы дать возможность решить данный вопрос дипломатам. Лэйк и Тарнофф немедленно вылетели в Европу, намереваясь представить там наш план. 14 августа, встретившись с Холбруком, они сообщили ему, что план был одобрен и союзниками по НАТО, и русскими и он может приступить к осуществлению своей миссии.

Пятнадцатого августа, после проведенного Тони Лэйком брифинга о положении в Боснии, мы с Хиллари и Челси отправились в Джексон-Хоул, штат Вайоминг: сенатор Джей Рокфеллер и его супруга Шэрон пригласили нас погостить в их доме. Нам всем нужен был отдых, и я с нетерпением ждал возможности побродить с рюкзаком и проехаться верхом в Национальном парке Гранд-Тетон; спуститься на плоту по реке Снейк; посетить Йеллоустонский национальный парк, чтобы увидеть знаменитый гейзер

Олд-Фэйтфул, бизонов, лосей и волков, которые недавно снова появились в заповеднике, и поиграть в гольф на среднегорье, где мяч летит гораздо дальше. Хиллари работала над книгой об отношениях в семье и воспитании детей, и ей очень хотелось как следует взяться за нее в просторном светлом ранчо Рокфеллеров. Нам удалось осуществить все задуманное, а также сделать многое другое, однако главным воспоминанием об этой поездке стала тревога о Боснии.

В тот самый день, когда я с семьей отправился в Вайоминг, Дик Холбрук вылетел в Боснию с командой, в состав которой вошли Боб Фрейжер, Джо Крузел, полковник военно-воздушных сил Нельсон Дрю и генерал-лейтенант Уэсли Кларк — директор по стратегической политике Объединенного комитета начальников штабов и мой земляк из Арканзаса, с которым я впервые встретился в 1965 году в Джорджтаунском университете.

Холбрук со своей командой приземлился в приморском хорватском городе Сплит, где рассказал о наших планах министру иностранных дел Боснии Мохаммеду Сачирбею. Сачирбей, часто представлявший Боснию на американском телевидении, был красивым подтянутым мужчиной. В студенческие годы — а он учился в Соединенных Штатах — Сачирбей играл в основном составе футбольной команды Университета Тулейна по американскому футболу. Он давно хотел, чтобы американцы приняли более активное участие в судьбе его осажденной страны, и был рад, что этот час наконец настал.

После Сплита команда Холбрука отправилась в Загреб, столицу Хорватии, чтобы встретиться с президентом Туджманом, а затем вылетела в Белград, на переговоры с Милошевичем. Эта встреча ни к чему не привела и была примечательна только тем, что Милошевич отказался гарантировать безопасность нашим представителям, в случае если они вылетят из Белграда в Сараево — следующий пункт своей поездки. Это означало, что нашей команде придется лететь обратно в Сплит, оттуда на вертолете — в Боснию, а потом еще два часа ехать до Сараево через гору Игман по крутой горной дороге, огибающей глубокие ущелья, не имеющей ограждений и находящейся под постоянным прицелом сербских пулеметчиков, которые часто обстреливали транспорт миротворцев ООН. За несколько недель до этого там был обстрелян представитель Европейского союза Карл Бильдт, а в ущельях между Сплитом и Сараево можно было увидеть множество разбитых автомобилей, многие из которых упали вниз, не удержавшись на крутых поворотах.

Свой сорок девятый день рождения, 19 августа, я начал с игры в гольф с Верноном Джорданом, Эрскином Боулзом и Джимом Вулфенсоном — президентом Всемирного банка. Утро казалось замечательным, пока не стало известно, что случилось на дороге через гору Игман. Сначала из выпуска новостей, а потом из эмоционального телефонного разговора с Диком Холбруком и Уэсом Кларком я узнал, что наша команда выехала в Сараево, причем Холбрук и Кларк ехали на американском военном автомобиле, а Фрейжер, Крузел и Дрю следовали за ними на французском бронетранспортере, покрашенном в белый цвет — цвет ООН. Примерно

через час в самом начале крутого спуска бронетранспортер соскользнул с дороги, перевернулся и загорелся. Помимо трех членов нашей команды в нем было еще два американца и четверо французских солдат. В охваченном огнем бронетранспортере взорвались боеприпасы. Уэс Кларк предпринял смелую попытку спасти тех, кто находился в горящей машине: привязав к дереву веревку, он спустился по ней к бронетранспортеру и попытался открыть люк, чтобы вытащить запертых внутри людей, но машина оказалась слишком искореженной и настолько горячей, что до нее невозможно было дотронуться.

Кроме того, было уже слишком поздно. Боб Фрейжер и Нельсон Дрю погибли, когда бронетранспортер падал с горы. Остальным удалось выбраться, но Джо Крузел и один из французских солдат вскоре скончались от полученных ранений. Фрейжеру было пятьдесят три года, Крузелу — пятьдесят, а Дрю — сорок семь. Это были патриоты, честно служившие своей стране, заботливые отцы семейств, которые погибли слишком рано, пытаясь сохранить жизни ни в чем не повинных людей в далекой стране.

На следующей неделе авиация НАТО в течение трех дней бомбила позиции сербов, после того как те обстреляли из миномета центр Сараево, убив тридцать восемь человек. 1 сентября Холбрук предложил всем сторонам встретиться в Женеве для переговоров. Боснийские сербы не согласились с выдвинутыми НАТО условиями, и НАТО возобновило авиаудары, продолжавшиеся до 14-го числа, когда Холбруку удалось убедить Караджича и Младича подписать соглашение о прекращении осады Сараево. Вскоре начались заключительные мирные переговоры в Дейтоне, штат Огайо. Они наконец-то позволили завершить кровавую войну в Боснии. И достигнутый успех в немалой степени был заслугой трех скромных американских героев, которые не дожили до этого дня и не увидели результатов своих усилий.

Хотя главной темой выпусков новостей в августе оставались события в Боснии, я продолжал участвовать в дебатах с республиканцами по поводу бюджета. Я заявил, что за год, прошедший после того, как была приостановлена реформа здравоохранения, около миллиона американцев потеряли медицинские страховки; приказал ввести ограничения на рекламу, продвижение и дистрибуцию сигарет, а также на продажу их подросткам. Администрация по контролю за продуктами питания и лекарствами совсем недавно завершила четырнадцатимесячное исследование, которое подтвердило: несмотря на то что курение вызывает наркотическую зависимость и наносит вред здоровью, продолжается агрессивная реклама табачных изделий, рассчитанная на подростков, среди которых становится все больше курильщиков.

Проблему подросткового курения решить непросто. Табак в Америке является легальным наркотиком, он убивает людей и приводит к многомиллиардному увеличению расходов на медицинское обслуживание. Но табачные компании имеют большое политическое влияние, а выращивающие табак фермеры играют важную роль в экономической, политической

и культурной жизни штатов Кентукки и Северная Каролина. Эти фермеры поддерживали табачные компании в их стремлении увеличить свои прибыли, навязывая сигареты все более и более юным американцам. Я считал, что мы должны их остановить. Так же думал и Ал Гор, любимая сестра которого, Нэнси, умерла от рака легких.

Восьмого августа мы добились успеха в наших усилиях, направленных на то, чтобы заставить Ирак окончательно отказаться от программы создания оружия массового уничтожения. Две дочери Саддама Хусейна вместе со своими мужьями бежали из Ирака в Иорданию, где попросили убежища у короля Хусейна. Один из двух мужчин — Хусейн Камаль Хасан аль-Маджид, руководивший секретными разработками Саддама по созданию оружия массового уничтожения, предоставил ценную информацию об оставшихся у Ирака запасах оружия, которая противоречила данным, переданным инспекторам ООН иракскими официальными лицами. Когда эти доказательства были предъявлены иракским представителям, им ничего не оставалось, как признать, что зять Саддама сказал правду, и допустить инспекторов на перечисленные им объекты. Спустя шесть месяцев родственники Саддама были вынуждены вернуться в Ирак, и через два дня оба его зятя были убиты. Информация, полученная от них за время их короткого пребывания на свободе, позволила инспекторам ООН уничтожить больше запасов химического и биологического оружия и лабораторного оборудования, чем за все время войны в Заливе.

В августе также произошли важные события, касающиеся дела «Уайтуотер». Кеннет Старр обвинил Джима и Сюзан Макдугал и губернатора Джима Гая Такера в правонарушениях, не связанных с «Уайтуотер», и республиканцы весь месяц обсуждали этот вопрос в Сенате и Палате представителей. Ал Д'Амато все еще пытался доказать, что причиной самоубийства Винса Фостера была не депрессия. Сотрудники и друзья Хиллари, представшие перед возглавляемой им комиссией, подверглись грубым угрозам и инсинуациям. Особенно недружелюбен Д'Амато был с Мэгги Уильямс и Сюзан Томасес, которая, как и он, была родом из Нью-Йорка. Сенатор Лоч Фэрклот зашел еще дальше, поставив под сомнение тот факт, что Уильямс и Томасес часто говорили о Винсе Фостере по телефону потому, что его смерть была их общим горем. Я тогда подумал, что, если Фэрклот действительно не способен понять их чувства, тогда он, видимо, всю жизнь прожил в «эмоциональной пустыне». После смерти Винса Мэгги дважды подвергалась проверке на детекторе лжи, однако этот факт не заставил Д'Амато и Фэрклота отказаться от своих обвинений.

Джим Лич, председатель Комитета по банковской деятельности Палаты представителей, вел себя примерно так же, как Д'Амато. С самого начала он поддерживал любое ложное обвинение, выдвигаемое против меня или Хиллари, утверждая, что мы не потеряли, а заработали деньги на «Уайтуотер», использовали средства Madison Guaranty на личные и партийные нужды и были вдохновителями мошенничества Дэвида Хейла с деньгами, полученными от Управления по делам малого бизнеса. Он постоянно обещал «сенсационные разоблачения», но все это так и осталось словами.

В августе Лич проводил слушания, «звездой» которых стала Л. Джин Льюис — следователь Трастовой корпорации по урегулированию, собиравшаяся вызвать нас с Хиллари на допрос в качестве свидетелей по уголовному делу непосредственно перед выборами 1992 года. В то время Министерство юстиции подало запрос о законности действий Льюис, и федеральный прокурор Арканзаса — республиканец Чарльз Бэнкс ответил, что для действий Льюис нет никаких оснований, что они являются попыткой повлиять на результаты выборов и начало расследования в это время стало бы «нарушением юридических норм со стороны прокуратуры».

Тем не менее Лич называл Льюис «героиней», лишившейся возможности проводить начатое ею расследование после моего избрания. Перед началом слушаний были обнародованы новые документы, включая письмо Бэнкса, отказавшегося поддержать обвинения Льюис из-за недостатка доказательств, и внутренние служебные записки ФБР и Министерства юстиции, в которых говорилось об отсутствии фактов, оправдывавших привлечение нас с Хиллари «в качестве ключевых свидетелей». Хотя в прессе почти ничего не сообщалось о документах, опровергающих обвинения Льюис, слушания провалились.

К моменту августовских слушаний и последнему раунду обвинений Старра я избрал новую тактику — по возможности воздерживаться от публичных комментариев по делу «Уайтуотер». На примере освещения прессой вопроса о службе гомосексуалистов в армии я убедился в том, что, если я дам обстоятельный ответ на вопрос, в данный момент занимающий журналистов, он обязательно появится в вечерних выпусках новостей, но при этом ничего не будет сказано о реальных делах, которыми я был занят в тот день. Таким образом, у американцев может сложиться впечатление, что я трачу все свое время на то, чтобы защищать свои личные интересы, вместо того чтобы решать их проблемы, хотя в действительности я тратил на «Уайтуотер» совсем немного времени. Если оценивать успех в различных делах по десятибалльной шкале, то семь баллов по экономическим вопросам были для меня гораздо важнее, чем десять — по проблемам, связанным с делом «Уайтуотер». Поэтому в те дни благодаря поддержке сотрудников моего аппарата я воздерживался от комментариев, хотя это и было нелегко. Я всегда резко отрицательно относился к злоупотреблению властью, и, когда выдвигались все эти ложные обвинения, игнорирующие доказательства нашей невиновности, и Старр наносил удары по все большему числу безупречно честных людей, внутри у меня все кипело. Никто не может долго переносить такое напряжение без ущерба для себя, но я понял это слишком поздно.

Сентябрь начался с надолго запомнившейся мне поездки на Гавайи на празднование пятидесятой годовщины окончания Второй мировой войны. Сразу после этого Хиллари отправилась в Пекин, чтобы выступить на Четвертой всемирной женской конференции ООН. В своей речи, ставшей одной из самых важных за все восемь лет работы нашей администрации, Хиллари заявила, что «права человека — это права женщин», и осудила тех,

кто нарушает их, вовлекая в проституцию, сжигая, если их приданое оказалось слишком малю, насилуя во время военных действий, избивая или вынуждая к сексуальным извращениям, заставляя делать аборт и подвергая стерилизации. Зал стоя аплодировал этой речи; на нее откликнулись женщины всего мира, которые теперь могли не сомневаться в том, что Америка их поддерживает. Несмотря на все неприятности, которые ей пришлось перенести из-за дела «Уайтуотер», Хиллари вновь продемонстрировала готовность бороться за дело, в которое верила, и за нашу страну. Я очень гордился ею. Тяжелые и несправедливые удары, которым она подверглась, не смогли разрушить идеализм, за который я полюбил ее много лет назад.

К середине месяца Дик Холбрук убедил министров иностранных дел Боснии, Хорватии и Югославии принять базовые принципы урегулирования боснийского конфликта. Тем временем НАТО продолжало наносить удары по позициям боснийских сербов с использованием самолетов и крылатых ракет, а наступление боснийских и хорватских войск сократило долю территории Боснии, контролируемую сербами, с 70 до 50 процентов, что было очень близко к параметрам предложенного нами соглашения об урегулировании.

Двадцать восьмого сентября произошло главное событие этого чрезвычайно успешного для нашей внешней политики месяца: Ицхак Рабин и Ясир Арафат прибыли в Белый дом, где должно было произойти важное для развития мирного процесса событие — подписание соглашения по Западному берегу реки Иордан, в соответствии с которым под контроль палестинцев передавались значительные территории.

Самые важные события, однако, происходили вдали от телевизионных камер. Церемония подписания должна была состояться в полдень, но перед этим Рабин и Арафат встретились, чтобы поставить свои подписи на трех экземплярах приложения к соглашению, включавшего двадцать шесть карт, каждая из которых отражала тысячи согласованных сторонами решений относительно дорог, перекрестков, поселений и священных мест. Меня также попросили подписать эти документы в качестве официального свидетеля. Примерно в середине этой процедуры, когда я отлучился, чтобы позвонить по телефону, ко мне пришел Рабин и сказал: «У нас возникла проблема». На одной из карт Арафат обнаружил участок дороги, который был помечен как контролируемый Израилем, в то время как, по его убеждению, стороны договорились о его передаче под контроль палестинцев. Рабин и Арафат хотели, чтобы я помог им разрешить этот спор. Я пригласил их в мою личную столовую, и Рабин начал разговор с того, что выразил свое желание быть хорошим соседом палестинцев, на что Арафат ответил, что как потомки Авраама их народы скорее могут считаться родственниками. Было странно слышать, как эти старые враги обмениваются любезностями. Не сказав ни слова, я вышел из комнаты, впервые оставив эту пару наедине. Рано или поздно им нужно научиться общаться без посредников, и сегодня для этого был вполне удачный момент.

Через двадцать минут они согласились, что спорный перекресток должен находиться под контролем палестинцев. Поскольку весь мир с нетерпением

ждал церемонии подписания договора, а мы и так уже опаздывали, у нас не было времени для подготовки новой карты. Вместо этого Рабин и Арафат в знак согласия пожали друг другу руки, а потом подписали имевшиеся карты, так что с юридической точки зрения они закрепили неверную информацию о контроле над спорным перекрестком.

Это явилось актом личного доверия, о котором совсем недавно нельзя было и мечтать. И это означало серьезный риск для Рабина. Половина израильтян выступила за подписание соглашения по Западному берегу, а половина — против, и через несколько дней Рабину едва не вынесли вотум недоверия в кнессете, для чего не хватило всего одного голоса. Мы все еще шли по канату, натянутому над пропастью, но я был настроен оптимистично. Я знал, что при передаче земель главную роль будет играть рукопожатие, а не ошибка на карте, — так и произошло. Рукопожатие в большей степени, чем официальная церемония подписания, убедило меня в том, что Рабин и Арафат найдут пути для достижения мира.

Тридцатого сентября закончился налоговый год, а бюджет все еще не был принят. Целый месяц, в свободное от решения боснийских и ближневосточных проблем время, я разъезжал по стране, разъясняя опасность предложенного республиканцами сокращения программ «Медикэр» и «Медикэйд», бесплатного питания для малоимущих, образовательных кредитов для студентов, волонтерской программы «Америкорпс», экологических программ и отказа от предложенного нами увеличения численности полицейских на 100 тысяч человек. Республиканцы предлагали даже уменьшить налоговые льготы для наемных работников, в результате чего увеличились бы налоги работающих семей с невысоким доходом. Одновременно они стремились снизить налоги для наиболее обеспеченных американцев. Практически на каждой встрече я указывал, что наши разногласия связаны не с тем, что мы выступаем против ликвидации бюджетного дефицита и сокращения необязательных правительственных расходов, а с нашими позициями в отношении того, как этого добиться. Предметом дискуссии был также вопрос о том, какие обязанности в интересах всего общества должно взять на себя федеральное правительство.

В ответ на мои атаки Ньют Гингрич заявил, что, если я наложу вето на бюджетные законопроекты республиканцев, он откажется повысить предел государственного долга и, таким образом, сделает Соединенные Штаты банкротом. Повышение предела государственного долга было чисто технической процедурой, которая служила подтверждением очевидного факта: до тех пор, пока у Америки будет сохраняться бюджетный дефицит, государственный долг с каждым годом будет продолжать расти, а правительство — выпускать новые ценные бумаги для его покрытия. Повышение лимита просто-напросто давало Министерству финансов на это полномочия. Пока демократы имели большинство в Конгрессе, республиканцы могли спокойно голосовать против повышения предела государственного долга, делая вид, что в возникновении необходимости его увеличения нет никакой их заслуги. Однако многие республиканцы в Палате представителей никогда не голосовали за повышение лимита долга и не

собирались этого делать, поэтому я очень серьезно отнесся к угрозе Гингрича.

Если Америка не сможет выполнить свои долговые обязательства, последствия будут очень серьезными. За два с лишним столетия Соединенные Штаты ни разу не отказывались выплачивать свои долги. Дефолт мог поколебать уверенность инвесторов в нашей надежности. Развязка приближалась, и невозможно было отрицать, что у Ньюта имелся сильнейший козырь, однако я не собирался поддаваться шантажу. Если он все же решится исполнить свою угрозу, то, несомненно, пострадает и сам. Дефолт мог привести к росту учетных ставок, а даже небольшое такое увеличение привело бы к выплате дополнительных сотен миллиардов долларов по ипотечным кредитам. Десять миллионов американцев приобрели дома в кредит на условиях плавающей процентной ставки, привязанной к федеральным учетным ставкам. Если Конгресс не повысит предел государственного долга, людям вдобавок к своим ежемесячным платежам по ипотечным кредитам придется платить то, что Ал Гор назвал «доплатой Гингрича». Республиканцам стоило хорошо подумать, прежде чем провоцировать дефолт в Америке.

В начале октября в Америку снова приехал Папа Римский, и мы с Хиллари отправились на встречу с ним в Ньюарк, в величественный собор, построенный в готическом стиле. Как и во время встреч в Денвере и Ватикане, мы беседовали с Его Святейшеством с глазу на глаз и в основном говорили о Боснии. Папа одобрил наши усилия, направленные на достижение мира, и высказал мысль, которая мне запомнилась: он сказал, что XX столетие началось с войны, причиной которой были события в Сараево, и я не должен допустить, чтобы оно закончилось еще одной войной в Сараево.

После нашей встречи Папа дал мне хороший политический урок. Во-первых, из собора он отправился в церковь, пару миль до собора проехав в своем «папамобиле» с крышей из прозрачного пуленепробиваемого стекла, и по дороге махал рукой толпе, собравшейся на улице, чтобы его приветствовать. К тому времени, когда он добрался до церкви, люди, пришедшие на встречу с ним, уже заняли свои места. Мы с Хиллари сидели на передней скамье вместе с местными и федеральными руководителями и видными католиками из штата Нью-Джерси. Массивные дубовые двери распахнулись, и появился Папа в своем великолепном белом облачении и тиаре. Прихожане встали и начали аплодировать. Когда Папа пошел по проходу, простирая руки, чтобы до них могли дотронуться люди по обе стороны от прохода, аплодисменты переросли в овацию. Я обратил внимание на группу монахинь, которые, встав на скамью, визжали, как девочки-подростки на рок-концерте. Когда я спросил о них у своего соседа, тот объяснил, что монахини принадлежали к ордену кармелиток, члены которого живут в полной изоляции от общества. Папа же дал им разрешение прибыть в собор. Он прекрасно знал, как воодушевить толпу. Я только покачал головой и сказал: «Не хотел бы я соперничать на выборах с таким человеком».

На следующий день после встречи с Папой мы добились значительного успеха в Боснии. Я объявил о том, что все стороны согласились на прекращение огня. Через неделю Билл Перри заявил, что выполнение этого соглашения потребует отправки в Боснию сил НАТО. Кроме того, поскольку наша обязанность участвовать в миссиях НАТО была совершенно очевидной, он считал, что для этого нам не нужно получать предварительного одобрения Конгресса. Я подумал, что Доул и Гингрич, узнав об этом, почувствуют облегчение: оба они были интернационалистами и понимали, что нужно делать, но множество республиканцев в обеих палатах Конгресса имели совершенно иное мнение по этому вопросу.

Пятнадцатого октября, на встрече в Коннектикутском университете, куда я приехал вместе с моим другом сенатором Крисом Доддом, чтобы участвовать в церемонии открытия исследовательского центра, носившего имя его отца, я подтвердил свою решимость закончить войну в Боснии и призвать к ответу тех, кто совершил военные преступления. Перед тем как стать сенатором, отец Криса Том Додд был судьей на Нюрнбергском процессе. В своем выступлении я высказался в поддержку трибуналов для лиц, совершивших военные преступления в бывшей Югославии и Руанде. Мы помогали этим трибуналам деньгами и специалистами. Кроме того, я поддерживал идею учреждения постоянного трибунала, который будет заниматься военными преступлениями и другими серьезными нарушениями прав человека. Эта идея привела к созданию Международного суда.

Пока я, находясь в США, занимался проблемами Боснии, Хиллари вновь отправилась в зарубежное турне — на этот раз в Латинскую Америку. После окончания холодной войны, когда Америка осталась единственной в мире военной, экономической и политической сверхдержавой, каждая страна стремилась заручиться нашей поддержкой, и, как правило, в наших интересах было ей эту поддержку оказать.

Но в тот момент, а особенно во время бюджетных битв в Конгрессе, я не мог никуда уехать. В результате Алу Гору и Хиллари пришлось совершить необычайно большое число важных зарубежных поездок. В какую бы страну они ни приезжали, ее жители знали, что они выступают от имени Соединенных Штатов и от моего имени, и каждая такая поездка укрепляла наши позиции в мире.

Двадцать второго октября я вылетел в Нью-Йорк на празднование 50-й годовщины создания Организации Объединенных Наций, намереваясь использовать это событие, чтобы призвать международное сообщество к более активному сотрудничеству в борьбе против терроризма, распространения оружия массового поражения, организованной преступности и торговли наркотиками. В том месяце шейх Омар Абдель Рахман и еще девять людей были признаны виновными в первом взрыве в Центре международной торговли, а в Колумбии были арестованы несколько руководителей печально известного наркокартеля Кали. В своем выступлении я коротко рассказал о действиях, которые должны были закрепить эти успехи, включая борьбу с отмыванием денег во всем мире, арест банковских счетов террористов и торговцев наркотиками (такому аресту по моему

приказу только что были подвергнуты счета колумбийских наркокартелей), отказ в предоставлении убежища террористам и членам организованных преступных групп; закрытие «серых рынков», снабжавших оружием и поддельными документами террористов и наркодельцов; усиление взаимодействия полицейских органов государств для повышения уровня подготовки полицейских и обеспечения их современными технологиями; ратификацию конвенции о запрещении химического оружия; более строгое соблюдение конвенции о запрещении биологического оружия.

На следующий день я возвратился в Гайд-Парк, где должна была состояться моя девятая встреча с Борисом Ельциным. Ельцин только что поправился после болезни. Дома он подвергался ожесточенным нападкам ультранационалистов, недовольных расширением НАТО и агрессивной ролью Соединенных Штатов в противостоянии с боснийскими сербами. Днем раньше Ельцин выступил с резкой речью в ООН, рассчитанной в основном на «внутреннего потребителя», и я видел, что он находится под воздействием сильного стресса.

Желая помочь ему освоиться и успокоиться, я полетел с ним на моем вертолете в Гайд-Парк, чтобы он смог насладиться живописным осенним пейзажем в долине реки Гудзон в этот необычайно теплый для осени день. Прибыв на место, мы расположились во дворе старого дома, откуда открывался замечательный вид на реку, и беседовали, сидя в тех самых креслах, в которых сидели Рузвельт с Черчиллем, когда последний посетил США во время Второй мировой войны. Потом я пригласил его в дом и показал бюст Рузвельта работы русского скульптора и портрет матери президента, написанный братом этого скульптора, а также записку, которую Франклин Делано Рузвельт послал Сталину, информируя его о дате высадки союзников в Нормандии.

Все утро мы с Борисом обсуждали сложную политическую ситуацию. Я напомнил ему, что сделал все, что было в моих силах, чтобы поддержать его, и заверил его, что, хотя мы и придерживаемся различных позиций по вопросу расширения НАТО, я постараюсь помочь ему в решении этой проблемы.

После ланча мы вернулись в дом, чтобы поговорить о Боснии. Стороны конфликта готовились прибыть в Соединенные Штаты для переговоров о его, как мы надеялись, окончательном урегулировании. Достижение урегулирования зависело от действий многонациональных сил под руководством НАТО и участия в этой операции российского контингента, которое должно было стать для боснийских сербов гарантией того, что с ними обойдутся справедливо. Борис в конце концов согласился отправить в Боснию российские войска, однако сказал, что они не должны подчиняться натовским генералам. Хотя, добавил он, у него нет возражений против того, чтобы они «находились под руководством американского генерала». Я согласился на это, с условием, что его войска не будут препятствовать действиям и приказам командования НАТО.

Я сожалел, что дома Ельцин попал в такое тяжелое положение. Да, он совершал ошибки, но, несмотря на все трудности, вел Россию в верном направлении. Я все еще был уверен, что он победит на выборах.

На состоявшейся после нашей встречи пресс-конференции я сказал, что мы достигли прогресса по проблеме Боснии и будем вместе добиваться ратификации Договора об ограничении стратегических вооружений СНВ-2 и работать над тем, чтобы добиться полного запрета на проведение ядерных испытаний к 1996 году. Это было хорошее заявление, но все аплодисменты сорвал Ельцин. Он заявил прессе, что покидает нашу встречу в более оптимистическом настроении по сравнению с тем, каким оно было у него тогда, когда он направлялся на нее, а газеты предсказывали, что наш саммит «будет катастрофой». «Ну что ж, теперь я впервые могу сказать вам, что катастрофа — это вы», — заявил он. Я чуть не свалился со стула от смеха. То же происходило и с журналистами. Я лишь смог сказать им: «Постарайтесь не перепутать, кому именно принадлежат эти слова». Ельцину все сходило с рук. Можно только догадываться, как бы он отвечал на вопросы, подобные тем, которые задавали мне в связи с делом «Уайтуотер».

На «внутреннем фронте» в октябре не произошло никаких потрясений: «бюджетный горшок» лишь начинал закипать. В этом месяце Ньют Гингрич решил не проводить голосования по законопроекту о реформировании лоббистской деятельности, а я наложил вето на законопроект об ассигнованиях на нужды аппарата законодательной власти. Закон о лоббировании требовал от лоббистов сообщать о своей деятельности и ограничивал стоимость подарков, поездок и обедов в целях «стимулирования» законодателей весьма скромным уровнем. Республиканцы получали очень солидные средства от лоббистов, принимая законы, которые предоставляли налоговые льготы, субсидии и возможность использовать более мягкие экологические стандарты широкому кругу групп, объединенных общими интересами. Гингричу не было смысла менять эту благоприятную для его партии ситуацию. Я наложил вето на законопроект об ассигнованиях на нужды аппарата законодательной власти, потому что, если не считать закона об ассигнованиях на оборонные нужды, это был единственный законопроект, одобренный Конгрессом в текущем налоговом году, а я не считал, что конгрессмены должны в первую очередь заботиться об ассигнованиях для самих себя. Я не хотел накладывать на него вето и попросил лидеров республиканцев придержать его, пока мы не закончим с рядом других бюджетных законопроектов, но они все же прислали мне его на утверждение.

В то время, когда шла битва за бюджет, мы с министром энергетики Хейзел О'Лири получили доклад Экспертного совета об опытах по воздействию радиации на человеческий организм, в котором сообщалось о тысячах экспериментов, проведенных в годы холодной войны в университетах, больницах и на военных базах. Большинство из них не противоречило этическим нормам, но были и другие. В ходе одного из экспериментов ученые ввели плутоний восемнадцати пациентам, которые об этом даже не подозревали; в другом случае врачи подвергли больных раком чрезмерному воздействию радиации, зная, что это не принесет больным облегчения. Я приказал предоставить мне отчет об экспериментах, проводящихся в настоящее время, и пообещал в случае необходимости выплатить компенсации

всем пострадавшим. Опубликование этой ранее засекреченной информации было одним из элементов политики открытости и гласности, которую я проводил в годы своего президентства. Мы уже рассекретили тысячи документов времен Второй мировой войны, холодной войны и материалов, относящихся к покушению на президента Кеннеди.

В конце месяца мы с Хиллари праздновали двадцатую годовщину нашей свадьбы. Я подарил ей красивое бриллиантовое кольцо, чтобы отметить эту важную веху в нашей жизни и компенсировать то печальное обстоятельство, что в то время, когда она согласилась выйти за меня замуж, у меня не было денег, чтобы подарить ей кольцо в честь нашей помолвки. Хиллари любила это тонкое кольцо с маленькими бриллиантами и носила его как напоминание о том, что, несмотря на все радости и горести нашей совместной жизни, мы все еще очень близки.

Суббота, 4 ноября, обещала стать удачным днем. Тремя днями ранее на военно-воздушной базе Райт-Паттерсон в Дейтоне, штат Огайо, начались переговоры о достижении мира в Боснии; мы только что одержали победу на голосовании в Конгрессе, не позволив провести семнадцать поправок, урезавших бюджет Агентства по охране окружающей среды. Я записал свое обычное субботнее радиообращение к нации, возражая в нем против ряда других сокращений бюджета, на которых настаивали республиканцы, и наслаждался редким в последнее время покоем, когда в мою резиденцию позвонил Тони Лэйк и сообщил, что после многолюдного митинга в поддержку мира в Тель-Авиве был ранен Ицхак Рабин. В него стрелял не палестинский террорист, а молодой израильтянин, студент-юрист Игаль Амир, выступавший против передачи палестинцам Западного берега реки Иордан, включая земли, на которых находились израильские поселения.

Ицхака тут же увезли в госпиталь, и довольно долго нам не удавалось узнать, насколько серьезно его ранение. Я позвонил Хиллари, работавшей над книгой на втором этаже, и сообщил ей о произошедшем. Она спустилась вниз и некоторое время сидела рядом, стараясь меня успокоить. Мы вспомнили, как я встречался с Ицхаком всего десять дней назад, когда он приехал в Соединенные Штаты, чтобы вручить мне премию Исаяи, присуждаемую крупнейшей еврейской организацией «Объединенный еврейский призыв». Это был замечательный вечер. Ицхак, не любивший одеваться официально, пришел на церемонию, надев вместо положенного черного костюма с черной бабочкой темный костюм и обычный галстук. Он одолжил бабочку у моего помощника Стива Гудина, и я сам поправил ему ее, перед тем как мы вышли к публике. Когда Ицхак вручал мне награду, он настоял, чтобы я, как герой торжества, стоял справа от него, хотя по протоколу именно иностранные лидеры должны стоять справа от президента. «Сегодня мы изменим этот порядок», — сказал он, и я ответил ему, что, наверное, прав, поскольку люди, представлявшие «Объединенный еврейский призыв», были скорее его людьми, чем моими. Я надеялся, что мы с ним опять сможем смеяться и шутить, как в тот день, хотя надежды было мало.

Через двадцать пять минут после первого звонка Тони позвонил снова, чтобы сообщить, что состояние Рабина тяжелое, но больше пока ничего не известно. Я повесил трубку и сказал Хиллари, что хочу спуститься в Овальный кабинет. Поговорив со своими сотрудниками и походив пять минут взад-вперед по кабинету, я захотел побыть один, поэтому взял клюшку для гольфа, пару мячей и отправился на Южную лужайку Белого дома, где молил Господа сохранить Ицхаку жизнь, бесцельно гонял мячи и ждал.

Через десять или пятнадцать минут я увидел, как дверь Овального кабинета открылась и оттуда вышел Тони Лэйк. Он направился ко мне по мощеной камнем дорожке, и по выражению его лица я понял, что Ицхак скончался. Когда Тони сообщил мне об этом, я попросил его вернуться в Овальный кабинет и подготовить для меня текст заявления.

За два с половиной года, что мы проработали вместе, у нас с Рабином сложились очень тесные отношения, для которых были характерны искренность, доверие и удивительное взаимопонимание. Мы стали друзьями, и это была уникальная дружба — дружба двух людей, которые сообща борются за то, что считают важным и правильным. С каждой новой встречей я проникался к нему все большим уважением и все больше беспокоился о нем. К тому времени, когда он был убит, я любил его так, как любил очень немногих людей в моей жизни. Думаю, подсознательно я всегда чувствовал, что он рискует своей жизнью, но просто не мог себе представить, что когда-нибудь его не станет, и не знал, как смогу обойтись без него на Ближнем Востоке. Глубоко потрясенный, я вернулся наверх, чтобы пару часов побыть с Хиллари.

На следующий день мы с Хиллари и Челси отправились в методистскую церковь «Фаундри» с нашими гостями из Литл-Рока — Виком и Сюзан Флеминг и их дочерью Элизабет — одной из самых близких подруг Челси. Это был День Всех Святых, и во время службы постоянно произносилось имя Рабина. Челси и еще одна девочка прочли фрагмент из «Исхода», второй книги Ветхого Завета, в котором Моисей услышал голос Бога, раздавшийся из неопалимой купины. Наш пастор, Фил Уогаман, сказал, что площадь в Тель-Авиве, где погиб Рабин, «стала святым местом»

Приняв причастие, мы с Хиллари поехали в израильское посольство, чтобы повидаться с послом Рабиновичем и его супругой и расписаться в книге соболезнований, которая лежала в Иерусалимском зале посольства рядом с большой фотографией Рабина. К тому времени, когда мы приехали, Тони Лэйк и Деннис Росс, наш полномочный посланник на Ближнем Востоке, уже прибыли в посольство и сидели в зале в скорбном молчании. Мы с Хиллари расписались в книге соболезнований и отправились домой готовиться к отлету в Иерусалим для участия в похоронах.

Нас сопровождали экс-президенты Картер и Буш, лидеры Конгресса и более тридцати других сенаторов и членов Палаты представителей, генерал Шаликашвили, бывший государственный секретарь Джордж Шульц и несколько видных бизнесменов. Как только самолет приземлился, мы с Хиллари отправились в дом Рабина, чтобы увидеться с его женой Лией. Она была убита горем, но старалась не показывать этого, чтобы поддержать свою семью и свою страну.

На похоронах присутствовали король Хусейн и королева Нур, президент Мубарак и другие иностранные лидеры. Арафат также собирался приехать, но ему посоветовали этого не делать, поскольку его присутствие могло спровоцировать беспорядки в Израиле. Мубарак, на которого недавно было совершено покушение, тоже рисковал, однако не побоялся приехать. Хусейн и Нур были потрясены смертью Рабина: они искренне его любили и высоко

ценили его роль в мирном процессе. Убийство Ицхака стало болезненным напоминанием его арабским партнерам о том, на какой риск шли они сами ради достижения мира.

Хусейн произнес прекрасную речь, а внучка Рабина Ноа Бен Артци-Пеллоссоф, которая в это время проходила обязательную службу в израильской армии, растрогала аудиторию, обратившись к своему деду со словами: «Дедушка, ты был костром, согревающим наш лагерь, и теперь мы остались одни во тьме, и нам холодно». В своем коротком выступлении я призвал народ Израиля следовать по пути, намеченному его погибшим лидером. В течение всей недели евреи во всем мире читали те страницы Торы, где рассказывалось о том, как Бог приказал Аврааму принести в жертву его любимого сына Исаака, или Ицхака, а потом, когда Авраам выразил свою готовность сделать это, пощадил мальчика. «Теперь Бог подверг нашу веру еще более тяжелому испытанию: он забрал нашего Ицхака. Но договор Израиля с Богом, договор о свободе, терпимости, безопасности и мире, должен быть выполнен. Этот договор был делом всей жизни премьер-министра Рабина. Теперь мы должны считать это его завещанием», — сказал я в своем выступлении, закончив его словами: «*Шалом, чавер*».

Вышло так, что именно эти два слова — *Шалом, чавер* (*Прощай, друг*) — отразили чувства израильтян по отношению к Рабину. В моем аппарате было несколько евреев, говоривших на иврите и знавших о моем отношении к Рабину. Я и сегодня благодарен им за то, что они подсказали мне тогда эти слова. Шимон Перес позже объяснил мне, что слово *чавер* значит больше, чем просто друг, — оно отражает душевное родство людей, которые борются за общее дело. Вскоре эту фразу — «*Шалом, чавер*» — можно было увидеть на плакатах и наклейках на бамперах автомобилей по всему Израилю.

После похорон я провел несколько встреч с лидерами других стран в отеле «Царь Давид», из которого открывается великолепный вид на Старый город, а затем вылетел в Вашингтон. Было 4:30 утра, когда мы, усталые, сходили с самолета, приземлившегося на летном поле военно-воздушной базы Эндрюс, надеясь хоть немного отдохнуть перед тем, как бюджетная битва вступит в свою заключительную фазу.

С 1 октября — начала нового финансового года — правительство обычно работало на основе «продлеваемой резолюции»*, которой определялись ассигнования для министерств до принятия нового бюджета. Не было ничего необычного в том, что к началу нового финансового года Конгресс не утверждал законопроект об ассигнованиях для одного-двух министерств, но теперь все правительство работало на основе «продлеваемой резолюции», и конца этому не было видно. В первые же два года моего президентства, когда Конгресс находился под контролем демократов, бюджет утверждался вовремя.

Я предложил план, который позволял добиться сбалансированного бюджета за десять лет, а потом еще один, позволявший сделать это за девять

---

* Резолюция Конгресса США, устанавливающая расходы на уровне предшествующего года и действующая до утверждения закона об ассигнованиях. — *Прим. ред.*

лет, к 2004 году, но наши разногласия с республиканцами все еще были слишком глубоки. Все наши эксперты считали, что сокращения программ «Медикэр» и «Медикэйд», образовательных и экологических программ и налогового кредита на заработанный доход, на которых настаивали республиканцы, были значительнее, чем того требовали предложенное ими сокращение налогов и необходимость добиться сбалансированного бюджета даже не за девять, а за семь лет. У нас были расхождения в оценках экономического роста, увеличения затрат на здравоохранение и прогнозируемых доходов. Когда республиканцы контролировали Белый дом, они постоянно преувеличивали доходы и недооценивали расходы. Я был твердо намерен не повторить этой ошибки и всегда использовал консервативные оценки, позволявшие нам добиваться больших сокращений дефицита, чем планировалось.

Теперь, когда республиканцы получили большинство в Конгрессе, они слишком далеко зашли в противоположном направлении, недооценивая экономический рост и доходы и переоценивая рост медицинских расходов, несмотря на то что сами пропагандировали организации по предоставлению медицинских услуг как надежный способ сокращения медицинских расходов. Их стратегия, похоже, была логичным развитием совета, который Уильям Кристол дал в своем меморандуме Бобу Доулу, предлагая ему заблокировать любые инициативы в сфере здравоохранения. Если бы им удалось сократить финансирование программ «Медикэр», «Медикэйд», сферы образования и программ охраны окружающей среды, льготы представителям среднего класса за счет уплаченных ими налогов уменьшились бы. В результате американцы стали бы еще менее охотно платить налоги, а, следовательно, стали бы более восприимчивы к призывам республиканцев о снижении налогов и к республиканской избирательной стратегии, делающей упор на таких острых, конфликтных социальных вопросах, как аборт, права гомосексуалистов и контроль над оружием.

Главный специалист по бюджету при президенте Рейгане Дэвид Стокман признался, что республиканская администрация намеренно принимала бюджеты с огромным дефицитом, чтобы создать кризис и «держать на голодном пайке» внутренний бюджет. Ей удалось добиться снижения финансирования нашего общего будущего, но она все же не осмелилась отменить его полностью. Теперь республиканцы Гингрича пытались использовать сбалансированный бюджет, рассчитанный на основе ничем не подкрепленных прогнозов доходов и расходов, чтобы завершить эту работу. Я был полон решимости остановить их: будущее нашей страны висело на волоске.

Десятого ноября, за три дня до окончания срока действия «продлеваемой резолюции», Конгресс бросил мне еще один вызов, предложив заплатить за сохранение финансирования правительства утверждением новой «продлеваемой резолюции». Новая резолюция предусматривала увеличение на 2,5 процента страховых взносов для лиц, пользующихся программой «Медикэр», уменьшение ассигнований на образовательные и экологические программы и ослабление законодательства в области охраны окружающей среды.

На следующий день, всего через неделю после убийства Рабина, в своем радиообращении я рассказал о попытках республиканцев проташить бюджет «через заднюю дверь», используя «продлеваемую резолюцию». Это был День ветеранов, и я подчеркнул, что среди тех пожилых людей, чьи расходы на «Медикэр» возрастут, — восемь миллионов ветеранов. В драконовских сокращениях, предлагаемых республиканцами, не было никакой необходимости: уровень безработицы и инфляции был самым низким за последние двадцать пять лет; процентная доля федеральных служащих по отношению ко всей численности занятых — самой маленькой с 1933 года, бюджетный дефицит продолжал снижаться. Я по-прежнему хотел сбалансировать бюджет, но так, чтобы это «соответствовало нашим фундаментальным ценностям» и «без угроз и межпартийной вражды».

В понедельник вечером мне наконец прислали из Конгресса законопроект по вопросу о повышении предела государственного долга. Этот документ, еще более опасный, чем «продлеваемая резолюция», был не чем иным, как очередной скрытой попыткой проташить урезанный бюджет и ослабить экологическое законодательство. Конгресс, кроме того, лишил министра финансов права гибко управлять финансами в чрезвычайных ситуациях, которым тот пользовался со времен Рейгана, чтобы иметь возможность избежать дефолта. Хуже того, предусматривалось, что через тридцать дней предел государственного долга вновь будет понижен, что практически делало дефолт неизбежным.

Гингрич уже с апреля угрожал прекратить финансирование правительства и вызвать дефолт, если я не соглашусь с его проектом бюджета. Я не знал, действительно ли он хотел это сделать или просто поверил оценкам, которые пресса давала мне в течение первых двух лет моего президентского срока, изображая меня человеком слабым, готовым отказаться от своих обязательств, несмотря на многочисленные доказательства прямо противоположного характера. Если он в это поверил, ему следовало внимательнее следить за реальными событиями.

В полночь 13 ноября истекала действующая «продлеваемая резолюция», и участники переговоров собрались в очередной раз, чтобы попытаться преодолеть наши разногласия до того, как работа правительства будет парализована. В этом совещании приняли участие Доул, Гингрич, Арми, Дэшл и Гепхардт, а также Ал Гор, Леон Панетта, Боб Рубин, Лора Тайсон и другие члены нашей команды. Атмосфера и без того была напряженной, когда Гингрич начал встречу с критики наших телевизионных клипов. Первые клипы в ряде штатов мы запустили в июне, чтобы подчеркнуть достижения нашей администрации — прежде всего, принятие пакета законов по борьбе с преступностью. После Дня труда разгорелись бюджетные дебаты, и мы выпустили новые клипы, в которых говорилось о предложенных республиканцами сокращениях бюджета, в частности за счет финансирования программ «Медикэр» и «Медикэйд». Выслушав Ньюта, Леон Панетта язвительно напомнил ему обо всех тех ужасных вещах, которые он говорил обо мне перед выборами 1994 года: «Мистер спикер, вы сами не можете похвастать безупречным поведением».

Доул попытался успокоить присутствовавших, сказав, что не собирается прекращать финансирование правительства. В этот момент вмешался Дик Арми, заявивший, что Доулу не стоит говорить за всех республиканцев Палаты представителей. Арми был крупным мужчиной, постоянно носившим ковбойские сапоги и всегда находившимся в возбужденном состоянии. Он разразился тирадой о том, что конгрессмены-республиканцы полны решимости не отступать от своих принципов, и сообщил, что его очень разозлило то, что мои телевизионные клипы о сокращении программы «Медикэр» напугали его престарелую тещу. Я ответил, что ничего не знал о его теще, и добавил, что в случае утверждения предлагаемых республиканцами бюджетных сокращений многие пожилые люди будут вынуждены покинуть дома престарелых или отказаться от медицинского обслуживания на дому.

Арми грубо возразил мне, что, если я не уступлю, они остановят работу правительства и с моим президентством будет покончено. Я парировал, ответив, что никогда не позволю предложенному ими проекту бюджета стать законом — даже если опросы общественного мнения покажут, что мой рейтинг опустился до 5 процентов. «Если вы хотите, чтобы ваш бюджет был утвержден, вам нужно посадить в мое кресло кого-нибудь другого!» — сказал я. Неудивительно, что мы не сумели договориться.

Мое столкновение с Арми произвело сильное впечатление на Дэшла, Гепхардта и всю мою команду. После этой встречи Ал Гор сказал, что ему хотелось бы, чтобы вся Америка услышала мое заявление, однако с одной поправкой: мне следовало сказать, что я не уступлю, даже если мой рейтинг станет нулевым. Я посмотрел на него и сказал: «Нет, Ал. Если наш рейтинг упадет до четырех процентов, я сдамся», — и мы засмеялись, несмотря на то, что все, естественно, очень нервничали, хоть и не подавали вида.

Я наложил вето и на предложение по «продлеваемой резолюции», и на законопроект о пределе государственного долга, и на следующий день работа значительной части федерального правительства была приостановлена. В отпуску было отправлено почти 800 тысяч сотрудников, что вызвало массу проблем в жизни миллионов американцев. Многие из них не смогли оформить заявки в фонды социального страхования, получить льготы, предусмотренные для ветеранов, или кредиты на развитие бизнеса, провести проверку соблюдения техники безопасности на рабочих местах, посетить национальные парки и т.д. Тогда Боб Рубин сделал необычный ход, заняв 61 миллиард долларов у пенсионных фондов, чтобы выплатить наш долг и еще на некоторое время отодвинуть дефолт.

Неудивительно, что республиканцы пытались возложить ответственность за прекращение финансирования правительства на меня, и я боялся, что у них это получится, вспоминая, как им удалось свалить на меня вину за межпартийные конфликты перед выборами 1994 года. Однако ситуация для меня несколько улучшилась, когда на завтраке с журналистами 15 сентября Гингрич намекнул, что его решение по «продлеваемой резолюции» было связано с тем, что я унизил его, когда мы возвращались с похорон Рабина. Он был уязвлен тем, что я не стал разговаривать с ним о бюджете

во время полета и попросил сойти с самолета по заднему трапу, а не по переднему, вместе со мной. Гингрич сказал: «Это мелочь, но думаю, что по-человечески это вполне понятно... с вами не желают говорить, предлагают вам сойти с самолета по заднему трапу... Поневолу задумаешься, есть ли у таких людей хоть малейшее представление о приличиях». Возможно, мне и стоило обсудить бюджет на обратном пути, но я тогда не мог заставить себя думать ни о чем другом, кроме цели нашего печального визита и будущего мирного процесса. Во время полета я в действительности общался и со спикером, и с участниками делегации Конгресса, о чем свидетельствует сделанная на борту самолета фотография, на которой запечатлена наша беседа с Ньютом и Бобом Доулом. Что же касается предложения сойти с самолета по заднему трапу, то сотрудники моего аппарата считали, что этим они, напротив, проявили заботу о Гингриче и других конгрессменах, так как этот трап находился ближе к их автомобилям. Поскольку все происходило ранним утром, в 4:30, на летном поле не было репортеров, которые обязательно бы заметили, кто по какому трапу спускался. Представитель Белого дома опубликовал фотографию, сделанную во время нашей беседы в самолете, и пресса подняла на смех жалобы Гингрича.

Шестнадцатого сентября на пресс-конференции я продолжал убеждать республиканцев прислать мне нормальную «продлеваемую резолюцию» и начать конструктивные переговоры по бюджету, несмотря на то что они угрожали направить мне то же самое неприемлемое предложение. Вечером предыдущего дня я подписал закон «Об ассигнованиях на нужды Министерства транспорта» — это был всего лишь четвертый из тринадцати бюджетных законопроектов, которые мне предстояло утвердить, поэтому я отменил свою запланированную поездку на встречу руководителей Азиатско-Тихоокеанского региона, которая должна была состояться в Японии, в Осаке.

Девятнадцатого ноября я сделал шаг навстречу республиканцам, сказав, что в принципе готов рассмотреть проект, который позволит устранить бюджетный дефицит за семь лет, но ни за что не соглашусь на предлагаемые ими сокращения налогов и расходов. Экономика продолжала расти, дефицит бюджета снижался быстрее, чем ожидалось. Панетта, Элис Ривлин и наша команда экономистов полагали, что теперь мы сможем сбалансировать бюджет за семь лет, причем без резких сокращений расходов, на которых настаивали республиканцы. Я подписал еще два закона об ассигнованиях для законодателей и Министерства финансов, почтовой службы и общих расходов правительства. После того как шесть из необходимых тринадцати законопроектов были утверждены, около 200 тысяч из 800 тысяч федеральных служащих смогли вернуться на работу.

Утром 21 ноября Уоррен Кристофер позвонил мне из Дейтона, чтобы сообщить, что президенты Боснии, Хорватии и Сербии достигли мирного соглашения, которым прекращалась война в Боснии. Это соглашение закрепило статус Боснии как целостного государства, состоящего из двух частей — Боснийско-Хорватской Федерации и Боснийской Сербской Республики, — и уре-

гулировало территориальные конфликты, из-за которых началась война. Сараево оставалось столицей единого боснийского государства. Национальное правительство должно было заниматься вопросами, касающимися международных отношений, торговли, иммиграции, предоставления гражданства и монетарной политики. Каждая из двух федераций имела собственную полицию. Беженцы получали возможность вернуться домой, населению гарантировалась свобода передвижения по стране. Международные наблюдатели должны были осуществлять мониторинг соблюдения гражданских прав и обучения полиции, а лица, обвиненные в военных преступлениях, лишались возможности участвовать в политической жизни. Мощные международные силы под командованием НАТО должны были обеспечить разделение враждующих сторон и соблюдение мирного соглашения.

Разработка плана мирного урегулирования для Боснии потребовала больших усилий, некоторые из содержащихся в нем условий было нелегко принять обеим сторонам, однако он положил конец кровавой войне, унесшей почти 25 тысяч жизней и заставившей более двух миллионов людей покинуть свои дома. США сыграли решающую роль в том, чтобы заставить НАТО действовать более энергично и предпринять заключительные дипломатические шаги. Наши усилия в значительной степени были поддержаны военными успехами хорватских и боснийских сил и решительным отказом Изетбеговича и его товарищей отступить перед лицом сербской агрессии.

Заключительное соглашение во многом было заслугой Дика Холбрука и его команды переговорщиков: Уоррена Кристофера, который в критические моменты помог боснийцам выстоять, а потом — заключить соглашение; Тони Лэйка, выдвинувшего наши мирные инициативы, убедившего союзников поддержать их и вместе с Холбруком настоявшего, чтобы заключительные переговоры проходили в Соединенных Штатах; Сэнди Бергера, который был председателем на совещаниях заместителей министров, что позволяло им, насколько это было уместно, находиться в курсе событий, происходящих в сфере национальной безопасности; Мадлен Олбрайт, энергично поддерживавшей нашу активную наступательную позицию в Организации Объединенных Наций. Выбор авиабазы Райт-Паттерсон в Дейтоне в качестве места переговоров был тщательно продуман нашей командой. Это место находилось в Соединенных Штатах, но достаточно далеко от Вашингтона, чтобы избежать утечки информации, а здание, в котором велись переговоры, давало возможность «тесного общения», что позволило Холбруку и его команде решить все сложные вопросы.

Двадцать второго ноября, проведя двадцать один день в Дейтоне, Холбрук и его команда прибыли в Белый дом. После того как я принес им свои поздравления, мы приступили к обсуждению наших дальнейших шагов. Нам предстояла сложная работа — убедить обитателей Капитолийского холма и американский народ в необходимости отправки в Боснию наших войск. Согласно данным последних опросов, американцы в основном одобряли подписание мирного соглашения, однако их подавляющее большинство все еще было против посылки войск США в Боснию. Ал Гор открыл

совещание, сообщив, что позиция военных пока еще не слишком способствует решению проблемы. Тогда я сказал генералу Шаликашвили, что, насколько мне известно, лично он поддерживает наше участие в операции в Боснии, но о многих его коллегах этого пока сказать нельзя. Ал и я постарались объяснить собравшимся, что настал час, когда для реализации этой программы нужна помощь всех членов правительства, а не только военных, и наше заявление имело необходимый эффект.

Мы уже заручились поддержкой ряда влиятельных конгрессменов, в частности сенаторов Лугара, Байдена и Либермана. Нас поддержали и многие другие, но с оговорками, сказав, что вначале хотели бы увидеть четкую стратегию «выхода из Боснии». Чтобы увеличить число наших сторонников, я пригласил членов Конгресса в Белый дом, а Кристофера, Перри, Шаликашвили и Холбрука отправил на Капитолийский холм. Наша задача усложнялась текущими дебатами о бюджете. Правительство пока еще продолжало работать, но республиканцы угрожали вновь парализовать его 15 декабря.

Двадцать седьмого ноября я выступил с обращением к американскому народу по вопросу участия США в событиях в Боснии. В этом обращении, записанном в Овальном кабинете, я сказал, что наши дипломаты сумели добиться подписания Дейтонских соглашений, а от наших войск требуется не вести в Боснии военные действия, а помочь сторонам конфликта реализовать мирный план, который соответствует нашим стратегическим интересам и фундаментальным ценностям.

Поскольку двадцать пять других стран уже согласились прислать войска, американские солдаты должны были составить лишь треть от необходимых 46 тысяч военнослужащих. Я пообещал, что их миссия будет четко определенной, ограниченной и вполне выполнимой, а войска будут хорошо подготовлены и вооружены, чтобы свести вероятность потерь к минимуму. После этого обращения я был уверен, что сделал все от меня зависящее, чтобы наша страна приняла на себя руководство силами по обеспечению мира и свободы. Я надеялся, что мне удалось изменить общественное мнение и теперь Конгресс по крайней мере не будет пытаться препятствовать посылке наших войск в Боснию.

В дополнение к аргументам, которые я высказал в своей речи, Соединенные Штаты нуждались в поддержке боснийцев еще по одной причине: она должна была продемонстрировать мусульманам во всем мире, что США уважают ислам и будут помогать мусульманам, если те откажутся от террора и поддержат идеи мира.

Двадцать восьмого ноября, после подписания закона о предоставлении более пяти миллиардов долларов на проекты, связанные с транспортом, среди которых был и мой проект «нулевой терпимости» в отношении употребления алкоголя водителями младше двадцати одного года, я отправился в Великобританию и Ирландию, чтобы поддержать еще одну мирную инициативу. Несмотря на нашу активную деятельность на Ближнем Востоке и в Боснии и дискуссии по поводу бюджета, мы не забывали и о проблеме Северной Ирландии. Накануне моей поездки по нашему настоянию премьер-министры Мейджор и Брутон объявили о прорыве в развитии

мирного процесса в Северной Ирландии — плане «двойного пути», который предусматривал переговоры о разоружении сторон и разрешении политических разногласий. Все стороны, включая «Шин Фейн», должны были участвовать в переговорах под наблюдением международной комиссии, председателем которой согласился стать Джордж Митчелл. Приятно было лететь туда, откуда пришли хорошие новости.

Двадцать девятого ноября я встретился с Джоном Мейджором и выступил в британском парламенте, поблагодарив британцев за поддержку мирного процесса в Боснии и готовность сыграть важную роль в операциях НАТО в этом регионе. Я дал высокую оценку настойчивости Мейджора в деле достижения мира в Северной Ирландии, процитировав чудесные строки Джона Мильтона: «У мира есть победы, не менее прославленные, чем у войны». Я также в первый раз встретился с ярким молодым лидером оппозиции, Тони Блэром, который, возрождая лейбористскую партию, придерживался подхода, удивительно напоминающего тот, который мы пытались использовать в Демократическом руководящем совете*. Тем временем в США республиканцы изменили свое отношение к реформе лоббирования, и Палата представителей единогласно утвердила этот законопроект: за него был подан 421 голос, против — ни одного.

На следующий день я вылетел в Белфаст. Я стал первым американским президентом, посетившим Северную Ирландию, и это был первый из двух лучших дней моего президентства. По дороге в аэропорт я увидел людей, размахивающих американскими флагами и благодаривших меня за помощь в достижении мира. Прибыв в Белфаст, я остановился на Шанкилл-роуд — главной улице протестантов-юнионистов. В 1993 году в результате взрыва бомбы, произведенного бойцами ИРА, здесь погибло десять человек. Единственное, что было известно обо мне протестантам, — это то, что я дал визу на въезд в США их врагу Адамсу. Я хотел, чтобы они знали, что я стремился к достижению такого мира, который был бы справедливым и для них. Покупая цветы, яблоки и апельсины в местном магазине, я разговаривал с покупателями и обменивался с ними рукопожатиями.

Утром я встретился с персоналом фирмы Mackie International. Она выпускала текстильное оборудование, и на ней работали и католики, и протестанты. На этой встрече с обращением ко мне выступили двое детей. Один из них был протестантом, а другой католиком, и оба они заявили, что хотят мира. Я попросил собравшихся прислушаться к этим детям: «Только вы можете сделать выбор между конфликтами и единством, между жизнью, полной испытаний, и надеждой на лучшее». Лозунгом ИРА было «Наш день придет». Я призвал ирландцев заявить тем, кто все еще готовился прибегнуть к насилию: «Вы — в прошлом, ваш день уже прошел».

Потом я остановился на Фоллз-роуд в центре католического района Белфаста. Зайдя в булочную, я приветствовал находившихся там людей, число которых быстро росло. Одним из них был Джерри Адамс. Я сказал

---

* Умеренное крыло демократов, которое в 1990–1991 гг. возглавлял Билл Клинтон. — *Прим. ред.*

ему, что прочел его сборник коротких рассказов о Фоллз-роуд «Улица» (*The Street*), который помог мне лучше понять то, что пережили католики. Это было наше первое совместное появление на публике, и оно стало свидетельством его приверженности мирному процессу. Происходящее явно нравилось собравшейся восторженной толпе.

Во второй половине дня мы с Хиллари вылетели на вертолете в Дерри — самый католический город Северной Ирландии и родной город Джона Хьюма. Приветственными криками нас встретили 25 тысяч человек, заполнившие площадь Гилдхолл и прилегающие к ней улицы. После того как Хьюм меня представил, я задал собравшимся простой вопрос: «Вы предпочитаете, чтобы вас считали людьми, выступающими против чего-то или за что-то? Для вас важнее то, чем вы не являетесь, или чем являетесь? Пришло время триумфа сторонников мира в Северной Ирландии, и Соединенные Штаты поддержат тех, кто пойдет этим путем».

Вечером мы с Хиллари вернулись в Белфаст, чтобы принять участие в церемонии зажжения главной рождественской елки перед зданием городской ратуши, где собралось около 50 тысяч человек, которые согревались, распевая песню своего соотечественника Вана Моррисона*: «О, мама говорила мне, что придут такие дни». Мы оба обратились к ним: Хиллари говорила о тысячах писем, полученных нами от школьников, в которых они писали о своих надеждах на мир, а я процитировал одно из писем, написанное четырнадцатилетней девочкой из графства Арма: «Обе стороны испытали боль. Обе стороны должны простить». Я завершил свое выступление, сказав, что для Христа, чье рождение мы сегодня празднуем, «не было более важных слов, чем: “Благословенны миротворцы, ибо они наследуют землю”».

После того как зажглась елка, мы отправились на прием, куда были приглашены лидеры всех партий. На него пришел даже преподобный Ян Пейсли, пламенный лидер демократической юнионистской партии. Хотя он не захотел обменяться рукопожатием с лидерами католиков, но с удовольствием стал читать мне лекцию о моих ошибках. Через несколько минут его нравочений я подумал, что лидерам католиков явно повезло больше, чем мне.

После приема мы с Хиллари отправились на ночлег в отель «Европа». В эту первую поездку в Ирландию символичным оказался даже выбор отеля. В прошлом в «Европе» не раз взрывались бомбы, теперь же она стала достаточно безопасной, чтобы в ней мог остановиться президент Соединенных Штатов Америки.

Подходил к концу замечательный день: даже дома мы добились успеха, так как я подписал законопроект об ассигнованиях для Министерства обороны, в котором лидеры Конгресса предусмотрели финансирование отправки наших войск в Боснию. Доул и Гингрич пошли на это в обмен на выделение нескольких дополнительных миллиардов долларов на оборонные цели, которые даже по мнению Пентагона были излишними.

---

* Ван Моррисон — George Ivan (Van) Morrison — популярный ирландский рок-музыкант. — *Прим. пер.*

На следующее утро мы вылетели в Дублин, где на улицах собрались еще бóльшие толпы воодушевленных людей, чем те, что мы видели на севере. Мы с Хиллари встретились с президентом Мэри Робинсон и премьер-министром Брутоном, а затем отправились на Колледж-Грин, в Тринити-колледж, расположенный рядом с Банком Ирландии, где я обратился к аудитории, насчитывающей 100 тысяч ирландцев, которые, приветствуя нас, размахивали ирландскими и американскими флагами. К тому времени к нам присоединилась большая группа американских конгрессменов ирландского происхождения: министр образования Дик Райли и директор Корпуса мира Марк Гиран; мэры ирландского происхождения американских городов Чикаго, Питтсбурга и Лос-Анджелеса; мой отчим Дик Келли, также стопроцентный ирландец, и министр торговли Рон Браун, который готовил наши экономические инициативы для Северной Ирландии и поэтому шуточно уверял нас, что он «чернокожий ирландец». Я еще раз призвал это человеческое море показать пример, который вдохновит остальной мир.

После этого мы с Хиллари отправились к величественному зданию Банка Ирландии, где встретились с Боно, его женой Али и другими участниками ирландской рок-группы U2. Боно был горячим сторонником мирного процесса и в знак признания моих усилий вручил мне подарок, который, как он знал, я оценю, — сборник пьес Уильяма Батлера Йейтса* с автографом автора, на котором Боно без излишнего подобоострастия написал: «Биллу, Хиллари и Челси. У этого парня есть несколько неплохих стихов. — *Боно и Али*». Ирландцы никогда не славились склонностью к преуменьшениям, но Боно это вполне удалось.

После Колледж-Грин я направился в ирландский парламент, где выступил с обращением, в котором напомнил парламентариям, что всем нам нужно еще многое сделать, чтобы рядовые ирландцы смогли ощутить реальные плоды мира. Как сказал Йейтс, «слишком долгое жертвоприношение способно превратить сердце в камень».

Потом я зашел в паб Кэссиди, куда мы пригласили несколько моих дальних родственников со стороны матери, — семья ее бабушки когда-то жила в Ирландии, в графстве Фермана.

Полный впечатлений, я отправился в резиденцию американского посла, где Джин Кеннеди Смит организовала короткую встречу с лидером оппозиции Берти Ахерном, которому вскоре предстояло стать премьер-министром и моим новым партнером в развитии мирного процесса. Я также повидался с Симусом Хини — поэтом и нобелевским лауреатом, стихи которого за день до этого цитировал в Лондондерри.

На следующее утро, когда я летел в Германию, чтобы встретиться с находившимися там нашими военнослужащими, у меня было ощущение, что мой визит в Ирландию изменил психологическую атмосферу в этой стране. До этого сторонники мира должны были приводить скептикам

---

* Йейтс — William Butler Yeats (1865–1939) — ирландский поэт и драматург. — *Прим. пер.*

свои аргументы, тогда как их оппонентам достаточно было просто постоянно говорить «нет». После моего двухдневного визита оправдываться и объяснять свою точку зрения пришлось уже противникам мира.

В Баумхолдере генерал Джордж Джоулван, командующий силами НАТО, рассказал о плане военной операции и заверил меня в том, что моральный дух солдат, которые должны были отправиться в Боснию, находится на высоком уровне. Я провел короткую встречу с Гельмутом Колем, в ходе которой выразил ему признательность за решение послать в Боснию 4 тысячи немецких солдат, а потом вылетел в Испанию, чтобы поблагодарить премьер-министра Фелипе Гонзалеса, в то время президента Европейского союза, за поддержку Европой нашей инициативы. Я также отдал должное роли испанского министра иностранных дел Хавьера Соланы, исключительно способного политика и прекрасного человека, заражавшего своей убежденностью лидеров других стран НАТО.

Через три дня после возвращения домой я наложил вето на проект закона «О реформе судебных разбирательств по частным ценным бумагам», поскольку, по моему мнению, он заходил слишком далеко, ограничивая возможности обращения в суд наших безвинно пострадавших инвесторов, ставших жертвами мошенничества на фондовом рынке. Конгресс преодолел мое вето, но в 2001 году, когда произошли скандалы с компаниями Enron и WorldCom, я еще раз убедился в том, что поступил тогда правильно. Я наложил вето на очередной вариант бюджета, предложенный республиканцами. Они внесли в бюджет некоторые изменения и включили в него финансирование своего закона о реформе социального обеспечения, чтобы мне труднее было наложить на него вето. В то же время проект предусматривал сокращение расходов на здравоохранение и образование и повышение налогов для низкооплачиваемых наемных работников, отмену ограничений для пенсионных фондов, не позволяющих им использовать деньги пенсионеров на другие, не связанные с выплатой пенсий, цели, — причем всего через год после того, как демократическое большинство в Конгрессе добилося стабилизации американской пенсионной системы.

На следующий год я представил собственный план достижения бездефицитного сбалансированного бюджета за семь лет. Республиканцы отвергли его, так как он не отражал их оценок будущих доходов и расходов. За семь лет нам нужно было ликвидировать дефицит в 300 миллиардов долларов, что было вполне реально при размере годового бюджета в 1,6 триллиона долларов. Я был уверен, что мы в конце концов достигнем соглашения, даже если для этого вновь потребуется приостановить работу правительства.

В середине месяца, впервые после своего вступления в должность премьер-министра, в США приехал Шимон Перес. Во время нашей встречи он вновь подтвердил намерение Израиля к Рождеству вернуть палестинцам контроль над сектором Газа, Иерихоном, другими крупными городами и 450 деревнями на западном берегу реки Иордан, а также освободить в связи с приближающимися выборами в Израиле по крайней мере тысячу заклю-

ченых-палестинцев. Кроме того, мы обсудили вопрос взаимоотношений Израиля с Сирией, и я, обнадеженный тем, что сказал мне Шимон, позвонил президенту Асаду и попросил его встретиться с Уорреном Кристофером.

Четырнадцатого декабря я на один день вылетел в Париж для официального подписания соглашения об окончании войны в Боснии. Я встретился с президентами Боснии, Хорватии и Сербии и вместе с ними был приглашен Жаком Шираком на официальный обед, который проходил в Елисейском дворце. Слободан Милошевич сидел напротив меня, и мы с ним довольно долго разговаривали. Он оказался умным собеседником, четко излагавшим свои мысли и довольно искренним, но такого холодного взгляда я не видел больше ни у одного человека. Кроме того, он был параноиком, поскольку, по его словам, покушение на Рабина стало результатом предательства кого-то из его охраны. Затем он сказал, что всем было известно, что то же самое произошло и с президентом Кеннеди, и добавил, что нам, американцам, «удалось это скрыть». После этого меня уже несколько не удивляла его поддержка убийств и насилия в Боснии, а кроме того, у меня было ощущение, что совсем скоро мне придется вновь с ним столкнуться.

Когда я вернулся домой, к «бюджетной войне», республиканцы вновь парализовали работу правительства, и, несмотря на приближение Рождества, у меня совсем не было ощущения близкого праздника. Правда, когда я увидел Челси танцующей в «Шелкунчике», настроение у меня значительно улучшилось. Правительственный кризис был все же не настолько серьезным, как в прошлый раз, поскольку 500 тысяч федеральных служащих, чья работа была признана «необходимой», продолжали выполнять свои обязанности бесплатно до возобновления финансирования деятельности правительства. Однако выплата пособий ветеранам и детям из малообеспеченных семей не производилась. Хороший «рождественский подарок» американскому народу!

Восемнадцатого декабря я наложил вето еще на два закона о бюджетных ассигнованиях: один из них касался Министерства внутренних дел, а другой — Министерства по делам ветеранов и Министерства жилищного строительства и городского развития. На следующий день я подписал закон «О раскрытии лоббистской деятельности», после того как республиканцы сняли свои возражения по нему, и наложил вето еще на один законопроект об ассигнованиях для Министерства торговли, Министерства юстиции и Госдепартамента. Этот последний законопроект был вообще чем-то из ряда вон выходящим. Он отменял программу увеличения численности полицейских, несмотря на очевидные доказательства того, что это будет способствовать сокращению преступности; упразднял суды по делам о наркотиках, в том числе суды, созданные Джанет Рино в ее бытность генеральным прокурором, которые помогли сократить преступность и потребление наркотиков. Отменялась и программа развития передовых технологий Министерства торговли, которую поддерживали многие бизнесмены-республиканцы, потому что она могла помочь их компаниям стать более конку-

рентгоспособными; резко сокращались ассигнования на юридическую помощь малообеспеченным и помощь зарубежным государствам.

К Рождеству у меня сложилось ощущение, что, если бы нам с Доулом предоставили свободу действий, мы бы уже давно преодолели бюджетный кризис, но Доул, собиравшийся участвовать в президентской гонке, должен был соблюдать осторожность. Приближались предварительные выборы, которые должны были определить кандидата в президенты от республиканцев, и конкуренцию Доулу составил сенатор Фил Грэм, использовавший риторику в стиле Ньюта Гингрича. Доулу нужно было учитывать настроения республиканского электората, занимавшего значительно более правые позиции, чем основная масса избирателей.

После рождественских каникул я наложил вето еще на один бюджетный законопроект — «Об ассигнованиях на национальную оборону». Это решение далось мне нелегко, потому что законопроект включал в себя предложение об увеличении зарплат и жилищных субсидий военнослужащим, которое я поддерживал. Тем не менее я считал, что должен был сделать это, потому что в нем также предусматривалось полное развертывание национальной системы противоракетной обороны к 2003 году, а создать эффективную систему к этому сроку было невозможно, да и не нужно; более того, такие действия нарушили бы наши обязательства по договору об ограничении систем противоракетной обороны и поставили бы под угрозу выполнение Россией договора СНВ-1 и ратификацию ею договора СНВ-2. Этот законопроект также ограничивал возможности президента в использовании вооруженных сил в чрезвычайных ситуациях и полномочия Министерства обороны, включая его действия по совместному уменьшению угрозы применения оружия массового поражения в рамках программы Нанна — Лугара. Ни один ответственный президент, республиканец или демократ, не мог допустить, чтобы этот законопроект стал законом.

В последние три дня перед Новым годом завершилось размещение наших войск в Боснии, а я вместе с лидерами Конгресса продолжал работать над бюджетом. В один из этих дней наше совещание длилось семь часов. Мы добились определенного прогресса, но с наступлением Нового года соглашение по бюджету так и не было достигнуто, и деятельность правительства не была восстановлена в полной мере. На первой сессии Конгресса 104-го созыва новое республиканское большинство утвердило только 67 законопроектов, в сравнении с 210, которые были утверждены за первый год работы Конгресса предыдущего созыва, контролируемого демократами. Только шесть из тринадцати бюджетных законопроектов стали законами, хотя с начала налогового года прошло уже три месяца. Когда наша семья собиралась в Хилтон-Хед на «Ренессансный уикенд», я размышлял о том, действительно ли голосование на выборах 1994 года принесло американскому народу то, к чему он стремился.

Я также вспоминал два последних месяца, эмоционально насыщенных и напряженных, думал о важнейших событиях, которые произошли в это время, — о смерти Рабина, достижении мира в Боснии, размещении там наших войск, о прогрессе мирного урегулирования в Северной Ирландии,

титанической борьбе за бюджет — и о том, что все это никак не повлияло на «рабочих пчел», усердно занимающихся делом «Уайтуотер».

Двадцать девятого ноября, когда я направлялся в Ирландию, Л. Джин Льюис была вызвана для дачи свидетельских показаний комитету сенатора Д'Амато, который интересовали обстоятельства прекращения проводимого ею расследования по делу компании Madison Guaranty после того, как я стал президентом. Когда в августе прошлого года она давала показания комитету конгрессмена Лича, ее слова были опровергнуты правительственными документами и магнитофонными записями ее собственных бесед с Эйприл Бреслау — адвокатом Тростовой корпорации по урегулированию (RTC), и я был очень удивлен, когда узнал, что Д'Амато вызвал Льюис в очередной раз. С другой стороны, мало кто знал о проблемах с ее свидетельскими показаниями, а Д'Амато привлек к себе внимание общественности, как когда-то Лич, вновь выдвинув свои бездоказательные обвинения, фактически опровергнутые показаниями других свидетелей.

Льюис опять заявила, что проводимое ею расследование было прекращено после того, как я был избран президентом. Ричард Бен-Венисте — юридический советник демократов, входивших в состав этого комитета, предъявил ей доказательства того, что, вопреки данным ею под присягой показаниям, она несколько раз пыталась заставить федеральные власти вызвать нас с Хиллари в суд как важных свидетелей по делу «Уайтуотер» именно перед выборами, а не после того, как я стал президентом. Кроме того, Льюис заявила одному из агентов ФБР, что своими действиями она «изменит ход истории». После того как сенатор Пол Сарбейнс зачитал Льюис письмо федерального прокурора Чака Бэнкса, в котором говорилось, что ее требование является «нарушением процессуальных норм», а потом процитировал заключение Министерства юстиции о недостаточной компетентности Льюис в области федерального банковского законодательства, она заплакала, съездившись в кресле, после чего ее вывели из зала заседаний комитета, в который она больше уже не вернулась.

Менее чем через месяц, в середине декабря, стали известны результаты проверки RTC деятельности фирмы Pillsbury, Madison & Sutro. Таким образом, была наконец обнародована вся информация по делу «Уайтуотер». Отчет подготовил Джей Стивенс, который, как и Чак Бэнкс, был федеральным прокурором при республиканцах. В нем, как и в предварительном отчете, опубликованном в июне, говорилось, что не было никаких оснований для возбуждения против нас гражданского дела, не говоря уже об уголовном преследовании, и что он рекомендует прекратить расследование.

Именно к объективной информации стремились газеты *New York Times* и *Washington Post*, когда призывали поручить это расследование независимому прокурору. Я с нетерпением ждал, что же они теперь напечатают. Сразу после опубликования отчета *Washington Post* вскользь упомянула о нем в одиннадцатом абзаце напечатанной на первой полосе статьи, посвященной конфликту со Старром по поводу вызова в суд для дачи свидетельских показаний, который не имел отношения к делу «Уайтуотер». *New York Times*

же вообще не сообщила ни слова. Газеты *Los Angeles Times*, *Chicago Tribune* и *Washington Times* перепечатали заметку Ассошиэйтед Пресс об отчете, содержащую четыреста слов, но поместили ее не на первой полосе. Телеканалы также проигнорировали отчет RTC. Ведущий программы *Nightline* канала ABC Тед Коппел упомянул об отчете, но заявил, что он не имеет значения, поскольку появилось так много «новых» вопросов... Расследование дела «Уайтуотер» уже никак не соотносилось с реальными фактами этого дела — всех интересовало только, что еще сможет «накопать» Кен Старр о людях из Арканзаса или о ком-нибудь из моей администрации. Тем временем некоторые репортеры, писавшие об «Уайтуотер», по сути утаивали доказательства нашей невиновности. Нужно признать, что так поступали не все из них. Журналист из *Washington Post* Говард Куртц написал статью, в которой рассказал о том, что отчет RTC был скрыт от читателей, а Ларс-Эрик Нельсон, обозреватель *New York Daily News*, раньше работавший корреспондентом в Советском Союзе, написал: «Секретный приговор вынесен: Клинтонам было нечего скрывать... Это какой-то странный “перевертыш” сталинских судебных процессов, на которых невинных людей тайно обвиняли и осуждали: президента и первую леди обвинили публично, но невинными признали тайно».

Мне было очень трудно понять логику освещения дела «Уайтуотер» в прессе — она явно контрастировала с тщательным и сбалансированным подходом, который был характерен для прессы, когда она занималась другими вопросами, по крайней мере с тех пор, как республиканцы получили большинство в Конгрессе в 1994 году. Однажды после очередного обсуждения бюджета в октябре я решил поговорить с сенатором Аланом Симпсоном из штата Вайоминг и попросил его задержаться. Симпсон был консервативным республиканцем, но у нас были хорошие отношения, потому что мы оба дружили с губернатором этого штата Майком Салливаном. Я спросил Алана, считает ли он, что мы с Хиллари сделали в Уайтуотер что-то недопустимое. «Конечно нет, — сказал он. — Дело не в этом. Дело в том, чтобы *заставить* публику думать, что вы сделали что-то недопустимое. Любой человек, ознакомившись с фактами, поймет, что вы ничего такого не совершали». Симпсон посмеялся над тем, с какой готовностью «элитарная» пресса «глотала» любую негативную информацию о том, что происходит где-нибудь в глубинке — в Вайоминге или Арканзасе, и высказал интересное наблюдение: «Вы знаете, до того как вас избрали, мы, республиканцы, думали, что пресса либеральна. Теперь у нас более сложные представления на сей счет. В каком-то смысле они действительно либералы. Большинство из них голосовало за вас, но у них такой же менталитет, как у ваших правых оппонентов, а это гораздо более важно». Когда я попросил его объяснить мне, что он имеет в виду, Симпсон сказал: «Демократы, такие как вы или Салливан, приходят в правительство, чтобы помочь людям. Правые экстремисты не думают, что правительство может сделать что-то существенное, чтобы изменить человеческую природу, но они любят власть. Так же, как и пресса. А поскольку вы президент, то и они, и пресса считают, что, нанося вам удары, усиливают свое влияние». Я оценил искренность

Симпсона и несколько месяцев размышлял над тем, что он мне сказал. Я долго не мог простить прессе ее необъективного освещения дела «Уайтуотер» и часто вспоминал слова Симпсона. Признав справедливость его рассуждений, я успокоился, и это помогло мне подготовиться к борьбе.

Несмотря на мое раздражение по поводу дела «Уайтуотер» и недоумение в связи с причинами превратного освещения этого дела в прессе, 1996 год я встретил с оптимизмом. В 1995 году мы помогли спасти Мексику от дефолта, пережили трагедию в Оклахома-Сити и усилили борьбу с терроризмом, сохранили и реформировали «программу позитивных действий», остановили войну в Боснии, продолжили мирный процесс на Ближнем Востоке и помогли добиться прогресса в Северной Ирландии. Состояние экономики продолжало улучшаться, и я пока выигрывал борьбу за бюджет с республиканцами, которая, как мне казалось поначалу, угрожала моему президентству. Угроза еще не исчезла окончательно, но в новом 1996 году я готов был довести это сражение до конца. Как я уже говорил Дику Арми, я не остался бы президентом, если цена, которую пришлось бы за это заплатить, включала бы увеличение преступности, слабое здравоохранение, меньше возможностей для получения образования, грязный воздух и рост бедности. Я был готов поклясться, что этого не хочет и американский народ.

Второго января мы вернулись к переговорам о бюджете. Боб Доул хотел заключить сделку, чтобы правительство смогло продолжить работу. Через пару дней на это согласился и Ньют Гингрич. На одном из совещаний по бюджету спикер признался, что вначале надеялся удержать меня от использования вето против республиканского проекта бюджета угрозой парализовать работу правительства. В присутствии Доула, Арми, Дэшла, Гепхардта, Панетты и Ала Гора он откровенно заявил: «Мы сделали ошибку. Думали, что вы сдадитесь». Наконец 6 января — в тот день над Вашингтоном бушевала сильная гроза — нам удалось выйти из тупика: Конгресс прислал мне еще две «продлеваемые резолюции», позволившие всем федеральным служащим вернуться к работе, хотя они и не могли пока выполнять свои функции в полном объеме. Я подписал эти документы и послал Конгрессу свой план преодоления бюджетного дефицита за семь лет.

На следующей неделе я наложил вето на представленный республиканцами законопроект о реформе социального обеспечения, потому что он содержал слишком мало стимулов, которые бы заставили работать людей, получающих пособия, и в то же время слишком много мер, способных нанести ущерб малообеспеченным американцам и их детям. Когда я впервые наложил вето на предложения республиканцев по реформе социального обеспечения, они были одновременно и частью их проекта бюджета. Впоследствии ряд предложенных ими бюджетных сокращений перекочевал в другой законопроект, получивший название «реформа социального обеспечения». Тем временем мы с Донной Шалалой уже существенно продвинулись в реализации нашей собственной реформы социального обеспечения. Тридцати семи штатам было выдано пятьдесят разрешений на реализацию их инициатив, которые привели бы к увеличению занятости и росту благосостояния семей. Этими реформами было охвачено 73 процента американцев, получавших социальные пособия, при этом количество получателей пособий сократилось.

Во время подготовки послания «О положении в стране», которое мне предстояло зачитать 23 января, мы, казалось, добились некоторого прогресса в согласовании бюджета. Поэтому я использовал это выступление для того, чтобы протянуть руку республиканцам, сплотить демократов и объяснить американскому народу свою позицию и по бюджету, и по более важному вопросу, отражением которого была «бюджетная битва», — о том, какой должна быть роль правительства в эпоху глобальной информации. Основная идея речи была такой: «Эра “больших правительств” миновала, но мы не можем вернуться в то время, когда наши граждане рассчитывали лишь на самих себя». Эта формулировка отражала мою философию, согласно которой необходимо было избавиться от вчерашнего бюрократи-

ческого правительства и поддержать идею создания правительства творческого, ориентированного на будущее, предоставляющего гражданам больше возможностей и ответственности. Она также хорошо отражала нашу экономическую и социальную политику и предложенную Алом Гором программу оптимизации правительства, получившую название Rego. К этому времени мои позиции укрепились благодаря успехам нашей экономической политики: за время, прошедшее после моей инаугурации, было создано почти 8 миллионов новых рабочих мест; три года подряд открывалось рекордное число новых частных предприятий. Более того, впервые с 1970-х годов американские автопроизводители обошли японских по числу проданных в США автомобилей.

В очередной раз предложив сотрудничать с Конгрессом для достижения сбалансированного бюджета за семилетний период и проведения социальной реформы, я очертил круг необходимых законодательных инициатив в сферах защиты семей с детьми, образования и здравоохранения, борьбы с преступностью и наркоторговлей. Приоритет отдавался программам, отражающим базовые американские ценности и идею расширения гражданской ответственности, таким как внедрение системы V-чип*, создание экспериментальных школ, возможность самостоятельного выбора родителями бесплатной государственной школы для своих детей и право решать, будут ли они носить школьную форму. Я также назвал имя нового руководителя программы по борьбе с распространением наркотиков: им стал генерал Барри Маккаффри, ранее командовавший военными силами на юге США, где он успешно боролся с ввозом в Америку кокаина из Колумбии и других стран.

Наиболее памятный момент этого вечера наступил в самом конце моего выступления, когда я, как обычно, представил людей, находящихся в ложе первой леди вместе с Хиллари. Первым из них был Ричард Дин, сорокадвятилетний ветеран войны во Вьетнаме, двадцать два года проработавший в службе социального обеспечения. Когда я рассказал конгрессменам, что во время взрыва в Оклахома-Сити он находился в федеральном здании Альфреда П. Мюрра и, рискуя жизнью, четыре раза возвращался к его развалинам, чтобы спасти оставшихся там людей (ему удалось вынести из здания трех женщин), весь зал стоя аплодировал ему, причем республиканцы аплодировали даже громче, чем демократы. А потом наступил «момент истины». Когда аплодисменты стихли, я сказал: «Но это еще не все. В ноябре прошлого года Ричард Дин вынужден был покинуть свой офис, когда работа правительства была приостановлена. А когда это случилось во второй раз, он продолжал работать и помогал нуждающимся американцам получить пособия, хотя сам при этом не получал заработную плату. От имени Ричарда Дина... я обращаюсь ко всем людям в этом зале: никогда больше не останавливайте работу правительства».

---

* V-чип (V-chip) — электронный чип, который устанавливается в телевизоре и дает возможность родителям блокировать просмотр детьми нежелательных телепрограмм, например со сценами насилия и т.д. — *Прим. пер.*

На этот раз ликовали и аплодировали демократы. Республиканцы понимали, что их загнали в угол, и заметно помрачнели. Я же подумал, что теперь мне не придется опасаться остановки работы правительства в третий раз: у правительства теперь было человеческое, героическое лицо.

Удачи, подобные этой, не приходят сами по себе. Каждый год мы использовали послание «О положении в стране» как повод и инструмент, побуждающий кабинет министров и аппарат президента выдвигать новые политические идеи, а затем напряженно работали над тем, чтобы преподнести их наилучшим образом. В тот день мы провели несколько репетиций в кинозале, расположенном между моей резиденцией и восточным крылом Белого дома. Сотрудники Управления связи Белого дома, записывавшие все мои публичные выступления, установили телесуфлер и трибуну, а сотрудники аппарата по несколько раз за день приходили в зал, выполняя указания директора управления Дона Баера. Мы работали вместе, внимательно вслушиваясь в каждую фразу, оценивая, как она будет воспринята Конгрессом и страной, и внося изменения в текст.

Мы одержали верх над идеологами «Контракта с Америкой», несмотря на остановки работы правительства республиканцами. В своей речи я предложил альтернативную философию правительства, и с помощью Ричарда Дина мы смогли продемонстрировать американцам, что федеральные служащие — это достойные люди, выполняющие полезную работу. Сказанное мною в тот раз не намного отличалось от того, что я говорил и раньше, но после двух остановок работы правительства миллионы американцев впервые меня услышали и поняли.

В сфере внешней политики мы начали новый год с того, что Уоррен Кристофер пригласил израильтян и сирийцев для переговоров в поместье Уай-Ривер в штате Мэриленд. 12 января я на один день вылетел на американскую авиабазу в Авиано в Италии, которая была центром воздушных операций НАТО в Боснии. Оттуда на одном из наших новых транспортных самолетов С-17 я отправился на авиабазу Тасар в Венгрии, откуда наши войска переправлялись непосредственно в Боснию. В 1993 году я выступал против прекращения производства С-17 в рамках программы сокращения вооружений. Это был удивительный самолет: он обладал высокой грузоподъемностью и мог работать в самых сложных условиях. В операции в Боснии было задействовано двенадцать С-17, и на одном из них мне пришлось лететь в Тузлу, потому что президентский «Боинг-747» был слишком велик и не мог там приземлиться.

После встречи с президентом Венгрии Арпадом Гёнцем и нашими военнослужащими в Тасаре я вылетел в Тузлу, город, расположенный на северо-востоке Боснии в бывшей зоне ответственности наших вооруженных сил. Менее чем за месяц семь тысяч наших солдат и более двух тысяч бронетранспортеров, несмотря на ужасную погоду, переправились через разлившуюся реку Сава и достигли места назначения. Они превратили лишенный освещения и навигационного оборудования аэродром в мощную авиабазу, которая могла работать круглосуточно. Я поблагодарил военнослужащих

и лично вручил их командиру подарок ко дню рождения, который меня попросила передать его жена, находившаяся в Авиано. Я встретился с президентом Изетбеговичем, а потом вылетел в Хорватию, в Загреб, на встречу с президентом Туджманом. Они были удовлетворены выполнением мирного соглашения и очень рады тому, что в этом участвуют и войска США.

В Вашингтон я вернулся очень поздно: это был трудный, но очень плодотворный день. Наши войска участвовали в подготовке размещения сил НАТО не только в пределах своей зоны ответственности. Они работали вместе с российскими военнослужащими, которые во времена холодной войны были их противниками, а также с польским, чешским, венгерским контингентами и контингентами балтийских государств. Возложенная на них миссия имела большое значение для создания объединенной Европы, тем не менее ее осуждали и в Конгрессе, и в каждом американском кафе. Однако наши солдаты по крайней мере имели право знать, зачем они прибыли в Боснию, а также рассчитывать на мою безусловную поддержку.

Через две недели холодная война ушла в прошлое: Сенат ратифицировал договор СНВ-2, который президент Буш подписал и передал в Сенат для ратификации за три года до этого, непосредственно перед тем как покинуть свой пост. Вместе с договором СНВ-1, который мы ратифицировали в декабре 1994 года, СНВ-2 давал возможность ликвидировать две трети ядерных арсеналов, накопленных Соединенными Штатами и бывшим Советским Союзом в разгар холодной войны, включая самые опасные ядерные вооружения, такие как межконтинентальные баллистические ракеты с разделяющимися боеголовками индивидуального наведения.

Кроме договоров СНВ-1 и СНВ-2 мы также подписали соглашение о замораживании ядерной программы Северной Кореи, инициировали усилия по превращению договора о нераспространении ядерных вооружений в бессрочный и работали над обеспечением безопасности и последующего уничтожения ядерного оружия и материалов по программе Нанна — Лугара. Поздравив Сенат с подписанием договора СНВ-2, я попросил сенаторов продолжить работу по усилению безопасности Америки, ратифицировав Конвенцию о запрещении химического оружия и утвердив мой законопроект, направленный против борьбы с терроризмом.

Тридцатого января премьер-министр России Виктор Черномырдин прибыл в Белый дом на свою шестую встречу с Алом Гором. После того как они закончили обсуждение вопросов, связанных с работой своей комиссии, Черномырдин проинформировал меня о положении в России и перспективах Ельцина на переизбрание. Непосредственно перед этой встречей я говорил с президентом Турции Сулейманом Демирелем и премьер-министром этой страны Тансу Чиллер. Они сообщили мне, что Турция и Греция находятся на грани военного конфликта, и попросили меня вмешаться, чтобы его предотвратить. Они собирались воевать за два крошечных острова в Эгейском море, которые греки называли Имиа, а турки — Карнак. Обе страны предъявляли на них свои права, причем по версии Греции она приобрела их по договору с Италией в 1947 году, а Турция отрицала обоснованность претензий Греции. На этих островах не было

постоянного населения, хотя турки нередко устраивали на более крупном из них пикники. Отношения сторон обострились, когда какие-то турецкие журналисты сорвали греческий флаг, а вместо него повесили турецкий.

Невозможно было представить себе, что две великие страны, имевшие серьезные разногласия по поводу Кипра, начнут войну из-за крошечных островков площадью в десяток акров, на которых обитает только дюжина овец, но у меня сложилось впечатление, что Чиллер не исключала такой возможности. Я прервал встречу с Черномырдиным, чтобы получить более полную информацию об этой ситуации, а потом сделал несколько телефонных звонков, сначала премьер-министру Греции Константиносу Симитису, а потом Демирелю и Чиллер. После этих переговоров стороны согласились не открывать огонь, и Дик Холбрук, занимавшийся кипрской проблемой, вынужден был всю ночь уговаривать стороны разрешить конфликт дипломатическим путем. Я не мог не улыбнуться при мысли о том, что, даже если мне и не удастся обеспечить мир на Ближнем Востоке, в Боснии и Северной Ирландии, я, по крайней мере, смогу гордиться тем, что сумел спасти несколько овец на островах в Эгейском море.

Четвертого января, как раз в тот момент, когда я подумал, что в «мире Уайтуотер» уже не может произойти ничего серьезного, Кэролайн Хьюбер обнаружила копии счетов за работу, которую фирма Rose выполняла для компании Madison Guaranty в 1985 и 1986 годах. Кэролайн была нашей помощницей в губернаторской резиденции в Арканзасе и приехала в Вашингтон, чтобы привести в порядок наши личные бумаги и корреспонденцию. В свое время она уже помогла Дэвиду Кендаллу подготовить для независимой комиссии более 50 тысяч страниц документов, но по какой-то причине копий этих счетов там не оказалось. Кэролайн обнаружила их в коробке, которую в августе прошлого года перенесла в свой кабинет из кладовой на третьем этаже Белого дома. Вне всякого сомнения, эти копии были сделаны во время кампании 1992 года: на них были пометки Винса Фостера, потому что в то время он занимался связями с прессой фирмы Rose.

На первый взгляд, это могло показаться подозрительным. Почему эти документы оставались неизвестными все это время? Однако если бы вы увидели весь «бумажный беспорядок», который мы привезли с собой из Арканзаса, вас бы это несколько не удивило. Меня, напротив, удивило то, как много документов мы сумели найти вовремя. Как бы то ни было, Хиллари была рада, что эти счета были обнаружены: они подтверждали ее слова о том, что для компании Madison Guaranty она выполнила лишь совсем небольшой объем работы. Через несколько лет RTC опубликовала отчет, в котором именно это и было сказано.

Но совсем не так все это интерпретировали независимый прокурор, конгрессмены-республиканцы и репортеры, писавшие о деле «Уайтуотер». Например, журналист Уильям Сафир назвал Хиллари в своем обзоре в *New York Times* «прирожденной лгуньей». Кэролайн Хьюбер вызвали в Конгресс для дачи свидетельских показаний комитету Д'Амато 18 января. А 26-го Кеннет Старр заставил Хиллари четыре часа отвечать на вопросы большого жюри.

Этот вызов в суд, инспирированный Старром, был дешевым и грязным трюком, рассчитанным на то, чтобы в очередной раз привлечь к расследованию внимание общественности. Мы добровольно представили все счета, как только они были найдены, и эти документы доказывали правдивость показаний Хиллари. Если у Старра оставались какие-то вопросы, он мог задать их в Белом доме, как уже делал перед этим три раза, вместо того чтобы заставлять первую леди давать показания большому жюри. В 1992 году юрисконсульт Белого дома Бойден Грей отказался передать суду дневник своего босса, президента Буша, что было прямым нарушением требования прокурора, занимавшегося расследованием дела «Иран-контрас». Тогда никто не пытался заставить Грея или Буша предстать перед большим жюри, и пресса при этом не высказывала особого возмущения.

Атака на Хиллари возмутила меня больше, чем нападки на меня лично. Однако у меня не было возможности ее остановить, поэтому все, что я мог сделать, — это поддержать Хиллари и заявить прессе, что Америка стала бы гораздо лучше, «если бы у каждого в этой стране были такие личные качества и характер, как у моей жены». Мы с Хиллари объяснили Челси, что происходит. Ей все это не нравилось, но она отнеслась к происходящему спокойно. Она знала свою мать лучше, чем те, кто ее обвинял.

И все же мы чрезвычайно от этого устали. На протяжении нескольких месяцев, пока я занимался проблемами бюджета, Боснии, Северной Ирландии и ситуацией после гибели Рабина, я старался не давать воли своему гневу, чтобы он не помешал моей работе, хоть это и было очень трудно. Теперь я беспокоился за Хиллари и Челси. Я также беспокоился обо всех других людях, которые оказались втянутыми в эти слушания в Конгрессе, попались в расставленные Старром сети и понесли эмоциональный и финансовый ущерб.

Через пять дней после представления счетов Хиллари должна была дать интервью телеведущей Барбаре Уолтерс о своей новой книге «Нужна целая деревня» (*It Takes a Village*)*. Однако вместо этого Уолтерс стала расспрашивать ее об обнаруженных счетах. Книга Хиллари тем не менее стала бестселлером, когда она отправилась из Вашингтона в поездку по стране, представляя ее читателям. Она встречалась с тысячами дружелюбных, готовых поддержать ее американцев, которых гораздо больше интересовали ее мысли о том, как улучшить жизнь наших детей, чем то, что о ней говорили Кен Старр, Ал Д'Амато, Уильям Сафир и их сторонники.

Этим людям, очевидно, доставляло огромное удовольствие преследовать Хиллари. Меня утешало лишь то, что она была гораздо сильнее этих парней — это я понял за двадцать пять лет жизни с нею. Некоторым мужчинам не нравится сила в женщинах, что же касается меня, то это стало одной из причин моей любви к Хиллари.

---

* В названии этой книги, речь в которой идет о воспитании детей, Хиллари Клинтон использовала слова поговорки «It takes a village to raise a child» («Нужна целая деревня, чтобы вырастить одного ребенка»). — *Прим. пер.*

В начале февраля, когда президентская предвыборная кампания уже шла полным ходом, я вернулся в Нью-Хэмпшир, чтобы рассказать там о положительных результатах проводимой мною политики и показать, что, став президентом, я не забыл об этом штате. Хотя у меня и не было серьезного оппонента в Нью-Хэмпшире, я хотел, чтобы моя победа в нем в ноябре была полной, а для этого мне нужно было решить одну проблему, которая могла бы этому помешать, — проблему контроля над огнестрельным оружием.

В субботу я присутствовал на обеде в Манчестере. Многие жители этого города были охотниками и членами Национальной стрелковой ассоциации. В своем кратком выступлении я сказал, что, насколько мне было известно, на выборах 1994 года они голосовали против конгрессмена-демократа Дика Суэтта, поддержавшего закон Брейди и законопроект о запрещении продажи штурмового стрелкового оружия. Некоторые из них кивнули в знак согласия. Эти охотники в сущности были неплохими людьми, однако они находились под сильным влиянием NRA, и я подумал, что если оппоненты Национальной стрелковой ассоциации не представят им убедительных контраргументов, в 1996 году может произойти то же самое. Поэтому я старался, как только мог: «Я знаю, руководство NRA говорило вам, что нужно голосовать против конгрессмена Суэтта. Вот что я хочу вам сказать: если из-за закона Брейди или запрета на штурмовое оружие вы пропустили хотя бы день или даже час охоты на оленей, вы должны голосовать и против меня, потому что именно я попросил Суэтта поддержать эти законопроекты. С другой стороны, если этого не произошло, значит, вам говорили неправду, и вы должны за это отплатить».

Через несколько дней в Библиотеке Конгресса я подписал закон «О телекоммуникациях» — масштабное изменение в законодательстве, регулировавшем отрасль, которая составляла уже шестую часть нашей экономики. Этот закон усиливал конкуренцию, способствовал инновациям и доступу к тому, что Ал Гор назвал «информационной супермагистралью». Мы потратили месяцы, споря о сложных экономических вопросах с республиканцами, выступавшими за более высокую концентрацию собственности на рынках средств массовой информации и телекоммуникаций. Белый дом и демократы, напротив, выступали за более высокую конкуренцию, особенно в сфере локальных и междугородних/международных телефонных услуг. С помощью Ала Гора, который представлял на этих переговорах Белый дом, и спикера Гингрича, продемонстрировавшего позитивный настрой и предприимчивость, мы достигли справедливого, как я считал, компромисса, и в конце концов этот закон был принят почти единогласно. Помимо прочего, он предусматривал установку в новых телевизорах V-чипа, идею которого я впервые поддержал на ежегодной конференции по проблемам семьи, проводимой супругами Гор. Этот чип позволял родителям контролировать просмотр телевизионных программ детьми. К 1997 году руководители большинства телеканалов согласились ввести для своих программ рейтинговую систему, необходимую для использования V-чипов. Еще более важно, что этот закон предусматривал льготные тарифы доступа к Интернету для школ, библиотек и больниц, что позволило этим важ-

нейшим для общества организациям экономить до двух миллиардов долларов в год.

На следующий день «показала шипы ирландская роза»: мне позвонил Джерри Адамс. Он сообщил, что ИРА отказывается от соблюдения соглашения о прекращении огня, и объяснил это затягиванием выполнения договоренностей Джоном Мейджором и юнионистами, а также их требованием о том, чтобы ИРА сдала оружие в обмен на разрешение для партии «Шин Фейн» участвовать в политической жизни Северной Ирландии. В тот же день была взорвана бомба в Лондоне в Канэри-Уорф.

ИРА продолжала эту политику, которая дорого обошлась ей самой, еще более года. Боевики убили двух солдат и двух гражданских лиц, а также ранили несколько человек. Погибло два члена ИРА, прекратила свое существование группа боевиков-подрывников в Британии, было арестовано множество боевиков в Северной Ирландии. К концу месяца по всей Северной Ирландии прошли пикеты в поддержку мира, которые ясно показали, что рядовые граждане выступали за мир. Джон Мейджор и Джон Брутон заявили, что готовы возобновить переговоры с «Шин Фейн» при условии соблюдения ИРА соглашения о прекращении огня. С согласия Джона Юма Белый дом решил поддерживать контакты с Адамсом в ожидании момента, когда мирный процесс вновь активизируется.

В конце февраля оказался под угрозой мирный процесс на Ближнем Востоке: два взрыва, организованные «Хамас», унесли жизни двадцати шести человек. Я подумал, что в преддверии выборов в Израиле «Хамас» намеревалась добиться поражения премьер-министра Переса и подтолкнуть израильтян к избранию премьером сторонника жесткой линии, который не захочет заключать мир с ООП. Мы советовали Арафату принять дополнительные меры, чтобы предотвратить атаки террористов. Во время подписания первого соглашения в 1993 году я сказал ему, что он больше не сможет оставаться «самым воинственным палестинцем», а если будет пытаться протягивать одну руку сторонникам мира, а другую — террористам, ему в конце концов придет конец.

Проблемы возникли и у наших границ, где кубинцы сбили два гражданских самолета, пилотируемых членами антикастровской группы «Братья за спасение». Четыре человека погибли. Кастро очень раздражали деятельность этой группы и листовки, которые ее участникам раньше удавалось разбрасывать над Гаваной. Кубинская сторона заявила, что самолеты вторглись в ее воздушное пространство, что, конечно же, было неправдой. В любом случае, даже если бы это и произошло, уничтожение гражданских самолетов было нарушением международного права.

Я отменил чартерные авиарейсы на Кубу, запретил визиты кубинских официальных лиц в Соединенные Штаты, приказал расширить диапазон вещания «Радио Марти», передачи которого призывали к установлению на Кубе демократии, и обратился к Конгрессу с просьбой выплатить семьям погибших компенсацию из заблокированных в Соединенных Штатах кубинских активов. Мадлен Олбрайт попросила Организацию Объединенных Наций ввести санкции против Кубы и отправилась в Майами, где выступила

с эмоциональной речью перед общиной кубинских иммигрантов, сказав, что уничтожение гражданских самолетов — это трусливый поступок людей, у которых «нет *cojones*».* Это ее высказывание в стиле «мачо» сделало Олбрайт кумиром кубинской общины юга Флориды.

Я также пообещал подписать законопроект Хелмса — Бертона, который ужесточал эмбарго против Кубы и ограничивал возможности президента отменить это эмбарго без согласия Конгресса. Поддержка этого законопроекта была весьма полезной, учитывая приближающиеся выборы, однако в случае моего избрания на второй срок она лишала меня возможности ослабить или отменить эмбарго, несмотря на возможность позитивных перемен на Кубе. Казалось, Кастро специально старался заставить нас поддерживать эмбарго, которое служило оправданием экономических неудач его режима. Если же это не было его целью, значит, Куба совершила трагическую ошибку. Позже я получил от Кастро информацию (конечно, через посредников), что уничтожение самолетов было ошибкой. Вероятно, он заранее дал приказ уничтожать любой самолет, вторгающийся в воздушное пространство Кубы, и не смог его отменить, когда стало известно, что это были мирные гражданские самолеты «Братьев за спасение».

В последнюю неделю месяца, после посещения районов, пострадавших от недавних наводнений в штатах Вашингтон, Орегон, Айдахо и Пенсильвания, я встретился с новым премьер-министром Японии в Санта-Монике. Перед тем как стать главой японского правительства, Рютаро Хасимото был министром торговли — коллегой Мики Кантора. Хасимото, горячий поклонник японского боевого искусства кендо, был жестким и умным человеком, получавшим удовольствие от борьбы любого вида. Кроме того, с этим лидером можно было успешно сотрудничать: они с Кантором заключили двадцать торговых соглашений, в результате чего наш экспорт в Японию вырос на 80 процентов, а торговый дефицит США в торговле с Японией третий год подряд снижался.

Месяц закончился на высокой ноте. Мы с Хиллари отпраздновали шестнадцатилетие Челси, посмотрев вместе с ней в Национальном театре мюзикл «Отверженные», а потом привезли полный автобус ее друзей на уикенд в Кэмп-Дэвид. Нам нравились друзья Челси, и нравилось смотреть, как они сражаются в пейнтбол в лесу, играют в боулинг и другие игры. Они все еще оставались детьми, хотя вскоре должны были окончить школу. Большую часть уикенда я провел, обучая Челси водить автомобиль и разъезжая вместе с ней по территории Кэмп-Дэвида. В последнее время я редко имел возможность водить машину, и мне этого не хватало. Я хотел, чтобы Челси понравилось управлять автомобилем и чтобы она научилась делать это хорошо и без опасности для себя и окружающих.

Мирный процесс на Ближнем Востоке вновь оказался под угрозой, когда в начале марта в результате нескольких взрывов бомб, устроенных террористами «Хамас» в Иерусалиме и Тель-Авиве, погибло более тридцати че-

---

* *Cojones* (исп.) — тестикулы. — Прим. пер.

ловек и еще множество было ранено. Среди погибших было несколько детей, няня-палестинка, работавшая у своих друзей-евреев, и две молодые женщины-американки. Я встретился с их семьями в Нью-Джерси, и меня глубоко тронула искренняя приверженность этих людей мирному процессу — единственной возможности предотвратить гибель детей в будущем. В своем телевизионном обращении к израильскому народу я говорил об очевидном — о том, что террористы «хотели убить не только ни в чем не повинных людей, но и растущую надежду на мир на Ближнем Востоке».

Двенадцатого марта мы вместе с королем Иордании Хусейном вылетели на моем президентском самолете на «Саммит миротворцев», организованный президентом Мубараком в Шарм-эш-Шейхе — прекрасном курорте на Красном море, чрезвычайно популярном среди любителей дайвинга. За несколько дней до этого Хусейн прибыл на встречу со мной в Белый дом, где мы обсудили террористические акты, организованные «Хамас». Он был полон решимости сплотить арабский мир в борьбе за мирное урегулирование. Я с удовольствием провел с ним время в этом длительном полете. Мы всегда находили общий язык, а после убийства Рабина стали по-настоящему близкими друзьями и союзниками.

Руководители двадцати девяти государств — арабских стран, государств Европы, Азии и Северной Америки, — включая Бориса Ельцина и Генерального секретаря ООН Бутроса Бутроса-Гали, прибыли в Шарм-эш-Шейх, где их встретили Перес и Арафат. Мы с Мубараком были сопредседателями саммита и вместе с нашими помощниками работали день и ночь, чтобы участники конференции приняли на себя четкие и конкретные обязательства бороться с терроризмом и способствовать развитию мирного процесса.

Впервые в истории арабский мир вместе с Израилем осудил терроризм и пообещал с ним бороться. Без объединенного фронта невозможно было обеспечить Переса поддержкой, необходимой для развития мирного процесса и открытия сектора Газа, чтобы тысячи живших там палестинцев могли вернуться на свои рабочие места, находившиеся в Израиле. Он был необходим и для того, чтобы поддержать Арафата в его борьбе против террористов, — в противном случае Израиль мог отказаться от продолжения мирного диалога.

Тринадцатого марта я вылетел в Тель-Авив, чтобы обсудить конкретные шаги Соединенных Штатов в поддержку вооруженных сил и полиции Израиля. На встрече с премьер-министром Пересом и его кабинетом я пообещал выделить на эти цели 100 миллионов долларов и попросил Уоррена Кристофера и директора ЦРУ Джона Дойча остаться в Израиле еще на несколько дней, чтобы помочь в реализации нашего общего проекта. На совместной с Пересом пресс-конференции, устроенной после совещания, я признал, что очень трудно надежно защититься от «молодых людей, приверженных апокалиптической версии Ислама и политике, побуждающей их становиться живыми бомбами, чтобы убивать невинных детей». Но, сказал я, мы можем более эффективно предотвращать теракты, перекрыв финансовые потоки и лишив террористов поддержки извне. Я также

использовал этот повод, чтобы подтолкнуть Конгресс к принятию анти-террористических законов, которое откладывалось уже больше года.

После пресс-конференции и встречи в Тель-Авиве с израильскими студентами, на которой я ответил на их вопросы, я встретился с лидером партии «Ликуд» Биньямином Нетаньяху. Взрывы, организованные «Хамас», повысили шансы партии «Ликуд». Я хотел, чтобы Нетаньяху знал, что я буду его партнером в борьбе против терроризма, если он одержит победу на выборах, однако мне хотелось, чтобы он продолжил мирный процесс.

Я не мог возвратиться домой, не посетив могилу Рабина на горе Херzl. Встав на колени, я помолился и, следуя еврейскому обычаю, положил камешек на мраморное надгробие могилы Ицхака. Я также подобрал другой небольшой камешек, лежавший рядом с могилой, и взял его с собой как напоминание о моем друге и нашем общем деле, которое я должен был продолжить.

Пока я занимался проблемами Ближнего Востока, Китай взбаламутил воды Тайваньского пролива, проведя «испытания» трех ракет вблизи острова Тайвань с очевидной целью напугать выступающих за независимость тайваньских политиков, участвовавших в проходившей в то время предвыборной кампании. С тех пор как президент Картер нормализовал отношения с КНР, Соединенные Штаты проводили последовательную политику признания «единого Китая» и в то же время поддерживали хорошие отношения с Тайванем, заявляя, что две стороны должны разрешить свои противоречия мирным путем. Однако мы никогда не говорили прямо, будем ли мы защищать Тайвань, если он станет объектом китайской агрессии.

Мне казалось, что Ближний Восток и Тайвань — две диаметрально противоположные политические проблемы. Бездействие политических лидеров на Ближнем Востоке привело бы к ухудшению ситуации. И напротив, если бы китайские и тайваньские политики не делали глупостей, проблема, как мне представлялось, со временем разрешилась бы сама собой. Тайвань, в котором диктаторский режим сменился демократией, стал влиятельным экономическим игроком и вовсе не стремился к установлению бюрократического коммунистического режима в духе КНР. В то же время тайваньские бизнесмены активно инвестировали в китайскую экономику и часто посещали материковую часть страны. Китай приветствовал тайваньские инвестиции, но не собирался отказываться от своих притязаний на остров. Достижение баланса между экономическим прагматизмом и агрессивным национализмом было постоянной проблемой для китайских руководителей, особенно в год выборов на Тайване. Я считал, что Китай зашел слишком далеко, испытывая свои ракеты, и быстро, но без лишнего шума приказал авианосной группе Тихоокеанского флота США войти в Тайваньский пролив. Кризис миновал.

После неудачного старта в феврале Боб Доул выиграл все республиканские предварительные выборы, состоявшиеся в марте, а победив в конце месяца в Калифорнии, стал кандидатом в президенты от своей партии. Несмотря на то что его соперник сенатор Фил Грэм занимал более правые позиции

и победить его мне было бы значительно легче, я искренне радовался успеху Доула. Никогда нельзя быть полностью уверенным в собственной победе, и я считал, что, если проиграю Доулу, а не Грэму, страна окажется в руках более крепкого и умеренного лидера.

Пока Доул боролся за победу на предварительных выборах, я уже вел предвыборную кампанию в нескольких штатах: провел предвыборную встречу в Мэриленде совместно с генералом Маккаффри и Джесси Джексоном, чтобы привлечь внимание к нашей борьбе с подростковой наркоманией; посетил компанию Harman International — производителя высококачественных динамиков в городе Нортридж, штат Калифорния, где объявил, что за три года моего президентства в нашей экономике создано уже более 8,4 миллиона новых рабочих мест, хотя перед выборами я обещал за четыре года создать 8 миллионов рабочих мест. Доходы представителей американского среднего класса также начали расти. За прошедшие два года две трети новых рабочих мест были созданы в тех отраслях, где заработная плата превышала минимальный уровень.

В этом месяце нам не удалось достичь соглашения по оставшимся бюджетным законопроектам, поэтому я подписал еще три «продлеваемые резолюции» и отослал мой проект бюджета на следующий финансовый год на Капитолийский холм. В это время Палата представителей, действуя в интересах Национальной стрелковой ассоциации, проголосовала против закона о запрете на продажу штурмового стрелкового оружия и за исключение из законов о борьбе с терроризмом ряда статей, против которых возражало оружейное лобби.

В конце месяца я попытался ускорить процесс одобрения Администрацией по контролю за продуктами питания и лекарствами ряда новых препаратов против рака. В 1994 году Алу Гору, Донне Шалале и руководителю FDA Дэвиду Кесслеру удалось сократить средний срок утверждения новых лекарств, который в 1987 году составлял тридцать три месяца, до года. Последнее разрешение — на производство лекарства против СПИДа — было получено всего через сорок два дня. Проверка новых лекарств на предмет выявления негативных побочных эффектов была необходима, однако этот процесс следовало ускорить — ведь дело шло о жизни людей.

Двадцать девятого марта, через восемь месяцев после того, как мы с Бобом Рубином обратились к Конгрессу с просьбой об увеличении предела государственного долга, наконец был принят соответствующий закон, который я подписал. Дамоклов меч дефолта больше не угрожал успеху наших переговоров о бюджете.

Третьего апреля, когда весна в Вашингтоне была уже в полном разгаре, я работал в Овальном кабинете. Именно там я получил сообщение о гибели военного транспортного самолета, на котором находились Рон Браун и делегация США по торговле и инвестициям, летевшие в Боснию. Они должны были помочь боснийцам использовать новые экономические возможности, появившиеся после установления мира на Балканах. Погода была плохая, и самолет, сбившись с курса, врезался в гору Святого Иоанна у хорватского

города Дубровника. Все находившиеся на борту люди погибли. Лишь за неделю до этого Хиллари и Челси летали на этом самолете в Европу и познакомились с некоторыми из членов экипажа.

Я был потрясен. Рон был не только моим другом, но и моим лучшим политическим советником. Как председатель Национального комитета Демократической партии он помог нам прийти в себя после поражения в 1988 году и сыграл важнейшую роль в объединении демократов перед выборами 1992 года. После нашего поражения на выборах в Конгресс в 1992 году Рон оставался оптимистом и подбадривал всех остальных, утверждая, что мы проводим правильную экономическую политику, а потому выиграем выборы в 1996 году. Он оживил Министерство торговли, модернизировав его управленческую структуру, и использовал его не только для достижения наших экономических целей, но и для реализации наших более широких интересов на Балканах и в Северной Ирландии. Рон также упорно работал над увеличением американского экспорта на десять «развивающихся рынков», которые, предположительно, приобретут большое значение в XXI столетии, включая рынки Польши, Турции, Бразилии, Аргентины, Южной Африки и Индонезии. После его смерти я получил письмо от работавшего с ним крупного бизнесмена, в котором говорилось, что он был «самым замечательным из всех министров торговли США».

Мы с Хиллари отправились к Рону домой, чтобы повидаться с его женой Альмой, детьми, Трейси и Майклом, и женой Майкла Тэмми. Мы считали их членами нашей семьи, и я испытал огромное облегчение, увидев, что они уже окружены заботой преданных друзей и пытаются справиться с болью потери, рассказывая всякие случаи из жизни Рона Брауна. А об этом человеке, прошедшем большой путь от старой гостиницы «Тереза» в Гарлеме, где он провел свое детство, до высокого поста в американском правительстве, можно было рассказать немало.

Простившись с Альмой, мы отправились в Министерство торговли, чтобы поговорить с его сотрудниками, потерявшими своего руководителя и своих друзей. Среди погибших был Адам Дарлинг, которого мы с Хиллари хорошо знали. Это был идеалистически настроенный и в то же время мужественный молодой человек, сын методистского священника, о котором мы слышали в 1992 году, когда в новостях сообщили о том, что он пересек на велосипеде всю Америку, чтобы поддержать на выборах кандидатуры Клинтон и Гора.

Через несколько дней, всего за две недели до первой годовщины взрыва в Оклахома-Сити, мы с Хиллари посадили куст кизила на задней лужайке Белого дома в память о Роне и других американцах, погибших в Хорватии. Потом мы вылетели в Оклахома-Сити, чтобы присутствовать на церемонии открытия нового детского сада, построенного вместо того, который был взорван, и встретиться с семьями и родственниками погибших. Выступая перед студентами Университета Центральной Оклахомы в городе Эдмонде, я сказал, что, несмотря на то что за прошедшие три года мы арестовали больше террористов, чем за всю нашу историю, нам предстоит сделать еще очень многое, потому что терроризм стал для их поколения главной угро-

зой — такой же, какой для нашего поколения, выросшего в годы холодной войны, была ядерная война.

На следующий день мы совершили скорбный визит на авиабазу Довер в штате Делавэр, куда привезли останки тех, кто погиб, служа своей стране. После того как гробы торжественно вынесли из самолета, я зачитал имена всех, кто погиб вместе с Роном Брауном, и напомнил присутствовавшим, что завтра будет Пасха, символизирующая переход от отчаяния к надежде и спасению. В Библии говорится: «Вечером водворяется плач, а наутро радость». Я использовал эти строки в моей поминальной речи на заупокойной службе по Рону 10 апреля в Национальном соборе, потому что для нас он всегда был нашей утренней радостью. Глядя на его гроб, я произнес: «Я хочу сказать моему другу в последний раз: “Спасибо тебе! Если бы не ты, я бы не был на этом посту”». Рон обрел вечный покой на Арлингтонском национальном кладбище. К концу траурной церемонии я настолько обессилел от горя, что едва мог стоять на ногах. Челси, надевшая черные очки, чтобы скрыть слезы, обняла меня, и я опустил голову ей на плечо.

В течение ужасной недели, прошедшей с момента катастрофы до похорон, я старался добросовестно выполнять свои обязанности. Во-первых, я подписал новый закон о фермерах. Всего за две недели до этого я утвердил закон, улучшающий систему кредитования фермеров, предоставляя им больше займов под более низкие проценты. Хотя я и считал, что этот новый закон недостаточно эффективно защищает интересы фермерских семей, я подписал его, так как опасался, что, если до истечения срока действия старого закона не будет принят новый, фермеры на время сева останутся с абсолютно неадекватной программой помощи, принятой еще в 1948 году. В этом законе было много положений, которые я поддерживал: большая гибкость, позволяющая фермерам самим выбирать, какие именно культуры сеять, не теряя при этом права на финансовую помощь; финансовая поддержка экономического развития сельских общин; создание фондов, помогающих фермерам бороться с эрозией почвы, загрязнением воздуха и воды и разрушением экологии заболоченных территорий. Им также предусматривалось выделение 200 миллионов долларов на один из моих любимых проектов — восстановление болот в штате Флорида, которые сильно пострадали от обширного строительства и выращивания в этих местах сахарного тростника.

Девятого апреля я подписал закон, наделявший президента правом вето при утверждении законов. Этим правом располагало большинство губернаторов, и все президенты, начиная с Улисса Гранта в 1869 году, стремились его получить. Это право предусматривалось также «Конtrakтом с Америкой» республиканцев, и я поддержал его во время своей предвыборной кампании в 1992 году. Я был рад, что оно было наконец получено, и считал, что польза от него будет заключаться прежде всего в том, что в будущем президенты смогут исключать из бюджета ненужные и чрезмерно затратные статьи. Подписание этого закона создало и одну серьезную проблему: сенатор Роберт Берд, самый авторитетный в Конгрессе эксперт

по Конституции, считал его антиконституционным посягательством исполнительной власти на права законодательной. Берд ненавидел право вето так, как некоторые люди ненавидят своих личных врагов, и я думаю, что он так и не простил мне утверждения этого закона.

В тот день, когда состоялась панихида по Рону Брауну, я наложил вето на проект закона, запрещавшего процедуру, которую противники абортот, активисты движения «в защиту жизни», назвали «абортот почти родившегося». Этот закон, предложенный противниками абортот, был очень популярен: он запрещал абортот на поздних сроках беременности, которые казались настолько жестокими, что за их запрещение выступали даже многие сторонники права женщин на абортот («права на выбор»). Однако в действительности вопрос был гораздо более сложным. Насколько я мог судить, эта операция проводилась крайне редко, и в основном в тех случаях, когда врачи считали, что она абсолютно необходима для сохранения жизни и здоровья матери. Часто это происходило при гидроцефалии плода, при которой ребенок практически всегда погибал либо в утробе, либо во время или сразу после родов. Вопрос заключался в том, оправдан ли тяжелый ущерб здоровью женщин, вынужденных вынашивать такой плод полный срок, учитывая, что при этом они рискуют лишиться возможности впоследствии иметь других, здоровых детей. Мне было совершенно ясно, что выбором «в пользу жизни» являлось как раз разрешение сделать аборт.

Я считал, что решение должны принимать сама мать и ее лечащий врач. Накладывая вето на этот законопроект, я помнил о пяти женщинах, которые были вынуждены сделать аборт «почти родившихся». Трое из них — католичка, христианка-евангелистка и правоверная иудейка — были убежденными сторонницами запрета абортот. Одна из них рассказала, что молилась Богу, чтобы он взял ее жизнь и сохранил жизнь ее ребенка, и все они, по их словам, согласились на поздние абортот только потому, что их лечащие врачи были уверены, что их дети не выживут, а они хотели сохранить способность рожать.

Если вы заметили, как подробно я излагаю причины, заставившие меня наложить вето на этот закон, вы поймете, что, учитывая приближающиеся выборы, это было очень невыгодным для меня политическим решением. Я решил на это потому, что не получил убедительных доказательств ошибочности взглядов сторонников права женщин на выбор, которые бы показали, что в таких абортот нет необходимости, поскольку существуют альтернативные процедуры, позволяющие матерям сохранить репродуктивную способность. Ранее я предлагал подписать законопроект, запрещающий все абортот на поздних сроках беременности, за исключением случаев, когда имелась серьезная угроза жизни или здоровью беременных женщин. В некоторых штатах абортот на поздних сроках беременности все еще проводились, и предложенный мною законопроект помог бы предотвратить больше необоснованных абортот, чем закон «об абортот почти родившихся», но противники абортот в Конгрессе заблокировали мой проект. Они хотели заставить общество забыть о деле «Роу против Уэйда», кроме того, голосование за мой проект, который поддержало бы и боль-

шинство сенаторов — сторонников права женщин на аборт, не давало никаких политических преимуществ.

Двенадцатого апреля я назначил Мики Кантора министром торговли, а его заместитель Шарлин Баршефски, очень способный администратор, заняла пост торгового представителя США. Я также назначил Фрэнка Рейнза, заместителя председателя «Фэнни Мэй», Федеральной национальной ипотечной ассоциации, руководителем Административно-бюджетного управления. Рейнз обладал всеми необходимыми качествами, чтобы добиться успеха в руководстве этим управлением: высоким интеллектом, глубокими познаниями в области разработки бюджета и отличными политическими способностями. Он также стал первым возглавившим его афроамериканцем.

Четырнадцатого апреля мы с Хиллари взошли на борт президентского самолета. Нас ожидала очень напряженная неделя, в течение которой нам предстояло посетить Корею, Японию и Россию. На живописном южнокорейском острове Чеджу мы с президентом Ким Янг Сэмом высказали предложение провести четырехсторонние переговоры между Северной Кореей, Китаем и другими государствами, сорок шесть лет тому назад подписавшими соглашение о прекращении военных действий, которое положило конец войне в Корее. В ходе этой встречи предполагалось выработать принципы, на основе которых Северная и Южная Корея смогли бы провести переговоры и, как мы надеялись, подписать окончательное мирное соглашение. Северная Корея не раз заявляла о своем стремлении к миру, и я считал, что пришло время проверить серьезность ее намерений.

Из Южной Кореи я вылетел в Токио, где мы с премьер-министром Хасимото подписали совместное заявление, в котором вновь подтвердили наше намерение продолжать сотрудничество в сфере безопасности, предпринимать более активные совместные усилия в борьбе с терроризмом, ставшей для Японии особенно актуальной после атаки террористов с использованием отравляющего газа зарина в токийском метро. Соединенные Штаты также обязались оставить в Японии, Корее и других странах Восточной Азии 100 тысяч своих военнослужащих, одновременно сократив наш военный контингент на Окинаве, где ряд преступлений, совершенных американскими военнослужащими, усилил недовольство японцев их присутствием. Сохранение мира и стабильности в Азии было очень важным для американской экономики. На долю этого континента приходилась половина нашего экспорта, что обеспечивало работой 3 миллиона американцев.

Во время своего пребывания в Японии я посетил авианосец Independence, где встретился с моряками из Седьмого флота США; по приглашению императора и его супруги принял участие в великолепном официальном обеде в императорском дворце, выступил с речью в парламенте Японии и с удовольствием позавтракал с премьер-министром Японии. Во время завтрака мы наблюдали за поединком борцов сумо американского происхождения и слушали игру превосходного японского джазового саксофониста.

Для того чтобы подчеркнуть значимость для нас японо-американских отношений, я назначил послом в этой стране бывшего вице-президента США Уолтера Мондейла. Его безупречная репутация и умение решать сложные проблемы продемонстрировали Японии, как она важна для Соединенных Штатов.

Следующим пунктом назначения в нашей поездке стал российский город Санкт-Петербург. Через год после взрыва в Оклахома-Сити, 19 апреля, Ал Гор отправился в Оклахому как представитель нашей администрации, а я в тот день посетил военное кладбище в Санкт-Петербурге* и готовился к саммиту по вопросам ядерной безопасности, в котором должны были принять участие Борис Ельцин и лидеры стран «Большой семерки». Ельцин предложил провести этот саммит, чтобы подтвердить нашу приверженность договору о полном и всеобщем запрете ядерных испытаний, договорам СНВ-1 и СНВ-2 и продемонстрировать наши совместные усилия, направленные на обеспечение безопасности хранения и уничтожение ядерного оружия и материалов. Мы также договорились повысить безопасность на ядерных электростанциях, прекратить сброс ядерных отходов в океаны и помочь президенту Украины Кучме в четырехлетний срок закрыть Чернобыльскую атомную электростанцию. Хотя после трагических событий прошло уже десять лет, она все еще продолжала работать.

Двадцать четвертого апреля я вернулся в США, но продолжал заниматься внешней политикой. Президент Ливана Элиас Храуи прибыл с визитом в Белый дом как раз в то время, когда на Ближнем Востоке вновь возникла напряженность. В ответ на выстрелы по территории Израиля из установок залпового огня «Катюша», произведенные с юга Ливана боевиками «Хезболла», Шимон Перес приказал нанести ответный удар, в результате которого погибло много гражданского населения. Я очень сочувствовал Ливану, оказавшемуся втянутым в израильско-сирийский конфликт и переполненному террористами. Я подтвердил решимость Америки и впредь поддерживать резолюцию Совета Безопасности ООН №425, призывающую обеспечить подлинную независимость Ливана.

Но не все новости с Ближнего Востока были плохими. Пока я встречался с президентом Ливана, Ясир Арафат убедил руководящий орган Организации освобождения Палестины внести изменения в устав этой организации, признав право Израиля на существование, что стало бы чрезвычайно значимой для израильтян корректировкой политики ООП. Через два дня Уоррен Кристофер и наш посланник на Ближнем Востоке Деннис Росс сумели добиться подписания соглашения между Израилем, Ливаном и Сирией, способствовавшего разрешению ливанского кризиса и позволившего возобновить мирный процесс.

В конце месяца меня посетил Шимон Перес. Целью его визита было подписание соглашения о совместной борьбе с терроризмом, предусматри-

---

* Клинтон, очевидно, имеет в виду Пискаревское мемориальное кладбище в Санкт-Петербурге, где похоронены десятки тысяч людей, погибших во время блокады Ленинграда. — *Прим. пер.*

вавшего выделение 50 миллионов долларов на нашу общую деятельность по обеспечению защиты Израиля от атак террористов-самоубийц, которые в последнее время причинили столько горя израильтянам и держали в страхе население страны.

Всего за неделю до этого я подписал закон о борьбе с терроризмом, который Конгресс утвердил через год после взрыва в Оклахома-Сити. Этот закон в конце концов был поддержан большинством конгрессменов от обеих партий, после того как из него исключили требования о включении в состав черного и бездымного пороха специальных маркеров, а также о предоставлении федеральным властям права прослушивать телефонные разговоры лиц, подозреваемых в терроризме, что уже было разрешено в отношении членов организованных преступных группировок. Этот закон предоставлял нам больше возможностей и ресурсов для предотвращения атак террористов, ликвидации террористических организаций и контроля над химическим и биологическим оружием. Конгресс в то же время разрешил пометать химическими маркерами пластические взрывчатые вещества, но оставил открытым вопрос о включении их в состав других типов взрывчатых веществ, которые не были однозначно запрещены законом.

В апреле произошли очередные интересные события и в «мире Уайтуотер». 2 апреля Кеннет Старр обратился в Апелляционный суд Пятого округа Нового Орлеана от имени четырех крупных табачных компаний, в то время конфликтовавших с моей администрацией. Предметом конфликта стала их деятельность на рынке, включающая продажу сигарет подросткам, и вопрос о правомочности ее запрещения Администрацией по контролю за продуктами питания и лекарствами. Старр не усматривал конфликта интересов в использовании своего положения для рассмотрения вопросов, за которые он получал щедрые гонорары от моих противников. Газета *USA Today* уже писала, что за ведение дела о школьных ваучерах в штате Висконсин, против которых я возражал, Старру заплатили не власти штата, а ультраконсервативная организация Bradley Foundation. Старр проводил расследование в связи с разбирательствами RTC в отношении поведения выдвинувшей против нас обвинение Л. Джин Льюис, а его юридическая фирма в это время вела с RTC переговоры об улаживании поданного против последней иска о неудовлетворительном представлении интересов разорившейся ссудно-сберегательной ассоциации из Денвера. И, разумеется, Старр предложил выступить на телевидении в поддержку иска Полы Джонс. Роберта Фиска отстранили от дела «Уайтуотер» под тем абсурдным предлогом, что факт его назначения на эту должность Джанет Рино создает «конфликт интересов». И его место занял человек, в отношении которого подобное утверждение было абсолютно верным.

На это я сказал, что Старр и его союзники в Конгрессе и федеральных судах дали новое определение понятию «конфликт интересов», приписывая его всякому, кто относился к нам с Хиллари хорошо или просто непредвзято, как, например, Фиск. В то же время очевидная политическая и экономическая заинтересованность и предубежденность Старра никак не

мешали ему преследовать и третировать нас и многих других ни в чем не повинных людей.

Странные взгляды Старра и его союзников на то, что составляет конфликт интересов, особенно ярко проявились в отношении судьи Генри Вудса — авторитетного и очень опытного юриста, бывшего агента ФБР. Он был назначен председателем на процессе по делу губернатора Джима Гая Такера и других, кому Старр предъявил обвинения по поводам, никак не связанным с делом «Уайтуотер», в том числе в связи с покупкой ими телевизионных кабельных каналов. Вначале ни Старр, ни Такер не возражали против назначения Вудса: будучи демократом, он, однако, никогда не был близок к губернатору. Судья Вудс отклонил обвинения, после того как пришел к выводу, что Старр превысил свои полномочия, поскольку выдвинутые им обвинения не имели никакого отношения к делу «Уайтуотер».

Старр подал апелляцию на решение Вудса в Апелляционный суд Восьмого округа и потребовал, чтобы Вудса отстранили от разбирательств в связи с предвзятостью. Члены апелляционного суда, принимавшие решение по этому делу, были консервативными республиканцами, назначенными Рейганом и Бушем. Главный судья, Паско Боуман, своими ультраконсервативными взглядами мог сравниться разве что с Дэвидом Сентеллом. Даже не дав судье Вудсу возможности защититься, суд не только отменил его решение и подтвердил предъявленные обвинения, но и отстранил Вудса от дела, ссылаясь при этом не на законы и материалы слушания в суде, а на газетные и журнальные статьи, в которых его критиковали. Одна из статей, написанная судьей Джимом Джонсоном и полная ложных обвинений, была опубликована в правой газете *Washington Times*. Узнав об этом, Вудс заметил, что стал единственным судьей в американской истории, которого отстранили от дела на основании публикаций в прессе. Здесь стоит упомянуть о том, что вскоре в апелляционный суд Восьмого округа обратился еще один не менее предприимчивый юрист с просьбой об отстранении судьи от ведения дела и при этом упомянул случай с Вудсом, однако менее ангажированный состав суда отказал ему, заявив, что данное решение было беспрецедентным и ничем не оправданным. Безусловно, именно так и было, но дело «Уайтуотер» расследовалось по особым правилам.

Семнадцатого апреля не выдержала даже газета *New York Times*: в опубликованном в ней материале говорилось, что Старр «проявляет вызывающую слепоту и безразличие к своим обязательствам по отношению к американскому народу», так как «при расследовании даже не делает попытки скрыть свои политические пристрастия и финансовые интересы». Эта газета, одна из старейших и наиболее уважаемых, считала, что Старр должен уйти в отставку, и я не мог отрицать, что у ее журналистов сохранилась совесть: они не хотели предавать нас с Хиллари суду Линча. Однако остальные печатные издания, освещавшие дело «Уайтуотер», промолчали.

Двадцать восьмого апреля я четыре с половиной часа давал показания по делу «Уайтуотер», которые записывались на видеопленку. На этот раз Старр обвинял Джима и Сюзан Макдугал и Джима Гая Такера в незаконном присвоении средств, полученных от компании *Madison Guaranty* и Управ-

ления по делам малого бизнеса. Полученные кредиты действительно не были возвращены, хотя представители прокуратуры не отрицали, что обвиняемые собирались это сделать. Тем не менее они обвиняли их в незаконном расходовании заимствованных средств на цели, отличные от тех, что были указаны в документах, оформленных для получения займов.

Это разбирательство не имело никакого отношения к делу «Уайтуотер», Хиллари или ко мне. Я упоминаю об этом потому, что меня втянул в эти разбирательства Дэвид Хейл: он мошенническим путем получил от Управления по делам малого бизнеса миллионы долларов, а теперь помогал Старру, надеясь, что тот сократит ему срок тюремного заключения. Давая показания в суде, он вновь сказал, что я заставил его дать Макдугалам кредит размером в 300 тысяч долларов.

Я, в свою очередь, заявил, что Хейл лжет относительно содержания наших с ним бесед и я ничего не знал о сделке, которая послужила поводом для обвинений по данному делу. Адвокаты защиты полагали, что, когда суд узнает, что Хейл лгал о моей роли в его сделках с Макдугалами и Такером, все его показания будут поставлены под сомнение и дело развалится, а следовательно, самим обвиняемым не нужно будет давать показания. Эта стратегия не принесла успеха по двум причинам. Во-первых, несмотря на рекомендации адвокатов, Макдугал настоял на том, чтобы самому дать показания, свидетельствующие о его невинности. Он уже делал это на предыдущем процессе по делу о крахе Madison Guaranty в 1990 году и был оправдан. Но маниакально-депрессивный психоз, которым он страдал, с тех пор прогрессировал, и, по словам многих наблюдателей, его бессвязные и сбивчивые показания повредили не только ему самому, но и Сюзан с Гаем Джимом Такером, которые отказались давать показания в собственную защиту даже после того, как Макдугал ненамеренно их «подставил».

Другой причиной было то, что суд не знал всех фактов, свидетельствующих о связях Дэвида Хейла с моими политическими противниками, поскольку некоторые из них все еще оставались неизвестными, а использование других в суде в качестве доказательств было признано недопустимым. Суд и присяжные ничего не знали о деньгах и поддержке, которые Хейл тайно получал от организации под названием «Арканзасский проект».

«Арканзасский проект» финансировался ультраправым консерватором-миллиардером Ричардом Меллоном Скейфом из Питсбурга, который также оплачивал публикацию разгромных статей о нас с Хиллари в журнале *American Spectator*. Например, представители этой организации заплатили 10 тысяч долларов бывшему патрульному полицейскому, чтобы он выдвинул против меня бредовое обвинение в контрабанде наркотиков. Люди Скейфа, кроме того, тесно сотрудничали с единомышленниками Ньюта Гингрича. Дэвид Брок, автор статьи в *Spectator*, рассказывающей о двух арканзасских полицейских, которые, по их словам, поставляли мне женщин, получил гонорар не только от журнала, но и от чикагского бизнесмена Питера Смита, финансового директора комитета политических действий, возглавляемого Ньютом Гингричем.

Усилия «Арканзасского проекта» концентрировались главным образом вокруг Дэвида Хейла. Действуя через Паркера Дожиера, бывшего помощника судьи Джима Джонсона, эта организация устроила для Хейла убежище в принадлежащем Дожиеру магазине на окраине городка Хот-Спрингс, торговавшим рыболовными принадлежностями. В период сотрудничества Хейла со Старром Дожиер снабжал Хейла деньгами и предоставил в его распоряжение свой автомобиль и рыбацкий домик. В это время Хейл также получал бесплатные юридические консультации у друга Старра Теда Олсона — юриста, работавшего на «Арканзасский проект» и *American Spectator*. Позже Олсон был назначен заместителем министра юстиции в администрации президента Джорджа Буша. Перед этим прошли слушания в Сенате, на которых ему были заданы вопросы относительно его работы на «Арканзасский проект», и его ответы никак нельзя было назвать искренними.

Хотя и непонятно, на каких основаниях, но присяжные признали всех трех ответчиков виновными по нескольким пунктам выдвинутых против них обвинений. В своей заключительной речи главный обвинитель несколько раз повторил, что я не был объектом этого судебного разбирательства и против меня не выдвигалось обвинений, но Старр получил то, что хотел, — трех человек, на которых он мог давить, вынуждая их давать показания против нас, чтобы не попасть в тюрьму. Теперь, учитывая решение суда, мне не о чем было беспокоиться, однако я сожалел о том, что масштабные усилия Старра так дорого обошлись налогоплательщикам, а также что пострадали жители Арканзаса, чья единственная вина заключалась в том, что они были знакомы со мной и с Хиллари еще до того, как я стал президентом.

У меня имелись серьезные сомнения относительно обоснованности приговора суда. Душевная болезнь Джима Макдугала обострилась и, по видимому, дошла уже до такой стадии, когда он не мог ни участвовать в судебных заседаниях, ни тем более давать свидетельские показания. Я был уверен, что признание вины Сюзан Макдугал и Джима Гая Такера стало следствием ухудшившегося психического здоровья Джима Макдугала и отчаянной попытки Дэвида Хейла спастись от тюрьмы.

Май стал периодом относительного затишья на законодательном фронте, и это позволило мне провести в нескольких штатах мероприятия, включенные в план моей избирательной кампании, а также выполнить ряд приятных президентских обязанностей: вручить золотую медаль Конгресса Билли Грэму, присутствовать на ежегодном концерте на Южной лужайке Белого дома, организуемом общественным телевидением WETA-TV, в котором приняли участие Аарон Невилл и Линда Ронштадт, а также встретиться с президентом Греции Константиносом Стефанопулосом, прибывшим в США с официальным государственным визитом. Когда я занимался важными международными и внутренними проблемами, мне обычно трудно было расслабиться настолько, чтобы получить удовольствие от подобных вещей.

Пятнадцатого мая я объявил о следующем этапе финансирования программы увеличения количества полицейских на местах, что позволило нам принять на работу 43 тысячи полицейских из обещанных мною 100 тысяч. В тот же самый день Боб Доул объявил, что покидает Сенат, чтобы посвятить все свое время президентской избирательной кампании. Он сообщил мне о своем решении по телефону, и я пожелал ему удачи. Для него это было единственным разумным решением, так как ему не хватало времени, чтобы бороться со мной в президентской кампании и одновременно исполнять обязанности лидера большинства в Конгрессе. Кроме того, позиция, которую республиканцы занимали в Сенате и Палате представителей по бюджету и другим проблемам, мешала ему в борьбе за пост президента.

На следующий день я призвал к введению всеобщего запрета на противопехотные мины. Около 100 миллионов таких мин, являвшихся в основном наследием прошлых войн, оставались, прикрытые тонким слоем почвы, в Европе, Азии, Африке и Латинской Америке. Многие из них находились там уже несколько десятилетий, но все еще оставались смертельно опасными. Каждый год из-за взрывов противопехотных мин погибало или получало увечья 25 тысяч человек. Это было ужасно, особенно в тех странах, где, как в Анголе или Камбодже, их жертвами становились дети. В Боснии также было много таких мин. Мы потеряли в этой стране сержанта, который погиб при попытке обезвредить противопехотную мину. Я заявил о готовности Соединенных Штатов уничтожить к 1999 году 4 миллиона своих мин, хранящихся без взрывателей, и помочь в проведении разминирования другим странам. Вскоре мы уже финансировали половину всех проводившихся в мире работ по разминированию.

К несчастью, это жизнеутверждающее событие было омрачено новой трагедией: мне пришлось объявить о гибели начальника штаба ВМС США адмирала Майка Бурды, который застрелился именно в этот день. Бурда был первым в истории США человеком, который, начав службу рядовым матросом, дослужился до самой высокой должности в ВМС. Причиной его самоубийства стали сообщения в СМИ, в которых утверждалось, что две нашивки на его форме за участие в боевых действиях во Вьетнаме на самом деле были незаслуженными. Эти факты не были подтверждены, а кроме того, они никак не могли повлиять на оценку его долгой и безупречной службы, не оставлявшей никаких сомнений в его храбрости и преданности своей стране. Как и Винс Фостер, он прежде никогда не оказывался в ситуации, когда его честность и искренность ставились под сомнение. Одно дело, когда вам говорят, что вы плохо выполнили свою работу, и совсем другое — когда утверждает, что вы вообще ни на что не годитесь.

В середине мая я продлил срок действия закона Райана Уайта, предусматривающий финансирование продлевающего жизнь лечения людей с ВИЧ/СПИДом — болезни, которая стала основной причиной смерти американцев в возрастной группе от двадцати четырех до сорока четырех лет. Мы удвоили ассигнования на эти цели по сравнению с 1993 годом, и теперь помощь получала треть из 900 тысяч людей, зараженных ВИЧ-инфекцией.

На той же неделе я подписал еще один закон, известный как «закон Меган», названный так по имени маленькой девочки, которая была изнасилована и убита. Этот закон давал властям штатов право оповещать местное население о проживающих на их территории насильниках, что было очень важно, поскольку ряд исследований показал, что такие преступники, как правило, редко встают на путь исправления.

После подписания законов я вылетел в штат Миссури, чтобы принять участие в предвыборных мероприятиях вместе с Диком Гепхардтом. Я по-настоящему восхищался Гепхардтом — трудоголиком и умным, добрым человеком, выглядевшим на двадцать лет моложе своего возраста. Несмотря на должность лидера демократов в Палате представителей, на уикенды он всегда возвращался в родной штат, чтобы поездить по своему округу, и во время этих поездок посещал дома своих избирателей и беседовал с ними. Часто Дик давал мне список того, что нужно сделать для его округа. Хотя время от времени меня о чем-то просили многие конгрессмены, подобные списки «того, что нужно сделать», я получал только от Дика Гепхардта и сенатора Теда Кеннеди.

В конце месяца я объявил, что Администрация по делам ветеранов начнет выплачивать компенсацию ветеранам вьетнамской войны, страдающим такими серьезными заболеваниями, как рак, болезни печени и болезнь Ходжкина, вызванными применением войсками США во Вьетнаме дефолианта «эйджент орандж». Этого давно требовали сами ветераны, сенаторы Джон Керри и Джон Маккейн, а также покойный адмирал Бад Зумволт.

Двадцать девятого мая я долго не ложился спать, ожидая результатов выборов в Израиле, хотя было уже далеко за полночь. Это были очень напряженные выборы, и Биби Нетаньяху победил Шимона Переса с перевесом всего в 1 процент голосов. Перес добился значительного преимущества у арабских избирателей, Нетаньяху же получил гораздо больше голосов избирателей-евреев, составлявших свыше 90 процентов всего электората, благодаря своим обещаниям ужесточить борьбу с терроризмом и не форсировать мирный процесс, а также потому, что использовал рекламные ролики в американском стиле, в ряде которых резко критиковал Переса. Съемкой этих роликов руководил медиа-консультант из Нью-Йорка, работавший с республиканцами. Перес не реагировал на призывы своих сторонников ответить на эту рекламу вплоть до самого конца кампании, когда было уже слишком поздно. Я думаю, что Шимон был хорошим премьер-министром и посвятил всю свою жизнь укреплению государства Израиль, но в 1996 году Нетаньяху доказал, что он несколько искуснее как политик. Мне не терпелось понять, сможем ли мы (а если сможем, то насколько успешно) сотрудничать в деле развития мирного процесса.

В июне, несмотря на завершавшуюся предвыборную кампанию, я сосредоточил свое внимание на двух проблемах — образовании и резкого роста числа поджогов «черных» церквей, тревожного явления, которое в то время распространялось по всей стране. На торжественной церемонии вручения дипломов выпускникам Принстонского университета я рассказал о плане

открыть двери университетов и колледжей для всех американцев и сделать двухлетнее обучение в колледже таким же общедоступным, как и среднее образование. Этот план предусматривал введение налоговых скидок, уже применявшихся в штате Джорджия в рамках программы «Стипендии надежды», в размере 1500 долларов (это средняя стоимость обучения в общинных колледжах*) в течение двух лет обучения в колледже; налоговую скидку в 10 тысяч долларов в год для всех студентов высших учебных заведений начиная с третьего года обучения; выплату стипендии размером в 1000 долларов для выпускников средней школы, вошедших в пять процентов лучших выпускников своего года; рост объемов финансирования, направленного на увеличение количества студентов, совмещающих учебу и работу в университете по программе «работа-учеба»**, с 700 тысяч до 1 миллиона и ежегодное увеличение количества грантов Пелла для студентов с низкими доходами.

В середине месяца я отправился в среднюю школу им. Гровера Кливленда в городе Альбукерк, штат Нью-Мексико, чтобы выступить в поддержку программы, согласно которой дети и подростки вечером, после определенного часа, должны были находиться дома. Там, где была введена эта программа, снижался уровень подростковой преступности и повышалась успеваемость. Я также поддержал предложение ввести обязательное ношение школьной формы в начальных и средних классах школы. Почти все школьные округа, где форма была обязательной, добились более высокой посещаемости занятий, снижения насилия в школах и повышения успеваемости. Менее заметными становились также различия между школьниками из богатых и бедных семей.

Некоторые из моих критиков высмеивали мое внимание к тому, что, по их словам, было «мелкими скучными вопросами», такими как «комендантский час» для школьников, школьная форма, программы воспитания детей и V-чипы, называя это политическими трюками и отражением моей неспособности провести через контролируемый республиканцами Конгресс более крупные программы. Это было неверно. Мы одновременно реализовывали крупные образовательные программы и программы борьбы с преступностью, утвержденные в первые два года моего президентства, а также предложили Конгрессу еще одну крупную инициативу в сфере образования. Однако я знал, что федеральные средства и новые законы лишь потенциально способны улучшить жизнь, реальные же перемены произойдут только в результате усилий граждан на местах. Благодаря в том числе и нашей пропаганде школьной формы она вводилась все в большем числе школьных округов, что приносило реальные положительные результаты.

---

* Общинный (местный) колледж — двухгодичное среднее специальное заведение, обучение в котором финансируется местными властями и рассчитано на удовлетворение местных нужд в специалистах средней квалификации. — *Прим. ред.*

** Эта программа предусматривает график учебы, который позволяет студенту работать на территории университетского городка. — *Прим. пер.*

Двенадцатого июня я был в Гриливилле, штат Южная Каролина, на церемонии открытия новой африканской методистской епископальной церкви «Маунт-Сион», построенной вместо той, что была сожжена. Менее чем за неделю до этих событий в городе Шарлот, Северная Каролина, была сожжена еще одна «черная» церковь, ставшая тридцатой за последние полтора года. Возмущение охватило всю афроамериканскую общину, которая ждала от меня конкретных мер. Я поддержал предложенный обеими партиями закон, который должен был облегчить задачу наказания тех, кто поджигал церкви и молельные дома, и пообещал, что правительство окажет помощь в получении низкопроцентных ссуд на восстановление сгоревших зданий. Казалось, один поджог провоцировал другой, как это было с надругательствами над синагогами, захлестнувшими Америку в 1992 году. Это не стало результатом заговора — все дело было в менталитете поджигателей, ненавидевших людей с другим цветом кожи.

В это же время я столкнулся с проблемой, настолько серьезной, что впервые за все время моего пребывания в Белом доме почувствовал необходимость в проведении независимого расследования.

В начале июня в выпусках новостей стали появляться сообщения о том, что тремя годами ранее, в 1993-м, моя служба безопасности и проверки персонала в Белом доме получила от ФБР сотни личных дел людей, проходивших проверку при поступлении на работу в администрации Буша и Рейгана. Эти личные дела были затребованы, потому что отделу персонала нужно было восстановить информацию о людях, оставшихся работать в Белом доме при новой администрации, а их личные дела были изъяты прежней администрацией и хранились в библиотеке Буша. Белый дом отнюдь не собирався использовать имевшуюся у ФБР конфиденциальную информацию на республиканцев. Узнав об этих сообщениях, я пришел в ярость.

Девятого июня мы с Леоном Панеттой извинились за этот инцидент. Через неделю Луи Фри объявил, что ФБР по ошибке передало в Белый дом 408 личных дел. Через несколько дней Джанет Рино попросила Кена Старра разобраться с этим делом. В 2000 году расследование показало, что это было просто ошибкой. Белый дом не занимался никаким политическим шпионажем: Секретная служба передала в службу безопасности устаревший список сотрудников Белого дома, который включал ряд республиканцев, — именно он и был отослан в Белый дом.

В конце июля на ежегодной конференции по проблемам семьи, проводимой Горами в Нашвилле, я предложил увеличить отпуск по семейным обстоятельствам на двадцать четыре часа, или три рабочих дня, в год, чтобы дать людям, имеющим семьи, возможность посещать родительские собрания в школах, где учатся их дети, а также сопровождать детей, супругов или родителей в клинику для прохождения медицинского обследования.

Проблема оптимального сочетания служебных и семейных обязанностей имела для меня такое большое значение потому, что она коснулась и Белого дома. Билл Галстон — член Совета по внутренним делам, умнейший человек и неиссякаемый источник ценных идей, с которым я познакомился еще в Совете руководства демократической партии, недавно уволился, что-

бы проводить больше времени со своим десятилетним сыном. Он так объяснил свое решение: «Мой мальчик постоянно спрашивает, где я. Вы можете найти на мое место кого-нибудь другого, а вот сыну меня никто не заменит. Я должен быть дома».

Заместитель руководителя аппарата президента Эрскин Боулз, который стал моим близким другом и партнером по гольфу, отличный менеджер и наш лучший специалист по взаимодействию с бизнес-сообществом, также вернулся домой. Его жена Крэндалл, которая училась вместе с Хиллари в Колледже Уэллсли, управляла крупной текстильной компанией и много времени проводила в разъездах. Двое их старших сыновей уже учились в университете, а младший сын оканчивал среднюю школу. Эрскин сказал мне, что ему нравится работа в администрации, однако, добавил он, «мой мальчик не должен находиться дома один в год окончания школы. Я не хочу, чтобы он хоть на секунду усомнился в том, что он — главное в жизни его родителей. Я еду домой».

Я с уважением отнесся к решению Билла и Эрскина и был рад, что, поскольку мы с Хиллари жили и работали в Белом доме, нам не приходилось тратить много времени на поездки на работу и с работы, а потому по крайней мере один из нас почти всегда был дома с Челси вечером, когда она ужинала, и утром, когда она вставала. Но благодаря этим двум случаям я убедился в том, что слишком много американцев самых разных профессий и с самым разным уровнем доходов каждый день отправляются на работу с неприятным чувством, что они пренебрегают своими детьми ради профессиональной карьеры. Соединенные Штаты меньше, чем любое другое богатое государство, заботились о том, чтобы родители могли успешно совмещать свои профессиональные и семейные обязанности, и я намеревался это изменить.

К несчастью, республиканское большинство в Конгрессе сопротивлялось введению любых новых требований к работодателям. Недавно ко мне подошел один молодой человек и предложил рассказать мне анекдот: «После того, как человека избирают президентом, ему трудно выбрать анекдот, который он мог бы рассказать публично». Вот этот анекдот: «Быть президентом с таким Конгрессом — все равно что стоять посреди кладбища: людей под вами много, но никто вас не слушает». Вот какой это был умный юноша.

В конце месяца, когда я готовился к поездке в Лион на ежегодную встречу «Большой семерки», на которой должны были рассматриваться в первую очередь вопросы борьбы с терроризмом, мне сообщили, что в результате взрыва мощной бомбы, находившейся в грузовике, который террористы подогнали к барьеру контрольно-пропускного поста Хобар-Тауэрс, жилого комплекса нашей авиабазы в Дахране (Саудовская Аравия), было убито девятнадцать наших военнослужащих и ранено почти триста человек. Среди раненых были как американцы, так и граждане других государств. Когда американский патруль приблизился к этому грузовику, два человека, находившихся в кабине, выскочили и убежали, и вскоре раздался взрыв.

Я отправил в Саудовскую Аравию группу, насчитывающую свыше сорока следователей и экспертов-патологоанатомов из ФБР, чтобы помочь саудовским властям в проведении расследования. Король Фахд по телефону выразил мне свои соболезнования и солидарность и заверил, что его правительство сделает все возможное для ареста и наказания людей, из-за которых погибли наши летчики.

Саудовцы разрешили нам создать эту базу после войны в Персидском заливе, в надежде, что постоянное нахождение войск США в этой зоне поможет предотвратить новую агрессию Саддама Хусейна, а в случае, если он все же на нее решится, позволит нам быстро нанести ответный удар. Эта цель была достигнута, однако создание постоянной базы сделало наши войска более уязвимыми перед атаками террористов. Меры безопасности, предпринимавшиеся в Хобар-Тауэрс, оказались явно недостаточными: грузовику удалось так близко подъехать к зданию, потому что саудовцы и наши военные не ожидали, что террористы способны изготовить такую мощную бомбу. Я поручил генералу Уэйну Даунингу, бывшему командующему войсками специального назначения США, возглавить комиссию, которая должна была выработать меры по усилению безопасности наших контингентов, размещенных в других странах.

Когда мы готовились к саммиту «Большой семерки», я поручил своему аппарату разработать меры по более эффективной координации борьбы против международного терроризма, с тем чтобы рекомендовать их международному сообществу. В Лионе мировые лидеры согласились принять более сорока из них, включая ускорение процедуры экстрадиции и судебного преследования террористов, а также дополнительные усилия, направленные на ликвидацию источников финансирования террористов, повышение эффективности внутригосударственных систем безопасности и максимальное ограничение доступа террористов к современному коммуникационному оборудованию.

К 1996 году моя администрация выработала стратегию борьбы с терроризмом, основными принципами которой стали деятельность по предотвращению крупных терактов, международное сотрудничество с целью ареста и судебного преследования террористов, ликвидация источников финансирования террористических организаций и разрушение системы их взаимодействия, блокирование их доступа к оружию массового поражения, изоляция стран, поддерживающих терроризм, и применение к ним соответствующих санкций. Как показали бомбовый удар по Ливии, нанесенный по приказу администрации президента Рейгана в 1986 году, и атака на штаб-квартиру разведывательных служб Ирака, осуществленная по моему приказу в 1993 году, Америка, применив силу, могла остановить государства, непосредственно связанные с направленной против нее террористической деятельностью: ни одно из этих государств больше не пыталось повторить подобные теракты. Однако гораздо труднее было справиться с «независимыми» террористическими организациями: военное и экономическое давление, эффективное против государственного терроризма, в этом случае не работало.

Эта стратегия позволила добиться значительных успехов: мы предотвратили несколько терактов, включая попытки взорвать туннель Холланд и туннель Линкольна в Нью-Йорке, а также несколько самолетов, летевших с Филиппин в Соединенные Штаты, арестовали ряд террористов в разных странах мира и предали их суду в Америке. Однако следует помнить, что террор — это не просто одна из форм международной организованной преступности. Поскольку террористы выдвигают политические требования, террористические группы часто поддерживаются и государствами, и населением. Более того, проникновение в глубь террористических сетей зачастую влечет за собой весьма неприятные открытия, как при расследовании взрыва в Хобар-Тауэрс, в ходе которого появились подозрения о возможной помощи террористам со стороны Ирана. Даже если бы у нас имелась надежная защита от террористических атак, достаточно ли будет для борьбы с ними юридических мер? И если нет, поможет ли более активное применение военной силы? В середине 1996 года было очевидно, что у нас пока еще нет окончательного ответа на вопрос о том, как поступать в случае террористических атак на американцев внутри страны и за ее пределами, а также что эти проблемы предстоит решать еще долгие годы.

В начале лета произошло несколько приятных событий — как дома, так и за границей. Во втором туре выборов, которые состоялись 3 июля, Борис Ельцин вынужден был бороться с ультранационалистом Геннадием Зюгановым. В первом туре разрыв между ними был небольшим, но Борис уверенно победил во втором туре благодаря энергичной кампании, которую он вел на всей территории страны и которая включала предвыборные мероприятия, встречи с избирателями и телерекламу в американском стиле. Выборы подтвердили легитимность политики Ельцина, направленной на укрепление демократии, модернизацию экономики и расширение контактов с Западом. У России все еще оставалось много нерешенных проблем, но я полагал, что она движется в правильном направлении. Ситуация в Америке также менялась к лучшему: безработица снизилась до 5,3 процента, было создано 10 миллионов новых рабочих мест, рост экономики составил 4,2 процента за квартал, а бюджетный дефицит уменьшился вдвое по сравнению с началом моего президентства. Сохранился и рост заработной платы. На следующий день цены акций на американском фондовом рынке упали на 115 пунктов, и я вновь поддел Боба Рубина, сказав, что на Уолл-стрит почему-то очень не любят, когда дела у средних американцев идут хорошо. На самом деле все было гораздо сложнее. Рынок ориентируется на будущее, и если сегодня на нем сложилась благоприятная ситуация, инвесторы считают, что в будущем она непременно ухудшится. Однако вскоре они изменили свою точку зрения, и цены на акции снова стали расти.

Семнадцатого июля неподалеку от Лонг-Айленда взорвался самолет компании TWA, следовавший рейсом №800. В результате взрыва погибло около 230 человек. Вначале решили (как оказалось позже, ошибочно), что это был теракт. Высказывались даже предположения о том, что самолет был

сбит ракетой, выпущенной с одного из кораблей, стоявших в проливе Лонг-Айленд. Хотя я и предостерегал против поспешных выводов, было совершенно очевидно, что нам необходимо укреплять безопасность нашей гражданской авиации.

Мы с Хиллари отправились в Нью-Йорк, чтобы встретиться с семьями погибших. На этой встрече я объявил о новых мерах по усилению безопасности полетов. Мы занимались этой проблемой с 1993 года. В числе прочих мер предлагалось модернизировать систему управления воздушным движением, увеличить число авиадиспетчеров на 450 человек и унифицировать требования к безопасности, а также провести испытания новых высокотехнологичных устройств для обнаружения взрывчатых веществ. Я также сказал, что значительно бóльшая, чем в настоящее время, часть сданного пассажирами багажа и ручной клади как на внутренних, так и на международных рейсах будет проверяться вручную, а груз и салон самолета перед каждым вылетом будут тщательно осматриваться. Кроме того, я попросил Ала Гора возглавить комиссию, которая будет проводить проверку безопасности авиаполетов и системы управления полетами, и представить отчет через сорок пять дней.

Всего через десять дней после гибели самолета был совершен теракт на Олимпийских играх в Атланте: от взрыва самодельного взрывного устройства погибли два человека. Мы с Хиллари присутствовали на церемонии открытия игр, во время которой знаменитый боксер Мухаммед Али зажег олимпийский огонь. Хиллари и Челси проводили на различных соревнованиях, вошедших в программу Олимпийских игр, значительно больше времени, чем я, но мне также удалось встретиться с американской командой и спортсменами из других стран. Ирландские, хорватские и палестинские спортсмены поблагодарили меня за помощь, оказанную Америкой в установлении мира в их странах. Спортсмены из Северной и Южной Кореи обедали за одним столом и дружески общались между собой. Олимпиада символизировала все лучшее, что было в мире, и помогала людям забыть старые разногласия. Самодельная бомба, взорванная доморощенным террористом, которого так и не сумели найти и арестовать, стала напоминанием о том, насколько уязвимыми могут быть силы мира и прогресса перед ударами тех, кто отвергает ценности и нормы мирового сообщества.

Пятого августа, выступая в Университете Джорджа Вашингтона, я подробно проанализировал влияние терроризма на наше будущее, сказав, что он стал «всеобщей угрозой, не признающей границ». Я рассказал о мерах, предпринимаемых нами в борьбе с терроризмом — «главным врагом нашего поколения», и заявил, что мы победим, если сохраним нашу уверенность и возглавим усилия мирового сообщества по борьбе с терроризмом, оставаясь «неизменным оплотом мира и свободы».

В конце августа я занимался тем, что подписывал законы и посещал партийные конференции. В «мире Уайтуотер» наметились позитивные изменения. Приближались выборы, и бюджетные битвы стихли, по крайней мере на время, поскольку конгрессмены из обеих партий стремились пред-

ставить американскому народу доказательства того, что они хотят и могут сотрудничать для его блага. В результате было принято много прогрессивных законов, за которые давно боролся Белый дом. Я подписал закон «О защите качества пищевых продуктов», который ужесточал нормы допустимой концентрации пестицидов в овощах, фруктах и зерне, а также закон «О безопасной питьевой воде», предусматривающий меры по снижению ее загрязнения и выделение займов на реконструкцию муниципальных систем водоснабжения на общую сумму 10 миллиардов долларов, что было очень важно в связи с ростом болезней и смертей, вызванных загрязнением питьевой воды криптоспоридиями. Были также подписаны законы об увеличении минимальной заработной платы на 90 центов в час, о предоставлении малому бизнесу налоговых льгот для покупки нового оборудования и расширения штатов, о создании возможностей для перевода работников предприятий малого бизнеса на новый пенсионный план 401(k), а также закон, который имел большое значение для Хиллари: о предоставлении налоговых скидок в 5000 долларов усыновителям и 6000 долларов — лицам, усыновившим ребенка, нуждающегося в специальном уходе.

В последнюю неделю месяца я подписал закон Кеннеди — Кассебаум, который помог миллионам людей сохранить свои медицинские страховки при переходе на другую работу и запретил страховым компаниям отказывать в выплате страхового возмещения лицам, если у них имелись ранее возникшие проблемы со здоровьем. Я также объявил о последнем постановлении Администрации по контролю за продуктами питания и лекарствами, направленном на то, чтобы оградить подростков от вреда, причиняемого курением. Теперь при покупке сигарет молодые люди должны были предъявить удостоверяющий личность документ, в котором указывался их возраст. Существенно ограничивались реклама табачных изделий и места, где можно было установить автоматы по продаже сигарет. В результате этого постановления мы приобрели врагов в табачной отрасли, но я считал, что наши усилия оправданны, потому что они помогут сохранить жизнь многим людям.

Двадцать второго августа я подписал важнейший закон «О реформе системы социального обеспечения», который поддержали 70 процентов представителей обеих партий в Сенате и Конгрессе. В отличие от двух законопроектов, на которые я наложил вето, в этом новом законе сохранялись федеральные гарантии предоставления пособий на медицинское обслуживание и питание для малообеспеченных граждан, он на 40 процентов увеличивал размер федеральных пособий на детей, доводя общий объем выплат до 14 миллиардов долларов, содержал предложенные мною более жесткие меры по обеспечению выплаты алиментов на детей и предоставлял правительствам штатов право направлять предназначенные для выплаты ежемесячных социальных пособий средства на повышение зарплат, что делало выгодным для работодателей принимать на работу лиц, получающих социальные пособия.

Большинство защитников бедных и сторонников легальной иммиграции, а также несколько членов моего кабинета продолжали возражать против

этого закона и требовали, чтобы я наложил на него вето, потому что он не давал гарантий фиксированных ежемесячных выплат получателям социальных пособий, ограничивал общий срок получения пособий пятью годами, снижал объем субсидий на покупку продуктов питания для бедных и лишал легальных иммигрантов с низкими доходами права на получение этих пособий и медицинской помощи за счет средств федерального бюджета. Я был согласен с этими двумя последними возражениями: лишить помощи легальных иммигрантов было, по моему мнению, жестоко и несправедливо. Вскоре после того как я подписал этот закон, два высокопоставленных сотрудника Министерства здравоохранения и социального обеспечения — Мэри Джо Бейн и Питер Эдельман — в знак протеста ушли в отставку. Прощаясь с ними, я дал высокую оценку их работе и верности своим убеждениям.

Я решил подписать этот закон, потому что, как мне казалось, он впервые за долгие годы предоставил отличную возможность изменить саму суть системы социального обеспечения: теперь, вместо того чтобы делать людей зависимыми, она должна была придать им сил и помочь начать работать. Чтобы увеличить шансы на успех, я попросил Эли Сегала, который отлично справлялся с работой в волонтерской организации «Америкорпс», организовать партнерство «От социального обеспечения к трудовому сотрудничеству» (*Welfare to Work Partnership*), которое объединило бы работодателей, готовых принять на работу получателей социальных пособий. В итоге 20 тысяч компаний, вошедших в это партнерство, со временем приняли на работу более миллиона людей, до этого живших на социальные пособия.

На церемонии подписания нового закона присутствовали несколько бывших получателей социальных пособий. Все они высказались в его поддержку. Среди них была Лили Хардин, проживающая в Арканзасе, которая десять лет назад так впечатлила моих коллег-губернаторов. В ответ на вопрос о том, что самое лучшее в превращении получателя пособия в работающего человека, она ответила так: «То, что когда моего сына в школе спрашивают, где работает его мать, он может ответить на этот вопрос». В следующие четыре года результаты реформы социального обеспечения докажут, что Лили Хардин была права. К тому времени, как я оставил пост президента, список людей, получающих социальные пособия, сократился с 14,1 миллиона до 5,8 миллиона человек — то есть уменьшился на 6 процентов, а количество детей, живущих в бедных семьях, снизилось на 25 процентов. Это был самый низкий показатель начиная с 1979 года.

Подписание закона о реформе системы социального обеспечения было одним из моих самых важных решений в качестве президента. Большую часть своей деятельности на президентском посту я посвятил тому, чтобы помочь людям, получающим социальные пособия, начать работать. Одним из главных пунктов моей предвыборной кампании 1992 года было изменение старой системы социального обеспечения — той системы, «которую мы знаем». Хотя мы и так уже проводили эту реформу, предоставив большинству штатов право отказаться от существующей системы, Америка

нуждалась в законе, который бы изменил само представление о помощи малообеспеченным: на место зависимости от помощи должна была прийти независимость людей, получивших работу.

В середине месяца республиканцы провели съезд в Сан-Диего, на котором выдвинули своим кандидатом в президенты Боба Доула, а в вице-президенты — человека, выбранного Доулом, бывшего депутата Конгресса от Нью-Йорка, министра жилищного строительства и городского развития, в прошлом звезду американского футбола — квотербека команды «Буффало Биллз» Джека Кемпа. Кемп был интересным человеком, консервативно настроенным сторонником свободного рынка, искренне желавшим улучшить экономические возможности для бедных людей и открытым для новых идей, от кого бы они ни исходили. Я не сомневался, что он будет очень полезен для президентской кампании Доула.

Республиканцы на этот раз не повторили ошибки, допущенной в 1992 году, когда они открыли съезд своей партии жесткой правоконсервативной риторикой. На этот раз выступили Колин Пауэлл, сенатор Кей Бейли Хатчисон, член Палаты представителей Сюзан Молилари и сенатор Джон Маккейн, которые представили американскому народу более умеренную, позитивную и ориентированную на будущее программу. Элизабет Доул выступила с яркой речью в поддержку своего мужа, выдвинутого кандидатом в президенты от республиканцев, после которой беседовала в зале с делегатами съезда. Доул также выступил с речью, в которой рассказал о своей долгой работе в Конгрессе, о поддерживаемом им сокращении налогов и защите традиционных американских ценностей. Он с презрением отозвался обо мне как о представителе «элиты поколения эбби-бума, которые так и не повзрослели, ничего реального не сделали, ничем не жертвовали, никогда не страдали и ничему не научились». Он обещал вернуть прошлое, в котором царили «безмятежность, вера и убежденность в правоте своего дела». Доул подверг критике идеи Хиллари, изложенные в ее книге, — о том, что для того чтобы вырастить одного ребенка, потребуются «целая деревня». Он заявил, что, по мнению республиканцев, детей должны воспитывать родители, а демократы хотят переложить эту задачу на правительство. Нападки Доула не были слишком резкими, и через пару недель нам с Хиллари представилась возможность ему ответить.

Пока длился съезд республиканцев в Сан-Диего, наша семья снова, уже во второй раз, отправилась в Джексон-Хоул, штат Вайоминг. Я заканчивал работу над небольшой книгой «Между надеждой и историей» (*Between Hope and History*), в которой писал о политике, проводимой мною в мой первый президентский срок, и на конкретных примерах показывал ее позитивное влияние на судьбы реальных американцев, а также рассказывал, в каком направлении собирался вести страну в следующие четыре года.

Двенадцатого августа мы отправились в Йеллоустонский национальный парк, чтобы принять участие в единственном публичном мероприятии за все время нашего отпуска. Там я подписал соглашение о прекращении добычи золота на участке, непосредственно прилегающем к национальному

парку. Это соглашение стало результатом совместных усилий золотодобывающей компании, активистов из числа местных жителей и членов группы по охране окружающей среды, возглавляемой Кэти Макгинти, в которую входили конгрессмены и сотрудники Белого дома.

Восемнадцатого августа мы с Хиллари и Челси присутствовали на грандиозном празднике в Нью-Йорке по случаю 50-й годовщины открытия киноконцертного зала «Рэдио-сити мюзик-холл». Несколько позже мне сообщили трагическое известие о том, что самолет, на котором перевозили наше оборудование из Вайоминга обратно в Вашингтон, потерпел крушение и все девять человек, находившихся на борту, погибли.

На следующий день мы отправились к супругам Гор в Теннесси, чтобы отпраздновать наш с Типпер общий день рождения, в честь которого мы помогли восстановить две сельские церкви — одну для белых прихожан, а другую для чернокожих. Эти церкви были разрушены во время недавней волны поджогов.

В последнюю неделю месяца внимание страны было приковано к национальному съезду демократической партии в Чикаго. К тому времени наша предвыборная кампания, которой руководил Питер Найт, уже набрала силу. Дуг Сосник и Гарольд Икес, отвечавшие за организацию съезда, обеспечивали тесное взаимодействие с Белым домом. Я с удовольствием ждал поездки в Чикаго, родной город Хиллари, потому что он сыграл ключевую роль в моей победе в 1992 году. В этом городе также эффективно реализовывались многие мои важные инициативы в сферах образования, экономики и борьбы с преступностью.

Двадцать пятого августа мы с Челси отправились поездом из Хантингтона, штат Западная Вирджиния, в Чикаго. Наше путешествие должно было продлиться четыре дня. Хиллари выехала туда раньше, чтобы присутствовать на открытии съезда. Мы арендовали прекрасный старинный поезд, который назвали «Экспресс XXI века», на котором проехали через штаты Кентукки, Огайо, Мичиган и Индиана, сделав в пути пятнадцать остановок. Когда мы проезжали через небольшие города, поезд замедлял ход, чтобы я мог приветствовать местных жителей, собравшихся у железнодорожных путей. Я видел реакцию людей, встречавших поезд, так же, как это было во время моих автобусных туров кампании 1992 года, и по выражению их лиц понимал, что теперь они больше удовлетворены состоянием страны и тем, как складывается их жизнь, чем четыре года назад. Когда мы остановились в городке Виандотте, штат Мичиган, где была запланирована встреча с местными школьниками и учителями, двое детей приветствовали меня, прочитав стихотворение «Маленький паровозик, у которого все получилось» (*The Little Engine That Could*). И название стихотворения, и энтузиазм, с которым дети его читали, были символами оптимизма и возрождения уверенности Америки в своих силах.

На остановках в наш поезд садились наши друзья и сторонники, а также местные руководители, которым хотелось проехать с нами следующий отрезок пути. Я был очень рад тому, что Челси находилась в этой поездке рядом со мной: мы вместе стояли у открытого окна, махали толпе и гово-

рили абсолютно обо всем. Наши отношения оставались такими же близкими, но она постепенно менялась, превращаясь в молодую женщину со своими собственными взглядами и интересами. Меня все больше и больше удивляло ее восприятие мира.

С приветствием к съезду, открывшемуся 26 августа, выступили Джим и Сара Брейди, которые поблагодарили демократов за поддержку закона Брейди. После них слово взял актер Кристофер Рив, которого парализовало после падения с лошади и чья мужественная борьба за жизнь и призывы уделять больше внимания изучению болезней, связанных с травмами позвоночника, вдохновили всю нацию.

В день моего выступления на съезде мне был нанесен тяжелый удар. В прессе появились сообщения о том, что Дика Морриса, приехавшего в Вашингтон по делам, связанным с подготовкой моей предвыборной кампании, часто видели в отеле с проституткой. Дик немедленно ушел в отставку, а я сделал заявление, в котором говорил, что он был моим другом и отличным политическим стратегом, проделавшим за прошедшие два года «бесценную работу». Я жалел об его уходе, но он тогда, очевидно, переживал сильный стресс, и ему было нужно время, чтобы от него оправиться. Я знал стойкость Дика и чувствовал, что он вскоре вернется на политическую арену.

Мне было легко готовить свою речь, в которой я дал официальное согласие стать кандидатом в президенты от демократической партии, так как нам удалось добиться отличных результатов: уровни безработицы и инфляции снизились до рекордно низкого уровня за последние двадцать лет; было создано 10 миллионов новых рабочих мест; 10 миллионов людей стали получать более высокую зарплату, так как был повышен уровень минимальной почасовой оплаты; 25 миллионов американцев получили льготы благодаря принятию закона Кеннеди — Кассебаум; 15 миллионов работающих американцев получили налоговые скидки; 12 миллионов воспользовались правом на отпуск по семейным обстоятельствам; 10 миллионов студентов сэкономили деньги благодаря программе прямых студенческих займов; 40 миллионов рабочих были охвачены более надежными программами пенсионного обеспечения.

Я заявил, что мы движемся в правильном направлении, и, сославшись на речь Боба Доула в Сан-Диего, сказал, что «при всем моем уважении к нему, нам не нужно строить мост в прошлое; нам нужно строить мост в будущее... давайте будем решительно строить мост в XXI век». Фраза «Мост в XXI век» стала лозунгом моей предвыборной кампании и последующих четырех лет нашей работы.

Несмотря на отличные результаты нашей работы, я знал, что выборы — это всегда то, что связано с будущим, поэтому изложил свои планы: более высокие требования к школьному образованию и всеобщая доступность среднего специального и университетского образования; сбалансированный бюджет, предусматривающий достаточное финансирование здравоохранения, образования и защиты окружающей среды; адресные налоговые льготы, которые дали бы американцам возможность покупать дома, заботиться о престарелых, получать образование в колледжах и растить

детей; создание бóльшего числа рабочих мест для людей, получающих социальные пособия, и дополнительные инвестиции для бедных городских и сельских районов; ряд новых инициатив в сферах борьбы с преступностью, незаконным оборотом наркотиков и экологии.

Я знал, что, если американский народ отнесется к предстоящим выборам как к борьбе между прошлым и будущим, мы выиграем. Боб Доул, сам того не желая, подал мне идею о главной теме кампании 1996 года. На следующий день после завершения работы съезда Ал, Типпер, Хиллари и я отправились в автобусный тур — завершающий раунд моей кампании. Отправной точкой нашей поездки был Кап-Жирардо, штат Миссури, где мы встретились с губернатором Мелом Карнаханом, с которым вместе работали с начала 1992 года, потом проехали через южный Иллинойс и западный Кентукки, после чего, сделав по пути несколько остановок в Теннесси, завернули в Мемфис, чтобы повидаться с бывшим губернатором Недом Рэем Маквертером — человеком огромного роста, «настоящим медведем», единственным из известных мне людей, кто называл вице-президента по имени. Нед Рэй принес нам столько голосов избирателей, что мог называть и Ала, и меня так, как ему заблагорассудится.

В августе Кеннет Старр проиграл свое первое серьезное дело, что еще раз показало, как отчаянно он и его аппарат пытались хоть что-нибудь на меня «повесить». Старр обвинил двух владельцев банка Perry County — адвоката Херби Бранскама-младшего и бухгалтера Роба Хилла — в «правонарушениях», допущенных при проведении моей губернаторской кампании в 1990 году.

В обвинении утверждалось, что 13 тысяч долларов, которые Бранскам и Хилл взяли из своего собственного банка якобы для оплаты расходов на оказанные ими юридические и бухгалтерские услуги (которых они на самом деле не оказывали), были использованы в качестве возмещения их пожертвований на мою кампанию. Кроме того, их обвинили еще и в том, что они, в нарушение федерального закона, запретили своему служащему сообщать в налоговые органы о двух случаях снятия с банковского счета наличных сумм, превышающих 10 тысяч долларов, которые были израсходованы на мою кампанию.

Было также вынесено частное определение в адрес Брюса Линдси, ведавшего финансовыми вопросами моей кампании, который был назван «сообщником, которому обвинение пока не предъявлено»: якобы Брюс, получая деньги для нашей кампании в день выборов, вынудил банковских служащих не представлять об этом отчет, как того требовал закон. Старр и его люди угрожали, что предъявят обвинение и Брюсу, но им не удалось его запугать: в связи с жертвованиями на кампанию не было совершено никаких противоправных действий, и Брюсу незачем было заставлять банк нарушать закон, поскольку мы опубликовали всю эту информацию через три недели, как того требовал закон о выборах штата Арканзас. Поскольку жертвования собирались и расходовались в полном соответствии с законами штата, а опубликованный нами отчет был правдивым и точным, люди

Старра не могли не знать, что Брюс не нарушал закон. Поэтому им пришлось удовлетвориться попытками его скомпрометировать, назвав «сообщником, которому обвинение пока не предъявлено».

Обвинения, выдвинутые против Бранскама и Хилла, были абсурдными. Во-первых, будучи полноправными владельцами банка, они могли, если это не наносило ущерба ликвидности банка, брать из него сколько угодно денег, при условии, что платили соответствующий подоходный налог, — и не было никаких оснований подозревать, что они этого не сделали. Что касается второго обвинения, то предъявляемое законом к банкам требование сообщать о случаях внесения на счет или снятия со счетов наличных сумм, превышающих 10 тысяч долларов, безусловно, полезно: оно дает правительству возможность отслеживать движение «грязных денег», получаемых от таких преступных видов деятельности, как отмывание денег и торговля наркотиками. Эти отчеты, представляемые правительству, проверяются каждые три — шесть месяцев, но не публикуются в открытой печати. Что касается 1996 года, было проведено двести расследований по поводу отчетов, не представленных правительству в срок, но всего двадцать из них относились к снятию денег со счетов. Все эти случаи были связаны с криминальными структурами. Еще никто до Старра не выдвигал обвинений в связи с несвоевременными отчетами о снятии денег со счетов или о пополнении счетов легальных фондов.

Средства, потраченные на нашу кампанию, без всякого сомнения, были «чистыми» деньгами, а деньги, снятые с этого счета в последний день ее проведения, были израсходованы на предвыборную агитацию и на транспорт, доставлявший избирателей к месту голосования. Через три недели после выборов мы, как того требовал закон, опубликовали подробный отчет о том, сколько денег потратили и на какие цели. У Бранскама, Хилла и Линдси просто не было мотива скрывать от правительства факт снятия денег со счетов, информация о котором все равно была опубликована менее чем через месяц.

Это не остановило Хикмена Юинга, заместителя Старра в Арканзасе, который так же, как и Старр, был буквально помешан на том, чтобы всячески нас преследовать, но в отличие от последнего совершенно не умел этого скрывать. Он угрожал отправить в тюрьму Нила Эйнли, управляющего банка Бранскама и Хилла, который отвечал за отсылку отчетов, если тот не заявит, что владельцы банка приказали ему не отсылать отчет, несмотря на то что Эйнли ранее уже давал показания, в которых это отрицал. Бедный Эйнли попал в положение мелкой рыбешки, запутавшейся в сети, и изменил свои показания. Первоначально он обвинялся в пяти уголовных преступлениях, теперь же ему вменялось в вину лишь два незначительных правонарушения.

Как и во время предыдущего судебного заседания по делу супругов Макдугал и Такера, я по просьбе обвиняемых представил суду свои показания, записанные на видеокассету. Хотя я и не имел отношения к снятию денег со счетов, которые были предметом разбирательств, у меня было полное основание утверждать, что я не назначал Бранскама и Хилла на

руководящие посты в администрации штата, которые они заняли якобы в благодарность за их финансовую поддержку моей кампании.

Благодаря энергичным действиям защиты с Бранскама и Хилла были сняты обвинения в непредставлении отчета, и присяжные не смогли прийти к единому мнению о том, сознательно ли они искажали информацию о том, на какие цели брали деньги из собственного банка. Я испытал облегчение, узнав, что с Херби, Роба и Брюса Линдси сняты обвинения, но был возмущен злоупотреблениями властью, допущенными обвинением, и тем, что мои друзья были вынуждены оплачивать значительные судебные издержки. Меня также возмутил тот факт, что деньги избирателей были потрачены на судебное преследование людей, которые взяли 13 тысяч долларов из своего собственного банка, не поставив об этом в известность федеральные власти, хотя в обоих случаях речь шла об абсолютно законном снятии денег со счетов для ведения избирательной кампании и информация об этом была своевременно опубликована.

Этим людям был нанесен и неэкономический ущерб: по приказу Старра агенты ФБР отправились в школу, где учился сын Роба Хилла, и забрали мальчика для допроса прямо с урока. Они вполне могли поговорить с ним и после уроков, на большой перемене или в выходной день. Однако вместо этого они унизили подростка, надеясь, что таким образом заставят его отца дать показания, которые смогут нанести мне ущерб, — не важно, насколько те будут правдивыми.

После суда несколько присяжных заседателей дали резкие комментарии о деятельности отдела независимого прокурора: «Это была напрасная трата денег... меня возмущает, что правительство до сих пор впустую тратит деньги на дело “Уайтуотер”»; «Если они хотят тратить на это мои деньги как налогоплательщика, пусть представляют более убедительные доказательства»; «Если уж и есть “неприкасаемые”, так это отдел независимого прокурора». Один из присяжных, заявивший, что является «противником Клинтон», сказал: «Я бы хотел, чтобы у них были доказательства, но у них ничего не было». Даже те из консервативных республиканцев, кто жил в реальном мире, отличавшемся от «мира Уайтуотер», считали, что отдел независимого прокурора зашел слишком далеко.

Тем не менее обращение Старра с Бранскамом и Хиллом казалось приятным дружеским общением по сравнению с тем, что они сделали с Сюзан Макдугал. 20 августа Сюзан была осуждена на два года тюремного заключения. Люди Старра предложили освободить ее из тюрьмы, если она предоставит им информацию, которая позволит обвинить меня или Хиллари в каких-либо противоправных действиях. В тот день, когда был оглашен приговор и Сюзан повторила то, что она говорила с самого начала, — что ей ничего не было известно о каких-либо наших противозаконных действиях, — ей была вручена повестка, обязывающая ее предстать перед большим жюри. Она явилась на суд, но отказалась отвечать на вопросы, опасаясь, что ее обвинят в лжесвидетельстве, если она не станет лгать и откажется говорить то, что от нее хотят услышать. Судья Райт обвинила Сюзан в неуважении к суду и отправила в тюрьму на неопределенный срок — до тех пор, пока

она не согласится сотрудничать со специальным прокурором. Сюзан провела в тюрьме восемнадцать месяцев, и часть этого времени содержалась в очень плохих условиях.

В начале сентября предвыборная кампания шла полным ходом. Наш съезд прошел с большим успехом, Доул же, напротив, терял популярность из-за того, что его имя связывалось с именем Гингрича и перерывами в работе правительства. Еще более важным было то, что ситуация в стране нормализовалась и избиратели уже не воспринимали такие проблемы, как преступность, социальное обеспечение, налоги, внешняя политика и оборона, прерогативой исключительно республиканской партии. Опросы общественного мнения показывали, что результаты моей работы одобряли 60 процентов американцев. Такого же уровня достиг и мой личный рейтинг, и примерно столько же опрошенных считали, что в Белом доме я «на своем месте».

В то же время я ожидал, что в некоторых штатах моя популярность снизится из-за позиции, которую я занимал по таким вопросам, как контроль над продажей огнестрельного оружия, права сексуальных меньшинств и право женщин на аборт, а также (по крайней мере в Северной Каролине и Кентукки) из-за моего отношения к проблеме курения. Было также очевидно, что Росс Перо получит гораздо меньше голосов, чем в 1992 году, и по этой причине мне будет трудно победить в паре штатов, где он тогда отобрал больше голосов у президента Буша, чем у меня. И все же в целом в эту кампанию дела у меня шли гораздо лучше, чем в прошлую. В течение всего сентября мои предвыборные выступления собирали толпы людей — «октябрьские толпы», как я их называл, — которые горячо нас приветствовали. Это началось с пикника в честь Дня труда в Ди Пир, неподалеку от Грин-Бей, штат Висконсин, на озере Мичиган, где собралось почти 30 тысяч человек. Обычно такая активность избирателей наблюдалась только в октябре, ближе ко дню выборов, поэтому я назвал это «октябрьскими толпами».

Поскольку исход выборов решают голоса избирателей, я хотел использовать благоприятный момент, чтобы обеспечить себе победу еще в паре штатов и заставить сенатора Доула потратить время и деньги на те штаты, где республиканцы обычно побеждали без проблем. Доул хотел реализовать аналогичный план в Калифорнии, где я выступал против популярной среди избирателей инициативы по отмене программы позитивных действий при приеме в колледжи и университеты, а он получил некоторое преимущество, проведя съезд республиканской партии в Сан-Диего.

Моей основной целью была Флорида. Если бы я сумел выиграть там и при этом победить в большинстве штатов, которые проголосовали за меня в 1992 году, то исход выборов был бы предрешен. Все четыре года я напряженно работал во Флориде: помогал этому штату преодолеть последствия ущерба, нанесенного ему ураганом Эндрю; провел в нем Саммит двух Америк; перевел Южное командование Вооруженных сил США из Панамы в Майами; немало сделал для восстановления экологии болот в национальном парке «Эверглейдс» и даже установил контакты с общиной

кубинских иммигрантов в США, которая со времени неудачной высадки десанта в заливе Кочинос обычно отдавала республиканцам более 80 процентов своих голосов. Мне также очень помогли отличная организация нашей предвыборной кампании во Флориде и активная поддержка губернатора Лоутона Чайлза, у которого были хорошие связи с более консервативными избирателями в центральных и северных районах Флориды. Этим людям нравился Лоутон, отчасти потому, что, когда они на него нападали, он всегда давал им сдачи. Как он сказал, «ни одному хорошему хозяину не понравится собака, которая не умеет кусаться». В начале сентября Лоутон отправился вместе со мной в предвыборную поездку по северной Флориде. Еще одной нашей целью было проститься с уходящим в отставку конгрессменом Питом Питерсоном. В свое время он провел шесть с половиной лет в плену во Вьетнаме, а недавно я назначил его нашим первым после окончания войны послом в этой стране.

Большую часть оставшихся дней месяца я провел в тех штатах, где одержал победу в 1992 году. Во время своей поездки на запад я провел несколько встреч с избирателями в Аризоне — штате, который не голосовал за демократов на президентских выборах с 1948 года. Я считал, что у меня есть шансы выиграть там из-за роста в этом штате испаноязычного населения и неудовлетворенности многих умеренных избирателей и консерваторов-традиционалистов экстремистской политикой контролируемого республиканцами Конгресса.

Шестнадцатого сентября я получил поддержку Ордена полицейского братства*. На президентских выборах его члены обычно поддерживали кандидата от республиканцев, но поскольку Белый дом уже четыре года сотрудничал с этой организацией, добиваясь того, чтобы на улицах было больше полицейских, чтобы оружие не попадало в руки преступников, чтобы был введен запрет на «пули — убийцы полицейских», они хотели продлить эту совместную работу еще на четыре года.

Через два дня я объявил об одном из важнейших достижений моей администрации в сфере экологии за все восемь лет ее работы — учреждении национального парка площадью 1,7 миллиона акров в горном массиве «Большая лестница», одном из прекраснейших уголков южной части штата Юта, где в красных скалах сохранились ископаемые останки динозавров и следы древней индейской цивилизации Анасази. Я имел право сделать это по закону «О древностях» 1906 года, который позволял президенту объявлять охраняемой территорией находящиеся в федеральной собственности земли, имеющие выдающуюся культурную, историческую или научную ценность. Я объявил об этом решении, стоя на краю Большого каньона, который стал первым национальным заповедником, взятым под защиту этим законом по распоряжению президента Теодора Рузвельта. Мое решение было необходимо, чтобы прекратить строительство крупной угольной шахты, которое угрожало сохранению природного ландшафта этого района. Большинство руководителей штата Юта и многие бизнесмены считали, что добыча угля

---

* Профсоюз служащих полиции. — *Прим. ред.*

поможет укрепить экономику штата, и возражали против моего решения. Однако я был уверен: эти земли бесценны и новый заповедник со временем будет приносить доход благодаря притоку туристов, что компенсирует убытки, связанные с закрытием шахты.

Помимо горячей поддержки огромного числа избирателей в сентябре мы получили еще ряд свидетельств того, что дела наши идут хорошо. После предвыборного митинга в городе Лонгвью, штат Техас, когда я обменивался рукопожатиями с его участниками, я познакомился с женщиной, которая одна воспитывала двоих детей. Она отказалась от социального пособия и поступила на работу в волонтерскую организацию «Америкорпс», а часть заработанных денег тратила на оплату обучения в Колледже Килгор Джуниор. Во время разговора с другой женщиной выяснилось, что она воспользовалась правом на отпуск по семейным обстоятельствам, когда ее муж заболел раком, а ветеран войны во Вьетнаме выразил благодарность за пособия, которые он получал на своих детей, у которых было врожденное расщепление позвоночника из-за того, что он, их отец, во время войны подвергся воздействию ядовитого дефолианта «эйджент орандж». Вместе с ним на митинг пришла его двенадцатилетняя дочь, которая страдала этим тяжелым недугом и за свою короткую жизнь уже перенесла более десяти операций.

Однако в остальном мире события разворачивались независимо от нашей предвыборной кампании. В первую неделю сентября вновь заявил о себе Саддам Хусейн, который оккупировал город Иrbил в Курдистане, на севере Ирака, нарушив тем самым ограничения, наложенные на него после войны в Заливе. За контроль над этим районом боролись две группировки курдов, и когда одна из них решила поддержать Саддама, он напал на другую. По моему приказу по иракским войскам были нанесены ракетные и бомбовые удары, после чего они покинули эту территорию.

Двадцать четвертого сентября я прибыл в Нью-Йорк на открытие сессии Организации Объединенных Наций, где первым из множества глав государств подписал Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, воспользовавшись для этого той же самой ручкой, которой президент Кеннеди тридцатью тремя годами ранее подписал Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой. В своем кратком выступлении я подчеркнул необходимость принятия дальнейших мер, направленных на снижение угрозы применения оружия массового уничтожения, и призвал государства — члены ООН присоединиться к конвенции о запрещении химического оружия, ужесточить ответственность за несоблюдение положений конвенции о запрещении биологического оружия, заморозить производства ядерных материалов, которые могут применяться для производства ядерного оружия, и запретить использование, производство, хранение и продажу противопехотных мин.

Пока в ООН велось обсуждение проблемы нераспространения ядерного оружия, вновь обострилась ситуация на Ближнем Востоке. Израиль открыл тоннель под Храмовой горой в старой части Иерусалима. Под этой горой

находились развалины храмов Соломона и Ирода, а над ними — две важнейшие святыни мусульман: мечеть Омара и мечеть Аль-Акса. После того как израильтяне во время войны 1967 года захватили Восточный Иерусалим, Храмовая гора, которую арабы называли Харам аль-Шариф, оставалась под контролем мусульманских властей, и, когда был открыт туннель, палестинцы восприняли это как угрозу своим религиозным и политическим интересам: начались столкновения и перестрелки. За три дня погибло шестьдесят человек, и еще больше было ранено. Я призвал обе стороны прекратить насилие и вернуться к выполнению мирного соглашения, а Уоррен Кристофер, пытаясь остановить кровопролитие, все это время не отходил от телефона, ведя напряженные переговоры с премьер-министром Нетаньяху и председателем Исполкома ООП Арафатом. По совету Кристофера я пригласил Нетаньяху и Арафата в Белый дом, чтобы обсудить создавшееся положение.

В конце месяца я подписал закон о бюджетных ассигнованиях на здравоохранение, который покончил с так называемыми «родами проездом», гарантировав матерям и новорожденным как минимум сорок восемь часов пребывания в родильном доме; принял меры по обеспечению медицинской помощью детей участников вьетнамской войны, родившихся с расщеплением позвоночника, о чем я уже упоминал выше; потребовал установить единый верхний предел страховых выплат по ежегодной и пожизненной медицинским страховкам для людей, страдающих психическими и соматическими заболеваниями. Этот прорыв в области медицинского страхования стал возможен не только благодаря деятельности групп гражданских активистов, но и благодаря личным усилиям сенатора Пита Доменичи из Нью-Мексико, сенатора Пола Уэллстоуна из Миннесоты и Типпер Гор, которую я назначил моим официальным советником по вопросам медицинской политики в области психических заболеваний.

Первые два дня октября я провел вместе с Нетаньяху, Арафатом и королем Хусейном, которые согласились встретиться с нами, чтобы вместе попытаться возобновить мирный процесс. Когда наши переговоры завершились, Арафат и Нетаньяху попросили меня ответить на вопросы журналистов. Выступая на пресс-конференции, я сказал, что нам пока еще не удалось решить проблему с туннелем, но обе стороны согласились по возвращении в регион немедленно начать переговоры, чтобы прекратить вспышки насилия и восстановить мир. Во время нашей встречи Нетаньяху подтвердил свои обязательства выполнить договоренности, достигнутые перед тем, как он стал премьером, включая вывод израильских войск из Хеврона. Вскоре туннель был снова закрыт, что соответствовало обязательствам сторон не предпринимать никаких шагов по изменению сложившейся в Иерусалиме ситуации без предварительных переговоров.

Третьего октября я продолжил предвыборную кампанию, посетив митинг в городе Буффало, штат Нью-Йорк, где ко мне всегда хорошо относились. Оттуда я отправился в Чатокуа, чтобы подготовиться к моим первым предвыборным дебатам с Бобом Доулом в Хартфорде, штат Коннектикут, назначенным на 6 октября. Там уже собралась вся наша команда, включая моего медиаконсультанта Майкла Шихана. Роль Боба Доула во время нашей

репетиции дебатов исполнял Джордж Митчелл. Вначале он меня переигрывал, но с каждой репетицией я становился все сильнее. В перерывах мне удалось сыграть в гольф с Эрскином Боулзом, и в моей игре также был заметен прогресс. В июне мне наконец удалось закончить игру менее чем за восемьдесят ударов, но я все еще не мог обыграть Эрскина, когда он был в форме и показывал свои лучшие результаты.

Дебаты прошли вполне цивилизованно и оказались весьма полезными для людей, которых интересовали различия в наших подходах к управлению и позициях по различным проблемам. Во время дебатов было несколько острых моментов: в частности, Доул обвинил меня в том, что своими рекламными роликами с критикой сокращений ассигнований на программу «Медикэр», предложенных в республиканском проекте бюджета, на который я наложил вето, я напугал пожилых американцев. Он также повторил слова, которые до этого произнес на съезде республиканцев, — о том, что я набрал в администрацию представителей молодого поколения элиты, «которые так и не повзрослели, ничего реального не сделали, ничем не жертвовали, никогда не страдали и ничему не научились», добавив, что эти люди «хотят использовать ваши доходы для финансирования своих сомнительных проектов». Я ответил ему, что один из этих представителей «молодого поколения элиты», работающих в Белом доме, на самом деле вырос в трейлере, поскольку у его семьи не было собственного дома, а что касается обвинений в чрезмерном либерализме, то «республиканская партия всегда пользуется этим приемом, если предвыборная ситуация оказывается для них неблагоприятной. Это что-то наподобие их священной древней реликвии... но я не думаю, что этот трюк может опять сработать».

Второй тур дебатов должен был состояться через десять дней в Сан-Диего. Перед его началом мы с Хиллари, Алом и Типпер посетили Молл — площадь в центре Вашингтона, которая в тот день в память умерших от СПИДа была покрыта огромным лоскутным одеялом с их именами. Двое из этих людей были нашими с Хиллари друзьями. Я был удовлетворен тем, что смертность от СПИДа начала снижаться, и полон решимости добиться того, чтобы проводилось еще больше исследований для создания лекарства от этой болезни.

Мики Кантор договорился о том, что дебаты в Сан-Диего будут проводиться в формате «таун-холл»*. 16 октября избиратели, собравшиеся в Университете Сан-Диего, задавали нам острые вопросы, и мы с Доулом отвечали на них, стараясь не нападать друг на друга, что нам почти удалось, если не считать самого конца дебатов. В своем заключительном слове Доул обратился к своим сторонникам, напомнив им, что я возражал против введения ограничений на продолжительность работы конгрессменов и сенаторов США, принятия поправок к Конституции о сбалансированном бюджете, защите американского флага и отмене ограничений на добровольное чтение молитв в школах. Я же в своем заключительном слове рассказал

---

* Форма проведения дебатов, при которой вопросы участникам задает не ведущий, а зрители. — *Прим. ред.*

о моих предложениях на следующие четыре года. По крайней мере, люди узнали, из чего они могут выбирать.

За две недели до выборов опросы общественного мнения показали, что я опережал своего соперника на 20 процентов: за меня были готовы проголосовать 55 процентов избирателей. Я сожалел о том, что эти данные были опубликованы: они снизили накал предвыборной борьбы, поскольку наши сторонники решили, что выборы уже выиграны. Я продолжал напряженно работать, и в первую очередь в двух наших «целевых» штатах — Аризоне и Флориде, а также там, где мы выиграли в прошлый раз, включая три штата, которые меня особенно беспокоили, — Неваду, Колорадо и Джорджию. 25 октября мы провели грандиозный митинг в Атланте, где мой давний друг Макс Клеланд вел ожесточенную борьбу за место в Сенате США. В мою поддержку на этом митинге очень энергично и убедительно выступил Сэм Нанн, и я уезжал из Джорджии с мыслью о том, что в этом штате у меня есть шанс на победу.

Первого ноября я вступил в заключительный этап предвыборной кампании, проведя утреннюю встречу с избирателями на территории городского Колледжа Санта-Барбары, штат Калифорния. В этот теплый солнечный день на склоне холма, с которого открывался вид на Тихий океан, собралась огромная толпа. Санта-Барбара оказалась удачным местом для завершения кампании в Калифорнии: когда-то здесь было сильно влияние республиканцев, но в последнее время население города стало склоняться на нашу сторону.

Из Санта-Барбары я вылетел в Лас-Крусис, штат Нью-Мексико, потом в Эль-Пасо, где в аэропорт, чтобы продемонстрировать нам свою поддержку, пришли сорок тысяч избирателей — рекордное число, и, наконец, в Сан-Антонио, на традиционный предвыборный митинг в крепости Аламо*. Я знал, что нам ни за что не победить в Техасе, но хотел выразить свое уважение поддерживавшим меня демократам из этого штата, особенно испаноязычным.

Когда до завершения предвыборной кампании оставалось всего три дня, я столкнулся с серьезной проблемой. Кандидаты в Сенат из нескольких небольших штатов попросили меня помочь им в их предвыборной борьбе, однако Марк Пенн заявил, что в последние дни перед выборами мне необходимо посетить несколько крупных штатов, в противном случае я рискую не набрать большинства голосов. Во-первых, в последние две недели наши дела шли уже не так успешно, поскольку появились обвинения, что на ведение своей предвыборной кампании демократическая партия получила крупные пожертвования от бизнесменов из Азии, в том числе от тех людей, с которыми я был знаком еще в свою бытность губернатором. Услышав об этом, я пришел в негодование. Наш финансовый секретарь Терри Маколифф внимательно следил за тем, чтобы все пожертвования на нашу предвыборную кампанию тщательно проверялись. Кроме того, Национальный коми-

---

* Испанская католическая миссия-крепость в г. Сан-Антонио, штат Техас, место героической обороны около 200 техасских повстанцев во время борьбы за независимость от Мексики 23 февраля — 6 марта 1836 года. — *Прим. пер.*

тет демократической партии использовал специальные процедуры проверки сомнительных пожертвований. Очевидно, эти процедуры оказались недостаточно эффективными. Все, что я мог сказать, — это то, что все незаконные пожертвования будут немедленно возвращены. Как бы то ни было, это могло серьезно повредить нам на выборах. Во-вторых, Ральф Нейдер, который был кандидатом в президенты от партии зеленых, угрожал отобрать у меня часть голосов левых избирателей. В-третьих, Росс Перо, который вступил в предвыборную кампанию лишь в октябре (слишком поздно, чтобы участвовать в дебатах), по нашим расчетам, должен был набрать меньше голосов, чем в 1992 году, но в конце кампании он сделал то же, что и в прошлый раз: обрушился на меня с яростными нападкамии. Перо сказал, что в следующие два года я буду «очень стараться не попасть в тюрьму», и назвал меня «дезертиром, уклонившимся от призыва в армию», который скомпрометирован «неэтичным поведением, использованием грязных денег для финансирования предвыборной кампании и либеральным отношением к наркотикам». Наконец, ожидалось, что явка избирателей будет гораздо ниже, чем в 1992 году, потому что уже несколько дней все твердили, что исход выборов очевиден.

По мнению Марка Пенна, мне, чтобы победить на выборах, нужно было посетить крупные штаты с большим числом избирателей и обратиться к ним с просьбой прийти на избирательные участки. В противном случае, сказал он, имеющие более низкие доходы демократы, уверенные в исходе выборов, могут не пойти на выборы, в то время как более обеспеченные и идеологически ангажированные сторонники республиканцев непременно примут участие в голосовании. Я уже запланировал поездки во Флориду и Нью-Джерси, и по совету Марка мы решили сделать остановку еще и в Кливленде, штат Огайо. Кроме того, я запланировал визиты в штаты, где проходили сенатские выборы, — Луизиану, Массачусетс, Мэн, Нью-Хэмпшир, Кентукки, Айову и Южную Дакоту. Что касается президентских выборов, то я уверенно лидировал во всех этих штатах, за исключением Кентукки, где их исход вызывал сомнения, и Южной Дакоты, где, как я ожидал, в конце концов победит Доул. Я решил отправиться в эти штаты, потому что был готов пожертвовать двумя-тремя процентами поданных за меня голосов ради того, чтобы в Сенат было избрано как можно больше демократов. К тому же шесть из семи участвовавших в выборах кандидатов оказывали мне большую помощь — на выборах 1992 года или в Конгрессе.

В воскресенье 3 ноября, после посещения службы в соборе Святого Павла в Тампе я вылетел вначале в Нью-Хэмпшир, чтобы поддержать нашего кандидата в Сенат Дика Суэтта, затем в Кливленд, где мэр Майк Уайт и сенатор Джон Гленн придали мне «последнее ускорение», и в Лексингтон, штат Кентукки, чтобы вместе с сенатором Уэнделлом Фордом, губернатором Полом Паттоном и нашим кандидатом в Сенат Стивом Беширом принять участие во встрече с избирателями в местном университете. Я знал, что в Кентукки мне будет трудно выиграть из-за моей позиции в отношении торговли табачными изделиями, и был рад, когда на сцене вместе с нами появился тренер баскетбольной команды Университета Кентукки Рик Питино. В штате,

где каждый житель страстно любил баскетбол и при этом каждый второй не любил меня, поступок Питино был очень важным и смелым шагом.

Когда я добрался до Сидар-Рапидс в штате Айова, было уже восемь часов вечера. Я очень хотел туда попасть, чтобы помочь Тому Харкину, который вел сложнейшую борьбу за свое переизбрание. Том всегда поддерживал меня в Сенате, а после предварительных выборов 1992 года он и его жена Рут — она была юристом и работала в моей администрации — стали моими близкими друзьями.

Моей последней остановкой в тот вечер стал город Су-Фолс, штат Южная Дакота, где у демократа Тима Джонсона были реальные шансы одержать победу над республиканцем Ларри Пресслером. И Джонсон, и активно поддерживавший его сенатор Том Дэшл сделали для меня много хорошего. Как лидер меньшинства в Сенате Дэшл оказывал Белому дому бесценную помощь во время «бюджетных сражений» и остановок работы правительства, поэтому, когда он попросил меня приехать в Южную Дакоту, я не мог ему отказать.

Была уже почти полночь, когда я начал выступление «на последнем митинге последней в моей жизни предвыборной кампании» в Су-Фолс. Поскольку это была моя заключительная речь, я представил слушателям полный отчет о работе моей администрации, о «сражении за бюджет» и о том, что я намереваюсь сделать в следующие четыре года. Поскольку я находился в сельскохозяйственном штате, таком же, как Арканзас, то решил пошутить. Я сказал им, что проект бюджета республиканцев напомнил мне историю об одном политике, который пришел к фермеру, чтобы агитировать его голосовать за него, но побоялся войти во двор к фермеру, потому что там лаяла собака. Политик спросил фермера: «Ваша собака кусается?» «Нет», — ответил фермер. Однако, когда политик вошел во двор, собака его укусила. «Вы же сказали, что ваша собака не кусается!» — закричал политик. На что фермер ответил: «Сынок, но это не моя собака». Бюджет — это их собака!

Выборы прошли так, как и предсказал Марк Пенн: количество проголосовавших избирателей было рекордно низким, и я победил, получив 49 процентов голосов против 41 процента у Доула. Соотношение голосов выборщиков было 379 к 159, поскольку я потерял три штата, где выиграл в 1992 году, — Монтану, Колорадо и Джорджию, но зато победил в Аризоне и Флориде и в итоге получил на девять голосов выборщиков больше, чем в первую президентскую кампанию.

Несмотря на общие итоги, некоторая разница в результатах голосования 1992 и 1996 годов продемонстрировала, что в одних штатах на исход выборов оказали влияние культурные, а в других — более традиционные экономические и социальные факторы. Такие сдвиги характерны для любых выборов, и в 1996 году благодаря этой информации я узнал, что важно для тех или иных групп американцев. Например, в Пенсильвании, где много членов Национальной стрелковой ассоциации и большинство населения является противниками аборт, я выиграл, получив такой же процент голосов, как и в 1992 году. Это произошло благодаря моей уверенной по-

беде в Филадельфии и Питтсбурге, поскольку в других избирательных округах этого штата я потерял голоса из-за того, что выступал за введение ограничений на продажу огнестрельного оружия и наложил вето на закон о запрещении аборт на поздних сроках беременности. В штате Миссури те же самые факторы почти вдвое уменьшили мое преимущество над соперником: с 10 до 6 процентов. Я получил большинство голосов в Арканзасе, но моя победа там была не такой убедительной, как в 1992 году, а в Теннесси мое преимущество сократилось с 4,5 до 2,5 процента.

В штате Кентукки из-за нашей позиции по проблемам торговли табачными изделиями и контроля над продажами огнестрельного оружия наш отрыв от республиканцев сократился до 1 процента с 3 процентов в 1992 году. По той же причине я проиграл Доулу 3 процента в Северной Каролине, хотя по данным опросов все время опережал его в этом штате. В Колорадо, где у меня было 4-процентное преимущество, в 1996 году я проиграл 1,5 процента голосов из-за того, что многие избиратели, поддержавшие в 1992 году Росса Перо, на этот раз проголосовали за республиканцев. Кроме того, после того как ряд христианских организаций правового толка разместил здесь свои штаб-квартиры, число сторонников республиканцев среди зарегистрированных избирателей этого штата увеличилось на 10 тысяч человек. В штате Монтана я на этот раз потерпел серьезное поражение, поскольку, как и в Колорадо, снижение численности голосов, поданных за Перо, означало увеличение числа голосов, поданных за сенатора Доула.

В Джорджии, по данным последних опросов общественного мнения, я лидировал с преимуществом в 4 процента голосов, но в итоге проиграл 1 процент, во многом благодаря усилиям Христианской коалиции. В 1992 году ей удалось сократить мое преимущество с 6 процентов менее чем до одного, благодаря тому что в последнее воскресенье перед выборами она активно распространяла «руководства по голосованию» в церквях консервативной ориентации. Демократы много лет практиковали то же самое в церквях, посещаемых темнокожими избирателями, но Христианская коалиция использовала этот прием особенно эффективно, по крайней мере в Джорджии, изменив там соотношение голосов на 5 процентов и в 1992, и в 1996 году. Я был расстроен своим поражением в Джорджии, но рад, что Макс Клеланду удалось победить, набрав больше голосов белых избирателей, чем получил я. Одержатъ победу на Юге было нелегко, что объяснялось культурными факторами. Единственным южным штатом, где мне удалось улучшить свой результат по сравнению с 1992 годом, была Луизиана. Мое преимущество там в 1996 году составило 12 процентов по сравнению с 4,5 процента в 1992-м.

Напротив, процент полученных мною голосов существенно вырос в штатах, где население придерживалось менее консервативных культурных взглядов и больше интересовалось состоянием экономики. Мое преимущество над республиканцами выросло по сравнению с 1992 годом на десять и более процентов голосов в таких штатах, как Коннектикут, Гавайи, Мэн, Массачусетс, Нью-Джерси, Нью-Йорк и Род-Айленд. Как и в 1992 году, мы получили значительное преимущество над республиканцами в штатах

Иллинойс, Миннесота, Мэриленд и Калифорния и существенно увеличили свое преимущество в Мичигане и Огайо. Несмотря на проблему отношения к огнестрельному оружию, я на 10 процентов увеличил свое преимущество и в Нью-Хэмпшире. Мне удалось сохранить преимущество в 1 процент голосов в Неваде, в основном потому, что я возражал против строительства в этом штате хранилища для отработанных ядерных отходов до того, как будут получены убедительные доказательства его безопасности, и эта моя позиция постоянно освещалась в местной прессе благодаря усилиям моего друга и однокашника по Джорджтаунскому университету Брайана Гринспана, президента и редактора газеты *Las Vegas Sun*, которого очень беспокоила проблема ядерных отходов.

Если взвесить все «за» и «против», можно сказать, что в целом я был доволен результатами выборов. Я получил больше голосов, чем в 1992 году, и четыре из семи кандидатов в Сенат, которых я поддержал, выиграли: Том Харкин, Тим Джонсон, Джон Керри и, в штате Луизиана, Мэри Ландрю. Но тот факт, что процент полученных мною голосов был ниже, чем доля людей, одобрявших мою работу, ниже, чем мой личный рейтинг и доля американцев, которые позитивно относились к моему избранию президентом, стал отрезвляющим напоминанием о том, что многие избиратели не разделяют моих взглядов на такие проблемы, как контроль над огнестрельным оружием, права сексуальных меньшинств и право женщин на аборт. Такое неприятие моей позиции чаще встречалось среди белых семейных пар Юга, жителей горных местностей Запада и сельского населения Среднего Запада, а также среди белых мужчин по всей стране. Мне нужно было попытаться выработать взаимопонимание, смягчить межпартийную борьбу в Вашингтоне и сделать все от меня зависящее на посту президента.

Атмосфера празднования нашей победы в Здании собрания штата в Литл-Роке была на этот раз иной. Как и в 1992 году, здесь собралась огромная толпа, но на этот раз было меньше восторженных громких выкриков и больше ощущения подлинного счастья, потому что ситуация в стране улучшилась и американский народ одобрил то, как мы выполняли свою работу.

Поскольку исход выборов уже несколько недель не вызывал сомнений, было легко недооценить их значимость. После выборов в Конгресс 1994 года меня высмеивали как малозначительную политическую фигуру, обреченную на поражение в 1996 году. На ранних стадиях бюджетных битв в условиях постоянной угрозы остановки работы правительства было трудно предположить, что я выиграю выборы и американский народ поддержит мою программу, а не программу республиканцев. Теперь я стал первым президентом от демократической партии, избранным на второй срок, после Франклина Делано Рузвельта, одержавшего свою вторую победу на выборах в 1936 году.

На следующий день после выборов я вернулся в Белый дом, чтобы на Южной лужайке отпраздновать победу с членами моего аппарата и кабинета, с теми, кто получил новое назначение после выборов, кто работал с нами во время избирательной кампании, а также с руководителями демократической партии. В своем кратком выступлении я вспомнил, как в ночь после выборов ждал результатов и ощущал свое единение с людьми, которые работали на меня в Арканзасе, когда я был прокурором штата, а затем губернатором: «Я сказал им тогда в Арканзасе то, что хочу сказать сегодня и вам. Я всегда был человеком, который очень много работал и был очень требователен. Меня всегда прежде всего интересовало дело. Иногда я недостаточно часто говорил вам “спасибо”. Я всегда жестко относился к самому себе и думаю, что по этой причине слишком жестко относился и к вам — людям, работающим здесь».

Наша команда очень многое сделала за прошедшие четыре года, хотя все время находилась под давлением. Это было результатом ошибок, допущенных мною в начале моей президентской деятельности, двух лет резко негативных отзывов о нас в прессе, потери большинства в Конгрессе после выборов 1994 года, финансового и эмоционального груза дела «Уайт-уотер», многих моих личных потерь и постоянных трудностей, которые мы преодолевали, изменяя страну. Я делал все, что было в моих силах, чтобы сохранить оптимизм самому и внушать его другим, чтобы нас не слишком отвлекали от наших целей беды, несправедливости и несчастья. Теперь, когда американский народ предоставил нам еще один президентский срок, я надеялся, что в эти следующие четыре года у нас будет больше возможностей работать на благо общества, не сталкиваясь постоянно с попытками дезорганизовать нашу работу и политическим соперничеством, выпавшими на долю нашей первой команды.

Меня вдохновили слова, сказанные в конце октября архиепископом Чикагским кардиналом Джозефом Бернардином, неустанным борцом за социальную справедливость, которого мы с Хиллари хорошо знали и очень любили. Незадолго до смерти безнадежно больной Бернардин сказал: «У умирающего человека нет времени заниматься случайными и второстепенными делами... неправильно тратить такой бесценный дар, как время, на раздражительность и раздоры».

Через неделю после выборов несколько людей, занимавших важные посты в нашей администрации, включая Леона Панетту и Уоррена Кристофера, заявили о своем намерении уйти в отставку в конце года. Крис последние четыре года практически жил в самолетах, а Леон прошел с нами через все битвы за бюджет, не говоря уже о том, что ночь после выборов он провел, играя со мной в карты в ожидании результатов. Оба они хотели

вернуться к нормальной жизни и уехать домой в Калифорнию. Они хорошо поработали для меня и для своей страны, и я знал, что мне будет их не хватать. 8 ноября я объявил, что новым руководителем аппарата Белого дома назначен Эрскин Боулз. К тому времени его младший сын уже учился в университете, и Эрскин мог вернуться в администрацию, хотя это решение и далось ему нелегко, потому что ему снова пришлось принести в жертву интересы своего довольно прибыльного частного бизнеса.

Слава богу, Нэнси Хернрейх и Бетти Карри остались на своих постах. К этому времени Бетти уже была знакома с большинством моих друзей во всех уголках страны, отлично справлялась с нескончаемыми телефонными переговорами и была моим незаменимым помощником в офисе. Нэнси отлично знала характер работы нашего аппарата и то, что мне необходимо быть в курсе всех дел и при этом не «потонуть» в каждодневной рутине. Она делала все возможное, чтобы облегчить мне работу, и благодаря ей мои помощники в Овальном кабинете работали на удивление слаженно. Мой личный помощник Стивен Гудин покинул аппарат, но мы подготовили ему отличную замену — Криса Энгскова, который с самого начала моего президентства работал в Белом доме и с которым я познакомился в одном из северных районов Арканзаса еще в 1974 году, во время первой в моей жизни избирательной кампании. Поскольку стол помощника президента располагался сразу за дверью Овального кабинета и тот все время находился рядом, очень важно было иметь на этом посту человека, которого я давно знал и которому по-настоящему нравилась такая работа. Я также был рад тому, что «летописцем» Белого дома стала Джанис Керни. Джанис раньше была редактором небольшой газеты *Arkansas State Press*, читателями которой были чернокожие жители штата, и вела подробнейшие записи всех наших встреч. Просто не знаю, что бы я делал без членов команды Овального кабинета.

Через неделю после того, как я объявил о продлении на восемнадцать месяцев нашей миссии в Боснии, мы с Хиллари уже находились на пути в Австралию, Филиппины и Таиланд, где нам представилась такая необходимая в то время для нас обоих возможность совместить работу с отдыхом. Мы провели три безмятежных дня на Гавайях, после чего прилетели в Австралию, в Сидней. После встречи с премьер-министром Джоном Хоуардом и выступления с речью в австралийском парламенте в Канберре мы провели день в Сиднее, где я получил возможность сыграть в гольф с одним из величайших игроков нашего времени Грегом Норманном, после чего вылетели на север, в Порт-Даглас — курорт на Коралловом море, расположенный недалеко от Большого Барьерного рифа. Там в сопровождении гида-аборигена мы совершили прогулку по влажному тропическому лесу в Национальном парке Дейнтри, а также экскурсию в заповедник, где я поиграл с коалой по имени Челси. Потом мы с ластами и трубкой ныряли у великолепного кораллового рифа. Этот риф, как и коралловые рифы во всем мире, находился под угрозой исчезновения в результате загрязнения океана, глобального потепления и физического разрушения. Как раз перед тем, как отправиться к нему, я объявил о поддержке США Международной

инициативы в отношении коралловых рифов, направленной на то, чтобы защитить их от дальнейшего разрушения.

Затем мы вылетели из Австралии на Филиппины, чтобы принять участие в четвертой встрече лидеров стран Азиатско-Тихоокеанского региона, которую проводил президент Филиппин Фидель Рамос. Главным результатом этой конференции было соглашение, которым к 2000 году ликвидировались таможенные пошлины на компьютеры, полупроводниковую и телекоммуникационную продукцию. Я поддерживал это соглашение, которое помогало увеличить американский экспорт и создать больше высокооплачиваемых рабочих мест в США.

Мы посетили Тайвань, чтобы поздравить с пятидесятой годовщиной правления короля этой страны — старейшего союзника США в Юго-Восточной Азии: Соединенные Штаты подписали договор о дружбе и торговле с королем Сиама (так тогда назывался Таиланд) в 1833 году. Король Пумипон Адульдет был отличным пианистом и большим любителем джаза. Я подарил ему на золотой юбилей подарок, который оценил бы любой страстный любитель джаза, — большой альбом с фотографиями джазовых музыкантов с автографом запечатлевшего их замечательного фотографа Хермана Леонарда.

Мы вернулись домой как раз вовремя, чтобы, по нашей традиции, отметить День благодарения в Кэмп-Дэвиде. На этот раз вместе с нами его праздновали двое наших чудесных племянников: сын Роджера Тайлер и сын Тони Зак. Было очень приятно наблюдать за их играми — это действительно создавало ощущение праздника.

В декабре мне пришлось в значительной степени обновить штат моей администрации, поскольку ее покинули Билл Перри, Джон Дойч, Мики Кантор, Боб Райх, Хейзел О'Лири, Лора Тайсон и Генри Сиснерос. Мы лишились также ряда ценных сотрудников Белого дома. Гарольд Икес вернулся к своему юридическому и консалтинговому бизнесу, а заместитель руководителя аппарата Белого дома Эвелин Либерман перешла в Государственный департамент, где возглавила радиостанцию «Голос Америки».

В начале месяца я назвал состав новой команды, отвечающей за безопасность страны: Мадлен Олбрайт назначалась госсекретарем, Билл Коуэн, бывший сенатор-республиканец от штата Мэн — министром обороны, Тони Лэйк — директором ЦРУ, Бил Ричардсон — послом США в ООН и Сэнди Бергер — советником по национальной безопасности. Олбрайт проделала большую работу в Организации Объединенных Наций и хорошо разбиралась в проблемах, которые нам предстояло решать, особенно на Балканах и Ближнем Востоке. Я считал, что она заслужила право стать первой женщиной-госсекретарем в истории страны. Билл Ричардсон зарекомендовал себя как искусный дипломат, успешно проведя переговоры с Северной Кореей и Ираком, и я был рад, что он согласился представлять нашу страну в ООН, став первым в истории США латиноамериканцем, занявшим этот пост.

Билл Коуэн, трезвомыслящий политик, выглядевший гораздо моложе своего возраста, много лет был источником ценных идей, касавшихся национальной обороны. Он участвовал в подготовке договора СНВ-1 и сыграл

ключевую роль в разработке законов о реорганизации и укреплении структуры военного командования в 1980-е годы. Мне хотелось, чтобы в моем кабинете был республиканец, я любил и уважал Коуэна и считал, что он будет соответствовать тем высоким стандартам, которые установил его предшественник на этом посту Билл Перри. Когда я пообещал Коуэну, что не буду использовать вопросы обороны в межпартийной борьбе, он согласился занять предложенную ему должность. Я сожалел о том, что Джон Дойч решил оставить пост директора ЦРУ. Он прекрасно работал в должности заместителя министра обороны, а затем стал выполнять сложные обязанности директора ЦРУ вместо недолго занимавшего этот пост Джима Вулси. Работа Тони Лэйка в Совете национальной безопасности дала ему уникальную возможность узнать сильные и слабые стороны нашей разведдеятельности, что было особенно важно в условиях возросшей угрозы терроризма.

Единственным кандидатом на должность советника по национальной безопасности я видел Сэнди Бергера. Мы дружили более двадцати лет. На совещаниях он сообщал мне не только хорошие, но и плохие новости, смело высказывал свои возражения против моей точки зрения и отлично справлялся с целым рядом сложных вопросов в мой первый президентский срок. Он обладал выдающимися аналитическими способностями: тщательно все продумывал, видел возможные проблемы там, где их не замечали другие. При этом трудности его не парализовывали, а заставляли собраться. Он знал мои сильные и слабые стороны и понимал, как максимизировать первые и свести к минимуму вторые. Кроме того, он никогда не позволил бы своему самолюбию повлиять на выбор оптимального решения.

Джордж Стефанопулос также покидал Белый дом. Незадолго до выборов он сказал мне, что очень устал и поэтому ему придется уйти. Лишь прочитав его мемуары, я понял, какое напряжение он испытывал все эти годы и какую строгую оценку давал и себе, и мне. Джордж перешел на преподавательскую работу, одновременно работая на телевидении, и я надеялся, что на этом поприще он будет более счастлив.

За две недели я заполнил все вакансии в кабинете министров. Билл Дейли из Чикаго сменил на посту министра торговли Мики Кантора, который, к моему глубокому сожалению, сказал, что хочет вернуться к частной жизни. Дейли был талантливым человеком, руководившим нашей кампанией в поддержку подписания Североамериканского соглашения о свободе торговли. В течение восьми месяцев после того, как Мики Кантор стал министром торговли, обязанности торгового представителя США исполняла Шарлин Баршефски. Она отлично справилась с этой работой, и настало время исключить из ее официального титула слова «исполняющая обязанности».

Я также назначил Алексис Херман преемницей Боба Райха в Министерстве труда; бывший заместитель министра жилищного строительства и городского развития Эндрю Куомо стал министром вместо Генри Сиснероса; Федерико Пенья сменил Хейзел О'Лири на посту министра энергетики; Родни Слейтер, бывший руководитель Федерального управления шоссейных дорог, занял должность министра транспорта, которую до этого

занимал Пенья; Аида Альварес возглавила Управление по делам малого бизнеса, Джин Сперлинг сменил на посту руководителя Национального совета по экономике Лору Тайсон; доктор Джанет Йеллен, которая была преподавателем у Ларри Саммерса в Гарварде, возглавила Экономический совет при президенте; Брюс Рид стал моим советником по внутренней политике вместо Кэрол Раско, которая перешла в Министерство образования, чтобы руководить нашей программой «Америка читает»; наконец, Сильвия Мэтьюз, очень умная молодая женщина, работавшая под руководством Боба Рубина, сменила Гарольда Икеса на посту заместителя руководителя аппарата Белого дома.

Боб Райх хорошо проявил себя в Министерстве труда и в нашей «экономической команде», но ему стало трудно работать на этом посту, поскольку он не соглашался с моей экономической и бюджетной политикой, считая, что я слишком много внимания уделял сокращению бюджетного дефицита и слишком мало — образованию, профессиональному обучению и новым технологиям. Боб, кроме того, хотел вернуться в Массачусетс к своей жене Клэр и сыновьям.

Мне было очень тяжело расставаться с Генри Сиснеросом. Мы подружился с ним в то время, когда я вел свою первую президентскую кампанию, а он работал в Министерстве жилищного строительства и городского развития, где блестяще исполнял свои обязанности. Более года в отношении Генри велось независимое расследование, поводом к которому послужила неверная информация о личных расходах, поданная им в ФБР перед назначением на должность министра. Предоставление кандидатом «существенной» ложной информации о себе, которая могла бы повлиять на его утверждение в должности, по закону считается преступлением. Сенатор Ал Д'Амато, руководитель сенатского комитета, рекомендовавшего утвердить кандидатуру Сиснероса, написал письмо, в котором заявил, что неточная информация о расходах, предоставленная Сиснеросом, не могла повлиять ни на его решение, ни на решения других членов комитета. Прокуроры из Комитета по проверке честности государственных служащих Министерства юстиции выразили несогласие с действиями независимого прокурора.

К несчастью, Джанет Рино передала дело Сиснероса в комитет судьи Сентелла. Соблюдая формальности, комитет поручил это расследование специальному прокурору — республиканцу Дэвиду Баррету, партийному активисту, который, по слухам, был тесно связан с чиновниками, замешанными в скандалах вокруг Министерства жилищного строительства и городского развития при президенте Рейгане, хотя ему и не было предъявлено формального обвинения. Никто не выдвинул против Генри обвинений в недобросовестном исполнении им своих обязанностей, тем не менее он также оказался втянутым в «мир Уайтуотер». Чтобы оплатить судебные издержки, Генри влез в долги, а у него было двое детей, которые учились в колледже. Его жалованья министра не хватало на то, чтобы обеспечивать семью и оплачивать услуги адвокатов. Я понимал это и был благодарен ему за то, что он отработал на своем посту весь четырехлетний срок.

Несмотря на множество перестановок, я надеялся, что мы сумеем сохранить дух товарищества и ощущение единой команды, которые отличали нас во время моего первого президентского срока. Большинство вновь назначенных сотрудников и раньше работали в моей администрации, а многие члены кабинета сохранили свои посты.

В декабре произошел ряд интересных событий в сфере внешней политики. 30 декабря Совет Безопасности ООН избрал новым Генеральным секретарем ООН Кофи Аннана из Ганы, кандидатуру которого энергично поддерживали Соединенные Штаты. Аннан стал первым представителем Экваториальной Африки, занявшим этот пост. В предыдущие четыре года он был заместителем Генерального секретаря ООН по миротворческим операциям и поддерживал наши усилия в Боснии и на Гаити. Мадлен Олбрайт считала его выдающимся руководителем и убеждала меня поддержать его кандидатуру, как и Уоррен Кристофер, Тони Лэйк и Дик Холбрук. Кофи был умным человеком, он держался спокойно и уверенно и производил глубокое впечатление на собеседников. Хотя большая часть его профессиональной карьеры была связана с ООН, он ясно видел недостатки этой организации и не имел дурных привычек ряда ее чиновников. Он хотел сделать работу ООН более эффективной и ответственной. Это было важно само по себе, а кроме того, помогло бы мне убедить республиканцев в Конгрессе возобновить выплату наших членских взносов в ООН. Мы задолжали уже 1,5 миллиарда долларов, поскольку в 1995 году Конгресс, контролируемый республиканским большинством, заявил об отказе платить членские взносы до тех пор, пока в этой организации не будут проведены реформы. Я считал, что наш отказ платить взносы был безответственным и наносил ущерб как ООН, так и Соединенным Штатам, но был согласен с тем, что реформирование этой организации необходимо.

На Ближнем Востоке премьер-министр Израиля Нетаньяху и председатель Исполнительного комитета ООП Арафат пытались разрешить свои разногласия, и Нетаньяху накануне Рождества прибыл на трехчасовые переговоры в Газу. В конце года мой представитель Деннис Росс постоянно встречался то с Нетаньяху, то с Арафатом, пытаясь ускорить заключение соглашения о передаче Хеврона палестинцам. Пока это не удалось, но я встретил новый 1997 год с большим, чем раньше, оптимизмом в отношении мирного процесса на Ближнем Востоке.

Первые дни нового года я провел на острове Сент-Томас, относящемся к группе американских Виргинских островов — той части нашей страны, которую редко посещают президенты США, после чего мы вернулись домой, поскольку мне нужно было подготовиться к церемонии инаугурации и моему пятому году работы на посту президента. Во многих отношениях 1997 год оказался самым спокойным периодом моего президентства. Большую часть года «мир Уайтуотер» меня почти не беспокоил, за исключением периодических всплесков активности, связанных с расследованием финансирования моей избирательной кампании, и я мог спокойно выполнять свою работу.

Накануне инаугурации мы провели ряд мероприятий, чтобы подчеркнуть свою уверенность в правильности избранного нами пути, — ведь за предыдущие четыре года было создано 11,2 миллиона новых рабочих мест, произошло самое большое за последние двадцать пять лет снижение уровня преступности, на 40 процентов сократилось число студентов, не сумевших вернуть образовательные кредиты.

Я исправил давнюю несправедливость, вручив Почетную медаль Конгресса семи афроамериканцам, ветеранам Второй мировой войны. Как это ни странно, но до этого такой медали не получал ни один афроамериканец, участвовавший во Второй мировой. Список награждаемых был составлен после тщательного изучения истории боевых действий. Шесть медалей были вручены посмертно, но один из ветеранов — семидесятисемилетний Вернон Бейкер прибыл на церемонию вручения награды в Белый дом. Это был чрезвычайно умный человек, державшийся со спокойным достоинством; более пятидесяти лет назад в Италии он, тогда еще молодой лейтенант, в одиночку уничтожил три пулемета противника, наблюдательный пост и дзот. Когда его спросили, какие чувства он испытывал в условиях дискриминации и расовых предрассудков после того, как столько сделал для своей страны, Бейкер ответил, что придерживался простого принципа: «Уважай людей, если хочешь, чтобы они уважали тебя. Относись к людям так, как ты бы хотел, чтобы они относились к тебе. Помни о своей задаче, показывай пример и помогай другим». Мне очень понравились его слова.

Через день после церемонии вручения наград мне позвонили Нетаньяху и Арафат. Они сообщили, что наконец достигли соглашения по проблеме Хеврона, успешно завершив переговоры, начатые в сентябре. Соглашение по Хеврону было относительно небольшой частью того, что нужно было сделать для достижения прочного мира, но это был первый случай, когда Нетаньяху и Арафат договорились о чем-то в ходе совместной работы. Если бы этого не произошло, весь мирный процесс оказался бы под угрозой. Деннис Росс работал с ними буквально круглосуточно на протяжении двух недель, а в последние дни переговоров давление на их участников оказали также король Хусейн и Уоррен Кристофер. Президент Мубарак также помог достичь соглашения, вмешавшись в переговорный процесс после того, как в конце месяца Рамадана я попросил его об этом, позвонив ему в Каир в час ночи. Так часто бывает на Ближнем Востоке: если хочешь добиться результата, нужно привлечь всех, кто может оказать в этом содействие.

За три дня до инаугурации я вручил Бобу Доулу Президентскую медаль свободы, отметив в своем выступлении, что начиная со Второй мировой войны, когда он был тяжело ранен, спасая своего раненого товарища, и в периоды всех взлетов и падений своей политической карьеры Доул неизменно «превращал трудности в преимущества, а боль — в источник энергии для служения обществу, воплощая в жизнь девиз страны, которую любил и которой продолжал беззаветно служить: *Ad astra per aspera — Через тернии к звездам*». Хотя мы когда-то были противниками и имели разногласия по многим вопросам, мне нравился Доул. Он мог быть жестким и резким,

но у него не было фанатизма и желания нанести личный ущерб сопернику, столь характерных для многих ультраправых республиканцев, составлявших теперь большинство в его партии в Вашингтоне.

У меня было очень приятное воспоминание о визите, который Доул нанес нам за месяц до описываемых событий. Он подарил нашему коту Соксу небольшую игрушку, сказав, что это подарок от его собаки. Мы обсудили с ним результаты выборов, ряд политических вопросов и ход переговоров по бюджету. Пресса все еще шумела по поводу финансовых нарушений во время избирательной кампании. Нарушения, однако, были допущены не только Национальным комитетом демократической партии, но и республиканским комитетом и руководителями избирательной кампании Доула. Меня критиковали за то, что я в ночь после выборов пригласил в Белый дом своих сторонников, а утром пил там кофе с членами моей администрации и людьми, сделавшими пожертвования на мою избирательную кампанию.

Я спросил Доула, как бы он, опираясь на свой многолетний опыт, ответил на вопрос о том, стали ли политики в Вашингтоне более честными за последние тридцать лет. «О, здесь не может быть никакого сравнения, — ответил он, — сегодня они гораздо честнее, чем раньше». Тогда я спросил его: «А вы согласны с тем, что избиратели придерживаются другой точки зрения?» «Несомненно, — ответил он, — но они заблуждаются».

Я был горячим сторонником законопроекта о реформе финансирования политических избирательных кампаний, предложенного сенаторами Джоном Маккейном и Рассом Фейнгольдом, но не был уверен, что принятие этого закона повысит уверенность общества в честности политиков. Пресса, в сущности, протестовала против того, чтобы деньги оказывали влияние на исход политических кампаний, хотя большая часть этих денег тратилась как раз на рекламу в средствах массовой информации, в том числе и прессе. Если только мы не примем закон, который потребует предоставлять время для политической рекламы бесплатно или по низким расценкам, против чего возражают средства массовой информации, или закон о финансировании избирательных кампаний за счет общественных средств — чего ни избиратели, ни Конгресс, конечно, не поддержат, — СМИ останутся основными получателями долларов, расходуемых на проведение избирательных кампаний, хотя именно они и призывают пригвоздить к позорному столбу политиков, собирающих деньги, чтобы платить средствам массовой информации.

В своей инаугурационной речи я постарался нарисовать яркую картину того, какой может стать Америка в XXI столетии, и сказал, что американский народ «вновь избрал президента от партии, не имеющей большинства в Конгрессе... не для того, чтобы продолжалась политика мелочных политических нападков и политически ангажированного экстремизма», а для того, чтобы обе партии вместе работали над реализацией «миссии Америки».

На этот раз церемония инаугурации, как и наше празднование победы в ноябре, была более спокойной, даже какой-то расслабленной, хотя в утреннюю церковную службу внесли оживление пламенные проповеди пре-

подобного Джесси Джексона и Тони Камполо — евангелиста из Филадельфии, итальянца по происхождению и, пожалуй, единственного белого проповедника в Америке, который мог соперничать с Джесси. Атмосфера на состоявшемся в Конгрессе ланче была дружелюбной, и я заметил, что мы с новым лидером большинства в Сенате Трентом Лоттом из Миссисипи должны быть глубоко признательны Томасу Джефферсону: ведь если бы он не приобрел у Франции значительную часть территории ее колонии Луизианы, нас обоих здесь бы не было. Девяносточетырехлетний сенатор Стром Турмонд, сидевший рядом с Челси, сказал ей: «Если бы я был на семьдесят лет моложе, я бы стал за вами ухаживать». Неудивительно, что он прожил так долго. Мы с Хиллари посетили все четырнадцать инаугурационных балов, и на одном из них я танцевал со своей очаровательной дочерью, которая уже училась в выпускном классе. Вскоре ей предстояло покинуть родительский дом, и я очень дорожил оставшимся у нас временем.

На следующий день после инаугурации были подведены итоги расследования, длившегося уже несколько лет. Палата представителей проголосовала за то, чтобы вынести порицание спикеру Ньюту Гингричу и оштрафовать его на 300 тысяч долларов за ряд допущенных им нарушений этических норм Палаты, а также за расходование на политические цели денежных средств из необлагаемых налогами благотворительных фондов, в которые делали пожертвования его сторонники, и за ложные показания во время расследования этих нарушений в Конгрессе. Представитель Комитета по этике заявил, что Гингрич и его политические союзники нарушали налоговое законодательство и, согласно имеющимся доказательствам, спикер сознательно вводил комитет в заблуждение по этому вопросу.

В конце 1980-х Гингрич инициировал смещение с должности спикера Палаты представителей Джима Райта в связи с тем, что его сторонники скупили весь тираж опубликованного в частном порядке сборника речей Райта. Противники Райта утверждали, что это было попыткой обойти правила Палаты представителей, запрещавшие получать гонорары за выступления. Хотя обвинения против Гингрича были гораздо серьезнее, секретарь фракции республиканцев Том Делей заявил, что штраф и порицание были слишком жестким наказанием за незначительные нарушения этических норм. Когда мне доложили об этом, я мог приказать Министерству юстиции или федеральному прокурору расследовать факт обвинения Гингрича в уклонении от налогов и ложных показаниях, однако вместо этого я сказал, что с этим следует разобраться самой Палате, «а мы должны заняться своей работой на благо американского народа». Через два года, когда объектом расследования стал другой человек, Гингрич и Делей не проявили подобного великодушия.

Незадолго до инаугурации, в ходе подготовки ко второму президентскому сроку и выступлению с посланием «О положении в стране», я собрал около восьмидесяти сотрудников аппарата Белого дома на однодневное совещание в Блэр-хаус, посвященное двум основным темам — подведению итогов достигнутого в первые четыре года работы и обсуждению того, что нам предстоит сделать в последующие четыре года.

Я считал, что первые четыре года были отмечены шестью важными достижениями: 1) мы добились возобновления роста экономики, отказавшись от простой поддержки производителей в пользу более эффективной политики «инвестиций и роста»; 2) мы завершили дебаты о роли правительства в жизни страны, продемонстрировав, что правительство — не враг общества, но в то же время оно не располагает набором готовых решений по всем вопросам, а лишь является инструментом, который может создать для нашего народа средства и условия для того, чтобы улучшить свою жизнь; 3) мы подтвердили приоритет местных общин в качестве действенной политической модели для Америки, отвергнув разделение по расовому, религиозному, гендерному признакам, по сексуальной ориентации и политическим взглядам; 4) в нашей социальной политике риторика уступила место реалистичному подходу, и это стало еще одним доказательством того, что правительство может добиться позитивных результатов в таких сферах, как социальное обеспечение и борьба с преступностью, если будет действовать творчески и в соответствии со здравым смыслом, не ограничиваясь жесткой эмоциональной риторикой; 5) мы упрочили роль семьи как важнейшего элемента общества и показали, что правительство может поддерживать ее с помощью таких мер, как отпуск по семейным обстоятельствам, налоговый кредит на заработанный доход, повышение минимальной заработной платы, оснащение телевизоров V-чипами, программа борьбы с подростковым курением, упрощение процедуры усыновления и реформа здравоохранения и образования; 6) мы подтвердили ведущую роль Америки в мире после окончания холодной войны, ее роль как опоры демократии и прогресса, лидера в борьбе за мир против таких новых угроз, как терроризм, распространение оружия массового поражения, организованная преступность, торговля наркотиками и расовые и религиозные конфликты.

Эти достижения создали базу для движения Америки в новое столетие. Поскольку Конгресс контролировался республиканцами, а также потому, что масштабные реформы в хорошие времена проводить труднее, я не мог предугадать, чего нам удастся достигнуть за следующие четыре года моего президентства, но был решительно настроен на то, чтобы попытаться сделать все возможное.

Четвертого февраля, выступая с посланием «О положении в стране», я попросил Конгресс помочь мне завершить то, что мы начали делать для нашей страны: ликвидировать бюджетный дефицит, принять закон о реформе финансирования политических кампаний и завершить реформу социального обеспечения, создав для работодателей и штатов больше стимулов к тому, чтобы принимать на работу людей, получающих пособие, а также обеспечивать их обучение и проезд к месту работы, открывать новые ясли и детские сады. Я попросил вернуть легальным иммигрантам медицинские пособия и пособия по инвалидности, которых республиканцы лишили их в 1996 году, чтобы получить средства для предложенного ими сокращения налогов.

Заглядывая в будущее, я попросил Конгресс поддержать меня в моем стремлении сделать образование нашим главным приоритетом, потому что

«каждый восьмилетний ребенок должен уметь читать, каждый двенадцатилетний — пользоваться Интернетом, каждый восемнадцатилетний — учиться в колледже, а каждый взрослый американец должен получить возможность учиться в течение всей своей жизни». Для реализации этих целей я предложил план из десяти пунктов, включая создание национальных критериев и тестов для оценки того, насколько успешно идут реформы; подготовку 100 тысяч высокопрофессиональных преподавателей по программе Национального управления по стандартам обучения (в 1995 году таких преподавателей было только пятьсот), программу обучения чтению «Америка читает» для восьмилетних детей, которую уже согласились поддерживать президенты шестидесяти колледжей; увеличение числа детей, посещающих детские дошкольные учреждения; право на выбор государственной школы в каждом штате; введение в каждой школе программы не только обучения, но и воспитания учеников; первую после Второй мировой войны многомиллиардную программу строительства и ремонта школ, призванную создать нормальные условия для обучения детей, которые до сих пор занимались в переполненных школах, где уроки иногда проводились даже в вагончиках-трейлерах; налоговые льготы в 1500 долларов в течение первых двух лет обучения в колледже и в 10 тысяч долларов — для всех студентов высших учебных заведений; аналог «Джи-Ай билля»^{*} для американских рабочих — предоставление грантов взрослым, которые хотят получить профессиональное образование; предоставление всем школам и библиотекам доступа к Интернету к 2000 году.

Я напомнил конгрессменам и американскому народу, что одной из самых сильных сторон Америки во времена холодной войны было то, что ее внешняя политика поддерживалась обеими партиями. Теперь, когда образование стало критически важным условием нашей безопасности в XXI столетии, я попросил их использовать такой же подход к образованию: «Политика должна остаться за порогом школы».

Я также попросил Конгресс помочь мне выполнить и ряд других обещаний, данных мною американскому народу в ходе избирательной кампании: увеличить продолжительность отпуска по семейным обстоятельствам; существенно повысить объем ассигнований на создание вакцины против СПИДа; предоставить медицинские страховки детям низкооплачиваемых наемных работников, которые сами не в состоянии их оплатить; провести полномасштабное наступление на подростковую преступность, усилить борьбу с насилием, распространением наркотиков и молодежными бандами; удвоить число «зон развития предпринимательства» и территорий, очищенных от токсичных отходов; продлить срок действия программ поддержки местных общин.

Говоря о проблемах внешней политики, я попросил Конгресс поддержать программу расширения НАТО; ядерное соглашение с Северной Кореей;

---

^{*} «Джи-Ай билль» (GI Bill) — закон о льготах для ветеранов Второй мировой войны, принятый в 1944 году и давший возможность получить образование сотням тысяч участников войны. — *Прим. пер.*

решение о продлении миротворческой миссии американского контингента в Боснии; наши усилия, направленные на развитие отношений с Китаем; принятие ускоренной процедуры рассмотрения Конгрессом торговых соглашений, т.е. их принятие или отклонение без внесения поправок; программу модернизации вооружений, позволяющую Пентагону решать новые проблемы в сфере безопасности; ратификацию конвенции о запрещении химического оружия, которая, по моему мнению, помогла бы защитить Америку от атак террористов с применением отравляющих газов.

В своей речи я предлагал сотрудничество и республиканцам, и демократам, сказав, что буду бороться за каждый голос, поданный за обоснованный сбалансированный бюджет, и процитировал строки из Библии: «И будут тебя называть восстановителем развалин, возобновителем путей для населения» (Исайя 58:12). По мере возможности я пытался поступать так почти всю свою жизнь.

Недостаточный интерес прессы к политике, если только она не связана с каким-нибудь скандалом, забавным образом проявился в конце моей речи. В ее заключительной части (по-моему, превосходной) я сказал, что «ребенок, который родится сегодня вечером, почти ничего не будет помнить о XX столетии. А что он узнает об Америке, будет зависеть от наших сегодняшних решений, которые определяют ее путь в новом столетии». Всем, кто меня слушал, я напомнил, что до начала нового века осталось немногим более тысячи дней — «тысячи дней для того, чтобы возвести мост к новой земле обетованной». Когда я произносил эти слова, телекомпании, ведущие трансляцию, поделили телеэкран на две части, чтобы телезрители могли одновременно следить и за тем, как присяжные выносят вердикт по гражданскому иску против экс-звезды американского футбола О.Дж. Симпсона, обвиняемого в убийстве своей бывшей жены. Гражданский иск был подан после того, как присяжные оправдали его по аналогичному уголовному делу. Телеаудитория одновременно слушала вердикт по делу Симпсона и мою проповедь о будущем. Я думаю, мне еще повезло, что телевизионщики вообще меня не отключили и что реакция на мое выступление все же была позитивной.

Через два дня я представил Конгрессу свой проект бюджета. Этот проект, позволявший за пять лет ликвидировать бюджетный дефицит; предусматривал 20-процентное увеличение ассигнований на образование, в том числе самый значительный за последние пятьдесят лет (после принятия «Джи-Ай билля») пакет помощи студентам колледжей; сокращение расходов на реализацию сотен других программ; предоставление целевых налоговых льгот средним американским семьям, включая налоговую скидку в размере 500 долларов на одного ребенка; достаточное финансирование в течение десяти лет находившегося на грани банкротства трастового фонда программы медицинской помощи «Медикэр»; обеспечение медицинскими страховками пяти миллионов детей и помощь семьям, в которых имелись престарелые родственники, страдающие болезнью Альцгеймера. Кроме того, в этом проекте также впервые предлагалось в рамках программы «Медикэр» фи-

нансировать рентгеновское обследование женщин старшего возраста с целью диагностики у них рака молочной железы и, наконец, увеличить расходы на внешнеполитические цели, что давало возможность активнее бороться против терроризма, распространения оружия и торговли наркотиками.

В отличие от ситуации двухлетней давности, когда я вынудил республиканцев обнаружить свой жесткий проект бюджета и лишь после этого представил свой собственный, на этот раз я решил действовать первым. Я думал, что это было удачным политическим ходом: после того как республиканцы представят свой план бюджета, предусматривающий существенное сокращение налогов для обеспеченных людей, им, чтобы его финансировать, придется настаивать на сокращении ассигнований на предложенные мною программы в сфере образования и здравоохранения. Однако, в отличие от 1994 года, избиратели уже понимали, что к чему, а республиканцы хотели быть избраны на следующий срок. Я был уверен, что через несколько месяцев Конгресс примет сбалансированный бюджет, который будет очень близок к предложенному мною проекту.

Через пару недель провалилась очередная попытка принять поправку к Конституции о бездефицитном бюджете, так как в Сенате против нее проголосовал сенатор от штата Нью-Джерси Боб Торичелли. Это был смелый шаг. В Нью-Джерси были традиционно сильны настроения против роста налогов, к тому же Боб, когда еще был конгрессменом, голосовал за эту поправку. Я надеялся, что его поступок поможет нам избежать пустых препирательств и перейти к разработке реального сбалансированного бюджета.

В середине месяца американская экономика получила очередное ускорение, после того как на переговорах, проводившихся по инициативе США в Женеве, удалось достигнуть соглашения о либерализации мировой торговли в сфере телекоммуникаций, открывшего для американских фирм 90 процентов мировых рынков. Эти переговоры, инициированные Алом Гором, вела Шарлин Баршефски. Их успех, без сомнения, позволил бы снизить стоимость телекоммуникационных услуг и создать новые рабочие места для американцев, а также предоставил бы возможность людям во всем мире воспользоваться преимуществами современных технологий.

Примерно в то же время я встретился в Бостоне с мэром этого города Томом Менино. Уровень преступности, насилия и употребления наркотиков в Америке в целом постепенно снижался, однако все еще оставался достаточно высоким среди молодежи до восемнадцати лет. Исключением стал Бостон, где за последние полтора года из огнестрельного оружия не был убит ни один ребенок или подросток, что явилось замечательным достижением для такого большого города. Я предложил снабдить огнестрельное оружие специальным предохранителем, чтобы дети не могли случайно из него выстрелить, провести масштабную рекламную кампанию против наркотиков, обязать молодых людей, получающих водительские права, проходить проверку на употребление наркотиков, осуществить реформу правосудия по делам несовершеннолетних, предусматривающую условное наказание для малолетних преступников, а также ввести систему надзора за подростками во внешкольное время, которая успешно использовалась в Бостоне.

В «мире Уайтуотер» в феврале также произошел ряд интересных событий. 17 февраля Кеннет Старр объявил, что покинет свой пост 1 августа, чтобы стать деканом юридического факультета Университета Пеппердайна в южной Калифорнии. Он, очевидно, понял, что расследование «дела Уайтуотер» не принесет ему лавров, и хотел найти достойный выход из сложившейся ситуации, но его решение вызвало жесткую критику. Пресса заявила, что все это дурно пахнет, потому что его новая должность в Университете Пеппердайна финансируется Ричардом Меллоном Скейфом. Информация о причастности последнего к «Арканзасскому проекту» в то время еще не стала достоянием гласности, однако он уже имел репутацию ультраправого экстремиста, настроенного по отношению ко мне крайне враждебно. Я счел доводы прессы неубедительными: Старр и так уже зарабатывал кучу денег, в частном порядке представляя в судах интересы противников моей администрации и одновременно занимая должность независимого следователя. Поэтому, если он отправится в Университет Пеппердайна, это, напротив, будет честнее, поскольку он перестанет злоупотреблять своим служебным положением.

Что действительно поразило Старра, так это нападки, которым он подвергся со стороны правых республиканцев и трех-четырёх репортеров, кровно заинтересованных в том, чтобы обнаружить какие-то наши ошибки или, по крайней мере, желавших продлить наши мучения. К тому времени Старр и так многое для них сделал: заставил ряд людей понести тяжелые судебные издержки и нанес ущерб их репутации; потратив огромные суммы денег налогоплательщиков, сумел растянуть расследование на три года, несмотря на сделанный в докладе РТС вывод о том, что для возбуждения гражданского или уголовного дела против меня или Хиллари нет никаких оснований. Но правые и пресса, раздувавшая «дело Уайтуотер», знали, что, если Старр уйдет в отставку, это будет косвенным признанием того, что расследование с самого начала было неправомерным. После четырехдневной обработки Старр наконец заявил, что остается на своем посту. Я не знал, плакать мне или смеяться.

Пресса продолжала писать о финансовых пожертвованиях на избирательную кампанию 1996 года. Среди прочего журналистов особенно раздражало то, что я пригласил в Белый дом людей, сделавших пожертвования на мою кампанию 1992 года, хотя я, как обычно, сам оплатил еду и напитки. Они намекали, что я «продавал» возможность переночевать в Белом доме, чтобы собрать средства для своей партии. Это было нелепо и возмутительно. Я был президентом и по данным опросов общественного мнения лидировал с начала кампании и до ее завершения. У меня не было никаких проблем с финансированием моей избирательной кампании, но даже если бы такие проблемы возникли, я бы никогда не использовал Белый дом для того, чтобы решить их подобным образом. В конце месяца я опубликовал список всех гостей, которые ночевали в Белом доме за все время моего первого президентского срока. Таких людей были сотни, причем 85 процентов из них составили родственники, друзья Челси, иностранные официальные гости и другие знаменитости или люди, с которыми я или Хиллари были знакомы еще до выдвижения моей кандидатуры на пост президента. Что касается

людей, поддержавших меня в 1992 году, которые также были моими друзьями, я хотел, чтобы как можно больше из них получили возможность провести ночь в Белом доме. Если учесть, сколько мне приходилось работать, ночь и поздний вечер были единственным временем, когда я мог пообщаться с кем-то в неформальной обстановке. Я ни разу не получал деньги за то, что пригласил кого-то в Белый дом. Похоже, моим противникам казалось, что единственной категорией людей, лишенной права ночевать в Белом доме, должны были стать мои друзья и сторонники. После публикации списка людей, которых я принимал в Белом доме, журналисты взяли у многих из них интервью. Один из репортеров позвонил Тони Камполо и спросил его, давал ли он деньги на мою избирательную кампанию. Когда Тони ответил, что давал, журналист попросил уточнить, сколько именно. «Я думаю, 25 долларов, — ответил Тони, — но, может быть, и 50». «О, — сказал репортер, — нет смысла больше беседовать с вами», — и повесил трубку.

Месяц закончился на радостной ноте: в честь семнадцатилетия Челси мы с Хиллари пригласили ее и одиннадцать ее подруг на ужин в ресторан «Бомбей Клуб» в Вашингтоне, а потом вместе посмотрели несколько спектаклей в Нью-Йорке. Хиллари получила премию Grammy за аудиOVERСИЮ своей книги «Нужна целая деревня»: у нее прекрасный голос, а в книге немало историй, которые она любила рассказывать. Эта премия стала еще одним подтверждением того, что и за пределами Вашингтонской магистральной кольцевой дороги было немало американцев, которых интересовало то же, что и нас.

В середине февраля меня посетил премьер-министр Нетаньяху, чтобы обсудить ход мирного процесса, а в начале марта с той же целью приехал Ясир Арафат. Нетаньяху в силу политических причин пока еще не мог дополнить договоренность по Хеврону другими соглашениями. Израильцы совсем недавно ввели прямые выборы премьер-министра, и Нетаньяху был избран на четыре года, однако ему еще только предстояло создать коалицию, обеспечивавшую ему большинство в кнессете. Если бы он потерял поддержку правых, то мог бы создать правительство национального единства при участии Переса и рабочей партии, но он не хотел этого делать. Сторонники жесткой линии в его коалиции знали об этом и препятствовали ему в принятии решений, которые способствовали бы продолжению мирного процесса, в частности об открытии аэропорта в Газе или о предоставлении палестинцам, живущим в Газе, возможности приезжать на работу в Израиль. С психологической точки зрения, Нетаньяху столкнулся с теми же проблемами, что и Рабин: Израиль должен был пожертвовать вполне материальными вещами — землей, правом доступа на свою территорию, аэропортом — в обмен на нечто менее материальное — дополнительные усилия ООП по предотвращению атак террористов.

Я был убежден, что Нетаньяху хочет продолжить мирный процесс, но опасался, что, если ему это не удастся, Арафату будет труднее сдерживать вспышки насилия. Еще более осложняло ситуацию то, что каждый раз, когда происходило замедление мирного процесса, или израильцы отвечали очередным ударом на атаку террористов, или появлялись новые

поселения на Западном берегу реки Иордан, Совет Безопасности ООН издавал новую резолюцию, осуждавшую Израиль за нарушения предыдущих резолюций ООН и диктующую условия мирного соглашения. Израильцы рассчитывали лишь на то, что Соединенные Штаты наложат вето на эти резолюции, что они обычно и делали. Это помогало нам сохранять влияние на Израиль, но одновременно мешало выглядеть беспристрастными посредниками в глазах палестинцев. Мне приходилось постоянно уверять Арафата в том, что мы продолжаем поддерживать мирный процесс и что только Соединенные Штаты могут обеспечить его успех, потому что Израиль в вопросах своей безопасности полагается именно на поддержку США, а не России или Европейского союза.

На встрече с Арафатом я предложил ему вместе разработать очередные меры для достижения соглашения. Меня не удивило, что он воспринимал ситуацию не так, как Нетаньяху. Арафат полагал, что от него ожидают, чтобы он добился прекращения насилия со стороны палестинцев, а потом ждал бы, пока политическая ситуация в Израиле позволит Нетаньяху выполнить свои обязательства по развитию мирного процесса. К этому времени у меня сложились хорошие рабочие отношения с обоими лидерами, и я пришел к заключению, что спасти мирный процесс можно было, лишь поддерживая с ними постоянную связь, ликвидируя между ними напряженность, когда она возникала, и не позволяя мирному процессу остановиться, даже если он шел очень медленно.

Вечером 13 марта, после поездки в Северную Каролину и на юг Флориды, я прибыл в дом знаменитого игрока в гольф Грегга Нормана в Хоуб-Саунде, чтобы повидаться с ним и его женой Лорой. Это был приятный вечер, и время летело незаметно. Когда я наконец посмотрел на часы, было уже за полночь, и, поскольку на следующее утро мы должны были участвовать в турнире по гольфу, я поднялся и собрался уходить. Когда мы спускались по лестнице, я не заметил последнюю ступеньку и, не найдя правой ногой опоры, начал падать. Если бы я упал вперед, то в худшем случае оцарапал бы ладони, но я заскользил назад. Раздался треск, и я упал. Звук был таким громким, что Норман, который к тому времени уже был в нескольких футах впереди меня, услышав его, повернулся и успел меня подхватить, иначе я бы получил еще более серьезную травму.

Вскоре прибыла машина скорой помощи, и после сорокаминутной поездки я оказался в католическом госпитале Сэйнт-Мэри, — врачи vybrали его, потому что там были отличные условия для оказания экстренной помощи. Я провел в нем всю ночь, мучаясь от сильной боли. Когда методом магнитного резонанса у меня обнаружили 90-процентный разрыв правой четырехглавой мышцы, я самолетом был отправлен в Вашингтон. Хиллари, встречавшая президентский «Борт номер 1» на авиабазе Эндрюс, увидела, как меня вывозят из самолета в инвалидном кресле. Она должна была лететь в Африку, но отложила поездку и находилась рядом со мною, пока меня оперировали в военно-морском госпитале в Бетесде.

Примерно через тринадцать часов после того, как я получил травму, команда прекрасных хирургов под руководством доктора Дэвида Адкисона сделала мне обезболивающую блокаду и, включив музыку в исполнении Джимми Баффетта и Лайла Ловетта, приступила к операции. Я следил за их манипуляциями, глядя в зеркало над операционным столом. Врачи просверлили отверстия в моей коленной чашечке, протаскили через них порванные мышцы и сшили их сухожилия. Когда операция закончилась, Хиллари с Челси помогли мне вытерпеть ужасную боль, которая не прекращалась целый день. Потом мне стало лучше.

Больше всего меня пугал шестимесячный реабилитационный период, в течение которого я не мог совершать пробежки и играть в гольф. Пару месяцев мне пришлось ходить на костылях, а потом носить гипсовую повязку. Еще некоторое время я опасался падения и повторной травмы. Работники Белого дома установили в моем душе перила, за которые я мог держаться, чтобы сохранять равновесие. Вскоре я научился одеваться самостоятельно, пользуясь легкой палочкой. Медицинский персонал Белого дома под руководством доктора Конни Мариано готов был прийти мне на помощь в любое время дня и ночи. Военно-морской флот выделил мне двух прекрасных физиотерапевтов — Боба Келлогга и Нанетт Пако, которые занимались со мной ежедневно. Хотя я и набрал вес за то время, пока не мог двигаться, после окончания занятий с физиотерапевтами я сбросил пятнадцать фунтов.

Когда я вернулся из госпиталя домой, у меня оставалось меньше недели на подготовку к встрече с Борисом Ельциным в Хельсинки. Кроме того, имелось множество других проблем, требовавших разрешения. 17 марта ко мне пришел Тони Лэйк и попросил отменить его назначение директором Центрального разведывательного управления. Сенатор Ричард Шелби, председатель Комитета по разведке, откладывал утверждение кандидатуры Лэйка под тем предлогом, что Белый дом не информировал комитет о нашем решении снять эмбарго на поставку оружия в Боснию в 1994 году. По закону я не обязан был сообщать об этом решении комитету и решил не делать этого, чтобы предотвратить утечку информации. Я знал, что большинство сенаторов, причем от обеих партий, одобряли отмену эмбарго, — через некоторое время они действительно проголосовали за резолюцию, в которой просили меня снять эмбарго.

Хотя у меня были неплохие отношения с Шелби, на этот раз я считал, что он зашел слишком далеко, откладывая утверждение Лэйка и тем самым мешая работе ЦРУ. У Тони были влиятельные сторонники среди республиканцев, включая сенатора Лугара, и, даже если бы комитет не поддержал его кандидатуру, его бы все равно утвердили, несмотря на мнение Шелби. Однако Тони очень устал, в течение нескольких лет работая по семьдесят-восемьдесят часов в неделю, и не хотел, чтобы ЦРУ оставалось без руководителя еще на какое-то время. Если бы решение этой проблемы зависело только от меня, я боролся бы хоть целый год, пока его не утвердят, но я видел, что Тони был доведен до предела. Через два дня я предложил кандидатуру Джорджа Тенета, исполнявшего обязанности директора ЦРУ. Ранее

Тенет был заместителем Джона Дойча, а до этого — моим главным советником по вопросам разведки в Совете национальной безопасности и руководителем персонала сенатского Комитета по разведке. Его кандидатура была быстро утверждена, но я все еще сожалел о том, как несправедливо поступили с Лэйком, который отдал делу обеспечения безопасности Америки тридцать лет своей жизни и благодаря которому мы добились значительных внешнеполитических успехов во время моего первого президентского срока.

Врачи возражали против моей поездки в Хельсинки, но остаться дома я не мог. Ельцин был избран президентом на второй срок, а Польша, Венгрия и Чехия готовились вступить в НАТО, и нам нужно было согласовать свои позиции по этому вопросу.

Перелет был долгим, но время летело незаметно, так как мы со Строубом Тэлботтом и другими членами моей команды обсуждали, что можно сделать, чтобы помочь Ельцину пережить расширение НАТО, включая прием России в «Большую семерку» и Всемирную торговую организацию. В тот вечер на ужине, на который нас пригласил президент Финляндии Марти Ахтисаари, я был рад видеть Ельцина в хорошем настроении и добром здравии после операции на сердце, которую он перенес незадолго до этого. Он сильно похудел и был еще бледен, но, как и прежде, казался бодрым и энергичным.

На следующее утро мы занялись делами. Когда я сказал Борису, что буду поддерживать расширение НАТО и подписание его соглашения с Россией, Ельцин предложил мне — как он выразился, «с глаза на глаз», — договориться о том, что расширение НАТО ограничится бывшими странами — участницами Варшавского договора и не распространится на бывшие советские республики — страны Балтии и Украину. Я сказал, что не смогу на это пойти, так как, во-первых, это невозможно сохранить в тайне, а во-вторых, это подорвало бы доверие к программе «Партнерство ради мира». Это не соответствовало ни американским, ни российским интересам, поскольку миссия НАТО теперь заключалась в противостоянии новым угрозам миру и стабильности в Европе, а не в конфронтации с Россией. Я сказал, что заявление об ограничении расширения НАТО бывшими странами — участницами Варшавского договора было бы равнозначно проведению новой разделительной линии в Европе, за пределами которой осталась бы уменьшившаяся в размерах Российская империя.

Ельцин все еще опасался реакции на расширение НАТО внутри России. Как-то, когда мы остались вдвоем, я спросил: «Борис, неужели ты действительно думаешь, что я разрешу НАТО атаковать Россию с баз, расположенных на территории Польши?» «Нет, — ответил он. — Но так думают многие люди старшего поколения, которые живут в западных областях России и верят Зюганову». Он напомнил мне, что Россия, в отличие от Соединенных Штатов, дважды подвергалась вторжению: сначала Наполеона, а потом Гитлера, и память об этих тяжелых событиях влияет на коллективную психологию жителей страны и определяет ее политику. Я сказал Ельцину, что, если мы договоримся о расширении НАТО и развитии партнерства между НАТО и Россией, я обязуюсь в течение определенного срока не размещать на территории новых членов НАТО войска или ракеты

и поддержать прием России в «Большую семерку», которая, таким образом, превратится в «Большую восьмерку», а также во Всемирную торговую организацию и другие международные организации. В конце концов мы пришли к соглашению.

В Хельсинки мы с Ельциным, кроме того, обсудили две проблемы в сфере контроля над вооружениями: нежелание российской Думы ратифицировать договор СНВ-2, по которому ядерные арсеналы обеих сторон сокращались на две трети по сравнению с уровнем времен холодной войны, а также растущее в России противодействие намерениям США развернуть систему противоракетной обороны. Когда экономика России рухнула и ассигнования на оборону резко сократились, выяснилось, что договор СНВ-2 стал для нее невыгодным. Этот договор требовал от сторон демонтировать свои баллистические ракеты с разделяющимися головными частями индивидуального наведения и достичь паритета по числу ракет с неразделяющимися боеголовками. Поскольку ядерный арсенал России состоял в основном из первых, ей, чтобы обеспечить паритет с США, пришлось бы произвести значительное количество ракет с неразделяющимися боеголовками. Я заверил Ельцина, что не стремлюсь с помощью договора СНВ-2 достичь стратегического преимущества и поэтому предлагаю, чтобы группы наших экспертов подготовили договор СНВ-3, который сократил бы количество ракет до 2000–2500, т.е. до 80 процентов от уровня времен холодной войны. В этом случае России не пришлось бы производить новые ракеты, чтобы сохранить с нами паритет. Вначале Пентагон возражал против такого резкого сокращения, но генерал Шаликашвили посчитал, что это никак не отразится на нашей безопасности, и это мнение поддержал Билл Коуэн. Вскоре мы договорились продлить действие СНВ-2 до 2007 года, после чего в том же году ввести в действие договор СНВ-3, чтобы не ухудшить стратегического положения России.

Что касается второго вопроса, то разработка системы противоракетной космической обороны началась в Соединенных Штатах еще в 1980-е годы при президенте Рейгане, который предложил создать такую систему космического базирования, которая была бы способна сбивать баллистические ракеты и освободила бы мир от угрозы ядерной войны. Однако с этой идеей было связано две проблемы. Во-первых, в то время она еще не была осуществима с технологической точки зрения, а во-вторых, если бы ее удалось создать, это нарушило бы договор по ПРО, запрещающий подобные системы, поскольку ее появление у одной из сторон привело бы к тому, что ядерный арсенал второй стороны перестал бы служить сдерживающим фактором.

Лес Аспин, первый министр обороны моей администрации, сменил приоритеты в этой программе. Вместо системы обороны против российских баллистических ракет большой дальности он предложил создать систему защиты от оперативно-тактических ракет, разрабатываемых Ираном, Ираком, Ливией и Северной Кореей. Эти ракеты представляли собой реальную опасность: во время войны в Персидском заливе иракскими ракетами «Скад» было убито двадцать восемь наших солдат.

Я решительно поддержал программу развертывания системы обороны от оперативно-тактических ракет, которая не противоречила соглашению по ПРО и, как я сказал Ельцину, в будущем могла бы защитить обе наши страны во время проведения совместных военных действий, например на Балканах или в каком-нибудь другом регионе. Основная проблема нашей позиции, с точки зрения России, состояла в том, что трудно было провести четкую границу между системами защиты от тактических ракет и от ракет большего радиуса действий. Новые технологии, разработанные для защиты от тактических ракет, могли в будущем в нарушение договора использоваться для стратегической противоракетной обороны. В конце концов стороны согласовали технические различия между разрешенными и запрещенными договором по ПРО программами, что позволило нам продолжить работу над системой защиты от оперативно-тактических ракет.

Саммит в Хельсинки завершился неожиданным успехом — в немалой степени благодаря способности Ельцина заглянуть в будущее России и увидеть для нее иной путь утверждения величия, нежели территориальное доминирование, его готовности противостоять мнению большинства в Думе, а иногда и в собственном правительстве. Хотя нам так и не удалось реализовать все задуманное, поскольку Дума отказалась ратифицировать договор СНВ-2, были созданы условия для проведения июльского саммита НАТО в Мадриде, что позволило сделать следующий шаг на пути к объединенной Европе.

После моего возвращения домой результаты саммита были восприняты в основном позитивно, хотя Генри Киссинджер, а также некоторые другие республиканцы и критиковали меня за то, что я пообещал не размещать ядерное оружие и войска НАТО вблизи границ России, на территории новых членов этой организации. Консервативно настроенные коммунисты жестко критиковали Ельцина за то, что он пошел на уступки по важным вопросам. Зюганов сказал, что Ельцин «позволил другу Биллу дать ему пинка под зад», — Ельцин только что дал Зюганову пинка под зад на выборах, где он боролся за будущую, а не вчерашнюю Россию. Я был уверен, что Ельцин выдержит и эту бурю.

Вернувшиеся из Африки Хиллари и Челси рассказали мне о своем путешествии. Отношения с африканскими государствами имели большое значение для Америки, и поездка Хиллари на этот континент, так же как и более ранний визит в Южную Азию, подчеркнула нашу решимость поддержать усилия лидеров и рядовых граждан стран Африки в достижении мира, процветания и свободы и помочь им остановить распространение СПИДа.

В последний день месяца я объявил о назначении Уэсли Кларка преемником генерала Джорджа Джоулвана в должности главнокомандующего силами США в Европе и командующего объединенными силами НАТО в Европе. Мне нравились оба этих человека. Джоулван энергично поддерживал активную позицию НАТО в Боснии, а Кларк был одним из важнейших игроков команды Дика Холбрука, которая вела там переговоры.

Я считал, что его назначение как нельзя лучше продемонстрирует наше намерение добиться прочного мира на Балканах.

В апреле я встретился с королем Хусейном и премьер-министром Нетаньяху, чтобы попытаться спасти мирный процесс. Вспышки насилия возобновились после решения Израиля построить новые дома в Хар-Хома — израильском поселении на окраине восточной части Иерусалима. Каждый раз, когда Нетаньяху делал шаг навстречу палестинцам, как в случае соглашения по Хеврону, правящая коалиция немедленно заставляла его предпринимать шаги, которые вновь вбивали клин между Израилем и палестинцами. Примерно в то же время произошла еще одна трагедия: в приступе бешенства иорданский военнослужащий убил семерых израильских школьников. Король Хусейн немедленно отправился в Израиль и принес его гражданам свои извинения, что разрядило напряженность в отношениях между Израилем и Иорданией. Однако Соединенные Штаты и Израиль продолжали требовать от Арафата покончить с терроризмом и примириться с проектом Хар-Хома, хотя, по его мнению, это не соответствовало обязательствам Израиля не вести строительство в районах, которые были предметом переговоров.

На встрече со мной король Хусейн высказал опасения по поводу того, что постепенный, пошаговый мирный процесс, который мог принести успех, когда премьером был Рабин, теперь, учитывая политические ограничения, с которыми приходится считаться Нетаньяху, не даст результата. Это беспокоило и самого Нетаньяху, который предлагал ускорить процесс, перейдя к самым тяжелым финальным пунктам соглашения. Хусейн считал, что это стоило попытаться сделать. Когда через несколько дней Нетаньяху прибыл в Белый дом, я сказал, что окажу ему поддержку, однако, чтобы заручиться согласием и Арафата, нужно найти способ выполнить предварительные соглашения, по которым израильская сторона обязалась открыть аэропорт в Газе, обеспечить свободный проход между палестинскими территориями в Газе и на Западном берегу реки Иордан и предоставить палестинцам экономическую помощь.

Большую часть месяца я потратил на попытки убедить Сенат ратифицировать Конвенцию о запрещении химического оружия (КХО). Я встречался с конгрессменами и разговаривал с ними по телефону, согласился на предложение Джесси Хелмса передать Агентство по контролю над вооружениями и по разоружению и Информационное агентство США в ведение Государственного департамента в обмен на его согласие поставить на голосование вопрос о ратификации КХО, против которой он возражал, и провел на Южной лужайке Белого дома встречу со сторонниками ратификации из числа видных республиканцев и военных, включая Колина Пауэлла и Джеймса Бейкера, чтобы преодолеть сопротивление консерваторов, таких как Хелмс, Каспар Уайнбергер и Дональд Рамсфелд.

Меня удивляла подобная позиция, поскольку все наши военные руководители решительно поддерживали КХО, однако она отражала глубокий скепсис правых в отношении возможностей международного сотрудничества и желание получить максимальную свободу действий теперь, когда Соединенные Штаты остались единственной в мире сверхдержавой. Ближе

к концу месяца я добился соглашения с сенатором Лоттом об изменении некоторых формулировок в тексте конвенции, которые, как он считал, смогут усилить этот договор. Наконец благодаря поддержке Лотта КХО была ратифицирована: за было подано 74 голоса, против — 26. Так вышло, что я следил за голосованием в Сенате по телевидению вместе с японским премьер-министром Рютаро Хасимото. И я подумал, что ему будет приятно узнать о ратификации: ведь Япония пострадала от применения террористами в метро отравляющего газа зарина.

В том, что касается внутренней политики, я поручил Сэнди Турману из Атланты, одному из самых активных борцов со СПИДом в Америке, возглавить Управление по национальной политике в области борьбы со СПИДом. С 1993 года наши инвестиции в исследования, направленные на борьбу со СПИДом, увеличились на 60 процентов, было одобрено восемь новых лекарств от СПИДа и девятнадцать лекарств от СПИД-ассоциированных заболеваний. Уровень смертности от СПИДа в США начал снижаться, но до создания вакцины или эффективного лекарства было еще далеко. Особенно угрожающая ситуация сложилась в Африке, где предпринимаемых нами усилий было недостаточно для решения этой проблемы. Турман был способным и энергичным человеком, обладающим даром убеждения, и я знал, что он будет требовательным и ко всем нам.

В последний день апреля мы с Хиллари объявили о решении Челси с осени начать учебу в Стэнфордском университете. С характерной для нее методичностью Челси побывала в Гарвардском, Йельском, Принстонском университетах, а также Университете Брауна и Колледже Уэллсли, причем в некоторых из них по два раза, чтобы побольше узнать об особенностях их академической и социальной жизни. Поскольку у нее были отличные оценки и результаты тестирования, она была принята во все эти университеты, и Хиллари надеялась, что она выберет тот из них, который расположен ближе к дому, однако я всегда подозревал, что Челси захочет оказаться как можно дальше от Вашингтона. Я надеялся лишь, что она выберет такой университет, где многому научится, приобретет хороших друзей, где ей будет хорошо, и я знал, что мы с ее матерью будем очень скучать по ней. В первые четыре года в Белом доме Челси жила с нами, посещала школу, занималась балетом, знакомила нас со своими друзьями и их родителями — была для нас постоянным источником радости. Независимо от того, что происходило вокруг, мы постоянно помнили, какое это счастье — иметь такую дочь.

Экономический рост в первом квартале 1997 года составил 5,5 процента, что, по оценкам, снизило бюджетный дефицит до 75 миллиардов долларов — четверти от той суммы дефицита, которую я унаследовал, когда стал президентом. 21 мая я объявил о том, что наконец достиг соглашения по сбалансированному бюджету со спикером Гингричем и сенатором Лоттом, а также присутствовавшими на переговорах по бюджету представителями от обеих партий. Сенатор Том Дэшл также заявил, что поддерживает соглашение по бюджету. Дик Гепхардт этого не сделал, но я надеялся, что он

изменит свою позицию, после того как ознакомится с проектом бюджета. На этот раз сделку заключить было значительно легче, потому что благодаря экономическому росту снизился уровень безработицы, который впервые с 1973 года опустился ниже 5 процентов, что помогло повысить зарплаты, прибыли и налоговые сборы.

В более широком плане результатами этого соглашения стали продление на десять лет срока действия программы «Медикэр», возможность проводить ежегодные обследования женщин с целью раннего выявления рака груди и диабета, чего я хотел добиться; медицинские страховки еще для пяти миллионов детей — это стало самым большим достижением в данном направлении после учреждения программы «Медикэйд» в 1960-х годах. Этим соглашением также предусматривалось крупнейшее увеличение расходов на образование за предыдущие тридцать лет, стимулирование руководителей предприятий принимать на работу получателей социальных пособий, обеспечение медицинскими пособиями легальных иммигрантов, финансирование мероприятий по очистке дополнительно пятисот мест хранения ядовитых отходов, налоговые льготы примерно в том объеме, который я рекомендовал.

Я уступил республиканцам, наполовину сократив расходы на программу «Медикэр», поскольку полагал, что ее оптимизация позволит сделать это без ущерба для пользующихся ею пожилых граждан. Республиканцы, в свою очередь, согласились ограничиться менее значительным сокращением налогов, принять программу медицинского страхования детей и увеличить расходы на образование. Мы получили примерно 95 процентов от уровня ассигнований, названного мною в послании «О положении в стране», а республиканцы — две трети от предложенного ими размера сокращения налогов. В итоге сокращение налогов оказалось не столь существенным, как то, которое осуществил Рейган в 1981 году. Я был рад, что после многочасовых обсуждений, начавшихся в конце 1995 года под угрозой остановки работы правительства, мы наконец сумели принять первый с 1969 года сбалансированный бездефицитный бюджет, для начала вполне удовлетворительный. Сенатор Лотт и спикер Гингрич плодотворно сотрудничали с нами, а Эрскин Боулз благодаря своему здравому смыслу и умению вести переговоры помог в критические моменты сдвинуть их с мертвой точки.

Когда в том же месяце соглашение по бюджету было вынесено на голосование в Палате представителей, за него проголосовало 64 процента демократов и 88 процентов республиканцев. В Сенате, где сторонником соглашения по бюджету стал Том Дэшл, поддержавших его демократов оказалось даже больше, чем республиканцев: 82 процента против 74.

Я подвергся критике со стороны некоторых демократов, возражавших против снижения налогов или против каких-либо соглашений с республиканцами. Они утверждали, что даже если бы мы не пошли на соглашение с республиканцами, сбалансированный бюджет все равно был бы принят в следующем году или через год благодаря плану, за который демократы проголосовали в 1993 году, когда имели большинство в Конгрессе, а теперь нам придется делить очки за это достижение с республиканцами. Это было правдой, но нужно было учитывать, что нам удалось добиться крупнейшего

за последние пятьдесят лет увеличения ассигнований на высшее образование, предоставления медицинских страховок пяти миллионам детей и сокращения налогов для среднего класса, которое я поддерживал.

Пятого мая, в День независимости Мексики, я отправился в поездку в эту страну, а также в другие страны Центральной Америки и Карибского бассейна. Чуть более десяти лет тому назад наши соседи страдали от гражданских войн, военных переворотов, диктаторских режимов, закрытости своих экономик и ужасающей бедности. Теперь все страны Западного полушария за исключением одной стали демократиями, а регион в целом превратился в нашего крупнейшего торгового партнера: американский экспорт в эти страны в два раза превышал экспорт в Европу и почти в полтора раза — в страны Азии. Но проблема бедности все еще оставалась очень острой, а кроме того, имелись и другие серьезные проблемы, связанные с торговлей наркотиками и нелегальной иммиграцией в США. Я пригласил в эту поездку ряд членов кабинета министров и конгрессменов, представлявших обе партии, поскольку мы объявили о намерении заключить с Мексикой новое соглашение, целью которого было сокращение нелегальной иммиграции в США из этой страны и потока наркотиков, поступавших к нам через реку Рио-Гранде. Президент Зедилло был компетентным и честным человеком, ему помогала хорошая команда, и я был уверен, что он сделает все от него зависящее, чтобы решить проблемы, существующие в отношениях между нашими странами. Я знал, что мы могли добиться гораздо большего, однако не был уверен в том, что окончательное решение этих двух проблем вообще возможно. Имелся целый ряд факторов, которые следовало принять во внимание. Мексика была более бедной страной, чем Соединенные Штаты; граница между двумя государствами была весьма протяженной; многие нелегальные иммигранты из Мексики выполняли в США низкооплачиваемую тяжелую работу, которой не хотело заниматься большинство американцев. Что касается наркотиков, то высокий спрос на них в нашей стране притягивал наркоторговцев подобно магниту, а у наркокартелей было достаточно денег, чтобы подкупить мексиканских чиновников или нанять людей для запугивания и убийства тех, кто не хотел с ними сотрудничать. Чтобы мексиканские пограничники не «замечали», как наркотики переправляются через границу, им предлагались взятки, причем за одну партию давали сумму, в пять раз превышавшую их годовую зарплату. Один прокурор в северной Мексике, не пожелавший сотрудничать с преступниками, был убит прямо у своего дома, и в его теле обнаружили более ста пулевых отверстий. Это были трудноразрешимые проблемы, но я считал, что, если мы достигнем соглашения, это поможет нам справиться с ними.

Хосе Мария Фигуэрес, президент Коста-Рики — очень красивой страны, не имевшей регулярной армии и проводившей, пожалуй, самую прогрессивную в мире экологическую политику, — пригласил руководителей центральноамериканских государств на встречу, посвященную проблемам торговли и охраны окружающей среды. НАФТА — Североамериканское соглашение о свободе торговли — непреднамеренно нанесло ущерб странам

Центральной Америки и Карибского бассейна, поставив их в невыгодное по сравнению с Мексикой положение в торговле с Соединенными Штатами. Я решил сделать все возможное, чтобы исправить эту несправедливость. На следующий день я заявил об этом же в Бриджтауне, на Барбадосе, где премьер-министр Оуэн Артур выступил в роли хозяина первой в истории встречи, в ходе которой руководители стран Карибского бассейна принимали президента Соединенных Штатов на своей собственной территории.

Важным вопросом, обсуждавшимся на обеих встречах, стала проблема иммиграции. Многие выходцы из государств Центральной Америки и Карибского бассейна работали в Соединенных Штатах, а свои заработки посылали оставшимся на родине семьям, для которых эти деньги были основным источником дохода. Руководителей государств региона беспокоило негативное отношение республиканцев к иммигрантам, и они хотели получить от меня заверения в том, что моя администрация не допустит массовых депортаций их соотечественников из США. Я дал им такое обещание, но при этом отметил, что мы обязаны соблюдать наши иммиграционные законы.

В конце месяца я вылетел в Париж на подписание основополагающего акта о взаимных отношениях НАТО с Россией. Ельцин выполнил обязательства, принятые им на себя в Хельсинки: НАТО — противник России в период холодной войны — теперь становилось ее партнером.

Проведя некоторое время в Нидерландах, где состоялась праздничная церемония в честь пятидесятой годовщины плана Маршалла, я вылетел в Лондон на свою первую официальную встречу с новым британским премьер-министром Тони Блэром. Под руководством Блэра лейбористская партия одержала уверенную победу над тори во время недавних выборов. В этом была несомненная заслуга Блэра: более современная и сдержанная позиция лейбористов понравилась избирателям, кроме того, произошло естественное снижение популярности консерваторов, которые уже много лет находились у власти. Блэр был молод, умел ясно и убедительно излагать свои мысли, и в наших политических взглядах было много общего. Я считал, что у него имелись все задатки для того, чтобы стать успешным лидером и Великобритании, и Европы, и с оптимизмом относился к перспективам нашего будущего сотрудничества.

Мы с Хиллари ужинали вместе с Тони и Шери Блэр в ресторане, расположенном на набережной Темзы, в реконструированном районе бывших доков, и с самого начала почувствовали себя так, словно были старыми друзьями. Британская пресса была приятно удивлена сходством наших жизненных и политических взглядов, и вопросы, которые задавали мне британские журналисты, похоже, повлияли и на представителей американской прессы, сопровождавших меня в этой поездке. У меня впервые возникло ощущение, что они начали понимать: моя концепция «нового подхода демократов» — это не просто политическая риторика.

Шестого июня, в день рождения моей матери, я произнес речь на выпускной церемонии в школе «Сидуэлл френдз», которую окончила Челси. Почти столетие назад с речью перед учениками этой школы выступил Теодор Рузвельт, но я исполнял здесь другую роль — не президента, а отца.

Когда я спросил свою дочь, что бы она хотела услышать в моей речи, Челси ответила: «Папа, я хочу, чтобы твое выступление было умным и кратким». А потом добавила: «Девочки надеются услышать от тебя что-то умное, а мальчики — забавное». Мне хотелось, чтобы это выступление стало моим подарком для нее, и я не ложился спать до трех часов ночи, готовя свою речь и переписывая ее снова и снова.

Я сказал Челси и ее одноклассникам, что в этот день «к гордости и радости, которые испытывают ваши родители, примешивается и печаль, так как им скоро предстоит расстаться с вами... Мы помним ваш первый школьный день, все ваши успехи и все испытания, через которые вы прошли. Хотя мы растили вас, готовя именно к этому моменту расставания, и гордимся вами, но все равно в глубине души нам хочется еще раз прижать вас к себе, как тогда, когда вы только начали ходить, еще раз прочитать вам любимые детские истории “Спокойной ночи, Луна”, или “Любопытный Джордж”, или “Маленький паровозик, у которого все получилось”». Я сказал, что впереди их ждет прекрасная жизнь и что перед ними открыты все пути, и напомнил им знаменитое изречение Элеаноры Рузвельт о том, что никто не может унижить человека без его на то позволения: «Не позволяйте этого никому».

Когда Челси вышла получать аттестат, я обнял ее и сказал ей, что люблю ее. После окончания церемонии несколько родителей поблагодарили меня за то, что я выразил их мысли и чувства, а потом мы вернулись в Белый дом на праздник в честь нашей дочери. Челси была растрогана, когда увидела, что поздравить ее пришли все сотрудники Белого дома. Она сильно изменилась с тех пор, как четыре с половиной года тому назад впервые появилась в Белом доме маленькой девочкой, носившей скобки для исправления прикуса, и все для нее еще только начиналось.

Вскоре после выпускной церемонии я получил заключение Национальной консультативной комиссии по биоэтике, в котором говорилось о том, что клонирование людей «неприемлемо с точки зрения морали», и предложил Конгрессу его запретить. Эта проблема возникла после клонирования овцы Долли в Шотландии. Технология клонирования уже использовалась для того, чтобы повысить урожайность сельскохозяйственных растений и для разработки новых методов лечения рака, диабета и других болезней. Она была очень перспективна для решения проблем, связанных с пересадкой кожи, хрящей и костной ткани у людей, пострадавших от ожогов или несчастных случаев, а также выращиванием нервной ткани для лечения повреждений позвоночника. Я не хотел мешать развитию этих направлений, но считал, что нельзя допустить клонирования людей. Всего за месяц до этих событий я уже извинился от лица американского правительства за бессовестные расистские эксперименты с возбудителем сифилиса, которые проводились над сотнями афроамериканцев несколько десятилетий тому назад в Таскиги, штат Алабама.

В середине июня я, выступая в Калифорнийском университете в Сан-Диего, сказал о необходимости постоянно прилагать усилия к тому, чтобы избавиться от последствий расовой дискриминации в Америке и добиться

максимальной пользы от растущего многообразия этнического состава населения нашей страны. В Соединенных Штатах все еще отмечались проявления дискриминации и фанатизма, совершались преступления, причиной которых была ненависть, имелись значительные различия в доходах, образовании и доступности медицинской помощи. Я назначил комиссию из семи человек во главе с авторитетным ученым Джоном Хоупом Франклином, которая должна была проинформировать американцев о состоянии межрасовых отношений и выработать рекомендации о том, как в XXI столетии превратить нашу страну в «Единую Америку». Я собирался координировать эти усилия с помощью нового аппарата Белого дома, который возглавил Бен Джонсон.

В конце июня в Денвере состоялась ежегодная встреча «Большой семерки». Я пообещал Ельцину, что Россия станет полноправной участницей этой организации, но министры финансов других ее членов возражали против этого из-за экономической слабости России. Поскольку Россия зависела от экономической поддержки международного сообщества, они считали, что она не должна участвовать в принятии финансовых решений «Большой семеркой». Я понимал, почему министры финансов хотели проводить встречи и принимать решения без России, но «Большая семерка» была также и политической организацией: участие в ней России должно было символизировать ее значение для будущего мирового сообщества и укрепить положение Ельцина внутри страны. Мы уже назвали эту встречу «встречей восьмерки». В конце концов мы проголосовали за то, чтобы сделать Россию полноправным членом будущей «Большой восьмерки», но разрешили министрам финансов других семи стран продолжать встречаться для обсуждения текущих проблем. Таким образом, теперь и Ельцин, и я выполнили принятые в Хельсинки обязательства.

Примерно в это же время Мир Аймал Канси, подозреваемый в убийстве двух сотрудников ЦРУ и ранении еще трех человек в штаб-квартире этой организации в 1993 году, был возвращен в Соединенные Штаты из Пакистана, чтобы предстать перед судом. Это событие стало результатом настойчивых усилий по его экстрадиции, предпринимавшихся ФБР, ЦРУ, Государственным департаментом, министерствами юстиции и обороны. Это было хорошим подтверждением нашей твердой решимости находить террористов и предавать их суду.

Через неделю после острых дискуссий Палата представителей проголосовала за продолжение нормальных торговых отношений с Китаем. Хотя это решение было принято большинством в 86 голосов, оно вызвало решительные возражения со стороны консерваторов и либералов, которые осуждали торговую политику Китая и нарушения прав человека в этой стране. Я тоже был сторонником развития политической свободы в Китае и незадолго до этого пригласил посетить Белый дом далай-ламу и гонконгского активиста борьбы за гражданские права Мартина Ли, заявив тем самым о моей поддержке культурной и религиозной независимости Тибета и демократических свобод Гонконга, переданного Китаю Великобританией. Я считал, что торговые отношения можно улучшить только путем

переговоров о вступлении Китая во Всемирную торговую организацию. Мы должны были развивать отношения с Китаем, а не держать его в изоляции. Интересно, что Мартин Ли согласился с моей позицией и высказался за продолжение наших торговых отношений.

Вскоре после этого я вылетел на родину, в Хоуп, чтобы присутствовать на похоронах Орена Гришема — моего девяностодвухлетнего дяди Бадди, сыгравшего в моей жизни огромную роль. Когда я прибыл в его дом, мы с членами его семьи тут же стали вспоминать забавные истории из его жизни. Как сказал о нем один из моих родственников, «он был солью земли и изюминкой жизни». По словам Вордсворта*, лучшая часть жизни хорошего человека — это скромные поступки, в которых проявляется его доброта и любовь. Бадди все это щедро дарил мне, когда я был мальчиком и рос без отца. В декабре Хиллари купила для меня великолепного лабрадора-ретривера шоколадной масти, чтобы хоть как-то утешить меня после разлуки с Челси. Это был добродушный, веселый и умный пес. Я назвал его Бадди.

В начале июля мы с Хиллари и Челси провели два дня на острове Майорка с испанским королем Хуаном Карлосом и королевой Софией, а потом отправились в Мадрид на встречу стран — участниц НАТО. Я провел плодотворную дискуссию с испанским президентом Хосе Марией Азнар, который только что принял решение о полной интеграции Испании в командную структуру НАТО. Затем члены НАТО проголосовали за принятие в Североатлантический альянс Польши, Венгрии и Чехии и заявили, что двери НАТО открыты еще для двадцати других стран, вступивших в «Партнерство ради мира». С самого начала моего президентства я выступал за расширение НАТО и считал, что этот исторический шаг поможет объединить Европу и сохранить Североатлантический блок.

На следующий день мы подписали соглашение о партнерстве с Украиной, и я посетил Польшу, Румынию и Данию, чтобы подчеркнуть значение расширения НАТО. В Варшаве, Бухаресте и Копенгагене меня с воодушевлением встречали толпы горожан. Польша праздновала свое вступление в НАТО. В Бухаресте около 100 тысяч человек скандировали «США! США!», демонстрируя свою поддержку демократии и желание как можно скорее вступить в НАТО. В Копенгагене, куда я прибыл в ясный солнечный день, численность и энтузиазм приветствовавшей нас толпы продемонстрировали, что местные жители понимали огромную важность нашего альянса и оценили тот факт, что я стал первым действующим президентом США, посетившим Данию.

В середине месяца я вновь вернулся к работе в Белом доме, предложив Конгрессу закон, запрещающий дискриминацию на основе генетического тестирования. Ученые стремительно приближались к разгадке тайны человеческого генома, и эти открытия обещали совершить революцию в медицине и сохранить жизни миллионам людей. Однако генетические тесты могли обнаружить склонность индивида к тем или иным заболеваниям,

---

* Уильям Вордсворт (1770–1850) — английский поэт. — *Прим. пер.*

таким как рак груди или болезнь Паркинсона. Мы не могли допустить, чтобы результаты генетических тестов стали основанием для отказа в приеме на работу и медицинском страховании, чтобы люди избегали тестирования из страха, что результаты тестов, вместо того чтобы помочь продлить им жизнь, будут использованы против них.

Примерно в те же дни ИРА вновь заявила о намерении придерживаться соглашения о прекращении огня, которое было нарушено ею в феврале 1996 года. Я продолжал настаивать на прекращении огня, и на этот раз оно оказалось довольно длительным, что позволило наконец ирландцам найти способ преодолеть взаимные обиды и подозрения, чтобы вместе строить общее будущее.

Июль уже заканчивался, но мы все еще не могли преодолеть некоторые разногласия по бюджету, чтобы окончательно оформить достигнутое ранее с республиканцами соглашение. Мы не могли договориться о размере и характере снижения налогов и о распределении новых ассигнований. Пока наша команда продолжала переговоры с Конгрессом, я занимался другими вопросами: доказывал, несмотря на преобладающее в Конгрессе мнение, что глобальное потепление является реальностью и нам необходимо принять меры, чтобы уменьшить выбросы углекислого газа, вызывающие парниковый эффект; провел совещание по проблеме озера Тахо с Алом Гором и другими федеральными чиновниками и чиновниками нескольких штатов в Инклайн-Виллидж, штат Невада.

Тахо было одним из самых глубоких, прозрачных и чистых озер в мире, но его экологии был нанесен ущерб в результате ведущегося там строительства, загрязнения воздуха выхлопными газами и утечек топлива из двигателей моторных лодок и водных мотоциклов. Идея восстановления экологии озера широко поддерживалась представителями обеих партий в штатах Калифорния и Невада, и мы с Алом были полны решимости сделать все возможное, чтобы способствовать ее воплощению в жизнь.

В конце месяца, после моего выступления на заседании Национальной ассоциации губернаторов в Лас-Вегасе, губернатор Боб Миллер пригласил меня и несколько моих бывших коллег сыграть в гольф с великим баскетболистом Майклом Джорданом. Я вновь начал играть в гольф всего за две недели до этого и все еще продолжал носить на ноге мягкую фиксирующую повязку. Перед игрой с Майклом я решил, что повязка мне уже больше не нужна, и снял ее.

Джордан отлично играл в гольф: у него были прекрасные дальние удары, хотя иногда он и ошибался. Кроме того, он хорошо выполнял короткие удары. Я понял, почему он столько раз становился чемпионом НБА, когда мы играли короткую партию, за которую нужно было пройти пять лунок. У всех нас были хорошие шансы пройти четвертую лунку всего за два удара. Джордан, прикинув, как лучше выполнить сложный удар и попасть в лунку, находившуюся в сорока пяти футах от мяча ниже по склону холма, сказал: «Ну, похоже, я должен попасть, чтобы выиграть». По выражению его глаз я видел, что он действительно намерен это сделать. И он сделал это — и выиграл.

Джордан сказал мне, что я буду лучше играть, если снова надену фиксирующую повязку: «Вашему телу она уже не нужна, но ваш мозг еще не знает об этом». Одной из причин моей не очень удачной игры было то, что мне приходилось постоянно поддерживать телефонную связь с Белым домом, поскольку я должен был следить за ходом переговоров по бюджету: мы обменивались последними предложениями и пытались достичь компромисса, чтобы прийти к соглашению.

Примерно в середине игры позвонил Рам Эмануэль и сказал, что соглашение достигнуто. Позвонивший вслед за ним Эрскин подтвердил эту информацию и рассказал о деталях соглашения. Мы добились запланированного объема ассигнований на образование и здравоохранение, снижение налогов было умеренным — около 10 процентов от уровня, достигнутого при Рейгане в 1981 году, расходы на «Медикэр» были вполне приемлемыми. В бюджет были включены налоговые льготы для среднего класса, ставка налога на прирост капитала сокращалась с 28 до 20 процентов, и все согласились с тем, что к 2002 году, а может быть даже и раньше, нам удастся добиться бездефицитного бюджета, если рост экономики продолжится. Эрскин и вся наша команда, в особенности мой юридический советник Джон Хилли, проделали отличную работу. Я был так счастлив, что отлично отыграл оставшиеся три лунки, вновь надев свою фиксирующую повязку.

На следующий день состоялась праздничная церемония на Южной лужайке, в которой приняли участие все конгрессмены и члены президентской администрации, работавшие над бюджетом. Настроение у всех было приподнятое, а члены обеих партий в своих выступлениях не скупались на теплые слова и похвалы. Я выразил особую благодарность демократам, в частности Теду Кеннеди, Джею Рокфеллеру и Хиллари за то, что им удалось добиться предоставления детям медицинских страховок. Бюджет, дефицит которого сократился на 80 процентов от уровня в 290 миллиардов — такой цифры он достиг в 1993 году, — можно было назвать прогрессивным: в нем предусматривались поддержанное мною снижение налогов для среднего класса и сокращение ставки налога на прирост капитала, на котором настаивали республиканцы. Помимо финансирования сферы здравоохранения и образования и сокращения налогов в бюджете было заложено повышение налога на продажу табачных изделий до 15 центов с пачки сигарет — эти средства должны были пойти на оплату медицинских страховок для детей. Помимо этого планировалось выделить 12 миллиардов долларов на медицинские страховки и пособия по инвалидности легальным иммигрантам; в два раза увеличивались ассигнования на поддержку предпринимательства, выделялись средства для улучшения экологии.

В тот день в Белом доме царил атмосфера такой доброжелательности, что трудно было поверить в то, что в течение двух лет мы с республиканцами буквально «держали друг друга за горло». Я не знал, насколько длительным будет этот позитивный настрой, но был полон решимости строить отношения с республиканцами цивилизованно даже в самых тяжелых ситуациях. За несколько недель до описываемых событий Трент Лотт, расстроенный тем, что проиграл незначительную законодательную битву Белому

дому, в одном из воскресных телевизионных ток-шоу назвал меня «испорченным, плохо воспитанным мальчишкой». Через несколько дней после этого заявления я позвонил Лотту и, сообщив, что мне известно о его словах, сказал, что не придаю им большого значения, потому что уверен, что они были вызваны плохим настроением, в котором он проснулся воскресным утром после недели тяжелой работы, проклиная себя за то, что согласился на это телеинтервью. Я сказал также, что он наверняка был уставшим и раздраженным и поэтому, когда ведущий стал провоцировать его на то, чтобы сказать обо мне что-то резкое, легко проглотил наживку. Лотт засмеялся и сказал: «Именно так все и было», — и мы с ним забыли об этом эпизоде.

Многие люди, работающие в постоянном напряжении, иногда произносят слова, о которых потом жалеют, — со мной, во всяком случае, такое случалось не раз. Обычно я даже не читал то, что говорили обо мне республиканцы, а если все же узнавал о каком-то резком высказывании, то просто не обращал на него внимания. Люди избирают президентов для того, чтобы они работали для их блага, а раздражение и негативные эмоции, вызываемые личными обидами, мешают этому. Я был рад, что позвонил Тренту Лотту, и сожалел, что не всегда поступал таким же образом в подобных ситуациях.

Но я не мог так же равнодушно относиться к постоянным попыткам Кена Старра заставить людей выдвигать против нас с Хиллари ложные обвинения и к преследованиям, которым подвергались те, кто отказывался лгать по его приказу. В апреле Джим Макдугал, который изменил свои показания, чтобы угодить Старру и его заместителю в Арканзасе Хику Юингу, наконец отправился в тюрьму с рекомендацией Старра о сокращении ему срока заключения. Так же Старр поступил и с Дэвидом Хейлом.

Забота Старра о Макдугале и Хейле резко контрастировала с тем, как он относился к Сюзан Макдугал, которую все еще держали в тюрьме за неуважение к суду, потому что она отказалась отвечать на вопросы Старра перед большим жюри. После недолгого пребывания в арканзасской окружной тюрьме, куда она была доставлена в наручниках, кандалах и с цепью, закрепленной на поясе, ее перевели в федеральную тюрьму, где в течение нескольких месяцев держали отдельно от остальных заключенных в медицинском корпусе. Потом ее перевели в тюрьму Лос-Анджелеса, где ей было предъявлено обвинение в том, что она растратила деньги своего прежнего работодателя. Когда новые представленные в суд документы опровергли обвинения прокурора, Сюзан была оправдана. Все это время она была вынуждена двадцать три часа в сутки проводить в камере без окон, в которой обычно содержались преступники, осужденные за убийство; ее заставляли надевать красное платье, которое обычно носили убийцы и истязатели детей. После нескольких месяцев нахождения в подобных условиях Сюзан была помещена в камеру с прозрачными стеклами, где у нее не было возможности общаться с другими заключенными, смотреть телевизор и вообще слышать какие-либо звуки извне. Когда ее доставляли в суд для дачи показаний в тюремном автобусе, то помещали в отдельный отсек, использовавшийся обычно для опасных преступников. Сюзан содержали, как Ганнибала Лектера, и конец этому был положен только 30 июля, после того

как Американский союз за гражданские свободы направил иск, в котором заявил, что Макдугал содержали в «варварских условиях» по настоянию Старра, для того чтобы вынудить ее давать нужные ему показания.

Через несколько лет, когда я читал книгу Макдугал «Женщина, которая отказалась говорить» (*The Woman Who Wouldn't Talk*), по коже у меня бежали мурашки. Сюзан могла в любой момент положить конец своим страданиям и получить солидную денежную компенсацию, просто повторив ту ложь, которую Старр и Хик Юинг хотели от нее услышать. Я не знаю, как она все это вынесла, но в конце концов информация о том, что Макдугал содержат в тюрьме закованной в цепи, и обо всех других жестокостях Старра и его аппарата просочилась сквозь стену молчания, которую возвели вокруг этих фактов репортеры, писавшие о деле «Уайтуотер».

Позже, весной, Верховный суд постановил, что иск Пола Джонс может быть рассмотрен еще до истечения срока моего нахождения в Белом доме, вопреки доводам моих адвокатов, считавших, что это может помешать мне выполнять мои президентские обязанности и потому судебные разбирательства следует провести в конце моего президентского срока. Согласно предыдущим решениям суда, действующий президент не должен становиться объектом гражданского иска в период нахождения в должности, потому что судебное разбирательство может занять слишком много времени и отвлечь его от выполнения своих обязанностей. На этот раз Верховный суд пришел к заключению, что отсрочка судебного разбирательства по делу, предметом которого являлись действия президента, не связанные с выполнением его официальных обязанностей, может нанести ущерб другой стороне (т.е. подателю иска), поэтому рассмотрение иска Джонс нельзя откладывать. Кроме того, суд заявил, что защита по этому иску не будет для меня слишком обременительной и не займет много времени.

Двадцать пятого июня газета *Washington Post* сообщила, что Кеннет Старр изучает информацию о том, что я состоял в интимных отношениях с несколькими женщинами, число которых предположительно составляло от двенадцати до пятнадцати, включая Полу Джонс. Старр заявил, что его не интересует моя сексуальная жизнь: он просто хочет допросить всех, с кем я мог говорить о деле «Уайтуотер». В итоге к расследованию обстоятельств, к которым, как он заявил, у него не было никакого интереса, Старр привлек десятки агентов ФБР и частных детективов, услуги которых были оплачены деньгами налогоплательщиков.

В конце июля я был озабочен тем, что происходило в ФБР, по причинам гораздо более важным, чем «сексуальные расследования», проводимые бюро для Кена Старра. В ведомстве, которым руководил Луис Фри, произошло несколько сбоев: была допущена небрежность при составлении отчетов, что могло сорвать ряд важных расследований; был обнаружен большой перерасход средств, выделенных на приобретение двух компьютерных систем, которые должны были улучшить работу Национального центра криминальной информации и дать возможность полицейским по всей стране быстро проводить идентификацию отпечатков пальцев; были опубликованы секретные досье ФБР на чиновников-республиканцев, работавших

в Белом доме при предыдущей администрации; было названо имя подозреваемого в организации взрыва бомбы во время Олимпиады — Ричарда Джуэла — и сделана попытка фальсифицировать доказательства его вины, после чего он в конце концов был оправдан. Кроме того, велось уголовное расследование действий заместителя Фри Ларри Поттса в связи с кровавой перестрелкой в Руби-Ридж в 1992 году, за что ФБР подверглось жесткой критике, а Поттсу было вынесено зыскание, перед тем как Фри назначил его своим заместителем.

Фри подвергся критике и прессы, и республиканцев в Конгрессе, которые назвали ошибки ФБР причиной их отказа принять один из пунктов предложенного мною антитеррористического закона, который предоставил бы ФБР право организовывать слежку за лицами, подозреваемыми в террористической деятельности, и прослушивать их телефонные разговоры.

У Фри был один надежный способ понравиться республиканцам в Конгрессе и положить конец нападкам в прессе: он мог занять враждебную позицию по отношению к Белому дому. То ли по убеждениям, то ли в силу необходимости, но Фри именно это и сделал. Когда произошла утечка информации из-за ненадлежащего обращения с секретными досье, его первой реакцией было обвинить в этом Белый дом и снять всякую ответственность с ФБР. Когда начались разбирательства по поводу финансирования моей избирательной кампании, он написал Джанет Рино служебную записку, содержание которой просочились в прессу, принуждая ее начать независимое расследование. Когда появились сообщения о том, что в 1996 году члены китайского правительства, возможно, передавали финансовые средства некоторым конгрессменам, агенты ФБР проинформировали об этом ряд сотрудников Совета национальной безопасности, не занимавших в нем ответственных должностей, запретив им, однако, докладывать об этом своему начальству. Когда Мадлен Олбрайт готовилась к визиту в Китай, советник Белого дома Чак Рафф, бывший федеральный прокурор и сотрудник Министерства юстиции, попросил ФБР передать ему информацию о планах Пекина по оказанию влияния на позицию американского правительства. Госсекретарь должна была получить эти сведения до переговоров с китайцами, однако Фри лично распорядился не передавать Олбрайт соответствующий доклад, несмотря на то что он уже был подготовлен и одобрен Министерством юстиции и двумя главными советниками Фри.

Я не думал, что Фри был настолько глуп, чтобы предположить, будто демократическая партия может принять финансовые жертвования от китайского правительства, зная, что это незаконно, — он просто пытался избежать критики со стороны прессы и республиканцев, даже если его действия могли нанести ущерб нашей внешней политике. Я вспомнил, что за день до того, как я назначил Фри руководителем агентства, мне позвонил бывший агент ФБР из Арканзаса. Он умолял меня не назначать Фри на эту должность, утверждая, что тот «продаст меня с потрохами», как только это будет ему выгодно.

Какими бы ни были мотивы Фри, действия ФБР по отношению к Белому дому стали еще одним примером безумия, воцарившегося в Вашингтоне.

Ситуация в стране была благоприятной, и положение продолжало улучшаться. Мы боролись за мир и процветание на всей земле, а в это время в Вашингтоне продолжалась бессмысленная охота за скандалами. Несколькими месяцами ранее Том Олифант, прекрасно разбиравшийся в этой ситуации и независимо мыслящий обозреватель *Boston Globe*, очень точно охарактеризовал эту ситуацию:

Влиятельные тщеславные силы, управляющие американской машиной по производству скандалов, отлично умеют управлять и восприятием событий. Создание видимости — для этой машины хлеб насущный. Видимость порождает вопросы, которые создают новую видимость, и все это, в свою очередь, порождает «праведное рвение», которое требует проведения тщательного расследования сверхкрупными прокурорами, причем обязательно независимыми. А те, кто не поддается этому всеобщему помешательству, разумеется, являются либо преступниками, либо их пособниками.

Август принес и хорошие, и плохие новости. Безработица снизилась до 4,8 процента — самого низкого уровня с 1973 года, и после соглашения по бюджету, достигнутому двумя партиями, ничто не могло поколебать нашей уверенности в будущем. С другой стороны, нам не удалось добиться взаимопонимания с республиканцами в отношении кандидатур на административные должности: Джесси Хелмс тормозил предложенное мною назначение губернатора Массачусетса республиканца Билла Уэлда послом в Мексику, поскольку считал, что Уэлд оскорбил его. Джанет Рино сообщила Американской ассоциации адвокатов, что свободной оставалась 101 вакансия на должность федерального судьи, потому что в 1997 году Сенат утвердил только девять из предложенных мною кандидатур, причем не был утвержден ни один судья апелляционного суда.

После двухлетнего перерыва в августе наша семья вновь отправилась в отпуск в Мартас-Виньярд. Мы остановились в доме нашего друга Дика Фридмана неподалеку от Ойстер-Понд. В свой день рождения я совершил пробежку с Челси и убедил Хиллари по традиции сыграть со мной в гольф на общественном поле для гольфа Минк-Мидоус. Она никогда не любила играть в гольф, но раз в год соглашалась развлечь меня и пройти вместе со мной несколько лунок. Я также часто играл с Верноном Джорданом на великолепном старом поле для гольфа Фарм-Нек. Вернон любил эту игру гораздо больше, чем Хиллари.

Месяц закончился так, как и начался, — и хорошими, и плохими новостями. 29 августа Тони Блэр пригласил «Шин Фейн» принять участие в переговорах по урегулированию в Ирландии, впервые придав этой партии официальный статус. 31 августа в автокатастрофе в Париже погибла принцесса Диана. Менее чем через неделю умерла мать Тереза. Хиллари очень тяжело переживала эти смерти. Она хорошо знала и очень любила этих женщин и представляла Соединенные Штаты на обоих похоронах, вылетев сначала в Лондон, а оттуда — в Калькутту.

В августе мне также пришлось объявить об очень неприятной для меня вещи — о том, что Соединенные Штаты не смогут подписать Международный договор о запрете противопехотных мин. Обстоятельства, которые привели к этому, были довольно странными. Начиная с 1993 года Соединенные Штаты потратили 153 миллиона долларов на работы по разминированию в различных уголках земного шара; недавно, доставляя группу саперов в юго-западную Африку, мы потеряли самолет и девять человек, находившихся на его борту; более 25 процентов всех специалистов по разминированию в мире были обучены нами; мы уничтожили 1,5 миллиона наших собственных мин и еще 1,5 миллиона должны были уничтожить к 1999 году. Ни одна страна в мире не сделала столько, сколько Америка, для того, чтобы избавить человечество от опасности, связанной с противопехотными минами.

К концу переговоров я попросил внести в проект договора две поправки: исключить из него упоминание о минных полях на границе между Южной и Северной Кореей, которые защищали наши войска, размещенные в Южной Корее, поскольку их существование было одобрено ООН, и изменить формулировку того пункта договора, которым разрешалось сохранить противотанковые мины, произведенные в Европе, и вводился запрет на мины американского производства. Наши мины этого типа были столь же безопасны и лучше подходили для защиты наших войск. Обе поправки были отвергнуты, отчасти потому, что участники Конференции по запрещению противопехотных мин были настроены на то, чтобы принять наиболее жесткий вариант договора в память о принцессе Диане, которая была его горячей сторонницей, а отчасти потому, что некоторые из них просто хотели досадить Соединенным Штатам и заставить нас подписать договор, не учитывавший наши пожелания. Я был очень разочарован тем, что наша страна не станет участницей международного договора, нацеленного на прекращение производства и использования противопехотных мин — опасного и бесчеловечного оружия, при этом чрезвычайно дешевого и доступного: ведь многие мины можно было купить всего за три доллара за штуку, — но я не мог рисковать безопасностью наших войск и народа Южной Кореи.

Восемнадцатого сентября мы с Хиллари отвезли Челси в Стэнфорд. Мы хотели, чтобы ее жизнь была нормальной, насколько это возможно, поэтому попросили секретные службы сделать так, чтобы ее охраняли молодые агенты, одетые так же, как другие студенты, и не привлекавшие внимания. Администрация университета обещала запретить журналистам доступ к ней в студенческий городок. Мы приняли участие в приветственных церемониях и вместе с другими родителями осмотрели университет, после чего проводили Челси в студенческое общежитие и помогли ей устроиться. Челси была счастлива и взволнована, а мы с Хиллари — немного печальны и встревожены. Хиллари пыталась не показать этого, помогая Челси устроиться на новом месте, — даже постелила бумагу в ее шкаф. Я перенес вещи Челси в ее комнату и помог ей застелить кровать. После этого я стоял и смотрел в окно, пока Хиллари действовала Челси на нервы, занимаясь

обустройством. Когда представитель студентов на церемонии посвящения первокурсников Блейк Харрис сказал родителям, что наши дети соскучатся по нам примерно через месяц минут на пятнадцать, все рассмеялись. Я надеялся, что это правда, но знал, что мы-то уж наверняка будем скучать по Челси. Когда пришло время уезжать, Хиллари сумела взять себя в руки и приготовилась уходить. Я же захотел остаться на ужин.

В последний день сентября я принял участие в церемонии проводов в отставку генерала Джона Шаликашвили и вручил ему Президентскую медаль свободы. Он был очень хорошим председателем Объединенного комитета начальников штабов, поддерживал идею расширения НАТО и программу «Партнерство ради мира» и руководил нашими войсками более чем в сорока операциях, в том числе в Боснии, на Гаити, в Ираке, Руанде и Тайваньском проливе. Мне было очень приятно с ним работать. Он был умным, честным человеком и очень заботился о наших военнослужащих. Я назвал его преемником генерала Хью Шелтона, который произвел на меня большое впечатление, когда руководил операцией на Гаити.

Начало осени было посвящено в основном внешней политике. Я совершил свое первое турне по Южной Америке — побывал в Венесуэле, Бразилии и Аргентине, чтобы подчеркнуть важность отношений с этим регионом для будущего США и поддержать идею распространения на него зоны свободной торговли. Венесуэла была нашим основным поставщиком нефти и никогда не отказывалась увеличить поставки, когда мы в этом нуждались, — начиная со Второй мировой войны и заканчивая войной в Персидском заливе. Мой визит был коротким и прошел успешно. Его главным событием стало мое выступление перед жителями Каракаса у могилы Симона Боливара.

С Бразилией дела обстояли по-другому: между нашими странами долгое время существовали трения, и многие бразильцы были недовольны Соединенными Штатами. Бразилия была лидером торгового блока МЕРКОСУР, в который также входили Аргентина, Парагвай и Уругвай, объем торговли которого с Европой превышал объем торговли с Соединенными Штатами. С другой стороны, бразильский президент Энрике Кардосо был современным эффективным руководителем, который хотел наладить хорошие отношения с Соединенными Штатами и понимал, что тесное сотрудничество с нами поможет ему модернизировать экономику страны, решить проблему хронической бедности и повысить авторитет Бразилии в мире.

Я почувствовал интерес к Бразилии, после того как великий джазовый саксофонист Стэн Гетц популяризировал бразильскую музыку в Америке в 1960-х. Мне давно хотелось увидеть прекрасные города и сельские пейзажи этой страны. Я также уважал и любил Кардосо, который уже побывал в Вашингтоне с официальным визитом. Я считал его одним из самых ярких лидеров, с которыми мне довелось встречаться. Я хотел подтвердить свою приверженность идее экономического сотрудничества наших стран и выразить поддержку политики Кардосо, и особенно его усилий по сохранению обширных дождевых тропических лесов Бразилии, которые в последнее

время сильно пострадали из-за бесконтрольной вырубки, а также его стремления повысить уровень образованности населения. Кардосо стал инициатором важной программы под названием *bolsa escola*, предусматривавшей выплату денег бедным бразильским семьям, если их дети посещали хотя бы 85 процентов занятий в школе.

Во время нашей пресс-конференции произошел интересный случай. Помимо нескольких вопросов об американско-бразильских отношениях и изменениях климата представителями американской прессы было задано четыре вопроса о сомнительной практике финансирования избирательной кампании 1996 года. После этого один журналист спросил, не ставит ли в неловкое положение лично меня и мою страну то, что приходится отвечать на подобные вопросы во время зарубежного визита. Я ответил: «Это вам решать. Вы решаете, какие вопросы задавать. Меня не может поставить в неловкое положение то, как вы выполняете свою работу».

После посещения школы в бедном районе Рио-де-Жанейро вместе с легендарным бразильским футболистом Пеле мы с Хиллари отправились в столицу страны, Бразилиа, на официальный ужин в президентской резиденции, где Энрике и Рут Кардосо дали нам возможность насладиться бразильской музыкой, поклонником которой я был уже более тридцати лет. Это был ансамбль перкуссионисток, исполнявших пульсирующие ритмы на прикрепленных к телу металлических тарелках разного размера. В этот вечер выступила также и легендарная певица из штата Баия — Виргиния Родригес.

Президент Аргентины Карлос Менем был верным союзником Соединенных Штатов, поддержавшим Америку во время войны в Персидском заливе и высадки американского десанта на Гаити, и последовательным сторонником свободного рынка. В Сельском центре Буэнос-Айреса он угощал нас барбекю — жареным на решетке мясом, за чем последовал урок танго для нас с Хиллари и демонстрация искусства аргентинских наездников: один из них скакал по арене, стоя на спинах двух крупных жеребцов.

Президент Менем также пригласил нас в Барилоче — прекрасный курортный городок в Патагонии, — где мы обсудили проблему глобального потепления и наших совместных действий по ее решению. Международная конференция по проблеме глобального потепления должна была пройти в декабре в японском городе Киото. Я был убежденным сторонником существенного сокращения выбросов в атмосферу газов, вызывающих парниковый эффект, как индустриально развитыми, так и развивающимися странами, но хотел, чтобы это было достигнуто не запретами и повышением налогов, а с помощью рыночных стимулов, которые будут способствовать экономному расходованию энергии и использованию «чистых» технологий. Пример Барилоче как нельзя лучше убеждал в важности охраны окружающей среды. Напротив отеля «Льяо-Льяо», где мы остановились, на другом берегу холодного прозрачного озера находился волшебный лес Арраянес, куда мы отправились побродить среди лишенных коры миртовых деревьев. Эти деревья были оранжевыми от содержащейся в их древесине дубильной кислоты и прохладными на ощупь. Для их выживания были необходимы определенный состав почвы, чистые вода и воздух

и благоприятный умеренный климат. Меры, которые позволили бы остановить изменения климата, дали бы возможность сохранить и эти уникальные деревья, да и стабильность на всей нашей планете.

Двадцать шестого октября, после нашего возвращения в Вашингтон, Каприсия Маршалл, Келли Крейгхед и остальные сотрудники аппарата Хиллари организовали большой праздник в честь ее пятидесятилетия под тентом на Южной лужайке Белого дома. Приехала Челси, что для Хиллари стало сюрпризом. Были накрыты столы, и звучала музыка, символизировавшая каждое десятилетие ее жизни. В тот момент, когда начинала играть новая мелодия, вставали люди, знавшие Хиллари в то время: в Иллинойсе в 50-е, в Уэллсли в 60-е, в Йеле в 70-е и Арканзасе в 80-е годы.

На следующий день в Вашингтон прибыл Цзян Цзэминь. Вечером я пригласил его в свою резиденцию для неофициальной встречи. Я проработал с ним почти пять лет и высоко ценил его политический опыт, его желание интегрировать Китай в мировое сообщество и тот быстрый экономический рост, которого добился Китай под руководством Цзян Цзэминя и премьер-министра Чжу Жунцзы, но меня все еще беспокоило подавление гражданских свобод в этой стране и судьба находившихся там в заключении политических диссидентов. Я попросил Цзяна освободить некоторых диссидентов и сказал ему, что нашим странам, чтобы стать долговременными партнерами, нужно честно признать, что между нами существует ряд разногласий.

Когда Цзян согласился с этим, мы продолжили дискуссии о том, какие перемены и какие свободы может позволить себе Китай, чтобы в нем не начался внутренний хаос. Мы не преодолели наших разногласий, но стали лучше понимать друг друга, и, когда Цзян возвратился в Блэр-хаус, я отправился в постель, размышляя о том, что в процессе модернизации Китай будет вынужден стать более открытым и в новом столетии наши страны, скорее всего, станут партнерами, а не противниками.

На следующий день мы с Цзяном объявили на пресс-конференции, что будем развивать сотрудничество в сферах предотвращения распространения оружия массового поражения, мирного использования ядерной энергии, борьбы против организованной преступности и торговли наркотиками, нелегальной иммиграции, расширения американской помощи в укреплении правовой системы Китая, для чего США будут содействовать в подготовке судей и юристов для этой страны; кроме того, мы намеревались сотрудничать в области экологии. Я также пообещал сделать все от меня зависящее для вступления Китая во Всемирную торговую организацию. Цзян подтвердил мои заявления и сообщил прессе, что мы договорились о регулярных встречах на высшем уровне и открытии прямой «горячей» телефонной линии, которая обеспечила бы нам возможность непосредственной коммуникации.

Когда мы перешли к ответам на вопросы, журналисты, конечно, поинтересовались и проблемой гражданских прав, событиями на площади Тяньаньмынь и положением в Тибете. Было видно, что Цзян вначале растерялся, но потом к нему вернулось чувство юмора, и он, по существу,

повторил то, что уже говорил мне по этому поводу вчера, добавив, что знал, что приехал в демократическую страну, где люди могут высказывать разные мнения. Я ответил, что Китай занимает исторически верную позицию по многим вопросам, но что «о позиции китайского правительства по вопросам гражданских прав этого сказать нельзя». Через пару дней в своем выступлении в Гарвардском университете Цзян Цзэминь признал, что при разгоне демонстрации на площади Тяньаньмынь были допущены ошибки. Развитие Китая часто казалось западным наблюдателям безумно медленным, но это не означало, что в стране не происходило перемен.

В октябре случилось два события на «юридическом фронте». После того как судья Сюзан Уэббер Райт отвергла без права повторного рассмотрения в суде две из четырех претензий, содержащихся в иске Пола Джонс, я предложил договориться по оставшимся двум. Мне не хотелось этого делать, потому что пришлось бы потратить на эти цели половину наших с Хиллари сбережений, накопленных за двадцать лет, а также потому, что расследование, проведенное моими юристами, показало: если дело дойдет до суда, то мы выиграем, но я не собирался тратить на судебные разбирательства ни одного дня из тех трех лет, которые мне оставалось быть президентом.

Джонс заявила, что не согласится отозвать иск, если я не извинюсь за сексуальные домогательства. Этого я делать не собирался, потому что не мог и не хотел лгать. Через некоторое время адвокаты Джонс обратились к суду с просьбой освободить их от обязанности представлять ее интересы. Вскоре их заменила фирма из Далласа, тесно связанная с Институтом Рутерфорда — еще одной консервативной юридической организацией, финансировавшейся моими оппонентами. Теперь они уже не пытались притворяться, что Пола Джонс является настоящим истцом по иску, поданному от ее имени.

В начале месяца Белый дом предоставил Министерству юстиции и Конгрессу видеозаписи тех сорока четырех случаев, когда я принимал в Белом доме и угощал кофе своих гостей, в связи с чем был поднят такой шум. Эти записи подтвердили то, о чем я уже давно говорил: встречи за чашкой кофе не были мероприятиями по сбору финансовых пожертвований, а просто интересными дискуссиями по широкому кругу проблем с людьми, среди которых были и мои сторонники. Единственное, на что могли пожаловаться мои оппоненты, — это то, что видеозаписи можно было представить раньше.

Вскоре после этого Ньют Гингрич объявил, что не может собрать достаточное количество голосов для того, чтобы принять закон об ускоренной процедуре одобрения торговых соглашений в Палате представителей. Я напряженно работал несколько месяцев, добиваясь принятия этого закона. Чтобы получить больше голосов от моей партии, я пообещал демократам, что во время переговоров в соглашения будут включаться пункты о защите интересов работников и охране окружающей среды, и сообщил им о том, что такие требования уже были включены в проект двустороннего торгового договора с Чили, над которым мы работали в то время. К несчастью, многих из них я не сумел убедить, потому что АФТ — КПП, которое все еще не могло смириться с успехом голосования по НАФТА (оно выступало

против этого соглашения), решило сделать голосование по ускоренной процедуре проверкой того, как демократы защищают интересы трудящихся. Даже те демократы, которые в действительности поддерживали мою позицию по этому закону, не хотели потерять финансовой и организационной поддержки АФТ — КПП на предстоящих выборах. Некоторые консервативные республиканцы связывали голосование по этому вопросу с изменением политики США в области международного планирования семьи. Спикер также многое делал для того, чтобы провести этот закон, но нам все еще не хватало по меньшей мере шести голосов. Поэтому пока мне по-прежнему приходилось заключать торговые соглашения по отдельности, надеясь на то, что Конгресс не похоронит их с помощью разнообразных поправок.

В середине месяца снова возник кризис в Ираке, когда Саддам выслал из страны шестерых американцев — инспекторов ООН. Я направил в регион авианосец «Джордж Вашингтон», и через несколько дней инспекторы смогли вернуться в Ирак.

Переговоры в Киото по проблеме глобального потепления начались 1 декабря. Во время переговоров Ал Гор вылетел в Японию, чтобы помочь руководителю нашей делегации, заместителю госсекретаря Стью Айзенштату добиться составления такого проекта соглашения, который мы могли бы подписать. В нем следовало указать жесткие цели, но при этом предусмотреть гибкий подход для их достижения; призвать присоединиться к нему такие страны, как Китай и Индия, поскольку через тридцать лет они будут выбрасывать в атмосферу больше вызывающих парниковый эффект газов, чем США (в то время Соединенные Штаты выпускали их в атмосферу больше любой другой страны мира). Я не мог представить проект соглашения в Конгресс без этих поправок, так как даже при самых благоприятных условиях у меня было очень мало шансов его утвердить. Благодаря помощи премьер-министра Японии Хасимото, стремившегося к тому, чтобы подписание Киотского протокола стало победой Японии и других дружественных государств, включая Аргентину, на переговорах был принят поддержанный мною проект договора, предусматривающий такие цели и нормативы, которые мы смогли бы выполнить, если бы Конгресс установил налоговые стимулы, необходимые для разработки и покупки более совершенных энергосберегающих технологий и «чистых» технологий по производству энергии.

Незадолго до Рождества мы с Хиллари и Челси отправились в Боснию, чтобы поддержать жителей Сараево в их стремлении к миру и встретиться с нашими солдатами в Тузле. Вместе с нами вылетели Боб и Элизабет Доул и несколько высокопоставленных военных, а также конгрессменов от обеих партий. Элизабет была президентом Американского Красного Креста, а Боб только что принял мое предложение возглавить Международную комиссию по расследованию фактов исчезновения людей в бывшей Югославии.

В канун Рождества Соединенные Штаты согласились выделить 1,7 миллиарда долларов для финансовой поддержки переживающей кризис экономики Южной Кореи. Это было первым шагом по реализации нашего

решения принять меры по преодолению финансового кризиса в Азии, который еще более обострился в наступавшем году. В Южной Корее был только что избран новый президент — Ким Дэ Чжун. Долгие годы он был активным участником демократического движения, и в 1970-е его приговорили к смерти, от которой его спасло только заступничество президента Картера. Я впервые встретился с Кимом на ступенях здания муниципалитета Лос-Анджелеса в мае 1992 года, и тогда он с гордостью сказал мне, что представляет тот же новый подход к политике, что и я. Он был решительным и дальновидным человеком, и мне очень хотелось его поддержать.

Приближались «Ренессансный уикенд» и Новый год, и я с удовлетворением вспоминал события уходящего 1997 года, надеясь, что самые острые эпизоды межпартийных войн останутся в прошлом, похороненные нашими серьезными достижениями: принятием сбалансированного бюджета; крупнейшим за последние пятьдесят лет увеличением финансовой помощи студентам; беспрецедентным за период после 1965 года ростом числа детей, получивших медицинскую страховку; расширением НАТО; заключением Конвенции о запрещении химического оружия; подписанием Киотского протокола; радикальными изменениями в нашем законодательстве об усыновлении детей и ускорением процедуры одобрения Администрацией по контролю за продуктами питания и лекарствами новых лекарств и медицинских технологий; инициативой «Единая Америка», которая уже вовлекла миллионы людей в дискуссии о проблемах межрасовых отношений. Это был впечатляющий список, но он оказался недостаточным для того, чтобы преодолеть идеологическую пропасть, разделяющую меня и моих противников.

В самом начале 1998 года я еще не подозревал, что он станет самым странным годом моего президентства, годом моего унижения и позора, политического противоборства на родине и триумфов за рубежом, годом, который, несмотря на все трудности, убедительно продемонстрировал здравый смысл и глубокую порядочность американского народа. Поскольку все эти события разворачивались синхронно, я в еще большей степени, чем прежде, был вынужден играть несколько ролей одновременно, с той лишь разницей, что на этот раз на всеобщее обозрение были выставлены самые интимные стороны моей личной жизни.

Январь начался удачно, с трех важных инициатив: во-первых, предполагалось на 50 процентов увеличить число добровольцев Корпуса мира, чтобы иметь возможность поддержать новые демократии, появившиеся после падения коммунистических режимов; во-вторых, начать реализацию программы предоставления помощи работающим родителям, общий объем которой должен был составить 22 миллиарда долларов. Количество семей, получающих субсидии, предполагалось увеличить в два раза, а работодателям, обеспечивающим детей своих работников местами в детских садах и яслях, предоставить льготы. Также в рамках этой инициативы планировалось расширить программу дошкольного и внешкольного обучения, в которой смогли бы участвовать дополнительно 500 тысяч детей. В-третьих, было предложено охватить программой «Медикэр» шестидесятидвухлетних американцев, а также тех, кому исполнилось пятьдесят пять лет, если к этому возрасту они лишились работы (изначально эта программа была рассчитана на лиц, достигших шестидесяти пяти лет). Финансирование программы предполагалось осуществлять за счет небольших страховых взносов и других отчислений. Эти изменения были необходимы, потому что многие американцы стали выходить на пенсию раньше шестидесяти пяти лет из-за сокращений, увольнений в связи с остановкой работы предприятий или по собственному желанию и не могли самостоятельно оплачивать медицинскую страховку.

Во вторую неделю месяца я отправился в южный Техас — одно из любимейших мною мест Америки. Целью этой поездки было убедить учащихся средних школ латиноамериканского происхождения продолжить учебу в колледже, воспользовавшись значительным увеличением финансовой помощи студентам, утвержденным Конгрессом в 1997 году, так как пока доля выпускников, продолжавших образование, среди них была значительно ниже, чем в других этнических группах. В это время мне сообщили о крахе индонезийской экономики, и моя экономическая команда приступила к разработке плана помощи этой стране, ставшей очередной жертвой азиатского экономического кризиса. Заместитель министра финансов Лар-

ри Саммерс отправился в Индонезию, чтобы согласовать с правительством этой страны меры, необходимые для получения помощи от Международного валютного фонда.

Тринадцатого января возникли проблемы в Ираке, так как правительство Саддама стало чинить препятствия работе группы инспекторов ООН, возглавляемой американским представителем. Это стало первым шагом в ряду попыток Саддама заставить Организацию Объединенных Наций отменить санкции против Ирака в обмен на возможность продолжить инспекции его ядерных объектов. На следующий день возникла новая угроза кризиса на Ближнем Востоке, после того как правительство премьер-министра Нетаньяху, которое все еще не выполнило своих давних обязательств открыть аэропорт в Газе и обеспечить для палестинцев свободный проезд из Газы на Западный берег реки Иордан, поставило под угрозу весь мирный процесс, проголосовав за сохранение на неопределенный срок контроля над этой территорией. Единственным радостным событием в сфере международных отношений в январе стало подписание договора о партнерстве между НАТО и странами Балтии, которое придавало официальный статус нашим отношениям в сфере безопасности и убедило эти страны, что конечной целью всех государств Североатлантического блока, включая Соединенные Штаты, была полная интеграция Эстонии, Литвы и Латвии в НАТО и другие международные организации.

Четырнадцатого января в Восточном зале Белого дома мы с Алом Гором заявили о нашей поддержке «Билля о правах пациентов», гарантировавшего американцам доступность базовых медицинских услуг, чего они до этого часто были лишены. В этот же день Хиллари в пятый раз была допрошена Кеном Старром. На этот раз ее спрашивали о том, каким образом секретные досье ФБР на республиканцев попали в Белый дом, о чем ей абсолютно ничего не было известно.

За три дня до этого я давал показания по делу Джонс. Я проработал возможные вопросы и ответы со своими адвокатами и считал, что был хорошо подготовлен, хотя в тот день неважно себя чувствовал и меня, естественно, совсем не радовала встреча с юристами Института Рутерфорда. Председательствовавшая на этих слушаниях судья Сюзан Уэббер Райт предоставила адвокатам Джонс возможность копаться в моей частной жизни под тем предлогом, что это может помочь обнаружить случаи моих сексуальных домогательств в отношении других женщин, которые работали в администрации штата или федеральной администрации или хотели там работать, когда я был, соответственно, губернатором или президентом, на протяжении пяти лет до того дня, когда я, по словам Джонс, подверг ее сексуальным домогательствам, и вплоть до настоящего времени. Судья также проинструктировала адвокатов Джонс о нежелательности обнародования какой-либо информации о показаниях, данных под присягой, или других обстоятельствах расследования.

Они могли бы получить эту информацию гораздо более простым способом, задав мне прямой вопрос о том, оставался ли я когда-либо наедине с женщинами, работающими в правительственных организациях, после чего

юристы могли спросить у этих женщин, подвергал ли я их сексуальным домогательствам. Однако тогда их усилия оказались бы бесполезными. В то время все, кому было известно об этом расследовании, знали, что не существовало никаких доказательств сексуальных домогательств с моей стороны. Я был уверен, что адвокаты истицы вынуждали меня признать факт вступления в интимные отношения с одной или несколькими женщинами, чтобы потом организовать «утечку» этой информации в прессу, вопреки указанию судьи о соблюдении конфиденциальности. Как оказалось, я не знал и половины правды об этом.

После того как я принес присягу, адвокаты Института Рутерфорда попросили судью принять определение «сексуальных отношений», которое они специально отыскиали в одном из юридических документов. По сути речь в нем шла о более интимном, чем поцелуй, контакте, инициированном дающим показания лицом, с целью испытать сексуальное удовлетворение или возбуждение. При такой постановке вопроса учитывались лишь мои действия и психологическое состояние и совершенно не принимались в расчет действия другого лица. По словам адвокатов, это нужно было для того, чтобы избавить меня от нескромных вопросов.

Заседание длилось несколько часов, но лишь десять или пятнадцать минут из них были посвящены Поле Джонс. Остальное время мы обсуждали темы, не имеющие к Джонс никакого отношения. Мне было задано множество вопросов о Монике Левински, которая летом 1995 года работала в Белом доме как стажер, а потом, с декабря по начало апреля, числилась в штате, после чего была переведена в Пентагон. Юристы спросили меня, насколько хорошо я ее знал, обменивались ли мы подарками, говорили ли по телефону и вступали ли в «сексуальные отношения». Я рассказал о наших с ней беседах, признал, что дарил ей подарки, и ответил «нет» на вопрос о «сексуальных отношениях».

Юристы из Института Рутерфорда продолжали задавать одни и те же вопросы с небольшими вариациями. Затем был объявлен перерыв. Мои юридические советники были озадачены, потому что имя Левински появилось в списке потенциальных свидетелей со стороны истца только в начале декабря, а через две недели ей была вручена повестка с требованием явиться в суд для дачи показаний. Я не сообщил им о своих взаимоотношениях с ней, но сказал, что не вполне понимаю, что означает это странное определение сексуальных отношений. Им это также было непонятно. Мой адвокат Боб Беннет с самого начала предложил юристам из Института Рутерфорда задавать конкретные и недвусмысленные вопросы о моих контактах с женщинами. В конце беседы о Левински я спросил расспрашивавшего меня адвоката, не хочет ли он выяснить что-то более конкретное, на что он ответил: «Сэр, думаю, все скоро выяснится, и вы все поймете».

Я почувствовал облегчение, но в то же время меня беспокоило то, что адвокат не хочет задать конкретные вопросы и услышать мои ответы. Если бы он задал мне такие вопросы, я ответил бы на них правдиво, хотя это было бы очень тяжело. Во время остановки работы правительства в конце

1995 года, когда очень немногим людям разрешалось приходить на работу в Белый дом, а те, кто получил такое разрешение, работали допоздна, я вступил в неподобающие отношения с Моникой Левински. Потом мы несколько раз встречались с ноября по апрель, когда она покинула Белый дом и уехала в Пентагон. Следующие десять месяцев мы с ней не виделись, но иногда говорили по телефону.

В феврале 1997 года Моника присутствовала среди гостей в Белом доме на вечерней записи моего еженедельного радиообращения, после чего я остался с ней наедине на пятнадцать минут. Я испытывал отвращение к самому себе за то, что сделал, и весной, когда снова встретился с ней, сказал ей, что поступаю неправильно, что это дурно по отношению к моей семье, по отношению к ней, что дальше так продолжаться не может. Я также сказал ей, что она умный и интересный человек и у нее все будет хорошо, и если она хочет, я смогу быть ее другом и помогать ей.

Моника продолжала бывать в Белом доме, и я иногда виделся с ней, но ничего предосудительного больше не случилось. В октябре она попросила меня помочь ей найти работу в Нью-Йорке, и я помог. Она получила два предложения и приняла одно из них, а позже, в декабре, приехала в Белый дом, чтобы попрощаться. К тому времени она уже была вызвана в суд в качестве свидетеля по делу Джонс. Она сказала, что не хочет давать показания под присягой, и я сообщил ей, что некоторые женщины избежали этого, дав письменные показания о том, что я не подвергал их сексуальным домогательствам.

То, чем я занимался с Моникой Левински, было аморальным и глупым. Я глубоко стыдился этого и не хотел, чтобы это получило огласку. Давая показания, я пытался защитить свою семью и себя самого от своего глупого эгоизма. Я полагал, что запутанное определение «сексуальных отношений» даст мне возможность это сделать, хотя я все же очень беспокоился и поэтому предложил допрашивавшему меня адвокату задавать мне более конкретные вопросы. Мне не пришлось долго ждать, чтобы узнать, почему он отказался это делать.

Двадцать первого января газета *Washington Post* опубликовала статью о том, что у меня был роман с Моникой Левински и что Кеннет Старр расследует предъявленные мне обвинения в том, что я вынуждал ее лгать под присягой. Впервые эта история была опубликована 18 января на одном из интернет-сайтов. Мои показания под присягой оказались ловушкой: почти через четыре года после того, как Старр вызвался помочь Поле Джонс, он добился своего.

Летом 1996 года Моника Левински впервые рассказала о наших отношениях своей коллеге Линде Трипп. Через год Трипп начала записывать их телефонные разговоры на магнитофон. В октябре 1997 года Трипп предложила дать послушать эти записи репортеру *Newsweek*, а также журналистке Люсьен Голдберг — стороннице республиканцев. Трипп была вызвана в суд в качестве свидетеля по иску Джонс, хотя ее фамилии не было в списке свидетелей, врученном моим адвокатам.

В понедельник 12 января 1998 года Трипп позвонила в офис Старра, рассказала о секретных записях ее разговоров с Левински и договорилась об их передаче. Она беспокоилась, что сама может стать объектом уголовного преследования, потому что записи, которые она делала, по законам штата Мэриленд считались преступлением, но Старр пообещал предоставить ей защиту. На следующий день он приказал передать Трипп записывающее устройство, чтобы она могла тайно записать беседу с Левински во время ланча в отеле «Риц-Карлтон» в Пентагон-Сити. Через пару дней Старр попросил Министерство юстиции расширить его полномочия, чтобы он мог заниматься расследованием дела Левински, по всей видимости не сообщив истинной причины своей просьбы.

Шестнадцатого января, за день до того, как я дал показания под присягой, Трипп снова договорилась о встрече с Левински в отеле. Но на этот раз Монику встретили агенты ФБР и прокуроры, которые отвели ее в одну из комнат, где допрашивали в течение нескольких часов, не разрешая связаться с адвокатом. Один из юристов, работавших на Старра, предложил Монике помогать следствию, если она не хочет отправиться в тюрьму, и пообещал ей защиту от судебного преследования в обмен на сотрудничество, заявив, что это предложение истекает в полночь. В конце концов ей удалось позвонить своей матери, и та связалась с отцом Монике, с которым уже давно была в разводе. Тот обратился к адвокату Уильяму Гинсбургу, который посоветовал Монике не принимать предложение о сделке со следствием, пока он не узнает об этом деле как можно больше. Гинсбург обвинил Старра в том, что тот продержал его клиентку «восемь или девять часов без помощи адвоката» и пытался заставить ее носить подслушивающее устройство, что подвергало бы опасности других людей.

Как только эта история стала достоянием гласности, я позвонил Дэвиду Кендаллу и заверил его, что никого не подстрекал к даче ложных показаний и не чинил препятствий правосудию. Нам обоим было ясно, что Старр пытается инициировать грандиозный скандал, чтобы отправить меня в отставку. Он начал очень резко, но я считал, что, если смогу продержаться две недели, пока будет длиться мое публичное бичевание, дымовая завеса начнет рассеиваться, внимание общественности переключится на используемые Старром приемы, и возобладает более трезвый взгляд на происходящее. Я прекрасно понимал, что совершил ужасную ошибку, но был тверд в своем намерении не позволить Старру отправить меня в отставку. К этому времени разразившаяся истерия достигла своего апогея.

Я продолжал выполнять свою работу, скрывая происходящее от всех: от Хиллари и Челси, от собственной администрации и кабинета, от друзей в Конгрессе, от представителей прессы и американского народа. Не считая собственного поведения, больше всего на свете я сожалею о том, что ввел в заблуждение всех этих людей. В какой только лжи меня ни обвиняли начиная с 1991 года, хотя в действительности я был предельно честен и в своей публичной жизни, и в финансовых делах, что подтвердили все проводившиеся расследования. Но на этот раз я действительно утаил от всех свои личные слабости. Я чувствовал себя ужасно неловко и хотел скрыть проис-

ходящее от жены и дочери. Мне не хотелось помогать Кену Старру в криминализации моей личной жизни, не хотелось, чтобы американский народ узнал о том, как я подвел его. Все это было настоящим кошмаром. У меня в полном смысле слова произошло раздвоение личности.

В тот день, когда все это началось, у меня состоялось запланированное ранее интервью с Джимом Лерером, ведущим программы «Час новостей» (*NewsHour*) телеканала PBS. Отвечая на его вопросы, я сказал, что никого не просил лгать, — что было сухой правдой, — и что у меня ни с кем нет «неподобающих отношений». Хотя «неподобающие отношения» закончились задолго до того, как Лерер задал мне этот вопрос, мой ответ прозвучал неискренне, и мне было стыдно за него. Впоследствии, если у меня была такая возможность, я просто говорил, что никогда никого не просил скрывать правду.

Пока все это продолжалось, я должен был выполнять свою работу. 20 января я встретился в Белом доме с премьер-министром Нетаньяху, чтобы обсудить планы вывода израильских войск с Западного берега реки Иордан. Нетаньяху принял решение развивать мирный процесс до тех пор, пока «будет возможно совмещать мир с безопасностью». Это был смелый шаг, потому что в рядах его правящей коалиции не было единства, но он понимал, что если не будет действовать, то ситуация быстро выйдет из-под контроля.

На следующий день в Белый дом прибыл Арафат. Я рассказал ему о моей встрече с Нетаньяху и заверил его в том, что буду всячески воздействовать на премьер-министра с тем, чтобы Израиль выполнил свои обязательства по развитию мирного процесса. Я также напомнил Арафату о политических проблемах, с которыми сталкивается израильский лидер, и о том, что он сам должен бороться с терроризмом, если хочет добиться от Израиля ответных шагов. На следующий день Мир Аймал Канси был приговорен к смертной казни за убийство двух агентов ЦРУ в январе 1993 года, ставшее первым террористическим актом, осуществленным в годы моего президентства.

К 27 января, дню ежегодного послания «О положении в стране», американский народ уже целую неделю зомбировали сообщениями о ходе расследования Старра, а я все это время пытался расхлебать заварившуюся кашу. Старр уже вручил повестки в суд целому ряду сотрудников Белого дома и затребовал материалы нашего архива. Я попросил Гарольда Икеса и Мики Кантора помочь мне в решении этих проблем. За день до моего выступления я по настоянию Гарольда и Гарри Томасона, считавших мои публичные заявления слишком нерешительными, в очередной раз появился перед прессой и сказал, что «у меня не было сексуальной связи» с Левински.

Утром в день моего выступления с посланием в программе NBC «Сегодня» Хиллари заявила, что не верит выдвинутым против меня обвинениям и что все дело в «широкомасштабном заговоре», организаторы которого пытаются уничтожить нас начиная с 1992 года. Старр выступил с возмущенным заявлением, в котором негодовал из-за того, что Хиллари ставит под сомнение мотивы его действий. Хотя моя жена была совершенно права

в том, что касалось причин нападков на нас, я чувствовал невыносимый стыд за свое поведение, глядя, как она пытается меня защитить.

Данное Хиллари интервью и мои смешанные чувства в связи с ним ясно отражали сложное положение, в которое я сам себя поставил: как человек, имеющий семью, я совершил неприглядные поступки, за которые должен был извиняться, пытаюсь загладить свою вину, как президент я вел сложную правовую и политическую борьбу с силами, которые, пытаюсь сместить меня с моего поста и помешать мне выполнять свои обязанности, нарушали уголовное и гражданское законодательство и подвергали преследованиям ни в чем не повинных людей. После нескольких лет бесплодных усилий я наконец-то предоставил им реальную возможность причинить мне ущерб. Своим поведением я нанес вред и институту президентства, и американскому народу. В этом был виноват я один, и мне не хотелось усугублять последствия своих ошибок, дав реакционерам возможность победить.

Ровно в девять вечера я вошел в переполненный зал заседаний Палаты представителей и, как мне показалось, ощутил напряжение, царившее не только в этом зале, но и во всей Америке: это послание Конгрессу собрало у телевизионных экранов гораздо больше американцев, чем когда-либо прежде. Всех в первую очередь интересовало, что я скажу по поводу разразившегося скандала. Я начал с вполне очевидных вещей. Страна находилась в отличной форме: было создано 14 миллионов дополнительных рабочих мест, доходы населения значительно повысились; беспрецедентно высоким было число американцев, сумевших приобрести собственные дома; доля граждан, получающих социальные пособия, достигла самой низкой отметки за последние двадцать семь лет; наконец, количество правительственных служащих уменьшилось до рекордного уровня за последние тридцать пять лет. Принятый в 1993 году экономический план помог на 90 процентов снизить бюджетный дефицит, который, по прогнозам, в 1998 году должен был составить 357 миллиардов долларов, а план ликвидации бюджетного дефицита, принятый в прошлом году, позволил бы полностью его преодолеть.

Затем я представил свой план на будущее. Во-первых, прежде чем тратить бюджетные излишки на новые программы и сокращение налогов, следовало позаботиться о социальном обеспечении поколения беби-бума, представители которого в ближайшем будущем начнут выходить на пенсию. В сфере образования я рекомендовал принять на работу 100 тысяч учителей дополнительно, уменьшив при этом наполняемость первых трех классов начальной школы до восемнадцати человек; утвердить план помощи местным общинам, который позволил бы им построить пять тысяч новых школ; избавить школы от необходимости заниматься поиском денежных средств, предоставив им финансовую помощь для организации дополнительных занятий после уроков и во время летних каникул. Я вновь заявил о своей поддержке «Билля о правах пациентов», призвал распространить действие программы «Медикэр» на американцев в возрасте пятидесяти пяти — шестидесяти пяти лет, увеличить продолжительность

отпуска по семейным обстоятельствам и существенно повысить федеральное финансирование программы развития детских дошкольных учреждений, чтобы охватить ею дополнительно миллион детей.

В сфере безопасности я попросил Конгресс поддержать меня в борьбе против «новых дьявольских угроз террористов, международной преступности и наркоторговцев». Я обратился к Сенату с предложением поддержать программу расширения НАТО и обеспечить финансирование нашей миссии в Боснии, наших усилий по ослаблению угрозы применения химического и биологического оружия, а также нашего противодействия государствам-изгоям, террористам и представителям организованной преступности, которые стремятся получить к нему доступ.

В завершающей части своего выступления я призвал к единству Америки, к тому, чтобы мы больше думали о будущем. Для этого я предложил в три раза увеличить число зон поддержки предпринимательства в бедных районах; улучшить состояние воды в наших реках, озерах и прибрежных зонах океана; обеспечить сокращение налогов в размере 6 миллиардов долларов и дополнительное финансирование организациям, занимающимся исследованиями, направленными на создание экономичных автомобилей, домов, использующих чистые источники энергии, и поиск возобновляемых источников энергии; обеспечить финансирование разработок по созданию «Интернета следующего поколения», который позволит передавать информацию в тысячу раз быстрее; изыскать средства для финансирования работы Комиссии по соблюдению равноправия при трудоустройстве, которая из-за враждебного отношения к ней Конгресса не имела возможности расследовать 60 тысяч скопившихся в ней исков по поводу дискриминации на рабочих местах. Я также предложил самое значительное в истории увеличение финансирования национальных институтов здравоохранения, Национального института раковых заболеваний и Национального научного фонда, чтобы «мы стали тем поколением, которое наконец победит в войне против рака и начнет решительную борьбу с другими смертельными болезнями».

Заканчивая свое выступление, я поблагодарил Хиллари за руководство кампанией «Миллениум», нацеленной на сохранение к началу нового тысячелетия наших национальных сокровищ, включая пережившее не одну битву старое «усеянное звездами знамя», которое во время англо-американской войны 1812 года вдохновило Фрэнсиса Скотта Ки на написание стихотворения, ставшего текстом нашего национального гимна.

В послании ничего не было сказано о скандале, а его главной идеей была необходимость «первоочередного спасения системы социального страхования». Я опасался, что в Конгрессе начнется борьба вокруг ожидаемого профицита бюджета и конгрессмены потратят его на сокращение налогов и другие цели, прежде чем мы решим проблему выхода на пенсию поколения беби-бума. Большинство демократов поддерживали мою точку зрения, большинство же республиканцев выступали против. Несмотря на непростую ситуацию, в последующие годы мы старались достичь взаимопонимания с республиканцами и провели вместе с ними не одну встречу в разных уголках страны, стараясь найти способ обеспечить пенсионеров

социальными гарантиями и оставив в стороне споры о том, нужно ли вообще их предоставлять.

Через два дня после моего выступления судья Райт вынесла постановление об исключении из дела Джонс всех материалов, касающихся Моники Левински, как «не относящихся к существу дела». Таким образом, подкуп Старра под мои показания становился еще более сомнительным, поскольку для обвинения в лжесвидетельстве необходимо было представить ложное заявление обвиняемого по «существенному» вопросу. В самом конце месяца, через десять дней после того, как поднялась вся эта шумиха, *Chicago Tribune* опубликовала результаты опроса, свидетельствовавшие о том, что рейтинг моей популярности поднялся до 72 процентов. У меня было твердое намерение продемонстрировать американскому народу, что я успешно справляюсь со своими обязанностями и работаю на его благо.

Пятого февраля Тони и Шери Блэр прибыли в США с двухдневным официальным визитом. Нам с Хиллари всегда было приятно с ними общаться. Им часто удавалось нас рассмешить, а Тони решительно поддерживал меня на публике, постоянно подчеркивая общность наших подходов к экономическим, социальным и внешнеполитическим проблемам. Мы пригласили их на ужин в Кэмп-Дэвид вместе с Алом и Типпер Гор и на официальный ужин в Белый дом, после окончания которого для нас пели Элтон Джон и Стиви Уандер. Когда ужин закончился, Хиллари рассказала мне, что Ньют Гингрич, сидевший за ее столом вместе с Тони Блэром, назвал обвинения против меня «смехотворными» и «бессмысленными» и заявил, что даже если они и соответствуют действительности, то все равно «ни к чему не приведут».

На пресс-конференции, после того как Тони во всеуслышание заявил, что я являюсь не только его коллегой, но и другом, Майк Фризби, корреспондент газеты *Wall Street Journal*, наконец задал вопрос, которого я ждал. Он поинтересовался, имея в виду неприятности и шумиху, связанные с моей личной жизнью, «не кажется ли мне, что игра не стоит свеч, и не приходила ли мне в голову мысль об отставке». «Нет», — решительно ответил я, добавив, что пытался очистить нашу политику от личной вражды, но чем больше усилий прилагал, «тем настойчивее противостояли им мои оппоненты». Тем не менее, заверил я его, я никогда не оставлю народ своей страны, оказавший мне доверие, поэтому намерен продолжать свою работу.

В середине месяца мы с Тони Блэром продолжали убеждать другие государства поддержать бомбардировку Ирака в ответ на очередную высылку из этой страны инспекторов ООН. В самый последний момент Кофи Аннана удалось договориться с Саддамом Хусейном о возобновлении инспекций. Складывалось впечатление, что Саддама можно было вынудить что-то сделать, лишь загнав его в угол.

Помимо работы по претворению в жизнь моих новых инициатив я занимался законопроектом Маккейна — Фейнгольда о реформе финансирования избирательных кампаний, который в конце месяца был «похоронен» республиканцами в Сенате; утвердил в должности руководителя государственной службы здравоохранения доктора Дэвида Сэтчера, в прошлом дирек-

тора Центра по контролю над заболеваниями; посетил пострадавшие от торнадо районы в центральной части штата Флорида; объявил о предоставлении первых финансовых грантов местным общинам для помощи в борьбе против насилия и жестокого обращения с женщинами; помогал демократам в сборе финансовых пожертвований для предстоящих выборов.

В конце января — начале февраля ряд сотрудников Белого дома был вызван для дачи показаний перед большим жури. Мне было ужасно неприятно, что они оказались во все это замешаны, особенно Бетти Карри, которая дружески отнеслась к Монике Левински, а теперь страдала из-за этого. Я также очень переживал, что в эту заваруху оказался втянут Вернон Джордан. Мы с ним были давними друзьями, и я не раз видел, как он помогал людям, нуждавшимся в поддержке. Теперь же из-за меня он сам стал «мишенью» для преследователей. Я знал, что Вернон не сделал ничего предосудительного, и надеялся, что он когда-нибудь сможет простить меня за то, что оказался вовлеченным во все это.

Старр также отправил повестку Сидни Блюменталю — журналисту и нашему с Хиллари старому другу, работавшему в Белом доме с июля 1997 года. Согласно *Washington Post*, Старр пытался выяснить, нельзя ли расценить критические высказывания Сида в его адрес как препятствование правосудию. Это стало угрожающим свидетельством феноменальной обидчивости Старра, готового использовать свое служебное положение, чтобы расправиться с каждым, кто осмеливался его критиковать. Старр также вызвал в суд двух частных детективов, нанятых журналом *National Enquirer*, чтобы проверить, была ли у него любовная связь с женщиной из города Литл-Рок. Этот слух оказался ложным — очевидно, Старра с кем-то перепутали, но своими действиями генеральный прокурор в очередной раз продемонстрировал, что в своей работе придерживается двойных стандартов. Чтобы собрать информацию о моей жизни, он прибегал к услугам и агентов ФБР, и частных детективов, но когда таблоид заинтересовался его жизнью, он тут же начал мстить.

Тактика Старра начала привлекать внимание прессы. Журнал *Newsweek* напечатал на развороте схему, снабженную заголовком «Заговор или совпадение?», на которой были отражены связи между более чем двадцатью консервативными активистами и организациями, раздувавшими и финансировавшими «скандалы», расследуемые Старром. Газета *Washington Post* опубликовала статью, в которой ряд бывших федеральных прокуроров высказывал сомнения не только в обоснованности новой вспышки интереса Старра к моей частной жизни, «но и в правомерности использования того арсенала средств, который он применял при проведении расследования против президента».

Старра особенно резко критиковали за то, что он принуждал мать Монике Левински давать показания против ее воли. В федеральных законах, которые Старр призван был защищать, говорилось о недопустимости принуждения к даче показаний против близких родственников, за исключением тех случаев, когда они являются соучастниками расследуемых криминальных

действий или когда «у обвинения есть на то очень веские основания». В начале февраля, по данным опроса общественного мнения телеканала NBC, только 26 процентов американцев считали, что Старр ведет расследование непредвзято.

Эта сага получила продолжение в марте. Мои свидетельства по делу Джонс просочились в прессу, очевидно по инициативе кого-то с ее стороны. Хотя судья Райт неоднократно предупреждала юристов из Института Рутерфорда о недопустимости утечек информации, никто не был наказан. 8 марта Джим Макдугал скончался в федеральной тюрьме штата Техас — это стало печальным и полным грустной иронии завершением его долгого падения. По словам Сюзан Макдугал, Джим изменил свои показания в угоду Старру и Хику Юингу именно потому, что очень не хотел умереть в тюрьме.

В середине месяца в программе «Шестьдесят минут» было показано интервью с женщиной по имени Кэтлин Уилли, которая утверждала, что, когда она работала в Белом доме, я подверг ее сексуальным домогательствам. Это было неправдой. У нас имелись доказательства, ставившие под сомнение рассказанную ею историю, включая письменные показания ее подруги Джулии Хайет Стил, которая рассказала, что Уилли просила ее солгать, подтвердив, что она рассказывала Стил об эпизоде с сексуальными домогательствами, хотя на самом деле этого не было.

Муж Уилли совершил самоубийство, оставив ей в наследство 200 тысяч долларов долга. Через неделю в новостях сообщили, что после того как я позвонил ей, чтобы выразить свои соболезнования по случаю кончины ее мужа, она говорила знакомым, что я обещал прийти на похороны, — это было уже после инцидента «с сексуальными домогательствами». В конце концов мы опубликовали около дюжины писем, в которых Уилли писала, опять-таки после «инцидента», что она «моя поклонница номер один» и готова помочь мне «любым возможным способом». После сообщения о том, что она хотела продать свою историю таблоиду или книжному издательству за 300 тысяч долларов, интерес к ней угас.

Я вспомнил об этой печальной истории для того, что показать, как ее использовал Старр. Во-первых, и это было беспрецедентным для прокурора шагом, он пообещал обеспечить ей «полный иммунитет» от уголовного преследования в любой форме, если она расскажет ему «правду». Когда она была изобличена во лжи об интимных отношениях еще с одним мужчиной, Старр снова предоставил ей защиту. И, напротив, когда республиканка Джулия Хайет Стил отказалась менять свои показания и лгать в угоду Старру, он выдвинул против нее обвинения. Стил не была осуждена, однако потеряла все свои деньги. Аппарат Старра даже пытался оспорить законность усыновления ею ребенка, привезенного из Румынии.

День Святого Патрика я провел в Северной Ирландии, где встретился с представителями всех политических партий и особенно долго беседовал с Джерри Адамсом и Дэвидом Тримблом. Тони Блэр и Берти Ахерн хотели достичь соглашения. Моя роль главным образом заключалась в том, чтобы убедить стороны принять вариант соглашения, разработанный Джорджем

Митчеллом. Впереди еще были нелегкие компромиссы, но я был уверен, что мы добьемся успеха.

Через несколько дней мы с Хиллари вылетели в Африку, подальше от творившегося дома бедлама. Африка была континентом, который Америка слишком часто игнорировала, и я считал, что в XXI столетии она могла сыграть важную роль, как позитивную, так и негативную. Я был по-настоящему рад, что Хиллари отправилась туда вместе со мной. Ей очень понравилась ее прошлогодняя поездка в Африку, которую она совершила вместе с Челси, а кроме того, нам нужно было побыть вдвоем.

Мы начали свой визит с Ганы, где президент Джерри Роулингс и его жена Нана Конаду Аджиманг организовали в нашу честь грандиозную церемонию на площади Независимости, где собралось более полумиллиона людей. Мы стояли на подиуме вместе с вождями племен, на которых были яркие национальные одежды «кенте», и несколько ганцев исполняли африканские ритмы на самом большом барабане из всех, какие я когда-либо видел.

Мне нравился Роулингс, и я уважал его за то, что он, хотя и захватил власть в результате военного переворота, уже дважды был избран как законный президент и дал обещание покинуть свой пост в 2000 году. Кроме того, между нами в некотором смысле существовали и «родственные узы»: когда Челси появлялась на свет, ей помогала в этом замечательная акушерка, приехавшая из Ганы в Соединенные Штаты, чтобы продолжить образование. Мы с Хиллари очень полюбили Хагар Сэм и были рады узнать, что она помогала при рождении и четверых детей Роулингсов.

Двадцать четвертого марта мы прибыли в Уганду, чтобы встретиться с президентом Йовери Мусевени и его супругой Джанет. После диктатуры Иди Амина Уганда прошла долгий путь. Всего несколько лет назад в этой стране был самый высокий в Африке уровень заболеваемости СПИДом. В результате кампании, названной «большой шум», пропагандировавшей пользу воздержания и образования, семейные ценности и использование презервативов, уровень смертности от СПИДа сократился в два раза.

Мы вчетвером посетили две небольшие деревни — Муконо и Ваньянге, чтобы подчеркнуть важность образования и рассказать о программе микрокредитов, финансируемой США. За предыдущие пять лет Уганда в три раза увеличила объем финансирования образования и предпринимала реальные меры к тому, чтобы его получали не только мальчики, но и девочки. Школьники, которых мы встретили в Муконо, были одеты в симпатичную розовую школьную форму. Они были очень сообразительными и хотели учиться, но их учебники и учебные пособия явно устарели: например, на географической карте, висевшей в классе, все еще можно было увидеть Советский Союз.

В деревне Ваньянге при помощи микрокредита, полученного от Соединенных Штатов, местный повар сумел расширить свой бизнес; еще одна женщина, получившая кредит, сумела «диверсифицировать» свой бизнес: теперь она выращивала не только цыплят, но и кроликов. Мы также познакомились с женщиной, державшей на руках новорожденного сына, которому

было всего два дня. Она разрешила мне взять младенца на руки, и фотограф Белого дома сделал снимок двух парней, носивших одно и то же имя — Билл Клинтон.

Служба безопасности возражала против моей поездки в Руанду, где все еще было беспокойно, но я считал, что должен это сделать. В качестве уступки я согласился встретиться с руководителями страны и уцелевшими жертвами геноцида прямо в аэропорту Кигали. Президент Пастер Бизимунгу, хуту по национальности, и вице-президент Пол Кагаме, принадлежавший к племени тутси, пытались объединить и возродить страну. Кагаме, который был влиятельнейшей политической фигурой в стране, решил, что если президентом станет представитель самого крупного племени — хуту, то это поможет примирению. Я признал, что Соединенные Штаты и международное сообщество действовали недостаточно эффективно, чтобы остановить геноцид и не позволить лагерям беженцев превратиться в убежища для убийц, и предложил нашу помощь в возрождении страны и работе военных трибуналов, призванных осудить инициаторов геноцида.

Люди, пережившие геноцид, рассказали мне свои истории. Последней с нами беседовала женщина, державшаяся с удивительным достоинством. Она сказала, что ее семью (принадлежавшую к племени тутси) выдали жестоким убийцам соседи, дети которых играли вместе с ее детьми. Ее тяжело ранили ударом мачете и бросили умирать. Очнувшись в луже собственной крови, она увидела рядом с собой тела своих шестерых убитых детей и мужа. Она рассказала нам с Хиллари, что сначала рыдала от отчаяния и упрекала Бога за то, что он оставил ее в живых, но потом поняла, что ее жизнь была сохранена не случайно, и причиной этого не могла быть месть. «Поэтому я делаю все, что могу, чтобы мы могли начать все сначала», — сказала эта женщина. Я был потрясен: насколько мелкими по сравнению с горем этой замечательной женщины казались мои собственные проблемы! Она укрепила мою решимость сделать для Руанды все, что было в моих силах.

Я начал первый в истории визит американского президента в Южно-Африканскую Республику с Кейптауна, выступив в парламенте с речью, в которой сказал, что одной из причин моего визита было желание «помочь американскому народу по-новому взглянуть на новую Африку». Мне было очень интересно наблюдать за тем, как бывшие сторонники и жертвы апартеида работают вместе. Они не отрицали того, что произошло в прошлом, и не пытались замалчивать свои нынешние разногласия, но были уверены, что смогут построить общее будущее. Это было данью духу примирения, выразителем которого стал Мандела.

На следующий день Мандела предложил нам посетить Роббен-Айленд, где он провел первые восемнадцать лет своего тюремного заключения. Я увидел каменный карьер, в котором он работал, и тесную камеру, куда он возвращался по вечерам. В Йоханнесбурге я беседовал по телефону с заместителем президента Табо Мбеки, который дважды в год встречался с Алом Гором для обсуждения наших общих проблем и считался наиболее вероятным преемником Манделы на посту президента; участвовал в церемонии открытия коммерческого центра, названного в честь Рона Брауна,

очень любившего Южную Африку, а также посетил начальную школу. Мы с Хиллари и Джесси Джексонем побывали в церкви в Соуэто — густонаселенном пригороде Йоханнесбурга, из которого вышло много активистов борьбы с апартеидом.

К тому времени я по-настоящему подружился с Манделой. Он был замечательной личностью — не только из-за удивительного пути от ненависти к примирению, который прошел за двадцать семь лет, проведенных в тюрьме, но и потому, что, будучи прагматичным политиком, оставался заботливым и внимательным человеком, несмотря на долгие годы, проведенные в заключении, не утратившим интереса к личным, человеческим отношениям и не потерявшим способности верить, быть хорошим другом и проявлять доброту.

Одну из наших бесед я считаю особенно важной. Я сказал ему: «Мадибэ (это было прозвищем Манделы, данным ему соплеменниками, и он попросил меня обращаться к нему именно так), я знаю, что вы совершили поразительный поступок, пригласив на свою инаугурацию своих тюремщиков, но разве вы можете не испытывать ненависти к людям, отправившим вас в тюрьму?» Он ответил: «Действительно, я ненавидел их много лет. Они украли лучшие годы моей жизни. Они причиняли мне физические и моральные страдания. Из-за них я не видел, как росли мои дети. Я ненавидел их. Но как-то, работая в карьере и разбивая киркой камни, я вдруг подумал, что они забрали у меня все, кроме моего ума и моего сердца. Но я знал, что ум и сердце они не смогут отобрать у меня против моей воли. И я решил не отдавать их». Потом он посмотрел на меня, улыбнулся и сказал: «И ты не должен этого делать».

Придя в себя, я задал ему еще один вопрос: «А когда вас наконец выпустили из тюрьмы, неужели вы не ощутили нового прилива ненависти?» «Да, — ответил он, — на какую-то секунду. Но потом я подумал: “Они продержали меня в тюрьме двадцать семь лет. Если я по-прежнему буду их ненавидеть, это значит, что я так и не вышел из тюрьмы”. Я хотел быть свободным, поэтому преодолел это чувство». Он снова улыбнулся. На этот раз ему уже не нужно было говорить: «И тебе следует поступить так же».

Единственный свободный день у нас выпал в Ботсване. Эта страна имела самый высокий уровень дохода на душу населения в Африке к югу от Сахары и самый высокий в мире уровень заболеваемости СПИДом. Мы отправились на сафари в Национальный парк Чобе, где увидели львов, слонов, антилоп импала, гиппопотамов, крокодилов и более двадцати видов птиц. Мы подошли к слонихе со слоненком, но, видимо, слишком близко: она подняла хобот и облила нас водой. Я рассмеялся, представив, как счастливы были бы республиканцы, узнав, что слон, символ их партии, облил меня водой. Вечером мы отправились на лодочную прогулку по реке Чобе. Мы с Хиллари держались за руки, любовались закатом и были счастливы.

Последним пунктом нашего визита стал Сенегал. Здесь мы посетили «Дверь, через которую нет возврата» — место на острове Горе, откуда африканцев увозили в рабство в Северную Америку. Как и во время моего визита в Уганду, я признал ответственность Америки за ужасы рабства и за

долгую и трудную борьбу афроамериканцев за свободу. Я познакомил сенегальцев с участниками нашей большой делегации, сказав, что она представляет и «более тридцати миллионов американцев, являющихся величайшим даром Африки Америке», и пообещал вместе с сенегальцами и всеми африканцами работать для лучшего будущего. В знак нашего уважения к гражданам Сенегала, большинство из которых исповедует ислам, я вместе с президентом Абду Диуфом посетил мечеть; побывал в деревне, жителям которой с американской помощью удалось сделать плодородной часть пустынных земель; посетил одну из сенегальских воинских частей, где обучение проводили американские инструкторы. Это подразделение сенегальской армии должно было стать участником программы «Африканская инициатива быстрого реагирования на кризисы», поддержанной моей администрацией и нацеленной на то, чтобы повысить готовность африканских государств к предотвращению военного насилия и не допустить повторения событий, произошедших в Руанде.

Эта поездка была самой долгой и насыщенной из всех предшествующих визитов в Африку американских президентов. Представительность нашей делегации, в состав которой вошли конгрессмены от обеих партий и сопровождавшие меня видные американские граждане, а также моя поддержка ряда конкретных инициатив, включая закон «О росте и возможностях в Африке», продемонстрировали африканцам, что мы перевернули новую страницу нашей общей истории. Несмотря на все имеющиеся проблемы, Африка была континентом надежды. Я читал это на лицах горожан, которые, встречая нас, собирались в огромные толпы, на лицах школьников и жителей деревень в джунглях и на краю пустыни. Я также глубоко обязан Африке тем, что мудрость Нельсона Манделы и вдовы из Руанды помогла мне обрести присутствие духа и достойно встретить то, что ожидало меня в США.

Первого апреля, когда мы еще находились в Сенегале, судья Райт сообщила моим адвокатам о своем решении по иску Джонс, согласно которому ей было отказано в передаче дела в суд, поскольку она не представила достоверных доказательств в поддержку своих претензий. Это решение показало, что расследование Старра было чисто политической затеей. Теперь он преследовал меня на тех основаниях, что я дал ложные показания под присягой, хотя судья сочла эти показания не имеющими отношения к делу, и что я якобы препятствовал правосудию по иску, для рассмотрения которого не было никаких оснований. Теперь уже никто не вспоминал об «Уайтуотер». 2 апреля Старр заявил, что будет продолжать свое расследование, что, впрочем, никого не удивило.

Через несколько дней мы с Бобом Рубином объявили о запрете на ввоз в Соединенные Штаты 1,6 миллиона единиц штурмового автоматического оружия. Хотя мы уже запретили производство девятнадцати различных видов подобного оружия в соответствии с законом о борьбе с преступностью, принятым в 1994 году, изобретательные иностранные производители пытались обойти его, создавая все новые модификации оружия, единственным назначением которого было убийство людей.

Страстная пятница, 10 апреля, стала одним из самых счастливых дней моего президентства. Через семнадцать часов после окончания срока, отведенного для принятия решения, все партии в Северной Ирландии согласились принять план, который должен был положить конец вражде, продолжавшейся тридцать лет. Накануне я не спал почти всю ночь, пытаюсь помочь Джорджу Митчеллу заключить это соглашение. Помимо Джорджа я разговаривал с Берти Ахерном и Тони Блэром, Дэвидом Тримблом и, дважды, с Джерри Адамсом, а потому отправился спать только в полтретьего ночи. В пять часов Джордж снова разбудил меня, попросив еще раз позвонить Адамсу, чтобы убедить его сделать последний шаг.

Это было превосходное соглашение, предусматривавшее правление большинства, но при этом гарантировавшее права меньшинства, совместное принятие решений и экономические выгоды для обеих сторон; оно было нацелено на развитие имеющихся связей с Великобританией и установление новых связей с Ирландией. Процесс, итогом которого стало подписание этого документа, был начат благодаря решимости добиться мира, проявленной Джоном Мейджором и Альбертом Рейнольдсом. Их дело было продолжено преемником Рейнольдса Джоном Брутоном и доведено до конца Берти Ахерном, Тони Блэром, Дэвидом Тримблом, Джоном Юмом и Джерри Адамсом. Та первая виза, которую я выдал Адамсу, и последующие активные усилия Белого дома принесли свои плоды, и Джордж Митчелл блестяще провел переговоры.

Конечно, подписание этого соглашения стало заслугой в первую очередь тех, кому пришлось принимать трудные решения, — руководителей Северной Ирландии, Блэра и Ахерна, а также народа этой страны, который предпочел надежду на мир тяжелому прошлому. На 22 мая был намечен референдум, в ходе которого граждане Северной Ирландии и Ирландской Республики должны были высказать свое отношение к этому документу. В духе традиционного ирландского красноречия его нарекли «Соглашением Страстной пятницы».

Примерно в это же время я посетил Космический центр Джонсона в Хьюстоне, чтобы обсудить вопросы, связанные с очередным запуском пилотируемого космического корабля «Шаттл», экипаж которого должен был провести двадцать шесть экспериментов с целью изучения воздействия космоса на человеческий организм, включая особенности адаптации мозга к состоянию невесомости и изменения, происходящие во внутреннем ухе и в вестибулярной системе. Одним из астронавтов, готовившихся к этому полету, был семидесятисемилетний сенатор Джон Гленн. Джон совершил 149 боевых вылетов в годы Второй мировой войны и войны в Корее и тридцать пять лет тому назад стал одним из первых американских астронавтов. Он решил больше не избираться в Сенат, и ему очень хотелось еще раз побывать в космосе. Мы с директором НАСА Дэном Голдином поддержали его желание, так как наше космическое агентство хотело изучить влияние невесомости на процессы старения. Я всегда был убежденным сторонником космических программ, включая запуск Международной космической станции и предстоящий полет на Марс, а «лебединая песня» Джона Гленна

давала нам возможность показать практическую пользу космических исследований.

Вскоре после этого я отправился с официальным визитом в Чили, а затем на второй Саммит двух Америк. После долгих лет жестокой диктатуры генерала Аугусто Пиночета Чили твердо встала на путь демократического развития под руководством президента Эдуардо Фрея, отец которого был президентом Чили в 1960-е годы. Вскоре после саммита покинул свой пост Мак Макларти, мой специальный посланник в Северной и Южной Америке. За четыре года, в течение которых он занимал эту должность, мой старый друг совершил более сорока поездок в этот регион, и в каждой из них ясно давал понять американским государствам, что Соединенные Штаты остаются неизменно приверженными политике добрососедства.

Месяц завершился двумя радостными событиями. Я провел прием для членов Конгресса, проголосовавших за бюджет 1993 года, включая тех, кто из-за этого проиграл выборы, чтобы объявить им, что впервые с 1969 года бюджетный дефицит полностью ликвидирован, о чем я и мечтать не мог в начале моего президентства. Это достижение было бы невозможным без трудного голосования за наш экономический план в 1993 году. В последний день месяца Сенат проголосовал по еще одному важному для меня вопросу, одобрив (80 голосов «за», 19 — «против») прием в НАТО Польши, Венгрии и Чехии.

В середине мая успех наших усилий, направленных на запрещение ядерных испытаний, был поставлен под вопрос Индией, которая провела пять подземных ядерных взрывов. Через две недели Пакистан ответил тем же, осуществив шесть ядерных взрывов. Индия утверждала, что ядерное оружие ей необходимо для сдерживания Китая, а Пакистан заявил, что должен был отреагировать на действия Индии. В обеих странах идея обладания ядерным оружием имела серьезную поддержку в обществе, но это была опасная позиция. Прежде всего, наши эксперты по вопросам безопасности были убеждены, что, в отличие от Соединенных Штатов и Советского Союза времен холодной войны, Индия и Пакистан имели недостаточную информацию о ядерных арсеналах и ядерной политике друг друга. После того как Индия провела ядерные испытания, я убеждал премьер-министра Пакистана Наваза Шарифа не отвечать тем же, но он не смог противостоять политическому давлению.

Я был глубоко озабочен решением Индии, не только потому, что считал его опасным, но также из-за того, что оно шло вразрез с моими намерениями улучшить индийско-американские отношения и осложнило для меня ратификацию в Сенате Договора о всеобъемлющем запрещении испытаний ядерного оружия. Франция и Великобритания уже ратифицировали этот договор, но в Конгрессе все еще преобладали изоляционистские настроения, о чем свидетельствовал отказ одобрить закон об ускоренной процедуре утверждения торговых соглашений и возобновить выплату наших взносов в ООН и Международный валютный фонд. Особенно важным было финансирование МВФ. Поскольку азиатский финансовый кризис угрожал распространиться на страны с неустойчивой экономикой

и в других частях мира, МВФ, чтобы контролировать развитие событий, были необходимы значительные финансовые средства. Конгресс своими действиями подрывал устойчивость международной экономики.

Пока разворачивалась полемика по вопросу ядерных испытаний, мне предстояла еще одна поездка — на ежегодный саммит «Большой восьмерки», который в тот раз должен был пройти в английском городе Бирмингеме. По пути я сделал остановку в Германии, чтобы встретиться с Гельмутом Колем в Сан-Суси — дворце Фридриха Великого, где проводилось празднование пятидесятилетия со дня открытия берлинского авиамоста, после чего мы вместе с Колем отправились на завод General Motors Opel, расположенный в городе Эйзенахе в бывшей Восточной Германии.

Коль вел нелегкую предвыборную борьбу, и мое появление рядом с ним после праздничной церемонии вызвало ряд вопросов, особенно в связи с тем, что политическая платформа оппонента Коля, лидера социал-демократической партии Герхарда Шрёдера, во многом отражала то, за что выступали мы с Тони Блэром. Гельмут находился на посту главы государства дольше, чем какой-либо другой германский канцлер, за исключением Бисмарка, и пока, согласно данным опросов, отставал в предвыборной гонке. Однако он был моим другом и другом Америки и считался надежным партнером. На его счету было уже немало достижений: объединение Германии, сильный Европейский союз, партнерство с демократической Россией, помощь в достижении мира в Боснии. Перед тем как уехать из Германии, я тепло побеседовал со Шрёдером, который поднялся к вершинам германской политики с самых низов. Герхард произвел на меня впечатление умного и упорного человека, хорошо знающего, чего он хочет. Я пожелал ему удачи и сказал, что, если он победит на выборах, я сделаю все, что в моих силах, чтобы ему помочь.

Приехав в Бирмингем, я заметил, что этот город очень изменился, став гораздо красивее, чем был тридцать лет назад, когда я впервые его увидел. На конференции должны были обсуждаться очень важные вопросы — реформы международной экономики; усиление взаимодействия в борьбе с наркоторговлей, отмыванием денег и торговлей людьми; сотрудничество Соединенных Штатов и Европейского союза в борьбе с терроризмом. Однако эти проблемы были отодвинуты на второй план происходившими в мире событиями: проведенными Индией испытаниями ядерного оружия, политическим и экономическим кризисом в Индонезии, зашедшим в тупик мирным процессом на Ближнем Востоке, угрозой войны в Косово, приближающимся референдумом по «Соглашению Страстной пятницы». Мы осудили испытания ядерного оружия, проведенные Индией, подтвердили нашу приверженность Договору о всеобъемлющем запрещении испытаний ядерного оружия и призвали все страны мира заключить всеобщий договор о прекращении производства радиоактивных материалов для ядерного оружия. Что касается Индонезии, то мы заявили о необходимости проведения там политических и экономических реформ, что, однако, представлялось маловероятным, учитывая тяжелое финансовое положение в стране, — в этих условиях абсолютно необходимые реформы в кратковременной

перспективе еще больше усложнили бы жизнь большинства индонезийцев. Через пару дней президент Сухарто ушел в отставку, но проблемы Индонезии не были решены с его уходом. Вскоре мне пришлось уделять их решению гораздо больше времени. На Ближнем Востоке пока ничего сделать было нельзя: сначала должна была проясниться политическая ситуация в Израиле.

В Косово, провинции, расположенной на самом юге Сербии, большинство населения составляли мусульмане-албанцы, которые выражали недовольство режимом Милошевича. После нападений сербов на косоваров в начале года Организация Объединенных Наций наложила эмбарго на поставки оружия в бывшую Югославию (Сербию и Черногорию), а некоторые страны ввели против Сербии экономические санкции. Поиском путей выхода из кризиса занималась контактная группа, в которую вошли представители Соединенных Штатов, России и нескольких европейских государств. «Большая восьмерка» поддерживала усилия контактной группы, но вскоре их оказалось уже недостаточно.

Единственной хорошей новостью опять стали известия из Северной Ирландии. Более 90 процентов членов партии «Шин Фейн» поддержали «Соглашение Страстной пятницы». Поддержка договора Джоном Юмом и Джерри Адамсом гарантировала ему одобрение большинства католиков. А вот мнения протестантов разделились. После консультаций с лидерами партий я решил не ездить в Белфаст, чтобы, как я намеревался ранее, лично выступить в поддержку соглашения. Мне не хотелось давать лидеру протестантских экстремистов Яну Пейсли повод заявить, что я, иностранец, указываю народу Северной Ирландии, как ему поступать. Вместо этого мы с Тони Блэром дали два интервью телекомпаниям BBC и CNN, в которых высказались в поддержку референдума.

За два дня до голосования, 20 мая, я обратился к народу Северной Ирландии по радио и пообещал ирландцам американскую поддержку, если они проголосуют за «мир для себя и своих детей». Именно это они и сделали. «Соглашение Страстной пятницы» было одобрено 71 процентом населения Северной Ирландии, включая и большинство протестантов. В Ирландской Республике за него проголосовало более 90 процентов участников референдума. Я никогда еще так не гордился своими ирландскими корнями.

После остановки в Женеве, во время которой я призвал Всемирную торговую организацию стать более открытой при принятии решений, больше учитывать интересы наемных работников и проблемы защиты окружающей среды в ходе торговых переговоров и прислушиваться к мнению рядовых граждан, чтобы у них не возникало ощущения, что они находятся на периферии глобальной экономики, я вылетел домой в Америку. Но и там мне предстояло заниматься международными проблемами.

На той неделе я выступил в Военно-морской академии США на церемонии по случаю очередного выпуска. В своем выступлении я рассказал о плане усиления борьбы с международными террористическими организациями. Этот план включал меры по предотвращению атак на наши

энергетические системы, системы водоснабжения, полицейскую, пожарную и медицинскую службы, систему управления воздушным движением, финансовую систему, телефонные и компьютерные сети, а также согласованные усилия по предотвращению распространения и использования биологического оружия и по защите от него нашего населения. Я предложил ужесточить контроль за выполнением условий Конвенции о запрещении биологического оружия; провести вакцинацию наших военнослужащих от различных инфекционных болезней, в особенности сибирской язвы; обучить федеральных служащих и служащих администрации штатов и персонала Национальной гвардии действиям по защите от биологического оружия; модернизировать нашу систему оповещения об этой угрозе; создать запас лекарств и вакцин против известных видов биологического оружия; активизировать исследования, направленные на разработку вакцин, создание медицинских препаратов и приборов нового поколения.

Уже несколько месяцев меня особенно беспокоила возможность биологических атак с применением генетически модифицированных возбудителей, устойчивых к существующим медицинским препаратам. В декабре прошлого года во время «Ренессансного уикенда» мы с Хиллари договорились поужинать вместе с Крейгом Вентером — молекулярным биологом, компания которого работала над полной расшифровкой генома человека. Я спросил Крейга, какова вероятность того, что генетические карты позволят террористам синтезировать новые гены, модифицировать существующие вирусы или, например, создать комбинацию возбудителя оспы с еще каким-нибудь смертельным вирусом, которая сделает его еще более опасным.

Крейг сказал, что это вполне возможно, и предложил мне прочесть новый роман Ричарда Престона «Операция “Кобра”» (*The Cobra Event*). В этом триллере сумасшедший ученый пытается сократить население Земли, инфицируя жителей Нью-Йорка вирусом «мозговой оспы» — комбинацией возбудителя оспы и поражающего насекомых вируса, разрушающего нервную систему. Прочитав эту книгу, я с удивлением обнаружил, что в после словии Престон благодарил за помощь в ее подготовке более ста экспертов из числа ученых, военных, сотрудников разведки и моего аппарата. Я настаивал на том, чтобы эту книгу прочли несколько членов моего кабинета и спикер Гингрич.

Проблемой биологического оружия мы начали активно заниматься в 1993 году, после взрыва бомбы в Центре международной торговли. Тогда нам стало ясно, что террористы могут наносить удары и по США. Кроме того, перебежчик из России сообщил нам, что в его стране имеются огромные запасы возбудителей сибирской язвы, оспы, вируса Эбола и других патогенов и их производство продолжается и после распада Советского Союза. В ответ мы решили расширить сферу применения программы Нанна — Лугара и сотрудничать с Россией в уничтожении не только ядерного, но и биологического оружия.

После применения террористами отравляющего газа зарина в токийском метро в 1995 году Группа по борьбе с терроризмом, возглавляемая членом

Совета национальной безопасности Ричардом Кларком, сконцентрировала свои усилия на разработке мер по предотвращению террористических атак с применением химического и биологического оружия. В июне 1995 года я подписал Президентскую директиву № 39, которая возлагала ответственность за предотвращение таких атак и меры по поимке планирующих их террористов за границы на различные государственные управления и службы. В Пентагоне ряд военных и гражданских руководителей также занимались этой проблемой, включая командующего Корпусом морской пехоты Чарльза Крулака и заместителя министра ВМС Ричарда Данцига. В конце 1996 года Объединенный комитет начальников штабов поддержал рекомендацию Данцига о проведении вакцинации всех военнослужащих против сибирской язвы, а Конгресс постановил усилить контроль за использованием биологических препаратов в американских лабораториях, после того как фанатик с поддельным удостоверением личности сумел за 300 долларов приобрести в одной из лабораторий три пробирки с возбудителями чумы.

В конце 1997 года, когда стало ясно, что у России имеются даже бóльшие запасы биологического оружия, чем мы предполагали, я дал согласие на сотрудничество американцев с российскими учеными, в советское время работавшими в институтах, где создавалось биологическое оружие. Я надеялся, что это поможет нам получить информацию о том, что именно было ими создано, и помешает Ирану и другим странам, жаждущим заполучить биологическое оружие, воспользоваться знаниями этих людей.

В марте 1998 года Дик Кларк собрал около сорока членов своего аппарата в Блэр-хаус, чтобы провести «настольные военные учения» для отработки действий в случае атаки террористов с применением возбудителя оспы, химического и ядерного оружия. Результаты оказались неутешительными. В случае с оспой потребовалось слишком много времени на то, чтобы взять ситуацию под контроль. В реальной жизни это привело бы к слишком большим потерям. Запасы антибиотиков и вакцин оказались недостаточными, законы о карантине — устаревшими, система общественного здравоохранения — неэффективной, а государственные меры в чрезвычайной ситуации — недостаточно проработанными.

Через несколько недель Кларк по моей просьбе собрал на совещание семь ученых и экспертов по чрезвычайным ситуациям, включая Крейга Вентера, Джошуа Ледерберга — нобелевского лауреата по биологии, который на протяжении нескольких десятилетий боролся за запрещение биологического оружия, и Джерри Хауера — директора Нью-Йоркского центра по чрезвычайным ситуациям. Вместе с этими экспертами, а также Биллом Коуэном, Джанет Рино, Донной Шалалой, Джорджем Тенетом и Сэнди Бергером мы несколько часов обсуждали возможные угрозы и то, как с ними бороться. Хотя почти всю предыдущую ночь я не спал, помогая заключить соглашение о мире в Ирландии, я тем не менее внимательно слушал доклады и задавал множество вопросов. Все, что я услышал, подтверждало, что мы не готовы противостоять атакам с применением биологического оружия и что при построении системы национальной безопасности необходимо

учитывать новые генные технологии. Когда совещание подходило к концу, доктор Ледерберг вручил мне свежий номер *Journal of the American Medical Association*, посвященный угрозам биотерроризма. Когда я прочитал его, моя тревога еще больше возросла.

Менее чем через месяц я получил отчет группы экспертов, в котором рекомендовалось в следующие четыре года потратить более двух миллиардов долларов на улучшение системы общественного здравоохранения, создать национальный резерв антибиотиков и вакцин, особенно против оспы, и активизировать исследования по разработке современных лекарств и вакцин с использованием методов генной инженерии.

На следующий день после выступления с речью в Военно-морской академии в Аннаполисе я подписал еще две президентские директивы, касающиеся борьбы с терроризмом. Директива № 62 насчитывала десять пунктов. В ней были перечислены конкретные задачи, поставленные перед различными правительственными организациями, в том числе: задержание террористов за границей и их доставка в США, борьба с террористическими сетями и организациями; лишение террористов возможности приобретать оружие массового уничтожения, ликвидация последствий атак террористов; защита жизненно важных объектов материальной и информационной инфраструктуры; защита американских граждан внутри страны и за рубежом.

Этой директивой также учреждалась должность национального координатора по борьбе с терроризмом и защите инфраструктуры — на этот пост я назначил Дика Кларка, который с самого начала был главным координатором наших усилий в борьбе с терроризмом. Он был профессионалом в этой сфере, работал еще в администрациях президентов Рейгана и Буша, и его действия по организации государственной системы борьбы с терроризмом были энергичными и жесткими. Президентской директивой № 63 создавался Национальный центр защиты инфраструктуры, который должен был разработать первый комплексный план защиты жизненно важных объектов национальной инфраструктуры в сфере транспорта, коммуникаций и водоснабжения.

В конце месяца Старр вновь попытался заставить Сюзан Макдугал дать показания большому жюри и снова потерпел неудачу, в шестой раз допросил Хиллари, причем допрос длился почти пять часов, и обвинил Уэбба Хаббела в мошенничестве с налогами. Несколько бывших прокуроров поставили под сомнение правомерность странных действий Старра: по существу, Хаббела снова обвинили в том, что он получил завышенное вознаграждение от своих клиентов, поскольку не платил налогов с полученных денег. Ситуацию усугубляло то, что Старр обвинил и жену Хаббела, Сюзан, потому что она подписала их совместную налоговую декларацию, и его друзей — бухгалтера Майка Шофеле и юриста Чарльза Оуэна, потому что они давали ему бесплатные консультации по финансовым вопросам, когда он оказался в сложной ситуации. Хаббел ответил на это прямо и резко: «Обвиняя мою жену и моих друзей, они рассчитывают вынудить меня солгать о президенте и первой леди. Я не стану этого

делать... Я не стану лгать о президенте. Я не стану лгать о первой леди или о ком-то еще».

В начале мая Старр продолжил стратегию запугивания, предъявив Сюзан Макдугал обвинение в неуважении к суду и в том, что она препятствовала правосудию, отказываясь давать показания большому жюри, — то есть в том же самом правонарушении, за которое Сюзан уже отбыла восемнадцать месяцев тюремного заключения. На этот раз Старр и Хик Юинг были просто взбешены: они никак не могли заставить Сюзан Макдугал лгать в их интересах. Хотя после этого Сюзан провела в тюрьме еще почти целый год, она сумела доказать, что обладает более сильным характером, чем ее преследователи, и в конце концов была отомщена.

В июне у Старра наконец возникли проблемы. После того как Стивен Брилл опубликовал в *Brill's Content* статью о действиях Старра, в которой сообщалось, что аппарат независимого прокурора использует незаконные «утечки» информации, в чем Старр признался во время полуторачасового интервью, судья Норма Холлуэй Джонсон пришла к выводу, что «есть основания полагать, что отдел Старра неоднократно допускал серьезные утечки информации» в прессу и Дэвид Кендалл имеет право допросить Старра и его заместителей, чтобы обнаружить их источник. Поскольку это решение судьи предполагало расследование с участием большого жюри, оно было сохранено в тайне. Как ни странно, это оказалось единственным аспектом деятельности Старра, информация о котором почему-то не просочилась в прессу.

Двадцать девятого мая в возрасте восьмидесяти девяти лет скончался Барри Голдуотер. Меня огорчила его кончина. Хотя мы принадлежали к различным партиям и наши взгляды часто не совпадали, Голдуотер был необыкновенно добр ко мне и Хиллари. Я также уважал его патриотизм и старомодный либерализм: он, например, считал, что правительство не должно вмешиваться в частную жизнь граждан, а предметом политической полемики должны быть идеи, а не личные качества ее участников.

Оставшиеся дни весны я провел, лоббируя свои законодательные инициативы и занимаясь текущими делами: издал приказ, запрещающий дискриминацию гомосексуалистов при поступлении на федеральную гражданскую службу; заявил о своей поддержке программы экономических реформ Бориса Ельцина; принял в Белом доме эмира Бахрейна; выступил с обращением к сессии Генеральной Ассамблеи ООН, посвященной проблеме наркоторговли; принял прибывшего с официальным визитом президента Южной Кореи Ким Дэ Чжуна, провел Национальную конференцию по проблемам океана в Монтерее, штат Калифорния, на которой запрет на добычу нефти у побережья Калифорнии был продлен еще на четырнадцать лет; подписал законопроект о выделении средств на покупку бронезилетов тем 25 процентам сотрудников наших правоохранительных органов, которые их не имели; выступил на выпускных церемониях в трех университетах; оказал демократам помощь в проведении избирательных кампаний в шести штатах.

В тот месяц было много работы, но в целом он прошел нормально, за исключением поездки в Спрингфилд, штат Орегон, где психически неустойчивый пятнадцатилетний подросток убил и ранил из полуавтоматического оружия несколько своих одноклассников. Этот инцидент стал последним в череде трагических событий, ранее произошедших в городах Джонсборо, штат Арканзас, Перл, штат Миссисипи, Падука, штат Кентукки, и Эдинборо, штат Пенсильвания.

Эти убийства были трагическими и необъяснимыми, так как в целом уровень подростковой преступности наконец начал снижаться. Мне казалось, что эти вспышки насилия объяснялись, по крайней мере частично, культом насилия в нашей культуре и доступностью огнестрельного оружия для детей. Во всех вышеупомянутых случаях, так же как и в нескольких других, когда, к счастью, обошлось без жертв, юные преступники либо действовали в приступе ярости, либо считались отверженными в своих школах, либо находились под влиянием какой-то мрачной жизненной философии. Я попросил Джанет Рино и Дика Райли подготовить руководство для учителей, родителей и школьников, которое помогло бы им обратить внимание на ранние признаки неблагополучия в поведении психически неустойчивых молодых людей и предложило бы способы разрешения таких тревожных ситуаций.

Я посетил среднюю школу Спрингфилда, чтобы встретиться с семьями погибших, услышать рассказы о том, как все это случилось, и побеседовать со школьниками, учителями и местными жителями. Они испытали сильнейший психологический шок и все еще не до конца понимали, как такое могло произойти в их городке. Единственное, что я мог сделать в подобной ситуации, — это разделить горе близких и друзей погибших, убедить их в том, что они достойные люди, и призвать постараться справиться со своим несчастьем и жить дальше.

Когда закончилась весна и началось лето, подошло время моего давно запланированного визита в Китай. Хотя у Китая и Соединенных Штатов все еще имелись существенные разногласия по таким вопросам, как соблюдение гражданских прав, религиозных и политических свобод и т.д., я с нетерпением ждал этого визита. Я знал, что Цзян Цзэминь, успешно проведя свой визит в Соединенные Штаты в 1997 году, рассчитывал на то, что я отвечу ему тем же.

Отношение к визиту было неоднозначным в обеих странах. Я стал первым президентом США, посетившим Китай после разгона демонстрации в поддержку демократии на площади Тяньаньмынь в Пекине в 1989 году. С Китая также все еще не были сняты обвинения в попытке повлиять на итоги выборов в США в 1996 году. Кроме того, некоторые республиканцы критиковали меня за то, что я разрешил американским компаниям использовать для запусков коммерческих спутников китайские ракеты-носители, несмотря на то что спутниковые технологии при этом Китаю не предоставлялись. Кроме того, использование китайских ракет-носителей началось еще при администрации Рейгана и продолжилось при администрации Буша, чтобы дать американским компаниям возможность сэкономить средства.

Наконец, многие американцы опасались, что торговая политика Китая и нелегальное копирование и продажа американских книг, фильмов и музыкальных записей приведут к потере рабочих мест в Соединенных Штатах.

Многие китайские официальные лица считали, что, говоря о нарушении гражданских прав в их стране, мы тем самым вмешивались во внутренние дела Китая. Немало было и таких, кто был уверен, что, несмотря на все мои позитивные заявления, целью американской политики в XXI столетии будет сдерживание Китая, а не сотрудничество с ним.

Поскольку в этой стране проживает четверть мирового населения и ее экономика быстро растет, Китай не может не оказывать глубокого экономического и политического влияния на Америку и весь мир. Нам нужно было всеми силами стремиться к тому, чтобы установить с этим государством конструктивные взаимоотношения, — было бы глупо не предпринимать таких попыток.

За неделю до поездки в Китай я назначил бывшего посла США в ООН Билла Ричардсона преемником Федерико Пеньи на посту министра энергетики. Нашим новым послом в ООН стал Дик Холбрук. Ричардсон, бывший конгрессмен от Нью-Мексико, где располагались две крупнейшие исследовательские лаборатории Министерства энергетики, был наиболее вероятным кандидатом на эту должность. В свою очередь, Холбрук обладал необходимыми качествами для того, чтобы решить проблему выплаты нашей задолженности ООН. Кроме того, его интеллект и опыт должны были способствовать повышению эффективности нашей внешнеполитической команды, что было очень важно, учитывая новое обострение обстановки на Балканах.

Мы с Хиллари и Челси вылетели в Китай в ночь на 25 июня. С нами летела Дороти, мать Хиллари. Кроме того, нас сопровождала делегация, включавшая госсекретаря Олбрайт, министра Рубина, министра Дейли и шесть конгрессменов, в числе которых был старейший член Палаты представителей Джон Дингелл из штата Мичиган. Участие Джона в этой поездке имело большое значение, потому что штат Мичиган, где находилось много автомобильных предприятий, был оплотом протекционистских настроений. Я был рад тому, что он захотел побывать в Китае и на месте решить, следует ли предоставить этой стране возможность вступить в ВТО.

Мы начали наш визит со старинного города Сианя, где китайцы подготовили для нас красивую и замысловатую приветственную церемонию. На следующий день нам удалось побродить между рядами знаменитых терракотовых воинов* и побеседовать за «круглым столом» с жителями небольшой деревни Сиахе.

Через два дня мы с президентом Цзян Цзэмином провели пресс-конференцию, транслировавшуюся в прямом эфире всеми телекомпаниями Китая. Мы откровенно обсудили наши разногласия и заявили о решимости развивать стратегическое партнерство. Китайский народ впервые увидел своего руководителя, ведущего дискуссию с лидером иностранного государства

---

* Клинтон имеет в виду знаменитые терракотовые скульптуры воинов из гробницы императора Цинь Шихуана, расположенной неподалеку от Сианя. — *Прим. пер.*

по таким вопросам, как права человека и свобода совести. Цзян демонстрировал возросшую уверенность в своей способности публично обсуждать такие проблемы и не сомневался в том, что в ходе полемики я буду вести себя с необходимым тактом, а также подчеркну нашу общую заинтересованность в завершении финансового кризиса в Азии, достижении договоренностей по вопросам нераспространения ядерного оружия и активизации мирного процесса на Корейском полуострове.

Когда я заговорил о необходимости расширения свобод и гражданских прав в Китае, Цзян ответил, что Америка является экономически развитой страной, в то время как в Китае средний годовой доход на душу населения все еще не превышает 700 долларов. Он напомнил о различиях в нашей истории, культуре, идеологии, а также в наших социальных системах. Когда я призвал Цзяна встретиться с далай-ламой, он сказал, что не видит к этому препятствий, если далай-лама признает принадлежность Тибета и Тайваня к КНР, и добавил, что в данный момент уже действует «несколько каналов коммуникации» с лидерами тибетского буддизма. Китайская аудитория рассмеялась, когда я сказал, что, если бы Цзян и далай-лама встретились, то они наверняка бы очень понравились друг другу. Я также попробовал высказать ряд конкретных предложений по улучшению ситуации с гражданскими правами в Китае. Например, в китайских тюрьмах все еще содержались заключенные, осужденные за нарушение законов, которые уже были отменены, — и я предложил освободить их.

Самым важным в пресс-конференции были дебаты. Мне хотелось, чтобы китайские граждане поняли, что Америка поддерживает борьбу за гражданские права, которые, по нашему мнению, являются универсальной ценностью. Я также хотел, чтобы китайские руководители поняли, что большая свобода и открытость не приведут к дезинтеграции страны, которой они, учитывая китайскую историю, вполне закономерно опасались.

После официального ужина, устроенного в нашу честь Цзян Цзэминем и его супругой Ван Епин, мы с китайским лидером по очереди дирижировали оркестром Народно-освободительной армии. На следующий день, в воскресенье, моя семья посетила службу в церкви Чонгвенмынь — первой протестантской церкви в Пекине, одной из немногих, которым власти разрешили вести службы. Многие христиане в то время продолжали тайно встречаться у кого-нибудь дома. Свобода вероисповедания имела для меня большое значение, и я очень обрадовался, когда Цзян разрешил мне пригласить в Китай делегацию американских священнослужителей, включая раввина, католического архиепископа и протестантского священника, чтобы решить эту проблему.

После экскурсий в Запретный город и на Великую китайскую стену я встретился со студентами Пекинского университета и ответил на их вопросы. Мы обсудили положение с правами человека в Китае, но меня спрашивали и о соблюдении прав человека в Соединенных Штатах, а также о том, что я могу сделать для того, чтобы американский народ лучше понимал Китай. Это были вопросы, заданные молодыми людьми, искренне желавшими перемен в своей стране и одновременно гордившимися ею.

Премьер-министр Чжу Жунцзы пригласил нашу делегацию на ланч, во время которого мы обсуждали экономические и социальные проблемы Китая, а также те проблемы, которые необходимо было решить для того, чтобы Китай мог вступить во Всемирную торговую организацию. Я последовательно выступал за прием Китая в ВТО, что дало бы ему возможность продолжить интеграцию в глобальную экономику. Кроме того, это способствовало бы более строгому соблюдению им международных законов и дальнейшему укреплению сотрудничества с Соединенными Штатами и другими странами по широкому кругу вопросов. В тот вечер президент Цзян и госпожа Ван пригласили нас на ужин в свою официальную резиденцию, которая находилась на берегу тихого озера в комплексе зданий, где жили представители высшего китайского руководства. Чем больше я узнавал Цзяна, тем больше он мне нравился. Он был очень интересным человеком, несколько странным и довольно самолюбивым, но всегда готовым выслушать самые разные мнения. Я не всегда с ним соглашался, но мне было ясно, что он глубоко верит в то, что реформы в Китае идут настолько быстро, насколько это возможно, и что страна движется в верном направлении.

Из Пекина мы отправились в Шанхай, где, как нам показалось, увидели больше строительных кранов, чем в каком-либо другом городе мира. Там у нас с Хиллари состоялась интереснейшая дискуссия о проблемах и потенциале Китая с группой молодых китайцев, среди которых были преподаватели, бизнесмены, активист защиты прав потребителей и даже писатель. Одним из важнейших событий визита стало наше с мэром Шанхая совместное радиовыступление, во время которого мы ответили на вопросы, заданные по телефону слушателями. Мне задавали интересные, но вполне предсказуемые вопросы, касавшиеся проблем экономики и безопасности. Гораздо больше вопросов адресовалось мэру. Звонившие ему люди были заинтересованы в совершенствовании системы образования и увеличении числа компьютеров, а также выражали беспокойство в связи с ростом транспортного потока, который стал результатом развития города и повышения благосостояния его жителей. Я подумал, что уж если мэру стали жаловаться на пробки, значит, Китай развивается в верном направлении.

Перед тем как отправиться домой, мы посетили Гуйлинь, где встретились с экологами, озабоченными уничтожением лесов и уникальной фауны, а также совершили приятную лодочную прогулку вниз по реке Ли, протекающей между утесами из известняка, которые выглядят очень необычно на фоне мирного сельского пейзажа. После Гуйлиня мы сделали остановку в Гонконге, чтобы встретиться с Тун Чихва — руководителем, избранным китайцами после ухода британской администрации. Тун, интеллигентный, хорошо образованный человек, несколько лет проживший в Америке, испытывал большие трудности, пытаясь примирить бурную политическую культуру Гонконга с более конформистской политикой центрального китайского правительства. Я также встретился с борцом за демократию Мартином Ли. Китайцы пообещали, что Гонконг сохранит свою, гораздо более демократичную, политическую систему, но у меня сложилось впечатление,

что окончательные условия объединения все еще не выработаны и ни одна из сторон не удовлетворена текущим положением вещей.

В середине июля мы с Алом Гором провели встречу в Национальной академии наук, темой которой было предотвращение компьютерных сбоев в начале нового тысячелетия. В то время часто высказывались опасения, что при наступлении 2000 года многие компьютерные системы не смогут правильно отобразить дату и это вызовет хаос в экономике и в жизни миллионов американцев. Под руководством Джона Коскинена были приняты масштабные усилия к тому, чтобы гарантировать надежную защиту от сбоев во всех правительственных системах и помочь решить эту проблему частному сектору. Но до наступления круглой даты мы не могли быть уверены в абсолютной надежности принятых нами мер.

Шестнадцатого июля я подписал еще один важный для меня законопроект «О детских пособиях и стимулировании семей, имеющих детей». По сравнению с 1992 годом мы уже увеличили ассигнования на эти цели на 68 процентов, теперь же число семей, получающих детские пособия, выросло еще на 1,4 миллиона. Этот законопроект предусматривал санкции против тех штатов, которые до сих пор не создали компьютерные базы данных по получателям пособий, и дополнительную финансовую помощь тем, кто уже успешно решил эту задачу.

Примерно в то же время я объявил о закупке 80 миллиардов бушелей пшеницы для бедных стран, население которых страдало от голода. Цены на зерно в то время снизились, и эта покупка, ставшая актом гуманитарной помощи, одновременно способствовала повышению цены на пшеницу на 13 центов за бушель, что очень помогло попавшим в трудное положение американским фермерам. Поскольку жестокая засуха уничтожила посевы в ряде районов страны, я также попросил Конгресс одобрить пакет экстренной финансовой помощи фермерам.

В конце месяца Майк Маккарри объявил, что осенью уйдет в отставку с поста пресс-секретаря Белого дома, и я назначил на эту должность его заместителя Джо Локхарта, бывшего пресс-секретарем во время моей второй президентской кампании. Маккарри отлично проявил себя на своем ответственном посту, отвечая на сложные вопросы и доходчиво разъясняя политику администрации. Он работал круглые сутки и всегда был готов оказать помощь. Его решение уйти было вызвано желанием быть рядом со своими подрастающими детьми. Мне нравился его преемник Джо Локхарт, который, похоже, нравился и прессе. Кроме того, он любил играть со мной в карты, так что эта замена не должна была вызвать особых осложнений.

В июле, пока я реализовывал свою внутриполитическую программу, Дик Холбрук вылетел в Белград, чтобы встретиться с Милошевичем и попытаться разрешить косовский кризис. В это же время премьер-министр Хасимото ушел в отставку, потерпев поражение на выборах в Японии; Нельсон Мандела женился на Граце Машел — красивой женщине, вдове бывшего президента Мозамбика и лидера движения за прекращение участия детей в войнах, введущихся на африканском континенте, а Кен Старр продолжал

свое расследование. Он настаивал на вызове для дачи показаний сотрудников моей охраны, включая ее начальника Лари Кокелла. Секретная служба возражала против этого, а бывший президент Буш прислал два письма, в которых также высказался против. По правилам, охранники должны располагаться либо рядом с президентом, либо непосредственно за дверью того помещения, где он находится. Исключение делается только для жилых комнат Белого дома. Президенты зависят от службы охраны, которая обеспечивает их безопасность и конфиденциальность. Сотрудники этой службы становятся свидетелями самых разных разговоров, в том числе касающихся вопросов национальной безопасности, внутренней политики, политических конфликтов и личных проблем. Президенты от обеих партий и страна в целом всегда могли положиться на их преданность, профессионализм и благоразумие. Теперь же Старр хотел все это поставить под угрозу, причем не для того, чтобы расследовать дело о шпионаже, правонарушениях в ФБР, подобных «Уотергейту», или откровенных нарушениях закона, как это было со скандалом «Иран-контрас», — а для того, чтобы выяснить, давал ли я неискренние ответы и побуждал ли делать то же самое Монику Левински в ответ на пристрастные вопросы по делу, которое суд отказался принять к рассмотрению, потому что для этого не было оснований.

В конце месяца Старр гарантировал Монику Левински защиту от судебного преследования в обмен на ее согласие дать свидетельские показания большому жюри. Я также получил повестку с требованием явиться в суд для дачи показаний. 29 июля я согласился дать показания в суде под присягой, и повестка была аннулирована. Хотя, конечно, мне совсем не хотелось этого делать.

В начале августа я встретился в Вашингтоне с вождями десяти индейских племен, чтобы объявить о начале проведения комплексной программы по совершенствованию системы образования, улучшению медицинского обслуживания и расширению экономических возможностей для коренных американцев. Мики Ибарра, мой помощник по межведомственной координации в правительстве, и Линн Катлер, помощник по связям с индейскими племенами, напряженно работали над этой программой, которая была остро необходима. Хотя уровень безработицы в Соединенных Штатах был самым низким за последние двадцать восемь лет, преступности — за двадцать пять лет, а процент американцев, живущих на социальные пособия, достиг самой низкой отметки за последние двадцать девять лет, те общины коренных американцев, которым не удалось разбогатеть за счет азартных игр, находились в тяжелом финансовом положении. Лишь менее 10 процентов коренных американцев оканчивали колледж; они в три раза чаще, чем белые американцы, болели диабетом; у них был самый низкий доход на душу населения среди всех этнических групп. В некоторых племенах уровень безработицы превышал 50 процентов. Вожди племен ощутили некоторый оптимизм в связи с предпринятыми нами шагами, и после нашей встречи у меня появилась надежда, что мы действительно сумеем им помочь.

На следующий день, с интервалом в пять минут, произошли взрывы в американских посольствах в Танзании и Кении. В результате погибло

257 человек, включая 12 американцев, еще 5 тысяч были ранены. Первоначальное расследование показало причастность к этому взрыву террористической организации «Аль-Каида», возглавляемой Усамой бен Ладеном. В конце февраля бен Ладен издал религиозный приказ (фетву), призывающий нападать на американские военные и гражданские объекты по всему миру. В мае он заявил, что его сторонники будут атаковать американские объекты в Персидском заливе и что «война придет в Америку». В июне в интервью американскому журналисту он угрожал сбить американский военный самолет зенитными ракетами.

К этому моменту мы уже несколько лет следили за бен Ладеном. В начале моего первого президентского срока Тони Лэйк и Дик Кларк дали указания ЦРУ собрать более подробную информацию об этом богатом уроженце Саудовской Аравии, который в 1991 году был выслан из родной страны, в 1994 году лишился гражданства и поселился в Судане.

Вначале нам казалось, что бен Ладен лишь финансирует террористические операции, но со временем мы поняли, что он возглавляет высокоэффективную террористическую организацию, которая имеет солидные финансовые средства помимо его собственного состояния и действует в ряде стран, включая Чечню, Боснию и Филиппины. В 1995 году, после войны в Боснии, мы помешали моджахедам установить контроль над этим регионом, а затем вместе с филиппинскими властями предотвратили попытку взорвать около десятка самолетов, направлявшихся из этой страны к западному побережью США. Тем не менее международная террористическая сеть бен Ладена продолжала расти.

В январе 1996 года в Контртеррористическом центре ЦРУ был создан специальный отдел, занимавшийся исключительно бен Ладеном и его террористической сетью, и вскоре после этого мы начали оказывать давление на Судан с целью вынудить его выслать бен Ладена со своей территории. Судан в то время был надежным убежищем для террористов, включая египтян, в июне предыдущего года совершивших покушение на президента Мубарака и убивших его предшественника, Анвара Садата. Суданский лидер Хасан аль-Тураби разделял радикальные взгляды бен Ладена, кроме того, они были совладельцами целого ряда предприятий, занимавшихся как легальным бизнесом, так и производством оружия для террористов и оказанием им финансовой помощи.

Убеждая Тураби выслать бен Ладена, мы в то же время просили Саудовскую Аравию его принять. Саудовцы не хотели его возвращения, однако в середине 1996 года бен Ладен все же покинул Судан, очевидно сохранив хорошие отношения с Тураби. Он перебрался в Афганистан, где его тепло встретил мулла Омар, руководитель «Талибана» — воинствующей суннитской секты, которая стремилась установить в Афганистане радикальный исламский теократический режим.

В сентябре 1996 года «Талибан» захватил Кабул и постепенно установил контроль над всей страной. К концу года отдел ЦРУ, занимавшийся бен Ладеном и его организацией, уже собрал важную информацию о нем и его связях. Еще через год власти Кении арестовали человека, подозревавшего

гося в подготовке террористического акта в американском посольстве в этой стране.

Через неделю после взрывов я вернулся к нормальному рабочему графику, совершив поездки в штаты Кентукки, Иллинойс и Калифорния, чтобы призвать население поддержать наш «Билль о правах пациентов», программу по улучшению состояния воды и помочь в предвыборной борьбе демократам, баллотировавшимся в этих штатах. Помимо публичных выступлений я провел много времени, обсуждая с членами команды по национальной безопасности наши ответные меры в связи с терактами в Африке.

Тринадцатого августа на авиабазе Эндрюс состоялась церемония, посвященная памяти десяти из двенадцати американцев, погибших в Африке. Среди этих людей, которые, по мнению бен Ладена, заслуживали смерти только потому, что являлись гражданами Америки, были профессиональный дипломат, с которым я встречался два раза, и его сын; женщина, только что вернувшаяся из отпуска, во время которого ухаживала за своими престарелыми родителями; женщина-дипломат, уроженка Индии, которая объездила весь мир, работая на благо своей второй родины; врач-эпидемиолог, спасавший от болезней и смерти африканских детей; мать троих малолетних детей; еще одна женщина, только что ставшая бабушкой; отличный джазовый музыкант, избравший профессию дипломата; администратор посольства, женатый на кенийке, и три сержанта — пехотинец, летчик и морской пехотинец.

Было совершенно очевидно, что бен Ладен считал, что обладает абсолютной истиной, а потому присвоил себе роль бога, убивая ни в чем не повинных людей. Поскольку мы уже несколько лет боролись с его организацией, я давно убедился в том, что он был грозным противником. После кровавого преступления в Африке мы стали прилагать еще большие усилия к тому, чтобы захватить или уничтожить его, а также положить конец деятельности «Аль-Каиды».

Через неделю после взрывов в посольствах, после записи моего телевизионного обращения к народам Кении и Танзании, чьи потери были гораздо выше, чем наши, я встретился с руководителями национальной системы безопасности США. Руководители ЦРУ и ФБР подтвердили, что ответственность за взрывы несла «Аль-Каида» и несколько преступников уже арестовано.

Я также получил доклад разведки о том, что «Аль-Каида» планирует атаку на еще одно американское посольство — в столице Албании Тиране и что наши враги считают Америку уязвимой, так как все ее внимание в данный момент сосредоточено на обсуждении моей личной жизни. Закрыв свое посольство в Албании, мы отправили в Тирану для его охраны прекрасно вооруженных морских пехотинцев и вместе с местными властями приступили к операции по уничтожению ячейки «Аль-Каиды» в этой стране. Однако у нас имелись посольства и в других странах, где действовала «Аль-Каида».

ЦРУ также получило информацию о том, что бен Ладен и другие руководители террористической сети 20 августа планируют провести встречу в одном из военных лагерей в Афганистане, чтобы оценить эффект уже осуществленных атак и спланировать новые операции. Эта встреча предо-

ставляла нам возможность нанести ответный удар и в случае его успеха уничтожить большую часть лидеров «Аль-Каиды». Руководство подготовкой к этой военной операции я поручил Сэнди Бергеру. Нам нужно было определить цели, доставить на место необходимое военное снаряжение и решить, как быть с Пакистаном. Если бы мы решили наносить удары с воздуха, нашим самолетам пришлось бы пролетать над территорией Пакистана.

Хотя мы всегда старались взаимодействовать с Пакистаном в вопросе разрядки напряженности на Индийском субконтиненте и наши государства были союзниками во времена холодной войны, Пакистан поддерживал «Талибан», а следовательно, и «Аль-Каиду». Пакистанская разведка готовила бойцов «Талибана» и сепаратистов, воевавших в индийском штате Кашмир, в тех же самых лагерях, которые использовали и бен Ладен с «Аль-Каидой». Если бы Пакистану стали известны наши планы, вполне вероятно, что пакистанские разведслужбы предупредили бы об этом «Талибан» или даже «Аль-Каиду». С другой стороны, заместитель госсекретаря Струоб Тэлботт, работавший над нормализацией обстановки на Индийском субконтиненте, опасался, что, если мы не поставим в известность власти Пакистана, они примут наши ракеты за индийские и нанесут по Индии ответный удар, возможно даже ядерный.

Мы решили отправить в Пакистан заместителя председателя Объединенного комитета начальников штабов генерала Джо Ралстона, с тем чтобы он пригласил командующего вооруженными силами этой страны на ужин, назначив его как раз на то время, на которое был запланирован наш удар. Ралстон должен был сообщить ему о том, что происходит, за несколько минут до того, как наши ракеты проникнут в воздушное пространство Пакистана, когда будет уже слишком поздно, чтобы предупредить «Талибан» или «Аль-Каиду», но останется еще достаточно времени, чтобы предотвратить удары пакистанцев по нашим ракетам и по Индии.

Мою команду тревожило еще и то, что через три дня, 17 августа, я должен был давать показания большому жюри. Они опасались, что из-за этого я не решусь отдать приказ о нанесении удара, а если все же решусь, то меня обвинят в желании отвлечь общественное мнение от моих проблем, особенно в том случае, если нам не удастся уничтожить бен Ладена. Я весьма недвусмысленно заявил им, что их задача — давать мне рекомендации по вопросам национальной безопасности, поэтому если они считают, что необходимо нанести удар 20 августа, то мы так и сделаем. После этого я добавил, что непременно займусь своими личными проблемами. Времени для этого также оставалось немного.

Утром в субботу 15 августа, после ужасной бессонной ночи, когда до выступления перед большим жюри оставалось совсем немного времени, я разбудил Хиллари и рассказал ей всю правду о том, что произошло между мною и Моникой Левински. Она сжалась, словно от удара, — настолько ее оскорбило то, что я солгал ей в январе. Мне оставалось лишь просить прощения и говорить, что тогда у меня не было сил рассказывать об этом кому-нибудь, даже ей. Я сказал, что люблю ее, что не хотел причинять боль ей и Челси, что стыжусь своих поступков, но был вынужден держать все в тайне, потому что не мог нанести удар своей семье и ослабить свои позиции как президент. После того потока лжи и оскорблений, которым мы подвергались с начала моего президентства, мне не хотелось бы отступить под напором истерии, вызванной моими свидетельскими показаниями в январе, и лишиться поста президента. Я и сам до конца не понимал, как мог поступить так аморально и глупо. Чтобы осознать это, мне понадобились долгие месяцы, в течение которых мы старались восстановить наши отношения.

Мне предстоял разговор и с Челси. В определенном смысле он был еще более трудным. Рано или поздно каждый ребенок начинает понимать, что его родители не идеальны, но моя ситуация выходила далеко за привычные рамки. Я всегда считал себя хорошим отцом. Последние годы учебы в средней школе и первый год в университете и без того были омрачены для Челси постоянными нападками на ее родителей. Теперь же ей предстояло узнать, что ее отец не только совершил аморальный поступок, но и утаил правду от нее и ее матери. Я боялся не только разрушить свой брак, но и потерять любовь и уважение дочери.

Главным событием того ужасного дня стал очередной террористический акт. В городе Ома в Северной Ирландии группа боевиков ИРА, поддерживавшая «Соглашение Страстной пятницы», взорвала заминированный автомобиль у переполненного торгового центра, в результате чего погибло двадцать восемь человек. Все стороны — участницы мирного процесса, включая «Шин Фейн», осудили этот теракт. Я сделал заявление, в котором осудил виновников этой кровавой бойни, выразил сочувствие близким жертв трагедии и призвал всех участников урегулирования удвоить свои усилия для достижения мира. Отколовшаяся группа ирландских экстремистов, называвшая себя «Настоящей ИРА», насчитывала примерно двести участников и сторонников. Этого было достаточно, чтобы создать серьезные проблемы, но недостаточно для того, чтобы сорвать мирный процесс: взрыв в Оме еще раз продемонстрировал все безумие попыток вернуться к прошлому.

В понедельник, уделив подготовке максимально возможное время, я спустился в так называемую Комнату географических карт, где мне пред-

стояло на протяжении четырех часов отвечать на вопросы. Старр пошел на уступки и не стал вызывать меня в суд, возможно из-за негативной реакции, с которой он столкнулся, заставив сделать это Хиллари. Однако он настоял на видеозаписи моих показаний на том основании, что один из двадцати четырех членов большого жюри не мог присутствовать на судебном заседании. Дэвид Кендалл сказал, что мы готовы принять большое жюри в Белом доме, если Старр откажется от видеозаписи моих «секретных» показаний. Но тот отверг это предложение: я подозревал, что он намеревался передать видеозапись в Конгресс, откуда информация легко могла просочиться в средства массовой информации, не бросив тени на Старра.

Большое жюри следило за допросом по специально выделенному кабельному телеканалу, оставаясь в помещении суда, а Старр и его следователи из кожи вон лезли, стараясь превратить видеозапись в некое подобие домашнего порно. Их вопросы были сформулированы таким образом, чтобы унижить меня, вызвать ко мне отвращение, заставить Конгресс и американский народ потребовать моей отставки, а затем предъявить мне обвинение и предать меня суду. По меткому замечанию Сэмюэля Джонсона, ничто так не активизирует работу ума, как перспектива личного краха. В моем же случае на карте стояло гораздо больше, чем судьба одного человека.

После предварительных замечаний я попросил предоставить мне возможность сделать краткое заявление. Я признался, что «несколько раз в 1996 году и один раз в 1997 году» совершал неэтичные поступки, включающие неподобающие интимные контакты с Моникой Левински; что подобное поведение, хотя и является аморальным, в моем представлении не подходит под то определение «сексуальных отношений», которое было принято судьей Райт по просьбе адвокатов Джонс; что я несу полную ответственность за свои действия и готов предельно открыто отвечать на вопросы независимого прокурора относительно законности моих действий, но отказываюсь обсуждать детали произошедшего.

После этого главный следователь представил мне длинный список вопросов, касавшихся определения «сексуальных отношений», принятого судьей Райт. Я признал, что не пытался помочь адвокатам Джонс, поскольку они, как и представители отдела независимого прокурора, не раз допустили незаконные утечки информации. Теперь же, когда суд постановил, что их расследование не имеет отношения к существу дела Джонс, я уверен, что меня убедили дать показания с единственной целью — получить дополнительную информацию и придать ее огласке. Я также заявил, что, давая показания, о которых идет речь, естественно, не знал, что в деле уже активно участвует отдел Старра.

Теперь юристы Старра пытались выжать из ситуации все возможное, фиксируя на пленке все откровенные подробности моего рассказа о том, что никто не должен обсуждать публично.

Когда юрист офиса независимого прокурора высказал претензии по поводу моих письменных показаний о моих сексуальных связях, я напомнил ему, что и мои адвокаты, и я предлагали адвокатам Джонс задавать мне

более конкретные дополнительные вопросы, но те отказались. Я сказал, что теперь мне стало ясно, что они не пытались получить от меня признания, которые могли бы нанести мне ущерб в случае, если бы эта информация попала в прессу, поскольку уже работали на Старра. Теперь им нужны были от меня такие показания, которые могли бы стать основанием для моей отставки, или импичмента, или даже суда. Именно по этой причине они не задавали уточняющих вопросов, «потому что опасались, что я могу дать им правдивый ответ» «Они пытались заманить меня в ловушку, обмануть меня, — сказал я. — И теперь, как мне кажется, вы жалуетесь на то, что им это не очень удалось». Я признал, что «сожалею» о том, что делали юристы Института Рутерфорда от имени Джонс, — мучили ни в чем не повинных людей, провоцировали незаконные утечки информации, раздували дело, имевшее исключительно политические мотивы и никаких реальных оснований. «Но, — добавил я, — давая эти показания, я был исполнен решимости пройти по этому минному полю до конца, не нарушая закон, и считаю, что сделал это».

Я признал, что действительно ввел в заблуждение всех, кто расспрашивал меня об этой истории, после того как она всплыла. И я вновь и вновь повторял, что никогда никого не просил лгать. К тому времени, когда истекли оговоренные четыре часа, некоторые вопросы были заданы по шесть-семь раз — настолько велико было стремление добиться хоть какого-нибудь унижительного для меня признания в предосудительных поступках. В конечном итоге четырехлетнее расследование, на которое было потрачено 40 миллионов долларов, свелось к анализу определения понятия «сексуальные отношения».

Я закончил давать показания примерно в 18:30, за три с половиной часа до своего очередного обращения к нации. Заметно расстроенный, я поднялся на террасу, где, намереваясь обсудить произошедшее, собрались мои друзья и персонал. Там были юридический советник Белого дома Чак Рафф, Дэвид Кендалл, Мики Кантор, Рам Эмануэль, Джеймс Карвилл, Пол Бега-ла, Гарри и Линда Томасон. Среди присутствующих я заметил Челси, а около восьми, к моему облегчению, появилась и Хиллари.

Началась дискуссия о том, что я должен сказать. Все знали, что я признался в ужасной ошибке, но старались не подавать виду. Речь шла о том, можно ли поставить под сомнение законность расследования Старра и положить ему конец. В конечном итоге все сошлись на том, что это было невозможно. Большинству людей и так было известно, что Старр вышел из-под контроля, но они хотели услышать мое признание и увидеть мое раскаяние. Одни из моих друзей давали мне, как им казалось, стратегические советы, другие искренне ужасались тому, что я наделал. Только Хиллари держала свое мнение при себе, она лишь призывала всех оставить меня в покое и дать мне возможность подготовить заявление.

В 22 часа я рассказал американскому народу о своих свидетельских показаниях, сказал, что несу полную ответственность за собственную ошибку, и признал, что ввел в заблуждение всех, «даже свою жену». Я сказал, что пытался оградить себя и свою семью от нескромных вопросов, задаваемых

в ходе политически инспирированного разбирательства. Я также сказал, что расследование Старра зашло слишком далеко, стало слишком дорогостоящим и задело слишком многих людей. Я заявил, что два года назад другое расследование, которое действительно было независимым, не обнаружило ничего предосудительного ни в моих действиях, ни в действиях Хиллари в связи с делом «Уайтуотер». Наконец, я пообещал сделать все возможное, чтобы восстановить прежние отношения в своей семье, и выразил надежду на то, что нам удастся вернуть спокойствие в общественную жизнь страны, положив конец попыткам уничтожить меня как личность и вторжениям в нашу частную жизнь. Я верил в каждое произнесенное мною слово, но боль была еще слишком сильна, чтобы я мог испытывать подлинное и полное раскаяние.

На следующий день мы отправились в отпуск на остров Мартас-Виньярд. Раньше я буквально считал дни до того момента, когда мы сможем поехать куда-нибудь всей семьей; на этот раз, хоть мы и нуждались в отдыхе, я предпочел бы работать круглые сутки. Когда мы следовали через Южную лужайку к вертолету — Челси шла между нами, а Бадди трусил рядом со мной, — фотографии сделали снимки, на которых видна та боль, которую я причинил своим близким. Стоило им скрыться из виду, как моя жена и дочь практически перестали со мной разговаривать.

Первые два дня я занимался только тем, что просил прощения и планировал удары по «Аль-Каиде». Ночью Хиллари уходила в спальню, а я устраивался на кушетке.

В мой день рождения генерал Дон Керрик — сотрудник аппарата Сэнди Бергера — прилетел на Мартас-Виньярд, чтобы ознакомить меня со списком объектов, рекомендованных ЦРУ и Объединенным комитетом начальников штабов для нанесения ударов. Это были тренировочные лагеря «Аль-Каиды» в Афганистане и две цели в Судане: кожевенный завод, принадлежавший бен Ладену, и химической завод, который, по данным ЦРУ, использовался для производства или хранения компонентов, необходимых при производстве нервно-паралитического газа VX. Я исключил из списка целей кожевенный завод, так как он не имел военного значения, а мне хотелось уменьшить потери среди гражданского населения. Удары по лагерям должны были наноситься в то время, когда, по сведениям разведки, бен Ладен собирался встретиться там с руководителями своей террористической сети.

В 3 часа ночи я дал Сэнди Бергеру окончательный приказ начать операцию, и эсминцы ВМС США, находившиеся в северной части Аравийского моря, выпустили крылатые ракеты по целям в Афганистане. Удар по химическому заводу в Судане был нанесен с кораблей, находившихся в Красном море. Большинство ракет поразили цели, но бен Ладена не оказалось в том лагере, где, как предполагало ЦРУ, он должен был находиться. По некоторым сообщениям, он покинул этот лагерь всего за пару часов до удара, но никто не мог утверждать это с полной уверенностью. Было убито несколько людей, связанных с «Аль-Каидой», и несколько пакистанских офицеров, которые обучали в этих лагерях кашмирских террористов. Химический завод в Судане был уничтожен.

Сделав заявление об этих ударах, я вылетел с Мартас-Виньярд в Вашингтон, чтобы выступить со вторым за эти четыре дня обращением к американскому народу. Я сказал, что приказал нанести эти удары, потому что «Аль-Каида» была ответственна за взрывы посольств, а бен Ладен являлся «наверное, самым главным организатором и финансистом терактов в современном мире», человеком, который поклялся вести террористическую войну против Америки, не щадя ни военных, ни мирных граждан. Я сказал, что наши удары были нанесены не по исламу, «а по фанатикам и убийцам» и что мы уже много лет сражаемся против них на разных фронтах и продолжим это делать, потому что «эта борьба будет неослабной и долгой».

В те дни я не только говорил о долгой борьбе, но и подписал первое из серии распоряжений, направленных на подготовку к этой борьбе с использованием всех имеющихся средств. Административным указом № 13099 были введены экономические санкции против бен Ладена и «Аль-Каиды». Позже эти санкции были распространены и на «Талибан». До той поры мы не уделяли достаточного внимания уничтожению источников финансирования террористов. Моя директива опиралась на закон «О чрезвычайных международных экономических полномочиях», который мы успешно использовали в борьбе против колумбийского наркокартеля «Кали».

Я также поручил генералу Шелтону и Дику Кларку продумать план заброски в Афганистан наших командос. Я подумал, что, если мы сумеем разгромить пару тренировочных лагерей «Аль-Каиды», это продемонстрирует серьезность наших намерений, даже если нам и не удастся пока добраться до самого бен Ладена и его главных приспешников. Мне было ясно, что военное командование не хотело проводить такую операцию, — может быть, из-за того, что случилось в Сомали, а может, потому что ему не хотелось посылать в Афганистан спецназ, не зная точного местонахождения бен Ладена и не имея уверенности в том, что командос сумеют провести операцию без серьезных потерь. Как бы то ни было, я не собирался окончательно отказываться от использования такой возможности.

Я также подписал несколько меморандумов об уведомлении, которые давали ЦРУ право использовать для уничтожения бен Ладена любые средства. ЦРУ получило разрешение проводить операции по нейтрализации бен Ладена еще прошлой весной, до взрывов посольств, но у него не было возможностей осуществлять их собственными силами. Для выполнения этой задачи разведслужбы наняли людей из местных афганских племен. Когда выяснилось, что ни агенты ЦРУ в Афганистане, ни нанятые ими люди не были уверены в том, следует ли им пытаться захватить бен Ладена живым, я в одном из меморандумов четко разъяснил, что этого делать не стоит и они могут сразу приступить к его ликвидации. Через несколько месяцев я еще более расширил их полномочия, включив в список лиц, подлежащих физической ликвидации, ряд главных помощников бен Ладена и расширив диапазон ситуаций, в которых разрешалось проводить операции по их уничтожению.

Реакция лидеров обеих партий в Конгрессе на ракетные удары в целом была положительной. В значительной степени этому способствовало свое-

временное информирование конгрессменов и то, что министр обороны Коуэн заверил своих коллег-республиканцев в том, что эти удары и выбор времени для них были оправданными. Спикер Гингрич сказал: «Соединенные Штаты сделали сегодня то, что должны были сделать». Сенатор Лотт подтвердил, что «удары были уместными и справедливыми». Том Дэшл, Дик Гепхардт и все демократы также их поддержали. Вскоре я получил радостное известие об аресте Мохамеда Рашеда — агента «Аль-Каиды», подозревавшегося в организации взрыва посольства в Кении.

Некоторые люди критиковали меня за уничтожение химического завода, который, по утверждениям суданского правительства, не имел никакого отношения к производству или хранению опасных компонентов, но я и сейчас считаю, что мы были правы. ЦРУ получило пробы почвы с этого завода, в которых были обнаружены химические вещества, используемые для производства отравляющего газа VX. Кроме того, на состоявшемся позже суде над террористом в Нью-Йорке один из свидетелей показал, что бен Ладен производил химическое оружие в Хартуме. Несмотря на очевидные доказательства, некоторые журналисты продолжали утверждать, что мое решение напоминало воплощенный в реальную жизнь сценарий фильма «Хвост виляет собакой» (*Wag the Dog*), в котором президент начинает войну, придуманную для телевидения, чтобы отвлечь внимание от своих личных проблем.

Американскому народу пришлось одновременно осмысливать сообщения и о ракетных ударах, и о моих показаниях перед большим жюри. Журнал *Newsweek* написал, что реакция публики на мои показания и телевизионное обращение была «спокойной и взвешенной». Рейтинг одобрения моей работы как президента составил 62 процента; 73 процента американцев поддержали решение о ракетных ударах. Большинство людей считало, что в личной жизни я вел себе нечестно, но в сфере общественной жизни и политики мне можно доверять. И, напротив, по словам *Newsweek*, «первая реакция экспертов была почти истерической». Они нанесли мне ощутимые удары. Да, я согласен, что заслуживал порки, но, в конце концов, я и получил ее — дома, в семье, там, где и должен был ее получить.

Мне оставалось лишь надеяться на то, что давление прессы не заставит демократов потребовать моей отставки и я смогу заглазить свою вину перед моей семьей, моим аппаратом, кабинетом и людьми, которые верили в меня все эти годы, когда я подвергался непрекращающимся нападкам.

После своего выступления я еще на несколько дней вернулся на Мартас-Виньярд. Потепления отношений на семейном фронте не произошло. Мое первое появление на публике после показаний перед большим жюри состоялось во время поездки в Уорчестер, штат Массачусетс, куда я отправился по приглашению конгрессмена Джима Макговерна. Целью моей поездки было продвижение программы «Полицейский корпус», согласно которой студентам, обязавшимся после получения диплома поступить на службу в правоохранительные органы, оплачивалось обучение в колледже. Поскольку Уорчестер был типичным старинным рабочим городом, я опасался

встретить там не слишком теплый прием и был приятно удивлен, когда увидел толпу радостно приветствовавших меня людей, среди которых были мэр, оба сенатора и четыре конгрессмена от штата Массачусетс. Многие участники этой встречи призывали меня продолжать мою работу; некоторые заявили, что тоже совершали в своей жизни ошибки, и сожалели о том, что мои ошибки стали достоянием гласности.

Двадцать восьмого августа, в тридцать пятую годовщину знаменитой речи Мартина Лютера Кинга-младшего «У меня есть мечта», я посетил мемориальную службу в церкви Юнион-Чапел в Оук-Блаффс, уже более столетия являвшейся популярным местом паломничества афроамериканцев. Мы выступали в ней вместе с конгрессменом Джоном Льюисом, одним из авторитетнейших американских политиков, работавшим с доктором Кингом. Мы с ним подружились задолго до 1992 года. Он был одним из наиболее давних моих сторонников и имел полное право меня осуждать. Вместо этого он, выйдя к микрофону, сказал, что я являюсь его другом и братом, что он разделял со мной мои успехи и не оставит меня теперь, когда я попал в беду. Он также сказал, что я был хорошим президентом и, если бы это зависело только от него, то и остался бы президентом. Джон Льюис даже не подозревал, как он помог мне в тот день.

В конце месяца, вернувшись в Вашингтон, мы столкнулись еще с одной важной проблемой. Финансовый кризис, начавшийся в Азии, распространился на другие страны и грозил дестабилизировать всю мировую экономику. Начавшись в Таиланде в 1997 году, он затем перекинулся в Индонезию и Южную Корею, а теперь ударил по России. В середине августа она объявила о прекращении выплат по внешнему долгу, и к концу месяца финансовый крах в России вызвал падение цен на фондовых рынках по всему миру. 31 августа индекс Доу — Джонса снизился на 512 пунктов, а за четыре дня до этого — на 357 пунктов, что свело на нет весь его рост за 1998 год.

Боб Рубин и его экономическая команда начали работать над преодолением финансового кризиса сразу после краха в Таиланде. Хотя в каждой стране существовали свои проблемы, можно было выделить и некоторые общие факторы: несовершенство банковской системы, просроченные долги, капитализм «для своих», основанный на приятельских и клановых связях, и общая потеря доверия. Ситуацию усугубило также то, что японская экономика не показывала роста уже пять лет. При отсутствии инфляции и 20-процентном уровне сбережений сама Япония могла выстоять, но прекращение роста крупнейшей экономики Азии усилило негативные последствия для других стран. Даже сами японцы начали беспокоиться: стагнация экономики была одним из главных факторов, вызвавших поражение на выборах и отставку с поста премьер-министра моего друга Рютаро Хасимото. Китай, страна с самым высоким в регионе темпом роста экономики, сумел избежать еще более катастрофических последствий кризиса, отказавшись девальвировать свою валюту.

Необходимым условием восстановления экономики в 1990-х годах было предоставление Международным валютным фондом и богатыми государствами крупных займов пережившим крах странам в обмен на их обяза-

тельство провести необходимые реформы. Однако проведение реформ во всех этих странах неизменно сталкивалось с препятствиями политического характера. Очень часто реформы затрагивали интересы множества людей и требовали ужесточения налоговой политики, что значительно усложняло жизнь обычных граждан, хотя в долгосрочной перспективе помогало ускорить выздоровление экономики и быстрее добиться стабилизации.

Соединенные Штаты поддерживали усилия МВФ в Таиланде, Индонезии и Южной Корее и сами предоставили кредиты двум последним странам. Министерство финансов решило не оказывать финансовой помощи Таиланду, поскольку уже выделенных МВФ этой стране 17 миллиардов долларов было вполне достаточно, а также потому, что деятельность Валютного стабилизационного фонда, который мы использовали для помощи Мексике, была (хотя и временно) ограничена Конгрессом. К тому времени, когда помощь понадобилась другим странам, эти ограничения были сняты, но я все же сожалел о том, что нам не удалось оказать хотя бы скромную помощь Таиланду.

Госдепартамент, Министерство обороны и Совет национальной безопасности поддерживали идею предоставления кредита Таиланду, так как эта страна была нашим старейшим союзником в Юго-Восточной Азии. Хотя решение не предоставлять помощь было правильным как с экономической, так и с внутривнутриполитической точки зрения, оно было негативно воспринято в Таиланде и во всей Азии. Мы с Бобом Рубином сделали не очень много политических ошибок, но это была одна из них.

В случае с Россией у нас не было таких проблем, как с Таиландом. Соединенные Штаты поддерживали российскую экономику с первого дня моего президентства, и американская помощь составила почти треть 23-миллиардного кредита, предоставленного в июле России Международным валютным фондом. К несчастью, первый транш этого кредита, размером в 5 миллиардов долларов, бесследно исчез буквально за одну ночь, рубль был девальвирован, а сами русские стали вывозить из своей страны крупные суммы в валюте. Проблемы России усугубились безответственной инфляционной политикой ее Центрального банка и отказом Думы ввести эффективную систему сбора налогов. Уровень налогов в этой стране был высоким, может быть даже слишком высоким, но большинство налогоплательщиков их не платили.

Сразу после возвращения с Мартас-Виньярд мы с Хиллари совершили короткий визит в Россию и Северную Ирландию вместе с Мадлен Олбрайт, Биллом Дейли, Биллом Ричардсоном и делегацией конгрессменов от обеих партий. Посол США в России Джим Коллинз пригласил группу думских лидеров в свою резиденцию в Спасо-хаусе. Я пытался убедить их, что ни одна страна не может позволить себе нарушать законы глобальной экономики и что, если они хотят получать зарубежные займы и инвестиции, России нужно начать собирать налоги, перестать печатать деньги, чтобы оплачивать свои бюджетные расходы, помочь попавшим в сложное положение банкам, покончить с капитализмом «для своих» и возвращать свои долги. У меня создалось впечатление, что мои «проповеди» мало кого убедили.

Моя пятнадцатая встреча с Борисом Ельциным была довольно успешной, учитывая проблемы, с которыми он столкнулся. Коммунисты и ультранационалисты блокировали его законодательные предложения в Думе. Он пытался создать более эффективную систему сбора налогов при помощи президентских указов, но ничего не мог поделать с Центральным банком, который печатал слишком много денег, что только усиливало бегство капитала из страны, мешало рублю стать стабильной валютой и отпугивало западных кредиторов и инвесторов. Единственное, что я мог тогда для него сделать, — это подбодрить его и сказать, что оставшаяся часть кредита МВФ будет предоставлена сразу же, как только сможет принести эффект. Если бы мы предоставили ее немедленно, она исчезла бы так же быстро, как и первый транш.

Тем не менее мы сделали одно важное заявление, объявив, что сократим наши запасы оружейного плутония на пятьдесят тонн с каждой стороны — этого количества было достаточно для изготовления тысячи бомб — и сделаем этот плутоний непригодным для изготовления оружия в будущем. Учитывая попытки террористов и враждебных государств получить ядерные материалы, это был важный шаг, который мог сохранить жизнь многим людям.

После выступления перед ассамблеей Северной Ирландии в Белфасте, в котором я призвал ее членов претворять в жизнь «Соглашение Страстной пятницы», мы с Хиллари, Тони и Шери Блэр, Джорджем Митчеллом и Мо Мулэн, министром Великобритании по делам Северной Ирландии, отправились в город Ома, чтобы встретиться с людьми, пострадавшими от взрыва бомбы. Мы с Тони выступили перед собравшимися, а потом навестили семьи погибших и детей, получивших ранения. Мы были поражены непоколебимой решимостью пострадавших от взрыва людей продолжать борьбу за мир. В тяжелые времена, омраченные конфликтами и вооруженными столкновениями, кто-то написал на стене одного из домов в Белфасте: «Существует ли жизнь перед смертью?» Даже после кровавой бойни в Оме ирландцы ответили: «Да, существует».

Перед тем как отправиться в Дублин, мы с Блэрами приняли участие в митинге сторонников мира в городе Арма. Именно оттуда Святой Патрик начал распространять в Ирландии христианство, и в настоящее время этот город является духовным центром Северной Ирландии и для католиков, и для протестантов. Меня познакомили с симпатичной семнадцатилетней девушкой Шэрон Хофи, которая, когда ей было четырнадцать, написала мне письмо, в котором просила помочь прекратить войну и предлагала простое решение: «Обе стороны испытали потери и боль. Обе стороны должны простить».

Потом мы с Берти Ахерном провели пресс-конференцию. Один ирландский журналист сказал: «Похоже, что мирный процесс обычно получает ускорение после вашего приезда. Можем ли мы рассчитывать на ваш приезд в будущем?» Я ответил, что для них было бы лучше, если бы этого не понадобилось, но самому мне хотелось бы приехать еще раз. После этого Берти сказал, что мой визит после трагедии в Оме придал энергии сторонам, и они

сумели быстро принять решения, на которые иначе «могли бы уйти недели, а то и месяцы». Всего за два дня до этого Мартин Макгиннес, возглавивший на переговорах делегацию «Шин Фейн», объявил, что будет лично наблюдать за процессом разоружения со стороны «Шин Фейн». Мартин был влиятельной фигурой и правой рукой Джерри Адамса. Для Дэвида Тримбла и юнионистов это заявление стало свидетельством того, что, по словам Адамса, для «Шин Фейн» и ИРА «насилие стало прошлым, о котором следует поскорее забыть». В нашей беседе с глазу на глаз Берти Ахерн сказал мне, что после Омы ИРА предупредила «Настоящую ИРА»: если они вновь попытаются сделать нечто подобное, то им придется опасаться уже не столько британской полиции, сколько своих бывших единомышленников.

Первый вопрос, заданный мне американскими журналистами, содержал просьбу прокомментировать резкую критику, которой за день до этого подверг меня в Сенате мой давний друг Джо Либерман. Я ответил: «Я согласен с тем, что он сказал... Я допустил большую ошибку, это ничем нельзя оправдать, и я сожалею об этом». Некоторые мои советники были очень расстроены тем, что Джо выступил с критикой в мой адрес в то время, когда я находился за рубежом, но меня это не очень огорчило. Я знал, что Джо был глубоко религиозным человеком и его глубоко возмутило то, что я сделал. Кроме того, он был осторожен и не сказал ничего, что можно было расценить как предложение подвергнуть меня импичменту.

Моей последней остановкой в Ирландии стал Лимерик, где на улицы вышли пятьдесят тысяч сторонников мира, включая родственников одного из членов нашей делегации, конгрессмена Питера Кинга из Нью-Йорка, который взял с собой в Ирландию и свою мать. Я сообщил собравшимся, что мой друг Фрэнк Маккурт увековечил старый Лимерик в романе «Прах Анджели» (*Angela's Ashes*), но новый Лимерик мне нравится больше.

Девятого сентября Кен Старр прислал в Конгресс свой 445-страничный доклад, в котором приводил одиннадцать оснований для моего импичмента. Даже расследовавшему дело «Уотергейт» Леону Яворски не удалось ничего подобного. Независимый прокурор и его сотрудники должны были представить Конгрессу обнаруженные ими «существенные и достоверные» доказательства, которые могли бы служить основаниями для смещения с должности, но именно Конгресс решал, достаточно ли их для начала процедуры импичмента. Доклад Старра был опубликован 11 сентября, доклад Яворски об «Уотергейте» вообще не появился в печати. В докладе Старра слово «секс» появлялось более пятисот раз, дело же «Уайтуотер» было упомянуто всего два раза. Он и его союзники думали, что смогут спрятать в моем грязном белье все грехи, которые совершили за четыре года.

Десятого сентября я пригласил членов кабинета министров в Белый дом и извинился перед ними. Многие из них не знали, что сказать. Они верили в то, что мы делали, и были благодарны мне за предложенные им высокие посты, но большинство из них считало, что я вел себя эгоистично и глупо и восемь месяцев водил их за нос. Первой высказалась Мадлен Олбрайт, которая сказала, что я поступил дурно и разочаровал ее, но в данный момент

единственным выходом для нас будет вновь вернуться к работе. Донна Шалала высказалась резко, заявив, что для лидеров важно быть порядочными людьми, а не только проводить правильную политику. Мои давние друзья Джеймс Ли Уитт и Родни Слейтер говорили о важности искупления совершенного греха и цитировали Священное Писание. Брюс Бэббит, который был католиком, говорил о значении исповеди. Кэрол Браунер заявила, что ей пришлось говорить со своим сыном на темы, которые она никогда не собиралась с ним обсуждать.

Слушая членов своего кабинета, я впервые в полной мере осознал, что мое недопустимое поведение и ложь о нем открыли «ящик Пандоры» и вызвали целую бурю негативных эмоций у американского народа. Было легко сказать, что я очень многое пережил за прошедшие шесть лет, что расследование Старра было в высшей степени мучительным, что иск Джонс был фальшивкой, за которой стояли сугубо политические интересы и что даже президент имеет право на частную жизнь. Но когда то, что я совершил, во всей своей неприглядности было передано на суд публики, в оценках произошедшего отразились не только убеждения людей, но и их личный опыт, их страхи, разочарования и страдания.

Честные и очень разные мнения членов моего кабинета помогли мне понять, о чем в то время говорили люди по всей Америке. По мере приближения слушаний по импичменту я получал много писем и от друзей, и от незнакомых мне людей. Некоторые из них говорили мне трогательные слова поддержки и ободрения, другие писали о собственных промахах и о том, как они их исправляли, многие возмущались действиями Старра. Были и такие, кто, резко осуждая меня, сообщал о своем глубоком разочаровании; немало людей выражали все эти эмоции одновременно. Чтение писем помогло мне справиться с моими собственными переживаниями и вспомнить о том, что, если я хочу получить прощение, то и сам должен уметь прощать.

Атмосфера в Желтом овальном кабинете оставалась неловкой и напряженной, пока не заговорил Боб Рубин. Рубин был тем человеком, который лучше всех из присутствовавших на той встрече представлял себе, чем была моя жизнь в последние четыре года. Он сам пережил длительное расследование в связи с делом Goldman Sachs, и, прежде чем с него были сняты обвинения, один из его партнеров был в наручниках отправлен в тюрьму. Выслушав высказывания еще нескольких человек, Рубин с характерной для него прямоотой сказал: «Нет никаких сомнений в том, что вы виноваты, но мы все совершаем ошибки, и даже очень серьезные. Мне кажется, более важная проблема заключается в непомерном внимании к этому вопросу прессы и лицемерии некоторых из ваших критиков». После этого атмосфера разрядилась. Я был признателен этим людям за то, что никто из них не покинул кабинет. Все мы вернулись к работе.

Пятнадцатого сентября я предложил Грегу Крейгу, прекрасному адвокату и нашему с Хиллари старому другу еще со времен учебы на юридическом факультете, защищать меня в составе команды юристов, включающей Чака Раффа, Дэвида Кендалла, Брюса Линдси, Шерил Миллс, Лэнни Брюэра и Николь Селигман. 18 сентября, как я и предвидел, члены Комитета по

юридическим вопросам Палаты представителей в строгом соответствии со своей партийной принадлежностью (республиканцы «за», демократы «против») проголосовали за то, чтобы показать публике видеозапись моих показаний перед большим жури.

Через несколько дней мы с Хиллари принимали на ежегодном завтраке в Белом доме американских религиозных лидеров. Обычно мы обсуждали с ними волнующие нас общественные проблемы, но на этот раз я попросил их помолиться за меня, поскольку мне предстояли тяжкие испытания:

За эти несколько недель мне пришлось пройти большой путь, пройти его до самого конца, чтобы понять, что со мной произошло. Я согласен с теми, кто сказал, что в моем первом заявлении, которое я сделал после того, как дал показания, я не высказал должного раскаяния. Я не думаю, что можно сказать что-то еще, кроме как признать, что я согрешил.

Я сказал, что сожалею о той боли, которую причинил всем: моей семье, друзьям, членам аппарата, кабинету, Монике Левински и ее семье, что я прошу их простить меня и что мне нужен совет от пастырей и других людей, чтобы с божьей помощью и у других появились «желание простить меня, которое мне так нужно, готовность отказаться от гордыни и злобы, мешающих разумным суждениям и заставляющих людей потворствовать своим прихотям, обвинять и сетовать». Я также сказал, что буду отчаянно защищаться и продолжу работать с еще большей энергией «в надежде, что в душевном смятении не утрачу силы воли и смогу принести больше пользы».

Три пастора — Фил Уогаман, наш священник в методистской церкви «Фаундри», мой друг Тони Камполо и Гордон Макдональд, автор нескольких прочитанных мною религиозных книг, — согласились наставлять меня по крайней мере раз в месяц. Обычно они приезжали в Белый дом все вместе, но иногда и порознь. Мы вместе молились, читали Священное Писание и обсуждали такие вещи, о которых я раньше никогда ни с кем не разговаривал. Преподобный Билл Хайбелс из Чикаго также продолжал регулярно приезжать в Белый дом и задавать мне вопросы с целью убедить меня в моем «духовном здоровье». Хотя эти священники часто говорили со мной довольно жестко, они помогли мне отойти от политики и подумать о душе и животворной силе любви Господа.

Мы с Хиллари начали серьезно консультироваться у психолога — специалиста по семейным отношениям. Мы посещали его раз в неделю почти целый год. Впервые в своей жизни я открыто говорил о своих чувствах и переживаниях, высказывал свое мнение о жизни, любви и природе человеческих взаимоотношений. Не все, что я узнал о самом себе и своем прошлом, меня обрадовало, и мне было больно признать, что некоторые события моего детства и последующей жизни сделали для меня труднодостижимым многое из того, что другим людям давалось совершенно естественно.

Я также осознал, что усталость, гнев и чувство одиночества делали меня более уязвимым, в результате чего я мог вести себя эгоистично и совершать непоправимые ошибки, за которые мне потом бывало стыдно. То, что

происходило сейчас, как раз и было последним звеном в цепи множества ошибок, совершенных из-за того, что я вел как бы две «параллельные» жизни — внутреннюю и внешнюю, пытаясь отделить кипевшие в моей душе гнев и отчаяние от моей публичной жизни, которую я любил и которая была вполне успешной. Во время перерывов в работе правительства я вел борьбу сразу на двух направлениях: дискутировал с Конгрессом по вопросам будущего нашей страны и в то же время пытался сдерживать искушавших меня «демонов». Я одержал победу в публичной борьбе и проиграл борьбу с самим собой, в результате чего причинил вред не только своей семье и своей администрации, но и нанес ущерб институту президентства и всему американскому народу. Не имело значения, насколько тяжело мне было и какому стрессу я подвергался в то время, — я должен был проявить силу духа и найти более достойный выход из этой ситуации.

Я не находил оправданий тому, что сделал, но попытка понять, почему я это сделал, по крайней мере давала мне шанс наконец объединить две мои «параллельные» жизни.

В ходе долгих бесед у консультанта и во время их последующих обсуждений нам с Хиллари удалось также лучше узнать друг друга и открыть друг в друге новые стороны помимо преданности работе и идеям, которые мы давно разделяли, а также любви к нашей дочери. Я всегда очень любил Хиллари, но не всегда мог это выразить. Я был благодарен ей за то, что она согласилась посещать психолога. Мы все еще оставались лучшими друзьями, и я надеялся, что нам удастся сохранить наш брак.

В это время я все еще спал на кушетке в небольшой гостиной, смежной с нашей спальней. Это длилось два месяца, а может и больше. Я много читал, думал и работал, да и кушетка эта была довольно удобной, но я надеялся, что мне не придется спать отдельно всю оставшуюся жизнь.

Когда республиканцы усилили критику в мой адрес, мои сторонники начали меня защищать. 11 сентября восемьсот американцев ирландского происхождения собрались на Южной лужайке Белого дома, чтобы присутствовать при вручении мне Брайаном О'Дуайером награды, носившей имя его покойного отца Пола, за мой вклад в развитие мирного процесса в Ирландии. Выступление Брайана и реакция на него собравшихся не оставили сомнений в том, какова была главная причина их участия в церемонии.

Через несколько дней в Вашингтон с официальным визитом прибыл Вацлав Гавел. Отвечая на вопросы журналистов, он назвал меня «своим большим другом». Когда журналисты спросили его, как он относится к тому, чтобы подвергнуть меня импичменту и отправить в отставку, а также не лишился ли я, по его мнению, морального права руководить страной, Гавел ответил, что Америка многолика. «Мне нравится большая часть этих лиц, но есть и такие, которых я не понимаю. Я не люблю говорить о том, чего не понимаю», — сказал он.

Через пять дней я отправился в Нью-Йорк на открытие сессии Генеральной Ассамблеи ООН, где выступил с речью об обязанности всех стран мира вести борьбу с терроризмом. Эта обязанность, на мой взгляд, заключалась

в следующем: не оказывать поддержки, не предоставлять убежища или финансовой помощи террористам; осуществлять давление на государства, которые все же делают это; усилить меры по экстрадиции и судебному преследованию террористов; поддержать всемирную антитеррористическую конвенцию и повысить эффективность конвенций, которые должны защитить нас от биологического и химического оружия; контролировать производство и экспорт взрывчатых веществ; усилить международные стандарты безопасности в аэропортах; устранять причины и условия, порождающие терроризм. Это была важная речь, особенно для того времени, но делегаты, собравшиеся в огромном зале Генеральной Ассамблеи, не забывали также и о том, что происходило в Вашингтоне. Когда я поднялся, чтобы начать свою речь, меня встретили продолжительной овацией. Это было неординарным событием для сдержанной атмосферы ООН, и я был глубоко тронут. Я не знал, чего было больше в этой беспрецедентной акции: желания поддержать меня или несогласия с тем, что происходило в Конгрессе. Пока я выступал в ООН с речью по проблеме терроризма, все телевизионные каналы транслировали запись моих показаний перед большим жури.

На следующий день я провел прием в Белом доме в честь Нельсона Манделы и афроамериканских религиозных лидеров. Это было идеей Манделы. Конгресс проголосовал за то, чтобы наградить его Золотой медалью Конгресса, которую ему должны были вручить на следующий день. Мандела позвонил мне и сказал, что, по его мнению, время для этого было выбрано не случайно: «Как президент Южной Африки я не могу отказаться от этой награды, но мне хотелось бы приехать на день раньше и сказать американскому народу все, что я думаю о действиях Конгресса по отношению к тебе». И он так и сделал, заявив, что не помнит, чтобы такого приема, какой был оказан мне в ООН, удостоился какой-либо другой политик, что я нужен миру и поэтому мои враги должны оставить меня в покое. Его заявление было встречено бурными аплодисментами.

Но, как бы ни был хорош Мандела, Бернис Кинг, дочь Мартина Лютера Кинга, в тот день его превзошла. Она сказала, что даже великие люди иногда совершали тяжелейшие грехи. Царь Давид поступил хуже, чем я, отправив своего верного сподвижника на верную смерть, чтобы получить возможность жениться на его жене Вирсавии. Давид должен был искупить свой грех и был наказан за него. Никто не понимал, куда клонит Бернис, пока она не закончила свое выступление такими словами: «Да, Давид совершил страшный грех, и Бог наказал его. Но Давид остался царем».

Все это время я продолжал работать, убеждая Конгресс принять предложение о выделении средств на модернизацию и строительство школ в Мэриленде, Флориде и Иллинойсе; обсуждая с членами Национального фермерского союза проблемы сельского хозяйства; выступив с важным обращением к Совету по международным отношениям о необходимости модернизации мировой финансовой системы. Кроме того, я провел совещание с Объединенным комитетом начальников штабов по проблеме боеготовности наших вооруженных сил; добился одобрения решения об очередном повышении минимальной заработной платы профсоюзом «Меж-

национальное братство электриков»; получил от Джона Хоупа Франклина заключительный отчет Президентской консультативной комиссии по расовым проблемам; вел диалог с Тони Блэром, премьер-министром Италии Романо Проди и президентом Болгарии Петром Стояновым о возможности применения к другим странам философии «Третьего пути», которую поддерживали мы с Тони; провел первую встречу с новым премьер-министром Японии Кейзо Обучи; пригласил в Белый дом Нетаньяху и Арафата, чтобы попытаться сдвинуть мирный процесс с мертвой точки; оказал демократам поддержку более чем в десяти избирательных кампаниях в шести штатах и федеральном округе Вашингтон.

Тридцатого сентября, в последний день финансового года, я объявил, что мы добились 70-миллиардного профицита бюджета, — это произошло впервые за двадцать четыре последних года. Хотя прессу интересовал почти исключительно доклад Старра, в это время, как всегда, происходило много разных событий, требовавших моего внимания. Я не хотел, чтобы решение общественно значимых проблем откладывалось, и был рад, что аппарат Белого дома и мой кабинет министров считали так же. О чем бы ни писали газеты, они продолжали выполнять свою работу.

В октябре республиканская фракция в Палате представителей, возглавляемая Генри Хайдом и его коллегами из Комитета по юридическим вопросам, продолжала добиваться моего импичмента. Входившие в этот комитет демократы во главе с Джоном Кониерсом, конгрессменом от штата Мичиган, яростно сражались с ними, возражая, что, даже если бы самые суровые из предъявленных мне обвинений оказались правдой, их все равно нельзя было бы расценивать как «серьезные преступления и правонарушения», которые, согласно Конституции, могли служить основаниями для импичмента. По закону демократы были правы, но республиканцы имели больше голосов, и 8 октября Палата представителей проголосовала за то, чтобы начать слушания по импичменту. Это не было сюрпризом: до промежуточных выборов в Сенат оставался всего месяц, и кампания республиканцев строилась вокруг единственной темы — снятия с поста Клинтона. Я верил, что после выборов умеренные республиканцы согласятся с фактами и законом и поддержат резолюцию в пользу выговора или порицания, — именно так и был наказан Ньют Гингрич за указание ложных сведений в налоговой декларации и очевидные нарушения налогового законодательства.

Многие эксперты предсказывали демократам катастрофу. Ожидалось, что мы потеряем от двадцати пяти до тридцати пяти мест в Палате представителей и четыре-шесть мест в Сенате. Большинство людей в Вашингтоне были в этом уверены. Республиканцы могли потратить на избирательную кампанию на 100 миллионов долларов больше, чем демократы, к тому же среди переизбиравшихся сенаторов и конгрессменов демократов было больше, чем республиканцев. Из нескольких оспаривавшихся мест в Сенате одно — в Индиане — было практически гарантировано демократам, где нашим кандидатом был губернатор Эван Бей. Республиканцы почти наверняка должны были получить место уходящего Джона Гленна в Огайо,

на которое претендовал губернатор Джордж Войнович. Это означало, что реальная борьба развернется за семь мест, пять из которых занимали демократы, а два — республиканцы.

По ряду причин я не был согласен с этой общепринятой точкой зрения. Во-первых, большинство американцев не одобряли поведения Старра и были разочарованы тем, что контролируемый республиканцами Конгресс был больше заинтересован в том, чтобы нанести мне ущерб, чем в том, чтобы помочь им. Почти 80 процентов опрошенных осудили публичный показ видеозаписи моих показаний перед большим жури, и число американцев, давших положительную оценку работе Конгресса, снизилось до 43 процентов. Во-вторых, и в 1994 году Гингрич показал это своим «Контрактом с Америкой», если избиратели видят, что у одной партии есть позитивный план действий, а у другой — нет, побеждает первая партия. У демократов же впервые в истории появилась единая программа для промежуточных выборов, суть которой сводилась к следующему: сначала нужно позаботиться о системе социального обеспечения и только потом тратить бюджетные излишки на новые программы или снижение налогов; необходимо увеличить число школьных учителей на 100 тысяч человек, отремонтировать и модернизировать существующие школы и построить новые; поднять уровень минимальной заработной платы и принять «Билль о правах пациентов». Наконец, значительное большинство американцев выступало против импичмента. Я считал, что, если демократы будут вести кампанию за реализацию своего плана и против импичмента, они смогут получить большинство в Палате представителей.

В начале и конце октября я принял участие в нескольких мероприятиях, проведенных в рамках избирательной кампании. Большинство из них проходило неподалеку от Вашингтона и было нацелено на то, чтобы привлечь внимание к проблемам, на которые делали упор наши кандидаты. Все остальное время я посвятил работе. Ее было очень много, и наибольшего внимания требовали ближневосточные проблемы. Мадлен Олбрайт и Деннис Росс уже несколько месяцев работали над возобновлением мирного процесса, и Мадлен наконец удалось организовать встречу Арафата и Нетаньяху, прибывших в Нью-Йорк на сессию Генеральной Ассамблеи ООН. Ни один из них не хотел делать следующий шаг первым, чтобы его соотечественники не посчитали, что он слишком охотно идет на уступки, но обоих беспокоило, что ухудшающаяся ситуация может выйти из-под контроля, особенно в случае очередного удара «Хамас».

На следующий день Арафат и Нетаньяху прилетели в Вашингтон, чтобы повидаться со мной, и я сообщил им, что через месяц планирую вновь пригласить их в Соединенные Штаты, с тем чтобы доработать и заключить соглашение. Вскоре Мадлен Олбрайт снова отправилась на Ближний Восток на встречу с ними. Встреча состоялась на границе Израиля и Газы, после чего Арафат пригласил всех на завтрак в отель. Таким образом, сторонник жесткой линии Нетаньяху стал первым премьером Израиля, посетившим перешедшую под управление палестинцев Газу.

Подготовка саммита потребовала нескольких месяцев напряженной работы. Обе стороны рассчитывали, что Соединенные Штаты помогут им согласовать непростые решения, и надеялись, что исключительная значимость соглашения обеспечит им поддержку соотечественников. Конечно, при проведении любого саммита всегда существует риск, что стороны не сумеют выработать общую позицию и это нанесет ущерб престижу всех причастных к этой неудаче лиц. Моя команда по национальной безопасности была обеспокоена возможностью такого развития событий и его последствиями. И Арафат, и Нетаньяху делали жесткие публичные заявления, а Биби к тому же назначил министром иностранных дел Ариэля Шарона — наиболее последовательного сторонника жесткой линии в партии «Ликуд», назвавшего мирное соглашение 1993 года «национальным самоубийством» для Израиля. Было непонятно, то ли Нетаньяху вручил Шарону министерский портфель для того, чтобы было на кого возложить ответственность в случае неудачи саммита, то ли Шарон был ему нужен как прикрытие от нападок правых, если переговоры увенчаются успехом.

Я считал, что саммит был хорошей идеей, и мне хотелось, чтобы он поскорее начался. Мне казалось, что терять нам особенно нечего: я всегда был уверен, что лучше предпринять активные действия и не добиться успеха, чем ничего не делать из-за боязни неудачи.

Пятнадцатого октября начался саммит в Белом доме, а затем делегации переместились в конференц-центр в Уай-Ривер, штат Мэриленд. Он хорошо подходил для этой цели: залы для совещаний и столовые были удобными, а жилые помещения расположены таким образом, что члены каждой делегации жили вместе и в то же время на достаточном удалении от представителей другой стороны.

Первоначально планировалось, что саммит продлится четыре дня, и через два дня после его окончания Нетаньяху должен был вернуться в Израиль, чтобы открыть новую сессию кнессета. Мы придерживались обычных для таких случаев правил: ни одна из сторон не связывала себя промежуточными договоренностями по конкретным вопросам, пока соглашение не было достигнуто в целом, а Соединенные Штаты оказывали помощь в разработке окончательного проекта соглашения. Я сказал участникам переговоров, что постараюсь проводить вместе с ними как можно больше времени, но по вечерам, как бы поздно ни заканчивались наши совещания, буду возвращаться на вертолете в Белый дом, чтобы утром иметь возможность работать в своем кабинете над законопроектами и продолжать переговоры по бюджету с Конгрессом. Новый финансовый год уже начался, но из тринадцати законопроектов по ассигнованиям была подписана и стала законом пока только треть. На морских пехотинцев, управлявших президентским вертолетом НМХ1, всегда можно было положиться, но во время встречи в Уай-Ривер они оказали мне просто неоценимую помощь, нередко ожидая меня до двух-трех часов ночи, если переговоры затягивались.

На первом же совместном ужине я попросил Арафата и Нетаньяху подумать о том, как они могут помочь друг другу преодолеть внутреннюю оппозицию соглашению. Они вели переговоры уже четыре дня и очень

устали, но до финальной договоренности было еще далеко. Нетаньяху сказал мне, что всеобъемлющего соглашения достичь не удастся, и предложил подписать его промежуточный вариант, по которому Израиль обязуется освободить 13 процентов территории Западного берега реки Иордан, а палестинцы — значительно активизировать сотрудничество с Израилем в вопросах обеспечения безопасности, выполняя план, разработанный при участии директора ЦРУ Джорджа Тенета, которому доверили обе стороны.

Поздно вечером я впервые беседовал с Ариэлем Шароном с глазу на глаз. Этот семидесятилетний человек, бывший генерал, принимал непосредственное участие в создании государства Израиль и последующих войнах. Арабы не любили Шарона не только из-за его негативного отношения к сделке «земля в обмен на мир», но и из-за той роли, которую он сыграл в 1982 году во время израильского вторжения в Ливан, когда большое количество безоружных палестинских беженцев было убито вооруженными формированиями ливанцев, сотрудничавших с Израилем. Во время нашей беседы, продолжавшейся более двух часов, я в основном задавал вопросы и слушал. Нельзя сказать, что Шарон был абсолютно глух к проблемам палестинцев. Он готов был оказывать им экономическую помощь, но считал, что передача Западного берега не соответствует интересам безопасности Израиля, и не верил, что Арафат действительно будет бороться с терроризмом. Мне были интересны рассуждения Шарона о его жизни и его взглядах, и после нашей беседы, которая закончилась почти в три часа ночи, я стал понимать его значительно лучше.

Меня очень удивила настойчивость, с которой он просил меня помиловать Джонатана Полларда — бывшего аналитика разведки ВМФ США, который в 1986 году был осужден за шпионаж в пользу Израиля. Рабин и Нетаньяху раньше уже просили меня освободить Полларда. Было очевидно, что его судьба имела большое значение для внутренней политики Израиля, а граждане этой страны считали, что Соединенные Штаты не должны были так сурово наказывать Полларда за то, что он продал секретную информацию их союзнику. Впоследствии этот вопрос был затронут еще раз, но пока я продолжал работать с руководителями делегаций и членами их команд, включая министра обороны Израиля Ицхака Мордехая и ближайших советников Арафата Абу-Алу и Абу-Мазена, которые затем в разное время были премьер-министрами Палестины, Саеба Эреката, главного представителя Арафата на переговорах, и Мохаммеда Далана, тридцатисемилетнего шефа службы безопасности Газы. И в израильской, и в палестинской командах было немало ярких личностей. Я старался найти время, чтобы побеседовать со всеми, поскольку нельзя было предугадать, кто из них внесет решающий вклад в дело достижения мира и окажет необходимое влияние на своих коллег.

Нам не удалось достигнуть консенсуса к воскресному вечеру, и стороны согласились продолжить переговоры. Тогда же к нам присоединился Ал Гор, усилив нашу команду, уже включившую членов аппарата Белого дома Сэнди Бергера, Роба Малли и Брюса Райдела, а также нескольких сотрудников

Госдепартамент: госсекретаря Олбрайт, Денниса Росса, Мартина Индика, Аарона Миллера, Уэнди Шерман и Тони Верстандига. Все эти люди ежедневно проводили совещания по различным вопросам то с израильтянами, то с палестинцами, надеясь увидеть пробивающийся сквозь тучи луч надежды.

Незаменимую роль в этих и других переговорах сыграл переводчик Госдепартамент Джемал Хелал. Члены обеих делегаций говорили по-английски, но деловые вопросы Арафат всегда обсуждал на арабском. Джемал был единственным человеком, которому позволялось принимать участие в наших с Арафатом конфиденциальных переговорах. Он хорошо знал специфику Ближнего Востока, роль и статус каждого участника палестинской делегации, а кроме того, нравился Арафату. Позже он стал советником в моей внешнеполитической команде, и нам не раз помогали его интуиция и хорошие отношения с Арафатом.

В понедельник я почувствовал, что нам удалось сдвинуться с мертвой точки. Я продолжал убеждать Нетаньяху, что он должен дать Арафату возможность ощутить преимущества мира, передав палестинцам землю, аэропорт, а также порт в Газе, обеспечив им свободный и безопасный проезд из Газы на Западный берег. Это дало бы Арафату новые возможности в борьбе с террористами. Одновременно я призывал Арафата не только усилить меры по обеспечению безопасности, но и созвать сессию Палестинского национального совета с целью пересмотра Палестинской хартии и исключения из нее положения об уничтожении Израиля. Исполнительный комитет ООП уже отказался от этой формулировки, но Нетаньяху считал, что граждане Израиля никогда не поверят в то, что палестинцы являются их надежными партнерами в мирном процессе, пока специально созванная ассамблея не проголосует за исключение из своей Хартии оскорбительных и неприемлемых для Израиля призывов. Арафат не хотел созывать ассамблею, поскольку не был уверен, что сможет гарантировать положительный результат. Правом голоса на выборах депутатов Совета обладали также палестинцы, живущие за рубежом, а многие из них не так благосклонно относились к мирному процессу, связанным с ним компромиссам и к самому Арафату, как палестинцы, проживающие в Газе и на Западном берегу.

Двадцатого октября к нам присоединились король Хусейн и королева Нур. Хусейн приехал в Соединенные Штаты, чтобы лечиться от рака в клинике Мэйо. Я рассказал ему о достигнутых нами успехах и еще не решенных проблемах. В результате болезни и проведенного курса химиотерапии король был очень слаб, тем не менее он сказал, что обязательно приедет в Уай-Ривер, если понадобится его помощь. После разговора с Нур, которая уверила меня, что он действительно хочет приехать и что они готовы остановиться в любых свободных апартаментах для гостей, я сказал Хусейну, что его помощь была бы очень полезна. Трудно переоценить то влияние, которое оказало на переговоры присутствие Хусейна. Он очень похудел, после химиотерапии у него выпали волосы — не было даже бровей, но его разум и сердце остались прежними. Он принес большую пользу, убеждая переговорщиков проявить здравый смысл, и само его присутствие сдержи-

вало стороны, не давая им «вставать в позу» или придирааться к мелочам, что часто случается в подобных ситуациях.

К двадцать первому октября мы достигли соглашения только по вопросам безопасности, и создавалось впечатление, что Нетаньяху придется отмечать свой сорок девятый день рождения с сознанием того, что переговоры провалились. На следующий день я провел с переговорщиками довольно много времени. После двухчасового совещания стороны придумали хитроумный способ заставить Палестинский национальный совет одобрить изменения в Хартии. План заключался в следующем: я вместе с Арафатом отправлюсь в Газу, где выступлю перед депутатами Совета, после чего Арафат попросит их поднятием руки или аплодисментами продемонстрировать одобрение внесенных в Хартию изменений. Сэнди Бергер, хоть и поддержал этот план, предупредил, что для меня это будет рискованным шагом. Это было правдой, но ведь мы попросили израильтян и палестинцев пойти на еще больший риск, поэтому я согласился.

В тот вечер мы продолжали обсуждать требование Арафата выпустить из израильских тюрем тысячу заключенных палестинцев. Нетаньяху сказал, что сможет освободить не более пятисот человек, при условии, что они не были членами «Хамас» и не «запачкали руки кровью». Я уже знал, что это заявление будет поворотным моментом переговоров, и заранее попросил Хусейна прийти на обед, чтобы обратиться одновременно к обеим делегациям. Когда король вошел в комнату, всех поразили его величественный облик, сверкающие глаза и сдержанное красноречие. Это впечатление еще более усиливалось его физической слабостью. Своим глубоким звучным голосом он сказал, что все мы предстанем перед судом истории. Сохраняющиеся разногласия, заявил он, ничтожны по сравнению с теми благами, которые принесет мир, поэтому стороны должны заключить его ради своих детей. Невысказанная мысль Хусейна была ясна: я скоро умру, и ответственность за успех мирного процесса ляжет исключительно на вас.

После того как Хусейн удалился, мы перешли в гостиную. Участники переговоров разбились на группы, собравшись за разными столами, где продолжали обсуждать те или иные проблемы. Я заявил своей команде, что у нас осталось очень мало времени, поэтому сегодня я не пойду спать. Моя стратегия достижения успеха на этот раз опиралась на выносливость: я решил, что буду держаться до последнего. Нетаньяху и Арафат также понимали, что если не добьются мирного соглашения сейчас, то не добьются его никогда. Как и мы, они и члены их команд не спали всю эту долгую ночь.

Наконец примерно в три часа ночи нам удалось достичь договоренности об освобождении заключенных, и мы продолжили двигаться вперед. Было уже почти семь часов утра, но оставалось еще одно препятствие: Нетаньяху угрожал, что откажется от всех достигнутых договоренностей и уедет, если я не освобожу Полларда. Биби заявил, что я обещал ему это во время нашей предыдущей встречи и он только поэтому пошел на уступки по другим проблемам. На самом деле я сказал премьер-министру, что, если таково его условие заключения мира, я в принципе мог бы с ним согласиться, но сначала мне необходимо обсудить это с моими коллегами.

Несмотря на всю симпатию к Полларду в Израиле, в Америке было трудно найти убедительные доводы в пользу его освобождения: он передал другому государству секретную информацию за деньги, а не из-за своих убеждений, и за все эти годы не раскаялся в своем поступке. Когда я обсудил эту проблему с Сэнди Бергером и Джорджем Тенетом, они, как и Мадлен Олбрайт, высказались категорически против освобождения Полларда. Джордж, напомнив мне об ущербе, причиненном ЦРУ Олдричем Эймсом, заявил, что подаст в отставку, если я смягчу приговор Полларду. Я, конечно, не мог этого допустить, и после комментария Тенета тема была закрыта. Ключевыми пунктами достигнутых нами договоренностей были безопасность и обязательство израильтян и палестинцев вместе бороться с террористами. Тенет помог сторонам разработать конкретные условия соглашений и пообещал помощь ЦРУ в их реализации. Если бы Тенет ушел в отставку, то Арафат, скорее всего, не стал бы продолжать переговоры. Джордж, кроме того, нужен был мне для борьбы с «Аль-Каидой» и терроризмом. Я пообещал Нетаньяху тщательно изучить дело Полларда и обсудить его с Тенетом и другими моими советниками, но сказал, что безопасность его страны для него сейчас должна быть важнее, чем освобождение Полларда.

Наконец, после долгих обсуждений, Биби согласился подписать соглашение, при условии, что состав освобождаемых палестинцев будет изменен: в нем увеличится доля обычных уголовников и уменьшится доля тех, кто угрожал безопасности Израиля. Это стало неприятной новостью для Арафата, который, напротив, хотел, чтобы были освобождены люди, которых он считал борцами за свободу. Деннис Росс и Мадлен Олбрайт отправились к Арафату и убедили его в том, что это все, что я могу сделать. Потом к нему отправился и я, чтобы выразить свою благодарность: его уступка помогла сохранить все, чего мы достигли.

По этому соглашению под контроль палестинцев переходили дополнительные территории на Западном берегу, аэропорт, морской порт, обеспечивался свободный проезд из Газы на Западный берег. Кроме того, палестинцам гарантировались экономическая помощь и освобождение нескольких сот заключенных. В обмен на это палестинцы обещали Израилю беспрецедентное сотрудничество в борьбе против насилия и террора. Они также согласились отдать под суд несколько человек, которых Израиль считал виновными в насилии и убийствах, внести изменения в Палестинскую хартию и приступить к переговорам об окончательном статусе Палестины. Впоследствии Соединенные Штаты оказали Израилю финансовую помощь, чтобы компенсировать затраты на перестройку системы безопасности и содействие палестинцам в развитии экономики, а также сыграли ключевую роль в упрочении беспрецедентного сотрудничества по проблемам безопасности, о котором договорились израильтяне и палестинцы.

Достигнув наконец соглашения, мы поспешили в Белый дом, чтобы объявить об успехе. Многие члены нашей команды не спали уже почти сорок часов, и им не помешало бы отдохнуть и принять душ, но все это происходило в пятницу после полудня, и мы торопились, чтобы успеть завершить

церемонию до захода солнца и начала еврейской субботы — Шаббата, когда израильская делегация не могла работать. Церемония началась в четыре часа дня в Восточном зале Белого дома. После выступления Мадлен Олбрайт и Ала Гора я вкратце рассказал о соглашении и поблагодарил представителей обеих сторон, вслед за чем Нетаньяху с Арафатом обменялись любезными и оптимистичными замечаниями. Биби держался с подобающим государственному деятелю достоинством, а Арафат с необычной для него решительностью осудил насилие. Хусейн предупредил, что враги мира попытаются сорвать соглашение новыми актами насилия, и призвал оба народа поддержать своих лидеров и вместо разрушения и смерти стремиться к общему светлому будущему для детей Авраама, «которого они заслуживают».

В качестве дружеского жеста по отношению ко мне, а также для того, чтобы выразить свое отношение к действиям и намерениям республиканцев в Конгрессе, Хусейн, напомнив, что был другом девяти американских президентов, заявил: «Но, если говорить о мире... никогда, при всем уважении к вашим предшественникам, я не сталкивался с человеком, который был бы так же предан делу мира, мыслил так же ясно, действовал так же целеустремленно и решительно... и мы надеемся, что вы и дальше будете работать с нами и мы добьемся еще больших успехов и поможем нашим соотечественникам построить лучшее будущее».

Потом, как раз перед заходом солнца, Нетаньяху и Арафат подписали соглашение, и начался еврейский Шаббат. Мирный процесс на Ближнем Востоке удалось спасти.

Пока мы работали над заключением соглашения в Уай-Ривер, Эрскин Боулз вел с Конгрессом напряженные переговоры о бюджете. Он предупредил меня, что после выборов покинет свой пост, и хотел перед своим уходом достичь максимально благоприятного соглашения. На этот раз мы имели существенное преимущество, потому что республиканцы не осмелились бы вновь остановить работу правительства: в прошедшие месяцы они и так уже потратили массу времени, препираясь друг с другом и нападая на меня, вместо того чтобы заниматься делом.

Эрскин и его команда ловко маневрировали, обсуждая детали бюджетных законопроектов, и шли на уступки по незначительным вопросам, чтобы сохранить финансирование приоритетных для нас программ. 15 октября мы объявили о достижении договоренности, и на следующий день отпраздновали этот успех в Роуз-Гарден вместе с Томом Дэшлом, Диком Гепхардтом и всей нашей экономической командой. Окончательный вариант соглашения предусматривал использование бюджетных излишков для финансирования реформы социального обеспечения и первого этапа программы увеличения числа школьных учителей, программы дополнительных школьных занятий и летних образовательных программ, а также других наших приоритетов в области образования. Мы также включили в бюджет крупный пакет помощи фермерам и владельцам ранчо и добились большого успеха в сфере экологии, предусмотрев финансирование программы восстановления 40 процентов наших рек и озер, которые были слишком загрязнены,

чтобы ловить в них рыбу или купаться. В проект бюджета также были заложены ассигнования на борьбу с негативными последствиями глобального потепления и программу охраны ценных природных ландшафтов от застройки и загрязнения. После восьмимесячного перерыва мы наконец возобновили выплату взносов в Международный валютный фонд, что позволило Соединенным Штатам продолжить усилия по преодолению финансового кризиса и стабилизации мировой экономики.

Не все наши предложения были приняты, поэтому у нас оставалось еще много «боеприпасов» для последних двух с половиной недель избирательной кампании. Республиканцы заблокировали «Билль о правах пациентов»; не позволили принять закон, регулирующий торговлю табачными изделиями, который предусматривал увеличение налога на продажу сигарет и запрет рекламы табачных изделий, нацеленной на подростков; затормозили прохождение в Сенате законопроекта о реформе финансирования избирательных кампаний, несмотря на то что сенаторы-демократы единодушно поддержали его после того, как он был утвержден Палатой представителей; отвергли законопроект о повышении минимальной заработной платы и, что меня особенно удивило, мое предложение выделить ассигнования на строительство или ремонт пяти тысяч школ. Они также отказались предоставить налоговые льготы производителям и потребителям «чистой» энергии и энергосберегающего оборудования.

И все же, учитывая соотношение сил в Сенате, это был отличный бюджет, утвержденный во многом благодаря Эрскину Боулзу и его умению вести переговоры. Это стало очередным успехом после утверждения сбалансированного профицитного бюджета в 1997 году и, как я сказал Эрскину, «достойным завершением его деятельности».

Через четыре дня, как раз перед тем как снова отправиться в Уай-Ривер, я назначил преемником Эрскина Джона Подесту, поскольку Боулз настойчиво рекомендовал именно эту кандидатуру. Я знал Джона уже почти тридцать лет: мы познакомились с ним в 1970-е годы, во время кампании по выборам в Сенат Джо Даффи. Он успел поработать помощником и заместителем руководителя аппарата Белого дома, хорошо знал специфику работы Конгресса и помогал определять нашу политику в сферах экономики, безопасности и международных отношений. Джон был страстным борцом за защиту окружающей среды и знал об информационных технологиях больше, чем кто-либо другой в Белом доме, за исключением, пожалуй, Ала Гора. Он обладал и необходимыми для этой работы качествами — живым умом, умением не обижаться на критику, остроумием — и, что немаловажно, играл в мою любимую карточную игру «черви» даже лучше, чем Эрскин Боулз. С приходом Джона в Белом доме сложилась чрезвычайно эффективная команда, в которую входили также заместители руководителя аппарата Стив Ричетти и Мария Эчавесте, а также помощница Джона Карен Трамонтано.

После всех испытаний и побед, совместных игр в гольф и карты мы с Эрскином стали близкими друзьями. Мне его очень не хватало, особенно как партнера по гольфу. Часто, когда нам бывало трудно, мы с Эрскином отправлялись на поле для гольфа Сухопутных войск и Военно-морских сил,

чтобы сыграть одну-две партии. Перед тем как уйти в отставку, нам часто составлял компанию мой друг Кевин О'Киф. На поле для гольфа нас всегда сопровождал Мел Кук — работавший там отставной офицер, который знал это место как свои пять пальцев. Иногда мне приходилось пройти четыре или пять лунок, прежде чем у меня получался приличный удар, но красота окружающей природы и любимая игра помогали мне забыть обо всех неприятностях. Я продолжал ездить туда и всегда скучал по Эрскину. Но, по крайней мере, он «передал меня в хорошие руки», рекомендовав на свое место Подесту.

Вскоре Белый дом покинул Рам Эмануэль. С тех пор, как он начал работать со мной в качестве финансового директора моей избирательной кампании в 1991 году, в его жизни произошло важное изменение: он женился и теперь хотел обеспечить свою семью. У Рама был особый дар воплощать идеи в жизнь. Он видел возможности там, где другие их не замечали, и умел выделить детали, которые как раз и определяют успех или неудачу. После нашего поражения в 1994 году он приложил все усилия к тому, чтобы избиратели узнали меня таким, каким я был в действительности. Через несколько лет Рам вновь вернулся в Вашингтон, на этот раз в качестве конгрессмена от Чикаго — города, который, по его мнению, должен быть столицей мира. Я заменил его Дугом Сосником, политическим директором Белого дома, который был почти таким же предприимчивым, как и Рам, хорошо знал расстановку сил в Конгрессе, всегда предупреждал об опасностях, связанных с той или иной ситуацией, но при этом не убеждал меня отказаться от решительных действий и, помимо всего прочего, прекрасно играл в «черви». Обязанности политического директора стал выполнять Крейг Смит — он занимал такой же пост и во время избирательной кампании 1992 года.

Утром 22 октября, незадолго до того как я отправился в Уай-Ривер, где провел последний нескончаемый день, Конгресс ушел на каникулы, послав мне перед этим на утверждение законопроект, который предписывал к 2000 году открыть в Америке три тысячи чартерных школ*. В последнюю неделю месяца произошли важные события: премьер-министру Нетаньяху удалось сохранить свой пост после голосования по вотуму недоверия в кнессете, причиной которого стало соглашение в Уай-Ривер, а президенты Эквадора и Перу с помощью Соединенных Штатов сумели урегулировать пограничный спор, угрожавший перерасти в вооруженный конфликт. В Белом доме я принял нового президента Колумбии Андреса Пастрану и выразил поддержку его намерению положить конец не затихающему уже несколько десятилетий конфликту, в котором участвовали вооруженные партизанские группировки. Я также подписал Международный акт о религиозной свободе от 1998 года и назначил Роберта Сайпла, в прошлом возглавлявшего христианскую благотворительную организацию World Vision U.S.,

---

* Экспериментальные школы, программы которых необязательно согласовывать с программами, утвержденными администрацией данного школьного округа. — *Прим. пер.*

специальным представителем госсекретаря по вопросам международной религиозной свободы.

Когда избирательная кампания вступила в свою заключительную фазу, я совершил поездки в Калифорнию, Нью-Йорк, Флориду и Мэриленд, а также вместе с Хиллари посетил космодром на мысе Канаверал во Флориде, чтобы присутствовать при старте космического корабля, на борту которого находился Джон Гленн. Национальный комитет республиканской партии запустил серию рекламных клипов, в которых содержалась резкая критика в мой адрес; судья Норма Холлуэй Джонсон пришла к заключению, что отдел Старра двадцать четыре раза нарушил закон о недопустимости утечки информации, касающейся показаний, данных перед большим жури; в телевизионных новостях сообщили о том, что, согласно результатам тестов ДНК, Томас Джефферсон действительно являлся отцом нескольких детей своей рабыни Салли Хемингс.

Третьего ноября, несмотря на огромное финансовое преимущество республиканцев, их нападки на меня и заявления экспертов, предсказывавших демократам поражение, мы одержали победу на выборах. Вопреки прогнозам о потере четырех-шести мест в Сенате, мы не потеряли ни одного. Мой друг Джон Бро, который помог мне восстановить доверие к нашей администрации «Новых демократов» после выборов 1994 года и был убежденным противником моего импичмента, одержал уверенную победу в Луизиане. В Палате представителей демократам даже удалось вернуть пять мест — такого успеха на шестом году нахождения своего представителя у власти президентская партия не знала с 1822 года.

Выбор, поставленный перед избирателями в ту кампанию, был прост: демократы выступали в первую очередь за сохранение программы социального обеспечения, увеличение числа школьных учителей на 100 тысяч человек, модернизацию школ, повышение минимального уровня заработной платы и принятие «Билля о правах пациентов». Республиканцы все это отвергали. По существу, их кампания строилась вокруг единственного вопроса — импичмента, хотя в некоторых штатах они помимо этого использовали рекламные клипы, направленные против гомосексуалистов, в которых утверждалось, что если демократы получат большинство в Конгрессе, то они заставят узаконить однополые браки во всех штатах. А в таких штатах, как Вашингтон и Арканзас, республиканцы подкрепили эту рекламу плакатами с изображением гомосексуальных пар — целующихся или стоящих перед алтарем. Незадолго до выборов в штате Вайоминг был забит до смерти молодой гомосексуалист Мэтью Шепард. Причиной расправы стала его сексуальная ориентация. Эта трагедия потрясла всю страну, особенно когда о ней, набравшись мужества, публично рассказали родители погибшего. Я не мог поверить, что после гибели Шепарда крайне правые все же решатся использовать политическую рекламу, направленную против гомосексуалистов, но они, видимо, не могли обойтись без образа врага. Республиканцы были также сильно ослаблены глубокими внутренними разногласиями по вопросу октябрьского бюджетного соглашения: наиболее консервативные из них считали, что пошли на серьезные уступки, ничего не получив взамен.

Еще за много месяцев до выборов я решил, что не стоит придавать слишком большого значения так называемому «проклятью шестого года». В этот год избиратели, как правило, голосуют против президентской партии потому, что считают, что администрация выработала свой ресурс, у нее иссякли энергия и новые идеи, а потому нужно дать шанс их противникам. Однако в 1998 году избиратели видели, что я вплоть до самых выборов продолжал напряженно работать над решением ближневосточной и других внешне- и внутривосточных проблем, и знали, что у меня имеется конкретный план работы и на следующие два года. Кроме призывов к импичменту, придавших энергии демократам и заставивших их действовать активнее, чем в 1994 году, республиканцы не предложили избирателям ничего нового. И напротив, губернаторы-республиканцы, которые, по существу, разделяли мою платформу, суть которой составляли ответственная налоговая политика, реформа социального обеспечения, разумные меры по снижению уровня преступности и решительная поддержка развития образования, добились на выборах успеха. В Техасе губернатор Джордж Буш, одержав убедительную победу над моим старым другом Гарри Мауро, произнес свою победную речь на фоне флага с надписью «Возможность и ответственность» — эти слова составляли две трети лозунга, использованного мною во время избирательной кампании 1992 года.

Большой процент пришедших на выборы афроамериканцев помог молодому юристу Джону Эдвардсу нанести поражение сенатору от Северной Каролины Лочу Фэрклоту, другу судьи Сентелла и одному из самых ярых моих критиков. А в Южной Каролине чернокожие избиратели помогли сенатору Фрицу Холлингу преодолеть отставание от соперника-республиканца и одержать победу. В Нью-Йорке конгрессмен Чак Шумер — последовательный и откровенный противник импичмента, добившийся заметных результатов в борьбе с преступностью, легко победил сенатора Ала Д'Амато, который последние несколько лет потратил на нападки на Хиллари и ее сотрудников во время слушаний в возглавляемом им комитете. В Калифорнии добилась переизбрания сенатор Барбара Боксер, а Грей Дэвис был вновь избран губернатором, причем их преимущество над соперниками оказалось более убедительным, чем показывали проведенные перед выборами опросы общественного мнения. На волне протестов против импичмента демократы получили два дополнительных места в Палате представителей, кроме того, в выборах более активно, чем обычно, участвовали испаноязычные избиратели и афроамериканцы.

На выборах в Палату представителей мы вернули себе место, потерянное в 1994 году Мэрджори Марголис-Мезвински: наш кандидат Джо Хеффел, проигравший в 1996 году, вновь участвовал в выборах, активно выступая против импичмента. В штате Вашингтон Джей Инсли, потерпевший неудачу в 1994 году, также вернул себе место в Палате. В штате Нью-Джерси профессор физики Раш Холт за десять дней до выборов уступал своему сопернику 20 процентов голосов. Активно используя телевизионный рекламный ролик, содержащий критику намерения республиканцев подвергнуть

меня импичменту, он занял место в Палате представителей, которое демократы не могли получить уже целое столетие.

Мы делали все возможное, чтобы компенсировать существенное отставание от республиканцев по собранным для выборов финансовым средствам, и я записал специальные телефонные обращения для испаноязычных и чернокожих американцев, а также других категорий наших потенциальных избирателей. Ал Гор энергично вел избирательную кампанию по всей стране, а Хиллари появлялась на избирательных мероприятиях, наверное, чаще всех нас. В Нью-Йорке, куда она приехала для участия в предвыборных мероприятиях, у нее распухла нога, под правым коленом был обнаружен тромб. Она стала принимать кроверазжижающие препараты, и доктор Мариано рекомендовал ей в течение недели соблюдать постельный режим, однако Хиллари продолжала появляться на встречах с избирателями, поддерживая наших кандидатов и вселяя в них уверенность. Я очень беспокоился о ней, но она была решительно настроена продолжать участие в кампании. Конечно, Хиллари была очень сердита на меня, но еще больше ее возмущало то, что пытались сделать Старр и республиканцы.

Опросы общественного мнения, проведенные Джеймсом Карвиллом и Стэнном Гринбергом, а также специалистом по социологическим опросам Марком Меллманом, показали: в целом по стране вероятность того, что избиратели проголосуют за демократа, считающего, что президент должен получить порицание от Конгресса и продолжить работу, на 20 процентов выше вероятности, что они проголосуют за республиканца, выступающего в поддержку импичмента. Имея эти данные, Карвилл и другие наши специалисты смогли предложить нашим кандидатам тактику, дававшую шансы на победу. Ее эффективность проявилась и в тех случаях, когда мы с небольшим отрывом проигрывали республиканцам в штатах, где, как считалось, они могли одержать легкую победу. Например, в штате Нью-Мексико демократ Фил Малуф, только что проигравший дополнительные выборы в июне, на которых он уступил кандидату от республиканцев 6 процентов голосов, а перед ноябрьскими выборами отстававший от него на 10 процентов, в последние выходные перед выборами использовал рекламные ролики против импичмента и опередил своего соперника. Правда, он все же проиграл выборы в целом, уступив своему сопернику 1 процент, поскольку треть избирателей штата проголосовала заранее, еще до выхода ролика. Я считал, что, если бы большее число наших кандидатов сделали основными пунктами своих избирательных кампаний нашу позитивную программу и борьбу против импичмента, мы смогли бы получить большинство в Палате представителей. Многие из них не сделали этого потому, что не верили, что такая простая тактика может оказаться успешной на фоне массивной кампании, развязанной против меня в СМИ, и почти единодушного мнения экспертов, предрекавших, что действия Старра и Генри Хайда нанесут существенный ущерб демократам (а не республиканцам, как случилось в действительности).

В день после выборов я позвонил Ньюту Гингричу, с которым должен был обсудить ряд деловых вопросов. Когда речь зашла о прошедших выборах, он проявил великодушие, сказав, что как историк и «капитан команды»

противника хочет поздравить меня с успехом. Гингрич также сказал, что не верил в наш успех, который он назвал настоящим историческим достижением. Позже, в ноябре, Эрскин Боулз рассказал мне о совсем другой беседе, которая состоялась у него с Гингричем. Ньют заявил Эрскину, что республиканцы по-прежнему намерены настаивать на импичменте, несмотря на результаты выборов и тот факт, что многие умеренные республиканцы не собираются за него голосовать. Когда Эрскин спросил Ньюта, почему они продолжают настаивать именно на импичменте, а не на других мерах — порицании или выговоре, — спикер ответил: «Потому что мы можем его добиться».

Правые республиканцы, контролировавшие Палату представителей, полагали, что раз уж им пришлось заплатить за импичмент поражением на выборах, то с ним стоит поторопиться, пока не собрался новый состав Конгресса. Они считали, что импичмент уже не сможет повлиять на исход следующих выборов, потому что к тому времени избиратели, озабоченные другими проблемами, о нем забудут. Ньют и Том Делей были уверены, что смогут заставить большинство умеренных республиканцев поддержать их позицию, оказав на них давление. Для этого они собирались использовать ток-шоу, уличные демонстрации активистов, угрозы (отказа в выделении средств на избирательную кампанию, поддержки соперника на первичных республиканских выборах или смещения с руководящего поста) и, наконец, предложения новой должности или других благ.

После своего поражения на выборах правые конгрессмены-республиканцы в Палате представителей кипели от негодования. Многие из них вполне серьезно считали, что проиграли потому, что пошли на слишком большие уступки Белому дому в ходе двух последних переговоров по бюджету. На самом же деле, если бы их предвыборная программа содержала такие положения, как сбалансированный, бездефицитный бюджет 1997 и 1998 годов, программа медицинского страхования для детей и финансирование 100 тысяч дополнительных рабочих мест для школьных учителей, они бы смогли добиться успеха на выборах, так же как губернаторы-республиканцы. Но республиканцы были слишком озабочены идеологией и слишком раздражены и теперь хотели вернуть себе инициативу с помощью импичмента.

Я уже четыре раза сталкивался с правыми радикалами — на выборах 1994 года, которые они выиграли, во время остановки работы правительства из-за их отказа принять бюджет, на президентских выборах 1996 года и выборах в Конгресс в 1998 году, на которых мы одержали победу, — тем не менее я всегда старался конструктивно сотрудничать с Конгрессом, чтобы страна могла двигаться вперед. И теперь, несмотря на неприятие импичмента общественным мнением, несмотря на очевидные доказательства того, что никакие из моих проступков не могут служить законным для него основанием, они готовились к очередному идеологическому сражению. Нам ничего не оставалось, как занять оборону.

Через неделю после выборов об уходе с политической сцены объявили два видных вашингтонских политика. Разразился очередной кризис, связанный с Саддамом Хусейном. Ньют Гингрич удивил нас, сообщив, что покидает пост спикера и вообще Палату представителей. Очевидно, между конгрессменами-республиканцами возникли глубокие разногласия, к тому же его право на лидерство было поставлено под сомнение после поражения на недавних выборах, и он решил выйти из схватки. Несколько умеренных республиканцев дали понять, что с учетом результатов выборов шансов на импичмент нет. Решение спикера вызвало у меня смешанные чувства: он поддерживал большинство моих внешнеполитических инициатив, откровенно рассказывал о планах своей партии в беседах с глазу на глаз, а когда битва за бюджет была окончена и работа правительства приостановлена, повел себя гибко, продемонстрировав готовность поддерживать разумный компромисс, предлагаемый Белым домом. Теперь он подвергся нападкам с обеих сторон: умеренно-консервативные республиканцы были разочарованы тем, что на выборах 1998 года Гингрич не предложил позитивной программы и почти целый год ничего не предпринимал, ограничиваясь критикой в мой адрес; представители правого идеологического крыла республиканцев считали, что он слишком тесно сотрудничал с президентом, вместо того чтобы его «демонизировать». Неблагодарность правых, которые теперь задавали тон в республиканской фракции в Конгрессе, наверняка сильно подействовала на Гингрича: ведь они получили власть только благодаря его блестящей стратегии на выборах 1994 года и его предшествовавшей этому многолетней организаторской и пропагандистской работе.

Уход Ньюта широко освещался в прессе, но для моей семьи более важным стало решение уйти в отставку, принятое сенатором от Нью-Йорка Патом Мойнихеном. В тот вечер, когда Мойнихен объявил, что не будет выставлять свою кандидатуру на выборах, Хиллари позвонил наш друг Чарли Рэнджел, конгрессмен от Гарлема и влиятельный член Бюджетного комитета Палаты представителей, и предложил ей избираться в Сенат по округу Мойнихена. Хиллари, поблагодарив Чарли за это предложение, сказала, что никогда не думала о подобной возможности.

Тем не менее она не ответила решительным отказом, и я был рад этому. Я считал, что предложение Чарли — хорошая идея. После окончания моего второго президентского срока мы собирались переехать в Нью-Йорк, и я намеревался больше времени проводить в Арканзасе, занимаясь своей библиотекой*. Нью-йоркские избиратели гордились тем, что их представляли

---

* Уходящий в отставку американский президент по традиции открывает библиотеку, которая носит его имя. — *Прим. пер.*

влиятельные сенаторы — Мойнихен, Роберт Кеннеди, Джейкоб Дживитс, Роберт Вагнер и многие другие, которые воспринимались одновременно как представители и Нью-Йорка, и нации в целом. Я думал, что из Хиллари выйдет отличный сенатор и ей будет нравиться эта работа, но до выборов оставалось еще несколько месяцев.

Восьмого ноября я собрал свою команду по национальной безопасности в Кэмп-Дэвиде, чтобы обсудить положение в Ираке. За неделю до этого Саддам Хусейн вновь выслал из страны инспекторов ООН, и необходимость военного вмешательства казалась неизбежной. Совет Безопасности ООН единогласно принял резолюцию, в которой осудил «вопиющие нарушения» Ираком резолюций ООН. Билл Коуэн отправился на Ближний Восток, чтобы обеспечить поддержку наших авиаударов, Тони Блэр был также готов принять в этом участие.

Через несколько дней международное сообщество предприняло еще один важный шаг к стабилизации международной финансовой системы, выделив Бразилии пакет помощи размером в 42 миллиарда долларов, 5 миллиардов из которых составили средства американских налогоплательщиков. В отличие от помощи Таиланду, Южной Корее и России, на этот раз кредит был предоставлен еще до того, как Бразилия оказалась на грани дефолта, что соответствовало нашей новой политике, сутью которой было предотвращение новых кризисов, с тем чтобы не дать им распространиться на другие страны. Мы делали все от нас зависящее, чтобы убедить международных инвесторов в твердом намерении Бразилии следовать по пути реформ и в том, что у нее имеются достаточные средства для борьбы с финансовыми спекулянтами. На этот раз условия займа МВФ были менее жесткими и не требовали свертывания программ помощи малообеспеченным гражданам, а бразильские банки получали разрешение продолжать выдавать кредиты. Я не знал, сработают ли эти меры, но испытывал глубокое доверие к президенту Энрике Кардосо, а Соединенные Штаты как крупнейший торговый партнер Бразилии были кровно заинтересованы в успехе этой страны. Мы рисковали, однако это был риск, на который стоило пойти.

Четырнадцатого ноября я поручил Алу Гору представлять Соединенные Штаты на ежегодной встрече стран — участниц Организации азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) в Малайзии, что должно было стать первым пунктом назначения его давно запланированного визита в Азию. Сам я не мог отправиться в эту поездку, потому что Саддам продолжал выдвигать неприемлемые условия возвращения в Ирак инспекторов ООН. Мы, в свою очередь, готовились нанести авиаудары по объектам, которые, согласно данным нашей разведки, были связаны с программами Ирака по разработке и производству оружия, и по другим военным целям. Непосредственно перед нанесением этих ударов, когда самолеты уже поднялись в воздух, мы получили первое из трех писем, в которых Ирак дал ответ на наши требования. Через несколько часов Саддам окончательно сдался и выполнил все условия, поставленные нашими инспекторами, предоставил им доступ ко всем объектам, передал все необходимые документы и пообещал выполнять все резолюции ООН, касающиеся оружия

массового поражения. Я был настроен скептически, но решил дать ему еще один шанс.

Восемнадцатого ноября я вылетел в Токио и Сеул. Я хотел побывать в Японии, чтобы наладить рабочие отношения с Кейзо Обучи, новым премьер-министром этой страны, и попытаться повлиять на общественное мнение японцев с тем, чтобы они поддержали более решительные реформы, необходимые для вывода экономики страны из пятилетней стагнации. Мне нравился Обучи, и я считал, что он сможет решить непростые проблемы, имевшиеся в японской внутренней политике, и сохранить за собой пост премьера на несколько лет. Ему был интересен американский прагматический подход к политике. В 1960-х годах, еще молодым человеком, он побывал в Соединенных Штатах и сумел договориться о встрече с Робертом Кеннеди, в то время генеральным прокурором, который стал для него идеалом политика. После встречи мы с Обучи вышли на улицы Токио, где нас приветствовали школьники, державшие в руках японские и американские флаги. Я отвечал на вопросы, которые задавали мне местные жители. Эта встреча транслировалась по телевидению, и японцы, известные своей сдержанностью, удивили меня прямыми и нелицеприятными вопросами, касавшимися не только текущих проблем Японии. Например, они спросили меня, встречался ли я когда-нибудь с жертвами атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки; что можно сделать для того, чтобы японские отцы проводили больше времени со своими детьми, как, например, я с Челси; сколько раз в месяц я обедаю вместе со своей семьей; как я справляюсь со стрессами, связанными с выполнением мною президентских обязанностей; как я просил прощения у Хиллари и Челси.

В Сеуле я поддержал усилия президента Ким Дэ Чжуна по преодолению экономического кризиса, а также его стремление наладить отношения с Северной Кореей, поскольку так же, как и он, был твердо намерен не допустить распространения ракетного, ядерного или каких-то других видов оружия массового поражения. Мы оба были обеспокоены недавними испытательными запусками в Северной Корее ракет большой дальности. Я поручил Биллу Перри возглавить небольшую группу аналитиков, которая должна была проанализировать нашу политику в этом регионе и наметить план будущих действий, которые увеличили бы шансы на то, что Северная Корея откажется от продолжения своей программы вооружений, в том числе ракетных, и достигнет примирения с Южной Кореей, и одновременно свели бы до минимума риск в том случае, если она откажется это сделать.

В конце месяца мы с Мадлен Олбрайт провели в Государственном департаменте конференцию, посвященную проблемам экономического развития Палестины, в которой участвовали также Ясир Арафат, глава Всемирного банка Джим Вулфенсон, представители Европейского союза, ближневосточных и азиатских стран. Израильский кабинет министров и кнессет поддержали договоренности, достигнутые в Уай-Ривер, и настало время инвестиций в Газу и Западный берег реки Иордан, которые дали бы палестинцам возможность почувствовать преимущества мирной жизни.

Тем временем Генри Хайд и его коллеги продолжали придерживаться своей тактики, прислав мне восемьдесят один вопрос, на которые требовали ответить «да» или «нет», и опубликовав расшифровку двадцати двух часов телефонных разговоров Трипп с Левински. То, что Трипп продолжала записывать эти разговоры без разрешения Левински, после того как юристы предупредили ее, что такие действия являются противозаконными и не должны повторяться, в штате Мэриленд считалось уголовным преступлением. Против Трипп было выдвинуто обвинение, но судья, который вел процесс, не разрешил прокурору вызвать в качестве свидетеля Левински, чтобы доказать, что записанные беседы действительно имели место. Он мотивировал это тем, что защита от судебного преследования, предоставленная Трипп Старром в обмен на ее показания о незаконном вторжении в частную жизнь Левински, запрещала Левински давать показания против Трипп. Старр в очередной раз позволил избежать заслуженного наказания сотрудничавшему с ним нарушителю закона, продолжая преследовать ни в чем не повинных людей, отказавшихся лгать ему в угоду.

В то же самое время Старр в третий раз выдвинул обвинение против Уэбба Хаббела, утверждая, что тот ввел в заблуждение федеральные власти относительно услуг, которые он и юридическая фирма Rose оказывали еще одной разорившейся финансовой компании. Это стало последней отчаянной попыткой Старра сломить Хаббела и заставить его дать показания против меня или Хиллари.

Девятнадцатого ноября Кеннет Старр предстал перед Комитетом по юридическим вопросам Палаты представителей. И в докладе, и в комментариях к нему он вышел далеко за пределы своих полномочий, состоявших в том, чтобы сообщить Конгрессу об обнаруженных им фактах. Доклад Старра уже критиковали за то, что в нем отсутствовало одно очень важное для меня положение — заявление Моника Левински о том, что я никогда не просил ее лгать.

В заявлении Старра содержались три удивительные вещи. Во-первых, он сказал, что не обнаружил никаких доказательств предосудительных действий с моей стороны или со стороны Хиллари в ходе расследования возможных финансовых нарушений, допущенных отделом командировок Белого дома, как не обнаружил и нарушений при обращении с досье ФБР. Конгрессмен Барни Фрэнк из Массачусетса спросил его, когда он пришел к такому заключению. «Несколько месяцев назад», — ответил Старр. Тогда Фрэнк поинтересовался, почему он не снял с меня эти обвинения еще до выборов и не включил это заключение в свой доклад, «в котором было много негативной информации о президенте». Ответ Старра был уклончивым и невразумительным.

Во-вторых, Старр признал, что беседовал с журналистами о расследовании, что было нарушением правила о неразглашении показаний большому жюри. Наконец, он отрицал под присягой, что его сотрудники пытались заставить Моника Левински носить скрытый диктофон, чтобы записывать разговоры с Верноном Джорданом, мною или другими людьми. Когда ему предъявили отчет агентов ФБР, из которого следовало, что в действительности такие попытки имели место, он снова ответил уклончиво. Газета

Washington Post писала, что «попытки Старра отрицать это были опровергнуты его собственными отчетами ФБР».

Тот факт, что Старру пришлось признаться в разглашении показаний большому жюри, и то, что он дал ложные показания под присягой, ничуть не умерило ни его собственного пыла, ни активности республиканцев в Комитете по юридическим вопросам. Они считали, что «хозяева поля» могут играть по собственным правилам.

На следующий день Сэм Дэш ушел в отставку с поста советника Старра по этическим вопросам, заявив, что Старр, позволив себе сделать замечания на слушаниях в Конгрессе, тем самым «незаконно» вмешался в процесс импичмента. Как любила говорить моя мать, Дэш «опоздал на целый день»: Старра уже давно не беспокоила законность его действий.

Сразу после Дня благодарения конгрессмены-республиканцы, вернувшись в Вашингтон, избрали новым спикером Палаты представителей Боба Ливингстона из штата Луизиана, который до этого был председателем Комитета по ассигнованиям. Он должен был занять этот пост в январе, в начале новой сессии Конгресса. К тому времени большинство людей уже считало, что попытка подвергнуть меня импичменту сорвалась. Против импичмента выступили несколько умеренных республиканцев, заявив, что выборы ясно показали: большинство американцев предпочли бы, чтобы Конгресс, вынеся мне выговор или порицание, занялся своим основным делом — законотворчеством.

В середине месяца я удовлетворил требование Полы Джонс, заплатив ей значительную сумму, однако не принес извинений. Я не стал этого делать, потому что с точки зрения закона одержал убедительную победу в этом политически мотивированном судебном разбирательстве. Юристы Джонс подали апелляцию в Апелляционный суд Восьмого округа, но исход дела был совершенно очевиден: если Апелляционный суд был намерен выполнять свои собственные решения, я должен был выиграть и на этот раз. К несчастью, комиссию из трех судей, которая должна была разбирать это дело, возглавлял Паско Боуман — тот самый ультраконсерватор, который сместил судью Генри Вудса, рассматривавшего один из исков по делу «Уайтуотер», на основе сфальсифицированного газетного материала, опубликованного после того, как Вудс вынес решение, не понравившееся Старру. Паско Боуман, как и судья Дэвид Сентелл в Вашингтоне, ясно показал, что готов делать исключения и нарушать закон в случае, если дело имеет отношение к «Уайтуотер».

В какие-то моменты я почти желал проиграть апелляцию, чтобы предстать перед судом и предъявить ему все свидетельства — тогда бы люди наконец поняли, чего в действительности хотели мои противники. Но я пообещал американскому народу, что в следующие два года буду работать для него, поэтому не имел права тратить на дело Джонс даже пяти минут. На выплату по этому иску у нас ушла примерно половина всех наших сбережений, и мы уже залезли в долги, поскольку нужно было еще оплачивать услуги адвокатов, но я знал, что, если буду здоров, то после истечения моего второго президентского срока сумею заработать достаточно денег

для своей семьи и оплаты всех счетов. Поэтому я согласился возместить моральный ущерб по делу, которое уже практически выиграл, и вернулся к работе.

Моя решимость раз и навсегда покончить с делом Джонс впоследствии была подвергнута еще одному тяжелому испытанию. В апреле 1999 года судья Райт приняла решение оштрафовать меня за невыполнение приказов суда предоставить необходимые документы и потребовала от меня оплаты своих транспортных расходов и расходов адвокатов Джонс на сбор доказательств по делу. Я был абсолютно не согласен с этим решением Райт, но не мог его оспорить, не вдаваясь в детальное рассмотрение всех фактов, чего я стремился избежать, чтобы не отрываться от работы. Меня глубоко возмутила необходимость оплачивать услуги адвокатов Джонс: они работали недобросовестно и вступили в сговор со Старром, а также много раз намеренно допускали утечки информации, причем не разу не понесли за это наказания.

Второго декабря Майк Эспи был оправдан по всем пунктам обвинения, выдвинутого против него независимым прокурором Доналдом Шмальцом. В деле Эспи Шмальц использовал тактику Старра: потратил на него более 17 миллионов долларов и предъявил обвинения всем, кому только мог, чтобы заставить этих людей дать показания против Майка. Однако твердая позиция жюри сделала Шмальца и Старра единственными в истории независимыми прокурорами, которые проиграли дело в суде присяжных.

Через несколько дней мы с Хиллари вылетели в Нашвилл, чтобы присутствовать на панихиде по отцу Ала Гора, сенатору Альберту Гору-старшему, умершему в возрасте девяноста лет в своем доме в Картедже, штат Теннесси. Зал, в котором проходила панихида, был заполнен людьми самого разного возраста и социального положения, пришедшими отдать последнюю дань человеку, который, будучи сенатором, способствовал созданию системы скоростных автострад, в 1956 году отказался подписать так называемый «Южный манифест» сторонников расовой сегрегации и мужественно боролся против войны во Вьетнаме. Я восхищался сенатором Гором еще со времен моей молодости и с радостью использовал возможность общения с ним, которую мне предоставила совместная работа с Алом Гором. Сенатор и миссис Гор активно помогали нам с Алом на выборах 1992 года, и я получал огромное удовольствие, слушая зажигательные речи Гора-старшего, выдержанные в старых добрых традициях.

Большое впечатление на присутствующих произвела музыка, звучавшая на церемонии, особенно запись 1938 года, где сенатор Гор, тогда еще молодой подающий надежды политик, играл на скрипке в Констительюшн-холл. В прощальной речи Ал произнес исполненные любви слова в адрес своего отца, прекрасного человека и выдающегося государственного деятеля. После панихиды я сказал Хиллари, что хотел бы, чтобы эту речь услышали все американцы.

В середине месяца, как раз в то время, когда я собирался поехать в Израиль и Газу, чтобы выполнить наши обязательства по соглашению в Уай-Ривер, Комитет по юридическим вопросам Палаты представителей в строгом

соответствии с партийной принадлежностью его участников проголосовал за то, чтобы подвергнуть меня импичменту за лжесвидетельство под присягой, за показания, вводящие в заблуждение большое жюри, и за препятствование правосудию. Они предъявили мне и четвертое обвинение — в том, что я солгал, отвечая на их вопросы. Это была в высшей степени странная процедура. Председатель Хайд отказался назвать нарушения, которые могли бы служить основанием для импичмента, или вызвать кого-то из свидетелей, имевших непосредственное отношение к рассматриваемому делу. Голосование по импичменту в действительности стало голосованием за то, чтобы отослать отчет Старра в Сенат, который и должен будет решить, соответствуют ли действительности изложенные в нем факты и могут ли они служить основанием для моей отставки.

Прокурорская комиссия, в которую вошли представители от обеих партий, заявила комитету, что ни один нормальный прокурор не обвинил бы меня в лжесвидетельстве на основании доказательств, приведенных в этом отчете, а группа выдающихся историков, включавшая Артура Шлесинджера из Городского университета Нью-Йорка, С. Ванна Вудварда из Йельского университета и Шона Уиленса из Принстона, пришла к выводу, что инкриминируемые мне действия не соответствовали давно принятому определению нарушений, способных повлечь за собой импичмент, то есть не были «серьезными преступлениями или правонарушениями», совершенными при исполнении президентских обязанностей. Данная позиция была изложена в открытом письме Конгрессу, которое подписали четыреста историков. Например, во время расследования дела «Уотергейт» Комитет по юридическим вопросам Палаты представителей проголосовал против вынесения импичмента президенту Никсону в связи с обвинением в уклонении от уплаты подоходного налога, потому что такой проступок не имел ничего общего с выполнением должностных обязанностей. Но все это абсолютно не интересовало ни Хайда, ни его столь же враждебно настроенного советника Дэвида Шипперса, ни правых республиканцев, контролировавших Палату представителей.

Сразу после выборов Том Делей и его аппарат начали агитировать правый электорат добиваться моего импичмента. Этим активно занимались ведущие ток-шоу на радио, и избиратели все чаще встречали на улицах антиклинтоновских активистов. Мои противники были убеждены, что смогут вынудить умеренных конгрессменов поддержать импичмент, заставив их забыть об отрицательном отношении к нему общества и напугав местью со стороны людей, ненавидящих Клинтона.

В контексте данной стратегии голосование комитета Хайда против вынесения мне порицания имело такое же значение, как и его голосование за начало процедуры импичмента. За порицание выступало 75 процентов американцев: если бы вопрос о его вынесении был поставлен на голосование в Палате представителей, его бы поддержали умеренные республиканцы, и голосование по импичменту было бы похоронено. Хайд заявил, что Конгресс не имеет права выносить порицание президенту: либо импичмент, либо ничего. В действительности Конгресс уже выносил порицание прези-

дентам Эндрю Джексону и Джеймсу Полку. Комитет в конце концов проголосовал против резолюции о вынесении порицания, причем голоса вновь разделились в строгом соответствии с партийной принадлежностью. Палата представителей, таким образом, была лишена возможности проголосовать за то наказание, которое предпочитало большинство американцев. Теперь весь вопрос заключался в том, скольких умеренных республиканцев удастся «убедить» сторонникам импичмента.

После голосования в комитете мы с Хиллари вылетели на Ближний Восток. Мы встретились с премьер-министром Нетаньяху и поужинали с ним, зажгли свечи в честь Хануки и посетили могилу Рабина вместе с его близкими. На следующий день Мадлен Олбрайт, Сэнди Бергер, Деннис Росс, Хиллари и я на вертолете вылетели в густонаселенную Газу, чтобы перерезать ленточку на церемонии открытия нового аэропорта. Мы пообедали с Арафатом в отеле, из окон которого открывался прекрасный вид на длинную полосу средиземноморского пляжа Газы. Потом я выступил с речью перед Национальным советом Палестины, выполнив обещание, данное в Уай-Ривер. Как раз перед тем, как я встал, чтобы начать свое выступление, почти все делегаты подняли руки за то, чтобы исключить из Палестинской хартии призыв к уничтожению Израиля. Ради одного этого стоило совершить поездку. Казалось, мы услышали вздох облегчения в Израиле; хотелось верить в то, что израильтяне и палестинцы смогут мирно жить на одной земле и у них будет общее будущее. Я поблагодарил делегатов, выразив надежду на то, что их народ увидит реальные преимущества мирной жизни, и попросил их продолжать мирный процесс.

Этот призыв не был излишним. Менее чем через два месяца после триумфа в Уай-Ривер переговоры снова зашли в тупик. Несмотря на то что кабинет Нетаньяху одобрил соглашение, правящая коалиция его не поддержала, что практически лишило израильского премьера возможности осуществить вывод войск с передаваемых палестинцам территорий и освободить заключенных, как предусматривалось этим документом, а также перейти к более трудной заключительной стадии переговоров, на которой должен был решиться вопрос о создании палестинского государства и превращении восточной части Иерусалима в его столицу. Изменение, внесенное в Палестинскую хартию, за которое палестинцы проголосовали в предыдущий день, помогло Нетаньяху успокоить израильских граждан, однако собственную правящую коалицию убедить оказалось значительно труднее. Складывалось впечатление, что ему нужно или создавать более широкую коалицию «национального единства», или проводить досрочные выборы.

На следующее утро после моего выступления перед палестинцами я встретился с Нетаньяху и Арафатом в пограничном пункте Ерез, чтобы придать новый импульс реализации соглашений, достигнутых в Уай-Ривер, и обсудить возможности перехода к окончательному обсуждению вопроса статуса Палестины. Потом Арафат пригласил нас с Хиллари посетить Вифлеем. Он был горд тем, что под его попечением находится священное для христиан

место, и знал, что нам будет очень приятно посетить его именно перед Рождеством.

Расставшись с Арафатом, мы вместе с премьер-министром Нетаньяху отправились в Масаду. Я был поражен тем, как много было сделано для восстановления этой крепости, в которой еврейские мученики сражались и шли на смерть за свои убеждения, с тех пор, как мы с Хиллари впервые побывали в ней в 1981 году. Биби показался нам задумчивым и подавленным. Он пошел на большой политический риск в Уай-Ривер, и теперь его будущее находилось под вопросом. Трудно было сказать, к чему приведет этот риск — к длительному миру для Израиля или к отставке его правительства.

Мы попрощались с премьер-министром и вылетели домой, чтобы заняться урегулированием очередного конфликта. Шестью днями ранее, через день после возобновления инспекций ООН в Ираке, нескольким инспекторам было отказано в доступе в штаб-квартиру политической партии Саддама «Баас». В тот день, когда мы вернулись в Вашингтон, главный инспектор ООН Ричард Батлер доложил Кофи Аннана о том, что Ирак нарушает свое обещание сотрудничать с ним и даже создает новые препятствия для работы инспекторов.

На следующий день Соединенные Штаты и Великобритания нанесли по объектам, предположительно связанным с производством или хранением химического или биологического оружия, ядерным лабораториям и другим военным целям в Ираке, представляющим угрозу для его соседей, серию ударов, используя для этого бомбардировщики и крылатые ракеты. В тот вечер в своем обращении к американскому народу я отметил, что Саддам ранее уже использовал химическое оружие против иранцев и курдов в северном Ираке и ракеты «Скад» против соседних стран. Я сказал, что четыре недели назад отменил решение о бомбардировке Ирака, потому что Саддам обещал выполнить все требования инспекторов ООН, однако вместо этого начал им угрожать. Следовательно, «Ирак не использовал свой последний шанс».

В то время, когда наносились удары, наша разведка сообщила, что Ирак скрыл от инспекторов ООН значительное количество биологических и химических материалов, оставшихся у него после войны в Заливе, а также некоторое число ракетных боеголовок и несколько лабораторий, в которых велись работы по созданию ядерного оружия. Наши военные эксперты считали, что ядерное оружие приобрело для Саддама еще более важное значение потому, что уровень его обычных вооружений после войны в Заливе существенно сократился.

Наша команда, занимающаяся проблемами национальной безопасности, была единодушна во мнении, что удар по Саддаму следовало наносить сразу после получения доклада Батлера, чтобы минимизировать возможность того, что Ирак рассредоточит свои военные силы и спрячет запасы биологического и химического оружия. С этим согласились также Тони Блэр и его советники. Англо-американская военная операция продолжалась четыре дня. Самолеты совершили 650 боевых вылетов, в ходе которых было

выпущено 400 крылатых ракет. Все удары наносились с большой точностью, чтобы свести к минимуму потери среди мирного населения. Когда операция завершилась, у нас не было возможности определить, сколько именно военных материалов и снаряжения было уничтожено, однако не вызывало сомнения, что возможности Ирака производить и развертывать оружие массового поражения существенно сократились.

Хотя республиканцы и считали Саддама дьяволом во плоти, некоторые из них прямо-таки кипели от возмущения из-за наших ударов по Ираку. Часть республиканцев, включая сенатора Лотта и конгрессмена Дика Арми, была недовольна выбором времени для нанесения ударов, утверждая, что я отдал этот приказ для того, чтобы отложить голосование по импичменту в Палате представителей. На следующий день после того как некоторые сенаторы-республиканцы поддержали нашу операцию в Ираке, Лотт немного поостыл, однако Арми так и не успокоился. Вместе с Делеем и другими своими сторонниками он старался оказать давление на своих более умеренных коллег и торопился провести голосование по импичменту до того, как те вновь обретут способность к самостоятельным оценкам.

Девятнадцатого декабря, незадолго до голосования по импичменту в Палате представителей, кандидат в спикеры Боб Ливингстон объявил об отставке в связи с публичной оглаской его личных проблем. Позже я узнал, что к нему явились семнадцать республиканцев-консерваторов и сказали, что он должен уйти — не из-за того, что он сделал, а потому, что его проблемы могли стать препятствием для объявления мне импичмента.

Всего через шесть недель после того как американский народ ясно продемонстрировал свое негативное отношение к этой процедуре, Палата проголосовала за два из четырех пунктов импичмента, одобренных комитетом Хайда. За первый пункт, о ложных показаниях перед большим жури, было подано 228 голосов, против проголосовали 206 человек, в том числе пять республиканцев. Второй пункт, содержащий обвинения в препятствовании правосудию, подстрекательству к лжесвидетельству и сокрытии информации о полученных мною подарках, был принят 221 голосом против 212, и среди проголосовавших против него было двенадцать республиканцев. Эти два обвинения имели слабые места, поскольку первое было основано на расхождениях между описанием подробностей моих отношений с Моникой Левински, приведенном в отчете Старра, и моими показаниями большому жури, а во втором игнорировались показания Левински о том, что я не просил ее лгать, — этот факт подтвердили и все остальные свидетели. Видимо, республиканцы доверяли только тем ее показаниям, которые расходились с моими.

Вскоре после выборов Том Делей и К° принялись обрабатывать умеренных республиканцев. Они получили еще несколько голосов, лишив умеренных конгрессменов возможности проголосовать за порицание, а потом заявив им, что, раз уж они хотят как-то меня наказать, то могут спокойно голосовать за импичмент, поскольку республиканцам все равно не удастся собрать необходимые для моей отставки две трети голосов в Сенате. Через

несколько дней после голосования в Палате представителей четверо умеренных конгрессменов-республиканцев — Майк Касл от штата Делавэр, Джеймс Гринвуд от Пенсильвании и Бен Гилман и Шервуд Болерт от Нью-Йорка — отправили в *New York Times* письмо, в котором заявили, что их голосование за импичмент вовсе не означает, что, по их мнению, меня нужно отправить в отставку.

Я, конечно, не знаю всего о том, какие «кнуты» и «пряники» использовались для давления на умеренных конгрессменов, однако некоторые подробности мне известны. Некий республиканец, возглавлявший один из комитетов Палаты, сказал советнику Белого дома, что лично он против импичмента, однако вынужден голосовать за него, иначе лишится своего поста. При этом он выглядел явно растерянным и подавленным. Джей Дики, республиканец из Арканзаса, сообщил Маку Макларти, что может потерять место в Комитете по ассигнованиям, если не проголосует за импичмент. Я был очень расстроен тем, что Джек Куин, республиканец из Буффало, штат Нью-Йорк, бывший частым гостем в Белом доме и в разговорах с несколькими людьми, и со мною в том числе, возражавший против импичмента, вдруг развернулся на сто восемьдесят градусов и объявил, что поддержит три пункта обвинения. В 1996 году в его избирательном округе за меня проголосовало подавляющее большинство, но, похоже, крикливое меньшинство избирателей Куина сумело задать ему перца. Майк Форбс, республиканец из Лонг-Айленда, поддерживавший меня в битвах, развернувшихся вокруг импичмента, изменил свою позицию после того, как ему предложили руководящую должность в команде нового спикера Ливингстона. Правда, когда Ливингстон подал в отставку, об этом предложении никто не вспомнил.

Среди голосовавших за импичмент было и пять демократов. Четверо из них представляли консервативные избирательные округа, а пятый, по его собственным словам желавший проголосовать за вынесение мне порицания, поверил доводам о том, что голосование за импичмент — единственный способ осудить мое поведение. Среди республиканцев, голосовавших против импичмента, были Амо Хоктон из Нью-Йорка и Крис Шейс из Коннектикута — два наиболее прогрессивных и независимых республиканца в Палате представителей; Конни Морелла из Мэриленда, также представительница прогрессивной части республиканцев, чей округ дружно проголосовал за меня в 1996 году, а также два консерватора: Марк Саудер из Индианы и Питер Кинг из Нью-Йорка, отказавшиеся поддержать действия своего партийного руководства, которое решило превратить голосование по важному конституционному вопросу в проверку партийной лояльности.

Питер Кинг, вместе с которым я работал по проблемам Северной Ирландии, в течение нескольких недель подвергался огромному давлению, включая угрозы сделать его «политическим трупом», если он не проголосует за импичмент. В нескольких телевизионных интервью Кинг привел своим коллегам-республиканцам простой и убедительный аргумент: «Я голосую против импичмента потому, что, если бы президент Клинтон был республиканцем, а не демократом, вы тоже голосовали бы против». Республиканцы, выступавшие в тех же телевизионных программах, не нашли, что на это

ответить. Правые были уверены, что любого человека можно купить или сломать, и для этой их уверенности имелись некоторые основания, однако у Питера Кинга была ирландская душа: он любил поэзию Йейтса, не боялся сражаться за дело, казавшееся безнадежным, и не продавался.

Сторонники импичмента, по слухам, собирались для молитвы в офисе Делея, чтобы просить Господа поддержать их священную миссию, однако их подлинным мотивом были не соображения морали или уважение к законам, а борьба за власть. Ньют Гингрич выразил это одной короткой фразой: они делали это потому, «что имели возможность это делать». Основаниями для объявления мне импичмента явились вовсе не мои проступки: республиканцы и сами были не без греха, и информация об этом стала появляться без помощи подтасованных судебных дел и расследований независимых прокуроров. Дело также было не в том, лгал я или нет во время судебных слушаний: Ньют Гингрич, уличенный Комитетом по этике Палаты представителей во лжи на слушаниях о противозаконных акциях Комитета политических действий своей партии, отделался порицанием и штрафом, причем это решение приняли люди, только что проголосовавшие за мой импичмент. Кэтлин Уилли, которую Старр обеспечил защитой от судебного преследования в обмен на нужные ему показания, солгала, и ей вновь была предоставлена защита. Сюзан Макдугал отказалась лгать — и ей было предъявлено обвинение. Когда ее примеру последовали Херби Бранскан и Роб Хилл, Старр выдвинул обвинения и против них. После того как отказался солгать Уэбб Хаббел, он трижды возбуждал иск против него, а потом и против его жены, адвоката и бухгалтера, — правда, впоследствии обвинения с этих троих ни в чем не повинных людей были сняты. Когда показания, которые дал против меня Дэвид Хейл, были опровергнуты, Старр позволял Хейлу менять их до тех пор, пока тот не предложил наконец такую версию, опровергнуть которую было просто невозможно. Бывший партнер Джима Макдугала и мой старый друг Стив Смит был готов пройти проверку на детекторе лжи, лишь бы доказать, что люди Старра заранее отпечатали заявление, которое пытались заставить его зачитать перед большим жури, даже несмотря на его неоднократные утверждения о том, что это заявление было ложью. Наконец, сам Старр, давая показания под присягой, ни слова не сказал о том, что пытался заставить Монику Левински тайно записывать на диктофон свои разговоры с другими людьми.

Голосование в Палате представителей, кроме того, абсолютно не соответствовало исторически сложившемуся представлению о том, какие проступки и преступления могут служить причиной импичмента. Если бы в моем случае были использованы стандарты, по которым расследовалось дело «Уотергейт», ни о каком импичменте речь вообще бы не зашла.

Причиной всего этого была власть, к которой стремились лидеры республиканцев в Палате представителей и ради которой они готовы были использовать любые методы. Кроме того, они хотели утвердить законопроекты, которые были неприемлемы для меня и которые я блокировал. У меня не было сомнений, что многие простые избиратели искренне верили, что

республиканцы руководствовались соображениями морали и законности, и ни минуты не сомневались в том, что я был глубоко аморальным человеком, поэтому не имело никакого значения, соответствуют или нет выдвинутые против меня обвинения определению достаточных для импичмента оснований, приведенному в Конституции. Но эта позиция противоречила важнейшему условию соблюдения законности: все должны подчиняться одним и тем же правилам. Как сказал однажды Теодор Рузвельт, «никто не может быть выше закона, но никто не может быть и ниже закона».

В межпартийных войнах, бушевавших с середины 1960-х годов, ни одна из сторон не вела себя безукоризненно. Я считал, что демократы также были неправы, когда занялись обсуждением вкусов судьи Борка в области киноискусства или пристрастия к употреблению алкоголя сенатора Джона Тауэра. Но если говорить об умении унижить и уничтожить оппонента как личность ради достижения своих политических целей, то в этом новым правым республиканцам просто не было равных. Можно признать, что и моя собственная партия порой не очень умело использовала власть, но я гордился тем, что существуют вещи, которых демократы никогда не станут делать, даже если у них будет соответствующая возможность.

Незадолго до голосования в Палате представителей *Boston Globe* опубликовала статью Роберта Хили, в которой рассказывалось о встрече спикера Типа О'Нила и президента Рейгана, произошедшей в конце 1986 года. Это случилось в самый разгар скандала вокруг дела «Иран-контрас», когда два советника Белого дома, Джон Пойндекстер и Оливер Норт, нарушив закон, дали ложные показания в Конгрессе. О'Нил не стал спрашивать президента, знал ли он о нарушениях закона и приказывал ли его нарушать. (Позже двухпартийная комиссия под руководством сенатора-республиканца Джона Тауэра установила, что Рейган об этом знал.) По словам Хили, О'Нил сказал президенту, что не позволит начать процедуру импичмента, поскольку уже пережил «Уотергейт» и не станет еще раз подвергать страну подобному испытанию.

Наверное, Тип О'Нил был большим патриотом, чем Гингрич и Делей, но он явно уступал им и их союзникам в умении концентрировать власть и использовать ее в борьбе со своими противниками. Гингрич и Делей считали, что в кратковременной перспективе сила и правота — одно и то же, и их не заботили мысли о том, что предстояло пережить стране. Их в действительности не заботило даже и то, что Сенат не проголосует за мою отставку: они надеялись, что если будут достаточно долго нападать на меня, то пресса и общество, в конце концов, возложат на меня вину не только за мои собственные прегрешения, но и за неприглядное поведение моих противников. Они очень хотели так заклеить меня, чтобы в течение всей моей жизни и даже после нее тот факт, что меня собирались подвергнуть импичменту, помнился гораздо лучше, чем связанные с ним обстоятельства, и чтобы все забыли о том, каким лицемерным фарсом была эта затея, ставшая кульминацией бесчестных усилий Кеннета Старра и его команды.

Вскоре после голосования Дик Гепхардт привел в Белый дом большую группу конгрессменов-демократов, защищавших меня в Палате представи-

телей, чтобы я смог их поблагодарить и мы тем самым продемонстрировали бы наше единство в преддверии грядущей битвы. Ал Гор дал высокую оценку моим достижениям на посту президента, а Дик пылко и эмоционально призвал республиканцев отказаться от политики нападок и заняться делами страны. Позже Хиллари сказала мне, что атмосфера была такой, словно мы одержали победу. В некотором смысле это и была победа. Демократы продемонстрировали готовность защитить не только меня, но и, что гораздо важнее, Конституцию.

Мне, конечно, не хотелось подвергнуться импичменту, но меня утешала мысль о том, что в тот единственный раз за всю историю США, когда это произошло (в конце 1860-х с Эндрю Джонсоном), причиной также были не «тяжкие преступления или правонарушения»: отставка Джонсона стала результатом политически мотивированных действий зарвавшегося партийного большинства в Конгрессе.

Хиллари еще больше, чем я, была расстроена тем, что ход слушаний в Палате представителей определялся межпартийной борьбой. Во времена «Уотергейта», будучи еще молодым юристом, она работала в аппарате Джона Доара, возглавлявшего Комитет по юридическим вопросам Палаты. Тогда представители обеих партий проводили серьезное и беспристрастное расследование официальных действий президента с целью обнаружения в них состава преступления.

Я с самого начала знал, что лучше всего для меня продолжать выполнять свою работу, предоставив заниматься моей защитой другим людям. Именно такая тактика позволила бы мне одержать окончательную победу в схватке с крайне правыми, и именно это я пытался делать во время слушаний в Палате представителей и Сенате. Впоследствии многие люди говорили мне, что считали такое поведение наиболее правильным.

Избранная мною тактика сработала даже лучше, чем я ожидал. Публикация доклада Старра и решимость республиканцев добиваться импичмента существенно повлияли на освещение событий в средствах массовой информации. Как я уже говорил, мнение прессы по этому вопросу никогда не было единым. Теперь же даже те журналисты, которые раньше были готовы во всем верить Старру, стали указывать на причастность к интриге правых группировок, на нарушение закона со стороны отдела независимого прокурора и на беспрецедентный характер действий республиканцев. Телевизионные ток-шоу также продемонстрировали большую объективность, когда такие ведущие, как Грета ван Састерен и Сюзан Эстрич, а также их гости, в частности юристы Лэнни Дейвис, Алан Дершовиц, Джулиан Эпстайн и Винсент Буглиози, позаботились о том, чтобы были услышаны обе стороны конфликта. Большую помощь оказали и члены Конгресса: сенатор Том Харкин, члены Комитета по юридическим вопросам Палаты представителей Шейла Джексон Ли и Билл Делахант — последний в прошлом сам был прокурором. Профессора Касс Санстайн из Чикагского университета и Сюзан Блок из Джорджтаунского университета опубликовали письмо о несоответствии процесса импичмента Конституции, под которым поставили свои подписи четыреста ученых-юристов.

К началу 1999 года уровень безработицы снизился до 4,3 процента, а цены на фондовом рынке поднялись до рекордных отметок. Во время визита в Старое здание Исполнительного управления президента Хиллари, отправившаяся туда, чтобы поздравить с Рождеством сотрудников администрации, повредила спину, но, перестав по совету своего доктора ходить по скользкому мраморному полу в туфлях на высоких каблуках, вскоре почувствовала себя лучше. Мы с Челси нарядили елку и, как всегда перед Рождеством, отправились покупать подарки.

Для меня в тот год лучшим рождественским подарком были добрые пожелания и слова поддержки, которые я получил от простых американцев. Тринадцатилетняя девочка из Кентукки написала мне, что даже несмотря на допущенную ошибку я не должен уходить в отставку, потому что мои противники «ведут себя низко». Восьмидесятишестилетний белый мужчина из Нью-Брунсвика, штат Нью-Джерси, сказав своим близким, что едет на целый день в Атлантик-Сити, сам вместо этого отправился в Вашингтон. Там он взял такси и поехал домой к Джесси Джексону. Открывшей ему дверь теще Джесси он сказал, что явился к преподобному отцу потому, что тот был единственным из известных ему людей, имевшим доступ к президенту. Он попросил передать мне следующее: «Скажите президенту, чтобы он не уходил. Я еще помню, как республиканцы пытались уничтожить Элла Смита [кандидата в президенты от демократов на выборах 1928 года], потому что тот был католиком. Мы не должны им поддаваться». Потом он снова сел в такси, отправился на вокзал Юнион-стейшн и ближайшим поездом вернулся домой. Я позвонил ему, чтобы сказать спасибо, после чего вместе со своей семьей отправился на «Ренессансный уикенд» встречать Новый год.

Седьмого января верховный судья Уильям Ренквист официально открыл судебные слушания по импичменту в Сенате, и Кен Старр предъявил обвинение Джули Хайет Стил — республиканке, которая отказалась солгать, чтобы подтвердить показания Кэтлин Уилли.

Спустя неделю на слушания были вызваны руководители процесса импичмента в Палате представителей, которые в течение трех дней излагали свои аргументы Сенату. Теперь они настаивали на вызове свидетелей — то есть требовали сделать то, чего не делали на своих собственных слушаниях в Палате представителей, куда был вызван только Кен Старр. Аса Хатчинсон из штата Арканзас, который в качестве прокурора США в 1980-х годах участвовал в судебном процессе над моим братом, обвиненным в торговле наркотиками, попросил Сенат позволить им вызывать свидетелей, потому что, если бы он был прокурором и перед ним стояла задача доказать мою виновность в попытке препятствовать правосудию, то он не смог бы этого сделать на основании неубедительных доказательств, представленных Палатой представителей Сенату! Еще один руководитель процесса импичмента от Палаты представителей заявил, что у Сената нет права судить о том, соответствуют ли вменяемые мне нарушения основаниям для импичмента, определенным Конституцией. Он утверждал, что это уже было сделано Палатой представителей и теперь Сенат должен согласиться с этим решением, несмотря на то что комитет Хайда отказался дать четкое определение критериев, по которым те или иные поступки можно было считать основаниями для импичмента.

В своем заключительном выступлении перед Сенатом Генри Хайд предложил собственную интерпретацию оснований для «импичмента», определенных Конституцией, сказав, что попытка скрыть свое недостойное поведение в частной жизни является более веским основанием для смещения с поста президента, чем введение страны в заблуждение по важным государственным вопросам. Моя мать учила меня видеть хорошее в любом человеке. Глядя на разъяренного мистера Хайда, я пытался отыскать в нем черты доброго доктора Джекила*, но мне это не удавалось.

Девятнадцатого января мои адвокаты приступили к моей защите. На ответы обвинению также было отведено три дня. Первым выступил Чак Рафф, советник Белого дома, в прошлом федеральный прокурор. В течение двух с половиной часов он доказывал, что обвинения против меня были

---

* Доктор Джекил и мистер Хайд в фантастической повести Р.Л. Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» — две ипостаси главного героя. Доктор Джекил превращается в мистера Хайда — личность, воплощающую его худшие, низменные черты, — с помощью особого порошка. — *Прим. ред.*

необоснованными и что даже если бы они и были обоснованы, совершенные мною проступки ни в коей мере не соответствовали основаниям для импичмента, определенным Конституцией, не говоря уже об отрешении от должности. Рафф был человеком с мягкими манерами; большую часть своей жизни он был прикован к инвалидному креслу. Кроме того, он был блестящим адвокатом, и его неприятно поразили действия руководителей процесса импичмента в Палате представителей. Он не оставил камня на камне от доказательств обвинения и напомнил Сенату, что двухпартийная прокурорская комиссия уже высказалась в том смысле, что ни один ответственный прокурор не предъявит обвинения в лжесвидетельстве на основании подобных доказательств.

Думаю, самым удачным моментом в выступлении Раффа был тот, когда он уличил Асу Хатчинсона в искажении фактов. Хатчинсон заявил Сенату, что Вернон Джордан начал помогать Монике Левински в поисках работы только после того, как узнал, что ее привлекают в качестве свидетеля по делу Джонс. Однако факты свидетельствовали, что Вернон сделал это за несколько недель до того, как узнал (или мог узнать) об этом, и что в тот момент, когда судья Райт вынесла решение о привлечении Левински в качестве свидетеля (которое она позже отменила), Вернон находился на борту самолета, летевшего в Европу. Я не знаю, почему именно Аса решил ввести Сенат в заблуждение: то ли он рассчитывал, что сенаторы не узнают об этом, то ли полагал, что их, как и руководителей процесса импичмента в Палате представителей, не интересует точность изложения фактов.

На следующий день Грег Крейг и Шерил Миллс рассмотрели конкретные обвинения. Грег отметил, что обвинение в лжесвидетельстве не подкреплялось ни одним конкретным примером, подтверждающим это, кроме общих ссылок на мои показания под присягой по делу Джонс, хотя Палата представителей отвергла пункт обвинения, связанный с этими показаниями. Крейг также отметил, что некоторые из пунктов обвинения в лжесвидетельстве, прозвучавшие в Сенате, ни разу не упоминались ни Старром, ни конгрессменами в ходе дебатов в Комитете по юридическим вопросам Палаты представителей или во время дебатов на пленарном заседании Палаты. Они продолжали фабриковать свои обвинения на ходу.

Шерил Миллс — молодая афроамериканка, выпускница юридического факультета Стэнфордского университета, выступала на процессе в тот самый день, когда исполнилось шесть лет с начала ее работы в Белом доме. Она блестяще опровергла утверждения сторонников импичмента, основанные на двух эпизодах обвинения в препятствовании правосудию, представив факты, которые республиканцы не могли оспорить и о которых они сами не сообщили, и доказала, что выдвинутое против меня обвинение было полной чепухой. Наиболее удалась Шерил заключительная часть речи. Отвечая на заявление представителя Южной Каролины Линдси Грэма и других о том, что мое оправдание стало бы признанием низкого авторитета нашего законодательства в области гражданских прав и защиты от сексуальных домогательств, она сказала: «Я не могу не возразить против этого». Чернокожим американцам было известно, что инициаторами про-

цедуры моего импичмента стали белые южане-консерваторы, которые никогда пальцем не пошевелили в защиту гражданских прав.

Шерил отметила, что Поле Джонс была предоставлена возможность подать иск, но при его рассмотрении судья, причем женщина, не нашла достаточных оснований для возбуждения уголовного дела. Она напомнила, что мы с уважением относимся к таким мужчинам, как Джефферсон, Кеннеди и Кинг, каждый из которых не был безупречным, но «боролся за светлое будущее человечества», и что мои действия в сфере борьбы за гражданские права и права женщин в прошлом были «безукоризненными». «Я выступаю сегодня здесь перед вами, — сказала Шерил, — потому что президент Билл Клинтон поверил в то, что я смогу его защитить... Было бы неправильным обвинить его по этим пунктам».

В третий, и последний, день наших выступлений первым взял слово Дэвид Кендалл. Он спокойно, логично и убедительно опроверг пункт обвинения, в котором утверждалось, что я препятствовал отправлению правосудия, процитировав неоднократно сказанные Моникой Левински слова о том, что я никогда не просил ее лгать, и еще раз детально продемонстрировав искажения или замалчивания важных фактов, допущенные руководителями процедуры импичмента в Палате представителей.

Выступления моих защитников завершил Дейл Бамперс. Я попросил Дейла сделать это, потому что он был замечательным адвокатом, отлично знал Конституцию и имел репутацию одного из лучших ораторов Америки. Он, кроме того, давно меня знал и только что оставил пост сенатора, который занимал двадцать четыре года. После нескольких шуток, несколько разрядивших напряженную атмосферу слушаний, Дейл сказал, что вначале не хотел участвовать в этом процессе, потому что мы с ним дружили уже двадцать пять лет и занимались одним делом. Поскольку он отдавал себе отчет в том, что Сенат может посчитать его защиту неубедительной из-за нашей с ним дружбы, Дейл, по его словам, решил защищать не меня, а Конституцию — самый священный, как он сказал, для него документ после Библии.

Бамперс начал излагать свои контраргументы с резкой критики расследования Старра: «Преследование Жавером Жана Вальжана в романе “Отверженные” Виктора Гюго бледнеет по сравнению с тем, что делал Старр». Он продолжал: «За все эти годы... не было обнаружено никакой вины президента ни в его личных, ни в его официальных действиях... сегодня мы собрались здесь потому, что президент совершил ужасную с точки зрения морали ошибку».

Он упрекнул инициаторов процесса импичмента в отсутствии сострадания. Потом настал наиболее драматичный момент выступления Дейла: «Поставьте себя на его место... все мы небезгрешны... он должен был подумать о последствиях. Конечно, должен — так же, как Адам и Ева, — тут он указал на сенаторов. — Так же, как должны были это сделать вы, и вы, и вы, и вы, — и миллионы других людей, которые, попадая в аналогичные обстоятельства, должны были заранее подумать о том, чем это кончится. Но, как я уже отметил, все мы небезгрешны».

Потом Дейл сказал, что я уже был сурово наказан за свою ошибку, что американцы не хотят, чтобы я был смещен, и что Сенату стоит прислушаться к мировым лидерам, которые встали на мою защиту, включая Гавела, Манделу и короля Хусейна.

Он завершил свою речь, продемонстрировав отличную эрудицию и знание истории, напомнив, как принималось положение об импичменте на Конституционном конвенте 1787 года. Дейл сказал, что отцы-основатели заимствовали эту статью из английских законов, в которых четко говорится, что основанием для импичмента могут быть «исключительно политические преступления против государства». Он попросил Сенат не переписывать Конституцию, а вместо этого прислушаться к американскому народу, «призывающему вас не думать о политических выгодах... и выполнить свою священную обязанность».

Речь Бамперса была великолепной — эмоциональной, конкретной и глубокой. Если бы голосование в Сенате проходило сразу после его выступления, за мою отставку подали бы совсем немного голосов. Однако процессу предстояло продлиться еще три недели, и за это время инициаторы процедуры импичмента в Палате представителей и их союзники постарались убедить голосовать за импичмент как можно больше сенаторов-республиканцев. После того как обе стороны представили свои аргументы, стало ясно, что против импичмента будут голосовать все сенаторы-демократы и несколько республиканцев.

Пока Сенат был занят слушаниями по импичменту, я делал то, что всегда делал в это время года, — готовился к посланию «О положении в стране» и знакомил страну с новыми инициативами, которые собирался в нем представить. Это выступление было запланировано на 19 января — тот самый день, когда моя защита начала представлять свои аргументы в Сенате. Некоторые сенаторы-республиканцы призывали меня отложить его, но я не собирался этого делать. Процесс импичмента уже обошелся американским налогоплательщикам в значительную сумму долларов, заработанных их тяжелым трудом, отвлек Конгресс от важных дел и поставил под угрозу Конституцию. Если бы я отложил свое послание, это стало бы для американского народа свидетельством того, что его проблемы отодвинуты на второй план.

Атмосфера в Сенате во время моего выступления была еще более «сюрреалистической», чем в предыдущие годы. Как всегда, приехав в Капитолий, я направился в кабинет спикера, который теперь занимал Деннис Хастерт из Иллинойса — коренастый мужчина, в прошлом тренер по борьбе, достаточно консервативный, но менее резкий и конфликтный, чем Гингрич, Арми и Делей. Вскоре подошли сенаторы и конгрессмены, представляющие обе партии, и проводили меня в Палату представителей. Мы пожали друг другу руки и стали беседовать как ни в чем не бывало. Когда было объявлено о моем приходе и я направился к трибуне, демократы встретили меня овацией, а большинство республиканцев лишь вежливо похлопали. Места демократов и республиканцев находятся по разные стороны от прохода, и я думал, что по дороге к трибуне меня будут останавливать только се-

наторы и конгрессмены из «демократической» части зала, однако, к моему удивлению, некоторые республиканцы также протянули мне руки для рукопожатия.

Я начал с того, что сказал несколько теплых слов в адрес нового спикера, который заявил о своем намерении цивилизованно сотрудничать с демократами и преодолевать межпартийные разногласия. Это было приятно слышать, и намерения Хастерта, вполне возможно, были вполне искренними, поскольку голосование по импичменту прошло в Палате представителей еще до его избрания спикером.

Тот год стал продолжением самого длительного в истории США периода экономического роста. За время моего президентства было создано 18 миллионов новых рабочих мест, выросла реальная зарплата, наконец несколько уменьшилось неравенство в доходах, а безработица достигла самого низкого уровня с 1957 года. Экономическая ситуация была благоприятной как никогда, и я наметил программу того, как максимально это использовать, включая несколько предложений, направленных на обеспечение достойных пенсий представителям поколения беби-бума. Я предложил в последующие пятнадцать лет направлять 60 процентов бюджетных излишков на финансирование Трастового фонда социального страхования, чтобы обеспечить рост его средств до 2055 года — то есть на протяжении двадцати лет, а небольшую часть инвестировать во взаимные фонды; снять ограничения на размеры заработка американцев, получающих социальные пособия; повысить социальные пособия пожилым женщинам, бедность для которых после выхода на пенсию в два раза более вероятна, чем для мужчин того же возраста. Я также предложил использовать 16 процентов бюджетных излишков на то, чтобы на десять лет продлить деятельность Трастового фонда программы «Медикэр»; предоставить налоговые льготы в размере 1000 долларов лицам, ухаживающим за престарелыми и больными родственниками; распространить действие программы «Медикэр» на лиц в возрасте от пятидесяти пяти до шестидесяти пяти лет; выдвинул новую пенсионную инициативу — USA Accounts, которая предполагала использование 11 процентов бюджетных излишков на финансирование налоговых льгот гражданам, открывшим личные пенсионные счета, и увеличение пенсионных отчислений для работников с более низкими доходами. Это было, пожалуй, наиболее радикальным в истории предложением, направленным на то, чтобы дать возможность семьям с невысоким доходом улучшить свое финансовое положение.

Я также предложил большой пакет реформ в сфере образования, аргументируя это тем, что мы должны по-другому использовать 15 миллиардов долларов, которые ежегодно тратим на образование: «поддержать те программы, которые работают, и отменить те, которые не работают», потребовав от штатов прекратить расходовать средства на неэффективные программы, реформировать или закрыть неудовлетворительно работающие школы, повысить квалификацию учителей, опубликовать статистические отчеты по каждой школе, укрепить дисциплину. Я вновь попросил Конгресс выделить ассигнования на строительство и модернизацию пяти тысяч школ

и в шесть раз увеличить количество стипендий для студентов колледжей, которые после окончания учебы обязались работать учителями в тех округах, где ощущается их нехватка.

В сфере поддержки семьи я рекомендовал увеличить минимальную заработную плату, продолжительность отпуска по семейным обстоятельствам, объем налоговых льгот для семей с детьми, обязать производителей снабжать огнестрельное оружие системой блокировки спускового механизма, чтобы дети не могли случайно из него выстрелить. Я также попросил Конгресс принять законы «О равной оплате труда» и «О недопущении дискриминации при приеме на работу»; учредить Американскую корпорацию прямых инвестиций, чтобы привлечь 15 миллиардов долларов для создания новых компаний и рабочих мест в бедных округах; принять закон «О торговле и развитии связей с Африкой», чтобы открыть наши рынки для африканских товаров; выделить 1 миллиард долларов на финансирование инициативы «Природное наследие» по сохранению уникальных уголков природы, а также на сокращение налогов и финансовую помощь организациям, занимающимся исследованиями по проблеме глобального потепления.

Перейдя к вопросам национальной безопасности, я попросил выделить средства для организации защиты компьютерных сетей от атак террористов и для защиты населения от химического и биологического оружия; продолжить финансирование исследований по созданию новых медицинских препаратов; в два раза увеличить финансирование программы ядерной безопасности Нанна — Лугара; обеспечить реализацию соглашений, достигнутых в Уай-Ривер, а также остановить снижение военных расходов, начавшееся после окончания холодной войны.

В конце своего выступления я поблагодарил Хиллари за руководство проектом «Миллениум» и за то, что она отлично справилась с возложенной на нее задачей, представляя Америку по всему миру. Хиллари сидела в своей ложе вместе со знаменитым бейсболистом из команды «Чикаго Кабз» Сэмми Сосой, великим мастером хоумранов, сопровождавшим ее в недавней поездке в Доминиканскую Республику — страну, в которой он родился. Присутствовавшие в зале люди знали, что пришлось вынести Хиллари в последнее время, и удостоили ее даже более громких аплодисментов, чем Сэмми. Я завершил «последнее в XX столетии послание “О положении в стране”» обращенными к Конгрессу словами о том, что «возможно, в ежедневной суете, спорах и конфликтах мы забываем, что в действительности наше время является новым рассветом для Америки».

Получив самую высокую за все время моего президентства оценку своей работы, на следующий день после выступления я вместе с Хиллари, Алом и Типпер Гор вылетел в Буффало, чтобы выступить перед двадцатью тысячами зрителей, собравшихся на стадионе «Марин-Мидланд». И вновь, несмотря на все происходящее, мое послание «О положении в стране», в котором был предложен план действий на начинающийся год, вызвало интерес и положительную реакцию американского народа.

Я завершил месяц важным выступлением в Национальной академии наук, в котором изложил свои предложения по защите Америки от воз-

можных террористических атак с применением биологического и химического оружия и от кибертерроризма. Кроме того, я совершил поездку домой в Литл-Рок, чтобы взглянуть на вызванные торнадо разрушения, в том числе сломанные старые деревья в парке у губернаторского особняка. Я также побывал в Сент-Луисе, где встречал Папу Иоанна Павла II, в очередной раз посетившего Соединенные Штаты; провел совещание с большой группой конгрессменов от обеих партий в Восточном зале Белого дома, во время которого мы обсудили перспективы развития программы социального страхования и медицинской программы «Медикэр»; присутствовал на панихиде по моему другу губернатору Флориды Лоутону Чайлзу, скоропостижно скончавшемуся незадолго до этого. Лоутон всегда ободрял меня и придавал мне сил, повторяя одну из своих любимых поговорок: если у тебя нет сил сражаться с большими собаками, стой на крыльце.

Седьмого февраля король Хусейн потерпел поражение в своей борьбе с раком. Мы с Хиллари немедленно вылетели в Иорданию вместе с делегацией, включавшей экс-президентов Форда, Картера и Буша. Я был очень благодарен им за готовность почтить память человека, с которым все мы вместе работали и которым восхищались. На следующий день мы прошли за его гробом в составе похоронной процессии, растянувшейся почти на целую милю, приняли участие в поминальной службе и выразили наши соболезнования королеве Нур, которая была безутешна. Так же безутешны были и мы с Хиллари. Я прекрасно помню наши встречи с Хусейном и Нур в Иордании и Соединенных Штатах и с особым удовольствием вспоминаю, как мы вчетвером обедали на Балконе Трумэна в Белом доме незадолго до кончины короля. Теперь он ушел, и это стало огромной потерей для всего мира.

После встречи с новым монархом — сыном Хусейна Абдуллой, а также с премьер-министром Нетаньяху, президентом Асадом, президентом Мубараком, Тони Блэром, Жаком Шираком, Борисом Ельциным и президентом Турции Сулейманом Демирелем я вылетел домой. До голосования в Сенате, которое должно было решить мою судьбу, оставалось совсем мало времени. Хотя его исход был ясен, некоторые закулисные маневры вызвали интерес. Сенаторы-республиканцы были недовольны тем, что коллеги-республиканцы из Палаты представителей подвергли их подобному испытанию, но, стоило правым усилить свое давление, как они шли на попятный, и все начиналось сначала. Сенатор Роберт Берд предложил отклонить все обвинения по причине их безосновательности, а партнер Дэвида Кендалла Николь Селигман обосновала это предложение, ссылаясь на законы и факты, которые, как было известно большинству сенаторов, невозможно было оспорить. Тем не менее предложение Берда не прошло. В самом начале слушаний сенатор Стром Термонд призвал своих коллег-республиканцев остановить процесс импичмента, поскольку стало очевидно, что за мою отставку будет подано недостаточно голосов, однако это предложение также было отвергнуто республиканской фракцией.

Один сенатор-республиканец, выступавший против импичмента, информировал нас о том, что происходило в республиканской фракции. Он

сообщил, что, когда до голосования оставалось лишь несколько дней, за обвинение в лжесвидетельстве были готовы проголосовать только тридцать сенаторов-республиканцев, а за обвинение в препятствовании правосудию — от сорока до сорока четырех. Этого было абсолютно недостаточно, чтобы получить две трети голосов, согласно Конституции необходимых для моего смещения с должности. За несколько дней до голосования этот сенатор сообщил нам, что республиканцы в Палате представителей попросили своих коллег из Сената не ставить их в неловкое положение, голосуя против импичмента, и призвали их набрать хотя бы символическое большинство голосов по одной из статей обвинения, если они хотят, чтобы республиканцы и на следующих выборах получили большинство в Палате. Этот сенатор сообщил нам, что им придется уменьшить количество голосов, поданных против импичмента.

Двенадцатого февраля предложение об импичменте было отклонено. Для вынесения обвинения в лжесвидетельстве его инициаторам не хватило 22 голосов: за было подано 45 голосов, против — 55. При голосовании за обвинение в препятствовании правосудию не хватило 17 голосов (здесь голоса распределились поровну — 50:50). Против обоих обвинений проголосовали все демократы и несколько сенаторов-республиканцев: Олимпия Сноуи и Сюзан Коллинз от штата Мэн, Джим Джеффордс от Вермонта, Арлен Спектер от Пенсильвании и Джон Чефи от Род-Айленда. Сенаторы Ричард Шелби от Алабамы, Слейд Гортон от штата Вашингтон, Тед Стивенс от Аляски, Фред Томпсон от Теннесси и Джон Уорнер от Вирджинии проголосовали против обвинения в лжесвидетельстве.

Само по себе голосование не стало кульминацией развития событий, так как произошло через три недели после выступления моей защиты. Было ясно, что импичмент не пройдет, — неизвестным оставалось лишь соотношение голосов. Я был рад, что это испытание для моей семьи и моей страны осталось позади. После голосования я сказал, что глубоко сожалею о своих поступках, вызвавших такие тяжелые последствия для американского народа, и что я вновь обращаю все свои усилия на то, чтобы для Америки настало время «примирения и обновления». Мне задали один вопрос: «В глубине души готовы ли вы все забыть и простить?» Я ответил: «Думаю, каждый человек, который просит о прощении, должен и сам быть готов простить».

После испытаний, связанных с импичментом, люди часто спрашивали меня, как я не сошел с ума, пройдя через все это, и сохранил способность выполнять свою работу. Я бы не сумел этого добиться без поддержки сотрудников Белого дома и моего кабинета, включая и тех, кто был сердит на меня и возмущен моими поступками. Мне пришлось бы гораздо труднее, если бы американский народ не заявил о своем желании и дальше видеть меня президентом. Мне было бы намного тяжелее, если бы в январе, после того как разразился скандал, или в августе, когда я давал показания большому жюри, демократы в Конгрессе дрогнули и решили от меня отказаться. Но вместо этого они приняли вызов и встали на мою защиту. Мне помогла и поддержка иностранных лидеров, таких как Мандела, Блэр, король Хусейн, Гавел, наследный принц Абдулла, Ким Дэ Чжун,

Ширак, Кардосо, Зедилло и другие, — все эти люди, которыми я восхищался, не дали мне утратить присутствия духа. Сравнивая их со своими врагами, я, несмотря на то что продолжал испытывать к себе отвращение, понимал, что для меня еще не все потеряно.

Любовь и поддержка друзей и незнакомых людей очень помогли мне. Те, кто писал мне письма или просто говорил добрые слова на встречах со мной, даже не догадываются, как много они для меня сделали. Религиозные лидеры, которые помогали мне советом, навещали меня в Белом доме или призывали своих прихожан молиться вместе со мной, напоминали мне о том, что, несмотря на осуждение, которому я подвергался, Бог — это любовь.

Но самым главным, что помогло мне выжить, была поддержка близких, в частности братьев Хиллари и моего собственного брата. Роджер шутил, что наконец-то дождался того часа, когда проблемы возникли и у меня. Хью прилетал из Майами каждую неделю, мы играли в игру «Эрудит», говорили о спорте, и он всячески старался меня развеселить. Тони прилетал на наши семейные матчи по карточной игре «пинокль». Моя теща и Дик Келли также продолжали замечательно ко мне относиться.

Несмотря ни на что, наша дочь продолжала меня любить и желала мне победы. И, что самое важное, Хиллари оставалась со мной и любила меня. Я всегда любил ее смех, и, несмотря на весь этот абсурд, мы вновь научились смеяться: нам помогли вернуть близость ежедневные совместные консультации у психолога и наша общая решимость бороться с заговором правых. Я чуть ли не испытывал благодарность к своим мучителям: похоже, именно из-за них Хиллари вновь стала хорошо ко мне относиться. Я даже перестал спать на кушетке...

В тот длинный год, который начался показаниями по делу Джонс и закончился моим оправданием в Сенате, я, если мне удавалось провести вечер в Белом доме, обычно два-три часа сидел в одиночестве в своем кабинете, читая Библию и книги о вере и прощении, перечитывая «Подражание Христу» (*The Imitation of Christ*) Томаса Кемписа* и «Размышления» (*Meditations*) Марка Аврелия, а также несколько наиболее содержательных из полученных мною писем, включая серию мини-проповедей раввина Менахема Генака из Инглвуда, штат Нью-Джерси. Меня особенно впечатлила книга о прощении «Семьдесят раз по семь», написанная Йоханом Кристофом Арнольдом — старейшиной христианской общины «Брудерхоф», имеющей последователей в Англии и на северо-востоке Соединенных Штатов.

Я до сих пор храню стихи, молитвы и цитаты, которые мне присылали по почте или передавали из рук в руки во время публичных встреч. У меня также есть два камня с высеченными на них стихами из Нового Завета (Евангелие от Иоанна 8:7). Во время последней, как полагают многие, встречи Христа с его гонителями-фарисеями те привели с собой женщину,

---

* Томас Кемпис, иначе Фома Кемпийский (1379–1471), — нидерландский богослов-мистик, монах. Автор религиозных и дидактических трактатов, предполагаемый автор труда «Подражание Христу», который исследователи нередко называют «Кемпис». — *Прим. ред.*

уличенную в прелюбодеянии, и заявили, что по закону Моисея ее следует забить камнями. Фарисеи стали искушать Иисуса: «Ты что скажешь?» Вместо ответа Иисус наклонился и стал чертить что-то пальцем на земле, будто не слыша их. Они продолжали настаивать, и тогда он поднялся и сказал: «Кто из вас без греха, первый брось в нее камень». Услышавшие его фарисеи «будучи обличаемы совестью, стали уходить один за другим, начиная от старших до последних». Когда Иисус остался один с женщиной, он спросил ее: «Где твои обвинители? никто не осудил тебя?» Она сказала: «Никто, Господи», — и Иисус ответил: «И я не осуждаю тебя».

В меня было брошено много камней, и я, благодаря тем ранам, которые нанес себе сам, оказался выставленным напоказ перед всем миром. В каком-то смысле я почувствовал освобождение: теперь мне нечего было скрывать. И, пытаясь разобраться в причинах своих ошибок, я также старался понять, почему ненависть настолько ослепила моих врагов, что они говорили и делали то, что было несовместимо с моральными ценностями, которые они сами декларировали. Я никогда не увлекался психоанализом, однако мне казалось, что многие из самых ярых моих критиков из крайне правых политических и религиозных групп и наиболее предубежденные против меня журналисты заняли надежную и безопасную позицию, позволявшую им судить, но не быть судимыми, причинять боль, но не получать за это возмездия.

Мое собственное ощущение конечности и хрупкости человеческого бытия и та любовь, которую я получал, когда был ребенком, помогали мне сдерживать желание судить и обвинять других. И я считал, что мои личные проступки, какими бы непростительными они ни были, гораздо меньше угрожали демократии в нашей стране, чем ненасытная жажда власти моих обвинителей. В конце января я получил трогательное письмо от Билла Зиффа из Нью-Йорка — бизнесмена, с которым я никогда не встречался лично, но сын которого был моим другом. Он сказал, что сожалеет о той боли, которую довелось пережить Хиллари и мне, но которая оказалась полезной, потому что американский народ показал свою зрелость и здравомыслие, «поняв, к чему стремятся наши охотники на ведьм». «Хотя это и не было никогда Вашим намерением, Вы сделали для того, чтобы выявить их тайные цели, больше, чем любой другой президент в истории, включая Рузвельта», — добавил он.

Каковы бы ни были мотивы моих противников, в те одинокие ночи, которые я провел в своем кабинете, я понял, что, если хочешь, чтобы к тебе относились с сочувствием, нужно и самому проявлять сочувствие, даже если не надеешься, что тебе отплатят тем же. В конце концов, на что мне было жаловаться? Я никогда не стану безупречным человеком, но Хиллари снова стала смеяться, Челси прекрасно чувствовала себя в Стэнфорде, у меня была работа, которую я любил, а кроме того, приближалась весна.

Девятнадцатого февраля, через неделю после голосования в Сенате, я стал первым президентом в истории, воспользовавшимся данным нам правом посмертного помилования, применив эту меру по отношению к Генри Флипперу — первому чернокожему выпускнику военной академии Уэст-Пойнт, который 117 лет назад по расовым мотивам был несправедливо осужден за «поступок, неподобающий офицеру». Такие действия президента могут показаться малозначительными по сравнению с текущими событиями, но исправлять исторические ошибки важно не только ради потомков несправедливо осужденных людей, но и для всех нас.

В последнюю неделю месяца о своем уходе из Белого дома заявил Пол Бегала. Я с удовольствием с ним работал, потому что Пол был умным, веселым и боевым человеком, умеющим добиваться результата. Я знал его еще со времен Нью-Хэмпшира. Но у Пола были маленькие дети, которые хотели проводить больше времени со своим отцом. Пол оставался рядом со мной, пока шло сражение по поводу импичмента, но теперь он хотел уйти.

Единственными новостями из «мира Уайтуотер» было то, что Ассоциация американских юристов подавляющим большинством голосов — 384 «за» и 49 «против» — проголосовала за резолюцию, призывающую отменить закон о независимых расследованиях, а также сообщение о том, что Министерство юстиции выясняло, не ввел ли Кеннет Старр в заблуждение Джанет Рино по вопросу о причастности офиса независимого прокурора к расследованию дела Джонс и в силу каких причин он принял дело Левински под свою юрисдикцию.

Март начался с объявления о том, что после нескольких месяцев сложных переговоров администрации удалось добиться успеха в сохранении самого большого неохраемого участка с реликтовыми секвойями в мире — Хедвотерского леса в северной Калифорнии. На следующей неделе я отправился в четырехдневную поездку в Никарагуа, Сальвадор, Гондурас и Гватемалу, чтобы своим визитом подчеркнуть начало новой эры демократического сотрудничества в этом регионе, в котором еще недавно Америка поддерживала репрессивные антикоммунистические режимы, самым вопиющим образом нарушавшие права человека. Я своими глазами увидел последствия природных катаклизмов, ликвидировать которые помогали американские военнослужащие; выступил с речью в парламенте Сальвадора, где недавние враги, сражавшиеся во время кровавой гражданской войны, теперь мирно заседали вместе; потом в Гватемале извинился за акции, предпринимавшиеся здесь Америкой в прошлом, — все это казалось мне признаками новой эры демократического прогресса, который я обязался поддерживать.

Ко времени моего возвращения в США стало понятно, что надвигается новая балканская война — на этот раз в Косово. Сербь еще год назад

начали наступление на мятежных косовских албанцев, убив много невинных людей; некоторые женщины и дети были сожжены в собственных домах. Последний раунд сербской агрессии стал причиной массового исхода беженцев из Косово и усилил желание косовских албанцев добиться независимости. Эти убийства слишком напоминали первые дни конфликта в Боснии, где, как и в Косово, европейские мусульмане и православные сербы враждовали друг с другом. Конфликт продолжался уже шесть веков и время от времени вспыхивал с новой силой.

В 1974 году Тито предоставил Косово автономию, разрешив провинции осуществлять самоуправление и контроль над находящимися там школами. В 1989 году Милошевич отменил автономию. С тех пор напряженность в Косово все время нарастала и вспыхнула с новой силой после того, как в 1995 году Босния добилась независимости. Я был решительно настроен не позволить Косово превратиться в новую Боснию. Мою точку зрения разделяла и Мадлен Олбрайт.

В апреле 1998 года Организация Объединенных Наций наложила эмбарго на поставку оружия в бывшую Югославию, а Соединенные Штаты и их союзники ввели против Сербии экономические санкции за ее нежелание прекратить враждебные действия и начали диалог с косовскими албанцами. К середине июня НАТО приступило к планированию ряда военных операций, чтобы положить конец насилию. В начале лета Дик Холбрук в очередной раз направился в этот регион, чтобы попытаться найти дипломатическое решение конфликта.

В середине июля сербские войска вновь атаковали как вооруженных, так и безоружных косоваров, начав «лето агрессии». В результате более 300 тысяч косовских албанцев были вынуждены покинуть свои дома. В конце сентября Совет Безопасности ООН принял еще одну резолюцию с требованием положить конец враждебным действиям, а в конце месяца мы опять послали Холбрука с миссией в Белград, чтобы он попытался урезонить Милошевича.

Тринадцатого октября НАТО предупредило Сербию, что через четыре дня нанесет по ней авиаудары, если она не начнет выполнять резолюции ООН. После того как из Косово вывели 4 тысячи военнослужащих специальных югославских полицейских сил, атака была отложена. На какое-то время ситуация улучшилась, но в январе 1999 года сербы снова начали убивать в Косово невинных людей, и авиаудары НАТО стали казаться неизбежными. Мы решили предпринять еще одну попытку прибегнуть к дипломатии, но оптимизма по этому поводу я не испытывал: слишком уж разными были цели противоборствующих сторон. Соединенные Штаты и НАТО хотели, чтобы в соответствии с Конституцией Югославии Косово снова получило политическую автономию, которой обладало в период с 1974 по 1989 год, пока Милошевич ее не отменил. Мы также стремились к тому, чтобы для обеспечения безопасности гражданского населения провинции, включая и сербское меньшинство, туда были введены войска под руководством НАТО. Милошевич же пытался сохранить контроль над Косово и не соглашался на размещение там иностранных вооруженных сил. Косовские

албанцы добивались независимости, но между ними тоже существовали разногласия. Ибрагим Ругова, глава теневого кабинета, был любезным и мягким человеком, имевшим привычку постоянно носить на шее шарф. Я считал, что с ним мы сможем договориться о мирном соглашении, чего нельзя было сказать о другой главной группировке косоваров — Армии освобождения Косово (ОАК), которую возглавлял молодой лидер Хашим Тачи. ОАК хотела независимости и полагала, что может успешно сражаться за нее с сербской армией.

Стороны встретились 6 февраля на переговорах в Рамбуйе, во Франции, чтобы согласовать детали соглашения, которое обеспечивало восстановление автономии Косово, защиту косоваров от репрессий, размещение в провинции войск НАТО, разоружение ОАК и давало возможность сербской армии продолжать патрулирование границы. Мадлен Олбрайт и ее британский коллега Робин Кук активно добивались подписания такого соглашения. После недельных переговоров, которые координировали посол США Крис Хилл и его коллеги из Европейского союза и России, Мадлен выяснила, что нашему предложению противятся обе стороны: сербы возражают против размещения в Косово миротворческих сил НАТО, а косовские албанцы не хотят соглашаться на автономию, если им не гарантируют проведение референдума о независимости. Отчасти ОАК не хотела разоружаться из-за неуверенности в том, что может положиться на защиту НАТО. Наша команда решила подготовить такой проект соглашения, в соответствии с которым проведение референдума о независимости откладывалось, но оставалось возможным.

Двадцать третьего февраля косовские албанцы, включая Тачи, приняли соглашение в принципе и вернулись домой, чтобы обеспечить его поддержку соотечественниками, а в середине марта вновь приехали в Париж, чтобы подписать окончательный документ. Сербы бойкотировали эту церемонию, пока 40 тысяч их солдат было сконцентрировано в Косово и рядом с провинцией, а Милошевич заявил, что никогда не согласится на размещение иностранных войск на территории Югославии. Я послал Дика Холбрука, чтобы он последний раз встретился с Милошевичем, но даже Дик не смог заставить его изменить свою позицию.

Двадцать третьего марта, после того как Холбрук покинул Белград, генеральный секретарь НАТО Хавьер Солана при полной моей поддержке отдал приказ генералу Уэсу Кларку начать нанесение авиаударов. В тот же самый день представители обеих партий в Сенате большинством голосов (58 «за» и 41 «против») поддержали эту операцию. Еще раньше в том же месяце Палата представителей (219 голосов «за» и 191 «против») проголосовала за то, чтобы послать войска США в Косово, если будет достигнуто соглашение о мире. Среди видных республиканцев, которые подали свои голоса за это предложение, были новый спикер Деннис Хастерт и Генри Хайд. Когда конгрессмен Хайд сказал, что Америка должна остановить Милошевича и этнические чистки, я улыбнулся и подумал про себя, что, возможно, в нем иногда проявляются и черты доктора Джекила.

Большинство конгрессменов и наши союзники по НАТО поддерживали нанесение авиаударов, но Россия выступала против. Премьер-министр

Евгений Примаков летел в Соединенные Штаты на встречу с Алом Гором. Когда Ал предупредил его, что удары НАТО по Югославии стали неизбежными, Примаков приказал развернуть самолет и возвращаться в Москву.

Двадцать четвертого марта я рассказал американскому народу о том, что делаю и почему. Я объяснил, что Милошевич, упразднив автономию Косово и отменив самоуправление, лишил косовских албанцев их гарантированного конституцией права говорить на родном языке и управлять своими школами. Я описал жестокости сербов: убийства гражданских лиц, сожженные деревни, людей, изгнанных из своих домов. Только за последние пять недель беженцами стали шестьдесят тысяч человек, а всего — четверть миллиона. Наконец, я рассмотрел текущие события в контексте войн, которые Милошевич уже вел против Боснии и Хорватии, и упомянул об их деструктивном влиянии на будущее Европы.

Бомбардировки служили достижению трех целей: показать Милошевичу, что мы решительно настроены прекратить новую волну этнических чисток, остановить еще более кровавое нападение на ни в чем не повинных граждан в Косово и, если Милошевич быстро не сдастся, нанести существенный урон военному потенциалу сербов.

В ту ночь НАТО начало наносить авиаудары, которые продлились одиннадцать недель, до тех пор пока Милошевич не прекратил убивать косовских албанцев и изгонять из своих домов жителей, которых было уже около миллиона. Бомбы нанесли большой урон военной и экономической инфраструктуре Сербии. Увы, несколько раз они попали мимо целей и унесли жизни тех самых людей, которых мы должны были защищать.

Кое-кто утверждал, что наши действия выглядели бы более обоснованными, если бы мы послали в Сербию сухопутные войска. Этим доводам можно было противопоставить два соображения. Во-первых, к тому времени, когда достаточное количество солдат и необходимого военного оборудования удалось бы доставить на место, сербы уже успели бы нанести огромный и непоправимый ущерб. Во-вторых, потери среди гражданского населения во время наземной операции оказались бы, вероятно, даже больше, чем от не попавших в цель бомб. Я не понимал, почему должен был выбрать такую тактику действий, которая унесла бы больше жизней американских солдат и при этом не ускорила бы победу. Иногда мы сомневались в своей стратегии, но никогда от нее не отказывались.

В конце месяца, когда фондовый рынок впервые в истории преодолел отметку в 10 000 пунктов (во время моего вступления в должность президента он составлял 3200), я давал интервью Дэну Разеру — ведущему канала CBS-TV. После длительной дискуссии о Косово Дэн спросил меня, думал ли я когда-нибудь, что стану мужем сенатора Соединенных Штатов. К тому времени многие нью-йоркские политики присоединились к просьбе Чарли Рэнджела о том, чтобы Хиллари баллотировалась на пост сенатора. Я сказал Разеру, что не знаю о ее намерениях, но если она будет участвовать в выборах и победит, то «станет великолепным сенатором».

В апреле конфликт в Косово обострился, и мы расширили площадь бомбардировок, нанеся удар по центру Белграда, разбомбив здание телецентра, штаб-квартиру партии Милошевича и его дом. Мы также резко увеличили финансовую помощь соседним Албании и Македонии, чтобы эти страны могли справиться с большим потоком беженцев, и разместили там дополнительные войска. В конце месяца, когда Милошевич все еще не сдался, нашу политику стали критиковать с двух сторон. Тони Блэр и ряд членов Конгресса считали, что пришло время послать сухопутные войска, Палата представителей, напротив, проголосовала за то, что войска не могут использоваться без предварительного одобрения Конгресса.

Я все еще верил в действенность авиаударов и надеялся, что мы сможем избежать привлечения наземных сил до тех пор, пока их миссией не станет поддержание мира. 14 апреля я позвонил Борису Ельцину, чтобы попросить его об участии российских военных в составе миротворческих сил после окончания конфликта, как это было в Боснии. Я думал, что присутствие русских поможет защитить сербское меньшинство и даст возможность Милошевичу сохранить лицо, согласившись на присутствие иностранных войск.

В апреле произошло и много других событий. 5 апреля Ливия наконец выдала двух подозреваемых в организации взрыва самолета «Пан-Американ», следовавшего рейсом 103. Это произошло в 1998 году над Локерби, в Шотландии. Задержанных должны были судить шотландские судьи в Гааге. Белый дом много лет активно занимался этим делом. Я оказывал давление на Ливию, чтобы она выдала подозреваемых, а сотрудники Белого дома поддерживали контакт с семьями погибших, информируя их о развитии событий. Было также получено разрешение на возведение мемориала, посвященного жертвам этой трагедии, на Арлингтонском национальном кладбище. С этих событий началась оттепель в американо-ливийских отношениях.

Во вторую неделю месяца китайский премьер Чжу Жунцзы прибыл с первым в его карьере официальным визитом в Белый дом, надеясь разрешить оставшиеся проблемы со вступлением Китая во Всемирную торговую организацию. Мы добились существенного прогресса и ликвидировали ряд разногласий, но проблемы все же оставались, включая наше желание получить более широкий доступ на китайский автомобильный рынок и настойчивое требование Китая ограничить пятью годами действие нашего соглашения о «предотвращении наплыва». В соответствии с ним Соединенные Штаты могли ограничить неожиданное резкое увеличение импорта китайских товаров в США, если оно превышает экономически обоснованный уровень. Этот вопрос был очень важен для Америки, потому что мы уже сталкивались с проблемой «наплыва» в сфере импорта стали из России и Японии, а также в ряде других случаев.

Шарлин Баршефски сказала мне, что китайцы уже пошли на большие уступки и нам следует заключить соглашение, пока Чжу находится в Соединенных Штатах, чтобы на родине его позиции не оказались ослабленными. Мадлен Олбрайт и Сэнди Бергер с ней согласились, а вот другие члены «экономической команды» — Рубин, Саммерс, Сперлинг и Дейли,

а также Джон Подеста и мой советник по вопросам законодательства Ларри Стайн — выступали против. Они считали, что, если мы не добьемся еще большего прогресса, Конгресс отвергнет соглашение и помешает вступлению Китая в ВТО.

До начала официального визита Чжу Жунцзы я пригласил его вечером в Желтый овальный кабинет и откровенно сказал, что мнения моих советников разделились, но, если он считает, что важно заключить соглашение во время его визита в Соединенные Штаты, мы можем поработать ночью. Чжу ответил, что если сейчас не совсем удачное время, то можно подождать.

К несчастью, ложная информация о том, что мы уже договорились, просочилась в прессу, поэтому, когда выяснилось, как все произошло на самом деле, Чжу поставили дома в вину сделанные нам уступки, а меня подвергли критике за то, что под давлением противников вступления Китая в ВТО я не заключил хорошее соглашение. Положение еще более усугубилось из-за многочисленных антикитайских статей в прессе. Еще не было опровергнуто заявление о том, что китайское правительство финансировало избирательную кампанию 1996 года, и сотрудника национальной энергетической лаборатории в Лос-Аламосе, штат Нью-Мексико, Вен Хо Ли, китаец по происхождению, продолжали обвинять в краже секретных технологий для передачи их Китаю. Вся моя команда хотела, чтобы Китай уже в этом году вступил в ВТО, но, с учетом сложившихся обстоятельств, достижение этой цели было затруднено.

Двенадцатого апреля жюри присяжных вынесло вердикт по обвинениям, выдвинутым Кеннетом Старром против Сюзан Макдугал. Сюзан обвинялась в препятствовании правосудию и преступном неуважении к суду за постоянный отказ давать свидетельские показания перед большим жюри. По первому пункту обвинений Сюзан была оправдана, а по второму, судя по сообщениям прессы, мнения членов жюри разделились (семеро выступили за оправдание, пятеро — против), и присяжные не смогли вынести приговор. Это был поразительный вердикт. Макдугал признала, что отказывалась выполнять постановление и давать свидетельские показания потому, что не доверяла Старру и его главному заместителю Хику Юингу. Однако Сюзан заявила, что теперь, когда проводится открытое судебное заседание, она будет рада ответить на любые вопросы, которые офис независимого прокурора хотел задать ей во время закрытых судебных слушаний перед большим жюри. Макдугал сказала, что, хотя ей и предлагали иммунитет от судебного преследования, она отказалась сотрудничать с офисом независимого прокурора, потому что Старр и его подчиненные неоднократно пытались заставить ее лгать, чтобы получить возможность предъявить обвинения Хиллари или мне, и Сюзан считала, что, если она даст правдивые показания перед большим жюри, Старр предъявит ей обвинения за отказ давать ложные показания. Для своей защиты она пригласила в суд Джулию Хайет Стил, которая подтвердила, что с ней Старр именно так и поступил, предъявив ей обвинения после того, как она дважды отказалась солгать перед большим жюри.

Эта победа не могла вернуть Сюзан Макдугал потерянные годы, но ее оправдание стало горьким поражением для Старра и радостным триумфом для всех тех людей, кому он сломал жизнь и чье финансовое положение подорвал.

Двадцатого апреля Америка пережила еще один ужасный инцидент со стрельбой в школе. В средней школе Коломбайн в Литлтоне, штат Колорадо, два вооруженных школьника открыли стрельбу по своим одноклассникам, убив двенадцать из них и ранив более двадцати, после чего совершили самоубийство. Могло быть еще хуже. Один из учителей, который потом скончался от ран, вывел большую группу школьников в безопасное место. Многих спасли медики и офицеры полиции. Через неделю я вместе с группой конгрессменов от обеих партий и мэров объявил о некоторых преобразованиях, призванных затруднить доступ к огнестрельному оружию тем, в чьи руки оно не должно попадать: распространил действие закона Брейди на несовершеннолетних лиц, склонных к насилию; закрыл в законодательстве «дыру покупок на выставках», потребовав, чтобы люди, приобретающие там огнестрельное оружие, подвергались проверке точно так же, как и покупатели в магазинах, как это происходило раньше; усилил меры против незаконного ввоза и продажи оружия; запретил несовершеннолетним владеть штурмовым стрелковым оружием. Я также предложил выделить средства, чтобы помочь школам организовать эффективные программы по предотвращению насилия и разрешению конфликтов, аналогичные той, с которой я ознакомился в средней школе имени Т.С. Уильямса в Александрии, штат Вирджиния.

Лидер большинства в Сенате Трент Лотт назвал мою инициативу «типичным коленным рефлексом», а Том Делей обвинил меня в том, что я использую трагедию в Коломбайн в политических целях. В действительности же главный инициатор этого закона, конгрессмен Кэролайн Маккарти от штата Нью-Йорк, не ставила никаких политических целей: дело в том, что в пригородном поезде ее мужа убил, а сына тяжело ранил душевнобольной мужчина, которому ни при каких обстоятельствах не должен был попасть в руки пистолет. Национальная стрелковая ассоциация и ее сторонники считали, что виной всему культура насилия, получившая распространение в нашей стране. Я был согласен с тем, что дети видят слишком много насилия, и поэтому поддерживал инициативу Ала и Типпер Гор установить в телевизорах V-чипы, с помощью которых родители смогли бы ограничить просмотр своими детьми передач, в которых демонстрируются сцены жестокости. Избыток насилия в нашей культуре только подчеркивал необходимость мер, направленных на то, чтобы детям, преступникам и душевнобольным людям был закрыт доступ к оружию.

В конце месяца мы с Хиллари приняли самое большое число лидеров иностранных государств, которые когда-либо одновременно прибывали в Вашингтон. Руководители стран НАТО и стран — участников программы «Партнерство ради мира» собрались для того, чтобы отпраздновать

пятидесятую годовщину создания НАТО и подтвердить нашу решимость добиться победы в Косово. Затем Ал Фром из Национального комитета демократической партии и Сидни Блюменталь созвали очередную конференцию нашего «Третьего пути» для того, чтобы вместе со мной, Тони Блэром, Герхардом Шрёдером из Германии, Вимом Коком из Нидерландов и новым премьер-министром Италии Массимо Д'Алема обсудить общие ценности, идеи и стратегии. В это время я сосредоточил свое внимание на достижении глобального консенсуса по экономическим, социальным проблемам и вопросам безопасности, который, по моему мнению, мог хорошо послужить интересам Америки и всего мира после того, как закончится мой второй президентский срок, усиливая процессы позитивной интеграции и препятствуя разъединению и разрушению. Движение «Третьего пути» и расширение НАТО помогали нам двигаться в верном направлении, но, как это нередко происходит даже с самыми хорошо разработанными планами, в процессе их реализации мы позже столкнулись с новыми препятствиями, особенно с увеличивающейся враждебностью по отношению к глобализации и нарастающей волной терроризма.

В начале мая, вскоре после того как Джесси Джексон убедил Милошевича освободить трех американских военнослужащих, захваченных сербами в плен на своей границе с Македонией, мы потеряли двух американских солдат. Вертолет «Апач», на борту которого они находились, разбился во время выполнения тренировочного полета. Это была наша единственная потеря в вооруженном конфликте в Косово. Борис Ельцин прислал на встречу со мной Виктора Черномырдина, чтобы обсудить заинтересованность России в завершении войны и ее участии в послевоенном мирном процессе. Тем временем мы усиливали давление, и я дополнительно выделил Уэсу Кларку 176 самолетов.

Седьмого мая произошел самый неприятный политический инцидент во время этого конфликта, когда самолеты НАТО сбросили бомбы на китайское посольство в Белграде. Погибли три гражданина КНР. Вскоре я узнал, что бомбы попали точно в намеченную цель, так как на устаревших картах ЦРУ это здание было обозначено как объект, который сербское правительство использует в военных целях. Произошла одна из именно тех ошибок, которых мы пытались избежать. Для определения целей военные в основном пользовались картами, полученными при помощи аэрофото съемки. Я стал несколько раз в неделю встречаться с Биллом Коуэном, Хью Шелтоном и Сэнди Бергером для того, чтобы еще раз проанализировать список важных целей и выбрать из них такие, удары по которым позволили бы нанести максимальный ущерб Милошевичу, а потери среди гражданских лиц сделать минимальными. Я был ошеломлен и потрясен допущенной ошибкой и немедленно позвонил Цзян Цзэминю, чтобы принести свои извинения. Он не ответил на мой звонок, поэтому я несколько раз попросил прощения публично.

В следующие три дня акции протеста охватили весь Китай. Особенно бурно они проходили у посольства США в Пекине, где посол Сассер оказался буквально в осаде. Китайцы заявили, что считают бомбардировку посоль-

ства намеренной, и отказались принять мои извинения. Когда 14 мая мне наконец удалось поговорить с президентом Цзяном, я снова попросил прощения и сказал ему, что уверен: он не может всерьез считать, будто я мог сознательно отдать приказ о нанесении удара по китайскому посольству. Цзян ответил, что, по его мнению, я бы так не поступил, но в Пентагоне и ЦРУ есть люди, которым не нравится моя политика сближения с Китаем, и они могли специально сфальсифицировать карты, чтобы спровоцировать между нами конфликт. Цзяну с трудом верилось, что такая технологически развитая страна, как США, может допускать подобные ошибки.

Я тоже не мог в это поверить, но так уж случилось. В конце концов нам удалось разрешить проблему, но на ее урегулирование потребовалось время. Я только что назначил нашим послом в Китае адмирала Джо Прюера, который перед этим был командующим Тихоокеанским флотом США. Его очень уважали китайские военные, и я верил, что он поможет наладить отношения между нашими странами.

В конце мая НАТО одобрило отправку в Косово сорокавосемьтысячного контингента миротворческих сил после завершения военной фазы операции, и мы начали, не афишируя этого, обсуждать возможность их введения раньше запланированного срока, если станет понятно, что авиаудары не приносят результата, чтобы войскам не пришлось зимовать в горах. Сэнди Бергер подготовил для меня меморандум с различными вариантами действий, и я был готов, если потребуется, послать наземные войска, хотя все еще верил в успех авиаударов. 27 мая трибунал по военным преступлениям в Гааге предъявил обвинение Милошевичу.

В мае в мире происходило много событий. В середине месяца Борис Ельцин тоже «выжил» после голосования по импичменту в Думе. 17-го премьер-министр Нетаньяху потерпел поражение на выборах от лидера партии труда, генерала в отставке Эхуда Барака — военного, получившего наибольшее число наград за всю историю Израиля. Барак был великолепным «человеком эпохи Ренессанса»: он получил степень магистра, защитив в Стэнфорде диплом, посвященный экономичным инженерным системам, профессионально играл на фортепиано, а в свободное время любил ремонтировать часы. Барак всего несколько лет занимался политикой, и его короткая стрижка, пристальный взгляд, прямая и отрывистая речь в гораздо большей степени отражали его военное прошлое, чем недавний опыт плавание в мутных водах политики. Его победа ясно продемонстрировала, что израильтяне увидели в нем то, олицетворением чего раньше был Ицхак Рабин, с которого Барак брал пример: возможность добиться мира и безопасности для страны. Не менее важно, что благодаря своей уверенной победе Барак мог создать такую правящую коалицию в кнессете, которая позволяла ему делать трудные шаги в ходе мирного процесса. У премьер-министра Нетаньяху такой возможности тогда не было.

На следующий день на встречу со мной приехал король Иордании Абдулла, полный надежд на мир и решимости стать достойным преемником своего отца. Он ясно осознавал все трудности, с которыми сталкиваются его страна и мирный процесс. Меня поразило его понимание проблем экономики

и того, какую роль она может сыграть в достижении согласия и примирения. После нашей встречи я пришел к убеждению, что Абдулла и его жена, королева Рания, которая произвела на меня не менее сильное впечатление, будут на протяжении долгого времени играть в регионе позитивную роль.

Двадцать шестого мая Билл Перри доставил мое письмо лидеру Северной Кореи Ким Чен Иру. В нем я предлагал план будущего сотрудничества, согласно которому Америка предоставит ему широкую помощь, но только при условии его отказа от замыслов создания ядерного оружия и ракет большой дальности. В 1998 году Северная Корея сделала конструктивный шаг, прекратив испытания подобных ракет, и я думал, что у миссии Перри есть хорошие шансы на успех.

Через два дня мы с Хиллари поехали на базу отдыха «Уайт-Оук-Плантейшн» Национального комитета демократической партии, расположенную в северной Флориде, где был самый большой в Соединенных Штатах заказник для охоты на дичь. Я встал в четыре часа утра для того, чтобы посмотреть по телевизору церемонию инаугурации нового президента Нигерии, бывшего генерала Олусегуна Обасаньо. После обретения независимости Нигерия страдала от коррупции, региональных и религиозных конфликтов и ухудшения условий жизни людей. Несмотря на то что страна добывала много нефти, ее жители часто испытывали нехватку электроэнергии и топлива. После военного переворота в 1970-х годах Обасаньо ненадолго захватил власть, а затем, следуя своему обещанию, сразу после проведенных выборов от нее отказался. Позже из-за своих политических взглядов он оказался в тюрьме, где стал набожным христианином и писал книги о своей вере. Трудно себе представить светлое будущее для Африки без прогресса в Нигерии — страны с самой большой численностью населения на этом континенте. После того как я прослушал сильную инаугурационную речь Обасаньо, у меня появилась надежда, что он сумеет добиться успеха там, где другие потерпели неудачу.

На «внутреннем фронте» я начал месяц с того, что объявил о важных успехах в сфере очистки воздуха. Мы уже сократили на 90 процентов токсичные отходы химической промышленности и установили жесткие стандарты, чтобы уменьшить смог и выбросы сажи. Эта мера была призвана резко снизить уровень заболеваемости астмой среди детей. 1 мая, после длительных консультаций с представителями промышленности, экологами и организациями потребителей, я распорядился, чтобы руководитель Агентства по охране окружающей среды Кэрол Браунер объявила о введении требований, в соответствии с которыми на всем пассажирском автотранспорте, включая спортивные автомобили, расходующие много бензина, необходимо придерживаться одинаковых стандартов, ограничивающих содержание в выхлопах вредных веществ. Она также сообщила, что за пять лет мы планируем уменьшить содержание серы в бензине на 90 процентов.

Я объявил о новой инициативе в сфере борьбы с преступностью. Она предусматривала выделение средств, необходимых для завершения наших усилий по выводу на улицы дополнительно 100 тысяч полицейских (более

половины из них уже начали свою работу); расширение программы «Фараоны» (COPS), чтобы обеспечить районы с самым высоким уровнем преступности 50 тысячами дополнительных полицейских; приравнение к государственным преступлениям обладание биологическими препаратами, которые могут быть использованы террористами для производства оружия, за исключением случаев, когда такие вещества применяются в законных и мирных целях.

Двенадцатое мая стало днем, который, я надеялся, никогда не наступит: Боб Рубин вернулся к частной жизни. Я считал, что он был наилучшим, выдающимся министром финансов после Александра Гамильтона, занимавшего этот пост в первые годы нашей Республики. Одновременно Боб был и первым руководителем Национального экономического совета. На обоих этих постах он сыграл решающую роль в наших усилиях возобновить экономический рост и дать возможность воспользоваться его благами большому числу американцев; помогал предотвращать и сдерживать распространение финансовых кризисов за границей и модернизировать международную финансовую систему, чтобы она соответствовала глобальной экономике, в условиях которой национальные границы ежедневно пересекает более триллиона долларов. Боб был оплотом стабильности и во время испытаний импичментом. Он не только выступил на встрече, где я извинялся перед членами моего кабинета, но и постоянно напоминал нашим сотрудникам, что они должны гордиться своей работой, и предупреждал их о необходимости сохранять объективность. По словам одного из молодых сотрудников, Боб сказал ему, что, если он проживет достаточно долго, то также сможет совершить проступок, которого потом будет стыдиться.

Придя в администрацию, Боб, вероятно, был самым состоятельным человеком в нашей команде. После того как в 1993 году он поддержал экономический план, предполагавший увеличение налогов для самых богатых американцев, я любил пошутить, что «Боб Рубин приехал в Вашингтон, чтобы спасти средний класс, а когда он отсюда уедет, тоже будет человеком из среднего класса». Но теперь, когда Боб снова возвращался к частной жизни, я мог больше не беспокоиться о его финансовом положении.

Преемником Рубина я назначил его заместителя, Ларри Саммерса, который все последние шесть лет провел в самой гуще экономических проблем и был готов к их решению. Стью Айзенштату, помощнику госсекретаря по экономическим вопросам, я доверил пост заместителя министра финансов. Стью удачно решил целый ряд ответственных задач, наиболее важной из которых была так называемая проблема «Золота нацистов». Нас проинформировал о ней Эдгар Бронфман-старший, который обратился к Хиллари с просьбой о встрече, и она согласилась с ним увидеться. Айзенштат возглавил наши попытки восстановить справедливость и выплатить компенсацию людям, пережившим холокост, а также их семьям. Они были ограблены нацистами и потеряли все свое имущество и финансы, когда их отправили в концентрационные лагеря.

Вскоре мы с Хиллари вылетели в Колорадо, чтобы встретиться с учениками средней школы Коломбайн и их родителями. Несколько днями

ранее Сенат принял мое предложение о прекращении импорта в страну крупнокалиберных патронов и обойм, использовавшихся для того, чтобы обойти запрет на продажу штурмового оружия, а также одобрил законопроект о запрете продажи оружия подросткам. Несмотря на активные лоббистские усилия Национальной стрелковой ассоциации, Ал Гор сумел выйти из тупика (голоса в Сенате поначалу разделились поровну) и ликвидировать «дыру» в законе Брейди, утвердив запрет на продажу оружия на выставках без проверки благонадежности покупателя, которая, согласно этому закону, уже проводилась при продаже оружия в магазинах.

Хотя люди в общине все еще скорбели по погибшим, ученики стали возвращаться в школу. И дети, и их родители были решительно настроены на то, чтобы уменьшить шансы повторения трагедий, подобных случившейся в Коломбайн. Они знали, что, хотя похожие драмы разыгрывались в других школах и раньше, события, произошедшие именно здесь, поразили самую душу Америки. Я сказал собравшимся, что благодаря тому, что пережили эти школьники, они могут помочь Америке построить более безопасное будущее. Хотя Конгресс так и не ликвидировал «дыру» в законе, связанную с выставками оружия, во время выборов 2000 года именно из-за трагедии в Коломбайн избиратели консервативного штата Колорадо подавляющим большинством голосов проголосовали за то, чтобы закрыть эту «лазейку» в законах своего штата.

«Мир Уайтуотер» в мае все еще давал о себе знать, поскольку Кеннет Старр, несмотря на свое поражение на судебном процессе по делу Сюзан Макдугал, продолжил выдвигать обвинения против Джулии Хайет Стил. Это дело закончилось тем, что присяжные так и не смогли прийти к единому мнению и вынести вердикт. В консервативной северной Вирджинии такой итог был еще одним поражением независимого прокурора и его тактики. После всех усилий Старра «раскрутить» дело Джонс единственным человеком, которому он смог предъявить обвинение, оказалась Стил — очередная невинная свидетельница, отказавшаяся лгать ему в угоду. Офис Старра провел четыре процесса и три из них проиграл.

В июне бомбардировки наконец сломали волю Милошевича к сопротивлению. 2 июня Виктор Черномырдин и президент Финляндии Марти Ахтисаари лично передали ему требования НАТО, которые Милошевич и сербский парламент согласились удовлетворить. Как и ожидалось, несколько последующих дней были напряженными и ушли на согласование деталей, но 9-го числа НАТО и сербское военное командование договорились о выводе сербских войск из Косово и размещении там международных сил безопасности под командованием НАТО. На следующий день Хавьер Солана дал команду генералу Кларку остановить воздушные налеты, Совет Безопасности ООН принял резолюцию, в которой приветствовалось окончание войны, а я объявил американскому народу, что после семидесяти дней бомбардировок они завершены, сербские войска выводятся из Косово, а миллион мужчин, женщин и детей, которые были вынуждены бежать оттуда, получили возможность вернуться в свои дома. Обратившись к нации из Овального кабинета, я поблагодарил наши вооруженные силы за отлич-

ное выполнение задачи, а американский народ — за то, что он решительно боролся с этническими чистками и оказывал щедрую помощь беженцам, многие из которых приехали в Америку.

Командующий объединенными силами Уэсли Кларк умело и решительно руководил кампанией, проделав вместе с Хавьером Соланой огромную закулисную работу для обеспечения единства альянса и его решимости бороться до победы и в моменты неудач, и в дни, когда все складывалось благополучно. То же самое можно было сказать и обо всей моей команде по национальной безопасности. Даже когда бомбардировки продолжались уже более недели, не принося видимого результата, и мы начали сомневаться в их эффективности, Билл Коуэн и Хью Шелтон твердо верили, что авиаудары принесут успех, если мы в течение двух месяцев сможем обеспечить единство коалиции. Ал Гор, Мадлен Олбрайт и Сэнди Бергер сохраняли хладнокровие в самые трудные дни сомнений и неудач. Ал сыграл важнейшую роль в улаживании наших отношений с Россией, поддерживая контакт с Виктором Черномырдиным и позаботившись о выработке общей позиции, когда последний вместе с Ахтисаари отправился в Сербию, чтобы попытаться убедить Милошевича прекратить бессмысленное сопротивление.

Одиннадцатого июня я пригласил делегацию конгрессменов на военновоздушную базу Уайтмен в штате Миссури, чтобы выразить особую благодарность экипажам бомбардировщиков В-2 «Стелс» и обслуживающему их техническому персоналу. Эти самолеты летали из Миссури в Сербию, чтобы проводить ночные бомбардировки, во время которых В-2 действуют наиболее эффективно, а потом возвращались обратно. В целом за время кампании в Косово было совершено 30 тысяч боевых вылетов и потеряно всего два самолета, экипажи которых не пострадали.

После успешного завершения авианалетов Джон Киган, пожалуй, самый авторитетный из ныне живущих военных историков, опубликовал в британской прессе очень интересную статью о кампании в Косово. Он честно признался в том, что сомневался в эффективности бомбардировок, но оказался неправ. Главной причиной неудач подобных кампаний в прошлом Киган считал то, что большая часть бомб не попадала в цель. Оружие, которое применялось в Косово, было более точным, чем использовавшееся во время войны в Заливе; и хотя и в Косово, и в Сербии некоторые бомбы прошли мимо целей, жертв среди гражданского населения оказалось значительно меньше, чем в Ираке. Я по-прежнему убежден, что, если бы мы ввели сухопутные войска, то понесли бы большие потери, но, тем не менее, был готов пойти и на это, если бы подобные операции потребовались для победы над Милошевичем. Успех воздушной кампании в Косово перевернул новую страницу в военной истории.

Перед окончательным урегулированием ситуации возник еще один напряженный момент. Через два дня после официального окончания военных действий около пятидесяти бронетранспортеров с двумя сотнями российских солдат устремились из Боснии в Косово и, не согласовав своих действий с НАТО, заняли аэропорт в Приштине. Это произошло за четыре часа до

того, как туда по мандату ООН прибыли силы Североатлантического союза. Русские претендовали на то, чтобы контролировать аэропорт.

Уэс Кларк был взбешен. Я не мог его за это винить, но знал, что мы, к счастью, не стоим на пороге третьей мировой войны. За сотрудничество с нами Ельцин подвергся дома резкой критике со стороны ультранационалистов, симпатизировавших сербам. Я считал, что он просто решил «бросить им кость». Вскоре британский командующий, генерал-лейтенант Майкл Джексон, смог мирно разрешить эту ситуацию, и 18 июня госсекретарь Коуэн и министр обороны России заключили соглашение, в соответствии с которым российские войска присоединились к силам НАТО, получившим мандат ООН для миротворческой операции в Косово. 20 июня оттуда был завершён полный вывод югославских войск, и через две недели, по оценкам Верховного комиссара ООН по делам беженцев, туда уже вернулись более 756 тысяч жителей.

По своему опыту в Боснии мы уже знали, что даже после завершения конфликта в Косово нам предстоит ещё много работы. Нужно было обеспечить безопасное возвращение беженцев, разминировать минные поля, восстановить и отремонтировать дома, обеспечить пищей, медикаментами и убежищем бездомных, разоружить Армию освобождения Косово, создать безопасные условия и для косовских албанцев, и для сербского меньшинства, организовать гражданскую администрацию, восстановить функционирование экономики. Это была большая работа, существенную часть которой предстояло выполнить нашим европейским союзникам, в то время как Америка несла львиную долю расходов на авиационные удары.

Несмотря на все проблемы, которые предстояло решить в будущем, я чувствовал удовлетворение и облегчение. Десятилетняя кровавая кампания Слободана Милошевича, в которой он использовал этнические и религиозные противоречия для того, чтобы сохранить свой режим в бывшей Югославии, заканчивалась. Горящие деревни и убийства невинных людей остались в прошлом. Я знал, что со временем станет историей и сам Милошевич.

В тот день, когда было достигнуто соглашение с Россией, мы с Хиллари находились в Кельне, в Германии, на ежегодном саммите «Большой восьмерки». Эта встреча оказалась одной из самых важных среди подобных саммитов за все восемь лет моего пребывания на посту президента. Отметив успешное завершение конфликта в Косово, мы поддержали рекомендации наших министров финансов по модернизации международных финансовых институтов и национальной политики наших стран, чтобы они соответствовали вызовам глобальной экономики, и объявили о предложении, которое я решительно поддерживал: простить бедным странам в честь начала нового тысячелетия существенную часть их задолженности, если они согласятся направить эти средства на образование, медицину и развитие экономики. Такая инициатива была созвучна раздававшимся по всему миру призывам к прощению долгов, которые наиболее активно поддерживали Папа Иоанн Павел II и мой друг Боно.

После саммита мы вылетели в Словению, чтобы поблагодарить ее жителей за поддержку НАТО во время конфликта в Косово и помощь беженцам, а потом — в Македонию, где президент Киро Глигоров, несмотря на экономические трудности и этническую напряженность в собственной стране, принял 300 тысяч человек, потерявших кров. Мы с Хиллари и Челси посетили лагерь беженцев в Скопье и услышали ужасные истории о том, что пришлось пережить этим людям. У нас также состоялась встреча с военнослужащими международных сил безопасности, размещенными в Македонии, и я впервые получил возможность лично поблагодарить Уэса Кларка.

Политическая жизнь начала активизироваться в июне. 16-го числа Ал Гор объявил о своем намерении баллотироваться на пост президента. Его вероятным оппонентом стал губернатор Джордж Буш — кандидат, которого предпочитали и правые республиканцы, и их политический истеблишмент. Буш уже получил больше финансовых пожертвований, чем Ал Гор и его главный соперник в нашей партии, бывший сенатор от штата Нью-Джерси Билл Брэдли, вместе взятые. Хиллари готовилась включиться в избирательную гонку в Нью-Йорке. К тому времени, когда мы должны были покинуть Белый дом, она уже более двадцати шести лет помогала мне в моей политической карьере. Я был бы счастлив поддерживать ее на протяжении следующих двадцати шести лет.

Когда мы вступили в новый политический сезон, я стал уделять гораздо больше внимания тому, чтобы наша активность в Конгрессе оставалась на прежнем уровне, а мое правительство действовало так же энергично. Если президент не заботится о том, чтобы постоянно поддерживать свою политику, начинает преобладать инерция. Некоторые демократы считали для себя более выгодной ситуацию, когда принималось меньше новых законов: тогда они могли утверждать, что «республиканцы ничего не дают делать в Конгрессе». В то же время многие республиканцы просто не хотели, чтобы я добился новых успехов. Меня удивляло, насколько некоторые из них все еще чувствовали себя уязвленными, хотя прошло уже четыре месяца после проигранной ими битвы вокруг импичмента, особенно если учесть то обстоятельство, что я ни публично, ни в неофициальной обстановке их не критиковал.

Каждое утро, просыпаясь, я пытался забыть о своих обидах и продолжать работать в духе примирения. Республиканцы, похоже, решили вернуться к теме, о которой трубили начиная с 1992 года, — что я бесхарактерный человек, которому нельзя верить. Во время конфликта в Косово порой даже складывалось впечатление, что некоторые республиканцы желали нам поражения. Один республиканский сенатор оправдывал прохладную реакцию своих коллег на успехи наших вооруженных сил тем, что я утратил их доверие. Они обвиняли меня даже в собственных неудачных попытках остановить этнические чистки.

Мне казалось, что республиканцы стремились поставить меня в заведомо проигрышную ситуацию. Если бы я каялся и рвал на себе волосы, они сказали бы, что в таком состоянии я не могу руководить страной. Если бы я был счастлив, они решили бы, что я злорадствую, так как мои «проделки» сошли

мне с рук. Через шесть дней после моего оправдания в Сенате я отправился в Нью-Хэмпшир, чтобы отпраздновать седьмую годовщину своей победы на первичных выборах в этом штате. Некоторые из моих критиков сказали бы, что у меня нет оснований чувствовать себя счастливым, но я был счастлив, и по нескольким причинам: со мной приехали повидаться все мои старые друзья; я познакомился с молодым человеком, который сказал, что тогда, семь лет назад, он голосовал впервые в своей жизни и отдал свой голос за меня, и я выполнил свои обещания; а также встретился с женщиной, утверждавшей, что я вдохновил ее на то, чтобы отказаться от жизни на социальное пособие, выучиться на медицинскую сестру и пойти работать. К 1999 году она уже была членом Совета медицинских сестер штата Нью-Хэмпшир. Вот для таких людей я и занимался политикой.

Прежде всего, я никак не мог понять, почему республиканцы и некоторые комментаторы утверждали, что я «вышел сухим из воды». Публичное унижение, боль моей семьи, огромные долги по счетам адвокатов и крупные выплаты, чтобы удовлетворить иск Джонс после того, как я выиграл это дело; годы судебных разбирательств и постоянной критики в прессе, которые мы с Хиллари пережили; беспомощность, которую я ощущал, когда многие невинные люди в Вашингтоне и Арканзасе подвергались судебному преследованию и потерпели из-за этого финансовый крах, — все это лежало на мне тяжким грузом. Я приносил извинения и старался продемонстрировать свою искренность, общаясь и сотрудничая с республиканцами, но, как выяснилось, всего этого было недостаточно. И не могло быть достаточно по одной простой причине: я выжил и продолжал служить тому и бороться за то, во что верил. В первую очередь, моя борьба с новыми правыми республиканцами была борьбой за власть. Я считал, что источник власти — это люди: именно они могут дать власть и могут ее лишить. А вот мои оппоненты полагали, что народ, дважды избрав меня президентом, совершил ошибку, и были готовы использовать мои личные просчеты, чтобы постоянно меня атаковать.

Я считал, что моя позитивная стратегия для меня лично является оптимальной и дает мне возможность лучше выполнять свою работу. Однако я не был уверен в том, что это самая эффективная тактика политической борьбы. Чем больше нападали на меня республиканцы, тем бледнее становились воспоминания о том, что делал Кен Старр и как вели себя представители республиканской партии в процессе импичмента. Пресса, естественно, ориентируется на сегодняшние, а не на вчерашние события; именно конфликтные ситуации становятся темами новостей. Это помогает агрессору получать преимущество независимо от того, насколько обоснованны его нападки. Вскоре, вместо того чтобы спрашивать меня о том, могу ли я забыть и простить, пресса снова начала задавать мне вопросы о том, есть ли у меня моральный авторитет, чтобы вести за собой нацию. Республиканцы набросились также на Хиллари, поскольку теперь она уже была не вызывающей сочувствие женой своего недостойного мужа, а сильной женщиной, которая ищет свой собственный путь в политике. И все же в целом я был удовлетворен положением вещей: страна двигалась в правильном направлении, рейтинг одобрения моей работы оставался высоким, и нам еще многое предстояло сделать.

Хотя я всегда буду сожалеть о допущенных мною ошибках, тем не менее и сходя в могилу, я буду продолжать гордиться тем, как сражался в битве с импичментом. Это было моим последним крупным сражением с силами, которым я противостоял всю свою жизнь, — с теми, кто защищал старый режим дискриминации и расовой сегрегации на Юге и играл на тревогах и страхах белых людей из рабочего класса, среди которых я вырос; с теми, кто оказывал сопротивление движению за равные права женщин, активистам-экологам, сторонникам предоставления равных прав сексуальным меньшинствам, а также другим подобным усилиям, объявляя их угрозой национальным ценностям; с теми, кто считал, что государство должно служить интересам состоятельных и влиятельных людей, и предпочитал снижение налогов для богатых ассигнованиям на здравоохранение и образование.

Еще будучи мальчишкой, я был на другой стороне. Во-первых, силы реакции и раскола, выступавшие за сохранение статус-кво, представляли те демократы, которые выступали против борьбы за гражданские права. Когда демократическая партия под руководством Трумэна, Кеннеди и Джонсона стала поддерживать движение за гражданские права, южные консерваторы перешли в республиканскую партию, в 1970-х годах вступившую в союз с находившимися на подъеме религиозными движениями правого толка.

Когда «новые правые» республиканцы получили контроль над Конгрессом в 1995 году, я заблокировал их наиболее экстремистские предложения и сделал условием нашего сотрудничества дальнейший прогресс в области экономической и социальной справедливости, а также в сфере защиты окружающей среды. Я понимал, почему люди, которые обожествляли политический, экономический и социальный консерватизм, ненавидят меня: я хотел, чтобы Америка была страной общих благ, общей ответственности и равного участия граждан в жизни демократического общества. «Новые правые» республиканцы хотели создать такую Америку, где богатство и власть концентрировались бы в руках определенных людей, обеспечивающих себе поддержку большинства, демонизируя то одно, то другое меньшинство, чье полноценное включение в социальную жизнь создавало угрозу их власти. Они ненавидели меня и потому, что я, по их мнению, был отступником — белым южанином-баптистом, который мог привлечь на свою сторону именно тех людей, поддержку которых они всегда считали для себя гарантированной.

Теперь, когда мои личные прегрешения стали публичным достоянием, «новые правые» получили возможность бросать в меня камни до самых моих последних дней. Меня это злило, но я был рад, что история дала мне шанс бороться против этого последнего воплощения сил реакции и раздора за новое, более совершенное и единое общество.

В начале июня я выступил с радиообращением, чтобы дать американцам разъяснение относительно психических проблем, с которыми столкнулась Типпер Гор. Я назначил Типпер моим официальным советником по вопросам психического здоровья, и не так давно она мужественно рассказала о своем личном опыте борьбы с депрессией. Через два дня мы с Хиллари присоединились к Алу и Типпер Гор на конференции по проблемам психического здоровья, которая проводилась в Белом доме. Мы говорили о тяжелых личных, экономических и социальных последствиях психических заболеваний, которые неизбежны, если страдающие ими люди не получают медицинской помощи.

В оставшиеся дни месяца я уделил особое внимание нашим мерам по повышению безопасности обращения с огнестрельным оружием; усилиям, направленным на разработку вакцины против СПИДа; моей инициативе сделать вопросы экологии и прав трудящихся обязательными элементами торговых переговоров с зарубежными странами; докладу, подготовленному для президента Консультативным советом по внешней разведке, о проблемах безопасности в лабораториях Министерства энергетики, занимающихся разработкой оружия. Я также рассмотрел планы восстановления льгот — медицинских и по утрате трудоспособности — для легальных иммигрантов; предложение по предоставлению помощи на основе программы «Медикэр» нетрудоспособным американцам, которые не могут оплатить расходы на лечение, потеряв возможность пользоваться своей медицинской страховкой из-за того, что поступили на работу; законопроект, призванный помочь повзрослевшим воспитанникам детских домов приспособиться к новой самостоятельной жизни; а также план модернизации программы «Медикэр» и продления срока существования ее трастового фонда.

Я с нетерпением ждал июля, предполагая, что это будет предсказуемый и позитивный месяц. Я собирался объявить, что белоголовый орел* исключен из списка видов, которым угрожает вымирание, а Ал Гор предполагал рассказать о нашем плане полного восстановления болот Эверглейдс во Флориде. Хиллари должна была начать свои предвыборные встречи с избирателями на ферме сенатора Мойнихена в Пиндарс-Корнерс на севере штата Нью-Йорк, а я планировал совершать поездки по стране, посещая бедные общины, чтобы продвигать мою инициативу «новых рынков» с целью привлечения инвестиций в районы, где еще не начался экономический рост. Все намеченное мы выполнили, но одновременно произошли и незапланированные, тяжелые или трагические события.

---

* Белоголовый орел служит символом США и изображен на американском гербе. — *Прим. пер.*

Мне позвонил премьер-министр Пакистана Наваз Шариф и спросил, смогу ли я принять его в Вашингтоне 4 июля, чтобы обсудить опасное противостояние с Индией, начавшееся несколькими неделями ранее, когда пакистанские войска под командованием генерала Первеза Мушаррафа пересекли так называемую линию контроля в Кашмире, которая была признанной и в основном соблюдаемой границей между Индией и Пакистаном. Шарифа беспокоило то, что ситуация, созданная Пакистаном, может стать неуправляемой, и он надеялся, что я не только смогу ему помочь разрешить кризис, но и стану посредником на переговорах с Индией. Еще до начала конфликта Шариф просил моей помощи, утверждая, что урегулирование проблемы в Кашмире требует моего внимания не меньше, чем Ближний Восток или Северная Ирландия. Я объяснил ему, что в упомянутых им регионах Соединенные Штаты были вовлечены в процесс примирения, поскольку этого хотели обе участвующие в противостоянии стороны, а в случае кашмирского конфликта Индия резко возражала против вмешательства извне.

Действия Шарифа озадачили меня, потому что в феврале премьер-министр Индии Атал Бехари Ваджпаи приезжал в Лахор в Пакистане, для проведения двусторонних переговоров, чтобы обсудить разногласия по Кашмиру и другие проблемы. Переговоры были сорваны из-за того, что Пакистан пересек линию контроля. Я не знал, то ли Шариф приказал начать вторжение, чтобы специально создать кризис, который, как он надеялся, приведет к американскому вмешательству в события, то ли просто побоялся противостоять влиятельным пакистанским военным. Как бы то ни было, Шариф оказался в ловушке, выбраться из которой оказалось нелегко.

Я сказал, что премьер-министр всегда будет желанным гостем в Вашингтоне, даже 4 июля, но если он хочет, чтобы я потратил на встречу с ним День независимости, то должен приехать в Соединенные Штаты, понимая две вещи: во-первых, он обязан согласиться на отвод своих войск за линию контроля, и, во-вторых, я не дам разрешения на вмешательство США в кашмирский конфликт, особенно в сложившихся обстоятельствах, потому что это может быть воспринято как поддержка неправомерных действий Пакистана.

Шариф ответил, что хочет приехать в любом случае. 4 июля мы встретились с ним в Блэр-хаус. День был знойным, но члены пакистанской делегации привыкли к жаре и в своих белых брюках и длинных туниках чувствовали себя более комфортно, чем сотрудники моей команды. Шариф опять убеждал меня помочь в разрешении кашмирского конфликта, а я в который раз объяснял ему, что без согласия Индии такое вмешательство не будет продуктивным, но обещал предпринять попытку убедить Ваджпаи возобновить двусторонний диалог при условии вывода пакистанских войск. Шариф согласился, и мы сделали совместное заявление, в котором говорилось, что будут предприняты шаги для восстановления границы по линии контроля и что я поддерживаю возобновление активных двусторонних переговоров после прекращения военных действий.

После встречи я подумал о том, что, видимо, Шариф приехал для того, чтобы, воспользовавшись давлением со стороны Соединенных Штатов,

обеспечить себе прикрытие, которое дало бы ему возможность отдать приказ военным прекратить боевые действия. Зная о шатком положении Шарифа на родине, я надеялся, что он сумеет сохранить свой пост, так как мне была необходима его поддержка в борьбе с терроризмом.

Пакистан — одна из немногих стран, имеющих тесные связи с «Талибаном» в Афганистане. Перед тем как Шариф приехал ко мне 4 июля, я уже трижды просил его помочь арестовать бен Ладена: на нашей встрече в декабре предыдущего года, на похоронах короля Хусейна и в телефонном разговоре, состоявшемся в июне, после которого я направил Шарифу письмо с напоминанием об этой просьбе. Мы располагали данными разведки, что «Аль-Каида» планировала нападения на сотрудников правительства США, американские представительства в разных странах мира и, возможно, даже в самих Соединенных Штатах. Нам удалось ликвидировать ряд ячеек «Аль-Каиды» и арестовать некоторых членов этой организации, но, пока Бен Ладен и его ближайшие помощники не были арестованы или ликвидированы, угроза сохранялась. 4 июля я прямо сказал Шарифу, что, если он не будет нам активно помогать, я объявлю, что Пакистан, по существу, поддерживает террористов в Афганистане.

В день встречи с Шарифом я подписал президентский указ, который вводил экономические санкции против «Талибана», замораживал его активы и запрещал коммерческие сделки с этой организацией. Одновременно американские инструкторы при поддержке Шарифа начали готовить шестьдесят пакистанских командос, чтобы заслать их в Афганистан для поимки бен Ладена. Шансы на успех этого предприятия я оценивал скептически: даже если Шариф искренне хотел нам помочь, среди пакистанских военных было много людей, симпатизировавших «Талибану» и «Аль-Каиде». Тем не менее я считал, что мы ничего не теряем и стоит использовать все возможности.

Через день после встречи с Шарифом в присутствии большой делегации, в которую входили видные представители бизнеса, конгрессмены, члены кабинета, преподобный Джесси Джексон и Ал Фром, я начал свой тур по «новым рынкам», начав с Хазарда, штат Кентукки.

Я был рад, что Джексон отправился с нами в эту поездку и что мы начали ее в Аппалачах — самом бедном среди районов США с исключительно белым населением. Джесси давно работал над тем, чтобы привлечь больше частных инвестиций в такие регионы. Наша дружба еще больше окрепла в год импичмента, когда он постоянно поддерживал мою семью, особое внимание уделяя Челси. Из Кентукки мы отправились в Кларксдейл, штат Миссисипи; Ист-Сент-Луис, штат Иллинойс; резервацию Пайн-Ридж, штат Южная Дакота; в Финикс, штат Аризона, где посетили район, населенный латиноамериканцами, и район Уоттс в Лос-Анджелесе.

Хотя в последние два года уровень безработицы в Америке оставался низким — чуть больше 4 процентов, все общины, которые мы посетили, и многие другие, им подобные, страдали от недостатка рабочих мест. Уровень безработицы в них был значительно выше, а доходов, напротив, су-

щественно ниже, чем в среднем по стране. Например, в Пайн-Ридж уровень безработицы превышал 70 процентов. Тем не менее везде, где мы побывали, я встречался с умными и трудолюбивыми людьми, чей вклад в экономику мог быть значительно бóльшим, чем был в то время.

Я считал, что политика привлечения дополнительных инвестиций в такие районы не только целесообразна, но и экономически выгодна. Мы уже добились самого высокого роста экономики и производительности труда в нашей истории. Существовало три возможности продолжить этот рост без усиления инфляции: продавать больше продукции и услуг в зарубежных странах; увеличивать уровень занятости определенных категорий населения, например получателей социальных пособий; оживлять новые рынки в Америке, уровень инвестиций в которые до сих пор был чрезмерно низким, а безработица — чересчур высоким.

По первым двум направлениям мы уже добились успехов, заключив более двухсот пятидесяти торговых соглашений и начав реформу социального обеспечения. По третьему направлению старт тоже оказался удачным: активно реализуя «Закон о реинвестициях на развитие общин», мы создали более ста тридцати зон поддержки и развития предпринимательства и банков развития, но эти действия пока еще не коснулись многих бедных общин и районов. Я готовил законопроект по увеличению на 15 миллиардов долларов инвестиций в центральные бедные районы крупных городов*, небольшие сельские городки и индейские резервации. Поскольку это были меры, направленные на развитие свободного предпринимательства, я надеялся получить твердую поддержку обеих партий. Меня также обнадеживало то обстоятельство, что в успехе этой программы был особо заинтересован спикер Хастерт.

Пятнадцатого июля Эхуд и Нава Барак приняли наше с Хиллари приглашение провести день в Кэмп-Дэвиде и переночевать там. После очень приятного совместного ужина мы с Эхудом проговорили до трех часов ночи. Было ясно, что он хочет успешно завершить мирный процесс и считает, что его убедительная победа на выборах дает ему право на это рассчитывать. Барак был настроен добиться существенных результатов именно в Кэмп-Дэвиде, особенно после того, как я показал ему здание, где в 1978 году проходили основные переговоры между Анваром Садатом и Менахемом Бегинном при посредничестве президента Картера.

Одновременно я пытался возобновить мирный процесс в Северной Ирландии. К тупиковой ситуации привели разногласия между «Шин Фейн» и юнионистами по поводу того, когда должна быть распущена ИРА — до или после формирования нового правительства. Я рассказал об этой проблеме Бараку, которого заинтересовали различие и сходство между мирным процессом в Северной Ирландии и в его регионе.

На следующий день пришло известие о гибели Джона Кеннеди-младшего, его жены Кэролайн и ее сестры Лорен: маленький самолет, который

---

* Центральные районы крупных городов США (inner cities) обычно населяют бедные люди; зачастую они представляют собой настоящие трущобы. Состоятельные люди живут в пригородах. — *Прим. пер.*

пилотировал Джон, потерпел катастрофу над океаном неподалеку от побережья штата Массачусетс. Я полюбил Джона еще тогда, когда впервые встретился с ним в 1980-х годах: в то время он был студентом-юристом и работал стажером в фирме Мики Кантора в Лос-Анджелесе. Джон пришел на одно из первых мероприятий моей избирательной кампании в Нью-Йорке в 1991 году, а незадолго до его гибели я с удовольствием показал ему и Кэролайн жилые этажи Белого дома. Тед Кеннеди произнес великолепную поминальную речь еще об одном погибшем члене своей семьи, отметив, что, «как и его отец, Джон был всесторонне одаренным человеком».

Двадцать третьего июля в возрасте семидесяти лет скончался король Марокко Хасан II. Он был союзником Соединенных Штатов, поддерживал ближневосточный мирный процесс, и у нас сложились великолепные личные взаимоотношения. И снова экс-президент Буш сразу согласился вылететь вместе со мной, Хиллари и Челси на похороны в Марокко. Вместе с президентом Мубараком, Ясиром Арафатом, Жаком Шираком и другими иностранными лидерами я прошел три мили по центральной части Рабата, следуя за конным катафалком. На улицы города вышло более миллиона людей, которые рыдали и стонали от горя, выражая почтение к своему усопшему монарху. Постоянный скорбный гул сделал эти похороны одним из самых необычных событий, в которых я принимал участие. Думаю, Хасан был бы удовлетворен тем, как его проводили в последний путь.

После короткой встречи с сыном и наследником Хасана королем Мохаммедом VI я вернулся домой, работал там пару дней, а потом вылетел в Сараево, где присоединился к нескольким главам европейских государств, вместе с которыми мы поддержали Пакт стабильности на Балканах — соглашение о помощи региону в решении его текущих проблем и дальнейшем экономическом развитии. Для этой цели расширялся доступ балканских товаров на наши рынки; начиналась работа по подготовке к принятию в ВТО стран Юго-Восточной Европы; предоставлялись инвестиции и гарантии по кредитам для поддержки частных вложений в регион.

Остаток лета пролетел быстро. Я продолжал обсуждать с республиканцами наши разногласия по бюджету, а также размеру и распределению предложенного ими сокращения налогов. Дик Холбрук был наконец утвержден в должности посла США в ООН. Процесс утверждения тянулся неимоверно долго: четырнадцать месяцев. Приближался срок, когда Хиллари должна была объявить о выдвижении своей кандидатуры в Сенат.

В августе мы совершили две поездки в Нью-Йорк, чтобы выбрать себе жилье. 28-го числа осмотрели в местечке Чаппакуа, что в сорока милях от Манхэттена, фермерский дом, который был заложен в конце XIX века, а потом существенно достроен в 1989 году. Старая его часть была очаровательной, а новая — просторной и полной света. Как только мы с Хиллари поднялись наверх, в спальню хозяев, я сказал ей, что нам нужно купить этот дом. Спальня находилась в новой, построенной в 1989 году, части здания. Там были очень высокие потолки, множество стеклянных дверей, выходящих во внутренний двор, и огромные окна на противоположной

от входа стене. Когда Хиллари спросила, на чем основано мое решение, я ответил: «Потому что тебе предстоит участвовать в трудной избирательной кампании. Будут и тяжелые, печальные дни. Эта прекрасная комната просто купается в свете, поэтому ты будешь просыпаться здесь утром в хорошем настроении».

Во второй половине августа я побывал в Атланте, чтобы наградить Президентской медалью свободы экс-президента Картера и его супругу за выдающиеся усилия, которые они предпринимали как частные граждане после окончания срока его полномочий. Через пару дней, во время церемонии в Белом доме, я вручил награды еще нескольким выдающимся американцам, включая президента Форда и сенатора Ллойда Бентсена. Другие награжденные — активисты движения за гражданские права, демократию, права трудящихся и экологию — были менее известны, чем Форд и Бентсен, но каждый из них внес уникальный и существенный вклад в развитие Америки.

Я принял участие в нескольких избирательных кампаниях, побывав вместе с Алом Гором в Арканзасе, чтобы встретиться с местными фермерами и афроамериканскими лидерами со всего Юга, а также в большом мероприятии для сбора финансовых пожертвований, на котором собралось много людей, поддерживавших мои прежние избирательные кампании. Я также выступал с речью и играл на саксофоне на предвыборном собрании, проводимом Хиллари на Мартас-Виньярд, и появлялся вместе с нею на подобных мероприятиях в Нью-Йорке, включая посещение ярмарки в городе Сиракьюс, где пообщался с фермерами, чувствуя себя среди них своим человеком. Я с удовольствием помогал Хиллари и Алу, и мне очень нравилось, что после того как на протяжении многих лет в проведении моих избирательных кампаний мне оказывали помощь другие люди, у меня появилась возможность завершить свою политическую карьеру так, как я ее когда-то начинал: участвуя в предвыборных мероприятиях тех людей, в которых верил.

В начале сентября наконец завершилось дело Генри Сиснероса. Независимый прокурор Дэвид Баррет предъявил ему обвинение по восемнадцати (!) эпизодам, поставив Генри в вину то, что во время интервью, которое проводило ФБР в 1993 году, он сознательно занизил свои личные расходы. За день до суда Баррет, который знал, что ему не выиграть дело, предложил следующее: Сиснерос признает себя виновным в незначительном нарушении закона, платит штраф в 10 тысяч долларов и освобождается от тюремного заключения. Генри согласился на это, чтобы избежать огромных затрат на услуги адвокатов, которых неизбежно потребовал бы длительный судебный процесс. Баррет потратил более 9 миллионов долларов налогоплательщиков на то, чтобы четыре года отравлять жизнь порядочному человеку. Всего за несколько недель до описываемых событий срок действия закона о независимом прокуроре истек.

Большую часть сентября я посвятил внешней политике. В начале месяца Мадлен Олбрайт и Деннис Росс отправились в Газу, чтобы поддержать Эхуда Барака и Ясира Арафата на следующем этапе реализации соглашений, достигнутых в Уай-Ривер, которые предусматривали открытие порта для палестинцев — дороги, соединяющей Западный берег реки Иордан и сектор

Газа; передачу под контроль палестинцев 11 процентов территории Западного берега и освобождение трехсот пятидесяти заключенных палестинцев. Затем Олбрайт и Росс отправились в Дамаск, чтобы побудить президента Асада побыстрее ответить на предложение Барака начать с ним мирные переговоры.

Девятого сентября я впервые в жизни отправился в Новую Зеландию, где проходил саммит Организации азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества. Челси поехала со мной, а Хиллари осталась дома, чтобы вести свою избирательную кампанию. Одна из главных тем саммита была связана с Индонезией и жестоким подавлением ее вооруженными силами движения за независимость в Восточном Тиморе. В этом католическом анклав страны с самым большим в мире мусульманским населением уже давно происходили конфликты. Большинство стран АТЭС поддерживало идею отправки в Восточный Тимор международных миротворческих сил. Готовность возглавить эту миссию выразил премьер-министр Австралии Джон Говард. Сначала индонезийцы возражали против такого предложения, но потом им пришлось подчиниться. Для отправки военных сил в Восточный Тимор была сформирована международная коалиция под руководством Австралии, и я заверил премьер-министра Говарда, что, если понадобится, готов послать пару сотен американских военнослужащих, чтобы обеспечить материально-техническое снабжение союзников.

Я также обсудил с президентом Цзяном проблему вступления Китая в ВТО, провел совместную дискуссию с Ким Дэ Чжунгом и Кейзо Обучи для того, чтобы подтвердить нашу общую позицию по Северной Корее, и впервые встретился с Владимиром Путиным — новым российским премьер-министром, которого Борис Ельцин избрал своим преемником. Путин был его полной противоположностью. Ельцин был высоким и плотным, а Путин — человеком небольшого роста, который благодаря долгим годам занятий боевыми искусствами находился в отличной физической форме. Ельцин был разговорчив, а бывший сотрудник КГБ Путин — сдержан и немногословен. После этой встречи я пришел к выводу, что Ельцин выбрал преемника, обладающего навыками и способностями, которые позволят ему лучше справиться с трудной задачей управления бурной политической и экономической жизнью России, чем, учитывая проблемы со здоровьем, это удастся ему самому. К тому же Путин обладал достаточной твердостью и волей, чтобы защищать интересы России и то наследие, которое ему оставил Ельцин.

Перед тем как мы покинули Новую Зеландию, Челси, мне и моим сотрудникам представилась возможность ознакомиться с этой прекрасной страной. Премьер-министр Дженни Шипли и ее супруг Бертон принимали нас в Квинстауне. Я там сыграл в гольф с Бертоном, Челси исследовала пещеры вместе с детьми Шипли, а некоторые из моих сотрудников спрыгнули с высокого моста на эластичном тросе. Джин Сперлинг пытался уговорить меня тоже попробовать, но я сказал ему, что уже пережил в своей жизни все свободные падения, которые был в силах выдержать.

Последним пунктом нашей поездки стал Международный антарктический центр в Крайстчерче, который служил базой для американских иссле-

дований Антарктиды. В центре находился большой тренажер, на котором моделировались суровые антарктические морозы. Я отправился туда, чтобы снова привлечь внимание к проблеме глобального потепления. Антарктида — это огромный «холодильник» нашей планеты, покрытый двухкилометровым слоем льда, от которого из-за глобального потепления недавно отломился огромный кусок размером со штат Род-Айленд. Я дал разрешение на публикацию ранее засекреченных спутниковых фотографий этого континента, чтобы ученые смогли лучше изучить происходящие здесь изменения. Для меня и Челси наиболее запомнившимся событием стало знакомство с сэром Эдмундом Хиллари, который в 1950-х годах исследовал Южный полюс и первым ступил на вершину горы Эверест, а самое главное, был тем человеком, в честь которого получила свое имя мама Челси.

Вскоре после возвращения в Америку я отправился в Нью-Йорк, чтобы открыть последнюю сессию Генеральной Ассамблеи ООН в XX столетии. Я призвал делегатов принять три резолюции, призванные усилить борьбу с бедностью и сделать глобальную экономику более гуманной; активизировать наши усилия по предупреждению и прекращению убийств невинных людей в этнических, религиозных, расовых и племенных конфликтах; способствовать предотвращению использования ядерного, химического или биологического оружия безответственными странами или террористическими группами.

В конце месяца я вернулся к внутренним проблемам, наложив вето на последнее из предложений республиканцев по снижению налогов, потому что оно было «слишком большим и раздутым», и в случае реализации непомерно тяжелым бременем легло бы на американскую экономику. Если бы мы приняли эти предложения, то значительное сокращение ассигнований на образование, здравоохранение и охрану окружающей среды стало бы неизбежным. Нам не удалось бы продлить существование трастовых фондов социального страхования и программы «Медикэр» и дополнить ее крайне необходимыми льготами на покупку лекарств, отпускаемых по рецептам.

По прогнозам, профицит бюджета в текущем году должен был составить 100 миллиардов долларов, но предложенное республиканцами сокращение налогов привело бы к тому, что через десять лет бюджетные поступления уменьшились бы на триллион долларов. Предложения республиканцев основывались на прогнозируемом повышении бюджетных доходов, но мои оценки были значительно более консервативными. Если бы прогнозы оказались неверными, это бы снова привело к дефициту бюджета, а следовательно, повышению процентных ставок и замедлению экономического роста. В предыдущие пять лет ежегодные прогнозы Бюджетного управления Конгресса расходились с реальными данными в среднем на 13 процентов, оценки же нашей администрации оказывались более точными. Опирались на подобные предположения было безответственным риском. Я попросил республиканцев сотрудничать с Белым домом и демократами в том же духе, который сделал возможным принятие поддержанного обеими партиями закона о реформе социального обеспечения в 1996 году и закона о сбалансированном бюджете в 1997 году.

Двадцать четвертого сентября в Старом здании Исполнительного управления мы с Хиллари проводили прием, посвященный успеху, которым увенчались усилия обеих партий, направленные на увеличение числа американских семей, усыновивших детей, ранее находившихся на воспитании в детских домах и приютах. За два года, прошедшие с момента принятия соответствующего закона, таких семей стало больше на 30 процентов. Я отдал должное Хиллари, которая работала над решением данной проблемы более двадцати лет, и, пожалуй, самому активному стороннику этих реформ в Палате представителей Тому Делею, который сам был приемным отцом.

Я бы хотел, чтобы подобных моментов стало больше, но, к сожалению, даже после этого случая Делей не верил, что можно сотрудничать с «врагом».

Столкновения с республиканцами возобновились в начале октября, когда Сенат, во время голосования жестко отслеживающий партийную принадлежность кандидатов, не утвердил мое предложение о назначении Ронни Уайта на должность федерального окружного судьи. Уайт был первым афроамериканцем — членом Верховного суда штата Миссури и очень уважаемым судьей. Его не утвердили после того, как консервативный сенатор от штата Миссури Джон Эшкрофт, ведущий тяжелую борьбу за переизбрание с губернатором Мелом Карнаханом, существенно искажил информацию о том, как Уайт рассматривал дела, по которым обвиняемые приговаривались к смертной казни. Уайт проголосовал за утверждение 70 процентов таких вердиктов, причем более чем в половине тех случаев, когда он выступал против утверждения смертного приговора, к такому же мнению единодушно приходили и другие судьи. Эшкрофт ввел в заблуждение своих коллег-республиканцев, так как думал, что это поможет ему в борьбе против поддерживавшего Уайта губернатора Карнахана и принесет голоса избирателей — сторонников смертной казни в штате Миссури.

Эшкрофт был не единственным человеком, политизировавшим процесс утверждения кандидатур в Сенате. К этому времени сенатор Джесси Хелмс уже на протяжении многих лет не давал разрешения Сенату проголосовать за утверждение чернокожего судьи в качестве члена федерального Апелляционного суда Четвертого округа, хотя в этом суде еще никогда не заседал афроамериканец. И после этого республиканцы удивлялись, почему чернокожие за них не голосуют!

Наши межпартийные разногласия распространились даже на договор о запрещении испытаний ядерного оружия, который со времен Эйзенхауэра поддерживали все президенты, — как республиканцы, так и демократы. За его подписание выступал Объединенный комитет начальников штабов, и наши эксперты по ядерному оружию тоже говорили, что для проверки его надежности не нужны испытания, но мы не могли получить две трети голосов в Сенате, необходимые для ратификации договора, и Трент Лотт пытался убедить меня не ставить этот вопрос на голосование до истечения срока моих полномочий. Я не мог понять: то ли взгляды сенаторов-республиканцев действительно настолько «поправели», то ли они просто не хотят давать мне возможность добиться еще одного успеха. В любом случае их

отказ ратифицировать договор о запрещении ядерных испытаний ослаблял убедительность наших аргументов в пользу того, что другие страны не должны разрабатывать или испытывать подобное оружие.

Я продолжал помогать Алу Гору и другим демократам проводить избирательные кампании, включая участие в двух встречах с активистами движения сексуальных меньшинств, которые активно поддерживали Ала и меня, поскольку среди сотрудников нашей администрации было довольно много геев и лесбиянок, открыто заявивших о своей сексуальной ориентации. Кроме того, мы решительно поддержали закон «О недопустимости дискриминации при приеме на работу» и законы о преступлениях, мотивом которых является ненависть. В соответствии с ними противоправные действия, совершенные против людей из-за их расы, инвалидности или сексуальной ориентации, приравнивались к нарушениям федерального уголовного законодательства, которые должны расследоваться ФБР.

Как только у меня появлялась возможность, я приезжал в Нью-Йорк, чтобы поддержать Хиллари. Ее вероятным оппонентом был мэр Нью-Йорка Руди Джулиани — агрессивный и противоречивый человек, но совсем не такой консервативный, как республиканцы в Конгрессе. У меня с ним сложились теплые отношения, во многом потому, что мы оба поддерживали программу «Фараон» (COPS), предусматривавшую усиление полиции и меры по контролю над продажей огнестрельного оружия.

Джордж Буш уверенно двигался к тому, чтобы стать кандидатом от республиканцев, так как многие соперники уже сняли свои кандидатуры и его единственным реальным оппонентом оставался сенатор Джон Маккейн. Я находился под впечатлением от избирательной кампании Буша с тех пор, как на ферме в Айове впервые услышал от него о «сострадательном консерватизме». Я думал, что эта блестящая формулировка — единственная возможность убедить людей голосовать против администрации, деятельность которой одобряло 65 процентов избирателей. Буш не мог оспаривать того, что мы создали 19 миллионов новых рабочих мест, что продолжался экономический рост и уже седьмой год подряд снижался уровень преступности. Вместо этого, разъярив избирателей, не определивших свою позицию, предложенную им идею «сострадательного консерватизма», Буш обещал: «Я обеспечу вам такие же хорошие условия, но с меньшим числом правительственных чиновников и большим сокращением налогов. Вам это нравится?» По большинству вопросов Буш был солидарен с консервативными республиканцами из Конгресса, но критиковал их проект бюджета как слишком жесткий по отношению к бедным, поскольку он предусматривал повышение налогов для американцев с низкими доходами, отменял налоговый кредит на заработанный доход и одновременно сокращал налоги для богатых.

Несмотря на то что Буш был опасным противником и опытным политиком, я верил, что Ал Гор выиграет, хотя ранее это удавалось только двум вице-президентам — Мартину Ван Бурену и Джорджу Бушу-старшему. Страна находилась в хорошей форме, и наша администрация пользовалась прочной поддержкой. Все вице-президенты, которые выставляли свою кандидатуру на выборах в президенты, сталкивались с двумя проблемами: большинство

людей не знали, что именно они сделали на своем посту, и не ассоциировали их с успехами, достигнутыми администрацией, поскольку в прессе к ним прочно приклеивался ярлык «второго человека». Я сделал все от меня зависящее, чтобы помочь Алу избежать этих проблем: давал такие задания, которые позволяли ему проявить себя и привлечь к себе внимание, и заботился о том, чтобы он получил заслуженное общественное признание за неоценимый вклад в наши общие успехи. И все же, несмотря на то что Ал Гор был, безусловно, наиболее активным и влиятельным вице-президентом в истории, реальные результаты его работы и ее восприятие обществом все еще не совпадали.

Самой большой проблемой для Ала было продемонстрировать свою независимость и одновременно подчеркнуть сопричастность к достижениям нашей администрации. Он уже заявил о том, что осуждает мои личные проступки, но очень горд тем, что мы сделали для американского народа. Теперь, я полагал, ему следует заявить: независимо от того, кто станет следующим президентом, перемены неизбежны; весь вопрос для избирателей заключается в том, будут ли эти изменения происходить в верном направлении или мы сделаем поворот на 180 градусов и вернемся к политике, которая в прошлом себя уже дискредитировала. Губернатор Буш, совершенно очевидно, выступал за возвращение к экономике «просачивающегося богатства». На протяжении двенадцати лет мы использовали на практике эту политику, а в следующие семь лет применяли наш подход. Он работал лучше, и мы могли это наглядно продемонстрировать.

Кампания давала Алу возможность напомнить избирателям, что я ухожу, а республиканцы, которые затеяли импичмент и поддерживали Старра, остаются. Американцы нуждались в президенте, способном защитить их интересы, чтобы республиканцы не получили возможность снова злоупотреблять властью или проводить жесткую политику, которую, несмотря на остановки работы правительства, я заблокировал во время баталий вокруг бюджета. Существовало много доказательств — всего годичной давности — что, если избиратели будут воспринимать выборы президента как выбор своего будущего и им напомнят о том, как вели себя республиканцы, демократы получают преимущество.

Когда некоторые средства массовой информации стали развивать теорию о том, что из-за меня Ал может проиграть выборы, у меня с ним состоялся забавный телефонный разговор. Я сказал, что искренне заинтересован в том, чтобы он выиграл, и, если это может помочь, готов позволить ему отстегать меня бичом прямо у дверей редакции газеты *Washington Post*. Ал невозмутимо парировал: «Может быть, нам стоит провести по этому поводу опрос общественного мнения?» Я рассмеялся и ответил: «Да, нужно выяснить, что им больше понравится: если я останусь в рубашке или если меня будут хлестать прямо по голому телу».

Двенадцатого октября премьер-министр Пакистана Наваз Шариф был свергнут в результате военного переворота, организованного генералом Мушаррафом — тем самым, который дал приказ войскам перейти линию контроля в Кашмире. Я был обеспокоен подавлением демократии в этой

стране и призвал как можно скорее восстановить гражданское правительство. Захват власти Мушаррафом незамедлительно привел к тому, что программу отправки в Афганистан пакистанских командос для поимки или ликвидации Усамы бен Ладена пришлось отменить.

В середине месяца Кен Старр объявил о своей отставке. Взамен него присяжные заседатели во главе с судьей Сентеллом выбрали Роберта Рея, который работал в аппарате Старра до того, как перешел к Дональду Смальтцу во время неудачной попытки обвинить Майка Эспи. К концу срока моих полномочий Рей тоже хотел «урвать кусок»: он потребовал от меня письменного признания, что я дал ложные показания, и согласия временно приостановить действие моей юридической лицензии в обмен на прекращение независимого расследования. Я сомневался в том, что Рей действительно может предъявить мне какие-либо обвинения, учитывая, что присяжные заседатели — представители обеих партий — во время слушаний по импичменту заявили, что ни один ответственный прокурор не станет этого делать, но я готовился к переменам в своей жизни и не хотел усложнять начало политической карьеры Хиллари. В любом случае, я не мог согласиться с тем, что намеренно давал ложные показания, потому что этого не делал. Тщательно прочитав свои показания и найдя в них пару ошибочных ответов, я передал Рею заявление, в котором говорилось, что я пытался давать правдивые показания, но некоторые из моих ответов оказались неверными. Он принял это заявление. После почти шести лет расследования и потраченных 70 миллионов долларов налогоплательщиков дело «Уайтуотер» было закрыто.

Но «урвать кусок» стремились далеко не все. В середине месяца я пригласил в Белый дом моих одноклассников, чтобы отпраздновать тридцать пятую годовщину нашего выпуска, — так же, как сделал это пятью годами раньше, во время празднования тридцатилетия окончания школы. Я всегда с удовольствием вспоминал свои школьные годы и встречался с одноклассниками. На этот раз некоторые из них сказали мне, что за прошедшие семь лет их жизнь стала лучше. Сын одного из моих одноклассников заявил, что я, по его мнению, был хорошим президентом, но «больше всего я вами гордился, когда вы противостояли этой затее с импичментом». Я часто слышал это от людей, которые чувствовали себя беспомощными, столкнувшись со своими собственными ошибками и несчастьями. Тот факт, что я не сдался, придавал им сил, поскольку им самим тоже предстояло бороться.

В конце месяца обструкция Сената в очередной помешала принятию законопроекта о реформе финансирования избирательных кампаний; мы отпраздновали пятую годовщину волонтерской организации «Америкорпс», в которой на данный момент работали 150 тысяч американцев; мы с Хиллари провели в Белом доме конференцию, посвященную филантропии, надеясь расширить рамки благотворительности и повысить ее эффективность, и отпраздновали день рождения моей жены на вечере «Бродвей для Хиллари»*,

---

* Здесь игра слов, так как название праздника «Broadway for Hillary» может означать и «Широкий путь для Хиллари», учитывая, что она тогда начинала свою политическую карьеру. — *Прим. пер.*

напомнившем мне о празднике, который звезды Бродвея организовали для меня в 1992 году.

Ноябрь я начал поездкой в Осло, где возобновились переговоры между израильтянами и палестинцами, для того чтобы оказать помощь их участникам и почтить память Ицхака Рабина в четвертую годовщину его гибели. Премьер-министр Норвегии Кьель Бондевик решил, что встреча в Осло будет способствовать продвижению мирного процесса. Наш посол Дэвид Хермелин — неугомонный человек, предками которого были норвежские евреи, пытался оказать посильную помощь, угощая кошерными сосисками и Барака, и Арафата. Переговоры, в которых также участвовали Шимон Перес и Лия Рабин, принесли ожидаемый эффект, и я был убежден, что Барак и Арафат хотят завершить мирный процесс подписанием договора и сделают это в 2000 году.

Примерно в те же дни несколько журналистов задали мне вопросы о моем наследии. Кем я останусь в истории? Человеком, обеспечившим экономическое процветание? Миротворцем? Отвечая им, я попытался говорить не только о моих конкретных достижениях, но и об ощущении новых возможностей и общности, которые хотел утвердить в Америке. Но, по правде говоря, у меня не было времени задумываться о таких вещах: я хотел активно работать до самого последнего дня. А мое наследие, вероятно, само о себе позаботится через много лет после моей смерти.

Четвертого ноября я начал еще один тур по «новым рынкам», на этот раз отправившись в Ньюарк, Хартфорд и Хермитедж в штате Арканзас — маленький городок, где в конце 70-х помог построить жилье для рабочих-иммигрантов, работавших на уборке помидоров. Тур я завершил в Чикаго вместе с Джесси Джексонем и спикером Хастертом, который решил поддерживать нашу инициативу. Джесси великолепно выглядел в элегантном костюме в тонкую полоску, и я подшутил над ним, сказав, что сегодня он «нарядился, как спикер-республиканец». Я был рад поддержке Хастерта и уверен, что в следующем году мы утвердим законопроект.

Во вторую неделю месяца я присоединился к Алу Фрому для участия в первой онлайн-конференции. Когда я вступал в должность президента, существовало всего 50 веб-сайтов, теперь их число выросло до 9 миллионов, и каждый час в Интернете появлялось 100 тысяч новых страниц. Программа распознавания речи, с помощью которой мои устные ответы трансформировались в печатный текст, уже привычная сегодня, тогда была в новинку. Два человека спросили меня о том, что я собираюсь делать, когда покину Белый дом. Я тогда еще об этом не думал, но уже начал разрабатывать планы организации моей президентской библиотеки и подбирать для нее книги. Каждый президент должен найти средства, необходимые для строительства собственной библиотеки и поддержания ее функционирования. Потом Национальный архив предоставляет в его распоряжение персонал, который организует ее деятельность и заботится о пополнении фондов. Я изучил работы нескольких архитекторов и посетил многие президентские библиотеки. Подавляющее большинство людей приходит туда посмотреть на собрание книг, но при строительстве здания

нужно учитывать и то, что в нем должны быть помещения для хранения архивов. Я хотел, чтобы выставочный зал получился просторным, красивым и полным света, а вся экспозиция демонстрировала переход Америки в XXI столетие.

Архитектора Джима Полшека и его фирму я выбрал потому, что мне понравился построенный в Нью-Йорке по его проекту Центр Роуз по исследованию Земли и космоса, представляющий собой огромную конструкцию из стекла и стали, внутри которой находится большой глобус. Организовать экспозицию я попросил Ральфа Аппельбаума, поскольку считал, что его работа по оформлению Музея холокоста в Вашингтоне была лучшей из всех, какие мне когда-либо доводилось видеть. Я уже приступил к работе с обоими авторами. Незадолго до ее окончания Полшек заявил, что я был худшим из всех клиентов, с которыми ему приходилось иметь дело. Если он приходил ко мне через полгода после нашей предыдущей встречи и за это время в проект были внесены даже самые незначительные изменения, я их тут же замечал и начинал спрашивать Джима, чем они вызваны.

Я хотел, чтобы здание библиотеки располагалось в Литл-Роке, поскольку был многим обязан моему родному штату и считал, что в американской глубинке ее смогут посетить люди, которые никогда не ездят в Вашингтон или Нью-Йорк. Город Литл-Рок по инициативе его мэра Джима Дейли и члена городского совета доктора Дина Кумпуриса выделил под строительство библиотеки двадцать семь акров земли на берегу реки Арканзас, в старой, недавно перестроенной части города, недалеко от Старого здания Капитолия штата, где произошло много важных событий моей жизни.

Кроме строительства библиотеки я планировал написать книгу о своей жизни и деятельности на посту президента. Я знал, что мне придется напряженно работать в течение трех-четырёх лет, чтобы расплатиться с адвокатами, купить дом, вернее два дома, если Хиллари победит на выборах в Сенат, а также отложить кое-какие деньги для нее и Челси. Остаток жизни я хотел посвятить служению обществу. Джимми Картер очень многое сделал за годы после своего президентства. Я считал, что и мне это по силам.

В середине месяца, отправляясь в десятидневную поездку в Турцию, Грецию, Италию, Болгарию и Косово, я приветствовал заявление Кофи Аннана о том, что в начале декабря президент Кипра Глафкос Клеридес и лидер турков-киприотов Рауф Денкташ начнут «переговоры о сближении», которые будут проходить в Нью-Йорке. Кипр получил независимость от Великобритании в 1960 году. В 1974 году президент Кипра архиепископ Макариос был свергнут во время переворота, организованного греческим военным режимом. В ответ турецкие военные послали на остров войска для защиты турок-киприотов, разделив страну на две части и де-факто создав независимый турецкий анклав на севере Кипра. Многие жившие там греки покинули свои дома и переселились на юг. С тех пор остров оставался разделенным, а в отношениях между Турцией и Грецией постоянно возникала напряженность. Греция хотела покончить с присутствием турецких вооруженных сил и найти решение, которое, по крайней мере, позволило бы грекам вернуться на север острова. В течение нескольких лет я пытался решить эту проблему

и надеялся, что усилия Генерального секретаря увенчаются успехом. К сожалению, этого не произошло, и, покидая свой пост, я испытывал разочарование, поскольку Кипр так и остался препятствием, мешавшим примирению Греции и Турции, которая из-за этого не могла полностью интегрироваться в Европу.

Мы также наконец пришли к соглашению с руководством республиканцев по трем самым важным для меня бюджетным вопросам: финансированию увеличения на 100 тысяч числа школьных учителей, удвоению количества учеников, участвующих в дополнительных школьных программах, и выплате нашей задолженности Организации Объединенных Наций. Каким-то образом Мадлен Олбрайт и Дик Холбруку удалось добиться согласия на это Джесси Хелмса и других сенаторов, скептически относившихся к ООН. На это у Дика ушло больше времени, чем на заключение мира в Боснии, но я не думаю, что кто-то другой мог решить эту задачу быстрее.

Мы с Хиллари и Челси прибыли в Турцию с пятидневным визитом, необычным по своей продолжительности. Я хотел оказать поддержку этой стране, пострадавшей от двух разрушительных землетрясений, и призвать ее продолжить сотрудничество с Соединенными Штатами и Европой. Турция была союзником НАТО и надеялась, что ее примут в Европейский союз. Я активно поддерживал эту идею на протяжении многих лет. Турция принадлежала к числу стран, которым в XXI столетии предстояло оказать большое влияние на судьбы мира. Если ей удастся разрешить с Грецией кипрскую проблему, найти путь к примирению с непокорным и нередко подвергавшимся репрессиям курдским меньшинством и остаться светской исламской демократией, Турция сможет стать воротами на Запад для нового Ближнего Востока. Если же мир в этом регионе окажется невозможным из-за подъема исламского экстремизма, то стабильная и демократическая Турция будет в состоянии сыграть роль бастиона, который не допустит его распространения в Европе.

Я был рад снова встретиться с президентом Демирелем. Человек широких взглядов, он хотел, чтобы Турция стала мостом между Востоком и Западом. Я рассказал о своем видении ситуации премьер-министру Бюленту Эджевиту и депутатам Большой национальной ассамблеи Турции, призвав их отказаться от политики изоляционизма и национализма, разрешить конфликты с курдами и греками и готовиться к вступлению в Европейский союз.

На следующий день я повторил те же самые аргументы видным американским и турецким бизнесменам в Стамбуле, сделав перед встречей с ними короткую остановку в палаточном лагере неподалеку от Измира, где жили люди, пострадавшие от землетрясения. Я поговорил с несколькими семьями, потерявшими свои дома и имущество, и поблагодарил все страны, которые помогли пострадавшим, включая Грецию. Вскоре произошло новое землетрясение, теперь уже в Греции, и турки, в свою очередь, оказали ей помощь. Если природные катаклизмы помогли Греции и Турции найти общий язык, значит, эти страны в состоянии продолжить сотрудничество и тогда, когда земля не будет содрогаться.

Символом моего визита для жителей Турции стал эпизод, произошедший во время посещения лагеря, где размещались пострадавшие от землетрясе-

ния. Когда я держал на руках маленького ребенка, он протянул ручонку и схватил меня за нос точно так же, как когда-то делала Челси. Фотограф успел запечатлеть этот момент, и на следующий день снимок был опубликован во всех турецких газетах, а в одной из них сопровождался заголовком: «Он турок!»

После того как наша семья посетила Эфес и мы осмотрели развалины одной из крупнейших римских библиотек и открытого амфитеатра, где проповедовал святой Павел, я принял участие во встрече лидеров пятидесяти четырех стран — членов Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Она была создана в 1973 году для защиты демократии, прав человека и закона. Мы собрались, чтобы поддержать Пакт стабильности на Балканах и резолюцию об урегулировании продолжающегося кризиса в Чечне, которая должна была покончить как с террористическими актами против России, так и неоправданным применением ею силы против мирных жителей этой республики. Я также подписал соглашения с лидерами Казахстана, Туркменистана, Азербайджана и Грузии об участии Соединенных Штатов в строительстве двух нефтепроводов, которые дадут возможность экспортировать каспийскую нефть в обход Ирана. Поскольку политика этой страны на тот момент была непредсказуемой, соглашение о строительстве нефтепроводов стало очень важным шагом как для стран-производителей, так и для стран — потребителей нефти.

Стамбул меня просто очаровал. Этот город с его богатой историей когда-то был столицей двух империй — Османской и Византийской. Чтобы сделать еще одну попытку помочь примирению двух стран, я посетил экуменического патриарха всех Православных церквей Варфоломея Константинопольского и попросил турок дать разрешение вновь открыть в Стамбуле православный монастырь. Патриарх подарил мне замечательный свиток с одним из моих любимых, как ему было известно, стихов из Священного писания. Он начинался так: «Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом».

Пока я находился в Турции, Белый дом и Конгресс достигли соглашения по бюджету, в котором помимо выделения средств на мои инициативы в сфере образования предусматривались дополнительные ассигнования для того, чтобы увеличить число полицейских, реализовать программу «Земли наследия» и обеспечить выполнение наших обязательств по соглашению в Уай-Ривер и новой законодательной инициативы по списанию долгов бедным странам. Республиканцы также согласились исключить из своих предложений опасные поправки, касающиеся снижения уровня ассигнований на охрану окружающей среды.

Хорошие вести пришли из Северной Ирландии, где Джорджу Митчеллу при поддержке Тони Блэра и Берти Ахерна удалось достичь соглашения с обеими сторонами о том, что формирование нового правительства и разоружение ИРА будут происходить одновременно. Берти был со мной в Турции, когда мы услышали эту новость.

В Афинах, после совершенной ранним утром вместе с Челси изумительной экскурсии в Акрополь и публичного выражения сожаления по поводу

поддержки Америкой антидемократического режима, захватившего власть в Греции в 1967 году, я подтвердил свою решимость добиваться справедливого урегулирования кипрской проблемы как условия для вступления Турции в Европейский союз и поблагодарил премьер-министра Костаса Симитиса за солидарность с союзниками во время конфликта в Косово. Поскольку греков и сербов объединяет общая православная религия, такое решение далось ему нелегко. Я покинул эту встречу удовлетворенный готовностью премьер-министра к примирению с Турцией и его согласием на ее прием в ЕС, если кипрская проблема будет решена. Оптимизм внушало и то, что министры иностранных дел Греции и Турции — Георгий Папандреу и Исмаил Джем — были молодыми лидерами с современными взглядами, которые уже работали сообща во имя общего будущего, что было единственной разумной тактикой.

Из Греции я вылетел во Флоренцию, где премьер-министр Д'Алема принимал нашу очередную конференцию, посвященную «Третьему пути». Она отличалась несомненным итальянским колоритом, потому что во время ужина пел Андреа Бочелли, а лауреат премии «Оскар» актер Роберто Бенини смешил нас до колик. Они были отличной парой с Д'Алема: оба сухощавые, энергичные, темпераментные и всегда находившие повод посмеяться. Когда я познакомился с Бенини, он сказал: «Я люблю вас!» — и бросился в мои объятия. Я подумал: а не выставить ли мне свою кандидатуру на пост премьер-министра в Италии? Мне всегда нравилась эта страна.

Кстати говоря, это была самая содержательная из конференций «Третьего пути». Тони Блэр, президент ЕС Романо Проди, Герхард Шрёдер, Энрике Кардосо и французский премьер-министр Лионель Жоспен участвовали в нашей работе по выработке консенсуса относительно прогрессивной внутренней и внешней политики в XXI столетии и реформ международной финансовой системы, нацеленных на то, чтобы уменьшить последствия финансовых кризисов и активизировать наши усилия по распространению благ глобализации и ослаблению ее негативных последствий.

Двадцать второго ноября мы с Челси вылетели в Болгарию, и я стал первым американским президентом, посетившим эту страну. В своей речи, которую на площади перед ярко освещенным собором Александра Невского слушали примерно 30 тысяч человек, я пообещал им помощь США в сохранении с таким трудом завоеванной свободы, в экономическом развитии и партнерстве с НАТО.

Моей последней остановкой перед возвращением домой на празднование Дня благодарения было Косово, где нас с Мадлен Олбрайт и Уэсли Кларком бурно приветствовали местные жители. Я выступал перед группой горожан, которые постоянно прерывали меня, скандируя мое имя. Мне не хотелось портить им праздничное настроение, но я стремился к тому, чтобы они услышали мой призыв не вспоминать былые обиды и не мстить сербскому меньшинству в Косово. Я еще раз повторил этот призыв на встречах с руководителями различных группировок косовских албанцев, потом отправился на военную базу Бондстил, чтобы поблагодарить наших военнослужащих и принять участие в праздничном обеде в честь Дня благодарения.

Они гордились тем, что сделали, но Челси произвела на молодых солдат гораздо большее впечатление, чем я.

Пока мы совершали эту поездку, я послал Шарлин Баршефски и Джина Сперлинга в Китай, чтобы попытаться заключить соглашение о вступлении этой страны в ВТО, которое дало бы нам возможность принять закон, позволяющий установить с Китаем долговременные торговые отношения. Присутствие Джина должно было стать для китайцев залогом того, что я поддерживаю эти переговоры. Они проходили трудно, и лишь на стадии их завершения мы смогли наконец добиться гарантий против демпинга и резкого наплыва китайского импорта, а также обеспечить себе доступ на китайский автомобильный рынок, в результате чего соглашение получило поддержку со стороны конгрессмена-демократа от штата Мичиган Сэнди Левина. При его содействии Конгресс одобрил долговременные торговые отношения с Китаем и, таким образом, прием этой страны в ВТО. Джин и Шарлин отлично поработали.

Вскоре после Дня благодарения юнионистская партия Ольстера, возглавляемая Дэвидом Тримблом, одобрила новое соглашение о мире, и было сформировано новое правительство Северной Ирландии, в котором Дэвид Тримбл стал первым министром, а Симус Маллон из социал-демократической и лейбористской партии Джона Хьюма — его заместителем. Мартин Макгиннес из «Шин Фейн» занял пост министра образования. Совсем недавно представить такое было абсолютно невозможно.

В декабре, когда члены Всемирной торговой организации встречались в Сиэтле, деловой центр этого города потрясли бурные протесты антиглобалистов. Большинство демонстрантов, однако, вело себя мирно, и, как я сказал делегатам на конференции ВТО, участники митингов имели вполне законные основания для протестов. Процессы усиления глобальной взаимозависимости, очевидно, уже нельзя повернуть вспять, но ВТО должна была стать более открытой, внимательнее относиться к проблемам торговли и экологии, а богатые страны, получившие выгоды от глобализации, были обязаны больше делать для того, чтобы ее благами могла воспользоваться и другая половина населения земного шара, доходы которой все еще составляют всего два доллара в день на человека. После Сиэтла мы стали свидетелями и других демонстраций протеста во время проведения всемирных финансовых форумов. Я был убежден, что они продолжатся до тех пор, пока мы не проявим интерес к тем, кто чувствует себя обойденными и отставшими от процессов глобализации.

В начале декабря я смог объявить, что за семь лет в нашей экономике создано более 20 миллионов новых рабочих мест, причем в 80 процентах случаев зарплата здесь была выше средней; уровень безработицы среди афроамериканцев и выходцев из латиноамериканских стран стал самым низким в истории, а среди женщин — самым низким с 1953 года, причем с учетом того, что в те годы работающих женщин было гораздо меньше.

Шестого декабря я принимал особого посетителя — одиннадцатилетнего Фреда Сангера из Сент-Луиса. Фред и его родители приехали ко мне с представителями благотворительного фонда «Загадай желание» (*Make-a-Wish*),

который помогает детям, страдающим серьезными заболеваниями, осуществить их мечты. У Фреда был сложный порок сердца, поэтому ему приходилось почти все время находиться в помещении. Он часто смотрел новости и очень многое знал о моей работе. У нас получилась интересная беседа, а потом мы с ним некоторое время поддерживали связь. За восемь лет моего президентства представители фонда «Загадай желание» привезли на встречу со мной сорок семь детей. Беседы с ними всегда поднимали мне настроение и напоминали о том, почему я решил стать президентом.

Во вторую неделю месяца, после телефонного разговора с президентом Асадом, я объявил, что Израиль и Сирия возобновят переговоры в Вашингтоне. Выбор места должен был способствовать тому, чтобы стороны как можно скорее пришли к соглашению. 9 декабря я снова отправился в город Уорчестер, штат Массачусетс, который так тепло встретил меня в трудные дни августа 1998 года, когда я приехал на похороны шестерых пожарных, погибших при исполнении своих обязанностей. Эта ужасная трагедия потрясла местную общину и всех американских пожарных. Сотни их представителей приехали со всей страны, а некоторые даже из-за границы, чтобы в городском зале собраний участвовать в траурной церемонии, которая была горьким напоминанием о том, что потери среди пожарных, гибнущих при исполнении служебного долга, даже выше, чем среди офицеров полиции.

Через неделю в мемориале Франклина Делано Рузвельта я подписал закон, в соответствии с которым льготы, предоставляемые в рамках программ «Медикэр» и «Медикэйд», стали распространяться на работающих нетрудоспособных граждан и инвалидов. Для них это был самый важный документ со времени принятия закона «Об американских инвалидах». Он давал возможность людям, которым отказывали в медицинской страховке (больным СПИДом, мышечной дистрофией, болезнью Паркинсона, диабетом и получившим увечье), «приобрести пай» в программе «Медикэр». Новый закон должен был повысить качество жизни многих людей, которые с его помощью получают возможность работать и улучшить свои жизненные условия. Его принятие стало результатом напряженного труда активистов движения за права нетрудоспособных, особенно моего друга Джастина Дарта — прикованного к инвалидному креслу республиканца из Вайоминга, которого трудно было себе представить без ковбойской шляпы и сапог.

Все рождественские каникулы мы с нетерпением ждали Нового года и начала нового тысячелетия. В первый раз за много лет наша семья пропустила «Ренессансный уикенд» и осталась в Вашингтоне, чтобы отметить Миллениум. Праздничные мероприятия финансировались из частных пожертвований. Мой друг Терри Маколифф собрал несколько миллионов долларов, чтобы устроить двухдневные торжества для жителей города, включая семейные открытые празднества в Смитсоновском институте. 31-го днем состоялся детский праздник, а вечером — концерт на Молле, поставленный Куинси Джонсом и Джорджем Стивенсом, который завершился грандиозным фейерверком. На большой праздничный ужин в Белом доме мы пригласили замечательных представителей литературы, искусства,

ученых, военных и общественных деятелей, а после фейерверка на Молле люди танцевали всю ночь напролет.

Это был замечательный вечер, но я все время нервничал. Наша Служба безопасности уже много недель находилась в состоянии повышенной боевой готовности, так как имела в своем распоряжении многочисленные сообщения разведки о том, что Соединенные Штаты могут подвергнуться атакам террористов. После взрывов посольств в 1998 году я был особенно озабочен действиями бен Ладена, «Аль-Каиды» и их сторонников. Мы уничтожили ряд ячеек этой организации и захватили несколько ее членов, разоблачили ряд заговоров против США и продолжали оказывать давление на Пакистан и Саудовскую Аравию, чтобы они заставили Афганистан выдать бен Ладена. Теперь, когда поступили новые тревожные сообщения, Сэнди Бергер уже в течение целого месяца проводил в Белом доме ежедневные совещания руководителей нашей команды по национальной безопасности.

На границе с Канадой, в штате Вашингтон, был арестован человек, провозивший материалы для изготовления бомбы: он планировал взорвать ее в аэропорту Лос-Анджелеса. Были обнаружены и обезврежены две группы боевиков: одна — на северо-востоке США, другая — в Канаде. Удалось предотвратить атаку террористов в Иордании. Миллениум отметили в Америке множеством праздничных мероприятий, но в результате напряженного труда тысяч людей и, наверное, некоторого везения он не был омрачен ни одним терактом. Несмотря на эти тревоги, с началом нового года, нового столетия и нового тысячелетия я был преисполнен радости и благодарности. Наша страна находилась в прекрасном состоянии, и в новую эру мы вступали в благоприятных условиях.

Первый день нового столетия и последний год моего президентства мы с Хиллари начали с совместного радиообращения к американскому народу, которое одновременно транслировалось и в прямом эфире телевидения. Накануне мы вместе с участниками праздника в Белом доме не спали до половины третьего ночи и очень устали, но нам хотелось отметить этот день. Начало нового тысячелетия праздновал весь мир: миллиарды людей смотрели по телевизору, как часы пробили полночь сначала в Азии, потом в Европе, Африке, Южной Америке и, наконец, Северной Америке. Соединенные Штаты вступали в новое столетие глобальной взаимозависимости в уникальной ситуации: мы добились экономических успехов и социальной солидарности, жители страны были уверены в себе, и весь мир приветствовал открытость и динамизм американцев, а также проповедуемые ими демократические ценности. В нашем с Хиллари радиообращении прозвучало, что, мы, американцы, должны приложить все силы, чтобы наша страна стала лучше, совместно пользоваться благами XXI столетия и нести за него ответственность. Достижению этих целей я и хотел посвятить свой последний год пребывания на посту президента.

Вопреки исторически сложившейся традиции, седьмой год моего президентства оказался очень успешным, потому что мы продолжали работать на благо страны даже во время процесса импичмента и после него, реализуя план мероприятий, представленный в послании «О положении в стране», использовали открывающиеся возможности и решали возникающие проблемы. Традиционного спада в конце моего второго президентского срока не произошло. Я был решительно настроен не допустить его и в последний год своего пребывания на этом посту.

В новом году из политики ушел один из моих старых партнеров: Борис Ельцин сложил свои президентские полномочия, и его преемником стал Владимир Путин. Ельцин так и не смог полностью восстановить свое здоровье и работоспособность после операции на сердце и полагал, что Путин сможет заменить его и на протяжении длительного времени неустанно работать, как требуется на этом посту. Борис также знал, что, если русский народ получит возможность увидеть и оценить работу Путина, это повысит шансы его преемника на победу во время следующих выборов. Это был и мудрый, и хитрый ход, но я знал, что мне будет не хватать Ельцина. Несмотря на все его проблемы со здоровьем и непредсказуемость, он был мужественным и прозорливым лидером. Мы верили друг другу и многое сделали вместе. В тот день, когда Ельцин ушел, мы говорили по телефону минут двадцать, и я могу утверждать, что он был уверен в своем решении. Ельцин ушел со своего поста так же, как жил и управлял страной, — своим уникальным путем.

Третьего января я отправился в Шепердстаун, Западная Вирджиния, для того чтобы открыть мирные переговоры между Сирией и Израилем. Эхуд Барак очень настаивал на том, чтобы они состоялись в самом начале года. Он начал терять терпение из-за разногласий с Арафатом по поводу статуса Иерусалима и уже давно сказал мне, что готов вернуть Сирии Голанские высоты, если Израиль сохранит там свою радиолокационную станцию раннего обнаружения и контроль над одной третью водных запасов Тивериадского озера, которое также называют Галилейским морем.

Это уникальный водоем: в глубине его находится слой соленой воды из подземных источников, а сверху, над ним, — пресной. Поскольку такая вода легче соленой, нужно заботиться о том, чтобы ее не брали из озера в слишком больших количествах, иначе верхний слой может оказаться чересчур легким, чтобы удерживать нижний. Если его толщина станет меньше определенного уровня, то оба слоя могут перемешаться, и важный для Израиля источник пресной воды будет утрачен.

Еще перед своей гибелью Ицхак Рабин пообещал мне уйти с Голанских высот и вернуться к границам 1967 года, если будут удовлетворены требования Израиля. Рабин попросил не объявлять о них, пока эти условия не будут официально представлены Сирии в контексте окончательного мирного урегулирования. После гибели Ицхака Шимон Перес подтвердил требования своей страны, и на их основе мы в 1996 году выступили спонсорами переговоров между сирийцами и израильтянами в Уай-Ривер. Перес хотел, чтобы мы подписали договор о гарантиях безопасности Израиля, если он откажется от контроля над Голанскими высотами; позже то же самое мне говорили Нетаньяху и Барак. Я пообещал им, что мы пойдем на это.

Деннис Росс и наша команда добивались прогресса до тех пор, пока Биби Нетаньяху в период обострения активности террористов не нанес Пересу поражение на выборах. После этого переговоры с сирийцами зашли в тупик. Теперь Барак стремился их возобновить, хотя и не хотел пока подтверждать точную формулировку секретного предложения Рабина.

Барак в Израиле приходилось иметь дело с совершенно иным электоратом, нежели когда-то Рабину. Стало значительно больше иммигрантов, которые противились передаче Голанских высот. Особенно много таких людей было среди приехавших из России. Натан Щаранский, который стал героем на Западе, потому что долгие годы просидел в советской тюрьме, в 1998 году сопровождал Нетаньяху в Уай-Ривер и объяснил мне эту позицию русских евреев. Он сказал, что они приехали из самой большой страны в мире в одну из самых маленьких и не хотят, чтобы Израиль стал еще меньше, отдав Голаны или Западный берег. Они также не считали Сирию угрозой для Израиля: несмотря на отсутствие мирного договора, их страны не были в состоянии войны. Если бы Сирия напала на Израиль, то он бы легко победил. Так зачем отдавать Голанские высоты?

Хотя Барак был не согласен с подобной точкой зрения, ему приходилось ее учитывать. Тем не менее он стремился заключить мир с Сирией, выражал уверенность в том, что это решаемая задача, и хотел, чтобы я помог как можно скорее начать переговоры. К январю я уже более трех месяцев

работал над подготовкой переговоров с министром иностранных дел Сирии Фаруком аль-Шараа лично и с президентом Асадом по телефону. Он был болен и хотел вернуть Голаны при своей жизни, но ему следовало соблюдать осторожность. Асад предполагал сделать преемником своего сына Башара, и в дополнение к своему убеждению, что Сирии нужно вернуть назад все земли, принадлежавшие ей до 4 июня 1967 года, должен был заключить такое соглашение, которое одобрили бы те силы в стране, в чьей поддержке нуждался его сын.

Болезнь Асада и инфаркт, перенесенный министром иностранных дел Фаруком аль-Шараа осенью 1999 года, заставили Барака ускорить события. По его просьбе я послал Асаду письмо, в котором говорилось, что, по моему мнению, Барак согласится заключить соглашение, если мы сможем договориться о демаркации границы, контроле над водными запасами Тивериадского озера и радиолокационной станцией, а также о том, что, если удастся достичь договоренности, Соединенные Штаты будут готовы установить двусторонние дипломатические отношения с Сирией, на чем настаивал Барак. Это был для нас серьезный шаг, учитывая ту роль, которую в прошлом Сирия играла в поддержке терроризма. Конечно, для установления нормальных отношений с США Асаду следовало прекратить оказывать помощь террористам, но, если бы он получил назад Голаны, у него больше не было бы стимула оказывать содействие боевикам из «Хезболлы», которые атаковали Израиль со своих баз в Ливане.

Барак тоже хотел мира с Ливаном, потому что к концу года собирался вывести оттуда израильские войска. Мирное соглашение обезопасило бы его страну от нападения отрядов «Хезболлы» через ливанскую границу и в то же время позволило бы избежать впечатления, что Израиль вывел свои войска из-за этих атак. Но, как мы хорошо знали, никакое соглашение с Ливаном не было возможно без участия и согласия Сирии.

Асад ответил через месяц, прислав письмо, содержание которого создавало впечатление, что он отказался от своей прежней позиции, возможно из-за неустойчивой ситуации в Сирии, вызванной его болезнью и проблемами со здоровьем премьер-министра. Однако через несколько недель, когда Мадлен Олбрайт и Деннис Росс встретились с Асадом и Фаруком аль-Шараа, который, похоже, совершенно выздоровел, Асад заявил им, что хочет продолжить переговоры и заключить мир, так как считает намерения Барака серьезными. Он даже выразил готовность, если израильскую сторону будет представлять лично Барак, разрешить Шараа вести переговоры вместо себя, на что раньше согласия не давал.

Барак с готовностью откликнулся и высказал пожелание, чтобы переговоры начались немедленно. Я объяснил, что нам не удастся вести их во время рождественских каникул, и мы согласовали график: предварительные переговоры должны были начаться в Вашингтоне в середине декабря, потом, после Нового года, продолжиться с моим участием и далее идти без перерывов до тех пор, пока соглашение не будет подписано. Начало переговоров в Вашингтоне было трудным, так как Шараа сделал агрессивное публичное заявление. Однако в неофициальной обстановке, когда он предложил нам

начать с того, на чем остановились переговоры в 1996 году, — с предложения Рабина вернуться к границам 1967 года при условии, что будут удовлетворены требования Израиля, Барак ответил, что, хотя и не он сделал это предложение о передаче территории, «мы не станем переписывать историю». Потом они согласились с тем, что именно я буду устанавливать, в каком порядке будут рассматриваться различные проблемы — определение границы, безопасность, распределение запасов пресной воды и мирный договор. Барак хотел, чтобы переговоры шли без перерывов. В этом случае сирийцам пришлось бы работать до конца Рамадана, 7 января, и они не могли бы возвратиться домой на традиционный праздничный пир Эйд-аль-Фитр, который знаменовал конец поста. Шарраа согласился, и обе стороны отбыли домой для подготовки.

Хотя Барак и настаивал на том, чтобы переговоры начались как можно раньше, вскоре его стали беспокоить политические последствия передачи Голанских высот, если израильское общество предварительно не будет к этому подготовлено. Он хотел получить какое-то «прикрытие»: возобновление переговоров по Ливану с сирийцами при участии ливанцев; заявление по крайней мере одного из лидеров арабских государств о нормализации отношений с Израилем; предоставление Соединенными Штатами четких гарантий безопасности, а также зону свободной торговли на Голанах. Я согласился поддержать все эти требования; более того, 19 декабря я позвонил Асаду и попросил его одновременно с обсуждением вопроса о Голанах возобновить переговоры по Ливану и помочь вернуть Израилю останки трех его жителей, которые уже двадцать лет числились пропавшими без вести во время войны в Ливане. Удовлетворить вторую просьбу Асад согласился, и мы послали в Сирию команду судебно-медицинских экспертов, которые, к сожалению, не обнаружили останков там, где они, по предположениям израильтян, должны были находиться. По первому вопросу Асад дал уклончивый ответ, заявив, что переговоры по Ливану возобновятся только в том случае, если будет достигнут определенный прогресс в обсуждении сирийской проблемы.

Шепердстаун расположен в сельской местности, менее чем в часе езды от Вашингтона; Барак настаивал на проведении переговоров в уединенном месте, чтобы уменьшить возможность утечек информации, сирийцы тоже не хотели отправляться в Кэмп-Дэвид или Уай-Ривер, потому что там уже проходили важные совещания по Ближнему Востоку. Шепердстаун не вызывал возражений и у меня: помещения для проведения переговоров там были комфортабельными, и я мог туда добираться из Белого дома примерно за двадцать минут.

Вскоре стало ясно, что разногласия между сторонами не так уж и велики. Сирия хотела получить обратно всю землю на Голанах, но соглашалась оставить Израилю небольшую полосу земли — шириной примерно 10 метров (33 фута) — на берегу озера; Израиль же хотел, чтобы эта зона была расширена. Сирия стремилась к тому, чтобы Израиль покинул Голанские высоты в течение восемнадцати месяцев, а Барак требовал, чтобы ему на это отвели три года. Израиль хотел оставить на станции раннего обнаружения своих сотрудников, а Сирия настаивала на том, чтобы ее обслуживали

американцы или персонал ООН. Израиль требовал гарантий относительно количества и качества воды, которая поступает с Голанских высот в Тивериадское озеро, и Сирия давала на это согласие, но при условии, что получит аналогичные гарантии для воды, поступающей с территории Турции. Израиль хотел установления полноценных дипломатических отношений между их странами, как только начнется вывод войск, Сирия же считала, что это может произойти только после полной передачи Голан.

Сирийцы, приехавшие в Шепердстаун для того, чтобы заключить соглашение, демонстрировали позитивный и гибкий настрой. В противоположность им Барак, который так стремился побыстрее начать переговоры, очевидно, решил, ориентируясь на данные опросов общественного мнения, на несколько дней притормозить процесс, чтобы убедить израильское общество в том, что занимает на переговорах жесткую позицию. Барак хотел, чтобы я, воспользовавшись своими хорошими отношениями с Шараа и Асадом, успокоил сирийцев, пока он брал паузу в переговорах.

Я испытывал по меньшей мере разочарование. Если бы Барак предварительно известил сирийцев или предупредил нас, с ситуацией можно было справиться. Возможно, Бараку как демократически избранному лидеру приходилось обращать больше внимания на общественное мнение, чем Асаду, но у президента Сирии были свои политические проблемы, к тому же он преодолел свое широко известное нежелание вести переговоры на высшем уровне с израильянами, потому что питал доверие ко мне и поверил заверениям премьер-министра Израиля.

Барак не так давно начал заниматься политикой, и я считал, что он прислушался к очень плохому совету. В том, что касается внешней политики, опросы общественного мнения часто оказываются бесполезными: люди нанимают лидеров, чтобы те добивались результатов, и ждут от них именно этого. Многие из моих самых важных внешнеполитических решений поначалу не пользовались популярностью. Если бы Барак заключил настоящий мир с Сирией, это повысило бы его статус и в Израиле, и во всем мире и увеличило шансы на успех в переговорах с палестинцами, в случае же неудачи несколько дней «популярности» по данным опросов общественного мнения быстро изгладились бы из памяти. Все мои попытки переубедить Барака оказались безуспешными. Эхуд хотел с моей помощью удержать Шараа, пока тот ожидал возвращения Барака, причем добиться этого предстояло в изолированном Шепердстауне, где отвлечь внимание сирийцев было абсолютно нечем.

Мадлен Олбрайт и Деннис Росс пытались придумать какой-нибудь хитрый способ выяснить, намерен ли Барак выполнять тайное обязательство Рабина, включая секретные переговоры, которые Мадлен вела с Бутейной Шаабан — трезвомыслящим политиком, единственной женщиной в сирийской делегации. Она производила на окружающих глубокое впечатление и во время наших встреч всегда выступала в качестве переводчицы Асада. Бутейна довольно долго работала с президентом, и я был уверен, что она прибыла в Шепердстаун для того, чтобы Асад получил полный и правдивый отчет обо всем происходящем.

В пятницу, на пятый день переговоров, мы представили проект мирного соглашения, в котором в скобках были указаны различия в позициях сторон. В субботу вечером сирийцы дали положительный ответ, и мы начали проводить совещания по проблемам определения границы и безопасности. При обсуждении обоих вопросов сирийцы вновь продемонстрировали гибкость, согласившись, что полоса, проходящая по берегу Галилейского моря, будет расширена до 50 метров (164 футов), если Израиль примет за основу для обсуждения границу, существовавшую до 4 июня 1967 года. Такую уступку оправдывало и еще одно практическое соображение: за последние тридцать лет размеры озера сильно уменьшились. Я приободрился, но вскоре стало ясно, что Барак пока не позволил ни одному члену своей команды согласиться на границы 1967 года, независимо от того, какие предложения выдвинули бы сирийцы.

В воскресенье во время ланча вместе с Эхудом и Навой Барак на ферме Мадлен Олбрайт она вместе с Деннисом сделала последнее предложение Бараку. Сирия проявила гибкость и пошла навстречу Израилю по важным для него вопросам, сказала она, не пора ли Израилю ответить тем же? Что для этого нужно? Барак сказал, что хотел бы возобновить переговоры по Ливану, в противном случае ему нужно будет сделать перерыв на несколько дней.

Шараа даже слышать об этом не хотел. Он сказал, что переговоры в Шепердстауне закончились неудачей, что Барак был неискренен и ему именно таким образом и придется проинформировать президента Асада. Во время последнего совместного ужина я снова попытался заставить Барака сделать позитивное заявление, на которое Шараа мог бы сослаться, вернувшись в Сирию. Барак отказался, заявив мне потом в неофициальной беседе, что после того как мы покинем Шепердстаун, я могу позвонить Асаду и сообщить ему о согласии израильского лидера на границу 1967 года, как только возобновятся переговоры по Ливану или будет установлена дата их проведения. Это означало, что Шараа придется вернуться домой с пустыми руками, покидая переговоры, которые, по его мнению, имели решающее значение. Сирийцы были до такой степени уверены в успехе, что даже согласились вести их до конца Рамадана и начала Эйд-аль-Фитра.

Еще более усугубило ситуацию то, что последний проект текста договора «со скобками» просочился в израильскую прессу и стало известно о готовности Сирии пойти на уступки, ничего не получив от Израиля взамен. Дома Шараа был подвергнут суровой критике. Стало совершенно очевидно, что и он, и Асад попали в сложную ситуацию: даже авторитарные правительства не могут игнорировать общественное мнение и влиятельные группы интересов.

Когда я позвонил Асаду, передав ему слова Барака о том, что он подтвердит обещание Рабина о демаркации границы, если одновременно с этим начнутся переговоры по Ливану, президент Сирии выслушал эту информацию, но никак ее не прокомментировал. Через несколько дней Шараа позвонил Мадлен Олбрайт и отверг предложение Барака, заявив, что сирийцы начнут переговоры по Ливану только после того, как будет достигнуто соглашение о демаркации границы. Они уже один раз обожглись,

проявив гибкость и готовность идти навстречу партнерам, и не хотели еще раз повторять эту ошибку.

Мы зашли в тупик, но я считал, что стоит продолжать попытки. Барак, похоже, все же хотел мира с Сирией, и израильское государство действительно еще не проявляло готовности идти на необходимые компромиссы. Заключение мира, причем в ближайшее время, было также и в сирийских интересах. Асад чувствовал себя неважно и хотел обеспечить своему сыну возможность стать его преемником. В то же время еще многое предстояло сделать на переговорах с палестинцами. Я попросил Сэнди, Мадлен и Денниса продумать наши следующие шаги и занялся другими проблемами.

Десятого января, отпраздновав в Белом доме вместе с мусульманами окончание Рамадана, мы с Хиллари отправились в церковь Военно-морской академии США в Аннаполисе, штат Мэриленд, на похороны бывшего командующего военно-морскими силами Бада Зумволта, с которым мы подружились на «Ренессансных уикендах». После того как я стал президентом, Бад сотрудничал с нами в деле оказания помощи семьям военнослужащих, которые, как и его покойный сын, были отравлены во время войны во Вьетнаме ядовитым дефолиантом «эйджент орандж» и тяжело заболели. Он также лоббировал ратификацию Сенатом Конвенции о запрещении химического оружия. Личная поддержка, которую оказал Бад нашей семье во время и после слушаний по импичменту в Палате представителей, была проявлением доброты, о которой мы никогда не забудем. Пока я одевался для похорон, один из моих камердинеров, Лито Баутиста, американец филиппинского происхождения, который тридцать лет прослужил в военно-морском флоте, сказал, что рад, что я иду на панихиду, поскольку Бад Зумволт — «лучший из всех, кто у нас когда-либо был. Он всегда нас поддерживал».

В тот же вечер я вылетел на Большой каньон и остановился в отеле «Эль-Товар» в комнате с балконом, нависающим прямо над пропастью. Почти тридцать лет назад я уже видел закат солнца над Большим каньоном: теперь мне хотелось увидеть рассвет, освещающий сначала лишь вершины разноцветных скал и только потом их подножие. На следующее утро, когда рассвет был именно таким прекрасным, каким я его себе представлял, мы вместе с министром внутренних дел Брюсом Бэббитом наметили создать три новых национальных заповедника и на четверть расширить уже существующие заповедники в Аризоне и Калифорнии за счет миллиона акров земли в окрестностях Большого каньона и полосы из тысячи небольших островов и рифов у побережья Калифорнии.

Прошло девяносто два года с тех пор, как президент Теодор Рузвельт объявил национальным заповедником сам Большой каньон. Брюс Бэббит, Ал Гор и я сделали все от нас зависящее, чтобы сохранить верность принципам охраны природы, заложенным Рузвельтом, и его призыву «всегда заглядывать далеко вперед».

Четырнадцатого января, в день рождения Мартина Лютера Кинга-младшего, я почтил его память в своем утреннем субботнем радиообращении, рассказав о достигнутом афроамериканцами и латиноамериканцами эконо-

мическом и социальном прогрессе и обсудив вопрос о том, сколько нам еще предстоит сделать в этом направлении. Хотя уровень безработицы среди представителей этих меньшинств был ниже, чем когда-либо в истории, он все еще существенно превышал средний показатель по стране. Кроме того, недавно мы пережили новую волну преступлений, совершенных по мотивам расовой и национальной ненависти: Джеймса Берда, чернокожего американца, вытащили из кузова пикапа и убили белые расисты в Техасе; в Лос-Анджелесе обстреляли еврейскую школу; по этническим и расовым причинам были убиты студент — выходец из Кореи, баскетбольный тренер-афроамериканец и почтовый служащий, филиппинец по происхождению.

Несколькими месяцами ранее на одном из мероприятий, организованных Хиллари в Белом доме в честь начала нового тысячелетия, доктор Эрик Лэндер, директор Центра по исследованию генома человека в Институте Уайтхеда при Массачусетском технологическом институте, и топ-менеджер высокотехнологичной компании Винтон Серф, известный как «отец Интернета», обсуждали, как цифровые технологии дали возможность успешно реализовать проект по расшифровке генома человека. Лучше всего я запомнил в этот вечер утверждение Лэндера о том, что в генетическом отношении все люди тождественны на 99,9 процента. С тех пор как он это сказал, я постоянно думал о том, сколько было пролито крови и потрачено энергии теми, кто хотел, чтобы люди оставались разделенными всего из-за одной десятой процента.

В своем радиообращении я снова попросил Конгресс принять закон о преступлениях по мотивам расовой и национальной ненависти и обратился к Сенату с просьбой утвердить выдающегося юриста — американца китайского происхождения Билла Лан Ли новым заместителем генерального прокурора по гражданским правам. Республиканское большинство тянуло с его утверждением на эту должность: похоже, им не нравилось, что я предлагаю так много цветных кандидатов. Моим главным гостем в то утро была Шарлотта Филмор. Этой афроамериканке уже исполнилось сто лет, и несколько десятилетий тому назад, когда она работала в Белом доме, ей из-за принадлежности к своей расе приходилось входить в здание через особую дверь. На этот раз мы провели Шарлотту через парадный вход прямо в президентский Овальный кабинет.

На протяжении недели, предшествовавшей моему выступлению с посланием «О положении в стране», я, как всегда, проводил ряд мероприятий, подчеркивавших мои наиболее важные инициативы, о которых собирался говорить в своей речи. На этот раз я включил в этот список два предложения, которые выдвинули в ходе своих избирательных кампаний Хиллари и Ал Гор. Я рекомендовал разрешить родителям, дети которых получали медицинскую страховку по программе CHIP*, покупать аналогичную страховку и для себя. Это было предложением Ала Гора, кроме того, он выдвинул, а я

---

* Программа CHIP (Children Health Insurance Program) дает право на покупку дешевых медицинских страховок для детей, даже если их родители работают, но их совокупный семейный доход не превышает 34 100 долларов в год, причем это право распространяется и на детей из семей иммигрантов. — *Прим. пер.*

поддержал идею не облагать налогом первые 10 тысяч долларов, потраченные на получение образования в колледже. Эти инициативы продвигал в Конгрессе сенатор Чак Шумер, а Хиллари пропагандировала их во время проведения своей избирательной кампании.

Если бы все родители и дети, уровень дохода которых соответствовал необходимым критериям, — а это около 14 миллионов человек, — приобрели медицинские страховки по программе SCHIP, то в результате их обладателями стала бы треть незастрахованного населения. Если бы людям старше пятидесяти пяти лет разрешили покупать льготные страховки по системе «Медикэр», как я рекомендовал, то две эти программы сократили бы число американцев, не имеющих медицинских страховок, наполовину. Если бы был утвержден налоговый кредит на плату за обучение, то, учитывая закон о дополнительной денежной помощи студентам колледжей, который я уже подписал, можно было бы утверждать, что двери в подобные учебные заведения открыты для всех американцев. В колледжах уже обучалось 67 процентов выпускников средних школ, что было на 10 процентов больше, чем до того, как я стал президентом.

В своей речи, обращенной к ученым Калифорнийского технологического института, я рассказал о предложении увеличить почти на 3 миллиарда долларов финансирование научных исследований, в том числе 1 миллиард долларов направить на изучение СПИДа и другие медико-биологические цели и 500 миллионов долларов — на изыскания в области нанотехнологий. Я также предложил существенно увеличить финансирование исследований — фундаментальных, космических и в области экологически чистых источников энергии. 24 января мы с Алексис Херман и Донной Шалалой попросили Конгресс помочь ликвидировать 25-процентную разницу в оплате труда мужчин и женщин, приняв закон «О справедливой оплате». Он позволил бы рассмотреть наконец массу исков, накопившихся в Комиссии по соблюдению равноправия при трудоустройстве, о дискриминации на работе и поддержал бы усилия Министерства труда, направленные на увеличение числа женщин на высокооплачиваемых должностях, на которых они были недостаточно представлены. Например, в большинстве профессий в сфере высоких технологий, на двух мужчин приходилась всего одна женщина.

В тот день, когда я должен был обратиться с речью «О положении в стране», Джим Лерер пригласил меня в свою программу «Час новостей» на телеканал PBS. Я побывал там впервые после интервью, которое дал ему два года назад, незадолго до того, как разразился скандал по поводу моих показаний. Мы обсудили достижения моей администрации за прошедшие семь лет, а затем Лерер спросил, тревожит ли меня вопрос о том, что напишут обо мне историки. Газета *New York Times* уже опубликовала редакционную статью, в которой говорилось, что меня называют политиком с большим природным талантом, добившимся ряда важных достижений, но «не сумевшим стать по-настоящему великим, хотя это было для него возможно».

Он попросил меня дать оценку того, что «было возможно». Я ответил, что, по моему мнению, на стыке столетий уже существовало время, очень

похожее на наше, когда мы вступили в новую эру экономических и социальных перемен и значительно чаще, чем раньше, начали принимать участие в событиях, происходивших за нашими границами. С учетом того, что произошло тогда, я решил: основными критериями для оценки моей работы должны быть ответы на следующие вопросы: удалось ли нам эффективно управлять вступлением Америки в эру новой экономики и глобализации? Соответствовал ли требованиям времени наш подход к решению социальных задач? Хорошо ли мы решали экологические проблемы? Каким силам мы противостояли? Я сказал Лереру, что могу ответить на все эти вопросы.

Более того, я достаточно много читал, чтобы знать: история постоянно переписывается. За время моего пребывания в Белом доме были опубликованы две важные биографические книги о президенте Гранте, которые существенно изменили традиционные оценки его деятельности. Такое происходит постоянно. Кроме того, сейчас меня больше волновал вопрос, чего я смогу добиться за последний год пребывания на посту президента, чем то, что обо мне подумают в будущем.

Еще я добавил, что кроме решения внутренних проблем я хочу подготовить нашу страну к отражению главных угроз ее безопасности в XXI столетии. Для республиканцев в Конгрессе основным приоритетом было создание национальной системы противоракетной обороны, но я сказал, что главнейшая угроза — это «позволить террористам, наркоторговцам и представителям организованной преступности все теснее и теснее сотрудничать друг с другом и получать новые компактные и трудные для обнаружения виды оружия массового поражения, а также более мощное обычное оружие. Поэтому мы старались создать инфраструктуры для борьбы с кибертерроризмом, биотерроризмом, химическим терроризмом... Об этом сегодня не пишут на первых полосах газет, но... Я думаю, что именно терроризм — основная угроза нашей безопасности в этом взаимозависимом мире».

В те дни я очень много размышлял о терроризме из-за двух труднейших месяцев, которые предшествовали празднованию Миллениума. ЦРУ, Агентство национальной безопасности, ФБР и вся наша команда по борьбе с терроризмом очень напряженно работали, чтобы предотвратить несколько планировавшихся атак террористов в Соединенных Штатах и на Ближнем Востоке. В северной части Аравийского моря находились две наши подводные лодки, готовые нанести ракетный удар по любой точке, как только ЦРУ определит местонахождение бен Ладена. Контртеррористическая группа, возглавляемая Диком Кларком, и Джордж Тенет напряженно работали, чтобы найти его. Я считал, что мы контролируем ситуацию, но все же нам не хватало оборонительных и наступательных средств, чтобы победить врага, который умело находил возможности для новых нападений на ни в чем не повинных людей в нашем все более открытом мире.

В конце интервью Лерер задал мне еще один вопрос, которого я ждал: если бы два года назад, давая оценку своим поступкам, я сразу по-иному ответил ему и остальным людям, могло ли так случиться, что события

стали бы развиваться по другому сценарию и меня бы не подвергли импичменту? Я сказал, что не знаю, но глубоко сожалею о том, что ввел в заблуждение его и американский народ. У меня все еще нет ответа на заданный им вопрос, учитывая ту истерическую атмосферу, которая царила тогда в Вашингтоне. Я сказал Лереру, что извинился и попытался исправить свои ошибки. Это все, что я мог сделать.

Тогда Лерер спросил, испытал бы я удовлетворение, узнав, что существовал заговор с целью сместить меня с поста, но он потерпел неудачу. Это был единственный случай, когда журналист в моем присутствии недвусмысленно намекнул на существование заговора, о котором все они знали, но не хотели этого признавать. Я сказал Джиму, что жизнь, преподав ряд жестоких уроков, научила меня следующему: если поддаешься злости или слишком радуешься, одержав над кем-то победу, или считаешь, что, как бы ни были тяжелы собственные грехи, твои противники еще хуже, то непременно будешь наказан. У меня оставался всего год, и не было времени, чтобы злиться или испытывать чувство удовлетворения.

Выступление в Конгрессе с последним обращением «О положении в стране» доставило мне удовольствие. Мы создали более 20 миллионов рабочих мест; уровень безработицы и процент получателей социальных пособий были самыми низкими за тридцать лет; уровень преступности — самым низким за двадцать пять лет, а уровень бедности — за двадцать лет; число федеральных служащих было минимальным за сорок лет; впервые за сорок два года мы на протяжении двух последних лет добивались профицита бюджета; уже в течение семи лет снижалось количество беременностей среди несовершеннолетних; на 30 процентов увеличилось число усыновляемых детей, и 150 тысяч молодых людей работали в волонтерской организации «Америкорпс». Через месяц нам предстояло отметить самый длительный период экономического роста в американской истории и впервые более чем за пятьдесят лет третий раз подряд закончить год с профицитным бюджетом.

Я опасался, что Америка в этот период процветания может преисполниться самодовольства, поэтому попросил наш народ не рассматривать такую благоприятную ситуацию как нечто само собой разумеющееся, а «заглянуть далеко вперед», чтобы понять, какую страну мы должны построить в XXI столетии. Для достижения этой задачи я предложил более шестидесяти инициатив, например: каждый ребенок должен приходиться в школу подготовленным к учебе, а после ее окончания быть настроенным добиться в жизни успеха; каждая семья должна преуспевать и дома, и на работе, и ни один ребенок не должен расти в бедности; проблема выхода на пенсию поколения беби-бума должна быть решена; для всех американцев должно стать доступным качественное и приемлемое по цене медицинское обслуживание; Америка должна стать самой безопасной из крупных стран на Земле и впервые с 1835 года свободной от долгов; изменения климата нужно остановить; Америка поведет мир к общему процветанию и безопасности, находясь на переднем крае развития науки и технологии; мы, интегрировав все наше многообразие, станем наконец единой нацией.

Я постарался заинтересовать и республиканцев, и демократов, предложив сочетание сокращения налогов и программ расходования средств для того, чтобы реализовать предложенные мною цели; большую поддержку усилий по борьбе с бедностью и употреблением наркотиков; помощь несовершеннолетним матерям; налоговые льготы для благотворительных пожертвований, сделанных гражданами со средними и низкими доходами, — ранее люди не могли ими воспользоваться из-за трудностей с их оформлением в налоговых декларациях; упразднение так называемого «штрафа за брак»* и увеличение налогового кредита на заработанный доход; более эффективные стимулы для обучения английскому языку и гражданским правам и обязанностям недавно прибывших в США иммигрантов; принятие закона о преступлениях по мотивам расовой и национальной ненависти и закона о недопустимости дискриминации при приеме на работу. Я также поблагодарил спикера за поддержку инициативы по развитию «новых рынков».

В заключение я представил людей, сидевших в ложе вместе с Хиллари и олицетворяющих то, чего мы хотели бы достичь: отца одного из школьников, убитых в школе Коламбайн, который хотел, чтобы Конгресс закрыл «дыру» в законодательстве, связанную с продажей оружия на выставках; отца-латиноамериканца, с гордостью воспитывающего двух детей, которому бы помог пакет предложенных мною налоговых льгот; капитана военно-воздушных сил, спасшего одного из наших пилотов, сбитых в Косово, который своим примером хотел проиллюстрировать важность завершения нашей миссии на Балканах; моего друга Хэнка Аарона, который, закончив играть в профессиональный бейсбол, многие годы работал, чтобы помочь бедным детям и ликвидировать межрасовые противоречия.

Я завершил свою речь призывом к единству и вызвал смех, напомнив Конгрессу, что даже республиканцы и демократы в генетическом отношении на 99,9 процента тождественны друг другу. Я сказал: «Современная наука подтвердила то, о чем всегда говорили древние мудрецы: самое важное заключается в том, что все мы принадлежим к одному человеческому роду».

Мою речь подверг критике один из конгрессменов, который сказал, что в своем желании избавить Америку от долгов я был похож на президента Кэлвина Кулиджа**, а некоторые консерваторы обвиняли меня в том, что я тратил слишком много денег на образование, здравоохранение и экологию. Но мне представлялось, что большинство избирателей были уверены в моей готовности напряженно работать и в последний год президентства, заинтересовались предложенными мною новыми идеями и поддержали мое предложение ориентироваться на будущее.

Видимо, только в начале 60-х Америка «плавала» по такому спокойному морю: экономика переживала бум, законы о гражданских правах обещали

---

* «Штраф за брак» связан с тем, что супружеским парам приходилось платить более высокие налоги, чем муж и жена платили бы по отдельности. — *Прим. пер.*

** Кэлвин Кулидж — 30-й президент США. Проводил консервативную внутреннюю политику и политику международного изоляционизма, которая, по мнению ряда экспертов, стала одной из причин Великой депрессии. — *Прим. пер.*

более справедливое будущее, а Вьетнам казался лишь маленькой отметкой на радаре. Через шесть лет в экономике начался спад, на улицах стали происходить столкновения на расовой почве, Джон и Роберт Кеннеди и Мартин Лютер Кинг-младший были убиты, вьетнамская война всколыхнула всю Америку, президента Джонсона вынудили покинуть свой пост, и началась новая эра конфликтов в нашей политике. Хорошие времена нужно использовать для того, чтобы развивать достигнутый успех, а не скользить по наклонной плоскости.

После остановки в Квинси, штат Иллинойс, сделанной для того, чтобы привлечь внимание к основным пунктам моей программы, я вылетел в Швейцарию, где должен был выступить на Всемирном экономическом форуме в Давосе — важной ежегодной встрече политических и бизнес-лидеров многих стран. Я взял с собой пять членов своего кабинета, чтобы обсудить массовые протесты против глобализации, свидетелями которых мы стали на улицах Сиэтла во время недавней конференции ВТО. Международные корпорации и их политические союзники были вполне удовлетворены, создав глобальную экономику, которая соответствовала их потребностям. Они считали, что экономический рост, достигнутый в результате международной торговли, повсюду создаст богатство и новые рабочие места.

Торговля в хорошо управляемых государствах действительно в значительной степени помогла покончить с бедностью, но в неразвитых странах эти преобразования не коснулись очень многих людей. Половина населения земного шара все еще живет, имея возможность тратить не более двух долларов в день; миллиард человек — менее доллара в день, а еще более миллиарда ложатся спать голодными. Каждый четвертый житель Земли не имеет доступа к чистой воде; около 130 миллионов человек вообще никогда не посещали школу, а 10 миллионов каждый год умирает от болезней, которые было вполне возможно вылечить или предотвратить.

Даже в богатых странах постоянные изменения в экономике всегда приводят к перемене места жительства определенной части людей, и Соединенные Штаты не всегда прилагают достаточные усилия, чтобы вернуть им рабочие места, где они могли бы получать такое же или более высокое вознаграждение за свой труд. Наконец, мировые финансовые институты не смогли предотвратить или смягчить кризисы в развивающихся странах, чтобы минимизировать ущерб для трудящихся, а ВТО воспринималась как организация, слишком зависимая от богатых стран и мультинациональных корпораций.

В первые два года моего президентства, когда демократы составляли большинство в Конгрессе, я получал больше ассигнований на обучение тех, кто потерял работу, и подписание дополнительных договоров к Североамериканскому соглашению о свободной торговле, предусматривавших выполнение экологических требований и создание условий для трудящихся. Затем республиканский Конгресс стал в меньшей степени поддерживать такие усилия, особенно направленные на борьбу с бедностью и создание новых рабочих мест в бедных странах. Теперь мне представлялось, что мы можем

добиться двухпартийного консенсуса по меньшей мере по трем инициативам: программе создания «новых рынков», закону о торговле с Африкой и странами Карибского бассейна и предложению о прощении долгов бедным странам в начале нового тысячелетия.

Основной вопрос заключался в том, возможно ли существование глобальной экономики без глобальной социальной и экологической политики и более открытого процесса принятия решений теми, кто ею руководит, особенно ВТО. Я думал, что люди, представляющие силы, настроенные против торговли и глобализации, ошибаются, полагая, что мировая торговля приводит к увеличению бедности. На самом деле она помогла многим людям с нею покончить и вывести большинство стран из изоляции. С другой стороны, те, кто думал, что все, что нам нужно, — это нерегулируемый ежедневный поток капитала в триллион долларов и постоянное расширение торговли, тоже были неправы.

Я сказал, что глобализация наложила на тех, кто пользовался обретенными благами, ответственность разделять как ее выгоды, так и тяготы, создавая возможности для участия в ней все большего числа людей. По сути, я предлагал «третий путь» глобализации: торговля плюс согласованные усилия, направленные на то, чтобы народы и страны получили средства и условия для максимального использования предоставляемых ею выгод. Наконец, я утверждал, что, используя рост экономики и укрепление социальной справедливости, необходимо дать людям надежду — только так мы смогли бы убедить человечество покончить в XXI столетии с такими ужасами современного мира, как терроризм и оружие массового уничтожения, и положить конец конфликтам, питаемым расовой, религиозной и межплеменной ненавистью.

Завершив свою речь, я не знал, удалось ли мне убедить примерно тысячу влиятельных бизнесменов согласиться с моей точкой зрения, но понял, что они прислушались к моим словам и по меньшей мере будут считаться с проблемами нашей глобальной взаимозависимости и выполнять собственные обязательства по созданию более целостного и интегрированного мира. Влиятельным лицам, определяющим судьбы планеты, было необходимо выработать общее видение проблем. Если хорошие люди, обладающие энергией и объединенные общими представлениями о мире, начинают действовать, любые проблемы становятся решаемыми.

По возвращении домой я принял участие в своем последнем Национальном молитвенном завтраке. Джо Либерман, первый выступивший на нем оратор, представлявший иудеев, произнес прекрасную речь о ценностях, общих для всех религий. Я обсудил практические результаты, вытекающие из его высказываний: что означают призывы не отворачиваться от незнакомцев, относиться к другим так, как мы бы хотели, чтобы относились к нам, и любить ближнего, как самого себя; «кто наши ближние и что значит любить их». Если генетически мы практически неотличимы друг от друга и наш мир стал таким взаимосвязанным, что мой кузен из Арканзаса два раза в неделю играет в шахматы по Интернету с партнером, живущим в Австралии, то в будущем нам, очевидно, необходимо расширить сферу своих интересов.

Предстоящие события, конечно, зависели от итогов выборов в этом году. Ал Гор и Джордж Буш, как и ожидалось, уверенно победили на предварительных выборах в Айове. Потом, когда избирательная кампания переместилась в Нью-Хэмпшир, избиратели на предварительных выборах от обеих партий получили удовольствие, опровергнув все ожидания. Кампания Ала стартовала не совсем успешно, но потом, когда он вернулся в свою штаб-квартиру в Нашвилле и стал проводить встречи в неформальной обстановке с избирателями в Нью-Хэмпшире, отвечая на их вопросы, ему удалось установить с людьми настоящий контакт и, получив более благоприятные отзывы в прессе, опередить сенатора Брэдли. После моего обращения к Конгрессу, в котором я привлек внимание к ряду его значительных достижений, Ал набрал еще несколько дополнительных очков, как это обычно и бывает после подобной речи. Потом Брэдли начал его жестко атаковать. Когда Ал не ответил на эти нападки, разрыв между ним и Брэдли сократился, но Гор удержал свое лидерство и победил с результатом 52 процента против 47. Теперь я был уверен, что именно он станет кандидатом от демократов. Я также ожидал, что Ал уверенно победит на Юге и в Калифорнии и добьется успеха в крупных промышленных штатах, особенно после того как его поддержало АФТ — КПП.

Джон Маккейн, набрав 49 процентов голосов против 31, победил Джорджа Буша в Нью-Хэмпшире. Это штат был словно создан для него. Избирателям нравились независимость Маккейна и его поддержка реформы финансирования избирательных кампаний. Продолжить борьбу предстояло в Южной Каролине, где Маккейн надеялся использовать свою карьеру военного и прибегнуть к помощи двух конгрессменов, но, с другой стороны, Буша поддерживали партийный истеблишмент и религиозные деятели правого толка.

Днем в воскресенье, 6 февраля, мы с Хиллари, Челси и Дороти поехали из Чаппауа в кампус Университета штата Нью-Йорк, чтобы объявить о том, что Хиллари официально выставляет свою кандидатуру на выборах в Сенат. Ее представил сенатор Мойнихен. Он сказал, что лично знал Элеанору Рузвельт, и добавил: «Вы бы ей понравились». Это был искренний комплимент, и к тому же забавный, потому что мы не раз дружески поддразнивали Хиллари, так как она сказала, что ведет воображаемые беседы с миссис Рузвельт.

Хиллари произнесла замечательную речь, которую она старательно писала и усердно репетировала. Это выступление продемонстрировало, как хорошо Хиллари изучила проблемы различных регионов штата и как ясно понимала, какой именно выбор предстоит сделать избирателям. Ей также нужно было объяснить, почему она решила участвовать в выборах; показать, что понимает, по каким причинам жителей Нью-Йорка может беспокоить предстоящее голосование за кандидата, который, хотя и нравится им, но никогда не жил в этом штате, за исключением последних нескольких месяцев; а также рассказать о том, что она будет делать, если станет сенатором. Мы обсуждали, должен ли выступить я. В Нью-Йорке моя популярность

была одной из самых высоких: на тот момент мою работу одобряло 70 процентов его жителей, а мой личный рейтинг составлял 60 процентов, но мы решили, что мне не следует выступать: это был день Хиллари, и избиратели хотели услышать именно ее.

Оставшуюся часть месяца в новостях доминировала информация о политических событиях, а я решал широкий круг внутренних и внешнеполитических проблем. На внутреннем фронте я поддержал законопроект, выдвинутый представителями обеих партий, о предоставлении на основе программы «Медикэйд» помощи женщинам с низкими доходами, которые проходят лечение по поводу рака груди и рака матки; заключил сделку с сенатором Лоттом о том, что он поставит на голосование в Сенате кандидатуры пяти предложенных мною судей, а я взамен назначу в Федеральную избирательную комиссию нужного ему человека, который был яростным противником реформы финансирования избирательных кампаний; дискутировал с республиканцами по поводу «Билля о правах пациентов»: они говорили, что готовы его принять, если на его основе никто не сможет подавать судебных исков, а я возражал им, что в этом случае мы получим не закон, а «рекомендацию»; назвал конференц-зал в Белом доме именем Джеймса Брейди — мужественного пресс-секретаря президента Рейгана; объявил о рекордном увеличении ассигнований на образовательные программы для коренных американцев и на здравоохранение; поддержал изменение правил предоставления бесплатных талонов на продовольствие, разрешив получателям социального пособия, которые начали работать, владеть подержанным автомобилем, не теряя права на эти талоны; получил награду от Лиги граждан США латиноамериканского происхождения за проводимую мною экономическую и социальную политику и назначение латиноамериканцев в свою администрацию; в последний раз принимал участников Национальной ассоциации губернаторов.

Что касается внешней политики, то здесь произошло много событий, вызывающих беспокойство. 7 февраля Ясир Арафат прервал мирные переговоры с Израилем. Он был убежден, что Израиль отодвинул на второй план палестинскую проблему и ведет мирные переговоры с Сирией. В этом была доля правды, но в то время израильское государство предпочитало, несмотря на все связанные с этим трудности, заключить мир именно с палестинцами, а не отдать Голанские высоты, поставив под угрозу переговоры с Палестиной. Мы потратили оставшиеся дни месяца, пытаясь снова сдвинуть дело с мертвой точки.

Одиннадцатого февраля Великобритания приостановила самоуправление в Северной Ирландии, несмотря на то что ИРА в последний момент пообещала генералу Джону де Шастелену — канадцу, который наблюдал за процессом, сдать оружие. Я снова привлек к решению этой проблемы Джорджа Митчелла, и мы сделали все от нас зависящее, чтобы помочь Берти Ахерну и Тони Блэру. Основной проблемой, по мнению Джерри Адамса, было то, что ИРА хотела сложить оружие потому, что за это проголосовал народ, а не потому, что Дэвид Тримбл и юнионисты сделали разоружение ценой участия католиков в правительстве. Конечно, если бы этого не произошло, протестанты утратили бы доверие к мирному процессу,

и в конце концов Тримбл пришлось бы уйти, чего не хотели Адамс и «Шин Фейн». Тримбл мог быть непреклонным и пессимистичным, но за его суровой шотландско-ирландской внешностью скрывался смелый идеалист, который для заключения мира тоже шел на риск. В любом случае, разногласия по поводу графика разоружения почти на год задержали создание правительства; сейчас мы опять вернулись к тому, что правительства не было вовсе. Это очень огорчало, но я думал, что нам удастся найти выход из тупика, так как никто не хотел возвращаться к прежним временам.

Пятого марта я отметил тридцать пятую годовщину марша борцов за гражданские права в Сельме, штат Алабама, пройдя по мосту Эдмунда Петтуса, как это сделали тогда, в «кровавое воскресенье», участники демонстрации, рискуя своими жизнями, чтобы избирательное право получили все американцы. Многие из ветеранов правозащитного движения, шедших вместе с Мартином Лютером Кингом или поддерживавших его, в этот день снова шагали рука об руку, включая Коретту Скотт Кинг, Джесси Джексона, Джона Льюиса, Эндрю Янга, Джо Лауэри, Джулиана Бонда, Этель Кеннеди и Харриса Уоффорда.

В 1965 году марш в Сельме пробудил совесть нации. Через пять месяцев президент Джонсон подписал закон «Об избирательных правах». Перед его принятием в США было всего 300 чернокожих политиков всех уровней и только три конгрессмена-афроамериканца. В 2000 году их стало уже почти 9 тысяч, а в «черном совещании» Конгресса принимали участие 39 чернокожих американцев.

В своем коротком выступлении я отметил, что Мартин Лютер Кинг был прав, сказав, что, когда чернокожие американцы «выиграют свою борьбу за свободу, те, кто этому препятствовал, тоже впервые станут свободными». После Сельмы белые и чернокожие южане «перешли мост» к «Новому Югу», оставив позади ненависть и изоляцию, обретя новые возможности, процветание и политическое влияние: если бы не Сельма, Джимми Картер и Билл Клинтон никогда не стали бы президентами Соединенных Штатов.

Теперь, когда мы «перешли мост» в XXI столетие, имея самый низкий уровень безработицы и бедности и самое большое в истории число чернокожих американцев, владеющих домами и бизнесом, я попросил свою аудиторию помнить о том, что еще предстоит совершить. Пока сохраняются значительные расовые различия в уровне доходов, образования, качестве медицинского обслуживания, степени риска подвергнуться насилию, оценке справедливости системы правосудия; пока существует дискриминация и совершаются убийства на почве расовой и межнациональной ненависти, «нам предстоит пройти через еще один длинный мост».

Мне понравился тот день в Сельме. Я снова вспомнил, как мальчишкой мечтал об Америке, которая не будет разделена по расовому принципу, и верил в это. Я опять вернулся к эмоциональным основам моей политической жизни, попросившись с людьми, которые так много сделали для их развития: «Пока американцы готовы держаться за руки, мы можем идти навстречу любому ветру, мы можем перейти мост. В глубине сердца я верю: мы все преодолеем».

Большую часть первой половины месяца я вел кампанию за реализацию предложенных мною мер контроля над оружием. Нам предстояло ликвидировать брешь в законодательстве, связанную с продажей оружия на выставках; установить на нем предохранители, чтобы дети не смогли случайно выстрелить; выполнить требование о необходимости получения владельцами оружия удостоверений личности с фотографией, подтверждающих, что они прошли проверку в соответствии с законом Брейди и прослушали учебный курс по безопасному обращению с оружием. Америка была потрясена рядом трагических смертей, вызванных неосторожным обращением с оружием: в одном из таких случаев совсем маленький ребенок выстрелил из ружья, которое нашел в своем доме. Уровень смертности по причине неосторожного обращения с оружием среди детей младше пятнадцати лет в Америке был в девять раз выше, чем в двадцати пяти других крупнейших экономически развитых странах вместе взятых.

Несмотря на вопиющую необходимость и растущую общественную поддержку мер по контролю над оружием, Национальной стрелковой ассоциации пока удавалось блокировать их утверждение в Конгрессе, хотя нужно отдать должное производителям оружия: большинство из них установило на своих моделях специальные предохранители, чтобы дети не смогли нажать на спусковой крючок. По поводу продаж на выставках Национальная стрелковая ассоциация, так же, как и тогда, когда она не соглашалась с принятием закона Брейди, заявила, что не возражает против быстрых проверок биографии покупателей оружия, но не хочет никому доставлять неудобств, заставляя ждать три дня, пока не придет разрешение на покупку. Дело в том, что 70 процентов проверок уже длилось не более часа, а в 90 процентах случаев на это требовался один день. Только немногие из них продолжались дольше. Но если бы мы отменили требование ждать три дня перед получением покупки, то люди, которые в итоге не прошли бы проверку, смогли бы приобретать оружие в пятницу, перед закрытием магазинов. Национальная стрелковая ассоциация также упорно возражала против выдачи лицензий владельцам оружия, рассматривая это как первый шаг на пути к его запрету. Это был странный аргумент: мы уже давно требуем, чтобы водители имели права, но никому еще не приходило в голову запретить им владеть автомобилями.

И все же я знал, что Национальная стрелковая ассоциация могла напугать многих людей. Я вырос в среде охотников, в которой влияние NRA было очень велико, и помнил, какой урон она нанесла нам в 1994 году на выборах в Конгресс. Но я всегда считал, что большинство охотников и стрелков-спортсменов — хорошие граждане, которые прислушаются к аргументам, если они будут достаточно ясными и убедительными. Мне было необходимо осуществить эту попытку, поскольку я верил в то, что делал, и поскольку Ал Гор навлек на себя гнев Национальной стрелковой ассоциации, поддержав идею об обязательных лицензиях для владельцев оружия гораздо раньше меня.

Двенадцатого марта Уэйн Лапьер, исполнительный вице-президент Национальной стрелковой ассоциации, сказал, что мне нужен «определенный

уровень насилия» и что для реализации своих политических целей я (и мой «вице-президент тоже») был «готов допустить и определенное количество убийств». Позиция Лапьера заключалась в том, что мы должны более жестко карать за преступления с применением оружия и наказывать взрослых, которые поступают безответственно, разрешая детям доступ к оружию. На следующий день в Кливленде я ответил Лапьеру, что согласен с предложениями, касающимися более суровых наказаний, но его позиция, в соответствии с которой якобы не нужны никакие превентивные меры, — просто абсурд. Национальная стрелковая ассоциация возражала даже против запрета пуль — «убийц полицейских». Именно эта организация была готова смириться с насилием и убийствами, чтобы увеличить число своих членов и не изменять свою идеологию. Я сказал, что хотел бы увидеть, как Лапьер посмотрит в глаза родителям, которые потеряли своих детей в Коламбайн, или в Спрингфилде, штат Орегон, или в Джонсборо, штат Арканзас, если он говорит такие вещи.

У меня не было уверенности в том, что я смогу одержать победу над Национальной стрелковой ассоциацией в Палате представителей, но я гордился тем, что пытался это сделать. Я спросил людей, как бы они отнеслись к тому, что стратегия этой организации — «не нужно профилактики, нужно только наказание» — применялась бы в других сферах нашей жизни: тогда следовало бы отказаться от автомобильных ремней безопасности, воздушных подушек и ограничений скорости, а вместо этого увеличить на пять лет тюремный срок заключения для водителей, ставших причиной гибели людей, или убрать металлодетекторы в аэропортах, а вместо этого на десять лет повысить меру наказания для террористов, взорвавших самолет.

Во время моей предыдущей поездки в Кливленд я побывал в начальной школе, в которой волонтеры «Америкорпс» учили детей читать. Шестилетний мальчик посмотрел на меня и спросил: «А вы действительно президент?» Когда я ответил утвердительно, он сказал: «Но ведь вы еще не умерли!» Он знал только Джорджа Вашингтона и Авраама Линкольна. Мое президентство уже заканчивалось, и времени у меня оставалось немного, но, поскольку мне предстояла очень серьезная борьба, я знал, что мальчик был прав: я действительно пока еще не умер.

Семнадцатого марта я объявил о соглашении, которое имело поворотное значение. Оно было заключено между компанией Smith & Wesson — одним из самых крупных производителей оружия, с одной стороны, и федеральным правительством, правительствами штатов и местными органами управления, с другой. Компания объявила, что будет устанавливать предохранители на свою продукцию; начнет разработку «умного оружия», из которого сможет выстрелить только его взрослый владелец; перестанет поставлять использованное преступниками оружие дилерам; потребует от них не продавать оружие на выставках без проверки благонадежности покупателя и разработает новые модели, которые нельзя будет использовать с многозарядными магазинами. Это был мужественный поступок. Я знал, что компания Smith & Wesson подвергнется яростным нападкам со стороны Национальной стрелковой ассоциации и конкурентов.

Во вторую неделю марта процесс выдвижения кандидатов в президенты был завершен: Джон Маккейн и Билл Брэдли сняли свои кандидатуры после того, как в «супервторник» Ал Гор и Джордж Буш уверенно победили на первичных выборах в шестнадцати штатах. Билл Брэдли проводил солидную избирательную кампанию и, оказав существенное давление на Гора, способствовал тому, что тот стал более сильным кандидатом. Алу пришлось развернуть работу на местах, больше общаться с рядовыми избирателями, что помогло ему выглядеть более уравновешенным, но в то же время решительным и энергичным. После проигрыша в Нью-Хэмпшире Буш усилил свою кампанию, выиграв в Южной Каролине, где его команда организовала телефонные звонки в дома консервативных белых избирателей, которым напомнили, что у его соперника Маккейна есть «чернокожий ребенок». Сенатор усыновил ребенка из Бангладеш — это был далеко не единственный его поступок, вызвавший мое восхищение. Перед окончанием предварительных выборов группа ветеранов, поддерживавших Буша, обвинила Маккейна в том, что он предал свою страну, когда пять с половиной лет был в плену в Северном Вьетнаме. В Нью-Йорке сторонники Буша нападали на Маккейна за то, что он якобы возражал против медицинских осмотров женщин, проходивших курс лечения по поводу рака груди. На самом деле сенатор проголосовал против популистского законопроекта, выделявшего необоснованные ассигнования на оборонные цели, в котором средства на медицинские исследования были лишь одной из статей расходов. У его сестры был рак груди, и он всегда голосовал за ассигнования на медицинские исследования по поводу этого заболевания, если они проводились отдельной статьей, — именно так выделялось 90 процентов финансирования на эти цели. Сенатор Маккейн не ответил Бушу и порочившим его правым экстремистам жестко и сразу, а потом стало слишком поздно.

В марте внешнеполитические новости были в основном позитивными. Барак и Арафат согласились возобновить переговоры. В мой последний день Святого Патрика в должности президента Симус Хини читал свои стихи, мы все пели «Дэнни бой», и было понятно, что, хотя правительство в Северной Ирландии все еще не сформировано, никто не позволит сорвать мирный процесс. Я обсудил с королем Саудовской Аравии Фахдом возможность увеличения производства нефти странами ОПЕК. В прошлом году цены на нее снизились до слишком низкого для стран-производителей уровня — 12 долларов за баррель, а теперь выросли до 31–34 долларов за баррель, что уже угрожало интересам стран-потребителей. Я хотел, чтобы цены стабилизировались на уровне 20–22 долларов за баррель, и надеялся, что для этого ОПЕК сумеет увеличить производство нефти, в противном случае Соединенные Штаты столкнутся с серьезными экономическими проблемами.

Восемнадцатого марта я предпринял недельную поездку в Индию, Пакистан и Бангладеш. В Индию я ехал с надеждой заложить основы долгосрочных позитивных взаимоотношений. Мы упустили слишком много времени после окончания холодной войны, в которой Индия, в отличие от Китая, была союзником СССР. Бангладеш — самая бедная страна в Южной

Азии, но это крупное государство, руководители которого развивали новаторские экономические программы и дружески относились к Соединенным Штатам. В отличие от Пакистана и Индии, Бангладеш была неядерной страной, подписавшей Договор о всеобъемлющем запрещении испытаний ядерного оружия, чего не сделали Соединенные Штаты. Больше всего дискуссий вызвал мой визит в Пакистан, так как недавно в этой стране произошел военный переворот, но я все же решил поехать туда по ряду причин: призвать как можно быстрее перейти к гражданскому правлению и уменьшить напряженность, связанную с ситуацией в Кашмире; настоять, чтобы генерал Мушарраф не казнил свергнутого премьер-министра Наваза Шарифа, которому были предъявлены обвинения в преступлениях, караемых смертью; оказать на Мушаррафа давление, с тем чтобы он сотрудничал с нами по проблеме бен Ладена и «Аль-Каиды».

Секретная служба настойчиво возражала против моих поездок в Пакистан или Бангладеш, потому что ЦРУ получило сведения о том, что «Аль-Каида» собирается атаковать меня в одной из этих стран или во время взлета или посадки моего самолета. Я же считал, что должен ехать, потому что отказ от посещения этих государств мог негативно сказаться на американских национальных интересах, а также потому, что мне не хотелось поддаваться угрозам террористов. В итоге мы приняли необходимые меры предосторожности, и я отправился в путь. Думаю, это была единственная за все время просьба Секретной службы, в которой я ей отказал.

Мать Хиллари, Дороти, и Челси отправились в Индию вместе со мной. Мы начали с визита именно в эту страну, где я оставил Дороти и Челси в заботливых руках нашего посла, моего друга и бывшего губернатора штата Огайо Дика Селесте и его жены Жаклин. Потом вместе с остальными членами нашей делегации на двух небольших самолетах я отправился в Бангладеш, где встретился с премьер-министром этой страны Шейх Хасиной. Затем мне пришлось сделать еще одну уступку службе безопасности. У меня было запланировано посещение деревни Джойпура вместе с моим другом Мухамадом Юнусом, чтобы ознакомиться с проектом микрокредитов банка Grameen. Однако Секретная служба сочла, что на узких дорогах или во время полета в деревню на вертолете мы окажемся беззащитными, поэтому нам пришлось вместо того, чтобы отправиться туда самим, привезти некоторых ее жителей, включая детей, в наше посольство в Дакке, где были оборудованы школьный класс и несколько выставочных стендов во дворе.

Пока я находился в Бангладеш, в Кашмире неизвестными были убиты тридцать пять сикхов, очевидно, с целью привлечь к себе внимание во время моего визита. Вернувшись в Дели, во время встречи с премьер-министром Ваджпай я выразил свое возмущение и глубокое сожаление по поводу того, что террористы использовали мой визит как предлог для убийств. Встреча с Ваджпай прошла удачно, и я надеялся, что он сумеет установить контакты с Пакистаном до того, как будет переизбран. Нам не удалось договориться о запрете ядерных испытаний, но я знал, что это произойдет, потому что Струоб Тэлботт уже несколько месяцев вел пере-

говоры по проблемам нераспространения ядерного оружия с министром иностранных дел Индии Джасвантом Сингхом и его сотрудниками. Ваджапай не присоединился к моему обещанию отказаться в будущем от ядерных испытаний, но мы согласовали ряд позитивных принципов, которые в дальнейшем будут определять наши двусторонние отношения, в прошлом так долго остававшиеся прохладными.

У меня также состоялась конструктивная встреча с лидером оппозиционной партии Индийский национальный конгресс Соней Ганди. Ее муж и свекровь — внук и дочь Неру — стали жертвами политических покушений, но Соня, итальянка по происхождению, смело включилась в политическую жизнь.

На четвертый день моего визита мне представилась возможность выступить в индийском парламенте. Его заседания проходят в большом зале круглой формы, где несколько сот парламентариев сидят плечом к плечу на скамьях за рядами узких столов. Я говорил о своем уважении к индийской демократии, многообразии этой страны и ее впечатляющих успехах в строительстве современной экономики, откровенно обсудил наши разногласия по проблемам ядерного оружия и призвал к поиску мирного решения кашмирской проблемы. К моему удивлению, мне был оказан очень теплый прием. Парламентарии аплодировали мне, хлопая по столам ладонями и тем самым демонстрируя, что индийцы не меньше, чем я, стремятся покончить с длительным отчуждением наших стран.

Мы с Челси и Дороти посетили мемориал Ганди, где нам подарили его автобиографию и другие сочинения, а потом отправились в Агру. Там находится Тадж-Махал — возможно, самое прекрасное здание в мире, существованию которого угрожает сильное загрязнение воздуха. Индия напряженно работала над тем, чтобы создать вокруг Тадж-Махала экологически чистую зону. Министр иностранных дел Сингх и Мадлен Олбрайт подписали Договор об индийско-американском сотрудничестве по проблемам энергетики и охраны окружающей среды, на основе которого Агентство международного развития Соединенных Штатов предоставило Индии финансовую помощь в сумме 45 миллионов долларов для создания «чистых» источников энергии. Еще 200 миллионов долларов выделил на эти же цели Экспортно-импортный банк США. Тадж-Махал был так прекрасен, что просто захватывало дух, и мне даже не хотелось оттуда уходить.

Двадцать третьего марта я посетил небольшую деревню под названием Найла, неподалеку от Джойпура. После того как ее жительницы в своих ярких сари приветствовали меня, осыпав тысячами цветочных лепестков, я встретился с местными выборными руководителями, сообщая работавшими над преодолением межкастовых и гендерных барьеров, которые традиционно разделяют индийцев, и мы обсудили с местными женщинами, членами молочного кооператива, значение программы микрокредитов.

На следующий день я отправился в Хайдарабад — процветающий город, центр высоких технологий, где меня принимал главный министр штата Чандрабабу Найду, красноречивый и очень современный лидер. Мы посетили научно-технологический центр НІТЕСН, поразивший меня многооб-

разием входивших в него компаний, которые появлялись там, как грибы после дождя, и больницу, где мы вместе с руководителем Агентства международного развития Соединенных Штатов объявили об учреждении гранта в 5 миллионов долларов для оказания помощи в борьбе с туберкулезом и СПИДом. В то время Индия еще только начала признавать, что в стране распространяется эта болезнь, и многие все еще отрицали ее существование. Я надеялся, что наш скромный грант поможет повысить осведомленность о проблеме СПИДа и желание ее решать, пока она не достигла в Индии таких масштабов, как в Африке. Последнюю остановку я сделал в Мумбаи (Бомбее), где встретился с видными бизнесменами, а в местном ресторане у меня завязалась интересная беседа с молодыми предпринимателями. Я покинул Индию с ощущением, что наши государства начали строить прочные отношения, но сожалел о том, что не мог остаться еще на неделю, чтобы полюбоваться красотой этой загадочной страны.

Двадцать пятого марта я вылетел в Исламабад. Эту часть моей поездки Секретная служба считала наиболее опасной. Я постарался взять с собой как можно меньше людей, а остальные полетели на большом самолете, который должен был заправиться в Омане. Сэнди Бергер пошутил, что он немного старше меня и, поскольку мы за тридцать лет дружбы столько вместе испытали, тоже должен отправиться со мной «на прогулку» в Пакистан. Мы снова полетели на двух небольших самолетах: один из них был с опознавательными знаками ВВС США, а другой, на борту которого находился я, — совершенно белого цвета, без каких-либо признаков принадлежности той или иной стране. Пакистанцы очистили местность в радиусе мили от посадочной полосы, чтобы наш самолет не могли сбить ручным реактивным гранатометом, но, тем не менее, посадка оказалась сложной.

Автомобильный кортеж двинулся по пустому шоссе к президентскому дворцу, где должна была состояться наша встреча с генералом Мушаррафом и членами его кабинета. Оттуда же я обратился к народу Пакистана. В своей речи, которая транслировалась по телевидению, я отметил долгую дружбу между нашими странами в период холодной войны и попросил пакистанский народ отказаться от террора и ядерного оружия и начать диалог с Индией по проблеме Кашмира; подписать договор о запрещении ядерных испытаний и увеличить инвестиции в образование, здравоохранение и строительство, а не в вооружение. Я сказал, что приехал как друг Пакистана и исламского мира, который протестовал против убийств мусульман в Боснии и Косово, выступал в Палестинском национальном совете в Газе, участвовал в траурном шествии на похоронах короля Хусейна и короля Хасана и праздновал в Белом доме вместе с американскими мусульманами окончание Рамадана. Я хотел подчеркнуть, что наш мир разделяют не религиозные противоречия, а различия между теми, кто хочет жить болью, причиненной в прошлом, и теми, кто выбирает надежду и веру в будущее.

Во время моей встречи с Мушаррафом я понял, почему он сумел пробиться наверх в условиях сложной и часто склонной к насилию политической культуры Пакистана. Безусловно, это был умный, сильный и изобретательный человек. Я считал, что, если Мушарраф решит идти по мирно-

му и прогрессивному пути, у него будут хорошие шансы добиться успеха, но сказал ему, что, если он не будет бороться против террора, тот в конце концов разрушит Пакистан изнутри.

Как сказал мне Мушарраф, он не думает, что Шариф будет казнен, но уклонился от ответов на другие вопросы. Я знал, что он все еще пытается укрепить свои позиции и испытывает серьезные трудности. Впоследствии Шариф был освобожден и отправлен в ссылку в Джедду, Саудовская Аравия. Когда Мушарраф после 11 сентября 2001 года начал серьезное сотрудничество с Соединенными Штатами в борьбе против терроризма, это был для него рискованный курс. В 2003 году он пережил два покушения с интервалом всего в несколько дней.

На пути домой после остановки в Омане для встречи с султаном Кабусом наша делегация вновь собралась на борту президентского самолета, и мы полетели в Женеву, где я должен был встретиться с президентом Асадом. Наша команда работала над тем, чтобы Барак сделал конкретные предложения Сирии и передал их через меня. Так же, как и сирийцы, я знал, что они не будут окончательными, но надеялся, что Израиль в конце концов проявит такую же гибкость, какую сирийцы продемонстрировали в Шепердстауне, и мы все же сумеем заключить соглашение, но этого не произошло.

Во время нашей встречи Асад был дружелюбен. Я подарил ему синий галстук с красным профилем льва, потому что таково значение его имени в переводе на английский. Участников встречи было немного: Асада сопровождали премьер-министр Шараа и Бутейна Шаабан, а меня — Мадлен Олбрайт, Деннис Росс и сотрудник Национального совета безопасности Роб Мэлли, который вел протокол. После краткого обмена любезностями я попросил Денниса развернуть карты, которые изучал, готовясь к нашей встрече. По сравнению с позицией, заявленной в Шепердстауне, Барак теперь соглашался на более узкую полосу земли вокруг Тивериадского озера — 400 метров (1312 футов), сокращение числа персонала на радиолокационной станции и более быстрый вывод израильских войск. Асад даже не дал мне договорить. Он был очень взволнован и, отказавшись от обещаний сирийцев в Шепердстауне, сказал, что не отдаст ни пяди земли и хочет иметь возможность, сидя на берегу озера, болтать ногами в воде. Мы два часа пытались уговорить его, но безуспешно. Непреклонная и жесткая позиция Израиля на переговорах в Шепердстауне и публикация рабочих документов в израильской прессе скомпрометировали Асада, и он перестал нам верить. Кроме того, еще больше ухудшилось его здоровье, о чем я не был заранее предупрежден. Барак сделал приемлемое предложение; если бы он поступил подобным образом в Шепердстауне, соглашение уже могло быть подписано. Теперь Асад сосредоточил свои усилия на том, чтобы сделать своего сына наследником, и, очевидно, решил, что еще один раунд переговоров, какими бы ни были предложенные условия, подвергнет его неприемлемому риску. Менее чем за четыре года я стал свидетелем того, как заключение мира между Израилем и Сирией срывалось три раза: сначала это произошло из-за атак террористов в Израиле и поражения Переса на выборах в 1996 году, потом Израиль отверг предложения Сирии в Шепердстауне, и, наконец,

Асад задумался над тем, что произойдет в случае его смерти. После того как мы расстались в Женеве, я уже больше никогда его не видел.

В тот же самый день, набрав 52,5 процента голосов в первом туре, Владимир Путин был избран президентом России. Я позвонил, чтобы поздравить его, и, уже повесив трубку, подумал: Путин — достаточно жесткий человек и сумеет удержать Россию от распада; надеюсь, он окажется достаточно мудрым, чтобы найти разумное решение чеченской проблемы, и будет достаточно привержен демократии, чтобы сохранить ее. Вскоре Путин начал энергично действовать, и Дума ратифицировала СНВ-2 и Договор о всеобщем и полном запрещении испытаний ядерного оружия. Теперь даже российская Дума в вопросах контроля над вооружениями оказалась более прогрессивной, чем Сенат США.

В апреле я продолжил поездки по стране, продвигая мои предложения в сфере образования, контроля над оружием и доступа к современным технологиям, о которых говорил в своем обращении к Конгрессу; открыл еще один национальный парк — «Гигантская секвойя» в Калифорнии; наложил вето на законопроект о строительстве хранилища для радиоактивных отходов в штате Невада, так как считал, что еще не на все вопросы, возникшие в связи с этим проектом, даны удовлетворительные ответы; подписал закон, который ликвидировал ограничения на заработки лиц, получающих пособия на основе системы социального страхования; посетил индейцев из племени навахо в городе Шипроке на севере штата Нью-Мексико, чтобы подчеркнуть наши усилия по использованию Интернета для предоставления доступа к образованию, медицинскому обслуживанию и расширению экономических возможностей удаленных общин; открыл скромный, но впечатляющий мемориал, посвященный жертвам взрыва федерального здания в Оклахома-Сити. Он представлял собой ряд из 168 пустых стульев, стоящих на небольшом возвышении, к которому ведут два широких пандуса, отражающихся в воде большого пруда.

Апрель оказался финальным актом в длительной драме маленького Элиана Гонсалеза. Несколько месяцами ранее его мать вместе с сыном бежала на утлой лодчонке с Кубы, направляясь в Соединенные Штаты. Лодка перевернулась, и мать Элиана утонула, успев спрятать ребенка внутрь маленького отсека, что и спасло ему жизнь. Мальчика привезли в Майами и передали под временную опеку брату его дедушки, который был готов оставить ребенка у себя, однако отец, оставшийся на Кубе, хотел, чтобы Элиана ему вернули. Община кубинцев-эмигрантов в США придавала этому случаю символическое значение, заявив, что мать Элиана погибла, чтобы ее сын вырвался на свободу, поэтому неправильно снова возвращать его диктатору Кастро.

С точки зрения закона ситуация представлялась абсолютно ясной. Служба иммиграции и натурализации (INS) должна была определить, как отец мальчика выполнял свои родительские обязанности и можно ли вернуть ему Элиана. Представители INS отправились на Кубу и выяснили, что, хотя родители Элиана и были в разводе, они поддерживали хорошие отно-

шения и в равной степени участвовали в воспитании ребенка. Элиан проводил с отцом, который жил неподалеку от его школы, примерно половину своего времени. INS пришла к заключению, что Хуан Мигель Гонсалес — хороший отец и нет никаких оснований лишать его родительских прав.

Адвокаты американских родственников мальчика обратились в суд, пытаясь поставить под сомнение решение, принятое INS. Они ссылались на то, что на него могло повлиять присутствие на слушаниях, проводившихся на Кубе, людей, работавших на Кастро. Некоторые говорили, что в данном случае нужно использовать закон об опеке, действующей в штате Флорида (а не федеральный), который предлагал выбирать наилучшее решение исходя из интересов ребенка. В рассмотрение дела вмешался и Конгресс, который предложил использовать различные законопроекты для того, чтобы оставить Элиана в Соединенных Штатах. В это время община кубинских эмигрантов в США находилась в состоянии постоянного волнения: каждый день проводились демонстрации у дома родственников Элиана, а по телевидению все время показывали интервью с одной из его родственниц, очень эмоциональной молодой женщиной.

Джанет Рино работала прокурором в Майами и пользовалась популярностью среди кубинских эмигрантов, но вызвала их ярость, заявив, что нужно руководствоваться федеральным законом и Элиан должен вернуться к отцу. Это решение далось Джанет нелегко. Она рассказала, что одна из ее бывших секретарей отказалась с ней разговаривать, поскольку муж этой женщины отбывал пятнадцатилетний срок в тюрьме при режиме Кастро и все эти годы она ждала его освобождения. Многие американцы — выходцы с Кубы и другие иммигранты считали, что для мальчика было бы лучше остаться в США.

Я поддержал Рино, посчитав любовь и заботу отца Элиана более важным фактором, чем репрессивный режим и бедность на Кубе. Более того, Соединенные Штаты нередко пытались вернуть детей, увезенных из страны родителями, лишеными права опеки над ними. Если бы мы продолжали удерживать Элиана, наши аргументы в пользу возвращения этих детей их приемным американским родителям выглядели бы значительно менее убедительными.

В конце концов эта проблема стала одной из важнейших тем избирательной кампании. Ал Гор публично высказал несогласие с нашей позицией, заявив, что у него есть сомнения относительно расследования, проведенного INS, но даже если Гонсалес действительно хороший отец, мальчику все равно будет лучше в Америке. Эта была аргументированная и вполне понятная позиция, учитывая большое значение, которое штат Флорида имел на предстоящих выборах. Я восемь лет работал над тем, чтобы укрепить наши позиции в этом штате и среди кубинских эмигрантов, но случай с Элианом уничтожил все результаты моей работы в этой общине. Хиллари отнеслась к этому конфликту как защитник прав детей и мать: она поддержала наше решение вернуть сына отцу.

В начале месяца Хуан Мигель Гонсалес прибыл в Америку, чтобы в соответствии с решением федерального суда получить опеку над своим сыном.

Через две недели после того, как Джанет Рино в течение нескольких дней пыталась добиться добровольной передачи мальчика, группа уважаемых граждан, состоящая из президента университета города Майами, авторитетного адвоката и двух видных представителей кубинской общины во Флориде, предложила, чтобы родственники из США передали мальчика Хуану Мигелю в уединенном месте, где Элиан мог бы пожить вместе с ними и своим отцом несколько дней. Это должно было успокоить ребенка. Поздно вечером в Страстную пятницу я позвонил Рино и спросил, как идут дела. Джанет ответила, что переговоры продолжаются, но она уже теряет терпение. В два часа ночи, в субботу, Джон Подеста позвонил мне и сообщил, что переговоры все еще не закончились. Без четверти пять Подеста позвонил еще раз и сказал, что теперь родственники из Майами отказываются признавать даже право отца на опеку над мальчиком. Через тридцать минут, в пять пятнадцать, Джон позвонил мне еще раз и сообщил, что противостояние закончилось: Рино приказала федеральной полиции на рассвете ворваться в дом брата дедушки мальчика и забрать его. Вся операция заняла три минуты, никто не пострадал, и Элиана вернули отцу. Маленький мальчик превратился в одну из фигур в бесконечной «шахматной партии» против Кастро.

Были опубликованы фотографии, на которых Элиан, встретившийся со своим отцом, выглядел счастливым, и общественное настроение изменилось в пользу их воссоединения. Я был уверен, что мы выбрали единственно возможное решение, но все-таки опасался, что на выборах в ноябре оно может привести к нашему поражению во Флориде. Хуан Мигель и Элиан Гонсалес еще несколько недель жили в Соединенных Штатах, пока Верховный суд не утвердил решение суда низшей инстанции об опеке. Мистер Гонсалес мог остаться в Америке, но он пожелал вместе со своим сыном вернуться на Кубу.

В мае я посетил школы в Кентукки, Айове, Миннесоте и Огайо для того, чтобы пропагандировать наши инициативы в сфере образования; принимал Тхабо Мбеки — только что избранного президента ЮАР, прибывшего в США с официальным визитом; продвигал законопроект о торговле с Китаем, который был необходим для вступления этой страны в ВТО. Экспрезиденты Форд и Картер, а также Джеймс Бейкер и Генри Киссинджер тоже прибыли в Белый дом, чтобы выразить свою поддержку этого договора. Шла очень тяжелая законодательная борьба. Особенно трудно было принять решение демократам, зависевшим от поддержки профсоюзов, поэтому я приглашал конгрессменов в Белый дом группами по десять-двенадцать человек, чтобы объяснять им важность интеграции Китая в глобальную экономику.

Семнадцатого мая я произнес свою последнюю речь в Академии береговой охраны США в Нью-Лондоне, штат Коннектикут. За восемь лет своего президентства я выступил дважды в каждой из военных академий страны и, глядя на выпускной курс, всякий раз преисполнялся гордостью за великолепных молодых мужчин и женщин, которые, надев военную форму, будут служить нашей стране. Я был горд и за тех слушателей, которые

приехали учиться в наши военные учебные заведения из разных стран мира. Среди выпускников Академии береговой охраны находились представители России и Болгарии — стран, которые во времена холодной войны были нашими противниками.

Я говорил с офицерами-выпускниками о судьбоносной борьбе между силами, с одной стороны, интеграции и гармонии, а с другой — дезинтеграции и хаоса, в которой они будут участвовать. В этой борьбе глобализация и информационные технологии увеличили как творческий, так и деструктивный потенциал человечества. Я обсуждал атаки, которые Усама бен Ладен и «Аль-Каида» планировали провести в канун нового тысячелетия. Они были предотвращены благодаря как напряженным усилиям, прилагаемым внутри страны, так и международному сотрудничеству. Я сказал, что для развития этого успеха выделил 300 миллионов долларов в наш анти-террористический бюджет в дополнение к тем 9 миллиардам долларов, которые уже запросил в Конгрессе; за три года ассигнования на эти цели увеличились более чем на 40 процентов.

После обсуждения других проблем в сфере безопасности я попытался как можно убедительнее обосновать необходимость активной внешней политики и сотрудничества с другими странами в сегодняшнем мире, в котором географическое положение и обычные вооружения, какими бы мощными они ни были, уже не могли дать стопроцентную гарантию безопасности.

В конце мая, перед тем как отправиться в поездку в Португалию, Германию, Россию и на Украину, я приехал на остров Ассатиг в штате Мэриленд, для того чтобы объявить о новой инициативе по охране наших коралловых рифов и других морских богатств. Мы уже увеличили в четыре раза ассигнования на охрану морских и океанских заповедников. Я подписал президентский указ о создании национальной защитной зоны, в которую войдут участки нашего побережья, рифы, «подводные леса» и другие важные структуры, и объявил, что мы берем под постоянную охрану коралловые рифы на северо-западе Гавайских островов, составлявшие более 60 процентов всех американских коралловых рифов, протянувшихся почти на две тысячи километров. Эта предпринятая мною акция по охране природы была не только самой крупной с тех пор, как я приказал взять под охрану 43 миллиона гектаров девственных лесов, но и очень важной, потому что загрязнение Мирового океана угрожало сохранности коралловых рифов во всем мире, включая Большой Барьерный риф в Австралии.

Я отправился в Португалию на ежегодную встречу представителей Соединенных Штатов и Европейского союза. Премьер-министр Португалии Антонио Гутьеррес в то время занимал должность президента Европейского совета. Это был молодой, но яркий прогрессивный политик, член нашей группы «Третий путь», так же, как и президент Европейского союза Романо Проди. На многие проблемы мы смотрели одинаково, и я получил удовольствие как от этой встречи, так и от моего первого визита в Португалию. Эта была прекрасная и теплая страна, с дружелюбным народом и богатейшей историей.

Второго июня вместе в Герхардом Шредером я отправился в древний город Аахен, чтобы получить премию имени Карла Великого. Во время

этой церемонии, которая проходила в солнечный день на открытом воздухе недалеко от средневековой ратуши и старинного собора, где находилась гробница Карла Великого, я, поблагодарив канцлера Шрёдера и немецкий народ за то, что они удостоили меня такой же чести, как Вацлава Гавела и короля Хуана Карлоса, получил премию, редко присуждаемую американцам. Я сделал все от меня зависящее, чтобы помочь Европе стать единой, демократической и безопасной, расширить и укрепить трансатлантический союз, протянуть руку дружбы России и остановить этнические чистки на Балканах.

На следующий день Герхард Шрёдер открыл в Берлине нашу очередную конференцию, в работе которой приняли участие лидеры государств, входящих в группу «Третий путь». На этот раз к нам с Герхардом и Жаном Кретьеном присоединились три руководителя латиноамериканских стран: Энрике Кардосо из Бразилии, президент Чили Риккардо Лагос и президент Аргентины Фернандо де ла Руа. Мы наметили ряд прогрессивных направлений, по которым должны сотрудничать лидеры экономически развитых и развивающихся стран. Тони Блэр не приехал, потому что у них с Шери — родителей уже троих детей — недавно появился четвертый ребенок, мальчик, которого назвали Лео.

Я вылетел в Москву, чтобы впервые встретиться с Владимиром Путиным после его избрания президентом. Мы решили уничтожить еще по 34 тонны оружейного плутония, но не смогли договориться о внесении изменений в Договор по противоракетной обороне, которые бы позволили Соединенным Штатам развернуть национальную систему противоракетной обороны. Меня это не слишком беспокоило: Путин, вероятно, намеревался сначала дождаться итогов выборов в Соединенных Штатах. Республиканцы еще со времен Рейгана хотели создать систему национальной противоракетной обороны, и многие из них, чтобы ее развернуть, были готовы без колебаний отказаться от Договора по противоракетной обороне с Россией. Ал Гор согласился с моим мнением о том, что Путин не хотел дважды заниматься этой проблемой, учитывая тот факт, что на выборах могут победить республиканцы.

В то время у нас не существовало надежной системы противоракетной обороны, которую можно было бы развернуть. Как сказал Хью Шелтон, сбить приближающуюся ракету — это «все равно, что попытаться попасть одной пулей в другую». Я считал, что, если нам удастся создать реально действующую технологию для такой системы, мы должны предложить ее другим странам, и это, возможно, позволит убедить Россию пересмотреть Договор по противоракетной обороне. Хотя я сомневался в том, что даже при условии разработки такой системы ее создание было бы лучшим способом использования огромных сумм, которые на это потребуются. Вероятность того, что мы подвергнемся атакам террористов, использующих портативные ядерные устройства, химическое или биологическое оружие, была значительно выше.

Кроме того, создание системы противоракетной обороны могло, напротив, подвергнуть мир еще большей опасности. В обозримом будущем она, если вообще будет работать, позволит сбить только часть ракет. Как только Соединенные Штаты или Россия развернут такую систему, Китай, веро-

ятно, решит построить больше ракет, чтобы получить возможность преодолеть ее и сохранить свой потенциал ядерного сдерживания. Затем так же поступят Индия и Пакистан. Европейцы пришли к убеждению, что создание системы противоракетной обороны — очень опасная затея. Но все эти проблемы нужно было бы реально решать, если бы Америка обладала подобной системой, а в настоящее время мы ее не имели.

Перед тем как я покинул Москву, Путин пригласил меня на ужин в Кремле, после которого состоялся джазовый концерт. В нем принимали участие русские джазовые музыканты, от совсем юных исполнителей до восьмидесятилетних «патриархов». В финале на сцене, погруженной во тьму, играл мой самый любимый из ныне живущих джазовых тенор-саксофонистов — Игорь Бутман. Джон Подеста, который любил джаз не меньше, чем я, признал, что никогда в жизни не слышал лучшего исполнения «вживую».

Затем я отправился на Украину, чтобы объявить, что Америка окажет финансовую помощь президенту Леониду Кучме, принявшему решение к 15 декабря закрыть последний работающий блок ядерного реактора в Чернобыле. Это потребовало много времени, и мне было радостно сознавать, что проблема будет решена, по крайней мере за тот период, пока я еще оставался президентом. Последним событием во время этого визита стало мое выступление на площади перед большой аудиторией украинцев, которых я призвал продолжать упрочивать свободу и проводить экономические реформы. Киев в лучах весеннего солнца был прекрасен, и я надеялся, что его жители сохраняют тот энтузиазм, который я отметил у своих слушателей. Им еще предстояло преодолеть немало препятствий.

Восьмого июня я на один день вылетел в Токио, чтобы отдать последний долг моему другу, премьер-министру Кейзо Обучи, несколько дней назад внезапно скончавшемуся от инфаркта. Панихида состоялась на крытом стадионе. В зале было несколько тысяч кресел, разделенных проходом. Еще сотни людей разместились на балконах. Перед сценой был сооружен большой пандус, а несколько других, меньшего размера, примыкали к нему с разных сторон. Десятиметровую стену позади сцены украсили цветами, составлявшими прекрасную картину: японское восходящее солнце на фоне светло-голубого неба. На самом верху находилась ниша, в которую в начале церемонии военный офицер торжественно поместил урну с прахом Обучи. После того как коллеги и друзья отдали усопшему последний долг, появились несколько молодых женщин, которые несли подносы с белыми цветами. Сначала жена и дети Обучи, а потом члены императорской семьи, руководители правительства и все остальные участники церемонии поочередно поднимались по центральному пандусу, кланялись урне с прахом премьер-министра и клали свои букеты на длинную деревянную полку, которая шла вдоль всей украшенной цветами стены.

Поклонившись праху моего друга и возложив венок, я вернулся в американское посольство, чтобы встретиться с нашим послом, бывшим спикером Палаты представителей Томом Фоли. Я включил телевизор, чтобы наблюдать за все еще продолжавшейся траурной церемонией. Тысячи сограждан Обучи уже сложили целое облако из цветов под восходящим

солнцем. Это была одна из самых трогательных поминальных церемоний, которую мне когда-либо приходилось видеть. Я ненадолго посетил прием, чтобы еще раз выразить свое уважение госпоже Обучи и детям Кейзо, одна из дочерей которого тоже была политиком. Госпожа Обучи поблагодарила меня и подарила очень красивую эмалевую шкатулку для писем, ранее принадлежавшую ее мужу. Обучи был моим другом и другом Америки. Наш союз имел очень важное значение, и Обучи ценил его, будучи еще совсем молодым человеком. Мне было жаль, что он так рано ушел из жизни.

Через несколько дней, когда я участвовал в выпускной церемонии, проходившей в Колледже Карлтон, штат Миннесота, мой помощник передал мне записку, в которой сообщалось, что президент Хафез Асад только что скончался в Дамаске — всего через десять недель после нашей последней встречи в Женеве. Хотя у нас случались разногласия, он всегда был откровенен со мной, и я верил словам Асада, когда он сказал мне, что сделал стратегический выбор в пользу мира. Обстоятельства, непонимание и психологические барьеры не позволили нам добиться заключения мира, но, по крайней мере, теперь мы знали, что потребуются от Сирии и Израиля, когда обе стороны будут к этому готовы.

В начале лета я стал хозяином самого большого в истории США официального обеда. Более четырехсот гостей собрались в шатре, установленном на Южной лужайке, чтобы приветствовать короля Марокко Мохаммеда VI, один из предков которого был первым главой государства, признавшим Соединенные Штаты Америки вскоре после объединения первых тринадцати штатов.

На следующий день я исправил давнюю несправедливость, наградив Почетной медалью Конгресса двадцать двух американцев японского происхождения, которые добровольно вызвались служить в армии США, воевавшей во время Второй мировой войны в Европе, несмотря на то что их семьи в это время находились в лагерях для перемещенных лиц. Один из них, Дэниел Иноуэ, был моим другом и сенатором от штата Гавайи. Он потерял на той войне руку и сам едва не погиб. Через неделю я назначил в свой кабинет первого американца азиатского происхождения. Это был Норм Минета — в прошлом конгрессмен от штата Калифорния, который согласился оставшуюся часть моего президентского срока работать в должности министра торговли, заменив на этом посту Билла Дейли, ушедшего, чтобы возглавить избирательную кампанию Ала Гора.

В последнюю неделю месяца я провел важное собрание в Восточном зале Белого дома. Именно здесь почти двести лет тому назад Томас Джефферсон продемонстрировал первую карту Запада Соединенных Штатов, которую начертил его помощник Мериуизер Льюис во время своей смелой экспедиции от реки Миссисипи до Тихого океана, предпринятой им в 1803 году. Приглашенные на собрание ученые и дипломаты отпраздновали создание карты XXI столетия: более тысячи исследователей из Соединенных Штатов, Великобритании, Германии, Франции, Японии и Китая расшифровали геном человека, идентифицировав почти все из трех миллиардов последователь-

ностей нашего генетического кода. После многолетней борьбы друг с другом Фрэнсис Коллинз, руководитель финансируемой правительством международной программы расшифровки генома человека, и президент частной компании Celera Крейг Вентер согласились совместно в течение года публиковать полученные ими данные. С помощью спутниковой связи к нам присоединился Тони Блэр, и по этому поводу я пошутил, что благодаря расшифровке генома человека ожидаемая продолжительность жизни его новорожденного сына уже увеличилась на 25 лет.

В конце месяца я объявил, что экономия бюджетных средств в текущем году превысит 200 миллиардов долларов, а за десять лет прогнозируемый профицит должен составить более 4 триллионов долларов. Я еще раз предложил зарезервировать около 2,3 триллиона долларов для реализации программы социального обеспечения и 550 миллиардов долларов — на программу «Медикэр». Похоже, мы все же сумеем справиться с проблемой выхода на пенсию многочисленного поколения беби-бума.

Я также участвовал в ряде избирательных мероприятий, чтобы поддержать демократов в Аризоне и Калифорнии и помочь Терри Маколиффу собрать недостающие финансовые средства для организации в августе съезда демократической партии в Лос-Анджелесе. Мы с ним тесно сотрудничали в процессе проведения избирательной кампании Ала Гора при посредстве моего политического директора Миниона Мура.

По данным большинства опросов общественного мнения, Гор отставал от Буша, и 28 июня на моей пресс-конференции журналист телепрограммы новостей канала NBC спросил меня, не происходит ли это потому, что избиратели связывают имя Ала со «скандалами» в нашей администрации. Я ответил, что нет доказательств, которые позволили бы считать, что избиратели наказывают Ала за мои ошибки; единственное, в чем его обвиняли, это нарушение закона о сборе средств на избирательную кампанию, но он был невиновен; а другие так называемые «скандалы» оказались фальшивкой: «Слово “скандал” годами используется здесь для того, чтобы создать шум из ничего». Я также сказал, что знаю три вещи об Але Горе: он оказал более позитивное влияние на положение дел в нашей стране, чем любой из его предшественников; у него правильная позиция по различным вопросам; он поможет дальнейшему процветанию нашей страны. Гор хорошо представляет, что сулит нам будущее, все его возможности и проблемы. Я верил, что если все избиратели будут это понимать, то Ал победит.

В первую неделю июля я объявил о том, что в нашей экономике за годы моего президентства создано 22 миллиона новых рабочих мест. Затем я отправился к Дому солдат-ветеранов, находящемуся в нескольких километрах к северу от Белого дома, чтобы взять под защиту и объявить памятником старый коттедж, который Авраам Линкольн и его семья использовали как летний дом в те времена, когда над рекой Потомак летали тучи комаров и еще не было кондиционеров. Домом пользовались еще несколько других президентов. Эта был один из объектов проекта Хиллари «Сохраним богатства Америки», и нам хотелось быть уверенными в том, что старый памятник будет под охраной и тогда, когда мы покинем Белый дом.

Одиннадцатого июля я открыл в Кэмп-Дэвиде саммит с участием Эхуда Барака и Ясира Арафата. Мы пытались устранить оставшиеся препятствия для заключения мира или, по крайней мере, уменьшить разногласия, чтобы еще до моего ухода добиться результата, к достижению которого, по их словам, стремились оба лидера.

Барак и Арафат приехали на саммит с разными ожиданиями. Барак очень настаивал именно на саммите, потому что отдельные договоренности 1993 года и соглашение в Уай-Ривер не решили его проблемы. 180 тысяч израильских поселенцев на Западном берегу и в Газе обладали огромным влиянием. Каждая израильская уступка, которая не сулила возможности полностью покончить с террором и добиться от палестинцев официального признания того, что конфликт завершен, давалась ценой огромных усилий. Барак уже дважды уцелел после голосований по вотуму недоверия в кнессете, когда для его вынесения не хватило всего двух голосов. Он тоже очень хотел заключить соглашение до сентября, так как Арафат предупредил, что в противном случае объявит о создании палестинского государства в одностороннем порядке. Барак считал, что если он представит всесторонний мирный план гражданам своей страны, они проголосуют за него при условии, что будут обеспечены главные интересы их государства: безопасность, защита религиозных и культурных памятников и святынь на Храмовой горе, отказ палестинцев от требования предоставить им безусловное и неограниченное право на возвращение в Израиль и их заявление о завершении конфликта.

Арафат, напротив, не хотел, или пока не хотел, приезжать в Кэмп-Дэвид. Он почувствовал себя ущемленным, когда израильтяне сконцентрировали свое внимание на переговорах с сирийцами, и был зол из-за того, что Барак не выполнил своих прежних обязательств по передаче под управление палестинцев ряда территорий на Западном берегу, включая деревни в окрестностях Иерусалима. В глазах Арафата одностороннее решение вывести израильские войска из Ливана и готовность вернуть Сирии Голанские высоты ослабили позицию Барака на переговорах. Пока Арафат терпеливо продолжал мирный процесс, Ливан и Сирия, придерживаясь жесткой тактики, добились большего. Арафату требовалось еще две недели для разработки его предложений. Он хотел получить как можно больше территорий на Западном берегу и в Газе, в идеале — сто процентов; полный суверенитет над Храмовой горой и Восточным Иерусалимом, за исключением районов, где жили евреи; а также найти такое решение проблемы палестинских беженцев, которое не заставило бы его отказаться от их права на возвращение.

Как это всегда бывает, каждый лидер более четко представлял свою собственную позицию, чем точку зрения партнера по переговорам. В этих условиях вероятность успеха саммита была невысока, но все же я решил его провести, потому что считал, что в противном случае мирный процесс наверняка будет сорван.

В первый день я попытался убедить Арафата позабыть о прошлых обидах, сосредоточиться на предстоящей работе и договориться с Баракком о процедуре решения проблем, особенно наиболее сложных из них, касающихся территорий, поселений, беженцев, безопасности и Иерусалима. Как

это произошло и в Шепердстауне, Барак в ходе переговоров захотел на пару дней взять паузу. На этот раз это было не так важно: Арафат не имел подготовленной позиции и оказался в незнакомой для него ситуации. Дело в том, что на прошлых переговорах он просто ждал, пока не получит наилучшее из возможных предложений по таким проблемам, как территория, аэропорт, дороги и освобождение заключенных, от Израиля, а взамен обещал приложить все усилия по обеспечению его безопасности. Теперь, если мы хотели добиться результата, Арафат должен был сам пойти на компромисс по конкретным вопросам: он мог или получить сто процентов земли на Западном берегу, или меньшую территорию, но неограниченное право на возвращение палестинцев. Арафату также нужно было пойти навстречу Израилю по вопросам обеспечения его безопасности от нападений врагов к востоку от реки Иордан.

Первые несколько дней я провел, пытаясь добиться конструктивного настроя от Арафата и Барака, в то время как Мадлен, Сэнди, Деннис, Джемал Хелал, Джон Подеста и остальные члены нашей команды работали со своими израильскими и палестинскими коллегами. На меня произвели большое впечатление отличные деловые качества участников обеих делегаций. Это были умные и готовые напряженно работать патриоты, которые искренне хотели добиться подписания соглашения. Большинство из них уже много лет знали и своих коллег, и участников другой делегации, поэтому они достаточно хорошо ладили и сотрудничали друг с другом.

Мы попытались создать комфортную и неформальную обстановку и для израильтян, и для палестинцев. Я попросил присоединиться к нашей обычной ближневосточной команде помощницу Хиллари Юму Абедин. Эта американская мусульманка, выросшая в Саудовской Аравии и отлично знавшая арабский язык, была яркой и умной молодой женщиной, которая хорошо понимала, что происходит на Ближнем Востоке. Она принесла особенную пользу тем, что помогла палестинским и арабским делегатам почувствовать себя как дома и расслабиться. Каприсия Маршалл, администратор Белого дома, прислала шеф-поваров и официантов в помощь обслуживающему персоналу Кэмп-Дэвида, чтобы быть уверенной, что еда будет отличной. Все это время с нами была Челси. Она развлекала гостей и помогала мне справляться с постоянным напряжением.

Почти каждый вечер мы вместе ужинали в «Лоран» — большом комплексе зданий в Кэмп-Дэвиде, в который входили столовая, комната для совещаний и мой личный кабинет. Завтраки и обеды проходили в абсолютно неформальной обстановке. В это время нередко можно было увидеть группы израильтян и палестинцев, беседующих друг с другом. Иногда они беседовали о делах, но чаще рассказывали разные случаи, анекдоты или говорили о своих семьях. Самыми старшими советниками Арафата, проработавшими с ним долгие годы, были Абу-Ала и Абу-Мазен. Над первым часто подшучивали и израильтяне, и американцы из-за плодовитости его отца: этот шестидесятирехлетний палестинец имел восьмилетнего брата, и мальчик был моложе, чем внуки самого Абу. Эли Рубинштейн, израильский министр юстиции, знал гораздо больше анекдотов, чем я, и лучше их рассказывал.

Делегации отлично ладили друг с другом, чего нельзя было сказать об Арафате и Бараке. Я поселил их в домиках поблизости от моего, ежедневно встречался и подолгу говорил с каждым из них, но друг с другом они не общались. Арафат продолжал чувствовать себя обиженным, а Барак не хотел встречаться с ним с глазу на глаз, потому что боялся, что все может пойти по старому сценарию: Барак будет вынужден уступить, а Арафат не ответит тем же. Большую часть времени Эхуд проводил в своем домике, делая звонки в Израиль, чтобы удержать от распада правящую коалицию.

К этому времени я начал лучше понимать Барака. Умный и смелый, он был готов пойти на существенные уступки по Иерусалиму и вопросам, связанным с территорией, но с трудом понимал и принимал людей, мнение которых отличалось от его собственного. Стиль работы Барака резко отличался от традиционной и проверенной временем манеры ведения переговоров, принятой у арабов, которую я хорошо знал. Барак хотел, чтобы другие ждали, пока он решит, что настало подходящее время, а потом, сделав свое предложение, предполагал, что оно должно быть немедленно принято как безусловно лучший вариант. А его партнеры по переговорам ждали обмена любезностями и бесед, помогающих установить доверие, а потом — активного торга.

Это «столкновение культур» еще больше затрудняло работу нашей команды. Мои помощники придумали много тактических приемов, позволявших находить выход из тупика, и после того как на переговорах были образованы группы, обсуждавшие конкретные вопросы, удалось достичь определенного прогресса, но ни одна делегация не имела права без согласия своего руководства выходить за определенные рамки.

На шестой день Шломо Бен-Ами и Гилеад Шер получили разрешение Барака на отход от ранее заявленной позиции Израиля в надежде на ответные уступки от Саеба Эреката и Мохаммеда Далана — более молодых участников делегации Арафата, которые, как нам представлялось, хотели заключить соглашение. Когда палестинцы ничего не предложили Бараку в обмен на уступки по Иерусалиму и территориальным вопросам, я отправился повидаться с Арафатом, взяв с собой Хелала в роли переводчика и Мэлли, чтобы вести протокол. Эта была трудная встреча, и она закончилась тем, что я сказал: если Арафат ничего не предложит Бараку в ответ на его уступки, я завершу переговоры, сообщив о его отказе от их проведения. Барак был рассержен, так как Бен-Ами и Шер пошли на максимально возможные уступки, не получив ничего взамен. Через некоторое время Арафат вручил мне письмо, в котором говорилось, что если он будет удовлетворен решением иерусалимской проблемы, то готов выслушать предложение израильтян о том, какие земли они хотят сохранить для своих поселений, и договориться о справедливой сделке по обмену территориями. Я отнес это письмо Бараку и провел много времени, беседуя с ним, часто с глазу на глаз, или вместе с Брюсом Райделом из Совета национальной безопасности, который вел протокол. Наконец Барак согласился, что письмо Арафата имеет определенное значение.

На седьмой день, 17 июля, мы чуть не потеряли Барака. Во время работы он решил перекусить и подавился арахисом. Барак не мог дышать секунд сорок, пока самый молодой член израильской делегации, Гид Гернштейн, не стукнул его по спине. Барак был твердым орешком: едва вновь обретя дыхание, он как ни в чем не бывало вернулся к работе. Что касается всех остальных, то пока нам было нечем заняться. Барак весь день и до позднего вечера работал со своей делегацией.

В любых переговорах, подобных этим, бывают такие периоды простоя, когда одни люди работают, а другие вынуждены ждать. Тогда нужно что-то придумать, чтобы снять напряжение. Я использовал эти несколько часов, чтобы сыграть в карты с Джо Локхартом, Джоном Подестой и Дугом Бэндом. Дуг работал в Белом доме уже пять лет и одновременно по вечерам учился в аспирантуре юридического факультета. Весной он стал моим последним президентским помощником. Дуг интересовался Ближним Востоком и был мне очень полезен. Челси тоже играла с нами в карты. После двух недель игры ее результат оказался наилучшим.

Наконец уже после полуночи Барак прислал мне свои предложения. Они содержали меньше уступок, чем предлагали палестинцам Ами и Шер, и Эхуд хотел, чтобы я представил их как предложения США. Я понимал испытываемую им досаду на Арафата, но не мог выполнить его просьбу, потому что это закончилось бы срывом переговоров, о чем я ему и сказал. Мы проговорили до полтретьего ночи. В три пятнадцать Барак снова вернулся, и мы еще час беседовали с глазу на глаз на заднем крыльце моего домика. По сути, он дал мне добро на то, чтобы вести от его имени переговоры об Иерусалиме и о Западном берегу и заключить приемлемое для него соглашение, которое бы соответствовало тому, что ранее предлагали своим партнерам Бен-Ами и Шер. Это стоило того, чтобы не ложиться спать.

Утром восьмого дня переговоров я одновременно испытывал и тревогу, и надежду. Тревожился я потому, что должен был отправиться на саммит «Большой восьмерки», проводившийся на Окинаве, где по ряду причин требовалось мое присутствие, а надежда появилась потому, что Барак наконец проявил свойственные ему смелость и умение правильно выбирать время. Отложив на день свой отъезд на Окинаву, я встретился с Арафатом и сказал ему, что он может рассчитывать на 91 процент территории Западного берега и, по крайней мере, символическую компенсацию за счет территорий рядом с Газой и Западным берегом; на возможность сделать своей столицей Восточный Иерусалим; суверенитет над мусульманскими и христианскими кварталами Старого города и районами, прилегающими к Восточному Иерусалиму; право осуществлять планировку и зонирование в других районах восточной части города и наблюдать за соблюдением там законов, а также на опеку, но не суверенитет над Храмовой горой, которую арабы называли Харам-аль-Шариф. Арафат не соглашался и упирался из-за того, что не получал суверенитет над всем Восточным Иерусалимом, включая Храмовую гору. Он отклонил предложение. Я попросил его все же подумать над ним. Пока Арафат артачился, а Барак возмутился, я позвонил

лидерам арабских государств и попросил их о поддержке. Многие из них колебались, так как боялись помешать Арафату.

На девятый день я снова попытался убедить Арафата, но он опять ответил отказом. Израиль пошел гораздо дальше, чем он, а Арафат даже не хотел принять его предложения как основу для будущих переговоров. Я снова позвонил нескольким лидерам арабских стран и попросил их о помощи. Король Абдулла и президент Туниса Бен Али сделали попытку уговорить Арафата, но сказали мне, что он боится идти на уступки. Складывалось впечатление, что переговоры зашли в тупик, причем в очень неприятной ситуации. Однако обе стороны хотели заключить соглашение, поэтому я попросил их остаться и продолжить работу во время моей поездки на Окинаву. Члены делегаций согласились, хотя после моего отъезда палестинцы все еще отказывались вести переговоры на основе предложенных мною идей, утверждая, что они их уже отвергли. Потом заартачились израильтяне, что отчасти было моей виной. Очевидно, я недостаточно четко объяснил Арафату, на каких условиях переговоры могли продолжаться.

Я оставил Мадлен и всю нашу команду в очень трудной ситуации. Она пригласила Арафата на свою ферму, а вместе с Бараком посетила поле знаменитого сражения при Геттисберге во время Гражданской войны Севера и Юга. Это немного подняло настроение обоих лидеров, но дело не двинулось с мертвой точки. Шломо Бен-Ами и Амнон Шахак, в прошлом генерал, провели конструктивные переговоры с Мохаммедом Даланом и Мохаммедом Рашидом. Из членов своих делегаций эти четверо были наиболее склонны идти на компромисс, но даже если они могли договориться между собой, это не значило, что им удастся убедить своих лидеров.

Я вернулся на тринадцатый день переговоров, и мы снова работали допоздна, в основном над проблемами безопасности. На четырнадцатый день мы тоже разошлись только после трех часов ночи, когда оказалось, что реального контроля над Храмовой горой и всем Восточным Иерусалимом Арафату было недостаточно без слова «суверенитет». Делая последнюю уступку, я предложил ему попытаться уговорить Барака на полный суверенитет для палестинцев над пригородами Восточного Иерусалима, ограниченный суверенитет над его внутренними районами и «опеку» над Харамом. Арафат опять ответил «нет». Это было досадно и очень грустно. Между палестинцами и израильтянами существовало мало реальных разногласий по поводу Иерусалима; основной вопрос заключался в том, кто будет официально обладать суверенитетом.

В своем заявлении для прессы я сделал вывод, что в данный момент стороны не могут прийти к соглашению из-за исторических, религиозных, политических и эмоциональных аспектов конфликта. Для того чтобы у Барака по возвращении домой было какое-то оправдание и чтобы объяснить, что именно произошло на переговорах, я заявил: Арафат ясно продемонстрировал свой выбор мирного пути разрешения разногласий, а Барак показал «особое мужество, видение и понимание исторической важности момента».

Я сказал, что обе делегации продемонстрировали подлинное взаимное уважение и понимание, уникальные для тех восьми лет, в течение которых я занимался миротворчеством по всему миру, и впервые открыто обсуждали наиболее сложные проблемы. Теперь мы лучше понимаем позиции и ограничения обеих сторон, и я все еще верю, что у нас есть шанс заключить соглашение до конца года.

Арафат хотел продолжать переговоры и не раз признавал, что вряд ли в будущем у него появится шанс работать с израильским правительством и американской делегацией, которые бы так стремились к миру. Было трудно понять, почему он так мало преуспел на этих переговорах. Возможно, его делегация так и не смогла сделать трудный выбор; вероятно, они хотели провести еще один раунд переговоров, чтобы выяснить, нельзя ли вынудить Израиль пойти на дополнительные уступки, и только потом ударить по рукам. Вне зависимости от причины их несговорчивости, они поставили Барака в очень трудную политическую ситуацию. Но Барак не зря был солдатом, получившим больше всего наград в истории Израиля. Несмотря на всю свою резкость и упрямство, он пошел на большой риск, чтобы обеспечить для своей страны более безопасное будущее. В своем заявлении для прессы я уверил народ Израиля в том, что Барак не сделал ничего, что могло бы повредить безопасности его государства, и израильтяне должны гордиться своим лидером.

Арафат славился тем, что любил ждать до самого последнего момента, прежде чем принять решение, или, как мы говорили, «пока не пробьет без пяти минут полночь». Мне оставалось быть президентом всего шесть месяцев, и я надеялся, что Арафат внимательно следит за временем.

Пока шли переговоры в Кэмп-Дэвиде, произошло несколько позитивных событий. Шарлин Баршефски заключила масштабное торговое соглашение с Вьетнамом, а Палата представителей приняла поправку, предложенную моей давней сторонницей Максин Уотерс, на основе которой мы получили возможность выплатить нашу долю в соответствии с программой прощения долгов развивающимся странам в новом тысячелетии. К тому времени эта идея приобрела массу сторонников, лидером которых был Боно, уже ставший заметной фигурой в политической жизни Вашингтона. Боно оказался первоклассным политиком, в чем ему отчасти помог элемент неожиданности. Ларри Саммерс, который знал все об экономике, но почти ничего о поп-культуре, однажды пришел в Овальный кабинет и сказал, что недавно побывал на митинге по поводу прощения долгов и познакомился с «одним парнем, которого зовут Боно, фамилии его не знаю, только имя, он одет в джинсы и футболку и носит большие темные очки. Боно хотел побеседовать со мной по поводу прощения долгов, а он знает, о чем говорит».

Поездка на Окинаву оказалась очень успешной, так как «Большая восьмерка» поддержала наше обязательство создать условия для того, чтобы к 2015 году все дети в мире посещали начальную школу. Я сделал первый шаг, выделив 300 миллионов долларов на программу, ставящую целью предоставление завтраков 9 миллионам детей, которые будут получать их, придя в школу. Эту инициативу предложили мне Джордж Макговерн, наш представитель ООН в Риме, занимающийся программой снабжения продовольствием; его давний партнер Боб Доул, возглавивший в США реализацию программы продовольственных талонов для бедных, и конгрессмен Джим Макговерн из Массачусетса. Я также посетил размещенные на Окинаве американские военные подразделения, поблагодарил премьер-министра Йоширо Мори за то, что он разрешил им там находиться, и пообещал уменьшить проблемы и понизить напряженность, которую вызывало их присутствие на острове. Это был мой последний саммит «Большой восьмерки», но, к сожалению, мне пришлось быстро его покинуть, чтобы вернуться в Кэмп-Дэвид. Руководители других государств на протяжении всех восьми лет поддерживали мои инициативы, и нам многое удалось сделать вместе.

Челси ездила на Окинаву вместе со мною. Одним из самых приятных обстоятельств того года для нас с Хиллари стало то, что его вторую половину Челси провела дома. За первые три года учебы в Стэнфорде она прошла значительно больше курсов, чем требовалось по программе, и поэтому последние шесть месяцев могла провести вместе с нами в Белом доме. Сейчас Челси делила свое время между участием в избирательной кампании своей матери и помощью мне в Белом доме, а также ездила со мною в за-

рубежные поездки. Челси была очень полезна нам обоим, и ее присутствие украсило нашу жизнь.

В конце месяца я возобновил свою битву с республиканцами по вопросу снижения налогов. Они все еще хотели использовать весь профицит бюджета, образованный за десять лет, для сокращения налогов, утверждая, что эти деньги принадлежат налогоплательщикам и должны быть им возвращены. Аргумент, конечно, убедительный, но с одним уточнением: профицит бюджета пока был только прогнозом, а сокращение налогов произойдет независимо от того, материализуется он или нет. Я попытался проиллюстрировать это, попросив людей представить, что они получили письмо от Эда Макмэйхона, широко известного по телерекламе, которая начинается с фразы: «Возможно, вы уже выиграли 10 миллионов долларов». Я сказал, что те люди, которые готовы, получив такое письмо, сразу же потратить 10 миллионов долларов, могут откликнуться на предложение республиканцев, а всем остальным «следует поддержать наш план и помочь дальнейшему процветанию страны».

В августе у меня было очень много дел. В начале месяца я побывал в Филадельфии, где Джордж Буш и Дик Чейни объявили о выдвижении своих кандидатур на посты президента и вице-президента соответственно. Потом отправился с Хиллари на остров Мартас-Виньярд, где участвовал в нескольких мероприятиях по сбору пожертвований для ее избирательной кампании, а затем вылетел в штат Айдахо, чтобы встретиться с пожарными, которые боролись там с очень большим и опасным лесным пожаром. 9 августа я наградили Президентской медалью свободы пятнадцать американцев, включая покойного сенатора Джона Чейфи, сенатора Пата Мойнихена, основателя Фонда защиты детей Мэриен Эделман, активистку борьбы со СПИДом доктора Матильду Крим, Джесси Джексона, правозащитника судью Круза Рейноса и генерала Уэсли Кларка, завершившего свою блестящую военную карьеру на посту командующего нашей энергичной кампанией против Милошевича, проводившего этнические чистки в Косово.

В августе произошло еще одно событие, не имеющее абсолютно никакого отношения к политике: я посетил своего друга Билла Хайбелса в церкви Уиллоу-Крик, которая находится в Южном Баррингтоне, штат Иллинойс, неподалеку от Чикаго, и побеседовал с несколькими сотнями священников, приглашенных Биллом на конференцию. Мы говорили о том, когда и почему я решил заняться политикой; какие церкви посещала моя семья и что это для меня значило; почему очень многие все еще считали, что я так и не извинился за свои проступки; как я использую опросы общественного мнения; что важнее всего для руководителя и чем бы я хотел запомниться людям. У Хайбелса была сверхъестественная способность доходить во всем до самой сути и заставляя меня обсуждать вещи, о которых я обычно не говорил. Я получил удовольствие от того, что мне удалось на несколько часов отвлечься от политики и задуматься о духовных проблемах, которым она часто не оставляет места.

Четырнадцатого августа, в день открытия съезда демократической партии, Хиллари эмоционально и трогательно поблагодарила демократов за их поддержку и убедительно показала, какие основные проблемы стоят

накануне выборов в этом году. Затем, после демонстрации третьего фильма о моей работе, снятого для съезда нашей партии Харри и Линдой Томасон, в котором рассказывалось о наших достижениях за восемь лет, я под аплодисменты и торжественную музыку поднялся на сцену. Когда шум стих, я сказал, что основной вопрос предстоящих выборов очень прост: «Хотим ли мы, чтобы прогресс и процветание продолжались?»

Я попросил демократов удостовериться, что для решения о том, должна ли партия оставаться у власти, мы использовали критерий, предложенный в 1980 году президентом Рейганом: «Насколько сегодня мы стали жить лучше, чем восемь лет назад?» Ответ доказывал, что Гарри Трумэн был прав, когда сказал: «Если вы хотите жить как республиканцы, вам лучше голосовать за демократов». Слушатели одобрительно зашумели. Мы действительно стали жить лучше, и это касалось не только экономики. Появилось больше рабочих мест, но одновременно увеличилось число усыновленных детей. Государственный долг уменьшился, но то же самое произошло и с количеством подростковых беременностей. Мы одновременно стали и более разными, и более сплоченными; построили наш мост в XXI столетие, прошли по нему и «не собирались поворачивать обратно».

Я заявил участникам съезда: то, что мы сделаем сейчас, в период процветания, будет не менее важной проверкой характера американцев, их системы ценностей и способности принимать здравые решения, чем те испытания, которые им приходилось переживать в прошлом. Если бы Конгресс контролировали демократы, Америка бы уже получила «Билль о правах пациентов», увеличение минимальной заработной платы, более эффективные законы, требующие равной оплаты труда женщин, налоговые льготы для среднего класса на оплату обучения в колледже и долгосрочного ухода за тяжелобольными.

Я отметил тридцатилетнюю деятельность Хиллари на общественном прище, особенно ее работу в Белом доме по проблемам семьи и детей, и сказал о том, что точно так же, как наша семья всегда могла рассчитывать на Хиллари, на нее могут положиться семьи в Нью-Йорке и во всей Америке.

Затем я агитировал за Ала Гора, подчеркнув его стойкие убеждения, полезные идеи, понимание будущего и несомненную честность. Я поблагодарил Типпер за ее помощь людям, страдающим психическими заболеваниями, а также приветствовал выбор Ала, предложившего кандидатуру Джо Либермана на пост вице-президента, и рассказал о нашей тридцатилетней дружбе с Джо — участником движения в защиту гражданских прав на Юге в 60-е годы.

Выдвижение Джо, первого американского еврея, на высший пост в одной из двух основных партий страны, стало убедительным доказательством намерения Ала Гора построить действительно единую Америку.

Я закончил речь личными благодарностями и личной просьбой:

Друзья мои, на этой неделе исполнится пятьдесят пять лет с того дня, как в небольшом южном городке во время летней грозы меня родила молодая вдова. Америка дала мне шанс осуществить свои мечты. И я

старался изо всех сил, чтобы и ваши мечты сбылись. Теперь мои волосы поседели, появились новые морщины, но с тем же энтузиазмом, с каким я восемь лет назад начал выполнять работу, которую очень люблю, я хочу сказать вам, что благодарю вас от всего сердца.

Мои соотечественники-американцы, будущее нашей страны теперь в ваших руках. Вам нужно напряженно думать, глубоко чувствовать и мудро выбирать. И помните... В первую очередь нужно заботиться о людях. Нужно продолжать «строить мосты». И не переставать думать о будущем.

На следующий день мы с Хиллари и Челси вылетели в Монро, штат Мичиган, чтобы присутствовать на митинге, где нам предстояло «передать эстафету» Алу и Типпер Гор. Огромная толпа сторонников, собравшаяся там, стала хорошим «трамплином» для Ала, который вылетел в Лос-Анджелес, где официально объявил о выдвижении своей кандидатуры и стал лидером нашей партии, а я отправился в местный «Макдоналдс», чего не делал уже много лет.

Кампания Буша — Чейни использовала два основных послания избирателям. Позитивным аргументом был «сострадательный консерватизм»: обещание создать для Америки такие же условия, какие смогли обеспечить мы, но при этом уменьшить число правительственных чиновников и снизить налоги. Негативный аргумент, связанный с обещанием упрочить мораль и покончить с межпартийной борьбой в Вашингтоне, был по меньшей мере лицемерием. Я сделал все, что мог, чтобы наладить сотрудничество с республиканцами в Вашингтоне, а они, напротив, с самого первого дня пытались меня «демонизировать». Теперь республиканцы говорили: «Мы будем себя хорошо вести, если вы снова вернете нам Белый дом».

Этот «моральный аргумент» не должен был возыметь действия, если только люди не думали, что Гор сделал что-то нечестное, особенно когда вместе с ним на выборы шел суперпорядочный Либерман. Меня не было в списке кандидатов: это было несправедливо по отношению к избирателям и нанесло бы нашим новым кандидатам огромный ущерб, если бы их обвинили в моих личных ошибках. Я знал, что стратегия республиканцев сработает, если только демократы признают легитимность их аргументов и забудут напомнить избирателям о фиаско импичмента и о том, какой ущерб могут нанести правые, если будут контролировать одновременно и Белый дом, и Конгресс. Вице-президент Национальной стрелковой ассоциации уже хвастал, что в случае избрания Буша у них появится свой офис прямо в Белом доме.

Опросы, проведенные после съезда демократической партии, показали, что Ал Гор ликвидировал свое отставание и даже немного вырвался вперед, и я вместе с Хиллари отправился на север штата Нью-Йорк в район Фингер-Лейкс, чтобы пару дней отдохнуть и вести ее избирательную кампанию, характер которой теперь существенно изменился. Мэр Джулиани отказался от участия в выборах, а новый оппонент Хиллари, конгрессмен из Лонг-Айленда Рик Лацио, оказался трудным соперником. Он был привлекательным и умным мужчиной, и хотя отношение к нему избирателей не отличалось такой поляризацией мнений, как в случае Джулиани, Лацио был еще более консервативным.

Месяц завершился двумя короткими поездками. После встречи в Вашингтоне с Винсенте Фоксом, вновь избранным президентом Мексики, я полетел в Нигерию, чтобы увидеться с президентом Олусегунем Обасаньо. Я хотел поддержать его усилия в борьбе со СПИДом, пока уровень инфицированных в этой стране не стал таким же высоким, как в государствах Южной Африки, и привлечь внимание к недавно принятому в США закону о торговле с африканскими странами, который, как я надеялся, поможет испытывающей трудности экономике Нигерии. Мы с Обасаньо посетили конференцию, посвященную проблеме СПИДа, на которой одна юная девушка рассказала о том, как она просвещает одноклассников по поводу этой болезни, а мужчина по имени Джон Ибекве поведал о трагической истории своей женитьбы на женщине, инфицированной вирусом СПИДа, о том, как заразился он сам, и об отчаянных поисках лекарства для жены, которое бы позволило им иметь неинфицированных детей. Президент Обасаньо попросил госпожу Ибекве подняться на сцену и обнял ее. Это была трогательная сцена, которая стала наглядным свидетельством того, что Нигерия не попадет в ловушку отрицания проблемы, которое стало одной из основных причин распространения СПИДа в других странах.

Из Нигерии я вылетел в Танзанию, в город Аруша, где под председательством Нельсона Манделы проходили переговоры по мирному урегулированию в Бурунди. По мнению Манделы, я и несколько руководителей африканских стран должны были присоединиться к нему на заключительной стадии переговоров для того, чтобы побудить лидеров многочисленных племен Бурунди подписать соглашение и избежать новой Руанды. Мандела дал мне четкие инструкции: мы с ним должны были использовать известный прием «хороший полицейский и плохой полицейский». Предполагалось, что я выступлю с позитивной речью, призывая сделать правильный выбор, а потом Мандела жестко потребует, чтобы стороны подписали предложенный им договор. Это сработало: президент Бурунди Пьер Буйоа и представители тринадцати из девятнадцати племен — участников конфликта подписали соглашение. Вскоре к ним присоединились еще четыре лидера, а не подписавших договор осталось всего двое. Хотя это была тяжелая поездка, переговоры по мирному урегулированию в Бурунди имели целью показать Африке и всему миру, что Соединенные Штаты будут продолжать играть на международной арене роль миротворца. Как я сказал себе перед началом переговоров в Кэмп-Дэвиде, «мы или добьемся успеха, или покажем, что, по крайней мере, пытались это сделать».

Тридцатого августа вместе со спикером Деннисом Хастертом, шестью членами Палаты представителей, Джо Байденом и тремя другими сенаторами и несколькими членами кабинета я вылетел в Колумбию, в Картахену. Мы все хотели подчеркнуть готовность Америки оказать помощь президенту Андресу Пастрани в реализации его плана «Колумбия», целью которого было освобождение страны от торговцев наркотиками и террористов, контролировавших треть ее территории. Пастрана рисковал жизнью, когда, пытаясь добиться мира, отправился в одиночку на встречу с партизанами в их логово. Когда это не принесло успеха, он попросил Соединенные Штаты помочь ему, осуществив план «Колумбия», победить криминальные

кланы. При активной поддержке Хастерта я получил от Конгресса более миллиарда долларов для оказания помощи этой стране.

Картахена — прекрасный город, окруженный старинной крепостной стеной. Пастрана вышел с нами на улицы, где мы встретились с правительственными служащими, борцами с торговцами наркотиками и людьми, пострадавшими от насилия, включая вдову офицера полиции, погибшего при выполнении своего долга, — одного из сотен людей, которых убили, потому что они были честными и храбрыми. Андрес представил нас с Челси группе очаровательных молодых музыкантов «Дети Валленато» — так называлась их родная деревня, находившаяся в районе, где насилие было повседневной реальностью. Одетые в национальные костюмы, они в тот вечер пели о мире и танцевали; Пастрана, Челси и я танцевали вместе с ними на улицах Картахены.

В конце первой недели сентября я наложил вето на законопроект, отменявший налог на недвижимость, а затем объявил о том, что отложу решение о развертывании национальной системы противоракетной обороны, пока не будет избран мой преемник. Я принял участие в избирательной кампании Хиллари в штате Нью-Йорк, а затем отправился в Организацию Объединенных Наций на саммит, посвященный Миллениуму. Это была самая представительная в истории ассамблея мировых лидеров.

Моя последняя речь в ООН стала кратким, но страстным призывом к международному сотрудничеству по вопросам безопасности, мира и общего процветания, к тому, чтобы построить сообщество, которое будет жить, руководствуясь простым правилом: «С каждым нужно считаться; у каждого есть своя роль; нам всем будет лучше, если мы станем помогать друг другу».

После своего выступления я спустился в зал и сел рядом с Мадлен Олбрайт и Диком Холбруком, чтобы послушать следующего оратора — Мохаммеда Хатами, президента Ирана, где в последние годы прошли выборы президента, депутатов парламента и органов муниципального управления. На всех эти выборах реформаторы получили от двух третей до 70 процентов голосов. Проблема заключалась в том, что по иранской конституции совет исламских фундаменталистов, возглавляемый аятоллой Сайедом Али Хаменеи, обладал огромной властью: он мог отменять законы и запрещать тому или иному кандидату занимать государственную должность. Совет также контролировал операции иранской разведки за рубежом и финансировал террористов. Мы пытались наладить отношения с Хатами и установить больше личных контактов. Я также заявил, что Соединенные Штаты совершили ошибку, поддержав свержение законного правительства в Иране в 1950-х годах. Я полагал, что этот мой жест уважения поможет добиться успеха вновь избранному президенту.

Мы с Кофи Аннаном пригласили всех на традиционный обед. По его окончании я, как обычно, стоял у своего стола и обменивался рукопожатиями с теми лидерами, которые, прощаясь, подходили ко мне. Я думал, что последним будет представитель Намибии — человек огромного роста, возвышавшийся надо мной. Но когда он отошел, я увидел еще одного руководителя, которого до того момента заслоняла широкая спина намибийца, — это был Фидель Кастро. Он протянул мне руку, и я ее пожал, став первым американским президентом, обменявшимся с ним рукопожатием,

более чем за сорок лет. Фидель сказал, что не хотел меня беспокоить, но подошел, чтобы выразить мне свое уважение, перед тем как я покину президентский пост. Я ответил: «Надеюсь, настанет день, когда наши страны примирятся».

После ассамблеи ООН ОПЕК объявила, что увеличит производство нефти на 800 тысяч баррелей в день, затем в Вашингтон прибыл с официальным визитом президент Индии Ваджпаи, а 19 сентября Сенат вслед за Палатой представителей одобрил законопроект, устанавливающий долговременные торговые отношения с Китаем, устранив, таким образом, препятствия для его вступления в ВТО. Я был убежден, что через некоторое время это событие будет признано одним из самых важных достижений в сфере внешней политики за восемь лет моего президентства.

Для Хиллари сентябрь оказался удачным. 12-го она выиграла предварительные выборы и одержала уверенную победу в Буффало над Лацио в дебатах, которые вел Тим Рассерт. У Лацио возникло три проблемы: он говорил, что находившаяся в депрессии экономика штата Нью-Йорк якобы начала возрождаться; использовал вводящий в заблуждение рекламный клип (за который ему пришлось отвечать), в котором утверждалось, будто бы сенатор Мойнихен поддерживает его, а не Хиллари; а также пытался предъявить моей жене необоснованное обвинение в нарушении правил финансирования избирательной кампании.

Все, что нужно было делать Хиллари, — сохранять самообладание и хорошо отвечать на вопросы, и это у нее отлично получалось. Через неделю опросы общественного мнения показали, что она опережает Лацио, набрав 48 процентов голосов против 39, и особенно широкой поддержкой пользуется у обеспеченных женщин из пригородных районов.

Шестнадцатого сентября у меня состоялось очень эмоциональное прощание с участниками (в основном афроамериканцами) «черного совещания» Конгресса. Я рассказал о результатах своей работы, поддержал кандидатуры Гора и Либермана и попросил конгрессменов проголосовать за квалифицированных, но все еще не утвержденных чернокожих судей. Потом отложил подготовленный текст своей речи и сказал:

Я благодарю вас от всего сердца. Тони Моррисон однажды назвал меня первым чернокожим президентом этой страны. Для меня это признание дороже, чем Нобелевская премия, и я объясню вам почему. Потому, что моя память хранит картины того, как вы жили. Потому, что я всегда испытывал глубокое сочувствие к судьбам людей, которые были изгоями общества и страдали от жестокости, пренебрежения и забвения.

Я не могу сказать, скольким людям обязан. Но точно знаю, что меня самого благодарить не за что: если я чего-то и добивался, то делал это, потому что иначе поступить не мог.

Ту же мысль я продолжил через несколько дней, 20 сентября, на совещании Фракции испаноязычных членов Конгресса, а потом на конференции епископов Церкви Бога во Христе, где отметил, что срок моего президент-

ства истекает уже через 120 дней, но пообещал «120 дней усердной работы», сказав, что буду сотрудничать с Конгрессом и постараюсь заключить мир на Ближнем Востоке. Я знал, что у меня еще будут победы в Конгрессе, но не был уверен в успехе на Ближнем Востоке.

Через несколько дней вместе с моей экономической командой я объявил о том, что в прошедшем году среднегодовой доход вырос более чем на тысячу долларов, впервые в нашей истории превысив 40 тысяч долларов, и что число американцев, не имеющих медицинских страховок, за тот же срок сократилось на 1,7 миллиона человек — такого существенного успеха в этой области удалось достичь впервые за прошедшие двенадцать лет.

Двадцать пятого сентября, в результате усилий по возобновлению мирного процесса, в течение нескольких недель прилагаемых нашей командой, Барак пригласил Арафата к себе домой на ужин. Незадолго до его окончания я позвонил им и тепло побеседовал с каждым из лидеров. На следующий день обе стороны прислали свои делегации в Вашингтон, чтобы продолжить переговоры с той стадии, на которой они были приостановлены в Кэмп-Дэвиде. Однако 28 сентября ситуация обострилась, после того, как Ариэль Шарон стал первым видным израильским политиком, ступившим на Храмовую гору с момента ее захвата Израилем во время войны 1967 года. Моше Даян тогда заявил, что к мусульманским святыням будет проявлено уважение, и после этого гора оставалась под надзором приверженцев ислама.

Арафат сказал, что просил Барака предотвратить «прогулку», очевидной целью которой было утвердить израильский суверенитет над этим местом и укрепить позиции Шарона как лидера партии «Ликуд» в ответ на вызов бывшего премьер-министра Нетаньяху, ставшего теперь «ястребом» даже в большей степени, чем сам Шарон. Я тоже надеялся, что Барак предотвратит его провокационную эскападу, но он сказал мне, что не мог этого сделать, потому что ему запретили входить в мечети «Купол скалы» и Аль-Акса, а на Храмовую гору Шарона сопровождал большой эскорт вооруженных до зубов офицеров полиции.

Вместе с другими участниками нашей команды я просил Арафата предотвратить насилие. Ситуация предоставляла отличную возможность не поддаться на провокацию. Мне казалось, палестинские дети должны были встретить Шарона с цветами и сказать ему, что, когда Храмовая гора перейдет под контроль палестинцев, он всегда будет там желанным гостем. Но, как много лет назад сказал Абба Эбан, палестинцы никогда «не упустят возможности упустить возможность». На следующий день у Западной стены Иерусалима состоялась большая демонстрация, во время которой израильская полиция начала стрелять резиновыми пулями по палестинцам, бросавшим в нее камни, и по всей толпе собравшихся. По меньшей мере пять человек были убиты и еще сотни ранены. Символами всей боли и бессмысленности происходящего стали двенадцатилетний мальчик-палестинец, раненый в перестрелке и умерший на руках у своего отца, и два израильских солдата, которых выволокли из здания и забили до смерти. Потом их безжизненные тела протащили по улицам, а один из тех, кто их убивал, гордо

потрясал перед телекамерой своими окровавленными руками. Эти кадры увидел весь мир.

Пока Ближний Восток кипел, ситуация на Балканах улучшилась. В последнюю неделю сентября Слободан Милошевич проиграл выборы на пост президента Сербии Воиславу Коштунице. Во время избирательной кампании мы позаботились о том, чтобы Коштуница имел возможность обратиться к избирателям, а результаты выборов не были сфальсифицированы. Милошевич все равно попытался это сделать, но массовые демонстрации протеста убедили его в том, что этот номер не пройдет, и 6 октября главный организатор бойни на Балканах признал свое поражение.

В начале октября в зале заседаний кабинета я провел встречу с теми, кто поддерживал инициативу прощения долгов развивающимся странам. Среди присутствовавших был и преподобный Пэт Робертсон. Его личная поддержка этой инициативы, подкрепленная мнением всей общины христиан-евангелистов, показала, насколько популярной стала предложенная идея. В Палате представителей ее продвигали Максин Уотерс, одна из самых либеральных конгрессменнов, и консервативный председатель Бюджетного комитета Джон Касич. Даже Джесси Хелмс высказался в поддержку инициативы, и не в последнюю очередь благодаря личному контакту с Боно. Первые результаты были обнадеживающими: Боливия потратила 77 миллионов долларов на здравоохранение и образование; в Уганде удвоилось число детей, посещающих начальную школу; Гондурас увеличил продолжительность обязательного школьного образования с шести до девяти лет. Я намеревался добиться того, чтобы в окончательный вариант бюджета были заложены средства на завершение этой программы.

Во вторую неделю месяца Хиллари удачно провела очередной, более цивилизованный, раунд дебатов с Риком Лацио. Я подписал закон о торговых отношениях с Китаем и поблагодарил Шарлин Баршефски и Джина Сперлинга, проделавших сложную работу во время своей последней поездки в Китай, благодаря чему мы успели в последний момент заключить это соглашение; ратифицировал законопроект «О земельном наследии» и выделил новые ассигнования для общин коренных американцев. 11 октября мы вместе с Хиллари приехали в Чаппакуа, чтобы отпраздновать двадцать пятую годовщину нашей свадьбы. Казалось, еще вчера мы были молоды, и все еще только начиналось. Теперь наша дочь уже завершала учебу в университете, и годы, проведенные в Белом доме, подходили к концу. Я был уверен, что Хиллари выиграет выборы в Сенат, и с оптимизмом смотрел в будущее.

Мои мечты рассыпались в прах на следующий день, когда небольшая лодка, набитая взрывчаткой, взорвалась в йеменском порту Аден рядом с американским военным кораблем Cole. В результате атаки террористов погибли семнадцать матросов. Мы все считали, что это работа бен Ладена и «Аль-Каиды», но не были в этом уверены. ЦРУ начало расследование и послало сотрудников Министерства обороны, Госдепартамента и ФБР в Йемен, где президент Али Салех пообещал полномасштабное сотрудничество в расследовании инцидента и передаче убийц правосудию.

Тем временем я продолжал оказывать давление на Пентагон и команду, занимавшуюся вопросами национальной безопасности, чтобы они искали дополнительные возможности поимки бен Ладена. Мы были готовы нанести по нему еще один ракетный удар уже в октябре, но ЦРУ в последнюю минуту рекомендовало от него отказаться, полагая, что доказательства нахождения бен Ладена в намеченной для удара точке не вполне надежны. Пентагон не советовал посылать силы специального назначения в Афганистан, учитывая все сложности с их доставкой и снабжением, пока мы не получим более точной информации о местонахождении бен Ладена. Оставались только крупные операции: масштабные бомбардировки всех подозрительных лагерей или вторжение значительных вооруженных сил. Я считал, что и то, и другое неприемлемо, пока мы не установим, что за взрыв Cole несет ответственность «Аль-Каида». Я был очень расстроен и надеялся, что перед тем как покину свой пост, мы найдем бен Ладена и нанесем по нему удар.

Я принял участие в избирательной кампании в Колорадо и Вашингтоне, а затем вылетел в Египет, в Шарм-эш-Шейх, на саммит, посвященный проблеме войны и насилия на Ближнем Востоке, в котором участвовали президент Мубарак, король Абдулла, Кофи Аннан и Хавьер Солана, который теперь стал генеральным секретарем Европейского союза. Все они хотели остановить насилие, так же, как и наследный принц Саудовской Аравии Абдулла, который не приехал, но высказал свою озабоченность этой проблемой. И Барак, и Арафат прибыли на саммит, но с таким же успехом они могли находиться на противоположных сторонах земного шара. Барак хотел остановить насилие, а Арафат требовал проведения расследования, связанного с неоправданным применением силы израильскими военными и полицией.

Джордж Тенет вместе с представителями обеих сторон работал над планом обеспечения безопасности, и мне предстояло убедить и Барака, и Арафата принять его, равно как и заявление, которое должно было быть прочитано после завершения саммита.

Я сказал Арафату, что собираюсь представить предложения по разрешению оставшихся между ними разногласий на мирных переговорах, но не могу этого сделать, пока он не согласится принять план обеспечения безопасности. Достичь мира было невозможно, пока не остановлено насилие. Арафат согласился с предложенным нами планом. Потом мы до утра работали над заявлением, которое я должен был прочитать от имени обеих сторон. Оно состояло из трех частей: обязательства покончить с насилием; учреждения двустороннего комитета для расследования обстоятельств, вызвавших восстание палестинцев, и определения последовательности действий обеих сторон, которую должны были выработать Соединенные Штаты, израильтяне и палестинцы, консультируясь с Кофи Аннаном; а также обещания продолжать мирные переговоры. Выполнить пункты этого заявления было просто лишь на первый взгляд. Арафат настаивал на создании комитета под эгидой ООН и немедленном возобновлении переговоров. Барак предполагал, что комитет будет создан под эгидой США, а переговоры начнутся позже, когда утихнут столкновения и вспышки насилия. Мы с Мубараком наконец смогли встретиться с Арафатом наедине и убедить его согласиться

с заявлением. Мне бы не удалось этого добиться без помощи Хосни. Мне часто казалось, что он не хочет активно включаться в мирный процесс, но в ту ночь Мубарак действовал настойчиво, четко и эффективно.

Когда я вернулся в Соединенные Штаты, мы с Хиллари и Челси отправились в Норфолк, штат Вирджиния, на панихиду по жертвам взрыва эсминца Cole и встречу с их семьями. Как и легчики в башнях Хобар, наши матросы погибли совсем не в той ситуации, в какой их обучали воевать. Враг был почти неуловим; все они являлись потенциальной мишенью; наш сверхмощный арсенал оружия не мог остановить нападавших, а открытость современного мира и информационные технологии тоже работали против нас. Я верил, что в конце концов мы победим в борьбе с бен Ладеном, но не знал, сколько еще невинных людей погибнет, пока будет найден способ этого добиться.

Через два дня мы с Хиллари, Алом и Типпер Гор отправились в Джефферсон-Сити, Миссури, на панихиду по губернатору Мелу Карнахану, его сыну и молодому секретарю, погибшим в результате падения маленького самолета, на котором они летели. Мы с Карнаханом были дружны с тех пор, когда он поддержал меня в самом начале избирательной кампании 1992 года. Мел был отличным губернатором и играл активную роль в реализации реформы социального обеспечения, а незадолго до своей гибели вел трудную избирательную кампанию за место в Сенате, конкурируя с сенатором Джоном Ашкрофтом. Для того чтобы кем-то заменить погибшего Карнахана в избирательном бюллетене, совсем не оставалось времени, и через несколько дней его супруга Джин сказала, что, если избиратели штата Миссури проголосуют за ее мужа, она готова занять его место в Сенате. Так и произошло, и Джин с честью справилась с работой.

В последние дни октября, когда приближались президентские выборы, я подписал торговое соглашение с королем Иордании Абдуллой; продолжал утверждать законопроекты и накладывать на них вето; участвовал в президентской избирательной кампании в Индиане, Кентукки, Массачусетсе и Нью-Йорке, где несколько раз помогал Хиллари. Самым забавным был эпизод во время празднования моего дня рождения, когда Роберт де Ниро учил меня разговаривать, как настоящие нью-йоркцы.

После съезда демократической партии Ал Гор представлял избирателям выборы как состязание между «народом и сильными мира сего». Так и было. Все консервативные «группы по интересам» — индустрия медицинского страхования, табачные компании, сильно загрязняющие окружающую среду предприятия тяжелой промышленности, Национальная стрелковая ассоциация и многие другие — поддерживали губернатора Буша. Недостаток этого лозунга был в том, что он не давал Алу возможности полностью использовать наши достижения в экономике и социальной сфере и показать, что Буш, хоть и не говорит об этом прямо, выступает за политику, которая поставит под угрозу достигнутый нами прогресс. Этот популистский лозунг также мог быть воспринят некоторыми избирателями, не определившими свой выбор, как намерение Ала изменить направление развития экономи-

ки страны. К концу месяца Гор стал говорить: «Не ставьте под угрозу наше процветание». 1 ноября, судя по данным опросов общественного мнения, его положение улучшилось, хотя он все еще отставал на 4 процента.

В последнюю неделю избирательной кампании я по просьбе губернатора Грея Дэвиса вылетел в Калифорнию, чтобы поддержать наших кандидатов на выборах в Конгресс; участвовал в большом предвыборном митинге Хиллари в Гарлеме, а в воскресенье прилетел домой, в Арканзас, для участия в кампании Майка Росса, который в 1982 году, во время губернаторских выборов, был моим водителем, а теперь конкурировал с конгрессменом-республиканцем Джем Дики.

За день до выборов и во время их проведения я дал более шестидесяти радиоинтервью по всей стране, призывая избирателей голосовать за Ала и Джо и местных кандидатов-демократов. Я уже записал более 170 радио- и телерекламных клипов и телефонных обращений: они были использованы для того, чтобы убедить преданных сторонников демократической партии и представителей меньшинств прийти на избирательные участки и отдать свой голос.

В день выборов мы с Хиллари и Челси голосовали в начальной школе «Дуглас Граффлин» — именно там находился избирательный участок в Чаппакуа. Создалась странная и приятная для меня ситуация: странная, потому что эта школа была первым местом в моей жизни за пределами штата Арканзас, где я голосовал, а также потому, что впервые за двадцать шесть лет политической жизни я не увидел своей фамилии в избирательном бюллетене, а приятная — потому что я отдал свой голос за Хиллари. Мы с Челси проголосовали первыми, а потом обнялись, наблюдая, как Хиллари задернула занавеску и опустила свой бюллетень, проголосовав за себя.

В ночь выборов мы чувствовали себя как на американских горках. Хиллари победила на своих выборах при соотношении 55 против 43 процентов, с более существенным преимуществом, чем предсказывали все опросы общественного мнения, за исключением одного. Я был так горд за нее. Выборы буквально выжали из нее все соки. В 1992 году я чувствовал себя точно так же. Она испытывала и взлеты, и падения, но не сдавалась и двигалась вперед.

Пока мы в Нью-Йорке праздновали победу Хиллари в отеле «Гранд Хайатт», Буш и Гор шли «ноздря в ноздю». Уже несколько недель все предрекали равную борьбу, причем многие комментаторы говорили, что Гор может набрать меньше голосов избирателей, но больше голосов выборщиков*, и победить. Когда за два дня до выборов я изучил карту и данные последних опросов, то высказал Стиву Ричетти свои опасения, что все может произойти с точностью до наоборот. Наши преданные избиратели были мобилизованы

---

* Формально в США существует двухступенчатая система выборов, и президента окончательно избирает «коллегия выборщиков». Кандидат, набравший большинство голосов избирателей данного штата, получает все голоса выборщиков от этого штата. Теоретически выборщики могут проголосовать за любого кандидата, но на практике их голосование предрешиено, и они голосуют за кандидата в президенты, победившего в данном штате. — *Прим. пер.*

и хотели одержать победу на выборах не меньше, чем стремившиеся вернуть себе Белый дом республиканцы. В крупных штатах Ал должен был победить с большим преимуществом, но Бушу могли отдать предпочтение во многих небольших сельских штатах, благодаря чему он получил бы преимущество в коллегии выборщиков, потому что каждому штату полагалось по одному выборщику за каждого члена Палаты представителей плюс два дополнительных голоса за сенаторов. Когда подошел день выборов, я все еще думал, что Ал выиграет, поскольку его кампания набирала ход и у него была убедительная позиция по проблемам, определяющим исход голосования.

Гор выиграл, получив более 500 тысяч голосов избирателей, но ситуация в коллегии выборщиков оставалась неясной. После того как Гор победил в штате Нью-Мексико с преимуществом всего в 336 голосов, все должно было решиться в штате Флорида, которая оказалась одним из нескольких штатов, где Ал победил бы гораздо увереннее, если бы часть голосов у него не отобрал независимый кандидат Ральф Нейдер. Я попросил Билла Ричардсона провести последнюю неделю в своем родном штате: его присутствие вполне могло оказаться решающим фактором, который будет способствовать нашему успеху.

Из тех штатов, где я одержал победу в 1996 году, Буш выиграл в Неваде, Аризоне, Миссури, Арканзасе, Теннесси, Кентукки, Огайо, Западной Вирджинии и Нью-Хэмпшире. В Теннесси преимущество республиканцев возрастало: в 1992, 1996 и 2000 годах демократы получали в этом штате только 47–48 процентов голосов. В нескольких штатах, включая Арканзас, большой ущерб Алу нанесла Национальная стрелковая ассоциация. Например, избиратели округа Йелл в Арканзасе, где столетие назад поселились Клинтонь, отличаются популизмом и культурным консерватизмом, но демократам он был необходим, чтобы победить в остром соперничестве за этот штат. Гор проиграл там Бушу (47 процентов против 50), и это произошло из-за Национальной стрелковой ассоциации. Вероятно, я мог бы предотвратить такой поворот событий, но тогда мне пришлось бы потратить два-три дня на агитацию в сельской местности, а я не знал, насколько серьезной была проблема, пока не приехал в свой родной штат непосредственно перед выборами.

Оружейное лобби пыталось нанести Алу поражение также в Мичигане и Пенсильвании, и это вполне могло произойти, если бы не героические усилия местных профсоюзов, в которых состояло множество членов Национальной стрелковой ассоциации. Они дали отпор республиканцам, выдвинув лозунг: «Гор не отнимет ваши ружья, а Буш отнимет ваш профсоюз!» К сожалению, в сельских районах Арканзаса, Теннесси, Кентукки, Западной Вирджинии, Миссури и Огайо было недостаточно членов профсоюзов, чтобы выиграть эту борьбу на местах.

В Кентукки наше противостояние крупным табачным кампаниям, которые вели рекламу сигарет, нацеленную на молодежь, снизили популярность Ала в районах, где выращивали табак. В Западной Вирджинии нам повредил крах компании Weirton Steel, которой владели сами ее работники: они и их семьи были убеждены, что их фирма разорилась, потому что я

не ограничил импорт дешевой стали из России и Азии во время азиатского финансового кризиса. В действительности компания Weirton обанкротилась по иным причинам, но ее работники думали по-другому, и Алу пришлось за это расплачиваться.

В Нью-Хэмпшире Буш выиграл с преимуществом всего в 7 тысяч голосов из-за того, что за Нейдера проголосовало 22 198 человек. Но еще хуже было то, что Нейдер набрал более 90 тысяч голосов во Флориде, где победа Буша буквально висела на волоске, а выборы растянулись более чем на месяц.

Когда началась битва вокруг выборов во Флориде, стало ясно, что мы уже получили дополнительно четыре места в Сенате и одно — в Палате представителей. Потерпели поражение три конгрессмена-республиканца, включая Джея Дики, который проиграл Майку Россу в Арканзасе. Демократы выиграли четыре мандата в Калифорнии, одержав победу в четырех из пяти выборов. При пересчете голосов во Флориде Ал оказался в невыгодном положении, потому что председатель избирательной комиссии — секретарь штата Кэтрин Хэррис была консервативным республиканцем и близким соратником губернатора Джеба Буша, а в Законодательном собрании штата, которое утверждало результаты выборов, также доминировали консервативные республиканцы. С другой стороны, в состав Верховного суда штата Флорида, мнение которого являлось решающим по вопросу пересчета бюллетеней, входило больше судей, выдвинутых губернаторами-демократами, поэтому его позиция должна была оказаться более взвешенной.

Через два дня, все еще не зная, кто станет моим преемником, я встретился в Овальном кабинете с Арафатом. Волна насилия пошла на спад, и я думал, что он действительно хочет мира. Я напомнил ему, что у меня осталось всего десять недель, чтобы заключить соглашение. Когда мы остались наедине, я схватил его за руку и, пристально глядя ему в глаза, сказал, что у меня есть шанс заключить договор с Северной Кореей о прекращении его производства ракет большой дальности, но для этого мне придется туда поехать. На визит уйдет не менее недели, потому что мне обязательно нужно будет побывать еще и в Южной Корее, Японии и Китае.

Я знал, что, если мы хотим добиться мира на Ближнем Востоке, мое присутствие при подписании соглашения совершенно обязательно. Я сказал Арафату, что сделал все возможное, чтобы палестинцы могли создать свое государство на Западном берегу и в Газе при соблюдении гарантий безопасности для Израиля. После всех моих усилий, если Арафат не собирался заключать мир, он обязан был сказать мне об этом, чтобы я мог спокойно отправиться в Северную Корею и покончить с еще одной угрозой безопасности. Арафат просил меня не уезжать, сказав, что мы должны обязательно заключить мир, поскольку, если этого не удастся сделать до того, как я уйду с поста президента, следующего шанса придется ждать не менее пяти лет.

В тот вечер состоялся торжественный ужин в честь двухсотой годовщины Белого дома. Леди Берд Джонсон, президент Форд с супругой, президент Картер с супругой и президент Буш с супругой приехали, чтобы отметить юбилей этого дома, в котором жили все американские президенты начиная с Джона Адамса. Это был прекрасный момент в американской истории, но

экс-президент Буш и его супруга нервничали, так как все еще оставались в неведении относительно того, чем закончится предвыборная кампания их сына. Я был рад, что они нашли возможность приехать.

Через несколько дней мы с Челси отправились в Бруней на ежегодный саммит стран АТЭС. Султан Хассанал Болкиах принимал нас в прекрасном новом отеле и дворце съездов. Мы добились определенного прогресса в проведении реформ, необходимых для избежания еще одного финансового кризиса в Азии. Я также договорился с премьер-министром Сингапура Гох Чок Тонгом о начале переговоров по заключению двустороннего торгового соглашения. Кроме того, я с удовольствием поиграл в гольф с премьер-министром Гохом на специально оборудованном ночном поле для гольфа, где игроки могли укрыться от ужасной жары. Как инициатор первой встречи руководителей стран АТЭС в 1993 году я был удовлетворен ростом числа участников и проделанной с тех пор работой. На последней для меня встрече лидеров АТЭС я подумал, что наши усилия не только позволили заключить конкретные соглашения о сотрудничестве, но и создали институт, выработавший механизм связи между Соединенными Штатами и азиатскими странами в новом столетии.

Из Брунея мы с Челси отправились во Вьетнам для исторического визита в Ханой и город Хошимин (в прошлом Сайгон), а также на место раскопок, где вьетнамцы вместе с американцами пытались найти останки наших солдат, пропавших без вести во время боевых действий. Хиллари присоединилась к нам, прилетев из Израиля, где присутствовала на похоронах Лири Рабин.

Я встретился с руководителем коммунистической партии Вьетнама, а также с президентом этой страны, ее премьер-министром и мэром Хошимина. Чем выше была должность руководителя, тем больше вероятность, что он будет говорить как коммунист старого образца. Лидер компартии Ле Кха Фиеу попытался использовать мою оппозицию войне во Вьетнаме, чтобы осудить то, что сделали в этой стране Соединенные Штаты, как акт империалистической агрессии. Меня это разозлило, особенно потому, что он заявил это в присутствии нашего посла Пита Питерсона, который во время войны был в плену во Вьетнаме. Я очень резко ответил этому коммунистическому лидеру, что, хотя и выражал несогласие с нашей политикой во Вьетнаме, те, кто ее проводил, были не империалистами или колониалистами, а хорошими людьми, верившими, что борются против коммунизма. Я показал на Пита и сказал, что он провел шесть с половиной лет в тюрьме, которую прозвали «Ханойский Хилтон», не для того, чтобы сделать Вьетнам колонией. Мы перевернули новую страницу в наших отношениях, нормализовав их, заключив торговое соглашение и договорившись о сотрудничестве в поиске людей, пропавших без вести во время военных действий, и теперь не время бередить старые раны. Президент Тран Дук Луонг оказался почти таким же догматиком.

А вот с премьер-министром Фан Ван Кхаем у нас сложились хорошие отношения, когда мы встречались на заседаниях АТЭС: годом раньше он сказал мне, что ценит мою оппозицию войне во Вьетнаме. Когда я сказал, что американцы, которые, в отличие от меня, поддерживали войну, были хорошими людьми и хотели свободы для вьетнамцев, он ответил: «Я знаю». Кхай

ориентировался на будущее и надеялся, что Соединенные Штаты помогут Вьетнаму в лечении пострадавших от ядовитого газа «эйджент орандж» и развитии экономики страны. Мэр города Хошимина Во Вьет Тханх был похож на типичного американского губернатора — подобных ему людей я хорошо знал. Он хвастал тем, что сбалансировал бюджет, сократил число служащих и работает над привлечением иностранных инвестиций.

Кроме встреч с официальными лицами я обменялся рукопожатиями с людьми из большой толпы, которая собралась по собственной инициативе, чтобы приветствовать нас после неформального ланча в местном ресторане. Эти вьетнамцы хотели строить общее будущее.

Никто из нас никогда не забудет поездку на место, где были обнаружены останки пропавших без вести военнослужащих. Я вспомнил о моих одноклассниках, погибших во Вьетнаме, и об американском фермере, которому помог, когда был в Москве в 1970 году, получить информацию о его погибшем сыне. Американцы, работавшие на раскопках вместе с вьетнамцами, на основе информации, полученной от местных жителей, предположили, что пропавший без вести военный летчик подполковник Лоуренс Эверт был сбит здесь тридцать лет назад. Его теперь уже взрослые дети сопровождали нас на место раскопок. Работая по колено в грязи вместе с вьетнамцами, наши солдаты вырезали большие пласты земли, относили их под навес и там просеивали. Они уже обнаружили несколько обломков самолета и обрывков униформы, которых могло оказаться достаточно для идентификации. Работой руководил американский археолог, который сам был ветераном войны во Вьетнаме. Он назвал эти раскопки одними из самых важных в мире. Тщательность и скрупулезность, с какими велись работы, равно как и стремление вьетнамцев оказать помощь, были просто удивительными. Скоро Эверты нашли своего отца.

По пути домой из Вьетнама я узнал, что скоропостижно скончался Чак Рафф — юридический советник Белого дома, защищавший меня во время процесса импичмента. По приезде я отправился к его жене Сью. Чак был выдающимся человеком, который искусно и мужественно руководил нашей командой адвокатов во время слушаний в Сенате.

Остаток ноября я посвятил Ближнему Востоку и одновременно следил за событиями, происходящими во Флориде, где пересчет голосов прекратили раньше, чем были подсчитаны бюллетени в трех крупных округах. Это было несправедливо по отношению к Гору. На основании анализа тех голосов, которые было решено не учитывать из-за спорных бюллетеней для голосования и сбоев в работе устройств для чтения перфокарт, становилось понятно, что еще несколько тысяч жителей штата Флорида собирались отдать предпочтение Гору, а не Бушу, но их волеизъявления никто не учел. Гор опротестовал результаты выборов в суде. В те же дни Барак и Арафат снова встречались на Ближнем Востоке. Я не знал, одержим ли мы победу или проиграем и «битву» во Флориде, и борьбу за мир.

Пятого декабря Хиллари как сенатор-новичок отправилась на Капитолийский холм на церемонию приведения к присяге. За день до этого я, под-

дразнивая ее, сказал, что ей предстоит провести свой первый день в «школе для сенаторов», поэтому нужно хорошо выспаться и одеться понаряднее. Хиллари ждала этого момента с нетерпением, и я был от души рад за нее.

Через три дня я поехал в Небраску — единственный штат, в котором еще не побывал, будучи президентом, чтобы выступить с речью в Небрасском университете в Карни. Это была моя действительно прощальная речь в сердце страны. В ней я призвал сохранить американское лидерство и за пределами наших границ. Тем временем Верховный суд Флориды постановил учесть еще ряд пересчитанных голосов в округах Палм-Бич и Дейд и пересчитать дополнительно 45 тысяч голосов в соответствии с законами этого штата: бюллетень считался действительным и учитывался только при условии, что выбор избирателя выражен совершенно ясно. В результате преимущество Буша составило всего 154 голоса.

Губернатор Буш немедленно подал апелляцию в Верховный суд США, чтобы остановить пересчет голосов. Несколько юристов сказали мне, что Верховный суд не должен принимать это дело к рассмотрению, потому что механизм проведения выборов относится к юрисдикции штата, за исключением тех случаев, когда налицо дискриминация каких-либо категорий граждан, например расовых меньшинств. Кроме того, очень трудно наложить судебный запрет на законное действие, такое, как, например, пересчет голосов или снос здания, у владельца которого нет возражений против этого. Для того чтобы это сделать, истец должен доказать, что, если обжалуемое действие не будет остановлено, это нанесет непоправимый ущерб. Подготовленное судьей Скалиа обоснование решения Верховного суда прекратить пересчет, за которое проголосовали пять судей против четырех, изумляло своей откровенностью. В чем же состоял «непоправимый ущерб»? Скалиа утверждал, что пересчет голосов может «бросить тень сомнения на заявленную [Бушем] легитимность его избрания». Вот уж что верно, то верно. Если бы Гор получил во Флориде больше голосов, чем Буш, Верховному суду было бы труднее «присудить» последнему пост президента.

В тот вечер у нас состоялся рождественский прием в Белом доме, и я спрашивал каждого юриста, с которым беседовал, слышал ли он когда-нибудь о подобном решении. Ни один из них не ответил утвердительно. Верховному суду вскоре предстояло вынести еще один вердикт о том, соответствует ли пересчет голосов Конституции. Теперь мы уже заранее знали, что они примут его пятью голосами против четырех. Я сказал, что обоснование второго решения уже не поручат готовить судье Скалиа: уж слишком откровенным было первое.

Одиннадцатого декабря мы с Хиллари и Челси вылетели в Ирландию — на родину моих предков, в страну, где я так много занимался миротворчеством. Мы сделали остановку в Дублине, чтобы повидаться с Берти Ахерном, а потом отправились в находящийся недалеко от границы городок Дандалк для участия в многолюдном митинге в этой бывшей цитадели ИРА, ставшей теперь мирной гаванью. Улицы были украшены яркой рождественской иллюминацией, а огромная масса людей приветствовала нас и пела для меня «Дэнни бой». Симус Хини как-то сказал о Йетсе: «Он хотел освободить

место в душе и в мире для чудес». Я поблагодарил ирландцев за то, что они заполнили место в своих душах таким чудом, как мир.

Потом мы приехали в Белфаст, где я встретился с руководителями Северной Ирландии, в том числе с Дэвидом Тримблом, Симусом Мэллоном, Джоном Хьюмом и Джерри Адамсом. Затем мы с Тони и Шери Блэр, Берти Ахерном и Джорджем Митчеллом отправились на огромный митинг, проходивший на арене спорткомплекса «Одиссей», в котором участвовали и католики, и протестанты. Для них это было так необычно — собраться вместе в Белфасте. Между ними все еще сохранялись некоторые острые разногласия, касающиеся, например, принципов формирования полиции, а также графиков и методов разоружения. Я попросил собравшихся продолжать работу над решением проблем и помнить, что «враги мирного процесса в вашем одобрении не нуждаются: все, что им нужно, — это ваше безразличие». Я напомнил аудитории, что так называемое «Соглашение Страстной пятницы» дало импульс миротворцам во всем мире, и упомянул о том, что совсем недавно получено сообщение о подписании договора, прекратившего кровавый конфликт между Эфиопией и Эритреей, заключить который помогли Соединенные Штаты. В завершение я сказал ирландцам, с каким удовольствием работал вместе с ними для достижения мира, «но дело не в том, что я чувствую, а в том, как будут жить ваши дети».

Затем моя семья вылетела в Англию, где мы гостили у Блэров в Чекерсе* и вместе слушали, как Ал Гор выступил с речью, в которой признал победу Буша на выборах. За день до этого в десять часов вечера Верховный суд семью голосами против двух вынес решение о том, что пересчет голосов во Флориде не соответствовал Конституции, поскольку не существовало четких и универсальных стандартов, которые бы позволили определить подлинное волеизъявление избирателей в спорных и неясных случаях, и, таким образом, разные счетчики могли по-разному интерпретировать один и тот же бюллетень для голосования. Таким образом, заявил суд, разрешение принимать во внимание любые пересчитанные голоса, вне зависимости от того, насколько ясным было волеизъявление избирателя в том или ином спорном бюллетене, будет ущемлением прав тех людей, чьи голоса не будут учтены. Я был абсолютно не согласен с этим решением, но радовало то, что судьи Саутер и Брейер хотели снова отослать дела в Верховный суд штата Флорида, чтобы он быстро установил стандарты и процедуры пересчета. Уже совсем скоро должна была собраться коллегия выборщиков. Однако другие пять судей, составившие большинство, выразили свое несогласие. Пятью голосами против четырех те же самые пять судей, которые тремя днями ранее остановили пересчет голосов, теперь приняли решение, что на выборах победил Буш, потому что по закону штата Флорида процедура пересчета в любом случае должна была прекратиться в полночь этого дня.

Решение было ужасающим. Тот же самый узкий круг лиц, представляющих консервативное большинство, которое превращало в фетиш «права

---

* Чекерс — официальная летняя загородная резиденция британского премьер-министра. — *Прим. пер.*

штатов», теперь лишил Флориду ее неотъемлемой прерогативы: пересчитывать голоса так, как это всегда делалось в этом штате. Пять судей, которые не хотели пересчитывать голоса независимо от того, какие для этого использовались стандарты, утверждали, что они обеспечивают равноправие, лишая тысячи людей конституционного избирательного права, не разрешая учитывать их голоса, даже если они выразили свою волю абсолютно ясно. Судьи говорили, что Буш должен стать победителем, потому что голоса невозможно подсчитать в течение двух часов. На самом деле своим предыдущим решением они уже «убили» трое суток, в течение которых голоса можно было пересчитывать, и намеренно не объявляли свой вердикт до десяти часов вечера, чтобы быть уверенными, что вовремя завершить эту процедуру будет уже невозможно. Это большинство из пяти судей не оставило никаких сомнений в том, какой цели они стремились достичь. В обосновании решения было четко сказано, что в будущем оно не может быть использовано как прецедент в законодательстве о выборах, потому что «относится только к данным конкретным обстоятельствам, так как проблема соблюдения равенства прав во время выборов обычно связана с множеством сложностей». У меня не было никаких сомнений в том, что, если бы Гор лидировал во Флориде, а Буш отставал, члены того же самого Верховного суда в полном составе при соотношении 9:0 проголосовали бы за продолжение пересчета. И я бы согласился с их решением.

Решение, принятое по делу «Буш против Гора», войдет в историю как одно из наихудших из всех когда-либо принимавшихся Верховным судом. К этому же ряду относятся решение по делу Дреда Скотта, когда суд подтвердил, что сбежавший от хозяина раб все еще остается его собственностью, которая должна быть возвращена владельцу; решение по делу «Плесси против Фергюсона», подтвердившее законность расовой сегрегации; решения 20-х и 30-х годов, отменившие законы, защищающие права рабочих, например, установление минимальной заработной платы и максимальной продолжительности рабочей недели, поскольку они нарушали права работодателей; а также решение по делу Коремацу, когда Верховный суд счел законным помещение в лагеря для перемещенных лиц всех без исключения американцев японского происхождения после событий в Перл-Харбор. Мы прошли через это и отвергли основания всех этих реакционных решений. Я знал, что Америка переживет и этот черный день, в который пять судей-республиканцев лишили тысячи своих сограждан права участвовать в выборах президента просто потому, что имели такую возможность.

Ал Гор, делая заявление о признании своего поражения, произнес замечательную речь. Она была искренней, великодушной и патриотичной. Когда я позволил, чтобы выразить свое восхищение, Ал сказал мне, что его друг, профессиональный комик, пошутил, сказав, что он отлично устроился: получил большинство голосов избирателей, а президентскую работу ему выполнять не нужно.

На следующее утро, после того как мы немного поговорили с Тони Блэром, я вышел к собравшимся, похвалил Ала и пообещал сотрудничать с избранным президентом Бушем. Потом в сопровождении Тони и Шери мы с Хиллари и Челси отправились в Уорикский университет, где я произнес еще одну прощальную речь, на этот раз о подходе к глобализации,

декларируемом нашей группой «Третий путь», — торговля плюс глобальное сотрудничество для обеспечения роста экономики, уровня образования, медицинского обслуживания и установления демократической формы правления. Эта речь дала мне возможность публично поблагодарить Тони Блэра за его дружбу со мной и наше партнерство. Я ценил время, которое мы провели вместе, и знал, что буду скучать по нему.

Перед тем как покинуть Англию, мы посетили Букингемский дворец, получив приглашение на чай от королевы Елизаветы. Это был приятный визит. Мы обсудили выборы и положение в мире. Ее Величество, нарушив обычный этикет, проводила нас на первый этаж, а потом до автомобиля, где и попрощалась с нами. Она была великодушна и добра по отношению ко мне на протяжении прошедших восьми лет.

Пятнадцатого декабря я заключил с Конгрессом пакетное соглашение по бюджету, которое стало моей последней за восемь лет значимой победой в сфере законодательства. Особенно удачной была статья об ассигнованиях на образование. Я наконец добился выделения более миллиарда долларов на ремонт школ, самое большое в истории увеличение финансирования программы «Хед старт», достаточные средства для участия 1,3 миллиона учащихся в образовательных послешкольных программах, повышение на 25 процентов сумм, выделяемых на то, чтобы в школы дополнительно пришли 100 тысяч учителей, а также на гранты Пелла, на образовательную программу Gear Up* и реализацию наших усилий по модернизации слабых школ. Законопроект предусматривал ассигнования на поддержку программы «новых рынков», существенное увеличение числа медико-биологических исследований, медицинские страховки для получателей социальных пособий и инвалидов, которые начали работать, и на реализацию инициативы прощения долгов развивающимся странам в новом тысячелетии.

Джон Подеста, Стив Ричетти, мой юридический консультант Ларри Стайн и вся наша команда отлично поработали. Мой последний год на посту президента, когда предполагалось, что я буду «хромой уткой»**, напротив, ознаменовался тем, что были реализованы очень многие инициативы, предложенные мною в послании «О положении в стране». Кроме законопроектов, упомянутых выше, Конгресс принял законы о торговле с африканскими странами и государствами Карибского бассейна, о торговле с Китаем, «О земельном наследии» и утвердил существенное увеличение ассигнований на развитие системы детских дошкольных учреждений для оказания помощи работающим родителям.

Я был все еще глубоко разочарован исходом выборов и обеспокоен ситуацией на Ближнем Востоке, но после визита в Ирландию и Англию и бюджетных побед наконец-то обрел хорошее «рождественское» настроение.

---

* Цель этой программы (ее название можно перевести как «ускоряйся» или «готовься») — информирование школьников о возможностях продолжения учебы в колледжах. — *Прим. пер.*

** «Хромой уткой» (lame duck) в Америке называют чиновников и политиков, которые, поскольку им недолго осталось работать на своем посту, редко проявляют инициативу. — *Прим. пер.*

Восемнадцатого декабря в Белый дом прибыли Жак Ширак и Романо Проди. В последний раз я встречался с лидерами Европейского союза в качестве президента. К этому времени мы уже стали старыми друзьями, и я был рад повидаться с ними еще раз. Жак поблагодарил меня за поддержку расширения ЕС и развитие трансатлантических отношений. Я ответил, что мы решили три важнейших вопроса, связанных с ростом и расширением ЕС, экспансией НАТО и в связи с этим построением новых отношений с Россией, а также балканскую проблему.

В то время как я встречался с Шираком и Проди, наша «ближневосточная команда» начала переговоры на военно-воздушной базе Боллинг в Вашингтоне, а Хиллари приняла в Белом доме Лору Буш. Затем наша семья занялась покупкой дома в Вашингтоне: жители штата Нью-Йорк, избравшие Хиллари сенатором, решили, что она не должна покидать город. В конце концов мы нашли отличный дом рядом с парком «Рок-Крик» в той части Массачусетс-авеню, где расположены посольства.

На следующий день избранный президент Буш прибыл в Белый дом. Подобная встреча состоялась у меня восемь лет назад с его отцом. Мы говорили о прошедших выборах, о том, на каких принципах строилась работа Белого дома, а также о национальной безопасности. Буш формировал опытную команду из людей, работавших в прежних республиканских администрациях, которые полагали, что главные проблемы в этой сфере — создание национальной системы противоракетной обороны и Ирак. Я сказал ему, что исходя из опыта прошлых восьми лет считаю: самыми главными проблемами в сфере безопасности (в убывающем порядке) для него будут Усама бен Ладен и «Аль-Каида»; отсутствие мира на Ближнем Востоке; противостояние новых ядерных держав — Индии и Пакистана, а также связи пакистанцев с «Талибаном» и «Аль-Каидой»; Северная Корея, и только потом Ирак. Я сказал Бушу, что самым большим разочарованием для меня была невозможность поимки бен Ладена; что у нас все еще существует возможность достижения мира на Ближнем Востоке; что мы уже почти заключили соглашение с Северной Кореей об ее отказе от программы строительства баллистических ракет, но ему, вероятно, придется посетить эту страну, чтобы его подписать.

Буш выслушал меня, почти не комментируя мои слова, а потом сменил тему и спросил, на каких принципах я строил свою работу. Мой единственный совет состоял в том, что нужно сформировать хорошую команду и пытаться делать то, что он считал верным для страны. Потом мы еще немного поговорили о политике.

В 2000 году Буш показал себя очень умелым политиком, построив коалицию на основе умеренной риторики и ряда конкретных консервативных предложений. Впервые услышав его речь в Айове о «сострадательном консерватизме», я понял, что он имеет шанс выиграть. После предварительных выборов его позиция выглядела слабой, так как в восприятии избирателей он был слишком консервативным и поэтому, по данным опросов общественного мнения, отставал. Однако Буш смягчил свою риторику и сумел стать более умеренным, призвав республиканский Конгресс не пытаться ликвидировать бюджетный дефицит за счет бедных и даже поддержав мою

точку зрения по нескольким проблемам внешней политики. Когда Буш был губернатором, его консерватизм смягчался необходимостью работать вместе с Законодательным собранием штата, которое контролировали демократы, и поддержкой, оказываемой ему вице-губернатором демократом Бобом Буллоком, имевшим благодаря системе управления штата Техас большие оперативные полномочия. Теперь же ему предстояло осуществлять руководство вместе с консервативным республиканским Конгрессом. Бушу нужно было найти свой собственный путь. После нашей встречи у меня возникла абсолютная уверенность, что это ему по силам, но я не мог сказать, будет ли это путь, по которому Буш шел, будучи губернатором, или он выберет тот, которым воспользовался для победы над Джоном Маккейном на предварительных выборах в Южной Каролине.

Двадцать третье декабря стало судьбоносным днем для ближневосточного мирного процесса. После того как стороны несколько дней вели переговоры на военно-воздушной базе Боллинг, мне и моей команде стало ясно, что, если мы не сможем сузить круг обсуждаемых проблем и сразу добиться значительных компромиссов, достичь соглашения так и не удастся. Арафат боялся критики со стороны лидеров арабских стран, а Барак начал проигрывать Шарону, поэтому я пригласил палестинцев и израильтян в Белый дом, в зал заседаний кабинета, где прочитал им мои «параметры» продолжения переговоров. Эти условия были разработаны в результате широких неофициальных консультаций с каждой из сторон после завершения переговоров в Кэмп-Дэвиде. Если участники примут их в течение четырех дней, мы продолжим переговоры, если нет — они закончатся.

Я читал «параметры» медленно, чтобы обе стороны успевали делать заметки. По проблеме территории я предложил Израилю передать палестинцам от 94 до 96 процентов Западного берега, а также компенсировать от 1 до 3 процентов территорий, которые не передавались палестинцам. Районы, которые останутся под контролем Израиля, будут включать 80 процентов поселений. По проблеме безопасности я сказал, что израильские войска должны быть выведены в течение трех лет и постепенно заменены международными миротворческими силами. Кроме того, небольшой израильский контингент останется в долине реки Иордан еще на три года, но под контролем международных сил. Израильтяне также сохранят свою радиолокационную станцию раннего обнаружения на Западном берегу, но на ней будет присутствовать палестинский представитель. В случае «немигнуемой и доказуемой угрозы безопасности Израиля» будут предусмотрены возможности быстрого ввода израильских войск на Западный берег.

Новое палестинское государство будет «демилитаризованным», но обладать внушительными силами безопасности, суверенитетом над воздушным пространством, но с учетом оперативных нужд Израиля и его потребности в тренировочных полетах, а безопасность его границ и сдерживание потенциальных агрессоров обеспечат международные силы.

По проблеме Иерусалима я рекомендовал, чтобы арабские районы отошли палестинскому государству, а еврейские — Израилю; палестинцы должны получить суверенитет над Храмовой горой (Харамом), а израильтяне — над

Западной стеной Иерусалима и «священным местом», частью которой она является. Все раскопки около стены или под горой должны быть запрещены, если только на них не получено обоюдного согласия.

По проблеме беженцев я сказал, что новое палестинское государство должно стать родиной для людей, покинувших страну во время войны 1948 года и позже, что не исключало возможности применения к некоторым из них израильских законов и постановлений. Приоритет при возвращении должен отдаваться беженцам, живущим на территории Ливана. Я рекомендовал оказать беженцам международную помощь, выплатив им компенсацию и помогая строить жилье в новом палестинском государстве, в районах, которые будут ему переданы, в тех странах, где они сейчас проживают, или в Израиле. Обе стороны должны согласиться с тем, что это решение соответствует резолюции Совета Безопасности ООН № 194.

Наконец, в соглашении должно быть четко заявлено о прекращении конфликта и всех форм насилия. Я предложил принять новую резолюцию Совета Безопасности ООН, в которой утверждалось бы, что это соглашение в совокупности с освобождением заключенных-палестинцев будет соответствовать требованиям резолюций № 242 и № 338.

Я сказал, что оглашенные параметры не подлежат обсуждению. Это лучшее, что я мог сделать, и хотел бы, чтобы стороны вели переговоры об окончательном статусе Палестины в рамках предложенных условий. После моего ухода Деннис Росс и другие члены нашей команды остались, чтобы давать разъяснения, но при этом отказались обсуждать любые жалобы и претензии. Я знал, что наш план был сложен для обеих сторон, но уже давно пришло время или решить проблему, или отказаться от попыток ее решения. Палестинцам предстояло отказаться от абсолютного и безусловного права на возвращение; они всегда подозревали, что так будет, но не хотели этого признавать. Израильтяне были обязаны отдать Восточный Иерусалим и часть Старого города, но палестинцы обязались сохранить их религиозные и культурные святыни; уже на протяжении нескольких лет было очевидно, что для заключения мира они должны это сделать. Израильтянам также предстояло в виде компенсации вернуть несколько больше земель на Западном берегу и участков территории, чем предлагал Барак в качестве своей последней уступки, но они многое и сохраняли — по крайней мере 80 процентов своих поселений. Им также предоставлялась возможность официально завершить конфликт. Это была трудная сделка, но я считал, что, если они хотели мира, предложение включало справедливые условия для обеих сторон.

Арафат немедленно попытался уклониться, попросив «разъяснений». Но «параметры» были ясны: мы или будем вести переговоры на этой основе, или нет. Как всегда, он пытался тянуть время. Я позвонил Мубараку и прочитал ему условия. Он назвал их «историческими» и сказал, что сумеет убедить Арафата принять их.

Двадцать седьмого декабря кабинет Барака согласился с «параметрами» с рядом оговорок, которые не выходили за пределы предложенных условий и, таким образом, могли стать предметом переговоров. Это решение действительно было историческим: израильское правительство заявило, что ради

достижения мира оно дает согласие на создание палестинского государства, которое займет примерно 97 процентов Западного берега с учетом компенсированных территорий и всю Газу, где у израильтян тоже имелись поселения. Теперь «мяч» был на стороне Арафата.

Я каждый день звонил лидерам арабских государств и просил их убедить его сказать «да». Они все были под впечатлением уступок Израиля и говорили мне, что, по их мнению, Арафат должен принять условия сделки. Я так и не узнал, что они ему сказали, хотя потом посол Саудовской Аравии принц Бандар признался мне, что у него и у наследного принца Абдуллы содалось четкое впечатление: Арафат собирался принять «параметры».

Двадцать девятого декабря Деннис Росс встретился с Абу-Алой, которого мы все уважали, чтобы убедиться, что Арафат понимает возможные последствия отказа. Мне предстояло вскоре сложить с себя президентские полномочия. Росс тоже должен был уйти. Барак на предстоящих выборах проиграет Шарону, а Буш вряд ли решит продолжать мирный процесс после того, как я вложил в него так много сил и потерпел неудачу.

Я все еще не верил, что Арафат может совершить такую грандиозную ошибку. Днем раньше я объявил, что не поеду в Северную Корею для подписания соглашения о запрете производства ракет дальнего действия, так как уверен в том, что это сделает новая администрация, для которой мы уже все подготовили. Мне было очень жаль отказываться от того, чтобы самому завершить эти усилия. Мы уже сумели остановить производство Северной Кореей плутония и реализацию ее программы ракетных испытаний, а также отказались обсуждать с северокорейцами другие вопросы без участия Южной Кореи, подготовив условия для «солнечной политики» Ким Дэ Чжуна. Смелый курс Кима на налаживание взаимопонимания с северокорейцами давал больше надежды на примирение, чем когда-либо после окончания войны в Корее, и он только что был награжден за это Нобелевской премией мира. Мадлен Олбрайт предстояло отправиться в поездку в Северную Корею, и она была убеждена, что, если бы я присоединился к нашей делегации, мы бы заключили соглашение по баллистическим ракетам. Хотя мне очень хотелось сделать следующий шаг, я не мог рисковать и лететь на другой конец света, когда мы были так близки к заключению мира на Ближнем Востоке, особенно после того как Арафат уверил меня, что он всей душой стремится заключить соглашение, и заклинал не уезжать.

Помимо того, что касалось Ближнего Востока и утверждения бюджета, в последние тридцать дней моего президентства произошло еще на редкость много событий. Я отметил седьмую годовщину принятия закона Брейди, объявив, что он не дал возможности 611 тысячам преступников, лиц, скрывающихся от правосудия, и злоумышленников приобрести оружие; вместе с представителями двадцати четырех африканских стран участвовал в мероприятиях, проводимых Университетом Хауарда в честь Международного дня борьбы со СПИДом, где объявил, что в Соединенных Штатах мы сократили уровень смертности от этой болезни более чем на 70 процентов и теперь настало время активизировать наши усилия в Африке и других странах, где

эта болезнь все еще бушевала; представил проект своей президентской библиотеки — длинное узкое здание из стекла и стали, «мост в XXI столетие», возвышающееся над рекой Арканзас; объявил об усилиях по увеличению числа детей из бедных центральных районов городов, которым необходимо сделать прививки, поскольку процент вакцинированных здесь детей был значительно ниже, чем в среднем по стране; наложил свое последнее вето на законопроект о реформе процедуры банкротства, который предусматривал гораздо более жесткие меры по отношению к малоимущим должникам по сравнению с богатыми; утвердил жесткие инструкции о неразглашении медицинской информации из историй болезни; приветствовал решение Индии соблюдать прекращение огня в Кашмире и предстоящий вывод пакистанских войск за так называемую «линию контроля» в этом штате; объявил о введении новых стандартов, сокращающих предельно допустимый уровень вредных веществ в выхлопных газах автобусов и грузовиков, работающих на дизельном топливе. Вместе с аналогичными стандартами, принятыми год назад для легковых машин и внедорожников, последние правила давали гарантию, что к концу десятилетия новые автомобили будут на 95 процентов «чище», чем используемые в настоящее время на дорогах, и это позволит предотвратить тысячи респираторных заболеваний и преждевременных смертей.

За три дня до Рождества я объявил о помиловании шестидесяти двух осужденных или смягчении сроков их наказания. Во время моего первого срока пребывания на посту президента я редко использовал эту меру и теперь хотел восполнить пробел. Президент Картер утвердил 566 помилований. Президент Форд — 409 за два с половиной года. Президент Рейган — 406 за восемь лет. Президент Буш утвердил только 77 помилований за четыре года, включая людей, замешанных в скандале Иран-контрас, и освободил Орlando Боша, кубинского эмигранта, противника Кастро, который, по данным ФБР, совершил несколько убийств.

Мои взгляды на проблему помилований и смягчения приговоров сложились еще в те годы, когда я работал генеральным прокурором, а затем губернатором Арканзаса. Они были консервативными, когда речь шла о сокращении сроков заключения, и либеральными, если рассматривались ненасилиственные преступления и виновные, уже отбыв наказание, в течение достаточно долгого времени оставались законопослушными гражданами, — хотя бы с целью возвращения им избирательных прав. В Министерстве юстиции существовал специальный отдел, который рассматривал просьбы о помилованиях и готовил по ним рекомендации. Я получал их на протяжении всех восьми лет и понял две вещи: работники Министерства юстиции слишком долго рассматривают подобные прошения и в большинстве случаев рекомендуют их отклонить.

Я проанализировал, почему это происходит: в Вашингтоне любые решения связаны с политикой, и почти каждое помилование вызывает неоднозначную реакцию. Если вы работаете в государственной организации, единственный способ избежать неприятностей — говорить «нет». Сотрудники отдела помилований Министерства юстиции хорошо знали, что их не будут ругать за то, что они оттягивают рассмотрение подобных просьб или рекомендуют

их отклонить. Таким образом, конституционное право, предоставленное президентам, постепенно потонуло в болоте Министерства юстиции.

В последние несколько месяцев мы стали просить сотрудников министерства присылать нам больше дел для рассмотрения, и работа пошла лучше. Из пятидесяти девяти помилованных мною человек, и тех трех, кому я смягчил приговор, большинство были людьми, которые совершили ошибку, отбыли наказание и стали добропорядочными гражданами. Я также утвердил несколько помилований по так называемым «делам подруг». Речь шла о женщинах, которые были арестованы, потому что их мужья или близкие приятели совершили преступления, чаще всего связанные с наркотиками. Этим женщинам грозило длительное тюремное заключение, даже если они сами непосредственно не участвовали в преступлении, но не хотели давать показания против своих мужчин. Женщины отказывались от сотрудничества или знали недостаточно, чтобы быть полезными правосудию, и получали длительные сроки тюремного заключения. В некоторых случаях мужчины, совершившие преступления, затем оказывали помощь правоохранительным органам и в итоге получали меньшие сроки, чем их подруги. Мы месяцами рассматривали подобные случаи. Прошлым летом я уже помиловал четырех таких женщин.

Я также объявил амнистию Дэну Ростенковски, в прошлом председателю Бюджетного комитета Палаты представителей. Ростенковски многое сделал для своей страны и сполна заплатил за свои ошибки. Я помиловал и Арчи Шаффера, топ-менеджера фирмы Tyson Foods, который оказался вовлеченным в расследование по делу бывшего министра сельского хозяйства Эспи. Ему угрожало тюремное заключение за нарушение старого закона, о котором Шаффер ничего не знал, потому что он оплатил, как его инструктировали, транспортные расходы Эспи, когда тот приезжал в дом отдыха, принадлежавший фирме Tyson Foods.

После помилований, приуроченных к Рождеству, нас завалили новыми просьбами. Многие из них были присланы людьми, слишком долго ждавшими рассмотрения своих прошений в обычном порядке. В следующие пять недель мы рассмотрели сотни таких просьб, большинство из которых было отвергнуто, а 140 — удовлетворено; таким образом, рассмотрев 7 тысяч просьб о помиловании, в 456 случаях я дал положительный ответ. Мои юридические советники в Белом доме Бет Нолан, Брюс Линдси и мой поверенный по вопросам помилования Мередит Кейб рассмотрели максимально возможное число дел, получая информацию и допуск к судебным материалам от Министерства юстиции. Некоторые случаи были простыми, например дела Сюзан Макдугал и Генри Сиснероса, с которыми независимые следователи поступили ужасно несправедливо. Я рассмотрел еще несколько «дел подруг» и очень много стандартных просьб, которые, наверное, следовало удовлетворить много лет назад. Возбуждение одного из таких дел было вызвано ошибкой, возникшей из-за того, что в Министерстве юстиции не знали, что проситель находился под следствием в другом штате. Большинство помилований получили люди со скромным достатком, которые не смогли преодолеть существующую систему обычным путем.

Больше всего споров возникло вокруг помилования Марка Рича и его партнера Пинкуса Грина. Рич, богатый бизнесмен, уехал из Соединенных Штатов в Швейцарию незадолго до того, как был обвинен в налоговых и других правонарушениях по подозрению в том, что для уменьшения налогов он искажил в своих отчетах информацию о ценах по ряду сделок с нефтью. В 1980-х годах произошло несколько подобных случаев, когда на определенные сделки с нефтью цены не всегда регулировались, что давало возможность нечестным бизнесменам занижать свои доходы или заставлять клиентов платить лишнее. В то время против некоторых людей и компаний были выдвинуты обвинения в нарушении закона, но, как правило, им предстояло нести гражданскую, а не уголовную ответственность. В очень редких случаях подозреваемым в налоговых нарушениях инкриминировали вымогательство, как это произошло с Ричем и Грином, и впоследствии Министерство юстиции запретило прокурорам использовать подобную практику. После того как против Рича было выдвинуто обвинение, он жил за пределами США, в основном в Израиле и Швейцарии.

Правительство разрешило компании Рича продолжать свой бизнес, после того как он согласился заплатить в виде штрафов 200 миллионов долларов — сумму, в четыре раза превышающую 48 миллионов долларов неуплаченных налогов, вменяемых ему в вину. Профессор Марти Гинсбург — эксперт по налогам и муж судьи Рут Бейдер Гинсбург, а также профессор Гарвардской школы права Бернارد Уолфман проанализировали транзакции, ставшие предметом обвинения, и пришли к заключению, что компания Рича правильно рассчитывала и выплачивала налоги, а это означало, что он лично не должен был платить никаких налогов по этим сделкам. Рич согласился не требовать применения закона о давности уголовного преследования, чтобы правительство смогло выдвинуть против него гражданский иск, как это было в других подобных случаях. Эхуд Барак три раза просил меня помиловать Рича, ссылаясь на услуги, оказанные им Израилю, и помощь в решении палестинской проблемы. Эту просьбу поддержал целый ряд видных израильских политиков, представлявших обе основные партии страны. Наконец, Министерство юстиции заявило, что у него нет возражений против этого помилования, если оно будет соответствовать интересам нашей внешней политики.

Почти все считали, что я был не прав, помиловав этого богатого беглеца, указывая при этом, что его бывшая жена оказывала мне финансовую поддержку и, кроме того, один из бывших юрисконсультов Белого дома работал вместе с двумя видными республиканскими юристами в команде адвокатов Рича. Не могу не вспомнить, что интересы Рича недавно представлял также Льюис «Скутер» Либби — руководитель аппарата Дика Чейни, только что избранного вице-президентом. Может быть, я и совершил ошибку, особенно в том, что обратил особое внимание на это дело, но в основе моего решения лежали объективные факты. В мае 2004 года Министерство юстиции все еще не привлекло Рича к суду, хотя по гражданским искам это сделать гораздо легче, чем по уголовным.

Хотя потом меня и критиковали за ряд утвержденных решений о помиловании, гораздо большее беспокойство я испытывал по поводу нескольких случаев, когда ответил отказом. Например, я считал, что Майкл Милкен имел все основания быть помилованным, учитывая его проблемы в связи с раком предстательной железы и усилия по преодолению этой болезни после освобождения из тюрьмы, но Министерство финансов и Комиссия по ценным бумагам и биржам решительно возражали, заявляя, что это послужит плохим примером в то время, когда мы пытаемся утвердить высокие этические стандарты в финансовой отрасли. Два случая отказов в помиловании, о которых я особенно сожалел, касались Уэбба Хаббела и Джима Гая Такера. Дело Такера было подано на апелляцию, а Хаббел действительно нарушил закон и уже отбыл в тюрьме срок, которого, как правило, бывало достаточно, чтобы просить о помиловании. Но нужно учитывать, что оба они подвергались жестоким гонениям со стороны офиса Кена Старра за отказ солгать по его принуждению. Ни один из них не стал бы жертвой таких преследований, если бы я не был избран президентом и не попал в лапы Старра. Дэвид Кендалл и Хиллари настойчиво просили меня помиловать Хаббела и Такера, но все остальные решительно выступали против. В конце концов, согласившись с мнением своего аппарата, я отказал в помиловании, о чем до сих пор сожалею. Позже, встретившись с Джимом Гаем Такером, я попросил у него прощения, а когда-нибудь извинюсь и перед Уэббом.

Рождество прошло так же, как обычно, но мы уже ощущали некоторую горечь, потому что знали, что в последний раз отмечаем его в Белом доме. Я с удовольствием проводил свои последние приемы. Они давали мне возможность увидеться с людьми, с которыми мы общались в Вашингтоне. На этот раз я уделил больше времени тому, чтобы вместе с Челси и Хиллари украсить нашу елку и заполнить Желтый овальный кабинет колокольчиками, книгами, рождественскими сувенирами, чулками, картинками и Санта-Клаусами. Я обходил комнаты и залы на втором и третьем этажах, внимательно разглядывая картины и старинную мебель, и наконец нашел время расспросить дворецких об истории всех старинных напольных часов в Белом доме. Портреты прежних президентов и их жен теперь воспринимались по-другому, потому что мы с Хиллари понимали, что скоро среди них окажутся и наши. Мы оба хотели, чтобы они были написаны Симми Ноксом. Нам нравился его реалистичный стиль, и он стал первым художником-афроамериканцем, портретные работы которого были представлены в Белом доме.

После Рождества я подписал еще несколько законов и назначил судьей Апелляционного суда Четвертого округа Роджера Грегори, который стал первым в истории афроамериканцем, занимающим этот пост. Грегори обладал высокой квалификацией, а Джесси Хелмс слишком долго препятствовал назначению чернокожих судей. Я использовал так называемое «межсессионное назначение», в соответствии с которым президент обладал правом на один год утвердить в должности судью без одобрения его кандидатуры Конгрессом, который ушел на каникулы. Я был готов держать

пари, что новый президент не захочет, чтобы в этом суде на юго-востоке страны заседали только белые судьи.

Я также объявил, что недавно утвержденный бюджет предусматривает достаточно средств, чтобы выплатить накопившийся за прошедшие четыре года государственный долг в размере 600 миллиардов долларов, и, если мы сохраним нынешний курс, то к 2010 году можно будет полностью его ликвидировать и, получив таким образом на каждый доллар налогоплательщиков дополнительные двенадцать центов, использовать эти средства для снижения налогов или для новых инвестиций. Наша ответственная налоговая политика привела к тому, что, несмотря на экономический рост, долгосрочные процентные ставки были сейчас на два процента ниже, чем тогда, когда я стал президентом. Это позволило американцам платить более низкие проценты по ипотечным кредитам, за купленные в рассрочку автомобили, по кредитам для бизнеса и займам для получения образования.

Наконец, в последний день года я подписал договор о вступлении Америки в Международный уголовный суд. Сенатор Лотт и большинство других сенаторов-республиканцев решительно возражали против этого, опасаясь, что американские военнослужащие, находящиеся на территории других государств, могут быть осуждены там по политическим мотивам. У меня это обстоятельство тоже вызывало беспокойство, но договор был составлен так, что, по моему убеждению, подобное случиться не могло. Я был одним из первых мировых лидеров, призвавших к созданию Международного трибунала по военным преступлениям, и считал, что Соединенные Штаты должны поддержать и Международный уголовный суд.

Мы снова, как и в предыдущем году, пропустили «Ренессансный уикенд», потому что хотели всей семьей встретить Новый год в Кэмп-Дэвиде. Я все еще не получил ответа от Арафата, и 1 января пригласил его на следующий день посетить Белый дом. Перед своим приездом ко мне он встречался в отеле с принцем Бандаром и послом Египта. Один из молодых помощников Арафата рассказал нам, что они настойчиво убеждали его дать положительный ответ. Во время нашей встречи Арафат задал мне много вопросов о моем предложении. Он хотел, чтобы Израиль получил «Стену плача», учитывая ее религиозное значение, но утверждал, что остальные двадцать метров Западной стены Иерусалима должны принадлежать палестинцам. Я сказал ему, что он неправ: Израиль должен получить всю Западную стену, чтобы предотвратить возможность использования проходящего под ней туннеля для нанесения повреждений руинам храмов, находящихся под горой Харам. В Старом городе было четыре квартала: Еврейский, Мусульманский, Христианский и Армянский. Предполагалось, что палестинцам отойдут Мусульманский и Христианский кварталы, а остальные достанутся Израилю. Арафат возразил, сказав, что должен также получить часть Армянского квартала, потому что там находились христианские церкви. Я просто не мог поверить, что он со мной об этом заговорит.

Вдобавок Арафат пытался извернуться и не отказываться от права на безусловное возвращение палестинцев. Он знал, что ему придется это сделать, но опасался резкой критики в свой адрес. Я напомнил ему, что Израиль обе-

шал принять некоторых беженцев из Ливана, семьи которых столетиями жили там, где сейчас был север Израиля, но ни один израильский лидер не согласится впустить в страну так много палестинцев, которых через пару десятков лет из-за более высокого уровня рождаемости окажется значительно больше, чем евреев. На Святой земле не могут существовать два государства, в каждом из которых арабы составляют большинство, — Арафат это признал, подписав в 1993 году мирное соглашение, где прямо говорилось о создании двух государств. Кроме того, утверждение мирного договора предполагалось вынести на референдум, и наличие в нем пункта об отказе палестинцев от безусловного возвращения было критическим условием его одобрения гражданами Израиля. В противном случае представлялось невероятным, что израильтяне за него проголосуют. С другой стороны, я полагал, что израильтяне примут план окончательного урегулирования на основе предложенных мною «параметров». Я даже считал, что, если договор будет заключен, у Барака появится шанс победить на выборах, хотя сейчас, по данным опросов, он сильно отставал от Шарона, поскольку израильские избиратели были напуганы интифадой палестинцев и обозлены отказом Арафата заключать мир.

Иногда казалось, что Арафат запутался и не вполне владеет информацией. Я порой думал, что он не совсем себя контролирует после всех этих долгих лет, когда ему приходилось каждый день ночевать на новом месте, чтобы спастись от покушений, после бесконечных часов, проведенных в самолетах, и постоянных напряженных переговоров. Возможно, Арафат просто никак не мог решиться сделать последний шаг, чтобы превратиться из революционера в государственного деятеля. Он привык постоянно совершать перелеты с места на место, дарить украшения, изготовленные из перламутра палестинскими умельцами, мировым лидерам и появляться вместе с ними на телеэкранах. После прекращения насилия все изменится. Палестина уже не станет постоянно фигурировать в заголовках новостей, и вместо этого Арафату придется беспокоиться о создании рабочих мест, строительстве школ и удовлетворении бытовых потребностей населения. Большинство молодых участников команды Арафата хотели, чтобы он заключил соглашение; я считал, что Абу-Ала и Абу-Мазен с ними согласны, но не хотят ссориться со своим лидером.

Когда Арафат ушел, я все еще не знал, как он поступит. Судя по его манере держаться и мимике, скорее всего, ответ будет отрицательным, но ему предлагались настолько хорошие условия соглашения, что упустить этот шанс было бы неимоверной глупостью. Барак приглашал меня приехать на Ближний Восток, но я сначала хотел, чтобы Арафат дал израильтянам положительный ответ по основным предложенным мною параметрам сделки. В декабре, когда стороны встречались на военно-воздушной базе Боллинг, они не смогли договориться, потому что Арафат не захотел принять эти условия.

Наконец 13 января Арафат согласился встретиться с Шимоном Пересом, который незадолго до этого провел переговоры с Саебом Эрекатом, но они тоже не принесли результата. Последней попыткой израильтян было предложение подписать письмо, содержащее как можно больше параметров, чтобы, когда Барак проиграет выборы, стороны оказались связанными обязательством продолжать переговоры, которые в конце концов приведут к заключению

мира. Арафат никак на это не прореагировал, поскольку хотел показать, что не пойдет ни на какие уступки. Стороны продолжили свои переговоры в египетском городе Таба. Они были близки к договоренности, но так и не добились успеха. Арафат никогда не говорил «нет» — он просто не мог решиться сказать «да». Как говорится, «падению предшествует гордыня».

Перед завершением моей работы на посту президента Арафат в одной из наших последних бесед поблагодарил меня за все усилия и назвал великим человеком. В ответ я сказал: «Господин председатель, я не великий человек. Я неудачник, и виной этому — вы». Я предупредил Арафата, что его позиция сделала неизбежным избрание Шарона, которое будет иметь для него тяжелые последствия.

В феврале 2001 года Ариэль Шарон с большим преимуществом был избран премьер-министром Израиля. Израильцы решили: раз уж Арафат не принял *моих* предложений, то он не примет вообще никаких, и поскольку они лишились партнера для заключения мира, будет лучше, если их лидером станет самый агрессивный и непримиримый кандидат. Шарон был намерен проводить жесткую линию по отношению к Арафату, и в этом его поддерживали Эхуд Барак и Соединенные Штаты. Почти через год после того как я сложил с себя полномочия президента, Арафат сказал, что готов вести переговоры на основе некогда предложенных мною «параметров». Очевидно, он подумал, что наконец пришло время решать: часы показывали «без пяти минут полночь». Но его часы уже давно сломались и не шли.

То, что Арафат не принял моего предложения после того, как с ним согласился Барак, стало ошибкой исторического масштаба. Однако многие палестинцы и израильцы все еще стремятся к миру. Придет день, когда он наступит, и, если это произойдет, окончательное соглашение будет очень похоже на то, которое было разработано во время встречи в Кэмп-Дэвиде и в последующие шесть месяцев.

Третьего января я присутствовал на заседании Сената вместе с Челси и близкими друзьями Хиллари, когда Ал Гор принимал присягу у нового сенатора от штата Нью-Йорк. Я был так взволнован, что чуть не перепрыгнул через перила. Еще семнадцать дней нам обоим предстояло работать в Вашингтоне. Мы стали первыми супругами в истории США, один из которых занимал пост в Белом доме, а другой — в Сенате. Но теперь Хиллари должна была надеяться лишь на себя. Все, что я мог сделать, это попросить Трента Лотта не относиться к ней слишком строго и помочь ей организовать работу в округе Вестчестер, где находился наш дом.

На следующий день мы проводили в Белом доме собрание, которое для меня лично было данью моей матери: оно посвящалось празднованию годовщины принятия в 2000 году закона о профилактике и лечении рака груди и шейки матки. Этот закон позволял женщинам с таким диагнозом, не имеющим медицинской страховки, получать все льготы по программе «Медикэйд».

Пятого января я объявил, что мы берем под охрану 25 миллионов гектаров девственных лесов в тридцати девяти штатах, запретив в них строительство дорог и вырубку, включая национальный лес Тонгасс на Аляс-

ке — последний крупный массив влажного леса в Америке, находящийся в умеренных широтах. Лесопромышленники возражали против этого решения, и я думал, что по экономическим причинам администрация Буша попытается отменить подписанный мною указ, но из национального леса производилось только 5 процентов отечественной древесины, и всего 5 процентов от этого количества добывалось в районах, где не существовало дорог. Мы смогли бы обойтись без этой крошечной доли лесозаготовок, чтобы сохранить еще одно бесценное национальное достояние.

Сделав это объявление, я отправился в Форт-Майерс на традиционную и очень красивую церемонию прощания с вооруженными силами, где мне подарили американский флаг, президентский штандарт и медали от каждого из родов войск. Хиллари тоже вручили медаль. Билл Коуэн заметил, что, назначив его министром обороны, я стал единственным президентом в истории США, который доверил этот пост выборному политику от оппозиционной партии.

Занимать пост главнокомандующего и иметь под своим началом мужчин и женщин всех рас и религий, предки которых жили в самых разных регионах земного шара, — честь не меньшая, чем быть президентом. Эти люди — живое воплощение нашего национального кредо: *E pluribus unum**. Я видел, как их благодарили в лагерях беженцев на Балканах, как они помогали жертвам стихийных бедствий в Центральной Америке, боролись с торговцами наркотиками в Колумбии и на Карибах, искренне приветствовали население бывших коммунистических стран Центральной Европы, несли службу на отдаленных военных базах на Аляске, в пустынях Ближнего Востока и на кораблях в Тихом океане.

Американцы получают информацию о наших вооруженных силах, только когда те идут в бой. Гораздо меньше известно о войнах, предотвращенных нашими военнослужащими, о слезах, которые никогда не будут пролиты, потому что американские мужчины и женщины стоят на страже мира. У меня не сразу наладились взаимоотношения с военными, но я упорно работал на посту главнокомандующего и был уверен, что оставляю наши вооруженные силы в лучшем состоянии, чем когда принял их.

В субботу, 6 января, мы с Хиллари побывали в Национальном зоопарке, чтобы посмотреть на панд, а потом вместе с Алом и Типпер Гор организовали прощальную вечеринку на Южной лужайке для всех, кто в последние восемь лет работал в Белом доме или помогал нам в качестве волонтеров. Приехали сотни людей, многие — издали. Мы несколько часов общались и обменивались воспоминаниями. Алу оказали теплый прием, когда я представил его как человека, избранного на последних выборах. Когда мы попросили поднять руки всех людей, которые вступили в брак, или тех, у кого родились дети, пока мы работали в Белом доме, я был поражен их количеством. Неважно, что говорят республиканцы: мы явно были партией, выступающей за семью.

Каприсия Маршалл, секретарь Белого дома по протокольным вопросам, которая помогала мне с 1991 года и была помощницей Хиллари со времен

---

* Из многих — единое (лат). — Прим. пер.

нашей первой кампании, подготовила для меня сюрприз. Занавес, находящийся позади нас, поднялся, и мы увидели группу Fleetwood Mac, которая еще раз спела «Все время думай о завтрашнем дне».

В воскресенье мы с Хиллари и Челси отправились в Объединенную методистскую церковь «Фаундри», куда преподобный Фил Уогамэн пригласил нас, чтобы мы попросились с прихожанами, которые восемь лет назад приняли нас в свою конгрегацию. Челси нашла здесь хороших друзей и многому научилась во время работы в глухом сельском уголке штата Кентукки, участвуя в церковном проекте «Служба в Аппалачах». Прихожане этой церкви принадлежали к разным расам и национальностям, среди них были и богатые, и бедные люди, как традиционной, так и нетрадиционной сексуальной ориентации, старые и молодые. Церковь «Фаундри» помогала бездомным в Вашингтоне и беженцам в разных странах, где я предпринимал попытки установить мир.

Я не знал, с чего начать, но Уогамэн предложил рассказать конгрегации о том, какой мне представляется моя новая жизнь. Поэтому я сказал, что моя вера в Господа подвергнется испытанию, когда мне придется пользоваться коммерческими авиарейсами, и я буду теряться, если, войдя в зал, не услышу, как оркестр играет приветственный марш «Салют командиру» (*Hail to the Chief*)*. Я сказал, что сделаю все возможное, чтобы быть хорошим гражданином, помочь обрести надежду и лучшую судьбу тем, кому не везет в жизни, и работать для достижения мира и согласия. Несмотря на все мои усилия, прилагаемые в течение последних восьми лет, в этом направлении еще многое предстояло сделать.

Позже в тот же вечер я беседовал в Нью-Йорке со сторонниками мира из организации «Израильский политический форум». В то время мы еще надеялись заключить мир. Арафат сказал, что он принимает мои «параметры», но с рядом оговорок. Проблема была в том, что его оговорки, в отличие от израильских, выходили за рамки «параметров», по крайней мере по проблемам беженцев и в том, что касалось Западной стены, но я воспринимал его согласие как реальное, веря его обещанию заключить мир до того, как покину свой пост. Американская еврейская община очень хорошо ко мне относилась. Некоторые из ее членов, например мои друзья Хаим Сабан и Дэнни Абрахам, имели тесные связи с Израилем и за эти годы дали мне много ценных советов. Другие просто поддерживали мою работу по достижению мира. Я считал, что в любом случае обязан объяснить им свое предложение.

На следующий день, наградив медалью «За гражданские заслуги» двадцать восемь американцев, включая Мухаммеда Али, я поехал в штаб-квартиру демократической партии, чтобы поблагодарить ее председателя, мэра Филадельфии Эда Ренделла, и Джо Эндрю, а также отдать должное так много сделавшему для Ала Гора и меня Терри Маколиффу, который теперь вел кампанию за свое избрание на пост председателя партии. После всей

---

* Президентский гимн, исполняемый военным оркестром при его официальных появлениях на публике. — *Прим. пер.*

той работы, которую уже проделал Терри, я с трудом представлял, чем его может привлекать этот пост, но, тем не менее, был на его стороне. Я сказал людям, которые много и усердно работали для партии, не рассчитывая на славу и признание, что ценю их усилия.

Девятого января я отправился в прощальную поездку по штатам, оказавшим мне особую поддержку, начав с Мичигана и Иллинойса. Победа в этих штатах в день Святого Патрика во время предварительных выборов 1992 года практически предрешила выдвижение моей кандидатуры. Через два дня я поехал в Массачусетс, где в 1996 году получил больше голосов, чем в любом другом штате, и в Нью-Хэмпшир, жители которого в 1992 году помогли мне переломить ситуацию и стать «парнем, который вернулся». В промежутке между этими поездками я торжественно открыл памятник Франклину Делано Рузвельту в его мемориале на Молле, где он был изображен сидящим в своем инвалидном кресле. Общество инвалидов настояло, чтобы скульптура выглядела именно так, и многие родственники Рузвельта поддержали эту идею.

Я попрощался с жителями штата Нью-Хэмпшир в городе Дувре, где почти девять лет назад пообещал, что останусь с ними до тех пор, «пока не околеет последняя собака». В аудитории присутствовали многие из моих давних сторонников. Некоторых из них я назвал по именам, выразил всем благодарность, а потом подробно рассказал обо всех достижениях моей администрации, которых бы просто не существовало без тяжелой работы, проделанной ими той зимой восемь лет назад. Я попросил избирателей никогда не забывать, что, «даже не будучи президентом, я останусь с вами до тех пор, пока не околеет последняя собака».

С 11 по 14 января я проводил вечеринки для членов кабинета, сотрудников аппарата Белого дома и друзей в Кэмп-Дэвиде, где вечером 14 января Дон Хенли дал для нас в церкви замечательный сольный концерт. На следующее утро мы присутствовали на последней для нашей семьи службе в прекрасной церкви Кэмп-Дэвида, которую столько раз посещали вместе с замечательными молодыми матросами и морскими пехотинцами, обслуживавшими и охранявшими эту резиденцию, и их семьями. Они даже разрешали мне петь с ними хором и всегда приносили ноты в наш домик в Аспене в пятницу или субботу, чтобы я успел их заранее просмотреть.

В понедельник я выступал на празднике в честь Мартина Лютера Кинга в одном из университетов федерального округа Колумбия. Обычно я отмечал этот день какой-нибудь общественно полезной работой, но в тот раз просто хотел поблагодарить жителей этого округа, на восемь лет ставшего моим домом. Представитель округа Колумбия в Конгрессе Элеанор Холмс Нортон и мэр Вашингтона Тони Уильямс наряду с некоторыми членами городского совета были моими хорошими друзьями. Я помогал им проводить в Конгрессе нужные законопроекты и, напротив, препятствовать принятию тех, которые могли им помешать. Перед округом Колумбия все еще стояло много проблем, но ситуация значительно улучшилась по сравнению с тем, какой она была восемь лет назад, когда перед инаугурацией я решил прогуляться по Джорджия-авеню.

Я также отправил свое последнее послание Конгрессу: «Незаконченная работа по строительству Единой Америки». В значительной степени оно было основано на заключительном отчете Комиссии по расовым проблемам и включало широкий круг рекомендаций: дальнейшие шаги по уменьшению расовых различий в сфере образования, здравоохранения, при приеме на работу и в системе правосудия; особые усилия, направленные на то, чтобы отцы, не живущие с детьми и имеющие низкие доходы, участвовали в их воспитании; новые инвестиции для общин коренных американцев; улучшение иммиграционной политики; принятие закона о преступлениях, мотивированных расовой и национальной ненавистью; реформу избирательных законов; а также продолжение реализации волонтерской программы «Америкорпс» и работы аппарата Белого дома над созданием «Единой Америки». За восемь лет мы добились большого прогресса, но наша страна становилась все более сложной и разнообразной, и многое еще предстояло сделать.

Семнадцатого января я провел свою последнюю церемонию в Восточном зале, на которой мы с Брюсом Бэббитом объявили о создании еще восьми национальных заповедников. Два из них были расположены на маршруте, по которому в 1803 году прошли Льюис и Кларк вместе со своей проводницей-индианкой Сакагавеа и рабом по имени Йорк. Теперь в сорока восьми штатах, не считая Аляску и Гавайи, мы взяли под охрану государства больше территорий, чем любая другая администрация со времен Теодора Рузвельта.

Сделав это объявление, я покинул Белый дом и отправился в свою последнюю президентскую поездку — домой, в Литл-Рок, чтобы выступить перед Законодательным собранием штата Арканзас. В Палате представителей и Сенате штата все еще трудились некоторые мои старые друзья, а также люди, чья политическая карьера началась с совместной работы со мной, и кое-кто из моих бывших противников. В тот день ко мне присоединились более двадцати арканзасцев, которые на данный момент или раньше работали со мной в Вашингтоне, трое моих одноклассников, проживающих в столице и ее окрестностях, и несколько земляков, осуществлявших взаимодействие с Законодательным собранием штата, когда я был губернатором. Челси тоже сопровождала меня в этой поездке. По пути из аэропорта мы проехали мимо двух школ, где она училась, и я подумал о том, как выросла Челси с тех пор, как мы с Хиллари ходили на ее занятия в школе «Букер Артс Мэгнет».

Я постарался поблагодарить всех арканзасцев, помогавших мне в том, чтобы этот день настал, начиная с двух людей, которых уже не было с нами — судьи Фрэнка Хоулта и сенатора Фулбрайта. Я призвал законодателей требовать у федерального правительства поддержки в развитии образования, экономики, здравоохранения и реформы социального обеспечения штата. В заключение я сказал своим старым друзьям, что покину Белый дом через три дня, преисполненный благодарности за то, «что чудеса великой демократии дали шанс маленькому мальчику, жившему на улице Саут-Херви в городке Хоуп, штат Арканзас, пройти путь до самого Белого дома... Я, возможно, являюсь единственным президентом в истории, обязанным своим

избранием исключительно друзьям, без помощи которых мне никогда не удалось бы этого достичь». Я расстался со своими друзьями и полетел домой, чтобы завершить свою работу.

На следующий вечер, закончив в течение дня последние дела, я из Овального кабинета обратился к жителям страны с краткой прощальной речью. Поблагодарив американский народ за то, что он дал мне возможность ему служить, вкратце изложив свои философские взгляды и подведя итоги работы, я предложил три вывода на будущее: нам нужно проводить ответственную налоговую политику; для обеспечения нашей безопасности и благосостояния мы должны играть ведущую роль в борьбе за процветание и свободу, против терроризма, организованной преступности, наркоторговли, распространения оружия массового поражения, загрязнения окружающей среды, болезней и бедности, и, наконец, продолжить «вплетать наши разноцветные нити в ткань единой Америки».

Я пожелал избранному президенту Бушу и его семье удачи и сказал, что «оставляю пост президента еще бóльшим идеалистом и с бóльшими надеждами, чем когда занял его, и больше, чем когда-либо, уверен, что лучшие дни Америки еще впереди».

Девятнадцатого января было моим последним днем в должности президента. Я сделал заявление о противопехотных минах, сказав, что начиная с 1993 года Соединенные Штаты уничтожили более 3,3 миллиона собственных противопехотных мин и потратили 500 миллионов долларов на их уничтожение в тридцати пяти других странах, а также приняли энергичные меры по разработке альтернативных средств, которые смогут защитить наши войска. Я попросил новую администрацию прилагать глобальные усилия к разминированию еще в течение десяти и более лет.

Когда я вернулся в резиденцию, было уже поздно, но мы все еще не закончили укладывать вещи. Везде лежали коробки, и мне предстояло решить, куда и какую отправлять одежду — в Нью-Йорк, Вашингтон или Арканзас. Нам с Хиллари не хотелось спать, у нас было желание просто бродить по комнатам. В нашу последнюю ночь, проведенную в Белом доме, мы испытывали такую же гордость, как в ночь возвращения домой после первого инаугурационного бала. Меня никогда не переставала волновать царящая в нем атмосфера. Даже не верилось, что на протяжении восьми лет здесь был наш дом, потому что теперь этот период времени уже почти закончился.

Я снова зашел в спальню Линкольна, в последний раз прочитал написанную от руки копию Геттисбергской речи и посмотрел на гравюру, на которой Линкольн подписывает «Прокламацию об освобождении» рабов на том самом месте, где сейчас стоял я. Зашел в комнату Королевы и подумал о том, что Уинстон Черчилль провел там три недели в трудные дни Второй мировой войны. Потом посидел за «столом договоров» в моем кабинете, глядя на пустые книжные шкафы и голые стены и думая обо всех телефонных звонках и совещаниях, которые там проводились, — по проблемам Северной Ирландии, Ближнего Востока, России, Кореи и вопросам внутренней политики. Именно

в этой комнате весь 1998 год я читал свою Библию, книги и письма и молился, чтобы Бог дал мне силы и направил меня на путь истинный.

В начале этого дня я записал свое последнее радиообращение, которое должно было прозвучать незадолго до того, как я покину Белый дом для участия в церемонии инаугурации. Я поблагодарил персонал аппарата Белого дома, людей, обслуживающих резиденцию, сотрудников Секретной службы, членов кабинета и Ала Гора за все, что они сделали для того, чтобы моя работа была успешной. И я сдержал свое обещание работать до самого последнего часа последнего дня, выделив еще 100 миллионов долларов для принятия на службу дополнительных полицейских, — именно они помогли Америке добиться снижения преступности до самого низкого за четверть столетия уровня.

Далеко за полночь я снова вернулся в Овальный кабинет, чтобы навести порядок, упаковать вещи и ответить на несколько писем. Сидя в одиночестве за столом, я думал о том, что произошло за последние восемь лет и как быстро пролетело время. Вскоре я передам власть и уеду. Мы с Хиллари и Челси поднимемся на борт президентского самолета, чтобы совершить последний полет с замечательной командой, которая доставляла нас в самые отдаленные уголки мира. С нами будут наши ближайшие сотрудники, моя новая охрана, некоторые из военных, например Глен Мэйес — стюард военно-морского флота, который пек к моему дню рождения специально украшенные торты, Гленн Пауэлл — сержант военно-воздушных сил, заботившийся о том, чтобы наш багаж никогда не терялся, и несколько человек, которые «помогли мне станцевать этот танец», — Джорданы, Маккилффы, чета Макларти и Хэрри Томасон.

В последнем полете меня сопровождали и некоторые журналисты. Один из них, Марк Ноллер, работающий на радио CBS, был рядом со мною на протяжении всех этих восьми лет и провел одно из заключительных интервью, которые я дал в последние несколько недель. Марк спросил, не боюсь ли я, что лучшая часть моей жизни уже позади. Я сказал, что получал удовольствие от своей жизни на каждом ее этапе, «у меня всегда было много дел, меня многое интересовало, и я находил возможность приносить пользу».

Я с нетерпением ожидал начала своей новой жизни, чтобы строить президентскую библиотеку, работать со своим благотворительным фондом и помогать Хиллари. Кроме того, теперь у меня должно появиться больше времени для чтения, гольфа, музыки и путешествий. Я знал, что мне это понравится, и если я буду здоров, то смогу принести еще много пользы, но своим вопросом Марк Ноллер попал в самую точку. Мне будет не хватать моей прежней работы. Мне нравилось быть президентом — даже в плохие дни.

Я думал о том письме, которое напишу президенту Бушу и оставлю в Овальном кабинете, точно так же, как его отец восемь лет назад. Я хотел быть великодушным и ободрить своего преемника, как это сделал Джордж Буш, передавая власть мне. Скоро Джордж Буш-младший должен был стать президентом страны, и я желал ему удачи. Внимательно следя за высказываниями Буша и Чейни во время избирательной кампании, я знал, что у них совсем другое представление о нашем пути развития, и они изменят многое из сделанного мною, особенно в сфере экономики и экологии. Я считал, что они

проведут задуманное существенное сокращение налогов, и вскоре мы вернемся к такому же большому бюджетному дефициту, какой у нас был в 1980-х годах. Хотя Буш делал обнадеживающие заявления об образовательных программах и «Америкорпс», я знал, что на него будут оказывать давление, чтобы он сократил внутренние бюджетные расходы на образование, детские дошкольные учреждения, программы обучения для выпускников школ, полицию, новые исследования и охрану окружающей среды. Но теперь я уже не мог на это повлиять.

Думал я и о том, что международные партнерские отношения, которые мы развивали после окончания холодной войны, станут более напряженными из-за одностороннего подхода к внешней политике республиканцев, выступавших против ряда договоров — о запрете ядерных испытаний, о предотвращении изменения климата, о противоракетной обороне и против Международного уголовного суда.

Я наблюдал за республиканцами в Вашингтоне уже восемь лет и знал, что президент Буш с самых первых дней будет подвергаться давлению со стороны правых и групп по интересам, контролировавших теперь его партию, с тем чтобы он отказался от идеи «сострадательного консерватизма». Они не менее глубоко верили в собственный путь, чем я — в свой, но я полагал, что аргументы и исторический опыт были на нашей стороне.

От меня больше не зависело, что произойдет с проводившейся мною политикой и программами: в политике мало что остается неизменным. Не мог я повлиять и на ранние оценки моего так называемого «наследия». История Америки с момента окончания холодной войны до начала нового тысячелетия еще не раз будет переписываться. Единственный вопрос об итогах моего президентства, который имел для меня значение, заключался в том, хорошо ли я служил американскому народу в новую и не похожую на то, что было в прошлом, эпоху глобальной взаимозависимости.

Удалось ли мне создать «более совершенный союз», расширив возможности, углубив понимание свободы и усилив связи в обществе? Безусловно, я старался сделать так, чтобы в XXI столетии Америка стала оплотом мира и процветания, свободы и безопасности. Я пытался придать глобализации более человечный характер, побуждая другие страны присоединиться к нашим усилиям по построению более интегрированного мира, объединенного общей ответственностью, общими благами и ценностями. На переходе в новую эру я старался вести Америку, внушая ей оптимизм, надежду и веру в то, чего мы можем добиться, а также дать трезвую оценку опасности, которую несут новые силы разрушения. Наконец, я попытался построить новую прогрессивную политику на основе свежих идей и традиционных ценностей и поддержать единомышленников в других странах мира. Независимо от того, какие из моих инициатив собиралась отменить новая администрация и большинство в Конгрессе, я верил в то, что историческая правда была на нашей стороне и направление, выбранное мною в новом тысячелетии, в конце концов окажется верным.

В свою последнюю ночь в пустом теперь Овальном кабинете я думал о прозрачной стеклянной шкатулке, которую держал на кофейном столике

между двумя диванами, в двух шагах от своего стола. В ней лежал камень, подобранный Нилом Армстронгом на Луне в 1969 году. Как только споры в Овальном кабинете становились слишком ожесточенными, я прерывал дискуссию и говорил: «Видите этот камень? Ему уже 3,6 миллиарда лет. Мы все живем лишь миг. Давайте успокоимся и вернемся к работе».

Этот лунный камень помог мне по-другому посмотреть на историю, как говорится, в длительной перспективе. Наша задача — жить как можно дольше и как можно лучше и помочь в этом другим людям. То, что случится потом, и как нас будут оценивать потомки, — уже вне нашей власти. Всех уносит река времени. Все, что у нас есть, — это мгновение. Другим судить о том, сделал ли я все, что мог... Уже почти светало, когда я вернулся на жилую половину Белого дома, чтобы закончить паковать вещи и побыть с Хиллари и Челси.

На следующее утро я опять пришел в Овальный кабинет, чтобы написать письмо президенту Бушу. Со мной была Хиллари. Мы долго смотрели из окна на прекрасный сад, с которым нас связывало столько воспоминаний; здесь я бесчисленное число раз бросал теннисные мячи, за которыми гонялся наш пес Бадди. Потом Хиллари ушла, оставив меня одного. Закончив писать письмо и оставив его на столе, я позвал своих помощников, чтобы попрощаться с ними. Мы обнялись, улыбнулись, немного всплакнули и сфотографировались. Потом я в последний раз вышел из дверей Овального кабинета. Мои руки были широко раскинуты, как будто я хотел всех обнять, и встретившие меня представители прессы запечатлели этот момент. Джон Подеста прошел со мной по колоннаде, и мы присоединились к Хиллари, Челси и Горам на нижнем этаже, где нам вскоре предстояло приветствовать наших преемников. Для прощания с нами собрался весь персонал: горничные, повара, флористы, садовники, швейцары, дворецкие, камердинеры. Многие из них стали нам близкими людьми. Я пытался запомнить их лица, не зная, встречу ли с ними снова, но понимая, что, если это и произойдет, все уже будет по-другому. Скоро они начнут заботиться о другой семье, которой будут нужны не меньше, чем нам.

В большом фойе играл небольшой ансамбль музыкантов из оркестра морской пехоты. Я сел за фортепиано рядом с мастером-сержантом Чарли Коррадо, который уже сорок лет играл для президентов. Чарли всегда был к нашим услугам, и его музыка наполняла радостью наши дни. Мы с Хиллари исполнили последний танец. Около десяти тридцати прибыли Буш и Чейни с супругами. Несколько минут мы пили кофе и беседовали, а потом ввосьмером сели в лимузины, и я поехал вместе с Джорджем Бушем по Пенсильвания-авеню к Капитолию.

Через час произошла очередная мирная передача власти, благодаря которой наша страна уже более двухсот лет остается свободной. Моя семья попрощалась с новой первой семьей Америки и поехала на авиабазу Эндрюс, чтобы совершить последний полет на президентском самолете. Это был уже не мой «Борт номер 1». После восьми лет пребывания на посту президента и половины жизни, отданной политике, я снова стал частным лицом, но был очень признателен своей стране, по-прежнему болел за нее душой и думал о ее будущем.

ЭПИЛОГ

Я написал эту книгу, чтобы рассказать мою личную историю и историю Америки во второй половине XX века; настолько объективно, насколько это было в моей власти, описать силы, боровшиеся за умы и сердца страны; объяснить трудности и проблемы нового мира, в котором мы живем, и то, как, по моему мнению, наше правительство и граждане должны их решать; а также дать людям, которые никогда профессионально не занимались политикой, представление о том, что это значит, и особенно что значит быть президентом.

Работая над книгой, я путешествовал назад во времени, передо мною снова оживали прошедшие события, и я испытывал те же чувства, что и тогда. Об этом я и написал. Во время моего второго срока пребывания на своем посту, когда снова бушевали межпартийные битвы, которые я пытался, но не смог прекратить, мне также хотелось понять, какое место займет мое президентство в американской истории.

Эта история во многом отражает наши усилия продолжить попытку отцов-основателей создать «более совершенный союз». В спокойные времена нашей стране хорошо служила двухпартийная система, в рамках которой сторонники прогресса и консерваторы могли вести дебаты о том, что нужно изменить, а что — сохранить. Но когда обстоятельства делают изменения неизбежными, мы все проходим через испытания и должны вернуться к нашим фундаментальным принципам: расширять сферу возможностей, углублять понятие свободы и усиливать единство нашего общества. Для меня именно это означает «делать наш союз более совершенным».

Во все поворотные моменты истории мы делали выбор в пользу объединения, а не дезинтеграции: в первые дни республики, построив национальную экономическую и правовую систему; во время Гражданской войны, сохранив наш союз и отменив рабство; в начале XX столетия, когда мы переходили от аграрного общества к индустриальному, усиливая роль нашего правительства в поощрении конкуренции, обеспечении базовых гарантий для трудящихся и поддержке бедных, престарелых и больных и защите от разграбления наших природных ресурсов; в 60-е — 70-е годы, защищая гражданские права и права женщин. Во всех этих случаях, пока мы боролись за то, чтобы создавать, защищать и расширять наш Союз, нам оказывали сопротивление влиятельные консервативные силы, и, пока исход борьбы еще был неясен, она сопровождалась интенсивными политическими и межличностными конфликтами.

В 1993 году, когда я стал президентом, мы столкнулись с еще одним историческим вызовом нашему Союзу, так как заканчивалась индустриальная и начиналась глобальная информационная эпоха. Американский народ столкнулся с большими переменами в своей жизни и работе и со

сложными вопросами, требовавшими ответа: Что мы выберем: интеграцию в глобальную экономику или «экономический национализм»? Будем ли мы использовать нашу беспрецедентную военную, политическую и экономическую мощь для того, чтобы распространять преимущества нового взаимозависимого глобального мира и решать его проблемы, или станем «крепостью под названием “Америка”»? Откажемся ли мы от традиций нашего правительства, сложившихся в индустриальную эпоху и выражавшихся в приверженности созданию равных возможностей и социальной справедливости, или реформируем его так, чтобы сохранить наши достижения и одновременно дать нашему народу новые инструменты, которые позволят ему добиваться успеха и в новую эру? Возросшее расовое и религиозное разнообразие будет укреплять или разрушать наше общество?

Как президент я старался найти такие ответы на эти вопросы, которые позволили бы нам двигаться вперед, к «более совершенному союзу», дать нашему народу новое видение будущего и сплотить его, чтобы создать новую жизненно важную основу для успешной американской политики в XXI столетии. Две трети наших граждан в целом поддерживали мой подход, но по вопросам культурных ценностей, всегда вызывающим острые противоречия, и в том, что касалось всегда привлекательных предложений о снижении налогов, их поддержка оказалась не столь однозначной. Поскольку исход нашего спора был неясен, я подвергался яростным атакам со стороны оппонентов из республиканской партии и личным нападениям, которые очень напоминали то, что происходило в ранние дни нашей республики.

Не знаю, верен ли мой исторический анализ, но, прежде всего, оцениваю свою деятельность как президента по тому, какое влияние она оказала на жизнь людей. Могу подвести итог: миллионы людей обрели работу, новые дома и помощь для продолжения образования в колледже; дети получили медицинские страховки и дополнительные занятия в школе; многие люди, став работать, отказались от социальных пособий; американские семьи воспользовались своим правом на отпуск по уходу за членами семьи и близкими; многие районы и округа стали более безопасными — за всем этим стоят конкретные люди, жизненные условия которых улучшились. Все американцы выиграли от того, что воздух и вода стали чище и мы защитили наше природное наследие. Мы также помогли населению многих стран обрести надежду на мир, свободу, безопасность и процветание. Это тоже были реальные улучшения в жизни конкретных людей.

Когда я стал президентом, Америка как бы «плыла в неведомых водах» и существовала в мире, полном как позитивных, так и негативных сил. Поскольку я прожил немало лет, пытаюсь соединить свои собственные «параллельные жизни», и привык с уважением относиться ко всем людям, а работая губернатором, видел как позитивные, так и негативные стороны глобализации, я считал, что знаю, в каком состоянии находится моя страна и в каком направлении она должна развиваться в новом столетии. Я знал, как рассматривать эти проблемы в совокупности, а также то, насколько трудно их решить.

Одиннадцатого сентября казалось, что все усилия пошли прахом, когда «Аль-Каида» сумела использовать глобальную взаимозависимость, то есть открытые границы, свободу иммиграции и перемещений, легкий доступ к информации и технологиям, чтобы в Нью-Йорке, Вашингтоне и Пенсильвании убить почти 3 тысячи человек из более чем семидесяти стран. Весь мир сплотился, чтобы помочь нам пережить нашу трагедию и вместе решительно бороться с терроризмом. За прошедшие годы схватка с терроризмом стала еще более напряженной, несмотря на вполне понятную разницу во мнениях и внутри нашей страны, и за ее пределами относительно того, как наилучшим образом вести эту борьбу.

Взаимозависимый мир, в котором мы живем, по своей сути нестабилен: в нем очень много и новых возможностей, и разрушительных сил. Таким он и останется, пока мы не найдем способ перейти от взаимозависимости к новому интегрированному глобальному сообществу, объединенному общей ответственностью, общими благами и общими ценностями. Построить такой мир и победить терроризм в короткий срок невозможно: это будет большой проблемой в первой половине XXI столетия. Я считаю, что Соединенные Штаты должны решить пять задач для того, чтобы возглавить этот процесс: бороться с терроризмом и распространением оружия массового поражения и усиливать нашу защиту от них; приобрести больше друзей и уменьшить число террористов, помогая тем 50 процентам мирового населения, которые пока не получают никаких благ от глобализации, чтобы преодолеть бедность и неграмотность, победить болезни и заменить безответственные правительства; усилить институты глобальной кооперации и использовать их возможности для повышения безопасности и для процветания, в борьбе с нашими общими проблемами — терроризмом, СПИДом и глобальным потеплением; продолжить работу над тем, чтобы Америка становилась более совершенным примером того, каким мы хотим видеть весь мир; и бороться за то, чтобы покончить с вековым заблуждением, будто наши различия важнее, чем наша общая принадлежность к человеческому роду.

Я верю, что мир продолжит свой путь от изоляции через взаимозависимость к сотрудничеству, потому что другого выбора просто нет. С тех пор как наши общие предки более ста тысяч лет тому назад сделали первые шаги по африканской саванне, мы прошли долгий путь. Всего через пятнадцать лет после окончания холодной войны Запад в основном примирился со своими прежними противниками — Россией и Китаем и наладил с ними добрососедские отношения. Впервые в истории человечества более половины населения планеты живет под управлением правительств, которые эти люди сами выбрали. Достигнут беспрецедентный масштаб глобального сотрудничества в борьбе с терроризмом. Мы признали, что должны больше делать для того, чтобы справиться с бедностью, болезнями и глобальным потеплением, а также для того, чтобы дети всех стран мира ходили в школу. Америка и многие другие свободные общества показали, что люди разных рас и религиозных убеждений могут жить вместе во взаимном уважении и гармонии.

Нашу страну не уничтожить террористам. Мы их победим, но нам нужно позаботиться о том, чтобы в процессе этой борьбы не пришлось поступиться основополагающими ценностями нашей страны и не поставить под угрозу будущее наших детей. Наша миссия по формированию «более совершенного союза» теперь приобрела глобальный характер.

Что касается лично меня, то я все еще работаю над реализацией того списка целей, который составил еще в молодости. Чтобы стать хорошим человеком, надо работать всю жизнь: не позволять себе злиться на других и принимать на себя ответственность за сделанные ошибки. И еще для этого нужно уметь прощать. После того как меня простили Хиллари, Челси, мои друзья и миллионы людей в Америке и по всему миру, это минимум того, что я должен сделать. Будучи еще молодым политиком и впервые начав посещать церкви афроамериканцев, я впервые услышал, что похороны называют «возвращением домой». Мы все вернемся домой, и я хочу быть к этому готов.

Между тем мне доставляет огромную радость наблюдать, как строит свою жизнь Челси, а также за превосходной работой Хиллари в Сенате, за усилиями моего благотворительного фонда по созданию новых экономических возможностей в сфере получения образования и предоставления необходимых услуг жителям бедных общин в Америке и во всем мире; за действиями по борьбе со СПИДом, которые направлены на то, чтобы обеспечить нуждающихся недорогими лекарствами. Я получаю радость и от моих собственных усилий добиться примирения между представителями различных рас и религий, которые буду продолжать всю жизнь.

Сожалею ли я о чем-то? Конечно, да, и наедине с самим собою, и публично, о чем уже шла речь в этой книге. Я предоставляю другим вынести свою оценку.

Я просто попытался рассказать историю своих радостей и горестей, мечтаний и страхов, триумфов и поражений. Я попытался объяснить различия между моим миропониманием и позицией крайне правых, с которыми вел борьбу. По существу, они искренне верят в то, что обладают абсолютной истиной. У меня другая точка зрения. Я думаю, что Святой Павел был прав, когда сказал, что в этой жизни мы все «смотрим через темное стекло» и «видим только часть». Вот почему он превозносил добродетели «веры, надежды и любви».

У меня была невероятная и замечательная жизнь: полная веры, надежды и любви, равно как и благосклонности ко мне судьбы и удачи. Но, какой бы невообразимой она ни была, такое не могло случиться нигде, кроме Америки. В отличие от многих людей мне повезло в том, что я мог каждый день работать ради того, во что верил, начиная с тех ранних дней, которые проводил в магазине моего дедушки. Меня вырастила замечательная мама, которая меня обожала, меня учили великие учителя, у меня целый легион верных друзей, я прожил жизнь в любви с женщиной, самой замечательной из всех, кого я когда-либо знал, и у меня есть дочь, остающаяся светом моей жизни.

Как я уже говорил, думаю, что это хорошая история, и мне было интересно ее рассказывать.

– БЛАГОДАРНОСТИ –

Я очень обязан многим людям, без помощи которых эта книга не была бы написана. Джастин Купер пожертвовал два года своей молодости, чтобы работать со мною каждый день, а в последние полгода — нередко и по ночам. Он получил и обработал горы материалов, провел массу исследований, исправил много ошибок и несчетное количество раз перепечатывал рукопись, разбираясь в записях, нацарапанных моим трудным почерком в двух десятках больших записных книжек. Многие главы переписывались по пять и более раз. Джастин никогда не терял терпения, запас его энергии был неисчерпаем, и когда мы приблизились к финишу, мне стало казаться, что он знал меня и то, что я хотел сказать, лучше меня самого. Джастин не несет ответственности за ошибки в этой книге, но она является свидетельством его таланта и усилий.

Еще до того, как мы начали работать вместе, мне говорили, что редактор Роберт Готтлиб — лучший в своей профессии. Он много раз это подтверждал. Мне только жаль, что я не встретился с ним тридцать лет назад. Боб научил меня, как подчеркивать интересные моменты и убирать лишнее. Без его оценок и чутья эта книга была бы в два раза толще и в половину хуже. Боб читал мою историю как человек, проявляющий интерес к политике, но эта тема не стала для него навязчивой идеей. Он постоянно побуждал меня обращаться к «человеческой» стороне моей жизни и убедил не включать в книгу бесчисленные имена людей, которые помогали мне на жизненном пути, потому что читатель просто не смог бы «переварить» такой объем информации. Если вы один из них, простите его и меня.

Работа над такой объемной и насыщенной информацией книгой связана с проверкой колоссального количества фактов. Львиная ее доля была выполнена Мэг Томпсон — талантливой молодой женщиной, целый год тщательно разбиравшейся в подробностях моей жизни. В течение последних нескольких месяцев ей помогали Кэтлин Клеворик и другие юные добровольцы. Теперь у них есть масса доказательств того, что моя память далека от совершенства. Если в книге и допущены какие-то фактические ошибки, то это произошло не потому, что они приложили недостаточно усилий, чтобы их исправить.

Нет предела моей благодарности работникам издательства Knopf, начиная с Сонни Мета — президента и главного редактора. Сонни с самого начала верил в этот проект и делал все от него зависящее для его успешной реализации. В последние два года каждый раз, когда мы с ним встречались, он смотрел на меня с изумлением, словно говоря: «Вы действительно вовремя закончите работу?» и «Что вы здесь делаете вместо того, чтобы, сидя дома, писать книгу?» Этот его взгляд всегда вызывал желательный эффект.

Я также признателен многим сотрудникам издательства Knopf, оказавшим мне помощь. Приношу благодарность редакционной/выпускающей команде за то, что она так же, как и я, педантично и щепетильно относилась к каждой детали (это ее стиль работы даже с теми книгами, которые пишутся гораздо быстрее, чем моя), и особенно ценю неустанные усилия и тщательную работу ответственного редактора Кэтрин Хоуриган; благодарного директора производства Энди Хьюза, главного редактора Лидии Бюхлер, помощника редактора Шарлоты Гросс и корректоров Стива Мессины, Дженны Долан, Эллен Фелдман, Риты Мадригал и Лиз Полиззи; дизайнера Питера Андерсена; художника Кэрол Карсон; всегда готовых помочь Дайану Теджерину, Эрика Блисса и Ли Пентиа.

Кроме того, я хочу поблагодарить многих других людей из Knopf, помогавших мне: Тони Чирико за его ценные советы; Джима Джонстона, Джастину Лекейтс и Энн Диаз; Кэрол Джонуэй и Сюзанну Смит; Джона Фана; а также Пэта Джонсона, Пола Богардса, Нину Бурн, Николаса Латимера, Джой Далланегра-Сэнгер, Аманду Кауфф, Сару Робинсон и Энн-Лиз Спитцер за талант, проявленный в организации рекламы и продвижении этой книги. Я хочу также сказать «спасибо» персоналу фирм North Market Street Graphics, Coral Graphics и R. R. Donnelley & Sons.

Роберт Барнетт — замечательный юрист и старый друг — провел переговоры с издательством Knopf по условиям контракта; он и его партнер Майкл О'Коннор работали не только в течение всего времени реализации проекта, но и тогда, когда к нему присоединились иностранные издательства. Я очень благодарен обоим.

Еще работая в Белом доме, я с конца 1993 года примерно раз в месяц встречался с моим старым другом Тейлором Бранчем, чтобы поведать ему о происходящих событиях. Эти разговоры помогли восстановить ряд важных моментов моего президентства. Когда я покинул свой пост, Тед Уидмер, отличный историк, работавший в Белом доме спичрайтером, подготовил аудиозапись, повествующую о моей жизни до избрания президентом, которая помогла мне привести в порядок воспоминания и заметки. Дженис Киарни, летописец Белого дома, передала мне подробные записи, которые позволили день за днем реконструировать события.

Я ценю тщательное техническое и правовое рецензирование моей рукописи, осуществленное Дэвидом Кендаллом и Бетом Ноланом.

Фотографии, многие из которых иллюстрируют описанные в книге события, помогли подобрать Винсент Вирга и Кэролайн Хьюбер, которая находилась вместе с нашей семьей и в резиденции губернатора, и в Белом доме. В годы моего президентства Кэролайн привела в порядок все мои личные бумаги и письма, начиная с того времени, когда я был маленьким мальчиком, и заканчивая 1974 годом. Она проделала сложную работу, без которой первая часть этой книги не была бы написана. Мне также помогли архивариусы и историки из Джорджтаунского университета и Оксфорда.

Я глубоко признателен тем, кто прочитал всю книгу или ее фрагменты и дал полезные советы, касающиеся дополнений, сокращений, изменения композиции, контекста и интерпретации, включая Хиллари, Челси, Дороти

Родэм, Дуга Бэнда, Сэнди Бергера, Томми Каплана, Мэри Деросу, Нэнси Хернрейх, Дика Холбрука, Дэвида Кендалла, Джима Кеннеди, Айана Клауса, Брюса Линдси, Айру Магазинер, Шерил Миллс, Бета Нолана, Джона Подесту, Брюса Рида, Стива Ричетти, Боба Рубина, Руби Шамира, Брук Ширер, Джина Сперлинга, Строуба Тэлботта, Марка Вайнера, Мэгги Уильямс и моих друзей Брайана и Майру Гринспан, которые находились рядом со мною, когда была написана первая страница.

Многие мои друзья и коллеги не пожалели своего времени, чтобы рассказать мне о тех или иных событиях. Это были: Юма Абедин, Мадлен Олбрайт, Дэйв Баррам, Вуди Бассетт, Пол Бегала, Пол Бери, Джим Блэр, Сидни Блюменталь, Эрскин Боулс, Рон Беркл, Том Кэмпбелл, Джеймс Карвилл, Роджер Клинтон, Пэтти Крайнер, Дениз Дангремонд, Линда Диксон, Рам Эмануэль, Ал Фром, Марк Гиран, Энн Хенри, Дениз Хайленд, Гарольд Икес, Роджер Джонсон, Вернон Джордан, Мики Кантор, Дик Келли, Тони Лэйк, Дэвид Леопулос, Каприсия Маршалл, Мак Макларти, Руди Мур, Боб Нэш, Кевин О'Киф, Леон Панетта, Бетси Ридер, Дик Райли, Бобби Робертс, Хью Родэм, Тони Родэм, Деннис Росс, Марта Сэкстон, Эли Сигал, Терри Шумейкер, Марша Скотт, Майкл Шихан, Нэнси Содерберг, Дуг Сосник, Родни Слейтер, Крейг Смит, Гейл Смит, Стив Смит, Кэролайн Стейли, Стефани Стрит, Ларри Саммерс, Марта Ветстоун, Делта Уиллис, Кэрол Уиллис и ряд моих читателей. Уверен, что есть и другие люди, о которых я не вспомнил; если это так, приношу им свои извинения и ценю их помощь.

В работе мне очень помогли книги, написанные членами моей администрации и другими людьми, и, конечно, мемуары Хиллари и моей матери.

Дэвид Алсобрук и персонал проекта «Материалы президентства Клинтона» были терпеливы и настойчивы в поиске документов. Я хочу их всех поблагодарить: Дебору Буш, Сюзан Коллинс, Гэри Фаука, Джона Келлера, Джимми Первиса, Эмили Робинсон, Роба Сэйберта, Ричарда Столкапа, Ронда Уилсона и арканзасского историка Дэвида Уэра.

В последние два с половиной года, пока я в основном, а особенно в заключительные шесть месяцев, был занят написанием этой книги, работа моего фонда продолжалась. Мы строили библиотеку и выполняли свои миссии: боролись со СПИДом в Африке и странах Карибского бассейна; посылали в разные страны дешевые лекарства и помогали проводить тесты на СПИД; оказывали экономическую помощь бедным общинам в Соединенных Штатах, Индии и Африке и расширяли их возможности; помогали молодым людям получать образование дома и за рубежом; способствовали религиозному, расовому и национальному примирению во всем мире. Я хочу поблагодарить всех людей, чьи финансовые пожертвования сделали возможным строительство моей президентской библиотеки и Школы общественной службы имени Клинтона при Арканзасском университете. Я глубоко обязан Мэгги Уильямс, руководителю моего аппарата, за всю ее работу и помощь в написании этой книги. Хочу поблагодарить членов моего фонда и персонал моего офиса за все, что они сделали для продолжения деятельности фонда и реализации его программ, пока я был занят работой над этой книгой. Особо хочу поблагодарить Дуга Бэнда, моего

консультанта, помогавшего мне с того самого дня, когда я покинул Белый дом, организовывать мою новую жизнь и выкраивать время для работы над этой книгой во время наших поездок по Америке и по всему миру.

Я также обязан Оскару Флоресу, заботившемуся о моем доме в Чаппакуа. Много раз по вечерам, когда мы с Джастином Купером работали допоздна, Оскар беспокоился о том, чтобы мы не забыли поужинать и чтобы у нас всегда было достаточно кофе.

Наконец, у меня просто нет возможности перечислить всех помогавших мне на протяжении моей жизни, хронику которой вы найдете на страницах этой книги, — всех учителей и наставников моей юности; людей, которые оказывали мне содействие в проведении моих избирательных кампаний и делали на них пожертвования; тех, кто работал со мною в Руководящем совете демократической партии, Национальной ассоциации губернаторов и во многих других организациях, способствуя повышению моего образования в сфере государственной политики; тех, кто трудился вместе со мною для достижения мира, безопасности и примирения людей всей планеты; тех, кто обеспечивал работу Белого дома и помогал организовывать мои поездки. Невозможно перечислить тысячи талантливых людей, работавших в моих администрациях, когда я был генеральным прокурором, губернатором и президентом, без чьей преданной помощи я бы мало что вспомнил о годах своей общественной жизни; тех, кто оказывал поддержку мне и моей семье, а также моих удивительных друзей. Никто из них не несет ответственности за ошибки в моей жизни, но велик их вклад в то хорошее, что мне удалось сделать.

— ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ —

А

Аарон Хэнк 491, 999
Аббас Махмуд 606
Абдулла, король Иордании 1036
Абдулла, наследный принц Саудовской Аравии 1035
Абедин Юма 1021
Абернати Ральф 143
Абрамс Крейтон 144
Абрахам Дэнни 1058
Абу-Мазен 915
Агилар Луис 90
Агню Спиро 143, 148, 153
Адамс Джерри 646, 647, 649, 688, 726, 769, 785, 876, 881, 884, 907, 1003, 1043
Адамс Джон 1039
Адамс Эдди 130
Адкинс Гомер 110
Адкисон Дэвид 841
Айзексон Джон 162
Айзенштат Стью 864
Айкен Джордж 108
Аймус Дон 448, 450
Айронз Эдит 76
Аксельрод Дэвид 409
Александр Керн 288, 336
Алексис Аник 169, 184, 185
Али Мухаммед 806, 1058
Аллен Билл 95
Аллен Вуди 280
Аллен Чарльз 450
Аллерс Ульрих 90
Аллер Фрэнк 157, 161, 162, 175, 178, 189, 196, 197, 205, 523, 594
Алтер Джонатан 693
аль-Тураби Хасан 895
аль-Шараа Фарук 990
Амин Иди 877
Андерсон Мариан 120
Аннан Кофи 830, 874, 934, 981, 1031, 1035
Арафат Ясир 605, 700, 753, 794, 839, 928, 972, 973, 1003, 1020
Аристид Жан-Бертран 184, 516
Арми Дик 716, 765, 777, 935
Армстронг Билл 147, 174, 429
Армстронг Нил 171
Асад Хафез 610
Аспин Лес 476, 506, 541, 643, 843
Аткинсон Дик 225, 258

Ахерн Берти 771, 876, 881, 906, 983, 1003, 1042, 1043

Ахтисаари Марти 842, 962
Ачесон Дин 131
Ашби Кит 119, 170, 190
Ашкрофт Джон 1036

Б

Байден Джо 368, 369, 566, 684, 1030
Бакнелл Сюзан 195
Бамперс Дейл 42, 43, 194, 242, 257, 280, 281, 364, 413, 445, 600, 602, 684, 732, 943
Бандар, принц 1049, 1054
Банкер Арчи 212
Барак Эхуд 959, 973, 989, 1020, 1052, 1056
Барбиери Артур 207, 208
Барнетт Боб 481, 486
Барнс Рой 434
Баррам Дейв 476
Бартли Энни 240
Баршефски Шарлин 591, 793, 828, 837, 955, 985, 1026, 1034
Батлер Джим 435
Батлер Ричард 934
Батц Эрл 248
Бауэнс Эмили 330
Баффег Джимми 841
Баффетт Уоррен 687
Бачман Дру 157, 164
Баэз Джоан 202
Бегала Пол 422, 428, 429, 433, 455, 464, 471, 475, 514, 528, 548, 900, 951
Бегин Менахем 971
Бейкер Бобби 149
Бейкер Джеймс 471, 487, 845, 1014
Бейкер Джон 197, 219
Бейкер Ральф 228
Бейтс Дейзи 42
Бей Эван 108
Беккер Билл 392
Белл Террел 335, 369
Бен-Ами Шломо 1022, 1024
Бен-Венисте Ричард 775
Беннет Билл 369
Беннет Боб 667
Бентсен Ллойд 214, 374, 379, 479, 502, 513, 544, 546, 551, 552, 568, 601, 640, 713, 973
Бергер Сэнди 316, 365, 423, 498, 507, 615, 689, 721, 722, 767, 827, 828, 886, 897, 901, 915, 917, 918, 933, 955, 958, 959, 963, 987, 1010

- Берд Роберт 241, 550, 559, 791, 947
 Берлускони Сильвио 670
 Бернардин Джозеф 825
 Бернард Чарльз 138
 Бернетт Линда 429
 Бернс Джек 255, 256
 Берриган Филип 135
 Берри Пол 263, 269
 Берри Чак 528
 Берсин Алан 150, 165
 Бертон Дэн 678
 Бешир Стив 821
 Биггерс Джан 142
 Бигэм Си 235
 Бизимунгу Пастер 878
 Бингаман Джефф 539
 Блайндер Алан 511, 514
 Бланшар Джим 724
 Блок Сюзан 939
 Блэк Чарльз 218
 Блэр Деннис 150
 Блэр Джим 298, 653
 Блэр Тони 404, 769, 849, 858, 874, 876, 881, 883, 884, 912, 927, 934, 947, 955, 958, 983, 984, 1003, 1016, 1019, 1044
 Блюменталь Сидни 875, 958
 Бовуар Макс 262
 Боггс Хейл 217
 Боксер Барбара 923
 Боливар Симон 860
 Болкиах Хассанал 1040
 Бонд Джулиан 145, 1004
 Бонд Мэри 90, 126
 Бониор Дэвид 716
 Борен Дэвид 392, 559, 587, 596, 600
 Борк Роберт 193, 296, 369
 Босси Дэвид 656, 658, 678
 Босуэлл Тед 141
 Боулз Эрскин 245, 717, 740, 749, 803, 819, 826, 847, 919, 920, 925
 Боуман Берти 103
 Боуман Паско 796, 930
 Боуэн Билл 410
 Бочелли Андреа 984
 Бош Орландо 1050
 Бош Хуан 113
 Брайант Клифтон 47
 Брайан Ричард 596
 Бранскам Херби 812
 Бранстед Терри 385
 Бранч Тейлор 173, 213, 528
 Браттон Сэм 333
 Браунер Кэрол 505, 908, 960
 Браун Альма 529
 Браун Гарольд 308
 Браун Гордон 404
 Браун Джерри 311, 312, 418, 438, 440, 444, 447, 449, 451, 453, 460, 463
 Браун Джесси 506
 Браун Рон 402, 460, 478, 495, 503, 518, 651, 666, 698, 771, 789, 790, 791, 792, 878
 Браун Сэм 173
 Браун Флойд 656, 658, 678
 Брейди Джеймс 1003
 Брейер Стивен 586, 662
 Брейзелтон Т. Берри 612
 Брейзел Уолтер 239
 Брентли Эллен 279
 Бреслау Эйприл 775
 Бреслин Джимми 443, 450
 Брилл Стивен 888
 Бринтон Крейн 114
 Бриско Дольф 214, 215
 Бродерик Джон 418
 Бройлес Фрэнк 279
 Бройлз Аллен 64
 Брокоу Том 621
 Брок Дэвид 631, 667, 797
 Бронфман Эдгар 961
 Брон Кэрол Мосли 585
 Броудер Дэвид 656
 Броуди Кен 416
 Бро Джон 402, 418, 559, 922
 Брукс Джек 684, 705, 706
 Брукс Кейто 267
 Брук Эдвард 108
 Бруммет Джон 384
 Брутон Джон 726, 785, 881
 Брэдли Билл 461, 482
 Брюэр Лэнни 908
 Буглиози Винсент 939
 Буйоа Пьер 1030
 Букаут Джерри 397, 408
 Буллок Боб 216, 1047
 Бурк-Уайт Маргарет 192
 Бутрос-Гали Бутрос 570, 615, 787
 Буш, президент 342, 363, 367, 373, 376, 384, 386, 397, 400, 404, 405, 416, 418, 423, 439, 449, 452, 453, 454, 456, 457, 458, 461–465, 470, 471, 473–478, 481–483, 485, 486, 488, 489, 490, 494–500, 508, 516, 517, 518, 526, 529, 531, 534, 561, 562, 563, 564, 593, 606, 610, 615, 639, 640, 649, 669, 741, 745, 781, 783, 815, 894, 972, 1039, 1044, 1046, 1061, 1062, 1063, 1064
 Буш Джеб 1039
 Буш Джордж Герберт Уокер 108, 180
 Буш Лора 1046
 Бхутто Беназир 729
 Бьюкенен Патрик 148, 439
 Бэббит Брюс 368, 507, 586, 908, 994, 1060
 Бэйли Мартин 723

Бэйрд Зое 507, 508, 517, 520, 522, 536
 Бэлайлз Джерри 402, 578
 Бэнд Дуг 1023
 Бэнкс Чарльз 752, 775

В

Вагнер Карл 365, 366
 Ваджапай Атал Бехари 969, 1008, 1032
 Ван Бурен Мартин 363, 977
 Ван Далсем Пол 99
 Ваули Майкл 417
 Вашингтон Джордж 79, 448, 526, 671, 806,
 864, 1006
 Вашингтон Уолтер 136
 Вебер Джим 293
 Венгер Крейг 885, 886, 1019
 Вичер Ал 731
 Ворхис Джерри 49
 Вот У.О. 44, 320, 388, 389
 Вудворд К. Вэнн 196
 Вудс Генри 796, 930
 Вулси Джим 506
 Вулфенсон Джим 749, 928
 Вулф Томас 181, 196
 Вэнс Сайрус 571

Г

Гавел Вацлав 186, 506, 614, 628, 636, 910,
 1016
 Галстон Билл 802
 Галуччи Боб 699, 700
 Гамилтон Ли 458
 Гарднер Бут 428
 Гарриман Аверелл 122, 153, 316
 Гарриман Памела 316, 501
 Гаррисон Уильям 615, 616
 Гарсиа Франклин 216
 Гати Тоби 562
 Генак Менахем 949
 Генри Аарон 145
 Генри Энн 229, 231, 259, 298
 Генц Отто 86
 Гепхардт Дик 368, 414, 549, 599, 611, 684,
 706, 716, 721, 800, 846, 903, 919, 938
 Герген Дэвид 583, 640
 Гернштейн Гид 1023
 Гетц Стэн 860
 Гилман Бен 936
 Гингрич Ньют 270, 380, 500, 566, 631, 635,
 646, 673, 695, 709, 716, 721, 726, 729, 744,
 754, 758, 774, 778, 797, 833, 863, 874, 912,
 924, 926, 937
 Гинниер Лани 196
 Гинсбург Марти 1052
 Гинсбург Рут Бейдер 1052
 Гинсбург Уильям 870
 Гипран Марк 498, 583, 623, 771

Гласкок Даррел 355
 Глейсер Элизабет 709
 Глекел Джефф 198
 Гленн Джон 402, 539, 821, 881, 912, 922
 Глигоров Киро 965
 Гликмэн Джулиус 213
 Гловер Мак 95
 Гоггинс Уилл 235, 242
 Голдберг Люсьен 869
 Голдин Дэн 881
 Голдуотер Барри 69, 369, 540, 888
 Гонсалес Фелипе 772
 Горбачев Михаил 404, 562, 606
 Гортон Слейд 948
 Гор Альберт 40, 108, 270, 365, 368, 393, 402,
 409, 458, 459, 463, 464, 465, 481, 483, 489,
 490, 493, 498, 505, 512, 513, 514, 518, 520,
 528, 529, 530, 544, 546, 555, 567, 572, 577,
 579, 587, 596, 598, 600, 605, 612, 621, 622,
 635, 658, 675, 687, 689, 714, 715, 725, 726,
 751, 755, 756, 764, 765, 767, 778, 779, 781,
 784, 789, 794, 806, 837, 853, 864, 867, 878,
 893, 919, 920, 924, 927, 931, 939, 954, 962,
 963, 965, 968, 973, 977, 994, 995, 1002,
 1005, 1007, 1016, 1018, 1019, 1028, 1029,
 1036, 1043, 1044, 1056, 1058, 1062
 Гор Типпер 459, 461, 468, 469, 473, 491, 495,
 496, 525, 526, 529, 533, 535, 627, 666, 810,
 812, 818, 819, 874, 946, 957, 968, 1028,
 1029, 1036, 1057
 Готье Эме 182
 Гох Чок Тонг 1040
 Гранмейсон Джо 433
 Грант Улисс С. 534, 791, 997
 Грегори Дик 146, 407
 Грейбер Сюзан 200
 Грей Билл 402, 666, 689
 Грей Бойден 508, 783
 Грей Генри 315
 Григсби Энн 43
 Гринберг Стэн 408, 449, 471, 490, 495, 514,
 545, 924
 Гринвуд Джеймс 936
 Гринспен Алан 501, 555, 721
 Грин Ал 287
 Грин Пинкус 1052
 Грир Фрэнк 407, 410, 415, 422, 424, 449,
 472, 488, 495
 Грэм Фил 788
 Грэм Билл 45, 52, 533, 731, 798
 Грэм Боб 458, 539, 548
 Грэм Кэтрин 501, 604
 Грюнинг Эрнест 108
 Гудвин Томми 344
 Гудин Стивен 826
 Гудман Стив 329
 Гудман Эндрю 106

- Гудрам Рэнди 430, 466
 Гутьеррес Луис 438
 Гэвин Джеймс 114
- Д**
- Дадли Боб 271
 Дадман Хелен 190
 Дайк Джим 296
 Далан Мохаммед 915
 Д'Алема Массимо 958
 Д'Амато Ал 751, 783
 Дангрен Дениз Хайленд 431
 Данциг Ричард 886
 Дарт Джастин 986
 Даунинг Уэйн 804
 Даффи Джо 191, 193, 194, 220, 920
 Даян Моше 1033
 Дебейки Майкл 71
 Дебс Юджин 42
 Дейвидз Джулз 122, 126
 Дейвис Лэнни 939
 Дейли Билл 604, 623, 828, 905, 1018
 Дейли Джим 981
 Дейли Ричард 143, 415
 Деконсини Деннис 596, 598, 600
 Делакант Билл 939
 Делей Том 270, 716, 833, 925, 932, 935, 976
 Демирель Сулейман 781, 947
 Денкташ Рауф 981
 Деннер Джон 292
 Дерек Уолли 263, 312
 Дершовиц Алан 939
 Девитс Джейкоб 108, 927
 Джеймисон Фил 71
 Джексон Джесси 368, 375, 401, 407, 435,
 444, 449, 453, 455, 460, 461, 789, 833, 879,
 940, 958, 970, 980, 1004, 1027
 Джексон Клифф 424, 667
 Джексон Майкл 528, 964
 Джексон Мейнард 435
 Джексон Эндрю 29, 239, 363, 420, 593, 933
 Дженкинс Роберт 274
 Дженклоу Билл 347
 Дженнингс Питер 542
 Джерниган Джордж 263, 463
 Джефферсон Билл 277
 Джефферсон Томас 448, 522, 525, 833, 922,
 1018
 Джеффордс Джим 673, 948
 Джеффрис Берт 35, 161, 165, 173
 Джист Нэнси 196
 Джонсон Берд 560, 1039
 Джонсон Джим 94, 98, 106, 138, 140, 141,
 156, 160, 656, 657, 658, 796, 798
 Джонсон Линдон 30, 51, 74, 80, 83, 105,
 108, 119, 122, 129, 131, 132, 144, 147, 149,
 153, 154, 538, 693
- Джонсон Норма Холлуэй 888, 922
 Джонсон Олстон 287
 Джонсон Роджер 417, 687
 Джонсон Сид 394
 Джонсон Сэмюэль 899
 Джонсон Тим 822, 824
 Джонсон Эрвин «Мэджик» 478
 Джонстон Беннет 596
 Джонс Бреретон 428
 Джонс Джерри 390
 Джонс Джим «Рыжий» 312
 Джонс Пола 243, 427, 667, 686, 795, 856,
 863, 930
 Джонс Хилари 238, 239, 291
 Джордан Вернон 322, 404, 479, 497, 498,
 508, 687, 749, 858, 875, 929, 942
 Джордан Энн 501, 603
 Джоулан Джордж 747, 772, 844
 Джоунз Клинт 170
 Джулиани Руди 683, 977
 Джуэл Ричард 857
 Диана, принцесса 671, 858
 Диари Джон 443
 Дики Джей 936, 1037, 1039
 Диксон Линда 391, 405
 Дингелл Джон 890
 Динкинс Дэвид 462
 Дин Джон 173, 213, 890
 Дин Ричард 779, 780
 Диприт Эд 370
 Дирксен Эверетт 107
 Додд Крис 547, 647, 689, 721, 756
 Додд Том 108, 191, 756
 Дожиер Паркер 798
 Дозьер Фил 103
 Дойч Джон 787, 827, 828, 842
 Доменичи Пит 818
 Доминго Пласидо 628
 Дональдсон Сэм 748
 Донахью Фил 340, 448
 Донилон Том 498
 Дор Джон 218, 231
 Доук Вернон 47
 Доул Боб 500, 566, 611, 635, 646, 664, 716,
 721, 747, 763, 766, 778, 788, 799, 809, 811,
 812, 818, 831, 1026
 Доул Элизабет 809, 864
 Драйвер Майк 174
 Дрю Нельсон 749, 750
 Дуайр Джефф 143, 156, 157, 158, 174, 176,
 188, 191, 200, 264, 284, 429
 Дуглас Хелен Гейган 49
 Дукакис Майкл 331, 368, 711
 Дьюк Стив 197, 219
 Дэвис Грей 311
 Дэвис Джефф 280
 Дэвис Уайли 219, 233

Дэвис Уэйд 262
 Дэниелс Чарли 185
 Дэниел Джордж 235
 Дэнемейер Билл 658
 Дэнфорт Джон 596, 629
 Дэшл Том 721, 822, 846, 903, 919
 Дэш Сэм 653, 930
 дю Плесси-Грей Франсин 192

Е

Ельцин Борис 404, 456, 497, 509, 562–569,
 589, 614, 636, 637, 638, 663, 680, 682, 713,
 714, 734, 757, 758, 781, 787, 794, 805, 841,
 842, 843, 844, 849, 851, 888, 906, 947, 955,
 958, 959, 964, 974, 988

Ж

Жириновский Владимир 638, 664
 Жоспен Лионель 984
 Жунессан Эмиль 691

З

Зедилло Эрнесто 720, 722
 Зиглер Рон 180
 Зиннеманн Фред 25
 Зифф Билл 950
 Зумволт Бад 800
 Зюганов Геннадий 805, 842, 844

И

Ибарра Мики 894
 Иверсон Кен 351
 Иглтон Том 212
 Изетбегович Алия 569, 572, 605, 660
 Икес Гарольд 409, 416, 442, 443, 449, 460,
 641, 653, 717, 737, 810
 Икли Дуг 150, 195, 206
 Икс Малколм 120
 Индик Мартин 423, 607, 916
 Иноуэ Дэниел 1018
 Инсли Джей 923
 Ифшин Дэвид 388

Й

Йелделл Кэролайн 71, 134, 190, 288
 Йеллен Джанет 829
 Йетс Джек 255
 Йодер Эдвин 655

К

Кагаме Поль 663
 Калдер Александер 192
 Каммер Фред 195
 Камполо Тони 833, 839, 909
 Кантор Мики 312, 365, 366, 405, 410, 429,
 430, 449, 479, 497, 504, 505, 507, 515, 590,
 591, 651, 713, 736, 786, 793, 819, 827, 828,
 871, 900, 972

Каплан Томми 80, 119, 131, 136, 190
 Капс Джон Пол 382
 Караджич Радован 569, 572
 Карвилл Джеймс 208, 422, 428, 429, 471,
 482, 492, 495, 498, 508, 900, 924
 Кардосо Энрике 860, 927, 984, 1016
 Карлисл Либ 382
 Карлтон Керни 237
 Кармайкл Стокли 134
 Карнахан Мел 436, 812, 976, 1036
 Карри Бетти 518, 875
 Карр Билли 216
 Карсон Джонни 376
 Картер Джимми 106, 135, 246, 256, 261,
 266, 267, 305, 309, 419, 468, 486, 693, 981,
 1004
 Картер Розалин 425, 474
 Карш Юсуф 534, 724
 Касич Джон 1034
 Касл Майк 362, 379, 936
 Каснет Дэвид 528
 Кассебаум Нэнси 694
 Кастро Фидель 301, 687, 688, 1031
 Катлер Ллойд 657, 679, 686
 Катценбах Николас 114, 658
 Кахилл Джо 688
 Кейб Глория 310, 385, 392, 400
 Кейси Боб 422, 451, 458, 460
 Келли Вирджиния Кэссиди Блайт
 Клинтон 8, 10, 12, 14, 16, 21, 27, 28, 37,
 38, 40, 41, 51, 54, 55, 58, 70, 80, 84, 85, 89,
 124, 128, 129, 144, 158, 189, 201, 240, 244,
 245, 246, 255, 321, 346, 356, 396, 408, 412,
 463, 534, 630, 632, 634, 635, 636, 975
 Келли Дик 321, 356, 628, 634, 650, 664, 715,
 771, 949
 Келл Джордж 318
 Келогг Боб 841
 Келсо Франк 539
 Кеммер Фред 287
 Кемпис Томас 949
 Кемп Джек 809
 Кендалл Дэвид 631, 640, 641, 732, 782, 870,
 888, 899, 900, 908, 943, 947, 1053
 Кендрик Бадди 103
 Кеннан Джордж 114, 165
 Кеннеди Джон 30, 42, 213, 215, 216, 420,
 466, 475, 528, 693, 971
 Кеннеди Роберт 109, 130, 131, 132, 133, 134,
 135, 143, 146, 159, 174, 179, 216, 463, 528,
 927, 928, 1000
 Кеннеди Эдвард 136, 144, 145, 212, 213,
 285, 304, 311, 330, 390, 463, 528, 539, 585,
 624, 647, 705, 800, 854, 972
 Кеннеди Этель 528, 1004
 Кернер Отто 120
 Кернс Барбара 314, 333
 Керрик Дон 901

- Керри Боб 177, 364, 418, 434, 436, 458, 460,
 463, 478, 597, 598, 600, 629, 650, 717, 746
 Керри Джон 177, 647, 650, 739, 746, 800, 824
 Киган Джон 963
 Ким Дэ Чжун 865, 888, 928, 948, 974, 1049
 Ким Ир Сен 675, 680
 Ким Чен Ир 960
 Ким Янг Сэм 746, 793
 Кинг Брюс 428, 492
 Кинг Дик 95
 Кинг Коретта Скотт 50, 1004
 Кинг Ларри 643, 664
 Кинг Макензи 92
 Кинг Мартин Лютер младший 50, 72, 120,
 133, 135, 136, 143, 159, 172, 348, 398, 407,
 442, 458, 526, 625, 626, 904, 911, 994, 1000,
 1004, 1059
 Кинг Питер 443, 647, 907, 936
 Кинг Родни 452
 Кинкейд Диана 229, 231, 283, 298
 Кинкейд Хью 229
 Киннок Нил 481
 Кнохейн Нэн 37
 Киссинджер Генри 68, 153, 180, 664, 844,
 1014
 Китинг Кеннет 109
 Кифовер Эстес 40, 108
 Кларк Л. В. Билл 319
 Кларк Ричард 886
 Кларк Стив 41, 316, 325, 390
 Кларк Уэсли 749, 844, 963, 984, 1027
 Клей Эрик 195
 Клеланд Макс 177, 820, 823
 Клемент Фрэнк 40
 Клеридес Глафкос 981
 Клинтон Мэри 240, 258
 Клинтон Реймонд 95
 Клинтон Роджер (отчим) 24, 57, 160
 Клинтон Роджер Кэссиди (брат) 40
 Клинтон Рой 229
 Клинтон Хиллари Родэм 11, 13, 14, 17, 18,
 35–37, 45, 73, 79, 80, 83, 99, 109, 128, 137,
 142, 149, 151, 179, 188, 192, 196, 199,
 200–203, 205, 206, 208, 209, 213–216,
 218–222, 225, 229–233, 235, 239, 243, 244,
 247, 251, 256–259, 262, 264–266, 268–270,
 277–281, 283, 285, 286, 287, 289, 292,
 297–299, 302, 304, 307, 309–312, 314, 315,
 317–322, 324, 334, 336–339, 342, 344, 346,
 350, 352, 354, 359, 360, 364, 367, 368, 370,
 374, 375, 377, 381, 385, 391, 393, 396, 401,
 404–406, 408–412, 423, 425, 426, 428–430,
 432, 433, 438, 439, 441, 444, 445, 449, 454,
 459, 461–463, 465, 468, 469, 471, 473, 474,
 481, 486, 490–492, 495, 497, 501, 504, 505,
 509, 513, 518, 519, 522, 523, 525, 526, 528,
 529–531, 533–535, 537, 542–546, 549, 555,
 558–561, 564, 565, 575–577, 579, 581, 591,
 592, 594, 603, 604, 607, 610, 612, 614, 620,
 627–632, 634–637, 639–641, 650, 653–655,
 657–659, 662, 666, 668, 669, 670–672, 674,
 678–681, 687, 694, 701–703, 709, 712, 715,
 716, 724, 727, 731, 732, 738, 748, 751, 752,
 755, 756, 759, 760, 761, 770, 771, 775, 776,
 779, 782, 783, 786, 790, 793, 795, 796–798,
 803, 806, 807, 809, 810, 812, 814, 819, 825,
 826, 833, 838–841, 844, 846, 849, 852, 854,
 855, 858, 859, 861–864, 867, 870–875,
 877–879, 885, 887, 888, 890, 892, 898–901,
 905, 906, 908–910, 922–924, 926–929, 931,
 933, 934, 939, 940, 946, 947, 949, 950, 954,
 956, 957, 960, 961, 964–966, 968, 971–977,
 979, 981, 982, 988, 994, 995, 999, 1002,
 1008, 1013, 1019, 1021, 1026–1029, 1031,
 1032, 1034, 1036, 1037, 1040–1042, 1044,
 1046, 1053, 1056, 1057, 1058, 1060–1062,
 1064
 Клинтон Челси 17, 46, 79, 83, 151, 277,
 299, 310, 311–314, 318, 320, 321, 324, 334,
 342, 346, 350, 353, 366, 368, 377, 381, 385,
 391, 397, 404, 408, 412, 426, 444, 456, 457,
 459, 462, 463, 466, 492, 494, 495, 501, 509,
 519, 522, 529–531, 533, 534, 537, 543, 559,
 560, 565, 575, 576, 604, 606, 628–630, 632,
 634–637, 650, 680, 688, 724, 727, 748, 761,
 771, 773, 783, 786, 790, 791, 803, 806, 810,
 826, 833, 838, 841, 844, 846, 849, 850, 852,
 858, 859, 862, 864, 870, 877, 890, 898, 900,
 901, 928, 940, 950, 965, 970, 972, 974, 975,
 981, 982–985, 1002, 1008, 1009, 1021, 1023,
 1026, 1029, 1031, 1036, 1037, 1040, 1042,
 1044, 1053, 1056, 1058, 1060, 1062, 1064
 Клиффорд Кларк 131, 190
 Коззэнс Артур 86
 Козырев Андрей 562, 606, 608
 Кокс Арчибальд 639
 Кокуэлл Джордж 155, 167
 Коллинз Джим 905
 Колтрейн Джон 71
 Коль Гельмут 561, 572, 589, 680, 723, 733,
 748, 772, 883
 Конейсон Джо 659
 Коннелли Джон 214
 Конрад Кент 706
 Конуэй Майк 206, 232
 Кополд Ян 186
 Коппел Тед 429, 776
 Корб Лоуренс 540
 Кормье Ивонн 203
 Кормье Руфус 196, 232
 Корнуэлл Майк 242
 Косби Билл 528
 Коскинен Джон 893
 Котрон Билл 301, 302, 309
 Коттон Пола 267
 Коулмэн Билл 195

- Коуэн Билл 596, 958, 963, 1057
 Коуэн Майк 385
 Коуэн Стив 288, 365
 Коштуница Воислав 1034
 Кравчук Леонид 637
 Крамбли Джек 325, 326
 Крейт Грег 288, 908, 942
 Крейн Роуз 240, 244
 Кретъен Жан 589, 724, 735, 1016
 Кристол Уильям 673, 763
 Кристофер Уоррен 453, 458, 497, 498, 506,
 518, 546, 563, 571, 572, 597, 605, 608, 647,
 648, 651, 661, 667, 669, 682, 689, 700, 717,
 747, 766, 767, 773, 780, 787, 794, 818, 825,
 830, 831
 Кроуфорд Гейб 21, 36, 38, 235, 240
 Кроу Билл 478, 506
 Крофт Стив 425
 Крузел Джо 749, 750
 Крулак Чарльз 886
 Куигли Кэрол 87, 403, 466
 Кук Мел 921
 Кулсон Майк 44
 Кумпурис Дин 981
 Кунин Мадлен 497
 Куомо Марио 364, 401, 413, 419, 457, 463,
 482, 586, 704
 Куперсмит Эстер 404
 Куп К. Эверетт 612
 Куртц Говард 776
 Кучма Леонид 713, 794, 1017
 Куэйл Дэн 456, 461, 470, 477, 483, 495, 673
 Куэйл Мэрилин 473
 Кэмпбелл Ким 589
 Кэмпбелл Кэрол 379, 385
 Кэмпбелл Том 80, 83, 119, 140, 160, 170,
 745
 Кэпшо Кейт 576
 Кэри Хью 305, 409
 Кэш Кларенс 263
- Л**
- Лагос Риккардо 1016
 Ламм Дик 434
 Лампкин Джеймс 275
 Ландрю Мэри 824
 Ланкастер Боб 399
 Ларю Лэш 41
 Лауэри Джо 1004
 Лацио Рик 1029, 1034
 Левински Моника 868, 869, 874, 875, 894,
 898, 899, 909, 929, 935, 937, 942, 943
 Ледерберг Джошуа 886
 Лейдер Фил 343, 717
 Лейди Фрэнк 281, 283
 Лейни Джим 661
 Леопулос Дэвид 32, 49, 60, 189, 430
- Лерер Джим 482, 486, 871, 996
 Лефлар Роберт 226
 Ле Кха Фиеу 1040
 Либерман Джозеф 402, 539, 907, 1001, 1028
 Лимбау Раш 657, 658
 Линдси Брюс 121, 376, 407, 414, 429, 449,
 518, 528, 557, 628, 640, 694, 812, 814, 1051
 Линкольн Авраам 67, 71, 448, 469, 484, 522,
 534, 1006, 1019
 Линкольн Мэри Тодд 534, 732
 Липтон Джон 397, 408
 Лир Норман 311
 Лихтер Роберт 692
 Лич Джим 751, 775
 Ловетт Лайл 841
 Лове Руди 165, 187
 Ловинс Эмори 270
 Локхарт Джо 893, 1023
 Лотенберг Фрэнк 596
 Лотт Трент 833, 854, 855, 957, 976, 1056
 Лоуэнштейн Аллард 121, 130, 143, 145
 Лоу Линн 284
 Лукадо Макс 519
 Лунарес Гильермо 442
 Луэлф Стив 341
 Льюис Джон 1004
 Льюис Л. Джин 752, 775, 795
 Льюис Мериуизер 1018
 Лэйк Тони 423, 506, 507, 607, 616, 619, 648,
 649, 760, 761, 767, 827, 830, 841
 Лэсейтер Дэн 355
- М**
- Магазинер Айра 476, 518, 537, 549, 614
 Маги Дин 128
 Мадд Роджер 212
 Майерс Ди Ди 415, 424, 517, 557, 583, 715
 Майлс Джон 160, 173, 635
 Макбрайд Уильям Леон 197
 Маквей Тимоти 730, 732
 Макгиннес Мартин 907, 985
 Макгинти Кэти 518
 Макги Мэри Амата 27
 Макговерн Джордж 130, 143, 220, 1026
 Макдугал Джим 73, 138, 140, 631, 657, 798,
 855, 876, 937
 Макдугал Сюзан 348, 444, 638, 656, 751,
 796, 798, 814, 855, 876, 887, 888, 937, 956,
 957, 962, 1051
 Маки Джонни Мей 64
 Маккарди Дейв 507
 Маккарри Майк 717, 893
 Маккарти Джо 112, 482
 Маккарти Юджин 108, 130, 136, 190, 191
 Маккаффри Барри 779
 Маккейн Джон 177, 616, 650, 746, 800, 809,
 832, 977, 1002, 1007, 1047

- Макклеллан Джон 70, 95, 109, 111, 310
 Маккой Энн 518
 Маккурт Фрэнк 907
 Маклохлин Лео 29
 Макнамара Роберт 131, 523, 584, 603
 Маколифф Терри 820, 986, 1019, 1058
 Макрей Том 390
 Макуэртер Нед Рэй 428
 Макэнти Джеральд 443
 Малруни Брайан 571, 589
 Малуф Фил 924
 Мамедов Георгий 567
 Мадела Нельсон 391, 462, 698, 880, 893,
 911, 1030
 Манкиевич Фрэнк 210
 Манро Дон 350
 Мантон Том 442
 Мао Цзэдун 212
 Марголис-Мезвински Мэрджори 923
 Мариано Конни 841
 Маркес Габриель Гарсиа 204, 687
 Маркузен Энн 131, 135, 157, 158, 164, 165
 Марсалис Уинтон 528
 Марси Карл 103
 Мартин Малон 333
 Мартин Молли 661
 Мартин Ф.Х. 240, 249, 258
 Маршалл Берк 203, 218, 219, 232, 658
 Маршалл Каприсия 862, 1021
 Маршалл Тергуд 72, 530
 Маски Эдмунд 145
 Массери Хейзел 43
 Маталин Мэри 470
 Матассарин Мэри 47
 Мауро Гарри 923
 Махоуни Джоди 273
 Мацуи Дорис 497
 Мбеки Табо 698, 878
 Мейджор Джон 480, 571, 589, 629, 649, 652,
 670, 729, 733, 736, 769, 785, 881
 Мейс Вилли 40
 Меламед Лео 654
 Меллман Марк 924
 Менем Карлос 861
 Менино Том 837
 Мери Леннарт 184, 679
 Мерфи Рональд 524
 Мессинджер Рут 442
 Метгер Дейв 287, 530
 Миква Абнер 686, 732
 Микснер Дэвид 174
 Миллер Аарон 916
 Миллер Зелл 423, 434, 435, 491
 Миллз Уилбур 70, 209, 261
 Миллиган Джим 237
 Миллин Дуглас 151
 Миллс Шерил 942
 Милошевич Слободан 518, 569, 570, 571,
 746, 748, 749, 773, 884, 893, 952, 953, 954,
 955, 958, 959, 962, 963, 964, 1027, 1034
 Миндж Дэвид 599
 Мирс Роджер 275
 Миттеран Франсуа 589, 672, 733, 736
 Митчелл Джон 154, 234
 Митчелл Джордж 499, 549, 559, 585, 600,
 601, 662, 685, 689, 694, 769, 819, 877, 881,
 906, 983, 1003, 1043
 Митчелл Мардж 55, 141, 142, 245
 Младич Ратко 570
 Мойнихен Пат 447, 549, 597, 647
 Молинари Сюзан 809
 Монахан Барни 128
 Мондейл Уолтер 108, 311, 330, 346, 469,
 794
 Монтгомери Томас 616
 Морган Джеймс 632, 664
 Мордехай Ицхак 915
 Морелла Конни 936
 Морзе Уэйн 122
 Мори Йоширо 1026
 Моро Гарри 214
 Моррисон Брюс 444, 647
 Моррисон Майкл 422, 432, 527
 Моррис Дик 283, 309, 319, 321, 328, 353,
 408, 703, 740, 811
 Моррис Уилли 148, 163
 Мосс Бен 204
 Моулэн Мо 906
 Мохаммед VI, король Марокко 972, 1018
 Мубарак Хосни 498, 729
 Мураяма Томиити 680
 Мур Джим 119, 137, 170, 190
 Мур Руди 231, 285, 292, 305, 311, 312
 Мушарраф Первез 969
 Мьюзиэл Стэн 40
 Мэдисон Джеймс 79, 741, 742
 Мэйс Ричард 273
 Мэллон Симус 1043
 Мэнган Энтони 276, 278, 450
 Мэнкиллер Вилма 504
 Мэнсфилд Майк 107, 131
- Н**
- Найдю Чандрабабу 1009
 Нанн Сэм 402, 423, 428, 434, 491, 506, 539,
 596, 689, 820
 Нассбаум Берни 518, 593, 595, 640, 654,
 655, 656
 Невилл Аарон 798
 Нейборс Пегги 340
 Нейдер Ральф 393, 713, 821
 Нельсон Ларс-Эрик 776
 Нельсон Уилли 215
 Нельсон Шеффилд 390, 394, 445, 656

- Нетаньяху Биньямин 702, 788, 800, 818,
 830, 831, 839, 840, 845, 867, 871, 912, 913,
 914, 915, 916, 917, 918, 919, 921, 933, 934,
 947, 959, 989, 1033
 Никсон Вик 235, 258
 Никсон Ричард 106, 130, 131, 142, 189, 229,
 246, 411, 564, 693
 Никсон Уолли 270
 Нил Рой 518
 Норик Рон 731
 Норман Грег 840
 Норман Джесси 628
 Норман Кларенс 442
 Норт Оливер 705, 938
 Нур, королева Йордании 701, 761, 916
 Ньюман Джо 60, 63, 160
 Нэпп Билл 740
 Нэш Билл 127
- О**
- Обасаньо Олусегун 960, 1030
 Обучи Кейзо 974
 Овертон Билл 316
 О'Дауд Найолл 443
 О'Дуайер Брайан 910
 О'Дуайер Пол 443
 Озенбах Элизабет 225, 258
 О'Клейреакейн Кэрол 443
 Олбрайт Мадлен 378, 423, 506, 637, 767,
 785, 786, 827, 830, 857, 905, 907, 913, 918,
 919, 928, 933, 952, 953, 955, 963, 973, 982,
 984, 990, 992, 993, 1009, 1011, 1031, 1049
 Оливер Генри 384, 400
 О'Лири Хейзел 506, 599, 758, 827, 828
 Олифант Том 858
 Олсдорф Боб 206
 Олтмен Роджер 678
 Олфорд Дейл 93
 Онассис Джекки Кеннеди 604, 668
 О'Нил Томас П. «Тип» 273, 938
 Оруэлл Джордж 167, 188
 Оукли Роберт 616
 Оукли Энни 41
 Оуэн Дэвид 571
- П**
- Пако Нанетт 841
 Панетта Леон 511, 545, 599, 677, 721, 740,
 764, 802
 Папа Римский Иоанн Павел II 670, 755, 964
 Париш Пол 187
 Паркс Чарли 103
 Пастер Говард 518, 550
 Пастрана Андрес 921, 1030
 Патрикот Алан 443
 Паттерсон Фрэнк 726
 Паттон Пол 821
- Пауэлл Джоди 246
 Пауэлл Дэн 248
 Пауэлл Колин 106, 277, 500, 541, 584, 603,
 615, 618, 689, 809, 845
 Пашаль Йэн 422
 Пейджет Дебра 41
 Пейсли Ян 770, 884
 Пелл Клайборн 80
 Пелчински Збигнев 157
 Пенни Тим 599, 600
 Пенн Марк 740, 820, 821, 822
 Пенья Федерико 507, 651, 828, 890
 Перес Шимон 606, 762, 772, 794, 800, 980,
 989, 1055
 Перо Росс 451, 454, 456, 464, 479, 482, 484,
 487, 493, 494, 496, 622, 713, 815, 821, 823
 Перри Билл 643, 661, 689, 747, 756, 827,
 828, 928, 960
 Перселл Джо 323, 324, 327, 328
 Пирс Франклин 405, 418
 Питерсон Оскар 724
 Питерсон Пит 177, 650, 746, 816, 1040
 Питино Рик 821
 Пледжер Джим 383
 Пог Дон 195
 Подеста Джон 192, 518, 920, 956, 1014,
 1017, 1021, 1023, 1045, 1064
 Полк Джеймс 933
 Поллард Джонатан 915
 Портер Роджер 386, 387, 405, 406
 Портис Джонатан 450
 Поумрой Эрл 706
 Поуст Марки 29
 Прайор Дэвид 42, 68, 97, 145, 280, 283, 323,
 413, 585, 600, 684, 710, 732
 Прайор Марк 399
 Пресли Элвис 41, 636
 Проди Романо 912, 984, 1015, 1046
 Пруден Уэсли 658
 Прюер Джо 959
 Пуатье Сидни 400
 Путин Владимир 564, 974, 988, 1012, 1016,
 1017
 Пьетрафеса Нэнси 292
 Пэйсли Ян 647
 Пэкард Вэнс 192
 Пэтмэн Райт 217
- Р**
- Рабин Ицхак 498, 605, 649, 700, 717, 753,
 760, 959, 980, 989
 Разер Дэн 954
 Райдел Брюс 1022
 Райли Дик 428, 435, 499, 506, 660, 698, 725,
 771, 889
 Райт Бетси 9, 214, 287, 310, 314, 319, 324,
 333, 344, 353, 355, 383, 447

Райт Джим 833
 Райт Сюзан Уэббер 243, 863, 867
 Райх Роберт 150, 151, 162, 195, 196, 498,
 503, 512, 549, 827
 Райх Чарльз 197
 Ралстон Джо 897
 Рамос Фидель 827
 Рамсфелд Дональд 845
 Рао Нарасимха 668
 Рапортт Бернард 216
 Раско Кэрол 333, 400, 518, 537, 829
 Раск Дин 114, 131
 Рассел Ричард 106
 Рассерт Тим 621, 1032
 Ратер Дэн 375
 Рауз Марти 442
 Рафф Чак 857, 900, 908, 941, 1041
 Ревир Пол 51, 100
 Редмэн Чарльз 660
 Рейберн Сэм 10
 Рейган Рональд 130, 142, 304, 306, 693
 Рейзер Вик 416, 657
 Рейнер Билл 69, 70
 Рейнольдс Альберт 629, 647, 881
 Рейнуотер Джин 241, 242
 Рейшауэр Эдвин 114
 Ренделл Эд 683, 1058
 Ренквист Уильям 369, 941
 Рибикофф Эйб 145, 213
 Ривз Марта 368
 Ривлин Элис 502, 550, 745, 766
 Рид Брюс 415, 464, 528, 673, 829
 Рино Джанет 547, 556, 558, 593, 638, 640,
 642, 686, 697, 773, 795, 802, 829, 857,
 858, 886, 889, 951, 1013, 1014
 Риордан Дик 643
 Ричардсон Билл 746, 827, 890, 905,
 1038
 Ричардс Энн 517, 705
 Ричетти Стив 920, 1037, 1045
 Рич Марк 1052
 Роббинс Лиз 377
 Робб Чак 177, 402, 539, 540, 705, 746
 Робертсон Сэнди 476
 Робертс Джоан 344
 Робертс Дон 297
 Робинсон Джо 50
 Робинсон Мэри 771
 Робинсон Томми 300, 390, 394
 Роджерс Адриан 519
 Родригес Виргиния 861
 Розенберг Саймон 430
 Рокфеллер Джей 402, 452, 462, 748
 Рокфеллер Нельсон 142
 Рокфеллер Уинтроп 92, 240
 Ромер Рэй 492
 Ронштадт Линда 798

Росс Деннис 761, 794, 830, 831, 913, 916, 918,
 933, 973, 989, 990, 992, 1011, 1048, 1049
 Росс Майк 1037, 1039
 Ростенковски Дэн 379, 597, 600, 1051
 Ротко Марк 199
 Роулингс Джерри 877
 Рубенс Кен 273
 Рубин Боб 416, 502, 511, 512, 546, 676, 713,
 718, 719, 722, 764, 765, 789, 805, 829, 880,
 904, 905, 908, 961
 Ругова Ибрагим 953
 Руд Тони 206
 Рузвельт Теодор 30, 49, 365, 816, 849, 938,
 994, 1060
 Рузвельт Франклин Делано 105, 197, 239,
 246, 316, 348, 365, 411, 442, 461, 487, 510,
 612, 757, 824, 986, 1059
 Рузвельт Элеанора 523, 1002
 Рут Пол 65, 333
 Рэнджел Чарли 926, 954

С

Сабан Хаим 1058
 Садат Анвар 701, 895, 971
 Саймингтон Файф 81
 Саймон Пол 368, 415, 533, 741
 Сайнар Майк 481, 486
 Сакстон Марта 149, 169, 179
 Салинас де Гортари Карлос 688
 Салливан Майк 776
 Саммерс Ларри 502, 512, 513, 565, 718, 829,
 867, 961
 Санстайн Касс 939
 Санчес Ричард 346
 Сарбейнс Пол 721
 Саттон Эдди 180
 Саудер Марк 936
 Сафир Уильям 782, 783
 Сачирбей Мохаммед 749
 Себа Дикси 55
 Себес Джозеф 86
 Седрас Рауль 184, 516, 666
 Сейлс Роланд 280
 Сейл Дебби 121
 Сейтц Рэй 647
 Селесте Дик 1008
 Селигман Николь 732, 908, 947
 Селиг Бад 694
 Сентелл Дэвид 685, 796, 930
 Серф Винтон 995
 Сешенс Уильям 593
 Сигал Эли 174, 414, 428, 517, 612
 Симитис Константинос 782
 Симмонс Билл 395
 Симпсон Алан 574, 776
 Симпсон Кэрол 484
 Сингх Джасвант 1009

- Сирхан Сирхан 136
 Сиснерос Генри 497, 505, 737, 827, 828, 829,
 973, 1051
 Скалиа Антонин 370
 Скалли Джон 476
 Скейф Ричард Меллон 797, 838
 Скотт Марша 530
 Скотт Рэндолф 14
 Скоукрофт Brent 615
 Скэнлон Джим 241
 Слейтер Родни 325, 414, 828
 Смайр Келвин 435
 Смальтц Дональд 979
 Смитерс Сюзан 74
 Смит Джей 247
 Смит Крейг 414, 415, 435, 447, 921
 Смит Маргарет Чейз 108
 Смит Морис 317, 318, 333, 392
 Смит Стив 227, 228, 231, 247, 263, 269, 285,
 292, 296, 937
 Снайдер Вик 273
 Сноуи Олимпия 948
 Содерберг Нэнси 444, 498, 648
 Солайен Стефани 415
 Солана Хавьер 772, 953, 962, 963, 1035
 Соларз Стив 402
 Солис Дэнни 438
 Солсбери Харрисон 114
 Сосник Дуг 582, 686, 810, 921
 Сперлинг Джин 457, 498, 512, 513, 514, 549,
 829, 974, 985, 1034
 Спок Бенджамин 121
 Спосато Стив 683
 Стайн Ларри 956
 Стайрон Уильям 192
 Стансил Билл 272
 Старр Кеннет 685, 717, 751, 782, 795, 812,
 838, 856, 869, 929, 938, 951, 956, 962
 Стейли Джерри 60
 Стеннис Джон 106
 Стенхолм Чарли 599
 Стернс Рик 150, 156, 165, 166, 173, 177, 179,
 188, 198, 201, 202, 210, 211
 Стерн Джеральд 497
 Стефанопулос Джордж 414, 429, 464, 471,
 492, 497, 514, 517, 528, 529, 549, 557, 583,
 606, 607, 612, 640, 641, 654, 720, 828
 Стивенсон Эдлай 40, 130
 Стивенс Джордж 986
 Стивенс Тед 948
 Стиглиц Джо 723
 Стил Джулия Хайет 962
 Стокдейл Джеймс 483
 Страус Боб 305, 563
 Ступак Барт 706
 Стюарт Дэвид 241, 242
 Суиндолл Чарльз 519
 Суини Рут 67
 Суисмэн Дик 197
 Сунуну Джон 368, 370, 386, 387
 Суоффорд Леон 237
 Сухарто 884
 Суэтт Дик 784, 821
 Сэтчер Дэвид 874
- ## Т
- Тайер Арло 271
 Тайсон Дон 230, 248
 Тайсон Лора 503, 511, 514, 552, 713, 723,
 764, 827, 829
 Такер Джим Гай 227, 261, 263, 272, 278,
 283, 323, 325, 327, 390, 397, 408, 504, 751,
 796, 798, 1053
 Такман Барбара 192
 Талли Пол 478, 657
 Тарнофф Питер 648, 748
 Тароу Лестер 358
 Таунс Тед 442
 Тауэр Джон 108, 639, 938
 Темпелсман Морис 604, 668
 Тенет Джордж 841, 886, 915, 918, 997,
 1035
 Теофанис Димитриос 431, 527
 Тернер Тина 382
 Тиллман Сет 107, 126
 Тито Иосип Броз 561, 952
 Тозин Билли 599
 Томасес Сюзан 192, 416, 468, 751
 Томасон Гарри 375, 451, 525, 871
 Томасон Денни 142, 375
 Томассон Джерри 256
 Томас Кларенс 196
 Томпсон Фред 948
 Тонтон Ларри 68, 69, 70
 Торичелли Боб 837
 Торнтон Рэй 599
 Трабулси Джуди 214
 Трамонтано Карен 920
 Тримбл Дэвид 727, 876, 881, 907, 985, 1003,
 1043
 Трой Мэтти 208
 Трумэн Гарри 30, 49, 229, 346, 388, 474,
 475, 538, 1028
 Трухильо Рафаэль 113
 Тсонгас Пол 402, 418, 424, 433, 438, 444,
 450, 460, 463, 555
 Туджман Франьо 660
 Турки аль-Фейсал 122
 Турмонд Стром 226, 833
 Тхьеу Нгуен Ван 154
 Тэлботт Струоб 150, 157, 162, 166, 174, 178,
 197, 205, 563, 842, 897, 1008
 Тэтом Сэм 308
 Тэтчер Маргарет 589, 649

У

Уайлдер Дуг 402, 418, 460
 Уайлдер Торнтон 192
 Уайнбергер Каспар 490, 508, 639
 Уайсберг Джейкоб 693
 Уайт Байрон «Уиззер» 24, 530, 586
 Уайт Джеймс 77
 Уайт Джо 90
 Уайт Майк 402, 821
 Уайт Рэнди 311
 Уайт Фрэнк 305, 306, 307, 310, 311, 314, 315,
 316, 317, 325, 326, 327, 328, 331, 353, 354,
 355, 356, 438
 Уиленц Шон 932
 Уиллис Кэрол 414, 449
 Уилли Кэтлин 876, 937, 941
 Уиллок Карл 229, 235
 Уиллок Кларк 231
 Уилсон Джон 15, 65
 Уилсон Джон Ли 326
 Уилсон Ник 273
 Уилсон Пит 664
 Уилсон Рут 249
 Уилхелм Дэвид 409, 518
 Уильямсон Гастон 127, 128
 Уильямсон Том 150, 156, 161, 165, 179
 Уильямс Ли 102, 103, 116, 126, 138, 140,
 175, 176, 177, 209
 Уильямс Мэгги 518, 653, 751
 Уинтер Билл 426
 Уирт Тим 492
 Уирц Уиллард 69
 Уитковер Джулз 154
 Уитсон Тернер 350
 Уитт Джеймс Ли 687, 908
 Уогаман Фил 630, 761, 909
 Уокер Джерри Джефф 215, 492
 Уокер Мартин 448
 Уоллес Джордж 37, 106, 130, 131, 138, 139,
 145, 156, 210, 331, 343, 423
 Уолтерс Барбара 783
 Уолтерс Кора 27
 Уолтон Сэм 371
 Уолфман Бернард 1052
 Уолш Лоуренс 490, 508, 639
 Уорд Сэт 659
 Уорнер Джон 706, 948
 Уортон Чарльз 228
 Уотерс Максин 452, 463, 1026, 1034
 Уоткинс Дэвид 324, 328, 353, 518, 580
 Уоффорд Харрис 422, 458, 476, 1004
 Уэйд Крис 657
 Уэйн Джон 173, 493, 603
 Уэйхи Джон 436
 Уэкслер Энн 194, 214, 384
 Уэлд Билл 721, 739, 858
 Уэллстоун Пол 818

Уэлти Юдора 196
 Уэлч Джозеф 112
 Уэстбрук Паркер 138

Ф

Фарахан Луис 444
 Фармер Боб 407, 415
 Фаулер Билл 240
 Фейнгольд Расс 832
 Фейнштайн Дайанна 705
 Ферраро Джеральдин 346
 Феррер Фернандо 442
 Ферт Леон 572
 Фидер Джуди 537, 614
 Филдс Клео 277
 Филдс Рон 309
 Филмор Шарлотта 995
 Финнер Джордж 428
 Фиск Роберт 642, 653, 655, 678, 685, 686, 795
 Фишер Джордж 292, 315, 316
 Фламманг Элизабет 501
 Флауэрс Дженнифер 396, 424, 426, 427, 433
 Флеминг Пэтси 709
 Флетчер Уилли 150
 Флинн Рэй 443, 476
 Фобус Орвал 39, 92, 106, 227, 306, 353, 387, 504
 Фокс Винсенте 1030
 Фоли Том 499, 647, 1017
 Фолуэлл Джерри 264
 Форбс Майк 936
 Форд Арчи 297
 Форд Гарольд 379
 Форд Джеральд 693
 Форд Энделл 529, 531, 716, 821
 Форни Бо 237, 239
 Форс Генри 185
 Фортас Эйб 206
 Фосдик Гарри Эмерсон 92
 Фостер Винс 17, 263, 269, 270, 518, 548, 593,
 594, 653, 656, 678, 717, 751, 782, 799
 Фоули Том 684, 705, 706
 Фоши Эд 77
 Франклин Бенджамин 51
 Франклин Джон Хоуп 851, 912
 Франкфуртер Феликс 195
 Фрейдон Дана 192
 Фрейжер Боб 746, 749, 750
 Фрейзиер Джордж 333
 Фрей Пол 95
 Фрей Эдуардо 882
 Френдли Эндрю 518, 701
 Френч Мел 525
 Фридман Том 723
 Фризби Майк 874
 Фри Луис 593, 594
 Фром Ал 464, 498, 958, 970, 980
 Фрэнк Барни 929

Фулани Ленора 444
 Фулбрайт Джеймс Уильям 70, 102, 103,
 104, 107, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116,
 119, 122, 126, 128, 132, 136, 137, 138, 139,
 140, 141, 155, 156, 166, 180, 185, 209, 231,
 241, 247, 445, 579, 656, 723, 1060
 Фүэнтес Карлос 687
 Фэлуэлл Джерри 657, 658
 Фэрклот Лоч 678, 686, 751, 923

Х

Хаббел Уэбб 887, 929, 937, 1053
 Хайбелс Билл 519, 909, 1027
 Хайд Генри 912, 924, 929, 941, 953
 Хайленд Дениз 88, 148, 155, 169, 431
 Хайленд Крис 441
 Хайтауэр Мей 27
 Хакаби Майк 43
 Хаменеи Сайед Али 1031
 Хаммершмидт Джон Пол 230, 231, 234,
 237, 240, 242, 243, 244, 247, 249, 250, 251,
 252, 260, 264, 429
 Хамфри Губерт 105, 108, 135, 210, 213
 Хант Джим 304
 Харбор Брайан 388
 Харгрейвз Бобби 240
 Хардин Лили 808
 Харкин Том 409, 418, 434, 435, 436, 447,
 460, 461, 689, 822, 824, 939
 Харрингтон Дейв 351
 Харрис Орен 70
 Харт Гэри 65, 202, 210, 365
 Харт Питер 309
 Хасимото Рюгаро 786, 904
 Хассман Уолтер 413
 Хастерт Деннис 944, 945, 953, 1030
 Хатами Мохаммед 1031
 Хатчинсон Аса 345, 346, 941
 Хауер Джерри 886
 Хаусли Чарли 61
 Хау Джонатан 615
 Хау Пэтти 241, 258, 634
 Хейгел Чак 177
 Хейден Карл 107
 Хейден Том 146
 Хейз Брукс 93, 99
 Хейл Дэвид 638, 655, 658, 751, 797, 798,
 855, 937
 Хейнрич Нэнси 593
 Хелал Джемал 916, 1021
 Хелмс Джесси 279, 685, 686, 746, 845, 858,
 976, 982, 1034, 1053
 Хелм Левон 450
 Хемингс Салли 922
 Хенли Дон 1059
 Херман Алексис 460, 498, 518, 996
 Хермелин Дэвид 980

Хернрейх Нэнси 826
 Херси Джон 192
 Хестон Чарлтон 42
 Хеффел Джо 923
 Хиггинс Боб 524
 Хили Патрик 79
 Хили Тим 414, 526
 Хилл Генри 48, 77
 Хилл Роб 812, 814, 937
 Хини Симус 771, 1007, 1042
 Хинкли Джон 577, 623
 Хирнс Уоррен 212
 Хоар Джозеф 616
 Ходжес Кенистер 283
 Хокерсмит Кейки 605
 Хокинс Лефти 175
 Хоктон Амо 936
 Холбрук Дик 423, 563, 573, 746, 748, 749,
 753, 767, 782, 830, 844, 890, 893, 952, 953,
 972, 982, 1031
 Холлингс Фриц 923
 Холл Арсенио 455
 Холл Джейн 648
 Холл Принс 51
 Холмс Юджин 170, 172, 175, 179, 188, 284,
 428, 429, 1059
 Хольтц Лу 278, 280
 Холэм Джон 365, 629
 Хорн Мерилин 530
 Хорн Рекс 519
 Хортон Уилли 378, 473, 656, 711
 Хосокава Морихиро 627
 Хоуард Джон 826
 Хоулт Фрэнк 95, 98, 99, 126, 160, 244, 1060
 Хоу Пэтти 417
 Хо Ши Мин 113
 Хуан Карлос, король Испании 189, 852, 1016
 Хусейн, король Йордании 681, 700, 702, 751,
 761, 831, 845, 916, 944, 947, 948, 970, 1010
 Хусейн Саддам 397, 487, 489, 497, 526, 588,
 746, 804, 817, 874, 926, 927
 Хьюбер Кэролайн 298, 299, 409, 559, 782
 Хьюм Джон 647, 770, 985, 1043
 Хэмилл Пит 450
 Хэррис Кэтрин 1039
 Хэттой Боб 462
 Хэтфилд Марк 108, 741
 Хэтч Оррин 624

Ц

Цзян Цзэминь 627, 733, 734, 862, 863, 889
 Цуккерман Морт 377

Ч

Чайлз Лоутон 402, 505, 816, 947
 Чамблисс Саксби 177
 Чампи Карло 589

Чарльз Рэй 77, 119
 Чейз Чеве 377
 Чейни Джеймс 106
 Чейни Дик 1027, 1052
 Чейфи Джон 620, 1027
 Чемберлен Невилл 115
 Чемберлен Элис 167
 Черномырдин Виктор 567, 664, 714, 734,
 781, 782, 958, 962, 963
 Черчилль Уинстон 85, 1061
 Чжу Жунцзы 862, 892
 Чирелстейн Марвин 204, 654
 Чисхольм Ширли 210

Ш

Шаабан Бутейна 992, 1011
 Шаер Кэтлин 34
 Шалала Донна 886, 908
 Шаликашвили Джон 603, 618, 860
 Шараби Хишам 123
 Шариф Наваз 882, 969, 978, 1008
 Шарло Чарльз 236
 Шарон Ариэль 914, 915, 1033, 1056
 Шастелен Джон де 1003
 Шаффер Арчи 445, 1051
 Шаффер Биверли Бассет 445
 Шварцлозе Монро 281, 302, 323
 Шварц Митчелл 417
 Шварц Тони 319, 321
 Швернер Майкл 106
 Шейд Вейда 235, 341
 Шейлс Том 375, 377
 Шейс Крис 936
 Шектер Джерри 178
 Шелби Ричард 539, 596, 841, 948
 Шелтон Джордж 240, 245
 Шелтон Хью 690, 727, 860, 958, 963, 1016
 Шенно Анна 154
 Шерер Уильям 192
 Шерман Уэнди 916
 Шер Гилеад 1022
 Шестранд Дженис 277
 Шилдс Марк 212
 Шипли Дженни 974
 Шипперс Дэвид 932
 Ширак Жак 672, 735, 773, 947, 972, 1046
 Шихан Майкл 528, 818
 Шлафли Филлис 283
 Шлесинджер Аргур 932
 Шмальц Дональд 697
 Шнайдер Билли 230, 259
 Шнайдер Том 530
 Шоен Дуг 740
 Шрайвер Сарджент 213, 215, 217, 492, 612

Шредер Герхард 883, 958, 984, 1015,
 1016
 Шульц Джордж 761
 Шумер Чак 923, 996
 Шумпетер Йозеф 124

Э

Эбберт Билл 51
 Эванс Дайанна 275
 Эванс Шарон 160
 Эверт Лоуренс 1041
 Эдвардс Дэвид 164, 168, 176, 179, 180, 189,
 261, 266, 480
 Эджевит Бюлент 982
 Эйденберг Джин 301, 302, 303, 306
 Эйзенхауэр Дуайт 42
 Эйлз Роджер 655
 Эймс Олдрич 651, 918
 Эйнли Нил 813
 Эксон Джеймс 539
 Экфорд Элизабет 43
 Элдери Джойслин 382, 383, 505
 Эллис Кэролайн 288
 Эмануэль Рам 415, 517, 525, 606, 854
 Эмерсон Джон 504, 505, 578
 Эмерсон Том 197
 Энглберг Морт 737
 Энгсков Крис 235, 826
 Энджелу Майя 532
 Эндрю Джо 1058
 Энтони Берил 342
 Эпстайн Джулиан 939
 Эрвин Сэм 213, 230
 Эрекат Саеб 1022, 1055
 Эрман Сара 245
 Эрнст Дон 333
 Эспи Майк 379, 402, 426, 507, 666, 697, 931,
 979
 Эстрич Сюзан 378, 939
 Этуотер Ли 378, 560
 Эчавесте Мария 920
 Эшкрофт Джон 976

Ю

Юинг Хикмен 813, 855, 876, 956
 Юм Джон 726, 785, 881, 884
 Юнус Мухамад 1008

Я

Яворски Леон 686, 907
 Янг Джон 476
 Янг Роберт 292
 Янг Эндрю 1004
 Ярборо Ральф 108, 214

Клинтон Уильям Джефферсон

МОЯ ЖИЗНЬ

Технический редактор *А. Бохенек*
Корректоры *П. Суворова, Е. Харитоновна*
Компьютерная верстка *С. Соколов*
Художник обложки *М. Соколова*

Подписано в печать 31.05.2005. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Объем 68 п. л. Доп. тираж 5000 экз. Заказ №

Альпина Бизнес Букс
123060 Москва, а/я 28
Тел. (095) 105-77-16
www.alpina.ru
e-mail: info@alpina.ru